Н. П. КАМАНИН

КНИГИ 1 и 2

СКРЫТЫЙ КОСМОС

Об авторе

Николай Петрович Каманин родился в городе Меленки Владимирской губернии 18 октября 1909 г. (по документам — в 1908 г.). В 1927 г. Николай Каманин поступил в Военную теоретическую школу ВВС в Ленинграде, а с 1928 г. продолжил обучение в Борисоглебской летной школе ВВС, которую окончил в ноябре 1929 г. В 1929–1934 гг. он служил в 40-й авиаэскадрилье имени В.И.Ленина на Дальнем Востоке. В июле 1932 г. Н.П.Каманин вступил в ряды ВКП(б).

Весной 1934 г. его имя прозвучало на всю страну: семерым советским летчикам, среди которых был и Николай Каманин, впервые в СССР было присвоено звание Героев Советского Союза. Только что учрежденную высшую государственную награду они получили за спасение челюскинцев — участников полярной экспедиции на пароходе «Челюскин», затонувшем в Чукотском море. На самолете Р-5 летчик Каманин вывез с дрейфующей льдины на материк 34 челюскинца.

В 1934–1938 гг. Н.П.Каманин учился на командном факультете академии имени Н.Е.Жуковского. В 1935–1937 гг. он был членом ЦИК СССР, а в 1937–1946 гг. — депутатом Верховного Совета СССР. После окончания академии Николай Петрович с 1938 по 1940 г. командовал авиабригадой, базировавшейся в Харькове. В 1940–1942 гг. он был командующим ВВС Туркестанского военного округа.

Участником Великой Отечественной войны полковник Каманин стал в октябре 1942 г., когда получил назначение на Калининский фронт в должности командира авиадивизии. В марте 1943 г. ему было присвоено звание генерал-майора авиации. С 1943 г. и до окончания войны он командовал 5-м штурмовым авиакорпусом. Закончил войну в Праге, в звании генерал-лейтенанта.

По окончании войны Николай Петрович до 1947 г. продолжал командовать авиакорпусом, базировавшимся сначала в Тирасполе, а затем в Араде (Румыния). После непродолжительной службы в должности заместителя начальника Гражданского воздушного флота СССР он с 1948 г. работал председателем ЦК ДОСАВ, а с 1951 по 1955 г. — заместителем председателя ЦК ДОСААФ по авиации. Затем он два года учился в академии Генерального штаба. В 1956–1958 гг. генерал Каманин командовал 73-й Воздушной армией Туркестанского военного округа. В 1958 г. он стал заместителем начальника Главного штаба ВВС по боевой подготовке.

В 1960 г. командование ВВС поручило Николаю Петровичу организовать отбор и подготовку космонавтов к полетам в космос. В марте 1966 г. он был назначен на должность помощника Главнокомандующего ВВС по космосу, а в октябре 1967 г. ему было присвоено звание генерал-полковника. В открытой советской печати генерала Каманина называли руководителем подготовки космонавтов. В июне 1971 г. Н.П.Каманин был уволен из Вооруженных Сил СССР в запас, а на его должность назначен летчик-космонавт СССР В.А.Шаталов.

Николай Петрович Каманин умер 11 марта 1982 г., похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Скрытый космос (Книга 1, 1960-1963)(с иллюстрациями)

2. Скрытый космос (Книга 2, 1964-1966)

3. Скрытый космос (Книга 3, 1967-1968)

4. Скрытый космос (Книга 4, 1969-1978)

Жизненный путь автора этой книги неразрывно связан с событиями и свершениями, навсегда вошедшими в историю нашей Родины. Его имя прозвучало по всей стране весной 1934 года, когда за спасение участников арктической экспедиции на пароходе "Челюскин" семерым советским летчикам впервые было присвоено звание Героя Советского Союза. В числе отважной семерки был и 25-летний военный летчик Николай Каманин, сумевший за девять рейсов на самолете Р-5 снять с дрейфующей льдины и доставить на континент 34 челюскинца. Он стал первым советским военнослужащим, удостоенным высшей государственной награды.

В годы Великой Отечественной войны генерал Каманин, командуя штурмовым авиакорпусом, внес весомый вклад в совершенствование тактики боевых действий самолетов Ил-2, прозванных фашистами "черной смертью". Боевой путь корпуса начался на Курской дуге, а закончился в Праге, и на этом пути 76 особо отличившихся мастеров штурмовых ударов стали, как и их командир, Героями Советского Союза.

В 1960-1971 годах Николай Петрович Каманин руководил всеми работами по подготовке советских космонавтов. Помимо участия в решении организационных, управленческих и чисто технических задач, возникавших при подготовке и проведении пилотируемых космических полетов, он уделял большое внимание учебе и профессиональному росту своих подопечных, воспитанию в них высоких нравственных качеств и умения оставаться самими собой в любых жизненных ситуациях. Его питомцами были Юрий Гагарин и Валентина Терешкова, Владимир Комаров и Алексей Леонов, многие другие космонавты, чьи имена связываются в нашей памяти со словом "впервые".

Каманин Николай Петрович
"Космические дневники генерала Каманина"

"Скрытый космос" (Книга 1, 1960-1963)

Предисловие

На протяжении многих лет наша космонавтика представала перед широкой общественностью лишь своим «парадным фасадом». Только три-четыре года назад стали появляться очерки и статьи, критически оценивающие истинное состояние дел и в этой, некогда совершенно секретной, отрасли военно-промышленного комплекса. Однако в большинстве таких публикаций проблемы современной космонавтики рассматриваются вне связи с начальной стадией ее развития, из которой можно извлечь немало «забытых», но по-прежнему ценных идей и предостерегающих уроков, - ведь кроме ярких побед в космосе были у нас и нереализованные проекты, и крупные просчеты, и тяжелейшие утраты. В истории советской космонавтики еще много белых пятен — вот почему для ее воссоздания важны не только документальные источники, но и свидетельства «из первых рук». Одним из таких свидетельств является рукопись «Космические дневники генерала Каманина», издаваемая под названием «Скрытый космос».

Когда в 1957 году первый искусственный спутник Земли возвестил миру о начале космической эры, стало ясно, что скоро на околоземную орбиту отправится и корабль-спутник с человеком на борту. Организацию обучения, воспитания и подготовки будущих летчиков-космонавтов командование ВВС поручило Николаю Петровичу Каманину. Он энергично взялся за это совершенно новое дело, напряженная интересная работа полностью захватила его. Им было положено начало формированию коллектива Центра подготовки космонавтов, а чуть позже — и строительству Звездного городка. Обладая способностью смотреть далеко в будущее, Каманин формировал структуру Центра и отряда космонавтов с учетом перспектив их развития на многие годы вперед. Своими занятиями и богатым жизненным опытом он щедро делился с молодыми летчиками, все помыслы которых были устремлены к одной заветной цели - полетам в космос. Проявляя по отношению к ним высочайшую требовательность, а кое-кого и наказывая за дисциплинарные проступки, он никогда не терял чувства справедливости. Первопроходцам космоса и посвящает прежде всего свои записи генерал Каманин. Но не только им.

Со страниц этой книги перед читателем вырисовывается многоликая картина становления отечественной космонавтики, полная волнующих, порой драматических событий, участникам которых — конструкторам и ученым, руководителям промышленности и военачальникам, летчикам и инженерам - автор дает по-военному краткие, но очень меткие характеристики, избегая каких-либо приемов «художественного оформления». Активно участвуя в подготовке и проведении пилотируемых космических полетов, Каманин не понаслышке знал описываемые им события. Он вел свои записи «по горячим следам», и поэтому для них характерны высокая информативность и почти протокольная точность. В то же время «Космические дневники» это не просто фактографическая хроника или сухой бесстрастный репортаж - это по существу своеобразная повесть о людях, стоявших у истоков освоения космического пространства, причем повесть, изложенная как бы в реальном масштабе времени: она захватывает читателя, создавая эффект присутствия.

Главные действующие лица этой повести предстают перед нами в различных жизненных ситуациях как обычные люди со всеми присущими им достоинствами и недостатками. С особой теплотой пишет Каманин о Сергее Павловиче Королеве, о деловых встречах и беседах с ним, не скрывая при этом всей сложности своих взаимоотношений с Главным конструктором ракетно-космических систем. Очень непростые отношения были у автора дневников и с некоторыми другими руководителями «космической кооперации». Каманин дает им жесткие, иногда чрезмерно резкие оценки, но его нигде нельзя упрекнуть в неискренности или предвзятости хотя бы потому, что, болея за интересы дела, самую жесткую требовательность он всегда предъявлял к самому себе.

Горечью пронизаны страницы дневников, где рассказывается о раздорах между руководителями различных ведомств, конструкторских бюро, заводов и институтов, участвовавших в разработке и испытаниях космической техники. Заветной мечтой автора было объединение усилий и средств всех космических организаций. Для координации их деятельности он предлагал учредить специальный государственный орган.

Отечественная космонавтика, оказавшаяся, в отличие от астронавтики США, с самых первых своих шагов искусственно оторванная от авиации, попала под эгиду бывших артиллеристов, ставших ракетчиками. При проектировании пилотируемых космических кораблей долгое время оставались невостребованными лучшие традиции и достижения авиационной науки и техники. Выступая против недооценки роли человека в управлении полетом космического корабля, Каманин ратовал за рациональное, четко отработанное в авиации сочетание функций автоматических систем с действиями пилота-космонавта. Хорошо понимая, что космос ошибок не прощает, он предостерегал от попыток его освоения «кавалерийскими наскоками» и добивался обеспечения наибольшей безопасности полетов. Предметом особой заботы для генерала Каманина был «военный космос», которым наши высокие армейские руководители, в отличие от американских, долго не хотели заниматься по-настоящему. Кстати говоря, Военно-космические силы, о необходимости создания которых неоднократно заявляли и Каманин, и Королев еще в начале шестидесятых годов, были образованы в стране лишь тридцать лет спустя.

В дневниках подробно рассмотрены причины досадных срывов ряда наших космических программ и проектов, о которых, между прочим, до сих пор распространяются самые невероятные небылицы. Были ли случайными происшествия, приведшие к трагической гибели Владимира Комарова и экипажа «Союза-11»? Почему победителем в «лунной гонке» стал не Советский Союз, а Соединенные Штаты Америки? Как мог появиться на свет печально известный монстр советской ракетно-космической техники — сперва лунный носитель Н-1? Ответы на эти и многие другие непростые вопросы читатели найдут на страницах «Космических дневников».

Говорят, что ведение дневниковых записей заменяет для атеиста ежевечернюю молитву верующего. Можно соглашаться или не соглашаться с таким утверждением, но Каманин, как он сам отмечает, считал своим моральным долгом записать все самое интересное о первых полетах людей в космос. У того, кто ознакомится с его дневниками, появится не только ощущение причастности к памятным событиям «утра космической эры», но и ясная вера в могущество человеческого духа, преодолевающего любые преграды на пути к познанию Вселенной.

Владимир Джанибеков,
дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР

1960-1961 годы

Пройдут века, человечество прочно обживет околосолнечное пространство, и на всех планетах, где будет человек, никогда не забудется имя Юрия Гагарина — первооткрывателя космоса и первого гражданина Вселенной. Это пишу я, хотя мне лучше других известно, что Гагарин — это только счастливая случайность, на его месте мог быть и другой

С 17 по 21 декабря 1960 года я был на полигоне «Заря» (космодром Байконур — Ред.). Со мной летали туда: генерал-майор Бабийчук, генерал-майор Юрышев, полковник Яздовский, полковник Смирнов и другие. Подготовка носителя и корабля к старту проходила нормально. Погода в районе расчетного приземления (Куйбышев) была очень плохой. 20 декабря вечером комиссия под председательством М.В.Келдыша решила вывозить изделие на старт и 22 декабря в 10:45 по московскому времени произвести пуск четвертого космического корабля (технологический корабль «Восток-1», заводской №4 — Ред.) с собаками Жемчужной и Жулькой. Комиссия настояла на том, чтобы я вылетел в Куйбышев и организовал там поиск корабля после его приземления.

21 декабря при очень плохой погоде я перелетел в Куйбышев. Совместно с обкомом, КГБ и командующим войсками округа мы к утру 22 декабря подготовили все средства поиска. Старт корабля состоялся точно в назначенное время. Мы подняли в воздух самолеты, прошло расчетное время приземления (12:15 по московскому времени), а сигналов от корабля не поступало. «Заря» и Москва все время были заняты. Чувствовалось: что-то произошло. Примерно в 13:00 с «Зари» сообщили: «Заседает комиссия, положение неясное, Королев и Келдыш полетят прямо в Москву». Мне стало понятно, что корабль не вышел на орбиту, и я сразу подумал о новом двигателе на третьей ступени ракеты. Впервые на третьей ступени был установлен новый двигатель РО-7, а все предыдущие ракеты летали с РО-5. Еще находясь на «Заре» в монтажном корпусе и узнав о том, что на третьей ступени новый двигатель, я высказал Королеву сомнения в его надежности, но Королев был абсолютно уверен в двигателе.

22 декабря в 19:30 я прилетел в Москву. На КП ВВС были сведения, что «Круги» (мощные наземные пеленгаторы ВВС) Ташкента, Москвы и Краснодара засекли сигналы шара (спускаемого аппарата корабля) на частоте 10,003 мегагерц в районе Туры (река Нижняя Тунгуска). Генерал-лейтенант Кутасин дал команды стягивать в этот район средства поиска. 23 и 24 декабря в этом районе летали два Ил-14, оборудованные пеленгаторами, два Ли-2 и два Ан-2. Самолеты летали днем и ночью, но сигналов корабля не обнаружили, а «Круги» днем продолжали принимать сигналы. 24 декабря в 10:00 по московскому времени один из летчиков ГВФ на самолете Ли-2 визуально обнаружил шар в 70 километрах южнее Туры. В 12:00 там уже был вертолет. Через несколько часов пришла шифровка из Красноярска: «Капсула с животными в шаре, собаки живы».

26 декабря.

В НИИ-4 заседала комиссия под председательством Келдыша. Королев доложил, что причина невыхода корабля на орбиту - двигательная установка 3-й ступени ракеты: РО-7 не вышел на расчетную тягу или выключился раньше времени. Удачный спуск корабля и сохранение жизни животных он расценил как большую удачу и на этом основании предложил опубликовать сообщение о пуске и посадке четвертого космического корабля. С его мнением согласилось большинство членов комиссии. Я имел намерение выступить против публикации, но, выслушав многих членов комиссии, промолчал. Доклады по организации поиска корабля сделали полковник Мозжорин (НИИ-4) и генерал-лейтенант Кутасин. Оба были недостаточно объективны: преувеличивали успехи и замалчивали серьезные недостатки в организации поиска. В своем выступлении я указал на необходимость организации штаба поиска, которому следует подчинить все поисковые средства НИИ-4, ВВС, ВМФ, ГВФ, КГБ и других ведомств. Решили на очередном заседании комиссии заслушать доклад начальника НИИ-4 генерал-лейтенанта Соколова об организации и средствах поиска и после обсуждения решить, как лучше организовать это дело.

31 декабря.

У меня был конструктор завода №918 Востоков Федор Анатольевич. 23 и 24 декабря он был в районе Туры. По его рассказу, шар опустился в лесу на сравнительно ровной площадке, он был черным (обгорела фольга), парашют и стропы растянулись на деревьях. Оба люка шара были отстрелены, но немного деформированная капсула осталась в шаре. По-видимому, отделение шара от приборного отсека произошло не по команде теплового реле, а силовым методом: из-за перегрузок и нагрева. Электропроводка была отсоединена не в разъемах, а порвана и спаялась в один ком. Предположительно отстрел люка и капсулы произошел одновременно (нормально капсула отстреливается через 2,5 секунды после люка). Капсула деформировалась от удара о люк, который нашли в 50 километрах от шара. Шар до сих пор находится в районе приземления. Собаки с 26 декабря в Москве и чувствуют себя хорошо. 29 декабря я их видел и «поздравил» с благополучным возвращением.

2 января.

Сообщения ТАСС о полете космического корабля 22.12.1960 года нет и, по-видимому, уже и не будет. Все потуги Королева хоть частично зафиксировать этот полет провалились. Отказавшись сообщать о полете, ЦК КПСС тем самым признал серьезный провал этого пуска.

5 января.

У Руднева заседала комиссия по «Венере» (автоматическая межпланетная станция — АМС - Ред.) и кораблям «Восток-1» и «Восток-3А» (технологический и пилотируемый корабли - Ред.). Присутствовали: Келдыш, Королев, Бармин, Глушко, Семенов, Кутасин и другие (всего около 30 человек). Заслушали три доклада.

1. Доклад Воскресенского. Возможная причина отказа двигателя третьей ступени при первой попытке (10 октября 1960 года — Ред.) запуска ракеты на Марс — в двигатель не поступал керосин, по-видимому, из-за замерзания трубопровода или из-за утечки керосина через негерметичный клапан. Точно причина не установлена. Вторая попытка (14 октября 1960 года — Ред.) запуска ракеты на Марс также оказалась неудачной. Кроме того, попытка пуска (24 октября 1960 года — Ред.) новой ракеты Р-16 закончилась ее взрывом на старте и гибелью 74-х человек, в том числе маршала Неделина. Причины этих неудач точно не установлены, и их никто не рискнет установить. Дело в том, что пуски приурочивались к выступлению Хрущева в ООН в Нью-Йорке, и поэтому была допущена преступная спешка и неорганизованность. Начальство «давило на всех и вся» и «выдавило» грандиозные провалы. Воскресенский этого не говорил, а я слушал его и думал о действительных причинах провалов. Так думали все, но молчали.

2. Доклад Чертока. Планируется три пуска на Венеру. Задача — попасть на Венеру, проверить связь на расстоянии миллионов километров и аппаратуру нацеливания. Первый пуск — 20-23 января 1961 года; второй пуск — 28-30 января 1961 года; третий пуск — 8-10 февраля 1961 года.

3. Доклад Бушуева. На сегодня есть 4 корабля «Восток». Первый пуск — 5 февраля 1961 года; второй пуск — 15-20 февраля 1961 года.

Затем выступали: Белоусов (ОКБ-567) по радиотелеаппаратуре, Ландер (ОКБ-2) по корректирующе-тормозной двигательной установке. Много неполадок, мало испытаний. Мало двигателей. На всем печать спешки. Академик Ишлинский Александр Юльевич указал на необходимость изучить проблему трения в космосе. Выступали также Хрусталев (средства ориентации), Хант (системы подрыва корабля), Мозжорин (организация измерений, наблюдений, связи и поиска).

6 января.

Сегодня Главком ВВС подписал приказ о назначении комиссии по приему выпускных экзаменов у первых шести слушателей-космонавтов. Председателем комиссии назначен я, заместителем — Бабийчук. Сдавать экзамены будут следующие товарищи: капитан В.Ф.Быковский, капитан А.Г.Николаев, капитан П.Р.Попович, ст.лейтенант Ю.А.Гагарин, ст.лейтенант Г.Г.Нелюбов, ст.лейтенант Г.С.Титов.

9 января.

Провел организационное заседание экзаменационной комиссии. Решили экзамены проводить 17 и 18 января. Утвердили вопросы и порядок проведения экзаменов. Согласились, что главное — выявить знания по кораблю и условиям полета в космосе и проверить данные по тренировкам, характеристикам и зачетам.

17 января.

Сегодня комиссия, назначенная приказом Главкома ВВС под моим председательством, начала прием выпускных экзаменов у первой шестерки слушателей-космонавтов, подготовленных в Центре подготовки космонавтов (ЦПК) ВВС. В состав комиссии входят: генерал-майор Бабийчук, генерал-лейтенант Волынкин, генерал-лейтенант Клоков, полковники Яздовский и Карпов, академик Сисакян (АН СССР), кандидат технических наук Феоктистов (ОКБ-1), Главный конструктор завода №918 ГКАТ Алексеев и заслуженный летчик-испытатель Галлай (ЛИИ). Присутствовал начальник ЛИИ ГКАТ Н.С.Строев. Это первые в нашей стране выпускные экзамены космонавтов. Проходили они в филиале ЛИИ и были засняты на кинопленку.

Каждый слушатель-космонавт занимал место в кабине действующего макета космического корабля «Восток-3А» и в течение 40-50 минут докладывал комиссии о назначении корабля, его оборудовании, о действиях космонавта на различных этапах полета от посадки в кабину корабля на старте и до приземления в районе посадки. Во время доклада экзаменуемого и после доклада члены комиссии задавали вопросы. Особое внимание комиссией уделялось умению космонавта ориентировать корабль перед включением ТДУ (тормозная двигательная установка — Ред.), знанию и умению пользоваться аппаратурой, обеспечивающей жизнедеятельность космонавта, действиям космонавта после приземления в пустынной местности и на воду. Все слушатели показали хорошие знания космического корабля и условий его полета. Гагарин, Титов, Николаев и Попович получили оценки «отлично», а Нелюбов и Быковский — «хорошо».

18 января.

Сегодня комиссия в том же составе продолжила свою работу, но уже в ЦПК. Каждый слушатель вынимал экзаменационный билет и после 20-минутной подготовки отвечал на три вопроса, записанные в билете. Сумма всех вопросов в билетах полностью охватывала объем пройденного за 9 месяцев курса обучения. После ответов на вопросы билета каждому слушателю задавалось еще 3-5 дополнительных вопросов.

Все слушатели показали отличные знания. Рассмотрев личные дела, характеристики, медицинские книжки и оценки слушателей по учебным дисциплинам, комиссия единогласно решила всем слушателям поставить общую отличную оценку и записала в акте: «Экзаменуемые подготовлены для полета на космическом корабле «Восток-3А», комиссия рекомендует следующую очередность использования космонавтов в полетах: Гагарин, Титов, Нелюбов, Николаев, Быковский, Попович.» После окончания экзаменов в присутствии членов комиссии я объявил результаты экзаменуемым, пожелал им успехов в дальнейшей учебе и в космических полетах.

В эти дни у меня часто возникали вопросы: «Кто из этой шестерки войдет в историю, как первый человек,

совершивший космический полет? Кто первым из них, возможно, поплатится жизнью за эту дерзкую попытку?» На эти вопросы пока нет ответов, но можно предвидеть, что при отличной работе техники любой из них справится с ролью космонавта. В марте-апреле 1961 года состоится первый полет человека в космос. Есть полная уверенность, что корабль выйдет на орбиту, но нет еще гарантии безопасной посадки. Из четырех космических кораблей, летавших в 1960 году (в 1960 году запускалось 4 корабля «Восток-1» и 1 простейший корабль «Восток-1П» — Ред.), вышли на орбиту 3 корабля, отлично приземлился один корабль и еще один приземлился аварийно, но собаки остались живы. До полета человека будет еще два запуска кораблей с манекенами, будем надеяться, что они оба приземлятся отлично.

Все шестеро космонавтов — отличные парни. О Гагарине, Титове и Нелюбове сказать нечего — они не имеют отклонений от эталона космонавта. Николаев — самый спокойный из шестерки. Быковский менее, чем другие, внутренне собран, способен на некоторую долю развязности и может сказать лишнее. Попович — пока загадка: создает впечатление волевого человека, но ведет себя в раздорах с женой излишне мягко. У них дочь пяти лет, жена — летчик Серпуховского аэроклуба. Может быть, поведение Поповича объясняется редким благородством души, а может быть, за таким поведением есть и неизвестная нам тайна. Попович по всем данным может быть одним из первых среди шестерки, но семейные неурядицы тянут его назад. Будем принимать меры, чтобы помочь ему.

19 января.

Вчера в 23:45 с аэродрома Чкаловская на Ил-14 я вылетел в Тюра-Там (космодром Байконур - Ред.) на подготовку пуска «Венеры». Королева и Келдыша еще нет, всей подготовкой руководит заместитель Королева Черток Борис Евсеевич. Черток сообщил, что из-за неполадок в радиооборудовании, пуск состоится не раньше 26 января. На втором старте комиссия генерал-лейтенанта Соколова готовит к пуску боевую ракету Р-16 конструктора Янгеля, того самого, который случайно остался жив при гибели маршала Неделина. В гибели Неделина его вина очень большая, но он отделался, как говорится, «легким испугом».

20 января.

В монтажном корпусе на сборке находятся два объекта «В» (АМС «Венера» — Ред.). Первая и вторая ступени ракеты для этих объектов такие же, как для корабля «Восток», третья ступень — новая и имеет двигатель конструкции Косберга, четвертая ступень имеет один двигатель. Объект «В» весит около 600 кг и имеет один двигатель конструктора Исаева для коррекции траектории полета.

Всего готовятся три объекта. Их пуски были запланированы на 20-22 января, 28-30 января и 8-10 февраля, но сейчас уже ясно, что этот план нереален. Оборудование привезли на полигон без комплексных испытаний в ОКБ-1 из-за задержки поставок, а жесткие сроки «давят» на Королева: пускать объекты можно только в период 20.01-14.02.1961 года. ОКБ-1 готовит пуски на Венеру, готовит пуск «Востока-3А» и еще отвечает за совершенствование боевых ракет. Получается очень большая разбросанность, одно мешает другому. Пуск на Венеру — затея едва ли разумная: она задерживает полет человека и снижает боеспособность ракетных войск. Вероятность достижения Венеры данной системой небольшая, а цена эксперимента огромная, учитывая не только деньги, но и влияние этих работ на другие цели.

21 января.

Утром встречался с Келдышем, Королевым, Глушко и другими членами комиссии по пуску ракеты на Венеру. У всех неважное настроение. В лучшем случае пуск состоится 29 января, но многие считают и этот срок нереальным. Для нас — авиационных работников, привыкших к тому, чтобы техника перед полетом была всесторонне проверена, - невероятно, дико, что на старт вывозят уникальную аппаратуру почти без проверки на заводах. Комплексная проверка объекта «В» будет впервые проводиться на полигоне. Радиоаппаратура, которая должна работать четыре месяца в условиях космического полета, проверялась только несколько часов.

Вероятность выполнения задания - попадание на Венеру — почти нулевая, но все уже подготовлено. Громадные средства на подготовку трех изделий израсходованы. Руководство ждет эффекта, и эффект будет, но 99 из 100, что он будет отрицательным, хотя мне очень хотелось бы ошибиться в этом прогнозе. В 12:00 (время московское) на Ил-14 я вылетел из Тюра-Тама и в 19:00 прибыл в Москву.

25 января.

Дважды был у Главкома ВВС Вершинина, подробно доложил ему о ходе подготовки пуска ракеты на Венеру. Он также считает, что только требования престижа толкают нас на поспешный и недостаточно подготовленный эксперимент. Доложил Вершинину о результатах приема экзаменов у шести космонавтов. Главком подписал приказ об их переводе в постоянный состав ЦПК, утвердил акт экзаменационной комиссии и подписал доклад министру обороны Малиновскому.

26 января.

Звонил в Тюра-Там. Узнал, что пуск на Венеру перенесен на 1 февраля. Пуск «Ястреба» также перенесен с 27 на 30 января.

27 января.

В ЦПК разбирался с кадровым составом. По новым штатам Центр укомплектован почти полностью. Пришлось заменить заместителя по летной части, подполковника Целикина на инженер-полковника Азбиевича из ГКНИИ ВВС (Государственный краснознаменный научно-исследовательский институт ВВС — Ред.) , а на должность начальника планового отдела (начальника штаба) назначить полковника Масленникова из Управления боевой подготовки ВВС. Два часа беседовал с космонавтами (присутствовали все 20 человек). Обсуждали вопросы организации летной тренировки космонавтов.

30 января.

Звонил на «Зарю» — пуск на Венеру пока запланирован на 1 февраля. Вечером еще раз позвоню, и если подтвердят эту дату, то в 23:00 вылетаю на полигон. Говорил с К.Д.Бушуевым, у него нет никакой уверенности, что пуск

состоится 1 февраля.

31 января.

В 6:00 (время московское) прилетел в Тюра-Там. Народу здесь собралось много: маршал Москаленко, генерал-лейтенант Семенов, генерал-лейтенант Соколов, генерал-лейтенант Попов и другие. Из гражданских — Пашков, Зверев, Шокин, Келдыш, Королев, Янгель и много других. Ни королевский объект, ни ракета Янгеля к старту еще не готовы, заводские бригады продолжают возиться с устранением дефектов в радиооборудовании. Вечером комиссией принято решение: «В-1» (АМС «Венера-1» — Ред.) вывозить на старт и готовить к пуску 2 февраля в 4:31:11 по московскому времени. Ракету Янгеля намечено пускать вечером того же дня.

1 февраля.

Утром встречался с Королевым и Келдышем; первый бодрится, у второго настроение довольно кислое. Ракета стоит на старте, она метров на 5-7 выше ракеты для корабля «Восток». Комплекс проверок на старте прошел удовлетворительно, но отказал один из гироскопов. В 23:30, когда все собрались на совещание в землянке у старта, подполковник Кириллов доложил о готовности к заправке ракеты топливом. Королев заверил, что через час положение с гироскопом прояснится, и тогда можно будет заправлять ракету. В 2 часа ночи стало ясно, что пуск не состоится, и его перенесли на 4 февраля.

2 февраля.

Весь день специалисты Королева искали причины отказа гироскопа третьей ступени ракеты. Янгель готовил старт своей двухступенчатой ракеты Р-16, который назначили на 18:00 местного времени, но затем время старта несколько раз переносилось. Пуск состоялся в 24:00 местного времени. В ясную лунную ночь под ракетой заклокотало море огня, и она стала медленно подниматься. Около трех минут полет проходил нормально, но двигатель второй ступени не включился, и ракета упала в 520 километрах от старта.

3 февраля.

По уточненным данным, двигатель второй ступени Р-16 включился и работал. Ракета упала из-за отказа в системе управления, а это могло произойти из-за срыва люка со второй ступени. Люк сорвало в момент старта, так как он был закреплен всего 2 болтами, вместо 8.

Причина отказа гироскопа на королевской ракете установлена: в подшипнике прибора нашли металлическую стружку, длиной до миллиметра. После двух комплексных проверок ракеты на старте был назначен ее пуск на 4 февраля в 4:18:03. Сегодня у всех уверенности в успехе пуска больше, чем 4-5 дней тому назад.

4 февраля.

Первый старт ракеты на Венеру состоялся точно в 4:18 по московскому времени. За два часа до восхода солнца я стоял на открытой площадке в 800 метрах от старта и наблюдал, как под ракетой с нарастающим шумом разрасталось море пламени. Зрелище было исключительно красивым. На 119 секунде полета отделилась первая ступень. Ракета простым глазом наблюдалась более четырех минут. Инверсионный след ракеты на высоте более 100 километров был освещен Солнцем. Телеметрия и все измерительные пункты работали нормально. 4-я ступень отделилась от 3-й, но команда на запуск двигателя 4-й ступени не прошла, и двигатель не запустился. В космосе появился «великий немой» — самый большой спутник Земли (весом в 8 тонн), но без радиосвязи. Оставаясь внутри 4-й ступени со свернутыми антеннами, он не мог передавать и принимать радиосигналы.

Через два часа после запуска собралась комиссия. Решали — объявлять об этом пуске или нет. Большинство, в том числе и я, высказались за немедленное опубликование сообщения о запуске. Учитывая политическую ситуацию и то, что за рубежом все равно обнаружат этот спутник, мы полагали целесообразным дать объяснение появления нового большого спутника, не раскрывая истинную цель запуска. Глушко предложил удачный вариант официального сообщения: «С целью отработки запуска более мощного космического корабля выведен на орбиту новый спутник, с помощью которого в течение первого же витка получены все необходимые телеметрические измерения». Королев и некоторые другие члены комиссии высказали свои сомнения в целесообразности публикации сообщения о пуске, но им возразили, что этот спутник за границей могут окрестить разведчиком или еще хуже - будут писать о неудачном запуске человека. Самую непонятную позицию занял Пашков. Он сказал, что надо подождать сообщений из-за границы и только после этого давать свои объяснения.

На Венеру мы не попали, но три ступени новой ракеты сработали отлично. Теперь у нас есть ракета, которая может вывести на орбиту 8 тонн, а следовательно, и «стрельнуть» в любую точку земного шара самым мощным термоядерным зарядом. Учитывая малые сроки подготовки пуска ракеты на Венеру и новизну ее 3-й и 4-й ступеней, а также АМС, мы можем без всякой натяжки поздравить нашу Родину с новым крупным успехом в освоении космоса. Пишу эти заметки в самолете Ил-14. В 10:30 по московскому времени вылетел в Москву. Очень хочется спать: сказываются две подряд бессонные ночи.

5 февраля.

Вчера около 7 часов вечера была прервана программа телепередач, и комментатор выступил с сообщением о запуске нового тяжелого спутника. Сообщение ТАСС опубликовано в сегодняшних газетах. ЦК КПСС, с моей точки зрения, поступил правильно, дав согласие на опубликование некоторых данных о спутнике.

12 февраля.

Вчера в 11:00 вылетел из Москвы в Тюра-Там. В 23:00 собралась комиссия и приняла решение о втором пуске ракеты с АМС на Венеру. Установлено, что при пуске 4 февраля отказал умформер 4-й ступени ракеты, который не был загерметизирован. На данной ракете умформер загерметизировали, других изменений не делали.

В 3:34:25 точно в расчетное время состоялся старт ракеты, который и в этот раз прошел отлично. Ракета более пяти минут наблюдалась простым глазом. В конце первого витка включился двигатель 4-й ступени, и АМС была направлена в сторону Венеры. Бортовая аппаратура «Сатурн» при первом сеансе связи работала недостаточно хорошо, но второй сеанс подтвердил, что АМС идет по траектории, близкой к расчетной. К 12 часам станция была уже в 126 тысячах километрах от Земли.

Итак, одержана новая блестящая победа в космосе. Я очень рад, что ошибся в своих прогнозах. Наша космическая техника еще раз продемонстрировала свой высокий класс, а наши люди — рабочие, техники, инженеры, конструкторы и ученые — высокую одаренность, великое умение и упорство в труде. Хотя у нас еще нет полной уверенности, что АМС привенерится, и цель этого полета будет достигнута, но уже можно с гордостью сказать, что впервые в истории человечества созданная советскими людьми межпланетная станция несет вымпел Родины к далекой Венере (АМС «Венера-1» пролетела в мае 1961 года на удалении около 100 тысяч километров от Венеры — Ред.) .

Утром, когда стало ясно, что АМС вышла на траекторию полета, мы вспомнили, что еще не завтракали. В столовой

чувствовалось приподнятое настроение, за некоторыми столиками даже выпивали за победу. Королев, Келдыш, Бармин и я ограничились более скромным завтраком. После завтрака я и Королев направились в гостиницу, и там в одном из кабинетов между нами состоялся разговор, о котором мне хочется кое-что написать.

Несколько слов о С.П.Королеве. Он — Главный конструктор ОКБ-1, создатель баллистической ракеты Р-7, главной силы наших ракетных войск, он — создатель лунных ракет и кораблей «Восток-1», «Восток-3А» и виновник сегодняшнего триумфа — полета АМС на Венеру. Королев среднего роста, плотный, очень подвижный, энергичный человек. Его знания, волевые качества, талант конструктора и организатора не подлежат сомнению. Сергей Павлович уже многое сделал в ракетной и космической технике и далеко еще не сказал своего последнего слова - среди пионеров космоса его имя всегда будет одним из первых. Его многие побаиваются, и почти все считаются с его мнением. Он несколько избалован и ведет себя иногда деспотично. Особенно это заметно в его взаимоотношениях с Келдышем: Мстислав Всеволодович без консультации с Королевым и без его одобрения не принимает ни одного решения. Короче говоря, Келдыш излишне мягок и даже застенчив, а Королев очень самоуверен и несколько грубоват. Во время нашей с ним беседы Сергей Павлович поделился со мной своими планами на будущее, дал почитать свою голубую папку «Планы ОКБ-1 на семилетку». В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР N715-296 от 23 июня 1960 года о создании тяжелых обитаемых спутников Королев начал создавать носитель Н-1.

В своих перспективных работах Королев ищет поддержки у ВВС. Он заявил, что ракетчики его не понимают и что «с ними едва ли сваришь кашу». Я обещал ему, что подробно доложу о нашей беседе Главкому ВВС Вершинину и организую его поездку к Королеву на фирму. В беседе мы ориентировочно наметили сроки пусков кораблей «Восток-3А». Очередной пуск запланировали на 22-23 февраля, последующий через 8-10 дней. Пуски будем проводить с манекенами для отработки средств приземления космонавта. Если оба пуска будут удачными, то при третьем пуске полетит человек.

После пуска ракеты на Венеру 4 февраля многие на Западе считают, что мы неудачно запустили в космос человека; итальянцы даже будто бы «слышали» стоны и прерывистую русскую речь. Все это совершенно беспочвенные выдумки. На самом деле мы упорно работаем над гарантированной посадкой космонавта. С моей точки зрения, мы даже излишне осторожны в этом. Полной гарантии успешного первого полета в космос не будет никогда, а некоторая доля риска оправдывается величием задачи. Я с Королевым и Келдышем договорился о том, что до полета человека в космос должно быть осуществлено не менее двух подряд полностью удачных полетов кораблей с манекенами.

14 февраля.

Сегодня я, Волынкин, Бабийчук и Яздовский были на заводе №918 у Главного конструктора С.М.Алексеева. Договорились, что с 20 февраля на заводе будут начаты занятия космонавтов по изучению скафандра, кресла и НАЗа (носимый аварийный запас — Ред.), а также будет проводиться индивидуальная подгонка скафандров.

15 февраля.

Звонил Королев, сообщил, что полет к Венере идет нормально. Он и Келдыш собираются завтра вылетать в Евпаторию. Королев сказал, что после моего отлета из Тюра-Тама, он и Келдыш разговаривали по телефону с Н.С.Хрущевым. Хрущев пуском ракеты на Венеру очень доволен и благословил их на новые подвиги. Пуск очередного «Востока» переносится на 24-25 февраля. Первый корабль «Восток-3А» уже на полигоне. Вчера и сегодня на полигон начали прибывать команды специалистов из ОКБ и заводов.

20 февраля.

Сегодня Вершинин, Пономарев, Волынкин, Яздовский, Холодков и я были в ОКБ-1 у С.П.Королева. Он рассказал нам о своих планах строительства космических кораблей на ближайшие 2-3 года, показал в цехах сборку носителей. Обращаясь к Вершинину, Королев коротко и ясно сформулировал цель сегодняшней встречи: «Я изложил вам наши перспективы и возможности. Как видите, они не малые — мы можем многое сделать по освоению космоса, но мы ждем поддержки со стороны ВВС, лично от вас, товарищ маршал, и от ваших ближайших помощников. ВВС должны подвести стратегию и тактику под наши начинания в космосе». Вершинин заверил Королева в том, что он в принципе поддерживает планы ОКБ-1 и готов всячески содействовать их реализации. Тут же договорились, что согласованные решения по конкретным вопросам взаимодействия ОКБ-1 с ВВС будут принимать Королев и Каманин. Королев предложил Вершинину заказать для ВВС 10-15 кораблей типа «Восток-1» или «Восток-3А». Сергей Павлович также сообщил, что пуск «Востока» с манекеном переносится на 27-28 февраля.

В одном из цехов Королев показал нам вторые экземпляры межпланетных станций, одна из которых сфотографировала Луну, а вторая сейчас летит к Венере. Здесь же находились и два корабля (спускаемых аппаратов кораблей — Ред.) «Восток-1». На одном из них собаки Стрелка и Белка сутки летали в космосе и благополучно возвратились на Землю; второй не вышел на орбиту и приземлился в Якутии в районе Туры (запуск 22.12.1960 года — Ред.) : корабль поднялся на высоту 214 километров и пролетел 3500 километров; собаки, мыши и морские свинки остались живы, хотя перегрузки доходили до 20 единиц.

22 февраля.

Сегодня у Устинова обсуждали готовность изделий «Восток-2» и «Восток-4» (фоторазведывательные спутники — Ред.) . Присутствовало около 30 человек. Доклад сделал Королев. Он сказал, что из-за задержек в отработке фото-, теле— и радиоразведовательной аппаратуры мы опаздываем на 2-3 месяца с пуском «Востока-2», но пуски «Востока-1» дают уверенность, что мы на правильном пути. «Восток-2» будет готов к запуску в июне-июле этого года. Выступившие в прениях Богомолов, Келдыш, Мозжорин, Руднев и Москаленко согласились с основными положениями доклада. Устинов в своем заключительном слове настаивал на том, чтобы Министерство обороны (МО) определилось как заказчик космической техники и точнее формулировало свои тактико-технические требования к ней. (Пока вся космическая аппаратура изготавливается по особым решениям правительства и в очень малых количествах, что ограничивает объем и задачи проводимых исследований.)

Сегодня же в 16:00 состоялось заседание комиссии по пуску «Востока-3А» у Руднева. Договорились, что первый пуск с манекеном будем проводить с некоторыми недоделками в первых числах марта, а второй пуск выполним только после полного испытания всей аппаратуры и в той же укомплектованности, которая будет использоваться при полете

человека. В связи с выявившимися недоделками аппаратуры жизнеобеспечения (Главный конструктор Воронин) и аппаратуры катапультирования и спуска (Главный конструктор Алексеев) решили на очередном заседании 27 февраля заслушать Алексеева и Воронина. На этом же заседании с докладом выступит генерал-лейтенант Кутасин (по организации поиска шара и космонавта).

24 февраля.

Строев, Алексеев, Воронин и другие представители промышленности и ВВС обсуждали у А.А.Кобзарева степень готовности аппаратуры обеспечения жизнедеятельности космонавта и системы приземления. Н.С.Строев сделал общий доклад. Алексеев и Воронин, как всегда, защищали свои позиции и яростно отбивались от наседавших на них военных специалистов. В результате обсуждения пришли к заключению, что очередной пуск нужно проводить, не дожидаясь окончания всех испытаний и устранения мелких неполадок в некоторых системах (газоанализатор, антенно-фидерное устройство, НАЗ); второй пуск с манекеном провести только после окончания всех испытаний оборудования. Необходимо будет выполнить несколько катапультирований кресла с вышки, одно катапультирование кресла с манекеном из шара, проверить систему аварийного катапультирования на старте, закончить морские испытания скафандра и НАЗа; провести 13-суточные испытания новых осушителей Воронина, которые должны поддерживать влажность в корабле не более 60 процентов (предыдущая аппаратура Воронина не выдержала испытаний: на 9-й день влажность в шаре повысилась до 80 процентов, а температура до 35 градусов, из-за чего температура тела испытателя поднялась до 39 градусов, и эксперимент пришлось прервать).

Таким образом, первый пуск может состояться 2-3 марта, а второй — 20-25 марта. Пуск корабля с человеком вполне возможен в конце марта или первой половине апреля. На всех заседаниях и совещаниях по вопросам подготовки полета человека в космос чувствуется излишняя перестраховка лиц, которые практически ничего не делают по обеспечению полета и только мешают тем, кто этот полет готовит и несет ответственность за его последствия. Мое личное мнение таково: без риска космос не освоить, но бояться риска и возможных жертв, значит тормозить полеты в космос.

27 февраля.

Сегодня в ОКБ Алексеева провели большое совещание по предстоящим испытаниям оборудования и срокам устранения выявленных недостатков. Решили все испытания закончить к 20 марта. Кобзарев высказался за то, чтобы второй корабль «Восток-3А» отправить в Тюра-Там только после окончания всех испытаний (21-25 марта). Алексеев, Строев и я высказались за более ранний срок (1-5 марта). Мы также предложили устанавливать аппаратуру в корабль и параллельно проводить испытания, а окончательное заключение о годности аппаратуры дать после первого пуска и окончания всех испытаний.

Вечером состоялось заседание комиссии по пуску «Востока-3А», на котором были приняты следующие решения:

1. Испытательный отстрел манекена из шара производит Алексеев до 10.03.1961 года.
2. Катапультирования испытателей с самолета Ил-28 производит ЛИИ: двакатапультирования спиной к воздушному потоку (штатный режим) и два — лицом к потоку (аварийный режим).
3. 10-20 марта проводятся морские испытания НАЗа.
4. 2-12 марта проводятся испытания аппаратуры Воронина (системы регенерации и осушения воздуха).

2 марта. Тюра-Там.

Сегодня я, Королев, Яздовский, Галлай, Алексеев и другие товарищи более трех часов редактировали «Инструкцию космонавту», составленную шестью космонавтами совместно с представителями ОКБ-1 К.П.Феоктистовым и О.Г.Макаровым. Эта первая в мире «Инструкция» пилоту космического корабля, конечно, далека от совершенства, но она дает космонавту основные рекомендации по его действиям при подготовке к старту, в момент старта, на активном участке выведения, на орбите, при спуске и посадке, а также в различных особых условиях полета (ручной спуск, вынужденное увеличение продолжительности полета и др.). Королев, Келдыш, Бушуев и Вознесенский настаивали на значительном сокращении текста «Инструкции», считая, в частности, что после проверки всего оборудования корабля инженером, космонавт перед стартом должен проверить скафандр и радиосвязь, а остальное оборудование только осмотреть. По существу эти предложения резко ограничивали деятельность космонавта в кабине корабля при подготовке к старту и в полете. Королев мотивировал свои требования тем, что в одновитковом полете вся аппаратура четко сработает автоматически — без вмешательства пилота. Мы — Яздовский, Галлай, Смирнов и я — будучи категорически против ограничения действий пилота, высказали такие доводы. Космонавты очень хорошо знают оборудование корабля и свои возможности управления им в случае вынужденного ручного спуска (после включения логического замка). Они будут чувствовать себя увереннее, если лично убедятся в исправности аппаратуры. Кроме того, производя полную проверку оборудования перед стартом, наблюдая различные явления в полете, записывая свои впечатления и показания приборов в бортжурнал и докладывая о них по радио, космонавт будет все время занят. Постоянная занятость космонавта будет отвлекать его от возможных отрицательных эмоций при перегрузках и в невесомости, к тому же мы сможем получить много ценной информации для подготовки последующих полетов. После довольно продолжительных дебатов Королев и Келдыш согласились с нашей точкой зрения, и отредактированный первоначальный вариант «Инструкции» был утвержден Королевым и мною. Пуск технологического корабля «Восток-3А» перенесен на 9 марта.

4 марта.

При участии Королева, Алексеева, Яздовского и других товарищей мной составлен график подготовки космонавта к полету в день старта. В целях сокращения до пяти часов промежутка времени между подъемом (побудкой) космонавта и стартом корабля пришлось согласиться на наклеивание датчиков физиологического контроля космонавтам за день до старта и на размещение космонавтов в ночь перед полетом на площадке №2 в домике маршала Неделина. Королев и Келдыш настойчиво предлагают, чтобы при двух предстоящих пусках я был вместе с Королевым в бункере. Это предложение совпадает с моим желанием. После определения района посадки корабля я буду готов немедленно вылететь к месту его приземления.

6 марта.

Комиссия (Келдыш, Королев, Соколов, Глушко, Богомолов и другие) заслушала доклад Косберга по материалам расследования причин отказа двигателя РО-7, приведшего к вынужденному спуску корабля в районе Туры 22 декабря 1960 года. Причины отказа точно не установлены, предполагается засорение топливных магистралей при заправке. Затем с докладами о ходе подготовки пуска корабля «Восток-3А» выступили: Бушуев — о расчетных данных по траектории полета, времени пуска и районе приземления (Сталинград, Куйбышев, Свердловск); подполковник Яковлев — о готовности измерительных пунктов и всех средств связи; подполковник Кириллов — о результатах комплексной проверки и готовности ракеты к вывозу на старт. Комиссия приняла мое предложение об организации Центрального пункта управления полетами в Москве и пунктов управления в Тюра-Таме, Новосибирске, Колпашеве, Хабаровске и Елизове (Камчатка). Москва будет иметь КВ— и УКВ-связь; Тюра-Там, Колпашево и Елизово — только УКВ, а Новосибирск и Хабаровск — только КВ-связь. Радиус действия КВ-связи 5000 километров, УКВ — 1500 километров, но радиусы эти пока практически не проверены, и нет уверенности в надежности связи, особенно на участке выведения. На каждом пункте управления в течение всего времени полета кораблей будут присутствовать: начальник пункта, офицер связи, космонавт, врач и представитель Министерства связи.

9 марта.

В два часа ночи по московскому времени я вылетел из Тюра-Тама в Куйбышев (со мной летели Смирнов, Яздовский, Алексеев, Парин). Сразу после посадки на аэродроме Кряж я собрал поисковые экипажи Ил-14, Ми-4, Ан-2 и проверил готовность их к поиску. К 8:30 вместе с командующим ВВС Приволжского военного округа генерал-майором К.Т.Цедриком прибыли на КП ВВС округа. Из Москвы и Тюра-Тама сообщили, что подготовка к пуску проходит нормально. Через 15 минут после пуска получили подтверждение: старт корабля состоялся в 9:29 по московскому времени. Вскоре поступило сообщение и о выходе корабля на орбиту. Около 11 часов пришло несколько сообщений о начале спуска корабля, а в 11:40 из Москвы позвонил инженер-полковник Ю.А.Мозжорин (НИИ-4) и передал координаты точки приземления шара, определенные по засечкам «Кругов» (мощных наземных КВ-пеленгаторов): от Чистополя на восток 150 километров, а от Куйбышева на северо-восток 260 километров. Получив эти данные, я решил вылететь на самолете Ли-2 в город Заинск, расположенный в 15-20 километрах от точки приземления. Пока мы добирались до аэродрома Кряж, генералу Цедрику позвонил начальник милиции Заинска и подтвердил, что два парашюта с контейнерами приземлились в 15 километрах северо-западнее города.

На аэродроме ГВФ под Заинском нас встретил председатель райисполкома Х.З.Зарипов. Отсюда вся наша группа отправилась на трех машинах к деревне Новый Токмак (12 километров севернее Заинска), так как разница между истинными координатами точки приземления шара и данными, полученными с помощью «Кругов», составляла около 20 километров. Накануне выпало много снега, и некоторые участки дороги, особенно в городе, были очень труднопроходимыми для автомашин. За городом дорога неожиданно улучшилась: оказывается, неподалеку от Заинска строится мощная тепловая электростанция (равная по мощности Куйбышевской ГЭС). Работы идут полным ходом и в зимнее время — самосвалы, тракторы, бульдозеры и другие машины, как кроты, прорывают себе траншеи в глубоком снегу. В деревне Новый Токмак мы пересели на лошадей, но и они передвигались с трудом, часто застревая в сугробах. На лошадях удалось добраться только до деревни Старый Токмак, а дальше полтора-два километра шли пешком.

Корабль и манекен «выбрали» отличный район приземления: на широком поле не было ни одного дерева, ни одного столба — только несколько стогов сена виднелись на заснеженном горизонте. Снегопад продолжался, и было очевидно, что при плохой видимости вертолеты не смогут сегодня пробиться к нам. К манекену мы добрались к 16 часам, а несколько раньше в этом районе с самолета Ил-14 были сброшены четыре парашютиста из поисковой группы. Парашютисты взяли под охрану район приземления, но все равно вокруг было много людей. Манекен лежал на спинке катапультируемого кресла и «смотрел» в небо. Скафандр красного цвета и черные башмаки хорошо выделялись на белом снегу. Рядом с манекеном лежали красный парашют, красная резиновая надувная лодка и НАЗ. Антенна НАЗа была в вертикальном положении и, по-видимому, нормально работала. Смирнов и Алексеев придирчиво осмотрели все снаряжение манекена и остались довольны результатами осмотра — он показал, что автоматика кресла, парашютной системы, НАЗа и скафандра сработала хорошо. Я дал команду грузить манекен и парашют на сани, а сам вместе с Яздовским, Зариповым и старшим техником-лейтенантом Калмыковым направился к шару.

В пяти метрах от шара стоял парашютист, а рядом с ним несколько молодых парней. Первое, что пришлось сделать — это удалить всех посторонних на 100 метров от шара, так как возможность его взрыва не исключалась, и до отключения системы АПО (аварийный подрыв объекта — Ред.) подход к нему категорически запрещался. Отключить систему АПО мог только представитель ОКБ-1, но он по распоряжению генерал-лейтенанта Кутасина был отправлен из Куйбышева в Сызрань, а затем вновь возвращен в Куйбышев. Там вертолет дозаправили, но из-за плохой погоды он не смог вылететь к нам. До наступления темноты оставалось около часа, и было ясно, что если действовать по инструкции и не подходить к шару до появления специалиста по системе АПО, то мы рискуем заморозить животных в шаре и не сможем сообщить об их состоянии в Москву. Зная, с каким нетерпением ждут там наших сообщений, я решил вдвоем с Калмыковым осмотреть шар. Внешнее покрытие корабля полностью обгорело, его нижняя часть при приземлении разрушилась (отделились восемь колец), оба люка были открыты, надувной резиновый шар с передатчиком П-37 лежал в двух метрах от корабля, антенна передатчика была, по-видимому, в рабочем состоянии. Все оборудование кабины корабля выглядело нормально, никаких повреждений мы не заметили. Тумблер системы АПО находился в положении «Отбой». После осмотра кабины я, посоветовавшись с Яздовским, разрешил Калмыкову вынуть из шара собаку Чернушку и контейнер с мелкими грызунами. Чернушка, мыши и морские свинки перенесли полет великолепно.

В деревне Старый Токмак у сельсовета собралась большая толпа колхозников и детей — всем не терпелось увидеть собачку, которая за полтора часа на высоте более 200 километров облетела всю планету. Пока я разговаривал по телефону с Москвой, Владимир Иванович Яздовский успел показать сельчанам Чернушку и «прочитать» им самую короткую, но очень убедительную лекцию об исследовании космоса. Вечером, когда мы, добравшись до Заинска, ужинали в районной столовой, по радио передали сообщение ТАСС о запуске в СССР 4-го космического корабля-спутника и его благополучной посадке в заданном районе.

10 марта. Заинск-Куйбышев-Москва.

Ночевали в новой гостинице строителей тепловой электростанции. В одном номере со мной ночевал академик В.В.Парин. Василию Васильевичу уже за шестьдесят, но держится он молодцом и для многих наших молодых офицеров может служить примером. В 6:30 за нами заехал заведующий райторгом Я.С.Оглодков — это он накормил нас вчера отличным ужином. В машине по дороге на аэродром он спросил меня, не узнал ли я его. Внимательно всмотревшись в лицо Оглодкова, я должен был признаться, что не помню, когда и где мы с ним могли встречаться. Оглодков сказал, что летом 1942 года, когда я под Тамбовом переучивался на новую технику, он работал техником самолета Ил-2, на котором я летал. Он привел неопровержимые доказательства того, что это было именно так, и все же я не смог восстановить в памяти те далекие дни. Благополучно доставив в Куйбышев Чернушку, мелкую живность и манекен, в 11 часов утра вылетели в Москву, где я подробно доложил о полете «Востока-3А» Главкому ВВС К.А.Вершинину и маршалу С.И.Руденко. Они были в приподнятом настроении, поздравляли с победой. Да, одержана еще одна блестящая победа — все подготовлено для полета человека в космос. Конечно, это не значит, что у нас уже есть «стопроцентная» гарантия успеха — при освоении космического пространства могут быть и неприятности, и жертвы, но ясно одно: человек вот-вот сделает первый шаг в космос и тем самым решительно приблизит пока что фантастическую эпоху межпланетных сообщений.

11 марта. Москва.

На совещании у Главкома Вершинина рассматривали ТТЗ (тактико-техническое задание — Ред.) на пилотируемый двухместный корабль-спутник. Основные требования: масса — 6,5-7 тонн; высота полета — 270-300 километров; возможность изменения орбиты и скорости полета; повторность запуска ТДУ; надежность ориентации; приземление экипажа в герметичном шаре; при аварийной ситуации возможность катапультирования; длительность полета — до 15-20 суток; надежные дублированные средства связи.

Мишук, Холодков и я отстаивали необходимость обсуждения ТТЗ с руководством ОКБ-1. Главком разрешил использовать эти материалы в переговорах с Королевым как наш черновой проект ТТЗ. В выступлениях Вершинина и Пономарева явно сквозила мысль — как бы нас не обвинили в том, что мы отказываемся от ракетопланов Челомея. На это я ответил, что корабли «Восток» Королева уже надежно летают, а ракетопланы Челомея — это «журавли в небе», и что и когда у него получится — пока неизвестно.

13 марта.

Уговорил Вершинина подписать (вопреки возражениям Пономарева) два приказа. Первый — о закреплении за ЦПК самолета Ту-104, оборудованного для полетов на невесомость, и о закреплении экипажа полковника Старикова за данным самолетом. Второй приказ — о проведении испытаний в ГКНИИ двух самолетов Ил-14, оборудованных пеленгаторами КВ-диапазона для поиска приземляющихся кораблей и космонавтов. Сегодня же у Главкома в присутствии Руденко и Агальцова долго обсуждали два вопроса:

1. Давать ли космонавту в полет шифр от логического замка? Этот шифр позволяет космонавту воспользоваться системой ручной посадки корабля в любой момент полета. Решили шифр космонавту дать. 2. Когда официально объявлять о полете космонавта? Я высказался за немедленное объявление, как только мы получим данные о том, что корабль вышел на орбиту. Главком и Агальцов высказались за объявление только после благополучной посадки.

Руденко промолчал. По-видимому, он согласен со мной, но против мнения Главкома не пошел.

15 марта.

Главком и Ф.А.Агальцов приехали в Институт авиационной и космической медицины (ИАКМ - Ред.) для встречи с шестью космонавтами. Вчера я без труда уговорил Главкома на эту встречу, напомнив ему о необходимости его напутственного слова космонавтам перед их отлетом на полигон. Главком впервые прибыл в этот институт. Начальник ИАКМ генерал-лейтенант Волынкин очень благодарил меня за организацию этой встречи в надежде, что Вершинин решит некоторые проблемы института. Вершинин подробно ознакомился с ходом 11-суточных испытаний в тепловом макете космического корабля. Пояснения по эксперименту давал Яздовский. Затем Главком посмотрел наших знаменитых собачек: Белку, Стрелку и Чернушку. У Стрелки уже большое потомство — шесть трехмесячных щенят.

В беседе с космонавтами, продолжавшейся более часа, Вершинин сказал: «Я просматривал ваши личные дела, прочитал материалы о сдаче вами выпускных экзаменов. Уже не первый раз мы с вами встречаемся, и я знаю и верю, что вы хорошо подготовлены и натренированы. То, что я знаю о вас, характеризует вашу физическую, учебную, техническую и спортивную подготовленность к полету в космос. А мне хотелось бы знать и о том, как вы морально подготовлены к этому великому подвигу, верите ли в успех полета, как относятся к вашим занятиям ваши семьи?» Все единодушно заявили, что твердо уверены в успехе полета, а их семьи знают о наших достижениях в космосе.

Капитан Попович, а за ним и остальные космонавты высказали единственное замечание в адрес Главного конструктора Алексеева С.М., который не выполнил свое обещание. Вместо шести индивидуальных скафандров он сделал только три: для Гагарина, Титова и Нелюбова. Многие тренировки и парашютные прыжки в скафандрах сорваны из-за их отсутствия. Других претензий у космонавтов не было.

16 марта.

Тремя самолетами Ил-14 в 6:00 по московскому времени вылетели на полигон. Один самолет полетел прямо в Тюра-Там, а два других сначала полетели в Куйбышев. Там мы облетели район штатного приземления корабля и космонавта. В моем самолете были Гагарин, Нелюбов и Попович. В другом самолете с генералом Гореглядом находились Титов, Быковский и Николаев. Район посадки космонавтам понравился: в основном хорошо заснеженные поля, все водоемы подо льдом, лишь немного леса на севере да коварные для парашютистов и средств поиска — Жигулевские горы.

На отдых разместились в санатории Приволжского военного округа ВВС на берегу Волги, играли в пинг-понг, шахматы и бильярд. Космонавты, я, Яздовский и Карпов спали в одной большой комнате. Космонавты чувствуют себя хорошо, бодры, веселы и как всегда очень жизнерадостны. Юрий Гагарин - первый кандидат на полет — почему-то бледнее и молчаливее других. Его не совсем обычное состояние, по-видимому, можно объяснить тем, что 7 марта у него родилась вторая дочь, и только вчера он привез жену домой из больницы. Наверное, прощание с семьей было нелегким, и это тяготит его.

17 марта.

Вылетели в Тюра-Там. В самолете играли в шахматы «на мусор». На аэродроме полигона нас и Королева с Келдышем ждали пять кинооператоров. Королев и Келдыш очень тепло встретились с космонавтами, но категорически отказались от участия в киносъемке. Я дал задание операторам не жалеть пленки и наиболее полно заснять космонавтов, их быт, тренировки, подготовку к старту и сам старт в космос. Со мной прибыли три наших кинооператора — Кордюков, Павлов, Анисимов. Они снимали космонавтов в самолете.

18 марта. Тюра-Там.

В 10:00 космонавты встречались с Королевым, Келдышем, Глушко и другими конструкторами и специалистами. Королев каждому из космонавтов задал по 1-2 технических вопроса. Ответы всех удовлетворили. Королеву особенно понравилась готовность каждого лететь «хоть сегодня». Как уточнили в ходе беседы, к настоящему времени стартовало уже 6 кораблей «Восток», из них 4 вышли на орбиту, 2 отлично спустились на землю, 1 хорошо приземлился при отказе третьей ступени ракеты. Из 6 запусков полностью неудачным был второй — падение ракеты на старте (28 июля 1960 года — Ред.). Королев убедился, что космонавты знают о пусках кораблей не только из сообщений ТАСС, что они знают и об имевших место отказах техники и их причинах, а также о мерах, принятых для их предотвращения.

После двухчасовой беседы все прошли в МИК (монтажно-испытательный корпус) и ознакомились с носителем и кораблем. Генерал Горегляд после этого осмотра, пожалуй, наиболее точно выразил мнение «новичков»: «Я видел все это в кино, но в действительности это грандиозней, интересней и, бесспорно, сложнее новейшей авиационной техники».

Затем часа два вместе с космонавтами обсуждали текст «Инструкции космонавту». Космонавты сделали несколько существенных поправок: даже в первом одновитковом полете необходимо ослабить притяг парашютной системы; перчатки надевать только за 15 минут до старта, а не до закрытия люка N1, как настаивал Алексеев; на борту корабля должен быть сокращенный текст «Инструкции» по действиям космонавта при ручном спуске, в полете на сутки и при спуске за счет естественного торможения; связь вести с помощью лоринготонов. Все поддержали необходимость ведения бортжурнала в полете. Кроме того, космонавты единодушно настаивали на том, чтобы им предоставили возможность стопорить раскрытие запасного парашюта при нормальной работе основного. Я согласился поставить задачу отработки такого стопора для последующих полетов, но при первом полете запасной парашют будет раскрываться автоматически.

19 марта.

Пуск «Востока-3А» переносится на 24-25 марта из-за неисправности аппаратуры радиосвязи корабля и необходимости ее доработки (Главный конструктор Л.И.Гусев). С 10:00 вместе с космонавтами разбирали варианты посадки корабля на территории СССР на различных витках полета. Самые лучшие условия посадки на 1, 2 и 16 витках, но можно садиться и на 4, 5, 6 и 7 витках. Все наиболее благоприятные для посадки витки, районы приземления и точки включения ТДУ нанесены на карту, которая будет на борту корабля. В этой работе очень большую помощь нам оказал Константин Петрович Феоктистов.

Около часа Королев, я, Яздовский, Карпов и Азбиевич беседовали о перспективах дальнейших работ. Королев

заинтересован в поддержке ВВС и уже несколько раз повторяет мысль о том, что все военные работы в космосе нужно объединить в ВВС. Он признал, что медлительность в освоении развития космической разведывательной аппаратуры и связи частично объясняется тем, что богатый опыт ВВС в этой области до сих пор мало использовался, и что в решении этих вопросов ведущая роль должна принадлежать ВВС. Королев считает, что до 1965 года человек полетит к Луне. Возможно, он прав, но все зависит от степени внимания к космосу со стороны руководства страны и, в частности, со стороны военного руководства. Пока этого внимания явно недостаточно, и я буду упорно добиваться значительного усиления влияния военных в освоении космоса и большей целеустремленности и концентрации усилий.

С космонавтами отработали план радиопереговоров. С момента посадки космонавта в корабль (за два часа до старта) и до 710-й секунды полета (выход корабля на орбиту) связь будет вестись в УКВ-диапазоне, а после этого — в КВ— и УКВ-диапазонах, но только над территорией СССР. В случае отсутствия «приема» космонавт и «земля» не прекращают работу «на передачу». Все шестеро космонавтов единогласно высказались за то, чтобы в случае отказа перед стартом УКВ-связи при отличной работе всей другой аппаратуры полет не откладывать. Сегодня мне принесли на утверждение план киносъемок космонавтов, разработанный военными и гражданскими кинооператорами с участием М.Л.Галлая. В плане — сплошной Галлай: он встречает, объясняет, учит, указывает и т.д. Я прочитал план в присутствии Галлая и вычеркнул из него всех, кроме космонавтов.

20 марта.

Сегодня космонавты тренируются в надевании и регулировании скафандра; а меня одолевает бесконечный поток мыслей о космонавтах, об их семьях, о ходе подготовки полета, о самом полете, об организации поиска и, пожалуй, главное — о серьезных организационных недостатках в освоении космоса. Все время меня преследует мысль, что мы действуем медленно и «растопыренными пальцами». По-видимому, я обязан буду обратиться по этому вопросу в ЦК КПСС к Хрущеву. Мои обращения к Вершинину, Москаленко, Устинову, Рудневу, Келдышу и другим руководителям нельзя считать полностью бесплодными, кое-какое улучшение уже есть (ТТЗ на новый корабль, организация командных пунктов, усиление роли ВВС в разработке разведывательной аппаратуры), но этого совершенно недостаточно, чтобы нам не отстать в ближайшем будущем от Америки и закрепить наше лидерство в освоении космоса. На каждый наш спутник США запускают 3-4 своих спутника; сейчас в космосе летает более 15 американских спутников, причем их спутники в 4-5 раз легче наших. Они запустили 22 спутника «Дискаверер» для отработки разведывательной аппаратуры, а запуск спутника «Эхо-1» (надувной шар диаметром 30 метров) является отличным экспериментом по усовершенствованию средств связи. Американцы непрерывным потоком получают обширную информацию из космоса и настойчиво совершенствуют аппаратуру для своих будущих космических кораблей. Нам необходимо признать, что американцы, отставая от нас в весе спутников и в мощности ракетных двигателей, в то же время опережают нас по средствам связи, телеметрии и электронике. Мы потеряли связь с АМС, летящей к Венере, на удалении в 2 миллиона километров, а американцы уже имеют опыт связи на расстоянии 37 миллионов километров. Нам крайне необходимо объединить усилия многочисленных ведомств, КБ, заводов и научных организаций в едином государственном органе, руководство которым поручить не «случайным» людям, работающим на космос (подобно Устинову, Рудневу и другим) по совместительству с большими земными делами, а тем, кто знает космос, для кого освоение космоса стало целью всей жизни.

Хочется записать несколько строк и об отважной шестерке космонавтов. Я познакомился с ними месяцев десять тому назад в кабинете Вершинина, когда Главком впервые принимал группу космонавтов. В ноябре прошлого года я фактически возглавил всю работу по освоению космоса, проводимую в ВВС. Мои встречи с космонавтами стали более частыми; я был председателем экзаменационной комиссии, знал их подготовленность к полету, их анкетные данные, но я почти не замечал их различий между собой — все они были для меня космонавтами и только. Вот уже пятые сутки мы все время вместе. Я провожу с ними занятия, мы вместе занимаемся спортом, едим за одним столом, играем в шахматы, смотрим кино. Все они доверчиво и с уважением относятся ко мне, а я начинаю подмечать их сугубо индивидуальные черты и интересы. Вчера, например, когда мы все после ужина пошли в кино, Титов попросил разрешения не идти с нами, а почитать Пушкина - оказывается, он увлекается поэзией и много читает. Попович, Николаев, Быковский и Нелюбов прилично играют в шахматы, иногда садятся и за преферанс. Юра Гагарин безразличен к картам и шахматам, но увлекается спортом, не оставляет без внимания остроумного анекдота или веселой шутки.

21 марта.

Утро на редкость тихое, приятная весенняя погода. Сырдарья понемногу освобождается ото льда, в камышах у противоположного берега слышны крики диких уток. После завтрака изучали с космонавтами организацию поиска корабля в случае его приводнения в море или океане. Докладывал капитан 1-го ранга Миловский Павел Данилович. Космонавты его сообщением остались довольны. Они не знают серьезных недостатков в оснащении морских поисковых кораблей средствами поиска. Только 2 корабля имеют КВ— и УКВ-пеленгаторы. Нам, к сожалению, очень хорошо известно, что при приводнении космический корабль быстро затонет, а радиопередатчики вскоре выйдут из строя из-за отсутствия герметичности шара. Кроме того, НАЗ не имеет плавучести. Надо признать, что спасение космонавта на воде совершенно не обеспечено, и над решением этой проблемы придется еще немало поработать. Будем надеяться, что корабль приземлится на территории СССР.

Вечером Гагарин, Титов и Нелюбов в МИКе тренировались в надевании скафандра, посадке в кабину корабля, проверке скафандра и средств связи. Надевание скафандра занимает не более 20 минут, а посадка в кабину и проверка оборудования — 15 минут. На тренировке было излишне много людей.

22 марта.

С 10 до 12 часов Главный конструктор стартового комплекса Бармин Владимир Павлович проводил занятия с космонавтами. Показ своего обширного «хозяйства» он сопровождал подробными пояснениями. Весь стартовый комплекс очень сложен, зато гениально просто осуществлены подвеска ракеты и ее освобождение от опор — стоит ракете подняться на 49 миллиметров, как ее опоры откидываются под действием сил тяжести десятитонных противовесов.

В 12 часов я был у Королева и Келдыша. Они сказали мне, что поддерживают мое предложение: объявить о полете

космонавта немедленно, как только корабль выйдет на орбиту.

23 марта.

Инженер ЛИИ Даревский провел занятия по коррекции глобуса. Занятия были достаточно хорошо подготовлены и безусловно полезны космонавтам. В полезности занятий усомнился только М.Л.Галлай. Галлаю не понравилось, что занятия поручили провести не ему, а Даревскому, — он нашел какие-то погрешности в методике проведения занятий, сбегал к Королеву, что-то ему наговорил и вытащил на занятия. Королев посидел минут десять, понял, что космонавты занимаются нужным делом, и ушел.

Вечером получили неприятное сообщение из Москвы: погиб слушатель-космонавт старший лейтенант В.В.Бондаренко. Нелепая первая жертва среди космонавтов. Он погиб от пожара в барокамере на десятые сутки 15-суточного эксперимента, проводившегося в Институте авиационной и космической медицины. Причина возникновения пожара пока неизвестна, вероятнее всего, она кроется в плохой организации дежурства и контроля за ходом испытаний.

24 марта.

С 11:00 заседала Государственная комиссия по пуску «Востока-3А» под председательством академика Келдыша. Сначала комиссия заслушала доклад главного конструктора Алексеева. Он доложил, что испытания по катапультированию четырех испытателей с самолета Ил-28 еще не проведены, не начаты и морские испытания НАЗа. На проведение испытаний потребуется 7-10 дней. Проведено катапультирование из шара и имитация катапультирования на старте — результаты испытаний удовлетворительные.

Затем с докладом выступил заместитель Главного конструктора ОКБ-124 Николаев. В системе жизнеобеспечения космонавта хуже всего дело обстоит с системой регенерации воздуха. После 10-суточных испытаний в кабине корабля образовалась целая лужа соляного раствора: осушитель оказался малоэффективным. В ОКБ-124 пытаются решить возникшую проблему заменой применяемого химического вещества на более активное, на что потребуется 14-15 дней. Кроме того, плохо работает газоанализатор, завышающий показания по концентрации кислорода и углекислоты.

Решили, что пуск корабля «Восток-3А» с манекеном проведем 25 марта в 8:54 по московскому времени. О плохой работе Воронина и Алексеева послали шифровку Устинову и Рудневу. В 13:00 ракету вывезли на старт. При вывозе и установке ракеты на старте присутствовали космонавты. В 18:00 Гагарин и Титов надели скафандры и в специальном автобусе отправились на старт. Здесь они провели тренировку по подъему на лифте к люку космического корабля. Космонавты в скафандрах чувствуют себя уверенно и укладываются в интервалы времени, предусмотренные инструкцией.

25 марта.

В 6:30 местного времени Келдыш провел очень короткое заседание. Подготовка к пуску идет нормально, погода на старте и в районе посадки хорошая. Комиссия разрешила пуск. Генерал Горегляд, Азбиевич, Карпов и пять космонавтов за полтора часа до старта поехали на измерительный пункт (ИП). Они ознакомятся с оборудованием ИПа и будут там во время пуска. Я, Яздовский и космонавт Попович за 1 час 20 минут до пуска прибыли на КП старта (в 10 метрах от ракеты). На корабле, стартующем сегодня, нет космонавта, но на нем имеется радиооборудование, и мы должны проверить средства связи и убедиться в их надежности. Все переговоры будут записываться на магнитофоны. Я передал пять раз: «Кедр», я — «Заря», проверяю связь — 1, 2, 3, 4, 5. Как слышите? Я — «Заря», прием». Две аналогичные передачи провели Королев и Попович.

Я впервые наблюдал работу стартового расчета и технического руководителя пуском. Королев был спокоен, расчет действовал четко и слаженно. Примерно за час до старта Королеву доложили, что один из датчиков на третьей ступени не работает. Он немедленно вызвал к себе Главного конструктора Косберга. После короткого обмена мнениями было принято решение отключить датчик. Для осуществления этой операции двум специалистам пришлось подняться на ракету, открыть люк третьей ступени, отсоединить четыре провода и закрыть люк.

За 10 минут до старта я перешел в бункер. Яздовский был уже там — на стартовой позиции он вел себя неспокойно, по-видимому, побаивался. Из бункера Королев, Кириллов и Воскресенский управляли пуском. Командовал подполковник Кириллов, а роль Королева сводилась к приему докладов о ходе полета. За 2-3 минуты до старта и в течение трех минут после пуска я принимал с борта магнитофонную запись отсчета секунд и песни. Через 18 минут поступил сигнал об отделении корабля от носителя и выходе его на орбиту.

Посоветовавшись с Королевым и Келдышем, я принял решение отправить в Москву тремя самолетами Ил-14 всех космонавтов и офицеров ВВС (всего 34 человека). Перед нашим отлетом Бушуев передал по телефону, что в районе посадки приняты сигналы от передатчиков П-37 и Р-126. Это означало, что парашюты раскрылись, и корабль приземлился. В Москву прилетели уже ночью. Дежурный по КП ВВС доложил: «Корабль приземлился отлично в районе Ижевска».

27 марта. Москва.

Корабль приземлился в 45 километрах юго-восточнее Воткинска. Манекен приземлился нормально, животные чувствуют себя хорошо. Собака Звездочка перенесла полет благополучно и сегодня весь день будет «выступать» перед журналистами и корреспондентами. Идут непрерывные звонки, все хотят побыстрее заснять знаменитую «космонавтку». Между прочим, Звездочкой ее окрестил накануне полета Юрий Гагарин. Остальные космонавты его дружно поддержали, я «утвердил» их предложение, и собака Удача стала Звездочкой. Теперь у нас уже четыре собаки совершили космический полет.

Итак, подготовка к космическому полету человека, в основном, закончена. Есть большая уверенность, что одновитковый полет и приземление космонавта пройдут хорошо. Сами космонавты после наблюдения старта корабля и ознакомления с результатами посадки высказали мнение: «Все готово, можно лететь». Да, все готово для полета, рассчитанного на один виток с приземлением на нашу территорию. Но мы еще не готовы полностью к аварийным ситуациям в полете. Нет уверенности в аппаратуре обеспечения жизнедеятельности космонавта в случае спуска корабля за счет естественного торможения (при этом длительность полета может составить 2-10 суток). Последние испытания в тепловом макете корабля оказались неудовлетворительными, осушитель не поглощает всей влаги,

выделяемой человеком. Все еще не проведены морские испытания НАЗа и не отработана методика приводнения космонавта. НАЗ пока негерметичен и плохо остойчив: его содержимое будет заливаться водой и радиопередатчики могут быстро выйти из строя. Корабль при приводнении может скоро затонуть (открыты два люка). Скафандр и лодка позволяют космонавту держаться на воде более суток, но отыскать его в океане и даже на море будет крайне трудно из-за отсутствия средств обозначения его местонахождения.

Сегодня началась энергичная (пока словесная, телефонная и заседательская) подготовка к полету космонавта. Звонили Королев и Кобзарев. Завтра поедем к Воронину, а затем к Дементьеву обсуждать все вопросы обеспечения жизнедеятельности и спуска космонавта. На среду планируется встреча с Д.Ф.Устиновым и Ф.Р.Козловым. Вечером доложил Главкому о состоявшемся пуске корабля, о занятиях космонавтов, их настроении и впечатлениях от пребывания на полигоне. Главком решил несколько важных вопросов:

1. Согласился с решением комиссии дать сообщение о полете космонавта немедленно после выхода корабля на орбиту.
2. Разрешил значительно усилить оснащение самолетов и вертолетов всем необходимым для эвакуации космонавта в любых условиях приземления или приводнения. Разрешил вызвать командующих ВВС военных округов и проинструктировать их по организации поиска.
3. Подписал адресованное Москаленко письмо с просьбой разрешить киносъемку космонавтов на полигоне.
4. Дал указание организовать экзамены для одиннадцати слушателей-космонавтов на присвоение звания космонавта.

28 марта.

С утра были в ОКБ-124 (Главный конструктор Г.И.Воронин), осмотрели завод (бывший «Дукс»). Директором завода работает И.И.Румянцев, бывший секретарь московского обкома КПСС. Заместителем Воронина работает мой земляк Горин. Вместе с Гориным мы работали в меленковской (город Меленки, где прошла юность Н.П.Каманина, — Ред.) комсомольской организации и последний раз виделись лет 10 тому назад, когда он работал начальником главка в Министерстве авиационной промышленности. ОКБ и завод производят аппаратуру для обеспечения высотных полетов и жизнедеятельности космонавта. Завод в сравнении с другими авиазаводами отличается в худшую сторону. Для обеспечения космических полетов завод необходимо реконструировать и расширить.

На совещании в ОКБ-124, которое проводил Кобзарев, присутствовали: Королев, Келдыш, Бабийчук, Холодков, Яздовский, Генин, Смирнов, Воронин, Николаев, Румянцев, Горин и другие. Обсуждался главный вопрос: как быть с осушителем системы регенерации воздуха в кабине космического корабля? Осушитель, прошедший 10-суточные испытания в тепловом макете корабля, «выдал» четыре литра раствора хлористого лития. Врачи утверждают, что частицы этого раствора, попав в дыхательные органы космонавта, могут его отравить, а Воронин и его замы утверждают, что хлористый литий безвреден и его даже можно есть. Воронин предложил в качестве поглощающего влагу вещества использовать уголь, растворенный в хлористом литии. Этот состав трое суток испытывался в Институте авиационной и космической медицины при повышенных температурах и дал удовлетворительный результат (выделения раствора не было). После очень жарких дебатов решили провести 5-суточные испытания в повышенном температурном режиме с тем же наполнением осушителя, только несколько изменив пропорции составляющих компонентов, и одновременно провести лабораторные испытания с древесным углем, насыщенным хлористым литием.

В 12:00 все поехали к председателю ГКАТ (Государственный комитет по авиационной технике — Ред.) П.В.Дементьеву. У него на совещании решили:

1. Выполнить 2-4 катапультирования в ЛИИ с самолета Ил-28.
2. Провести в Феодосии морские испытания НАЗа и подвесной парашютной системы.
3. Утвердить решение о 5-суточном испытании осушителя.
4. Согласиться с предложением Королева -отключить газоанализатор от приборной доски (он дает завышенные показания), но оставить его на борту корабля и контролировать его работу по телевидению.

Дементьев, Руднев и Королев дали нам почувствовать, что они очень недовольны письмом Вершинина к Устинову, в котором Главком с подачи Бабийчука изложил недостатки системы регенерации воздуха и газоанализатора. Пришлось выступить и защищать «честь мундира» ВВС, хотя я лично не стал бы писать такое письмо. Дело в том, что над системой регенерации воздуха уже более полугода совместно работают ОКБ -124 и Институт авиакосмической медицины. Как я установил, в недостатках системы регенерации воздуха есть доля вины и института. В этом в первую очередь повинны Яздовский и Генин, но виноват и я, так как безраздельно верил Яздовскому, а ознакомление с материалами испытаний показывает, что он «прохладно» относился к столь важному вопросу.

Два дня тому назад генерал-лейтенант Клоков передал слушателям-космонавтам не согласованное со мной решение Главкома об их переводе в космонавты без выпускных экзаменов. Сегодня я доложил Главкому, что такое решение неправильно. Вершинин согласился, что экзамены нужны. Он подписал приказ о назначении экзаменационной комиссии и сказал: «Клоков меня неправильно понял и все перепутал». Генералу Клокову придется теперь отрекаться от своих необдуманных и излишне поспешных обещаний.

29 марта.

С 16:00 до 18:00 заседала Государственная комиссия у Руднева по итогам последнего пуска космического корабля и готовности к полету космонавта. Королев коротко доложил об итогах пуска семи кораблей «Восток»: в 1960 году — 15 мая, 28 июля, 19 августа, 1 и 22 декабря; в 1961 году — 9 и 25 марта. Особое внимание он уделил двум последним удачным пускам и сделал вывод, что ракета-носитель и корабль «Восток-3 А» готовы к полету человека. После других выступлений Руднев опросил всех персонально: «Кто за полет человека в космическом корабле?» Все были «за».

В 18:30 все собрались у Устинова. Доклад такой же, как и у Руднева, сделал Королев. Он продемонстрировал два альбома фотоснимков, сделанных 9 и 25 марта при пролете кораблей над Африкой и Турцией. На одном из снимков отчетливо виден турецкий город Александретта и бетонная полоса аэродрома. Есть несколько снимков «летающих тарелок». По форме это не тарелки, а рюмки или вазы, поставленные одна на другую. Очертания этих красивых и несколько фантастических фигур очень четкие, я бы сказал, даже резкие. Не верится, что это оптические «фокусы» в атмосфере; «тарелочки» воспринимаются как реальные предметы — так и хочется дотронуться до них рукой.

После Королева выступили Воронин, Алексеев, Гусев, Келдыш, Ивашутин, Руднев. Я выступал три раза. Все подтвердили полную готовность носителя, корабля «Восток-3А», космонавтов, всего оборудования, средств связи и поиска к полету космического корабля с человеком на борту. В результате обсуждения был отредактирован доклад в ЦК КПСС о готовности провести первый в мире полет человека в космос в период 10-20 апреля 1961 года. Доклад подписали: Устинов, Руднев, Калмыков, Дементьев, Бутома, Келдыш, Москаленко, Каманин, Ивашутин, Королев. К докладу приложили три варианта сообщений ТАСС:

1. Немедленно после выхода корабля на орбиту объявить на весь мир, что гражданин СССР …….. в космическом корабле «Восток» поднялся в космос и совершает полет по орбите. С космонавтом поддерживается двухсторонняя радиосвязь. Космонавт чувствует себя хорошо. 2. После приземления корабля сообщить о месте и времени посадки. Сообщить о самочувствии космонавта.

3. В случае аварийной посадки космонавта в океане или на иностранной территории объявить об этом и просить оказать космонавту помощь.

Решено, что корабль «Восток» не будет иметь систему аварийного подрыва. Против этого решения возражал только один Ивашутин. Поручили ему и Королеву еще раз просмотреть оборудование корабля и решить, что нужно сделать, чтобы секретные данные не попали в чужие руки в случае аварийной посадки на иностранной территории.

Сегодня в ЛИИ были проведены два удачных катапультирования испытателей с самолета Ил-28 в условиях, соответствующих условиям катапультирования с корабля «Восток».

30 марта.

Был у Устинова на совещании, на котором окончательно отредактировали и подписали доклад в ЦК КПСС. Сегодня по приказанию Главкома собирали и инструктировали командующих ВВС военных округов. Основной доклад сделал генерал-лейтенант Кутасин - об организации и средствах поиска приземлившегося корабля и космонавта. Особое внимание докладчик обратил на дублирование средств поиска и соответствие их условиям климата, времени года, погоде и конкретной обстановке в районе посадки корабля. В данное время средствами поиска оборудованы 20 самолетов Ил-14, 3 — Ан-12 и 2 — Ту-95, 10 вертолетов Ми-4 и 3 — Ми-6. Эти самолеты и вертолеты имеют УКВ-пеленгаторы. Еще два Ил-14 оборудованы КВ-пеленгаторами. Один из них базируется в Куйбышеве, а другой в Свердловске. Я ознакомил командующих с уже имеющимся опытом поиска, с особенностями и трудностями поиска корабля в случае его посадки за пределами расчетного района. Обратил их внимание на необходимость широкого привлечения местных средств (самолеты, вертолеты и аэродромы ГВФ и ПВО, средства связи всех ведомств, дежурные наблюдатели, автомашины, катера и другие средства). Командующие высказали пожелание создавать штатные подразделения поиска и все работы по пуску и поиску объединить в ВВС под одним командованием.

31 марта.

Главком третий день занят встречами, приемами и проводами наших союзников по Варшавскому Договору. Сегодня в 9 утра он опять уехал по этим делам, но я успел доложить ему содержание двух писем: министру обороны — о готовности полета космического корабля с человеком на борту в период 10-20 апреля и начальнику Генерального штаба Захарову — о передаче всех космических фотосъемок в ведение ВВС. Вершинин с удовольствием просмотрел альбом фотоснимков, полученных в последнем полете корабля «Восток-3А». Снимки подтверждают изумительную точность выдерживания расчетной орбиты корабля - четыре снимка почти полностью совпадают со снимками, полученными 9 марта в полете предыдущего корабля. Главком с интересом рассматривал снимки «летающих тарелок» и забрал их с собой, чтобы показать маршалам Гречко и Малиновскому.

Звонил Королев и передал, что Воронин решил заполнять осушитель углем. Сергей Павлович высказал сомнение, нужно ли сейчас менять уже всеми принятое решение. Я подтвердил ему нашу точку зрения: в первый полет осушитель зарядить древесной ватой, пропитанной хлористым литием, а с углем проводить опыты и готовить осушитель с новым заполнителем к более длительным космическим полетам. Сергей Павлович сказал, что в понедельник 3 апреля состоится заседание Президиума ЦК КПСС, на котором первым будет рассмотрен вопрос о полете человека в космос. Возможно, пригласят представителей ВВС и космонавтов.

1 апреля.

Вчера пришло сообщение о том, что морские испытания НАЗа и парашютной системы в Феодосии начались неудачно: НАЗ на воде не имеет остойчивости (вопреки неоднократным заверениям Алексеева), антенно-фидерные устройства заливает вода, передатчики не работают. Вчера же получил и другое, еще более неприятное сообщение. По всем согласованным решениям Институт авиакосмической медицины 30 марта должен был начать испытания осушителя Воронина с несколько измененным составом осушающего вещества, но Воронин к назначенному сроку не поставил институту всего необходимого оборудования. Более того, вечером 31 марта он сообщил, что по результатам 4-суточных форсированных испытаний в ОКБ-124 старый наполнитель осушителя не годится: на четвертые сутки он вновь стал выделять раствор хлористого лития, и поэтому начинать с ним многодневные испытания в тепловом макете корабля бессмысленно.

Вчера вечером мне на квартиру звонил заместитель Яздовского полковник Генин и добивался, чтобы я единолично, вопреки решениям трех авторитетных комиссий (Руднева, Дементьева и Устинова), разрешил заполнить осушитель углем и начать с ним испытания. Я сказал Генину, что подобные вопросы по телефону не решаются, что этот конкретный вопрос компетентно может решить только Главный конструктор Воронин. Наша задача - испытать и дать заключение по осушителю, созданному Ворониным, — а не самим создавать новый осушитель. Для решения этой проблемы у нас нет ОКБ и специалистов. Этот разговор испортил мне сон на всю ночь. Я десятки раз восстанавливал в памяти историю наших взаимоотношений с фирмой Воронина и пришел к твердому убеждению, что Воронин как организатор очень слаб. Нужны очень серьезные мероприятия, чтобы решить проблему регенерации и осушения воздуха в кабине космического корабля при полетах на десять и более суток. Первый космический полет рассчитан на 1 час 30 минут. Осушитель, прошедший испытания, надежно обеспечивает жизнедеятельность космонавта в течение 6-7 суток, а с некоторыми сомнениями — и до 10 суток. Полет будем проводить с данным осушителем, но одновременно будем настойчиво его совершенствовать.

3 апреля. Был в ЦПК.

Сегодня сдает выпускные экзамены вторая группа слушателей-космонавтов: Хрунов Е.В., Комаров В.М., Беляев П.И., Волынов Б.В., Шонин Г.С., Горбатко В.В., Рафиков М.З., Леонов А.А., Филатьев В.И., Аникеев И.Н., Заикин Д.А. Председатель комиссии — я, члены комиссии: академик Сисакян, генерал-лейтенант Волынкин, генерал-майор Бабийчук, Главный конструктор Алексеев, полковники Яздовский, Карпов, Смирнов, космонавт Титов и другие. Я смог присутствовать только на экзаменах Хрунова и Комарова: к 13:00 меня вызвал Главком. Сегодня в 15:00 в Президиуме ЦК КПСС должен решаться вопрос о полете человека в космос. Главком приказал, чтобы я с космонавтами Гагариным, Титовым и Нелюбовым находился в Главном штабе ВВС и был готов, если потребуется, немедленно выехать в ЦК КПСС.

Ожидая вызова, мы еще раз проанализировали готовность техники и космонавтов к первому полету. Я показал им альбомы фотоснимков из космоса от 9 и 25 марта. Пришли к общему выводу, что снимки из космоса будут иметь очень большую ценность как средство разведки. Я рассказал космонавтам и о ходе испытаний парашютной системы, НАЗа и осушителя. По парашютной системе дополнительно проведено три успешных катапультирования испытателей с самолета Ил-28, катапультирование на Земле из шара и сброс шара с высоты 5 метров. Все испытания прошли хорошо. Космонавты знают о плохой остойчивости шара и недостатках осушителя. Они трезво оценивают обстановку и уверены, что одновитковый полет будет выполнен успешно. Гагарин просил включить в боевой расчет для подготовки космонавта на старте парашютиста полковника Никитина Николая Константиновича. Космонавты к нему привыкли и безраздельно ему доверяют. Никитин в данное время проводит испытания в Феодосии, а боевой расчет уже прошел тренировку и утвержден Государственной комиссией по пуску. К тому же Никитин недостаточно дисциплинирован и излишне болтлив. Учитывая все эти обстоятельства, решили состав боевого расчета не изменять. Гагарин, Титов (ему сегодня вручили партбилет) и Нелюбов записали на магнитофон свои речи перед стартом в космос. В 16:00 позвонил Королев и сообщил, что решение ЦК состоялось, — он сегодня улетает на старт. Сергей Павлович просил ускорить и наш вылет.

4 апреля.

Главком подписал удостоверения пилотов-космонавтов Гагарину, Титову и Нелюбову. Он утвердил также акт выпускных экзаменов и подписал приказ о зачислении в космонавты Хрунова, Комарова, Беляева, Волынова, Шонина, Горбатко, Леонова и Аникеева. Три слушателя-космонавта: Рафиков, Филатьев и Заикин, хотя и сдали экзамены, но не закончили некоторые испытания и тренировки, и поэтому решение о переводе их в число космонавтов будет принято позже. Вчера маршал Москаленко ответил отказом на ходатайство Вершинина о допуске на полигон четырех кинооператоров ВВС для съемки кинокартины «Подготовка и первый в мире полет человека в космос», но сегодня он прислал с полигона шифровку, в которой разрешает прибыть киносъемочной группе ВВС на полигон.

Звонил Келдыш, интересовался моим мнением относительно осушителя. Я сказал, что разделяю мнение Воронина и Королева: в первый полет смонтировать осушитель с ватой, уже прошедший испытания, а над осушителем с углем работать и готовить его для более продолжительных полетов. Главком поддержал мою точку зрения и приказал передать Генину, Яздовскому и Бабийчуку, что решение принято и его надо выполнять, а не заниматься болтовней и перестраховкой. Это решение я передал Яздовскому и Бабийчуку. Оба ворчат — они боятся, что в случае неприятностей из-за осушителя их могут призвать к ответу. Я их успокоил, сказав, что отвечать будем я и Главком.

В первом полете встретится много нового и совершенно непредвиденного. Не зря Никита Сергеевич вчера на Президиуме ЦК задал вопрос: «У кого есть сведения, как поведет себя космонавт уже в первые минуты полета, не будет ли ему очень плохо, сможет ли он сохранить свою работоспособность, выдержку и психическую уравновешенность?» Никто из присутствующих не мог дать Хрущеву определенного и однозначного ответа. Королев, не вдаваясь в тонкости вопроса, ответил: «Космонавты подготовлены отлично, они знают корабль и условия полета лучше меня и уверены в своих силах». Уверенность вещь хорошая и даже необходимая в таком большом и ответственном деле, как первый полет человека в космос. Я тоже верю в успех, моя уверенность основана на знании техники, людей, которые полетят, и некотором знании условий полета. Нет и никогда не будет «стопроцентной» уверенности в успехе космического полета, особенно первого. Ясно одно, что с каждым новым полетом в космос

летательные аппараты, организация полета и подготовленность экипажа будут улучшаться.

Из 7 кораблей «Восток», уже запускавшихся в космос, 5 вышли на орбиту, при этом 3 корабля произвели отличную посадку и 1 — аварийную. Кроме того, при двух пусках на Венеру спутники вышли на орбиту. Так что корабль с человеком на орбиту выйдет, и этот подвиг советского народа будет совершен через 10-15 дней. Могут быть неприятности при посадке (особенно в случае приводнения), так как точность расчета места посадки колеблется в значительных пределах: 400-600 километров.

5 апреля. Тюра-Там.

Встал в 5 часов утра, чтобы ехать на аэродром. Неутомимая, как и тридцать лет назад, Муся (супруга Н.П.Каманина — Мария Михайловна — Ред.), приготовила хороший завтрак. Муся и внучка Оленька будут без меня очень скучать. Мне тоже от них трудно отрываться, но дело, ради которого я расстаюсь с ними, захватило меня целиком. Ранним утром Москва пустынна и, пожалуй, наиболее привлекательна. Каменный мост, Манежная площадь, Большой театр, площадь Дзержинского, улица Кирова, вокзалы, Сокольники — все это очень знакомо и как-то по-новому дорого. Ночью выпал снег, за городом настоящий зимний пейзаж. Восходит багровое солнце, быстро бегут обрывки облаков, их становится все меньше и все больше открывается голубого неба — день, судя по всему, будет хорошим.

На аэродроме Чкаловская готовы к вылету три самолета Ил-14. Как и в прошлый раз на старт летят все шесть космонавтов, а также инженеры, врачи, кинооператоры. В моем самолете летят Гагарин, Нелюбов, Попович, Яздовский, Карпов, Холодков и Алексеев. В самолете генерала Горегляда — Титов, Николаев, Быковский, Азбиевич, Никерясов, Никитин, академик Парин. В третьем самолете летят врачи и кинооператоры. Самолеты взлетают с 15-минутным интервалом. Погода отличная, идем с попутным ветром в Тюра-Там без промежуточной посадки.

В 14:30 по московскому времени садимся на аэродроме Тюра-Тама. Нас встречают Королев, Галлай и офицеры штаба полигона. Сергей Павлович пытается шутить, рассказывает, как обсуждался вопрос о пуске на Президиуме ЦК, но за обычными шутками чувствуется его большая озабоченность. Вчера вечером в разговоре со мной по <ВЧ> он сказал: «В этом запутанном деле с осушителями я надеюсь на Вашу поддержку, мы очень круто поговорили с Ворониным, но разговоры с ним бесполезны». Я отвел Королева в сторону и сказал, что Главком поддерживает решение иметь в первом полете осушители, прошедшие испытания. Он спросил: «А как Генин и Яздовский?» Я заверил его, что все будет в порядке, — у врачей нет достаточных оснований возражать, они связаны уже принятыми решениями. Сергей Павлович высказал пожелание, чтобы космонавты основательно повторили несколько раз порядок ручного спуска, провели занятия по связи и тренировки в скафандрах. Я ответил ему, что все это входит в наши планы и необходимые тренировки будут проведены. Королев показал свой ориентировочный план работ. Он считает, что 8 апреля ракету уже можно будет вывозить на старт, а 10-11 апреля совершить полет. Как обычно, Королев торопится, но до 15 апреля полет вполне может состояться.

Все последнее время и сейчас, когда я пишу эти строки, меня неотступно преследует одна и та же мысль — кого послать в первый полет, Гагарина или Титова? И тот, и другой - отличные кандидаты, но в последние дни я все больше слышу высказываний в пользу Титова, и у меня самого возрастает вера в него. Титов все упражнения и тренировки выполняет более четко, отточенно и никогда не говорит лишних слов. А вот Гагарин высказывал сомнение в необходимости автоматического раскрытия запасного парашюта, а во время облета района посадки, наблюдая оголенную, обледенелую землю, он со вздохом сказал: «Да, здесь можно крепко приложиться». Во время одной из бесед с космонавтами, когда я рекомендовал им пройти катапультирование с самолета, Гагарин отнесся к этому предложению довольно неохотно. Титов обладает более сильным характером. Единственное, что меня удерживает от решения в пользу Титова — это необходимость иметь более сильного космонавта на суточный полет. Второй полет на шестнадцать витков будет бесспорно труднее первого одновиткового полета. Но первый полет и имя первого космонавта человечество не забудет никогда, а второй и последующие забудутся так же легко, как забываются очередные рекорды.

Итак, кто же — Гагарин или Титов? У меня есть еще несколько дней, чтобы окончательно решить этот вопрос. Трудно решать, кого посылать на верную смерть, и столь же трудно решить, кого из 2-3 достойных сделать мировой известностью и навеки сохранить его имя в истории человечества.

Сегодня вечером произошел безобразнейший случай в нашем домашнем кинотеатре. Когда шесть космонавтов, пять полковников и два генерала расселись по местам, киномеханик устроил «перекличку», чтобы выяснить, присутствуют ли генералы Семенов, Соколов и Юрышев, а когда убедился, что их в зале нет, заявил: «Нам приказано без них не показывать». Мы все встали и ушли в знак протеста против феодально-байских порядков у генералов ракетных войск. Через пять минут к нам прибежал адъютант генерала Семенова и извинился от его имени, но мы решили: «Пускай они одни смотрят кино».

6 апреля.

Утром прилетел К.Н.Руднев — председатель Государственной комиссии по пуску корабля »Восток-3А» с космонавтом. В 11:30 в присутствии Руднева, Келдыша, Семенова, Мрыкина и всех Главных конструкторов Королев провел техническое совещание. Первым обсуждался доклад Воронина о системе регенерации воздуха. Впечатление от доклада не в пользу Воронина и его ОКБ-124. Испытания проводились небрежно, много неряшливости и медлительности. Главная мысль докладчика сводилась к тому, что регенератор и осушитель вполне обеспечат десятисуточный полет. В связи с отсутствием другого проверенного осушителя и с учетом того, что первый полет рассчитан всего на 1 час 30 минут, приняли решение установить в корабле старый осушитель. Вторым докладывал Алексеев. Признано доказанным испытаниями и полетами манекенов 9 и 25 марта, что скафандр, кресло пилота, парашютные системы, НАЗ и автоматика приземления корабля и космонавта работают удовлетворительно. По обоим докладам я от имени ВВС дал заключение о готовности систем к полету.

После совещания Руднев поручил мне и Макарову (КГБ) отработать инструкцию по поведению космонавта в случае его посадки на иностранную территорию. С Королевым рассмотрели задание космонавту на полет. В задании указаны цели полета и действия космонавта при нормальном ходе полета и в особых случаях. Задание подписали Королев, Келдыш и я. Вечером Гагарин и Титов надевали свои индивидуальные скафандры и под руководством Алексеева и Востокова провели подгонку подвесной парашютной системы.

В гостиницу вернулись около 11 часов ночи. Я весь день наблюдал за Гагариным: мы вместе обедали, ужинали и

возвращались в автобусе. Сегодня он держится молодцом — в его поведении я не заметил ни одного штриха, который не соответствовал бы обстановке. Спокойствие, уверенность и твердые знания - вот его характеристика за день.

7 апреля.

Сегодня мы не ездили на вторую площадку. Провели три часа занятий с космонавтами по ручному спуску, по действиям после приземления. Гагарин, Титов и Нелюбов знают ручной спуск отлично. Около двух часов занимались спортом. Начал обучать космонавтов игре в бадминтон. Этой игрой особенно заинтересовались Титов и Гагарин. Провели киносъемку спортивной зарядки, занятий и спортивных игр космонавтов, общежития и столовой. Вчера вечером договорились с Рудневым сократить по возможности ночные работы и готовить пуск на 11-12 апреля. Сейчас 15:00 местного времени. Ребята прилегли отдохнуть, а я спешу записать хоть несколько строк.

Говорил с Вершининым по ВЧ, доложил, что у нас все идет нормально, пуск намечен на 11-12 апреля. Главком передал, что американцы планируют полет человека в космос на 28 апреля. Я сказал ему, что они раньше нас человека не запустят. 24 марта у них был большой провал: капсула «Меркурий» не отделилась от носителя и затонула в океане.

К нам на старт никто больше не прилетит. Начальства здесь и так больше, чем нужно. Вечером смотрели кинофильмы «Осторожно, бабушка» и «Восток-1». Кинокартина о полетах космических кораблей, особенно натурные съемки, сделана хорошо. Присутствовавший на просмотре маршал Москаленко высказал пожелание встретиться с космонавтами. Не возражая против встречи, я сослался на большую загрузку завтрашнего дня и уклонился от определения конкретного времени встречи.

8 апреля.

Под председательством Руднева состоялось заседание Государственной комиссии по пуску космического корабля «Восток-3А». Рассмотрели и утвердили задание на космический полет, составленное и подписанное мной и Королевым. Содержание задания: одновитковый полет вокруг Земли на высоте 180-230 километров; продолжительность полета 1 час 30 минут; цель полета — проверить возможность пребывания человека в космосе на специально оборудованном корабле; проверить в полете оборудование корабля и радиосвязь; убедиться в надежности средств приземления корабля и космонавта.

Комиссия заслушала мой и капитана 1-го ранга Миловского доклады о готовности средств поиска, после чего остались только члены комиссии и обсудили на закрытом заседании еще ряд вопросов. Первый вопрос: кто полетит? От имени ВВС я предложил первым кандидатом на полет считать Юрия Алексеевича Гагарина, а Германа Степановича Титова — запасным. Комиссия единогласно согласилась с моим предложением. По второму вопросу — о регистрации полета как мирового рекорда и о допуске на старт и в район посадки спортивных комиссаров — маршал Москаленко и Келдыш выступили против. «За» выступили Королев и я, нас поддержал Руднев. Постановили: полет оформить как мировой рекорд, но при составлении документов не допустить разглашения секретных данных о полигоне и носителе. По третьему вопросу — о вручении шифра логического замка космонавту — решили дать шифр космонавту в специальном пакете, предварительно проверив действие шифра на корабле. Поручили Каманину, Ивановскому, Керимову и Галлаю решить вопрос о выборе шифра и способе сохранения его на Земле и в корабле. Четвертый вопрос: об аварийном катапультировании космонавта на старте. Решили: до 40-й секунды полета команду на катапультирование подает Королев или Каманин, после 40-й секунды космонавт катапультируется автоматически. Приняли решение завтра провести заседание комиссии в торжественной обстановке и объявить космонавтам решение комиссии о первом кандидате для полета и запасном космонавте.

В конце заседания маршал Москаленко, показывая на Яздовского, спросил меня: «А почему он здесь, ведь он ветеринар и занимается собачками?» Мне с трудом удалось убедить его, что Яздовский «человеческий» доктор, профессор и доктор медицинских наук. После окончания заседания все члены комиссии пошли в цех и смотрели тренировку Гагарина и Титова в корабле. Тренировка прошла хорошо, связь и оборудование корабля работали нормально.

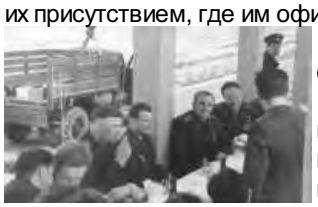
9 апреля.

Сегодня Королев пустил «девятку» (МБР Р-9), пуск прошел нормально — маршал Москаленко оценил его как рождение новой межконтинентальной ракеты. Несколькими днями раньше состоялся пуск МБР Янгеля Р-16, которая достигла «цели» на Камчатке с очень высокой точностью (отклонение по дальности 400 метров, а по направлению 50 метров).

В этот воскресный день мы все время оставались на десятой площадке. Ребята отдыхали, занимались спортом, играли в шахматы, смотрели кино. Руднев и Москаленко говорят, что пуск состоится 14-15 апреля. Главная задача — не торопиться и все тщательно еще и еще раз проверить. Москаленко, Руднев и Королев просили завтра организовать неофициальную товарищескую встречу с космонавтами. С И.А.Лавреновым мы договорились о порядке встречи и списке участников.

10 апреля.

На утренней зарядке я в паре с Гагариным играл в бадминтон против Титова и Нелюбова. Мы выиграли со счетом 16:5. Вчера я вызвал Гагарина и Титова и объявил им, что по моему представлению Государственная комиссия приняла решение в первый полет отправить Гагарина, а запасным готовить Титова. Хотя для них это решение, зафиксированное еще в январе выпускной экзаменационной комиссией, не составляло секрета, тем не менее была заметна радость Гагарина и небольшая досада Титова. Я предупредил их, что завтра состоится заседание комиссии с их присутствием, где им официально объявят о принятом решении.



В 11 часов в павильоне на берегу Сырдарьи состоялась встреча с космонавтами. В очень простой, дружественной обстановке Руднев, Москаленко, Королев встретились с Гагариным, Титовым, Нелюбовым, Поповичем, Николаевым и Быковским. Встреча началась с выступления Королева. Он сказал: «Не прошло и четырех лет с момента запуска первого спутника Земли, а мы уже готовы к первому полету человека в космос. Здесь присутствуют шесть космонавтов, каждый из них готов совершить первый полет. Решено,

что первым полетит Гагарин, за ним полетят другие — уже в этом году будет подготовлено около десяти кораблей «Восток». В будущем году мы будем иметь двух— или трехместный корабль «Север». Я думаю, что присутствующие здесь космонавты не откажут нам в просьбе «вывезти» и нас на космические орбиты. Мы уверены — полет готовился обстоятельно, тщательно и пройдет успешно. Успеха вам, Юрий Алексеевич!»

Выступление К.Н.Руднева: «Партия, правительство и лично Никита Сергеевич Хрущев направляли всю нашу работу по подготовке первого полета человека в космос. Ученые, конструкторы, инженеры и рабочие немало потрудились над созданием космического корабля «Восток». Сегодня этот корабль на старте, его два предшественника в марте дважды продемонстрировали нашу готовность послать человека в космическое пространство. Мы все уверены — полет подготовлен хорошо и будет успешно выполнен».

Выступление маршала К.С.Москаленко: «Родина, труды ученых, инженеров, конструкторов и рабочих дали нам возможность все подготовить к первому в мире полету человека в космос. Очень большая заслуга в этом всеми нами уважаемого Главного конструктора Королева Сергея Павловича. Кроме нашей уверенности в технике, у нас есть полная уверенность и в подготовленности всех присутствующих здесь космонавтов и, в первую очередь, в вашей подготовленности, Юрий Алексеевич. От имени министра обороны маршала Советского Союза Малиновского, от себя лично я поздравляю вас, товарищ Гагарин, с высоким и ответственным поручением Родины. Летите, дорогой Юрий Алексеевич, и возвращайтесь на советскую землю в объятия всего нашего народа».

Примерно в том же духе выступили я и полковник Е.А.Карпов — начальник ЦПК ВВС. Затем выступили Гагарин, Титов и Нелюбов. Они поблагодарили за доверие, выразили твердую уверенность в успехе первого космического полета и напомнили о необходимости готовить следующие более сложные полеты в космос. Встреча была теплой, задушевной. Умудренные жизненным и профессиональным опытом маршал, генералы и Главный конструктор Королев, как родных сыновей, напутствовали космонавтов на свершение величайшего в мире подвига.

Вечером состоялось торжественное заседание Государственной комиссии под председательством Руднева. В коротком вступительном слове председатель объявил о цели собрания и предоставил слово Королеву. Сергей Павлович сказал: «Корабль готов, вся аппаратура и оборудование проверены и работают отлично, прошу комиссию разрешить первый в мире полет космического корабля с пилотом-космонавтом на борту». Комиссия единогласно решила: «Утвердить предложение Королева о производстве первого в мире полета космического корабля «Восток» с космонавтом на борту 12 апреля 1961 года». Затем слово предоставили мне. Я официально представил комиссии всех космонавтов — Гагарина, Титова, Нелюбова, Николаева, Быковского, Поповича и доложил, что все они отлично сдали выпускные государственные экзамены. Приказом Главнокомандующего ВВС Главного маршала авиации Вершинина К.А. им впервые в нашей стране официально присвоено звание пилотов-космонавтов ВВС. Любой из шести полностью подготовлен и готов совершить первый космический полет. Трудно из шести отличных выделить первого. Я сказал, что, по мнению командования ВВС, первым можно утвердить Гагарина, а запасным — Титова. Комиссия единогласно утвердила первым пилотом-космонавтом Гагарина Юрия Алексеевича, а запасным, — Титова Германа Степановича. Заседание комиссии было заснято на кинопленку, а все выступления записаны на магнитофон. Заседание проходило в зале монтажного корпуса на 2-й площадке, присутствовало более 70 человек.

Маршал Москаленко в разговоре со мной один на один жаловался на своего начальника штаба генерал-лейтенанта Никольского и дал понять, что он изучает возможность назначения меня на эту должность. Я попросил дать мне время, чтобы обдумать это предложение.

11 апреля.

В 5:00 ракету вывезли на старт. С 10 часов с космонавтами проводил занятия К.П.Феоктистов. Расчетный график полета следующий (время московское): 09:07 — старт. 09:09 — отделение первой ступени носителя. 09:18 — отделение корабля от носителя. 09:50 — солнечная ориентация. 10:15 — первая команда. 10:18 — вторая команда. 10:25 — третья команда. 10:25:47 - включение ТДУ. 10:36 — сгорание антенн. 10:43:43 - отделение шара от приборного отсека. 10:44:12 - катапультирование космонавта из шара.

Агальцов, я, Бабийчук и Яздовский в 10:00 приехали на старт. Руднев и Королев в это время были на самом верху ракеты и осматривали корабль. Я ознакомил Агальцова с системой аварийного катапультирования на старте. Полный комплекс проверки ракеты и корабля на старте прошел без замечаний. Королев попросил меня вместе с Гусевым организовать контроль и обобщение всех данных, поступающих с борта на Землю о состоянии космонавта. Яздовский поручил эту работу майору Ушакову и врачу Котовской.

В 13:00 на стартовой площадке состоялась встреча Гагарина с солдатами, сержантами и офицерами боевого расчета. Присутствовали Королев, Келдыш, представители промышленности. Я представил собравшимся старшего лейтенанта Гагарина. Юра произнес короткую, но прочувствованную речь, поблагодарил присутствующих за их большой труд по подготовке старта корабля.

После этой встречи мы поехали в «маршальский» домик (в нем обычно останавливался маршал Неделин), где Гагарину, Титову, Е.А.Карпову, врачу А.В.Никитину и мне предстояло провести ночь перед стартом. Я вместе с Юрой попробовал очень сытный, но не особенно вкусный обед космонавта в тюбиках по 160 граммов каждый: на первое — пюре щавелевое с мясом, на второе — паштет мясной и на третье - шоколадный соус. Юра чувствует себя превосходно. Давление — 115/60, пульс — 64, температура — 36,8. Час назад ему наклеили датчики для регистрации физиологических функций в полете. Эта процедура продолжалась 1 час 20 минут, но никак не сказалась на его настроении. Он очень любит русские песни — магнитофон работает непрерывно. Юра сидит напротив меня и говорит: «Завтра лететь, а я до сих пор не верю, что полечу, и сам удивляюсь своему спокойствию». На мой вопрос: «Когда ты узнал, что полетишь первым?», он ответил: «Я все время считал мои и Германа шансы на полет равными и только после того, как вы объявили нам свое решение, я поверил в выпавшее на мою долю счастье совершить первый полет в космос».

Несколько минут мы занимались с Юрой уточнением завтрашнего распорядка дня. Для того чтобы облететь земной шар, требуется всего полтора часа, а космонавту необходимо сесть в корабль за 2 часа до старта и ждать начала полета. Надо признать несовершенство подобной организации подготовки к старту. Этот вопрос занимал меня, Королева и врачей. Мы пытались сократить время ожидания полета космонавтом хотя бы до 1 часа 30 минут, но из этого ничего не вышло. Только на закрытие люка и на отвод установщика и ферм требуется больше часа. Проверка

скафандра, связи и оборудования корабля занимает 20 минут. Мы все отлично понимаем, что бездеятельное ожидание старта очень неприятная необходимость для космонавта, и поэтому я буду занимать Юру радиоразговорами и сообщать ему о ходе подготовки к полету.

В 21:30 заходил Королев, пожелал спокойной ночи и пошел спать. Юра и Герман тоже собираются спать, я слышу их разговор в соседней комнате. Итак, завтра совершится величайший подвиг — первый в мире полет человека в космос. И совершит этот подвиг скромный советский человек в форме старшего лейтенанта ВВС — Гагарин Юрий Алексеевич. Сейчас его имя никому ничего не говорит, а завтра оно облетит весь мир, и его уже никогда не забудет человечество.

12 апреля 1961 года, среда. Тюра-Там, площадка №2.

В 4:50 местного времени я, Карпов и Никитин встали как по команде. В 5:30 будем поднимать Юру и Германа. Ночь прошла очень хорошо, заснули около 22 часов. Чуть начинает рассветать, на дороге усиливается движение. Приехали наши с десятой площадки, Карпов пошел поднимать молодежь.

В 6:00 состоялось заседание комиссии. Оно было удивительно простым и коротким. Все доклады сводились к одной фразе: «Замечаний нет, все готово, вопросов нет, можно производить пуск». После заседания я подписал полетное задание, съездил в МИК и посмотрел, как идет медицинский осмотр и надевание скафандров. Все шло точно по расписанию. В 8 часов я вместе с ведущим инженером корабля на лифте поднялся к верху ракеты и проверил шифр (145) логического замка. Логический замок работал нормально. В 8:20 на старт прибыл маршал Москаленко. Мы с ним договорились о порядке посадки Гагарина в корабль. Автобус с космонавтами должен прибыть на стартовую площадку в 8:50. Все космонавты и провожающие остаются у автобуса, до лифта Гагарина должны провожать Королев, Руднев, я и Москаленко.

Намеченный порядок удалось соблюсти с трудом. Выйдя из автобуса, Юра и его товарищи немного расчувствовались и начали обниматься и целоваться. Вместо пожелания счастливого пути некоторые прощались и даже плакали — пришлось почти силой вырывать космонавта из объятий провожающих. У лифта я крепко пожал Юре руку и сказал: «До встречи в районе Куйбышева через несколько часов».

Через 10 минут были проверены скафандр и связь. На КП связь с бортом держали я, Попович и Королев. За все время подготовки к старту была только одна маленькая заминка при закрытии люка N1. Люк закрыли, но из-за отсутствия контакта, его пришлось вновь открывать и устранять мелкую неисправность. Весь радиообмен записывался на магнитофон. Слышимость была отличной, ответы Гагарина коротки, ясны и четки. Самочувствие космонавта, судя по его докладам, по голосу и по телеметрии, было хорошим. За несколько секунд до старта на сообщение Королева — «Старт», Юра ответил: «Поехали!»

Старт прошел отлично. Перегрузки на участке выведения заметного влияния на голос космонавта не оказывали. Радиосвязь была хорошей. Космонавт чувствовал себя нормально. На 150-й секунде полета, после сброса обтекателя, Юра доложил: «Светло, вижу Землю, облака, видимость отличная.» Через несколько секунд он доложил об отделении первой ступени носителя. Через 13 минут после старта мы уже знали — первый в мире полет человека по околоземной орбите начался. В момент перехода связи со старта на Колпашево было несколько неприятных секунд: космонавт не слышал нас, а мы не слышали его. Не знаю, как я выглядел в этот момент, но Королев, стоявший рядом со мной, волновался очень сильно: когда он брал микрофон, руки его дрожали, голос срывался, лицо перекашивалось и изменялось до неузнаваемости. Все облегченно вздохнули, когда Колпашево и Москва сообщили о восстановлении связи с космонавтом и о выходе корабля на орбиту.

Через 20 минут после старта я с группой товарищей выехал на аэродром. Самолет Ан-12 поднялся в воздух и взял курс на Сталинград (расчетная точка посадки корабля для данной орбиты была южнее Сталинграда на 110 километров). Уже в воздухе мы прослушали сообщение ТАСС о благополучном приземлении космонавта в районе Саратова, а еще через несколько минут нам сообщили с КП ВВС: «Все в порядке, майор Гагарин вылетает в Куйбышев». После этого радостного сообщения все (в самолете нас было десять человек) начали целоваться, плясать, а Василий Васильевич Парин достал заветную бутылку коньяка. Я посоветовал распить ее при встрече с Юрой…

На заводском аэродроме в Куйбышеве нас встретил полковник Чечиянц из Главного штаба ВВС и доложил обстановку: «Гагарин благополучно приземлился в 23-х километрах от Саратова и через несколько минут сам позвонил в Москву. Позже, уже из Энгельса, вместе с Агальцовым они говорили по ВЧ с Хрущевым, Брежневым, Вершининым и другими руководителями». К этому времени на аэродроме собралась уже значительная толпа народа. Приехали: секретарь Куйбышевского обкома КПСС, председатель облисполкома, командующий ВВС округа и другие руководители. Прибытие начальства усилило приток рабочих на аэродром с территории завода. Пришлось приказать командиру самолета Ил-14, на котором прилетели Гагарин и Агальцов, зарулить на самую дальнюю стоянку. Не успели мы на машинах подъехать к самолету, как и здесь образовалась большая толпа. Открылась дверь самолета, и первым стал спускаться Юра — он был в зимнем летном шлеме и в голубом комбинезоне скафандра. Все девять часов, которые прошли с момента его посадки в космический корабль до этой встречи на куйбышевском аэродроме, я волновался и переживал за него, как за родного сына. Мы крепко обнялись и расцеловались. Со всех сторон щелкали фотоаппараты, толпа людей нарастала. Возникла опасность большой давки, а Юра хотя и улыбался, но выглядел сильно переутомленным. Необходимо было прекратить объятия и поцелуи. Я попросил Агальцова и Юру сесть в машину и немедленно ехать на дачу обкома. Часа через три из Тюра-Тама прилетели Руднев, Королев, Келдыш и другие члены комиссии.

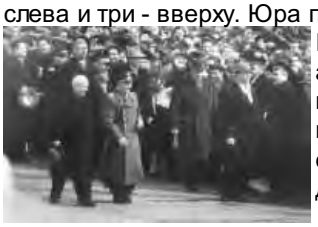
Дача обкома располагалась на высоком берегу Волги, с балкона третьего этажа открывался прекрасный вид на реку. Часов в десять вечера все собрались за столом. Присутствовали шесть космонавтов, члены Госкомиссии, руководители области. Руднев, Гагарин, Королев, Мурысев, Мрыкин произносили тосты, но пили очень немного - чувствовалось, что все очень устали. В одиннадцать часов разошлись по спальням. Так закончился этот тревожный, радостный, победный день. День 12 апреля 1961 года человечество никогда не забудет, а имя Гагарина навеки впишется в историю и будет одним из самых известных.

13 апреля. Куйбышев.

С 9:30 до 12:00 в присутствии членов Госкомиссии и представителей промышленности Юра рассказывал о полете и отвечал на многочисленные вопросы (беседа записана на магнитофон и застенографирована). Нас замучили телефонные звонки и корреспонденты, пробравшиеся на дачу. Они готовы беспрерывно снимать, фотографировать и задавать бесконечные вопросы. Удалось лишь немного погулять и поиграть в бильярд. Во второй половине дня Юра начал готовиться к встрече в Москве. Рапорт Хрущеву он освоил за полчаса, но первое время излишне торопился. Две-три тренировки устранили этот недостаток. Выступление на Красной площади также было подготовлено довольно быстро. Я уже знал по выступлениям Юры еще до полета, что он обладает задатками неплохого оратора. Вечером два раза звонил Брежнев и несколько раз Вершинин. Обоих беспокоила завтрашняя погода (прогноз был плохим) и порядок выхода из самолета на Внуковском аэродроме. С Брежневым договорились, что из самолета первым выходит Гагарин, идет по дорожке к правительственной трибуне и рапортует Хрущеву, а мы выходим вслед за Гагариным и останавливаемся у подножья трибуны. Перед сном Юра примерил новую форму и шинель. Раза два я изображал Хрущева, а он подходил ко мне с рапортом.

14 апреля. Куйбышев-Москва.

Встал раньше шести и немедленно связался с Москвой. Как обычно, метеорологи ошиблись — погода в Москве к нашему прилету (13:00) должна быть хорошей. В 10:40 по московскому времени на самолете Ил-18 вылетели в Москву. На борту самолета — Юра, Агальцов, Рытов, Яздовский, я и несколько корреспондентов и кинооператоров. Километрах в 50 от Москвы нас встречает семерка истребителей и занимает место почетного эскорта: два истребителя — справа, два — слева и три - вверху. Юра передает пилотам по радио: «Друзьям-истребителям — горячий привет. Юрий Гагарин». Летчики благодарят за приветствие. Проходим над аэродромом Внуково, вдоль Ленинского проспекта, над Красной площадью и продолжаем полет вдоль улицы Горького. На аэродроме, на улицах и площадях Москвы - всюду толпы людей. Ровно в 13:00 самолет выключает двигатели в 100 метрах от трибуны, открывается дверь, и Юра выходит навстречу своей большой и заслуженной славе…



21 апреля.

В субботу 15 апреля провели митинг у С.П.Королева. Днем состоялась пресс-конференция в Доме ученых. В 15:30 Гагарин выступал на Военном Совете ВВС. В воскресенье Юра отдыхал в резиденции Н.С.Хрущева, а я был на своей даче. В понедельник 17 апреля Юра приехал в ЦПК, встретился с личным составом Центра. Вместе со всеми космонавтами во главе с Юрой провели читку и редактирование доклада майора Гагарина 13 апреля на заседании Госкомиссии в Куйбышеве. Доклад Гагарина направлен в ЦК КПСС, в Совет Министров, Рудневу, Королеву и министру обороны. В тот же день вечером Юра выступил по телевидению.

18 апреля Юра отправился в Центральный авиагоспиталь в Сокольниках на 5-6-дневные послеполетные обследования. Вечером того же дня я выступил на вечере в ЦДСА. На следующий день заезжал к Юре, представил ему Денисова и Борзенко из «Правды». Они будут готовить книгу Гагарина, а я буду ее редактировать. 20 и 21 апреля много времени потратил на представления к наградам. Всего от ВВС представлено более 500 человек, из них отобрал только 200. Много недовольных и обиженных, больше всего обижаются те, кто почти ничего по космосу не делал. На днях в ЦК собирали редакторов газет и журналов и предупредили их, чтобы без моей визы они не печатали ни одной статьи, ни одной фотографии на космические темы. В связи с этим решением меня оглушают непрерывные звонки из редакций и завалили просьбами просмотреть материалы.

Сегодня вечером заседал Военный Совет ВВС, заслушали доклад генерал-майора А.Н.Бабийчука о причинах гибели слушателя-космонавта В.В.Бондаренко. Он семнадцатым по счету проходил 15-суточные испытания в барокамере. На десятые сутки, во время подогрева пищи на электроплитке в барокамере возник пожар, и Бондаренко погиб из-за сильных ожогов. Его гибель вскрыла серьезные недостатки в организации испытаний в Институте авиационной и космической медицины.

1 мая.

Были на Красной площади, смотрели парад и демонстрацию. Колонны демонстрантов интересно и красочно оформлены, но энтузиазма маловато. Рядом с нами стояли делегаты военной делегации Ганы, народ принимал их за кубинцев: раздавалось много лозунгов и криков в честь Кубы. Гагарин стоял на трибуне Мавзолея.

5 мая.

Члены Военного Совета ВВС и Р.Я.Малиновский с женой и дочерью с 18:00 до 24:00 были в ЦПК на встрече с космонавтами и их женами. Встреча прошла хорошо, но наши попытки «раскачать» министра не дали заметных результатов. Он дважды и довольно длинно выступал, но когда космонавты пытались ставить перед ним конкретные вопросы по военному освоению космоса, он отделывался шутками и туманными рассуждениями. Пока что Малиновский не понимает военного значения космоса и не хочет что-либо предпринять для наращивания успехов в этом деле.

9 мая.

Впервые после войны в Москве собрались около 80 моих соратников по 5-му ШАК (штурмовой авиационный корпус — Ред.). Все были очень довольны встречей. Решили писать историю корпуса, избрали организационный комитет.

Позавчера проводил Гагарина и всех космонавтов на отдых в Сочи.

19-20 мая.

С группой товарищей (Яздовский, Смирнов, Быков, Бушуев, Феоктистов) летал в Сочи на совещание с Королевым и со всеми космонавтами. Обсуждали, на сколько витков планировать второй полет человека в космос. До полета Гагарина второй полет намечался ориентировочно на сутки (16 витков). После полета Гагарина я предложил подойти к этому вопросу с большей осторожностью и провести следующий полет на 3-4 витка. Королев все время настаивал на суточном полете, обосновывая свою позицию тем, что ручной спуск еще не освоен, а посадка по команде с Земли на 2-7 витках будет осложнена значительным разбросом по дальности из-за меньшей точности солнечной ориентации корабля. Мне казалось, что с одного витка сразу перейти на 16 не совсем логично: нет уверенности, что космонавт

сохранит работоспособность в течение суток, и неизвестно, как он перенесет перегрузки при спуске после суточного пребывания в условиях невесомости. Неясно также, каким будет психическое состояние космонавта после такого полета. В результате обсуждений приняли решение: полет планировать на сутки, одновременно подготовить возможность ручной посадки на 2-7 витках. Затем Королев очень обстоятельно доложил о перспективах. Всего имеется и заказано 18 кораблей «Восток», 9-10 из них запланированы для пилотируемых полетов. Корабль «Север» будет готов к полетам в третьем квартале 1962 года. ОКБ-1 усиленно работает над проблемами маневрирования и стыковки кораблей на орбите. Договорились с Сергеем Павловичем, что за каждым из основных направлений работы по подготовке пилотируемых полетов необходимо в ближайшие дни закрепить по три космонавта.

25 мая.

Юра до 27 мая будет в Болгарии. Уже два дня идет возня с оформлением моей поездки в Париж на конференцию ФАИ вместо В.К.Коккинаки. Решение ЦК состоялось вчера, 27 мая уже надо вылетать, а еще ничего не оформлено.

Сегодня получил письмо Гагарина Главному маршалу авиации А.А.Новикову. В нем Юра пишет: «… Очень много говорится и пишется во всем мире по этому случаю (о полете в космос — Ред.). Я не могу и не имею никакого права принять все это на себя. Если моя заслуга составляет хотя бы одну сотую долю всего сказанного, то и это было бы для меня величайшей оценкой совершенного. Я знаю, как трудно было нашим летчикам в период Великой Отечественной войны. Их заслуги и трудности, которые они перенесли, во много раз больше моих. Я просто оказался в фокусе событий, которые подготовил народ, партия и наука… Космические полеты под силу выполнять только летчикам, если другие хотят летать в космос, то прежде они должны научиться летать на самолетах. Авиация - начальная ступень космических полетов».

Май-сентябрь.

С 27 апреля по 7 августа вместе с Гагариным был в Чехословакии, Финляндии, Англии, Исландии, на Кубе, в Бразилии, Канаде и Венгрии. В июле был в Париже на заседании ФАИ, где рассматривались рекорды Гагарина и Шепарда. Впечатлений и материалов от поездок очень много, но нет времени их обработать…

14 сентября — 3 октября.

14 сентября на самолете Ил-14 вылетели на отдых в Крым. Гагарин с семьей, Титов, полковники Азбиевич, Рудный, Аристов с женой и я с Марией Михайловной разместились на бывшей даче А.М.Горького (в двух километрах от основной базы санатория «Форос»). Первая неделя отпуска прошла хорошо, все время стояла солнечная погода. 21 сентября, группой в составе 23 человек, ездили в Севастополь. Осмотрели город, побывали в Панораме и Диараме, на Сапун-горе. Обедали на крейсере «Михаил Кутузов», где нас принимал командующий флотом адмирал Касатонов. Посещение города прошло хорошо, но к концу обеда Гагарин и Титов были заметно навеселе.

Возвращались в «Форос» на двух автомобилях «ЗИМ» и автобусе. До Диарамы Гагарин ехал в машине вместе с Валентиной Ивановной, мной и Марией Михайловной. После осмотра Диарамы Гагарин, ничего нам не сказав, пересел в автобус. Это обидело Валентину Ивановну, было по меньшей мере бестактно. Проезжая в Золотой долине мимо ресторана, автобус остановился, из него вышли Гагарин, Масалов, Ахмеров и направились к ресторану. Желая предупредить злоупотребление спиртным, я также поднялся в ресторан. Быстро выпили по стакану вина и спустились к машинам. Я сказал Юре, что его зовет Валентина Ивановна. Гагарин подошел к машине и спросил: «Ну, что тебе нужно?» Валя настойчиво просила его сесть в машину и ехать вместе с нами. Гагарин отказался, а Валя не согласилась перейти по его просьбе в автобус. Тогда он сердито хлопнул дверью машины и пошел в автобус один. Валя заплакала, мне и Марии Михайловне было очень неудобно. На следующий день я сказал Гагарину: «Вчера мне в первый раз было стыдно за тебя, ты очень обидел Валю». Юра признал свою вину и заверил меня, что он уже извинился перед Валей и больше ничего подобного не допустит.

25 сентября были в Артеке, где пионеры показали нам очень интересную спортивную игру «Снайпер». На обратном пути обедали в ресторане «Ялта», перед обедом осмотрели завод «Массандра» и попробовали более 12 различных вин. За Гагарина пили вино выдержки с 1934 года, за Титова — 1935, за меня — 1908. Обедом «дирижировали» первый секретарь Ялтинского горкома партии А.А.Куценко и его первый заместитель Н.Н.Дементьев. Оба любят крепко выпить. В этой и других встречах они спаивали Германа и Юрия. Герман зачастил в Ялту, возвращался поздно и изрядно выпившим. 26 сентября я обнаружил, что охранник Титова — Роберт Ахмеров — пьет, спаивает Германа и занимается сводничеством. Серьезно поговорил с Титовым и Гагариным, предупредил их, что они на скользком пути, объявил, что немедленно отправлю Ахмерова в Москву. Оба признали свои ошибки и очень просили не наказывать Ахмерова. Герман уверял меня, что во всем виноват только он сам. Я им поверил. Ахмеров сдержал слово и вел себя хорошо, но Масалов, Серяпин, Логинов и другие продолжали пьянки и плохо влияли на Гагарина и Титова.

4 октября.

За девять часов до назначенного отъезда из «Фороса» случилось происшествие, которое попортило очень много крови мне и многим другим людям, несущим ответственность за Гагарина. Это происшествие могло закончиться очень печально для Гагарина, меня и нашей страны. Юрий Гагарин был на волосок от нелепой и глупейшей смерти.

В этот день (3 октября) Юра с территории дачи не отлучался, за исключением прогулочной поездки на катере. Как я позже узнал, эта прогулка была опасной. Гагарин на четырехместную моторную лодку сажал по 6-7 человек, на лодке отсутствовали средства спасения. Юрий уходил далеко в море и делал очень резкие и опасные развороты.

За день Гагарин чрезмерно «напрощался». После ужина Юра сразу лег спать. Женщины играли в карты. В 22:00 я с женой ушел отдыхать, а в 23:50 она разбудила меня криком: «Коля, вставай! Внизу что-то случилось!» Через минуту я увидел Гагарина лежащим на садовой скамейке. Лицо и рубашка Юрия были в крови, на лице — рваные раны. Валя в слезах кричала: »Что же вы все стоите, помогите ему! Он умирает!» Срочно вызвали врача и начальника санатория. Через четыре часа приехали флотские врачи, сделали на месте операцию. Заключение: пробита надбровная кость, но рана не смертельная, над левой бровью останется шрам. Порекомендовали в течение трех недель сохранять постельный режим.

Из опроса Рудного, Масалова, Азбиевича, Титова, медсестры Ани, Валентины Ивановны и других людей я установил следующее. Гагарин проснулся около 22 часов, помогал купать Галку, а потом спустился в гостиную на первый этаж, где Валентина Ивановна с другими женщинами продолжала играть в карты, а мужчины — в шахматы. Юра «болел» за шахматистов, «помогал» жене, менял пластинки на проигрывателе, танцевал и был в нормальном состоянии. В 23:47-23:48 Юра сказал Вале: «Кончай играть, пошли спать!» — и вышел из гостиной. Через 2-3 минуты Валя, закончив играть в карты, спросила: «А где Юра?» Жена Серяпина с ехидцей сказала ей, что он пошел по коридору направо и зашел в одну из комнат. В коридоре находились три комнаты, из которых отдыхающие уже уехали. В двух комнатах Валя никого не обнаружила, третья — была закрыта на ключ изнутри. Валя резко постучала в закрытую дверь. Через несколько секунд она открылась, в комнате горел свет, а в дверях стояла медсестра Аня (27 лет). На вопрос Вали: «Где Юра?» — Аня ответила: «Ваш муж выпрыгнул с балкона». Балкон возвышался над уровнем земли на 2 метра, под ним была асфальтированная дорожка, окаймленная с внешней стороны цементированной бровкой. При прыжке Гагарин зацепился ногами за виноградные лозы, потерял равновесие и упал лицом на цементную бровку. Как рассказала медсестра Аня, она после смены с дежурства зашла в комнату отдохнуть, лежала на кровати одетой и читала книгу. Гагарин вошел в комнату, закрыл дверь на ключ и со словами: «Ну что, будешь кричать?» — пытался ее поцеловать… В это время раздался стук в дверь, и Гагарин выпрыгнул с балкона.

14 октября.

Вчера Гагарина самолетом привезли из Крыма в Москву и поместили в авиагоспиталь в Сокольниках. Самочувствие его удовлетворительное. Консилиум врачей решил, что еще 10 дней Гагарин должен соблюдать постельный режим. На открытие 22-го съезда КПСС он уже не попадет. Сегодня вместе с Валей были у Юрия. Я не стал читать ему нотаций, а только сказал: «Благодари Бога, тебе еще раз повезло, а могло быть очень плохо. Надеюсь, ты не хуже меня понимаешь, какие неприятности ты доставил себе, командованию, партии и народу. Ты получил очень дорогой урок, и из него нужно сделать выводы на всю жизнь». Юра сказал: «За эти дни я многое передумал, наделанных глупостей я сам себе не прощу, необходимо менять курс поведения».

17 октября.

Сегодня открылся 22-й съезд партии. Гагарин и Титов делегаты съезда. Титов на съезде, а Гагарин в госпитале. Утром звонили Фрол Романович Козлов и маршал Захаров, оба интересовались состоянием здоровья Гагарина и тем, когда он сможет быть на съезде. Я ответил, что еще не менее недели Гагарин будет находиться в госпитале. 4 октября я написал доклад в ЦК и министру, где изложил обстоятельства происшествия и указал, что до 24-25 октября Гагарин будет соблюдать постельный режим. Все начальство, начиная с Хрущева, очень недовольны происшествием. Сегодня утром Вершинин мне сказал: «С космосом справились, а на Земле начудили». Из-за отсутствия Гагарина ни он, ни Титов не избраны в президиум съезда. Короче говоря, случившееся с Гагариным происшествие уже начинает сказываться, все наши противники будут пытаться использовать ситуацию и против ВВС, и против меня лично.

Месяца два тому назад С.П.Королев предложил с интервалом в одни сутки запустить последовательно три корабля «Восток» с продолжительностью полета первого не менее трех суток, а второго и третьего — 2-3 суток, с тем чтобы все три корабля хотя бы в течение одних суток находились в космосе одновременно. Изучив это предложение, я заявил, что оно заслуживает внимания, но полеты можно будет осуществить не в ноябре 1961 года, как предложил Королев, а в середине 1962 года. По этому вопросу мы провели совещание у Главкома ВВС, после чего Вершинин направил Устинову, Смирнову, Келдышу и Королеву письмо, в котором говорилось, что ВВС выступают за односуточный полет с возможностью его продолжения максимум до двух суток — такое решение принимает комиссия по результатам первых суток полета, при этом одновременно в космосе будут находиться не три, а только два корабля. Наши предложения исходят из того, что один суточный полет Титова не дает оснований для уверенного двух-трехсуточного полета. У Титова были головокружение, рвота, боли в голове и глазах, расстройство вестибулярного аппарата, отсутствие аппетита и позывов к естественным отправлениям. Все это было вызвано невесомостью и указывает на то, что к длительным полетам в космосе нужно долго и серьезно готовиться. Все наши (военные — Ред.) ученые единогласно высказались за необходимость повторения суточных полетов. Но за время моего трехнедельного отсутствия Королев сумел склонить многих, в том числе и Яздовского, на свою сторону. Он вызывал также Горегляда, Карпова, Николаева и Поповича и уговаривал их отказаться от официальной точки зрения ВВС. Думаю, что мы сумеем отстоять свое мнение, хотя неприятностей при этом будет немало.

18 октября.

Был в ЦПК, проверил, как идут занятия у космонавтов. Николаев уже закончил трехдневную тренировку в скафандре и в корабле, приступил к тренировкам на центрифуге. Попович вчера приступил к трехдневной тренировке в корабле, а Шонин и Волынов закончили тренировки на центрифуге. Другие космонавты занимаются по общей программе. Осмотрел тренажеры — к сожалению, еще есть много недоделок. В частности, трехплоскостной тренажер до сих пор

полностью не испытан. Звонил генерал-лейтенанту Волынкину и приказал ему через два дня доложить программу ввода в эксплуатацию этого агрегата. Командование ЦПК провело большую работу по благоустройству территории городка, но до полного порядка еще далеко. Обратил внимание Карпова и Никерясова на медленное выполнение моих указаний по наведению образцового порядка в ЦПК.

Леонид Иванович Горегляд рассказал мне, какой номер отмочил Герман Титов в Румынии. Автомобильная колонна, сопровождаемая мотоциклистами, ехала из Брашова в Плоешти. Герман проезжал Брашов в открытой машине, но за городом по плану он должен был пересесть в закрытую машину. Дорога к Плоешти проходила через горный хребет, в момент остановки автоколонны (для пересадки Титова из одной машины в другую) шел мелкий дождь, вечерело, видимость была плохой. Через минуту после того, как колонна тронулась, Леониду Ивановичу показалось, что впереди на одном из мотоциклов за рулем сидит Титов. Он не поверил своим глазам, но когда его машина подъехала поближе, он окончательно убедился, что Герман вместо того, чтобы пересесть в закрытую машину, сел за руль мотоцикла. Когда я рассказал об этом случае Вершинину, то тот весь побелел и долго не мог поверить в возможность подобного легкомыслия со стороны Титова.

20 октября.

Американское радио передает, что Гагарина нет на съезде КПСС, потому что он заболел лучевой болезнью. Врачи уже разрешили Гагарину сегодня ходить по палате, завтра - по зданию госпиталя, послезавтра — выйти на прогулку. 23 или 24 числа Юрию можно будет поехать на съезд. Сегодня был у Гагарина, передал ему подарок от швейцарской часовой фирмы — золотые именные часы-хронометр. Во время нашего разговора я спросил его: «Правда ли, что в феврале этого года ты по карнизу пятого этажа перебирался из своей квартиры в квартиру Титова?» «Николай Петрович, так ведь это было давно, там и опасности-то никакой не было», — ответил Юрий.

Подготовил текст выступления Титова на 22-м съезде КПСС, но над ним придется еще поработать.

24 октября.

Сегодня Гагарин прямо из госпиталя поехал на съезд. Я рекомендовал ему побыть там до первого перерыва и вернуться в госпиталь. 22 октября Гагарина впервые сфотографировали после травмы. Фотографии Юры с искусственной левой бровью показали Козлову, Малиновскому и Хрущеву с просьбой разрешить Гагарину появиться на съезде. Ответа пока нет, но через мандатную комиссию съезда я все оформил и выпустил Юру в «свет».

Утром звонил Герман Титов. Я ему сказал, что на съезде он получит от Вершинина два экземпляра текста своего выступления, и попросил, чтобы он немедленно подал записку в президиум с просьбой разрешить выступить.

Вчера Николаев и Быковский были в ОКБ-1, вместе с Бушуевым и другими специалистами уточняли расположение приборов и аппаратуры в кабине космического корабля. Вчера же С.П.Королев прислал письмо, в котором сообщает, что ему на 1962-1964 годы потребуются 28 летчиков-космонавтов и 22 космонавта других специальностей (инженеры, ученые, связисты), в том числе пять женщин.

После полета Гагарина я уговорил Вершинина, Королева и Келдыша дать согласие на набор небольшой группы женщин, но пока это дело продвигается с большим трудом. На мой взгляд, женщин нужно готовить к космическим полетам, главным образом, по следующим соображениям:

1. Женщины обязательно будут летать в космос, поэтому надо уже начинать готовиться к полетам женщин.
2. Нельзя допустить, чтобы первой женщиной в космосе стала американка — это будет оскорблять патриотические чувства советских женщин.
3. Первая советская женщина-космонавт будет таким же великим агитатором за коммунизм, какими стали Гагарин и Титов.

25 октября.

Утром заходил Титов, передал ему два экземпляра текста его выступления на съезде. Сказал, что Главком очень недоволен его частыми отлучками с заседаний съезда. После дневного заседания на несколько минут забежал Юрий Гагарин. В газетах уже появились его новые снимки. Следы ранения на лице почти незаметны: бровь сделана очень искусно и хорошо маскирует надбровный шрам. Юра до сих пор сильно переживает случившееся, и, судя по его заверениям, он сумеет сделать правильные выводы.

28 октября.

Съезд продолжает свою работу. Вчера опубликовано выступление Титова — все, кто его слушал или читал, отзываются о нем очень хорошо. Главком доволен больше всех, он говорит, что волновался за Титова больше, чем волновался бы за собственное выступление.

Королев сообщил, что в верхах принято решение в первую очередь запускать «Зениты» (спутники-фоторазведчики), а к пуску очередного «Востока» быть в месячной готовности. Таким образом, пилотируемый полет в ноябре 1961 года, как это ранее намечалось, не состоится и он будет проведен во второй половине декабря или первой половине января 1962 года. Такое решение ВВС вполне устраивает: погода будет устойчивее, земля покроется снегом, и условия для поиска будут более благоприятными.

30 октября.

Вчера полностью прочитал заключительную речь Хрущева на 22-м съезде КПСС. Речь оставляет хорошее впечатление — в сложившейся обстановке трудно сказать что-либо лучше. А вообще-то Хрущев делает много ошибок. Мне кажется, что присвоить себе в короткий срок три звезды Героя и занять четыре должности (первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР, Председатель бюро ЦК по РСФСР, Верховный главнокомандующий) — это не ленинский стиль!

28 октября умер генерал армии Маландин в возрасте 65 лет. Вся наша военная верхушка одряхлела, и это очень вредит делу. Пожалуй, было бы разумнее освободить всех, кому за 60 лет, от активной работы в армии и засадить за мемуары.

За обедом в столовой Главного штаба ВВС узнал, что съезд принял постановление о выносе праха Сталина из Мавзолея. За столом сидели генералы Брайко, Кутасин, Кувенев, Ушаков, Перцов и я. Брайко рассказал нам, как сегодня утром невестка поведала ему о том, что на лекции в МАИ один из профессоров говорил о необходимости выноса тела Сталина из Мавзолея, и что этот вопрос будет скоро решен. Я сказал, что это грубая ложь - такого решения быть не может. Через 1-2 минуты после этого по радио передали постановление съезда… Мы были ошеломлены и в душе были против него: оно никому не принесет пользы, но еще больше испортит наши отношения с Китаем и вызовет немало новых осложнений. Брайко сказал, что будет много недовольных людей, пойдут слухи вроде того, что кто-то готовит для себя место в Мавзолее, которое сейчас занимает Сталин. Хотя съезд и принял постановление единогласно, лично я не стал бы голосовать за него.

31 октября.

Вчера Вершинин, Руденко и другие руководители ВВС осмотрели специально оборудованный глобус, предназначенный для демонстрации полета спутников. Это уникальный аппарат, сделанный всего за два месяца коллективом инженер-полковника Машкары (опытный завод ГКНИИ ВВС). Аппарат точно «вычерчивает» на глобусе трассу полета, вхождение и выход ИСЗ из тени Земли, расчетную точку посадки по включению ТДУ. Скорость вращения глобуса соответствует скорости вращения Земли, а период обращения спутника может корректироваться даже в ходе «полета». Скорости вращения глобуса и спутника могут быть увеличены в 60 раз. Главком дал отличную оценку аппарату и приказал подготовить его для показа Малиновскому. Главком несколько преувеличивает возможности глобуса, но для демонстрации публике он очень хорош.

1 ноября.

Вчера закончил работу 22-й съезд партии. Вершинин избран членом ЦК КПСС, кандидатами в ЦК избраны Руденко и Судец, членами ревизионной комиссии ЦК — Красовский и Скрипко. Сразу пять маршалов авиации вошли в состав руководящих органов КПСС, а в прошлом, в лучшем случае, одного Главкома избирали кандидатом в члены ЦК. Вершинин сказал, что для него это было совершенно неожиданным и что с ним по кандидатурам никто предварительно не советовался. Роль ВВС в системе Вооруженных Сил резко упала, а представительство в ЦК партии резко возросло. Я склонен думать, что это случайное совпадение, но Вершинин связывает этот факт с нашими успехами в космосе. Возможно, он прав, хотя, по правде говоря, Руденко, Судец, Красовский и Скрипко никакого отношения к космонавтике не имеют.

В Президиуме ЦК остались Хрущев, Микоян, Косыгин, Суслов — все это люди, на которых падает зловещая тень Сталина и которым, если уж ворошить старые дела, следовало бы за многое ответить перед народом. Мне не раз приходилось наблюдать, как они набивали себе мозоли на ладонях, аплодируя каждому «историческому» слову Сталина, и, будучи членами ЦК (а некоторые и членами Политбюро), не проявляли ни малейших попыток воспротивиться злоупотреблениям и беззаконию. После трагических событий 1937-1939 годов на 18-м съезде партии в состав Политбюро вошли самые надежные соратники Сталина — Молотов, Калинин, Жданов, Каганович, Берия, Ворошилов, Микоян, Шверник, Хрущев, Андреев. Они не только не протестовали против сталинских злодеяний, но и всячески прикрывали их. И вот спустя 22 года «истинные ленинцы» — Хрущев, Микоян и Шверник — вновь у кормила власти. Через восемь лет после смерти Сталина, опомнившись от страха перед ним, они выбрасывают его прах из Мавзолея и приписывают только ему одному все черные дела, в которых замараны и их руки. А ведь по логике вещей эти прожженные политиканы должны были бы признать и свою долю ответственности за злодеяния «культа личности» и сделать единственно правильный шаг — отойти от руководства партией и страной.

5 ноября.

Вчера вечером заходили сестры Лида и Полина, рассказали о реакции народа на решения съезда по Сталину. Очень много людей не одобряют эти решения, многие открыто заявляют об этом в метро, трамваях, автобусах и на улице. Кроме выноса тела Сталина из Мавзолея, втихую проводятся и другие мероприятия, искореняющие память о нем. Сталинский район Москвы стал Первомайским, а станция метро «Сталинская» — «Семеновской» и т.д. Это недальновидная и даже глупая политика. Попрание авторитета Сталина приносит нам много неприятностей за рубежом, наносится громадный вред воспитанию молодежи, которая теряет веру в авторитеты. Все попытки создания новых авторитетов, и в частности Хрущева, терпят крах. Сталина называли великим, с именем Сталина тысячи людей шли на верную смерть. Сталин управлял страной 30 лет, и при нем наша Родина стала могущественной державой. Имя Сталина не затемнят жалкие потуги пигмеев, оно по праву вновь засверкает рядом с именем Ленина. А что можно сказать о Хрущеве? Мелкий, завистливый политикан, трусливый подхалим, себялюбец, мнящий себя великим поборником мира. А народ его называет «кукурузником», «хрущобой» и «главным очковтирателем по мясу и молоку». Хрущева народ не любит, все знают о его сплошных дипломатических провалах: Китай, Югославия, Албания, Венгрия, США, Франция, Англия и т.д. А чего стоил народу его кавалерийский наскок на целину, его неудержимое стремление внедрить кукурузу в северные районы страны? Народ ропщет против «исторических» успехов, проводимой им политики, а он своей рукой награждает себя звездами Героя.

9 ноября.

Три дня ноябрьских праздников провел на даче. Много гулял с Олей, по 8-10 часов был на воздухе. На даче я чувствую себя гораздо лучше, отвлекаюсь от космических проблем и не замечаю, как за разными делами проходит время.

14 ноября.

Сегодня более четырех часов занимался с космонавтами. Присутствовали все, кроме Быковского и Беляева. Первые два часа в партийном порядке разбирали персональные дела Гагарина и Титова. У командования ВВС не было намерений заниматься разбором поведения Гагарина и Титова на курорте в Крыму, а последнего — еще и в Москве, и в Румынии. Поводом для обсуждения явилось заявление Гагарина в партийную организацию ЦПК с просьбой рассмотреть его поведение на курорте и принять соответствующие решения. Выступившие Гагарин и Титов, в основном, правильно доложили о своем поведении на курорте. Признали случаи злоупотребления спиртным, легкомысленного отношения к женщинам и другие проступки. Юра достоверно изложил обстоятельства своего ранения, но, по-видимому, заботясь о спокойствии Вали, утверждал, что, заходя в комнату, из которой выпрыгнул, он не знал, что там находится медсестра Аня и что он только хотел подшутить над женой, спрятавшись от нее. Хотя я и убежден, что мотив посещения комнаты был другой, не стал настаивать на своем. Версию Гагарина нельзя считать совсем невероятной, и она в какой-то мере смягчает само происшествие и не будет поводом для раздора в семье. Все космонавты выступили примерно в таком духе: «Гагарин и Титов вели себя легкомысленно; они забыли, кем они теперь стали и не имели права делать подобные глупости». Особенно досталось Титову. Говорили, что он зазнается, отрывается от коллектива, не доложил о поездках за границу и о работе 22-го съезда и т.д. Гагарин и Титов (последний в меньшей мере) признали критику товарищей справедливой и обещали не допускать подобных ошибок и глупостей в будущем.

Сегодня в 18:00 Гагарин выступал в МГУ, где Коккинаки вручил ему медаль ФАИ.

15 ноября.

Газеты «Правда», «Красная звезда», «Труд» и другие напечатали краткие сообщения и снимки о вручении медали ФАИ Ю.А.Гагарину. «Труд» поместил статью Барашева с ответом Гагарина на вопрос: «Почему шрам на лице?» — «На курорте в Крыму забавлялся с дочкой Галкой и споткнулся. Спасая дочь, я высоко поднял ее, а сам ударился лицом о камень. До Галкиной свадьбы заживет и даже раньше — до очередного космического полета».

20 ноября.

В субботу уже четвертый раз представлял документы Вершинину по второму набору космонавтов (доклад Малиновскому и проект его приказа). Прошло уже полтора месяца, как отработаны все документы, а Главком по непонятным причинам откладывает их подпись. Затяжка с набором, особенно женщин, может нам серьезно навредить. Главком ни разу прямо мне не сказал, что генерал-лейтенанта Клокова (сын Клокова — зять Вершинина) нужно устроить заместителем начальника Института авиационной и космической медицины. До октября этого года он работал там замполитом, но эта должность упразднена. На эту тему он говорил с Агальцовым и Бабийчуком. Я и начальник института против нового назначения Клокова, и Главком знает об этом. В связи с затяжкой оформления нового набора космонавтов у меня даже появилось подозрение: не намеренно ли маршал тянет всю эту канитель, чтобы заставить меня уступить в вопросе о назначении Клокова. Может быть, я и ошибаюсь, но другого объяснения этой волоките я не нахожу. Особенно нужно торопиться с набором женщин, чтобы наши советские женщины слетали в космос раньше американских.

23 ноября.

Сегодня день рождения Родиона Яковлевича Малиновского — ему исполнилось 63 года. Был с Гагариным у него на обеде. Кроме Раисы Яковлевны и Наташи (жена и дочь Малиновского — Ред.), на обеде были адъютант и один из сослуживцев Родиона Яковлевича. За столом сидели ровно два часа, обед прошел довольно тягуче и длинно. Гагарин преподнес Малиновскому книгу «Утро космической эры». Малиновский сказал, что скоро будем набирать новых космонавтов, в том числе и женщин. По-видимому, он уже прочитал наши представления о новом наборе и согласен с ними.

24 ноября.

Сегодня моей маме исполнилось 83 года. Утром послал ей в Меленки приветственную телеграмму. Подготовка к поездке в Индию, Цейлон и Афганистан идет нормально, за исключением того, что врачи отказались делать мне прививки из-за высокого кровяного давления (180/120). Главком, невзирая на отсутствие прививок, приказал мне лететь, но как это уладится с пограничниками, пока не ясно. Вчера Малиновский сказал, что, возможно, прямо из Индии придется лететь в Индонезию.

Последние дни меня очень беспокоит состояние здоровья Муси — она, по-видимому, очень тяжело переносит наши разлуки. Было время, когда я с радостью собирался в Финляндию, Англию, Францию. А сейчас я с удовольствием отказался бы от поездки в Индию, но это невозможно. Не выполнить решение ЦК — значит коренным образом испортить свое служебное положение.

28 ноября.

Борт самолета Ил-18. В 22:00 специальным самолетом вылетели из Внуково в Ташкент. На аэродроме нас провожали индийский и афганский послы, сотрудники посольств, корреспонденты, друзья и родные. В составе нашей делегации девять человек: я, Гагарин Ю.А., Гагарина В.И., Смирнов Н.И., Денисов Н.Н., Барашев П.Р., Леонтьев А.П. (газета «Красная звезда»), Русяев В. И. и Беликов Ю.А. По-видимому, я старею: мне трудно было расставаться с Мусей и Олей, какая-то непонятная грусть гложет сердце. Нельзя сказать, что сердце предчувствует несчастье. Нет, я еще верю в жизнь, в успех и счастье вместе с Мусей, но былая моя уверенность уже поколеблена. Самолет сильно трясет — это мешает писать и портит настроение.

29 ноября.

В Ташкенте пробыли более двух часов - очень неприятных для меня: отсутствие прививок формально не давало мне права перелетать границу Индии. Но лететь было нужно, и мы летим. Врачи настояли, чтобы я выпил какое-то предохранительное лекарство. Самолет взлетел и набрал высоту. Примерно на час я заснул. Проснувшись, увидел яркое солнце, темно-голубое небо и пустыни юго-западного Китая. Летим через китайскую территорию в обход Пакистана. В 11:30 по местному времени произвели посадку в Дели. На аэродроме Палам нас встречали: Индира Ганди, наш посол И.А.Бенедиктов, министры, послы, члены парламента, корреспонденты. Прямо с аэродрома поехали во дворец к Неру, представились ему и немедленно выехали на пресс-конференцию, на которой присутствовало примерно 300 индийских и иностранных корреспондентов.

В 13:30 был завтрак в резиденции Неру. На нем присутствовали: Неру, Индира Ганди, Кришна Менон, министры, Бенедиктов и наша делегация. Завтрак прошел оживленно. Между 15 и 16 часами Юра и Валя выступали по индийскому радио и телевидению. Гагарин выступил хорошо, Валентина Ивановна для первого раза также справилась с этой задачей неплохо. Ужинали вшестером: Неру, Индира Ганди, Гагарины, представитель МИДа Индии и я. Неру, в основном, молчал, чувствовалось, что он утомлен, но когда зашла речь о нашествиях на Индию, он оживился, вспомнил Чингис-Хана и сказал, что в истории Индии было семь империй, семь различных династий. Разговор очень хорошо поддерживала Индира Ганди, у нее большой опыт политической деятельности.

30 ноября. Дели.

После завтрака Гагарин встречался на лужайке перед дворцом с бойскаутами президента. На встрече присутствовали господин Неру и ряд министров. В 10 часов возложили венок на могилу Ганди и выехали в аэропорт Сафдар Джанг, где размещается планерный клуб. Министр авиации и члены клуба с семьями очень тепло приветствовали Гагарина. Спортсмены продемонстрировали пилотаж на планерах. В 13:00 Неру дал ланч, на котором присутствовали почти все министры. Затем мы посетили больного президента Индии господина Прасада, пожелали ему скорейшего выздоровления и подарили книгу «Утро космической эры». В 15:00 приехали на митинг в делийский университет. В окрестностях университета и на митинге присутствовало около 10 тысяч человек. Отвечая на приветствие ректора университета, Гагарин рассказал и о новом обращении советского правительства с призывом к запрещению термоядерных испытаний в атмосфере, в космосе и под водой. Спустя два часа, мы уже были на другом митинге, который проводило Индийско-советское культурное общество (ИСКО). На митинге и на подходах к площади было около 20 тысяч человек.

Вечером были в советском посольстве, провели встречу с нашей колонией и участвовал в большом приеме. На приеме присутствовали: Неру, Индира Ганди, Кришна Менон,

министры, послы и вся правящая верхушка Дели. Самые разнообразные одежды мужчин и женщин — от современных парижских мод до балахона аравийца и пледа африканца, накинутого почти на голое тело. Несколько раз беседовали с Неру, он интересовался

деталями организации и подготовки космических полетов, просмотрел вместе с нами фильм «Первый рейс к звездам».

Индийское руководство принимали нас очень тепло и любезно, особенно много внимания и времени уделил нам Неру. Он, по-видимому, очень много работает, рано встает, поздно ложится и вникает во все сам (он даже на планере летал). Оба дня в Дели были заполнены до предела (с 9:00 до 23:00) из-за того, что при составлении программы визита наше посольство пошло на поводу МИДа Индии, перегрузив ее мелочами, в ущерб массовым встречам. Пресса, радио и телевидение освещают визит Гагарина хорошо, но по сравнению с Англией массовость встреч и реакция прессы — неизмеримо меньше.

1 декабря.

Вчера вечером Неру предупредил нас, что он сегодня уезжает в предвыборную поездку по стране и хотел бы утром перед отъездом попрощаться с нами. Точно в назначенное время Неру сам пришел и очень тепло попрощался. В 9:40 вылетели в Лакнау — столицу штата, место первых выступлений против англичан и опору партии Неру на выборах в парламент. На аэродроме Гагарина провожали Индира Ганди и министры. Ганди подарила мне портрет своего отца (Неру) с его автографом. Через десять минут полета пересекли священный Ганг, а еще через 45 минут произвели посадку на аэродроме Лакнау. Нанесли визит губернатору штата и разместились в его дворце. Вокруг дворца чудесный парк с вековыми вечнозелеными деревьями, фонтанами и яркой зеленью газонов английского типа. В городе есть дворцы и крепости, но основная масса домов - лачуги. Чувствуется во всем вековая бедность и грязь. Ох, как много еще придется потрудиться индийскому народу, чтобы добиться сносной человеческой жизни (75 процентов населения Индии неграмотно)! Население Лакнау продемонстрировало свое глубокое уважение к Гагарину и его родине. День пребывания Гагарина в Лакнау фактически объявлен выходным днем. Все школы, университет и многие учреждения закрыты, дети и взрослые — все вышли приветствовать советского космонавта. Можно сказать, что встреча в Лакнау напоминает наиболее теплые встречи в Бразилии. Речь Гагарина на митинге в университете приветствовалась громкими одобрениями и аплодисментами. Студенты не допустили полицию в свой городок и сами поддерживали строгий порядок во время митинга, но при посадке в машины нас все же изрядно помяли и покачали, прежде чем мы выбрались из толпы. А вообще — это лучший митинг за три дня пребывания в Индии. Вечером были на приемах у мэра, у губернатора и у Главного министра штата.

2 декабря.

В 8:10 взлетели и взяли курс на Бомбей. Пишу в самолете: здесь, вдали от людей, можно и подумать, и кое-что записать, а на земле для этого времени не остается. Население Индии составляют 430 миллионов человек. Более 85 процентов населения — крестьяне и, как однажды сказал Неру, три четверти жителей - вегетарианцы. Хотя цены на продовольствие сравнительно невысокие, покупательная способность населения еще ниже. Индийцы редко едят мясо, а по стране бродят 18 миллионов «священных» бездомных коров: их нельзя убивать и нет возможности содержать. В глаза везде и во всем бросаются ужасающая бедность и грязь, грязь и бедность. Народ, способный творить чудеса, в основной своей массе очень много и тяжело работает, но из-за примитивности средств производства, плохой организации труда и наличия большого числа людей, по существу ничего не делающих, он мало создает ценностей для удовлетворения потребностей общества. Индия производит только 4 миллиона тонн стали — это почти в 20 раз меньше, чем СССР. Чем больше узнаешь жизнь различных народов, тем больше убеждаешься в величии идей коммунизма и в бессмертии ленинизма. Наша Средняя Азия, как небо от Земли отличается теперь от соседних с ней стран по уровню жизни, культуре, промышленности, науке. 30-40 лет тому назад она была такой же, как Иран, Индия, Афганистан и другие соседи. То, что я только что написал, не фраза — я очень хорошо знаю все республики Средней Азии. За пять лет работы я видел почти все наши среднеазиатские города, тысячи колхозов, совхозов и все крупные новостройки. Для того, чтобы люди всей Земли могли пользоваться всеми доступными благами человеческой жизни, нужно совсем немного: навсегда покончить с войной и производством вооружений, заставить всех работать и производить только то, что требуется для удовлетворения потребностей человека, то есть, говоря коротко, - необходимо построить коммунизм на нашей небольшой планете…

2 декабря. Бомбей.

Окрестности Бомбея прекрасны. Вечно теплый океан, извилистая береговая линия, небольшие горы, широкие плодородные долины, озера и вечнозеленые леса, сады и парки — все это создает идеальные условия для жизни людей. Город раскинулся вдоль побережья Индийского океана километров на 30. Центр Бомбея не уступает лучшим европейским городам, но его окраины — жуткая клоака и грязь. В городе более 5 миллионов жителей, из них около одной пятой совершенно не имеют жилья, очень много нищих. Отличные шоссе, а по сторонам в непосредственной близости нищета и грязь. Нам, советским людям, неудобно и как-то неловко видеть эти картины. Они напоминают недалекое прошлое наших юго-восточных окраин.

В 10:30 произвели посадку. На аэродроме нас встречали губернатор, мэр, министры, доктор Балига — председатель ИСКО. Прямо с аэродрома поехали в Радж Бхаван (дворец губернатора на берегу океана). В 12:00 в отеле »Тадж-Махал» провели пресс-конференцию для журналистов и ученых. Там же от имени семи местных общественных организаций был устроен ланч на 500 человек, было множество венков, приветствий и подарков. На улицах города народ встречал Гагарина восторженно, но больших толп не было. Сегодня в двух своих выступлениях Гагарин больше, чем следовало, вдавался в политику и говорил о 22-м съезде КПСС, о программе коммунизма. По-видимому, эти выступления кое-кому не понравились, и руководство города приняло соответствующие меры: во время митинга на стадионе было не более 7 тысяч человек (в основном полицейские и дети). Говорил по этому поводу с Бенедиктовым; он признал, что мы допускаем ошибку: главными темами речей Гагарина должны быть освоение космоса и миру — мир, а не 22-й съезд и коммунизм.

3 декабря.

Вчера вечером Главный министр штата дал ужин, присутствовали Кришна Менон, доктор Балига и другие. В 22 часа поехали на киностудию. Ее руководство потрудилось, чтобы эффектно встретить гостей: метров двести аллеи, ведущей к главному павильону, были устланы широким ковром, все деревья — в разноцветных лампочках, музыка, пение, пляски, транспаранты. Собрались все кинозвезды Индии. Было много очень красивых девушек. Познакомились с Раджем Капуром - говорят, что он в последнее время не совсем хорошо себя ведет в отношении нашей страны, но на встрече он был очень любезен и провожал нас до машины.

4 декабря.

Вчера до 11 часов утра отдыхали, искупались на губернаторском пляже неподалеку от дворца. После купания заехали в наше консульство, где состоялась исключительно теплая встреча.

Ближе к вечеру посетили центр йогов и океанский аквариум, в котором очень полно экспонирована жизнь океана.

Особенно запомнилась рыба индейка: она нарядна, как цыганка. К 18:00 на митинг в Шиваджи-парке собралось более 300 тысяч человек, а на пути к парку было около 500 тысяч. После того, как мы убедились, что власти Бомбея страдают массобоязнью, мы дали объявления в газеты о маршруте, времени проезда и местах выступлений Гагарина. Результаты превзошли все наши ожидания. Главный министр сказал, что для приветствия Гагарина народу собралось больше, чем для приветствия английской королевы. Представители 70 организаций Бомбея преподнесли Гагарину венки и дорогие подарки (много изделий из серебра и слоновой кости), он благодарил и говорил о космосе, науке, дружбе и мире. Прямо с митинга приехали на квартиру доктора Балига, а уже через полчаса Гагарин выступал на собрании членов ИСКО. После собрания был отличный концерт, но мы настолько измотались, что мечтали только о постелях. Легли спать уже за полночь…

Сегодня в 8:30 взлетели и взяли курс на Калькутту. На аэродроме нас провожали мэр города и доктор Балига. В 11:20 произвели посадку в Калькутте, на аэродроме нас встречали мэр Калькутты, наш консул, дипломаты и жители советской колонии. С аэродрома поехали во дворец губернатора. Представились губернатору — госпоже Найду, женщине лет шестидесяти, дочери известной индийской поэтессы. Госпожа Найду встретила нас очень приветливо и пригласила к себе на прием. С 12:30 до 13:30 провели пресс-конференцию, было более сотни журналистов и обычные вопросы, только один из корреспондентов настойчиво хотел узнать, не было ли каких физиологических и психических расстройств у Гагарина и Титова; да еще один спрашивал: «А до вашего полета были ли попытки запустить человека в космос?» Юра очень удачно отвечал и едко высмеял неверящих.

Немного перекусили в консульстве и к 15:00 поехали на митинг, который собрал более 80 тысяч человек. На всех улицах, по которым мы проезжали, было очень много людей: на тротуарах, в окнах, на балконах, крышах и деревьях. Всего за первые шесть часов пребывания в Калькутте Гагарина видели и приветствовали более миллиона человек. В Калькутте народ приветствовал Гагарина так же горячо, как его приветствовали Англия и Куба. В 16:30 начался прием у губернатора. Госпожа Найду, Гагарины и я встречали гостей — пришли все дипломаты и городская знать. Через 30 минут после начала приема я ушел к себе в комнату, чтобы продолжить свои заметки.

Вечером посетили клуб прессы. У дворца, на улицах и в районе клуба продолжает стоять народ. Люди по собственной инициативе часами стоят, чтобы на минуту увидеть лицо, улыбку, жест первого гражданина Вселенной. Наблюдая миллионные толпы людей, так горячо приветствующих Гагарина, я часто вспоминал свои юношеские впечатления от одной лубочной картинки, изображающей встречу Иисуса Христа с народом. Запомнился светлый лик Божества в центре и полтора-два десятка удивленных и вопрошающих лиц на заднем плане. Да, неважно встречали сына Бога на Земле. Фантазия людей тех далеких времен не шла дальше чуда с пятью хлебами и пятью тысячами голодных, накормленных Христом этими самыми хлебами. А вот наш Гагарин одним своим появлением утоляет жажду многотысячных иноплеменных толп, и это всеми воспринимается как что-то вполне естественное. Пройдут века, человечество прочно обживет околосолнечное пространство, и на всех планетах, где будет человек, никогда не забудется имя Юрия Гагарина — первооткрывателя космоса и первого гражданина Вселенной. Это пишу я, хотя мне лучше других известно, что Гагарин — это только счастливая случайность, на его месте мог быть и другой. Помнится, 11 апреля 1961 года я записал в своем дневнике: «Завтра Гагарин будет всемирно известным человеком». Но и я не предвидел тогда всего величия свершавшегося. Да, что говорить, не предвидел — даже сейчас, через восемь месяцев после «утра космической эры» очень многие даже у нас в стране не осознают всего величия свершенного открытия. Сроки полетов человека на Луну, Марс и Венеру зависят теперь только от того, как много средств и внимания мы уделим подготовке этих полетов. Я убежден, что уже через 4-5 лет человек может побывать на Луне.

5 декабря. Калькутта.

Встал в 7 утра, отлично выспался. Дворец губернатора — это бывший дворец вице-короля Индии. Дворец великолепен, его окружает божественный парк — англичане умели жить. Для губернатора штата этот дворец великоват и не по карману, чувствуется некоторое запустение, хотя почти каждую неделю здесь останавливаются короли, королевы и президенты. Побывали здесь и Хрущев, и Ворошилов, а скоро приедет и Брежнев.

Ужинали вчера втроем — Юра, Валя и я, а обслуживали нас более десятка слуг. Они безмолвны, бесшумны, но замечают все и понимают не только по-английски, но и любое движение. Все слуги — мужчины, вернее юноши - черные, как негры, в длинных красных камзолах и белых штанах и тюрбанах. Они для нас почти как неживые, сошедшие со страниц сказочных описаний Востока. На ужин подавали шесть блюд — рыбу, телятину, цыпленка, два торта и фрукты (яблоки, груши, ананасы, виноград и т.д.). В пище много специй и сладостей, но все очень питательно. Вчера, проезжая по улицам Калькутты, заполненным народом, мы наблюдали типичные для Индии картины: несколько дворцов и прекрасных зданий и тысячи хибар и «мышиных» нор. Десятки сытых, выхоленных, довольных жизнью людей и миллионы полуголодных.

До 10 утра провели молодежный митинг на стадионе, затем побывали в Ботаническом саду, проехались по улицам города. В 16:00 состоялась встреча Гагарина с членами авиаклуба. Президент клуба представил Гагарина и меня собравшимся (обо мне он сказал, что я президент ДОСААФ СССР и одновременно возглавляю космический институт). Гагарину подарили серебряный глобус со спутником, а мне — арбу с двумя волами из слоновой кости. Вручая арбу, президент сказал: «Помогите Индии вытащить ее в космос». Потом мы встречались с членами ИСКО. После того как мы заняли места в президиуме, хор из 30 женщин и мужчин спел на русском языке «Широка страна моя родная…». Было очень приятно услышать родной напев в далекой Индии.

Да, народ Индии встречает Гагарина очень радушно, искренне и любовно. Но мы знаем, что есть люди, которые хотели бы, чтобы этих встреч, да и самого Гагарина, не существовало вовсе. К таким, в первую очередь, надо отнести Главного министра Западной Бенгалии. Он не нашел времени хоть раз встретиться с Гагариным. Это, по-видимому, злейший реакционер и мракобес. Как мне рассказывал И.А.Бенедиктов, он игнорирует центральное правительство Индии и делает что хочет. Он ездил в Америку и встречался с Кеннеди, вел с ним переговоры о займах для Калькутты, и все это делалось без согласия правительства Индии.

6 декабря.

Встал в 5:30, сегодня в 8:00 вылетаем в Хайдарабад. Вчера вечером госпожа Найду дала прощальный обед. Содержание разговора — пустое, хотя госпожа Найду многое знает о нашей стране и очень хотела бы побывать у нас.

Пишу эти строки на борту самолета Ил-18, летим из Калькутты в Хайдарабад — город, влиятельный на всем юге

Индии. В нем проживает магараджа, богатства которого оцениваются в 22 миллиарда рупий (такая сумма нужна Индии для выполнения всего пятилетнего плана), и этот сверхмиллиардер еще получает «пенсию» от правительства в размере миллиона рупий в год. Такова еще одна особенность Индии — миллионы людей могут умирать с голоду, а самые богатые люди страны получают «пенсии», компенсирующие стоимость отобранных у них земельных участков…

В 10:30 мы произвели посадку на хайдарабадском аэродроме. Уже с воздуха было заметно, что город и его окрестности заметно отличаются от районов Бомбея или Калькутты. Очень много зелени, прудов, хорошо обработанные поля и более опрятные улицы и дома. На земле это впечатление полностью подтвердилось: город чище других городов Индии, меньше нищих и грязи, хотя есть и то, и другое.

Предпоследний день нашего пребывания на индийской земле (завтра в 12:00 мы вылетаем на Цейлон) снова оказался до предела перегруженным: пресс-конференция на аэродроме, визиты губернатору и Главному министру штата, многотысячные митинги в хайдарабадском университете и на одной из городских площадей. По программе, составленной в Дели, здесь не намечался прием в Индийско-советском культурном обществе (ИСКО), но местные власти не только включили этот прием в программу, но и объявили о нем в газете. Гагарин отреагировал на это изменение программы болезненно, он сказал: «Николай Петрович, меня «высосали» до предела. Я прошу не перегружать программу встреч». Я настоял перед Бенедиктовым и местными властями об исключении из программы хотя бы посещение местного аэроклуба, что дало нам возможность немного отдохнуть. Встречи Гагарина с народом в Хайдарабаде были очень теплыми; толпы людей на улицах и площадях приветствовали его не менее восторженно, чем на Кубе или в Бразилии. Правда, было меньше венков (в Бомбее 70, а здесь всего 5) и почти не было подарков: по-видимому, теплота и радость встреч не требуют подкрепления подношениями.

7 декабря.

Вчера мы все же провели встречу с членами ИСКО. Уже в самолете — по пути на Цейлон — я спросил Гагарина: «Какие недостатки в поездке по Индии?» Юра ответил: «Все хорошо, только программа перегружена до предела. Много политики и почти ничего для себя, даже слонов в Индии не видели». Да, он прав: перегрузка жуткая.

В 14:30 произвели посадку на аэродроме Ратмалана. Оказалось, что это первая посадка Ил-18 на Цейлоне, а я — первый советский генерал на этом острове. На всем 20-километровом пути от аэродрома до Коломбо стояли толпы народа. Первая, самая массовая, встреча в городе сорвалась из-за дождя, продолжавшегося с 15 до 18 часов. Программу нашего пребывания на Цейлоне также перегрузили, исходя, главным образом, из желания как можно больше показать Гагарина народу. Мы можем только приветствовать такое желание правительства Цейлона, но работать по 16-18 часов в сутки и проводить по 12-15 встреч в день — это не только утомительно, но и просто недопустимо. Гагарин недавно перенес операцию, а здесь страшная жара и высокая влажность, да к тому же мы уже провели 8 очень напряженных дней в Индии. Когда я высказал все это генерал-губернатору и министру просвещения Цейлона, то услышал в ответ: «У нас даже королева Великобритании выполняла нашу программу визита. Если сократить программу встреч Гагарина с народом, то могут быть проявления недовольства и плохие высказывания в прессе…» Откровенно говоря, мне показалось, что генерал-губернатор был бы рад такому развитию событий. Все же удалось договориться о том, что они составят новую программу, которая будет начинаться не раньше 8:00 и кончаться не позже 20:00.

Вечером был большой прием у премьер-министра госпожи Бандаранаике. Гагарин преподнес ей книгу «Утро космической эры».

9 декабря. Коломбо.

Несмотря на духоту и высокую влажность, я чувствую себя нормально, но некоторые из членов нашей делегации скисли. Вчера в 8:00 отправились на автомашинах в самые южные районы Цейлона. С узкой, но хорошо асфальтированной дороги, часто открывались прекрасные виды на побережье и океан. В машинах было жарко, очень хотелось остановиться и полежать на прекрасном желтом прибрежном песке; бирюзовые волны с белыми барашками, голубое небо и экваториальное солнце так и манили к себе. Но нам было не до купания — по обеим сторонам дороги почти на всем пути стояли люди. Более 15 раз приходилось останавливаться, выходить из машин, подниматься на трибуны, слушать и произносить речи; все это под палящим солнцем, в разгоряченной толпе, легко возбуждаемой словом, жестом или улыбкой Гагарина. Везде были очень горячие встречи — все утверждают, что такие сборища народа впервые в истории Цейлона (вчера Гагарина приветствовало не менее одного миллиона человек).

К 22:30 мы вернулись в Коломбо в королевский дворец — «Квин хаус». В дороге я часа на три подсаживался в машину представителей МИДа Цейлона и получил очень хорошую практику в английском языке, причем удалось установить, что один из них отлично понимает по-русски, но скрывает это. Поездка была очень утомительна; Юра устал и несколько раз повторял: «Работаем на износ, так я долго не выдержу». Но наш посол Н.Я.Тараканов не хочет портить отношения с министрами и губернатором и не настаивает на сокращении программы. На обратном пути в Коломбо я сел в машину министра просвещения и пытался убедить его сократить программу последующих дней, но он, как и генерал-губернатор, очень неохотно соглашался даже на обсуждение программы. Странно, но факт: они думают, что мы должны выполнять любую их программу, иначе чуть ли не провалится правительство Цейлона. Они делают все, чтобы выжать из Гагарина максимум возможного для поддержки правительства. Как это отразится на Гагарине, их не интересует…

На часах 8:30, через 40-50 минут отправляемся в новое турне по стране. День опять предстоит напряженный, а помощи от нашего посла ждать не приходится. Сейчас пойду посоветуюсь с Юрой, чтобы дружно обороняться и против посла, и против цейлонцев.

… Только что вернулся с приема у министра просвещения. День сегодня выдался тяжелый: работали с 9:20 до 23:00 — почти 14 часов. Утром провели встречу со студентами и преподавателями университета Видьяланкара, потом ездили в центр острова — в город Канди. По дороге до Канди четыре раза проводили митинги. Все встречи Гагарина — это очень большая поддержка для цейлонского правительства, и оно широко и умело использует ее: Гагарин в своих выступлениях упоминает Бандаранаике и ее министров. Сегодня было более 10 встреч — все они прошли отлично. Остается только удивляться, почему тысячные толпы народа часами стоят на жутком солнцепеке и не расходятся даже после проезда Гагарина, ожидая, что он поедет обратно.

10 декабря.

Вчера на приеме поблагодарил Бандаранаике за приглашение посетить Цейлон, за теплые и очень любезные встречи. Напомнил ей, что в нашей стране ждут ее приезда и встретят премьер-министра Цейлона со всем радушием, на какое способен советский народ.

Сегодня на прием мы намеренно не взяли Валентину Ивановну и жену посла, чтобы подчеркнуть, насколько они измотаны. На сегодня вместо семи запланированных встреч оставили только три, а на завтра — четыре. … Только что (в 22:30) вернулся с приема в нашем посольстве, на котором были все послы, в том числе посол США — женщина лет 60. Она все время пыталась держаться поближе к Гагарину и вести с ним разговор о полетах в космос. Чтобы избавить Юру от назойливой собеседницы, пришлось тактично переключить ее внимание на чехословацких путешественников Зигмунда и Ганзелку.

11 декабря.

Девять часов вечера, за окном льет дождь. Все пять дней нашего пребывания на Цейлоне во второй половине дня идут сильные дожди. Говорят, что обычно в конце ноября дожди прекращаются, но этот год — исключение. Сегодня Юра провел встречу со студентами и профессорами университета, встречался с нашей колонией, с лигой Цейлоно-советской дружбы, с учеными Коломбо. Сейчас Юра проводит последнюю пресс-конференцию и ужин с представителями печати. Мне все эти встречи осточертели. Попросил посла Тараканова открыть пресс-конференцию и побыть на ужине.

Итак, наш визит на Цейлон закончен. Завтра рано утром мы вылетаем в Кабул. Встречи на Цейлоне были самые теплые, но генерал-губернатор, а под его влиянием и Бандаранаике, так же как и в Индии, принимали меры, чтобы сдержать проявления чувств простых людей к Гагарину и СССР. Пресса и радио очень широко освещали наш визит, но в воскресенье газеты почти молчали о Гагарине, а сегодня поместили его снимок с американским послом и написали, что он не захотел поехать в ряд пунктов, хотя там его ждали многотысячные толпы народа, и были затрачены деньги на проведение встреч. Вина этих срывов ложится не на Гагарина, а в первую очередь на генерал-губернатора Цейлона, которому мы неоднократно доказывали, что программа перегружена и будет срываться, если ее не сократить. Из-за непонятного упрямства программу не сокращали, и она неоднократно срывалась, а вину сваливали на Гагарина.

…Более трех часов провел в одиночестве. Уложил вещи, принял ванну, записал кое-что в дневник. Весь вечер настроение паршивое, что редко со мной бывает. Все чаще и чаще мыслями возвращаюсь к Москве. Написал четыре открытки — две в Меленки и две в Москву. Все эти дни был настолько занят, что ни на минуту не мог заглянуть в магазины. 300 рупий, имеющихся у меня, не истратил. Завтра раздам их многочисленной прислуге дворца и шоферам.

12 декабря.

Поднялся в 5:40, сейчас уже половина седьмого — через 30 минут уезжаем на аэродром. Цейлон — хорошая и очень интересная страна, но я собираюсь к отлету с большим облегчением; сегодня мы полетим на север, поближе к родным границам. Приятно сознавать, что тяжелый труд в двух странах закончен, и мы начинаем приближаться к дому.

В 8:15 вылетели из Коломбо в Кабул с промежуточной посадкой в Дели. Идем вдоль западного побережья Индии. Бросается в глаза резкая разница в окраске общего фона Земли при полете над Индией и Цейлоном. Цейлон — сплошное темно-зеленое пятно с изобилием влаги. Индия же выглядит, как шкура леопарда: на юге преобладают светлые пятна (поля), а на севере — темные (леса). Но на всей территории ощущается недостаток воды и возможность больших бедствий из-за засухи.

В 16 часов по местному времени произвели посадку на аэродроме Кабула. Три года назад кабульский аэродром не имел ВПП, а сегодня мы отлично приземлились на бетонную полосу. На аэродроме нас встречали министр просвещения Пололо с женой, командующий ВВС генерал-лейтенант Резак Хан и почетный караул. Юра ехал в открытой машине и, стоя, приветствовал людей. На улицы вышли практически все жители Кабула. За три прошедших года много заметных изменений к лучшему: многие женщины ходят без паранджи, появились бойскауты (ребята и девушки), много новых зданий, улучшились дороги. Наш посол С.Ф.Антонов — в отпуске в СССР, вместо него — поверенный в делах Новокрещенов Александр Андреевич. Гагарины и я разместились во дворце, все сопровождающие — в гостинице.

13 декабря. Кабул.

После Цейлона мы все в Кабуле мерзнем. Юра надел шинель, Валя — шубу. Я же натянул на себя все, что у меня было из теплой одежды, и не чувствую, чтобы оно было лишним. Вчера вечером министр Али Ахмед Пололо провел прием, во время которого я побеседовал с премьер-министром Мухаммедом Даудом, начальником Генерального штаба Сеидом Хассаном и командующим ВВС генералом Резак Ханом — моим старым знакомым. Школа летчиков, которую я осматривал в 1958 году, дала уже первый выпуск авиаторов. Начальник Генерального штаба сказал, что они уже имеют 60 хорошо подготовленных летчиков реактивных самолетов, что СССР готовит летчиков лучше Америки, и поэтому они скоро совсем откажутся от ее помощи по этой линии.

Сегодня начали свой рабочий день с девяти утра: возложили венок на гробницу Надир Шаха — основателя династии, нанесли визит министру просвещения Пололо, провели городской митинг, были на обеде, устроенном в честь Гагарина обществом Афгано-советской дружбы. В 16:00 в своей резиденции нас принял премьер-министр Дауд. На приеме были Юра, я и Новокрещенов. Дауд выглядит крепким 50-летним мужчиной, энергичным и достаточно образованным, он ценит дружбу с Советским Союзом и верит в нее. Интересной беседы с премьер-министром не получилось, в основном она свелась к обмену взаимными любезностями.

…Только что (около 19 часов) вернулись от короля Афганистана его величества Мухаммеда Захир Шаха. Аудиенция продолжалась 35 минут. Королю около 45 лет, у него блестящая лысина, небольшие усы и солидный нос. Одет он был в гражданский черный костюм, желтые полуботинки, белую сорочку и темно-красный галстук. В отличие от премьера, король говорил очень тихо, но содержательно. По-видимому, он неплохо понимает все, что творится в мире и в его стране. Вот что он сказал, обращаясь к Гагарину: «Мы очень рады приветствовать вас, господин Гагарин, в нашей стране. Народ Афганистана приветствует вас как человека,

совершившего небывалый подвиг, и как посланца дружественного нам Советского Союза. Наша страна очень бедная, мы отстали в своем развитии. К этому было много причин и главная из них в том, что мы 150 лет находились под властью англичан. Но афганцы все время боролись за независимость, и в этой борьбе нам оказал неоценимую помощь Советский Союз. И теперь отношения между СССР и Афганистаном самые дружественные. Более трех тысяч советских специалистов помогают нам строить новый Афганистан. Они работают в очень трудных условиях в районе Джелалабада, Герата и в горах Гиндукуша. Условия жизни и работы для них тяжелые, но всегда, когда я их спрашивал: «Как живете, как работаете?» — они отвечали: «Хорошо». Да, советские люди умеют преодолевать трудности. Ваш первый космический полет - самое яркое тому подтверждение. Обстановка сейчас сложная, империалисты оказывают на нас чувствительный нажим, но мы верим и в силы нашего народа, и в наших друзей. Передайте привет советскому народу и советскому правительству, мы очень благодарны за помощь, которая оказывается нам. Большое спасибо за визит в нашу страну. Мы слышали, что ваша жена немного больна, передайте ей от королевы и от меня лично пожелания скорейшего выздоровления». Судя по речи короля, этот заместитель Аллаха и неограниченный владыка на афганской земле может поучить многих политиков и дипломатов искусству вести дела своего народа…

Около десяти часов вечера вернулся с приема в кабульском университете. Ректор университета доктор Анвари произнес длиннющую речь, и Гагарин не догадался высказаться покороче. Уморили всех речами до такой степени, что я не выдержал этой комедии и уехал, не дожидаясь окончания приема.

14 декабря.

Наконец-то наше путешествие подходит к концу: завтра в 9:30 по местному времени мы вылетаем в Ташкент, но сегодня предстоит еще довольно напряженный день. Мы размещаемся в королевском дворце «Гульхана». Здесь останавливаются только самые высокопоставленные гости: короли, президенты, премьеры. Слуги говорят, что в моих апартаментах размещался Хрущев. Помещения чистые и удобные, одно плохо — в них холодновато. Сегодня — в шестнадцатый день нашего напряженного путешествия — мне хочется записать кое-что о Гагарине. Физически Юра здоров и ни на что не жалуется, но его очень нервируют дополнения и изменения в программах встреч. Его тяготят выступления, а встречи без выступлений и, особенно, встречи за столом ему нравятся и иногда он сам их затягивает. Даже после происшествия в Крыму он не отказался совсем от выпивок. За полмесяца он выпивал всего 2-3 раза, и то по 1-2 рюмки. Но неприятно то, что пьет он с видимым удовольствием и в соответствующей обстановке легко может «набраться лишнего». Я не хотел бы быть пророком, но мне кажется, что со временем он будет пить, и пить крепко. Сейчас он в зените славы, все время на виду, постоянно несет большую моральную и физическую нагрузку, чувствуя, что за каждым его шагом наблюдают. Пройдет еще 1-2 года, обстановка значительно изменится, и тогда у него появятся нотки неудовлетворенности. В его семейной жизни они уже и сейчас заметны: он не уважает жену, иногда унижает ее, а она не обладает достаточным тактом, воспитанием и другими достоинствами, чтобы влиять на него. Вчера, например, на приеме Гагарин спокойно сел за стол с министром иностранных дел Наим Ханом и его женой, оставив Валю за другим столом (хотя имелась возможность быть с ней вместе), а после отъезда Наим Хана он по непонятным причинам остановился на полпути к выходу, болтал о пустяках и не замечал неоднократные попытки Вали увести его.

…В 9:00 приехали в военную Академию. Гагарин в течение 50 минут рассказывал о полетах в космос; выступление было хорошим и всем присутствующим очень понравилось. Перед выступлением мы осмотрели учебные классы и присутствовали на двух занятиях. Первое занятие — по тактике — проводил майор с группой слушателей-курсантов; примечательно, что на картах афганцы себя изображают красным цветом, а войска противника — голубым. На втором занятии группа офицеров работала над планированием операции. Оба занятия элементарны — без применения авиации и современного оружия. После Академии осмотрели исторический музей Кабула, в котором есть памятники письменности 2000-летней давности (на каменной плите). Потом были на завтраке в новом ресторане «Карга», построенном в горах на берегу искусственного озера. Завтрак давал премьер-министр, присутствовали члены его кабинета — всего человек 40. После ланча Гагарин провел пресс-конференцию, а в 17:00 к нам приехал адъютант короля и от имени его величества вручил подарки: Гагарину — портрет короля с автографом, Валентине Ивановне — набор каракуля на шубу и ковер, а мне — шкатулку и пепельницу из цветного камня. Мы попросили передать королю нашу искреннюю благодарность за подарки и теплые дружеские встречи.

15 декабря.

Вчера вечером провели встречу с русской колонией, затем до 21:30 были на приеме у мэра Кабула. На приеме были два заместителя премьера, министры, военные, дипломаты. Все наши вели себя прилично, но был один неприятный момент: Барашев, Русяев и Беликов, не дожидаясь, когда сядут за стол «главные» гости и хозяева, уселись за один из трех столиков и оставили без мест министров и нашего посла. Пришлось их призвать к порядку, но этот инцидент не остался незамеченным. Нечто подобное произошло и вчера в ресторане «Карга», когда премьер Дауд и все высокое афганское общество пять минут стояли и ждали «королеву». Перед тем, как сесть за стол, Валентина Ивановна пошла в туалет и возилась там до неприличия долго. Вчера я в присутствии Юры сказал ей, что это очень грубая ошибка, и что такие промахи недопустимы. Юра сказал, что он также краснел за нее. Валентина Ивановна поняла свою ошибку, но сказала, что она не думала, что без нее не будут садиться за стол.

Сейчас 7:30 утра, в 9:30 вылетаем в Ташкент. Вчера после приема у мэра мы заехали на полчаса в наше посольство. Посол показал мне неприятную телеграмму из нашего МИДа, смысл которой в том, что Рашидов просил ЦК КПСС, чтобы Гагарин на обратном пути из Афганистана на сутки остановился в Ташкенте, и ЦК дал согласие на такую остановку. Мне эта остановка, как нож к горлу, да и Гагарины с удовольствием полетели бы сразу в Москву, без посадки в Ташкенте. Дал ответ в МИД и Рашидову: «Гагарины очень устали, будем в Ташкенте в 10 часов по московскому времени, в 17 часов полетим в Москву, за время остановки возможно только 1-2 выступления». Плохо будет, если Рашидов уговорит Гагарина на более длительную остановку. Душой я уже давно в Москве.

Ровно в 8:00 произвели взлет с кабульского аэродрома и взяли курс на Ташкент. Командир самолета доложил: «В Ташкенте слабый дождь, видимость 1200 метров». Все упрашивают меня лететь прямо в Москву. Я целиком на их стороне, но нам необходимо быть в Ташкенте.

В 10:00 сели в Ташкенте и прямо с аэродрома отправились на дачу Рашидова, очень хорошо там пообедали и к 16 часам поехали в Театр Алишера Навои. Театр был окружен многотысячной толпой людей, и сотню метров до подъезда

в театр мы пробивались на машинах минут пятнадцать. Милиции было много, но народ смял милицейские цепи и очень плотно окружил машины. Театр был также переполнен. Митинг открыл первый секретарь горкома Муртазаев. Выступало восемь человек с приветствиями, особенно хорошо выступил ученик второго класса Тимур Турсунов. После митинга был ужин у Рашидова, а в 19:35 мы уже взлетели. Ташкент ночью с воздуха очень красив, как сказал Гагарин, он немного напоминает Рио-де-Жанейро. Итак, идем на Москву. Кончается наше утомительное 17-дневное путешествие по Индии, Цейлону и Афганистану. Заканчиваю эти записки на борту самолета. Высота 7 тысяч метров, Земля прикрыта облачностью, а вверху Луна и звезды…

25 декабря.

Позавчера мне сообщили, что Президиум ЦК КПСС полностью одобрил наше предложение о наборе 60 новых космонавтов и в том числе 5 женщин. Это моя большая личная победа. Мне потребовалось более шести месяцев, чтобы убедить Королева, Келдыша, Вершинина, Малиновского и многих других в необходимости набора женщин-космонавтов. Я сделаю все возможное, чтобы во второй половине 1962 года советская женщина оказалась на орбите вокруг Земли. А еще лучше, если наши женщины в 1962 году повторят полеты Гагарина и Титова. Нам предстоит очень большая работа по отбору космонавтов, из тысяч желающих нужно отобрать только шестьдесят. Был в ЦК ДОСААФ, разговаривал с Шатиловым и Скворцовым (заместители председателя ЦК ДОСААФ — Ред.). Договорились о начале отбора женщин в космонавты, уточнили требования, документацию и порядок отбора. Направим на медкомиссию человек 200 и отберем из них 4-5 самых лучших. 10 января 1962 года ДОСААФ представит нам материалы на первую группу в 40-50 человек (заявления кандидатов, автобиографии, анкеты и заключения о годности к летной работе).

Сукарно согласился с нашим предложением послать в Индонезию не Гагарина, а Титова. Решено, что 1 января Титов и Горегляд вылетят в Джакарту. Сегодня говорил с Главкомом о необходимости увеличения численности штата Института авиационной и космической медицины (необходимо дополнительно иметь 10 офицеров и 85 служащих и рабочих). Мои переговоры по этому поводу с Ушаковым и Брайко не дали результатов. Просил Вершинина принять волевое решение и приказать выделить людей. Вокруг идет пустая болтовня об освоении космоса, а когда дело доходит до выделения денег и людей, все упираются, как упрямые ослы.

27 декабря.

Сегодня говорил с Главкомом о небольшом отпуске для меня — в этом году, как и в прошлом, я отдыхал только 20 дней, вместо положенных 45. Главком разрешил мне отдыхать до 8 января, но без оформления отпускного билета.

28 декабря.

Вчера провел большое совещание по подготовке к очередному пилотируемому полету, запланированному на март 1962 года. Основные итоги совещания таковы. Шесть космонавтов, полностью закончивших программу подготовки и тренировок, уже готовы к полету. К сожалению, плохо обстоит дело с устранением дефектов в аппаратуре и оборудовании. 26 декабря в Феодосии закончились испытания доработанной парашютной системы и скафандра, но все усовершенствования показали себя плохо, и их нельзя принимать. На сегодня у нас есть только те системы, с которыми летали Гагарин и Титов, со всеми присущими им недостатками (автоматическое открытие запасного парашюта, заполнение скафандра водой в случае приводнения, ненадежная радиоаппаратура, ложные показания газоанализатора при отрицательной температуре и др.). Терморегулятор «улучшили» так неудачно, что теперь температура в кабине корабля может подняться до 35-40 градусов и выше. Дело в том, что во время полета Титова температура в кабине понизилась до 10 градусов. Это произошло из-за того, что в кабине корабля по ошибке были включены оба вентилятора (один из них - запасной). Не зная точной причины снижения температуры, конструкторы терморегулятора уменьшили площадь радиаторов почти вдвое, и уже после этого выяснилось, что причина снижения температуры — в одновременной работе двух вентиляторов. Так же плохо обстоит дело и с «Микроном» - аппаратурой контроля физиологических функций космонавта с момента катапультирования и до приземления. «Микрон» еще ни разу не работал, и пока нет надежд, что он заработает.

1962 год

Полет Николаева и Поповича снова резко увеличил разрыв между СССР и США в нашу пользу — это признают даже сами американцы. Но что мы должны делать дальше?

6 января.

Королев опять улетел на космодром на запуск второго «Зенита». Первый пуск, проведенный в первой декаде декабря прошлого года, был неудачным. Не сработала третья ступень ракеты, объект упал между Новосибирском и Якутском, и до сих пор не найден. У меня пока не было времени подробно выяснить причины этой аварии и неудачного поиска упавшего аппарата, а Кутасин, Горегляд и Аристов тоже ничего не знают.

8 января.

В 10:30 было совещание у Вершинина. Главком проверял нашу готовность к военно-научной конференции ВВС, которая начнет работу завтра в Монинской академии. На конференции я буду руководить секцией космонавтики.

13 января.

Сегодня закончила работу военно-научная конференция ВВС. На заключительном пленарном заседании присутствовали Гречко, Захаров, Баграмян. С заключительным словом выступил Вершинин. В работе секции космонавтики планировалось участие 65 генералов и офицеров, а фактически участвовало более 130 человек. Лучшие доклады на нашей секции сделали доктор наук Генин, генерал-майор Мелькумов, генерал-майор Четвериков и профессор Поспелов. Секция рекомендовала разрабатывать и создавать:

1) воздушно-космический самолет с высотой полета 60-150 км и орбитальный космический самолет с высотой полета 1000-3000 км;

2) самолет-носитель для старта с него космических летательных аппаратов и ракет классов «воздух-космос» и «космос-земля»;

3) аппаратуру навигации, наблюдения и управления для космических летательных аппаратов и аппаратуру жизнеобеспечения космонавтов для 30-суточного и более длительных полетов.

По представлению секции космонавтики в решениях конференции указано на необходимость:

— усовершенствования пуска и поиска космических летательных аппаратов;

— подготовки космонавтов из числа ученых, инженеров, врачей и других специалистов;

— совершенствования базы Института авиационной и космической медицины и Центра подготовки космонавтов.

16 января.

Уговорил Вершинина не посылать меня с Гагариным в поездку по африканским странам. Вместо меня полетит полковник Аристов, вылет намечен на 30 января. Работы так много, что мне кажется, мы не делаем и половины того, что крайне необходимо делать.

Вчера ЦК ДОСААФ представил 58 личных дел женщин, желающих быть космонавтками. Они или летчицы, или парашютистки, а во многих случаях — и то и другое сразу. Сегодня в 14:00 проведу совещание: из 58 отберем 30-40 кандидатов, которых в ближайшее время вызовем в Москву и «пропустим» через медицинские комиссии и специальные испытания. Можно считать, что работа по подготовке полета женщины в космос уже началась. Вчера маршал Малиновский подписал приказ о наборе 60 новых космонавтов, в том числе разрешено принять пять женщин.

ЦПК необходимо реорганизовать и расширить. Сейчас в штате Центра всего 250 человек, из них 17 космонавтов. Возглавляет Центр врач полковник Е.А.Карпов. Юридически ЦПК подчинен Институту авиационной и космической медицины ВВС. Необходимо штат ЦПК увеличить до 600 человек, из них 80 космонавтов. Во главе Центра поставить хорошего организатора, генерала-летчика. Следует также подчинить Центру смешанный авиационный полк для тренировки космонавтов, а сам ЦПК вывести из состава Института авиационной и космической медицины, сделав его (Центр) самостоятельной организацией, напрямую подчиненной командованию ВВС. Вчера обо всем этом я говорил с генерал-полковником Агальцовым, он поддерживает все мои предложения. Теперь передо мной стоит нелегкая задача — убедить в необходимости реорганизации ЦПК сначала Вершинина, а затем и руководство Министерства обороны.

18 января.

С.П.Королев прислал письмо с просьбой поддержать его ходатайство о постройке в 1962-1963 годах 8 новых кораблей «Восток-3А», которые должны быть на 1100-1300 килограммов тяжелее «Востока-2». Для их запуска будет использоваться носитель 11А57 (носитель спутника «Зенит-4»). Эти корабли предназначаются для проведения экспериментов по стыковке на орбите, для создания экспериментальных орбитальных станций и разработки кораблей, предназначаемых для полетов к Луне. ВВС целиком поддерживают эти предложения. Сергей Павлович считает, что на одном из стыкующихся кораблей должен быть пилот.

19 января.

Вчера впервые просмотрел личные дела женщин-космонавток. Из 58 мы отобрали 23 кандидата, которых направим на медкомиссию в первую очередь, а затем — всех остальных. Первое впечатление от просмотра личных дел — разочарование и неудовлетворенность. ДОСААФ отобрало кандидатов мало, и большинство из них не отвечают нашим требованиям. Нам нужны молодые, физически крепкие девушки, уже имеющие стаж летной и парашютной подготовки, которых мы за 5-6 месяцев смогли бы подготовить к полету. Главную цель такой ускоренной подготовки я вижу в том, чтобы не дать возможности американцам опередить нас, чтобы продолжать восхищать мир нашими успехами в космосе. Кроме того, мы твердо знаем, что женщины будут летать в космос, и чем раньше мы начнем их подготовку к космическим полетам, тем меньше неожиданностей и неприятностей встретим на этом пути.

27 января.

Сегодня у меня были Гагарин и Титов. Титов вчера вернулся из поездки по Индонезии, Бирме и Вьетнаму, а Гагарин в понедельник, 29 января вылетает в Африку. По докладу генерала Горегляда, поездка Титова прошла нормально, но у него появились признаки зазнайства. Посоветовавшись с Вершининым, мы решили поговорить с Германом на эту тему. Еще до отъезда в Индонезию Титов 30 декабря был на квартире у журналиста Булушева, где выпил сам и заставил выпить своего шофера Померанцева. До Чкаловской они доехали нормально, а потом шофер с разрешения Титова поехал к своей дочери. В 2 часа ночи его остановил милиционер и за езду в нетрезвом состоянии отобрал водительские права. Померанцев, 1918 года рождения, первоклассный шофер, семейный человек, член партии, не имевший до этого случая ни одного взыскания. Несомненно, что главный виновник этого происшествия — Титов, да он и сам признал свою вину. Главком в присутствии Рытова, меня, Горегляда и Гагарина объявил Титову выговор и очень строго предостерег его от повторения подобных проступков.

23 января собирал всех космонавтов и советовался с ними об их дальнейшей учебе в академии. Все заявили, что совмещать занятия в академии с подготовкой к космическому полету невозможно; чрезмерно большая нагрузка может сказаться на их здоровье. Все высказались за то, чтобы космическую подготовку проводить в полном объеме, а академические занятия резко сократить — оставить лишь отдельные лекции, не сдавать зачеты и не защищать дипломный проект. Я настойчиво разъяснял им ошибочность их позиции. Через 2-3 года, когда у нас будут летавшие космонавты с высшим образованием (из нового набора), роль космонавтов, не имеющих высшего образования (из первого набора), будет более чем скромной. А командованию ВВС хотелось бы, чтобы из группы первых космонавтов выросли крупные руководители в области космонавтики. Я предложил простое и, на мой взгляд, единственно правильное решение: всех космонавтов (17 человек) разделить на две группы — «академическую» и «космическую». В 1962 году первая группа занимается только в академии, вторая — только космической подготовкой. В 1963 году группы поменяются местами, а начиная со второго курса (осень 1963 года), все будут заниматься только в академии (имеется в виду, что все уже слетают в космос по одному разу). Программу дальнейших полетов будут выполнять космонавты нового набора. Гагарин, Титов и другие космонавты, а также Главком одобрили это предложение.

31 января.

Вчера был на партийном собрании в Институте авиационной и космической медицины. Доклад об итогах и задачах научно-исследовательской работы сделал В.И.Яздовский. Исследования ведутся по 30 темам, основные из них начаты во второй половине 1961 года. В прениях выступили 15 сотрудников института. Было высказано много претензий к ВВС и в, первую очередь, за медлительность в создании экспериментально-производственной базы. В выступлениях коммунистов очень часто высказывалась мысль о том, что отсутствие правительственного органа по космосу тормозит наше общее дело. Средства и усилия распыляются, нет четкой координации, возникает угроза отставания от США.

6 февраля.

Главком — в командировке, Гагарин — в Африке. Титов хандрит: у жены выкидыш, а сам он заболел гриппом. Три раза переписывали отчет Института авиационной и космической медицины в ЦК КПСС. Руководство института намерено довести до ЦК все недочеты в работе, а министр обороны заинтересован в обратном. Малиновский давно мог бы своей властью решить и вопросы численности штатов института и ЦПК, и все, что связано с созданием экспериментально-технической базы. Но эти проблемы до сих пор не решены только потому, что бюрократы не желают разобраться в существе дела сами, а докладывать в ЦК тоже не хотят.

Министром обороны создана комиссия под руководством генерала армии Лучинского с целью рассмотреть, что еще можно «отрезать» от ВВС в пользу ракетных войск. Пока, кажется, речь идет только об институте генерал-лейтенанта Иоффе и войсковой части генерал-майора Холодкова. Вредная директива министра о распределении функций в освоении космоса уже начинает портить дело. Если и дальше так пойдет, и в правительстве не будет создан специальный орган по руководству космонавтикой, то в 1962-1963 годах Америка нас обгонит. Надо признать, что сейчас мы лидируем только формально, а по сути — уже отстаем: 120 запусков спутников в Америке и 20 — у нас. США непрерывно готовят и испытывают все новую и новую технику, непрерывно получают мощный поток информации из космоса, а мы пока лишь »пульсируем»; слишком велики перерывы между полетами. В том, что мы отстаем от США в космосе, мир сможет убедиться в 1963 году, но убедить в этом наших руководителей почти невозможно.

8 февраля.

На днях я, как член редколлегии журнала «Авиация и космонавтика», выступал по радио по случаю выхода первого номера. Редактор журнала полковник Иван Федорович Шипилов развивает очень большую активность. Я помог ему установить тесные связи с Келдышем, Королевым, Глушко и другими учеными, и он умело использует эти связи в интересах дела. Он и генерал Холодков — мои самые надежные союзники. Но есть и «враги», которые «съели бы меня с потрохами», если бы представился удобный случай: это генерал-полковник Пономарев, генерал-лейтенант Кутасин, генерал-майор Белюнов и некоторые другие. Да, недоброжелателей много — они мелочно завидуют нашему шумному успеху в космосе и как-будто не подозревают, что рядом с успехами могут быть и большие провалы.

Главком Вершинин, генералы Агальцов и Брайко во всем меня решительно поддерживают. Но все может резко измениться при одном моем неверном шаге, ошибке или несчастном случае. Несмотря на мои заслуги, меня могут выставить в роли «козла отпущения» при первой же крупной неудаче. Королев, Яздовский, Клоков охотно поддержат любую акцию против меня. Пока они держатся лояльно, но «трещина», наметившаяся в отношениях между нами, не уменьшается. Хотелось бы по больше единства и сплоченности в рядах тех, кто работает над освоением космоса, но нас, к сожалению, раздирают мелкие дрязги. Вчера, например, Главный конструктор Алексеев Семен Михайлович рассказал мне о том, как начальник НИИ ПДС (парашютно-десантной службы — Ред.) Ткачев сорвал испытания парашютной подвесной системы и скафандров. Ткачев знает, что по решению ВПК (Военно-промышленная комиссия при Совете министров СССР — Ред.) мы должны закончить испытания до 13 февраля, но он приказал своим испытателям не прыгать из опасения, что парашют зацепится за РПК-10 (разъемную колодку коммуникаций скафандра). Когда ему сказали, что с этой колодкой проведено полсотни прыжков, в том числе катапультировали Гагарина и Титова, он ответил: «А я ее раньше не видел, а то бы запретил прыжки еще раньше». Вот так иногда решаются у нас важные вопросы. Алексеев от меня позвонил Кобзареву, тот от неожиданности даже растерялся, а потом сказал: «Что мне делать с этим дураком, снять его с должности?» Кобзарев срочно вызвал к себе Алексеева, Ткачева и полковника Смирнова, чтобы немедленно решить этот вопрос.

Руководство упорно молчит об очередном пуске — дай Бог, чтобы он состоялся в марте. Есть все основания опасаться, что разрыв между вторым и третьим полетами будет не меньше 8-9 месяцев.

9 февраля.

В столовых ввели постные четверги. В Москве и особенно на периферии ощущается недостаток мяса и других продуктов. Усиленно ползут слухи, что на Хрущева в Минске было совершено покушение. Удивляют не сами слухи, а то, что люди не возмущаются ими. Народ Хрущева не любит, его бесконечная болтовня и обещания всем надоели. Люди надеются на сохранение мира и улучшение своего материального благосостояния, но и то и другое может не осуществиться. И в этом будут виноваты не только Кеннеди и Аденауэр, но и наша крикливая политика, наши попытки «совать нос» во все закоулки земного шара. Мы очень неэкономно раздаем за границей то, что еще очень нужно нам самим внутри страны.

10 февраля.

Вчера партком ВВС обсуждал доклад генерал-лейтенанта Волынкина о ходе научно-исследовательских работ в Институте авиационной и космической медицины. Были предложения подчинить институт генералу Пономареву, но такое решение партком не принял. Надо признать, что имеющаяся в ВВС разобщенность усилий по освоению космоса (Каманин, Пономарев, Кутасин) наносит нам большой вред. Желательно эти усилия объединить. А пока что ГКНИИ и ИАКМ ставят друг другу подножки и тем самым дискредитируют ВВС. В частности, ГКНИИ совместно с ОКБ Воронина проводит 15-суточные испытания двух офицеров для «Севера», но без всякого участия ИАКМ.

13 февраля.

Сегодня Вершинин, Рытов, Пономарев и я были в ОКБ-124 Главного конструктора Воронина. Осмотрели завод, барокамеры и другие установки. Завтра в ОКБ заканчивается 15-суточный эксперимент с двумя испытателями, проводимый совместно с ГКНИИ. ИАКМ приглашался для участия в данном эксперименте, но отказался от него. Это большая ошибка Яздовского.

После отъезда Главкома я, Холодков и Смирнов еще около полутора часов оставались у Воронина. Я пытался выяснить причину ухудшения отношений между ОКБ-124 и ИАКМ. Она оказалась простой: Яздовский хочет поставить себя выше Воронина. Еще одна ошибка руководителей ИАКМ состоит в том, что они хотят дать ОКБ для производства уже готовые образцы аппаратуры, а не идеи и нормы для конструирования этой аппаратуры. ИАКМ настаивает на зачетных испытаниях своей аппаратуры, а база для их проведения есть пока только в ГКНИИ. В общем, нам нужно

четко разграничить обязанности двух институтов, а не сталкивать их лбами.

Сегодня Главком подписал доклад о работе ИАКМ и ЦПК в 1961 году, а также проект решения ЦК КПСС и Совмина по базе, численности штатов и строительству для этих организаций.

15 февраля.

Сегодня в 15:20 по московскому времени американцы в восьмой раз будут пытаться вывести на орбиту Джона Гленна. Судя по всему, его полет недостаточно хорошо подготовлен. Я не склонен преуменьшать успехи американцев в космосе — они есть, и они значительны. Более того, я даже опасаюсь, что американцы могут обогнать нас. Правда, не все зависит только от них. Если мы сумеем правильно оценить назревающую опасность, то сможем идти впереди США. Сегодня Герман Титов в 15:00 в Политехническом музее будет выступать перед собранием старых большевиков, а в 14:00 он будет у меня, и я подскажу ему, чтобы он в своем выступлении сравнил полет Гагарина и свой полет с бесконечными переносами первого орбитального полета американца. Оба наших полета были осуществлены с первой попытки, а американцы уже семь раз переносили старт Джона Гленна. Он уже изрядно измучился еще до полета. Сидеть четыре часа в корабле и ждать сомнительного старта — это не легче, чем сделать три витка вокруг Земли.

Вчера Гагарин из Афин перелетел в Никозию, сегодня его горячо приветствуют киприоты. Складывается опасное положение: мы занимаемся речами, а американцы - космическими полетами. Нам надо идти вперед, не переоценивая наших результатов и не умаляя усилий наших соперников.

17 февраля.

Позвонил Королев и сообщил, что Устинов объявил с сегодняшнего дня месячную готовность к полету двух космических кораблей. Я дал соответствующие указания Яздовскому и Карпову. К полету готовятся семь человек: Николаев, Попович, Шонин, Волынов, Нелюбов, Быковский и Комаров. Из этой семерки необходимо выбрать двоих. На будущей неделе такой выбор нужно будет сделать. Наиболее вероятные кандидаты - Николаев и Попович.

Вчера пришлось очень серьезно поговорить с Германом о его поведении. 15 февраля после выступлений у старых большевиков и в Высшей партийной школе он заехал к художнику Яр-Кравченко и пробыл у него всю ночь. Яр-Кравченко - великий пьяница. Герман говорит, что и сам убедился в этом и больше к нему никогда не поедет. В последнее время Титов дает много обещаний, но часто не выполняет их. В тот же день — 15 февраля — между 12 и 13 часами по дороге в Москву, около Медвежьих озер, Титов, сам управлявший своей «Волгой», при попытке обогнать автобус, столкнулся с ним и помял правое крыло. У Германа это уже третье автопроисшествие за полгода. Титов оказался более трудным, своенравным и капризным по сравнению с моими представлениями о нем до полета. Придется разбираться с ним на партсобрании.

21 февраля.

Вчера американский космонавт Джон Гленн на корабле «Меркурий-6» совершил три оборота вокруг Земли и приводнился в Атлантическом океане. В полете были неполадки с ориентацией корабля, температура в кабине поднималась до 40 градусов. Точных данных о состоянии Гленна нет, но оно, по-видимому, удовлетворительное.

Вчера я был в ЦПК и отобрал четырех космонавтов для предстартовой подготовки к очередному полету: Николаева, Поповича, Нелюбова и Быковского. Сегодня получил пока неофициальное уведомление (сведения от Устинова), что пуск должен состояться 10-12 марта. По-видимому, после полета Гленна Н.С.Хрущев потребовал приблизить дату нашего очередного пилотируемого полета. Чтобы произвести пуск 10-12 числа, нужно 2-3 марта вылетать на старт. Вот стиль нашего руководства. Полгода ничего не делали, а теперь за десять дней требуют подготовить сложнейший космический полет, программа которого еще не только не утверждена, но даже и не согласована с нами. Королев настаивает на трехсуточном полете, а мы считаем, что нужно лететь на сутки, и лишь при отличном самочувствии космонавта продлить полет до двух суток.

22 февраля.

Главком утвердил программу предстоящего космического полета. Продолжительность полета — одни сутки, но при отличном состоянии космонавта решением Госкомиссии полет может быть продлен до двух суток. Королев, конечно, будет возмущаться и требовать трехсуточного полета, но я думаю, что мы его «обломаем» и на предлагаемую им авантюру не пойдем.

Получил согласие Главкома на то, чтобы с 1 марта начать занятия с женщинами-космонавтами, только в этом случае мы сможем подготовить их к полету к середине августа. Приму все меры, чтобы советская женщина была в космосе в августе-сентябре 1962 года. На 14 часов 26 февраля назначил заседание комиссии по окончательному отбору космонавток. Сейчас в госпитале успешно проходят испытания 9 девушек, из них мы отберем лишь 4-5. Кто-то из них и станет первой космонавткой Советского Союза и, будем надеяться, мира.

24 февраля.

На торжественное заседание и прием у маршала Захарова по случаю 44-й годовщины Советской Армии не ходил: до предела надоела болтовня о том, как мы сильны и хороши. Лет пять назад усиленно кричали, что скоро мы догоним Америку по молоку и мясу. А теперь, когда у нас остро ощущается недостаток мяса, молока и масла (из Горького приезжают в Москву за мясом, из Ленинграда просят выслать масла, а на Бабьегородском рынке Москвы бывает не больше одной молочницы в день), крики на эту тему смолкли. В сельском хозяйстве дела у нас идут туго. Много очковтирательства, еще больше «ценных» указаний, противоречащих друг другу — в результате поголовье скота кое-где уже сокращается. Дает себя знать и огульное внедрение кукурузы, требующей особых климатических условий и большого количества удобрений.

Королев звонил Главкому и настаивал на трехсуточном полете. Наше руководство проявило слабину и под напором Королева согласилось с его предложением: если в течение двух суток все будет хорошо, то можно разрешить полет и на трое суток. Вершинин и Агальцов легко отступают от наших совместно принятых решений. Я буду категорически против трехсуточного полета. Посмотрим, кто окажется прав.

27 февраля.

Королев категорически настаивает на трехсуточном полете, а Яздовский, как всегда, юлит и поддакивает Королеву. Вопрос о задании на полет будет рассматриваться на Госкомиссии. Мне предстоит нелегкая задача: доказать отсутствие научного обоснования программы полета и авантюристичность планов Королева.

28 февраля.

Вчера первый раз заседала комиссия по отбору женщин в число слушателей-космонавтов. Председатель комиссии — я, заместители - генералы Горегляд и Бабийчук, члены комиссии: академик Сисакян, генералы Волынкин, Кувенев, Лавский, Терский, Бородин и другие. Мы внимательно изучили документы кандидатов и побеседовали с Ефремовой, Квасовой, Кузнецовой, Соколовой, Соловьевой, Солововой и Терешковой. Все они успешно заканчивают медицинские испытания. Окончательно решение о зачислении в слушатели-космонавты можно будет принять 3-5 марта, но уже сейчас ясно, что из этой семерки можно будет отобрать максимум 3-4 кандидата. Наиболее вероятными кандидатами являются Соловьева, Терешкова и Кузнецова. Некоторые шансы имеют Ефремова, Квасова и Соловова, меньше всего шансов у Соколовой. Соловьева, Терешкова и Кузнецова сильные кандидатки, и одна из них будет первой женщиной Советского Союза, поднявшейся в космос, а может быть и первой в мире.

1 марта.

Первый день весны, но зима еще не сдается. Вчера вечером позвонили из МИДа и сообщили, что 2 марта Джона Гленна будет принимать секретариат ООН в Вашингтоне. Гленна сопровождают вице-президент США Джонсон, директор НАСА, руководитель проекта «Меркурий» и другие официальные лица. Наш представитель в ООН — Зорин шифротелеграммой доложил Громыко о целесообразности 19 марта нашим космонавтам — Гагарину или Титову — прибыть в Нью-Йорк для участия в приеме в ООН. Главкома в Москве нет — он в Баку. Посоветовавшись с маршалом Руденко, мы сообщили в МИД, что в Нью-Йорк целесообразно послать Гагарина, Титова и Каманина. Правда, такая поездка, если она состоится, может совпасть с нашим очередным космическим полетом, а мне очень хотелось бы готовить этот полет до конца и быть на старте. Крайне желательно присутствовать на старте и Гагарину с Титовым. Но политика есть политика, и вряд ли нам удастся «отвертеться» от этой поездки. Как ни интересна поездка в Америку, но я с большим удовольствием остался бы дома и готовил очередной полет.

5 марта.

В субботу 3 марта провел в госпитале (ЦВНИАГ — Ред.) заседание комиссии по окончательному отбору космонавток. Комиссия единогласно решила рекомендовать в космонавты-слушатели Соловьеву, Кузнецову и Терешкову. Решение по Квасовой и Ефремовой будет принято в конце марта, одновременно с рассмотрением кандидатов второго потока. Из второго потока заслуживают внимания только Борзенкова и Еркина.

Позавчера в разговорах с Королевым и Ивановским узнал, что из-за технических задержек и необходимости пуска «Зенита» в первую очередь пуск очередного «Востока» состоится не раньше конца марта или начала апреля. Поездка в Нью-Йорк в марте, по-видимому, не состоится. Президиум ЦК КПСС решил не напрашиваться с визитом наших космонавтов в ООН. Я очень рад, что затея Зорина не осуществится, но жаль, что оттягивается пуск «Востока».

7 марта.

Звонил Королев — он считает, что пуски «Востоков» с космонавтами состоятся 5-10 апреля. Вчера встречался с космонавтами, еще раз, будем надеяться в последний, обсудили программу полета. Николаев, Попович, Нелюбов, Быковский, Гагарин, Титов, Карпов, Азбиевич и Никерясов единогласно высказались за полет на двое суток для обоих кораблей и против продления его до трех суток. Я предупредил всех, что на каждого из них будет оказываться сильное давление, и если кто-либо отступит от занятой нами позиции, то тем самым подведет других.

8 марта.

Вчера я не смог записать всего, что хотел. Нажим на ребят уже начался. Вчера Яздовский уговорил Карпова подписать задание на суточный полет с возможностью продления его до трех суток. Сегодня опять звонил Королев — он считает, что нужно планировать полет твердо на трое суток с возможностью посадки раньше срока, если космонавт будет неважно себя чувствовать или будут замечены какие-либо неполадки в технике. Королев попросил прислать к нему Яздовского, Карпова, Азбиевича, Гагарина, Титова, Николаева, Поповича, Нелюбова и Быковского. Сейчас, когда я пишу эти строки, ребята находятся под мощным «королевским прессом». Думаю, что многие не сумеют устоять.

Вчера встречался с Ветошкиным (из аппарата Устинова) и Келдышем. Готовится директива Коккинаки и Скуридину, которые 9 марта вылетают в Париж, чтобы на заседании ФАИ добиваться утверждения рекордов полета Титова. ФАИ прислала документы о невозможности утверждения рекордов Титова, поскольку он спускался на Землю не в корабле. В документах ФАИ был также и ряд других технических придирок. Я завизировал директиву и другие материалы, которые высылаются в ФАИ. Хотя возражения ФАИ и расходятся с положением о космических рекордах, мне кажется, ее руководство сделает все, чтобы не утверждать рекорды Титова, но утвердит рекорды Гленна. Бедному Коккинаки придется туговато в этой обстановке.

9 марта.

Как я и предполагал, вчера у Королева Яздовский и Титов перешли в «чужой» лагерь. Все остальные космонавты твердо держались нашего ранее согласованного решения ограничить продолжительность предстоящего космического полета двумя сутками, и не более.

Вчера у меня были руководители Института авиационной и космической медицины: генерал-лейтенант Волынкин, полковник Яздовский и секретарь парткома инженер-полковник Денисов. Все трое единогласно высказались за то, чтобы отделить от института управление авиационной медицины и передать его в ГКНИИ ВВС, а институт сделать только космическим. Такая постановка вопроса, пожалуй, немного опережает события, но ясно одно: необходимо искать пути размежевания авиационной и космической медицины. Генерал Бабийчук, узнав от меня о вчерашней беседе с Волынкиным и Яздовским, очень заволновался и пытался меня убедить, что их предложение вредное и что он будет категорически против их «козней». Генерал Холодков на мое предложение выступить на Военном Совете за объединение под одним руководством всех работ по космосу, проводимых в ВВС, высказался в принципе положительно, но защищать эту точку зрения на Военном Совете против своего шефа (А.Н.Пономарева) отказался.

16 марта.

Вчера мне звонил из ЦК КПСС Ф.Р.Козлов. В связи с тем, что Вершинин и Малиновский подняли вопрос о снижении окладов для слушателей-космонавтов с 300-350 до 200 рублей, и предоставлении права министру обороны своим приказом устанавливать оклады космонавтам, не превышающие верхнего предела, установленного решением правительства в «Положении о космонавтах», я передал Козлову по «кремлевке» следующие данные:

Космонавт	Оклад, руб.	Надбавки за:			Всего, руб.
		выслугу лет, руб.	звание, руб.	класс, руб.	

Майор Гагарин	450	54	90	45	639
Майор Титов	400	49	90	40	579
Майор Комаров	350	88	90	0	528
Капитан Быковский	350	63	70	0	483
Капитан Шонин	350	63	70	0	483
Капитан Волынов	350	63	70	0	483

Как видно из этой таблицы, оклады и общее денежное содержание наших космонавтов высокие. Майор Гагарин, например, получает только на сто рублей меньше, чем я.

19 марта.

Вчера прошли выборы в Верховный Совет СССР. Гагарин и Титов стали депутатами. В субботу поздно вечером позвонил адъютант Главкома и передал, что он просит в понедельник к 9:00 доложить о приглашении Гагарина и Титова в ООН. Оказалось, что Зорин все-таки обратился в ООН с целью приглашения наших космонавтов. ОАР и Индия поддержали его, а США и Англия выступили против.

20 или 21 числа мне придется докладывать комиссии генерала армии Лучинского об организациях ВВС, занимающихся космосом. Эта комиссия изучает организационные вопросы и перспективы развития космонавтики. Ее доклад министру обороны может многое изменить в структуре и организации дела по освоению космоса в рамках Министерства обороны. Этот доклад не сулит ВВС ничего хорошего; Лучинский и 13 из 14 членов его комиссии настроены в пользу ракетных войск.

От общества «Япония-СССР» поступило приглашение Гагарину посетить Японию во второй половине апреля 1962 года (на 5-7 дней). На это же время есть и приглашение в Италию.

22 марта.

Вчера на комиссии Лучинского доложил о работах, проводимых ВВС по космосу: какие организации (институты, центры, академии, службы) над какими темами работают. Я обосновал необходимость увеличения штатной численности этих организаций ВВС более чем на 2500 человек. Вопросов было много, члены комиссии больше всего интересовались организацией генерала Холодкова. У меня сложилось впечатление, что сам Лучинский настроен не агрессивно. Видимо, предложения комиссии для министра обороны будут в духе небольших поправок к директиве Министерства обороны. На кардинальные предложения по изменению распределения функций в освоении космоса между видами Вооруженных Сил комиссия не пойдет. А жаль! Нужно было бы предложить министру объединить все военные космические организации в одном виде Вооруженных Сил: в ВВС или даже в ракетных войсках, а лучше всего непосредственно при Министерстве обороны.

24 марта.

Сегодня Вершинин подписал приказ об отчислении капитана Марса Рафикова с должности космонавта и направлении его старшим летчиком в истребительную часть. Этим же приказом объявлен выговор космонавту капитану Аникееву. Оба они 12-13 марта без разрешения уехали из гарнизона и «шлялись» по ресторанам Москвы. Рафиков, кроме того, не ладит с женой, все время поговаривает о разводе. В мае прошлого года, будучи на отдыхе в Сочи, бегал к другой женщине, а когда его жена возмутилась его поведением и стала ему выговаривать, он избил ее. За эти проступки он имеет взыскания по партийной и строевой линии. Главком, прежде чем подписать приказ, докладывал министру о поведении Титова, Рафикова и Аникеева. Министр согласился с нашим предложением об отчислении Рафикова, сказав: «Это должно быть серьезным предупреждением всем космонавтам».

27 марта.

Был в ЦПК. Всем космонавтам зачитал приказ об отчислении капитана Рафикова. Приказ был встречен гробовым молчанием, все на несколько секунд словно оцепенели. Рафиков сказал, что он признает все свои ошибки, причинившие неприятности не только ему, но и коллективу и начальству. Просил космонавтов простить и не забывать его, помочь через 1-2 года вернуться в отряд ЦПК. Мы пообещали ему нашу помощь, но предупредили, что очень многое зависит от него самого. Беседовал с женой Рафикова. Она очень любит пятилетнего сына и мужа, и готова ехать с ним, куда угодно. Поговорил с Гагариным, Титовым и Аникеевым. Сказал им, что дурные примеры Титова и слабоволие Аникеева «помогли» Рафикову докатиться до такой жизни, и что они тоже серьезно виноваты в случившемся с ним. Разговаривал с Николаевым, Поповичем, Нелюбовым и Быковским. Они дали мне слово, что будут отстаивать наше решение о полете на двое суток. А вчера у Агальцова Николаев и Попович, под влиянием бесед с Королевым, готовы были лететь на трое суток.

29 марта.

Вчера опять был в ЦПК. Комиссия Лучинского знакомилась с состоянием и задачами Центра. Карпов обстоятельно доложил членам комиссии о том, что уже сделано в ЦПК и каковы перспективы. Было очень много вопросов, смысл которых сводился к тому, почему ЦПК в ВВС и почему все космонавты летчики. Полковник Карпов на вопросы отвечал в основном правильно, но на 2-3 наиболее острых вопроса ответил малоубедительно. Пришлось выступить мне и рассказать членам комиссии, что подготовка космонавтов в ВВС организована и проводится на основании многих решений ЦК КПСС, правительства и приказов министра обороны. Имел разговор один на один с Лучинским, он высказался за сохранение существующего разделения функций между видами Вооруженных Сил, но предложил провести некоторое организационное переустройство в ВВС и РВСН (Ракетные войска стратегического назначения —

Ред.) и учредить должность заместителя министра обороны по космосу (с минимальным аппаратом).

Беседовал с Соловьевой, Кузнецовой и Терешковой. Они заявили: «Мы довольны, все хорошо. Усиленно занимаемся и сделаем все возможное, чтобы подготовиться к полету до конца августа 1962 года».

3 апреля.

Сегодня Военный Совет ВВС заслушал мой доклад о состоянии космических дел и предложениях по реорганизации ИАКМ, ЦПК и центрального аппарата. После меня докладывали генерал -лейтенант Волынкин и генерал-майор Холодков. Ко всем докладчикам было очень много вопросов. Мои предложения о выводе ЦПК из подчинения ИАКМ, создании смешанного авиационного полка для обеспечения работ ЦПК и увеличении численности сотрудников ИАКМ, ЦПК и группы инспекторов были одобрены Военным Советом. Предложение ввести должность заместителя Главкома по космосу и подчинить ему все организации ВВС, занимающиеся космосом (ИАКМ, ЦПК, часть Холодкова и служба поиска), Военный Совет расценил как «ступеньку к полному отделению космоса от ВВС». Главком в своем выступлении особый упор сделал на более тесное взаимодействие космонавтики с авиацией: «Космос вырос из авиации, и космос — это будущее авиации». Для окончательной отработки предложений создана комиссия под руководством маршала Руденко Сергея Игнатьевича.

4 апреля.

Американские и западногерманские ученые провели эксперимент: поместили 5 человек на 5 суток в полностью изолированный противоатомный бункер. После завершения эксперимента у всех пятерых было плохое самочувствие. Цель этого опыта — определить, почему Титов начал плохо себя чувствовать после 5-6 витка космического полета. Ученые считают, что причиной плохого самочувствия Титова и пятерых испытуемых является отсутствие нормального электростатического поля Земли. Вполне вероятно, что это так, но на Титова значительное влияние оказывала еще и невесомость. Эти данные лишний раз подтверждают нашу правоту в споре с Королевым о продолжительности предстоящего космического полета. Келдыш согласился с нашим проектом летного задания.

12 апреля.

Сегодня мы впервые празднуем День космонавтики. Для того, чтобы состоялся Указ Президиума Верховного Совета СССР об установлении такого праздника, пришлось потрудиться. Более месяца тому назад я убедил Вершинина и Рытова в необходимости ходатайства перед ЦК КПСС об организации празднования 12 апреля. В проекте ходатайства я первым пунктом поставил - установление «Дня космонавтики». При подписании ходатайства Ефимов (заместитель маршала Голикова) убедил Рытова и Вершинина снять это предложение. Тогда я попутно с ходатайством организовал письмо Германа Титова к Хрущеву об установлении праздника… и решение состоялось. В эти предпраздничные дни нас замучили корреспонденты: всем нужен Гагарин! 10 апреля в ЦДСА провели праздничный вечер. После моего вступительного слова на вечере выступили: писатель Рябчиков, академик Благонравов, Гагарин и Титов. В газетах «Правда», «Известия», «Красная звезда» и «Вечерняя Москва» опубликованы мои статьи, а «Неделя» чрезмерно расхвалила, готовящуюся к изданию, мою книгу «Первый гражданин Вселенной».

10 апреля было окончательно сформулировано решение Военного Совета ВВС по космосу: ЦПК выводится из подчинения ИАКМ; при Центре создается смешанный авиационный полк; ИАКМ и ЦПК будут подчиняться через меня маршалу Руденко, моя группа усиливается. Вместо должности заместителя начальника боевой подготовки ВВС вводится должность заместителя начальника Главного штаба ВВС по космосу. Все эти изменения не полностью решают назревшие вопросы, но новая организационная структура должна быть несравненно лучше прежней. На последнем заседании Военного Совета мне пришлось довольно резко выступить против предложения генерал-полковника Брайко о подчинении ИАКМ Пономареву, а ЦПК - Агальцову. Мое предложение поддержал Главком и большинство членов Военного Совета.

Состоялось решение ЦК КПСС о поездке Титова в Нью-Йорк. В решении нет даты выезда. Есть опасность затяжки поездки до мая, а это было бы крайне нежелательно. Думаю, что 10-15 мая состоится очередной космический полет. Мне и Герману очень нужно быть на старте. Все четверо космонавтов (Николаев, Попович, Нелюбов и Быковский) к полету подготовлены хорошо, но хотелось бы самому проводить их в полет.

13 апреля.

Вчера во Дворце съездов состоялось торжественное собрание, посвященное первой годовщине полета человека в космос. На собрании присутствовали руководители страны во главе с Хрущевым. Выступили академик Келдыш, рабочий Викторов, Гагарин, Титов и академик Вернов. Выступление Титова сначала не планировалось; уже сидя за столом президиума, Хрущев предложил ему выступить, и Герман выступил неплохо. В президиуме было много лиц, не имеющих никакого отношения к космосу, а Королев - один из главных «виновников» наших космических триумфов — сидел в зале. Мне было обидно за Королева. Космонавтов, конечно, чествуют заслуженно, но не меньшего внимания достойны и создатели первых космических кораблей… А Дворец съездов, между прочим, сделан неплохо и отвечает своему назначению — вот только выстроен он не на месте: рядом с древними Кремлевскими храмами он выглядит современным пижоном среди именитых бояр.

14 апреля.

Маршал Руденко приступил к руководству космосом в масштабе ВВС. Он уже четыре дня изучает состояние Института авиационной и космической медицины. Вчера сидели в институте с 14 до 21 часа. Беседовали с учеными (11 докторов наук) и руководством института. Яздовский и ученые (его поддерживают 7 из 11) доказывают, что нужен мощный государственный институт, пускай даже подчиненный ВВС, но имеющий собственную базу, средства, кадры и возможность исполнять роль головного института. По мнению Яздовского, это должен быть институт только космической биологии и медицины, без авиационной тематики и с подчинением непосредственно Министерству обороны или еще выше. Руденко же считает, что должен быть единый институт авиационной и космической медицины. Руденко поставил себе цель — изолировать Яздовского и 4-5 человек его ближайших сторонников, а основную массу офицеров перетянуть на позиции ВВС. Думаю, что своими длиннейшими беседами он пока что добился обратного: укрепил всех во мнении, что Яздовский прав, и что нужен самостоятельный космический институт.

16 апреля.

Сегодня открывается 14-й съезд комсомола. Мне прислали пригласительный билет, но работы так много, что я

едва ли сумею им воспользоваться. Руденко предупредил меня о возможной поездке сегодня в ЦПК. Гагарин и Титов — на съезде. Николаев, Попович, Нелюбов и Быковский — в Феодосии. Четверо других космонавтов тоже поехали на съезд, так что в Центре сейчас только девушки и 5-6 космонавтов.

После состоявшегося решения Военного Совета ВВС о том, что авиационная и космическая медицина должны быть в одном институте, мне нельзя выступать с предложениями, противоречащими этому решению. Но для меня совершенно ясно, что это разделение произойдет, и, по-видимому, чем раньше, тем лучше для космонавтики. Надо признать, что ВВС и Министерство обороны очень бюрократичны, и это сильно тормозит дело.

Академик Анатолий Аркадьевич Благонравов сообщил, что президент Международной организации по мирному освоению космического пространства (КОСПАР) - профессор Ван Де Хелст — в телеграмме от 12 апреля приглашает нашего космонавта принять участие в сессии КОСПАР в качестве члена советской делегации и предлагает, чтобы встреча советского и американского космонавтов и их выступления состоялись 3 мая в Нью-Йорке во время обзорных докладов по проблеме «Человек в космосе». Решением ЦК КПСС на сессию КОСПАР поедет Г.С.Титов. Только что обсуждали с Германом, как и когда лететь. Можно лететь рейсовым самолетом через Париж или Копенгаген, но можно попросить ЦК КПСС выделить специальный самолет Ил-18. Герману нравится больше первый вариант, но он не учитывает всех преимуществ спецсамолета, особенно если придется летать по Америке.

17 апреля.

Руденко собирается поехать к генералу армии Иванову, он надеется обрести в нем союзника в борьбе за сохранение в ВВС Института авиационной и космической медицины. Думаю, что Иванов плохой союзник. Руденко и здесь допускает ошибку — хотя он и перечитал все основные бумаги об институте, но далеко не все понял. Главное его заблуждение в том, что на события двухлетней давности он смотрит с позиций сегодняшнего времени. То, что совершенно ясно сегодня, было в полном тумане два года тому назад. В 14:00 Руденко вернулся от Иванова, ничего не сказал мне о результатах переговоров. Очевидно, что дело с возможным разделом (или полным переподчинением) института осложняется. Бабийчук настаивает на необходимости письма Гагарина и Титова Ф.Р.Козлову с протестом против разделения ИАКМ. В такой обстановке трудно решиться на какое-либо определенное решение. Необходимо выждать несколько дней, выяснить обстановку в Генштабе и уточнить позицию Вершинина.

18 апреля.

Разговаривал по телефону со Смирновым и его замом Зверевым о задании на предстоящий космический полет. Оба отказались рассматривать задание без Королева. Королев 2-3 дня будет в командировке, после его возвращения Смирнов собирается обсудить с ним этот вопрос. А Зверев поступил еще проще — он прислал официальную бумагу с просьбой рассмотреть проект задания, ранее присланный нам Королевым, и утвердить его. Итак, Сергей Павлович продолжает упорно отстаивать свою точку зрения: трое суток полета для первого корабля и двое суток — для второго. Оба корабля должны одновременно летать в космосе двое суток и произвести посадку почти одновременно. Нелепость подобного задания очевидна всем, но мало кто решается спорить с Королевым. Мы выступаем не только за трехсуточный полет, но и за десятисуточный и более длительные полеты, но к их осуществлению нужно подходить постепенно и с учетом опыта уже совершенных полетов. Короче, необходимо чаще летать, а не скакать семимильными прыжками, делая по одному прыжку через 7-8 месяцев. Да, предстоит серьезная борьба. Должно победить благоразумие, а не авантюризм.

19 апреля.

Набор космонавтов идет туго. Желающих быть космонавтами сколько угодно, но людей с абсолютным здоровьем, с законченным высшим образованием, имеющих летную и парашютную практику — маловато. Невзирая на трудности, отступать от намеченного плана - набора космонавтов только с высшим образованием — мы не будем. Если потребуется, можно будет оттянуть набор на более поздний срок. Все документы по обеспечению набора и подготовки новых космонавтов вот уже три месяца лежат в канцелярии министра обороны, так же, как и новое штатное расписание Центра. Не решены вопросы создания смешанного авиационного полка и строительства. Назревает опасность, что наши предложения по увеличению численности штатов ИАКМ и ЦПК, не будут приняты до конца этого года. В такой обстановке закончить набор новых космонавтов до 1 сентября сего года невозможно. Королев пытается добиться для гражданских лиц снижения медицинских требований и выступает против того, чтобы они стали военными. Он предлагает проводить подготовку гражданских космонавтов без отрыва их от производства. Идея дикая, но это не первый и, наверное, не последний заскок в планах Сергея Павловича.

Сегодня маршал Руденко был у Келдыша и говорил с ним о состоянии дел и задачах Института авиационной и космической медицины. По словам Руденко, Келдыш полностью согласен с его предложениями и считает, что никакого нового космического института создавать не нужно. Существующие институты работают над проблемами длительных полетов и будут решать задачи создания замкнутых экологических систем вместе с промышленностью. Наш институт должен остаться ведомственным и работать над военной космической тематикой, связанной с жизнеобеспечением человека в космосе. Такая позиция нас устраивает, но Келдыш есть Келдыш, он мягковат и едва ли будет стойко защищать высказанную точку зрения. Достаточно Козлову или Устинову немного нажать, как он очень легко сдаст свои позиции. Смирнов и Королев, наверняка, поддержат Яздовского, тем более, что они очень хорошо знают резолюции Козлова и Устинова. Обе резолюции соответствуют намерениям Яздовского. Нам рано праздновать победу над Яздовским, а маршал Руденко торопится: «Я его зажму и поставлю работать рядовым доктором!»

Я никогда не восхищался В.И.Яздовским. Он неправдив, недисциплинирован, но у него большой и очень ценный опыт — более десяти лет работы над космическими проблемами. Не использовать этот опыт было бы глупо. В последние месяцы, подгоняемый тщеславием («Я создал новую науку — космическую медицину»), корыстью и оскорбленным самолюбием, Яздовский просил себе звания Героя, генерала и члена-корреспондента АН СССР. Он развернул организаторскую работу и сумел быстро сколотить вокруг себя очень дружный коллектив своих сторонников. Волынкин, Денисов, Генин и десятки других - это все исполнители его воли. Институт и даже партийный комитет института на 80 процентов за Яздовского и против ВВС. В такой обстановке выгнать Яздовского, как об этом мечтает Руденко, дело не только трудное, но и не умное. Потребуется значительное время, чтобы поставить институт на правильный путь, а Яздовского и всех его подхалимов утихомирить.

20 апреля.

Гагарин попросил разрешения взять с собой в поездки по Австрии и Японии Валентину Ивановну. Эта просьба несколько запоздала: все документы уже в ЦК КПСС. Пришлось уговорить маршала Руденко позвонить прямо Ф.Р.Козлову. Козлов дал согласие. Сегодня буду окончательно редактировать доклад Титова, который он будет делать 3 мая в Вашингтоне на Конгрессе международной организации по освоению космического пространства. Доклад необходимо показать еще Вершинину, Келдышу и Королеву, а затем перевести на английский язык.

Вчера на 14-м съезде комсомола выступал Хрущев, а сегодня съезд закончил свою работу. Я хотя и имел пригласительный билет на заседания съезда, но не сумел вырваться ни на одно из них: необходимо было тщательно подготовить поездку Гагарина в Австрию и Японию, а Титова — в Америку. Кроме того, очень много текущих дел. Вчера отправили все необходимое в Феодосию для проведения там парашютных прыжков в скафандрах Николаева, Поповича, Нелюбова и Быковского.

21 апреля.

Муся чувствует себя немного лучше, но иногда жалуется на угнетенное настроение. Особенно плохо на нее влияют мои заграничные поездки. В связи с этим и у меня пропал всякий интерес к таким поездкам. 30 апреля нужно будет лететь в Америку. В другое время и в другой обстановке я бы очень радовался возможности посмотреть Америку, а сейчас это не радует, и, если бы было возможно, я с удовольствием отказался бы от предстоящей поездки. Добрынин, наш посол в США, сообщил, что вполне вероятны поездки в Нью-Йорк, Сан-Франциско, Сиэтл и другие города. Возможен прием у вице -президента США Джонсона, который непосредственно занимается космосом. Наш приезд в Америку по времени совпадает с предстоящими испытаниями серии американских водородных бомб на острове Рождества. Эти взрывы - очень плохой аккомпанемент для выступлений на темы мирного использования космоса. Взрывы наверняка состоятся, а это испортит не только нашу поездку, но и очень серьезно осложнит всю международную обстановку. Добрынин принимает все меры, чтобы максимально использовать «эффект Титова» в пользу СССР и не ограничиваться лишь сессией КОСПАР.

Только что позвонил Новиков из МИДа: «Из Нью-Йорка сообщили, что У Тан хочет принять Титова в ООН 30 апреля или 1 мая, так как после 1 мая он уезжает в командировку».

23 апреля.

Вчера провел отличный выходной день на даче. Много работал: обрезал и подвязывал малину, собирал и сжигал мусор. Посадил две березки и два куста сирени. Учил Олю кататься на трехколесном велосипеде. Пока ей трудновато: ноги не достают до педалей.

Только что забегал Герман Титов. Как заметно он изменился после полета! До этого он производил впечатление стойкого, очень выдержанного человека, а сейчас какой-то мятущийся, все время спешит, все делает на ходу. Его нервная возбужденность бросается всем в глаза. Сегодня в 16:00 открывается первая сессия Верховного Совета СССР шестого созыва, а в 12:00 собирается партгруппа сессии. Герман приехал доложить, что он не сможет быть на партгруппе, а будет только на сессии. Я дал ему проект его доклада на сессии КОСПАР в Вашингтоне и кое-какие материалы, с которыми ему необходимо ознакомиться до поездки. Он просил разрешения взять с собой в Америку жену. Я объяснил ему, что до нашего отлета осталось только пять суток, и за это время невозможно оформить выездные документы и получить американскую визу. Да, до вылета остается только пять дней, а решения, как лететь - рейсовым или специальным самолетом — еще нет. Генерал-лейтенант Цыбин уже несколько раз звонил: он опасается, что не хватит времени на оформление полета.

25 апреля.

Вместе с Благонравовым и Скуридиным вчера были у Келдыша: редактировали директивы для нашей делегации в КОСПАР, а также для Германа Титова. Ничего нового и полезного в этих директивах нет, они составляются по инерции и поддерживаются перестраховщиками. В решении ЦК КПСС поручено Малиновскому, Громыко и Келдышу утвердить директивы для Титова. Директивы пишу я, фактически для самого себя.

Только что был у Главкома и узнал от него о следующих перемещениях. Маршал Москаленко назначается генерал-инспектором Вооруженных Сил вместо Рокоссовского. На место Москаленко — Главкомом Ракетных войск — назначается Бирюзов, Главкомом ПВО - маршал авиации Судец, командующим дальней авиацией назначается генерал-полковник Агальцов, заместителем Главкома ВВС по боевой подготовке назначается генерал-полковник Миронов. Место Миронова — генерал-инспектора ВВС — Главком предложил мне. Он сказал: «Мне некем заменить вас на космосе и очень жаль отпускать с этой должности, но у вас штатная категория генерал-лейтенант, а вам надо расти — подумайте и скажите ваше мнение». Я уже 18 лет в звании генерал-лейтенанта. Сейчас моя работа меня вполне устраивает, кроме оклада и штатной категории: и то и другое здесь ниже, чем у генерал-инспектора. Я не против очередного воинского звания и более высокого оклада, но променять любимое дело на эти блага едва ли будет разумно.

Получили сообщение нашего посла из Мексики, что есть вероятность приглашения Титова в Мексику. Судя по всему, наш полет в Америку продлится до 15-20 мая. Американская печать довольно широко пишет о предстоящем прибытии Титова в Нью-Йорк и Вашингтон. Общий тон благоприятный, но газета «Дейли ньюс» в редакционной статье под заголовком «Были ли вы там, Герман?» пишет: «Майор Герман Титов, который, по заявлению русских, облетел вокруг Земли 17 раз, хочет присутствовать на международном совещании по космосу, открывающемуся в Вашингтоне 30 апреля. Мы надеемся, что он немедленно получит визу. Миллионы американцев хотели бы узнать, что действительно произошло в том, до странности секретном, русском полете. Лично мы были бы рады посмотреть, как несравненная Мей Крейг бросит ему на пресс-конференции несколько вопросов».

26 апреля.

Американцы начали серию атомных и водородных взрывов на Тихом океане. Это значительно осложнит наше пребывание в Америке. Было бы лучше ограничиться посещением ООН в Нью-Йорке и докладом на симпозиуме КОСПАР в Вашингтоне, а все другие приглашения американцев, кроме встречи с Гленном, отклонить. Сегодня я

говорил с Келдышем и Новиковым (из МИДа) о проекте директивы Титову. Оба они не предложили никаких изменений в подготовленном мною документе. Это говорит или о негибкости дипломатического мышления наших МИДовцев, или о высоком уровне документа. Состоялось решение ЦК о включении в состав делегации жены Титова - Тамары Васильевны. Кроме того, корреспондент АПН Павел Барашев упорно добивается разрешения лететь вместе с нами.

27 апреля.

Вчера на орбиту был выведен «Зенит» («Космос-4»). Все его характеристики близки к «Востоку», но главная цель «Зенита» — фотографирование земной поверхности. Через четверо суток он должен приземлиться в районе восточнее Акмолинска. Интересно, как будут реагировать на этот запуск американцы и что они знают о действительном назначении «Космоса-4». Второй запуск «Зенита» состоится, по-видимому, после 5-10 мая, а пуск двух пилотируемых кораблей «Восток», если с «Зенитами» все будет отлично, может состояться не раньше 20-30 мая. Сегодня Николаев, Нелюбов, Попович и Быковский возвращаются из Феодосии. Там они провели парашютные прыжки в скафандрах на сушу и на море с тем снаряжением подвесной системы, которая будет в космическом корабле. Прыжки прошли удачно. Главный конструктор Алексеев звонил мне из Феодосии и доложил об удовлетворительных результатах испытаний и тренировок.

28 апреля.

Вчера узнал ошеломляющую новость: генерал-майора Епишева одним росчерком пера Хрущева сделали генералом армии и начальником Главного политического управления (Голиков очень серьезно болен и больше уже не вернется к своей работе). С Епишевым мы старые знакомые. В 1938-39 годах он также был внезапно выдвинут из рядовых армейских инженеров на должность первого секретаря Харьковского обкома. Вместе с ним мы были делегатами 18-го съезда партии. На фронте он был членом Военного Совета одной из армий 1-го Украинского Фронта, мы встречались с ним на Букринском плацдарме. После войны он был послом в Румынии, а последние годы — в Югославии. Головокружительная карьера!

К нашему отлету в Америку все готово. Вчера получил телеграмму из США: информационные агентства просят разрешения послать в Москву 3-4 корреспондентов и операторов, чтобы заснять отлет Титова и делать съемки в пути. Только наши аналогичные организации проявляют полное равнодушие к событию, которое войдет в историю — ведь это первая встреча советского и американского космонавтов!

Маршал Руденко быстро «скис», в последние пять дней он забыл о космосе и не проявляет к нашим делам ни малейшего внимания.

29 апреля.

Сегодня встал в 3:30. Оля больна и ночью часто просыпалась. Муся много раз вставала к ней и почти не спала, но, несмотря на головную боль, она поднялась и, как всегда, приготовила мне завтрак. На даче утро было чудесным, а во Внуково — небольшой дождь. Провожающих немного, причем нет ни одного американца. В состав нашей делегации, кроме меня, входят 16 человек — Титов Г.С., Титова Т.В., Барашев П.Р., Беликов Ю.А., Белов Ю.Н., Шкляр И.К., в том числе 9 ученых: Кондратьев К.Я., Имшенецкий А.А., Мандельштам С.Л., Воробьев А.И., Щепотин А.Н., Калинин Ю.Д., Полосков С.М., Зернов С.Н., Парин В.В., а также переводчик Сташевский Г.С.

Наш Ил-18 взлетел в 7:05 по московскому времени. Через пять часов полета произвели промежуточную посадку в аэропорту Прествик (Шотландия). Нас встретили два представителя нашего посольства, администрация аэропорта и десятка два корреспондентов. Публику на аэродром не допустили. Герман провел небольшую пресс-конференцию и ответил на вопросы представителя Би-Би-Си о цели поездки и содержании своего доклада. Были вопросы и к Тамаре: Что хотите посмотреть в Америке? Будете ли в магазинах? Оба отвечали довольно удачно, но Тамара зря подчеркнула, что она в магазины не пойдет. Вновь взлетели в 13:15 и взяли курс через Атлантику прямо на Гандеру (Канада). На аэродроме Гандеры нас встретили начальник аэропорта и несколько корреспондентов. Погода была настолько плохой, что никто не верил, что наш самолет сядет в Гандере. Наш посол в Канаде Арутюнян пытался добраться до Гандеры, но из-за сильных снежных заносов застрял на противоположном берегу острова Ньюфаундленд. Побеседовали с корреспондентами, выпили по чашке кофе и - опять в воздух. Мы уже 14 часов в пути. В Нью-Йорке будем в 17:40 по местному времени, а по московскому — в 00:40 (уже 30 апреля).

30 апреля. Нью-Йорк.

Представительство СССР в ООН. Титовы и я разместились у Зорина (Зорин — в Женеве, его замещает Морозов Платон Дмитриевич). Вчера в 17 часов по местному времени произвели посадку на аэродроме Айдлуайлд, где нас встречали посол Добрынин, наш авиационный атташе генерал Костюк, Морозов и еще 300-400 советских граждан. Америка была представлена администрацией аэропорта, полицией и заместителем мэра города. Сайрус Итон и его жена тоже были среди встречающих. С аэродрома отправились в Представительство и после небольшого ужина поехали осматривать ночной Нью-Йорк: Бродвей, Уолл-стрит, Бруклинский мост, Шестидесятые авеню. Поднимались на 102-й этаж знаменитого небоскреба «Эмпайр Стэйт Билдинг». Ночью город очень красив: море реклам и уличных огней. Осмотр закончили в полночь по местному времени и с большим удовольствием отправились отдыхать. Наш рабочий день 29 апреля продолжался 27 часов.

Сегодня утром Герман минут 20 рассказывал о своем полете работникам нашего Постпредства. Ровно в 11:00 мы прибыли в ООН, где нас встретил У Тан. Были члены Совета безопасности, администрации ООН и космического комитета ООН (Эдлай Стивенсон, Менон и другие). Около часа оживленно беседовали. Было очень много фото-, кино — и телерепортеров. Кроме официальных лиц в ООН было более двух тысяч американцев. Работники ООН встречали нас очень радушно, а американцы — сдержанно. Титов преподнес У Тану книгу «Утро космической эры», с надписью: «Господину У Тану, исполняющему обязанности генерального секретаря ООН. Космонавты Советского Союза надеются, что ООН сделает все возможное, чтобы космос был мирным, его освоение шло в интересах мира, дружбы, в интересах всего человечества. Гагарин, Титов». Выступление Германа о достижениях СССР в космосе было правильным, без ошибок и без бумажки, все восприняли его хорошо.

После возвращения из здания ООН Морозов устроил завтрак. С 15 до 17 часов заместитель мэра Нью-Йорка О'Брайен возил нас по городу и рассказывал о его достопримечательностях. Первые впечатления от города: самые

высокие здания мира, очень много высоких длинных мостов и туннелей, отличные дороги и бешеное автодвижение, маловато зелени, много рекламы и круглосуточный шум. Такие города, как Нью-Йорк, — это несчастье человечества: они угнетают человека и превращают его в муравья.

Вечером были в мюзик-холле Радио-сити, смотрели фильм «Полет человека на Луну» и пасхальную постановку. Газеты, радио и телевидение широко и благоприятно освещают все посещения и выступления Титова.

1 мая. Нью-Йорк.

Первый раз в жизни встречаю 1 Мая за пределами Родины. В Америке все очень интересно, но сейчас я хотел бы быть дома. Сегодня с 9:30 до 11:00 Герман и Тамара выступали по телевидению, вел передачу один из опытнейших телеведущих Нью-Йорка, вопросов было много: Будете ли на мысе Канаверал? Могут ли СССР и Америка совместно работать в космосе? Пригласите ли Гленна в СССР? Герман отвечал хорошо, но излишне часто дотрагивался руками до лица, зря сказал, что едва ли он сможет увидеть что-либо интересное на мысе Канаверал, и не совсем удачно сравнил народы США и СССР с двумя людьми, стоящими друг против друга с пистолетами. С 13:00 до 14:45 провели пресс-конференцию в клубе журналистов (одна из реакционнейших организаций Нью-Йорка, членами которой могут быть только журналисты, работавшие за границей). Вопросы, в основном, те же, что и на телевидении, общая обстановка благожелательная. Удачные ответы Титова несколько раз встречались аплодисментами. Вернувшись в посольство, просмотрели кинофильм о полете Гленна — в фильме нет ничего для нас нового. В 18:00 в здании Постпредства начался большой прием: приехали Эдлай Стивенсон с сыном, Сайрус Итон с женой, послы и почти все дипломаты Нью-Йорка. Из Вашингтона сообщили, что Джон Кеннеди примет Титова 3 мая. Кроме того, поступило приглашение слетать в Сан-Франциско и Сиэтл, но только на американских самолетах.

2 мая. Вашингтон.

В 11:05 на Ил-18 взлетели с аэродрома Айдлуайлд. К нашему прилету на авиабазу Эндрюс обещали небольшое улучшение погоды, но она, наоборот, ухудшилась. Вместо 50 минут мы пробыли в воздухе 2 часа и произвели посадку на гражданском аэродроме Вашингтона. Оттуда поехали прямо в наше посольство.

Посол Добрынин Анатолий Федорович и его жена — очень приятные люди (оба окончили МАИ и в прошлом работали в КБ у Яковлева). После завтрака, здесь же в посольстве, провели пресс-конференцию. Было около 150 корреспондентов, интерес к Титову со стороны присутствующих был очень высоким. Задавались такие вопросы: Почему не поедете на мыс Канаверал? Какой вы использовали способ приземления? Когда состоится очередной полет русского космонавта? Полетите ли вы еще раз в космос? Когда русские собираются лететь на Луну? Сколько космонавтов готовят в СССР и есть ли среди них женщины? Каково было ваше самочувствие в полете? О чем будете беседовать с Гленном? Поначалу аудитория встретила Титова довольно сдержанно, но удачные ответы Германа оживили собравшихся и растопили лед отчужденности. У некоторых журналистов замечалось стремление сбить, поставить Титова в тупик или заставить его проговориться. Но у всех присутствующих явно не хватало конкретных знаний, и Герман сравнительно легко уходил от острых моментов. Вечером по телевизору передавали сообщения о прилете Титова в Вашингтон и о проведенной пресс-конференции. Комментаторы освещали не все, о чем говорил Титов, но общий тон сообщений был довольно доброжелательный. Приглашений в Сан-Франциско, Сиэтл и Мексику пока нет. Программа дальнейшего пребывания не ясна, есть план только на 3 и 4 мая.

3 мая.

Около 9 часов утра при регистрации членов делегаций КОСПАР произошла первая встреча Титова с Гленном. Он высокий, рыжий, волосы редкие, весь в веснушках. Ему 41 год, но выглядит он моложе и производит приятное впечатление. Его жена примерно одного с ним возраста, очень скромная женщина - чувствуется, что она не была баловнем судьбы. Миссис Гленн настойчиво приглашала Титовых к себе.

Вместе с Гленном мы поездили по Вашингтону, осмотрели памятник Линкольну, поднимались на лифте на вершину «Карандаша» Вашингтона, осмотрели Капитолий — залы заседаний Сената и Конгресса. В Капитолии познакомились с сенаторами Мансфилдом, Мак-Кормиком и другими. Затем осмотрели музей авиации, в котором находятся первые спущенные из космоса аппараты, кабина корабля Шепарда, ракеты «Редстоун» и «Атлас». Кабина «Меркурия» очень тесная, но имеет все необходимое для полета на несколько витков. Астронавт не надевает на себя парашют, который укладывается рядом. Из-за тесноты кабины воспользоваться парашютом практически невозможно, что понимают и сами американцы. Гленн, например, не брал с собой парашют, заявив, что в случае надобности им все равно нельзя воспользоваться.

В 12:45 перед завтраком Титов и Гленн были приняты президентом США Джоном Кеннеди. Он сказал, что рад приветствовать Титова и гордится тем, что американский народ хорошо встречает знаменитого космонавта. В 13:00 позавтракали у заместителя Генерального секретаря ООН — Джонсона в здании Государственного департамента (Джонсон, Гленн, Титов и Добрынин — все с женами — я и еще три человека из Госдепартамента). В 14:30 в том же здании приняли участие в заседании КОСПАР. Француз демонстрировал дохлую крысу, американец — облеванную обезьяну. Более содержательными были доклады Парина, Титова, Гленна и американца Мэтьюза. Президент КОСПАР Ван де Хелст, закрывая заседание, преподнес Титову и Гленну большие деревянные голландские башмаки. При этом он сказал: «Господин Титов, господин Гленн, эти башмаки сделаны из одного дерева, и было бы очень хорошо, чтобы они всегда ходили вместе». Титову достался левый башмак, а Гленну — правый.

Вечером был большой прием у вице-президента США Линдона Джонсона, который уделил нам много внимания, проводил нас до автомашин и сказал, что скоро будет в Москве и с удовольствием посетит Титова. Жена Джонсона говорила Тамаре: «Вот как хорошо и дружно беседуют наши мужчины, им нужно чаще встречаться, и тогда они наверняка обо всем договорятся.» Джонсон в прошлом наговорил немало пакостей в адрес СССР, а сейчас он, по-видимому, готовит почву для поездки в нашу страну.

4 мая.

Сегодня в Балтиморе мы осмотрели один из самых мощных металлургических заводов США. Администрация завода встречала нас очень любезно, но рабочим не объявлялось о нашем визите, и они с полным равнодушием смотрели на нашу кавалькаду. Но стоило остановиться на минуту, назвать Титова, как все оживали, и лица рабочих загорались неподдельным интересом. В 17:00 в советском посольстве в Вашингтоне начался большой прием в честь майора Титова, на котором присутствовало много дипломатов, сенаторов, конгрессменов, бизнесменов, ученых и корреспондентов, в том числе и Дрю Пирсон, который в свое время утверждал, что до полета Гагарина в СССР погибло пять космонавтов. На приеме присутствовали американские астронавты Джон Гленн и Алан Шепард. Среди гостей был и Вернер фон Браун — известный немецкий специалист по ракетам.

Джон Гленн и его жена пригласили Титовых и меня посетить их дом в штате Вирджиния. Мы приняли их приглашение и после приема в посольстве в одной машине с Шепардом выехали к Гленну. Его дом расположен в живописнейшем месте в 60-70 километрах от Вашингтона. Небольшой каменный двухэтажный дом, который обставлен просто и без малейших претензий на богатство. У Гленнов дочь и сын. Когда мы подъехали, вся семья работала: сам Гленн в фартуке помогал жене жарить большие куски мяса. Более часа мы пробыли у Гленнов. Семья Гленна и Шепард с женой произвели на нас очень хорошее впечатление. Это скромные, миролюбивые и очень душевные люди. Титов пригласил Гленна и Шепарда с женами побывать в СССР. Все были очень довольны встречей. В результате бесед с Гленном и Шепардом удалось установить некоторые интересные для нас сведения:

1. Гленн не брал с собой в полет парашют, так как из-за малого объема капсулы и малых размеров люка для покидания капсулы, воспользоваться парашютом астронавт фактически не может.
2. Продолжительность работы тормозных двигателей всего 20 секунд. Это говорит о более высоких перегрузках при торможении капсулы по сравнению с перегрузками на «Востоках».
3. Астронавты США при тренировках доводили перегрузки до 16 единиц (наши космонавты — до 12).
4. В ближайшие дни астронавты США переезжают в Техас. Основные работы по запускам пилотируемых кораблей будут проводиться с базы в Техасе.
5. В США пока не ведутся работы по приземлению космических кораблей: все они рассчитаны только на приводнение. Катапультирование астронавтов из кораблей не предусматривается.
6. Ведутся работы по модернизации корабля «Меркурий» с целью подготовить его к суточному полету. Такой полет запланирован на конец 1962 года.
7. Несколько женщин приступили к практической подготовке к космическим полетам. Полет американской женщины на три витка возможен во второй половине 1962 года.

В 22:00 Титов, Гленн, академик Благонравов и один из американских ученых выступали по телевидению. Кроме обычных вопросов о задачах и результатах уже совершенных полетов, задавались вопросы о ближайших перспективах. Гленн спросил Титова: «Были ли какие-либо недостатки в подготовке полета человека в космос в СССР?» Корреспондент ТАСС задал вопрос Гленну: «Известно, что Гагарин и Титов располагали возможностью использовать любой из двух способов приземления: либо в корабле, либо с парашютом отдельно от корабля (на самом деле в полетах кораблей «Восток» штатная посадка космонавтов предполагала единственный вариант — катапультирование из спускаемого аппарата — Ред.). Какими способами приводнения располагали вы в своем полете?» Джон Гленн ответил, что в его распоряжении был один-единственный способ приводнения — только в капсуле. Американцы своими вопросами пытались выяснить наши планы и трудности, а также перспективы американо-советского сотрудничества в космосе. Дискуссия была полезной и очень интересной.

6 мая.

Вчера рано утром из Вашингтона выехали на аэродром «Дружба», расположенный недалеко от Балтиморы. Полет на советском самолете американские власти не разрешили. В Госдепартаменте работникам нашего посольства намекнули, что если наш посол или Титов обратятся к высоким американским властям с просьбой о разрешении полета в Сиэтл и Сан-Франциско на самолете Ил-18, то такое разрешение, по-видимому, будет дано. Посоветовавшись с Добрыниным, мы решили с такой просьбой не обращаться, а лететь на американском коммерческом самолете. Вылетели на реактивном пассажирском «Дугласе» и через полтора часа произвели посадку в Чикаго. Из Чикаго через 4 часа полета прибыли в Сиэтл, разместились в гостинице «Камлин» и поехали на Всемирную сиэтлскую выставку, посвященную освоению космоса. В выставке принимали участие 32 страны. Осмотр выставки мы начали вечером 5 мая и продолжали весь день 6 мая. В павильоне США среди натурных экспонатов выставлены скафандр, капсула «Меркурий», ракета «Атлас», макет ракеты «Сатурн», командный пункт управления полетами спутников. Осмотрели павильоны Англии, Франции, Японии, Бразилии, ОАР и Канады. Везде, где появлялся Титов, его очень приветливо встречали руководители павильонов и сопровождали сотни людей. По сообщению руководства выставки, в день ее открытия было 57 тысяч посетителей, в среднем в день ее посещают 25-27 тысяч человек, а в день приезда на выставку Титова ее посетили 75 тысяч человек.

7 мая. Сан-Франциско.

Герман вчера немного простудился, у него разболелась голова, и появился насморк. Купили ему таблетки и уговорили его принять их. С полицейскими сиренами мы вчера за полчаса добрались до сиэтлского аэродрома и в 19:00 взяли курс на Сан-Франциско. Обеспечение приема нашей делегации в Сан-Франциско взял на себя один из виднейших тузов города — господин Магнин. Пока все идет хорошо, встречи Титова с народом становятся все более теплыми и массовыми. В стране очень много интересного, но официальные встречи и сотни корреспондентов не дают никакой возможности по-настоящему посмотреть Америку. Все чаще вспоминаю дом, Мусю и Олю - мне явно не хватает их.

Сейчас 7 часов утра по местному времени. Я только что любовался красотами утреннего Сан-Франциско с 15-го этажа гостиницы. Рядом в соседнем номере еще отдыхают Титовы. После небольшого завтрака с Кириллом Магниным поехали на прием к мэру города, а после этого — в Калифорнийский университет. Встреча со студентами была очень теплой. Господин Магнин два часа возил нас по городу, а потом Титов выступил по телевидению. Вечером был очень большой прием (присутствовало более 800 человек) в честь Титова в отеле «Фейрмонт», а затем Магнин устроил ужин в лучшем ресторане города «Эрни», который прошел в очень теплой обстановке.

8 мая.

После завтрака с Магниным около двух часов катались по океанскому заливу на яхте. После прогулки поехали в клуб крупнейших бизнесменов города, где присутствовало более 700 человек. Герман произнес неплохую речь, его ответы были очень удачными, было много аплодисментов. Жаль, что переводчик И.К.Шкляр смазал некоторые очень остроумные ответы. Потом мы были на собрании членов Американо-советского общества, где собралось более 500 человек. После окончания собрания еле-еле выбрались из зала. Это был самый теплый, самый дружественный прием в США. Ужинали на квартире у дочери Магнина. В 22:00 на самолете «Боинг-707» вылетели из Сан-Франциско в Нью-Йорк.

9 мая. Нью-Йорк.

До полудня отдыхали. С 14 до 15 часов Герман выступал в женском Хантер-колледже. Вечером были на приеме у чехословаков: 9 мая — День победы и освобождения Чехословакии. Затем Герман выступал для чехословацкого радио, дал интервью кубинскому журналисту и закончил день беседой с американской журналисткой из молодежного журнала «Севентин».

10 мая.

С утра наша делегация посетила сборочный автозавод Форда в штате Нью-Джерси. Затем мы побывали в Принстонском университете, в котором готовят дипломатов. Все прошло хорошо, хотя студенты этого университета считаются довольно реакционными. Здесь готовят дипломатов. У входа в зал два студента стояли с плакатами «Титов — да!», «СССР — нет!». С 16 до 19 часов осматривали город. Вечером до 23:00 провели большой митинг в Американо-советском обществе. Среди выступавших был генерал в отставке Хестер, который сказал: «Я был в СССР, они не хотят войны, они строят и построят прекрасное общество».

12 мая.

Вчера в 8:00 по местному времени вылетели в Канаду. Через 1,5 часа произвели посадку в Галифаксе. Были на приеме у губернатора и премьер-министра провинции. Провели встречу в университете и пресс-конференцию, Титов выступил по телевидению. Вечером руководство военной авиации дало обед в честь нашей делегации. Сегодня в 9:30 по московскому времени вылетели из Галифакса и после часовой остановки в Гандере, взяли курс на Англию в Прествик, а оттуда, наконец-то, полетим на родину.

За 12 дней пребывания в Америке Титов провел более 20 пресс-конференций и выступлений по радио и телевидению, 8 раз выступал с докладом о своем полете. В своих выступлениях и ответах на многочисленные вопросы Титов правильно, а иногда и остроумно рассказывал о достижениях Советского Союза в освоении космоса и о результатах своего полета. Американская печать и телевидение очень широко и объективно освещали пребывание Титова в США. Телевизионные выступления Титова передавались по несколько раз в день и не прерывались рекламными объявлениями, что совершенно необычно для американских телепередач. Американские власти были корректны, оказывали Титову знаки уважения и внимания, но одновременно прилагали усилия, чтобы ограничить его контакты с простыми людьми. Тем не менее, массовые встречи с американцами произошли в Сиэтле и Сан-Франциско, а также в последние дни пребывания в Нью-Йорке. Многочисленные теплые встречи Титова и членов нашей делегации с американцами являются ярким доказательством того, что американский народ желает жить в мире и дружбе с советским народом. Поездка Титова в США, формально проводившаяся по приглашению международной организации по мирному освоению космического пространства (КОСПАР) и Генерального секретаря ООН, во второй части визита фактически превратилась в массовые встречи советского космонавта с американскими гражданами, которые, невзирая на преграды, чинимые властями, выражали свое теплое и дружественное отношение к Титову и Советскому Союзу.

22 июня.

Сегодня поспорил с инженер-полковником В.А.Смирновым. Он считает, что американцам до конца 1962 года удастся совершить 17-18 витковый полет в космосе. Я уверен, что до конца 1962 года они больше 7-8 витков не сделают, а суточный полет они освоят не раньше второй половины 1963 года. Если все будет так, как я предполагаю, то и в этом мало утешительного. Все дело в том, что мы топчемся на месте, и за год, после полета Титова, к нашим успехам в космосе почти ничего не прибавилось. За 1962 год мы запустили пять спутников «Космос»: четыре из них небольшого веса и запущены из района Астрахани (Капустин Яр — Ред.) , они не имеют значительной ценности. А вот «Космос-4» или «Зенит» — это спутник, созданный на основе корабля «Восток» и оборудованный разведывательной аппаратурой. Он удачно приземлился и хорошо выполнил свое задание. Но не все попытки запустить «Зениты» увенчались успехом. При первом пуске — не сработала третья ступень ракеты, и спутник не вышел на орбиту. При третьем пуске — отказала первая ступень, и ракета упала в 300-х метрах от старта. Одна из четырех боковушек осталась на старте и сгорела. В результате пожара сильно пострадала стартовая установка, и ее восстановление займет около месяца. В связи с этими авариями пуск космонавтов переносится на конец июля, а может быть, и на более поздний срок.

Главком 18 июня улетел в Индонезию, за него остался маршал Руденко. Все наши космические дела и проекты значительно затормозились. На десятки моих докладов и обращений я получал только обещания, решения и приказы, которые не выполняются. Главком при мне приказал Брайко сформировать смешанную эскадрилью для подготовки космонавтов; прошло более месяца, а приказ до сих пор не выполнен. Приказ Главкома Пономареву — обеспечить самолет Ту-104А запчастями для ремонта, также не выполняется. Я уже не говорю о штатах Центра, полка и института — все эти наши предложения «крепко завязли» в канцелярии министра обороны.

Вчера генерал-лейтенант ИТС (инженерно-технического снабжения — Ред.) Мишук, генерал-майор Бабийчук и полковник Смирнов были у Королева. Попытка завизировать документ о передаче роли головной организации от Института авиационной и космической медицины одному из ОКБ комитета по авиационной технике пока не удалась, но Королев согласился с этим в принципе. Я против умаления роли нашего института, но Руденко твердо настаивает на этом и убедил в необходимости этого Вершинина и Келдыша. Сейчас трудно что-либо сделать для укрепления роли института, но не все еще потеряно. Как мне докладывали Бабийчук и Смирнов, Королев несколько раз высказывал свои обиды на ВВС, меня и космонавтов. Говорил, что мы плохо готовим космонавтов, плохо с дисциплиной (травма Гагарина и автопроисшествия Титова), высказал недовольство заграничными поездками («Гагарин и Титов пропали для космоса») и тем, что якобы космонавты оторвались от ОКБ-1. В этих претензиях Королева сквозит горькая обида за замалчивание его роли в освоении космоса: »сливки снимают молокососы». Но надо признать, что главная причина этих недоразумений — в злостных нашептываниях Яздовского и в том, что после полета Гагарина я делал далеко не все, чтобы поддерживать хороший личный контакт с Королевым, который уже не раз пугал ВВС, что пожалуется на нас Хрущеву и будет готовить космонавтов у себя.

23 июня.

В связи с отпусками космонавтов (Гагарин с 14 июня — в Гурзуфе; Титов до 6 июля будет отдыхать при части, а потом поедет в Саки; все остальные отдыхают в Сочи в санатории имени 17-го партсъезда) в ЦПК сейчас проходят тренировку только Комаров, Шонин, Волынов и пятерка женщин. Перегрузки на меня несколько уменьшились. Отпустил в отпуск генерала Горегляда, полковника Аристова и почти всех начальников командных пунктов. Появилась возможность подумать и кое-что записать. Я не брался за дневник более 40 дней. После возвращения из Америки написал три статьи в «Красную Звезду» и закончил книгу о Гагарине — «Первый гражданин Вселенной». Книгой я недоволен, можно было бы написать и лучше и больше. Интересных материалов много, но приходится писать минутами там, где требуются часы упорного труда. Заграничные поездки (13 стран за год) и напряженная работа не дали возможности поработать над книгой более основательно. Голова все время забита мыслями о путях более успешного и более быстрого освоения космоса. Америка быстро догоняет нас, а во многом (особенно по разведывательным ИСЗ) уже обогнала. У нас есть все возможности уже в 1962 году совершить несколько многосуточных космических полетов человека, продолжительностью до 8-10 суток. Об этом 11 июня я делал доклад на научной конференции ВВС «О военном значении космоса и ближайших перспективах». Но из-за плохого общего руководства космосом и многочисленных ведомственных тяжб, а также споров, успехи нашей страны в космосе за 1962 год очень скромные. Опасность того, что Америка в 1963-1964 годах обгонит нас в космосе, все возрастает, а мы пока ничего не предпринимаем, чтобы вновь оторваться от наседающего конкурента. На днях получили послание Кеннеди Конгрессу о достижениях США по авиации и космосу за 1961 год. На этом документе есть резолюция Малиновского: «Товарищу Вершинину. Изучить. Коротко изложить существо вопроса, доложить Ваши выводы и предложения». Вершинин поручил мне подготовить этот материал. Буду пытаться использовать этот повод, чтобы убедить Руденко, Вершинина, а главное, Малиновского в срочной необходимости укрепления военного космоса и особенно программы пилотируемых космических полетов. Америка правильно решила: не жалеть средств на космос, централизовать работы по космосу в стране (НАСА) и в военных ведомствах (ВВС), а главное внимание в программе освоения космоса сосредоточить на пилотируемых полетах и на планах освоения Луны. Если Америка с ее более высокоразвитой электроникой и радиотехникой отдает пальму первенства в космосе не автомату, а человеку, то нам, имеющим пока более слабую автоматику, сам Бог велел отстаивать решающую роль человека в космических полетах. Но вопреки здравому смыслу у нас многие выступают за автоматику и против человека. Это может показаться и странным и глупым, но, к сожалению, это так. Это результат того, что военным космосом руководят люди, ничего не знающие о космосе. Звонил из Гурзуфа Юрий Гагарин, отдыхом он доволен. В нашем штабе необычное затишье: Руденко работой особенно себя не утруждает. Сейчас 12 часов, а его еще нет — проходит медицинские обследования. Вчера он также отсутствовал целый день: был у маршала Ротмистрова.

25 июня.

Сегодня подписал документы на Гагарина о присвоении ему звания — подполковник. По положению о космонавтах в звании майора нужно быть 1 год и 3 месяца. У Гагарина срок выслуги в звании майора истекает 12 июля. Звание майор, благодаря Гагарину и Титову - теперь самое известное воинское звание в мире. Подполковник Гагарин —

совсем не звучит. Пожалуй, это первый случай в истории, когда будет как-то грустновато расставаться со старым воинским званием.

В субботу, 23 июня у меня были Главный конструктор Алексеев, генерал Холодков и инженер-полковник Смирнов. Главной темой нашего разговора были женские космические скафандры. Я предупреждал Алексеева о необходимости начала работ по этим скафандрам еще в прошлом году. В марте этого года мы дали ему все необходимые размеры пяти отобранных женщин. Нам известно, что Алексеев уже многое сделал, но, ссылаясь на большую загрузку и отсутствие специального решения Правительства по скафандрам и по сроку пуска женщины-космонавта, он утверждает, что может изготовить скафандры для них не раньше первого квартала 1963 года. Алексеев этими заявлениями набивает себе цену и пытается получить за эту работу дополнительные блага. Нет никаких сомнений, что в сентябре 1962 года можно было бы осуществить полет женщины в космос, но, к сожалению, решения Правительства о дате женского полета нет, а также нет и распоряжения об изготовлении скафандров. Устинов и Королев, зная о решении ЦК КПСС о наборе женщин-космонавтов, пока ничего не предпринимают для осуществления этого полета. В ближайшие дни надо бить тревогу — и здесь назревает опасность, что нас обгонят американцы. Алексеев, Холодков и Смирнов уговаривали меня уступить Королеву и согласиться с его программой трехсуточного полета. Получается так, что все высказываются за трехсуточный полет и только один Каманин — против. Никто (Вершинин, Келдыш, Руденко и другие) не хочет принципиально поспорить с Королевым и попытаться показать ошибочность его позиции: «кораблей «Восток» мало, поэтому летать можно редко, но с большей продолжительностью». Наша позиция (ВВС): «летать чаще, повторить суточные полеты и постепенно, последовательно подходить к полетам с продолжительностью 3, 5, 10 и более суток». В сложившейся обстановке Королев может сделать из меня «козла отпущения» при любом исходе полета. При благополучном трехсуточном полете я буду выглядеть как перестраховщик и трус, а в случае несчастья меня обвинят в плохой подготовке космонавтов (Королев уже ведет разговоры на эту тему) и в отсутствии принципиальности в том, что не сумел доказать и убедить в правильности своей позиции. Только что заходил полковник Карпов. Он также боится разногласий с Королевым и уговаривал меня найти пути сближения с Сергеем Павловичем. Девушки-космонавтки уже приступили к парашютным прыжкам, их подготовка пока идет по плану. Если произойдет задержка первого полета женщины, то в этом виноваты будут не ВВС, а ВПК (Устинов, Смирнов, Королев, Алексеев).

26 июня.

Вчера на партсобрании медицинской службы ВВС генерал Бабийчук сделал доклад о выводах комиссии, изучавшей работу Института авиационной и космической медицины. Акт комиссии утвержден Вершининым. Основные выводы комиссии:

1. Институт взял на себя много, не свойственных ему как военному институту, задач.
2. В институте нет базы для решения этих проблем. 3. Ряд научных работ выполняются поверхностно.
4. Много параллельных научных работ.
5. Много управленческого и обслуживающего персонала.
6. Необходимо ликвидировать управления авиационной медицины и космической медицины, и построить работу института по проблемам. Например: невесомость, кабины, скафандры, ускорения, питание, жизнеобеспечение и т.д.

Вся эта ломка и реорганизация института преследует одну цель — освободиться от Яздовского. Яздовский нечестный, двуличный и склочный человек, но он не дурак, с ним еще много будет возни. Я против организационной ломки института, но я твердо за освобождение от Яздовского. Сегодня у меня часа два был генерал Волынкин. Поговорить с ним об институтских делах не удалось - мешали звонки и посетители. Полковник Карпов сегодня заезжал в Киржач для проверки организации парашютных прыжков космонавток.

27 июня.

Звонил Карпов и доложил, что Герман Титов собирается поехать на автомашине в Луганск. С ним едет его отец и сестра Тамары с детьми. На предложение взять с собой шофера, Герман обиделся: «Что, я не имею права распоряжаться собой, находясь в отпуске? Поездки для меня — отдых, я не чувствую усталости за рулем». Приказать ему не ездить я не имею права (Правительство подарило машину, он в отпуске, депутат Верховного Совета СССР и т.д.), но его решение изображать из себя шофера мне не нравится. Перед выездом Титова в Горький я пытался поговорить с ним о его планах на будущее (в разговорах с Карповым, Шипиловым и другими он высказывал желание пойти летчиком-испытателем к Микояну, и нелестно отзывался о своей учебе в академии), но он уклонился от разговора и попросил продолжить его после возвращения. Вчера в 9 часов утра он приезжал и ждал меня, но я пришел в кабинет в одиннадцатом часу, и Германа уже не было. Он вечно куда-то спешит и везде опаздывает — это становится его дурной привычкой.

30 июня.

Вчера и сегодня тщательно изучал «Послание Президента США Конгрессу о проводимых в США мероприятиях в области авиации и космонавтики в 1961 году». В секретной тетради я коротко изложил текст послания, выводы и наши предложения.

Выводы:

1. США поставили цель — догнать и перегнать СССР в космосе — и не жалеют средств для ее достижения.
2. По состоянию на 1.06.1962 года они вывели на орбиту 86 ИСЗ (мы — 21).
3. Они обогнали нас по военным спутникам и скоро (в 1963 году) обгонят по количеству и продолжительности полетов космонавтов.
4. США делают упор на пилотируемые полеты и на освоение околоземного и окололунного космического пространства.

Наши предложения:

1. построить в 1963 году 10-12 кораблей «Восток»;
2. решить организационные вопросы - планирование и управление полетами космических кораблей возложить на Министерству обороны, передав ВВС право заказов на их строительство;
3. пересмотреть наши планы и взять курс на дальнейшее развитие пилотируемых полетов и освоение Луны.

6 июля.

Сегодня Гагарин прилетает из Крыма, а Титов — из Киева. Пришлось обоих вызвать для участия в Московском всемирном конгрессе «За мир и разоружение». Титов будет выступать на пленарном заседании конгресса, а Гагарин — на одной из комиссий. Сегодня к вечеру подготовим их выступления, а завтра согласуем в ЦК КПСС. От делегации СССР запланировано выступление Хрущева, Келдыша и Титова. Только что звонил Титов. Он в гражданской форме, без пропуска прямо с аэродрома приехал в штаб ВВС. Он доехал на своей «Волге» до Киева через Харьков-Луганск-Харьков, машину оставил в Киеве, а сам прилетел самолетом. Герман поездкой доволен, выглядит посвежевшим, настроение хорошее. Договорились, что Тамара в июле вылетит в Саки, а он после окончания работы конгресса вылетит в Киев и дальше в Крым поедет на своей «Волге». 4 августа Титову, Гагарину и их женам предстоит полет в Финляндию, так что хорошего отпуска у них не будет и в этом году. Я с удовольствием еще раз побывал бы в Финляндии, но неясность со сроками очередного полета путает все карты. В Финляндию пошлю Горегляда, а 27 августа в Японию, наверное, придется послать Аристова. 4 июля Вершинин вернулся из Индонезии и второй день отдыхает на даче. Руденко молчит, сам ничего не делает и связывает мою инициативу.

13 июля.

Гагарин и Титов выступали на конгрессе, их речи напечатаны в «Правде». Главком мне позвонил и одобрительно отозвался о тексте их речей. Сегодня состоялось решение Президиума ЦК КПСС о поездке Гагарина и Титова на фестиваль в Финляндию 4-9 августа 1962 года.

Яздовский, Карпов и я около двух часов беседовали с Королевым и Бушуевым. Как всегда, Сергей Павлович начал с запугивания: «13 июня я был у Хрущева, он за трехсуточный полет… «Востоки» больше строить не будем… контакты с ВВС прерываем, на «Союз» будем готовить своих людей из промышленности» и т.д. Короче говоря, Королев всячески будет добиваться того, чтобы космос «отобрать» у ВВС. Он заявил: «ВВС занимаются саморекламой, международными делами, а Гагарин и Титов потеряны для космоса…ВВС сами отходят от космоса». По вопросу о продолжительности очередного полета Королев заявил: «Полет на трое суток». На 16 июля назначено заседание комиссии по пуску. На нем 15 членов комиссии из 16 будут против ВВС, и вот в такой обстановке мне придется отстаивать точку зрения ВВС: полет на сутки, и если все будет отлично, то продлить его на вторые, а затем - на третьи сутки. Был у маршала Руденко, он настроен по-боевому, но в бой сам не пойдет, а пошлет меня.

Только что позвонили и сообщили, что умер генерал Казьмин, с которым я семь лет работал в ДОСАВ-ДОСААФ. Хороший был человек и рано умер, не дотянул до 60 лет.

14 июля.

Приходил Гагарин, официально представился мне в новом звании - подполковник. Юра молодец, он не посрамит любое звание. Гагарин с честью выдержал 15-ти месячное испытание такой лавины приветствий и восторгов, какой на долю одного человека еще никогда не выпадало. Свою маленькую форосскую ошибку он оценил правильно, и я верю ему, из него выйдет хороший руководитель в борьбе за освоение космоса. Хуже с Титовым. Позавчера в 4 часа ночи Герман возвращался домой на машине Докучаева (управлял якобы Докучаев), уже в Чкаловской наскочили на столбики и очутились в канаве. Герман имел мое разрешение после конгресса уехать отдыхать, и он уехал вчера в Киев, не зайдя и не позвонив мне.

16 июля.

Сегодня, наконец-то, состоялось заседание комиссии по пуску двух очередных «Востоков». Председательствовал Л.В.Смирнов. Присутствовали: Келдыш, Королев, Калмыков, Кобзарев, Бушуев, Вершинин, Руденко, Кутасин, Гагарин, Волынкин, Яздовский и еще 25-30 человек. С удовольствием признаюсь, что я ошибся в оценке возможных действий Вершинина и Руденко при обсуждении главного вопроса совещания — о продолжительности полета. В 9:20 я был у Вершинина. Он еще раз рассмотрел все данные о полете, внимательно прослушал мои аргументы в защиту нашей позиции, согласился, что занятая нами позиция правильна и что ее нужно защищать. К Смирнову поехали на машине Главкома. На комиссии сначала заслушали сообщение Вернова о продолжительности и степени радиации в космосе над Тихим океаном по результатам американского атомного взрыва в космосе. Пришли к выводу, что через 3-5 дней после взрыва полет космонавтов будет безопасен. С 10:30 до 13:50 продолжалось основное заседание комиссии. С докладами о готовности кораблей и носителей выступил Королев и все главные конструкторы: «Пуск двух кораблей «Восток» можно осуществить в период 5-10 августа. Интервал между запусками кораблей — одни сутки, продолжительность полета каждого корабля - трое суток». Я и Яздовский доложили о готовности к полету пяти космонавтов, которые готовились по программе трехсуточного полета. Вопрос о продолжительности полета было решено обсудить отдельно. В перерыве между заседаниями в кабинете у Смирнова собрались: Королев, Келдыш, Калмыков, Кобзарев, Ивашутин, Вершинин, Руденко и я. Смирнов пытался уговорить нас согласиться с программой трехсуточного полета. Оба маршала стойко оборонялись. Келдыш, уступивший нажиму Смирнова и Королева, сказал: «Мы спорим только о форме, а по существу все согласны с трехсуточным полетом». Отвечая Смирнову и Келдышу, пришлось зачитать протокол совещания ученых медиков и биологов от 23.09.1961 года: «В настоящее время нет никаких оснований планировать очередной космический полет больше, чем на одни сутки. При осуществлении суточного полета и при отличном самочувствии космонавта, полет может быть продлен, но не более, чем на двое суток». Достигнуть общей договоренности нам так и не удалось. Госкомиссия поручила Королеву и ВВС еще раз рассмотреть этот вопрос и доложить согласованные предложения на очередном заседании в конце июля. На комиссии было много и других разногласий, но по ним довольно быстро были приняты согласованные решения. Таким образом, главный вопрос — о длительности полета - остался нерешенным.

19 июля.

Вчера Главком подписал доклад маршалу Малиновскому, который готовил я, о послании президента США Кеннеди Конгрессу по итогам работы за 1961 год по освоению космоса. Главный вывод: США не жалеют средств на космос, на каждый наш спутник они запускают пять спутников. Из 86 ИСЗ, выведенных на орбиту, 3/4 имеют военное значение. По военным спутникам США уже обогнали нас, и нарастает опасность нашего отставания по количеству и

продолжительности полетов космонавтов. Главные предложения ВВС: не увлекаться Венерой и Марсом, особое внимание уделить Луне и полетам космонавтов. Заказать на 1963 год 10 кораблей «Восток». Взять дело планирования полетов и руководство пуском в руки военных.

Вчера у маршала Руденко были С.П.Королев и К.Д.Бушуев. До и после этой встречи мы с Руденко долго обсуждали все наши спорные вопросы. Руденко согласился с компромиссным предложением Королева — «Продолжительность полета до трех суток». По форме в этой формулировке есть видимость некоторой уступки ВВС, а по существу, Королев остался на позициях трехсуточного полета. Итак свершилось! ВВС в лице Руденко, вопреки здравому смыслу и данным науки (правда, Яздовский и Парин под нажимом Королева также отступили), дали согласие на трехсуточный полет. Я уверен, что это грубейшая ошибка, но сделать что-либо через голову Руденко, Вершинина, Госкомиссии и Академии наук СССР я не могу. Успех трехсуточного полета полностью не исключается, но у нас нет данных для уверенности в его гарантийности. Теперь многое будет зависеть только от самих космонавтов. Сумеют ли они правильно оценить обстановку и свое самочувствие, примут ли решение своевременно запросить посадку или не сумеют сделать этого? От решения космонавтов теперь будет зависеть многое. Необходимо обстоятельно поговорить по этим вопросам с Николаевым и Поповичем.

Только что звонил Яздовский и рассказал о вчерашнем заседании биологической секции, на котором он делал доклад. Председательствовал академик Сисакян, присутствовали: Парин, Генин, Газенко, Руденко. Только один Парин высказался в духе решения от 23.09.1961 года: сутки — максимум — двое! Руденко высказал мысль, что психологически для космонавтов лучше дать большее задание (трое суток), и уменьшить его, если оно окажется непосильным. Секция приняла решение: «Считать возможным трехсуточный полет». Вот вам и вся «наука». После полета Титова пока ничего не изменилось; нет абсолютно никаких новых данных для увеличения срока полета более суток, и все же ученые под нажимом Королева, а в последнем случае и Руденко, приняли решение противоположное тому, которое они сами принимали девять месяцев тому назад. Руденко плохо начинает свою космическую деятельность — согласился на трехсуточный полет и намерен исковеркать институт (ИАКМ - Ред.) — это пока все его «достижения». Я высказал свои сомнения в возможности трехсуточного полета всем: космонавтам, Руденко, Вершинину, Королеву, Смирнову, Келдышу и другим. Я твердо убежден, что к многодневным полетам надо продвигаться не скачками, а последовательно в соответствии с имеющимся опытом и накопленными знаниями о факторах космического полета. Пока наш имеющийся опыт и знания могут рекомендовать только суточный полет. «Полет на трое суток — это чистейшая авантюра,» - так несколько месяцев тому назад сказал академик Келдыш. Смирнов, Келдыш, Руденко, Вершинин и многие другие уступили давлению Королева. Дай Бог, чтобы я ошибся в своих сомнениях!

21 июля.

Вчера с маршалом Руденко весь день были в Центре подготовки космонавтов. Руденко интересовался программами, методикой и практикой подготовки космонавтов. По разделу медико-биологической подготовки он требовал научных обоснований Института авиационной и космической медицины под каждый вид тренировок и испытаний. Например, в годовой программе записано, что каждому космонавту необходимо выполнить 4-6 упражнений на центрифуге, 3 упражнения в сурдобарокамере и т.д. Но чем обоснованы эти цифры и сроки? В программах и планах тренировки и испытания записаны в одной рубрике и дается оценка — переносимость. Переносимость тренировок — это плохо звучит. Руденко дал указание к 1.10.1962 года написать научнообоснованную программу по медико-биологическому разделу. Какие и сколько испытаний должен пройти космонавт за полный цикл подготовки? Какие и сколько тренировок он должен получать перед каждым испытанием? После испытания дать оценку: хорошо, отлично, лучше, хуже и т.д., и по результатам оценки определить, правильно ли готовили и тренировали космонавта. Маршал побеседовал с космонавтами и руководящим составом Центра о длительности предстоящего полета. Гагарин, Николаев, Попович, Быковский, Волынов и Комаров заявили: «Мы за суточный полет и, если все будет отлично, продлить его на вторые, а затем и на третьи сутки». Руденко заявил, что спор между ВВС и ОКБ-1 идет не по существу, а по форме (слова Келдыша). Келдыш и Руденко уступили Королеву в большом и очень принципиальном вопросе. Спор идет о том, летать ли в космос с научнообоснованной уверенностью или брать «космические крепости» кавалерийскими наскоками. Обидно и стыдно и за «науку», и за «квалифицированное руководство».

24 июля.

Весь день вместе с Руденко были в институте. Обсуждались те же вопросы по программе медико-биологической подготовки космонавтов, что и в ЦПК. Руденко дал задание Волынкину и Яздовскому к 1.10.1962 года доложить программу. В конце совещания Волынкин попросил совета у Руденко, как быть с партактивом: проводить или не проводить его до Военного Совета ВВС. По решениям ЦК КПСС и Правительства институт является головным в стране по медико-биологическим вопросам освоения космоса. Акт комиссии Мишука и Бабийчука, утвержденный Вершининым, пытается свести роль института до узких ведомственных рамок ВВС (как обоснованно готовить космонавтов и требования ВВС к технике). Получив такой акт, институт оказался на распутьи: или не выполнять решения ЦК КПСС, или наплевать на акт и решения Главкома. Вот в такой обстановке Руденко порекомендовал проводить актив. Думаю, что на активе очень крепко достанется ВВС и особенно - Бабийчуку.

26 июля.

Провели совещание в ОКБ-1. Присутствовали: Бушуев, Ишлинский, Гагарин, Карпов, Раушенбах, пять космонавтов и другие. Обсудили возможности космонавта, находящегося на первом корабле, наблюдать за вторым кораблем и третьей ступенью ракеты. Решили доложить Госкомиссии, что средства и возможности наблюдения очень ограничены (обзор — 7 градусов, запас рабочего тела на 2-3 часа ориентации корабля). Рекомендовали космонавтам: наблюдать за третьей ступенью, кораблем соседа и за пуском второго корабля, а также за наиболее характерными объектами на Земле.

27 июля.

Сегодня вместе с Гагариным, Волыновым и Комаровым на самолете ЛИИ Ту-104 летал на невесомость. Ощущение невесомости очень приятное, я с удовольствием ожидал очередного сеанса, а их было 6 по 25 секунд каждый, и

сожалел, что слишком быстро возвращается привычный вес. Целью полета была проверка возможности выхода и входа космонавтов в свое летное кресло. В результате двух полетов и 12 горок пришли к выводу: время невесомости в 25 секунд позволяет космонавту выйти из кресла за одну горку, а на обратный вход требуется 4-5 горок. В условиях реального космического полета время на выход и вход в кресло у космонавта не будет ничем ограничиваться, важно, чтобы все десять операций по освобождению от подвесной системы и по выходу из кресла осуществлялись точно и последовательно, а сколько секунд или минут на это будет затрачено — это не имеет никакого значения. Наоборот, тренировки с большими ограничениями по времени на исполнение операций могут привить космонавтам вредные навыки. Решили тренировки в воздухе больше не проводить, а заменить их тренировками на земле без ограничений по времени, с задачей добиваться точности и последовательности исполнения всех операций.

Вчера Карпов возил пять космонавток, Николаева, Поповича и Быковского к Королеву. Сергей Павлович беседой с космонавтами остался доволен и дал согласие на поездку женщин на старт. Из восьми инженеров, которых мы начали готовить к роли бортовых инженеров и инженеров кораблей, Сергей Павлович дал согласие допустить на старт только четырех. Тут же во время беседы Королев утвердил задание на полет, ранее согласованное с маршалом Руденко: «Продолжительность полета до трех суток». Даже после моих вчерашних приятных ощущений невесомости я остаюсь при прежней убежденности, что нужно чаще летать в космос, и каждое очередное увеличение длительности полета космонавтов должно быть научно и экспериментально обосновано (более длительными полетами животных и полетами людей с медленным и последовательным наращиванием продолжительности). Решение по полету принято Госкомиссией, мне приказали его подписать — я подписал. Теперь мне, врачам и космонавтам при подготовке полета придется о многом договориться, чтобы в ходе полета до возникновения опасных моментов в состоянии космонавтов своевременно прекратить полет. Трудностей в этом деле будет очень много, нужны большие силы, чтобы их преодолеть. Буду делать все, чтобы 3-й и 4-й полеты советских космонавтов закончились благополучно и без заметных неприятностей для здоровья ребят.

30 июля.

Сегодня заседала Государственная комиссия по пуску «Востоков» (присутствовало около 70 человек). Решили вылетать на старт 2-3 августа. Пуски назначили на 9 и 10 августа. Комиссия рассмотрела много текущих вопросов и утвердила состав оперативной группы для руководства полетом. От ВВС в состав группы вошли Руденко, я, Яздовский и Карпов. На комиссии я докладывал о готовности задания на полет, о тренировке космонавтов по выходу из кресла и плавании в кабине корабля и проект инструкции космонавту о его поведении после приземления. Госкомиссия приняла мое предложение о направлении оперативных групп на Камчатку, в Якутск, Львов, Ленинград и другие пункты. Королев в своем докладе отвергал необходимость этих групп, но после моего выступления снял свои возражения, и комиссия приняла единогласное решение. Кутасин сделал очень неудачный доклад о поисковых командах и средствах их доставки. Председатель комиссии остался недоволен его докладом и бросил несколько нелестных замечаний в адрес генерала Кутасина. Неожиданно положение поправил Королев, вызвавшись вместе с ВВС доработать этот вопрос.

31 июля.

Вершинин сегодня уходит в отпуск, он едет с семьей отдыхать в Румынию. В последний час его работы мне удалось довольно легко уговорить его подписать доклад в ЦК КПСС об итогах работы Института авиационной и космической медицины и Центра подготовки космонавтов с приложением проекта решения о выделении дополнительной численности, денег и разрешении строительства ряда объектов. Маршал Руденко был против этого документа. Он предлагал написать в ЦК КПСС от имени министра обороны: «Министерство обороны выделило необходимую штатную численность, средства и в 1963 году построит…» и т.д.

1 августа.

Сегодня прохладно, хотя и яркий солнечный день. Лето кончилось, так и не начавшись. Сегодня мы в паре с Мусей опять обыграли в теннис полковника Смирнова и полковника Шестакова. Завтра я с группой космонавтов, врачей и инженеров на трех самолетах Ил-14 вылетаю на старт. Нам предстоит очень напряженная работа, а у меня нет уверенности в успехе полетов. Два корабля будут стартовать через сутки, и каждый будет летать до трех суток. Это очень громоздко и плохо аргументировано. На старте я договорюсь с Николаевым и Поповичем и другими ребятами о том, как понимать нормальное (удовлетворительное) состояние космонавта в полете. Нормальный, освежающий сон, удовлетворительное питание и отсутствие боли, тошноты и головокружения — вот что можно считать удовлетворительным состоянием.

2 августа.

Сегодня с аэродрома Чкаловская в Тюра-Там вылетели три Ил-14, на которых разместилось около 50 человек. Первый самолет взлетел в 7:30, второй — в 7:45, наш самолет взлетел последним в 8:00. На Чкаловском аэродроме нас провожали пятерка космонавток, Гагарин, Рябчиков, Гостев и другие. В моем самолете летят: Герман Титов, Карпов, Яздовский, Николаев и другие. Попович полетел на первом самолете. Я, Николаев, Смирнов и майор Пятыхин сели играть в преферанс. Я уже давно потерял интерес к преферансу и большого желания играть не имел, но мне хотелось сыграть с Андрияном Николаевым и понаблюдать за ним. Играет он хорошо, очень спокойно, быстро и верно принимает решения. Тряска самолета на него не оказывает никакого влияния, а его сверстник Пятыхин был очень бледен и играл неважно. Я предложил прекратить игру. Все поддержали мое предложение. Николаев играл с интересом. На его реплику, что играя мы и не заметим, как прилетим на старт, я сказал, что хорошо бы ему в трехсуточном полете иметь такую компанию. Николаев ответил: «Там удобств будет меньше, в условиях невесомости преферанс еще не освоили». Все легли спать, Николаев ушел в кабину пилотов, а я пишу эти строчки. В Николаеве мы, пожалуй, не ошиблись, у него хватит спокойствия, выдержки и воли на длительный полет. Все будет зависеть от того, как он будет переносить длительную невесомость. Николаев и Попович пока остаются первыми кандидатами на полет, но несколько предстартовых дней могут и изменить наши планы. С нами летят и три запасных космонавта: Быковский, Комаров, Волынов.

Мы без промежуточной посадки прилетели в Тюра-Там. Два других самолета садились для дозаправки в Актюбинске. В Тюра-Таме стоит сухая и очень жаркая погода. Местный аэродром не изменился, бетонная ВПП так и осталась длиной в 1200 метров. Мы садились на грунтовую полосу длиной более двух километров. Городок гарнизона на берегу реки Сырдарья значительно изменился к лучшему, за год прибавилось более десятка четырехэтажных домов, больше стало зелени и цветов. Последний раз я здесь был в апреле 1961 года. Прошел только год и четыре месяца, а здесь значительная перемена. На аэродроме, в городке, в столовой — все новые и незнакомые лица. Никерясов молодец, он встретил нас на аэродроме и доложил, что все указания по организации встречи и размещению личного состава ВВС он выполнил.

3 августа. Тюра-Там.

Проснулся в 6 утра, в открытое окно врывается прохладный воздух с реки. Часов до 12 ночи было душно, спал не более пяти часов. Вчера вечером провел совещание, утвердил распорядок дня и программы работ. Перед сном Карпов рассказал мне, что два дня тому назад Герман Титов на своей машине увез к себе из ЦПК Пономареву и Кузнецову. Обе они провели всю ночь в квартире Германа. Девчонки поступили глупо, а еще неразумнее действия Титова. Его влияние на космонавток скорее принесет им вред. Здесь, на старте, не время заниматься Титовым, но заняться им нужно, и очень серьезно.

Начинается первый день подготовки к старту, космонавты уже встали и проводят физзарядку. В 9:00 мы приехали на вторую площадку (в трех километрах от старта). Я приказал Карпову возить всех космонавтов в автобусе «Львов». От десятой до второй площадки 40 километров. Дорога недавно отремонтирована, и «Волга» за 30 минут, а «Львов» за 55 пробегают это расстояние.

Сегодня утром прилетел Королев и кое-кто из главных конструкторов. Осмотрев возможности размещения для работы всех специалистов ВВС и космонавтов, я отказался от помещений в домике ОКБ-124 и разместил всех в шести комнатах в домике рядом со сборочным цехом. Носители и оба корабля «Восток» уже давно находятся в цехе. Пятый корабль (имеется в виду заводской №5 — Ред.) уже прошел комплексные испытания, и работы на нем осталось немного, но есть опасения, что шестой корабль (заводской №6 — Ред.) на 1-2 дня может задержать пуск. Группа наших инженеров (полковник Шубралов и другие) и космонавты ознакомились с носителями и кораблями, а также с руководящим составом. Ведущим инженером от Королева по «Востокам» работает молодой инженер Фролов. Нам хорошо помогают Раушенбах, Феоктистов, Алексеев и другие. До 13 часов на второй площадке проводил занятия с космонавтами (Титов, Николаев, Попович, Быковский, Комаров, Волынов) по полетному заданию и по главным инструкциям. Мы договорились о том, как понимать доклад космонавта: «Чувствую себя нормально» — это значит, что космонавт ест и усваивает пищу; что он спит, и сон восстанавливает силы; и что нет заметных ухудшений в состоянии здоровья. Все ребята относятся к работе с большим вниманием. Николаев и Попович спокойны, рассудительны и верят в успех. Я им задавал много контрольных вопросов и по технике, и по полету. Оба отвечали отлично.

Вечером играл с Поповичем в пинг-понг, играет он хорошо, реакция быстрая, удары точные. Все вместе купались в Сырдарье, река сильно обмелела, но есть опасные ямы. В этом году утонуло уже восемь человек, поэтому я запретил космонавтам одиночные купания.

4 августа.

Редкое для Тюра-Тама утро: все небо затянуто облаками — погода резко меняется. 30 минут занимался зарядкой, в 6:30 на реке еще никого нет, а наши только поднимаются. В 9:00 все собрались на второй площадке и начали занятия. Каждый космонавт надевал свой «боевой» скафандр, подгонял подвесную парашютную систему и производил посадку в корабль. В корабле провели полную предстартовую подготовку. На «Заре» каждый космонавт записал на магнитофон свои передачи телефоном и телеграфом. С 11 до 13 часов Б.В.Раушенбах проводил занятия по методике наблюдения за своим носителем и за соседним кораблем. Во время занятий уточнили скорости вращения корабля.

Остаточная угловая скорость после прекращения ориентации — 0,06 градуса в секунду или один оборот за 1,8 часа. После окончания ориентации космонавт, как правило, дает раскрутку кораблю с угловой скоростью 0,5 градуса в секунду, что соответствует одному обороту за 12 минут. Задача раскрутки — равномерный нагрев корабля Солнцем в целях рационального соблюдения теплового баланса. Но заботы о тепловом балансе, а следовательно, и заданное вращение корабля оказались излишней перестраховкой: «Космос-7» («Зенит») все четверо суток стабилизированного полета «держал» температуру 17 градусов. Стабилизация «Зенита» осуществлялась на принципе инфракрасной вертикали. Хотя угловое вращение корабля и незначительно, есть основания опасаться, что оно может оказать отрицательное влияние на самочувствие космонавта.

В 14:00 к нам пришел Королев. Он разрешил не пользоваться раскруткой корабля, согласился допустить 8 специалистов (бортинженеров) ВВС на оба корабля, рассмотрел и утвердил несколько инструкций. После беседы Королев, Титов и я пошли к личному составу воинской части, обслуживающему пуск. Офицеры и солдаты очень тепло приветствовали Титова и Королева. Герман рассказал собравшимся о своем полете и о поездках за границу. Наши взаимоотношения с Сергеем Павловичем заметно улучшаются. Королев рассказал о полете «Зенита». Все сработало отлично: на фото заснято много аэродромов и военных объектов. На аэродромах хорошо распознаются типы самолетов, на море и в океане по размерам и форме кораблей легко устанавливается их тоннаж и предназначение. На людях Сергей Павлович держится хорошо и часто шутит, но, оставаясь со мной один на один, резко меняется — заметно спадает его наигранный оптимизм. Он очень переживает, что его держат в тени, высказывает недовольство слабостью руководителей (Устинов, Смирнов) и распрями в промышленности и в Вооруженных Силах. Он считает необходимой централизацию управления космонавтикой и в стране, и в Вооруженных Силах.

Каждый день я внимательно наблюдаю за Николаевым и Поповичем: они спокойны и серьезно, по-деловому, готовятся к полету.

5 августа. Воскресенье.

Сегодня с 8:00 до 15:00, как в обычный рабочий день, провели занятия по парашютной системе, НАЗу и радиосредствам. Занятия проводили главные конструкторы и инженеры ОКБ (Алексеев, Феоктистов, Быков и другие). Сегодня шестой корабль третий раз проходил комплексные испытания. Завтра, по-видимому, окончательно определится готовность обоих кораблей к старту.

После обеда мы на трех катерах совершили замечательную прогулку вниз по Сырдарье. Река сильно обмелела, в трех местах катера с большим трудом преодолевали перекаты. Раза четыре забрасывали бредень, все с большой охотой лезли в воду. Николаева и Поповича пришлось даже немного попридерживать: было бы глупо из-за пореза ноги или другой мелкой неприятности отстранять одного из них от космического полета. Все космонавты очень хорошо отдохнули на реке и остались довольны поездкой. Основные вопросы программы предстартовой подготовки за прошедшие три дня ребята вновь повторили, и теперь их готовность к полету лучше, чем когда-либо раньше.

Мое время здесь заполнено до предела, и все же я часто ловлю себя на мыслях, возвращающих меня в Москву. Мне не хватает Муси и Оленьки, особенно часто я их вспоминал сегодня. Нужно будет все же выбраться с ними на курорт. Муся никогда раньше не просила меня об отдыхе на курортах, а в этом году она, ради Оли, говорила со мной на эту тему уже несколько раз.

7 августа.

Очень перегруженным оказался вчерашний день, и мне не удалось записать ни одного слова. На завтраке, в присутствии Николаева, Поповича, Комарова, Быковского, Волынова, Карпова и двух Никитиных (полковник Н.К.Никитин — парашютист и подполковник А.В.Никитин - врач, непосредственно наблюдающий за космонавтами), поздравил Германа Титова с годовщиной его суточного космического полета и пожелал ему успехов в работе и жизни. В 1О:3О на второй площадке в МИКе мы организовали встречу космонавтов с Королевым. Я поздравил Королева с годовщиной исторического полета, главным «виновником» которого он был, пожелал ему новых успехов в освоении космоса и счастья в жизни. Титов и Николаев тоже поздравили Сергея Павловича и вручили ему цветы. Выпили за здоровье нашего Главного конструктора по рюмке шампанского. Сергей Павлович был очень доволен встречей, благодарил и ребят, и меня. Наши с ним отношения сейчас можно назвать хорошими.

В 15:00 я, Королев, Яздовский и Титов встречали на аэродроме председателя Госкомиссии Л.В.Смирнова, маршала Руденко, Гагарина и других. Руденко и я разместились в одной квартире маршальского домика, а все космонавты с генералом Гореглядом — в соседнем доме. С 18:00 до 22:00 Королев провел техническое совещание, на котором присутствовали Смирнов, Руденко, все главные конструкторы, космонавты и офицеры полигона. Все докладчики и главные конструкторы доложили о проведенных доработках и комплексных проверках. Вывод: Носители и оба корабля готовы к пуску 10 и 11 августа. После совещания технического руководства в кабинете Королева остались Смирнов, Руденко, Королев, Румянцев (начальник Главка) и я. Мы рассмотрели график пуска обоих кораблей. Он напряженный — двое суток все подразделения будут работать без отдыха. Рассмотрели повестку дня Госкомиссии на 7 августа и приняли решение по вопросу, который поднял Николаев на совещании технического руководства. Николаев просил Королева предоставить возможность командирам кораблей посидеть в боевом скафандре по одному часу в корабле. Королеву очень не хотелось ломать установившуюся традицию: после общей комплексной проверки до посадки космонавта для полета никого не допускать к кораблю. Сергею Павловичу было трудно отказать ребятам в законном желании «обсидеть» корабль, но и рисковать ему тоже не хотелось. Я понял его затруднение, подмигнул Карпову, Николаеву и Поповичу, и они не стали настаивать… Решили: в боевых скафандрах в корабль не садиться до старта, а в предстартовый день дать космонавтам возможность по часу посидеть в кораблях, но без скафандров.

До полпервого ночи Смирнов, Руденко, Керимов, Богомолов и я гуляли в сквере. Смирнов рассказывал о своей работе в Днепропетровске (были у него, оказывается, и забастовки рабочих), а мы «почтительно» слушали. Прямо скажу: министр и маршал мешают нам работать.

8 августа.

Вчера встали в 6:00, вместе с Руденко провели на берегу физзарядку и с удовольствием искупались. На второй площадке маршал и я беседовали с главными конструкторами, агитировали их поддержать наше ходатайство о заказе еще 1О кораблей «Восток». Алексеев, Воронин, Косберг и Ткачев обещали поддержать нас. В результате бесед с

главными конструкторами мы еще раз убедились в нереальности прогнозов Королева о готовности первого «Союза» к полету в мае 1963 года. «Союз» пока существует только на бумаге, и дай Бог, чтобы он начал летать в 1964 году. Если мы не добьемся заказа «Востоков», то в полетах космонавтов в 1963-1964 годах будет длительный перерыв, и американцы смогут догнать и перегнать нас по количеству и продолжительности полетов.

С 13:00 до 14:00 одевали Николаева в боевой скафандр и производили его посадку в кресло. Кроме регулировки и подгонки скафандра и подвесной системы, Николаев потренировался в «выходе» из кресла и «входе» в него. Маршал Руденко наблюдал эти операции впервые, а я видел это уже много раз, впечатление и вывод у нас общий: выход космонавта из кресла в космическом полете, «плавание» в корабле и возвращение в кресло — сложное и рискованное дело. Не исключается возможность ошибок при возвращении в кресло, а это может повлечь за собой отказ некоторых агрегатов жизнеобеспечения и неприятности при катапультировании и спуске на парашюте.

В 17:00 по поручению Госкомиссии Гагарин, Титов и я участвовали в митинге личного состава гарнизона. Митинг проводили на площади перед зданием штаба полигона. На встречу с космонавтами пришло все население города. Встреча была очень теплой, но недостаточно хорошо организованной (давка, плохая трансляция выступлений). Гагарин и Титов поблагодарили всех, кто обеспечивал их полеты, и рассказали и о полетах, и о заграничных поездках. Прямо с митинга Гагарин, Титов и я поехали на вторую площадку на заседание Госкомиссии.

В 19:00 в конференц-зале МИКа Л.В.Смирнов открыл заседание Госкомиссии. На повестке дня два вопроса: 1) доклад Королева о готовности кораблей; 2) доклад Каманина о готовности космонавтов.

Комиссия утвердила командиром «Востока-3» капитана Николаева Андрияна Григорьевича и его заместителем — капитана Быковского Валерия Федоровича. Командиром «Востока-4» назначен майор Попович Павел Романович, а его дублером — инженер-майор Комаров Владимир Михайлович. «Запасным» космонавтом для обоих кораблей назначен капитан Волынов Борис Валентинович. Николаев и Попович выступили, поблагодарили за доверие и заверили комиссию, что сделают все возможное для выполнения задания. С приветствием и пожеланиями успехов в полетах Николаеву и Поповичу выступили Келдыш, Смирнов и Руденко. Последний в двухминутной речи дважды назвал Поповича Поповым — эта грубейшая ошибка была для всех очень неприятной. Предвидя возможность такого срама, я еще утром дал маршалу список пятерых с киносъемкой проверок на «Востоке-4», но это не помогло. Все заседание синхронно записывалось на пленку. Досадно, но «Попова» придется вырезать из речи маршала. За вчерашний день это была уже вторая ошибка Руденко: по его приказанию я в 13:00 собрал всех офицеров ВВС, около 3О минут 5О человек сидели и ждали маршала, а он ушел гулять и забыл о назначенном совещании…

Сегодня мы встали в 5:00. Руденко со Смирновым собирались в 7:30 поехать на пуск ракеты Янгеля, приглашали и меня, но из-за занятости я отказался от приглашения. Утро началось обычно, мы с маршалом уже заканчивали зарядку, когда в 6:ОО Гагарин вывел на зарядку космонавтов. Во время завтрака узнали, что пуск ракеты Янгеля перенесен на вторую половину дня. В 8:30 мы были уже в МИКе. Полковник Кириллов доложил, что третий комплекс проверок на «Востоке-4» закончен успешно, визуально замечаний нет, а пленки будут готовы к 14-15 часам. Кресло этого корабля, которое обещали передать Алексееву вчера в 23 часа, сегодня в 9:00 еще было в корабле. Таким образом, намечавшаяся тренировка Поповича в скафандре и кресле, сегодня не состоится. В 9:15 при выходе из МИКа встретились с Келдышем и Королевым. Сергей Павлович сказал, что пуск первого корабля состоится не раньше 11 августа. Келдыш молчал и улыбался. Королев попросил Руденко разобраться с ВПП аэродрома Тюра-Там. ВПП имеет длину только 1200 метров, а до зарезу нужно иметь 3000 — метровую полосу.

Сейчас я пишу дневник в кабинете Воронина, а рядом за стеной занимаются Николаев и Попович. Они заполняют бортжурналы — это очень трудоемкая и важная работа. В бортжурнале должны быть все данные, которые могут потребоваться в полете, и порядок выполнения задания. Попович работает быстрее, сидит прямо, чуть наклонившись вперед. Николаев, когда пишет, сильно наклоняет голову и корпус влево и делает все записи неторопливо. Слышатся звуки пилы, топора и узбекская песня — это рабочие огораживают домик Воронина. Воронин отвел нам две хорошие тихие комнаты. Здесь и работать лучше, и нет того количества любопытных, которыми так богат МИК.

С 15:00 до 20:30 опять совершили прогулку на трех катерах вниз по Сырдарье. На этот раз с нами были Руденко, Гагарин и Горегляд. В отличие от первой поездки в этот раз больше и успешнее ловили рыбу бреднем. Наловили около десяти килограммов рыбы; Николаев и Попович активно помогали рыбакам советами, загоняли и выбирали рыбу. На обратном пути на одном из островов решили сварить уху. Разожгли костер, начали чистить рыбу, но… не учли время. Солнце садилось, и быстро темнело — пришлось отказаться от ухи и попытаться до полной темноты добраться до гарнизона. Поездкой все были довольны.

9 августа.

Встали в 6 часов утра, а на вторую площадку попали только к одиннадцати часам. Всю жизнь я, как заведенная машина, делаю все с расчетом не терять даром ни одной минуты. Может быть, кое-кому это кажется скучным и серым, но я убежден, что каждый культурный человек обязан планировать свое рабочее и личное время и уметь использовать его наиболее рационально. Маршал Руденко надоел мне своими бесконечными разговорами и длиннотами, он живет и работает по принципу: «Секунды — на работу, часы — на баланду и чепуху». Мы долго сидим за столом (обычно я завтракаю 5-10 минут, сидеть за завтраком час — для меня пытка), больше часа тратим на физзарядку и купанье, и еще больше времени уходит на пустую болтовню.

Когда мы приехали в МИК, Попович в скафандре уже выполнял в кресле упражнение по отвязыванию и «плаванию». Все еще лишний раз убедились, что космонавты отлично знают материальную часть и хорошо подготовлены. В 11:30 к нам пришли Смирнов, Королев и Келдыш. Они осмотрели медицинское оборудование, приборную доску, разработанную Даревским, попробовали новую космическую пищу (натуральное мясо, овощи, фрукты, соки, пирожки и пр.) и нашли ее очень вкусной. Королев и Келдыш минут 15 побеседовали с космонавтами. Королев сказал: «Подготовка идет нормально, люди стараются все подготовить так, чтобы не было ни малейших сомнений в технике». Потом он, как обычно, начал развивать свои идеи о будущих полетах на «Союзе». Сергей Павлович, в частности, сказал, что он за создание макетной комиссии по «Союзу». К сожалению, его куда-то срочно вызвали, и беседа была прервана.

Обедали все на второй площадке; Николаев, Карпов, Азбиевич и я сидели за одним столом. Николаев выпил стакан виноградного сока, съел полтарелки борща и жареную рыбу. Аппетит у него умеренный. «Когда ехали в столовую, чувствовал голод, а выпил сок, съел борщ и уже набрался», — сказал Николаев. После обеда я забрал к себе в «Волгу» Николаева и Поповича и поехал с ними в МИК. Сейчас они оба работают для кино, надели скафандры и

садятся в пилотское кресло. Я дал задание операторам заснять их отдельно и вместе в скафандрах у кресла. У нас это будет первый кадр с двумя космонавтами в скафандрах у кресла. Перед началом этой работы мы минут двадцать поговорили о предстоящем полете. Я пытался им внушить, что успех полета теперь в их руках. Успешный полет — это выход на орбиту и благополучный спуск, продолжительность полета — не решающий фактор. Очень важно вернуться на Землю не только живым, но и не инвалидом. Трехсуточный полет и неприятность в конце полета — это провал, а суточный или двухсуточный полет и хорошее приземление - это большая победа. Николаев и Попович сказали, что они хорошо меня поняли и полностью согласны с высказанными мной соображениями. Мы договорились, что кроме кодированных сообщений о своем самочувствии, они будут в открытой передаче употреблять только две оценки: «самочувствие отличное» — это значит, что все идет нормально, никаких заметных неприятностей нет и полет можно продолжать. «Самочувствие хорошее» — это значит, что работоспособность и состояние космонавта понижены и потребуется досрочная посадка. В случае необходимости досрочной посадки космонавт передает: «Буря», «Квадрат» и, возможно, номер витка, на котором будет садиться.

В 16 часов состоялось заседание Госкомиссии, на котором все главные конструкторы (Королев, Кузнецов, Косберг, Исаев, Пилюгин, Алексеев, Воронин, Богомолов, Гусев, Даревский и другие) доложили: «Все проверено и готово к пуску, в надежности работы систем — уверены.» Вторым рассматривался вопрос о составе и работе оперативных групп. Опергруппа была утверждена в составе 15 человек: Смирнов, Королев, Келдыш, Руденко, Каманин, Горегляд, Яздовский, Карпов и другие. Утвердили и состав групп на периферии (Камчатка, Якутск, Ленинград, Львов, Тбилиси и др.). Затем узким составом прослушали наши вчерашние выступления на «парадном» заседании Госкомиссии. Все выступления нормальные, только на (»Попове» вместо Поповича) все еще раз поморщились, когда слушали речь Руденко.

10 августа. Тюра-Там. 10-я площадка.

Вчера в 21 час носитель и корабль «Восток-3» доставлены на старт. Вывозка задержалась на два часа по вине Алексеева. В комплекте запасных деталей кресла часов в 17 обнаружили небольшую шайбу, которая ранее была забракована и заменена на шайбу большего размера. После обнаружения некондиционной шайбы возникло сомнение: какие же шайбы поставлены на боевых креслах? Кресло «Востока-4» было еще в работе, а кресло «Востока-3» было уже установлено в корабле. Для того, чтобы проверить, какая шайба поставлена на «Востоке-3», потребовалось выдвигать кресло из корабля - это задержало работы на два часа. Вместо того, чтобы установить сборку кресла по технологическому расписанию и за каждую операцию дважды расписываться (исполняющему и контролирующему), у Алексеева сборку проводили «толпой».

Встали сегодня в 6 часов и через 30 минут отправились на зарядку. Надо признать, что Сергей Игнатьевич проводит зарядку основательно: 40 минут он упорно и последовательно выполняет комплекс упражнений и 20 минут плавает. Пожалуй, это полезно для здоровья, но я стеснялся до сих пор тратить так много времени на свою персону. Все космонавты, как обычно, провели физзарядку, Николаев и Попович (сегодня они живут по распорядку предстартового дня) бегали, выполняли упражнения, играли в пинг-понг. Сегодня на старт прибыла группа корреспондентов: ТАСС — Романов, «Правда» — Денисов, «Известия» — Остроумов, «Красная звезда» — Мельников. В 12:00 Николаев и Попович провели с ними первую «пресс-конференцию» продолжительностью 10 минут.

В 13:15 на старте состоялся митинг стартовой команды. С приветствиями к командиру «Востока-3» обратились два сержанта, один офицер и командир части. Подполковник Беляев - начальник космической стартовой команды - заверил Николаева, что корабль подготовлен хорошо; он уверен в отличном полете и желает благополучного возвращения на родную Землю. Солдаты преподнесли Николаеву и Быковскому много цветов и очень тепло приветствовали. Николаев без бумажки неторопливо и удачно поблагодарил собравшихся за труд, за доверие и заверил, что сделает все, чтобы выполнить задание. После митинга Николаев, Быковский, Королев и Смирнов поднялись на лифте к кораблю. Николаев занял в корабле место пилота, а Сергей Павлович тридцать минут консультировал его по выполненным переделкам. Все имевшие место переделки давно известны Николаеву — Королев просто поддержал уже ставшие традицией предстартовые занятия космонавта в своем корабле. В 14:00 Николаев и Попович отправились на медосмотр, а Гагарин и Титов — на 10-ю площадку.

Сейчас 15:30, я один в маршальском домике на 2-й площадке, сижу в комнате космонавтов и пишу. Комната уже стала исторической, в ней провели предстартовую ночь Гагарин и Титов, а сегодня здесь будут ночевать Николаев и его дублер Быковский. Маршальский домик - это дом, в котором любил останавливаться маршал Неделин (теперь его называют домиком космонавтов). Это деревянный финский домик из трех комнат, самая большая комната (около 22 квадратных метров) — комната космонавтов. Голубые обои, белый фанерный потолок с двумя небольшими люстрами. Два светлых окна, выходящие на юг, завешены тюлевыми занавесками. В левом ближнем (от входа) углу — кровать Гагарина, в правом — кровать Титова. Большие полутораспальные металлические кровати покрыты зелено-белыми шерстяными одеялами, сверху одеял лежат по две подушки. Над кроватями — большие фотопортреты космонавтов. Посреди комнаты — небольшой круглый стол, на нем — две вазы с цветами, фрукты и томик стихов Лермонтова; два мягких кресла, четыре стула. В левом углу - зеркало; на стене, противоположной окнам, в большой позолоченной раме — цветное фото Гагарина и Титова (в Куйбышеве читают первые газеты и первые письма о полете Титова), под ним на небольшом столике - радиоприемник «Октава». От стола к двери на полу расстелена зеленая дорожка с красными полосами, около окон — столик с вентиляторами и тумбочка между зеркалом и кроватью Гагарина. Вот и все нехитрое убранство этой исторической комнаты…

Обедал с Николаевым, Быковским и Карповым «по-космически» — в меню были пирожки с мясом и рыбой, мясо, яблоки и сок из крыжовника в тубе — пища вкусная и питательная. С 17 до 19 часов К.П.Феоктистов проводил с ребятами занятия по возможным отклонениям в параметрах полета. К 19 часам наша маленькая квартира переполнилась - приехали Гагарин, Титов, Попович и Комаров, а вскоре к нам пришли Л.В.Смирнов и С.П.Королев и около часа беседовали с космонавтами. Ужинали вместе с Королевым и Яздовским. Николаев с аппетитом поужинал, а Быковский съел даже два ужина. Королев рассказал о «Союзе», о 16— и 75-тонном космических кораблях, идеи создания которых уже вынашивает ОКБ-1. Сергей Павлович был очень доволен встречей, сидел с нами больше часа и ушел с хорошим настроением, а это не часто бывает в последнее время…

На небе почти полная луна, дует прохладный ветерок, прекрасный вечер обещает на завтра отличный день. Хотя на стартах и бывают происшествия с ракетами, я твердо верю, что техника нас не подведет, но в человеческих

возможностях у меня такой уверенности нет. Королев посоветовал мне не держать у ракеты одновременно Гагарина и Титова и несколько сократить переговоры с космонавтами на Земле. Сергей Павлович держится бодро и верит в успех первого группового полета. Он очень много работает и не бережет свои силы. В августе предстоят еще три пуска на Венеру, а в октябре — на Луну и Марс. Королев высказал пожелание побывать за границей, хотя бы в Чехословакии. Он болезненно переживает свою бессмысленную изоляцию, зная, что за границей им интересуются, и многое о нем уже известно.

12 августа. Тюра-Там. 2-я площадка. Домик космонавтов.

»Отгремели» еще два исторических дня. Вчера Николаев, а сегодня Попович взмыли в космос — впервые в мире сразу два пилотируемых корабля бороздят околоземное космическое пространство. Сейчас 9 часов вечера, наш домик опустел. Двое из его жильцов — в космосе, двое дежурят на командном пункте, а трое отдыхают после дежурства. Полчаса назад я, очень уставший, прямо с дежурства заехал сюда. Попытаюсь, насколько это возможно в моем состоянии (40 часов без сна, на 35-градусной жаре и в предельном нервном напряжении), описать последовательно оба дня пуска.

11 августа я проснулся без четверти шесть - мне показалось, что доктор Никитин слишком шумит, рискуя разбудить ребят. Я встал, вышел в коридор и у двери комнаты космонавтов почти столкнулся с Сергеем Павловичем: он пришел взглянуть, как спят Николаев и Быковский. Приоткрыв дверь в их комнату и убедившись, что они еще крепко спят, он умчался на старт к ракете. За последние дни я убедился, что Сергей Павлович совершенно не жалеет себя и работает с большой перегрузкой и в очень тяжелых условиях. Среди его ближайших помощников много прекрасных людей и специалистов (Бушуев, Феоктистов, Раушенбах, Фролов, Шабаров и другие), но нет ни одного хорошего организатора, и поэтому ему лично приходится решать тысячи мелких вопросов.

В 7:30 на старте, в новом помещении по соседству с бункером, состоялось заседание Госкомиссии по пуску. Первым о готовности носителя и «Востока-3» доложил инженер-полковник Кириллов. Затем все главные конструкторы (Бармин, Косберг, Исаев, Гусев, Алексеев, Кузнецов, Воронин, Ткачев, Богомолов и другие) и последним Королев коротко доложили: «Все проверено, в надежности работы систем - уверены».

Все члены Госкомиссии подписали задание на полет. Комиссия заслушала и приняла к сведению доклад метеоролога (антициклон, ясно, скорость ветра 6-7 метров в секунду) и доклад Яздовского о состоянии космонавта. Когда после заседания Госкомиссии я вернулся в домик космонавтов, Николаев и Быковский уже встали. После завтрака мы, по старому русскому обычаю, на минутку присели, пожелали Андрияну успешного полета и благополучного возвращения. Карпов точно по расписанию в 8:50 усадил Николаева и Быковского в «Волгу» и повез их в МИК. Процедура медосмотра и надевания скафандров была выполнена без замечаний. Посмотреть всю процедуру одевания космонавтов приезжали Смирнов, Королев и Руденко. Убедившись в отличных медицинских показаниях Николаева и нормальном ходе облачения его в скафандр, я вместе с Гагариным и Титовым поехал на старт. Наши отношения с Королевым в эти предстартовые часы и минуты были вполне нормальными. Мы заключили неподписанный мир ради большой и ответственной цели: одновременного полета двух кораблей, и дружно работали рядом (в 10 метрах от ракеты расположен небольшой бетонированный козырек — здесь КП Королева и все средства связи). На КП только Королев, Гагарин, Смирнов, Бармин, Кириллов и я. На мне лежала вся ответственность за предстартовую подготовку космонавта и за связь с ним.

В 11:30 подъехал специальный автобус с двумя космонавтами, одетыми в скафандры. Николаев с помощью Карпова вышел из автобуса и доложил Смирнову: «Товарищ председатель Государственной комиссии, космонавт Николаев к полету готов». Смирнов, Королев, Келдыш и Руденко поцеловались с Николаевым, желающих целоваться было еще больше десятка, пришлось их немного потеснить. Николаев поднялся к лифту и, обернувшись к присутствующим, поблагодарил всех за подготовку к полету. На минуту голос у него дрогнул, и последние его слова мало кто разобрал — дверь закрылась, и лифт медленно пополз вверх к «Востоку-3»…

13 августа.

Слушали переговоры по КВ Николаева с Поповичем. Сейчас я дежурю на КП, на часах 7:30 по московскому времени. Полет проходит нормально: Николаев пошел на 31-й, а Попович - на 16-й виток. Николаев проснулся сам в 4:40, а Поповича разбудили в 4:53, семичасовой сон космонавтов был хорошим.

Вчера я так сильно устал, что не смог закончить записи за 11 августа, — попробую сейчас дополнить их. Перед стартом Николаев больше, чем положено, затратил времени на осмотр оборудования кабины и проверку агрегатов. Зная его олимпийское спокойствие и методичность в работе, я не мешал ему навязыванием радиопереговоров, но Королев нетерпеливо ждал связи и за 10 минут до программного установления связи потребовал от Быкова — заместителя Главного конструктора Гусева — объяснений, почему нет связи с космонавтом. Я объяснил Сергею Павловичу, что Николаев занят проверкой оборудования и через 8 минут выйдет на связь, как положено. Королев удовлетворился объяснениями. Точно в положенное время мы услышали голос Николаева. Он доложил: «Проверку оборудования кабины и средств связи закончил; температура в кабине — 26 градусов, влажность — 50 процентов, к полету готов, самочувствие отличное». В первых радиопереговорах Андриян немного спешил, но после напоминания — не торопиться — его дикция стала лучше. Радиопереговоры с Николаевым вел, в основном, Гагарин, кроме него говорили Королев, Смирнов и я…

Сейчас 22:30, я только что добрался до домика космонавта. Было бурное заседание Госкомиссии и еще более бурное совещание у Смирнова. На Госкомиссии обсуждался вопрос о возможностях продления полета на срок более трех суток по техническому состоянию кораблей и по физическому состоянию космонавтов. На «Востоке-3» беспокоило понижение температуры до 13 градусов. При старте температура была 27 градусов, но за 29 витков полета она снизилась до 13 градусов и держалась такой до 36 витка. Николаев доложил, что он намеренно поддерживает такую низкую температуру. По техническому состоянию корабля «Восток-3» было отмечено, что в течение десяти ночных витков не работал бортовой «Трал», и не записывались телеметрические данные. Решили, что по техническому состоянию кораблей можно продлить полет и на четвертые сутки. У меня нет никаких сомнений в технике — она выдержит и обеспечит и более длительный полет. Вопрос в том, как такое решение может отразиться на здоровье космонавтов. Яздовский, Парин и Королев твердо высказались за полет на четверо суток. После них выступили Богомолов, Воронин, Кузнецов, Пилюгин, Алексеев и другие главные конструкторы. Все они поддержали

Королева.

Я выступил против продления полета на 4-е сутки, хотя и признал, что прогнозы врачей и космонавтов по влиянию невесомости на организм человека, основанные на суточном полете Титова, оказались неправильными: Николаев и Попович чувствуют себя хорошо. Есть полная уверенность, что трехсуточные полеты будут выполнены успешно, но не надо забывать, что вход в атмосферу и спуск с парашютом потребуют максимального напряжения от космонавтов (по прогнозу в районе приземления будет ветер с порывами до 15-18 метров в секунду). Космонавты должны иметь достаточно сил, чтобы благополучно закончить полет. Продление полета еще на одни сутки — цель желательная, но она не может оправдать риска потерять или покалечить ослабленного космонавта.

Все присутствующие очень внимательно меня выслушали. Королев и Смирнов сказали, что мотивы, высказанные мной, заслуживают внимания и их нужно обсудить. После меня выступали Келдыш, Титов, Гагарин и Руденко. Все они высказались примерно в таком духе: «Я — за, но…» Руденко и Королев устроили перепалку: Смирнов сказал, что и того и другого нужно бы ударить булавой, но ее нет в его распоряжении. Решили поручить Королеву, Каманину и Гагарину переговорить с Николаевым, узнать его состояние, намерения и потом доложить Смирнову согласованное предложение. Всей комиссией пошли вызывать на связь «Сокола». Николаев не все понял из наших вопросов, но главное он уловил и сразу же доложил: «Чувствую себя отлично, могу продолжить полет еще на одни сутки». Мы пытались узнать, не устал ли он, но на этот прямой вопрос он не ответил и ушел из зоны слышимости. Через две минуты мы установили связь с «Беркутом» и дали ему задание спросить «Сокола» об усталости. Попович, если судить по голосу, чувствует себя хорошо, а Николаев — утомлен.

Полчаса назад заходил Сергей Павлович — он очень недоволен поведением Руденко, похвалил меня за прямоту и откровенность, сказав, что для него мое выступление самое ценное, а все остальное — болтовня. Я еще раз посоветовал ему подумать и не перетягивать очень уж напряженные струны. Договорились, что завтра в 7 утра соберемся и окончательно решим, когда заканчивать полет Николаева. В знак восстановления наших хороших отношений Сергей Павлович забежал в свой домик и подарил мне бутылку холодного пива. Пиво я выпил с большим удовольствием. В два часа ночи я должен быть на КП, сейчас уже 23:50. Четвертую ночь подряд сплю меньше 3-4 часов. Давно я так не уставал — чертовски хочется спать, но хочется и побольше записать об этих исторических событиях.

14 августа. Домик космонавта.

13:30 по местному времени, опять я один. В комнате необычная тишина, а за окном слышны резкие порывы ветра. С 2 до 8 часов я дежурил на КП. Николаев и Попович сегодня проснулись около 4:00 по московскому времени. Через Хабаровск по КВ передали доклад Николаева: «Спал хорошо, просыпался один раз. Самочувствие прекрасное, продолжаю полет по программе. Температура — 12 градусов, давление — 1,1, влажность — 70 процентов, все другие параметры кабины в норме». Аналогичное сообщение поступило и от Поповича. В 7 часов утра началось заседание Госкомиссии, на котором единогласно решили сажать оба корабля 15 августа: «Восток-3» на 65-м витке, а «Восток-4» — на 49-м. Я не возражал против продления полета Николаева еще на одни сутки по следующим мотивам: он вчера сам дал согласие на продление полета; его самочувствие отличное, некоторая вчерашняя усталость снижена хорошим сном; сегодня очень сильный ветер в районе приземления — до 20 метров в секунду.

Члены комиссии поручили мне передать Николаеву через Елизово: «Ваш доклад получили. Желаем вам успеха. Полет «Соколу» продлен на одни сутки, посадка будет произведена на 65-м витке». Николаев телеграмму принял и ответил: «Благодарю, все ясно». Долго совещались о порядке работы с космонавтами после их приземления. Москва уже планирует встречу «Сокола» и «Беркута» на субботу — 18 августа. Наши планы о трехсуточном медосмотре космонавтов и обстоятельном разборе полета на Госкомиссии, по-видимому, будут скомканы. Пока предполагается посадка в районе Караганды, доставка космонавтов в Куйбышев и вылет в Москву из Куйбышева после проведения медосмотра и заседания Госкомиссии.

Сейчас 15:00 по местному времени, я немного отдохнул и пообедал, до очередного заседания комиссии еще два часа, а до дежурства на КП — пять часов. Попытаюсь продолжить заметки о старте Николаева.

…Николаев долго и обстоятельно усаживался в корабле, внимательно проверил всю аппаратуру и только после этого вышел на радиосвязь с КП. Подготовка ракеты и корабля к старту шла ритмично и размеренно, все операции выполнялись точно по графику. После объявления двадцатиминутной готовности я передал Николаеву, что мы с Гагариным переходим в бункер и через 2-3 минуты будем вести связь оттуда. Гагарин был в бункере первый раз, я — второй (не считая посещений бункера в учебных целях). Установив связь с Николаевым и предупредив его о необходимости надеть перчатки и закрыть гермошлем, я передал микрофон Гагарину. Через 2-3 минуты в рубке появился Королев, боевой расчет замер — слышались лишь короткие четкие команды и доклады исполнителей. Кроме Королева, Гагарина и меня в рубке были Келдыш, Пилюгин, Шабаров и полковник Кириллов. Командовал пуском Кириллов. В эти томительные минуты ожидания старта больше всех волновался Сергей Павлович: он лучше всех знал и достоинства и недостатки своего детища. Он весь был - воплощение напряженного внимания, в руках держал телефонную трубку с красной полоской, чтобы в случае аварии успеть вовремя прокричать, как он говорит, «петушиные слова» — условную команду на катапультирование космонавта. После команды «Старт» и начала отсчета секунд: 10, 20, 30… 100, 110, 120… 500… 600… все ждали отсчета 687… Нормальная работа всех агрегатов ракеты до 687-й секунды означала выход третьей ступени и корабля на орбиту. На 720-й секунде произошло отделение корабля от носителя и «Восток-3», расправив свои антенны, возвестил миру о новой большой победе советского народа на пути освоения космоса. Через 2 часа после старта, когда были уточнены данные орбиты, «Востока-3», мы доложили о полете Хрущеву, Козлову и Устинову. Из разговора с Козловым мы все поняли, что Николаеву присвоено звание подполковника, но услышав наши дружные аплодисменты, он стал уточнять решение и через несколько минут передал, что Николаеву присвоено звание майора.

Подготовка к старту и пуск «Востока-4» мало чем отличались от подготовки и пуска «Востока-3», только все работали в еще более жестких условиях по времени, и на лицах каждого было больше признаков переутомления. Можно гордиться высокой точностью стартов по времени: за трое суток до пусков было принято решение: старт Николаева — 11 августа в 11:30 по московскому времени, старт Поповича — 12 августа в 11:08, и назначенные сроки пусков были выдержаны с точностью до 0,5 секунды.

15 августа. Борт самолета Ил-14 — Оренбург.

Через два часа после получения достоверных сведений о благополучной посадке Николаева и Поповича я с группой товарищей (Яздовский, Гагарин, Горегляд, Парин и другие) вылетел в Куйбышев, чтобы организовать там встречу и размещение космонавтов, прилетающих туда на Ил-18 из Сары-Шаган. На аэродроме Тюра-Там оперативный дежурный неожиданно доложил: «В Куйбышев лететь нельзя, там сильная гроза». Мы все же взлетели, надеясь, что гроза пройдет за время нашего полета до Актюбинска, но, к сожалению, грозовой фронт оказался настолько мощным, что нам пришлось сесть в Актюбинске. Ознакомившись с метеообстановкой и переговорив с КП ВВС Куйбышева, я решил лететь в Оренбург.

Сегодня большой день не только для нас - советских людей, — но и для всего мира: после четырехсуточного космического полета майор Николаев произвел отличную посадку, а через шесть минут недалеко от него приземлился после трехсуточного полета подполковник Попович. Для меня это был день напряженной борьбы, предельного нервного напряжения и большой победы. Позже я обязательно восстановлю подробнее весь ход подготовки к посадке двух космических кораблей.

Сегодня моей внучке Оленьке исполнилось три года. Я уже две недели не видел ее и очень скучаю — хотелось из Куйбышева позвонить в Москву и поздравить своих с днем рождения Оли. Правда, позвонить можно и из Оренбурга, но это потребует много времени, а мне так хочется спать, что я чувствую, как иногда меня покачивает…

В Оренбурге мы все разместились на ночь в профилактории летного состава истребительного училища. На аэродроме нас встретили руководители училища, накормили хорошим ужином и привезли сюда на отдых. Надо бы продолжить записи в дневнике, но нет ни сил, ни настроения. На завтра, на 5 часов по московскому времени, я назначил вылет в Куйбышев; не позже 3:30 придется подниматься, так что больше 5-6 часов не поспишь. Иду спать…

16 августа.

Всю ночь была гроза и шел дождь — прогноз и запрещение полета в Куйбышев полностью оправдались. Проснулся в 2 часа и спать уже больше не мог. Поднял всех наших, готовимся к отъезду на аэродром. Гагарину я вчера разрешил ночевать у родственников — в семье сестры его жены, и он приедет прямо на аэродром. Кстати, вчера перед вылетом из Тюра-Тама на самолет опоздали полковники Азбиевич и Смирнов. Когда самолет уже выруливал, они подъехали на газике и замахали руками. Гагарин и другие просили взять опоздавших, но я решил хорошенько их проучить, особенно Азбиевича, которому я уже я десятки раз указывал на его неорганизованность.

По размокшим и грязным дорогам с трудом добрались до аэродрома. На аэродроме нет ВПП, взлетали прямо с грунта. В районе Оренбурга погода плохая, продолжается дождь, видимость плохая, но штурман доложил об улучшении погоды в Куйбышеве. Перед взлетом начальник летного училища сообщил мне, что ему приказали подготовиться к приему самолета Ил-18 с Николаевым и Поповичем в Оренбурге. Я подтвердил необходимость готовиться к приему самолета с космонавтами на случай ухудшения погоды в Куйбышеве.

В 8:30 произвели посадку на аэродроме Кряж. Нас встретили командующий ВВС округа генерал-лейтенант Цедрик, генерал-лейтенант Шевченко, секретари обкома. Прямо с аэродрома поехали к первому секретарю обкома А.С.Мурысеву. Со мной были Гагарин, Горегляд и Яздовский, всех остальных направили для размещения в военный санаторий.

В 9:40 на самолете Ил-18 прилетели из Сары-Шагана Николаев и Попович. Я поднялся в салон самолета и крепко их поцеловал. Оба выглядят отлично, и я сказал им, что не ожидал увидеть их такими бодрыми.

На нескольких обкомовских машинах быстро домчались до обкомовской дачи. Целая орава врачей во главе с Яздовским набросилась на ребят и будет исследовать их состояние до 18 августа. Прежде чем передать ребят в руки врачей, я пригласил Гагарина, Титова, Николаева, Поповича и договорился с ними о форме доклада на Госкомиссии и о выводах из анализа полета. Главные выводы: человек может сохранять хорошую работоспособность в длительном космическом полете; главное «действующее лицо» в космосе — человек, а не автоматы; необходимо построить в 1963 году 5-10 «Востоков», чтобы чаще летать в космос; надо существенно усовершенствовать аппаратуру наблюдения.

В 16:40 на заводском аэродроме мы с руководством области и округа встречали самолет Ан-10, на котором прилетели члены Госкомиссии. В 17:30 на обкомовской даче состоялось заседание Госкомиссии с заслушиванием отчетов Николаева и Поповича. Отчеты были записаны на пленку, кроме того, основное содержание отчетов я записал сам (ниже даны лишь некоторые фрагменты докладов Николаева и Поповича).

Доклад Николаева: «Отрыв ракеты плавный, перегрузки нарастают плавно, вибрации небольшие, но они усиливаются в конце работы 2-й ступени носителя. Максимальные перегрузки достигали 6-7 единиц. Отделение ступеней заметно по спаду перегрузок. Слышно окончание работы 3-й ступени и отделение (толчком) от носителя. Наблюдение за Землей не состоялось, и было обидно, что полет начал с невыполнения упражнения. Провел ориентацию, выполнение которой усложнилось тем, что я в кресле сидел выше нормального… За 15 минут до старта Поповича я сориентировал корабль, и в 11:03 угол наклона корабля составил 73 градуса. Смотрел, но взлета корабля не видел… Связь с «Зарей» в течение первых суток полета была плохой (много шумов, сильные помехи), на 4-м витке я половину разговора с Хрущевым не слышал, но в течение 2-х, 3-х и 4-х суток полета связь была уже лучше… С «Глобусом» работать легко и полезно (спасибо Даревскому). Производил 4 отвязывания, первое — очень осторожно, - после освобождения тянет вверх и вперед. Передвижение легкое, в отвязанном положении вел связь и киносъемку. Координация движений хорошая, «плавать» приятно… Выполнял физические упражнения, делать можно все, но мало пространства. После выполнения физических упражнений самочувствие бодрое. На четвертые сутки резко поворачивал голову влево и вправо - ничего плохого. За все время полета неприятных ощущений не было. Тренировки вестибулярного аппарата были очень полезны…

Пролетая над Турцией, видел аэродром, отлично видны ночью города и ВПП. Видел много морских кораблей, на побережье видны дороги и пирсы… При включении ТДУ ощущался толчок и была слышна в течение 42-х секунд ее работа. В плотных слоях атмосферы корабль вращался с разными угловыми скоростями. Перегрузки порядка 8-9 единиц я переносил лучше, чем на Земле. В районе посадки оказалось много камней, но я приземлился на ровную площадку 2х2 метра…»

Доклад Поповича: «Задание выполнил, готов снова лететь. Следует несколько сократить медицинский осмотр перед стартом. На старте связь иногда пропадала… Провел ориентацию в тени Земли. Очень хорошо виден «бег»

Земли, особенно при редкой облачности. Ориентировать корабль по звездам и земным целям можно, если расширить возможности ручной ориентации… УКВ-режим не нужно включать автоматически (очень много шума до начала связи). Когда сам включаешь УКВ, шума меньше. Связь с «Соколом» была очень хорошей, особенно за экватором… Все медицинские тесты и вестибулярные пробы выполнял. При резком движении головой вперед и назад ощущались некоторые ненормальности. Пульс в космосе был 54-60 ударов в минуту, полный и ритмичный. Сон хороший — за ночь просыпался один раз. На ночь выключал вентилятор скафандра… Катапультирование было плавное. После открытия основного парашюта зачековал запасной, как и Николаев. Через 20 минут появился поисковый самолет. Отстрела антенн НАЗа не было (как и у Николаева)…»

После заседания вся комиссия собиралась улететь в Москву, но там испортилась погода, и вылет отложили до утра. Сейчас 23:15, вся компания вместе с областными руководителями уже изрядно напилась. Я посидел с ними минут тридцать и, почувствовав отвращение к этой братии, ушел к себе в комнату. Карпову я поручил увести Николаева и Поповича — им время спать.

17 августа. Куйбышев.

Вчера пьяные разговоры и поцелуи продолжались до двух часов ночи. Попович и Николаев легли спать около полуночи, а Гагарин, Титов и другие ребята еще долго общались с захмелевшей «руководящей» компанией. Королев и Келдыш пили мало и раньше других ушли спать. Смирнов и Мурысев »гуляли» дольше других, им «помогал» Горегляд. Правда, Смирнов держался хорошо.

Сегодня я проснулся в 6 утра — все еще крепко спали, — через несколько минут появились Смирнов и Руденко. В 9 часов все члены Госкомиссии на самолете Ан-10 вылетели в Москву. Председатель Куйбышевского совнархоза Литвинов просил меня организовать встречу рабочих 1-го и 18-го куйбышевских заводов с Гагариным и Титовым. Гагарин и Титов с генералом Гореглядом уже уехали на завод, а мне приходится отбивать дерзкие атаки представителей прессы, кино, радио и телевидения. Из-за вчерашнего нарушения режима Николаев и Попович сегодня спали хуже, чем в космосе. Все специалисты-врачи доложили, что общее их состояние хорошее, но есть признаки небольшого утомления.

Сейчас 21:00, все улетели в Москву -на даче остались только Николаев, Попович, доктор Никитин, подполковник Титов С.М. и я. Перед вылетом группы Горегляда все космонавты, врачи и другие офицеры ВВС отобедали вместе с областными руководителями. Председатель облисполкома Дегтярев и генерал Горегляд «перебрали» лишнего и вели себя плохо. Я увидел Горегляда в тот момент, когда он в комнате отдыха отчитывал Николаева за нескромность. Николаев очень скромный человек, и только Горегляду могла померещиться его «нескромность», выразившаяся в том, что он попросил направить в Москву на встречу космонавтов мужа своей сестры Ильина, находящегося в Чебоксарах. Руденко из Москвы приказал Цедрику доставить Ильина в Куйбышев, а из Куйбышева на Ил-18 — в Москву. Это распоряжение Руденко нельзя считать разумным: задерживать на 8 часов вылет пяти космонавтов и большой группы офицеров из-за одного человека едва ли целесообразно. Вместо того, чтобы исправить ошибку Руденко, Горегляд не нашел ничего более умного, как совершенно незаслуженно обидеть Николаева. Пришлось резко оборвать эту пьяную и неумную выходку Горегляда.

Перед обедом мы (Гагарин, Титов, Карпов, Яздовский, я и другие) на трех катерах совершили замечательную поездку по Волге, а после обеда повторили эту прогулку для Николаева и Поповича. Люди на берегу, рыбаки и пассажиры судов немедленно узнавали новых героев космоса и горячо их приветствовали. Вся четверка побывавших в космосе — Гагарин, Титов, Николаев и Попович — подписала вместе со мной приветствие моей внучке Оленьке в день ее рождения — 15 августа. После прогулки занимался с Николаевым и Поповичем — готовил их к рапорту Хрущеву. Вместе с ними просмотрел и поправил тексты их речей на Красной площади.

18 августа.

Сегодня страна празднует День авиации, и по счастливому совпадению Москва в этот день встречает Николаева и Поповича. Встреча назначена на 14 часов, на самолете Ил-18 мы будем взлетать в 11:50. Сейчас 6 часов утра, ребята еще спят, и у меня есть время, чтобы хоть как-то отразить в дневнике все то, что происходило на заседаниях Госкомиссии перед посадкой «Сокола» и «Беркута».

14 августа в 17:00 на Госкомиссии обсуждался вопрос о продлении полета Поповича на четвертые сутки. Перед заседанием Смирнов и Королев разговаривали с Н.С.Хрущевым и Ф.Р.Козловым. Хрущев высказал мысль, что если по технике корабля и по состоянию здоровья Поповича нет никаких замечаний, то почему мы будем его обижать, — нужно запросить Поповича и, если он желает и может летать больше трех суток, разрешить ему продолжить полет на четвертые сутки. Руденко переговорил с маршалом Гречко, который также поддержал это предложение. Таким образом, когда перед заседанием Госкомиссии мы собрались в узком кругу (Смирнов, Королев, Келдыш, Руденко, Пилюгин и я), все мои партнеры по переговорам, кроме Королева, заняли твердую позицию — продолжить полет Поповича на четвертые сутки. Сергей Павлович занял двойственную позицию: «Задание полностью выполнено, мы уже продлили полет до четырех суток Николаеву, пойдя на это с некоторым риском. Для прекращения полета Поповича нет технических и медицинских причин, но я не вижу большой цели в продлении полета, хотя и не буду голосовать против такого решения».

Я высказался твердо против продления по следующим мотивам:

1. Условия посадки Поповича на 65-м витке будут неблагоприятны по местности и метеоусловиям во всех трех заданных районах.

2. Попович ведет себя в полете излишне активно, он не экономит свои силы, как это делает Николаев, — есть основания опасаться, что Поповича «не хватит» на четвертые сутки полета.

3. В корабле Поповича температура 12-11 градусов и имеет тенденцию понижаться, влажность в корабле также снижается к нижнему пределу — малая влажность и низкая температура могут затруднить обеспечение космонавта кислородом.

Все очень внимательно меня выслушали, но не согласились с моими доводами. На заседании Госкомиссии все (Келдыш, Смирнов, Руденко, Пилюгин, Богомолов, Воронин и другие) единодушно высказывались за продление полета Поповича. Пришлось выступить против всех и повторно изложить свою позицию в этом вопросе. Я сказал: «Вчера мы продлили полет Николаеву, и теперь он будет совершать посадку в трудных условиях — на каменистый грунт и при

сильном ветре. Если была цель в продлении полета Николаева, то в данном случае такой цели нет. Следует учитывать и то, что состояние техники и космонавта на «Востоке-3» значительно лучше, чем на «Востоке-4». Меня поддержали Гагарин, Бушуев, Феоктистов, Белоусов, после чего многие заколебались. Решили полет Поповичу продлить, если он выскажет такое желание. Комиссия поручила Королеву, мне и Гагарину провести переговоры с Поповичем и всем составом тронулась за нами на КП, чтобы услышать решение «Беркута». На вопрос Королева: «Беркут», как вы себя чувствуете? Ваш полет подходит к концу, каковы Ваши планы?» Попович немедленно ответил, что он планирует садиться на 65-м витке, поскольку самочувствие у него превосходное — «перьвий сорт» (любимое выражение Королева). После такого ответа комиссия подтвердила свое решение. Смирнов связался по телефону с Козловым и Хрущевым и доложил им о принятом решении и о том, что против него высказались Каманин, Гагарин и еще несколько человек. Хрущев, убедившись, что Попович за продление полета, дал свое согласие на то, чтобы продолжить полет.

Всю ночь с 14 на 15 августа я был на командном пункте, изучал метеообстановку и условия посадки во всех трех районах приземления, консультировался со специалистами и врачами по состоянию здоровья Поповича и разбирался с Ворониным, к чему может привести дальнейшее падение температуры и влажности. В 7 часов утра Госкомиссия снова собралась на заседание. К этому времени к нам начали поступать тревожные сведения. Температура в корабле «Восток-4» понизилась до +10 градусов - нижнего предела нормы, влажность снизилась до 35 процентов. Попович, проснувшись в 4 часа утра, доложил, что самочувствие у него отличное, но падение температуры и влажности начинают его беспокоить. Он сообщил: «Температура и влажность продолжают снижаться, мною приняты все необходимые меры, но падение продолжается». Всем стало ясно, что нормальное обеспечение кислородом Поповича находится под угрозой. Келдыш, я, Руденко высказались за немедленную посадку «Востока-4» на своей территории (как раз подходил 49-й расчетный для посадки виток), но Смирнов и другие еще упорствовали. В это время принесли радиограмму от Поповича: «Наблюдаю грозу»…

«Гроза» — это условный код, означающий рвоту. Вся комиссия заволновалась, все стали требовать немедленной посадки. В нашем распоряжении для принятия решения было 4О минут. Смирнов и Королев решили еще раз запросить Поповича о его самочувствии и получили такой ответ: «Чувствую себя отлично, наблюдал метеорологическую грозу и молнию». У меня и у Гагарина возникли сомнения в правдивости последней радиограммы Поповича. Возможно, он испытал небольшой приступ тошноты, который быстро прошел, и он, устыдившись своей минутной слабости и поспешности сообщения о «грозе» (по инструкции докладывать о «грозе» космонавт обязан немедленно), забил отбой. Выяснить, какую грозу наблюдал Попович, будет нелегко, но выяснять будем обязательно.

…В 11:35 на Ил-18 вылетели из Куйбышева в Москву, кроме меня и космонавтов в самолете: доктор Никитин, особист Титов и около дюжины представителей прессы и кино (Романов, Денисов, Борзенко, Остроумов, Мельников, Песков, Гасюк, Афанасьев и другие). Ребята сегодня хорошо выспались, до завтрака я с ними по два раза прорепетировал рапорты Хрущеву и их выступления на Красной площади. Попович читает текст хорошо, а Николаев запинается на некоторых трудных словах -пришлось слов пять выбросить, а некоторые фразы укоротить. Завтракали небольшой компанией: председатель облисполкома, два секретаря обкома, командующий округом, Николаев, Попович и я. После завтрака Мурысев вручил Николаеву и Поповичу подарки. Поблагодарив за теплую встречу, подарки и гостеприимство, ребята вручили руководителям области фотографии четверки космонавтов с автографами. После взлета я разрешил прессе с полчаса «поиздеваться» над «небесными братьями», а затем увел их в салон и категорически запретил приставать к ним. В Куйбышеве с утра был дождь, но перед вылетом погода улучшилась. В Москве обещают приличную погоду.

19 августа. Москва.

Вчера в самолете я еще несколько раз прослушал рапорты Николаева и Поповича Хрущеву и их выступления на Красной площади. В 13:20 к нашему самолету подстроились семь истребителей — почетный эскорт, в сопровождении которого мы несколько раз прошли над различными районами Москвы. На улицах и площадях было очень много народу. Ровно в 14 часов открылась дверь нашего самолета, и ребята пошли на новое испытание. Николаев признался, что встреча, рапорт и выступления волнуют его больше, чем полет в космос. Я остался в самолете и не пожалел об этом; через иллюминатор самолета весь процесс встречи был виден лучше, чем с любого места на земле. С рапортами Хрущеву ребята справились хорошо. Никита Сергеевич, а за ним все члены президиума ЦК и родственники космонавтов обнимали и целовали Николаева и Поповича; пионеры преподнесли им цветы. Потом Хрущев, Николаев и Попович, отвечая на приветствия собравшихся, прошлись вдоль ограды. В первую открытую машину, обвитую гирляндами цветов, сели Николаев и Попович с родителями, Мариной и Наташей (жена и дочь Поповича — Ред.) . Во вторую машину сели Хрущев, Жак Дюкло и другие иностранные товарищи. Хрущев только что прилетел из Крыма, и с ним, по-видимому, прилетели отдыхающие у нас иностранцы. После того, как первые правительственные машины уехали, я вышел из самолета. Меня встречали Муся и Оленька. Встречу с женой и внучкой я не променял бы ни на какую другую самую «высокую» встречу. С аэродрома мы направились прямо домой. Когда мы подъехали к Малому Каменному мосту, митинг на Красной площади уже начался; все улицы и мосты были забиты демонстрантами — пришлось сойти с машины и добираться до дому пешком.

Вечером мы с Мусей пошли на прием в Георгиевский зал Кремля. На приеме были все космонавты с женами, пятерка космонавток, Карпов, Масленников, Яздовский, Волынкин, Горегляд и Аристов. От ВВС были также Руденко, Рытов, Пономарев и Кутасин. Промышленность на приеме была представлена очень широко, а ВВС — ограниченно. В ответ на вручение звезд Героев ребята выступили коротко, но вполне нормально. Выступая на приеме, Хрущев подчеркнул связь космонавтики с авиацией, он сказал: «Не было бы авиации, не было бы и полетов в космос… Авиация хорошо подготовила летчиков-космонавтов, которые блестяще справились с возложенными на них задачами…»

20 августа.

В 8:00 я был уже в Главном штабе ВВС. Только что говорил по «кремлевке» с Николаевым. Ребята вместе с родственниками гостят в правительственных особняках на Воробьевых горах. Минут через сорок Николаев и Попович приедут ко мне, и мы поедем к Сергею Павловичу Королеву. Он хочет поддерживать традицию: после кремлевских торжеств космонавты едут на митинг к строителям космических кораблей и носителей и в торжественной обстановке передают Главному конструктору свои бортжурналы.

В 8:45 на двух «Чайках» приехали Николаев и Попович, и мы отправились к Королеву. Там мы узнали печальную весть. Сергей Павлович заболел, и его отправили в больницу. На митинге было 5-6 тысяч человек. Выступали Николаев, Попович, Гагарин, Титов, Бушуев, Мишин, Келдыш, Смирнов и другие. Митинг по содержанию был хороший, но настроение всем портил непрерывный дождь. Ребята на митинге и в узком кругу (с бокалами) выступали удовлетворительно.

С 16:00 до 18:30 был у Келдыша; при участии Тюлина, Волынкина, Яздовского, Феоктистова и других товарищей готовились к пресс-конференции, которая должна состояться 21 августа. Тексты выступлений Николаева и Поповича почти не требовали исправлений.

21 августа.

К девяти утра Николаев, Попович, Гагарин и Титов приехали ко мне в Главный штаб ВВС. Около двух часов все вместе готовили Николаева и Поповича к пресс-конференции, потом поехали в Академию наук к Келдышу. Была теплая короткая встреча без речей, присутствовали виднейшие ученые страны. В 12 часов в актовом зале МГУ Келдыш открыл пресс-конференцию, выступили Яздовский, Благонравов, Николаев и Попович. Все речи показались мне очень длинными, особенно долго и медленно читал свой доклад Николаев. Ошибок в выступлениях не было, но было бы лучше сделать их покороче, и побольше времени оставить для ответов на вопросы. На все заданные им вопросы Попович и Николаев отвечали хорошо.

Сегодня в полночь мне нужно будет вместе с членами Госкомиссии вылетать на «Зарю», поэтому я решил собраться, помыться, отогнать на дачу автомашину и прямо с дачи ехать на Чкаловский аэродром.

22 августа. Борт самолета Ан-10. Тюра-Там.

До аэродрома добрался с небольшим приключением. В пути я немного подремал и был за это наказан; шофер прозевал поворот с бетонки на Щелково и повез меня к Ярославскому шоссе — пришлось возвращаться назад… Когда я приехал на аэродром, там уже были Келдыш, Рязанский, Кузнецов, Богомолов, Ишлинский, Керимов и другие члены Госкомиссии. Через несколько минут подъехал Смирнов, и точно в 24 часа мы взлетели и взяли курс на восток. С нами на старт летят пять девушек-космонавток, их сопровождают двое Никитиных: врач - подполковник А.В.Никитин и парашютист - полковник Н.К.Никитин.

В 6:10 по местному времени произвели посадку на аэродроме Тюра-Там. Нас встретил генерал Войтенко, с ним мы доехали до десятой площадки. И вот я опять в нулевом (маршальском) корпусе в квартире N 1, где я жил несколько дней перед полетом Николаева и Поповича. Здесь все по-старому, ничего не изменилось, только стало попрохладней и поменьше людей.

Пуск на Венеру перенесен с 22 на 24 августа. Сейчас у меня нет тех больших забот и ответственности, которые были в дни подготовки и полетов Николаева и Поповича. Мне предстоит ознакомиться с автоматической межпланетной станцией, участвовать в заседаниях Госкомиссии, подписывать полетное задание, но все это меня совершенно не волнует. Я не убежден в целесообразности предстоящих пусков. Как и пуски на Венеру в 1960 году, эти пуски будут стоить очень дорого, а их целесообразность и эффективность сомнительны; было бы разумнее в ближайшие 2-3 года все наши усилия сосредоточить на освоении Луны и околоземного космического пространства, а не распылять средства на путях к Венере и Марсу. К тому же еще в 1960 году я довольно основательно ознакомился и с ракетой, и с АМС и при этих пусках едва ли увижу много нового.

Говорил с Аристовым по «ВЧ», просил его через ракетные войска ускорить разрешение на выдачу пропусков космонавткам. Пока они еще не получили пропусков, и мы не можем организовать с ними занятия на носителе, старте, измерительном пункте и на других объектах. У меня сейчас много свободного времени — это непривычно и потому неприятно. Неделю тому назад я едва выкраивал 2-3 часа в сутки на отдых, в Москве также было и осталось очень много работы, а здесь мне практически нечего делать. Придется набраться терпения и выполнять глупый приказ Руденко. Буду надеяться, что 25 августа я выберусь отсюда, а за эти дни познакомлюсь с техникой и расчетами траекторий полета АМС и … отдохну.

23 августа. Тюра-Там.

Вчера на 2-й площадке в здании МИКа состоялось заседание Госкомиссии под председательством Смирнова. О готовности ракеты и АМС доложил инженер-полковник Кириллов, после него выступали главные конструкторы систем — Рязанский, Белоусов, Богомолов, Кузнецов и другие. Черток доложил о полной готовности АМС, а Шабаров подтвердил доклад Кириллова о готовности носителей. Комиссия решила разрешить вывоз ракеты на старт в 5 часов 23 августа и готовить пуск на 6 часов по московскому времени 25 августа. Затем был заслушан доклад полковника Левина о готовности измерительного комплекса и утверждены оперативные группы на старте, в Москве и Симферополе для наблюдения за полетом АМС. После окончания заседания Смирнов, Келдыш, Черток, Кириллов и я наметили план дальнейших работ и рассмотрели варианты и сроки повторных пусков на Венеру. Решили, что утром 25 августа группа членов Госкомиссии вылетит в Евпаторию и примет участие в 10-часовом сеансе связи с АМС. Решили также второй пуск на Венеру провести обязательно 31 августа, если два пуска будут удачными, то третий пуск не проводить. Смирнов и Келдыш согласились с программой занятий космонавток, включающей ознакомление с носителем и АМС, изучение стартовой установки, измерительного пункта, системы связи «Заря» и расчетов вывода АМС на орбиту вокруг Земли и на траекторию полета к Венере.

Сегодня хорошее, солнечное утро, температура не выше 20 градусов, в открытые окна дует прохладный ветерок. Мимо моего окна пробежали космонавтки — они занимаются утренней зарядкой. Вся пятерка: Соловьева, Терешкова, Еркина, Кузнецова и Пономарева сейчас в хорошей спортивной форме. Нога у Еркиной поправилась (у нее было повреждение связок при парашютном прыжке), и она почти ни в чем не отстает от своих подруг. Кто из них полетит первой? Этого не могу сказать даже я, но наиболее вероятными кандидатами будут, по-видимому, Пономарева, Соловьева и Терешкова. Вчера вместе с Никитиным беседовали с ними о продолжительности предстоящего женского полета. Все они считают, что полет должен быть многосуточным («Почему мы должны отставать от ребят?»)…

Только что (около 13:00) вернулся со второй площадки. Из-за неполадок с антенными устройствами АМС стыковка станции с носителем еще не начиналась. Таким образом, вывоз на старт задерживается как минимум на 12 часов. Если не произойдет других длительных задержек, то пуск может состояться в намеченное время — 25 августа в 8 часов.

С 10 до 12 часов девушки в МИКе изучали носитель и знакомились с устройством автоматической межпланетной станции. Все на 2-й площадке проявляют к ним повышенный интерес. В один из перерывов между занятиями с ними побеседовал Келдыш. Беседовал он неумело, робко и стеснялся больше, чем девушки; приходилось очень часто ему помогать. Всем хорош у нас президент Академии наук, но он еще долго не будет «походить» на президента. После занятий в МИКе девушки поехали изучать стартовое оборудование. Здесь занятия с ними проводит инженер Хлебников, со старта они поедут на измерительный пункт. Для руководства их занятиями я оставил полковника Никитина.

Вчера вечером, после того как я ушел спать, с космонавтками беседовал Леонид Васильевич Смирнов. Он сказал, что первый космический полет женщины, продолжительностью до 3 суток, возможен в конце октября этого года. Кроме того, Смирнов пообещал, что он и Королев поддержат ходатайство о постройке в 1963 году еще пяти «Востоков». Я считаю, что полет женщины в конце 1962 года возможен, но, учитывая результаты полетов Николаева и Поповича, было бы правильнее перенести его на март-апрель 1963 года и выполнить совместно с мужчинами на 2-3 кораблях, продолжительностью до трех суток для женщины и до 7-8 суток для мужчин. По моим наблюдениям за эти два дня и с учетом того, что я знаю о космонавтках с февраля этого года, наиболее вероятными кандидатами для полета будут Пономарева, Терешкова и Соловьева. Кузнецова наиболее впечатлительная из всей пятерки, ее характер еще не установился. Еркина недооценивает режим питания: ест много пирожных и шоколада, чаще, чем это необходимо, пьет воду; ее нога после травмы еще недостаточно окрепла. По возвращении в Москву необходимо будет как можно быстрее «пропустить» их через полеты на невесомость и тренировки на центрифуге. По результатам этих испытаний отобрать трех из пяти и только с ними вести специальную подготовку к полету.

…Четыре часа полного отдыха — и это в рабочий день! — такого у меня еще не бывало. После обеда я целый час купался в Сырдарье. Река за последние десять дней еще больше обмелела, но прохладная вода в сравнении с раскаленным воздухом доставляет огромное удовольствие. Сейчас у меня остается часа два свободного времени, хочется записать некоторые мысли о наших перспективах в освоении космоса.

Полет Николаева и Поповича опять резко увеличил разрыв между СССР и США в нашу пользу — это признают даже сами американцы. Но что мы должны делать дальше? Сейчас мы готовим пуски двух АМС на Венеру: первая станция должна сесть на планету, а вторая - облететь ее, сфотографировать и вернуться к Земле. В октябре мы будем производить пуски и в сторону Марса, но пока не ясно, когда состоятся новые полеты космонавтов. Для пилотируемых полетов у нас осталось только два «Востока». Новый корабль «Союз», над которым работает Королев, в 1963 году едва ли будет летать, хотя Королев и обещает, что первый беспилотный «Союз» полетит в мае 1963 года. Полеты космонавтов принесли нашей Родине небывалый триумф, а пуски на Марс и Венеру остались почти незамеченными, хотя каждый из них стоил значительно дороже. К тому же пуски на Марс и Венеру не имеют никакого военного значения. Учитывая все это, было бы целесообразно все наши усилия сосредоточить на дальнейшем развитии пилотируемых полетов, на создании орбитальных станций и освоении Луны.

Я пробовал говорить на эту тему со Смирновым и Келдышем, они оба, как мне показалось, правильно мыслят, но их сковывает багаж ранее принятых планов и одобренных предложений. Они осторожно высказывают свои соображения, но я доволен уже тем, что Королев, Смирнов и Келдыш согласились с точкой зрения ВВС о необходимости построить еще несколько кораблей «Восток». Главный наш противник в этом деле — министр обороны маршал Малиновский. Переубедить его — дело трудное. Перед вылетом из Москвы я узнал, что маршал Гречко вернул наш заказ на строительство десяти «Востоков» с резолюцией «Отложить». Оба маршала тормозят развитие космонавтики, они уверены в своей правоте. Их высокие воинские звания и военная бюрократия мешают близкому общению с ними и лишают нас возможности воздействовать на них. Руднев, Смирнов, Келдыш и Королев лучше понимают военное значение космоса, чем наши самые высокие военные руководители. Обидно за них. По возвращении в Москву нужно будет подготовить письмо Хрущеву за подписью космонавтов. Может быть этот шаг хоть немного расшевелит Генштаб и нашего министра.

24 августа.

7:50 утра, только что закончил физзарядку и искупался в Сырдарье. Кроме меня купающихся не было, только космонавтки, когда я уходил, встретились мне — они дружной стайкой тоже бежали купаться.

Вчера начальник политотдела полигона полковник Пахомов рассказал мне об очень тяжелых жилищных условиях офицеров. Даже здесь, на десятой площадке — «столица» полигона — многие бесквартирные офицеры живут без семей в общежитии. А офицеры боевого ракетного полка более года размещены в палатках, многие из них по 3-5 лет живут в отрыве от семей. Когда 8 офицеров самовольно уехали к семьям, их решили судить судом офицерской чести. На суде ни один офицер не выступил против «дезертиров». Со строительством жилья очень плохо, а Бирюзов, когда приезжал сюда, снял всех рабочих со строительства жилых домов и направил их на объекты. Большое начальство выслуживается за счет подчиненных; вместо того, чтобы доложить о нетерпимых в мирное время условиях жизни военнослужащих, Бирюзов, как и раньше, «втирает очки» министру обороны и правительству…

До обеда был на второй площадке. Ракета уже на старте, подготовка к пуску идет нормально. Капитан Калинин провел полуторачасовые занятия с девушками по баллистическим расчетам полета на Венеру. Привожу наиболее интересные данные этих расчетов. Лучшее время пуска — 20 августа 1962 года плюс-минус месяц, после 7 сентября пуск уже нецелесообразен. Полет до Венеры при пуске в указанное время будет продолжаться от 90 до 120 суток. При пуске 25 августа полет будет продолжаться 109 суток. Для штатной ракеты — «семерки» — подготовлена более мощная третья ступень и совершенно новая четвертая ступень. Ракета-носитель для пусков АМС в общей сложности длиннее на 7 метров, чем при пуске «Востоков». Третья ступень выводит четвертую ступень и АМС на орбиту вокруг Земли; над Средиземным морем включается четвертая ступень, которая разгоняет АМС до 2-й космической скорости с направлением полета на Венеру. В период между 30-70 сутками полета на борт АМС будет выдана команда для включения корректирующего движка (при полете на Венеру проводится одна коррекция, а на Марс — две). После коррекции АМС продолжает полет прямо к Венере со скоростью 8 километров в секунду. При подходе к атмосфере планеты скорость АМС будет около 2 километров в секунду. Спускаемый аппарат должен привенериться на парашютах. Наземный комплекс связи в Евпатории и Симферополе располагает сантиметровой, дециметровой и метровой радиоаппаратурой. Дальняя связь будет осуществляться на дециметровых узконаправленных волнах (необходима высокая точность ориентировки АМС и определения ее местонахождения). Расчетная дальность

наземной и бортовой дециметровой радиоаппаратуры — 500 миллионов километров. В момент встречи АМС с Венерой ее удаление от Земли будет достигать 64 миллионов километров. На борту станции имеется оборудование, которое может сообщить на Землю данные о составе, давлении и температуре атмосферы Венеры. Радиосвязь возможна и после спуска АМС на поверхность Венеры. При входе АМС в атмосферу Венеры и при спуске перегрузки могут достигать 400 единиц — вся аппаратура рассчитана на такие перегрузки. В целях экономии энергии на борту сеансы связи с АМС будут редкими. Первый сеанс связи через 10 часов после старта, а все последующие через 5-10 суток.

С 11 до 12 часов занятия с космонавтками проводил Раушенбах, он рассказал им об основных принципах схемы ручного управления ориентацией корабля и подробно разобрал метод форсированного управления,при котором полный оборот корабля совершается за 12 минут, а также метод, основанный на использовании остаточных угловых скоростей (полный оборот — за два часа). С 12 до 13 часов мы побывали на старте, где я ознакомил девушек со схемой аварийного катапультирования космонавта на старте, рассказал о порядке работы космонавта после его посадки в корабль и о правилах ведения радиосвязи. Я показал им маленькую бетонную будку в 7-8 метрах от ракеты, из которой я и Королев вели все предстартовые переговоры с Гагариным, Николаевым и Поповичем.

25 августа.

6 часов утра, взошло красно-багровое солнце, дует сильный ветер. До пуска остается менее двух часов. Еду на ИП (измерительный пункт — Ред.) , оттуда будет интереснее наблюдать полет ракеты.

Сегодня ночью состоялось заседание Госкомиссии — это первое заседание и первый пуск в отсутствии С.П.Королева. После приема в Кремле он серьезно заболел, и в воскресенье его увезли в больницу. До этого, еще в Куйбышеве, а затем и в Москве, он жаловался на сердце и желудок. Врачи уверяют, что ничего опасного пока нет и через 2-3 недели Сергей Павлович вернется на работу. Будем надеяться на лучший исход, а пока что приходится обходиться без него. На заседании Госкомиссии рассматривались вопросы готовности ракеты, АМС и всех служб обеспечения. Все доложили коротко: «К полету все готово, сомнений в исправности систем и их надежной работе нет».

7:00 по местному времени, до пуска осталось еще 56 минут. Я нахожусь на ИПе; сегодня у меня нет конкретных обязанностей по пуску, после подписания полетного задания я просто наблюдатель. Несколько последних пусков я находился в бункере, но оттуда ничего не видно…

7:45 по московскому времени, борт самолета Ил-14. Только что взлетели и взяли курс на Москву. На борту самолета 15 пассажиров: пять космонавток, двое Никитиных, семь офицеров и служащих полигона.

С веранды ИПа старт и ракета были видны как на ладони. На веранде собралось человек 40: главные конструкторы, члены Госкомиссии, руководство и офицеры полигона, космонавтки. Утро солнечное, но прохладное, а девушки довольно легко одеты. Врач Никитин уговаривает их сойти вниз — там теплее, но видно хуже. Они жмутся друг к другу от холода и все же остаются наверху. Я уже десятки раз наблюдал пуски ракет. Эта ракета значительно тяжелее обычной Р-7, но она, как и штатная «семерка», очень плавно отделяется от старта, постепенно набирает скорость и склоняется на курс полета. Через две минуты уже не видно языков пламени, только узкий инверсионный след некоторое время держится там, где скрылась ракета.

Через 15 минут получили данные о выходе АМС и четвертой ступени на орбиту вокруг Земли. Итак, тяжелый спутник (7 тонн) на орбите, через полтора часа узнаем, как сработает четвертая ступень. От этого теперь зависит, пойдет ли АМС к Венере или останется на несколько дней спутником Земли. Нам нечего уже больше ждать, договорившись о дальнейших работах с Леонидом Васильевичем Смирновым, я сажусь в «Волгу» и отправляюсь на аэродром. Очень хорошо, что пуск прошел отлично и что его наблюдали девушки. Теперь у них будет больше уверенности в надежности и точности пусков ракет.

В Уральске, где мы садились для дозаправки, я узнал о вылете Ан-10 с «Зари» в Крым - это значит, что четвертая ступень сработала нормально и АМС уже пошла на Венеру. Сообщения ТАСС о пуске еще нет, оно будет вечером, после первого сеанса связи с АМС.

26 августа. Дача «Заборье».

Оленька очень радовалась моему возвращению и все говорила: «Зачем ты так много летаешь, ты больше не улетай». Вчера в Москве весь день шел дождь, но к нашему прилету погода несколько улучшилась, появились разрывы в тучах. С воздуха было видно, что все окрестности Москвы обильно залиты водой. Лето 1962 года — самое дождливое на моей памяти, а может быть и за последнюю сотню лет. Ночью опять прошел сильнейший грозовой дождь. Утром мы с Оленькой надели резиновые сапоги и ходили гулять на пруд и в лес; собирали грибы, но их очень мало — нет даже шампиньонов, которых обычно в это время так много на лужайке перед дачей.

Вчера и сегодня я все ждал сообщения ТАСС о запуске АМС на Венеру, но его так и не было. По-видимому, с АМС нет связи, а может быть плохо сработала четвертая ступень. Завтра я узнаю все подробности. Но уже и теперь ясно, что запуск в целом неудачен, хотя отличные результаты вывода на орбиту вокруг Земли тяжелого спутника массой 7 тонн — это все-таки шаг вперед. Правда, такой результат мы уже дважды имели в 1960 году.

27 августа. Москва.

Звонил генералу Карасю. Он сообщил, что с АМС, летящей на Венеру, есть телевизионная связь, но нет радиосвязи. Сообщения ТАСС пока нет, и неясно, будет ли оно вообще. Только что звонил Воскресенский (заместитель Королева по пускам), он болен гипертонией и не присутствовал при стартах Николаева и Поповича, просил передать им привет и просьбу навестить его.

Иосип Броз Тито прислал приглашение всей четверке космонавтов посетить Югославию. Решили послать только Титова. 5 сентября 1962 года Гагарин вылетает в Данию. Других заграничных поездок космонавтов в ближайшее время не планируется. Алексеев сообщил, что три скафандра (для Терешковой, Пономаревой и Соловьевой) он изготовит только к ноябрю этого года. Таким образом, полет женщины в октябре совершенно не реален. Сейчас ЦПК и весь мой аппарат заняты отработкой их докладов и обработкой результатов первого группового полета. Состоялось решение Генштаба об увеличении численности Центра на 145 человек, кроме того, дали еще 89 единиц на организацию

эскадрильи для летной и парашютной подготовки космонавтов. В ближайшие дни нужно будет поработать над штатами Центра и уточнением программы подготовки женщин-космонавтов.

28 августа.

Окончательно выяснил, что АМС не ушла к Венере, а осталась на земной орбите; четвертая ступень не сработала, радиосвязи со станцией нет. 27 июля американцы запустили к Венере АМС «Маринер-2» массой менее 200 килограммов. Ракета при пуске отклонилась от заданного курса, в результате чего АМС пройдет не в 10 тысячах километров от Венеры, а на расстоянии 600 тысяч километров. По сообщениям печати, американцы попытаются скорректировать полет «Маринера-2»: это намек на то, что у них есть двигатели для коррекции курса.

Вчера весь день занимался бумагами, совещаниями и отбивался от корреспондентов и организаций, желающих «заполучить» хотя бы одного космонавта. Убедил Руденко никого не посылать на полигон для участия в пусках на Венеру. Звонил Ивановский (от Устинова) и убедительно просил не добиваться заказа на строительство «Востоков», уверяя, что это минимум на год затормозит готовность «Союза». Маршал Гречко, как я уже писал, также отказался ходатайствовать за нас в этом деле. Сопротивление заказу «Востоков» очень сильное, но все равно нужно ломать это сопротивление, иначе мы рискуем в 1963-1964 годах вообще не иметь полетов космонавтов. Ивановский подтвердил, что женских скафандров раньше конца 1962 года не будет. Пуск двух «Востоков» наиболее вероятен в марте-апреле 1963 года.

Телефоны трещат непрерывно и мешают работать. Хотелось бы сказать пару «теплых слов» и положить трубку, но надо соблюдать вежливость и тысячу раз объяснять, что космонавты очень заняты и не могут удовлетворить и сотой доли заявок на встречи с ними. ТАСС, «Правда», «Известия», «Труд», «Красная звезда», «Огонек», «Крокодил», «Комсомольская правда» и десятки других газет и журналов — все хотят хоть строчку получить от Николаева и Поповича. Сотни организаций хотят видеть у себя космонавтов. ЦК и МИД, Союз обществ дружбы с зарубежными странами и АПН добиваются возможности организовать встречи и приемы с участием «небесных братьев». Я и мои помощники всем даем один ответ: «До 1 сентября они будут в госпитале, с 1 по 6 сентября у них запланированы поездки на родину (Попович — в Киев и Узин, Николаев — в Чебоксары и село Шершеры); а потом на месяц они едут на курорт». Такой ответ никого не устраивает, и кто может, тот жмет на нас через ЦК и маршалов, но мы упорно сопротивляемся и отстаиваем интересы космонавтов — больше заниматься своим делом и поменьше отрываться на встречи, приемы и т.д.

29 августа.

Был у меня генерал-майор авиации Костюк Михаил Николаевич. Он вернулся из США, где несколько лет работал авиационным атташе. Когда мы с Титовым в мае этого года летали и ездили по Америке, нашим постоянным спутником и хорошим гидом был Михаил Николаевич. У меня возникла мысль предложить ему должность начальника Центра подготовки космонавтов. Костюк завтра уезжает на курорт, он обещал обдумать мое предложение и по возвращении дать ответ. Предложение его явно заинтересовало. Но он получает 340 рублей и специальные надбавки - всего 400 рублей, а мы можем ему предложить не больше 240 рублей и штатную категорию генерал-майора, но он хотел бы иметь перспективу получения очередного воинского звания. Костюк очень подходящий кандидат для роли начальника ЦПК, но едва ли Главком сумеет уломать Генштаб и министра - сохранить ему оклад и дать штатную категорию генерал-лейтенанта.

Позвонили от С.П.Королева и передали, что он хотел бы сегодня в 17 часов встретиться с Гагариным, Титовым, Николаевым и Поповичем. Дал задание Карпову собрать всю четверку и навестить Сергея Павловича в больнице.

30 августа.

Вчера звонил генерал-майор авиации Молотков — первый заместитель начальника ГКНИИ ВВС. Он просил иметь в виду его кандидатуру на должность начальника ЦПК ВВС. Молотков толковый генерал, он еще сравнительно молод (ему чуть больше 40), и его кандидатура, пожалуй, одна из наиболее подходящих. Беседовал с генералом Гореглядом, очень серьезно предупредил его об имевших место случаях выпивки в заграничных командировках и в Куйбышеве. Его поведение в Куйбышеве заметили Смирнов и Мурысев, да и я сам был свидетелем его сильного опьянения.

В воскресенье Попович полетит в Киев, а Николаев — в Чебоксары; надо будет завтра выкроить часа два и хорошо подготовить их к предстоящим поездкам и выступлениям. Вчера вся четверка героев-космонавтов посетила Сергея Павловича Королева. Он лежит в Кремлевской больнице на улице Грановского. Состояние здоровья у Сергея Павловича неважное, и раньше, чем через два месяца, едва ли он сможет выйти на работу. Как рассказали ребята, Королев интересовался планами ВВС по заказам «Востоков» и проектами заданий на очередные космические полеты. Он рекомендовал принять «Востоки» на вооружение ВВС, заказать их целую серию и начать силами ВВС регулярные учебные и исследовательские полеты в космос. Королев тысячу раз прав. Я уже год тому назад говорил Вершинину и Малиновскому о необходимости создания в ВВС учебных космических эскадр и оснащения их техникой. По возвращении Главкома из отпуска (3 сентября) попробую еще раз «подогреть» его на активную борьбу за более целеустремленное освоение космоса. Десятки наших официальных предложений в этом направлении пропадают, как в бездонной яме, в недрах канцелярии министра. Я еще лишний раз убедился, что без личного вмешательства Хрущева в космические дела, едва ли будет возможно повести их в желательном для нас направлении, а именно: сконцентрировать управление и сосредоточить все силы и средства на главном — освоении космоса человеком, осуществлении пилотируемых полетов на Луну, создании орбитальных станций. Многие из наших высоких руководителей забывают, что достижения в космосе это — успехи в науке, технике, обороне и потому это — самая большая политика.

Сегодня побывал в издательстве «Молодая гвардия», беседовал с редактором моей книги «Первый гражданин Вселенной» Г.Я.Короткевичем. Замечаний по книге немного, и я обещал рассмотреть их до 3 сентября. Я не в восторге от книги, ее можно было бы написать более интересно и красочно. У меня множество различных материалов, но нет времени для работы над ними, нет времени даже перечитать наспех написанные строчки. Редакция торопит, намереваясь выпустить книгу в сентябре.

31 августа.

Кончается август, кончается лето — можно сказать, что для Москвы в 1962 году оно и не начиналось: непрерывные

дожди, ни одного жаркого дня. Вот и сегодня идет дождь…

Вчера, в конце рабочего дня, у меня был Гагарин и еще раз подробно рассказал о встрече в больнице с Сергеем Павловичем. Королев уверял, что если ВВС примут «Востоки» на вооружение и сами будут проводить их пуски, то он поддержит наше ходатайство о заказе на 1963 год еще 10 «Востоков». Он советовал ребятам решать эти вопросы не через Малиновского, а прямо обращаться к Хрущеву. Королев так же, как и я, не верит, что Вершинин, Гречко, Захаров и Малиновский способны отрешиться от присущей им недооценки космоса и по-настоящему взяться за его военное освоение. Вершинин многое понимает правильно, но он после неоднократных «избиений» не может идти в бой против заскорузлости начальника Генштаба и министра обороны. Я бы мог попытаться «повоевать» против застоя мысли в военной верхушке, но мне не хочется подводить Вершинина — он твердо верит, что я не буду «бунтовать».

1 сентября.

Беседовал вчера с Германом Титовым об учебе в академии и работе в Центре, о его поведении и о предстоящей поездке в Югославию. При встречах со мной Герман обычно высказывает неплохие мысли и признает свои ошибки, но, к сожалению, я слишком хорошо знаю, что он быстро забывает свои обещания и часто делает противоположное тому, о чем сам недавно говорил. В этот раз Герман сказал: «Меня неправильно поняли, я за учебу в академии, только я хотел бы поменьше отрываться от учебы». Целый год руководители Центра твердили: «Титов не хочет учиться в академии», и он действительно не учился. Поговорили мы и о его планах на отпуск. Сначала Герман высказал пожелание вместо поездки на курорт поехать на юг на автомашине, но потом дал согласие вместе с Тамарой поехать в Форос. Такое быстрое изменение решения, по-видимому, объясняется стремлением Титова не быть на отдыхе в одном месте с Гагариными. Сперва Герман не захотел поехать вместе с ними в Гурзуф, мотивируя свой отказ желанием попутешествовать на машине; но когда узнал, что может состояться поездка группы космонавтов в Форос и что в ней не будет Гагариных, он легко отказался от своего первоначального намерения.

Несколько позже в моем кабинете собралась вся четверка летавших космонавтов. Николаев и Попович приехали прямо из госпиталя; они только что закончили пятидневное медицинское обследование. Никаких отклонений в состоянии их здоровья не обнаружено. После того, как мы договорились по всем организационным вопросам, я в присутствии всей четверки доложил о них маршалу Руденко. Все уже отданные мной распоряжения по организации и срокам предстоящих заграничных и внутренних поездок маршал утвердил.

Вернулся из отпуска Вершинин. Сейчас в его кабинете уже больше часа сидят Рытов и Руденко. Один вернулся из отпуска, другой уходит в отпуск — передают дела. Руденко собирается 8 сентября уехать на Кавказ. С удовольствием пожелаю ему попутного ветра, в надежде, что Вершинин в его отсутствие будет меньше говорить и больше делать. За прошедший месяц я изрядно устал от словоизлияний Руденко — они, как правило, не помогают, а мешают делу.

Вчера и сегодня генерал Холодков настойчиво доказывал мне необходимость объединения его организации с Центром подготовки космонавтов. Это предложение в принципе правильное: нужно всю космонавтику объединять под одним руководством, но органически связывать Центр подготовки космонавтов и Центр по разработке и заказам космической техники едва ли целесообразно. Я понимаю Холодкова, ему крайне трудно работать под руководством Пономарева, и уход из-под его начала был бы полезным для дела и приятным для большинства офицеров части Холодкова, не говоря уже о нем самом. Холодков юридически мне не подчинен, но контакты у нас с ним значительно крепче, чем между ним и его непосредственным начальником генерал-полковником Пономаревым.

3 сентября.

Мои орлы разлетелись по родным местам: Гагарин — в Гжатск, Попович — в Узин, а Николаев — в Чебоксары.

Вчера я весь день провел на даче. Ласковое солнце пыталось загладить предыдущие неприятности с дождями. Часов в 15 снова прошел короткий, но очень сильный дождь, наливший воды больше, чем за целый день моросящий дождь. Начал разбирать сплошной деревянный забор, отделяющий наш дачный участок от участка генерала Лешукова, он служил в годы войны главным инженером моего авиакорпуса. «Это первый шаг генералов в коммунизм», — сказал я, шутя, Григорию Петровичу. После того, как я разобрал часть забора, все с удовольствием убедились, что виды с обеих сторон стали красивее, а соседи — ближе друг к другу.

Приходил вчера к нам на дачу Саша Магид (бывший правдист, писатель, ему в декабре этого года исполнится уже 60 лет). Как всегда, он уморил меня потоком «новостей» и самолюбованием. В одном ему можно позавидовать — он очень энергичен, много пишет и много разъезжает по стране.

Сегодня заходил генерал-лейтенант С.Ф.Ушаков, он сейчас временно на должности начальника Главного штаба ВВС. Ушаков просил, чтобы я и Титов завтра были на завтраке, который он дает в честь нового авиационного атташе США в СССР. Эта церемония вызвана тем, что приехавший в США вместо генерала Костюка наш новый авиационный атташе был неожиданно принят начальником штаба ВВС США. Генштаб решил не отставать от американцев и приказал такой же прием оказать их представителю.

Генерал А.Г.Карась сообщил по телефону, что вторая наша попытка запустить АМС на Венеру также закончилась неудачей. Первые три ступени, как и при пуске 25 августа, сработали отлично и вывели четвертую ступень с АМС на околоземную орбиту; но четвертая ступень вновь не сработала, и АМС на несколько дней останется спутником Земли. Итак, две ракеты из трех, предназначенных для пусков на Венеру, не выполнили задания. Мало надежд на отличный результат и при третьем пуске. Я не хочу злорадствовать; неудача Родины — это и моя неудача. Но нельзя не видеть, что эти неудачи закономерны. Я был прав, когда предлагал не увлекаться Марсом и Венерой, а осваивать глубже то, что по плечу современному состоянию нашей космической техники. Путь к планетам лежит через Луну и орбитальные станции. Все попытки стартовать к планетам прямо с Земли в ближайшие 5-10 лет не принесут большого успеха, да и в более далеком будущем успех таких стартов проблематичен. Американцы уже кричат на весь мир о советских неудачных запусках АМС на Венеру: «Наши радары в Турции засекли гигантскую советскую ракету, развалившуюся в космосе на три части, обломки которой сейчас носятся вокруг Земли». В этом сообщении есть доля правды: третья и четвертая ступени действительно при выходе на орбиту разделились; правда и то, что четвертая ступень не смогла послать АМС по направлению к Венере и станция осталась на околоземной орбите. В обоих пусках АМС есть и большая удача — вывод на орбиту спутника весом более семи тонн, и большой провал - отказ четвертой ступени и средств связи. Наша излишняя засекреченность пусков сейчас бьет по нас. В обоих случаях можно было бы сообщить о выводе на орбиту семитонных спутников в экспериментальных целях.

4 сентября.

Вчера в конце рабочего дня был у Вершинина. Мы понимаем друг друга с полуслова. Вот и на этот раз Главком легко согласился с моими предложениями по заказу «Востоков», одобрил проекты новых штатов, кандидатуру генерала Костюка на должность начальника ЦПК и другие организационные мероприятия.

Утром был Гагарин, говорили с ним о его поездке в Данию и последующей поездке всей семьей в Гурзуф. Несколько позже забежал Титов, подробно обсудил с ним предложения космонавтов о том, что в организации занятий в предстартовые дни нужно предоставить больше инициативы командирам космических кораблей.

Днем в кабинете генерал-полковника Брайко принимали нового американского авиационного атташе полковника Скотта. Перед самым приемом Главком внезапно почувствовал себя плохо, и к нему срочно вызвали врачей. Это первый случай резкого ухудшения самочувствия Вершинина. Я не хочу быть пророком, но маршал много не проработает, а его уход от дел — это плохая перспектива и для ВВС, и для меня лично. Вершинин работает на износ. Он совершенно не жалеет себя, и я бы сказал, слишком варварски относится к своему здоровью. Много сил отдает работе, курит, пьет и все очень близко принимает к сердцу. Кандидат в Главкомы ВВС — маршал Руденко — совершенно другой человек. Он очень много заботится о своей персоне, излишне болтлив и редко делает что-либо полезное. Зато он большой мастер поучать, тут он, как говорится, «собаку съел». Генерал Ушаков мне прямо заявил: «Если бы мне предложили должность начальника Главного штаба при Руденко, я отказался бы категорически». Руденко, Брайко, Пономарев и Кутасин — это очень тяжелые люди, их в ВВС никто не любит и не уважает.

Звонил генерал Керимов. Он, Смирнов, Келдыш и другие члены Госкомиссии прилетели в Москву с полигона. Два дня они будут разбираться со специалистами в причинах двух наших «венерических» неудач и выработают план наилучшего обеспечения третьего пуска на Венеру, который должен состояться на днях.

5 сентября.

Заявок на выступления космонавтов и встречи с ними так много, что мы уже привыкли не принимать их всерьез. Из-за этого вчера получилось большое недоразумение. Генерал Горегляд обещал парткому аппарата Совета Министров СССР организовать 10 сентября встречу с Николаевым и Поповичем и забыл доложить мне об этом. Я, не зная о данном им обещании, отказал в организации встречи. О моем отказе было доложено в ЦК КПСС, после чего на нас крепко нажали и обязали провести встречу.

Два раза был у Главкома. Уговорил его подписать письмо Малиновскому и Устинову о заказе на 1963 год 10 «Востоков». Прежде чем представить на подпись документ, я пытался убедить Вершинина в необходимости его личной встречи с министром, чтобы доказать настоятельную необходимость заказа кораблей. Главком ответил: «Я имею в виду сделать это во время учений на Дальнем Востоке, куда я и министр вылетаем 10 сентября. На эти разговоры потребуется несколько заходов. Ты не знаешь министра: когда он занят, из него слова не вытянешь, а когда свободен — все время играет в шахматы. Трудный человек наш министр». Я сказал, что с удовольствием поставил бы несколько матов министру. «И не обобрался бы неприятностей; он очень злится, когда проигрывает», — заключил Главком.

Вершинин сказал, что сам он никогда не играл ни в шахматы, ни в преферанс. Когда в 1921 году он был командиром маршевой роты, а взводными командирами были бывшие офицеры - люди с образованием и жизненным опытом, — он был однажды приглашен сыграть с ними вечерком в преферанс. Не зная, что такое преферанс, Вершинин дал им уклончивый ответ. А после того, как от ротного писаря узнал, что преферанс — это карточная игра, категорически отказался от приглашения и вот уже более 40 лет не пытался освоить эту игру.

Горький осадок остался у меня на душе от этого разговора. Неприятно было сознавать, что «старческая военная верхушка» уже давно выдохлась; она не способна на серьезную борьбу за интересы дела, а приспосабливается к обстоятельствам и мнениям начальства.

6 сентября.

Утром получил письмо от брата Александра, надолго испортившее мне настроение. Брат пишет, что маме (она уже больше двух лет лежит без движения) нужно создать уют, а еще лучше забрать ее в Москву. Я давно и не раз просил маму переехать ко мне в Москву, но она всегда отвечала: «Где прожила жизнь, там и умру». В положении больной ее мнение, возможно, изменилось, особенно под влиянием разговоров Александра. Если удастся найти женщину, которая за большую плату согласится жить на даче и ухаживать за мамой, я с радостью заберу ее к себе. Если она захочет ко мне поехать, то, как только удастся найти домашнюю работницу, я перевезу маму в Москву. Вопрос о переезде можно решить только в Меленках после переговоров с мамой, сестрой Марусей и братом Александром. Нужно будет на днях выбраться в Меленки.

Сегодня Военный совет ВВС рассматривал вопрос о кадровых перемещениях. Маршал Красовский (65 лет), генерал-полковник Волков (62 года), генерал-лейтенант Бондаренко и другие «старички» остались на своих должностях, а офицеры в возрасте 40-45 лет увольняются из-за отсутствия вакансий. Вершинину 63 года, Агальцову — 64, Брайко — 60, Гудкову — 61; у них руки не подымаются на своих сверстников, но они легко расправляются с «молодежью».

Звонили из нового Дворца пионеров, просили принять делегацию пионеров для вручения мне как «большому другу космонавтов» официального приглашения на открытие Дворца 9 сентября. Им, конечно, нужны космонавты, а не я, но сказать об этом прямо посчитали неудобным.

Были сегодня у меня генералы Грядунов и Молотков. Первый просил помочь устроиться в ГВФ, а второй — в Центр подготовки космонавтов. Первому помочь невозможно (55 лет, в отставке, больной, пострадал в автокатастрофе); за второго есть смысл повоевать с маршалом Руденко — он настроен категорически против кандидатуры Молоткова.

8 сентября.

Маршал Руденко более двух часов знакомил меня вчера с проектом реорганизации Института авиационной и космической медицины. Проект составили генералы Бабийчук и Мишук. Смысл реорганизации сводится к тому, чтобы вместо двух управлений (авиационной медицины и космической медицины) создать четыре-пять комплексных направлений, в которых одновременно работали бы специалисты как авиационной, так и космической медицины. Основной принцип — не отделять космическую медицину от авиационной, а еще плотнее их соединить. Маршал добивался одобрения мной этого проекта. Я не спешил с одобрением и сказал, что успех дела будет зависеть не столько от реорганизации, сколько от людей, которых мы поставим во главе института. Я дал ему понять, что едва ли разумно убирать из института сразу Волынкина, Яздовского, Генина, Денисова и еще десяток других специалистов. Я сказал маршалу: «В ближайшие 5 лет ведущими фигурами в космонавтике будут Королев и Келдыш, а они поддерживают Яздовского. Мы не должны из-за Яздовского портить наши отношения с Королевым, Келдышем и Смирновым. Яздовского можно «обломать» и заставить хорошо работать на ВВС. Яздовскому нужно дать генеральские лампасы и должность заместителя начальника института по науке, и он будет работать лучше и успешнее, чем любой другой кандидат». Маршал серьезно задумался над моими предложениями и обещал посоветоваться с

Вершининым.

Вчера Николаев вернулся из Чебоксар, а Попович — из Киева. Сегодня они оба были у меня и у Главкома, с удовольствием рассказывали о теплых встречах с земляками. Вершинин обнял и расцеловал ребят, очень разволновался, плакал и долго не мог начать говорить: «Весь мир взволновали ваши полеты. Я был в отпуске в Румынии, но внимательно читал сообщения ТАСС, слушал радио и поддерживал связь с Москвой. В дни вашего полета все люди Земли жили надеждами на успех вашего дерзкого и длительного проникновения в глубины Вселенной». Ребята вручили Главному маршалу свои фото, на которых они во время космического полета написали Главкому теплые приветствия.

После приема у Вершинина мы договорились о плане работ до 15 сентября и около часа готовились к выступлениям на встрече с офицерами Московского гарнизона в театре Советской Армии. Встречу открыл генерал армии Епишев. Я рассказал о значении первого группового космического полета, а Николаев и Попович поделились своими впечатлениями о полете. Вечер прошел хорошо, было очень много записок с вопросами. Николаев говорил спокойно, отвечал на вопросы правильно, но суховато. Попович выступал лучше и, главное, живее. Оба выступали без конспектов.

Сегодня бешеный день: сотни звонков, десятки людей и даже три делегации — всем нужны космонавты. Более часа беседовал с Яздовским. Он обещал не идти в лобовую атаку против Руденко и попридержать своих подчиненных.

10 сентября.

Сегодня вечером Николаев и Попович выступят перед сотрудниками аппарата Совета Министров в Кремлевском театре, а затем поедут к А.И.Аджубею. Несмотря на настоятельные приглашения, я с ними не смогу поехать. Ночью мне придется выехать в Меленки и попытаться договориться с Марусей и Александром об уходе за мамой.

11 сентября. Меленки.

Я приехал в Меленки поездом, никого не предупредив о приезде, так что мое пребывание в городе остается незамеченным…

…Поезд вышел из Москвы в 22:35 10 сентября, а в 3:37 11 сентября я был уже на станции Бутылицы. 40 лет тому назад я впервые в жизни увидел на этой станции «живые» вагоны и паровозы. Бутылицы стали больше, вместо тусклых керосиновых фонарей много электрического света, есть радио, но культура людей, служб и помещений, пожалуй, даже хуже, чем 40 лет назад. От Бутылиц до Меленок проложена узкоколейка, ее построили в конце тридцатых годов с моей помощью (ездил к Кагановичу и выпросил средства на строительство и рельсы). Меленковский поезд состоит из трех небольших, но чистеньких пассажирских вагончиков. Из Бутылиц поезд вышел почти пустым, но в Вероунже и Злобине в вагоны набилось несколько десятков крестьянских девушек, едущих в Меленки на текстильную фабрику. Сорок лет назад город Меленки на западе кончался фабричным забором, за ним были поля и недалекий Брантовский лес. Постепенно лес вырубили, и он отступил дальше на запад, а пространство между ним и фабрикой полностью застроили. Было пять часов утра; с реки Унжи поднимался реденький туман. Я с удовольствием прошелся по асфальтированному тротуару (раньше был деревянный), постоял над рекой на фабричном мосту. Тысячи воспоминаний детства нахлынули на меня…

Мама с апреля 1959 года серьезно больна. Она не может передвигаться, ей уже 84 года, она немного отяжелела, но общее самочувствие у нее хорошее. Я всегда восхищался маминым спокойствием. Она и сейчас держится стоически. У нее крепкие нервы, хорошие аппетит и сон, и только ноги и сердце ослабли. Сегодня утром я с помощью сестры Маруси вывел маму в столовую, и она вместе с нами позавтракала. Сейчас, когда я пишу эти строки, мама прилегла отдохнуть. Для нее сегодня большой день: собрались два сына, дочь, сноха, двое внуков и внучка. Все вместе с мамой обсуждали, как лучше ухаживать за ней, и где она сама хотела бы жить — в Москве, у Маруси или оставаться в своем доме. Мама пожелала никуда не переезжать, мы все согласились с ее желанием. Я предлагал для постоянного ухода за мамой нанять одну или двух женщин. Все, в том числе и мама, высказались против моего предложения - решили ничего не менять в сложившейся обстановке. Побывал у Маруси — у нее, как всегда, идеальная чистота. Маруся, ее сын Виктор и я вместе пообедали, я пожурил племянника за то, что он долго (ему уже 34 года) не женится.

Вечером на «Волге» (в Меленках уже пять такси «Волга») я за 40 минут доехал до Мурома (дорога теперь полностью вымощена булыжником) и в 00:25 выехал на поезде в Москву.

12 сентября. Москва.

Весь день был на работе. Передавал дела генералу Горегляду и готовил Николаева и Поповича к их завтрашнему выступлению с докладами о полете в Научно-техническом комитете Генерального штаба. Как всегда, было много посетителей. Звонили от Королева, просили 13 сентября приехать к нему, а 14 сентября прислать Николаева и Поповича в ОКБ-1.

13 сентября.

С 10 до 13:15 проходило заседание НТК Генерального штаба. Николаев докладывал полтора часа, а Попович — 30 минут. Присутствовали генералы и офицеры от всех видов Вооруженных Сил. Николаев и Попович обстоятельно доложили о возможностях космонавта решать военные задачи на корабле «Восток». Выводы, вытекающие из их докладов: человек способен выполнять в космосе все военные задачи, аналогичные задачам авиации (разведка, перехват, удар); корабли «Восток» можно приспособить к разведке, а для перехвата и удара необходимо срочно создавать новые, более совершенные космические корабли.

После совещания в НТК Николаев, Попович, Гагарин и я были приняты начальником Генерального штаба маршалом Захаровым. Кроме Захарова были Иванов С.П. и Алексеев Н.Н., беседа длилась 30 минут. Захаров задавал глупейшие вопросы о возможностях человека и «Востока» решать военные задачи в космосе. Космонавты пытались убедить его, что настало время по-настоящему заняться космосом в целях обороны страны. По всему чувствовалось, что Захаров не знает и недооценивает космос, но он должен был хотя бы из приличия сказать Алексееву, что НТК необходимо изучить опыт полетов и обсудить возможности создания пилотируемого разведчика. Захаров заверил нас, что Министерство обороны закажет на 1963 год 4 корабля «Восток».

Через час, возвратясь в штаб ВВС, я лишний раз убедился в непроходимой заскорузлости нашего военного руководства. Гречко, а затем и Малиновский дважды отказались заказывать «Востоки». Вершинин просил заказать 10 «Востоков». НТК Генерального штаба и Захаров, переделав наш документ, просили министра заказать 4 «Востока». Малиновский отказал, заявив буквально следующее: «Корабли «Восток» не имеют военного значения, принимать их на вооружение и заказывать их мы не будем, пускай этим занимается Военно-промышленная комиссия». История повторяется: ровно 50 лет тому назад примерно так же царские генералы оценивали военное значение самолетов. Малиновский, Гречко и Захаров упускают наши возможности для создания первыми военной космической мощи — я бы даже сказал, абсолютной военной мощи, которая могла бы содействовать утверждению господства коммунизма на Земле.

Сейчас в Москве нет никого из военных руководителей (Малиновского, Епишева, Вершинина, Бирюзова, Руденко), придется после возвращения из отпуска пробивать заказ на строительство космических пилотируемых кораблей в обход Малиновского. Я отдаю себе отчет во всех трудностях этого дела, но нужно будет решительно воевать за него даже против Вершинина (наперекор его осторожности) и Малиновского (против его недальновидности).

14 сентября.

Муся ночевала в Москве. Готовила все к нашему отъезду на курорт. Я с Олей был на даче. С 10 до 12 часов вместе с Боголеповым и Рябчиковым просматривали киноматериалы о Николаеве и Поповиче — материал богатый, но кинокартины еще нет. Предстоит большая работа, нужно кое-какие кадры взять из секретного фильма, который готовит Косенко. Дома весь вечер готовились к отлету в Крым; завтра в 8 часов на Ил-14 вылетаем в Симферополь. Со мной летят Муся и Оля. Гагарин и Попович летят с семьями; Николаев — один, а Карпов — с женой и дочерью.

31 октября.

Главком вчера позвонил и вызвал меня из отпуска. Недогулял я всего три дня, а не три-четыре недели, как это было в 1960 и 1961 годах. Причина вызова: сегодня Президиум ЦК рассматривает вопрос о нескромном поведении космонавтов (Гагарина, Титова, Поповича, Николаева и других), о «плохой» их учебе в академии, о «прилипании» кое-кого из журналистов к славе космонавтов и т.д. Все это по донесениям работника КГБ подполковника Титова. Ни одного нового, неизвестного нам факта в донесениях нет — на все это мы уже реагировали (выговор Герману Титову, предупреждение Павлу Поповичу). Я был готов вместе с Главкомом поехать на заседание Президиума, но позвонил Сербин и сказал, что мне там быть не нужно. Откровенно говоря, это меня обрадовало: мало удовольствия разбирать кляузы на Президиуме ЦК — я с большой охотой выступил бы там по нашему общему плану освоения космоса, но этот вопрос не стоит на повестке дня. ЦК не находит времени для рассмотрения больших, принципиальных вопросов развития космонавтики и считает уместным обсуждать сомнительные донесения о поведении космонавтов.

Только что просмотрели кинофильм «Небесные братья» о полете Николаева и Поповича. На просмотре присутствовали Вершинин, Руденко, Агальцов, Боголепов, Рябчиков, Гостев и другие. Фильм получил хорошую оценку, и выпускается в свет. Это уже третий фильм о космонавтах, в нем есть, конечно, некоторые повторения и общие места, но сейчас, когда самое интересное в нашей космонавтике строго засекречено, трудно создать что-либо более значимое.

1 ноября.

Вершинин вернулся вчера из ЦК уже после 17 часов и сразу же вызвал меня с партийного собрания. На заседании Президиума Главком не был; пока он проходил в зал заседаний, вопрос уже был решен, точнее снят с обсуждения. Никакого решения о поведении космонавтов не принято. Не отменены и решения ЦК о поездках корреспондентов за границу вместе с космонавтами. Я надеялся, что появится хоть какая-то ясность с порядком организации встреч космонавтов с различными коллективами и иностранцами, но теперь этот вопрос еще больше осложнился. Жалобы на нескромное поведение космонавтов, на длительные их отрывы от учебы есть, а решения, как устранить причины этих недостатков, нет и не будет. Придется мне и дальше регулировать заграничные поездки и выступления космонавтов внутри страны, увязывая все это с их учебой в академии и подготовкой к новым космическим полетам.

За полтора месяца моего отпуска ни один из важнейших вопросов по космосу не решен. Набор новых слушателей-космонавтов, реорганизация ИАКМ, новые штаты ЦПК, заказ «Востоков» и другие вопросы ждут своего решения.

2 ноября.

Сегодня в «Правде» опубликовано письмо Б.И.Россинского. «Дедушка русской авиации» обращается к Н.С.Хрущеву с просьбой принять его в партию.

В 1909 году Россинский совершил трехминутный полет на планере собственной конструкции (перелет через реку Клязьму), затем во Франции он научился летать на самолетах и с 1912 по 1917 год работал летчиком-испытателем на заводе «Дукс». Бесспорно, что он один из старейших летчиков России, но его претензии на особые заслуги перед советской авиацией чрезмерно преувеличены. Россинский в своем письме упоминает и мою фамилию, и фамилии космонавтов и безапелляционно заявляет, что в успехах космонавтики есть доля и его труда. В «Правде» опубликовано решение ЦК КПСС о приеме Россинского в члены партии. Эти два документа закрепят за Россинским почетное место в истории отечественной авиации. На днях я узнал, что другой наш «первооткрыватель», профессор Анощенко, сфотографировался в Крыму с Гагариным и протащил в «Экономической жизни» заметку, смысл которой состоит в том, что Гагарин открыл путь в космос, а Анощенко был одним из первых в освоении атмосферы.

За время работы в ДОСААФ я сотни раз встречался с Россинским и Анощенко и могу утверждать, что они не сделали и сотой доли того, на что претендуют. Оба старика проявляют назойливую заботу о защите своих мнимых заслуг перед авиацией. Оба они имеют одну бесспорную заслугу — они уже 6О лет в авиации и рядом с авиацией. Они многое видели и знают немало интересного из истории авиации; у них много интересных и важных документов — все это можно и нужно использовать, деликатно обойдя субъективное освещение ими событий и фактов.

Хочется написать хоть несколько слов о «победе» Хрущева на Кубе. Большинство генералов молчат об этом событии, а генерал-лейтенант Ушаков прямо заявил, что это очередное отступление. Кубинский кризис показал не мудрость и дальновидность нашей внешней политики, а отсутствие у нас твердой и обдуманной линии в ее проведении (как и по Берлину).

Вчера космический аппарат «Марс-1» вышел на траекторию полета к планете Марс. На сегодня он прошел уже более 250 тысяч километров, вся аппаратура работает хорошо. Будем надеяться, что эта попытка даст нам больше, чем все предыдущие пуски на Марс и Венеру, а их, если мне не изменяет память, было уже не менее девяти.

4 ноября.

Вместе с Гагариным вчера был у Вершинина. Он интересовался делами в ЦПК, настроениями космонавтов, ходом их учебы в академии и другими вопросами. Потом мы с Юрой ездили в Московский городской комитет партии, где Демичев вручал партбилет Россинскому. На этой встрече я познакомился с одним из самых старых членов партии Ф.Н.Петровым. Ему 87 лет (он в партии с 1896 года), а выглядит он лет на 65-70, не больше. Он сказал 78-летнему Россинскому: «Поздравляю вас, молодой человек. Желаю вам хорошо и много поработать. Мне вот уже 87 лет, а я еще не на пенсии». (Россинский на пенсии уже много лет.) «Молодого коммуниста» поздравляли Гагарин, пионеры и работники аппарата МГК. Россинский говорил больше всех, нес околесицу, плакал, благодарил за внимание к нему и уверял, что еще поработает. Вреда от этой комедии не будет, но обиженных будет много. Есть тысячи людей, сделавших для Родины в сотни раз больше и не получивших ни одного слова благодарности.

Более двух часов беседовал сегодня с полковником Карповым, разобрали с ним десятки служебных вопросов, касающихся Центра подготовки космонавтов. В связи с расширением ЦПК командование ВВС считает необходимым поставить во главе Центра генерала с опытом летной и строевой работы, а Карпова, как врача, оставить в роли заместителя начальника ЦПК. Естественно, что подобную передвижку Карпов переживает и уже жаловался на это Королеву. Позавчера Королев дважды звонил мне по этому поводу. Сергей Павлович излишне горячился и, защищая Яздовского и Карпова от нападок ВВС, грозился, что вместе с Келдышем поедет в ЦК и добьется создания своего Центра подготовки космонавтов. Я просил его не волноваться, не портить себе кровь и здоровье по пустякам и заверил его, что при очередной нашей деловой встрече мы сумеем многое согласовать.

9 ноября.

Три дня праздновали 45-летие Октября. Я имел пригласительные билеты во Дворец съездов, на Красную площадь и на прием в Кремле, но нигде не был из-за болезни Муси.

Сегодня я, генерал-лейтенант Мишук и генерал-майор Холодков около двух часов докладывали Вершинину предложения ВВС по военному применению «Востоков». Маршал Захаров сообщил, что НТК Генштаба в декабре будет рассматривать вопрос об использовании пилотируемых космических кораблей в военных целях, и просил Главнокомандующих видами Вооруженных Сил дать свои предложения. 4 ноября мы в таком же составе докладывали наши предложения маршалу Руденко. Он прочитал наш доклад, ничего не сказал и отправил нас к Главкому. Вершинин разбирался в предложениях ВВС очень внимательно и активно. Главное в предложениях ВВС сводится к следующему:

1) заказать 10 кораблей «Восток»;

2) дооборудовать «Востоки» так, чтобы можно было отрабатывать элементы боевого применения (разведка, перехват, удар);

3) довести в 1963 году продолжительность пребывания в космосе человека до 11-12 суток, а животных — до 30;

4) вывести корабли с животными на более высокие орбиты;

5) провести ряд специальных экспериментов (посадка вручную, приземление в корабле, разгерметизация корабля в космосе и др.).

Главком одобрил все эти предложения и согласился с моим советом не согласовывать наш доклад с Королевым, а немедленно отослать его Бирюзову и Захарову.

12 ноября.

В субботу был в ЦПК, рассмотрел с Карповым вопросы аттестации офицеров и программу дальнейшей подготовки космонавток. 27-29 ноября проведем госэкзамены, с 1 декабря по 1 января 1963 года они будут в отпуске, а затем начнут конкретную подготовку к первому женскому космическому полету. Полет женщины состоится в марте или апреле 1963 года. Пока не решено, будет ли это одиночный или групповой полет, но полет женщины будет продолжительностью до 3 суток, а, если в паре с ней будет летать мужчина, то его полет может продолжаться 5-7 суток. Обдумывается предложение послать в полет два корабля с женщинами на борту.

Беседовал с Гагариным, Титовым, Николаевым и Поповичем. Все они настойчиво просили поменьше отрывать их на выступления и встречи, дать им возможность подготовиться и сдать экзамены в академии за 1-й семестр 1-го курса. Экзамены будут проходить с 15 ноября до 31 декабря. Ребята просят на этот период не планировать им больше одной встречи в две недели. Просьба понятна и законна, но при всех наших самых больших усилиях она невыполнима. Заявок на встречи тысячи, и будет хорошо, если мы сумеем не загружать каждого из космонавтов больше одного раза в неделю.

Только что заходил Попович — просил устроить свою жену Марину на летную работу. Летчик она хороший, и я попытаюсь уговорить Главкома взять ее в кадры.

13 ноября.

Вчера более часа беседовал с Вершининым о перспективах освоения космоса. Главком правильно понимает направления нашей работы и охотно подписывает многие наши ходатайства; но все наши попытки добиться решения ряда практических вопросов, как в стенку, упираются в Малиновского. Уже год мы просим оформить заказ промышленности на постройку еще десяти «Востоков», сумели уговорить промышленников, но не можем добиться согласия министра дать такой заказ. Сегодня по этому вопросу я говорил с Руденко и Ивановским — решили еще раз послать письмо Устинову за подписью Вершинина. Эта попытка едва ли будет успешней всех предшествующих, но не будем терять надежду.

Наш посол Михайлов сообщил, что Сукарно собирается пригласить в Индонезию Николаева и Поповича. Главком запросил мнение Руденко и мое. Руденко ответил: «Я - против, им надо учиться», — а я сказал, что такую поездку желательно осуществить в январе 1963 года. Главком согласился с моим мнением.

Имел вчера малоприятную встречу с генерал-полковником Пономаревым. Я пожаловался Руденко, что ГКНИИ не собирается летать на невесомость на самолетах Ту-104 и плохо раскачивается с формированием эскадрильи для тренировки космонавтов. Пономареву эти обвинения показались необоснованными, и он пытался оправдать свою позицию в этом вопросе. Этого «сухаря» в ВВС очень не любят, а он ведет себя как барчук-белоручка, снисходящий до разговоров с плебеями. Я никогда не уважал его, а теперь, когда он как брат секретаря ЦК КПСС стал особенно задирать нос, я и в грош его не ценю. Пономарев почувствовал мое отношение к нему, да и не забыл мое выступление против него на Военном Совете. По-видимому, еще не один раз нам придется скрестить с ним шпаги.

15 ноября.

В сегодняшнем номере «Правды» опубликовано сообщение о смерти А.С.Мурысева — первого секретаря Куйбышевского обкома партии. Последний раз я с ним встречался в Крыму, в Тесселях 5 октября этого года, в день рождения Поповича. Он не отдыхал, а «мотался» по всему Крыму, очень много пил и неумеренно ел. 8 октября он по приглашению Предсовмина Украины вылетал в Киев, там, по-видимому, еще больше «перебрал» и, вернувшись в Крым, получил инфаркт. 13 ноября он скончался на 47-м году жизни.

Почти 5 часов просидел вчера на партийном активе Министерства обороны. Доклад сделал Р.Я.Малиновский, выступили 8 человек, в том числе А.А.Епишев. Все выступления и доклад - серенькие. Общая болтовня о высокой боеспособности, преданности партии, больших достижениях в боевой подготовке за год и легкое прикосновение к «некоторым недостаткам». Аллилуйщина и нежелание сказать всю правду о недостатках, а главное — боязнь вскрыть истинные причины имеющихся безобразий связывают языки. В заключительном слове Малиновский отвечал на несколько язвительных записок (Почему 5 лет не было партактива? Встречался ли министр с секретарями парткомов видов Вооруженных Сил? — и другие подобные вопросы.) Общее настроение присутствующих пассивное — лишь бы отсидеться и отмолчаться. Средний возраст «активистов» около 60 лет. Я более 25 лет наблюдаю нашу военную верхушку: сильно она постарела за эти годы, и это большой, может быть, даже решающий наш минус.

16 ноября.

Вчера Николаеву и Поповичу во вьетнамском посольстве вручили звезды «Героев труда ДРВ». На приеме присутствовал и Герман Титов. Прием был назначен на 16 часов, мне несколько раз звонили из отдела внешних сношений и просили приехать на прием, но у меня не было ни малейшего желания быть там. В 16:05 ко мне зашел, прихрамывая, Титов и попросил совета — ехать или не ехать ему на прием. Оказывается, два часа тому назад он, играя в волейбол, вывихнул ногу и теперь сильно прихрамывает. Я посоветовал ему ехать. В связи с большим количеством слухов и разговоров о мнимой болезни Титова, я посоветовал ему 19 ноября выступить на заводе «Станколит» и в выступлении сказать несколько слов о состоянии своего здоровья.

Физически Титов так же здоров, как и перед полетом, но в его поведении много нового: он все время куда-то спешит, везде опаздывает, высказывает свое суждение по любому вопросу, а потом легко от него отказывается. Он настойчиво просил разрешить ему поездку на «Волге» в Крым и на Кавказ. Такую поездку я ему запретил (мал шоферский стаж и увлекается скоростью) — на курорты и обратно он ездил поездом. 12 ноября истек срок его пребывания в звании майора, но, учитывая все его выкрутасы, я предложил, а Главком согласился задержать присвоение ему очередного звания на 6 месяцев.

Только что позвонил Карпов и доложил, что вчера Титов, Николаев и Попович отлично сдали зачеты в академии по курсу истории партии, а сейчас все усиленно занимаются, готовясь к сдаче экзамена по физике.

Вчера я был в Совете Министров у Ивановского и Семенова, завизировал проект решения о создании большой отечественной центрифуги. В проекте ряд комитетов и организаций обязываются отработать всю документацию по центрифуге в 1963 году и ввести ее в эксплуатацию в 1967 году. По вопросу о заказе десяти «Востоков» Ивановский еще раз пытался убедить меня не связываться с «Востоками» и все надежды возложить на «Союз», хотя сам признал, что «Союз» в 1963 году едва ли полетит. Между полетами «Востоков» и »Союзов» может образоваться «дыра» в 1,5-2 года. У нас — «дыра», а у США — период очень большой активности. Американцы вполне могут нас догнать в период нашего затишья. Они уже объявили, что в апреле 1963 года Гордон Купер полетит на сутки. У нас есть все основания надеяться, что до 1964 года они не смогут догнать нас по продолжительности полета человека в космосе, даже если мы за 1963-1964 годы не проведем ни одного полета; но в 1965 году они могут обогнать нас, если мы не примем решительных мер по недопущению сокращения дистанции между нами и США.

17 ноября.

На вчерашнем заседании Военного Совета ВВС более трех часов обсуждали проекты новой структуры Института авиационной и космической медицины. По существующей структуре институт имеет два управления (1-е — авиационной медицины и 2-е — космической медицины), которые все время «дерутся» между собой. Руководство института (Волынкин, Яздовский, Денисов), в основном, против новой структуры, но сейчас группа лиц в институте, отстаивающих космическое направление, ослабла. Секретарь парткома Денисов заменен полковником Крышкевичем, поднял голову генерал-лейтенант Клоков, активизируются Сергеев и начальник 1-го управления. Короче говоря, начался распад сильной космической группы. Маршал Руденко, генералы Бабийчук и Мишук пытаются «запеленать» космонавтику в пеленки авиационной медицины так, чтобы и писка ее не было слышно. На заседании решено создать вместо двух три управления, количество отделов не увеличивать, а число лабораторий не ограничивать. Решено также наименования управлений определить после написания положения об управлениях и отделах.

19 ноября.

Был в Центре подготовки космонавтов. Дал согласие на начало строительства жилого городка рядом с Центром. Рассмотрел все документы по подготовке слушателей-космонавток к сдаче экзаменов на космонавтов.

Терешкова, Соловьева, Пономарева и Еркина, по-видимому, могут быть зачислены в космонавты, а вот Кузнецова, едва ли (у нее идет белок в сурдокамере и после центрифуги). Пономарева всю подготовку прошла очень ровно с оценкой «хорошо», а по теории у нее все пятерки, кроме одной четверки. По здоровью и подготовленности Пономарева могла бы быть первым кандидатом на полет, но ее поведение и разговоры дают основание сделать вывод, что в моральном плане она неустойчива. Пономарева часто повторяет: «Я хочу брать от жизни все». Терешковой она заявила: «Тебя безвозвратно испортили комсомол и партия», — это в ответ на попытки Терешковой (как старшей в группе) посоветовать ей вести себя поскромнее. Она злоупотребляет именем Келдыша: «У меня сильная рука, первой полечу я». Пономарева покуривает: «Каждая приличная дама должна курить». В Феодосии она несколько раз самовольно уезжала в город.

Впечатления от Терешковой у всех очень хорошие — она образец в поведении и воспитанности. Терешкова и Пономарева чувствуют, что они могут быть первыми кандидатами на полет, и между ними уже заметно кое-какое соперничество.

20 ноября.

Идет пленум ЦК КПСС. Читал сегодня доклад Хрущева о новой перестройке партийного руководства промышленностью и сельским хозяйством. Вместо райкомов создаются парткомы при сельскохозяйственных управлениях, объединяющих по три-четыре района. В каждой области будет теперь два обкома — один по промышленности, другой — по сельскому хозяйству. Эта новая ломка сложившейся управленческой структуры пользы не даст: она приведет только к еще большей путанице и затруднит руководство и промышленностью, и сельским хозяйством. Будем надеяться, что этот эксперимент не принесет нам очень большого вреда и что от него через 2-3 года откажутся.

21 ноября.

Вчера вечером, перед поездкой на встречу с писателями Москвы, заезжал ко мне Павел Попович. Он привез все документы (летную книжку, характеристики, заявление и др.) Марины, необходимые для ходатайства о зачислении ее в кадры армии и назначении вторым пилотом на Ил-14. Я поддержу ходатайство, но в этом деле окончательное слово за министром обороны, а у меня нет уверенности, что он согласится с нами.

Пленум ЦК продолжает работу. Все, что там говорится Подгорным, Демичевым, Мазуровым и другими, противоречит здравому смыслу и истинному положению дел. Вранье, очковтирательство и подхалимство — вот главное содержание почти всех выступлений. Все, с кем я встречаюсь, понимают, что говорится на пленуме совсем не то, что нужно было бы сказать: «Пора кончать валить все недостатки на Сталина». За десять лет после смерти Сталина в сельском хозяйстве ничего не достигнуто — молока, мяса, фруктов, овощей и других продуктов сейчас не больше, чем в 1952 году. Нужны не новые перестройки бюрократического аппарата, а свобода для крестьян. Надо дать возможность всем желающим разводить коров, овец, свиней, кур, и через 2-3 года у нас будет в достатке и мяса и молока. ЦК должен перестать считать еще не снесенные яйца и не высиженных цыплят и обеспечить свободу и инициативу тем, кто своим трудом создает сельскохозяйственные продукты.

Только что позвонила жена, она сегодня отстояла на рынке больше двух часов в большой очереди за молоком, но его так и не привезли. Это «хорошая» иллюстрация к разговорам на пленуме.

В подмосковной деревне Заборье (близ Домодедова) до войны было 160 коров и много лошадей, и все это поголовье содержалось за счет местных кормов. Теперь в Заборье 9 коров и ни одной лошади. В деревне совершенно невозможно купить молока даже для детей, и жители Заборья ездят в Москву за порошковым молоком. Могут сказать, что это не типично. Но вот другой пример. В 1919 году в стране был большой голод. На моей родине, в городе Меленки Владимирской области, хлеба не было, но никто не умирал от голода: была картошка и было много молока. А сейчас в Муроме, Меленках, Елатьме, Касимове, Гусь-Хрустальном положение такое же, как в Заборье. Поголовье коров и надои молока сейчас почти всюду значительно ниже официальных данных. Это знает и чувствует народ, но этого не

хочет видеть руководство.

Хрущев оскомину набил на выступлениях против культа личности Сталина, а сам пытается создать вокруг своей личности такой культ, которого, пожалуй, не было и при Сталине. У нас нет откровенных высказываний, нет обсуждений и истинно коллегиальных решений. Хрущев готовит для себя плохое место в истории. После его смерти ему уготованы ярлыки: «кукурузник», «хрущоба», «великий очковтиратель», «турист» и «неудавшийся дипломат». В такой стране, как наша, глава государства может и должен быть великим, но к Хрущеву величие не пристает, он просто мелкий склочник у большого дела. Кукуруза, мясо, молоко и другие внутренние проблемы — это, в конце концов еще терпимо, а вот наши военные дела и вопросы сохранения мира вызывают большую тревогу. Более пяти лет болтали мы о Берлине, много лишнего наобещали Кубе, много и неумно грозимся, и далеко не все делаем для поднятия боеспособности и готовности своих Вооруженных Сил. По-видимому, Хрущев не верит в возможность сохранения мира, но и к войне по-настоящему не готовится. В армии - засилье стариков и очень много устаревшей техники. Нужны тщательная чистка и перевооружение всей армии; необходимо резко сократить число пехотных, артиллерийских и танковых частей, а также частей ВВС и ВМФ, но зато усилить ракетные войска, противовоздушную и противоракетную оборону.

22 ноября.

В сегодняшних газетах опубликованы сообщения о мероприятиях США по прекращению морской блокады Кубы и об ответных решениях СССР по снятию полной боевой готовности Вооруженных Сил, увольнению из армии военнослужащих старших возрастов и переходу к обычной учебно-боевой подготовке. Итак, мы вывозим обратно с Кубы все ракеты, самолеты Ил-28 и офицеров-инструкторов и кричим на весь мир о нашей победе, хотя это всего лишь разумное и своевременное отступление. Но спрашивается: зачем нужно было завозить на Кубу такое оружие и дразнить США возможностью ударов с Кубы?

Пленум ЦК продолжает работу. С кем ни побеседуешь о материалах пленума, каждый говорит примерно следующее: «Или я круглый дурак и отстал от жизни, или в намечаемых реформах мало умного». Если бы у людей была возможность открыто выразить свое мнение, то 95 процентов из них, а может быть и более, сказали бы «нет» этим непрерывным и малопродуманным перестройкам.

23 ноября.

Был у меня генерал В.Ф.Бенюк. Я хорошо его знаю с 1941 года; мы работали вместе в Ташкенте, а с 1943 года и до конца войны он был начальником оперативного отдела корпуса, которым я командовал. Бенюк — очень умный, скромный и хорошо подготовленный генерал, - скучает без дела. Ему 57 лет, и он уже два года в отставке. Я предложил ему вместе писать историю корпуса, но он отказался: «Не вижу цели, не поднимусь». У него явно надломлены моральные устои, его раздражает бесконечная болтовня в верхах. Я прямо спросил его: «Сейчас работает пленум ЦК, идут прения по докладу Хрущева. Ты ведь читаешь материалы пленума? Как ты к ним относишься?» Не задумываясь, Бенюк ответил: «Много непонятного, не могу согласиться с мотивами перестройки аппарата. Не могу убедить себя в правильности нашей позиции в кубинском кризисе». При наличии свободного времени для размышлений ему, наверное, тяжеловато. Хорошо, что у меня есть работа, которая почти не оставляет времени для раздумий, но из-за чего иногда не спишь ночами.

24 ноября.

Сегодня день рождения моей матери, ей уже 84 года. Два дня назад я послал в Меленки с племянником Димой Анисимовым поздравление, подарки и переключатель телевизионных каналов, чтобы можно было наладить телевизор «Темп-1», который я в октябре отвез маме.

Только что говорил с Хабаровском. Там первым заместителем командующего воздушной армией работает генерал Одинцов (дважды Герой, в 1942 году он служил командиром эскадрильи в дивизии, которой я командовал на Калининском фронте в Андреаполе). Пригласил Одинцова на должность начальника Центра подготовки космонавтов. Одинцов, не задумываясь, согласился, хотя я его предупредил, что оклад здесь будет меньше получаемого им на 50 рублей (получает 330, а здесь 280 рублей).

В газетах опубликованы решения пленума, утверждающие предложения Хрущева. По существу ответственность за всю промышленность возложена теперь на одного человека, то же самое и по сельскому хозяйству. ЦК во главе с Хрущевым не справился с руководством народным хозяйством, а В.И.Поляков и А.П.Рудаков должны все наладить. Мне жаль этих товарищей — через полтора-два года их будут избивать за «неспособность руководить», »неумение организовать» и прочие грехи.

Мне кажется, что перестройка партийного и советского руководства (так, как она намечена) приведет только к увеличению числа начальствующих лиц и к еще большей путанице в управлении хозяйством страны. Пока не будет полностью развязана инициатива и заинтересованность низов в развитии производства и поднятии производительности труда, пока верхи будут подсчитывать, сколько яиц снесут куры, сколько и где каких гаек сделать, — трудно ожидать заметного улучшения дел и в сельском хозяйстве, и в промышленности. Хотя нужно признать, что выступавшие в прениях предлагали и много полезного в смысле объединения руководства по направлениям экономической деятельности (строительства, энергетики и др.), но эти дельные предложения как раз и останутся нереализованными. Опыт работы министерств и комитетов оправдал себя, и централизация руководства родственными предприятиями и отраслями народного хозяйства была бы целесообразной.

Звонил в Меленки, поздравил маму с днем рождения.

25 ноября. Дача «Заборье».

Всю ночь с субботы на воскресенье и в воскресенье шел мелкий осенний дождь, температура +5 градусов. Но даже в такую погоду на даче лучше, чем в Москве. Много гулял, пилил и колол дрова, сгребал опавшие листья. На даче я непрерывно занят физическим трудом, и это мне нравится больше, чем писанина и разговоры.

В восемь часов вечера неожиданно из Калуги приехал Борис Бастанжиев (летчик из авиационного отряда Н.П.Каманина, который в 1934 году был направлен в Арктику для спасения челюскинцев — Ред.) со своим сыном Игорем. Тридцать лет тому назад я держал Игоря на руках, а теперь передо мной сидел солидный инженер-майор ВВС. Он работал радиоинженером на базе сборки атомных снарядов и бомб, но по состоянию здоровья (болезнь

сердца) переводится на другую работу. Борис просил присмотреть, чтобы «дяди из кадров» не обидели его мальчика. Да, все мы очень изменились, причем, не в лучшую сторону: в 20-30 лет всякую протекцию я воспринял бы как оскорбление, а современная молодежь без зазрения совести пользуется связями своих родителей и их знакомых.

26 ноября.

Был у Главкома, он подписал письмо Устинову с просьбой изготовить в 1963 году десять «Востоков». Ни я, ни Вершинин не верим, что это письмо пробьет брешь в бюрократической крепости ВПК, но оно лишний раз напомнит руководству о нуждах космонавтики. К.Д.Бушуев сообщил мне по секрету, что С.П.Королев дал согласие строить еще 4 «Востока» в 1963 году и завод уже приступил к их изготовлению. Но все это делается по инициативе снизу, без соответствующих решений в верхах. Конечно, 4 корабля — не то, что 10, но это уже полупобеда. Вершинин подписал и другое письмо, адресованное в ЦК, которое касается возможной поездки Николаева и Поповича в Индонезию. Мы не возражаем против такой поездки, но не раньше января 1963 года. Вершинин, Рытов и многие другие одолевают меня вопросами о характере взаимоотношений Николаева с дочерью Вертинского. Вся Москва переполнена слухами о якобы предстоящей их свадьбе. Звонят из редакций, радиокомитета, телевидения — все спрашивают, когда будет свадьба; поступает много телеграмм, поздравляющих с бракосочетанием. Николаев только один раз в официальной обстановке встречался с Вертинской во время телевизионной передачи и не имеет никакого желания повторить встречу, а ему приписывают уже намерение жениться на актрисе.

29 ноября.

Два дня работал в Центре подготовки космонавтов — принимали экзамены у женщин-космонавтов по знанию «Востока», снаряжения космонавта, условий космического полета и по пройденным теоретическим дисциплинам. Экзамен не сдавала Кузнецова из-за неясности в состоянии ее здоровья. Помимо приема экзаменов, члены комиссии очень внимательно ознакомились со всеми материалами и документами, характеризующими слушателей и объем проведенной подготовки. Терешкова, Соловьева, Пономарева и Еркина получили общие отличные оценки за все экзамены, и комиссия рекомендовала зачислить их в постоянный состав ЦПК с присвоением воинского звания «младший лейтенант». Из всех четверых только Терешкова не имеет высшего образования, поэтому она больше других волновалась на экзаменах.

Любая из космонавток может выполнить полет на корабле «Восток», но между ними есть и значительные различия. Пономарева имеет более основательную теоретическую подготовку и способнее других — она схватывает все на лету, — но в ее поведении многое нужно исправлять. Она заносчива, себялюбива, преувеличивает свои возможности и не прочь выпить, покурить и погулять (хотя у нее есть муж и пятилетний сын). Соловьева, по всем объективным данным, наиболее физически и морально выносliва, но она несколько замкнута и недостаточно активна в общественной работе. Терешкова - активная общественница, способна хорошо выступить, пользуется большим авторитетом у всех, кто ее знает. У Еркиной подготовленность по технике и физические возможности несколько ниже, чем у ее подруг, но она настойчиво улучшает их и, несомненно, будет неплохим космонавтом. Первой в космический полет нужно послать Терешкову, ее дублером может быть Соловьева, а кто будет космонавткой номер 3 — Пономарева или Еркина, — это решит будущее. Терешкова — это Гагарин в юбке, Соловьева же по своему характеру очень близка к натуре Николаева.

После экзаменов я поздравил девушек с отличным завершением курса обучения. Все они выразили согласие на зачисление в офицеры. С 30 ноября по 10 января 1963 года они будут в отпуске. Трое поедут на курорт, а Соловьева попросила разрешение провести отпуск на Урале — на своей родине. Я сказал им, что для полета будем готовить всю четверку, и только за 2-3 дня до старта окончательно определится, кто полетит первой. Напомнил им, чтобы в отпуске не распускались и поддерживали приобретенную спортивную форму.

30 ноября.

Получил материалы научной военно-теоретической конференции, намеченной на конец января 1963 года. Внимательно прочитал доклады Захарова и Вершинина, бегло просмотрел доклады Бирюзова, Чуйкова, Судца и Горшкова. Доклад Захарова меня обрадовал, в нем есть мысли, которые я высказывал более двух лет тому назад: «…Будущая война будет короткой, решающая сила — ракетно-ядерное оружие, не будет фронтовых операций, характерных для Великой Отечественной войны». Но в докладе нет предложений о резком сокращении всех (кроме ракетных) видов Вооруженных Сил, нет предложений и о перестройке управления войсками, главным образом управления первыми ударами ракетно-ядерного оружия. Доклад Вершинина подготовлен плохо. В нем нет и намека борьбы за космос. Захаров и Бирюзов неоднократно говорили о космосе как о вероятном театре военных действий ближайшего будущего. Но ни в одном докладе нет никаких конкретных предложений, как осваивать космос в интересах обороны сейчас, сегодня. Космическое оружие фигурирует во всех докладах (кроме доклада Чуйкова), но никто не предлагает главного - объединить всю военную космонавтику, закрепив ее за Министерством обороны.

1 декабря.

Прекрасный первый зимний день. Перед началом работы минут 10 с удовольствием прошелся пешком.

Был у Главкома и за 15-20 минут решил пять важных вопросов и подписал два приказа и два доклада министру. Главком меня понимает с полуслова, доверяет и уже почти не читает подготовленные мной на подпись документы. Когда я сидел у Вершинина, к нему вошли Миронов, Пономарев и Ушаков. Главком не пригласил их сесть и руки им не подал. Все они стояли, как столбы, а я и Главком сидели. Пришлось и мне встать, сделав вид, что и я соблюдаю субординацию. Со всеми заместителями Главкома и членами Военного Совета ВВС (кроме Рытова, Кобликова и Скрипко) у меня явно плохие отношения. Все они «обижаются» на меня за то, что Главком часто и хорошо меня принимает, а некоторых из них он с трудом переносит.

Только я зашел от Главкома в свой кабинет, как зазвонила «кремлевка» — маршал Руденко пытался разнести меня за «самоуправство». Он узнал от Королева, что на 3 декабря я назначил заседание мандатной комиссии по приему слушателей-космонавтов. Руденко я не докладывал о назначении заседания комиссии, потому что это мое право как председателя комиссии. Комиссия будет заседать уже пятый раз, и ни разу я не спрашивал ни Руденко, ни Вершинина о том, когда заседать и что рассматривать. Есть приказ Главкома, которым мне предоставлено такое право, но Руденко «забыл» о наличии такого приказа и хочет, чтобы я ходил у него «на веревочке». Я зашел к нему и прямо сказал, что обвинение в самоуправстве отвергаю и держать ответ за его «забывчивость» не намерен. Это у нас с ним уже второй крупный разговор. Маршал злопамятен, он мне еще припомнит мою самостоятельность. Руденко не столько руководитель, сколько надутый вельможа. Он не решает ни одного самого мелкого вопроса, все решаю я или Главком. Я решаю без Руденко сотни вопросов ежедневно, но он хочет, чтобы я ему докладывал каждую мелочь, а он, надувая щеки, отсылал бы меня с каждой мелочью к Главкому. Я перестал бы уважать себя и потерял бы уважение со стороны Главкома, если бы позволил себе превратиться в подобие маршала Руденко.

После полета Гагарина я со всеми космонавтами был на даче у секретарей ЦК ВЛКСМ. 8 ноября этого года ребята вторично были там и пригласили на 8 декабря всех секретарей с женами к себе. Гагарин, Титов, Николаев и Попович от имени всех космонавтов просили меня разрешить им провести эту встречу на территории ЦПК. Я запретил проведение такой встречи и доложил о своем решении Руденко, а он, как всегда, отослал меня к Вершинину. Главком позвонил в ЦК Миронову, и они решили встречу отменить. Ребята, конечно, обидятся на меня, но пора их всех крепче прибирать к рукам. Это очень трудная, щекотливая и, я бы сказал, малоприятная задача. Высшие руководители страны носятся с ними как с «писаной торбой» и как из рога изобилия сыплют им всяческие похвалы, звания и приглашения; а Каманин должен держать их в узде и быть готовым отвечать за то, что они перепьются на правительственном приеме и в хмельном угаре наговорят или наделают что-нибудь несуразное. Я должен объявлять космонавтам выговоры, задерживать присвоение званий и делать массу других неприятных для них вещей. Вместо того, чтобы все свое время отдавать делу, приходится заниматься глупостями и «сверху» и «снизу».

2 декабря, воскресенье. Дача «Заборье».

После вчерашней перепалки с Руденко я, по-видимому, очень сильно переволновался — не спал всю ночь. Да, здоровье начинает сдавать: усиливаются боли в сердце, начинает болеть голова, появилась раздражительность, быстро утомляется зрение.

Много думал о перспективах освоения космоса и о своей работе. Я убежден, что мог бы прожить еще 15-20 лет, если бы ушел сейчас в запас и поселился на даче. Но мне очень хочется самому проводить космонавта в полет на Луну. Осуществление такого полета станет реальным через 4-5 лет, думаю, что на этот срок меня хватит. Хватило бы и на большее время, но уж слишком много глупостей делает начальство (Руденко, Малиновский), а каждая глупость вредит любимому делу и портит мою, уже порядком испорченную, кровь.

В субботу перед концом работы еще раз заходил к Руденко и пытался уговорить его не тормозить ход приема в космонавты. Он не смог доказать мне разумность своего вмешательства в работу комиссии, но, как упрямый осел, остался при своем мнении. Я понял, что маршал обещал Королеву «навести порядок в работе комиссии», а Вершинину доложил, что он своевременно пресек «самоуправство» Каманина. Вершинин забыл, что он письменно доложил министру обороны 1 августа 1962 года: «Заканчиваем набор 20 космонавтов», а Руденко не помнит даже приказа министра о наборе в 1962 году шестидесяти космонавтов. Вот так у нас решаются большие дела.

3 декабря.

Вчера был в авиационном госпитале, беседовал с кандидатами в слушатели-космонавты. Полностью прошли медицинский отбор пока только десять человек. Все кандидаты с высшим образованием, шестеро из них летчики и четверо — инженеры. Короткову 39 лет, Сидоренко — 37, все остальные моложе 35 лет. Минут по 20-30 беседовал с каждым кандидатом. Ребята хорошие, и 8 из 10 могут быть приняты, а о Короткове и Сидоренко придется специально докладывать Главкому.

4 ноября.

Весь день просидел на партийном активе Министерства обороны, посвященном ноябрьскому пленуму ЦК. Малиновский выступил с докладом, мало чем отличавшимся от его же доклада на предыдущем активе. Предложений о перестройке Вооруженных Сил в докладе нет, и нет ни звука о космосе, есть лишь общие призывы усилить борьбу с ворами, взяточниками и укреплять дисциплину, повышать боеготовность. Актив проходил в Театре Советской Армии, присутствовало более 2 тысяч человек. Прения по докладу прошли очень вяло, выступило 14 человек (от ВВС — Кобликов). Ни один из выступавших не внес ни одного предложения. Была слабая попытка покритиковать Генштаб за мелкую опеку и параллелизм в работе с Главным штабом сухопутных войск. Маршал Ротмистров предложил объединить танковое и автотракторное управления. Приняли длиннющее постановление.

6 декабря.

Сегодня с 15 до 19 часов заседал президиум межведомственного Совета АН СССР по исследованию космоса. Я впервые участвовал в заседании как член Совета. Вел заседание Келдыш, присутствовали: Королев, Челомей, Янгель, Бушуев, Богомолов, Кузнецов, Ишлинский, Благонравов, Сисакян, другие главные конструкторы и академики,

представители комитетов Совета Министров. От ВВС был я, от РВСН (Ракетные войска стратегического назначения — Ред.) - генералы Соколов и Керимов и от Генерального штаба — генерал Алексеев (начальник НТК Генштаба).

С докладом по первому вопросу повестки дня — о плане космических исследований на 1963-1964 годы — выступил Келдыш. Намечается 5-6 полетов на Луну с мягкой посадкой АМС, массой 100 килограммов, создание искусственного спутника Луны с целью - фототелепередачи на Землю полной карты Луны. Будут продолжены попытки облета и посадки АМС на Марс и Венеру. Планируются пуски двух космических зондов на 20 миллионов километров с возвращением их на Землю, запуски 10 «Зенитов», 10-12 «Востоков», 4-6 «Союзов», а также 10-12 спутников типа «Космос» — метеорологических, связных, телевизионных, гелио— и геофизических. Программа большая, но она пока не обеспечена полигоном (один старт) и получением информации одновременно с нескольких спутников. Программа военных запусков не рассматривалась. Решили согласиться с представленным планом и добиваться его исполнения после рассмотрения в Военно-промышленной комиссии.

Потом были заслушаны четыре доклада о результатах полетов «Космосов». Собран очень богатый материал, определились методы исследований и необходимое приборное оборудование. Установлено, в частности, что искусственная радиация, возникающая в результате ядерных взрывов в космосе, уменьшается на порядок за 4 месяца, то есть в тысячу раз за год. Зафиксирована вспышка на Солнце 17 августа 1962 года (через два дня после посадки Николаева и Поповича).

Совет решил создать экспертную комиссию по «Союзу». Келдыш и Королев поддержали мое предложение: включить в состав четырех секций комиссии по одному космонавту и по одному инженеру от ВВС. Келдыш проинформировал собравшихся о том, что состоялось решение правительства о создании института АН СССР по космическим проблемам (Институт космических исследований — ИКИ — Ред.) и особо подчеркнул, что главное направление его деятельности - физические проблемы космоса, а не биология или конструирование.

Из разговора с Ивановским я узнал, что Смирнов и Королев готовят письмо Устинову о заказе 8 «Востоков». Только что у меня был полковник Боков из НТК РВСН и показал письмо за подписью Бирюзова, Вершинина, Судца и Горшкова. Четыре Главкома пишут, что на ближайшие 2-3 года потребуется 60 новых космонавтов. Они уже в десятый раз пересказывают мое предложение - осуществить этот набор в две очереди. В письме указывается, что до 1965 года будет осуществлено 8-10 пусков одноместных и 7-8 пусков многоместных кораблей. Подводя итоги почти годовой борьбы за осуществление дополнительного заказа 10 «Востоков», я могу с удовлетворением отметить, что моя настойчивость побеждает упрямство министра обороны. Малиновский несколько раз отказывал в заказе «Востоков» Вершинину, он может еще раз отказать четырем Главкомам, и тем не менее 8-10 «Востоков» будут заказаны, и длительного перерыва в полетах пилотируемых кораблей не будет.

8 декабря.

Вчера и сегодня беседовал с генерал-майором авиации Одинцовым Михаилом Петровичем и представлял его маршалу Руденко и Главкому, как кандидата на должность начальника Центра подготовки космонавтов. Одинцов - дважды Герой Советского Союза, первый заместитель командующего Воздушной армией в Хабаровске. Я знаю его с лейтенантов, в 1942 году он служил в моей дивизии. Руденко и Вершинин согласились с кандидатурой Одинцова и приказали генералу Гудкову оформить его перевод, но Гудков и Миронов (из ЦК) против назначения Одинцова на новую должность из-за короткого срока его службы в Хабаровске, они могут сорвать этот перевод.

Новому начальнику ЦПК будет трудно заменить Карпова. Карпов создавал Центр, подбирал и сколачивал коллектив, готовил первых космонавтов. В Центре его все уважают и любят. Но дальнейшие перспективы развития пилотируемых космических полетов, создание орбитальных и воздушно-космических самолетов требуют резкого увеличения объема летной подготовки космонавтов, что вызывает необходимость иметь во главе Центра опытного организатора летной работы.

10 декабря.

Весь день провел в Центре подготовки космонавтов. Гагарин и Титов на сессии Верховного Совета, а Николаев и Попович сдавали сегодня высшую математику. Титов сдавал математику раньше них и получил оценку «отлично», а Николаев и Попович получили по тройке. Николаев говорит: «Все шло на четверку, но с последней задачей немного запарился». Приятно, что все ребята всерьез взялись за штурм академической программы, радуются успехам в учебе и переживают за свои промахи.

Занимался вместе с Карповым расстановкой офицеров Центра на должности по новому штату. Много новых должностей с категорией »капитан-майор» и окладом 100-130 рублей, но для 7-8 офицеров, которые получали по 200 рублей и имели штатные категории полковников, должностей нет. Примерно десять офицеров теряют в окладе от 10 до 30 рублей, причем, некоторые полковники будут на майорских должностях. В таком положении, в частности, оказался Герой Советского Союза Б.Б.Глинка.

11 декабря.

Проводил совещание по вопросам строительства жилых домов для космонавтов; в совещании участвовали генерал Строганов, полковник Хотимский, генерал Горегляд, строители, архитекторы. Решали, где строить, — в Чкаловской или строить новый городок рядом с ЦПК. Маршал Руденко против нового городка, а я — за новый городок. Совещание высказалось за строительство нового городока для космонавтов. Опять у нас с Руденко противоположные позиции, а затягивать решение этого вопроса нельзя: строительство восьмидесятиквартирного дома должно быть начато в 1963 году.

12 декабря.

На сессии Верховного Совета сегодня выступил Хрущев с докладом о международном положении. Он много хорошего говорил о Югославии (маршал Тито был в Москве и слушал его доклад), беспощадно ругал Албанию и в сотый раз грозился подписать договор с восточными немцами. Нового в его выступлении ничего нет — сплошной крик души за мир и за коммунизм. Думаю, что оно будет воспринято с удовлетворением на Западе и плохо — в Албании и Китае. Хрущев умеет произносить речи, но жаль, что он не помнит их содержания. Лет 5-6 тому назад он десятки раз грозился догнать и обогнать Америку, а сейчас по сельскому хозяйству мы отстаем от США не меньше, чем тогда.

Заклинаниями и речами не выращиваются злаки и не откармливается скот. Главный наш недостаток в сельском хозяйстве - отсутствие личной экономической заинтересованности у крестьян и связанная законами, постановлениями, бюрократией инициатива народных масс.

13-14 декабря.

Два дня провел на военно-научной конференции в академии Жуковского, посвященной вопросам военного использования космических летательных аппаратов. С докладами выступали маршал Красовский, генералы Покровский, Пугачев, Болховитинов, Микоян и другие. С заключительным словом выступил маршал Руденко. Было много интересных выступлений в прениях с предложениями по разработке квантовых генераторов, орбитальных самолетов, воздушного старта ракет и др. Болховитинов, в частности, утверждал, что расчетами доказано большое экономическое и военное преимущество орбитальных самолетов перед баллистическими ракетами при действии по стратегическим малоразмерным целям (подлодки, стратегические ракеты в шахтах и др.). Для поражения каждой из таких целей вместо 9 ракет потребуется лишь два орбитальных самолета. Конференция, в целом, прошла удовлетворительно, но в прозвучавших на ней докладах и выступлениях было много агитации за «военизацию» космоса и мало обсуждалось конкретных мероприятий. Необходимо уже теперь обсуждать и решать конкретные вопросы назначения, применения и оборудования различных космических летательных аппаратов.

16 декабря. Дача «Заборье».

Необычно теплый декабрь — за прошедшую неделю весь снег растаял. Сегодня три градуса мороза, приятный, солнечный воскресный день. Много гулял с Олей, ходили с ней на пруд смотреть, как мальчишки самодельными клюшками гоняют шайбу, следили за проходящими вдали электричками. Оля несколько раз просила: «Давай пойдем туда, где горизонт…» Я терпеливо разъяснял ей, что до горизонта не дойдешь и даже не долетишь, но она не слушала мои объяснения, больше доверяя своим глазам, и все твердила: «Дойдем! Вон он горизонт, около тех домиков…»

17 декабря.

Утром мы с Мусей возвращались с дачи автобусом и электричкой. Народу многовато, тесно, но мне эти поездки нравятся больше, чем в машине. Интересно, затерявшись в толпе, наблюдать за окружающими тебя людьми, слушать их разговоры. В штатском меня принимают за сельского интеллигента, и это никого из окружающих не связывает — будь я в генеральской форме, такого не было бы. В военном костюме я и сам чувствую себя как-то скованно, да и окружающие гражданские держатся с генералом несколько отчужденно и холодно.

До войны я всегда и везде гордился своей военной формой, а сейчас в форме генерал-лейтенанта авиации со звездой Героя Советского Союза и 22-мя орденскими ленточками я почему-то не ощущаю былой гордости за принадлежность к ВВС и за знаки высоких наград. Дело, по-видимому, не только в том, что я старею и мне надоело внимание и знаки уважения со стороны окружающих. Главное — в изменении отношения народа к нам, военным, и особенно к старшим офицерам и генералам. Основная масса советских граждан уже не считает нас «своими» людьми, вышедшими из народа и составляющими его гордость. На нас смотрят как на людей, стоящих где-то в стороне от народа или даже над народом. Что же произошло за 15-17 послевоенных лет, и почему так изменилось за это время отношение к офицерам и генералам?

Причина в том, что рядом указов правительства нас фактически «выделили» из народа. Высокие пенсии, наделение участками для дач, высокие оклады и другие привилегии сделали свое вредное дело. Многие из нас, военных, очень бездарно воспользовались предоставленными нам правами и преимуществами, «реализовав» их в пьянке, спекуляции, безделье… (дачи, машины и т.д.). Продаст яблоки из своего сада колхозник или рабочий — этого никто не заметит; сделает то же самое семья генерала — об этом будут говорить и писать как о разложении (и правильно!). Было несколько случаев, когда офицеры и генералы на своих машинах сбивали взрослых и детей. Случись такое с рядовым шофером — это только печальное происшествие, — но когда то же самое совершает офицер, оно получает другую оценку: «Разжирели, пьянствуют, завели свои машины и т.д.». Такие отдельные факты несколько раз смаковались газетами, и это сформировало соответствующее общественное мнение.

19 декабря.

Получил вчера шифр-телеграмму от нашего посла Михайлова. Он передает официальное приглашение от Сукарно Николаеву и Поповичу посетить Индонезию в январе 1963 года. Руденко против этой поездки, сейчас он за Главкома (Вершинин в отпуске) и может попортить мне нервы, но поездка все равно состоится.

Пришло сообщение от Келдыша: меня и генерала Холодкова включили в состав экспертной комиссии по «Союзу». Кроме нас, от ВВС в состав четырех секций этой комиссии вошли восемь космонавтов и четыре инженера. Будем надеяться, что нам удастся кое-что подправить в конструкции и оборудовании этого нового космического корабля.

20 декабря.

Два часа позировал скульптору Григорию Николаевичу Постникову, с которым я познакомился в Крыму, в Тесселях, где он лепил бюсты Николаева и Поповича. Последний ему не удался, а первый получился хорошо. Еще в Крыму Кербель и Постников несколько раз приставали ко мне, чтобы я согласился дать им несколько сеансов. Там, в Крыму, мне показалось, что они это делают не столько из интереса ко мне, сколько для того, чтобы «подмаслить» меня, и я категорически отказался позировать. Несколько позже, в Москве, Постников сообщил мне о решении Главпура организовать выставку к 45-й годовщине Вооруженных Сил и о полученном им задании сделать для выставки мой бюст как одного из первых Героев Советского Союза и первого Героя среди военных. Кербель также звонил несколько раз и просил заехать к нему, но я предпочел Постникова. Работа над бюстом идет успешно, сходство большое, а сам скульптор очень приятный человек. Постников был и остался влюбленным в Сталина, он болезненно переживает все упреки в его адрес. Он говорит: «Я не понимаю и никогда не пойму, как можно неполадки в сельском хозяйстве валить на Сталина, ведь прошло уже десять лет, как он умер. За эти десять лет нашего топтания на месте должны отвечать современные руководители».

Постников рассказал много интересного о посещении Хрущевым художественной выставки и о его последней встрече с литераторами. На выставке Хрущев, приближаясь к «творениям» абстракционистов, спросил: «Где эти

педерасты?», а в заключение осмотра сказал: «Советскому народу такая мазня не нужна. Я с удовольствием посодействую авторам этих произведений в переезде на Запад, там их сумеют оценить». На встрече с литераторами очень смело выступил поэт Евтушенко. Обращаясь к Хрущеву, он сказал: «Меня очень удивляет, что вы на выставке спокойно отнеслись к культу вашей личности в ряде представленных там работ». Хрущев терпеливо выслушал это обвинение и не ответил на него. Он призвал литераторов изгонять абстракционизм и бороться за советский реализм.

Только что звонил Гостев из ЦК ВЛКСМ. Комсомол уже реализует последние указания вождя о борьбе с абстракционизмом: Гостев разыскивает Гагарина и Титова — он хочет, чтобы они вместе с большой группой известных комсомольцев подписали письмо в газеты с протестом молодежи против попыток извратить в искусстве и литературе советский реализм, скатывания некоторых авторов на позиции абстракционизма.

21 декабря.

Был у меня Попович, больше часа беседовали с ним о делах Центра, об учебе космонавтов и семейных делах. Марина добивается, чтобы ее взяли в кадры ВВС и дали возможность летать. Главком возбудил ходатайство о присвоении ей звания лейтенанта, но Главное управление кадров настроено отрицательно, да и командир полка, в который предназначается Марина, категорически возражает. Я пытался убедить Павла, что затея Марины с полетами едва ли разумна. В 32 года быть лейтенантом и вторым пилотом на Ил-14 — вообще незавидная участь для женщины, а для жены космонавта Поповича — тем более. Кроме того, Марине нужно было бы побольше уделять внимание семье и, особенно, дочери Наташе. Наташа очень развитая девочка, но у нее есть уже немало вредных привычек. Мне показалось, что Павел в душе согласен со мной, но ему трудно переубедить Марину — придется попробовать переговорить с ней.

Уже несколько дней Валентина Ивановна Гагарина лежит в клинике Вишневского, где ей вырезали аппендикс. Муся собирается сегодня или завтра ее навестить.

Сегодня мы с Мусей прошли в «Кремлевке» диспансеризацию. Все врачи существенных изъянов в моем организме пока не обнаружили. Сам я лучше врачей знаю, что на работе больше чем до 60 лет мне не дотянуть, а уходить в запас еще рано.

22 декабря.

Руденко «отмочил» очередной трюк. Два дня назад я заготовил письмо в ЦК КПСС за подписью Громыко (МИД), Ивашутина (КГБ) и Руденко (МО) по вопросу направления Николаева и Поповича в Индонезию по приглашению Сукарно. Подобных писем в ЦК Вершинин подписал несколько десятков, зная об этом, Руденко подписал и это письмо. Чистяков и Пушкин (МИД), докладывая письмо на подпись Громыко, по-видимому, забыли его предупредить, что есть решение ЦК о поездках космонавтов за границу, согласно которому ходатайство в ЦК представляют одновременно Министерство иностранных дел, Комитет государственной безопасности и Министерство обороны. Громыко, позабыв об имеющемся решении (или не зная о нем вообще - и такое бывает!), прочитал письмо, согласился с его содержанием, но подписывать не стал. Так же поступил и Ивашутин. Узнав об этом, Руденко отказался один подписывать письмо в ЦК и снял свою подпись на коллективном письме.

Итак, есть приглашение Сукарно, есть рекомендация ЦК — послать космонавтов в Индонезию, — есть согласие самих космонавтов, но нет человека, который взял бы на себя ответственность за представление в ЦК материалов, необходимых для поездки за границу. Вот настоящее лицо Руденко — трус и перестраховщик. В этой обстановке, чтобы не сорвать сроки поездки (а она обязательно состоится), мне приходится, вопреки воле начальства, заказывать ребятам костюмы и паспорта, давать указания по прививкам и проводить всю подготовку к их поездке. Узнает об этом Руденко — опять будет большой скандал. Но я уже начинаю привыкать смотреть на Руденко, как на пустое место, — нет, хуже: пустое место не мешало бы работать, а маршал мешает работать.

25 декабря.

Неожиданно позвонил секретарь ЦК КПСС Андропов и сообщил, что секретариат ЦК решил включить Поповича в состав делегации, вылетающей на Кубу 26 декабря. Руководитель делегации — вице-президент АН СССР Федосеев. В ее состав входят обозреватель «Правды» Юрий Жуков, спортсмен Юрий Власов и другие (всего 13 человек). Вызвал Поповича, рассказал ему о Кубе и проинструктировал по выступлениям и связям.

Забегали Гагарин и Титов, сегодня они сдали начертательную геометрию и очень довольны. Гагарин вечером будет выступать во Внуково, а к 18 часам должен заехать в больницу за Валей. Титов несколько присмирел. Я ему рекомендовал дать возможность Г.Н.Постникову вылепить для выставки его бюст. Герман задумался, а затем выпалил: «Николай Петрович, хватит с меня Яр-Кравченко — прорабатывали… учили… надоело!» Он просил разрешить ему в начале января слетать на неделю к избирателям на Алтай.

27 декабря.

Вчера доложил Руденко, что назначенный срок (15 декабря) формирования эскадрильи для подготовки космонавтов прошел, а эскадрилья не сформирована. Руденко при мне позвонил Брайко и Гудкову и очень крепко их отругал. Брайко и Гудков забегали, подгоняя своих подчиненных, заходили и ко мне - пытались свалить часть вины на генерала Горегляда. В результате всей этой суматохи выяснилось, что главная причина задержки укомплектования эскадрильи офицерским составом в том, что ГКНИИ ВВС связал эту задачу с нуждами своих подразделений, в которых ожидается появление «лишних» офицеров, желающих устроиться в эскадрилью.

Только что звонил в Центр и наговорил кучу неприятностей Карпову и Гагарину. Всем космонавтам не раз объявлялось, что при выезде в Москву надо обязательно звонить в Главный штаб ВВС и сообщать свой маршрут. Вчера Попович был целый день в Москве, но к нам не зашел, и отыскать его не смогли. Сегодня повторяется то же самое — рано утром Попович с Мариной выехали в Москву, никому не сообщив маршрута поездки.

Заходил генерал-лейтенант Волынкин, его вызвал к себе маршал Руденко на «последний разговор», мотивом для которого послужил следующий эпизод. Королев обратился в ИАКМ с просьбой решить ряд проблем по теме «Союз». Волынкин поступил очень осторожно: он написал Руденко, что часть вопросов решается уже утвержденными планами, а на решение новых вопросов он просит визы Главкома (эту бумагу он предварительно завизировал у Холодкова, Бабийчука и Мишука). Королев и Волынкин поступили абсолютно правильно, а Руденко ведет себя неумно — его

обидело, что Королев обращается прямо в институт, а не к нему, он закусил удила и сейчас один на один разносит Волынкина. Волынкин волевой генерал, и сегодня его разговор с маршалом наверняка закончится большим скандалом.

Генерал Горегляд разговаривал с полковником Жуковым из управления генерала Ловкова в Генштабе, у которого уже три недели лежит письмо за подписями четырех Главкомов (Бирюзова, Судца, Вершинина и Горшкова) с докладом о плане запусков ИСЗ на 1963-1964 годы и просьбой разрешить в 1962 году набрать не 60, как это записано в приказе министра обороны, а только 20 слушателей-космонавтов, с тем чтобы остальных 40 набрать в 1963 году. Данный документ, адресованный министру, до сих пор ему даже не доложен — это рекорд для военных бюрократов! Итак, Руденко подвел Вершинина, который еще 1 августа писал министру: «Пять женщин набраны в слушатели-космонавты и приступили к занятиям, а остальные 15 слушателей-космонавтов прибывают в ближайшее время». А оба они не выполнили приказ министра о наборе в 1962 году 60 космонавтов и тем самым затормозили дело освоения космоса. Может получиться так, что многоместные космические корабли будут готовы к полетам раньше (в 1964 году), чем мы подготовим для них экипажи (в 1965 году). Конечно, экипажи можно подготовить и быстрее, но только за счет снижения качества их подготовки.

28 декабря.

В 23:15 мне на квартиру позвонил секретарь ЦК КПСС Андропов и сообщил, что принято решение о вылете Поповича на Кубу через 2-2,5 часа. Сегодня днем мне официально сообщили, что делегация на Кубу вылетает в час ночи, но Попович полетит только 30 декабря. Но ночью все вдруг изменилось, и пришлось Поповича по тревоге отправлять на аэродром.

30 декабря.

Последний рабочий день 1962 года. Вчера весь день провел в Центре, рассмотрел и утвердил расстановку офицеров по новым штатам. Беседовал с Гагариным, он от имени всех космонавтов настаивает включить в план 1963 года 50 часов налета для каждого космонавта (из них 25 часов на истребителях). Программа на 1963 год получается очень напряженной: учеба в академии, 50 часов налета, подготовка и осуществление космических полетов, заграничные поездки и большая общественная деятельность — это в 2-3 раза больше нормальной загрузки офицеров. Беседовал я и с заместителем начальника Центра по летной подготовке инженер-полковником Азбиевичем. Он сильно обленился и ничего не понял из наших неоднократных разговоров. Сам Азбиевич ничего не делает, он может только перекладывать работу на других и бесконечно оправдываться. Пришлось освободить его от должности.

27 декабря генерал Волынкин «исповедовался» у Руденко ровно три часа. Они наговорили друг другу много «любезностей» и разошлись еще дальше, чем были до этой встречи. Руденко уделил три часа разносу начальника ИАКМ и не находит одного часа, чтобы рассмотреть и утвердить годовой план работы института.

31 декабря. Дача «Заборье».

Новый год всей семьей встречали на даче. К Леве (сын Н.П.Каманина — Ред.) приехал в гости его близкий друг с женой. Для Оли устроили хорошую елку. Оба предновогодних дня стояли сильные морозы (до -25 градусов). На лыжах ходил только я, да и то не больше 30 минут.

1963 год.

Дорога в космос трудна, на пути будет много осложнений и неприятностей, но нужно делать все возможное для расчистки этого пути. Он нужен человечеству на века, а все наши возможные потери и неприятности легко забудутся, хотя для нас, еще живущих, они не безразличны.

1 января.

Новый год для нас начался с большой неприятности: объявилась «дочь генерала Каманина». Около часа дня к нам на дачу приехала молодая симпатичная женщина лет 23-25 и сказала, что хочет видеть меня и желает со мной поговорить наедине. Незнакомка назвалась Аллой Щукиной из Иванова. Ее мать, по словам Щукиной, очень хорошо меня знает по Борисоглебску. Есть, как она сказала, и карточка, на которой ее мать сфотографирована вместе со мной. На мой вопрос: «Где эта фотокарточка?» — Щукина ответила, что она находится в чемодане, который она оставила в подъезде нашего дома в Москве. На мой вопрос о фамилии ее матери, девушка назвала какую-то ничего не говорящую мне фамилию.

В Борисоглебске в 1929 году я был знаком только с Тосей Масловской. Мы дружили, встречались по воскресеньям, но дело не доходило даже до поцелуев. У моих товарищей по училищу тоже были знакомые девушки. Несколько раз мы всей компанией ходили гулять в городской сад, но я не помню, а может быть и не знал, их имен и фамилий. Я подумал, что может быть одна из этих девушек принимает меня за своего знакомого. Из разговора и ответов на мои вопросы я понял, что Алла Щукина хотела бы видеть во мне своего отца. Правда, она не решилась сказать об этом прямо, а делала туманные намеки на «хорошее» знакомство ее мамы со мной. Тогда я задал ей несколько вопросов. На вопрос: «Когда вы родились?» последовал ответ: «В 1937 году». А на вопрос: «Кто Ваша мать и где она сейчас?» «Моя мама в городе Иванове, она замужем за командиром авиационного полка Кузнецовым, но он не родной мне отец. Я замужем, мой муж летчик, у меня есть сын». Я попросил Щукину показать паспорт — паспорта не оказалось. Спросил, есть ли у нее деньги на обратный проезд в Иваново, денег тоже не оказалось.

Было ясно, что передо мной сидит не совсем нормальный человек, хотя она производила в общем неплохое впечатление и никаких заметных отклонений от общепринятых норм поведения не обнаруживала. Я спросил ее: «Какая же все-таки цель вашего приезда в Москву — в такой большой праздник вы бросили мать, мужа, сына и поехали искать встречи с незнакомым вам человеком, — для этого должны быть какие-то веские причины?» «Я хотела посмотреть на вас, вы мало изменились. А разве нельзя посмотреть на Героя?» — ответила она. Я понял, что дальнейший наш разговор бессмыслен. Предложенные мной на дорогу десять рублей она охотно взяла, поблагодарила и обещала выслать деньги на мой служебный адрес.

На всех членов нашей семьи (особенно на Мусю и Леву) это посещение Щукиной произвело очень неприятное впечатление. Муся лучше других знает, что я уехал из Борисоглебска в 1929 году, а в 1934 году я там был всего несколько часов. Еще 30 лет тому назад я говорил ей, что в Борисоглебске у меня была единственная знакомая Тося Масловская, которой в то время было 16, а мне 20 лет, и что мои отношения с ней нельзя назвать иначе как неокрепшее знакомство. И тем не менее Мусю смутило появление Щукиной. Она бросила мне: «Почему ты всегда святой — со всеми все случается, а ты безгрешен?» Скажу откровенно, что меня больше всего укололо это сомнение жены. Муся знает меня 32 года, мы прожили хорошую и дружную жизнь, и при первой же серьезной проверке она все же усомнилась во мне. Я не удержался и сказал ей: «Я был бы очень рад встретить свою дочь или сына, но это, к сожалению, невозможно, так как, кроме Льва, у меня нет и не будет детей».

2 января.

Позвонил в Иваново, к телефону подошел подполковник Кузнецов. Я спросил его, знает ли он Аллу Щукину. Он ответил, что Щукина работает в батальоне аэродромного обслуживания, она жена офицера. Я спросил Кузнецова, каковы отношения между его женой и Щукиной. Щукина сказала мне, что ее мать замужем за Кузнецовым. Подполковник ответил, что, его жена Щукину совершенно не знает, и быть ее матерью не может, поскольку ей 34 года, а Щукиной 25 лет. Я рассказал Кузнецову о появлении Щукиной 1 января у меня на даче. Выслушав меня, подполковник сказал, что несколько дней тому назад Щукина обращалась к замполиту полка с просьбой выделить ей лучшую квартиру и назвалась «дочерью генерала Каманина».

Итак, Алла Щукина вовсе не больная шизофренией, а просто начинающая аферистка. Я попросил командира полка разобраться со всей этой историей и сообщить мне письменно результаты расследования.

4 января.

Маршал Руденко до 20 января ушел в отпуск. Вчера я был у Вершинина и легко его уговорил снять «вето» Руденко на набор космонавтов. 8 января проведу заседание мандатной комиссии и отберу пятнадцать новых космонавтов, а с февраля начнем с ними плановые занятия. Я доложил Вершинину, что письмо за подписью четырех Главкомов, адресованное Малиновскому, 20 дней лежало у полковника Жукова и министру не докладывалось. Только после моего звонка Ловкову письмо было доложено генералу армии Иванову, который дал на него совершенно невразумительный ответ. Главком уже не раз, по-видимому, получал от министра подобные «пилюли» и не особенно возмутился моим сообщением. Вершинин согласился с моим предложением написать в ЦК письмо за подписью Малиновского, Келдыша, Смирнова и Дементьева с просьбой разрешить набрать для обучения в ЦПК гражданских лиц (ученых, конструкторов и других специалистов) без призыва их в армию и с сохранением связей с производством или местом научной работы.

Горегляд сообщил мне, что сегодня Военный Совет ВВС будет рассматривать мою аттестацию на предмет представления к званию генерал-полковника. 23 февраля, в день 45-летия армии многие получат новые звания, но я думаю, что меня в этих списках не будет. Штатная категория моей должности «генерал-лейтенант», и кому какое дело, что я в течение 18 лет в звании генерал-лейтенанта занимал сначала должность с правами министра (председатель ЦК ДОСАВ), а затем должности командующего Воздушной армией и первого заместителя начальника Главного штаба ВВС (все эти должности имеют штатную категорию генерал-полковника — маршала), и только в 1960 году, когда я стал заниматься космосом, мне срезали штатную категорию и одновременно снизили на 70 рублей мой оклад. Не скрою, мне было бы приятно получить очередное воинское звание — я давно его заслужил. Я уже не удивляюсь головокружительному росту в званиях и назначениях многих наших военачальников (Епишев, Агальцов, Судец,

Бирюзов и другие) и теперь с философским спокойствием встречу и новое звание, и отказ в его присвоении.

5 января.

Гагарин внезапно заболел — аппендицит. Вчера в клинике Вишневского ему сделали операцию, и Юрий чувствует себя вполне удовлетворительно. Николаев после укола (2 января ему делали профилактические прививки перед поездкой в Индонезию) тоже расхворался и 3 января не смог быть на встрече в Москворецком райкоме партии. Вместо него пришлось выступать мне и профессору Яздовскому.

7 января.

Беседовал с Вершининым по основным проблемам космонавтики. Я доложил Главкому, что 5 кораблей «Восток» в 1963 году будут построены (все распоряжения даны Устиновым, и Королев уже приступил к их постройке). От нас потребуется уточненный план использования всех семи кораблей (двух существующих и пяти строящихся). Такой план будут готовить Горегляд, Мишук и Бабийчук.

Рассказал я Вершинину и о наших расхождениях с маршалом Руденко в вопросе о роли и назначении Института авиационной и космической медицины. Руденко хочет сузить роль ИАКМ рамками узковедомственной организации, а я за то, чтобы институт решал не только задачи ВВС и МО, но и государственные задачи. Фактически институт рядом решений ЦК и правительства уже нацелен на такой объем задач, и сейчас тащить его назад было бы неумно и неэкономно (созданное растаскивать, а где-то вновь создавать), да нам никто этого и не разрешит. Сейчас в аппарате Устинова будет отрабатываться программа медико-биологических исследований в космосе на 5-7 ближайших лет. Предполагается создать межведомственную комиссию для руководства и координации работ в этом направлении, одновременно будут уточнены задачи ведомств и организаций. Пришло время сказать наше твердое слово: будем мы брать экологию или мы будем продолжать отпихиваться от нее. Главкому этот разговор явно не понравился. Он сказал, что доверяет Руденко и верит мне, но сам твердого мнения по этому вопросу не имеет и хотел бы в присутствии Руденко еще раз посоветоваться со специалистами.

8 января.

Более четырех часов заседали по отбору космонавтов, рассмотрели 25 кандидатов, признанных медицинской экспертизой годными для работы в качестве космонавтов. Из 25 признали неподходящими четверых: Короткова и Сидоренко (по возрастным ограничениям), Белоусова (из-за особенностей в состоянии его позвоночника) и Суворова (из-за склочного характера и погони за материальными благами). 15 человек приняли: летчики Г.Т.Добровольский, В.А.Шаталов, А.А.Губарев, А.П.Куклин, Л.В.Воробьев, А.В.Филипченко; штурман А.Ф.Воронов; инженеры А.Н.Матинченко, В.М.Жолобов, В.И.Гуляев, П.И.Колодин, Ю.П.Артюхин, Э.И.Буйновский, Л.С.Демин, Э.П.Кугно. Шесть человек зачислены кандидатами для очередного приема осенью 1963 года. Их можно было бы и принять, но Главком решил проявить осторожность — он помнит, что мы несколько раз докладывали о необходимости набрать в этом году не более 20 человек. Большинство из принятых слушателей имеют возраст 30-35 лет, у всех высшее образование.

9 января.

Можно кричать «Ура!»; 7-8 месяцев борьбы за заказ новой партии кораблей «Восток» закончились полной победой. Постепенно Королев, Смирнов, Келдыш, Малиновский и Устинов переходили на нашу сторону. Особенно долго сопротивлялся Малиновский (по должности он должен воевать за нас, за космос, а он упорно воевал против). Только что позвонили из Генерального штаба и потребовали планы полетов на пяти кораблях «Восток» для обоснования заказа на их постройку. Планы эти я рассмотрел, завтра согласую их с Королевым и доложу Главкому. Вершинин передал мне по телефону, что ему позвонил Гречко и сообщил об утверждении генерала Одинцова начальником Центра подготовки космонавтов.

Договорился с С.П.Королевым о нашей очередной встрече. Я хочу согласовать с ним:

1) план и дату женского космического полета в марте-апреле 1963 года;

2) планы полетов «Востоков» на 1963-1964 годы (4-5 полетов в 1963 году и 2-3 — в 1964 году);

3) проект письма в ЦК КПСС за подписьюМалиновского, Келдыша, Смирнова иДементьева о приеме на обучение в ЦПК ВВСгражданских лиц из числа ученых и крупных специалистов без зачисления их в кадры армии и обучении без отрыва от научной работы.

Против направления такого письма в ЦК возражают Руденко и Рытов, но мне удалось убедить Вершинина в необходимости этого мероприятия, и надо быстро провести его, пока Руденко не вернулся из отпуска.

11 января.

Рано утром минут 40 беседовал с Вершининым. Главком подписал приказ о зачислении в ЦПК 15 слушателей-космонавтов, из них: один — из ВМФ, двое — из ПВО, четверо — из РВСН и восемь - из ВВС. Подписал Главком и письмо министру обороны с приложением проекта письма в ЦК КПСС о наборе гражданских лиц в ЦПК. Он хочет, чтобы я лично доложил письмо маршалу Гречко и рассказал ему поподробнее о наших космических задачах. Насколько я понял Вершинина, он хочет, чтобы Гречко мог поближе узнать меня и объем моих обязанностей — это будет иметь определенное значение при рассмотрении материалов на присвоение мне звания генерал-полковника. Маршал Гречко — председатель Высшей аттестационной комиссии, — и от его мнения, конечно, будет зависеть многое. Я на этой встрече не настаивал и не искал ее, хотя, постоянно хочется «просвещать» больших начальников в космических делах. Я знаю Гречко с 1943 года: под Житомиром мой штурмовой корпус более месяца помогал армии генерал-лейтенанта Гречко отбивать контрудар большой группы немецких танков. За 20 лет Гречко вырос в должности и в звании. Чувствуя поддержку со стороны Хрущева, он держится уверенно и авторитетно, но для меня он был и остался «пехотой», которая так много сделала в прошлой войне и так много портит в деле обороны в возможной новой войне.

Сегодня был в Подлипках у С.П.Королева. Выглядит он плоховато: усталый и вялый - неудача с лунником сильно его «потрепала». Завтра он собирается на 7-10 дней в Барвиху. Встретились мы с ним очень хорошо, и разговор наш один на один был на редкость продуктивным. Сергей Павлович одобрил и охотно завизировал письмо в ЦК по набору гражданских лиц, назвал отличной нашу программу на семь очередных полетов кораблей «Восток». Договорились о сроке предстоящего космического полета (апрель-май), о конкретной программе полета и его продолжительности.

Сергей Павлович проявил готовность поддержать любой из трех наших вариантов:

1) полет одного корабля с женщиной на 1-3 суток;

2) групповой полет двух кораблей с женщинами на каждом с той же продолжительностью, суточный интервал между пусками, посадка парой;

3) смешанный вариант: первый корабль с космонавткой летает до трех суток, а второй — с космонавтом — стартует вслед за первым, спустя сутки-двое, и летает 5-7 суток.

Так как главная цель очередного полета - выведение на орбиту корабля с женщиной, есть смысл готовить и отстаивать второй вариант. Третий вариант наиболее сложен по подготовке, а первый прост и мало эффективен. Буду отстаивать необходимость одновременного полета двух женщин на двух кораблях.

12 января.

Вчера на парткоме ВВС я выступал с докладом о работе ЦПК и о нашей деятельности по освоению космоса. Присутствовали члены бюро парткома, секретари парткомов институтов, генералы Клоков, Волынкин, Мишук, Федоров, Горегляд и другие. За 30 минут я доложил о состоянии ЦПК, перспективах его развития и о работе аппарата ВВС по подготовке и осуществлению пилотируемых космических полетов. В прениях выступили девять человек, в заключительном слове я предложил в феврале-марте этого года заслушать и обсудить доклад на тему «Космос-ВВС» на пленуме парткома с задачей: добиться объединения и более эффективного использования усилий ВВС в освоении космоса. Партком принял решение о подготовке такого пленума.

Более часа беседовал с заместителем Главкома по боевой подготовке генерал-полковником С.И.Мироновым. Сергей Иванович — милейший человек, формально он мой начальник, но фактически, минуя его, я подчиняюсь маршалу Руденко и Главкому. В свое время Миронов хотел сохранить хотя бы видимость своего участия в руководстве работами ВВС в области космонавтики, но оба маршала «отжали» его от космоса, и он занимается только фронтовой авиацией. Миронов, как и большинство офицеров и генералов ВВС, не любит Руденко, Брайко и Пономарева — эта троица приносит мало пользы авиации. Миронов высказывается за пересмотр кадрового состава центрального аппарата ВВС и Министерства обороны.

15 января.

Говорил по телефону с Одинцовым, сообщил ему о решении ЦК КПСС и о приказе министра обороны по назначению его на должность начальника Центра подготовки космонавтов ВВС. Этим же решением ЦК эта должность введена в номенклатуру ЦК. Обстановка в семье у Одинцова сейчас очень сложная: жена только что легла в больницу рожать. Я посоветовал Одинцову не торопиться с отъездом из Хабаровска до выяснения положения с женой. Он решил до конца января задержаться в Хабаровске и использовать это время на прохождение летной медицинской комиссии.

Вчера и сегодня беседовал с генералом Бабийчуком по поводу присвоения генеральского звания полковникам медицинской службы Карпову, Яздовскому и Исакову. Бабийчук за Карпова и Исакова, но категорически против Яздовского. Сегодня он говорил с Главкомом, и тот ему сказал: «Военный Совет все представления на генеральские звания рассмотрел и в ближайшее время этим вопросом заниматься не будет». Несколько дней назад, беседуя с Вершининым, я убедил его в необходимости рассмотреть материалы на Карпова и Яздовского, но прошло несколько дней, и решение изменилось. Очень хорошо известно, что решение начальства зависит от того, как и кто ему доложит. Думаю, что своим докладом Главкому Бабийчук подложил «большую свинью» своим подопечным полковникам. По этому вопросу, кроме Главкома, я говорил и с Мироновым, который согласился утвердить представление полковников-медиков на генеральские звания; но сейчас, после отказа Главкома, рассмотрение этого вопроса на Военном Совете, даже при поддержке Миронова, не будет иметь практической ценности.

Заходил подполковник Попович, 13 января он прилетел с Кубы на Ту-114 рейсом Гавана-Москва без промежуточной посадки (14 часов полета). Попович рассказал о встречах на Кубе много интересного. Сегодня в «Красной звезде» есть его статья об этой поездке. Я сообщил ему о решении ЦК КПСС — послать в Индонезию одного Николаева. Павел высказал мнение, что лучше было бы поехать вдвоем, но на поездку в Индонезию он не претендует. Из его рассказа о пребывании на Кубе в составе большой советской делегации я понял, что космонавтам следует ездить за рубеж самостоятельно — это лучше в смысле пропаганды космонавтики, и избавляет от многих организационных недоразумений. На Кубе везде встречающие приветствовали Поповича и забывали о других членах и даже руководителе делегации. 18 января Ленинград празднует двадцатую годовщину прорыва блокады, и обком просит прислать туда хоть одного космонавта. Решил направить в Ленинград на 3-4 дня Поповича. Дал ему задание побывать у писателей, в школе-интернате, на заводах и в воинских частях.

Звонил Постников, он сообщил, что мой бюст в гипсе уже готов, и просил заехать и посмотреть. Несколько раз звонил Л.Е.Кербель, он тоже хочет сделать мой скульптурный портрет. Я отказал ему из-за большой занятости. Только что позвонил Александр Иванович Тодорский, он собирается выступать по радио в день столетия К.С.Станиславского и хочет упомянуть о нашей встрече с Константином Сергеевичем в 1937 году у него на квартире (я тогда был слушателем, а Тодорский начальником академии имени Жуковского). О нашей встрече со Станиславским написана картина; она была на выставках, о ней писали в газетах (речь идет о картине В.П.Ефанова «Встреча слушателей Военно-воздушной академии имени Н.Е.Жуковского с артистами Театра имени К.С.Станиславского» — Ред.) .

17 января.

Более часа инструктировал Николаева по его предстоящей поездке в Индонезию. Рассказал ему о повадках и приемах западных обозревателей и фотокорреспондентов. Обсудили с ним около полусотни наиболее вероятных вопросов на пресс-конференциях и возможные варианты ответов на них, объяснил ему ошибки Поповича на Кубе («Мы будем помогать Кубе не только на Земле, но и из космоса», «Мир скоро узнает имя первой космонавтки»), которые ловко используют американские корреспонденты. Вершинин рассказал мне о своем разговоре с маршалом Гречко по поводу набора в космонавты ученых из числа гражданских лиц. Гречко отказался подписать письмо в ЦК и сказал: «Мы будем набирать в космонавты только молодых крепышей из военных, нам не нужны хлюпики из гражданских ученых». Вот так понимает задачи освоения космоса первый кандидат в министры обороны. Захаров и Малиновский могут подкрепить эти доводы только матом. Итак, руководство Министерства обороны против допуска ученых и конструкторов в космос — предстоит опять (в который уж раз!) упорная и длительная борьба. Впрочем, я глубоко

убежден, что глупость руководства МО в этом вопросе настолько очевидна, что ему и без борьбы через некоторое время придется отказаться от своих «идей», - жаль только терять впустую много времени. Осенью этого года мы все равно примем в число космонавтов 10-12 гражданских ученых и специалистов.

18 января.

Е.А.Карпов и В.А.Смирнов доложили о своем участии в работах экспертной комиссии по «Союзу». Смирнов предлагает настаивать на следующем:

1) обязательно иметь скафандр на каждого члена экипажа;

2) хотя бы как-то обозначить попытку использовать аэродинамические силы для управления кораблем при спуске;

3) предусмотреть возможность катапультирования экипажа в аварийной ситуации.

Королев и все его помощники категорически возражают по всем трем позициям. Обсудив с космонавтами и членами НТК ВВС эти вопросы, мы решили настаивать только на наличии скафандров, а от использования аэродинамических сил, требующего наличия у корабля небольших крыльев, и от обеспечения аварийного катапультирования сочли возможным отказаться. Споры по двум последним позициям только затянут осуществление проекта, да и в ОКБ Королева на данной стадии развития космонавтики эти предложения просто не осуществимы. Два-три дня назад представители ЦПК и офицеры части генерала Холодкова были у Челомея и знакомились с ходом проектирования ракетоплана; пока ничего нет даже на бумаге, кроме заверений дать в феврале эскизный проект. Челомей уже больше двух лет работает над этой тематикой, в январе 1961 года мы с Главкомом были у него — тогда он обещал нам многое, — но ничего из обещанного не выполнил. Реальными космическими кораблями на ближайшие 3-5 лет будут корабли Королева, и только его — все остальное вряд ли продвинется за рамки эксперимента.

19 января.

Был у Главкома, доложил ему о том, что сегодня в 22:00 на специальном самолете Ил-18 майор Николаев и сопровождающие его лица вылетят в Индонезию. Заходил ко мне Яздовский и рассказал о настроениях в институте и о комиссии маршала Москаленко, проверяющей его деятельность. Комиссия собирается записать в акте проверки, что институт не выполняет решений партии и правительства и недостаточно твердо отстаивает свои программные позиции перед руководством ВВС.

21 января.

Более трех часов вместе с генералами Мишуком, Холодковым и группой офицеров ВВС работали в ОКБ-1. Константин Петрович Феоктистов и другие инженеры и конструкторы доложили нам основные данные, назначение и принципы использования космического корабля «Союз». Главная идея «Союза» — осуществление стыковки на орбите с целью обеспечения длительных полетов научного и военного назначения. В комплекс «Союз» входят три составные части:

1) трехместный космический корабль 7К (массой 5,5 тонн) с бытовым отсеком и спускаемым аппаратом;

2) ракета 9К (общей массой 18 тонн) с двигателями и запасом топлива для маневрирования корабля на орбите и доразгона его до второй космической скорости (тяга основного двигателя — 0,45 тонны, а двигателей ориентации — от одного до десяти килограммов; масса топлива при полной заправке баков ракеты составляет 14 тонн; для полной заправки необходимы четыре стыковки с танкерами;

3) танкер 11К (массой 5 тонн) для доставки на орбиту двухкомпонентного топлива.

Проектом предусматривается, что комплекс «Союз» должен функционировать на круговой околоземной орбите высотой 25О километров в течение трех лет со сменой экипажей, дозаправкой, проведением профилактического ремонта и заменой агрегатов. Ресурсы корабля 7К позволяют осуществить полет на удаление до 4ОО тысяч километров (пилотируемый облет Луны). Разрабатываются и военные варианты корабля: «Союз-П» (перехватчик) и «Союз-Р» (разведчик).

Установленные на корабле бортовые средства поиска, обнаружения и сближения (массой 400 килограммов) обеспечивают полностью автоматическую — без участия экипажа - стыковку на орбите, но предусматривается и ручное (визуальное) управление процессом стыковки с расстояния 300 метров. Спуск корабля с орбиты — неуправляемый; ОКБ-1 категорически отвергает использование на «Союзе» каких-либо крыльев. Чтобы не задерживать решение главной проблемы - стыковки в космосе, — ВВС вынуждены снять свои предложения об установке на корабле «крылышек». Посадка спускаемого аппарата осуществляется с помощью парашютно-реактивной системы, при этом скорость спуска на парашюте не превышает 10 метров в секунду, а скорость в момент приземления при нормальной работе тормозных двигателей равна нулю. Индивидуальные парашюты и скафандры для членов экипажа не предусматриваются: рекомендации ВВС о необходимости иметь на «Союзе» скафандры остались нереализованными.

В целом проект производит хорошее впечатление, но его разработка затягивается, и первый одиночный (без стыковки) полет корабля 7К может состояться не раньше второй половины 1964 года. Мы оказались тысячу раз правы, упорно настаивая на продолжении строительства «Востоков». Космонавты, инженеры, врачи и другие специалисты ВВС активно участвуют в работах по созданию «Союза». Это участие положительно оценивается С.П.Королевым, и его необходимо еще больше активизировать.

22 января.

Весь день провел в Центре подготовки космонавтов. Разобрал с Карповым и его ближайшими помощниками (Яковлев, Никерясов, Никитин, Глинка, Черкасов и другие) все вопросы учебного процесса на 1963 год. В этом году в Центре будут работать четыре группы космонавтов и две группы слушателей-космонавтов (у каждой группы своя особая программа).

Первую группу, космическую, образуют космонавты-женщины: Соловьева, Пономарева, Терешкова и Еркина. Главная задача группы: подготовить и осуществить групповой женский полет на двух кораблях «Восток» продолжительностью до трех суток.

Во вторую группу, космическую, входят космонавты-мужчины: Комаров, Быковский, Волынов. Главная задача группы: подготовить и осуществить на «Востоках» 2-3 одиночных длительных полета (на 5 и более суток) во второй

половине 1963 года.

Третья и четвертая группы, академические, в одну входят Гагарин, Николаев, Титов, Попович, а в другую — все остальные нелетавшие космонавты: Нелюбов, Шонин, Хрунов, Заикин, Горбатко, Филатьев и другие.

Пятую и шестую группы образуют слушатели-космонавты: 7 летчиков и 8 инженеров.

Таким образом, на 1 февраля 1963 года в ЦПК будут готовиться к космическим полетам 20 космонавтов и 15 слушателей-космонавтов.

Рассмотрели с руководством Центра и многие другие вопросы. Долго совещались по вопросу строительства квартир для слушателей и постоянного состава, многое еще нужно сделать для улучшения размещения солдат.

23 января.

Около четырех часов обсуждали наши замечания по «Союзу». Присутствовали генералы Мишук, Иоффе, Бабийчук, Горегляд, Холодков, полковники Яздовский, Карпов, Терентьев, Момзяков и другие — всего более 20 человек. Пришли к единогласному решению: настаивать на необходимости иметь на борту корабля скафандры (или легкие защитные костюмы) и создании условий для наблюдения за куполом парашюта и Землей при спуске в атмосфере. Решили не настаивать на установке катапультных устройств и применении крыльев для управляемого спуска.

Более часа беседовал с маршалом Руденко, подробно рассказал ему о проделанном за время его отпуска. Руденко опять оказался на «высоте»: в вопросе о наборе в космонавты ученых он поддержал отрицательную позицию Гречко и очень прохладно встретил мое предложение о необходимости срочно сформировать бригаду для приемки, испытаний и пуска космических кораблей численностью до 200 человек.

25 января.

Центр подготовки космонавтов праздновал сегодня трехлетие своего существования (приказ о формировании ЦПК вышел 11 января 1960 года). Торжественное собрание провели в клубе Чкаловского гарнизона. Открыл вечер полковник Карпов, короткий доклад о работе Центра сделал майор Никерясов. Выступали Гагарин, Титов, Попович, Яздовский, Денисов («Правда») и другие. Гагарин и Титов выступили хорошо, Юра поблагодарил весь коллектив Центра и части гарнизона за помощь в подготовке и осуществлении космических полетов. Попович рассказал о своей поездке на Кубу. Выступал неудачно, много «якал» и путался. Собравшихся приветствовали пионеры; отличный концерт дали студенты театрального института.

На празднике был и маршал Руденко. Выступить и поблагодарить коллектив Центра от имени командования ВВС он отказался (и это, пожалуй, благо), но очередную глупость все-таки «отмочил». Когда за 10-15 минут до начала вечера человек 2О генералов и офицеров собрались в комнате президиума, маршал заметил, что Гагарин и Титов пришли не в казенных форменных ушанках, а в шапках из серого каракуля. Руденко не придумал ничего лучшего, как поставить Карпова и Гагарина по стойке «смирно» (а сам сидел) и при всех учинить им разнос за «недисциплинированность». Гагарин выслушал упреки начальства внешне спокойно и заявил, что им сшили зимнее обмундирование в военном пошивочном комбинате и что там знают уставные требования по форме одежды лучше всех нас. Маршал упрямо настаивал на своем и требовал дисциплинированности. Я сидел и краснел за маршала; его выходка и по форме, и по существу была просто глупой. В пункте 35 приказа МО № 70 записано: «Офицерам разрешается носить шапку-ушанку из серого каракуля при повседневной форме одежды вне строя». Карпов и Гагарин чувствовали всю неправоту и бестактность Руденко, но не хотели при всех «сажать его в лужу».

27 января.

Ознакомился со сценарием Н.Н.Денисова и А.С.Борзенко о полете на Луну. Сценарий слабый, главные герои — два космонавта, корреспондент «Правды» и Главный конструктор — ведут себя не лучшим образом и не создают впечатления о большом ответственном полете.

28 января.

Представил маршалу Руденко и генерал-полковнику Миронову прибывшего из Хабаровска генерал-майора авиации М.П.Одинцова.

В 15 часов в ЦПК собрали весь офицерский состав. Я представил Одинцова как нового начальника Центра, объяснил необходимость этого назначения. От имени командования ВВС поблагодарил Карпова за его труды и выразил удовлетворение его согласием остаться в Центре и работать первым заместителем начальника ЦПК. Одинцов очень коротко доложил о себе: летает с 1938 года, закончил войну в должности заместителя командира полка, после окончания Военно-политической академии и Академии Генерального штаба командовал полком, затем дивизией, служил заместителем командующего 48-й Воздушной армии по боевой подготовке, в ЦПК прибыл с должности первого заместителя командующего Воздушной армией.

Мне показалось, что общее впечатление, произведенное первым появлением Одинцова, благоприятное. Будем надеяться, что Центр будет работать под новым руководством не хуже, а лучше. А вообще-то было немного грустно, больно и обидно за Карпова. В тысячу раз было бы правильней присвоить Карпову звание генерала, официально назначить его на должность первого заместителя ЦПК, а уже затем представлять коллективу Центра его нового начальника, но сделать это не удалось из-за близорукости и мелочности Генштаба и беззубости руководства ВВС.

30 января.

Руденко вчера сказал мне, что опытно-экспериментальный завод Института авиационной и космической медицины берется построить к концу 1963 года центрифугу, и спросил, почему мы не заказываем такую центрифугу для подготовки космонавтов. Я сказал ему, что готовность завода взяться за строительство центрифуги для меня полная неожиданность и что я совсем не уверен, осуществимо ли это благое намерение. В 1960-1961 годах вся подготовка космонавтов осуществлялась на одной-единственной в стране центрифуге в авиагоспитале в Сокольниках (радиус — 3,5 метра, перегрузки - до 10 единиц, сделана немцами более 20 лет тому назад). В 1961 году закуплена в ФРГ и установлена на заводе № 918 у Алексеева центрифуга радиусом 8 метров. В 1962 году закуплена в Швеции и установлена в ИАКМ центрифуга радиусом 7,5 метров. Мы уже три года через ЦК КПСС и Совет Министров добиваемся, чтобы они обязали ГКАТ построить центрифугу радиусом 16 метров (на днях вышло постановление

Совета Министров о постройке такой центрифуги в 1967 году). В сложившейся обстановке смелое предложение завода показалось мне легкомысленным.

Сегодня я вместе с Одинцовым, Яздовским и Ребровым был в институте и на заводе. Выяснилось, что завод до конца этого года может изготовить центрифугу радиусом 4,2 метра для проведения испытаний на животных с перегрузками до 40 единиц. Завод имеет конструкторское бюро, состоящее из 90 человек; конструкторы закончили отработку всех чертежей центрифуги для животных и со второй половины этого года могут приступить к разработке новой центрифуги для тренировки космонавтов. Завод берется сделать центрифугу радиусом 7 метров и закончить ее изготовление в 1964 году. Я поставил перед коллективом завода задачу: сделать советскую центрифугу лучше немецкой и шведской. Радиус центрифуги можно уменьшить до 5 метров, но при этом перегрузки не должны быть меньше 20 единиц. Руководство завода и конструкторы обещали справиться с этой задачей.

31 января.

Вчера от Устинова позвонил Олег Генрихович Ивановский и задал мне вопрос: «К какому полету вы готовите девушек-космонавтов?» На мой ответ: «К групповому женскому космическому полету» — он расхохотался и сказал, что у него сидит представитель от Л.В.Смирнова — председателя Государственной комиссии по пуску космических кораблей с бумагой, в которой изложено предложение Смирнова: из двух имеющихся «Востоков» один использовать для полета женщины, а другой поставить в музей. Ивановский добавил, что вопрос о постройке в этом году еще четырех кораблей «Восток» не решен по вине Королева. На последнем заседании ВПК он увязал заказ на строительство кораблей с принятием их на вооружение ВВС, и это задержало принятие решения. Ивановский опасается, что «начинка» для четырех кораблей, которые уже строит Королев, будет готова не раньше августа этого года. Я сказал Ивановскому, что вся эта волокита - последние вспышки уходящей грозы и корабли «Восток» будут построены. Плохо, конечно, что из-за волокиты и бюрократизма (прежде всего Малиновского и Генштаба) мы потеряем еще несколько месяцев, но это не может иметь решающего значения. Я обещал Ивановскому послать Устинову письмо Вершинина с докладом о готовности к первому космическому полету женщины к 20 марта 1963 года и с предложением ВВС готовить групповой женский полет продолжительностью до трех суток. Сегодня же мы отослали это письмо Устинову.

Вершинин и Фурцева подписали сегодня письмо в ЦК КПСС с просьбой разрешить начать съемки фильма, посвященного первому женскому космическому полету. Я дважды говорил с Екатериной Алексеевной Фурцевой по этому вопросу, она делает все возможное, чтобы устранить бюрократические рогатки на пути создания кинофильмов о космосе.

1 февраля.

Вчера восемь часов отсидел на отчетно-выборном партийном собрании в ЦПК. На собрании было более 80 коммунистов, в том числе: Гагарин, Титов, Одинцов, Бабийчук, Яздовский, Крышкевич, представители парткома ВВС и Главного политического управления.

Отчетный доклад полковника Антощенко был розоватым и длинноватым, без критики недостатков в работе. В прениях выступили 12 человек. Как всегда, хорошо выступил Карпов, который хотя и переживает свое смещение на вторую роль в Центре, но держится и работает, как подобает коммунисту. Гагарин в своем выступлении обратил внимание на серьезные недостатки в воспитательной работе с солдатами и сержантами, рекомендовал отказаться от практики засылки в Центр солдат-штрафников, не оправдавших себя в работе испытателями в ИАКМ. Яздовский рассказал о перспективах биологических экспериментов в космосе и указал на необходимость глубже и энергичнее работать над экологическими проблемами. Были выступления с предложениями о строительстве гидробассейна, о закупке и установке шведской центрифуги, о строительстве специального жилого городка для космонавтов рядом со служебными помещениями Центра. Правильно был поднят и вопрос о необходимости иметь твердый государственный план космических полетов. Я объявил собранию о решении командования ВВС не закупать шведскую центрифугу для Центра, а силами экспериментального завода построить к концу 1964 года свою, советскую. Согласились, что отсутствие государственного плана полетов — большая для нас неприятность, — и что руководители ВВС должны всеми мерами добиваться утверждения такого плана (в ВВС есть план на десять полетов в 1963-1964 годах).

Я поставил перед коммунистами ЦПК три главные (кроме высокого качества подготовки космонавтов к полетам) задачи:

1) осваивать стыковку на орбите;

2) участвовать в создании космических кораблей с управляемым спуском;

3) глубоко изучать возможности военного применения космических аппаратов и внедрять в практику каждого полета элементы боевого применения.

30 января Герман Титов выступал на Краснопресненском металлургическом заводе. При поездке на завод у него была неприятность с милицией. Титов нарушил правила рядности машин, милиционер ему свистел, но Герман продолжал движение. Возмущенный «неповиновением» Титова милиционер остановил его машину и потребовал, чтобы он следовал с ним в милицию. Секретарь парткома завода, ехавший с Титовым, пытался объяснить милиционеру обстановку: огромный коллектив завода ждет Титова — не может он сейчас идти в милицию. Но представитель власти настаивал на своем — пришлось Титову оставить машину и пойти на завод пешком. Правда, пока он выступал, приехал начальник районной милиции, извинился за грубость милиционера и пригнал машину. Титов тоже виноват в этом недоразумении; не соблюдал рядность, не обратил внимание на свистки милиционера, не имел при себе документов или не захотел их показывать.

2 февраля.

Иногда, по дороге на работу, я хожу пешком от Академии Фрунзе до Главного штаба ВВС: 15-минутная прогулка хорошо освежает. Сегодня на такой прогулке я встретил генерала Г.И.Яроцкого, бывшего начальника штаба пятого штурмового авиакорпуса во время войны. Он работает преподавателем Академии Генерального штаба и пишет докторскую диссертацию на тему «Авиация в локальной войне». После разговора с ним у меня возникла мысль о написании книги «Война и космос». Пожалуй, из всех наших военных я располагаю самыми большими возможностями для работы над такой темой, и было бы глупо не использовать их. Тяга к перу у меня есть, но столько больших практических дел, что времени на «теоретические забавы» не остается. Вот и сейчас часы уже бьют девять, и через минуту-другую завертится чертово колесо текучки — десятки людей, сотни звонков и поток бумаг ни на минуту не отпустят до конца рабочего дня.

3 февраля.

Вчера ВВС, ЦК ВЛКСМ и ДОСААФ провели в Политехническом музее встречу ветеранов авиации с молодежью, зал был переполнен, у подъездов были толпы народа. На встречу прибыли маршалы: Астахов, Скрипко, Савицкий, генералы: Байдуков, Покрышкин, Коккинаки, Беляков, Таран, Полынин, Одинцов и многие другие. Из космонавтов был только Попович. Титов — в Киржаче на парашютных прыжках, а Гагарину я разрешил не приезжать на эту встречу. Я выступил первым и после выступлений Покрышкина и Марины Чечневой незаметно ушел. Одинцов мне рассказал, что Попович опять выступил не очень удачно. Он заявил: «Николаеву теперь трудно будет жениться», — не пояснив, что именно он имеет в виду (могут подумать о неблагоприятном влиянии на Николаева условий космического полета).

Весь день готовился к военно-теоретической конференции Министерства обороны, которая состоится 5-6 февраля. Внимательно прочитал доклады Захарова, Вершинина, Судца, Горшкова, Чуйкова, Баграмяна.

5 февраля.

На военно-научную конференцию я не поехал. Руденко и Вершинин приказали мне с генералом Мишуком ехать к 12 часам в аппарат Устинова и попытаться там добиться согласованности по заказу «Востоков» и принятии их на вооружение ВВС.

Заходил майор Николаев, доложил о поездке в Индонезию. Подробности о ней я уже знал из доклада полковника Аристова и из шифровок посла Михайлова. Я сказал Николаеву, что Сукарно, Михайлов и командование ВВС довольны результатами его визита в Индонезию, и предложил ему готовиться к поездке в Бразилию. Сегодня майора Николаева приглашает на ужин маршал Малиновский: формально это приглашение министра, а фактически — его жены Раисы Яковлевны. Малиновские в марте собираются поехать в Индонезию, и встреча устраивается под предлогом ознакомиться с этой страной по рассказам Николаева. Но я думаю, что у Раисы Яковлевны есть и другие мотивы для встречи: Николаев холостяк, а у министра взрослая дочь Наташа, которая очень благосклонно относится к космонавтам. Вообще такой брак мог бы быть полезным для космонавтики, о чем я дал понять Николаеву в шутливой форме.

7 февраля.

Вторую половину дня 5 февраля и весь день вчера слушал доклады и выступления на военно-научной конференции Министерства обороны. Присутствовали все маршалы, командующие округами, армиями и генералы, им равные, из Генштаба и Главных штабов видов Вооруженных Сил. Маршал Захаров прочитал хороший доклад «О характере и первоначальном периоде термоядерной войны». Главное в докладе — решающее значение термоядерного оружия и стратегических ракет, война не будет затяжной, особое значение первых мощных ударов. Основное содержание доклада правильное, но нет решительных рекомендаций по организационному оформлению новых идей. Было бы логичным такое решение: неуклонно усиливать ракетные войска и постепенно (по мере наращивания количества и мощи ракет), сокращать другие виды вооружения. Чуйков, Крылов и Лучинский яростно защищали пехоту.

8 февраля.

Вчера во второй половине дня на конференции выступил маршал Малиновский. Чего-либо нового в нашу военную доктрину и военное искусство министр своим выступлением не внес, он лишь подтвердил основной тезис доклада Захарова о решающем значении первых массированных ракетно-ядерных ударов. Учитывая возможности возникновения локальных войн без применения ядерного оружия (Южный Вьетнам), а также необходимость и в термоядерной войне добивать остатки войск противника и закрепляться на занятой территории, Малиновский высказался за сохранение и развитие всех видов Вооруженных Сил.

Сегодня Главный маршал авиации Вершинин сделал доклад об итогах боевой подготовки ВВС за 1962 год и задачах на 1963 год на сборах командующих воздушными армиями и ВВС округов. Доклад продолжался два часа, Вершинин дал подробный анализ состояния боевой подготовки, боеготовности и аварийности в ВВС. 1962 год был годом дальнейшего усиления ВВС (в частях стало больше МиГ-21, Су-7, Як-27 и другой новой техники) и снижения аварийности на 20 процентов по сравнению с 1961 годом. Впервые в отчетно-итоговом докладе Главкома фигурировали космонавты: Главком упомянул о первом групповом полете Николаева и Поповича, о первых экспериментах по боевому применению космических кораблей и завершении нового набора космонавтов. Завтра будут выступления с мест, а сегодня все руководство ВВС и командующие армий уехали на Главный военный совет, который проводит уже третье заседание.

Гагарин сегодня рано утром уехал на автомашине в Горький. Я ему разрешил ехать только с шофером и не больше, чем на два дня. Гагарин хочет помочь своим землякам-избирателям в ремонте автотранспорта и получении автозапчастей. Я посоветовал Юре не превращать себя в толкача, но у него очень большое желание помочь землякам, и он настоял на поездке. С просьбой разрешить поездку в Харьков обращался и подполковник Попович, но я ее не разрешил. Просьбу Поповича (он хотел поехать на свадьбу друга) Главком охарактеризовал как большую нескромность.

11 февраля.

Более часа был у Руденко. Пытался установить с ним «контакт», но только лишний раз убедился, что это бесполезное занятие. Руденко не решал и не решает ни одного вопроса — он может только запрещать, да и то не всегда. Был Титов, он собирается слетать на родину, и я разрешил, а Руденко запретил этот полет. Сегодня Главкома целый день нет на месте, но завтра он наверняка одобрит мое решение: Титов летит к избирателям, и у нас нет никаких оснований его задерживать, однако, Руденко до этого нет никакого дела. Я сегодня докладывал ему шесть вопросов и ни на один из них не получил решения. Его стандартный ответ: «Докладывай Главкому», — обеспечивает ему спокойствие, здоровье и долголетие. Я иногда завидую такому спокойствию, но чаще я глубоко возмущаюсь им и горжусь тем, что меня «зажигают» не только большие, но и мелкие повседневные дела.

12 февраля.

Руденко опять остался «с носом». Главком разрешил отпустить Титова к избирателям, хотя я и доложил ему о несогласии Руденко с моим решением. Итак, еще одна победа над Руденко, таких побед уже много, но это пирровы победы. Я знаю, что маршал все больше и больше озлобляется на меня и хотя сейчас он вынужденно терпит мое «самовольство», может в подходящих условиях крепко «насолить» мне. Сегодня я прочитал свою аттестацию за 1962 год. Генерал-полковник Миронов написал очень хорошую аттестацию с выводом: должности вполне соответствует, достоин присвоения звания «генерал-полковник». Аттестационная комиссия во главе с Руденко, а затем и Главком утвердили аттестацию. Спасибо за благие намерения, но я уверен, что «генерал-полковника» мне не дадут.

Провел совещание с представителями промышленности, ГКНИИ, ЦПК и Института авиационной и космической медицины по вопросу о комплексной трехсуточной тренировке женщин-космонавтов в тепловом макете корабля «Восток». Алексеев и Воронин изъявили согласие принять участие в проведении тренировки и обещали помочь институту в оборудовании кораблей.

Главком вчера был у Челомея и встречался там с Н.С.Хрущевым. Ссылаясь на слова Хрущева, он сказал мне: «Как дела с заказом «Востоков»? Если этот вопрос еще не решен, будем писать в ЦК». Я ответил, что «Востоки» будут строиться, но не решаются вопросы организации эксплуатации кораблей. Для того, чтобы ВВС взяли на себя приемку, испытания и организацию пуска кораблей, требуется создать подразделение с численностью 180-200 офицеров. После такого заявления Главком сразу «скис». Меня поддержал генерал-полковник Рытов, но и его выступление не убедило Вершинина в необходимости срочных и решительных мероприятий.

13 февраля.

Сегодня получил очень хорошее решение ВПК. Почти год боролся я с дюжиной министров (в том числе и с Малиновским), категорически возражавших против постройки «Востоков». Приятно победить целую кучу «больших и высоких» бюрократов и получить, наконец, документ следующего содержания.

»Решение ВПК при Совете Министров СССР.

№ 24 от 8 февраля 1963 года.

»Об изготовлении объектов «Восток».

Комиссия Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам, рассмотрев предложения Вершинина, Смирнова и Келдыша о продолжении медико-биологических исследований в условиях космического пространства с помощью космических кораблей «Восток», решила:

1. Считать целесообразным продолжение в 1963 году медико-биологических исследований в условиях космического пространства с помощью космических кораблей «Восток».

2. Обязать ГКОТ совместно сГосударственными комитетами по авиационной технике, радиоэлектронике, автоматизации и машиностроению, Министерством обороны, Всероссийским иУкраинским совнархозами в двухнедельный срок разработать и представить на утверждение согласованный план-график изготовления в первом полугодии 1963 года четырех кораблей «Восток» и носителей к ним.

3. Поручить ГКОТ, ГКАТ, Государственномукомитету по радиоэлектронике, МО СССР, АНСССР и Академии медицинских наук в двухнедельный срок проработать вопрос о возможности увеличения длительности полетов пилотируемых космических кораблей «Восток», предусмотренных настоящим постановлением, до 10 суток и в варианте с животными до 30 суток. Заключение представить в ВПК.

4. Поручить ГКОТ, Совету обороны, СО, АНСССР с привлечением заинтересованныхведомств в месячный срок разработать и представить в ВПК программу работ поосвоению космического пространства с помощью пилотируемых космических объектов на ближайшие два года, обеспечивающую безусловное преимущественное положение СССР в данном направлении.

Д.Устинов».

На документе имеются резолюции:

»Руденко. Организовать исполнение, лично руководить и контролировать. Вершинин. 12.2.1963 г.»

»Каманину, Бабийчуку, Холодкову. Совместно с институтом и ЦПК подготовитьсоображения по пункту № 3. Срок 3 дня. Руденко. 13.2.1963 г.

Каманину, Мишуку, Бабийчуку (совместно синститутом и ЦПК), Холодкову. Подготовитьсоображения по пункту № 4. Срок 7 дней».

14 февраля.

Утром позвонил Л.Е.Кербелю и сказал ему, что в феврале я не смогу у него быть. Договорились о переносе сеансов на март, но откровенно говоря, мне совсем не хочется облекаться в мрамор или бронзу, главным образом из-за возможных разговоров на тему культа и желания оставить след в истории. Слава никогда не кружила мне голову, а теперь я совершенно равнодушен к ней.

Вчера долго и обстоятельно говорил с Вершининым по ряду принципиальных вопросов дальнейшего участия ВВС в развитии космонавтики. Пока что все пуски космических объектов осуществляет промышленность под руководством Государственной комиссии. Десятки главных конструкторов (Королев, Глушко, Кузнецов, Пилюгин и другие) месяцами живут на полигоне и не имеют возможности работать над усовершенствованием своих систем. Корабли типа «Восток» летали десятки раз, и давно назрело время взять их пуски в руки военных. Но Малиновский, Гречко, а за ними и Вершинин с Руденко боятся взять на себя всю ответственность за пуски и хотят на неопределенно долгое время сохранить старый порядок. Я убеждал Главкома, что нам нужно пуски кораблей и управление космическими полетами брать на себя; сформировать для этой цели специальные подразделения (200-220 офицеров), подготовить их у Королева; и на старте за 2-3 месяца уже в 1964 году полностью отвечать за подготовку и организацию космических полетов. Когда-то Вершинин очень хотел этого, а сейчас упирается и не решается сделать твердый шаг вперед. Можно и нужно сократить любой авиационный полк или любое другое авиационное подразделение, и за счет такого сокращения создавать космические части. Но старикам уже не подняться, они, как черт от ладана, бегут от всего нового и рискованного. А космос — это не только великие победы, но и риск, ответственность и возможные большие неприятности.

15 февраля.

Гагарин выступал вчера перед рабочими завода «Красный пролетарий», а Титов произнес речь на барнаульской краевой конференции ВЛКСМ. Попович в феврале выступал уже 5 раз, а 17 февраля ему предстоит лететь в Ташкент на сбор хлопкоробов. В Ташкент летит секретарь ЦК КПСС Поляков, вчера он настоятельно просил послать с ним одного из космонавтов. В конце февраля Попович полетит в Узин, а Николаев — в Чебоксары для встречи с избирателями. Отрыв космонавтов от работы и учебы очень большой, академия жалуется на низкую посещаемость занятий и затяжки со сдачей зачетов и экзаменов.

Вчера долго обсуждали с Руденко «Положение о космонавтах», утвержденное правительством 30.8.1960 года (№ 866-361). «Положение» сейчас явно устарело, оно дает космонавтам так много всяких материальных благ и привилегий, что даже не создает стимула для желания лететь в космос, особенно лететь повторно. Космонавты еще до первого полета получают 350 рублей в месяц, год службы им засчитывается за три, срок выслуги в очередном звании сокращен для них в 2-3 раза. «Положение» переработаем и представим на утверждение в правительство. Разговор о «Положении» возник в связи с представлением Титова к званию «подполковник». По существующему «Положению» Титову нужно было присвоить звание подполковника 12 ноября 1962 года. В связи с нарушениями им правил уличного движения присвоение звания было задержано. Этот факт положительно сказался на поведении всех космонавтов и самого Титова, но Руденко все же выразил сомнение, нужно ли давать сейчас новое звание Титову. Я высказался за то, чтобы дать звание подполковника Титову и Николаеву, используя существующее «Положение», а затем пересмотреть его.

Сегодня провел большое совещание представителей ИАКМ, ЦПК, части Холодкова и НТК ВВС по вопросу использования шести новых кораблей «Восток». Решили: два корабля использовать для женского группового полета, три — для полетов космонавтов-мужчин (с постепенным увеличением продолжительности полета до 10 суток), один — для тридцатисуточного полета животных. Разработали программу медико-биологических исследований и исследований по отработке элементов военного применения. Работа шла дружно, только по вопросу тренировки космонавтов в тепловом макете корабля в скафандре с 10-суточным режимом представители ЦПК (полковник Целикин, майор Комаров, подполковник Ващенко) высказались против. Они считают, что космонавтам достаточно пробыть в скафандрах трое суток. Пришлось напомнить им основное правило военных: «Тяжело в учебе — легко в бою». Придется по этому вопросу поработать еще и с самими космонавтами.

16 февраля.

Говорил с Главным конструктором Ворониным о его участии в оборудовании теплового макета «Востока» в ИАКМ и подготовке тренировок женщин-космонавтов в трехдневном пребывании в корабле. Воронин ворчал, сопротивлялся, мотивируя свои возражения нехваткой времени. В частности, он сказал: «Одновременно для «Союза», «Востока» и изделий Челомея мы делать оборудование не можем, если будем делать для «Союза», будет стоять «Восток», а если заставят работать над «Востоком», не сможем продвигать «Союз»…» В связи с этим разговором мне вспомнился недавний звонок из ЦК КПСС. Три-четыре дня тому назад звонил Строганов (отдел Сербина) и сообщил, что Калмыков и Дементьев, возражая против решения ВПК построить четыре корабля «Восток» в первом полугодии 1963 года, предлагают более поздние сроки и просят снять другие важные заказы. Борьба за «Востоки» будет еще продолжаться, но это уже не борьба, а «добивание уцелевших группировок противника»…

С участием Мосфильма мы создали уже восемь «космических» кинокартин. Еще за полгода до полета Гагарина мы начали готовить кинофильм «Путь к звездам», и он был выпущен в свет через три недели после полета и через две недели после решения ЦК КПСС о выпуске такого фильма. Так же создавались и другие картины, повести, рассказы, книги — все готовилось до полета; приходилось брать на себя большую ответственность за возможное разглашение секретных сведений. В подготовке картин участвовали Рябчиков Е.И., Гостев И.А., Боголепов А.Д. и многие другие. За два года такой оперативной работы в ЦК КПСС накопилось много материалов, присланных по линии КГБ (Семичастный) и обобщающих все наши грехи в смысле нарушения бдительности, секретности и т.д. Из ЦК последовали серьезные предупреждения, нужно было перестраиваться, и тогда мы сочинили письмо в ЦК за подписью Фурцевой и Вершинина с просьбой разрешить киносъемки для будущей кинокартины о женщинах-космонавтах. Получили решение секретариата ЦК за подписью Ф.Р.Козлова: «Отложить». Прямо скажем, решение недальновидное и очень перестраховочное. Готовить важный полет и не накапливать параллельно материал для широкого освещения этого полета после его выполнения — это значит заранее идти на сознательное урезывание возможностей пропаганды первого в мире космического полета женщины. Дал команды прекратить допуск в ИАКМ и ЦПК кинооператоров, журналистов, фоторепортеров. Одновременно приказал собственными силами готовить все материалы (фото, кино, очерки) для широкого освещения в будущем (по разрешению) результатов полета. До моего просмотра все эти материалы будут храниться как секретные и совершенно секретные.

18 февраля.

Больше месяца тому назад я оставил маршалу Руденко для рассмотрения и утверждения план-проспект курса подготовки космонавтов и план подготовки космонавтов на 1963 год. Вместо рассмотрения и утверждения Руденко позвонил мне сегодня и сказал: «Почему я должен утверждать эти планы, давайте напишем директиву о подготовке космонавтов, а планы пускай утверждают сами». Затратить 40-50 дней на то, чтобы дать такой ответ! В этом ответе полная характеристика маршала Руденко - волокитчик и перестраховщик. Такое решение, принятое два месяца назад, еще могло бы быть приемлемым, но сейчас, в конце февраля, писать директиву с задачами на 1963 год по меньшей мере неразумно. Но Руденко упрям и, когда не нужно, проявляет большую настойчивость.

19 февраля.

Вчера в ЦДСА провели торжественное собрание ВВС, посвященное 45-й годовщине Советской Армии. Собрание открыл Вершинин, с приветствием выступил Туполев, после собрания был плохонький концерт самодеятельности ВВС.

Сегодня был у меня Гагарин. Он и его друзья немного обижаются на Одинцова — «Он с нами еще не разговаривал». Они болезненно реагируют на попытки Одинцова установить в Центре более строгие порядки.

20 февраля.

В 12 часов прилетел из Новосибирска Титов, он заезжал ко мне и рассказал о проведенных встречах с избирателями. Кроме этих встреч он провел в Барнауле и Новосибирске конференции читателей журнала «Авиация и космонавтика». Об этих конференциях мне уже рассказал по телефону командующий СиБВО генерал-полковник Бакланов, давший им очень высокую оценку. Я поздравил Германа с присвоением ему звания «подполковник» (19.02.1963 года) и взял с него обещание, что он после 24 февраля раза два-три съездит к скульптору Постникову.

Сегодня у меня с маршалом Руденко опять был очередной конфликт. Я предложил ему ходатайствовать перед министром о разрешении переформировать и усилить одно из управлений ГКНИИ ВВС, нацелив его на испытания и пуски космической техники. Руденко высказал желание не задействовать ГКНИИ на космические объекты, а сформировать для этой цели специальное подразделение. Через час после разговора с маршалом я был у Главкома, и он приказал мне написать письмо министру так, как я предлагал Руденко. Главком при встречах стремится сгладить наши серьезные разногласия с Руденко по вопросам создания первых подразделений ВВС, предназначенных организовывать и проводить пуски космических аппаратов.

21 февраля.

Получил от Института авиационной и космической медицины перечень научно-исследовательских задач обеспечения длительных космических полетов на 1964-1965 годы. Яздовский работал над этим материалом целую неделю, но сделал не совсем то, что нам нужно: хотелось бы иметь план полетов (количество, сроки, задачи), а не перечень исследовательских работ. Придется завтра вместе с НТК ВВС (Мишук) и генералом Холодковым самим разработать конкретный план космических полетов на 2-3 года.

Более часа просидел у маршала Руденко, который, как обычно, вместо конкретного решения, «закатил» длиннейшую лекцию. Уже пятый раз я докладываю ему проект письма к министру с предложениями об организации пусков космических кораблей. Сегодня он, после разговора с Главкомом, уже не возражал против допуска к этому делу ГКНИИ, но, придравшись по привычке к отдельным формулировкам, которые до этого сам же и одобрял, снова предложил переделать документ.

22 февраля.

Вчера прочитал статью «Портретов Циолковского не видно». Статья написана С.Вознесенским из Нового Оскола для журнала «Авиация и космонавтика». Автор пишет, что в 20-е годы было широко известно стихотворение о Ленине:

»Портретов Ленина не видно -

Подобных не было и нет,
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет…»

По мнению автора, это стихотворение (если вместо «Ленина» поставить «Циолковского») полностью характеризует положение с обобщением философского наследия К.Э.Циолковского. В статье есть ценные мысли, но много и ошибочного. Если доработать ее философскую часть и выбросить рассуждения и предложения, касающиеся конкретных мероприятий по освоению космоса на ближайшие годы, может получиться интересная статья.

Звонил Вершинин и сообщил, что получено разрешение Косыгина установить в ЦПК кремлевский телефон. Около двух лет я добивался этого телефона, и вот небольшая, но очень желанная победа — с установкой «кремлевки» резко улучшается связь Центра с Москвой.

25 февраля.

Два дня праздника провели в Москве, на дачу не поехали из-за болезни Оли. Сегодня ей значительно лучше, температура спала, есть вероятность завтра отвезти ее на дачу - там ей в десять раз привольней.

23-го были с Мусей в ЦДСА на приеме у маршала Захарова. На приеме были Титов, Попович, Николаев (Гагарин не приехал - опять заболела Валя), были почти все маршалы, много генералов и все военно-воздушные атташе иностранных представительств. Захаров принимал гостей вместе с новой женой — женщиной лет 40-45. Виделись со многими старыми знакомыми (Астахов, Брайко, Красовский, Руденко, Байдуков, Тодорский, Крылов). Маршал Астахов после болезни очень похудел, как будто стал меньше ростом, но держится еще бодро.

Пришел Указ о присвоении генеральских званий. Как я и полагал, моей фамилии в указе нет, и больше того, ни одному кандидату от Главного штаба ВВС на повышение в звании, имеющему штатную категорию генерал-полковника (Кобликов, Ушаков, Кутасин), соответствующего звания не присвоили. Звание генерал-полковника авиации получили Покрышкин, Гречко и Счетчиков — все они заслуживают его, хотя Покрышкин и Гречко закончили войну полковниками, а Счетчиков - генерал-майором. Я, по-видимому, установлю рекорд пребывания в звании генерал-лейтенанта. Правда, Хрущев еще раньше меня стал генерал-лейтенантом и носит это звание до сих пор — хоть в этом он пока не сделал глупости.

Идут усиленные разговоры о серьезной реорганизации центрального аппарата Министерства обороны. Было бы правильно ликвидировать деление Вооруженных Сил на отдельные виды, вместо большого числа Главных штабов создать один объединенный Генеральный штаб, упразднить штабы округов и в несколько раз сократить количество армейских штабов. При такой реорганизации я готов уйти хоть в колхоз — лишь бы при этом выиграла боевая готовность и боеспособность Вооруженных Сил. Но думаю, что все закончится разговорами, небольшими сокращениями молодых офицеров и генералов и закреплением позиций стариков. Одним из самых мудрых решений ЦК было бы ограничение военной службы 60-летним возрастом, а некоторых должностей и того меньше.

Заходил Скуридин Геннадий Александрович (от Келдыша), ходатайствовал о приеме на работу в ИАКМ студента-выпускника 1-го мединститута Максименко. Скуридин еще раз подтвердил, что в АН СССР все, начиная с Келдыша, против планов Руденко свести роль Института авиационной и космической медицины к деятельности лишь узковедомственной организации.

Получил копию письма Устинова в ЦК (с проектом решения) от 9 февраля по поводу постройки четырех кораблей «Восток». Устинов пишет, что вопрос о постройке «Востоков» для Министерства обороны поддерживается АН СССР, ГКОТ и ВПК, и просит обязать всю сложную кооперацию промышленности выполнить заказ в первом полугодии этого года.

26 февраля.

Звонили Одинцов, Карпов и Яздовский: у них большие разногласия по программе тренировок девушек на центрифуге. ЦПК возражает против больших перегрузок, а ИАКМ настаивает на расчетном графике перегрузок при старте ракеты. И та, и другая сторона заняли крайние позиции и не могут договориться. Карпов и Яздовский живут, как кошка с собакой, — в дело они вносят много личного и тем портят его. Яздовский в последнем разговоре со мной высказался о необходимости убрать Карпова и очень сожалел, что когда-то выдвинул его на должность начальника Центра. Карпов хочет освободиться от опеки ИАКМ, хотя он отлично знает, что научное руководство работой Центра оставлено за институтом. На 14 часов сегодня вызову «воюющие» стороны и попытаюсь ликвидировать намечающийся конфликт.

28 февраля.

Гагарина вчера положили в госпиталь на предмет определения его годности к летной работе. Попович будет в Узине и Киеве до 3 марта, сегодня дал ему разрешение 4 марта быть в Харькове, а 6-го — выступить в Полтаве на областном совещании работников сельского хозяйства. Николаев до 2 марта будет в Чебоксарах.

Вчера я весь день провел в Центре, разбирался с «бунтом» космонавтов против мероприятий нового начальника Центра генерала Одинцова. Гагарину и всем другим космонавтам не понравилось, что Одинцов пытается поставить их в более жесткие рамки (соблюдение распорядка дня и требований «Положения о космонавтах», наряд раз в два месяца). Гагарин и Беляев подготовили и провели 21 февраля партийное собрание отряда космонавтов с докладом Гагарина «Роль коммунистов в соблюдении режима труда и отдыха космонавтов». На собрание пригласили генерал-лейтенанта Клокова и полковника Бутенко из Академии Жуковского, а также всех слушателей-космонавтов. Хотя доклад и решение собрания были правильными по форме, но само его проведение было задумано как «бой» новому начальству. Выступления Поповича, Леонова, Волынова и других были по существу критикой мероприятий (приказов) Одинцова. Одинцов в своем выступлении указал на недопустимость такой критики, но и после его выступления Попович и Клоков поддержали критиканов, причем Клоков заявил: «Выступления правильные, я доложу о ходе собрания Главкому и Главному политическому управлению».

Из беседы с Одинцовым, Карповым, Новиковым, Матвеевым и другими мною установлено, что партсобрание готовилось с целью раскритиковать новое начальство и что с этой же целью на собрание были заранее и без согласования с руководством приглашены Клоков, Бутенко и слушатели-космонавты. Никерясов, Волков, да и Одинцов знали о настроениях космонавтов, и все же Одинцов разрешил проводить это собрание 21 февраля в рабочее время и

даже «не заметил» присутствия всех слушателей-космонавтов.

Главный заводила всей этой кутерьмы - Гагарин. Его обидело официальное отношение к нему Одинцова: если Карпов всегда советовался с Гагариным и часто уступал ему даже в принципиальных вопросах, то Одинцов решил держать в отношении с ним официальный тон. Гагарин утверждает, что ему трудно командовать отрядом (нет возможности установить постоянный контроль), и просит дать ему адъютанта отряда. Я отказал Гагарину и Одинцову в этой просьбе. Мне кажется, что введение в отряде космонавтов еще одной должности администратора сведет к нулю обязанности командира и заместителя командира отряда и не будет благоприятствовать командирскому росту Гагарина и Титова. Гагарин и Титов еще плохо проявляют себя как командиры-воспитатели и в ряде случаев плетутся в хвосте отсталых настроений некоторых космонавтов. Гагарин, правда, написал очень объективные аттестации на всех космонавтов, и в этом его первая командирская заслуга.

1 марта.

Сегодня были у меня Вадим Комолов из АПН, Виктор Беликов из «Известий» и И.Г.Нехамкин из журнала «Советский Союз». Пресса ищет выход из «зоны молчания», которую неосмотрительно создали по воле Ф.Р.Козлова. Сегодня же Одинцов, Карпов и Титов поехали к Воронину в ОКБ-124, они хотят убедить его помочь Центру в оборудовании теплового макета корабля «Восток».

2 марта.

Руденко подписал директиву о летной подготовке космонавтов на 1963 год и разрешил мне рассмотреть и утвердить планы летной подготовки каждого космонавта, в том числе Гагарина, Титова, Николаева и Поповича. Гагарин сейчас заканчивает медицинское обследование. Ему могут дать аттестат годности к полетам, а у нас не решен главный вопрос о Гагарине — будем ли мы его готовить к повторным космическим полетам? Мне кажется, что не нужно рисковать «Колумбом космоса», посылая его в полет, который может выполнить любой другой космонавт. Гагарин сам добивается разрешения летать и готовить себя к будущим космическим полетам. Нужно будет попробовать убедить его отказаться от полетов и готовить себя на роль одного из главных руководителей космической деятельности в СССР.

Руденко рассмотрел и разрешил отправить С.П.Королеву и Л.В.Смирнову предложения ВВС о планах использования шести кораблей «Восток». Два — для женского группового полета, три - для полета на 6-8 и 10 суток космонавтов-мужчин и один — для 30-суточного полета животных). За последнюю неделю Руденко стал заметно покладистей. Это у нас первая неделя без конфликтов.

Получили принципиальное решение ЦК КПСС о направлении в Бразилию Николаева и Поповича на самолете Ту-114 для участия во Всемирной авиационно-космической выставке. Предложено послать с ними 3-5 человек специалистов. Генерал-полковник Пономарев месяц тому назад изъявил желание возглавить эту делегацию. Я предложил Руденко послать руководителем всей группы Пономарева или генерала Горегляда. Кандидатура Горегляда может быть отставлена Главкомом из-за выпивок, от которых Горегляд еще не избавился. Правда, за последние 6 месяцев он не срывался, но несколько раз приходил на службу со следами попоек.

Был у меня подполковник Беляев — космонавт, секретарь партийной организации отряда космонавтов. Мы с ним часа два беседовали о партсобрании, проведенном в отряде 21 февраля. Беляев сказал, что космонавты чувствуют себя неловко: собрание получилось не таким, как им хотелось. Он утверждал, что обдуманной подготовки «духа» собрания не было, но до собрания было много разговоров о проекте нового «Положения», распорядке дня, перегрузках в работе и учебе, и о том, что генерал Одинцов за месяц не нашел времени встретиться с космонавтами и выслушать их предложения.

Никерясов прислал протокол этого собрания. Из протокола мне стало ясно, что космонавты и слушатели-космонавты взбудоражены рядом неправильных мероприятий Одинцова, не удовлетворены его неудачным выступлением на собрании. Я часто встречался с космонавтами; каждый месяц не менее 3-5 раз бывал в Центре и только в феврале был один раз. За три года это первый серьезный конфликт между администрацией и космонавтами. По-видимому, в нем есть доля и моей вины: я слишком многое сразу доверил Одинцову, а он не сумел найти правильный путь к сердцам космонавтов и встал на путь сухих официальных отношений с ними. Маршал Руденко неправильно оценил сложившуюся обстановку. Он сказал: «Одинцова нужно поддержать, а Гагарину объявить выговор, провести закрытое партийное собрание отряда и указать критиканам их место». Генерал Рытов придерживается другого мнения: «Критика правильная — нужно подправить распорядок дня, разъяснить ситуацию с проектом «Положения о космонавтах», партийного собрания специально не проводить, а дать ответы на критические замечания космонавтов». Я целиком согласен с Рытовым и буду действовать в предложенном им направлении.

4 марта.

Вчера был день выборов в Верховный Совет РСФСР, мы с Мусей голосовали в Заборье, в помещении школы. Я ходил голосовать с Олей, ей интересно было посмотреть школу и урны. Когда Оля увидела ящики для голосования и опустила в них бюллетени, она не поверила, что это урны. Она так и сказала: «Урны должны быть круглыми и с цветами, а здесь цветов нет».

5 марта.

В Институте авиационной и космической медицины провел большое совещание по вопросам тренировок космонавтов на центрифуге. Присутствовало около 30 человек — представители ИАКМ, ЦПК, авиагоспиталя, завода № 918, Первого мединститута и других организаций. Карпов и все другие представители Центра высказались за систематические тренировки всех космонавтов, независимо от того, когда они полетят в космос. Представители всех остальных организаций (Волынкин, Яздовский, Васильев и другие) высказались за то, чтобы проводить испытания на центрифуге с 10-кратной перегрузкой при отборе в космонавты и за 1,5-2 месяца перед космическим полетом, а между этими испытаниями тренировок не проводить. При этом приводились такие доводы:

1) не доказано, что тренировки на центрифуге дают положительный эффект;

2) не исключены вредные последствия длительных многократных перегрузок для организма (у собак при 8-кратной перегрузке общей продолжительностью до трех месяцев, как правило, наблюдалось кровоизлияние в сердце, мозг, печень, легкие);

3) натренированность организма к перенесению перегрузок можно укрепить физическими упражнениями (они проще, приятней и укрепляют весь организм).

Дал указание Волынкину, Бабийчуку, Яздовскому и Карпову подготовить план мероприятий для более полного изучения этой проблемы и обоснования конкретных предложений о тренировках и испытаниях космонавтов на воздействие перегрузок.

8 марта.

Весь вчерашний рабочий день Руденко и я провели в Центре подготовки космонавтов. Слушатели-космонавты и космонавты-мужчины были на занятиях в Центре и в академии. Терешкова, Соловьева, Еркина, Пономарева и

Кузнецова занимались в Центре. Я их всех встретил на пути из штаба в лабораторный корпус. Поздравил Терешкову с днем рождения (6 марта ей исполнилось 26 лет). На этот раз они выглядели немного лучше, чем месяц тому назад, когда я встречался с ними последний раз.

Двенадцать часов подряд мы занимались курсом подготовки слушателей-космонавтов и космонавтов: маршал Руденко искал возможности сокращения медико-биологической части курса, рассчитанного на два года. Такие возможности есть — ведь мы подготовили девушек к полету за один год. Можно и слушателей-мужчин подготовить за 10-12 месяцев, но, разумеется, за два года мы подготовим их более обстоятельно, да и острой необходимости сокращать срок подготовки в данное время нет.

Сегодня от Устинова приезжал Попов, он привозил на визу Главкому проект решения ВПК. Устинов, Смирнов, Калмыков и другие промышленники предлагают для женского полета использовать один корабль (№ 7), а второй (№ 8) держать запасным, и если полет корабля № 7 будет успешным, то корабль № 8 передать в музей. Срок готовности техники и людей — 1 апреля 1963 года. Я уговорил Главкома, он написал следующее замечание: «ВВС за групповой полет женщин на двух кораблях и категорически против передачи в музей без использования в полете корабля № 8». Через 3-4 часа после разговора с Главкомом мне позвонил Руденко и велел передать Одинцову, чтобы он продолжал готовить четырех женщин и начал подготовку к космическому полету трех мужчин. С женщинами мне все ясно, а вот зачем немедленно начинать подготовку мужчин - абсолютно непонятно. По-видимому, Руденко исходит из того, что мы отобьем намерение загнать в музей корабль № 8 и используем его, если не для полета второй женщины, то хотя бы для полета в мае одного из мужчин. Для обоих кораблей в мае-июне истекает гарантийный срок всей бортовой аппаратуры.

Вчера Одинцов, Карпов и я несколько раз обращали внимание Руденко на необходимость строительства жилого городка рядом с ЦПК. Маршал уже вчера начал колебаться в принятом ранее решении не начинать строительство нового городка. Сегодня я и генерал-лейтенант Строганов еще раз атаковали Руденко — и… крепость пала! Руденко приказал готовить все планы на строительство городка космонавтов на тысячу человек рядом с ЦПК. И на этот раз здравый смысл победил, а два месяца назад маршал был категорически против нашего предложения.

9 марта.

Послал приветствие Гагарину, сегодня ему исполнилось 29 лет. Вчера вечером Николаев выступал на собрании женщин ВВС. Вечер вел генерал Брайко, он говорил мне, что выступлением Николаева все остались довольны. Сегодня в 17 часов Николаев выступает в школе № 752 (школе присвоено его имя). Титов уже выступил на партийном семинаре Ждановского района; первый секретарь райкома Алла Петровна Шапошникова звонила мне и выразила большое удовлетворение и благодарность за встречу с Титовым.

Приказал генералу Горегляду готовить всю делегацию к поездке в Бразилию и, в частности, подготовить доклады Николаева и Поповича. Из ЦК звонили несколько раз (Строганов и другие), интересовались, как мы готовимся к поездке, и в разговорах высказали пожелание написать директиву о характере их выступлений. Я им объяснил, что мы провели более 30 выездов за границу и ни разу не писали подобных директив. Космонавтов мы готовим к выступлениям здесь, в Москве, а перед каждым конкретным выступлением на месте — с нашим посольством.

11 марта.

С утра был в ЦК у Сербина — заведующего отделом промышленности. Со мной были Николаев, Горегляд, Мишук и другие товарищи, едущие на выставку в Бразилию. Сербин интересовался тем, как мы готовим членов делегации к поездке, что они собираются смотреть, изучать и какие материалы привезти с выставки. Он поставил мне в вину отсутствие в составе делегации представителей промышленности. Я ему объяснил, что мы исходили из решения президиума ЦК от 1 марта 1963 года о поездке в Бразилию Николаева и Поповича, в котором записано: «Обязать Министерство обороны доложить в ЦК предложения о направлении на выставку 3-5 специалистов по космосу и сопровождающих лиц». По-видимому, Королев после моего разговора с ним звонил Сербину и возмущался отсутствием в составе делегации его людей. Я и Мишук сказали, что ВВС приветствовали бы поездку вместе с военными и промышленников, но мы не имеем права рекомендовать их людей (Дементьев и Калмыков высказались против поездки их представителей).

В конце беседы, когда остались только я, Горегляд и космонавты, Сербин интересовался работой Центра, подготовкой космонавток и ролью уже летавших космонавтов в этой подготовке. Особо Сербин поднял вопрос об Институте авиационной и космической медицины. Он сказал, что ему звонил Келдыш и жаловался на Каманина, что он ограничивает задачи института интересами ВВС и не выполняет решения ЦК и правительства о головной роли института в космической медицине и экологии. Я ответил, что Келдыш и Королев хорошо знают обстановку в ВВС и не могут сказать ничего подобного; моя личная точка зрения коренным образом отличается от точки зрения Руденко и Вершинина. Я против ведомственных ограничений задач института, но я связан решением руководства ВВС и не могу осуществлять свои взгляды. Сербин грозился в ближайшее время разобраться с этим вопросом или заставить ВВС выполнять все задачи, поставленные перед институтом, или передать их в другое ведомство.

12 марта.

Присутствовал вчера на общем партийном собрании Центра. На собрании были Гагарин, Терешкова, Пономарева и все другие космонавты и слушатели; не было Титова, Николаева и Поповича. Титова отпустили для встречи с алтайцами, а Николаев и Попович отсутствовали по неизвестным причинам.

Доклад сделал генерал Одинцов на тему «Переход Центра на новые штаты и задачи коммунистов», в прениях выступили 11 человек. Доклад и прения, в основном, были направлены на то, как обеспечить успешное решение стоящих перед Центром задач имеющимися средствами. Но кое-кто сбивался с верного пути и «плакался»: мало людей, мало строим, нет оборудования, малы оклады и т.д. Надо признать, что руководство ВВС не добилось, чтобы единственная в стране учебная организация, готовящая космонавтов, была хорошо обеспечена всем необходимым. Штатники, финансисты и хозяйственники рассматривают Центр как обычную воинскую часть. ЦПК обеспечил подготовку и полет Гагарина, Титова, Николаева и Поповича, обеспечит и предстоящие полеты, но Центру еще далеко до образцовой учебной организации. Необходимы и более солидная техническая база, и научное обоснование системы обучения, и образцовая дисциплина и порядок.

Сегодня я проводил беседу со всеми отъезжающими в Бразилию. Потом напутствовал Николаева и Поповича, рассказал им все, что сам знаю и видел в Бразилии. Обсудили вместе около 50 вопросов, которые могут быть им заданы на пресс-конференциях, и договорились о характере ответов. В конце беседы я спросил: «Почему вы вчера не были на собрании?», Николаев ответил: «А мы не знали о собрании и дома занимались математикой».

Беседовал с Мишуком, Яздовским и Рудным о роли и задачах ИАКМ в связи с вчерашним разговором с Сербиным. Все сошлись на том, что Руденко тянет нас не туда, но наши попытки поправить его пока не удаются.

13 марта.

Перестраховщики и мои «друзья» ищут поводы насолить мне. 10 марта в «Известиях» была опубликована статья Виктора Беликова «Лоцманы космонавтов» о проведении в Институте авиационной и космической медицины 10-суточного плавания в воде испытателя. Генштабисты и цензоры подняли вой, что я разглашаю методы подготовки космонавтов (я дал согласие на опубликование статьи). Вой поднимают те, кто ничего не знает о системе и методах подготовки космонавтов. «Невесомость», описанная в статье, это пустой эксперимент, не имеющий никакой ценности. Рытову кто-то нашептал, что Одинцов на партийном собрании 11 марта раскрыл много лишних секретов, Рытов дал команду Миролюбову: «Расследовать». Одинцов в докладе не сказал ни одного лишнего или непродуманного слова, и тем не менее «шептуны» работают.

В конце вчерашнего рабочего дня заходил Герман Титов. Я дал ему задание провести с космонавтками беседы о ходе подготовки к полету на старте и о самом полете. Такие же беседы проведут Николаев и Попович. Герман предложил при выезде на старт не брать туда всю четверку летавших космонавтов - ограничиться двумя, — а двух других послать на наиболее важные пункты связи (Симферополь, Хабаровск). Это предложение совпадает с моими наметками, и, если не будет больших возражений со стороны Королева, мы так и сделаем.

Вчера получил шифр-телеграмму из Феодосии: комиссия, проводящая там испытания скафандра и новой подвесной системы, считает обязательным выполнение космонавтками прыжков на море в скафандре и полном снаряжении. Все хотят приложить руку к подготовке космонавток и застраховать себя от возможных неприятностей. В случае происшествий все будут кричать: «Мы предлагали, с нами не согласились и т.д.». Пока все идет хорошо, все тихо (»победителей не судят»). Но не приведи Бог — случится неприятность, — тогда всю тяжесть ответственности придется нести мне.

Только что звонил Руденко: «Какое совещание вы проводили вчера?» Я вчера не проводил никакого совещания, проводил совещание в Центре генерал Одинцов. Опять кто-то о чем-то «сигнализировал».

15 марта.

Вершинин собрал вчера руководящий состав ВВС и зачитал приказы министра обороны и Указы правительства о понижении в звании Главного маршала артиллерии Варенцова и генерала армии Серова (бывшие председатель Комитета государственной безопасности и начальник Главного разведывательного управления) до генерал-майора и о лишении обоих звания Героя Советского Союза. И тот и другой понесли наказание за связь с бывшим полковником Пеньковским, который оказался матерым шпионом. У Варенцова Пеньковский был почти на положении сына, а у Серова работал и был близким к нему человеком. Жена и дети Серова ездили в Англию в сопровождении Пеньковского, который на «свою» валюту покупал им большие подарки. Главком потребовал: «Наведите образцовый порядок во взаимоотношениях с людьми и с соблюдением секретности».

После собрания у Вершинина меня и генерала Одинцова вызвал к себе маршал Руденко и более часа отчитывал за совещание, которое 12 марта провел в Центре Одинцов. Совещание было излишне многолюдным (40 человек). Одинцов при открытии совещания сказал: «Руденко и Каманин не смогут присутствовать, Руденко поручил мне открыть совещание». Совещание превратилось по масштабу (шесть организаций — академии, институты, НТК ВВС) и по составу (более десяти генералов, доктора наук, профессора) в конференцию ВВС. Одинцов, по неопытности, не доложил мне о составе участников, а главный организатор совещания полковник Терентьев нарушил мои, лично ему данные, указания — не проводить больших совещаний, а делать все в рабочем порядке, — подвел Одинцова, да и меня тоже. Придется Терентьева крепко наказать. Если бы не было дела Пеньковского и последних строгих решений, никто не обратил бы на проведенное Одинцовым совещание никакого внимания, но сейчас все стали безмерно бдительными.

16 марта.

Состоялось решение Президиума ЦК о направлении в Бразилию на выставку авиационной и космической техники вместе с Николаевым и Поповичем пяти специалистов по космосу и других сопровождающих лиц. Поедут генералы Мишук и Горегляд, полковник Смирнов, Лушников, Ребров и другие — всего 16 человек. Наш посол в Бразилии Фомин сообщил, что президент Гуларт просит прибыть в Бразилиа — столицу страны — 21 марта, имея в виду принять Николаева и Поповича и «окрестить» их гостями правительства на все время пребывания в стране. Фомин сообщил также, что в Бразилиа, Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу ширина аэродромных полос всего 45 метров, и ВВС Бразилии, подтверждая возможность посадки самолета Ту-114 на этих аэродромах, сомневаются, сможет ли он развернуться на 180 градусов. Генерал-лейтенант Цыбин провел совещание по этому вопросу со специалистами ГВФ и принял решение лететь на Ту-114. Фомин пишет, что президент Бразилии Гуларт просит Николаева и Поповича посетить пять крупнейших городов Бразилии. Обсудив с МИДом это предложение, мы решили ограничиться тремя городами, с тем чтобы побольше уделить внимания главной цели поездки — выставке в Сан-Паулу.

Руденко еще раз подтвердил, чтобы я доложил Вершинину о моем последнем разговоре с Сербиным о задачах ИАКМ, а сам требует от генерала Бабийчука ускорить подготовку доклада министру о снятии с института роли головного. Бабийчук против такого решения, но Руденко письменно приказал ему готовить такой документ за подписью Вершинина.

19 марта.

Главком сегодня подробно рассказал мне о вчерашнем заседании секретариата ЦК КПСС под руководством Фрола Козлова. Рассматривался вопрос о женском космическом полете и о программе использования четырех новых «Востоков». Никакого решения не принято, вопрос будет рассматриваться 21 марта на Президиуме ЦК. На

прошедшем заседании Козлов высказал сомнение в целесообразности женского космического полета, (»Зачем это нужно? А кто вам разрешил готовить женщин?» и т.д.). Сейчас, после четырех наших успешных полетов, странно слышать такие вопросы от одного из первых руководителей советской политики. Решением Президиума ЦК от 30.12.1961 года № 10/19 было одобрено предложение МО о наборе 60 новых слушателей-космонавтов, в том числе пяти женщин. А сейчас, когда женщины готовы к полету, нас спрашивают, зачем и почему мы их готовили. Поздно, товарищ Козлов, задавать такие вопросы — все равно женщины полетят, и чем скорее, тем лучше.

Королев выступил на заседании с предложением: поручить ВВС заниматься приемкой и пуском космических кораблей. Его поддержал Вершинин, Малиновский промолчал, а Козлов поддержал Королева и сказал Вершинину: «Сократи немного самолетов и за их счет развивай космос». На этом разговоры закончились, но при выходе из здания ЦК Малиновский, крепко выругавшись, со злобой сказал Вершинину: «Куда ты высовываешься — он с тебя штаны снимет, — а на кой черт нам нужен этот космос!» Вот лицо одного из «лучших друзей» космоса.

Сегодня утром Королев звонил Главкому и мне. Договорились, что мы через Малиновского ничего предпринимать пока не будем, а 21 марта Королев вновь поднимет этот вопрос на Президиуме ЦК. Кто будет заниматься космосом — это один из принципиальных вопросов, и от его правильного решения зависит многое. Ближе всего к космонавтике — авиация, ей и нужно полностью поручить это дело. До правильного решения еще далеко; Малиновский, Бирюзов и другие наверняка еще будут сопротивляться.

21 марта.

С 10 до 14 часов проходило заседание Президиума Межведомственного совета по освоению космического пространства и одновременно заседание экспертной комиссии по «Союзу». Вел заседание Келдыш, доклад делал Королев, присутствовали Челомей, Ишлинский, Глушко, Кобзарев, Воронин, Строев и другие ученые и представители промышленности. ВВС представляли я, Одинцов, Холодков, Яздовский, Карпов, Гагарин, Титов и другие; от ракетных войск был генерал Соколов и от НТК Генштаба — генерал Юрышев.

Королев в своем докладе изложил основные идеи проекта «Союз» и принципы их осуществления. Главное в эскизном проекте «Союз» — стыковка на орбите. Освоение стыковки на орбите — это новая, более высокая ступень освоения космоса. Стыковка позволит осуществлять полеты большой длительности (месяцами). С использованием только имеющихся носителей можно будет осуществить пилотируемый облет Луны, а с носителем Н-1 (вывод на орбиту до 70 тонн) возможен будет полет экипажа на Луну, Марс и Венеру; появится возможность создавать постоянные орбитальные станции, менять экипажи на орбите, оказывать помощь экипажам, терпящим бедствие в космосе, и решать другие задачи.

По докладу Королева выступали Келдыш, Челомей, Глушко. Все одобрительно отзывались о главной идее «Союза» - стыковке, — но одновременно указывали и на большие трудности ее осуществления. Вопросы, которые задавали Челомей, Глушко и другие, показали их полное незнание проекта, но тем не менее он был единогласно одобрен. Королев заявил, что «Союз» будет летать уже летом 1964 года. Будет отлично, если не весь комплекс «Союза» (7К, 9К, 11К), а хотя бы только 7К (корабль с экипажем) совершит первый полет в 1965 году. ВВС имеют громадный опыт дозаправки самолетов в воздухе, и этот опыт нужно использовать при освоении стыковки космических кораблей.

22 марта.

Президиум ЦК КПСС рассматривал вчера ряд вопросов, связанных с освоением космоса. Королев докладывал ЦК программу космических полетов на 1963 год (2-3 месяца назад мы рассматривали эту программу на Президиуме Межведомственного совета). ЦК одобрил программу, но по вопросу о женском космическом полете Ф.Р.Козлов сказал: «Полет можно провести вместе с мужскими длительными полетами». Утвердили срок изготовления четырех кораблей «Восток» — до конца 1963 года. Таким образом, реально на 1963 год мы имеем только два корабля, да и они имеют срок годности только до июня 1963 года. Это «мудрое» решение ЦК окончательно все запутало: специально женский полет решили не проводить, но и осуществить его в комплексе со сложным полетом мужчин невозможно из-за отсутствия готовых кораблей.

В конце своего доклада Королев поднял вопрос о передаче ВВС от промышленности функций по подготовке и осуществлению полетов кораблей «Восток». Козлов сказал: «Предложение правильное, товарищу Вершинину следует представить свои предложения по этому вопросу». Вот это решение разумное: не зря мы с Королевым добивались его почти год. Но это принципиально правильное решение еще могут испортить. Только что звонил С.П.Королев, он ходатайствовал о приеме в космонавты капитана Белоусова (у него дефект позвоночника) и товарища Егорова В.А. от Келдыша. Одновременно Сергей Павлович сказал, что вчера он разговаривал с Малиновским и передал свои впечатления от этого разговора такими словами: «Ваш шеф жутко настроен к космосу, я вам не завидую». Да, Сергей Павлович, ты и на этот раз прав: наш министр, мягко выражаясь, не любит космос и знать о нем ничего не хочет. На мой вопрос: «Как, кого и к чему готовить?» Королев ответил: «Будем ждать и думать, вы ведь в курсе вчерашних решений».

Вчера же Вершинину при мне позвонил начальник Генштаба Бирюзов и дал ему такое указание: «Вы при подготовке докладов в ЦК должны руководствоваться не вашими соображениями, а позицией министра обороны, который сказал, что средств на заказ «Востоков» у нас нет и не будет».

Вот глупейшая «позиция» руководства Министерства обороны. «Пехота» даже в атомный и космический век остается пехотой и дальше поля боя свое «рыло» поднять просто неспособна. Я зол не на наших замечательных пехотинцев, а на их ограниченных руководителей, которым, к сожалению, подчинена авиация и космонавтика. Уже более двух лет мы пытаемся убедить министра в необходимости снять путы с космонавтики, но все наши усилия разбиваются о тупое равнодушие Малиновского. В одном мы нашли поддержку министра — он в «телячьем» восторге от космических игрушек (модели ракет с объемными портретами космонавтов). Малиновский специально звонил Вершинину и просил заказать как можно больше таких игрушек и рекомендовал наладить массовый их выпуск. Вывод: министр обороны категорически против заказа космических кораблей «Восток» и всей душой поддерживает массовое производство космических игрушек.

23 марта.

Вчера Николаев и Попович были приняты президентом Бразилии Гулартом и вручили ему подписанную всей

четверкой книгу «Утро космической эры». За границей это будет первая книга с автографами четырех космонавтов, да и сама по себе эта книга стала уже такой редкостью, что найти ее перед вылетом в Бразилию было невозможно, - пришлось отдать один из двух имевшихся у меня экземпляров. Вчера же я подготовил Вершинину предложения ВВС в ЦК по вопросу о дальнейшей организации подготовки и пусков «Востоков». Главком с этими материалами уже был у Малиновского, но я еще не знаю результатов их «приятной» беседы, а сегодня в шесть утра Малиновский улетел в Индонезию.

Только что прочитал официальное сообщение Госкомиссии о пуске модели ракетоплана 21 марта 1963 года, адресованное Хрущеву, Малиновскому и другим руководителям. Запуск осуществлен ракетой Р-12, ракетоплан набрал высоту 400 километров, вошел в атмосферу со скоростью 4 километра в секунду, пролетел 1900 километров и приземлился с помощью парашюта. Такой эксперимент проведен впервые не только у нас, но и во всем мире. Этот полет ракетоплана, созданного в ОКБ Челомея, открывает новые перспективы перед военной авиацией.

Был у Главкома, он мне рассказал о его вчерашней встрече с министром. Просмотрев наши предложения, Малиновский сказал примерно следующее: «ВВС стремятся взять на себя всю ответственность за космические полеты и создать с этой целью специальное управление. Делайте, как хотите, но численности для этого управления я вам не дам. Королев хочет переложить на МО ответственность: если что случится, он будет говорить, что, когда он руководил, все было в порядке, а когда руководство взяли на себя военные, то начались происшествия». Министр явно боится ответственности за возможные происшествия. Странное дело: сотни людей гибнут ежедневно на работе, в автомашинах, на самолетах и т.д., и этому не удивляются, такого исхода не исключают. А для самого трудного дела — осуществления космических полетов — хотят иметь полную гарантию от происшествий. Без жертв, без риска космос не освоить. Нужно делать все возможное, чтобы сводить риск и опасность полета до минимума, но и то и другое будет присутствовать в каждом полете. Будут и жертвы, но бояться опасности и жертв просто глупо. Всякая трусость отвратительна, а боязнь ответственности за порученное дело просто омерзительна. Кто боится ответственности, тот не может и не должен руководить. Малиновскому давно пора на покой, и чем быстрее поймут это, тем лучше будет для обороны страны и для освоения космоса.

25 марта.

Маршал Руденко возвращается сегодня из недельной командировки в Польшу. Так было хорошо без него: еще бы 2-3 недели, и можно было бы многое упорядочить в определении объема задач Института авиационной и космической медицины с включением и задач по экологии (Вершинин и Рытов, в основном, уже согласились с моими доводами). Но Руденко опять будет все ломать и сводить роль института к разработке медико-биологических требований для создаваемых космических кораблей.

26 марта.

Туман сгущается. Казалось бы, что космос и туман не имеют ничего общего, но практика способна внести и хорошие и дурные поправки в любое дело. Нам, людям, посвятившим себя целиком освоению космоса, космические перспективы ясны, и с каждым новым полетом они будут расширяться. Надо летать! Но вот летать-то нам и не дают. Все хотят руководить освоением космоса, но, не имея о нем никакого понятия, только все запутывают и обволакивают словесным и бумажным туманом. Сегодня Главком поедет в ЦК к Сербину. Кроме Главкома от МО там будет и Бирюзов, который сегодня еще раз предупредил Вершинина, что на совещании нужно держаться позиции Малиновского, то есть не брать на себя ответственность за пуски и не заказывать космические корабли. Я приготовил Вершинину кучу справок и «напичкал» его «космическими» сведениями. Главком высказал намерение отстаивать нашу позицию, но у меня нет уверенности, что он выдержит напор начальника Генерального штаба. Малиновский и Бирюзов тормозят освоение космоса, а Вершинин не может, обходя их, доказать нашу правоту. Вершинина к тому же «подпирает» Руденко, выступающий в духе высказываний министра. В такой обстановке мне трудно поддерживать боевой дух Главкома, но Вершинин нутром чувствует правильный путь и пытается на нем удержаться.

Только что вернулся от Главкома. Он показал мне конспект своего выступления на совещании и спросил, какого я мнения о нем. Первая мысль о том, что ВВС «вросли» в космос и многое делают для его освоения - правильна. Но на вопрос — «Готовы ли ВВС принять на себя пуски кораблей?» - Вершинин в конспекте записал: «Нет, не готовы!» Вот здесь начинается уступка позиции министра. Вместо того, чтобы сказать, что через 3-5 месяцев ВВС могут полностью взять на себя подготовку и запуск космических кораблей, мы говорим: «Нет». Жаль мне авиацию, космонавтику, да и все наши Вооруженные Силы. Устарели наши военные руководители, и нет в них былой зоркости и способности к принятию смелых решений. Главный мотив всех решений — «Как бы чего не случилось, как бы кого не обидеть…»

Прежде чем идти к Главкому, я заходил к Руденко и около часа слушал его обычные никчемные нотации. Руденко — соловей, поющий для себя и всем мешающий; он считает своим долгом всех поучать, все хаять и все переделывать, но переделывать чужими руками.

28 марта.

Пришло решение Президиума ЦК от 21 марта. Оно обязывает МО (Малиновского, Вершинина) к 26 марта представить предложения об организации работ по пускам «Востоков». Во исполнение этого решения Сербин провел в ЦК совещание, на котором были Устинов, Смирнов, Келдыш, Королев, Бирюзов, Вершинин и другие. Все нажимали на Бирюзова, чтобы МО взяло на себя пуски «Востоков». Бирюзов сказал, что Малиновский, убывая в Индонезию, не дал ему полномочий принять Министерству обороны ответственность за эксплуатацию «Востоков». Тогда Келдыш задал ему вопрос: «Собирается ли МО заниматься военным космосом, и когда это будет?» Дать определенный ответ на этот вопрос Бирюзов не смог. Совещание решило подождать возвращения Малиновского и вместе с ним подготовить доклад в ЦК.

На другой день Бирюзов позвонил Вершинину и сказал: «Готовь конкретные предложения, все равно мы от этого дела не отвертимся». Есть все основания думать, что это начало победы. Не зря Королев, Келдыш и я более года пытаемся уломать руководство ВВС (чего мне удалось добиться лишь месяца три назад) и, главным образом, руководство МО (Малиновский, Бирюзов, Гречко). Сейчас можно уверенно сказать: «Лед тронулся». Есть надежды на более разумную организацию этого интересного и ответственного дела, но есть и большие опасения — слишком много желающих руководить освоением космоса. Спорят из-за этого Главкомы видов Вооруженных Сил, да и внутри ВВС,

как минимум, четыре заместителя Главкома (Руденко, Брайко, Пономарев, Миронов) добиваются чести быть руководителями нашей космической программы. Пока идет эта возня и разговоры, вся тяжесть проводимых в ВВС работ по космосу лежит на мне.

Сегодня три часа сидели у Руденко и разбирали возможные варианты реорганизации руководства космической деятельностью ВВС. Решили создать космическое управление в ГКНИИ численностью 300 человек, прибавить 10-15 человек Холодкову, мою должность переименовать в «помощника Главнокомандующего по космосу» и прибавить мне 5-8 сотрудников.

29 марта.

Вчера Бирюзов проводил совещание представителей видов Вооруженных Сил по вопросу: что и как готовить для доклада в ЦК и министру по решению ЦК от 21 марта. От ВВС на совещании был только Главком. Мнения о необходимости заказа «Востоков» разделились. Бирюзов высказался за заказ как учебно-тренировочных кораблей, так и кораблей для отработки элементов боевого применения, и назначил комиссию МО под председательством Вершинина для разработки предложений до 10 апреля. Сегодня сидели два часа у Главкома и полчаса у Руденко и договаривались, как и кто будет писать. Главком подготовил свой проект, который на 80-90 процентов войдет в предложения. Поручили мне и Холодкову редактирование этих предложений.

Утром Вершинину позвонил генерал армии В.Д.Иванов и сказал: «Вот хорошо, что ВВС теперь полностью возьмутся за космос, — я всегда был за такое решение». Вот как люди умеют разворачиваться на 180 градусов. Иванов всегда был против ВВС и за РВСН, а теперь, почувствовав, что его позиция идет вразрез с решением ЦК, предлагает себя в «помощники» ВВС. Завтра Иванов, Брайко и я поедем в ЦПК. Оба эти «дуба» хотят приобщиться к космосу. Вреда от такой поездки не будет, а некоторая польза возможна: попытаемся распропагандировать Иванова, с тем чтобы он помог сделать для Центра не типовой, а индивидуальный штат с учетом его удаленности на 7 километров от Чкаловской.

30 марта.

В 10 часов у Главкома будет заседать комиссия по «Востокам». В составе комиссии от ВВС только Вершинин (председатель), а все остальные — от ракетных войск и от Генштаба (Толубко, Семенов, Юрышев, Лебедев и другие). Главком пригласил на комиссию и меня. Опять потратим 2-3 часа на пустые разговоры о необходимости военного освоения космоса и о том, как лучше к этому делу приступать. А в 15 часов повезем генерала армии Иванова в ЦПК: нужно будет сделать все возможное, чтобы полнее использовать эту поездку в интересах ВВС.

Прошло уже больше недели после туманных решений ЦК о космических полетах на 1963 год, а туман не рассеивается. Меня удовлетворяет одно: женщины и корабли готовы к одиночному и групповому полетам. ВВС и ОКБ-1 сделали все, чтобы подготовить и совершить первый женский космический полет, но по недомыслию в верхах этот полет фактически отложен на неопределенное время. А жаль! Это было бы эффектное событие не только для Советского Союза, но и для всего мира.

Главком провел пустое (что редко у него бывает) заседание и через 30 минут отпустил нас. Судя по вопросам членов Комиссии (генерал-полковник Кулешов, генерал-лейтенант Семенов, генерал-майор Юрышев), большинство из них окажут серьезное сопротивление намерениям ВВС возглавить организацию и проведение всех работ по военному освоению космоса.

28 марта Бирюзов подписал директиву № 216888 о создании комиссии (Вершинин, Толубко, Кулешов, Семенов, Юрышев, Бойчук, Лебедев, Евтеев), которая должна в 10-дневный срок дать ответы на следующие вопросы.

1. Какие задачи военного или военно-исследовательского характера могут решаться с помощью кораблей «Восток-3А» при существующей аппаратурной комплектации?
2. Какие дополнительные военные задачи и с помощью какой аппаратуры можно решать при проведении модернизации корабля «Восток-3А» с учетом допустимых для него весов и габаритов?
3. Какое место могут занять существующий и модернизированный корабль «Восток-3А» в системе космического вооружения с учетом работы по теме «Союз»?
4. Следует ли заказы кораблей «Восток-3А» передать МО или целесообразно сохранить существующий до сих пор порядок заказов?
5. Какое количество кораблей «Восток-3А» потребуется изготовить в 1963-1964 годах в интересах МО наряду с заказами объектов типа «Зенит» с учетом общности их производственной базы?
6. Следует ли брать МО руководство запусками кораблей «Восток-3А» вместо Государственной комиссии?
7. Какие организационно-технические мероприятия должны быть проведены МО, если ему будет поручена организация работ по кораблям «Восток-3А», включая заказы, пуски, управление в полете, посадку и т.д.?

Последний вопрос главный: необходимо поручить ВВС заказы, приемку и эксплуатацию космических кораблей «Восток-3А», «Союз» и других, создав для этой цели все необходимое (управление, подразделения, центральный аппарат и многое другое, что потребуется по ходу дальнейшего развития пилотируемых космических полетов).

31 марта. Дача «Заборье».

Последний день марта, а мороз все держится. Весь день дул сильный восточный ветер. Оля сказала, что погода противная, и вечером гулять не пошла, но днем мы с ней все-таки часа два погуляли, сколотили и повесили домик для скворцов

1 апреля.

Как всегда, сегодня полно работы, а после обеда будет совещание у Главкома, и мне там надо быть обязательно. Позавчера поездка генерала армии Иванова в ЦПК не состоялась. Мы с Брайко в 15:30 заехали за ним, но из-за болезни Бирюзова он не мог оторваться от срочных заданий маршала Гречко.

2 апреля.

Во второй половине вчерашнего дня более двух часов занимались отработкой доклада министру. Кроме наших, были представители Генштаба и всех видов Вооруженных Сил. Мы подготовили проект доклада, в котором предлагаем возложить на ВВС ответственность за разработку тактико-технических заданий и заказы пилотируемых кораблей и их боевое использование. Представители Генштаба и РВСН высказались категорически против нашего варианта доклада. Они согласны, что надо построить четыре «Востока» (Кому нужно их согласие после того, как этот вопрос решен Президиумом ЦК КПСС?), но они возражают против любого намека на передачу ВВС функций заказа, приемки, пуска и управления полетом космических кораблей.

Бирюзов еще раз доказал свою двуличную сущность: он против того, чтобы ВВС взяли под свою опеку пилотируемые полеты в космос, но сейчас после решений ЦК, он прямо этого сказать не может. На словах он даже за заказ «Востоков», но и только, а на деле делает все, чтобы помешать ВВС активно участвовать в создании и совершенствовании пилотируемых космических кораблей. Он поставил Вершинина в дурацкое положение: назначил его председателем комиссии МО для выработки предложений по космосу в ЦК, а членами комиссии назначил 8 генералов, которые все как один будут против Вершинина. В этом я окончательно убедился при обсуждении первого варианта доклада комиссии с представителями видов Вооруженных Сил.

3 апреля.

Вчера более двух часов обсуждали у Главкома пятый вариант доклада комиссии. В сложившейся обстановке мы не сможем подготовить доклад, который подписали бы все члены комиссии. Придется Главкому одному защищать линию ВВС против Бирюзова, Крылова и Малиновского. Вся надежда только на то, что министр не посмеет ослушаться рекомендаций Ф.Р.Козлова, зафиксированных в решении Президиума ЦК от 21.03.1963 года. Рекомендации секретаря ЦК достаточно четки и ясны, но очевидно и то, что руководство МО (Малиновский, Бирюзов) настроено против духа и смысла этих рекомендаций и будет пытаться отстаивать свою линию.

4 апреля.

Запущенная 2 апреля АМС «Луна-4» прошла уже больше половины расстояния от Земли до Луны. Келдыш и Королев наблюдают за ее полетом в крымской обсерватории. Судя по газетным данным, полет проходит успешно.

Заместитель начальника Генштаба В.Д.Иванов проводил вчера совещание по вопросу о том, кто в МО должен руководить космонавтикой. Решили выслать уже имеющиеся предложения Главкомам видов Вооруженных Сил и ждать от них новых предложений. У нас затишье: Вершинин и Руденко устали от пустых разговоров и молчат.

Вчера заходил Гагарин. Он только что возвратился из Киржача, где провел шесть тренировочных прыжков с парашютом. Это первая после его космического полета попытка вновь обрести форму космонавта. Гагарин надеется, что когда-нибудь он совершит новые космические полеты. Маловероятно, что это когда-нибудь произойдет, — Гагарин очень дорог человечеству, чтобы можно было рисковать его жизнью для рядового космического полета. У меня сидел генерал Шуст, и серьезно побеседовать с Гагариным не удалось.

Заходил и Герман Титов. Я спросил его, как он относится к «делу» Нелюбова, Аникеева и Филатьева. Герман ответил, что ему жаль Нелюбова, что на ребят наговорили много лишнего. Тогда я сказал Титову, что факт захода в «забегаловку» и выпивки несовместим со званием космонавта. Он немного поколебался, а потом твердо заявил: «Ребята знали, что им настоятельно не рекомендовали и даже запрещали заходить в подобные заведения. Они знали, что им запрещено пить, — их уже за это наказывали - пускай отвечают за свою глупость».

5 апреля.

»Луна-4» пройдет мимо Луны и потеряется в просторах Солнечной системы. По замыслу эта станция должна была мягко прилуниться, но направление ее полета не смогли скорректировать, и сейчас уже ясно, что эксперимент не будет выполнен полностью, хотя поначалу все шло отлично.

Вчера получил от Одинцова официальные документы по факту пьянки трех космонавтов 27 марта 1963 года на станции Чкаловская. Нелюбов, Аникеев и Филатьев уже не первый раз замечаются в выпивках. Двое последних не представляют ценности как космонавты (пьянки, слабоволие и низкие успехи в учебе), и этот случай дает нам законное право освободиться от них. Нелюбов входил в первую «гагаринскую» шестерку и одно время был кандидатом на 3-й или 4-й полет, но потом показал нелучшие результаты на центрифуге и отошел на второй план. В данном происшествии он повинен меньше других (был в гражданской одежде и пытался уговорить товарищей пораньше уйти). Вершинин, Руденко, Рытов и Одинцов за увольнение из космонавтов всех троих. Гагарин считает, что нужно уволить только Филатьева, а Нелюбова и Аникеева следует строго наказать, но в Центре оставить. Было бы правильным уволить всех троих, хотя они и составляют 25 процентов от общего числа подготовленных к полетам космонавтов. Я за увольнение из Центра Филатьева и Аникеева и за попытку последний раз проверить Нелюбова, бывшего совсем недавно одним из лучших космонавтов первого набора.

6 апреля.

Сегодня в 11 часов Главком собирает членов комиссии, чтобы обсудить проекты докладов министру и в ЦК по космическим вопросам. Неприятное будет совещание, вероятно все члены комиссии будут против предложений ВВС. Жаль Главкома, ему придется пережить много неприятных минут.

Сидели у Главкома более трех часов. Все прошло так, как я и предвидел: все члены комиссии высказались категорически против проекта ВВС. Не возражая против постройки четырех «Востоков» в 1963 году, они считают целесообразным оставить за РВСН приемку и организацию пусков кораблей с тем, чтобы и в дальнейшем, ссылаясь на сложившуюся практику, сохранить за собой руководство пилотируемыми космическими полетами.

9 апреля.

12 апреля будем праздновать День космонавтики. Как быстро пролетели два года, сколько интересных событий произошло после полета Гагарина! Слетали в космос Титов, Николаев, Попович, запущены 13 спутников серии «Космос», «Марс-1», «Луна-4» и многие другие космические аппараты. Более 30 стран посетили наши космонавты, прославляя родину космонавтики — Советский Союз. За два года мы убедили народ и руководителей страны в том, что космические полеты — это естественное продолжение авиации. Но мы не сумели убедить в этом Малиновского, Гречко, Захарова, Бирюзова и многих других из руководства МО. Сейчас идет упорная борьба между ВВС и РВСН за руководство космонавтикой. Я убежден, что в конце концов обязательно победят ВВС, и такой исход этой борьбы будет в интересах страны и в интересах самого дела. Ведь за нами подготовка космонавтов, у нас хорошие кадры ученых и инженеров, богатейший опыт полетов. Год назад меня никто не поддерживал в необходимости постройки 10 кораблей «Восток», а сейчас с этим согласны все, но мы потеряли много времени, и это может повредить нам в соревновании с Америкой.

С 17 до 20 часов были у С.П.Королева. Провели торжественное заседание ученого совета, а потом часа два посидели, как сказал Сергей Павлович, за «рюмкой» чая. Было много тостов, много воспоминаний и пожеланий на будущее. От ВВС, кроме меня, были Руденко, Рытов, Пономарев, Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Одинцов, Карпов, Трофимов и Титарев. От промышленности и науки были Келдыш, Королев, Мишин, Бушуев, Черток, Богомолов, Ишлинский и многие другие. Эта встреча была демонстрацией нового курса Королева на укрепление связей с ВВС. Келдыш и Королев пожелали, чтобы «Восток» был принят на вооружение ВВС как первый учебно-тренировочный космический корабль. Представители ВВС высказались за дальнейшее развитие связей с ОКБ-1 и пожелали его коллективу новых успехов.

10 апреля.

Гагарин, Титов, Николаев и Попович весь день работают в моем кабинете — редактируем их статьи, доклады и выступления по радио и телевидению. Загрузка для ребят в эти предпраздничные дни очень большая. Поповича я освободил пораньше, он в 19 часов уехал в Киев на первую сессию Верховного Совета Украины. Сегодня Гагарин и Николаев выступали на вечере, устроенном Главным политическим управлением, а Титов — в Доме ученых. Я сегодня выступал в ЦДСА, а вечером писал за маршала Вершинина статью в «Известия».

11 апреля. После нескольких бешеных дней сегодня относительно спокойно. Окончательно отредактировал и записал на пленку свое выступление на радио. Вершинин статьей остался доволен: ни он, ни редакция не сделали никаких замечаний, и сегодня она была опубликована. Все газеты очень широко публикуют материалы о Дне космонавтики.

12 апреля.

В течение четырех часов на совещании у Вершинина пытались убедить ракетчиков (Толубко, Семенова и других) отказаться от их позиции. Толубко зачитал свой проект доклада министру, и все члены комиссии, кроме Вершинина и генерал-полковника Кулешова, его поддержали. Руденко, Пономарев и я выступили против предложенного проекта. Я сказал, что проект Толубко не отвечает духу решения ЦК, и доказал несостоятельность его основных положений. С большим «скрипом» РВСН сдают свои позиции, по-моему, Толубко уже давно бы согласился с нами, но сильно упорствует генерал-лейтенант Семенов.

Вечером с Мусей были в Большом Кремлевском дворце. Четверка космонавтов была в президиуме, выступали Николаев и Гагарин. Было много интересных встреч. Обидно, что в президиуме не было С.П.Королева. Он скромно сидел в седьмом ряду, и никто не обмолвился о нем. Бесконечно много криков и шума о космонавтах и полное молчание об одном из главных творцов наших побед в космосе.

13 апреля.

Утром более полутора часов беседовал один на один с Королевым. По поручению Военного совета ВВС я вручил Сергею Павловичу приветственный адрес и преподнес ему свою книжку «Первый гражданин Вселенной». Я написал на книжке Королеву, что его роль в освоении космоса — ведущая и что его имя навечно будет рядом с именами Циолковского и Гагарина. В ответ Сергей Павлович подарил мне книгу К.Э.Циолковского с надписью: «Дорогому Николаю Петровичу Каманину в день 12.4.1963 года на добрую память о совместной работе». Потом мы с ним обсудили около десятка общих вопросов и в принципе договорились о программе предстоящего космического полета двух кораблей: на первом мужчина будет летать до 8 суток, а на втором — женщина до 2-3 суток. Сергей Павлович еще раз высказался за то, чтобы всеми пилотируемыми космическими кораблями занимались ВВС. Он также просил рассмотреть вопрос о снижении медицинских требований к кандидатам в космонавты и особенно осторожно подойти к определению годности кандидатов из числа гражданских ученых и инженеров. Это была одна из самых приятных встреч с Сергеем Павловичем. Такие встречи у нас с ним бывают не так уж часто.

15 апреля.

В субботу с Мусей были в ЦПК на вечере, посвященном Дню космонавтики. Гагарин сделал доклад, Николаев и Попович были в президиуме, а Титов выступал в этот вечер в Институте общественных наук. Я зачитал приветствия космонавтам и коллективу ЦПК от министра обороны и Главкома ВВС. Состоялся очень хороший концерт, устроенный студентами театрального института. Во время концерта Гагарин все время был за кулисами, а Валя сидела с нами одна. Придется поговорить с Юрой и указать ему на неуместность такого поведения. Валя сказала мне, что они собираются отправить Лену и Галочку с няней в Крым, и просила, чтобы я разрешил Гагарину сопровождать детей до санатория. Присутствовавший при этом разговоре Юрий не проявил большого желания выполнить это поручение жены. Он был заметно выпившим, хотя держался в норме — только дольше и крепче обычного пожимал мне руку при расставании, как бы извиняясь за свое состояние и допущенные в этот вечер ошибки.

16 апреля.

Вчера ребята первый день после праздника занимались без отрыва на поездки и встречи. Дал задание генералу

Одинцову готовить программу предстоящего космического группового полета. Вечером заседала комиссия Мишука, а потом Мишук и я были у генерал-полковника Брайко. Брайко поддержал предложение комиссии о введении должности заместителя Главкома по космосу. Думаю, что это предложение встретят в штыки Руденко и Пономарев, да и сам Главком едва ли его поддержит.

17 апреля.

Сегодня Главком подписал приказ об отчислении из космонавтов Филатьева, Аникеева и Нелюбова и приказал мне поехать в Центр и лично объяснить всем офицерам, что этот вопрос обсуждался на Военном совете ВВС, все члены которого высказались за их увольнение.

Был у меня профессор В.И.Яздовский, более часа беседовал с ним о перспективах наших космических дел. Владимир Иванович сейчас ратует за то, чтобы подчинить ИАКМ Академии наук и сохранить за институтом все возложенные на него задачи. Во время нашей беседы по «кремлевке» звонил О.Г.Ивановский и агитировал меня за то, чтобы передать всю космическую биологию в 3-е Главное управление Минздрава, возглавляемое генерал-лейтенантом Бурназяном. Я за сохранение за Институтом авиационной и космической медицины руководящей роли, а маршал Руденко — против. Посмотрим, кто окажется победителем в этой затянувшейся борьбе.

19 апреля.

Весь день провел в ЦПК. На общем построении офицеров Центра объявили приказ Главкома об отчислении Филатьева, Аникеева и Нелюбова. После объявления приказа я поговорил с ребятами. Они ошеломлены таким ударом, но переносят его стойко. Просили меня только об одном: прежде чем направить их в полки, дать им возможность оттренироваться в полетах на самолетах в одном из училищ или центров переучивания.

Провел беседу с Терешковой, Соловьевой, Пономаревой и Еркиной об организации подготовки к очередному групповому космическому полету. Все четверо фактически готовы к полету, но, учитывая, что он состоится не раньше августа 1963 года, мы наметили план дополнительных тренировок.

Разрешил Одинцову готовить к полету четырех мужчин: Быковского, Волынова, Леонова и Хрунова. Все четверо космонавтов и руководство Центра настаивают на том, что нет надобности сидеть в скафандре в макете корабля 7-8 суток. Они считают возможным ограничить тренировку 3-4 сутками, а Яздовский за 8-суточное пребывание в скафандре и корабле. В ближайшие дни придется решать и этот нелегкий вопрос. Отношения между институтом и Центром явно ненормальные, и в этом виноваты обе стороны. Генерал Одинцов в данном случае ведет себя не лучшим образом: его настраивает против института полковник Карпов.

22 апреля.

В воскресенье, как обычно, отдыхал на даче. Снег почти полностью сошел, но земля еще сильно размокшая. Белил яблони, гулял с Олей. Вечером с Левой ходили на охоту на вальдшнепов. Прошлись часа полтора, но стрелять не пришлось.

Сегодня утром Главком сказал мне, что ему не удалось поговорить с министром по вопросу передачи ВВС права заказа пилотируемых космических кораблей, а его доклад на эту тему Малиновский без резолюции передал Бирюзову. Таким образом, главный вопрос все еще в подвешенном состоянии.

Получили решение ЦК и Совмина от 13.4.1963 года о постройке четырех «Востоков» в 1963 году. Решение также обязывает ВПК и МО в двухнедельный срок доложить в ЦК предложения о порядке и сроках пусков «Востоков» в 1963 году. Долго мы боролись, чтобы добиться такого решения, преодолевая сопротивление министра обороны и Генерального штаба.

Только что вернулся с совещания у маршала Руденко, на котором обсуждали планы начала строительства жилого городка для космонавтов рядом с ЦПК. Руденко полностью согласился с нашими предложениями, которые он категорически отвергал 4-5 месяцев тому назад.

Оба этих факта — получение решения о постройке «Востоков» и изменение позиции Руденко в деле строительства городка для космонавтов — очень примечательны. Они говорят о том, что многое можно внушить начальству, если упорно добиваться хорошо продуманной и обоснованной цели.

24 апреля.

Утром, сразу по прибытии на службу, Главком вызвал меня и сообщил, что к нему от Смирнова выехал товарищ Митрохин с письмом в ЦК о проведении очередного пилотируемого полета в мае-июне 1963 года. Главком попросил разобраться и доложить нашу позицию в сложившейся ситуации. Из разговора с Ивановским я установил следующее. Два имеющихся корабля имеют ресурс только до июня, но Королев надеялся, что главные конструкторы оборудования или заменят его на новое, или продлят ресурс старой аппаратуре. Однако надежды Сергея Павловича не оправдались: разработчики оборудования «Востоков» не согласились ни на продление ресурса аппаратуры, ни на ее замену.

Таким образом, мы поставлены перед выбором: запустить в космос два «Востока» до 15.06.1963 года или выбросить на свалку два этих прекрасных корабля. Если бы не было рекомендации ЦК о переносе пуска на август, то не было бы и проблемы. А сейчас, при ясно обозначенной позиции ЦК, предлагать пуск в мае-июне — нужно иметь очень большую смелость. К счастью, смелости у Сергея Павловича еще достаточно (он уже подписал письмо в ЦК), но ее значительно меньше у Вершинина. Чтобы убедить Главкома в необходимости поставить свою подпись под этим письмом, мы пошли к нему втроем - Руденко, я и Одинцов. Почувствовав нашу твердую уверенность в правильности решения Королева, Вершинин подписал этот ответственный документ, немного смущаясь необходимостью сделать это одним из первых.

25 апреля.

Вызывал Яздовского и Карпова, вместе с генералом Гореглядом слушали их более часа. Яздовский доказывал, что космонавта нужно держать в скафандре в тепловом макете корабля «Восток» столько суток, сколько он будет летать в космосе. А Карпов убеждал нас, что более 2-3 суток держать космонавта в скафандре в макете корабля не только не полезно, но и вредно. Конечно, трудно организовать семисуточные тренировки, к тому же они могут несколько снизить физическую готовность космонавтов к полету, и очень не нравятся им, и все же, по-видимому, такие

тренировки придется проводить. Этот спор между нашими ведущими специалистами по космической медицине подтверждает тот факт, что научные обоснования медико-биологических экспериментов с космонавтами очень шаткие. Они иногда подменяются волевыми решениями, догадками, а нередко и капризами.

26 апреля.

Главком сегодня беспокоился по поводу проекта создания нового института в Министерстве здравоохранения для решения медико-биологических задач в космосе. Проект письма в ЦК с таким предложением подписан Калмыковым, Дементьевым, Зверевым и Келдышем. Документ должны подписать также Смирнов и Бирюзов; Смирнов подпишет обязательно, а Бирюзов может подписать с возражениями против передачи части нашего института в другое ведомство. Главком за создание нового института и за передачу ему от нашего института задач космической биологии и функций по координации работ по экологии, но он категорически против передачи оборудования и площадей. Я сказал Вершинину, что занятая им позиция очень труднозащищаема и противоречива. Мы добиваемся, чтобы все пилотируемые космические корабли и полеты на них были за ВВС, и одновременно пытаемся отбиться от задач, поставленных перед нашим институтом решениями партии и правительства в целях освоения космоса человеком. Под эти задачи Институт авиационной и космической медицины получил уже многое: штаты, здания, завод, оборудование, — и, отказываясь от решения таких задач, мы можем все это потерять. Трудная для ИАКМ обстановка сложилась по вине Руденко, Мишука и Бабийчука. Я буду пытаться сохранить наш институт и круг его задач.

28 апреля.

Сегодня 3 часа заседал президиум Межведомственного Совета по космосу. Вел заседание Келдыш, доклад о ракете Н-1 сделал Королев. Кроме членов президиума, присутствовало несколько академиков, главных конструкторов и начальников институтов.

Ракета Н-1 будет готова в 1965 году. Она позволит выводить на орбиту высотой 300 километров 75 тонн полезной нагрузки, на 3 тысячи километров — 50 тонн и на 36 тысяч километров (стационарная орбита — Ред.) — 16 тонн. С помощью этой ракеты космонавтам можно будет слетать на Луну и вернуться на Землю, облететь Марс или Венеру и вернуться на Землю. Для осуществления таких полетов потребуется 3-10 пусков ракеты. Ракета Н-1 может быть использована и для создания научной орбитальной станции, а также для решения ряда военных задач (разведка, перехват, удар). На заседании Межведомственного Совета было признано целесообразным доложить в ЦК КПСС о всех этих вариантах применения новой ракеты.

После заседания я поговорил с Королевым и Келдышем о перспективах ИАКМ в связи с проектом учреждения нового института в Минздраве. Оба они заявили, что были бы за дальнейшее развитие ИАКМ, но позиция, занятая Руденко, вынудила их искать другое решение проблемы. Они уже дали согласие на то, чтобы передать все задачи экологии в Минздрав, — но если Министерство обороны возьмет их на себя, то они могут и пересмотреть свое решение.

Только что закончилось бурное совещание врачей. Решили помещать космонавтов в макет корабля в скафандре не более чем на трое-четверо суток.

29 апреля.

Москвичи торжественно встретили вчера на Красной площади вождя кубинской революции Фиделя Кастро Рус. Встреча была массовой, очень теплой и душевной. Фидель своим беспримерным мужеством заслужил это искреннее признание народа.

Вчера, пока я был на заседании президиума, маршал Руденко проводил совещание с врачами Центра, института и госпиталя. Кроме врачей были Одинцов, Горегляд, Холодков, Смирнов, Гагарин и Николаев. Обсуждались две противоположные точки зрения по поводу предстоящей тренировки космонавтов в тепловом макете «Востока». Яздовский и другие врачи ИАКМ предлагают установить продолжительность пребывания в макете, равную продолжительности полета, - семь суток. Все космонавты и врачи Центра считают, что в макете достаточно быть трое суток; более длительное пребывание бесполезно и даже может ослабить космонавта перед космическим полетом. На совещании у Руденко только Яздовский, Генин и Емельянов высказались за 7-суточную тренировку, а все остальные (более 15 человек) — против. Яздовский доказывал якобы научную обоснованность такой тренировки. На самом деле, все его «научные» доводы оказывались сплошной перестраховкой и наплевательским отношением к здоровью космонавтов.

Яздовский продолжает рассматривать космонавтов как подопытных кроликов, которые должны безропотно переносить все »дикие» эксперименты, проводимые над ними. Отсутствие научной обоснованности в доводах Яздовского доказывают следующие обстоятельства.

1. Зная о предстоящей тренировке космонавтов, руководство института ничего не сделало для поддержания макета в работоспособном состоянии. Оборудование макета выработало весь свой ресурс и может отказать в любую минуту.

2. Яздовский возражал против установки нового макета в ЦПК.

3. Институт не провел подобные испытания в скафандрах с испытателями и не имеет эталона, с которым можно было бы сравнить показатели космонавтов.

4. Николаев находился в макете только трое суток, а летал четверо суток, и Яздовский не возражал против продления его полета на четвертые сутки.

5. Главный конструктор скафандра С.М.Алексеев считает, что находиться более трех суток в скафандре в земных условиях, непосредственно перед полетом, для космонавта бесцельно и вредно. Имеется опыт 15-суточного пребывания в скафандре в макете корабля женщины-испытателя с вполне удовлетворительными результатами.

6. Все космонавты имеют опыт 10-12-суточного пребывания в сурдокамере.

7. Условия пребывания в скафандре на земле (гравитация) несравненно тяжелее условий в космосе (невесомость).

По всем этим соображениям я принял «ненаучное» решение — провести 3-4-суточные тренировки в макете.

3 мая.

Все три праздничных дня провел на даче, в кругу семьи. Много работал в саду, возился с машиной, отдохнул хорошо. Лева, Муся, Оля и я ездили в санаторий имени Герцена к Люде (невестка Н.П.Каманина — Ред.) . Рядом с санаторием протекает река Москва. На противоположном берегу — деревня Васильевка с полуразрушенной церковью. Оля назвала ее - маленький Кремль. Деревня когда-то принадлежала Герцену. Река и высокий заросший лесом правый берег — очень красивы. Мы часа два гуляли по берегу и в лесу, Оля собрала большой букет подснежников. Сегодня пятница, я приехал на работу пораньше, чтобы до звонков продумать необходимые мероприятия по подготовке очередного космического полета.

Гагарин, Попович и Николаев провели праздники в Москве: были на параде, на обеде в Кремле, на стадионе — все прошло нормально. А вот Титов опять «выкинул коленце». 29 апреля Герман вместе с женой маршала Малиновского ездил в школу № 92. Перед поездкой он звонил мне, и я передал ему, что маршал Руденко не разрешил планируемую им поездку в Киев на праздники. Титов возмутился отказом и, по-видимому, рассказал Малиновской о своем желании поехать в Киев и о полученном запрете. Малиновская позвонила Вершинину (я был в это время у него). Почувствовав, о чем идет речь, я сказал ему о решении, принятом маршалом Руденко. Главком обещал Малиновской отпустить Титова. Решение Руденко было глупым, а поведение Вершинина - подхалимским. Вершинин приказал мне отпустить Титова, но, одновременно, он боялся, как бы в праздники не потребовали всю четверку космонавтов на какую-либо правительственную встречу. Пришлось передать командующему ВВС в Киеве генералу Колеснику, чтобы он встретил Титова, всегда знал его местонахождение и все три дня праздника держал наготове транспортный самолет на случай экстренного вызова Титова в Москву.

Сегодня в 10 часов Одинцов доложил мне, что Титов из поездки пока не вернулся. Генерал Колесник в 11 часов сообщил, что в данное время Титов находится еще в Киеве, отдыхает в гостинице «Москва». Через полчаса дежурный с КП ВВС доложил, что звонил Титов и просил передать мне: «Тамара плохо себя чувствует, они смогут вылететь только 5 мая, после 14 часов».

Во всей этой истории Титов показал себя очень плохо. Болезнь Тамары он выдумал, чтобы избежать неприятностей по возвращении в Москву. По существу Герман заслужил строгое наказание, но начальство и нам не разрешит его наказать, и само не решится на большее, чем отеческое внушение. Только что из Киева позвонил сам Титов и попросил разрешения из-за болезни Тамары остаться в Киеве до 5 мая. Я уверен, что эта «болезнь» жены придумана, но у меня нет и не будет доказательств обратного, и я вынужден разрешить Титову «не бросать больную жену в Киеве, а прилететь в Москву вместе с ней».

4 мая.

Вчера около часа беседовал с Руденко о состоянии дисциплины летавших космонавтов «большой четверки». Руденко был очень недоволен, что Главком отменил его запрет о выезде Титова в Киев. «Начальство портит и развращает космонавтов, скоро они с нами - руководителями будут разговаривать так: «Я — Титов, а вы кто?» — эти сетования маршала мне понятны и имеют основания. Но что поделаешь, если мы вынуждены в угоду политике (армия — служанка политики!) сами раздувать славу космонавтов и оставлять в тени тех, кто обеспечивает все наши достижения в освоении космоса.

Только что позвонил Ивановский и сообщил, что Президиум ЦК 29 апреля одобрил наши предложения о выполнении смешанного группового космического полета в мае-июне этого года. Вся четверка женщин полностью готова к полету. Группа мужчин пока еще не подготовлена. Быковскому и Волынову необходимо совершить несколько парашютных прыжков и провести тренировки в тепловом макете корабля, а Леонову и Хрунову, кроме этого, еще и на центрифуге. Главный конструктор Алексеев раньше 10 мая не дает боевые скафандры, и это задерживает тренировки в макете корабля. В лучшем случае, Быковский и Волынов будут подготовлены к 30 мая, а Леонов и Хрунов — к 15 июня. Реально полет можно будет выполнить 5-15 июня.

Звонил Алексеев и сообщил следующее: он готовил на оба корабля женские кресла, после подгонки одного из этих кресел под Быковского специалисты определили, что оно по условиям центровки не годится для Волынова (дублера Быковского), но его можно подогнать под Леонова, скафандр для которого будет готов только к 25-30 мая. Алексеевская аппаратура — скафандры, кресла, АСУ (ассенизационно-санитарное устройство - Ред.) — всегда нам срывала и продолжает срывать сроки подготовки космонавтов. Говорил по этому поводу с Королевым, решили в понедельник собраться и рассмотреть это новое осложнение.

6 мая.

Рассмотрел программу предстоящего смешанного космического полета. В нее включено много новых медико-биологических исследований, но почти ничего нет нового по вопросам боевого применения и научным исследованиям в других направлениях.

Сегодня срочно вызвали к 12 часам всю четверку (Гагарин, Титов, Попович, Николаев) на бывшую дачу Буденного, где жена Малиновского устраивает какой-то прием, по-видимому, в честь Фиделя Кастро. Продолжается порочная практика: министры и другие высокие руководители спаивают и развращают космонавтов, мешают им учиться и работать. И они же — эти самые руководители — спрашивают с нас, почему космонавты ведут себя плохо и часто отрываются от учебы и работы.

Говорил сегодня по «ВЧ» с парашютистом Никитиным. Он в Феодосии проводит парашютные прыжки космонавтов в скафандрах на море. Пока идут подготовительные занятия на земле, а завтра начнутся прыжки на сушу и море. Я приказал Никитину оттренировать Быковского первым и 9-10 мая отправить его в Москву.

7 мая.

Был у К.Д.Бушуева. Обсуждали программу полета, вес дополнительного оборудования и вес кандидатов на полет и их дублеров. В совещании участвовали Алексеев, Феоктистов, Уманский, Смирнов, Тополь и другие специалисты.

По программе полета существенных разногласий нет. По готовности к полету Терешковой, Пономаревой и Соловьевой сомнений нет. Еркина на тренировке в тепловом макете показала неудовлетворительные результаты. Через сутки сняла ботинки — «жмут»,

за трое суток съела только треть положенного рациона, после выхода из макета корабля чувствовала себя очень ослабленной и упала в обморок.

В мужской группе положение сложилось гораздо хуже: из трех кандидатов, подготовку которых мы начали более месяца назад, Комаров «сошел с дистанции» по состоянию здоровья, а Волынов не подходит по весу — 104,5 килограмма (такой же вес и у Леонова). Пока годным остается только Быковский, который в скафандре весит 90,7 килограммов. Из-за разницы в весе космонавтов после регулирования центровки одного из двух имеющихся кресел под Быковского оно не подходит для Волынова. Кроме того, поставив на корабли некоторое дополнительное оборудование, ОКБ-1 испытывает большие затруднения с выдерживанием максимально допустимого веса кораблей. Разница в 14 килограммов в весе Быковского и Волынова почти исключает участие второго в полете, если мы не найдем возможности сократить вес корабля за счет оборудования. Придется форсировать подготовку Хрунова и готовить еще одного-двух человек вместо Волынова, Леонова и Комарова.

9 мая.

День Победы! Восемнадцать лет тому назад я встретил этот день в Чехословакии, на дороге от Брно в Прагу. Мы с генералами Плиевым и Курочкиным спешили в Прагу, обгоняя колонны еще вооруженных, но идущих сдаваться в плен, немцев.

Вчера Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Одинцов и я около пяти часов провели в ОКБ В.П.Глушко: осмотрели демонстрационный зал, провели заводской митинг и пообедали с руководством ОКБ и завода. На фирме Глушко работает 11 тысяч человек, она имеет четыре филиала (в Ленинграде, Красноярске, Куйбышеве и Днепропетровске). Производство ракетных двигателей, работающих на кислороде и керосине, передали в другие ОКБ, а Глушко сосредоточился на двигателях, работающих на высококипящих компонентах топлива. В ОКБ нам была показана целая серия мощных двигателей с тягой в 75 тонн и более. Валентин Петрович — обаятельный, умный и очень скромный человек; он пользуется высоким авторитетом среди своих сотрудников.

Валентин Петрович практически занимается ракетными двигателями с 1929 года. Он начинал свою работу раньше Цандера и Королева (последний одно время работал у Глушко заместителем по летной части). Вместе с Королевым Глушко несколько лет отсидел в тюрьме. Там они создали семейство ускорителей для самолетов с тягой 300 килограммов и более тонны. Валентин Петрович несколько раз намеками выразил свое неудовольствие Королевым; их отношения сейчас плохие. Когда мы вернулись с митинга в кабинет, секретарь доложила Глушко, что звонил Королев и просил ему позвонить. Валентин Петрович имел время и должен бы был позвонить Сергею Павловичу, но он этого не сделал. Это лишний раз подтверждает, что между Королевым и Глушко отношения не наладились.

Окончательно решено, что Комаров по состоянию здоровья не будет готовиться к предстоящему полету. Я сообщил об этом по телефону С.М.Алексееву и попросил его ускорить подготовку скафандра для Хрунова. Алексеев был очень недоволен прекращением подготовки Комарова. Для Хрунова ему придется делать новый скафандр, а для Комарова скафандр уже есть. Алексеев сообщил, что вчера у него были Волынкин и Яздовский и якобы сказали, что Комаров будет готовиться к полету. Я поговорил с Яздовским, он поражен решением консилиума врачей ЦВНИАГ об отстранении Комарова от подготовки к полету. Сегодня в 16 часов будет заседать Госкомиссия и решать все принципиальные вопросы предстоящего космического полета. От ВВС будут на комиссии человек 10, а решать все вопросы придется мне.

11 мая.

Вчера с 16:00 до 20:30 первый раз заседала Госкомиссия по предстоящему пуску «Востоков». Председательствовал Тюлин Георгий Александрович, присутствовали: Пашков, Королев, Глушко, Рязанов, Бармин, Ишлинский, Скуридин, Мрыкин, Керимов, Алексеев, Строев, Воронин и другие; от ВВС в работе комиссии, кроме меня, участвовали: Кутасин, Волынкин, Горегляд, Холодков, Одинцов, Яздовский, Карпов, Гагарин, Смирнов.

Были заслушаны доклады главных конструкторов по кораблям №7 и №8 и их носителям — доложили, что все оборудование вновь проверено, неисправные приборы и аппаратура заменены, все готово к отправке на полигон. Королев обратил внимание на качество работ (отказ 28 приборов, найдена шайба в электрораспределительном устройстве — опять, как и в 1962 году, по вине харьковского завода) и просил усилить внимание к подготовке пуска, выделив на эту работу лучших специалистов.

О готовности космонавтов доложил Одинцов, но его «дебют» оказался неудачным. Поступили предложения: «Считать доклад ВВС неудовлетворительным». Пришлось мне выступать и защищать и ВВС, и Одинцова; после чего комиссия согласилась принять доклад ВВС к сведению и решить вопрос о кандидатах на полет и сроках пусков на более узком заседании. Одинцов излишне самоуверен и тороплив, этот урок ему будет полезен.

После официального закрытия заседания комиссии у Тюлина в кабинете собрались Королев, Мрыкин, Керимов, Скуридин, Алексеев и все представители ВВС. После детального изучения вопроса было решено, что пуск можно планировать на 3-5 июня, вылет космонавтов на полигон — 27-28 мая. Кандидатами на полет были назначены: Быковский (запасной — Волынов), Терешкова (запасные — Соловьева, Пономарева). Тюлин, Королев, Мрыкин, Алексеев, Гагарин, Карпов, Одинцов и я высказались за Терешкову, а Скуридин и Яздовский — за Пономареву. Хотя предварительное решение в пользу Терешковой и состоялось, но у Пономаревой есть сильные сторонники (Келдыш, Руденко), и борьба за то, кто из них будет первой, далеко не закончена.

Сегодня, в первой половине дня, провел совещание и дал все указания о подготовке к космическому полету на 3-5 июня с вылетом на космодром до 28 мая. После принятия Президиумом ЦК КПСС благоприятных для ВВС решений прошло почти два месяца. Малиновский и Бирюзов фактически саботируют решения ЦК, и положение в наших космических делах остается прежним. Из-за ведомственных неурядиц мы очень плохо используем наши технические возможности, наспех готовим программы полетов и делаем массу других глупостей. Космический полет, точнее, подготовку к нему, надо начинать с задания экипажу на полет, а пока мы поступаем наоборот: после того, как подготовят корабли и оборудование, мы к состоянию и оборудованию кораблей подгоняем полетные задания космонавтам.

Идут упорные разговоры о том, что Вершинин подал рапорт с просьбой освободить его от занимаемой должности по состоянию здоровья, и называют Судца и Савицкого как его преемников. Любая замена Вершинина не будет лучшим вариантом, но она неизбежна. Говорил с Брайко и Мироновым — оба считают наиболее вероятной кандидатуру маршала Судца.

12 мая. Дача «Заборье».

Чудесный, теплый день. С 5 часов утра до 9 вечера я все время на ногах. В одних трусах долго работал в саду, потом Лева, Люда (вчера она выписалась из санатория) и я вскопали часть огорода под картофель. Первый раз в этом году косил траву, Оля мне помогала косить маленькой косилкой.

13 мая.

Говорил с С.П.Королевым, он против того, чтобы ВВС посылали на старт 55 человек, и предлагает сократить число командируемых до 25. Уложиться в это число невозможно. На старте должно быть не менее 11 космонавтов и 8 инженеров, не считая других специалистов ВВС.

Сегодня Быковского должны были поместить в тепловой макет «Востока» на срок не более двух суток, но только что позвонил из института Гагарин и доложил, что начинать тренировку Быковского сегодня нельзя. От Алексеева привезли скафандр, а шлемофон к нему взяли на один номер больше шлемофона Быковского, — врачи утверждают, что датчики физиологических функций, вделанные в шлемофон, в таких условиях работать не будут. Опять специалисты алексеевского ОКБ портят нам нервы: обещали дать скафандр 9 мая, а фактически мы получим его только 14 мая.

Получили подтверждение, что завтра, 14 мая, американцы запустят на орбиту Гордона Купера. Программа полета в усовершенствованной капсуле «Меркурий» рассчитана на 34 часа и содержит ряд интересных пунктов:

11 мая Купер был помещен на 72 часа в специальную камеру, а с 14 часов 12 мая и до 2 часов 13 мая должна проводиться последняя имитация полета, во время которой астронавт будет находиться в капсуле. Если верить этой информации, то американцы делают глупости: они изматывают астронавта перед самым стартом, вместо того, чтобы предоставить ему возможность активного отдыха. Зная устройство капсулы «Меркурий», я не уверен, что американцам с первой попытки удастся совершить космический полет продолжительностью более суток.

14 мая.

С утра до 14:30 был в ЦПК, проверял планы подготовки космонавтов к предстоящему полету. Терешкова и Соловьева подготовку полностью закончили. Вчера они прилетели из Феодосии, где провели по семь парашютных прыжков, в том числе в скафандре и на море. Пономарева и Еркина заканчивают прыжки завтра. Девушкам осталось пройти только заключительные медицинские обследования, повторить тренировки в корабле и изучить программу полета. Встречал Терешкову. Она выглядит лучше обычного, как-то вся светится радостью. По-видимому, ей кто-то уже шепнул, что она первый кандидат. Но намек на решение еще далеко не само решение. Я твердо стою за то, чтобы вопрос о том, кто из женщин полетит первой, решать только на старте. Шансы Терешковой, Соловьевой и Пономаревой сейчас почти равные.

По программам, планам и расписаниям занятий сделал несколько исправлений. Отругал генерала Одинцова и его заместителей за грязь в гарнизоне. Правда, положение в гарнизоне улучшается, но очень медленно. Обратил внимание Одинцова на его ошибки на заседании Госкомиссии и на его сварливость во взаимоотношениях с генералами Волынкиным и Пушко.

Сегодня в 11 часов Быковского поместили в тепловой макет корабля, а Волынов проходит вестибулярные обследования. К 25 мая подготовка космонавтов будет закончена, и 27-28 мая мы можем лететь на старт.

15 мая.

Американцы вчера не запустили капсулу с Гордоном Купером, якобы из-за неисправности ротора слежения на Бермудских островах. Официально объявлено об отсрочке пуска космического корабля минимум на сутки. Не исключено, что старт состоится сегодня, но я не уверен, что Купер сможет полностью выполнить программу полета: 22 витка в «Меркурии» тяжелее 50 витков в «Востоке».

Быковский находится в макете уже вторые сутки, у него сломался микрофон, отказали ларинги — он поддерживает связь по телефону и телеграфу. Читал сегодня документ, «состряпанный» Яздовским. Смысл документа: «Космонавта, кандидата на полет, нужно держать в скафандре в макете корабля дольше того срока, на который он летит в космос. При продолжительности полета до 7 суток нужно находиться не менее 7 суток, но, учитывая сжатые сроки подготовки к полету, ученые считают возможным сократить пребывание в макете до 5 суток». Подписали это «творение» два десятка ученых (Блохин, Парин, Яздовский, Генин и другие). Этот документ не только ненаучный, но и просто глупый: нельзя допускать значительного ослабления организма космонавта перед самым полетом.

Я не раз говорил Яздовскому и другим ученым, чтобы они провели десятки длительных испытаний с испытателями и установили, как ведет себя организм в подобной обстановке, в какие сроки он лучше приспосабливается к ней и что можно рекомендовать космонавту для поддержания тонуса и работоспособности. Этой большой и нужной предварительной работы институт не провел, а сейчас, перед самым полетом, ученые пытаются исправлять свои грехи за счет здоровья космонавтов. Завтра поеду в институт, разберусь с ходом тренировки Быковского и на месте приму решение, закончить ли опыт в конце вторых суток или продлить его на третьи сутки. Что бы ученые ни доказывали, я не допущу продолжительности пребывания космонавта в скафандре более трех суток. Каждый день в скафандре на Земле тяжелее трех космических — примерно так оценивают эту тренировку Гагарин, Титов, Николаев и Попович.

16 мая.

Провел совещание в Институте авиационной и космической медицины. Все высказались за то, что эксперимент с Быковским продолжать на третьи сутки не имеет смысла. Наблюдал Быковского в корабле и поговорил с ним по телефону — вид и самочувствие Быковского нормальные. Специалисты разбираются в причинах отказа микрофона и ларингов. Волынова поместили в тепловой макет корабля на трое суток. Оба они еще пройдут тренировку по пользованию АСУ. Разобрал ряд вопросов по взаимоотношениям между ЦПК и ИАКМ, а также вопросы подготовки к

предстоящему пуску. Яздовского больше всего беспокоило то, чтобы Центр не имел поползновений на роль руководителя медико-биологической подготовки полета. Я при всех успокоил его, сказав, что институт будет, как и раньше, организовывать и отвечать за весь комплекс мероприятий и подготовку космонавтов по медицинской части.

Вчера в 16:03 по московскому времени Гордон Купер был выведен на орбиту. Прошло уже 22 часа, как начался его полет, и, по-видимому, он проходит успешно. Наши газеты и радио скупо сообщают о полете Купера. Если Купер выдержит 22 витка и благополучно вернется на Землю, это будет большим его личным успехом и громадным достижением США. Этот полет - новое доказательство того, что Америка «сидит у нас на хвосте», а кое в чем уже и опережает.

17 мая.

Гордон Купер произвел посадку в заданное время и в заданном месте. Подробности полета пока неизвестны, но и без них понятно, что Америка одержала большую победу в космосе. Ракета «Атлас» и корабль «Меркурий» не идут ни в какое сравнение с нашей ракетой и «Востоком»: наша ракета почти в три раза мощнее, а «Восток» более чем в два раза тяжелее «Меркурия». Тем больше у американцев оснований радоваться своему новому успеху.

Вчера получил неприятное известие о новых «похождениях» Г.С.Титова. 13 мая Титов с корреспонденткой «Молодой гвардии» поехал на прогулку в лес на своей машине. Пока они гуляли по лесу, кто-то якобы утащил из машины папку с документами. В папке находились пропуска в ЦПК, в Главный штаб ВВС, к Королеву, в институт, в академию, а также мандат депутата Верховного Совета СССР и другие документы. Приказал Одинцову провести расследование и доложить мне, но и без расследования ясно, что Титов вел и продолжает вести себя плохо. После того, как я задержал ему присвоение очередного звания, он немного притих, а сейчас опять показывает свое настоящее лицо. Титов - малоорганизованный и даже разболтанный человек. Его нужно держать в очень крепкой узде, но высшее начальство мешает нам поставить космонавтов на место. На этот раз придется Титова строго наказать по строевой и партийной линиям.

Сегодня в 12:30 в макет «Востока» поместили космонавта Волынова, пока у него все идет нормально. Неисправности со связью у Быковского были из-за неправильного монтажа кресла — этот недостаток устранен.

18 мая.

Сегодня утром узнал от своего шофера, что будто бы вчера в Химках Гагарин потерпел аварию на своем катере. Звонил из КГБ подполковник Ершов и тоже говорил о происшествии с Гагариным. Только что от меня ушли Одинцов, Гагарин и Титов. Гагарин утверждает, что никакого происшествия у него не было. Я попросил Ершова проверить всю эту «трепотню». А вот с Титовым пришлось крупно поговорить.

Я предупредил Германа, что за утерю важных документов он будет очень строго наказан. Титов пытался оправдываться: «А при чем тут я, если у меня украли документы…» Я напомнил Герману, что до его космического полета и во время поездки в Америку у нас не было никаких замечаний по его поведению, - следовательно, он может, когда это считает нужным, «взять себя в руки». Я сказал Титову, что в последнее время он наделал много серьезных ошибок и теперь должен отвечать за все свои «выкрутасы». Никакие высокие звания не спасут его от строгих наказаний, и если он не сумеет сделать для себя правильных выводов, то нанесет большой вред и делу, и самому себе. Титов пытался защищаться — он до сих пор так ничего и не понял. Придется его крепко «отмолотить», чтобы он наконец-то осознал свои ошибки.

19 мая.

В 9:30 уехал с дачи в Монино на сбор ветеранов 2-й Воздушной армии. Собралось человек 500, в том числе Красовский, Рытов, Миронов, Кожедуб, Лакеев, Жадов, Слюсарев. Из нашего корпуса было человек тридцать: Яроцкий, Бенюк, Клобуков, Коряков, Пикулик и другие. Доклад сделал маршал Красовский. Торжественная часть продолжалась более двух часов, затем был обед, а после него - концерт. Это первый опыт в ВВС такого большого сбора ветеранов. Пожалуй, лучше собирать полк, дивизию или корпус — сбор армии был слишком многолюдным и потому довольно формальным, сухим. Многие высказывали разочарование этой встречей.

20 мая.

В субботу Вершинин и Руденко вернулись с учений, проходивших в ГДР. Главком заболел, и сегодня его нет на работе. Руденко к 15 часам поедет в ЦК, а мне опять придется с 16 часов представлять ВВС на заседании Госкомиссии по пускам «Востоков».

Сегодня около полудня Волынов закончил трехсуточный эксперимент в макете «Востока». Волынкин и Яздовский доложили, что у Волынова все хорошо, но за трое суток у него не было стула. Яздовский сообщил, что у испытателя, находящегося в таких же условиях, нет стула уже восьмые сутки. Необходимо Быковского и Волынова особо потренировать в пользовании АСУ в скафандре.

21 мая.

Почти весь день провел в ЦПК. К 8:45 в Центр приехали Келдыш, Королев, Мрыкин и Руденко. Беседовали о кандидатах на полет и о продолжительности полета. ЦПК представляли Одинцов, Карпов, Гагарин, Титов, Николаев, Попович. Все единогласно высказались за 8-суточный полет для космонавта и трехсуточный — для космонавтки. Первым кандидатом из мужчин назначен Валерий Быковский, а из женщин - Валентина Терешкова. Потом пригласили на собеседование готовящихся к полету космонавтов. Быковский, Волынов, Терешкова и Соловьева произвели на всех отличное впечатление. Королев спросил Пономареву: «Что это вы грустноваты сегодня, товарищ Пономарева?» «Не грустновата, а просто серьезна, как всегда», — ответила Пономарева. Еркина чувствовала себя не на месте, понимая что ее пригласили на эту встречу «по ошибке». После небольшой беседы с космонавтами Королев заявил: «Я думаю, что мы не ошиблись в выборе командиров «Востоков», все космонавты производят прекрасное впечатление, отлично подготовлены. Много и хорошо потрудились руководители Центра и ВВС, чтобы подготовить таких орлов».

После совещания гости осмотрели служебные и учебные помещения Центра, побывали на строительстве и остались очень довольны всем увиденным. Они не заметили многих недостатков и недоделок, мимо которых я не имею права проходить равнодушным наблюдателем. После того, как гости разъехались, Руденко отругал Одинцова за

форму доклада (»ЦПК предлагает первым кандидатом…» и т.д.). Короче говоря, маршал был очень недоволен, что мы провели первой Терешкову, а не Пономареву, как этого хотел он. Потом Руденко долго читал мораль Гагарину, Титову, Николаеву и Поповичу, а под конец остался один с Титовым и с глазу на глаз «вправлял ему мозги». За это время я успел выиграть четыре партии в биллиард у Одинцова и Карпова.

22 мая.

В понедельник, 20 мая, состоялось заседание Госкомиссии, на котором была подтверждена готовность двух «Востоков» к пуску между 5 и 10 июня. Я доложил комиссии подготовленные ВВС тексты приветствий из космоса и тексты предстартовых выступлений космонавтов. Комиссия рассмотрела и утвердила ряд инструкций и рабочих документов, а также поручила мне подготовить доклад с анализом всех наших и американских пилотируемых полетов.

Яздовский и Одинцов сегодня звонили мне и выражали свое недовольство тем, что этот доклад поручен не им. Одинцов набрался нахальства и заявил, что у него все люди заняты делом и он не может никого выделить для участия в подготовке доклада. Я отказался от его помощи, доклад будет подготовлен и без него, но его «позиция» по ряду вопросов показывает, что Одинцов очень недалекий человек, а в данном случае он выглядит просто глупо. Сегодня я первый раз серьезно усомнился в Одинцове. Накапливается уже много данных, свидетельствующих о том, что выбор нового начальника Центра проведен мной не лучшим образом.

23 мая.

Вчера, к концу дня, еще раз звонил Одинцов. Он, по-видимому, понял, что вел себя глупо, и пытался исправиться, но… сделал вместо этого еще одну глупость. Из-за своего сварливого характера он два месяца не может договориться с генералом Пушко об использовании базы ГКНИИ (барокамера, катапульта, летные и другие тренажеры) для тренировок космонавтов. Неделю назад он прислал мне проект приказа ВВС по использованию этой базы, но проект не завизирован Пушко. Я уже дважды говорил Одинцову, чтобы он не присылал недоработанные проекты, но он считает, что его обязанность со всеми ругаться, а ВВС должны заставлять всех слушаться Одинцова. Я не думаю, что Одинцов как начальник ЦПК совсем плох, но работать с ним будет трудно - это для меня уже не подлежит сомнению.

Дважды звонил Королев, просил прислать ему все инструкции космонавту (их набирается более 30). Послал к Сергею Павловичу Б.А.Аристова.

24 мая.

Грандиозный митинг в Лужниках и прием в Кремле состоялись вчера в честь Фиделя Кастро Рус. Фиделю присвоено звание Героя Советского Союза. Он, безусловно, заслужил самые высокие звания и награды, но звание Героя Советского Союза ему дали зря, если не сказать больше. Новое звание Фиделя его враги широко используют во вред ему и во вред Кубе. Злостной американской пропаганде мы сами даем материал для травли Фиделя.

Сегодня получили решение ЦК КПСС о постройке в 1963 году четырех «Востоков». Нам приказано к 25 мая дать ростовки на пять скафандров, а к 15 июня дать программы полетов для всех кораблей. Завтра на заседание ВПК у Смирнова приглашены Руденко, я, Одинцов, Яздовский, Карпов, Гагарин, Быковский, Волынов, Терешкова, Соловьева и Пономарева. На заседании будут обсуждаться вопросы готовности техники и космонавтов к предстоящему полету. Доклад о готовности космонавтов и все необходимые справки написаны, мы в состоянии ответить на любой вопрос любой инстанции.

27 мая. Борт самолета «Ан-10» — Тюра-Там.

Только что взлетели с аэродрома Чкаловская — летим на полигон. Для меня этот полет — сплошная неожиданность и образец неорганизованности. Маршал Руденко должен был сегодня лететь с членами Госкомиссии, но в субботу вечером я получил команду вылететь вместо него. Я планировал свой вылет на 31 мая вместе с космонавтами, и до отлета у меня было очень много неотложных дел в Москве, которые пришлось поручить Горегляду и Одинцову.

В субботу 25 мая состоялось заседание Военно-промышленной комиссии под председательством Л.В.Смирнова. Присутствовали: Дементьев, Калмыков, Зверев, Пашков, Келдыш, Королев, Тюлин, Мрыкин и другие, ВВС были представлены Вершининым и всеми приглашенными на заседание товарищами. О готовности к очередному космическому полету докладывали Тюлин, Королев, Руденко, Келдыш и другие. Приняли решение: «Принять к сведению доклады о готовности техники и космонавтов к пуску между 5 и 10 июня». Я в своем выступлении просил изыскать возможность взять на борт «Востока» оптическую трубу (массой полтора килограмма), значительно улучшающую возможности обзора из корабля.

Воскресенье до обеда провел на даче, а после обеда мы с Мусей ездили в Москву, готовили мой вылет в командировку. На даче у нас ночевал Павел Герасимович Хохлов, рассказавший много интересного о своей жизни в Вязниках. Павел Герасимович мой старый друг. Мы вместе с ним в 1929 году начинали службу в Спасске в 40-й эскадрильи. Восемь лет назад Хохлов ушел в запас в звании подполковника и поселился с семьей в Вязниках. Построил дом, завел корову, посадил фруктовые деревья. Повзрослевшие дочери и сын Хохлова вскоре разъехались по стране. Павел Герасимович и его жена продолжали напряженно, по 12-14 часов в сутки, работать на приусадебном участке, видя смысл жизни в труде. Но вот какой-то шустрый журналист поместил в местной газете заметку о Хохлове, в которой назвал его «тунеядцем, молочником и спекулянтом». Несколько месяцев «дело» Хохлова разбиралось в различных инстанциях — в итоге разбирательства доброе имя коммуниста с 40-летним стажем «реабилитировано», корова зарезана, сад заброшен.

Когда же мы покончим с подобными «загибами» и «перегибами»? Ведь государственный сектор пока еще не может обеспечить потребности населения в продовольственных товарах и создать такие условия, когда мелкие приусадебные хозяйства станут просто нерентабельными и граждане сами добровольно от них откажутся. У нас на местах в административном порядке прижимают «коровников» налогами, препятствуют обеспечению их кормами и пастбищами. Миллионы людей, которые могли бы своим трудом создавать дополнительное количество продовольствия, обрекаются на вынужденное безделье…

Кому-то может показаться странным, что на пути к космодрому я рассуждаю на эти далеко не космические темы. Многие считают, что глупо стремиться в космос, имея столько важных проблем на Земле, но я верю, что освоение

космоса может оказать благотворное влияние и на состояние земных дел. Программа предстоящего смешанного полета очень трудна и во многом невыполнима из-за недоделок в оборудовании, но я глубоко убежден, что осуществление полетов на 6-7 суток для мужчины и на трое суток для женщины уже само по себе дает для освоения космоса так много, что можно и нужно для решения главной задачи поступиться другими работами. В последующих пусках можно будет решать специальные задачи (разгерметизация, ручной спуск, элементы боевого применения), не увлекаясь длительностью полетов.

…Через четыре часа полета произвели посадку на аэродроме полигона. Сейчас здесь хорошая погода, прошли дожди, большой жары и духоты нет, а ночью даже прохладно. За 20 минут до нас прилетели Королев, Тюлин и другие. Королева я еще не видел, а Тюлин был удивлен моим столь ранним появлением. Он сказал, что в субботу говорил Руденко, чтобы мы не торопились с вылетом и раньше 1 июня не прилетали. Мне здесь в ближайшие 3-4 дня большой работы не будет, а в Москве остались горы дел — это вынужденное безделье пускай будет на совести Руденко, а я постараюсь использовать все свободное время для более подробного ознакомления с техникой и контактов с представителями промышленности. Здесь уже все главные конструкторы, а от ВВС пока человек 20 (группа инженеров во главе с полковником Шубраловым и группа врачей полковника Гуровского). Всего представителей ВВС будет человек 60, половину из них нужно разместить на территории нулевого квартала на берегу Сырдарьи, а другая половина специалистов будет размещаться на второй площадке, в непосредственной близости от старта.

В дни подготовки пусков «Востоков» полигон всегда очень перегружен и переживает бытовые трудности (размещение, питание, транспорт). Сейчас я сижу в «квартире» маршала Крылова (хозяин еще в Москве) и жду заказанного по «ВЧ» разговора с Москвой. Телефон «ВЧ» также сильно перегружен, и иногда приходится долго ждать. Плохо, что у меня нет с собой всех исходных материалов для подготовки доклада с анализом наших и американских космических полетов. Горегляд не только не успел обобщить все необходимые для доклада данные, но даже не доложил мне имеющиеся материалы. По памяти буду обдумывать главные итоги полетов, выводы из них и предложения по организации и программе последующих полетов четырех «Востоков».

28 мая.

Получил очень неприятное сообщение из Москвы: при очередном парашютном прыжке погиб полковник Никитин Николай Константинович. Прыжок был групповой. Одновременно с Никитиным прыгал майор Новиков. В воздухе они столкнулись головами, и оба погибли. За год это третья катастрофа самых видных парашютистов авиации: погибли полковник Долгов, парашютист ЛИИ Головин, полковник Никитин. Последние годы они много работали на космонавтику: испытывали скафандры, готовили парашютистов, были ведущими испытателями катапультных устройств. Но все трое погибли при прыжках, не имеющих никакого отношения к освоению космоса.

Никитин был ворчлив, неуживчив, мало «уважал» начальство, но он был прекрасным парашютистом-испытателем и инструктором. Он отлично подготовил Гагарина, Титова, Поповича, Николаева, Быковского, Волынова, Терешкову, Соловьеву, Пономареву и других космонавтов. Смерть Н.К.Никитина — большая утрата для космонавтов и парашютистов СССР. Последний раз я виделся с Никитиным 20 мая, когда он в ЦПК докладывал Келдышу, Королеву и Тюлину о результатах последних прыжков космонавтов в скафандрах на сушу и на море.

Сегодня около пяти часов провел на второй площадке. Встречался с Шубраловым, Яздовским, Королевым, Алексеевым, Ворониным, Ткачевым и другими. Носители и «Востоки» №5 и №6 находятся в МИКе. Работа с ними началась еще две недели назад, но Королев не совсем доволен результатами: «Начинаем подготовку почти с нуля». У обоих «Востоков» обнаружены неполадки с телеметрическими системами Главного конструктора Богомолова. Сейчас идет круглосуточная работа по подготовке кораблей.

При первой встрече Сергей Павлович просил меня заняться аппаратурой Алексеева и Воронина. Ему кто-то доложил, что за время нахождения второго корабля в пятисуточной готовности к полету возможно стравливание воздуха и кислорода. Я обсудил эту проблему с Алексеевым, Пелевиным и Килосанидзе. В отсеке управления кораблем есть три баллона (два с воздухом, один с кислородом), предназначенные для питания скафандра в течение 3-3,5 часов в случае разгерметизации корабля. Кроме баллонов, может травить и КП-39 (кислородный прибор — Ред.) . Все специалисты заявили, что вероятное стравливание воздуха и кислорода за пять суток готовности и десять суток полета будет очень небольшим и никаких опасений не вызывает. Договорились об усилении контроля и постоянстве замера величины стравливания воздуха и кислорода.

Не успели мы закончить обсуждение данной проблемы, как к нам пришел Королев. Алексеев, Воронин и Ткачев доложили ему, что их системы готовятся нормально. «Неужели не к чему придраться, а я был намерен ругаться», — шутя сказал Королев. В этот момент появился Яздовский, и Сергей Павлович тут же набросился на него с градом «шутливых» вопросов: «Когда медицина разрешит нам - старикам — лететь в космос? Почему вы превратили медицину в «антикосмос»? Зачем вы превращаете космонавтов в подопытных кроликов? Почему не даете нам своих рекомендаций для будущих кораблей? Когда снизите медицинские требования к поступающим в космонавты?» и т.д. Королев уже много раз поднимает эти вопросы, но их решение зависит больше от техники, чем от медицины. Пока космонавт будет в полете переносить перегрузки, невесомость и другие неблагоприятные факторы космического полета, до тех пор потребуется специальный отбор и жесткие тренировки людей, готовящихся к космическим полетам.

Вчера был очень тихий, теплый, приятный вечер; в спокойной Сырдарье отражались небольшие розовые облака, а сегодня небо необычно нахмурилось — сильный восточный ветер, облачность, на востоке черная дождевая туча с полосами дождя. Сырдарья волнуется, и на берегу нет ни одного человека. День был нежаркий, а вечер почти прохладный. Утром я с удовольствием провел физзарядку на берегу и искупался, а сейчас нет никакого желания лезть в воду. Трагическое происшествие с Никитиным и плохая погода испортили мне настроение, на минуту появляются сомнения в важности и необходимости наших космических хлопот, но я, к счастью, умею не распускаться и верить в дело, которому посвятил три последних года. Дорога в космос трудна, на пути будет много трудностей и неприятностей, глупости многих руководителей будут создавать дополнительные затруднения, но вопреки всему нужно делать все возможное для расчистки этого пути. Он нужен человечеству на века, а все наши возможные потери и неприятности легко забудутся, хотя для нас, еще живущих и летающих, они не безразличны.

29 мая.

Вчера поздно вечером говорил по «ВЧ» с генералом Одинцовым, он доложил следующее. 28 мая в 6:15 на

аэродроме Медвежьи Озера проводились тренировочные прыжки врачей поисковых команд. Полковник Никитин, майор Новиков и еще один парашютист выполняли личные тренировочные прыжки с затяжкой на 10 секунд и с интервалом в 2,5 секунды. Выпрыгнувший первым Никитин на 10-й секунде начал раскрывать парашют, и в этот момент падавший спиной вниз и не видевший Никитина майор Новиков ударился затылком о лоб Никитина. Удар был настолько сильным, что смерть обоих наступила мгновенно. Парашюты раскрылись, но на них приземлились два трупа. Итак, Никитина фактически убил майор Новиков. По-видимому, он не выдержал заданный интервал, затянул свободное падение больше, чем на 10 секунд, и совершенно не наблюдал за партнером. Хоронить Никитина будут 30 мая, а 31 мая космонавты должны вылететь на полигон. Очень жаль Никитина, его гибель может в какой-то мере отрицательно повлиять на ход подготовки предстоящего полета. Я имею в виду, в первую очередь, нервы женщин. Королев, Тюлин, Алексеев и другие, кто знал Никитина, удручены его утратой.

Советовался с Тюлиным и Королевым о дате отъезда на полигон космонавтов. Тюлин рекомендует 31 мая, а Королев — 2-3 июня. Тюлин председатель Госкомиссии, а Королев фактический руководитель пуска — слушаться нужно обоих. Вызову космонавтов на 2 июня, пуск раньше 7-8 июня все равно не состоится, а 4-5 дней на предстартовую подготовку вполне достаточно.

Только что вернулся со второй площадки, где в моем присутствии Королев имел крупный разговор с начальником полигона генералом Захаровым по поводу перегруженности гостиниц и плохого обеспечения транспортом. Как на десятой, так и на второй площадке действительно много лишних людей, не имеющих никакого отношения к пуску «Востоков». На время нашей работы их целесообразно убрать. Говорил по «ВЧ» с Гореглядом; маршал Руденко решил всех космонавтов отправить одним самолетом Ан-10. Я приказал Горегляду и Одинцову настаивать на отправке космонавтов двумя самолетами Ил-14. Руденко ответил: «Вы боитесь летать, даже министр летает со всеми своими заместителями на одном самолете». До Руденко не доходит, что, случись катастрофа со всеми космонавтами (Гагарин, Титов, Попович и все подготовленные к полету космонавты), — это будет величайшей потерей для СССР и всего мира, а потеря полдюжины выживших из ума стариков только способствовала бы укреплению армии. Завтра приму все необходимые меры, чтобы не дать ход очередному «заскоку» маршала. Говорить с ним совершенно бесполезно, надо будет через ЦК отменить его решение.

30 мая.

Вчера вечером говорил с Тюлиным о намерении Руденко отправить всех космонавтов одним, а не двумя самолетами, как это было запланировано. Тюлин не задумываясь ответил: «Можно одним самолетом, мы — Правительственная комиссия - летаем на одном самолете». Такой ответ - не что иное, как проявление мании величия. Малиновского, Руденко, Тюлина и даже Королева можно немедленно заменить другим человеком. А кем можно заменить Гагарина или Николаева? На подготовку девушек мы затратили полтора года, и в ближайшие год-два их заменить некем. Я верю, что в этом полете ничего плохого не должно произойти, но хотелось бы исключить даже малейшую вероятность большого несчастья, а сейчас она совсем не исключена. Эти грустные опасения не навеяны трагической гибелью Никитина. Просто у нас более трех лет существовало правило: космонавтов и их дублеров не возить на одном самолете. Передал Горегляду команду: прибыть с космонавтами на полигон 2 июня.

С утра был на второй площадке, согласовал с Яздовским, Алексеевым, Даревским и Богомоловым часы и дни их занятий с космонавтами. Для занятий вполне хватит трех дней, в предстартовый день занятия сократим до минимума.

Сегодня космонавты хоронят Н.К.Никитина. Найти ему полноценную замену будет трудно. Как специалист, он пользовался большим авторитетом у космонавтов и промышленников. Парашютные системы корабля, кресло, скафандр, НАЗ — все разработано и испытано с его участием.

31 мая. Тюра-Там.

Утром вместе с Королевым и Фроловым изучали на «Востоке-6» возможность размещения и закрепления на борту корабля обзорной оптической трубы. Фролов категорически отрицал такую возможность, Сергей Павлович колебался, а потом сам влез в корабль и в нескольких местах примерился с трубой. Я наблюдал за Королевым и понял, что корабль перегружен и заполнен до предела. Трубу можно будет разместить только на «Востоках» постройки 1963 года.

В 17 часов Королев и Тюлин провели техническое совещание, на котором присутствовало более 60 человек. О готовности к полету «Востока-5» и «Востока-6» доложили Данилов, Шубралов, Фролов, Богомолов, Алексеев, Воронин, Ткачев, Даревский, Брацлавец, Быков и другие специалисты. Корабли, в основном, готовы к полету, но в процессе подготовки были случаи отказа средств связи, телевидения и некоторых приборов. Совещание продолжалось два часа, большой пользы от него я не увидел, но как официальный доклад главных конструкторов о готовности своих систем и аппаратуры к пуску оно, по-видимому, необходимо. Я или привык к таким совещаниям, или они понемногу вырождаются в необходимую формальность, в некую форму общественного контроля над главными конструкторами. Королев и Тюлин выразили неудовлетворение докладом Богомолова, упрекали его в частых случаях отказов его аппаратуры, а Богомолов, как всегда, пытался защищаться. Судя по докладам главных конструкторов и группы инженеров ВВС, подготовка кораблей и носителей идет нормально, и пуск можно будет осуществить 7-10 июня.

1 июня.

На самолете Ан-10 в 10 часов по местному времени на полигон прилетели Руденко, Мрыкин, Ишлинский, Кузнецов, Горегляд, Одинцов, Холодков, Карпов, Гагарин, Титов, Николаев, Быковский, Волынов, Терешкова, Соловьева, Пономарева и другие (всего 35 человек). Встречали космонавтов Тюлин, Королев, Захаров, Войтенко, Яздовский. Кинооператоры засняли «церемонию» встречи космонавтов.

С 17 до 19 часов С.П.Королев проводил техническое совещание по всем обслуживающим службам (расчеты, связь, поиск и т.д.). По обеспечению поиска на акваториях доложил капитан 1-го ранга Миловский. По организации поиска средствами ВВС доклад сделал я. Много вопросов всем докладчикам задавали Тюлин, Мрыкин и Королев. Сергей Павлович выразил обеспокоенность отсутствием средств поиска (морские корабли и самолеты) в южной части Тихого океана, вдоль побережья Антарктиды и в Южной Атлантике. Комиссия решила обратиться в ВПК и МО с просьбой продумать план мероприятий на случай аварийной посадки космонавтов. К этому пуску реально уже ничего нельзя сделать, но в принципе можно иметь в южном полушарии несколько морских кораблей и 3-4 самолета Ту-114. Приняли решение: поручить специалистам ВВС изучить все варианты возможной штатной и аварийной посадки космических кораблей.

2 июня. Воскресенье.

Весь личный состав полигона и промышленники сегодня отдыхают. Утром в 7:10 мы с Руденко пошли на Сырдарью для физзарядки и купания. В это время все космонавты уже играли в волейбол. С 10 до 14 часов космонавты занимались изучением инструкций и прослушали рекомендации профессора Раушенбаха по ручной ориентации, спуску корабля за счет естественного торможения и способам действий при выполнении различных научных заданий. Я с Тюлиным также послушал выступление Раушенбаха, а потом, с 12 до 14 часов, был на берегу: загорал, купался, играл в шахматы. Выиграл две партии у Руденко и две у Миловского. После обеда Руденко пошел пройтись по городу, а космонавты вместе с генералами Гореглядом и Одинцовым поехали ловить рыбу. Ребята вернулись с рыбной ловли очень довольные, поймали сома килограммов на восемь. Руденко, Тюлин, Мрыкин и я вечером смотрели американский кинофильм «Великолепная семерка». Содержание фильма бедное, много стрельбы и убийств, но смотрится он с интересом; два часа пролетели незаметно.

3 июня.

С 9 часов Терешкова, Соловьева и Пономарева примеряли скафандры, регулировали подвесную систему и кресло. Быковский и Волынов в первой половине дня изучали инструкции и задание на полет, заполняли бортжурналы, а вечером проводили тренировку в боевом корабле. Сергей Павлович утром рассмотрел и согласился с предложениями ВВС по наблюдению за огнями, дымами, взрывами и прожекторами в районе Волгограда. Он согласился с моим предложением по целеуказаниям пилотам кораблей (например, команда «12.05-30-слева-120» означает, что в 12:05 космонавт должен наблюдать за объеком, расположенным слева по курсу под углом 30 градусов на удалении 120 километров). Данные о положении кораблей мы будем получать от мощных пеленгаторов, передавать их в ЦНИИ-30 и через 15 минут будем знать координаты кораблей. Днем Королев провел два заседания технического руководства, где еще раз детально рассматривались вопросы готовности носителей и всех видов наземного обслуживания. По носителям доклад сделал полковник Кириллов, оба носителя готовы к пуску.

Сегодня Руденко вызвал заместителя командующего 73-й Воздушной армией генерала Платова, полковника Сибирякова и специалистов по связи и метеослужбе. Рассмотрели все вопросы организации и управления поиском приземлившихся кораблей и космонавтов. На совещании посадочной группы рассмотрели все витки, проходящие над территорией СССР, выбрали из них самые благоприятные для штатного, аварийного и ручного спуска, определили полосы посадки для каждого витка. Я сделал короткий доклад о средствах поиска ВВС и об организации управления поиском.

После совещания чествовали Богомолова Алексея Федоровича (профессор, доктор технических наук, Герой Социалистического Труда, Главный конструктор телеметрических систем контроля и измерений). Богомолову 2 июня исполнилось 50 лет, а выглядит он на 35. С поздравлениями выступили человек 20. Алеша остался верен себе, он сказал: «Вместе с коллективом ОКБ мы добились некоторых успехов, будем стараться работать лучше, но срывы могут быть». По существу, он прав, но у нас не принято говорить о возможных неприятностях, тем более перед таким ответственным пуском.

4 июня.

В 10 часов началось заседание Госкомиссии по пуску «Востоков», членами которой от ВВС кроме Руденко, Яздовского и меня являются генерал Одинцов, полковник Карпов и подполковник Гагарин. На сегодняшнем заседании присутствовало человек 60. Доклады о готовности носителей и кораблей «Восток-5» и «Восток-6» сделали полковник Кириллов, полковник Данилин и все главные конструкторы. Последним выступил Сергей Павлович Королев. Он отметил, что всеми службами полигона и представителями промышленности выполнена большая работа, носители и корабли в хорошем состоянии. В заключение он попросил комиссию разрешить вывоз изделий на старт. На заседании комиссии выяснилось, что, возможно, старт 7 июня не состоится из-за сильного порывистого ветра (15-20 метров в секунду). Вывоз изделия на старт при ветре более 15 метров в секунду также небезопасен, так как ракета на платформе обладает очень большой парусностью.

Потом комиссия рассмотрела вопросы готовности всех служб полигона и наземного обеспечения. Я сделал подробный доклад о готовности всех средств ВВС к поиску кораблей и приземлившихся космонавтов. Королев и Мрыкин внесли предложение о предупреждении всех инстанций о том, что управление полетом осуществляется строго централизованно и только со старта. Я поддержал это предложение и попросил председателя комиссии упорядочить работу командного пункта (КП): при прошлых пусках на КП, как правило, было много лишних людей, мешавших работать. Комиссия приняла решение для руководства полетами создать четыре смены, во главе смен поставить академика Ишлинского, Главного конструктора Кузнецова, генерал-лейтенанта Мрыкина и меня. В состав каждой смены вошли члены Госкомиссии, главные конструкторы систем, космонавты, врачи и другие специалисты.

Затем состоялось закрытое заседание комиссии, на котором Одинцов коротко доложил об общей подготовленности

космонавтов, Яздовский — об их медико-биологической подготовке и организации медицинского контроля за космонавтами во время полета. Я доложил мнение ВВС по кандидатам на предстоящий полет, а Королев — основные задачи и расчетную продолжительность предстоящих полетов. Генерал Мрыкин задал несколько вопросов Яздовскому, Королеву и мне: «Не много ли 8 суток полета? Не было ли нажима на космонавтов? Почему мы сравнительно легко соглашаемся на такие длительные полеты, в то время как перед полетом Николаева и Поповича врачи настаивали только на суточном полете?» Королев, Яздовский и я обстоятельно изложили наши позиции по этим вопросам.

В 18 часов состоялось торжественное заседание Госкомиссии. Заседание снималось кинооператорами, на нем присутствовали шесть корреспондентов: Романов А.П. (ТАСС); Денисов Н.Н. («Правда»); Остроумов Г.Н. («Известия»); Мельников Н.А. («Красная звезда»); Песков В.М. («Комсомольская правда»); Летунов Ю.А. (радиовещание).

Сначала Королев доложил о готовности носителей и кораблей к пуску. Затем я произнес следующую речь.

»Товарищ председатель! Товарищи члены Государственной комиссии! Разрешите представить вам пять космонавтов, подготовленных к предстоящим космическим полетам: майор Быковский Валерий Федорович, майор Волынов Борис Валентинович, младший лейтенант Терешкова Валентина Владимировна, младший лейтенант Соловьева Ирина Баяновна, младший лейтенант Пономарева Валентина Леонидовна. Все космонавты по своим убеждениям беспредельно преданы нашей Родине, партии и делу коммунизма. Они абсолютно здоровы, оттренированы и полностью готовы к выполнению длительных космических полетов: мужчины продолжительностью до 8 суток, женщины — до 3 суток. Все они горят желанием выполнить космический полет. От имени командования ВВС вношу предложение назначить: командиром корабля «Восток-5» — майора Быковского, его заместителем - майора Волынова, командиром корабля «Восток-6» — младшего лейтенанта Терешкову, ее заместителями — Соловьеву и Пономареву».

Комиссия единогласно утвердила мое предложение. Потом выступили Быковский и Терешкова. С поздравлениями и пожеланиями счастливого полета и отличного приземления выступили: Ишлинский, Гагарин, Мрыкин, Руденко, Королев и Тюлин. С этого заседания для скромных и никому не известных Быковского и Терешковой начинается новая жизнь. Через несколько дней их имена прогремят на весь мир и прочно войдут в историю освоения космоса. Быковский и Терешкова достойны, особенно последняя, этой громкой славы.

5 июня.

В 6 часов утра маршал Руденко на Ил-14 вылетел в Ташкент, я проводил его на аэродроме. Мы, как и в прошлый раз, живем с ним в одной комнате. По-видимому, мы оба примирились с необходимостью мирного сосуществования и живем более дружно, чем раньше. Но его присутствие на полигоне меня тяготит, он ни на шаг меня не отпускает от себя и фактически мешает мне работать. Каждый день повторяется одно и то же: утром целый час уходит на физзарядку и купанье в Сырдарье, а все рабочее время — на пустую болтовню. Сегодня я поработал так, как хотелось бы работать каждый день. На второй площадке провел занятия со всеми космонавтами, врачами и другими специалистами по проверке знания и единого понимания всех инструкций (всего их 37) и теми, кто летает в космосе, и теми, кто обеспечивает руководство полетами на земле. Я убедился, что Быковский, Терешкова и их заместители отлично знают все руководящие документы. Мы договорились о том, что наиболее важные положения инструкций они занесут в бортжурналы. Все космонавты, в том числе Гагарин, Титов и Николаев, единодушно поддержали мое предложение о введении некоторой условности в открытых переговорах о состоянии своего здоровья и параметрах корабля. Доклад космонавта: «Самочувствие отличное, оборудование корабля работает отлично» — означает, что полет можно продолжать, сомнений в состоянии техники и здоровья нет. Если вместо «отлично» будет употреблено слово «хорошо», это будет означать, что космонавт сомневается в возможности полного выполнения задания. Появление в докладе слова «удовлетворительно» означает, что полет необходимо прекратить. Рассмотрели все возможные варианты посадки на различных витках, проходящих над территорией СССР, и обозначили на картах полосы посадки. Подробно разобрали особенности наблюдения из корабля за различными объектами на земле (аэродромы, корабли, самолеты, города, огни, дымы, взрывы и т.д.). На занятиях присутствовали Феоктистов, Раушенбах, Быков и Даревский; они напомнили космонавтам основные положения по управлению кораблем, связи и контролю за работой оборудования.

Последние пять дней температура днем не выше 25 градусов, а ночью — 15 градусов, почти все время сплошная облачность и сильные ветры с порывами более 15-20 метров в секунду. За все время моего пребывания на полигоне (а я здесь был уже больше 12 раз и в различное время года) это первый случай длительного ухудшения погоды.

Вечером смотрели секретный кинофильм о полете Николаева и Поповича. Фильм мог бы быть более интересным, хотя и то, что в нем есть, простые люди смотрели бы с захватывающим интересом. Но этот фильм не показывают из-за наличия в нем «больших секретов» (ракета, корабль, старт, руководители). Эти секреты давно известны американцам. Свой «Сатурн» они делали, хорошо зная нашу «Семерку». А о Королеве и других главных конструкторах в Америке и Европе читают лекции и пишут огромные статьи. Получается довольно глупо: мы скрываем свои достижения и выдающихся конструкторов и ученых от своих же советских людей.

Вчера дал приказание командиру авиатранспортного полка в Фергане полковнику Саламатину, чтобы он самолетами Ли-2 ежедневно подвозил на полигон по три тонны овощей и фруктов. Питание здесь, на полигоне, удовлетворительное, но очень мало зелени и фруктов. Все космонавты размещаются так же, как и при первых пусках. Правда, в этом году мы в их комнатах поставили очень хорошие итальянские кондиционеры. На площадке, в столовой и на реке много лишних людей. Здесь нет условий для занятий спортом и строгого соблюдения режима дня.

Вместе с Гореглядом, Одинцовым и Карповым осмотрели вчера дом космонавтов, строительство которого уже заканчивается. Дом двухэтажный, в нем 14 жилых комнат, столовая, гостиная, спорткинозал и бытовые комнаты. К сожалению, дом очень плохо спланирован: мало умывальников, общие уборные, нет ванн, маленькая столовая, а самый большой недостаток — это отсутствие комплекса спортивных сооружений. Но район для строительства выбран удачно: есть возможность на самом берегу реки построить по особому проекту новый дом космонавтов, а этот передать обслуживающему персоналу. Рядом есть место для спортивных площадок, а на реке можно создать базу водных видов спорта.

6 июня.

На 7 часов утра намечалась вывозка ракеты с «Востоком-5» на старт, я посылал туда Одинцова и Гагарина, но вывозку отложили из-за отказа системы КРЛ (командные радиолинии). При подготовке этого пуска очень много отказов техники — систем управления, связи и командных линий, а также многих других систем и приборов. Эти отказы начинают подрывать нашу уверенность в безукоризненности подготовки техники.

Утром на физзарядке я поговорил с Быковским один на один. Я напомнил ему, что продержаться восемь суток полета — это не главное. Для нас главное — выполнение полета и отличная посадка здорового космонавта. Быковский заверил меня, что он не будет лезть на рожон и понимает, что лучше недовыполнить задание и вернуться целым и невредимым, чем перевыполнить его, но оказаться инвалидом или в гробу.

Вчера Николай Николаевич Денисов преподнес мне свою, только что вышедшую из печати, книгу «Хорошо, хорошо, Гагарин». Книгу я читал еще в рукописи, кое-что в ней подправил и написал предисловие. Книга дает полное и хорошее представление о поездках и встречах Гагарина за границей.

Только что выяснилось, что неприятности с КРЛ задержат пуск на 3-4 дня. Приказал подготовить для космонавтов новое расписание занятий, предусмотрев в нем повторение наиболее важных элементов подготовки к полету и усиленные спортивные занятия.

Перед обедом мы с Одинцовым и Карповым проехались по Сырдарье на катере, посмотрели с реки место, где будем строить новый дом космонавтов, — на высоком правом берегу Сырдарьи, на северо-восточной окраине города, между домиком Хрущева (сейчас он занят людьми Челомея) и телецентром. Дом нужно построить фасадом на восток, тогда из окон будет видна широкая перспектива реки и большого зеленого острова.

Вечером провел первую «тренировочную» пресс-конференцию Валерия Быковского, в которой кроме шестерых корреспондентов участвовали генерал Одинцов и полковник Трофимов. Начинал Валерий очень туго, затруднялся с ответами даже на такие простые вопросы, как «Ваш любимый писатель?» «Ваша любимая книга?» «Ваш самый памятный день?» «Кому из людей вы больше всего обязаны?» и т.д. Через несколько минут он понемногу разговорился и на некоторые из вопросов (а их было задано очень много) отвечал сравнительно удачно. Встреча была полезной и для прессы, и для Быковского. Было бы неплохо провести, если позволит время, еще по паре таких встреч с Быковским и Терешковой. Все корреспонденты были недовольны распоряжением Одинцова: «Космонавтам работать по плану, и никаких встреч с корреспондентами». Одинцов в своем поведении продолжает допускать ошибки. Перед выездом из Москвы на космодром он через полковника Масленникова объявил офицерам ЦПК: «Запрещаю обращаться ко мне всем офицерам, кроме моих заместителей». Здесь, на полигоне, он без всякой надобности обострил отношения с корреспондентами. Космонавты, в том числе Гагарин, Титов и Николаев, поняли его указания как запрещение всякого контакта с прессой. Пришлось сегодня в присутствии Одинцова провести с корреспондентами специальную беседу, чтобы уладить назревавший конфликт.

7 июня.

На вторую площадку никто из космонавтов сегодня не поехал. Занятия по ориентации и ручному управлению кораблем провели полковник Целикин и Гагарин. Маршал с утра занялся редактированием наставления по инженерной службе ВВС, а я буду готовить по заданию Госкомиссии доклад о сравнении наших и американских полетов в космос, выводы и предложения из анализа этих полетов. Утром заходил корреспондент «Комсомольской правды» Песков, отработали вместе с ним текст статьи Быковского в «Комсомолку», с тем чтобы Валерий переписал ее своей рукой. Статья будет клиширована и опубликована в газете во время его полета.

Приходил Одинцов и пытался настроить маршала против Яздовского, но маршал ему сказал: «Не торопитесь, недостатки Яздовского нам известны, но мы не можем не считаться с тем, как его характеризуют Королев и Келдыш». Королев сказал мне как-то: «Сисакян, Парин и другие в медико-биологической науке — пустышки, а Яздовский — это ученый». Потом маршал пытался втолковать Одинцову, чтобы он не торопился со своими предложениями, а побольше изучал обстановку, людей и отношения между различными группами специалистов. Одинцов показал мне цветные фотографии Быковского, Терешковой и групповые снимки космонавтов, сделанные уже здесь, на полигоне. Фотографии я забраковал. У Быковского не фотогеничное лицо, снимки, как правило, не дают действительного представления о нем, а Терешкова заснята только в гражданском платье. Приказал снимать их побольше и найти лучшие варианты портретов.

Начальник политотдела полигона просил организовать несколько выступлений космонавтов перед личным составом. Николаев и Титов уже провели по одному выступлению. Разрешил им 8 июня выступить еще раз, а 9 июня провести встречу со школьниками города. Последние четыре дня сотни ребят часов с 18 до 23 стоят у ворот нашей резиденции и настойчиво кричат: «Га-га-рин! Ти-тов! Ни-ко-ла-ев!» А сегодня утром на берег реки пришли две девочки лет по 10-11 и на мой вопрос: «Почему вы так рано поднялись?» — они ответили: «Мы пришли заниматься с Германом Степановичем, он обещал с нами позаниматься физкультурой». Они терпеливо более часа ждали Титова, но так и не дождались. Надо будет спросить Германа, почему он не выполнил свое обещание.

8 июня.

Встал, как обычно, в 6 часов, больше часа был на берегу. Вчера было тихо и жарко — 34 градуса, а сегодня с утра дует средней силы ветер, и жара немного спала. Маршал лег спать в три часа ночи и сейчас (8 часов утра) только собирается пойти на берег. А я до завтрака решил записать вчерашние вечерние события.

К 17 часам маршал, я, Горегляд, Одинцов, Карпов, Гагарин, Титов и Николаев на двух »Волгах» поехали на вторую площадку, где состоялось заседание Госкомиссии в связи с отказом КРЛ. Доклад с подробным анализом причин неработоспособности приемника КРЛ сделал Главный конструктор А.С.Мнацаканян. Установлено, что из-за обрыва проводника отказал триод. По докладу Мнацаканяна выступили Рязанский, Кузнецов, Пилюгин, Богомолов, Королев, Тюлин, Руденко, Мрыкин и другие. Все главные конструкторы, кроме Сергея Павловича, основную вину за это происшествие возложили на Комитет по радиоэлектронике и 5-е ГУМО (Главное управление Министерства обороны — Ред.) . Эти организации плохо контролируют качество продукции (норма брака — 2 процента, а фактически принимаются партии с браком до 6 процентов).

После небольшого перерыва председатель комиссии неожиданно выдвинул на обсуждение новый вопрос: «Каково мнение комиссии, нужно ли при первом объявлении о полете Терешковой говорить, что она офицер?» Мнения разделились. Тюлин, Королев и Мрыкин дали понять, что они считают целесообразным объявить о полете просто

женщины-космонавта. Но большинство членов Госкомиссии высказались за то, чтобы объявить, что Терешкова — офицер ВВС. Я звонил в Москву Рытову, объяснил ему обстановку и просил добиться поддержки нашей точки зрения через ЦК. Откровенно говоря, по-видимому, не нужно делать упор на офицерское звание Терешковой, но и скрывать его нельзя.

Последним обсуждался вопрос о том, на какой день целесообразно назначить старт женщины». Решили назначить готовность женщины к старту через двое суток после старта мужчины, более конкретное решение принять после вывода на орбиту первого корабля. Одновременно поручили ВВС подготовить и обсудить все возможные варианты старта и посадки кораблей. Оптимальным является следующий вариант: мужчина летает пять суток один, потом трое суток летают парой и производят посадку одновременно.

Сегодня Терешкова садилась в свой «Восток-6» и вместе с ведущим инженером Фроловым провела ознакомление с боевым кораблем и его оборудованием. Терешкова производит на всех очень благоприятное впечатление: она хорошо и ровно держится со всеми, проявляет такт и имеет чувство собственного достоинства.

9 июня.

В 9 часов ракету и корабль «Восток-5» вывезли и установили на старт. Когда мы с Руденко и Тюлиным приехали на стартовую позицию, Королев был уже у ракеты. С 11 до 13 часов провели полную проверку готовности носителя к пуску.

Вчера все космонавты выступали на пусковых площадках, а сегодня утром Гагарин, Титов и Николаев встречались со школьниками — собралось более тысячи ребят.

В 16 часов на четырех катерах выехали на традиционную прогулку по Сырдарье. В поездке участвовали космонавты (кроме Титова), маршал, я, Одинцов, Горегляд, Холодков, Смирнов, Карпов, Трофимов и академик Ишлинский. Поднялись на 20 километров вверх по реке, там ранее выехавшие рыбаки к нашему приезду уже наловили рыбу. Шли против течения 2 часа, высадились на небольшом островке, развели костер и очень быстро и дружно приготовили уху. Работали все: Гагарин разводил костер; Терешкова, Еркина и Карпов очень споро чистили рыбу; другие готовили посуду, резали хлеб, чистили картошку — все это снимали кинооператоры. В походе мы были ровно пять часов, вернулись уже в полной темноте. Все прошло хорошо, ребята были очень довольны прогулкой.

Сегодня у ракеты Королев намекал Руденко и Мрыкину, чтобы в момент подготовки пуска на площадке был минимум людей. В первую очередь он хотел бы ограничить доступ в бункер, но обращаясь ко мне, сказал: «Я надеюсь, Николай Петрович, что мы будем рядом». Я заверил его, что я, Гагарин и Николаев все время будем помогать ему управлять пуском.

Говорил с начальником полигона генералом Захаровым о необходимости постройки специального дома космонавтов. Захаров поддержал нашу инициативу.

10 июня.

Пуск назначен на 11 июня. Ракета и корабль на старте прошли полный комплекс проверок и получили хорошую оценку. В 6 часов утра прилетели маршал Крылов и член Военного совета РВСН Лавренов. Руденко решил, что мы встречать Крылова не будем, его встречали Тюлин и Захаров. Утром на физзарядке я предупредил Быковского, чтобы он к 12 часам подготовился для выступления на митинге и переписал своей рукой статью для «Комсомольской Правды». В 11 часов в здании МИКа мы встретились с Крыловым. Вместе с ним послушали доклады полковника Левина и капитана 1-го ранга Миловского об основных параметрах орбиты, районах посадки, организации связи и поиска. Потом Крылов ознакомился с креслом, скафандром и системой медицинского обеспечения.

В 12 часов на старте состоялся митинг пусковой и обслуживающих команд, представителей промышленности с пилотом «Востока-5». С приветствиями выступили три офицера и сержант. Быковский тепло поблагодарил собравшихся за их труд по созданию корабля и подготовке его пуска. Он заверил собравшихся, что выполнит задание, как коммунист, хотя он пока еще комсомолец.

После митинга Королев и Крылов поднялись к кораблю, Главный конструктор ознакомил маршала с устройством «Востока-5». Затем он поднялся к кораблю с Быковским, Валерий сел в корабль, а Королев через открытый люк вел с ним беседу. Между прочим, перед подъемом к кораблю Сергей Павлович высказал неудовольствие тем, что он не смог переговорить с Терешковой, когда она проводила в МИКе занятия в корабле, - Одинцов поднял ее в корабль, не подождав прибытия Королева. Сергей Павлович еще раз попросил, чтобы завтра при старте я, Гагарин и Николаев были рядом с ним. У меня создается впечатление, что у Королева нет уже былой уверенности в успехе полета. Он часто и много говорит о возможности неудачи и делает все, чтобы быть во всеоружии в самой сложной ситуации.

Председатель Госкомиссии поручил мне провести сегодня в 19 часов инструктивное занятие со всем составом дежурных смен командного пункта по управлению полетом. Дежурство на КП будут нести четыре смены, в каждой смене будет человек по 20 различных специалистов, в том числе члены Госкомиссии, главные конструкторы, космонавты, врачи, инженеры и другие специалисты. В 7 часов вечера Крылов, Руденко, Лавренов и я приехали в дом космонавтов на 2-й площадке. Ребята в это время были у врачей, но через 15 минут они освободились, и состоялась беседа маршалов с Быковским и Волыновым. Я, к сожалению, должен был оставить ребят один на один с начальством, так как мне нужно было проводить занятие со всеми дежурными сменами КП. На занятии присутствовало более 100 человек, разобрали организационные вопросы, вопросы связи, функциональные обязанности, договорились о порядке пользования всеми грифованными документами и ведения дневников полета.

Сейчас 22:30 по местному времени, только что получил сообщение от председателя Госкомиссии: «Завтра пуска не будет». Оказывается, на Солнце происходит серия вспышек. Келдыш в Москве собрал всех ученых, и они решили, что при этих явлениях на Солнце в космосе может возрасти радиация до опасного для космонавта уровня. Завтра этот вопрос будет еще раз дополнительно изучен. Итак, впервые в нашей практике старт отменяется. Раньше все проходило без единой задержки, а сейчас задержек стало слишком много. Думаю, что ученые перестраховались и сорвали нам старт без достаточных на то оснований.

11 июня.

Прошло уже полмесяца, как я улетел из Москвы. Работы здесь много, но даже интересная работа не может заглушить тоску по дому: мне явно не хватает Муси и Оли. Спал эту ночь хорошо, но проснулся рано, и первая мысль —

о несостоявшемся старте. Утро тихое, солнечное. Сегодня, по-видимому, будет жарко. Две прошедшие недели были почти прохладными, температура редко поднималась выше 30 градусов, было много облачных дней, и несколько раз шел дождь; погода для июня необычная.

Келдыш первый раз отсутствует на старте при пуске космонавта. Он хочет прикрыть свое отсутствие некоторой активностью в Москве, но я боюсь, что это не поможет, а повредит делу. Здесь общее впечатление о деятельности ученых не в их пользу, часто употребляется слово «перестраховка». Перенос старта приносит нам много дополнительных хлопот и может плохо сказаться на нервной системе космонавтов.

Анализируя нашу работу здесь, на полигоне, я все чаще прихожу к мысли, что она организована и проводится хуже, чем при подготовке предыдущих полетов. Много недостатков и промахов у генерала Одинцова. Он еще далек от глубокого знания дела, не всегда понимает обстановку, как правило, торопится и делает много ошибок. Хуже работают Горегляд, Аристов и некоторые другие товарищи. Вчера я провел разбор хода нашей работы и кое-кому крепко «насолил».

Сегодня день вынужденного безделья. Три часа провели на берегу, я выиграл у Смирнова четыре партии в шахматы, купался, немного загорал. Маршал способен быть на солнце по 3-4 часа, в этом отношении он вне конкуренции. Гагарин загорал и читал книгу Денисова «Хорошо, хорошо, Гагарин»; Николаев играл в шахматы; а Герман Титов просто купался и загорал, загорал и купался. Валентина Терешкова поехала на вторую площадку к Королеву, он решил поближе познакомиться с ней и одновременно проверить, как она подготовлена к полету. Быковский и Волынов занялись повторением основных положений инструкций для космонавта. А, в общем, перенос пуска подействовал на всех плохо, всем хочется видеть итог большого и упорного труда, а не тянуть время и бездельничать.

В 17 часов состоялось заседание Госкомиссии, доклад о радиационной обстановке в космосе сделал В.И.Яздовский. До 13 часов 10 июня никаких прогнозов на возможное резкое повышение радиации не было, но потом последовал звонок Келдыша, сообщившего, что поступила телеграмма от профессора Северного (Крымская обсерватория) с предупреждением о возможности в ближайшие дни большой вспышки на Солнце и резком (в сотни раз) увеличении радиации. Повышение активности Солнца, начавшееся еще 8 июня характеризуется шумами, радиопомехами и необычным состоянием пятен на нем и может продолжаться в течение семи дней. Существуют два метода прогнозирования активности Солнца: первый — оптическое наблюдение с ожидаемой точностью прогнозов 7 процентов; второй — практическое зондирование радиации в космосе с вероятной точностью 15 процентов. До 16 часов 11 июня вспышек на Солнце не было, уровень радиации оставался в норме, но в ближайшие 3-4 дня остается вероятность возникновения вспышек с уровнем радиации,при котором доза облучения может превысить больше 50 рентген. В данной ситуации у комиссии могло быть только одно решение: отложить пуск «Востока» до полного выяснения радиационной обстановки в космосе.

Я приказал вернуть Быковского и Волынова на десятую площадку, так как уверен, что пуск раньше 14-15 июня не состоится, а держать их несколько дней в предстартовом режиме нет смысла. Королев возмущен перестраховкой ученых и задержкой пуска, но он, как и все члены Госкомиссии, не может настаивать на пуске в такой обстановке. Сергей Павлович заявил, что ракета может стоять на старте хоть две недели. А терпения и у космонавтов, и у всех организаторов полета хватит.

12 июня.

Проснулись в 6:30, проспали на 30 минут больше, чем обычно. Все небо обложено тучами, идет дождь, температура не выше 14 градусов, но мы с маршалом, как обычно, провели на берегу физзарядку и даже поплавали. Вода теплая — теплее воздуха, — правда, кроме нас, утром никто не купался.

Весь день до 22 часов Тюлин и Королев вели переговоры с Келдышем. Им удалось склонить Келдыша согласиться на пуск 13 июня, но специалисты службы Солнца остались на своих позициях: они продолжают утверждать о наличии серьезной опасности для космонавта в случае вспышек на Солнце, вероятность которых на ближайшие 2-3 дня еще достаточно высока.

Сегодня маршал Руденко имел продолжительную беседу с генералом Одинцовым. Беседа началась по инициативе Одинцова. Он заявил маршалу: «Центр работает без руля и без ветрил, у нас нет годового плана работы, нам не ясна перспектива. Центр — это строительная площадка, на которой много стройматериалов, но нет планов сооружений, архитектор не приложил еще своих усилий…» и т.д. Мы часа два говорили с Руденко об этой беседе. На маршала она произвела плохое впечатление, он прямо заявил мне: «Я боюсь, что Одинцов ляпнет что-либо подобное кому-нибудь из больших руководителей (здесь маршал привел для примера случай, когда его подвел М.М.Громов перед Сталиным во время войны). Он просто неумен, его нужно будет заменить: необходимо подобрать таких заместителей, которые могли бы в любой момент стать на его место». Да, я все больше убеждаюсь, что Одинцов не сможет быть хорошим начальником Центра, ему не хватает вдумчивости, такта, а, иногда, и просто здравого смысла.

13 июня.

Чудесное, солнечное, тихое утро. После завтрака на двух катерах ездили на рыбалку, космонавтов с собой не брали. Поймали несколько усачей и сазанов, один из них килограммов на пять, а всего набралось килограммов 20 рыбы. Сварили отменную уху. Один маршал, четыре генерала (я, Горегляд, Холодков, Одинцов), шесть офицеров и три солдата легко «уговорили» два больших ведра ухи. Я сравнительно немного был на солнце и все же «поприжарил» руки, а Руденко почти пять часов гулял в одних трусах и ничуточки не пригорел. Вернулись с рыбалки около трех часов и пошли прямо к председателю Госкомиссии. Он сообщил, что Москва дала добро на пуск 14 июня.

Итак, завтра уже пятый советский гражданин — майор Валерий Быковский - отправится в космос. Четыре предыдущих полета наших космонавтов были блистательны не только по итогам — они были безукоризненно подготовлены и столь же безукоризненно выполнены. А как подготовлен полет Быковского? Ракету и корабль готовили долго и тщательно, и, казалось бы, нет оснований сомневаться в технике. Я верю, что завтра Быковский будет на орбите, но уверенности в полном выполнении задания у меня нет. За восемь суток полета могут быть неприятности и с человеком, и с техникой. Быковский подготовлен и оттренирован хорошо, но ему предстоит восемь суток жить в условиях невесомости, а кто может поручиться, что он сможет перенести невесомость так же, как Николаев? Ракета и корабль более трех суток стоят на старте, а до этого они больше года ждали отправки на старт. Сработает ли все так,

как нужно? Риск, и притом значительный,еще долго будет сопутствовать каждому космическому полету. Будут и крупные неприятности, но мы, люди, готовящие полеты и управляющие ими, обязаны делать все, чтобы избежать неприятностей.

Быковский и Волынов сегодня в 19 часов прошли медицинский осмотр, с них сняли фоновые записи. Оба кандидата на полет чувствуют себя отлично. Они, как и их предшественники, проведут ночь перед стартом на второй площадке в домике космонавтов.

14 июня.

День старта майора Быковского очень тяжелый и одновременно радостный день.

Мы с маршалом поднялись в 5 утра, минут 30 позанимались спортом и поплавали. В 7:30 мы уже были у ракеты. На старте собрались Королев, Крылов, Лавренов, Мрыкин, Тюлин, Керимов, Ишлинский, Кузнецов, Руденко и другие. До заседания Госкомиссии просмотрели карты и послушали метеорологов. Погода на полигоне и в возможных районах приземления благоприятствовала старту. С 8 до 8:40 заседала Госкомиссия: заслушали доклад инженер-полковника Кириллова (начальника 1-го управления полигона) о готовности ракеты и корабля, доклад Яздовского о состоянии космонавтов и другие обычные перед пуском сообщения. Комиссия решила: заправлять ракеты и работать по пятичасовому графику с началом пуска «Востока-5» в 14:00.

Быковский и Волынов провели ночь хорошо и чувствовали себя отлично. В 9 часов они приехали в алексеевский домик и приступили к предстартовому медицинскому осмотру и надеванию скафандров. Утром Королев снова напомнил мне, чтобы я с Гагариным и Николаевым был у ракеты за 2 часа 30 минут до пуска. За 3 часа до старта Королев и Тюлин приехали к космонавтам. Сергей Павлович еще раз попросил Быковского доложить о работе третьей ступени и моменте разделения корабля и ракеты. Королев остался доволен ребятами и ходом их подготовки.

За 2 часа 15 минут до старта автобус с космонавтами прибыл к ракете. После коротких прощаний и пожеланий счастливого пути Быковский на лифте поднялся к кораблю. Начались самые томительные минуты в ожидании пуска… Через несколько минут обнаружилась первая крупная неприятность: отказали оба УКВпередатчика корабля - приемники работали, и Быковский нас слышал отлично, а мы его могли слышать только по КВ-связи. Космонавт мог слушать нас по шести различным каналам, а передавать нам сообщения — только по трем. Маршал Крылов и Королев пригласили меня, Гагарина и Одинцова на короткое совещание — как быть: лететь без УКВсвязи или отложить полет? Мы ответили твердо и однозначно: лететь!

Была уже объявлена 40-минутная готовность, когда к нам подошел один из сотрудников Алексеева и доложил о крупной неприятности с системой катапультирования. Перед закрытием люка корабля наш лучший специалист по скафандру В.И.Свершек должен был вытащить фалу с предохранительной чекой из кресла и тем самым изготовить его к катапультированию. Свершек, потянув за фалу, обнаружил, что ее где-то заело и она не вытягивается. Вместо того чтобы немедленно доложить об этом Королеву и Алексееву, он принимает дикое решение — ножом обрезает фалу и тем самым создает обстановку, почти наверняка исключающую нормальное катапультирование. Ведущий инженер Фролов, доверившись Свершеку, решил, что тот поступил правильно, и продолжал закрывать люк корабля. Когда Свершек спустился с корабля на землю, он рассказал об обрезании фалы своим товарищам, которые и подняли тревогу, после чего Главный конструктор С.М.Алексеев заявил, что так отправлять в полет корабль нельзя. Пришлось переносить старт на 30 минут, открывать люк и удалять обрывок фалы.

По 15-минутной готовности Гагарин, Королев, Кириллов и я перешли в бункер. Была объявлена 5-минутная готовность, дали все предварительные команды, и тут обнаружилось, что на пульте управления не горит табло, подтверждающее готовность блока «Е» (3-я ступень ракеты). Дали задержку старта на несколько минут, вызвали Пилюгина, Кузнецова, Рязанского и начали совещаться: пускать или выяснять причину? Единогласно решили задержать старт еще на 2-3 часа и попытаться выяснить причину отсутствия сигнала. Позже 17 часов запускать корабль было нельзя из-за резкого увеличения полосы посадки, а отказ от пуска вызывал необходимость разряжать (сливать топливо — Ред.) ракету, снимать ее со старта и отправлять на завод для переборки. В последнем случае пуск мог бы состояться не раньше августа. Серия отказов и недостатков в подготовке пуска создала тревожную обстановку. Многие из нас дрогнули. Маршал Крылов советовал отложить старт, многие члены Госкомиссии склонялись к такому же решению. Но Королев, Тюлин, Кириллов, Пилюгин и ряд других товарищей проявили твердую уверенность в надежности ракеты, и старт состоялся в 17 часов по местному времени.

Корабль вышел на расчетную орбиту со временем существования до 11 суток. Через час после пуска моя смена (в ней более 20 человек, в том числе Алексеев, Радутный, Мнацаканян и другие главные конструкторы) заступила дежурить на КП. К нашей радости, после выхода на орбиту на «Востоке-5» заработали УКВ-передатчики. На четвертом витке Быковский говорил с Н.С.Хрущевым. «Поздравляю вас, Валерий Федорович, с успешным полетом, мы уверены, что вы выполните программу полета. Мы ждем вас на нашей советской земле, советский народ встретит вас, как положено. До скорой встречи», — сказал Никита Сергеевич. На пятом витке я попросил Быковского доложить о его самочувствии и параметрах кабины. Валерий ответил: «Самочувствие отличное, все параметры кабины в норме».

Особенно хорошая связь с Быковским была на шестом витке, когда «Восток-5» проходил через зону Ленинграда, Свердловска, Ташкента. Мы отлично слышали космонавта и видели его по телевизору: лицо Быковского было серьезным и немного уставшим. Я сказал Валерию: «Будешь ли ложиться спать раньше или по программе, наблюдаем тебя в телевизор, улыбнись». Быковский немедленно выполнил наше пожелание (его улыбку все на КП встретили дружным взрывом смеха) и сказал, что все будет делать по программе. Я спросил Валерия, наблюдал ли он третью ступень и корону Солнца. Он ответил: «Наблюдал большую звезду, короны Солнца не видел, мал палец, не закрывает полностью Солнце, и оно сильно слепит». В 2 часа ночи 15 июня я сдал дежурство смене генерала Керимова.

15 июня.

Спал не больше 2-3 часов. Утром, как обычно, провели физзарядку и искупались. Купание всегда действует освежающе, а сегодня оно сняло все неприятности вчерашнего дня и переживания бессонной ночи.

После завтрака я сказал Терешковой, что на 17 часов назначена встреча со стартовой командой, и мы с ней договорились о содержании ее речи. Врачи уверяют, что у Терешковой хороший аппетит и она даже немного прибавила в весе, а мне кажется, что Валя заметно похудела, бледнее обычного и несколько возбуждена.

Вчера поздно вечером маршал Крылов устроил пьянку с космонавтами, участвовавшие во «встрече» с

начальством. В результате Гагарин и Титов »набрались» лишнего. Сегодня Крылов пригласил ребят и девушек к себе на завтрак и опять пытался угощать их шампанским. Оба эти приглашения Крылов не посчитал необходимым согласовать со мной или Руденко. Узнав о завтраке, я послал к Крылову врача Никитина, приказав ему забрать девушек. Руденко мне рассказывал, что и при первой встрече с космонавтами Крылов высказывал следующие «глубокие» мысли: «Ваша тренировка, режим и специальное питание — все это ерунда. Главное — это коньяк», — и далее примерно в таком же духе продолжал «воспитывать молодежь», а присутствовавший при сем член Военного Совета генерал Лавренов поощрительно улыбался. Через 2-3 дня маршал, как член ЦК, будет участвовать в пленуме ЦК КПСС по идеологической работе. Я не верю в способность таких, как Крылов, приносить пользу делу обороны страны и воспитанию молодежи.

В 17 часов мы с Руденко приехали на вторую площадку и там узнали, что Тюлин разговаривал с Л.И.Брежневым, который сообщил: «Решили не объявлять в первом сообщении ТАСС о полете Терешковой, что она офицер, рекомендуем одеть ее в гражданское платье». Пришлось срочно отправить девушек переодеваться, а пока их не было, мы провели заседание Государственной комиссии и решили: «Пуск провести 16 июня в 12 часов 30 минут по московскому времени».

В 19 часов началась встреча стартовой команды и представителей промышленности с экипажем «Востока-6». Цветы, стихи, теплые поздравления и пожелания успешного полета преподнесли Терешковой все выступавшие. Терешкова держалась хорошо, немного волновалась, но говорила без записки и вполне удовлетворительно. После митинга девушки переоделись в спортивную форму и вместе с Королевым поднялись на борт «Востока-6» (ракета и корабль уже с 11 часов стоят на старте). Вечером Терешкова и Соловьева поселились в домике космонавтов и перешли на режим предстартовой подготовки.

У меня, да и у всех наших товарищей уверенности в успехе старта Терешковой значительно больше, чем перед полетом Быковского. При испытаниях на старте ракета и корабль не имели замечаний. Я верю, что завтра весь мир заговорит о Терешковой, как о первой женщине Земли, поднявшейся в космос. Это будет очень большая победа советского народа. Будет приятно сознавать, что и мы кое-что сделали для претворения в жизнь этого нового крупного шага на пути освоения Вселенной. Имя Терешковой с завтрашнего дня по праву окажется рядом с именем Гагарина и сохранится навечно в истории человечества.

16 июня.

День первого старта женщины в космическое пространство. Сейчас 4 часа утра, рассветает, за открытым окном начинается птичий концерт. Два часа назад я принял от В.И.Кузнецова дежурство на КП. В момент передачи дежурства Быковский нас немного напугал. Валерий должен был спать с 24-го витка, а он крепко заснул на 22-м витке: не отвечал на вызовы, по телевизору его наблюдали с закрытыми глазами и без движений (пульс был 54). Кузнецов перед сдачей смены хотел убедиться в нормальном состоянии космонавта, так как после 24-го витка с ним не будет связи до 8 часов утра. В 23:50 Гагарин установил связь с Быковским и спросил его: «Почему не вышли на связь на 23-м витке?» Быковский ответил: «Все нормально, я держал связь с «Зарей-1». Но фактически он связи не держал, наверное, один виток проспал и не заметил этого, а на связь вышел только на 24-м витке. Сейчас Быковский спит, связи с ним нет. По данным телеметрии состояние корабля и самочувствие космонавта нормальные.

Сегодня, после бессонной ночи, предстоит день напряженной работы. Сразу после сдачи дежурства мне придется заняться контролем подготовки Терешковой к полету. Сейчас 7 часов утра, Быковский спит, пульс у него в пределах от 48 до 59. Час назад звонил Королев, он поинтересовался данными полета, а потом спросил, когда я сменяюсь и смогу ли работать на старте. Я успокоил его, сказав, что не позже 11 часов буду у ракеты…

…22 часа по местному времени. Целых пять витков мы не имели никаких данных о состоянии корабля «Восток-6»; было бы целесообразно иметь пункт связи в Австралии или на Кубе. Сейчас «Восток-6» пойдет на шестой виток, который проходит над нами. На этом витке очень хорошая радиосвязь, и маршал Руденко поехал переговорить с Терешковой о ее самочувствии, о работе аппаратуры и намерениях по выполнению программы полета. Последние десять часов этого дня были наполнены такими событиями, о которых я не забуду никогда…

После сдачи дежурства на КП Керимову я поехал посмотреть, как надевают скафандры на Терешкову и Соловьеву. Обе они вели себя великолепно, никаких замечаний по медосмотру и скафандрам не было. Гагарин, Титов, Николаев, Королев, Тюлин, Руденко и другие тепло попрощались с Терешковой и пожелали ей счастливого пути. Ровно в 12 часов 15 минут автобус доставил Терешкову на старт. Она коротко и четко доложила: «Товарищ председатель Госкомиссии, космонавт Терешкова к полету готова». Ей вручили цветы, которые она тут же передала Королеву. К лифту Валя поднималась довольно тяжело, а при посадке в корабль пульс у нее был 140 ударов в минуту. Через 10-15 минут она установила радиосвязь с КП и доложила о ходе проверки оборудования. На старте связь с ней поддерживали Гагарин, Николаев, Королев и я. Подготовка ракеты, корабля и все операции обслуживания прошли исключительно четко. По четкости и слаженности работы всех служб и систем старт Терешковой напомнил мне старт Гагарина. Как и 12 апреля 1961 года, 16 июня 1963 года полет готовился и начался отлично. Все, кто видел Терешкову во время подготовки старта и вывода корабля на орбиту, кто слушал ее доклады по радио, единодушно заявили: «Она провела старт лучше Поповича и Николаева». Да, я очень рад, что не ошибся в выборе первой женщины-космонавта.

Сейчас радио и газеты всего мира говорят и пишут о Терешковой. Мир еще раз должен отдать дань глубокого уважения нашему народу, нашей советской женщине. Терешкова установила радиосвязь с Быковским, отлично провела переговоры с Хрущевым и очень толково докладывает о ходе полета. Нам предстоит еще очень большой труд, чтобы успешно закончить программу полета Быковского и Терешковой и приземлить их невредимыми. Переживаний и волнений будет еще много, но независимо от результатов посадки старт и полет — это уже начало большой победы.

17 июня.

В 22:07 по местному времени наблюдали визуально полет «Востока-6»: он пролетел с северо-запада на юго-восток почти точно над домиком космонавтов. Корабль видели на фоне звездного неба человек двадцать, в том числе Гагарин, Николаев, Соловьева и Еркина. От зенита до 45 градусов над горизонтом «Восток-6» был виден около минуты.

Вчера мы всей комиссией докладывали по «ВЧ» Хрущеву, Брежневу, Устинову, Смирнову о старте Терешковой. Все они были очень довольны, поздравляли с успехом и благодарили нас. Разговор вел С.П.Королев, как Главный

технический руководитель полета.

Ночь с 16 на 17 июня Быковский и Терешкова провели хорошо, спали по 8 часов, пульс Валерия — 48-56, пульс Вали — 64-72. В 10:00 я принял дежурство по КП. За восемь часов смены связь с обоими кораблями была отличной. Быковский доложил: «Связь с «Чайкой» отличная, она поет мне песни». Я приказал «Ястребу» держать температуру в кабине корабля на уровне 10 градусов.

Быковский сказал, что понял меня и исполняет команду, но он хотел бы знать причину такого приказа. Я передал ему, что это делается в порядке профилактики на случай возможного понижения температуры за счет уменьшения высоты орбиты.

Быковский несколько раз докладывал, что чувствует себя отлично, все параметры кабины в норме, и он будет выполнять программу полета полностью. На одном из витков, когда корабль шел через Египет на Урал, корреспондент «Комсомольской правды» Песков спросил «Ястреба»: «Валерий, что вы сейчас видите?» Быковский ответил: «Справа вижу Кавказские горы и Каспийское море, а дальше на восток угадываю полигон». Космонавт Хрунов сказал Быковскому: «Валера, у тебя комфорт — температура 14 градусов, а у нас почти в три раза больше». Быковский ответил: «Но и у вас есть преимущество — вы не бываете вверх ногами».

Сегодня с 11:30 до 13 часов заседало техническое руководство. Обсуждали вопрос: когда сажать корабли? Номинальное время существования на орбите «Востока-6» — 7,1 суток, а 7-суточный полет «Востока-5» из-за низкой орбиты практически исключен. Решили полет Быковского ограничить 5-6 сутками, а полет Терешковой — 3 сутками. Окончательное решение о посадке кораблей будем принимать завтра вечером.

С Терешковой провел два сеанса связи. Ее самочувствие отличное, параметры кабины в норме, она намерена выполнить программу полета полностью. Корреспондент Песков сообщил Терешковой, что он только что говорил по телефону с ее матерью, мать гордится своей дочерью и ждет встречи с ней на Земле. Валентина передала: «Мысленно целую самого дорогого мне человека — мою маму. Передаю привет всем читателям «Комсомольской правды».

18 июня.

С 10 часов готовим все данные для посадки обоих кораблей. «Чайку» будем сажать на 49-м витке (запасные витки для ручного спуска — 51-й и 54-й), а «Ястреба» — на 82-м или 98-м витке. Мучительно долго заседала посадочная группа маршала Руденко. Он «уморил» всех представителей промышленности, да и нам, военным, досталось тоже порядочно: заседать четыре часа при сорокаградусной жаре по вопросам, которые можно было решить за полчаса, — в этом весь Руденко. Три раза заседала Государственная комиссия. Окончательно решили: «Чайка» садится на 49-м витке, а «Ястреб» — на 82-м.

С Терешковой разговаривал несколько раз. Чувствуется, что она устала, но не хочет признаться в этом. В последнем сеансе связи она не отвечала на вызовы ленинградского ИПа. Мы включили телевизионную камеру и увидели, что она спит. Пришлось ее разбудить и поговорить с ней и о предстоящей посадке, и о ручной ориентации. Она дважды пыталась сориентировать корабль и честно призналась, что ориентация по тангажу у нее не получается. Это обстоятельство всех нас очень беспокоит: если придется садиться вручную, а она не сможет сориентировать корабль, то он не сойдет с орбиты. На наши сомнения она ответила: «Не беспокойтесь, я все сделаю утром». Связь она ведет отлично, соображает хорошо и пока не допустила ни единой ошибки. За ночь она отдохнет и автоматическую посадку должна перенести хорошо. Поручили Гагарину, Титову, Николаеву и Раушенбаху на 45-м витке потренировать ее в ориентировании корабля по посадочному варианту (спиной вперед). Ребята подготовили план переговоров с ней, согласовали со специалистами все рекомендации и попытаются ей помочь.

В 11:30 Москва передала нам сообщение о том, что Хабаровск по КВ принял от «Ястреба» тревожное донесение: «В 9 часов 5 минут был космический стук». Об этой радиограмме немедленно доложили Тюлину и Королеву. Сергей Павлович попросил меня разобраться с этим донесением и переговорить с Быковским. Мы со специалистами разобрали все возможные причины появления стука и для более обоснованного их определения решили попросить «Ястреба» ответить на ряд вопросов. На мой первый вопрос о характере стука, Валерий ответил, что он не понимает, о каком стуке идет речь. Я сказал ему, что речь идет о космическом стуке, который он слышал. Быковский расхохотался и сказал: «Был не стук, а стул, стул, понимаете?» и добавил: «Я сходил по-большому, покакал, покакал, понимаете?» Этот ответ на КП был встречен гомерическим хохотом. Мы поздравили Быковского с «мировым рекордом» (он первым из людей сделал это в космосе) и пожелали ему счастливого полета. Быковский чувствует себя отлично и мог бы пролетать 7-8 суток, но орбита «Востока-5» быстро снижается, и полет более 5 суток небезопасен. Мы единогласно решили сажать Быковского в конце пятых суток полета.

Сейчас уже 3 часа ночи. Час тому назад моя смена должна была смениться, но Госкомиссия специально решила продлить наше дежурство до 6 часов утра. За последние 5 суток я очень мало спал и очень утомился. И все же хочется записать кое-что об этих тяжелых, утомительных и бесспорно красивых днях. Все мы надеемся, ждем и делаем все необходимое, чтобы Быковский и Терешкова вернулись на родную Землю здоровыми и жизнерадостными. Отличной вам посадки, «Чайка» и «Ястреб»!

19 июня.

После непрерывного 12-часового дежурства я отдохнул 2-3 часа и вновь вернулся на КП, чтобы принять участие в управлении посадкой кораблей. Ночь оба космонавта провели спокойно и хорошо отдохнули. Утром «Чайка» выполнила ориентацию корабля «по-посадочному» и 15 минут держала корабль в таком положении. Терешкова была очень довольна и радостно доложила о результатах пилотирования кораблем. Сергей Павлович и другие члены комиссии тоже были удовлетворены результатами ее пилотирования и поверили, что в случае неприятностей с автоматической посадкой Терешкова сумеет вручную посадить корабль. До 9 утра на КП было сравнительно спокойно, хотя все члены Госкомиссии и главные конструкторы были уже на своих рабочих местах. В 9 часов 39 минут 40 секунд была выдана команда на включение автоматического цикла посадки корабля «Восток-6». Через несколько секунд мы узнали, что команда прошла. С этого момента нервное напряжение всех присутствующих на КП резко возросло. Терешкова не доложила о включении солнечной ориентации, не было ее доклада и о работе ТДУ, и о разделении отсеков корабля. Это были самые тревожные минуты: мы не имели никаких данных о состоянии «Востока-6». Правда, с морских судов нам сообщили о прохождении всех команд на борт корабля, но об этом мы узнали со значительной задержкой, и, кроме

того, нам очень хотелось слышать доклады Терешковой, а она молчала. Через несколько минут после расчетного времени раскрытия главного парашюта пеленгаторы засекли корабль и выдали первые координаты его приземления: «Восток-6» спускался точно по орбите 49-го витка, но со значительным перелетом…

Оба корабля приземлились на два градуса севернее расчетной точки. Расчетчики объясняют эту ошибку включением дублирующей команды на спуск, но мне такое объяснение кажется совершенно неудовлетворительным. В работе служб связи и поиска было много провалов и ошибок. Доклады о самочувствии космонавтов мы получили только через несколько часов после приземления. О Терешковой сообщили по наземным средствам связи, а о Быковском доложил командир авиаполка, который летал над местом приземления и видел корабль, толпу людей, машины и космонавта.

Получив достоверные данные о самочувствии космонавтов, Королев по телефону доложил об их благополучной посадке Хрущеву, Брежневу, Устинову и Смирнову. К вечеру стало окончательно ясно, что второй групповой полет советских космонавтов (в том числе первый в мире полет женщины) блестяще завершен. Мы с маршалом Руденко хотели искупаться и пообедать, но нам еще больше двух часов пришлось находиться на КП: звонили из Москвы, Караганды, Куйбышева, Кустаная, звонили Королев и Тюлин. В результате длительных переговоров к 23 часам приняли окончательное решение: Быковский будет ночевать в Кустанае, а утром, 20 июня, на Ил-14 он вылетит в Куйбышев; Терешкова будет ночевать в Караганде, а утром на Ил-18 также вылетит в Куйбышев.

Ближе к полуночи Руденко, Тюлин, Мрыкин и я собрались у космонавтов и выпили с ними за успех Быковского и Терешковой. Гагарин, Титов, Николаев, а потом и Руденко пытались убедить генерала Мрыкина в ошибочности позиции ракетных войск в деле развития пилотируемых космических полетов. Доводы ребят были обоснованными, но излагать их перед Мрыкиным было совершенно бесполезным занятием. Королев в эти дни трижды говорил мне, что он теперь, в основном, будет заниматься «Союзом» и лунниками. «Востоком» должны полностью заниматься военные», - заявил Сергей Павлович в присутствии председателя и членов Госкомиссии. Полет Быковского и Терешковой еще раз наглядно подтвердил, что готовить корабли, готовить космонавтов и осуществлять руководство космическими полетами должны представители авиации. Ракетчики интересуются только пуском (выстрелом) и не проявляют никакого интереса к программе и ходу полета. После встречи космонавтов в Москве придется организовать еще один «натиск» на наших военных бюрократов (Малиновского, Бирюзова), и я верю, что мы обязательно победим. Жаль только, что на достижение этой победы мы тратим излишне много времени и сил, которые можно было бы использовать на совершенствование техники и путей нашего проникновения в космос.

20 июня. Борт самолета Ан-10.

В 7:30 на Ан-12 Королев, Тюлин и Руденко вылетели из Тюра-Тама в Куйбышев, а через 15 минут наш самолет Ан-10 с группой более 60 человек (космонавты, врачи, члены Госкомиссии) также взял курс на Куйбышев. Все хотят и в Москву попасть пораньше, и быть на заседании Госкомиссии в Куйбышеве. В Куйбышев слетаются 6-7 самолетов ВВС и несколько самолетов промышленников, народу соберется человек двести. Мне придется немедленно после посадки заняться отбором тех, кого оставим в Куйбышеве, и организовать отправку в Москву всех остальных. Будет много обид и просьб. Наш Ан-10 через три часа вылетит в Москву, поэтому я поручил генералу Горегляду набрать полный самолет «лишних» людей и увезти их из Куйбышева. В прошлые встречи космонавтов в обкомовском коттедже было очень тесно, а сегодня будет еще тесней, главным образом, за счет значительного увеличения численности обкомовского начальства.

20 июня. Куйбышев.

К 11:30 все самолеты произвели посадку на заводском аэродроме. Быковский и Терешкова доложили Тюлину о завершении полета. Руководители области попытались показать Быковского и Терешкову собравшейся толпе народа. Вместе с космонавтами они пошли вдоль ограничительной линии, за которой стояли люди. Попытка эта оказалась очень неудачной:люди бросились к космонавтам, возникла жуткая давка, в которой многим досталось очень крепко. Толпы людей были и на улицах города, все хотели увидеть героев космоса. Многие с большой обидой говорили: «Почему вы их прячете от народа?»

В 13 часов все космонавты и члены Госкомиссии собрались в доме над Волгой, ставшем уже историческим. Тюлин провел заседание комиссии, на котором с официальными докладами о результатах полетов выступили Быковский и Терешкова. Кроме местных руководителей и космонавтов на заседании были Королев, Руденко, Мрыкин, Рязанский, Кузнецов, Ишлинский, Керимов, Алексеев, Ткачев, Богомолов, Воронин, Белоусов, Исаев и другие. Доклады космонавтов были записаны на магнитофон.

Доклад Быковского (дается с сокращениями — Ред.) .

»Предстартовая подготовка прошла хорошо, переносы старта на меня не повлияли. В скафандре перед посадкой в корабль было жарковато. Плохо было с УКВ-связью. Потом я увидел, что люк не закрыли, возились с фалой. Старт перенесли на 30 минут. Сергей Павлович сказал: «Ты не волнуйся, у нас еще есть в запасе 2-3 часа». А Гагарин ничего не говорил.

Взлет произошел в 14 часов 59 минут, а по радио объявили — в 15 часов. Работу двигателей ракеты слышал слабо. Перегрузки — плавные, отделения первой ступени почти не заметил. Включения третьей ступени я не почувствовал. По окончании работы третьей ступени слышал хлопок. В момент разделения видел снежинки, пытался ориентировать корабль для наблюдения за последней ступенью. У самого края Земли наблюдал большую мерцающую звезду и вскоре вошел в тень Земли. Задание на полет выполнял по виткам, задержку старта я решил не учитывать. За 10 минут ориентации «израсходовал» 10 атмосфер давления в воздушных баллонах. Корабль легко шел за ручкой управления. Мне потребовалось еще 5 атмосфер на ориентацию корабля по посадочному режиму. Закрутил корабль вправо по крену, ориентируясь по звездам и Луне, засек скорость вращения корабля — один оборот за 8 минут. После успокоения корабль уходил по тангажу, поэтому для сохранения ориентации приходилось тратить воздух.

Волгоград я не видел, район был закрыт облачностью. Наблюдал третью ступень ракеты. Увидеть «Восток-6» не удалось, хотя я и пытался это сделать. На Земле отлично видны лесные массивы, квадраты полей, реки и русла пересохших рек. Хорошо видны острова. Видел Ленинград, Каир, Нил. В морях видны волны и буруны от кораблей. В Норвегии хорошо различал фиорды и снежные вершины. Ночью во «Взоре» видел вспышки молний. В отвязанном состоянии ночью видел в Южной Америке огни городов. Над Францией видел инверсионный след от самолета.

Проводил киносъемку на черно-белую пленку, снимал горизонт, Луну, Землю. При выходе из тени под Землей есть темный ореол, который светлеет и превращается в яркую зарю. Кассета плохо входила в киноаппарат, и его заедало. Одна кассета была не заряжена. Проводил научные эксперименты. В пробирке с жидкостью был пузырек воздуха, при встряхах он сохранялся целым. Наблюдал рост гороха. Проводил все пробы и резко двигался, но расстройств не наблюдал. Первые сутки двигался осторожно, потом много занимался физкультурой. Проверял адаптацию зрения. Бинокль ничего не дает, его трудно настроить. Смотрел на Землю через киноаппарат. Дозиметры были без движения. Дневные наблюдения вел через светофильтр, желтый фильтр снимает дымку, пробовал наблюдать солнечную корону, но ничего не видел. Над горизонтом есть белая светящаяся полоса, это, возможно, облачность. Облака различаются по ярусам. Полярных сияний и свечения атмосферы я не видел.

При отвязывании я не спешил, смотрел на таблицу и делал, как учили Попович и Николаев. После отвязывания сперва «пошла» вверх голова, и я животом «прилип» к потолку. Плавал целый виток, ощущения приятные. Плохо, что при плавании приходится выключать вентилятор скафандра. При втором плавании подплывал к иллюминаторам, видел антенну и кусок болтающейся обшивки. С закрытыми глазами трудно ориентироваться. Плавать мне нравилось, и я ждал витки, на которых было запланировано плавание. Все оборудование кабины, кроме часов, расположено удобно, но показания приборов снимать трудно. Сверку и коррекцию глобуса проводил один раз в сутки. Глобус работает точно. Скафандр вентилируется хорошо, на ночь вентиляцию выключал. Гермошлем мешал и давил справа. Питание хорошее, но принимать его перед стартом не стоит. Размещение рационов питания было перепутано. Пустые тубы и пакеты мешают. Аптечка размещена далеко, и без отвязывания ей невозможно воспользоваться. На третий день принял слабительное и воспользовался АСУ. За первый день полета температура в кабине понизилась с 30 до 15 градусов. Получил команду поддерживать температуру на уровне 10 градусов.

На старте было плохо со связью. «Весна-1» много мешала УКВ-связи. «Весну-1» отлично слышал в южном полушарии. С «Весной-2» связь все время была хорошей. При снижении орбиты помехи в радиосвязи увеличились. «Чайку» услышал сразу после выхода ее на орбиту, связь в первые сутки между кораблями была отличной, но на вторые сутки похуже, а на третьи сутки мы слышали только Землю. С морскими судами связи не было. Надо практиковать телеграфную связь.

Когда мне сказали, что спуск будет на 82-м витке, то стали поступать путаные телеграммы. Гагарин передал: «Чайка» села — теперь твоя очередь». Я передавал прохождение всех команд по телеграфу. Работу солнечной ориентации заметил, ТДУ включилась плавно, работала 39 секунд. До разделения отсеков корабля было беспорядочное быстрое вращение. Больших перегрузок не было. Был сильный хлопок при отстреле люка, а через 2 секунды после этого произошло плавное катапультирование. Спустился между двух деревень в степной местности. Вскоре подъехал всадник, а затем — машина. Мне помогли снять скафандр, пока его снимал, собралось более ста человек. Потом появились самолеты Ан-2 и Ил-14. Толпа людей не дала мне связаться с ними по радио. На «Волге» поехали к кораблю, который опустился в 1,5-2 километрах от меня».

Доклад Терешковой (дается с сокращениями — Ред.).

«Старт «Востока-6» прошел отлично. Связь была хорошей, слышала все команды. Перегрузки были слабые, ниже пяти. Во «Взор» и боковой иллюминатор видела Землю. Видела в правый иллюминатор третью ступень. При переходе к невесомости неприятных ощущений не было. Работала по программе. Связь с «Ястребом» установила в тени Земли. Видела звезду раза в три ярче Веги, которую приняла за «Восток-5». При включении ориентации слышала хлопок, подобный удару по пустому бидону. Первая ориентация не получилась. Меня предупредили, что на 38-м витке со мной будет говорить «20-й» (позывной С.П.Королева - Ред.) о ручной ориентации. На 45-м витке я за 20 минут сориентировала корабль по-посадочному. Думаю, что отказа системы ориентации не было. Работать с оборудованием трудно: я не дотягивалась до глобуса и других приборов. Приходилось частично отвязываться от подвесной системы.

Проводила киносъемку городов, облаков, Луны. Делать съемку и записывать, что снимаешь, очень трудно. Биологические эксперименты я не выполнила — не смогла достать объекты. Дозиметры стояли на нуле. Салфетки гигиенические плохо смочены и очень малы. Нужно что-то иметь для чистки зубов. Проводила наблюдения со светофильтрами. На горизонте есть светящаяся полоса. Над Южной Америкой наблюдала грозы. Ночью города легко определяются. Лунное освещение Земли и облачности очень красивое. Созвездия определять трудно. Солнечную корону не наблюдала.

Первые сутки я скафандра не ощущала. На вторые сутки появились ноющие боли на правой голени, а на третьи сутки это уже беспокоило. Гермошлем мешал, давил на плечо. Шлемофон давил на левое ухо. Поясные датчики мне не мешали. Под датчиком на голове ощущались зуд и боль. Система кондиционирования все время работала хорошо. При взлете температура в кабине корабля была 30 градусов, в конце первых суток полета — 23 градуса, а в начале вторых суток снизилась до 12 градусов и затем держалась на этом уровне.

Радиосвязь работала хорошо. При включении УКВ были помехи. Самая лучшая связь была во второй половине зоны связи. На экваторе много помех. «Весна-1» и «Весна-4» хорошо слышны на крайнем юге. В первые сутки полета связь с «Ястребом» была отличной, в первой половине вторых суток - удовлетворительной, а потом связи с ним не было, но я слышала передачи ему с Земли. Очень радостно было сознавать, что рядом летает «Ястреб». Во вторые сутки я один раз имела связь с «Весной-12» (корабль). Освещение кабины хорошее. При выдаче команд коррекции путали цифры.

Невесомость неприятных ощущений не вызывала. Руки плавают, и их хочется спрятать под подвесную систему. При физзанятиях хотелось упираться в кресло. Хлеб очень сухой, я его не ела, хотелось черного хлеба, картошки и лука. Вода холодная и приятная. Соки и котлеты понравились. Меня один раз стошнило, но это из-за пищи, а не из-за вестибулярного расстройства. Пользоваться АСУ в космосе легче, чем на Земле. Психологические пробы ничем не отличались от земных. По фотометру сделала два измерения. Сломались оба карандаша, записывать было нечем.

Провела всю подготовку к спуску и доложила о готовности. Еще в тени Земли включилась солнечная ориентация. Включение ТДУ было слабо слышимым. О прохождении команд я передавала по телеграфу. К Земле летела спиной. Разделение отсеков произошло рывком. Корабль сначала шел устойчиво, а потом были раскачивания. Перегрузки — не более 8. Когда покрытие корабля горело, то мимо иллюминатора летели хлопья. В кабине после срабатывания притяга много дыма и пыжей. Кресло из корабля выходит очень плавно и отделяется быстро. После раскрытия парашюта внизу увидела корабль. Корабль, кресло и я приземлились рядом. Необходимо сделать управление куполом парашюта, так как я приземлилась спиной. Прибежали люди и стали мне помогать. В 400 метрах от меня находился

корабль. Через час прилетел самолет, и спустились два парашютиста. Через 3 часа я доложила Н.С.Хрущеву по телефону о благополучном окончании полета».

21 июня. Куйбышев.

Вчера вечером, когда я уехал на аэродром для контроля за отлетом в Москву членов Госкомиссии, Королев и Руденко организовали поездку космонавтов по Волге и, вопреки настойчивому возражению врачей, забрали с собой Валю и Валерия. Таким образом, в первый и второй день после посадки тщательные медицинские исследования космонавтов не проводились. Вечером Руденко долго оправдывался — якобы он и Королев были вынуждены удовлетворить «просьбу» Терешковой и Быковского о прогулке по Волге.

Сегодня утром Руденко, Гагарин, Титов, Николаев и другие космонавты на Ан-10 улетели в Москву. Королев и Тюлин улетят в 14 часов. Здесь, в доме над Волгой, остались только Быковский и Терешкова, два десятка врачей, полсотни корреспондентов, сотрудники КГБ и я с генералом Чугуновым и полковником Карповым. Валя и Валерий хорошо отдохнули, но у Терешковой вид еще недостаточно свежий, — по-видимому, все переживания последней недели и в космосе, и на Земле еще оставляют свой след. Синяк у Вали на носу пока еще очень заметен, но на боль она уже не жалуется.

С 15 до 16 часов по поручению председателя Госкомиссии я провел первую пресс-конференцию Быковского и Терешковой, на которую собралось более 60 корреспондентов. Ответы на вопросы мы заблаговременно продумали с Валей и Валерием. Валя держалась молодцом, а Валерий заметно волновался. Грубых ошибок у них не было, но односложность и неполнота ответов были заметны. Правда, корреспондентов, больше интересовало не содержание ответов, а сам факт беседы с космонавтами. Уверен, что через 2-3 месяца Терешкова будет отлично держаться на любой международной пресс-конференции.

Затем более пяти часов врачи всех специальностей придирчиво изучали состояние Быковского и Терешковой и доложили, что никаких заметных влияний космический полет на их здоровье не оказал.

22 июня.

Проснулся в 5 часов утра. Валерий и Валя еще крепко спят. Сегодня им предстоит тяжелый день: в 7:00 — подъем, в 9:30 — встреча с руководителями области, в 10:30 — отъезд на аэродром, в 15:00 — встреча во Внуково и рапорт Хрущеву, в 16:00 — митинг на Красной площади, в 18:00 — прием в Кремле, вручение наград, поздравления и т.д.

Вчера поздно вечером звонил Л.И.Брежнев. Он интересовался самочувствием Быковского и Терешковой и сказал, чтобы Валя не смущалась своим синяком на носу («синяк заслуженный»), что Москва ждет космонавтов и встреча будет очень теплой. Леонид Ильич разрешил мне самому решить все вопросы экипировки космонавтов и посоветовался со мной по вопросу о том, кто должен рапортовать первым — Быковский или Терешкова.

25 июня. Москва.

До сегодняшнего дня не имел ни одной минуты для записей в дневнике. Постараюсь сейчас восполнить их… Постараюсь сейчас описать эти дни. Утром 22 июня руководители Куйбышева вручали космонавтам подарки, говорили приветственные речи, фотографировались с ними. Валерий и Валя поблагодарили хозяев за радушие, гостеприимство и подарки. В 10:30 мы выехали на новый куйбышевский аэродром ГВФ. В первой машине ехали Валя, председатель облисполкома Орлов, командующий войсками округа генерал-полковник Павловский и я. Во второй машине ехали Быковский, генерал Чугунов и другие сопровождающие. Кавалькаду машин мы разделили на две колонны: корреспонденты и фотокинооператоры ехали во второй колонне с 5-минутным интервалом после нас. Все принятые меры предосторожности помогли нам избежать излишне «теплых» встреч. Но Терешкову везде узнавали и повсюду раздавались возгласы: «Вот она! Валя! Валя!» Один из двух самолетов Ил-18 был поставлен вблизи у перрона, к нему подвели парадный трап и постелили дорожки, а второй самолет поставили подальше и запретили собираться около него людям. Мы быстро подъехали к этому второму самолету, вошли в салон и закрыли двери. Взлетели на несколько минут раньше намеченного времени из-за опасения, что самолет окружат люди и задержат выруливание и взлет. В самолете Быковский и Терешкова беседовали с корреспондентами, подписали приветствия, фотографировались, позировали кинооператорам.

Тексты своих рапортов Хрущеву Быковский и Терешкова знали хорошо, но оба волновались значительно больше своих предшественников и рапортовали менее четко, чем они. Я проводил их до двери самолета, а затем наблюдал, как они шли к правительственной трибуне, слушал их рапорты, видел объятия, слезы, поцелуи… Для Вали и Валерия в конце дорожки, проложенной от самолета до правительственной трибуны, началась новая жизнь — особенно большой и насыщенной она будет у Терешковой. Но многое в этой новой жизни будет зависеть от них самих. Сумеют ли они не потонуть в мелочах, хватит ли сил уберечь себя от миллионов заманчивых, но сомнительных предложений, советов, наставлений и поступков? Я уже несколько раз беседовал с Терешковой на эту тему. Она просила меня не оставлять ее один на один со свалившейся на нее невероятной тяжестью всемирной известности. Мы договорились, что я буду говорить ей всю правду и не оставлю незамеченным ни одного ее промаха, ни одной ошибки. Пока я доволен ее поведением, через 1,5-2 месяца она будет вполне готова для поездок за границу.

Митинг на Красной площади прошел хорошо. Валерий и Валя вполне удовлетворительно прочитали свои речи. После митинга в Кремлевском дворце был большой прием. Но мы с Мусей решили не ходить туда и поехали на дачу. Нервное напряжение последних дней несколько переутомило меня. В субботу вечером и весь следующий день я ощущал какой-то упадок сил и необычную для меня пассивность. Только прогулки с Олей и ее безостановочное щебетанье медленно, но верно восстанавливали мои силы.

26 июня.

В 9 часов утра 25 июня Келдыш, Тюлин и я приехали к Королеву и отредактировали выступления Быковского и Терешковой на пресс-конференции. Вечером 24 июня мы собирались у Келдыша и рассмотрели порядок ведения пресс-конференции и выступления Келдыша, Благонравова и Яздовского. Серьезных замечаний, кроме сокращений по проектам выступлений, не было. В тексте выступления Яздовского абзац о плохом самочувствии Терешковой в космосе, о больших ее эмоциональных переживаниях, усталости и резко пониженной работоспособности все

единодушно отвергли. Я еще до обсуждения предупреждал Яздовского о значительном преувеличении им трудностей, испытанных Терешковой в полете. Яздовский пытался защищать свое мнение. Пришлось выступить и напомнить, что Терешкова имела задание на одни сутки полета; продолжение полета на вторые и третьи сутки без ее согласия никто бы не поддержал. Терешкова, бесспорно, чувствовала некоторую усталость, особенно в конце первых и вторых суток полета, ее немного подташнивало, но она нашла в себе силы продолжать полет и выполнила максимум намеченного.

25 июня в 10:30 начался митинг в ОКБ-1, посвященный встрече с новыми космонавтами. По установившейся традиции Терешкова и Быковский вручили Королеву свои бортовые журналы и поблагодарили рабочих, инженеров и конструкторов за созданные ими чудесные корабли. Кроме Быковского и Терешковой на митинге выступали Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Королев, Келдыш, Руденко и другие. После митинга человек 50 собрались в кабинете у Королева и немного выпили за новый успех в космосе. Королев был в очень хорошем настроении и, предоставляя мне слово для тоста, сказал: «Первому Герою Советского Союза, нашему лучшему другу, который умеет почти не волноваться в самые трудные минуты пуска…, а если волнуется, то чуть-чуть… Николаю Петровичу Каманину предоставляю слово»… В 12 часов я, Быковский и Терешкова уехали — нужно было подготовить Валю к выступлению на Всемирном конгрессе женщин и побеседовать о предстоящей пресс-конференции. У меня не было времени послушать выступление Вали на конгрессе, но Быковский и слушавшие ее женщины утверждают, что она выступила хорошо.

С 18 до 22 часов в актовом зале МГУ состоялась пресс-конференция. Присутствовало много иностранцев. Конференция прошла хорошо; Быковский и Терешкова выдержали еще один трудный экзамен. Правда, в речах было много повторений: было бы лучше проводить пресс-конференцию без выступлений ученых.

27 июня.

Вчера вся шестерка героев космоса фотографировалась. Фотограф из АПН, специалист по стереоскопическим съемкам Любимов сделает цветные фото и будет готовить маленькие копии ракет с портретами космонавтов. Терешкова после долгого перерыва вновь надела военную форму, до полета она была младшим лейтенантом, а сейчас ей присвоено звание «капитан». Сегодня в 16 часов вся шестерка в военной форме будет в Кремле на приеме выпускников военных академий.

Звонили Валерий и Валя, я рассказал им об их задачах на ближайшие дни. Сегодня будет их выступление по телевидению, завтра - вручение золотых медалей ВДНХ заместителем председателя Совета Министров СССР Рудневым, а с 1 по 6 июля — обследования в госпитале и попутно подготовка подробного отчета об итогах полета. Быковский и Терешкова просили, чтобы обследование проводили в ЦПК, но я не мог удовлетворить их желание.

Вчера Рытов беседовал с Гагариным и Титовым о состоянии дел в Центре и о том, как проявил себя генерал Одинцов в роли начальника ЦПК. Рытов поручил генералу Федорову изучить положение в Центре в связи с рядом грубейших ошибок Одинцова и неумным его поведением. Одинцов одинок, он не может установить хорошего делового контакта ни с подчиненными, ни с соседями по гарнизону, не умеет поддерживать хорошие рабочие отношения даже с партийной и комсомольской организациями. Рытов мне сказал, что для него уже ясно — Одинцова надо заменять, — и добавил: «Будут неприятности в ЦК, Миронов возражал против Одинцова, но ошибка есть ошибка, и ее надо исправлять». Я предложил Рытову такой выход: пусть Одинцов сам напишет просьбу об освобождении его от должности начальника ЦПК. Рытов был рад такому варианту, он поручил генералу Федорову в 2-3 дня изучить обстановку в Центре и доложить предложения по укреплению руководства ЦПК. Рытов назвал как вероятных начальников Центра Микояна и Молоткова.

28 июня.

Самым большим мероприятием вчерашнего дня было выступление космонавтов по телевидению. Днем мы обсудили возможные вопросы и ситуации и подготовили Терешкову и Быковского к ответам на вопросы. Валерий подписал несколько статей в газеты и журналы, десятки приветствий различным организациям и множество автографов. Валя дополнительно к той же работе выступила по радио с обращением к французским женщинам (по просьбе жены Тореза) и с приветствием к женщинам Испании (по просьбе Ибаррури). К 19 часам все собрались в телестудии и вместе с Юрием Фокиным, Валентиной Леонтьевой и режиссерами провели подготовку к выступлению. С 20:30 до 23:00 шла телепередача о космонавтах. Я рассказал кратко о впечатлениях на старте и о работе пункта управления полетом. Терешкова и Быковский выступили удачно. Очень хорошо поддерживал беседу Гагарин, не отставал от него и Титов. Попович и Николаев тоже были «на уровне». Выступали с приветствиями Левитин, Логинов, Симонов, Грибов, Гоголева, Заглада, Гаганова и другие. Сегодня было много звонков, все утверждают, что вчерашняя телепередача о космонавтах была лучше предыдущих.

29 июня.

В 10 часов утра меня, Одинцова, Терешкову, Быковского и Мозжорина вызвал в ЦК КПСС заведующий отделом оборонной промышленности И.Д.Сербин и сообщил, что от участниц Всемирного женского конгресса на имя Терешковой поступило более 300 вопросов. Для ответа на эти вопросы целесообразно провести 1 июля пресс-конференцию, организация которой возлагается на оргкомитет по проведению Всемирного женского конгресса (Попова, Овсяникова), Академию наук (Келдыш, Скуридин), ВВС (Вершинин, Каманин) и МИД (Замятин). На меня персонально возложили задачу подготовить Терешкову к пресс-конференции. До 17 часов я отпечатал шесть экземпляров всех вопросов и разослал их Замятину, Скуридину, Мозжорину и Терешковой с просьбой изучить эти вопросы и подготовить проекты ответов, имея в виду, что в понедельник (1 июля) соберемся у меня и окончательно договоримся о содержании ответов. Кроме подготовки пресс-конференции, много времени потратил на рассмотрение бесконечных просьб о статьях, приветствиях, встречах и автографах.

30 июня. Дача «Заборье».

Часа два работал над вопросами, присланными Терешковой. Многие вопросы повторяются, а часть их близка по содержанию. Во избежание повторений и в целях сокращения времени я разбил все вопросы на следующие группы: 1) биография; 2) подготовка к полету; 3) ход космического полета; 4) о будущем Терешковой, космических исследований и мира; 5) о Всемирном конгрессе женщин; 6) приглашения посетить Индию, Англию, Австралию, Африку, Америку и

другие страны и просьбы написать пожелания женщинам различных стран.

Разбивка вопросов на такие группы дает возможность Терешковой более систематично и с минимумом повторений изложить свои ответы. Небольшую часть вопросов (10-12) она зачитает на пресс-конференции и даст на каждый из них отдельный ответ.

1 июля.

Заходил к Вершинину и доложил ему о ходе подготовки пресс-конференции Терешковой и о наших возможностях по передаче сувениров Малиновскому. Министр 3 июля вылетает в Венгрию и просил дать ему фотографии космонавтов с автографами, книги, значки, копии ракет и т.д. В 10 часов приехали Терешкова, Быковский, Скуридин, Замятин, Мозжорин и другие, и мы начали подготовку к конференции. Валя и все присутствующие охотно согласились с предложенной мной группировкой вопросов. Мы быстро договорились о содержании ответов на первые три группы вопросов (биография, подготовка к полету, полет). По политическим и научным вопросам мы воспользовались помощью Замятина и Скуридина.

Пресс-конференция началась в 13 часов и продолжалась 1 час 45 минут. Колонный зал Дома Союзов был переполнен. Терешкова провела пресс-конференцию хорошо, но могла бы и лучше. Валя и Валерий забывают, что их слушателям необходимо сообщать больше деталей о полете и характере переживаний космонавта. Например, говоря о включении солнечной ориентации и тормозной двигательной установки, Валя могла бы эти операции подробно и красочно описать, а не ограничиваться сухими фразами. Учитывая, что это только третья официальная встреча Терешковой с корреспондентами, можно считать, что в целом она весьма удачно отвечала на вопросы и неплохо держалась на трибуне.

Сегодня Валя и Валерий отправились в авиационный госпиталь для тщательных медицинских исследований, которые будут продолжаться семь суток. На это время никаких встреч и других крупных мероприятий не планируется. Правда, писатели, корреспонденты, художники, знатные иностранцы и многие другие настойчиво добиваются встреч с новыми героями космоса. У меня только что был скульптор Цигаль, он добивается права сделать портреты Терешковой и Быковского. Об этом же просят Кербель, Постников и другие скульпторы. Я обещал эту работу Постникову, так как Гагарин, Титов и другие космонавты ценят Постникова больше, чем других его коллег.

2 июля.

Сегодня день несколько поспокойнее. Правда, телефоны трещат непрерывно и много посетителей, но у меня есть полное моральное право всем отказывать: в течение недели Терешкова и Быковский будут в госпитале, а Гагарин, Титов, Николаев и Попович сдают очередные экзамены в академии. Вчера у меня был Гагарин и очень просил, чтобы космонавтам дали возможность спокойно подготовиться и сдать экзамены.

Бабийчук и Яздовский вместе с группой врачей беседовали в госпитале с Терешковой с целью уточнения ее самочувствия во время космического полета. Терешкова продолжает утверждать, что она чувствовала себя в полете хорошо, сохраняла нормальную работоспособность и у нее не было никаких затруднений. С ее слов, утром на третьи сутки полета после того, как она съела пирожок с кильками и лимон, ее начало тошнить и вырвало. Ела она не все, что ей было положено, но она утверждает, что съела не менее 60 процентов всей трехсуточной нормы. Яздовский и другие врачи почему-то считают, что Терешкова в полете испытывала значительные трудности и сейчас не все о них рассказывает. Она обязана была доложить на КП, что ее тошнит, но она этого не сделала. После приземления она, вопреки всем инструкциям, раздала местным жителям остатки своего рациона питания, и поэтому врачи лишены возможности объективно установить, что и сколько съела Терешкова за время полета.

Я не могу одобрить нарушение инструкций Терешковой после посадки и ее непонятную скрытность в беседах с врачами. По-видимому, это объясняется настороженным отношением Терешковой, да и всех космонавтов, к врачам. После ряда неосторожных и неумных выступлений профессора Яздовского (у Келдыша и Ивановского), утверждавшего, что Терешкова чувствовала себя в полете плохо (сильно утомлялась и теряла работоспособность), Валя решила защищаться. Она оценивает свое состояние в полете выше, чем оно было на самом деле. Глупо сравнивать Терешкову с Быковским (а врачи это делают) — Быковский оказался самым сильным из пятерки мужчин. Терешкова нашла в себе силы полностью выполнить программу полета, и в этом ее великая заслуга.

3 июля.

Вчера вместе со скульптором Постниковым был в Сокольниках у Терешковой и Быковского. Договорились, что Постников ежедневно будет по часу работать над скульптурными портретами Валентины и Валерия. Кроме того, один час в день они будут беседовать с Денисовым, Борзенко, Кетышем и Мельниковым (корреспонденты газет «Правда» и «Красная звезда») по подготовке материалов для их биографий. На днях ко мне приезжала группа киноработников (Макаров, Боголепов, Рябчиков) — им поручено делать «открытую» кинокартину о полете Терешковой и Быковского. На имя Главкома пришло письмо с просьбой разрешить мне консультировать создателей этого фильма. У меня нет никакого желания заниматься этим делом, но без помощи специалистов ВВС хорошей кинокартины о космонавтах не сделать. В создании трех первых кинокартин я принимал самое непосредственное участие и привлекал к этой работе многих офицеров ИАКМ и ЦПК. Фильмом о Гагарине все восхищались, картину о Титове считали неплохой, а о картине про Николаева и Поповича говорили, что в ней очень много повторений. Создать четвертую кинокартину о космических полетах и сделать ее интересной можно, но для этого нужно широко использовать так называемые «секретные кадры» о пуске, о ракете, о корабле, о производстве и т.п. Я глубоко убежден, что, засекречивая все эти интересные материалы, мы наносим вред нашей стране. В различных инстанциях я неоднократно добивался раскрытия этих секретов, но мне мало что удалось сделать. Кроме того, группа киноработников во главе с Косенко, работающая над секретными космическими фильмами и пользующаяся поддержкой Королева, настойчиво добивается монополии на выпуск всех кинокартин на космические темы. Это тоже серьезно мешает созданию полноценных «открытых» фильмов. Боголепов и Рябчиков способные товарищи и могли бы создать хороший художественный фильм о полете женщины в космос, но нас не поддержали в ЦК 6-8 месяцев тому назад, когда мы добивались разрешения работать над таким фильмом. Сейчас есть постановление о создании фильма, но время и возможности для интересных съемок безвозвратно упущены. Фильм будет создаваться мучительно долго и никогда не будет тем, чем мог бы быть, — торжественным гимном русской советской женщине, женщине-матери, другу, сестре и женщине-герою, преодолевающей все преграды и утверждающей жизнь на Земле.

4 июля.

Вчера с Мусей ездили по магазинам и закупали все необходимое для ремонта дачи. Ремонт — это несчастье.

Сейчас, когда голова забита только космосом, я чаще думаю о Луне, чем о своей даче (так утверждает Муся, и не без оснований). Но дача существует и … понемногу разваливается. Придется потратить весь отпуск на ремонт.

С 14 до 15 часов был в госпитале у Быковского и Терешковой. Исследования идут нормально, и никаких отклонений от нормы у космонавтов не обнаружено. 6-7 июля исследования будут закончены. Постников успешно работает над портретами космонавтов, я еще не видел его работу, но ее видели врачи, — все говорят, что получается неплохо. Валерий и Валя просили меня пересмотреть решение об отчислении из отряда Нелюбова, Аникеева и Филатьева. По этому вопросу вся шестерка космонавтов говорила с Вершининым. Главком передал мне их просьбу и просил подумать, что мы можем предпринять. Я честно и прямо ответил и космонавтам и Главкому: «Если Нелюбов через год получит отличную аттестацию, то я не буду возражать против его возвращения в отряд, но для Филатьева и Аникеева путь в космос закрыт».

Терешкова очень просила меня поставить перед руководством вопрос о посмертном присвоении звания Героя Советского Союза Николаю Константиновичу Никитину. Я ей ответил, что из этого ничего не выйдет, так как Никитин погиб при выполнении обычного тренировочного прыжка и частично из-за своей ошибки. Терешковой, по-видимому, нравится роль «покровительницы бедных и угнетенных», и она пытается использовать свое положение в интересах близких и друзей. Придется ей серьезно растолковать, что нельзя увлекаться такими ходатайствами.

Вчера Главком больше часа рассказывал мне о своей последней встрече с космонавтами и Одинцовым (это было 22 июня, когда я с Быковским и Терешковой был еще в Куйбышеве). Космонавты продолжают жаловаться на Одинцова. Вершинин разговаривал по этому поводу с Руденко и так же, как Руденко и Рытов, пришел к выводу, что Одинцова нужно заменить. Решили этот вопрос обсудить на Военном Совете, серьезно предупредить Одинцова, а затем и освободиться от него. Иллюзий насчет возможного исправления Одинцова никто не питает.

6 июля.

Был на торжестве в Московском энергетическом институте, где отмечали 50-летие Богомолова Алексея Федоровича. На юбилее были Столетов, Елютин, Королев, Янгель, Колесников, Титов, Одинцов и более 200 работников института и ОКБ. Богомолов учился и работает в институте, умело сочетая большую конструкторскую работу с профессорской деятельностью. Алексей Федорович сам молод душой и опирается на молодой студенческий коллектив. Вся радиоэлектроника, работающая сейчас в космосе и на ракетах, создана коллективом, возглавляемым А.Ф.Богомоловым. Мы верим и надеемся, что Богомолов и возглавляемый им коллектив сделают еще многое в деле освоения космоса.

Вчера в «Известиях» опубликована статья Гольцева «Комментирует Валентина Терешкова» с ее фотографией. Эта статья вызвана появлением американской книги о Джерри Кобб. Джерри — летчица, которую американская пропаганда выдвинула первым кандидатом для полета в космос, — на обложке книги так и написано: «Первая женщина в космосе». В статье Гольцев два или три раза упоминает мою фамилию. Сегодня, когда я вошел в кабинет маршала Руденко, он читал эту статью, и у меня создалось впечатление, что он не в восторге от нее. Несколько позже, когда он заговорил о своих впечатлениях от выступлений космонавтов по телевидению, я понял, что он недоволен тем, что космонавты »превозносят» главных конструкторов и мало говорят (точнее, молчат) о руководителях ВВС. Руденко хотел поговорить со мной об этом на следующий день после телепередачи, но затем решил подождать, не позвонит ли кто-нибудь ему и не выскажет ли таких же оценок выступлениям космонавтов. Он ждал неделю, ему не звонили, а мне звонили много. Все хорошо отзывались о передаче.

Вечером был в госпитале и посмотрел работы Постникова. Портрет Быковского неудачен: лицо напоминает маску умершего. Портрет Вали лучше — в профиль он схватил ее хорошо, но анфас надо еще дорабатывать. Сегодня Валерий и Валя закончили исследования в госпитале (у них все нормально) и уехали в ЦПК. По приезде в Центр Терешкова сфотографировалась в бразильской тиаре. Это драгоценное головное украшение подарили ей бразильские женщины на Всемирном женском конгрессе в Москве.

7 июля. Дача «Заборье».

Полным ходом идет ремонт дачи. Я залез на крышу и, как опытный трубочист, специальной метелкой на веревке прочищал трубы от сажи, а Муся собирала ее в дымоходах. Все в этот день работали очень много: вытаскивали вещи, застилали и мыли полы, угощали рабочих и гостей. Вечером показывал Оле детское кино, но очередную сказку рассказывать отказался. Оля днем не спала, хотелось ее побыстрее уложить.

8 июля.

У Руденко более двух часов обсуждали вопрос о том, нужно ли уже сейчас готовить узкоспециальных космонавтов (командир корабля, штурман, инженер и т.д.). Присутствовали Брайко, Пономарев, Мишук, Холодков, Костенко. Ввиду того, что в ближайшие 5-7 лет в космосе будут летать одноместные или максимум двух-трехместные корабли, признано целесообразным пока готовить всех космонавтов по широкому профилю, причем каждый член экипажа должен уметь выполнять обязанности командира корабля. В связи с тем, что набор в космонавты будет проводиться не только из летчиков, признано желательным иметь некоторую специализацию членов экипажей космических кораблей (командир, штурман, связист, инженер, исследователь). Через 7-10 лет, конечно, обязательно потребуются более узкие специальности для обслуживания многочисленной аппаратуры больших космических кораблей и орбитальных станций. В более отдаленном будущем (через 20-30 лет) в космосе потребуется не меньше, а даже больше специальностей, чем их имеет сейчас авиация.

Быковский и Терешкова сегодня весь день работали в Центре. Они вместе со специалистами ЦПК готовят подробные итоговые доклады о результатах своих полетов. Заходил Миролюбов — секретарь парткома ВВС. Договорились с ним, что я вручу партийный билет Быковскому в Главном штабе ВВС в 11 часов утра 11 июля. Занимался вопросами организации отдыха космонавтов. Вершинин и Руденко согласились с моим предложением — отпустить всех космонавтов в отпуск с 25 июля. Ребята хотели поехать все вместе в Сочи в «Явейную» или в Крым в «Форос». Проведенная нами разведка в ЦК и Совете Министров показала, что все санатории на август уже забронированы, и получить 50 мест в одном санатории совершенно невозможно. Можно организовать коллективный отдых космонавтов (с семьями) только в нашем доме отдыха «Чемитоквадже» или «рассовать» всех по 4-5 человек в разные санатории. Было бы лучше и полезнее организовать коллективный отдых, но наши «звезды», особенно Титов,

будут против такого «колхоза» и под различными предлогами будут уклоняться от организованного отдыха. Завтра я поеду в Центр, поговорю с ребятами и руководством - нужно решить этот вопрос.

Из Болгарии от Живкова на имя Хрущева пришло ходатайство направить в Болгарию к 9 сентября 1963 года Терешкову и Быковского. Есть много и других приглашений за границу. Вчера мне звонил наш посол в Бразилии Фомин и просил поддержать просьбу жены президента Бразилии о поездке в страну Терешковой. Я объяснил Фомину, что до 30 августа мы планируем 2-3 поездки Терешковой в страны социалистического лагеря, и только после приобретения ею некоторого опыта заграничных поездок мы сможем направить ее и в страны Запада.

10 июля.

Вчера был в ЦПК. Беседовал с генералом Одинцовым и еще раз убедился в том, что его нужно убирать, и чем быстрее, тем лучше для дела. Несколько дней тому назад Одинцов объявил Гагарину строгий выговор в приказе за «пьянки на старте, панибратство с подчиненными и игнорирование указаний начальника Центра». Но пьянок на старте не было, а факт игнорирования указаний начальника выбран крайне неудачно. 22 июня, в день встречи Терешковой и Быковского, четверка героев получила пропуска на автомашины во Внуково. Одинцов эти пропуска отобрал, а ребятам приказал ехать в автобусе. Гагарин и другие пожаловались Главкому, и тот разрешил ехать вместе с ним на личных машинах. Одинцов, зная об этом разрешении Главкома, все же написал приказ со строгим выговором Гагарину. Приказ глупый, его придется отменить, что еще больше осложнит положение Одинцова.

Гагарин сейчас болеет, ему будут удалять гланды. Я встретил его в поликлинике ЦПК, он принимал сеанс ингаляции. Настроение у Юрия нормальное, но нам помешали поговорить по душам. Титов с утра уехал на пленум ЦК ВЛКСМ, а Быковский и Попович поехали в Москву по семейным делам. В Центре остались только Николаев и Терешкова. Николаев готовится к экзаменам, а Валя пишет отчет о полете. Она просила дать ей на эту работу четыре полных дня — это немного, учитывая, что она хочет работать самостоятельно. Договорились, что 18 июля Валя на 2-3 дня поедет в Ярославль, а до этого закончит отчет о полете, киносъемки, беседы с корреспондентами и сеансы у Постникова.

Поговорил один на один с полковником Трофимовым. Он считает, что работать с Одинцовым невозможно, и просил принять меры к оздоровлению обстановки в Центре. Все космонавты и слушатели-космонавты настроены против Одинцова, я не знаю ни одного человека из ЦПК, который отозвался бы положительно о деятельности начальника Центра.

11 июля.

Вместе с Мусей вчера ездили в автомагазин и за 5513 рублей купили новую «Волгу». Я выбрал машину стального цвета, до меня ее человек пять забраковали из-за царапин на одной из дверок и отклеившейся резины на багажнике.

Сегодня позвонили из МИДа и сообщили, что Сукарно пригласил Быковского с женой и Терешкову в Индонезию с 17 августа, на две недели. Я уговорил Руденко и Вершинина настаивать на том, что до 1 августа Быковский и Терешкова проходят обследования и оформляют отчеты о полете, с 1 по 30 августа отдыхают в Сочи, 9 сентября поедут в Болгарию и что только после 2-3 поездок в социалистические страны их можно будет направлять в любую страну.

Более трех часов обсуждали с Королевым программу полетов четырех очередных «Востоков». Первый полет, продолжительностью до 10-11 суток, проведем в феврале-марте 1964 года с животными (на орбите высотой 600-1000 километров). Три других корабля используем для полетов космонавтов длительностью до 10 суток. Будет значительно расширена научно-исследовательская и военная часть программы полетов. Сергей Павлович осмотрел оборудование нашего командного пункта и высказал пожелание разработать систему контроля полета во всех сложных и даже аварийных ситуациях. Он просил усилить внимание к разработке бортовых навигационных космических систем. Холодков доложил, что уже отработаны практические предложения по автономным системам навигации. Королев еще раз заявил: «Я больше «Востоки» сам пускать не буду, очень устаю. Я еще не пришел в себя после полетов Быковского и Терешковой. Слишком много времени и нервов отнимают эти полеты. ВВС должны взять на себя руководство пилотируемыми космическими полетами… Другой организации, способной справиться с этим делом, я не вижу… Я буду говорить об этом с Брежневым, а потом и с Хрущевым».

После того, как Вершинин уехал к Гречко, Сергей Павлович поговорил наедине с Руденко и со мной. Он высказался против Одинцова: «Мы все очень ошиблись в нем… Он солдафон и многого не понимает… Надо его заменять. Поставьте начальником Центра опять Карпова». Мы подтвердили, что ошиблись в Одинцове и готовы его заменить, но Руденко возражал против назначения Карпова, а Королев грозился забрать его к себе. «Дайте Карпову звание генерала, поставьте его начальником или дайте ему умного начальника…» — так закончил эту беседу Королев.

После обеда Руденко, Брайко и я обсуждали у Вершинина обстановку в ЦПК. Мы единогласно решили собрать Военный Совет и рассмотреть дело генерала Одинцова. Собственно, рассматривать придется не «дело», а глупости Одинцова — надо будет наметить мероприятия, гарантирующие ВВС от повторения подобных ошибок. Главкому сейчас очень не хотелось бы ставить на Совете крайне неприятный вопрос о замене Одинцова, но ставить его придется и снимать Одинцова нужно обязательно.

12 июля.

Беседовал вчера с Рябчиковым Евгением Ивановичем. Он известный журналист и неплохой писатель, автор сценариев кинокартин о космонавтах. Я прочитал его сценарий кинокартины о полетах Быковского и Терешковой и все свои замечания передал ему устно. Сейчас ведется съемка Быковского и Терешковой в госпитале и в Центре. Рябчиков подметил у Терешковой несколько характерных черт: властная, умная, иногда бывает и злая, лицо выразительное и очень фотогеничное. Рябчиков встречался несколько раз и с другими космонавтами. Ему не нравятся перемены с Титовым. Герман в его присутствии хвалился своими пьяными похождениями и успехом у женщин.

Надо признать, что Титов и частично Гагарин ведут себя далеко не так, как нам хотелось бы. К Гагарину это относится в меньшей степени, хотя за каждым его шагом необходимо пристально наблюдать и вовремя помогать. За Титовым необходим систематический контроль, его нужно по-умному подправлять. Одинцов в роли воспитателя космонавтов оказался пустым местом, а я из-за моей перегруженности не могу уже всем шестерым оказывать помощь, подобную той, которую оказывал Гагарину. Попович и Николаев ведут себя безупречно и много работают над собой. Быковскому и Терешковой необходимо еще много помогать, они верят мне и охотно принимают мою помощь.

Терешкова, например, несколько раз просила меня помочь ей в поездке в Ярославль и в первых поездках за границу. Эта помощь ей нужна, но мне вряд ли удастся ездить с ней - уж очень много у меня более важных дел.

Вчера звонил Королев и просил, чтобы к 10 часам 13 июля к нему приехали Быковский и Терешкова. Сергей Павлович хочет попытаться вызвать Терешкову на полную откровенность о ее самочувствии в полете. Королева очень обеспокоило заявление Яздовского о плохом самочувствии Терешковой на 32-м и 42-м витках, о рвоте, плохом аппетите и ослаблении сердечной деятельности. Королев постоянно говорит о своем желании «открыть двери» в космос для обычных простых людей. Он считает, что уже сейчас можно несколько понизить требования к здоровью космонавтов, их возрасту и к специальным тренировкам. Странно, но в этом вопросе Сергей Павлович, по-видимому, не на высоте. Все факторы космического полета, особенно невесомость, еще недостаточно изучены. Мы еще не имеем надежных средств противодействия отрицательному влиянию на человеческий организм невесомости, перегрузок и т.д. Невесомость еще принесет нам много осложнений. Совершенствование космических кораблей и их оборудования, создание в кораблях будущего «земного» комфорта позволит постепенно снижать требования к космонавтам, но до этого еще очень далеко.

13 июля.

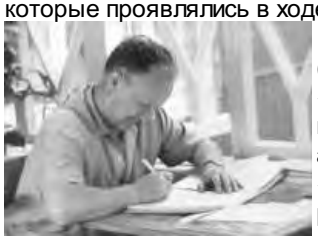
Валя пригласила Валерия поехать с ней в Ярославль. Я объяснил ей особенность ее поездки на родину: там все внимание будет уделяться Терешковой, а Быковский может остаться в тени. Допускать этого никак нельзя, но ни Терешкова, ни Быковский этого не понимают. Утром мне позвонил Быковский, он высказал намерение принять приглашение Терешковой и одновременно попросил при организации первых выездов за границу разрешить ему брать с собой жену. Я дал ему разрешение на заграничные поездки жены и категорически возражал против его поездки в Ярославль. Руденко и Вершинин согласились с моим решением.

Маршал Руденко более часа «накачивал» меня и генерала Бабийчука своими идеями организации отдыха космонавтов. Мы перестраиваем дом отдыха ВВС «Чемитоквадже» в дом отдыха космонавтов. Там уже построен новый трехэтажный корпус, строится комплекс спортивных сооружений, закладывается большой лечебный корпус. Сейчас там в разгаре строительные работы, много грязи, пыли и посторонних людей. Я не был в этом доме отдыха, но все отдыхавшие там генералы и офицеры утверждают, что это чудесное место, где можно хорошо организовать отдых космонавтов. Главное преимущество этого места в том, что оно наше. В этом доме отдыха нам значительно легче организовать наиболее полный отдых космонавтов с почти полным отрывом от корреспондентов и просто любителей потаращить глаза на героев космоса. Но далеко не все из космонавтов изъявляют желание поехать в «Чемитоквадже». Терешкова, например, просила генерала Бабийчука: «Не загоняйте нас в «Чемитку». Ясно одно: мы сделаем это место базой отдыха космонавтов, но пока оно не прельщает их. Придется убеждать ребят авансом полюбить свой будущий дом отдыха и не особенно приглядываться к кое-каким его недостаткам.

Принял решение отправить с 15 июля в отпуск генерала Горегляда. Свой отпуск предполагаю разбить на две части: две недели с 1 августа и месяц с 1 октября. В октябре думаю поехать с Мусей и Олей в «Чемитоквадже», а в августе на 2-3 дня съездим в Меленки. Мама уже четвертый год не поднимается на ноги, ей будет очень приятно встретиться со мной, Мусей и Оленькой, которую она еще не видела.

14 июля. Дача «Заборье».

Прошел месяц со дня старта Быковского. Трудный это был старт, много крови попортил он Быковскому и нам — организаторам полета. И все же нам безумно везло со всеми шестью полетами космонавтов: у нас не было ни одного серьезного происшествия. Случаи отказов техники были, но все они, как правило, вскрывались до старта, а те из них, которые проявлялись в ходе полета, существенного вреда не нанесли.



Сегодня полным ходом идет ремонт дачи, работают одновременно пять человек (слесарь, электрик, газовщик, маляр, стекольщик). Я целый день занимался новой «Волгой». Мне в ГАИ выдали очень хороший номер: МОП-00-15. Машина мне нравится, мотор работает хорошо. Свою старую «Волгу» я передал Леве, а «Победу» он сдал в автомагазин — за нее дают 1800 рублей. Никогда бы не подумал, что за поношенную «Победу» дадут такую сумму. Можно считать, что новая «Волга» нам обошлась в 3600 рублей.

16 июля.

В ЦПК провели итоговое совещание по анализу подготовки и проведения полета Быковского и Терешковой с докладами начальников отделов и служб. Из-за болезни отсутствовал Гагарин, его отправляют в госпиталь для удаления гланд. Из космонавтов выступили Титов, Быковский и Терешкова. Общее мнение, что подготовка к данному полету была организована несколько лучше, чем к предыдущим, но и в этот раз имели место серьезные недостатки (отсутствие плана пусков, поздняя разработка задания на полет, медленное реагирование промышленников на замечания космонавтов по усовершенствованию оборудования корабля и т.д.). Было высказано немало претензий к медикам: очень много разных врачей, нет единой медицинской бригады, которая наблюдала бы за космонавтом, начиная с тренировок и кончая послеполетными обследованиями. Имеются серьезные претензии к качеству пищи. Терешкова совсем не ела хлеб — «резина» и мясо — «очень жесткое». Все единодушно высказались за централизацию управления полетом и необходимость управлять длительными полетами из Москвы.

После совещания побеседовал с космонавтами и слушателями-космонавтами об организации их отдыха с 1 августа. Среди космонавтов были очень сильны настроения против «Чемитоквадже» (стройка, нет воды, нет электричества, плохо с питанием и спортом). Пришлось мне и генералу Бабийчуку долго убеждать их в преимуществах своего дома отдыха. Прямых выступлений против «Чемитоквадже» не было, но чувствовалось, что космонавты сомневаются в возможностях этого дома отдыха. Придется энергично помогать руководству «Чемитки». Беседовал с Терешковой, ознакомил ее с программой поездки на родину, договорились о планах работы до отъезда в Ярославль и после ее возвращения из поездки. Быковскому на этой неделе разрешил поездку на родину, встречу с пионерами и работу со скульптором и автором его биографии.

Сегодня у меня была очень откровенная беседа с генералом Одинцовым. Я сказал ему: «Очень сожалею, но я окончательно убедился, что вы не можете быть начальником Центра… Я не знаю, какое решение примет Военный Совет, но нам с вами вместе, наверное, не работать…» Сейчас 14:00, Военный Совет заседает с 10 часов, но вопрос

об Одинцове еще не рассматривался. Вершинин, Руденко, Брайко и Рытов настроены против Одинцова, но его могут защищать Агальцов и Миронов как своего бывшего подчиненного и в пику мне и Руденко, генерал Гудков тоже может их поддержать. Короче, решение об освобождении от должности генерала Одинцова может сегодня и не состояться, а это очень плохо для дела.

17 июля.

Вчера Военный Совет ВВС единогласно решил: «Генерал Одинцов должности начальника Центра подготовки космонавтов не соответствует и его нужно как можно быстрее освободить от этой должности». Одинцов своим очень неудачным выступлением на Военном Совете облегчил мне мою задачу - доказать, что мы в нем ошиблись. Одинцов начал с того, что здесь присутствуют Агальцов, Миронов, Полынин, Гудков — его бывшие начальники — и что он от них никогда не слышал о серьезных недостатках в его характере, поведении и работе. Затем он доложил, что у него и раньше были противоречия с подчиненными, но во всех случаях он был прав. Создавшееся в Центре положение он свел к своему конфликту с четверкой первых космонавтов: он пытается укрепить дисциплину, а они нарушают ее. Одинцов пытается заставить космонавтов работать, а они не хотят трудиться. Он — за энергичное освоение космоса, а Каманин и другие мешают ему, и тому подобное. В своем выступлении Одинцов очень неосмотрительно употреблял применительно к космонавтам такие выражения: «кушают, как верблюды», «стригут купоны», «присваивают чужой труд», «не пишут, а только подписывают», «работать не хотят», «занимаются тунеядством», «надо решить, какие у нас космонавты — разового или многоразового действия». Это только часть из тех выражений, которые почти ежедневно употреблялись Одинцовым. В отместку космонавты и специалисты Центра прозвали Одинцова «Огурцовым» — одним из персонажей популярной кинокомедии.

Итак, конфликт между космонавтами и генералом Одинцовым закончился в пользу первых. Все космонавты будут рады увольнению Одинцова, но нам, руководителям, радоваться нечему. Это очень печально, что в роли начальника Центра подготовки космонавтов полгода был неумный, нетактичный, себялюбивый и злой человек. К сожалению, это и моя ошибка. Правда, я могу сослаться на его заслуги, знания, академическое образование и отличные аттестации, но все это малоутешительно. С первых же дней работы с Одинцовым я, почувствовав его ошибки и недостатки, пытался помогать ему, но все мои попытки ни к чему хорошему не привели. На Военном Совете Агальцов выступил за немедленное освобождение Одинцова от должности. Миронов, Полынин и Гудков, заслушав Одинцова, меня, Руденко и Вершинина, согласились с этим предложением. Теперь Центру нужен новый начальник. Подобрать умного, толкового начальника для космонавтов — очень трудное дело, но сейчас этот вопрос надо решать быстро и безошибочно.

Сегодня с утра Валерий и Валя были в посольстве ГДР, а затем — на немецкой выставке мебели. Немцы подарили им мебельные гарнитуры. Вместе с полковником Масленниковым и майором Никерясовым Быковский и Терешкова заехали ко мне. Мы уточнили все вопросы завтрашней поездки Терешковой в Ярославль, а Быковского — в Павловский Посад. Рассмотрели программу их выступлений до конца июля и согласовали даты и время встреч в различных организациях Москвы. Корреспондент радио записал выступление Терешковой с обращением к землякам. Звонил скульптор Постников и попросил Валерия и Валю заехать к нему хоть на десять минут. Валерий поехал в госпиталь к Гагарину, а Валя — в ателье и парикмахерскую, так что Постников их увидит теперь не скоро. После отъезда Быковского и Терешковой, мне из госпиталя позвонил Гагарин. Завтра ему будут удалять гланды, настроение у него бодрое, он просил передать привет Марии Михайловне. Я коротко сообщил ему о вчерашней «бане» для Одинцова и пожелал быстрее вырваться из объятий медицины.

Только что позвонил из МИДа Снегирев. Предполагается организовать поездку Гагарина в Париж в конце сентября этого года для получения международной премии, присужденной Гагарину еще в 1962 году.

18 июля.

Стоят жаркие душные дни. Сейчас 8:30, я у себя в служебном кабинете. Утром до 9 часов - самое лучшее время для работы, можно подумать, кое-что записать в дневник. С 9 часов начинаются бесконечные звонки и назойливые посетители, только успевай поворачиваться от одного телефона к другому. Сегодня звонки начались раньше обычного: женщина-летчик с инженерным образованием просит разъяснить, как можно попасть в отряд космонавтов; пионеры, комсомольцы и партийные работники настойчиво добиваются встреч с космонавтами. Звонил из ЦК Сербин и попросил выделить 2-3 космонавтов для участия в закрытии международного кинофестиваля (21 июля) и для встречи с венгерской правительственной делегацией (20 июля). От секретаря ЦК КПСС Андропова трижды звонил товарищ Бернов. Андропову потребовалось срочно доложить Брежневу, в каких странах уже побывали наши космонавты и в какие страны имеются приглашения космонавтам на 1963 год. Потом он вновь позвонил и потребовал срочно представить материалы по поездке Быковского и Терешковой в Болгарию 9 сентября 1963 года. Приходили представители АПН Барашев и Большаков, им поручено создать фильм о советских космонавтах для заграничного показа, и Епишев обязал меня консультировать их работу. Договорились с ними выпустить фильм до 15 августа.

Сегодня генерал Одинцов по его просьбе был принят маршалом Руденко, ко мне он не зашел. О решении Военного Совета Руденко не сказал Одинцову, но очень прозрачно намекал на желательность перехода его на другую работу. Одинцов оказался даже глупее, чем я себе представлял, он не понял моей роли в ВВС и даже не догадывается, что Руденко и Вершинин говорят с ним моим языком. Мстить Одинцову я не буду, мне просто жаль его, — но в аттестации я напишу всю правду о недостатках его характера, отсутствии выдержки и такта. Одинцов до назначения на должность начальника ЦПК числился среди первых кандидатов на должность командующего Воздушной армией. Как же плохо мы знаем кадры и очень часто оцениваем их по внешним признакам (звезды, медали, академии) и не видим за ними настоящего человека! Одинцов на большой самостоятельной работе может испортить сотни молодых жизней, он органически неспособен к роли воспитателя. В мою задачу входит сделать все возможное, чтобы ограничить максимально вредное влияние Одинцова на дело до убытия его из Центра. Главком и Руденко сейчас поддерживают меня во всем, но нового начальника для космонавтов они не найдут, - его должен найти я!

19 июля.

Вчера после обеда я на один час уехал по своим делам. За это время в штабе поднялся такой переполох, что бедный полковник Аристов весь взмок. Звонили из ЦК Сербин и Козлов, спрашивали: «Кто разрешил поездку Быковского на родину?» Решение о поездке Терешковой в Ярославль принимал Президиум ЦК КПСС, а о поездке

Быковского — Каманин… Вершинин и Руденко сразу «забыли», что именно они санкционировали эту поездку, и мне пришлось все взять на себя. Сербин сообщил, что Брежнев поручил ему лично заниматься поездками космонавтов за границу и по стране. Сегодня пришлось срочно написать план поездок космонавтов по различным странам на 1963 год и выслать его в ЦК. В этот план пока включены поездки по наиболее важным приглашениям (Болгария, Монголия, Италия, Швеция, Норвегия, Мексика, Индия, Гана и Индонезия).

Ребята до 26 июля сдают экзамены в академии и очень неохотно отрываются на различные встречи. Вот сейчас передо мной лежит большая пачка пригласительных билетов на четыре правительственных мероприятия. Всем до чертиков надоели эти приемы, и по собственному желанию ни один из космонавтов не поехал бы на них. Приходится им приказывать: «Быть обязательно!» В 13:20 ко мне заехали Титов, Николаев и Попович. В 14 часов им нужно быть во Дворце Съездов, а они еще не обедали, — срочно отправил их обедать. У них всегда и на устах, и в глазах один и тот же вопрос: «Когда вы перестанете нас таскать, когда появится возможность спокойно учиться?»

Я немало делаю для ограждения космонавтов от бесконечных встреч, писанины и других малоприятных для них вещей, но я не могу их совсем спрятать от людей. Этого не потерпит народ, да и сами космонавты отвергнут это, необходимо искать золотую середину. Характерно, что сейчас просьбы на встречи с космонавтами распределяются по количеству поступающих заявок в следующем порядке: Терешкова, Быковский, Гагарин, Титов, Попович, Николаев. Имена Гагарина и Терешковой навечно останутся первыми в списках советских космонавтов. Очень важно, чтобы эти первооткрыватели космоса не только сохранили в глазах всего человечества величие созданного о них представления, но и делом и словом поддерживали его.

Звонил Ивановский, он уже от кого-то узнал о решении Военного Совета снять с должности Одинцова, и высказал намерение помочь Центру. В этих целях вопрос о роли ЦПК ВВС в обеспечении космических полетов будет обсуждаться на ВПК. Устинов, Смирнов, Келдыш и Королев могли бы помочь Центру, но при этом они потребуют готовить в ЦПК и гражданских лиц. Я считаю это требование правильным и приемлемым, но Малиновский и Гречко будут против. Думаю, что Вершинин и Руденко согласятся со мной, но они не пойдут поперек «батьки».

20 июля.

Получил от Келдыша официальное письмо с программой научных исследований при очередных космических полетах в 1964 году: 1) фотографирование на маркированную пленку Земли и атмосферы, захода Луны и планет, зодиакального света с последующим фотометрированием; 2) спектрографирование дневного свечения атмосферы в области 3000-3600 ангстрем; 3) получение ультрафиолетовых спектрограмм Солнца в областях 304 и 60 ангстрем; 4) изучение инфракрасного радиационного поля Земли и атмосферы; 5) изучение ультрафиолетовых спектров Земли, спектров полярных сияний.

Генерал-лейтенант Гудков передал, чтобы я до 23 июля (в этот день состоится заседание Военного Совета) подобрал и предложил кандидата на должность начальника ЦПК ВВС. Звонил И.Д.Сербин — готовится решение ЦК о поездке Терешковой и Быковского в Болгарию. В ЦК считают что в 2-3 первых выездах их за границу я должен возглавлять делегацию. Я настоятельно просил освободить меня от этой миссии. Сербин сказал, что доложит о моей просьбе секретарям ЦК КПСС.

22 июля.

Звонил С.П.Королев. Он сообщил, что 26 июля в 11:00 у него состоится совещание, а завтра Келдыш и он намереваются побывать сначала у Воронина, а затем — у Яздовского. Он просил, чтобы у Воронина и Яздовского кто-то был от ВВС.

Вместе с Гудковым и Руденко рассмотрели семь кандидатур на должность начальника ЦПК ВВС. Остановились на трех генералах: Астахов — заместитель командующего ВВС Южной группы войск, Сизов — командир бомбардировочной дивизии, Кузнецов - начальник Черниговского авиаучилища. Руденко считает наиболее подходящим - Астахова, я — Сизова, но у меня нет возражений и против Астахова.

Сегодня Быковский и Терешкова встречаются с писателями, а потом — с конструкторами и инженерами Комитета по авиационной технике, работающими над космическими проблемами. В 14 часов Быковский и Терешкова приедут ко мне, чтобы договориться о содержании их выступлений и ответов на возможные вопросы.

23 июля.

Позвонил Сербин и сообщил, что состоялось решение секретариата ЦК КПСС о назначении меня руководителем делегации во время поездки Терешковой и Быковского в Болгарию в период с 8 по 14 сентября. В составе делегации будет 15 человек.

Вчера более часа занимались с Быковским и Терешковой подготовкой их выступлений перед писателями Москвы и на совещании конструкторов и инженеров авиационной промышленности. На встрече с писателями Терешкова и Быковский выступили очень хорошо. Вел встречу Борис Полевой, выступали поэты и писатели (Смирнов, Ошанин, Васильев и другие). Космонавты получили более десятка книг с дарственными надписями авторов. Я встретил там Бориса Галина, с которым знаком еще с челюскинской эпопеи. Ко мне подходили десятки сверстников, переживавших тревожные и радостные дни 1934 года. На совещании в Комитете по авиационной технике Быковский и Терешкова подробно рассказали о работе систем и оборудования корабля и высказали ряд пожеланий по усовершенствованию скафандра, кресла, систем жизнеобеспечения и спасения. Серьезные претензии были высказаны по качеству датчиков для записи физиологических функций, датчики беспокоят и оставляют язвы на теле. А.А.Кобзарев и другие руководители ГКАТ были очень довольны встречей.

24 июля.

Келдыш, Королев, я, Воронин, Алексеев и другие специалисты сегодня более пяти часов изучали состояние работ по космической экологии — кругообороту веществ в кабине космического корабля. Экологией у нас занимается целый ряд организаций. Это, в первую очередь, наш Институт авиационной и космической медицины, ОКБ-124, завод №918, Институт биологии, Институт физиологии растений АН СССР и другие организации. Через 2-3 года Советский Союз будет иметь возможность выводить на околоземные орбиты космические корабли весом до 70-80 тонн и собирать на орбите еще более тяжелые корабли. Такие пилотируемые корабли смогут не только облететь Луну, но и полетят к

Венере, Марсу и другим планетам. Продолжительность таких полетов будет исчисляться годами, поэтому уже сейчас наука должна дать ответы на ряд вопросов, без решения которых невозможно сконструировать космические корабли будущего. В первую очередь это вопросы защиты экипажа от радиации и космических излучений, обеспечения воздухом, питанием и водой, переносимости невесомости в длительном полете, психологической совместимости членов экипажа и т.д.

Из всей этой группы вопросов нас больше всего интересовали проблемы экологии. У Воронина мы осмотрели несколько лабораторий и стендов, практически решающих вопросы регенерации воздуха, воды и утилизации всех отходов жизнедеятельности экипажа. Мы пили прекрасную воду, только что выделенную из мочи, попробовали морковь, помидоры, капусту и другие овощи, выращенные в условиях, аналогичных условиям длительного космического полета (не на почве, а на отходах и в специальных установках). В Институте авиационной и космической медицины Яздовский продемонстрировал нам работу установки, которая из одного килограмма хлореллы выделяет в сутки 270 литров кислорода. Человек потребляет 25 литров кислорода в час. Следовательно, два килограмма хлореллы способны удовлетворить суточную потребность в кислороде для одного человека. Вопросы регенерации воздуха и воды для очень длительных полетов можно считать принципиально решенными. Пока не решен вопрос полного восстановления пищи. В сутки человек потребляет 2,5-3 килограмма воды и пищи. Сейчас за каждые сутки полета космонавт расходует 3 килограмма продовольствия. На год полета для одного человека потребуется более тонны пищи и воды. Современное состояние отработки экологических систем дает основание ожидать, что в ближайшие 2-3 года будут созданы такие установки, которые смогут регенерировать более 80 процентов всех веществ, употребляемых космонавтом для обеспечения своей жизнедеятельности. Таким образом, необходимый для жизнеобеспечения космонавта суточный вес веществ будет в пределах 400-600 граммов, а для обеспечения годового полета на одного человека потребуется 150-200 килограммов веществ. Регенерирующие установки будут весить около 150 килограммов.

Кроме чисто научных проблем разбирались и вопросы организации взаимодействия между организациями, работающими над проблемами экологии. Алексеев, Воронин и Яздовский высказались за создание специального института на базе заводов ГКАТ. Келдыш и Королев уклонились от высказывания мнений о том, где создавать новый институт — в ГКАТе или Министерстве здравоохранения. Я убежден, что они оба и Ивановский (он тоже был с нами) поняли, что в ГКАТе для создания такого института уже есть солидная база и значительный коллектив опытных специалистов, а в Министерстве здравоохранения институт придется создавать на пустом месте.

25 июля.

Утром заезжал Быковский и настоятельно просил разрешить ему поехать в Сочи с женой и восьмимесячным сыном. Я и врачи пытались его убедить, что для малыша такая поездка опасна, но Валерий наши беседы воспринял как нежелание ему помочь. Меня вызвали в ЦК, я оставил Быковского с генералом Бабийчуком и не уверен, что они договорятся. В ЦК Сербин и я около трех часов работали над планом заграничных поездок космонавтов в 1963 году. План получился очень насыщенным: Болгария, Монголия, Куба, Мексика, Индия, Индонезия, Гана — страны, которые посетят Терешкова и Быковский в первую очередь. Я убежден, что будет еще много новых приглашений и составленный нами план претерпит большие изменения и станет еще более плотным.

В 15 часов заезжала Терешкова, она хотела посоветоваться со мной по поводу своей учебы: учиться в академии Жуковского на инженера или заняться гуманитарными науками и общественно-политической деятельностью. Но поговорить нам не удалось, меня срочно вызвал к себе Руденко, а Терешковой нужно было ехать к скульптору Постникову.

Из «Чемитоквадже» вернулся генерал-лейтенант Клоков и доложил: «Положение удовлетворительное, жалоб на питание нет, приняты все меры по улучшению обстановки в доме отдыха». Дал распоряжение послать из Центра собственным ходом один автобус, 5 солдат и 12 человек медперсонала и работников столовой. 1 августа четырьмя рейсами самолетов в дом отдыха вылетают космонавты и слушатели-космонавты. Заходили ко мне Титов и Быковский. Их беспокоит задержка с предоставлением им квартир. Полковник Дзюба не согласен с планом переселения, представленным Одинцовым, и хочет сделать по-своему, но делает это медленно и неуверенно. Сегодня Гагарин вернулся из госпиталя. Завтра космонавты, в том числе Гагарин, будут сдавать экзамены по материаловедению.

27 июля.

Вчера весь день был у Королева, принимал участие в совещании технического руководства с целью подведения итогов полетов Быковского и Терешковой и определения дальнейших перспектив использования «Востоков». Присутствовали: от ВВС — я, Руденко, Пономарев, Холодков; от РВСН — Толубко, Ловков, Мрыкин, Керимов; от ВПК — Пашков и Ивановский. Вел заседание Королев, присутствовали все его заместители, начальники отделов и примерно 30 главных конструкторов.

Перед началом заседания у Королева с Тюлиным произошел небольшой конфликт. Тюлин предлагал раздельное обсуждение докладов и выражал сомнение в возможности достичь цели совещания: наметить пути дальнейшего использования «Востоков». После выступления Тюлина Королев оказался в затруднительном положении и даже высказал мысль, не перенести ли совещание. Я выступил и предложил заслушать доклады, а потом уже решать, как их обсуждать. Большинство поддержало мое предложение, и совещание началось. Доклады по техническим итогам и перспективам «Востоков» сделали Бушуев и Цыбин, по космической медицине доложили Яздовский и Газенко. Вывод из докладов: «Востоки» еще можно эффективно использовать — на них можно летать на орбитах высотой до 1000-1200 километров, продолжительность полетов довести до 10 суток и провести большое количество научных и военных исследований. Выступавшие Пашков, Мрыкин, Алексеев, Ткачев, Иоффе, Бабийчук, Холодков, Руденко и другие подтвердили целесообразность дальнейшего использования «Востоков». А год тому назад Пашков, Ивановский, Мрыкин и другие упорно сопротивлялись нашим предложениям строить «Востоки». Эта дискуссия отняла у нас целый год. Мы теряем бесплодно уйму времени и могли бы уже сегодня иметь значительно больше успехов в освоении космоса.

Во вступительной и заключительной частях своей речи С.П.Королев высказал следующие предложения. «Корабли «Союз» полетят не раньше 1965 года, поэтому в 1964 году будут летать «Востоки». Четыре «Востока» мы уже строим,

и нужно еще построить 6-8 кораблей. Программа полетов на высоту 1200 километров с продолжительностью 10 суток со значительным расширением научных и военных исследований вполне приемлема и выполнима. Необходимо поставить на «Восток» запасной тормозной двигатель, работать над осуществлением мягкой посадки, добиваться дальнейшего усовершенствования связи, телевидения, а также объема и качества научных исследований». Королев утверждал, что невесомость можно использовать для лечебных целей, что врачи — консерваторы, а могли бы уже сейчас снизить требования по медицине к желающим стать космонавтами. Королев уже несколько раз высказывал мысль о возможности пассажирского сообщения через космос в недалеком будущем: «Час страха — и вы на Кубе», «Час переживаний — и вы во Владивостоке». Я убежден, что Королев прав: пассажиры будут летать в космосе, но возможность таких полетов появится не как результат милости врачей, а как итог упорного труда ученых и конструкторов, в результате которого будут созданы новые космические корабли, где условия полета будут близки к условиям полета на пассажирских самолетах.

Я посоветовался с Сергеем Павловичем по новым кандидатурам на пост начальника Центра подготовки космонавтов. За последнее время я ознакомился с личными делами семи генералов, трое из них — Астахов, Кузнецов и Сизов — неплохие кандидаты, но любого из них нужно минимум год вводить в курс дела и еще далеко не ясно, сумеют ли они вжиться в сложную обстановку Центра. У меня все больше крепнет мысль о назначении на эту должность Гагарина. Гагарину 29 лет, он хорошо знает дело и людей. Правда, он занят учебой в академии, у него нет еще высокой требовательности к подчиненным, мало опыта организационной и административной работы, но это не непреодолимые препятствия. Я сам в его возрасте командовал авиационной бригадой и командовал хорошо. Против назначения Гагарина категорически возражают Руденко и Вершинин. Мне предстоит серьезная и, может быть, длительная борьба, но Гагарин будет начальником Центра.

Звонил Сербин и предупредил, что возможна поездка Терешковой и Быковского в Чехословакию во второй половине августа. Только что звонил из ЦК Усков и просил прислать к 11:00 Терешкову в ЦК к Миронову. Хрущев поручил Миронову рассмотреть вопрос о посмертном присвоении звания Героя Советского Союза Никитину Николаю Константиновичу. Этот вопрос подняла Терешкова перед Хрущевым на встрече в индийском посольстве. Сегодня на своем заседании Военный Совет ВВС принял решение не ходатайствовать о присвоении звания Героя Советского Союза Никитину. Военный Совет решил представить генерала Н.Ф.Кузнецова на должность начальника Центра подготовки космонавтов ВВС. Заходил Кузнецов, я около часа беседовал с ним. Кузнецов произвел на меня хорошее впечатление. Правда, он немного страшится новизны дела и необычно высоких связей (Главком, министр, ЦК, правительство). Создавшаяся в Центре обстановка и «опыт» космонавтов по обходу и отмене решений начальника Центра создадут для Кузнецова большие трудности. Ему потребуется много такта, времени и помощи с моей стороны, чтобы установить хорошие, душевные отношения между начальником и подчиненными.

Завтра 12 космонавтов с женами собираются поехать на рыбную ловлю в Переславль-Залесский. Поручил полковнику Масленникову организовать и возглавить эту поездку. Продолжается поток приглашений и награждений космонавтов, писем и телеграмм для них. Вьетнам присвоил Быковскому и Терешковой звания Героев Труда НРВ, итальянский союз женщин наградил Терешкову «Золотой мимозой» и просит приехать в Италию в удобное для нее время и т.д.

28 июля. Дача «Заборье».

Все были на даче. Оля была очень довольна приездом родителей. Ремонт подходит к концу. Помогал стекольщику, убирал за ним, вывозил мусор. Весь ремонт будет стоить 1200-1300 руб., только за работу придется уплатить около 800 рублей. Больше всех устает от ремонта Муся, она по 16 часов на ногах и непрерывно работает. С 1 августа пойду в отпуск и сделаю все возможное, чтобы дать Мусе отдохнуть.

29 июля.

Рабочий день начался со звонка Главкома. Вершинин знал, что Терешкову к 11 часам вызывает в ЦК КПСС заведующий административным отделом Миронов Николай Романович для беседы по поводу ее обращения к Хрущеву с ходатайством о посмертном присвоении звания Героя Советского Союза Никитину. Главком сообщил, что Миронов до встречи с Терешковой хотел бы побеседовать со мной. Вершинин рассказал мне и о решении Военного Совета ВВС, высказавшегося против присвоения звания Героя Никитину, но поддержавшего предложение о выделении пенсий его матери, жене и дочери. Он повторил все то, что я знал о Никитине полнее его, он убеждал меня в необходимости отстаивать решение Военного Совета. Одновременно он сказал, что удивлен нескромностью обращения Терешковой к Хрущеву и рядом необдуманных обращений космонавтов в ЦК КПСС и другие высокие инстанции с различными просьбами. Гагарин и Титов обратились в ЦК с просьбой присвоить звание генерала полковнику И.Ф.Шипилову - редактору журнала «Авиация и космонавтика». Еще раньше Гагарин «представлял» своих друзей-физкультурников к званию «Заслуженный тренер СССР». Я признал, что отдельные случаи нескромности имеют место. Но обращение Терешковой объясняется в первую очередь тем, что все космонавты очень уважали Никитина, любили его как выдающегося мастера своего дела и считают себя многим обязанными ему. Кроме того, жена Никитина усиленно добивалась помощи Терешковой в установлении ей и ее дочери персональной пенсии.

В 10:30 я вместе с Усковым зашел к Миронову. Я уже несколько раз встречался с Мироновым и с другими заведующими отделами ЦК КПСС. Миронов, Сербин, Ильичев, Пономарев, Андропов — все они производили на меня впечатление «середнячков». Мне легко удалось убедить Миронова в правильности позиции ВВС, и к моменту прихода Терешковой (а она появилась ровно в 11:00 — «Как учили») он был достаточно подготовлен к разговору с ней. Миронов пытался убедить Терешкову в том, что за год и три месяца она, естественно, не могла знать Никитина так, как его знали люди, работавшие с ним 10-12 лет. Все члены Военного Совета ВВС лично хорошо знали Никитина и все они единодушно высказались против присвоения ему звания Героя Советского Союза. Главная причина такого решения в том, что Никитин погиб не при выполнении ответственного задания, а при тренировочном прыжке, производимом по его инициативе и со значительными нарушениями. Кроме того, у Никитина были и другие серьезные недостатки. Терешковой было не совсем приятно вести эту беседу, но Миронов вел разговор тактично и умно. В конце разговора он заявил Терешковой, что ее обращение к Н.С.Хрущеву было полезным, пенсию семья Никитина получит, но для присвоения звания Героя оснований нет.

Из ЦК Терешкова поехала к Постникову, а около 15 часов она и Гагарин были у меня. Уточнили все вопросы с

отпусками. Терешкова вместе с матерью, братом и тетей выезжает на Кавказ поездом. Гагарин высказался против того, чтобы размещаться в одном люксе с семьей Поповича: Марина очень шумлива, а Наташа тем более. Для Вали это малоподходящая компания. Но, кажется, придется Гагариным и Поповичам терпеть друг друга и отдыхать в Гурзуфе под одной крышей. Мы почти не говорили с Терешковой по поводу нашего пребывания в ЦК, не спрашивал нас об этом и Гагарин, но я чувствовал, что оба они не совсем довольны решением Военного Совета. Я пытался им объяснить, что, ходатайствуя за своих знакомых, они иногда оказывают своим протеже «медвежью услугу».

30 июля.

Был Титов, он завтра вместе с Тамарой поездом выезжает в Киев. Герман, как всегда, суетлив, подвижен, измят и не брит, но одновременно умен и увертлив. Ему трудно »наступить на хвост», а «хвост» у него есть, и довольно длинный. Германа я направил к Руденко для душеспасительного разговора (по поводу просьбы дать генерала Шипилову). По этому же поводу сегодня к Руденко приедет Гагарин. Юра звонил мне два раза, он не собирался сегодня быть в Москве, но, узнав о желании Руденко увидеть его, приехал. Мы говорили с ним о возможности выдвижения его кандидатуры на должность начальника ЦПК. Такое назначение может состояться, хотя Руденко и Вершинин против этого. Гагарин из шестерки космонавтов самая колоритная фигура, и из него может получиться хороший начальник. Единственное, что смущает его и меня — это его учеба в академии. Академию ему нужно окончить обязательно, а совмещать учебу с такой ответственной должностью будет трудно.

Между прочим, сегодня Вершинину звонил Усков из ЦК и рекомендовал подумать над совмещением должности начальника Центра и моей должности с назначением двух толковых заместителей. Вершинин отверг это предложение, а я сказал ему, что третий раз «повышаться с понижением» мне просто неудобно (командующий Воздушной армией, первый заместитель начальника Главного штаба ВВС, заместитель начальника боевой подготовки ВВС по космосу), и поблагодарил за доверие. Должность начальника ЦПК ВВС очень интересная и важная, но я давно уже перерос ее. Откровенно говоря, мне уже надоело слышать непрерывные похвалы моим способностям со стороны начальников и одновременно их опасливое поглядывание в мою сторону. Вершинин, а теперь и Руденко согласны всю жизнь держать меня рядом с собой, но в упряжке.

После разговора с Руденко Гагарин опять заходил ко мне, и мы продолжили наш разговор. Гагарин не торопился давать согласие на его назначение на должность начальника ЦПК, да и мы оба хорошо понимаем, что до этого еще далеко. Одновременно мы знаем и другое: Гагарин и Каманин вместе могут сделать очень много. После того, как мы взвесили все за и против, решили добиваться назначения (в перспективе) Гагарина на должность начальника Центра.

Маршал Баграмян принял «умнейшее решение»: «Не разрешаю Поповичу и Быковскому брать детей на курорт». Путевки у обоих были уже на руках, и им дали согласие ехать с детьми. Узнав о запрещении брать детей, Попович и Быковский вернули путевки и заявили: «Поедем дикарями». Получается действительно по-дикому. Я пошел к Руденко и попросил его переговорить с Баграмяном. Руденко не придумал ничего умнее, как сказать: «За детей космонавтов я не ходатайствовал и не буду». Доложил о сложившейся ситуации Вершинину — Главком возмутился этой глупостью и позвонил маршалу Гречко, но Гречко был в Кубинке, и вопрос повис в воздухе. Завтра рано утром надо вылетать на курорт, а разрешения на задуманный отдых нет. Глупость величайшая, и она так часто проявляется у начальства, что уже перестаешь удивляться. Сейчас опять пойду к Вершинину «воевать» за детей космонавтов и за сохранение нервов у их отцов. А у ребят нервы пока еще очень крепкие, в противном случае кто-либо из них уже написал бы жалобу в ЦК.

31 июля.

Самолет Ил-14 с группой обслуживания во главе с майором Никерясовым вылетел вчера в «Чемитоквадже». Сегодня утром улетел второй самолет с космонавтами, а завтра полетят еще два самолета. Всего в «Чемитоквадже» будут отдыхать более 80 человек (космонавты, слушатели-космонавты, их жены и дети) — это первая попытка организовать отдых для космонавтов средствами ВВС. Будут, конечно, и недостатки в этом деле. Придется мне самому обязательно побывать в «Чемитоквадже» и разобраться во всех вопросах строительства и превращения этого рядового дома отдыха в хороший санаторий для космонавтов. Главком с 8:30 уже на работе, я заходил к нему и напомнил о необходимости решить с Гречко вопрос о детях Поповича и Быковского. Вершинин обещал сегодня до 12 часов решить этот вопрос.

Говорил по «кремлевке» с Усковым (административный отдел ЦК КПСС) о Гагарине как кандидате на должность начальника ЦПК. Усков считает, что Гагарин пока еще недостаточно подготовлен для такой работы. Он еще раз высказался за объединение моей должности с должностью начальника ЦПК и назначение генерала Кузнецова моим заместителем. Такой вариант мне не нравится, я так и сказал об этом Ускову. И дело не только в том, что должность начальника ЦПК ниже моей (оклад и служебная категория ниже, хотя последняя и входит в номенклатуру ЦК), а, главным образом, потому, что я физически не смогу уделять достаточное внимание Центру. Для дела крайне необходимо, чтобы начальник Центра каждый день был рядом с космонавтами.

Звонил из ЦК Миронов и передал, что вчера принято решение ЦК о том, чтобы всеми заграничными поездками космонавтов занимался административный отдел ЦК КПСС. Решено, что первая заграничная поездка Терешковой и Быковского будет не в Болгарию, а в Чехословакию, в середине августа. Миронов дал указание готовить материалы по поездке в Чехословакию, но ни у нас, ни в МИДе нет приглашения от чехов. По-видимому, состоялось соглашение о поездке между Хрущевым и Новотным, но официальных документов пока еще нет. Звонил Вершинин, он встречался с Гречко и получил его согласие отправить Поповича в Гурзуф с женой и дочкой. Разрешения на поездку Быковского с женой и ребенком в «Фабрициус» Гречко не дал, он предложил поехать Быковскому с ребенком в санаторий имени Ворошилова. Я доложил маршалу, что Быковский отказался от путевок в «Фабрициус» и взял путевки в санаторий «Салют» в Сочи. Таким образом, все вопросы организации отдыха космонавтов улажены, и завтра все ребята улетают на Кавказ и в Крым.

Был у меня Андриян Николаев. Между нами состоялся очень откровенный разговор о его взаимоотношениях с Терешковой, об их планах на будущее, об учебе Терешковой и о перспективах присвоения ему очередного воинского звания. Андрияну скоро уже 34 года, и в сравнении с другими космонавтами он обижен в звании. Юридически за полет в космос ему дали внеочередное звание «майор», а фактически оно было очередным, так как до полной выслуги в звании «капитан» ему оставалось ходить ровно два месяца. О своих взаимоотношениях с Терешковой Николаев

сказал, что она еще до своего полета оказывала ему внимание и он надеется, что их дружба и взаимное уважение будут крепнуть. В этом я его не понимаю. Что-то ему мешает жениться, а что — этого никто не знает. Я несколько раз говорил с ним о женитьбе и всегда получал ответ: «Много работы, очень занят» и т.п. Боюсь, что здесь замешана пока неизвестная нам женщина.

1 августа.

Рано утром двумя самолетами Ил-14 космонавты и слушатели-космонавты с семьями вылетели в Гагры для отдыха в «Чемитоквадже». Быковский вылетает самолетом ГВФ, а Гагарин и Попович на самолете Главкома полетят в Крым. Главком сегодня с ними не полетел, ему в пятницу надо быть на заседании Президиума ЦК КПСС, но отпуск у него уже начался, и его семейство уже вылетело в Алушту. Звонили из Сочи полковник Глинка и майор Никерясов: «Прибыли, разместились, все довольны, жалоб нет». Полковник Трофимов доложил, что Попович сегодня не улетел в Крым, а уехал в Калининскую область к родителям жены, — я совсем забыл, что Попович по телефону просил у меня разрешение на эту поездку. Итак, все космонавты в отпуске. Можно дать отпуск и большинству личного состава Центра, института и космического аппарата ВВС.

На этом можно было бы и закончить очередную тетрадь дневника, но мне хочется записать немного о том, каким мне видится будущее Быковского и Терешковой. Быковский — человек средних способностей и крепкого здоровья. Он единственный из шестерки наших космонавтов, кто не просто хорошо перенес невесомость, а наслаждался ею. Быковского необходимо поддерживать в космической форме для большого ответственного полета, например, для полета вокруг Луны.

Более сложной и более значимой представляется мне будущая деятельность Терешковой. Сама Валя, все космонавты, руководство Центра и руководство ВВС мыслят прямолинейно и просто: «Назвалась груздем — полезай в кузов». Стала летчиком-космонавтом — поступай в академию Жуковского, будь инструктором-космонавтом и готовься стать инженером. Валя уже несколько раз заявляла: «Буду и дальше летать в космос, буду заниматься парашютным спортом». Такой путь на первый взгляд кажется вполне естественным и единственно правильным. Но я иначе представляю себе будущее Терешковой. В первый полет можно было послать и Соловьеву, и Пономареву. Я уверен, что полет они выполнили бы не хуже, а даже лучше Терешковой, но после полета их можно было бы использовать только как космонавтов. Недаром же я «воевал» за Терешкову с Руденко и Келдышем. Терешкова может и должна быть не просто первой женщиной-космонавтом. Она умна, у нее есть воля, она производит на всех очень хорошее впечатление и может отлично выступать на любой самой высокой трибуне. Из Терешковой необходимо сделать большого общественного деятеля, она с честью и блеском будет представлять Советский Союз на любом международном форуме. Через 2-3 года она с успехом может заменить таких наших женщин, как Попова, Фурцева, Миронова и многие другие. Терешкова как руководитель женской общественной организации СССР и международных женских организаций сделает для страны, для нашей партии в тысячу раз больше, чем она в состоянии сделать в космосе. Короче говоря, неразумно было бы не использовать широко и всесторонне тот огромный авторитет, который приобрела Терешкова в результате своего полета в космос. Я убежден, что наша «Чайка» еще долго полетает над миром, прославляя нашу партию, идеи Ленина, коммунизм и привлекая на нашу сторону миллионные массы людей, и особенно женщин.

2 августа.

Вчера закончил предыдущую тетрадь дневника. Думал, что теперь долго не возьмусь за перо, но писать стало уже привычкой. В этой новой тетради, видимо, почти ничего не будет об очередном космическом полете. Скорее всего, пилотируемых полетов в СССР не будет до апреля-мая 1964 года, а может быть, и до более позднего срока. Вторая половина 1963 года будет заполнена работой над усовершенствованием кораблей «Восток», работой над «Союзом», пусками небольших спутников, «Зенитов», лунников, текущей подготовкой космонавтов и большими заграничными поездками Терешковой, Быковского, Гагарина и других космонавтов. Я принимал все меры, чтобы отделаться от заграничных поездок с Терешковой и Быковским, убедил Вершинина, что с этим делом могут справиться Горегляд или Аристов. Но в ЦК поездкам Терешковой придают очень большое значение, план ее поездок вчера рассматривал Президиум ЦК КПСС. Принято решение о том, чтобы я был руководителем делегации при первых выездах Терешковой за границу. Мне предстоят минимум 3, а может быть и 5-6 заграничных поездок. Первые поездки намечены в Чехословакию, Болгарию, Италию.

Сегодня я занялся разбором бумаг и документов, хранящихся в моем сейфе. Общее количество писем и телеграмм, адресованных космонавтам, давно перевалило за 200 тысяч. Всю эту массу бумаг плохо переваривает даже специальная комиссия, а космонавты не видят и тысячной доли этой писанины, среди которой попадаются, конечно, и очень интересные письма. Книги, статьи, ответы на приветствия, подарки и письма занимают у космонавтов очень много времени, мешают им работать, учиться и отдыхать.

После полета Терешкова устала значительно больше, чем при подготовке к нему и в самом полете. Она стала необычно раздражительной, резкой, иногда даже невыдержанной. В.В.Беликов рассказал мне о нескольких случаях ее нетактичного обращения с корреспондентами в Ярославле. С Терешковой еще надо много работать, многому научить, во многом убедить, чтобы она поняла свое положение и делала поменьше ошибок. В Центре мало людей (пожалуй, только Гагарин и Карпов), которые смогут оказать ей реальную помощь в этом деле. На отдых вместе с Терешковой я послал Евгению Павловну Кассирову (работник КГБ) — очень опытную и хорошо образованную женщину, которая много раз была за границей, отлично знает английский язык и умеет держать себя в обществе. Мы договорились с ней о методах ее влияния на Терешкову. Кассирова будет сопровождать Терешкову во всех ее заграничных поездках.

Сегодня из ЦК КПСС звонил Усков и два раза — Сербин. Оба разыскивали материалы по поездке Терешковой в Чехословакию. Я сказал Сербину, что я выслал их на имя Миронова по его требованию. Сербин был удивлен и переспросил — сам ли Миронов просил об этом. После второго его звонка я понял, что все материалы уже у Сербина и он будет их докладывать руководству ЦК. Даже начальники отделов ЦК дерутся между собой за честь быть «поближе к космосу».

В последнее время я категорически отказываюсь от выступлений в печати, по радио и телевидению. Слишком много людей, и не только в ВВС, но и в ЦК (Сербин, Козлов, Строганов), которые любое упоминание моего имени воспринимают как стремление поживиться за счет славы космонавтов. Можно было бы и не обращать внимания на их ревность, но они могут портить настроение, мотать нервы и причинять другие неприятности. Когда я с Терешковой был в ЦК у Миронова, она сказала: «К Николаю Петровичу мы идем, как к родному отцу. Он нам, космонавтам, настоящий отец». Быть все время рядом с космонавтами (набор, подготовка, старт, полет, встречи, поездки, советы и наставления) и не обжечься их славой невозможно, и эта слава уже дает о себе знать. Два дня назад Вершинин

настоятельно рекомендовал мне выступить 5 августа по телевидению по случаю второй годовщины полета Титова. Сегодня утром маршал Руденко сказал, что Вершинин предложил ему выступить 5 августа по телевидению и спросил, не звонил ли кто мне по этому поводу. Я ответил, что кроме Вершинина ни с кем об этом не говорил. А сейчас мне позвонил главный редактор телевидения Сатончиков и настоятельно просил меня выступить. Я дал согласие подготовить материал и доложу, точнее, попрошу маршала Руденко, чтобы выступил он.

Я слишком хорошо знаю жизнь и очень много работаю, чтобы заниматься погоней за известностью, да я и не обижен в этом отношении. Меня еще хорошо помнят сверстники, знает и молодежь. Вот эта довольно широкая моя известность, а также уважение и любовь, которые проявляют ко мне космонавты, не нравятся кое-кому из руководства ВВС (Руденко, Пономарев, Брайко). Да, я никогда не согласовывал свои мысли и планы с пожеланиями начальства и не буду этого делать и впредь.

3 августа.

Из Сочи вчера звонил Никерясов, сообщил, что все разместились нормально, никаких претензий нет. Сегодня день рождения Быковского, а через день — Шонина. Передал им поздравления от Главкома и от себя.

Вчера день был не такой напряженный, как обычно, но устал я больше, чем уставал в самые «горячие» дни. Временами сердце напоминает о себе, глухие головные боли, резь в глазах и иногда легкое покачивание - все это признаки высокого кровяного давления. Регулярно лекарства не принимаю, можно было бы нормально работать и вообще без лекарств, но уж очень много всякого рода неприятностей и по работе, и в семье. На работе мелкие, но очень неприятные уколы наносят завистники, они настойчиво атакуют меня со всех сторон. Эти атаки я всегда легко отбивал, они редко выводят меня из равновесия, но нервы, конечно же, портят.

12 августа.

Больше недели не брался за дневник — эту неделю я был в «отпуске». Да, на службе я не был, но сказать, что я не работал, не могу. Ежедневно с 6 утра до 9 часов вечера я непрерывно был занят работой, но это была физическая приятная работа. Я был маляром, слесарем, шофером, плотником, водопроводчиком, электриком, газовщиком, дворником — кем я только не был. Физический труд мне полезен, и я отдыхаю работая. Всю неделю на даче продолжался ремонт, и только вчера рабочие закончили работу и ушли. Ремонт тянулся более месяца и всем порядочно надоел. Больше всех досталось Мусе. Состояние жены меня очень беспокоит, она ревнует меня ко всему космическому. Ей кажется, что я безразличен к ней, к семье и все свои думы и помыслы отдаю только космосу. Нет, ты неправа, Муся! Я люблю тебя, люблю Олю и Леву. Интересы семьи — это мои интересы. Но должен признаться, что и к космическим делам я неравнодушен. Я жалею, что мой возраст (18 октября 1963 года «стукнет» уже 55 лет) и здоровье не позволяют мне полететь в космос самому, но я надеюсь, что буду активно участвовать в подготовке первого полета человека вокруг Луны и на Луну. Ради такой цели можно и нужно работать, даже с риском попортить свое здоровье и укоротить свои земные хлопоты. Но я не хочу и не имею права для любой самой высокой цели рисковать здоровьем жены, а она так прямо и говорит: «Твоя работа портит мне жизнь». Если бы я был уверен, что дело обстоит именно так, я бросил бы работу и ушел в отставку. Муся об этом мечтает, но отставка может только ухудшить положение во всех отношениях и не принести жене желаемого успокоения.

Генерал Горегляд доложил, что за прошедшую неделю все было нормально. Ему звонили Гагарин и Быковский, доложили, что отдыхают хорошо. Из «Чемитоквадже» звонил Никерясов, там тоже все в порядке. Сегодня самолетом ГВФ из Сочи прилетает Терешкова. К ее поездке в Чехословакию все готово. Завтра в чехословацком посольстве будет прием, на который пригласили всю нашу делегацию в полном составе, будут также работники ЦК и МИДа. Звонили из Верховного Совета и требовали прислать Терешкову на встречу с Манолисом Глезосом (Греция), а от Малиновского передали, чтобы она была на завтраке у индийского посла на индийской выставке в Сокольниках. Звонили из ТАСС, радио и газет — все хотят встретиться с Терешковой. Я еще не был у Руденко, исполняющего обязанности Главкома в отсутствие Вершинина, да и не хочется к нему идти, а к Вершинину я всегда иду с удовольствием.

14 августа.

Вчера ко мне приезжала Терешкова, и мы более двух часов занимались подготовкой к поездке в Чехословакию. Рассмотрели два типовых выступления, изучили план поездки, подготовили подарки чехословацким товарищам (книга «Ждите нас, звезды», коробки с макетами «Востоков», фото, значки и т.д.). У Терешковой и Кассировой я поинтересовался их впечатлениями о «Чемитоквадже». Обе заявили: «Очень жарко, душно, но есть все условия для хорошего отдыха». А Валя добавила, что с удовольствием занималась подводным спортом и изучением английского языка. Кассирова довольна ее первыми успехами в английском.

Редактор журнала «Авиация и космонавтика» полковник Шипилов доложил, что в редакции скопилось около 10 тысяч писем от желающих поступить в космонавты, и просил решить, что с ними делать. Я приказал начальнику ЦПК выделить пять офицеров и поручить им в недельный срок прочитать все письма, зарегистрировать их и дать ответы. Полковнику Карпенко дал указание лично проконтролировать эту работу.

Ко мне заходил первый заместитель начальника ГКНИИ ВВС генерал Молотков. Он уже несколько раз просился на должность начальника ЦПК. Желающих занять эту должность очень много, но я окончательно убедился, что Гагарин был бы самым подходящим кандидатом. Большинство наших руководителей одряхлели и преувеличивают свои возможности.

17 августа. Карловы Вары.

Я очень хотел начать эти путевые заметки 15 августа — в день вылета из Москвы в Прагу, - но все эти три дня были так плотно загружены, что на отдых и сон оставалось не более 4-5 часов в сутки. В эти дни я писал довольно много, но это были тексты выступлений Терешковой и другая писанина по поводу нашей поездки в Чехословакию. Сейчас 20:10 по местному времени, уже больше часа мы в отеле. Разместились в гостинице «Москва»: Валя — в 260-м номере, а я — в 264-м. Валя уже выступала с балкона своего номера, но несколько тысяч человек продолжают стоять под ее балконом и на набережной реки и настойчиво просят ее выйти еще. Сегодня Карловы Вары «сошли с ума», за всю свою многовековую историю они никогда не видели таких встреч.

18 августа.

Рано утром были у источников, пили целебную воду. Видели дома, где останавливались Петр-I, Гоголь, Карл Маркс, Гейне. Нас сопровождала группа чехословацких товарищей. Поднимались к памятнику Петру-I, оттуда Карловы Вары были видны, как на ладони. Хороший, чистый, красивый курортный городок, основанный 600 лет тому назад Карлом-IV. Осмотр города мы закончили к семи часам, и нам никто не помешал. Валя осталась очень довольна прогулкой. Но она мало спит — 5-6 часов в сутки, и ее утренний вид оставляет желать лучшего. Вечером курортники с кружками вновь потянулись на «водопой» к источникам, всего их 12. Температура воды от 40 до 72 градусов, на вкус она неприятна, но полезна для желудка. Пьют воду из всех 12 источников, но больше всего из 13-го — там вино. Через несколько минут будем завтракать и поедем на правительственную дачу «Орлик»…

К сожалению, из-за недостатка времени я не смог ничего больше записать о пребывании Терешковой в Чехословакии. Коротко можно сказать, что это было триумфальное шествие по дружественной стране, весь народ которой горячо приветствовал ее не по приказу, не по чувству долга и необходимости, а по велению сердца.

5 сентября.

С 15 по 21 августа был в Чехословакии. Правительство и народ встречали Терешкову, пожалуй, даже теплее и сердечнее, чем Гагарина, хотя тогда казалось, что более теплой встречи быть не может. Поездка прошла очень хорошо, жаль только, что ее программа была настолько плотной, что у меня не было ни минуты для записей в дневник.

С 22 августа по 5 сентября я отдыхал на даче. Наши отношения с Мусей за эти дни ничем не омрачались. Мы нужны друг другу, как и 30 лет тому назад. За эти долгие годы могли несколько поутихнуть страсти, но окрепли более надежные связи: семья, дружба, взаимное уважение и сила привычки. На три дня мы с Мусей и Оленькой ездили на автомашине в Меленки. Оля перенесла дорогу отлично. Положение мамы почти не изменилось. Ей уже 85 лет, последние четыре года она не может ходить, но сама садится в постели. Зрение, слух, память у нее еще хорошие, сердце работает отлично. Мама всегда была для всех нас примером, четыре года тяжелой болезни не сломили ее.

Сегодня у меня были Терешкова и Быковский, более двух часов готовились к поездке в Болгарию.

6 сентября.

В АПН провели встречу Терешковой с издательницей французского женского журнала мадам Оклер. Потом Терешкова, Быковский и я были на болгарской выставке в Сокольниках, а оттуда поехали в болгарское посольство. Прием прошел хуже, чем в чехословацком посольстве. Посол Герасимов держался суховато, хотя и обещал, что Болгария встретит космонавтов лучше Чехословакии. В посольстве провели встречу с болгарскими журналистами. Терешкова на вопросы отвечала свободно и удачно, а Быковский был несколько скован, односложен и менее удачен в ответах.

Вчера Николаев справлял день своего рождения, ему исполнилось 34 года. На вечере была и Терешкова. После полуночи от Николаева уехал капитан Баранов, его бывший сослуживец, приехавший из Горького на своем «Москвиче». От Николаева Баранов поехал в Горький через Балашиху, там его остановила милиция, отобрала права и ключи от машины. Николаев и Терешкова поехали в Балашиху «выручать» друга. В крупном разговоре с милицией Терешкова якобы выкрикивала: «Вам надоело работать в милиции, мы вам поможем освободиться от этой работы». Главком, Рытов и Брайко узнали об этом происшествии от заместителя министра внутренних дел Петушкова. Главком мне заявил: «Твоя Терешкова вчера ночью в пьяном виде устроила скандал с милицией». Я ответил ему, что Терешкова не могла быть пьяной и, по-видимому, сведения, имеющиеся у Главкома, требуют проверки.

Разговаривал сегодня с Николаевым и Терешковой. Они оба признали, что им не следовало вмешиваться в конфликт между выпившим капитаном и милицией, но категорически отрицали, что Терешкова нетактично вела себя с милиционерами. Я сказал Терешковой, что не уверен в том, что она излишне не погорячилась, так как случаи вспыльчивости у нее уже были раньше. Валя вынуждена была согласиться, что несдержанность у нее иногда проявляется, а в данном случае ее возмутило хамское отношение милиционеров к капитану. Я строго указал Николаеву и Терешковой, что они сделали большую глупость, защищая пьяного нарушителя. Сам факт появления космонавтов на месте происшествия уже скверное дело, а попытка защищать товарища, «пострадавшего» по пьянке, совсем не к лицу Терешковой.

7 сентября.

У меня был генерал Одинцов, он вернулся из Крыма и через неделю должен приступить к исполнению обязанностей начальника ЦПК. Военный совет ВВС решил освободить его от этой должности, а министр Малиновский не разрешает снимать его с работы. Главком притих и боится идти против министра. Но я твердо уверен, что Малиновский ошибается и делает глупость, отменяя решение Военного Совета. Буду принимать все необходимые меры, чтобы убрать Одинцова из ЦПК.

Завтра в 7:15 я, Терешкова и Быковский вылетаем в Болгарию.

8 сентября. Борт самолета Ту-124 — София.

Полет от Москвы до Софии займет 2 часа 45 минут. При вылете в Москве был небольшой дождь, по маршруту — сплошная облачность. Корреспондентам не разрешили лететь с нами. В нашей делегации девять человек: Терешкова, Быковский с женой Валей, Кассирова, Белов, Чередницев, Копалин, Головин и я — компания слетанная. В этом же составе, кроме Быковских, мы уже летали в Чехословакию.

Пролетаем границу с Румынией. Облачность кончилась, идем над районом Бакэу, где 19 лет тому назад мы вели бои с немцами за освобождение Румынии и Болгарии. В августе 1944 года мой авиационный корпус перелетел из Польши в Румынию. Боевая работа началась в районе Плоешти — Брашов и продолжалась до освобождения Праги в мае 1945 года.

Ровно в 9:00 по местному времени состоялась встреча космонавтов на аэродроме Софии. Наш посол в Болгарии Н.Н.Органов представил Терешкову, Быковского и остальных членов нашей делегации министрам и дипломатам. На аэродроме с приветствием к космонавтам выступил член Политбюро БКП Енчо Стайков. С ответным словом выступили Быковский и Терешкова. Разместились в правительственной вилле «Бояна» в чудесном парке у подножия горы Витоша. Органов, я и секретарь ЦК Лычедар Аврамов уточнили и согласовали программу нашего пребывания в Болгарии. Программа не перегружена, предусмотрен достаточный отдых. Я предложил Аврамову включить дополнительно 3-4 встречи с рабочими, он очень охотно с этим согласился.

9 сентября. София.

Вчера в 17:00 в ЦК партии состоялось вручение Терешковой и Быковскому звезд Героя социалистического труда Болгарии и орденов Димитрова. В 19 часов началось торжественное заседание в оперном театре, посвященное 19-й годовщине Народной Республики Болгарии. После официального доклада выступила Терешкова, а за ней - Быковский. По окончании заседания был большой концерт. Ансамбль армии и оркестр государственной филармонии исполнили несколько болгарских народных, военных и партизанских песен. На русском языке спели «Хотят ли русские войны», арию князя Галицкого отлично исполнил известный певец Николай Гяуров. На концерте мы были в ложе с Тодором Живковым. Зрители очень тепло приветствовали космонавтов…

Только что (в 23:30) вернулись с правительственного приема в честь празднования 19-й годовщины НРБ. Прием

провели в отеле «Балкан», были министры, послы, депутаты. С советской стороны, кроме нашего посла Органова и посольских работников, в приеме участвовали Епишев, Зорин, Кербель с женой и наша делегация. Тодор Живков поздравил всех с праздником и предложил тост за болгарский народ и за дружбу с Советским Союзом. Потом выступали артисты. Живков и обе Вали участвовали в танцах, а мы с Валерием и Органовым отстоялись в толпе…

Утром был военный парад. Терешкова, Быковский и я стояли на трибуне мавзолея Димитрова. После парада до полудня продолжалась очень красочная демонстрация. Народ тепло и дружно приветствовал советских космонавтов. С 13 до 15 часов Живков, Аврамов, Органов, Епишев, Зорин и наша делегация обедали на вилле «Бояна». Была длинная непринужденная болтовня. Живков — хороший рассказчик, он много смеется, любит шутку и острое слово.

10 сентября.

Двое суток, проведенные в Софии, уже дают возможность составить представление о народе и стране. Болгарский народ — большой и искренний друг советского народа, он трудолюбив и талантлив. За 19 лет народной власти страна многого добилась в развитии хозяйства и культуры. Среди руководства НРБ много товарищей, которые долгие годы жили в СССР. Секретарь ЦК БКП Аврамов учился в Москве в средней школе и энергетическом институте, в 1941 году был на парашюте высажен в Болгарию, а его отец, коммунист, был доставлен в Румынию на подводной лодке и погиб в боях с фашистами. Генерал армии Михайлов долго работал у нас, женат на русской. Председатель Всенародного комитета болгаро-советской дружбы Идоль Драгойчева долго жила в СССР. Я с ней встречался в 1934 году в Москве. Все руководство НРБ искренне выступает за дальнейшее укрепление дружбы с нами. Вера Начева (член ЦК БКП, ей 60 лет, бывшая партизанка) сказала мне буквально следующее: «Хотя мы и сателлиты, но мы не обижаемся, наш народ любит Советский Союз, и мы готовы в любой момент стать 17-й республикой великого Советского Союза».

Только что (в 20:30) приехали в бывшую царскую усадьбу Кричим (40 километров западнее Пловдива).

11 сентября.

Встал в 5 часов и минут 30 погулял по парку. Когда-то Кричим был поместьем султана, где для него выращивали и холили лошадей. После освобождения от турецкого ига здесь было охотничье хозяйство болгарских царей. В парке много мощных дубов в возрасте 500-600 лет. Вековые ели, чинары, каштаны, лиственницы украшают парк. В лесу и на полянах гуляют фазаны и лани. Вчера мы обедали на открытом воздухе у подножья Пиринских гор в домике обкома. Пиринские горы очень красивы, покрыты густым лесом, а самые высокие вершины покрыты снегом. Здесь были базы болгарских партизан. Теперь здесь установлен памятник знаменитому болгарскому партизану Асену Лагадинову. Валя и Валерий на его могилу возложили венки. Лагадинов первым в Болгарии начал партизанскую борьбу против немцев. 25 июня 1941 года он один уничтожил 15 немцев. Погиб Лагадинов в 1944 году в возрасте 23 лет: его заманили в засаду и убили. Ужинали вчера вместе с подругой Терешковой — Веселиной Стефановой. Валя и Веселина еще девочками (в 1953 году) начали между собой переписку. Веселина сохранила более 15 писем Терешковой и ее фото детских лет. И вот через десять лет они встретились. Веселина была с мужем — старшим лейтенантом болгарской армии, — у них есть 4-летняя дочь. Веселина и Валя обменялись подарками и весь вечер провели вместе.

Сегодня были на горе русско-болгарской славы — Шипке. Здесь в 1877-1878 годах болгары и русские разбили турецкие войска и положили конец пятивековому турецкому гнету.

12 сентября.

Вчера мы в 9 часов утра на машинах выехали из Кричима, проехали через Пловдив, возложили венки у памятника русским и советским воинам. Памятник, фигура советского солдата, расположен на высокой горе, с которой Пловдив, второй по величине город Болгарии, как на ладони. Первым секретарем обкома здесь работает родной брат Николая Гяурова. Весь город был на улицах и очень тепло встречал Валю и Валерия. Провели митинг на текстильном комбинате «Марица». Текстильщицы зацеловали «Чайку» и очень неохотно ее отпускали, просили побывать в цехах. Но нужно было строго выдерживать график поездки. Сотни тысяч людей на дорогах, в селах и городах с нетерпением ждали появления космонавтов. Мы проехали через многие населенные пункты. Везде море людей, цветы, приветствия, улыбки и много подарков…

С Шипки мы выехали в город Стара Загора. Здесь остановка не планировалась, но пришлось провести небольшой митинг. Валя и Валерий были избраны почетными гражданами Старой Загоры. Из Старой Загоры на самолете Ил-14 мы перелетели в Бургас. Встреча и митинг в Бургасе превзошли все ожидания: от младенцев до столетних старух все вышли приветствовать космонавтов. Среди встречающих не было равнодушных — такие встречи может проводить только сам народ. Бургас встречал Терешкову и Быковского так, как никогда никого не встречал. Валя выступила на митинге очень хорошо, а Валерий говорил, как всегда, тихо, медленно и без огонька. Из Валерия никогда не получится хорошего оратора, он никогда не сможет «глаголом жечь сердца людей». Таким даром обладает Валя, из нее можно сделать настоящего оратора, но для этого ей нужно еще много работать. Из Бургаса на автомашинах мы доехали до «Солнечного берега». Там отдыхает очень много иностранцев, это новый большой курорт. Поужинали в ресторане и выехали в Варну. К 23 часам добрались до Варны и немедленно все разошлись по своим комнатам. Мне показалось, что молодежь устала от поездки и встреч больше нас, стариков…

Сегодня до обеда у нас выходной день. После завтрака играли в теннис, купались в море, плавали на морском велосипеде, катались на старом катере царя Бориса. Место для отдыха прекрасное: чудесный парк, песчаный пляж, два отличных теннисных корта. 5-6 лет назад здесь был дикий берег и рассадник змей, а теперь это один из лучших курортов Болгарии. Сейчас все наши еще на берегу, а мне захотелось продолжить свои записки.

Вчера Быковский просил разрешения не ездить вместе с Терешковой на текстильный комбинат «Марица». Он сказал, что чувствует себя как-то неловко, когда все приветствуют только Терешкову. В прессе и при официальных встречах все приветствуют Терешкову и Быковского, но народ в 90 случаях из 100 приветствует только Терешкову и «забывает» о Быковском. Кроме того, Валя всегда выступает лучше Валерия, Быковский это хорошо понимает, и чувство неловкости не оставляет его. Я думаю предложить в ЦК, чтобы Терешкова и Быковский ездили за границу отдельно друг от друга. Большие неудобства испытывает и жена Быковского: она стремится всегда быть поближе к мужу, но это в большинстве случаев невозможно - Валерий должен быть рядом с Терешковой. Есть и другие более мелкие, не совсем приятные симптомы возможных недоразумений между космонавтами.

13 сентября. Борт самолета Ил-14.

Летим из Варны в Михайловград. На борту наша делегация, болгарские товарищи: Лучезар Аврамов, Вера Начева, генерал Дмитр Грибчев, а также советник нашего посольства С.И.Пронин. Эти товарищи сопровождают нас во всех поездках по стране. Погода отличная. Валя и Валерий по очереди ведут самолет. Я выиграл у Аврамова две партии в шахматы, но сегодня утром на теннисном корте счет был 2:0 в пользу Лучезара. Сегодня я встал в 5 часов и, пока молодежь спала, успел искупаться в море и сыграть два сета в теннис.

Вчера провели митинг на варнинском судостроительном заводе. Валя выступила хорошо, а Валерий — неважно. Вечером был официальный ужин с местными руководителями… Только что выпили за поддержание дружбы между пассажирами нашего Ил-14 и обменялись адресами.

14 сентября.

Вчера, вылетев из Варны, мы первую посадку произвели в 15 километрах от Плевена. На машинах объехали город и все памятники боевой славы. Встреча была такой же, как в Варне — все, кто может ходить, были на улицах. После Плевена вылетели в Михайловград, где в 1923 году был центр восстания крестьян, которым руководил Димитров. Восставшие четыре дня держали власть, но потом восстание было жестоко подавлено.

Из Михайловграда до Софии ехали на машинах. Вчера лучшему певцу Болгарии Николаю Гяурову исполнилось 34 года. Всем нам хотелось попасть на его концерт, но мы опоздали. Валя и Валерий послали ему свои приветствия. Быковский второй раз настоятельно просил на будущее предусмотреть раздельные с Терешковой поездки за границу. В этом его «подогревает» жена. Обе Вали терпеть друг друга не могут и делают все, чтобы пореже встречаться.

Сегодня утром ездили с Валей и Валерием в универсальный магазин. Магазин открывается в 9, но его специально для нас открыли в 8 часов. Поездка оказалась неудачной: не только невозможно было что-нибудь выбрать и купить, но даже осмотреть магазин было трудно. Все служащие магазина, а их более тысячи, побросали свои прилавки и прибежали приветствовать космонавтов. Мы побыли в магазине 5-7 минут и уехали, при выходе еле пробились через толпу приветствовавших к своим машинам.

Только что заходила Валя, она принесла вопросы, которые нужно будет осветить на пресс-конференции, и высказала свои соображения по ряду из них. Сегодня она не в духе, вчера я вынужден был серьезно предупредить ее за опоздания. В Чехословакии она заставила Новотного ждать ее 20 минут. Тогда у нас был очень крупный разговор, и Валя дала слово, что никогда больше не будет опаздывать. Но она не сдержала своего слова и уже два раза на 10-15 минут опаздывала к завтраку. Ей очень не понравились мои замечания, удивленным тоном она заявила: «Николай Петрович, что тут особенного, я же извинилась за опоздание». К сожалению, она не понимает, что заставлять ждать старших (секретарь ЦК Аврамов, Вера Начева — пожилая женщина, старше ее матери, генерал Грибчев и другие) совсем непростительно. Сейчас, кроме всего хорошего, чем бесспорно обладает Валя, выявляются довольно ясно и недостатки ее характера. Она обидчива, честолюбива, вспыльчива и у нее развивается властолюбие. К морю цветов и миллионам улыбок я вынужден прибавлять и кое-какое противоядие. Ее нужно держать в руках и «бить» беспощадно (пока еще за мелкие недостатки ее характера) и исправлять пробелы воспитания. Я верю, что она с нашей помощью сумеет локализовать эти мелочи и будет расти человеком с большой буквы, изживая свои недостатки, которые могут заметно портить ее в общем-то хорошее «я».

15 сентября.

Вчера провели встречу со слушателями, преподавателями и служащими военной академии. На встрече были все генералы болгарской армии. Между прочим, я здесь встретил генерал-лейтенанта Кобакчеева, в 1938 году мы с ним вместе учились в академии Жуковского. Сейчас он работает заместителем министра обороны. Валя и Валерий обстоятельно рассказали о своих полетах. После встречи с военными обедали у нашего посла Николая Николаевича Органова. Он нам всем понравился: обаятельный, умный человек. Болгары тоже любят и уважают его. В 16 часов встречались с комсомольцами и молодежью. Встреча была теплой, особенно удачным и красивым было выступление пионеров. В 17:30 провели пресс-конференцию. Каверзных вопросов не было, все заданные вопросы были нам даны часа за три до конференции, и мы успели подготовить на них обстоятельные ответы. Для Валерия это была первая пресс-конференция за границей, но он держался неплохо. Вечером состоялась прощальная встреча с членами политбюро БКП, на которой были наш посол с женой, наша делегация и болгарские друзья по поездкам (Аврамов, Начева, Грибчев). Тодор Живков сказал: «Наш народ очень тепло встречал вас, наши дорогие гости. Эти встречи народа с советскими космонавтами превратились в очень яркую демонстрацию болгаро-советской дружбы, в демонстрацию любви болгарского народа к советскому народу. Наш народ знает и высоко ценит величайшие достижения Советского Союза в развитии науки, техники и в освоении космического пространства». Живков предложил тост за вечную и нерушимую дружбу между нашими народами. Встреча была очень и очень теплой. Расставаясь, Живков всех нас расцеловал и пригласил на отдых в Варну.

Сейчас 9:30, пишу на борту самолета Ту-124. Через два-три часа я увижу Оленьку и Мусю. Я верю, что Муся приедет меня встречать. Все эти дни мне очень их не хватало, особенно в минуты, когда я оставался один.

Целую неделю мы были в Болгарии, проехали десятки городов, сотни сел и деревень, побывали на фабриках, заводах, в сельских кооперативах. Из 8,5 миллионов населения Болгарии добрая половина видела Терешкову и Быковского и почти все слышали их голоса по радио и телевидению, видели их портреты в газетах и журналах. Вся пресса, радио и телевидение очень широко освещали поездку по стране. Народ любовно и тепло приветствовал космонавтов и выражал чувство горячей любви и дружбы к советскому народу. Тодор Живков и другие руководители Болгарии сделали все, чтобы пребывание космонавтов в стране использовать в целях дальнейшего укрепления братства наших народов. В общем, это была одна из самых лучших заграничных поездок по организации, массовости встреч и проявлению горячей любви к советским людям.

26 сентября.

С 18 по 25 сентября был в отпуске, отдыхал на даче. Неделя пролетела, как один день. Погода стояла чудесная, настоящее «бабье лето».

Сегодня вышел на работу. Дел «по горло», Леониду Ивановичу трудновато, необходимо будет вызвать из отпуска полковника Аристова. Завтра я вылетаю с Гагариным в Париж для участия в работе 14-го конгресса Международной

астронавтической федерации. На конгрессе Гагарину будет вручена премия Галабера (золотая медаль и 20 тысяч франков). Сегодня Гагарин вместе с секретарем ЦК ВЛКСМ Павловым находится еще в Красноярске. Там проходит слет ударников коммунистического труда Сибири. Он прилетит в Москву поздно вечером, а завтра в 8:30 нам нужно вылетать во Францию. Надо подготовиться к встрече с французами, обстановка там будет сложная. Буду готовить 2-3 варианта выступлений Гагарина. 30 сентября Горегляд вылетает с Терешковой на Кубу, а 8 октября я вместе с Гагариным и Терешковой должен буду лететь в Мексику, потом мы должны посетить Германскую Демократическую Республику, Польшу и десяток других стран.

23 сентября 1963 года у Титовых родилась дочь. Тамара и ребенок чувствуют себя отлично. Это первый ребенок, родившийся у человека, побывавшего в космосе. Герман ждал сына, но полюбит и дочь.

27 сентября.

На аэродроме Шереметьево нас провожала небольшая группа товарищей: Попович, Масленников, Титарев и другие. Приехал и посол Франции Дежан под предлогом встречи с нашим послом во Франции С.А.Виноградовым, который прервал свой отпуск в Карловых Варах и вместе с нами летит в Париж. Наш Ту-104 произвел посадку на аэродроме Ле Бурже в 10:40 по местному времени. В 12 часов на всех гражданских аэродромах Франции должна начаться забастовка обслуживающего персонала. На аэродроме Ле Бурже было человек 800 встречающих и около сотни корреспондентов. Представителей правительства и властей не было, МИД Франции отказался от организации встречи и регулировании порядка, но полицейские силы были наготове. Встреча на аэродроме была очень теплой, и это вынудило полицию сопровождать колонну наших автомашин и регулировать движение на улицах. На аэродроме Гагарина приветствовали председатель Международного астронавтического конгресса профессор Брен и Галабер — основатель премии, носящей его имя. Оба произнесли очень хорошие приветственные речи и восхищались высокими научными и техническими достижениями нашей родины. Гагарин поблагодарил за приглашение на конгресс и за разрешение на въезд во Францию. С аэродрома до посольства Юра ехал в открытой машине. На улицах не было сплошных толп народа, как это бывало везде, где появлялся Гагарин. Здесь власти сделали все, чтобы ограничить контакты космонавта с людьми, но тем горячее были приветствия людей, случайно или от коммунистов узнавших о приезде Гагарина.

В 13 часов в посольстве был устроен небольшой завтрак, в котором участвовали пять секретарей ЦК ФКП, в том числе Морис Торез и Жак Дюкло с женами. Затем там же в посольстве провели небольшую пресс-конференцию. В 17 часов посетили могилу неизвестного солдата, а потом поднялись на Эйфелеву башню. Погода была отличной. С трехсотметровой высоты был хорошо виден весь Париж — город-красавец! Посетили лаосское посольство, где неожиданно встретили министра иностранных дел Франции Кув де Мюрвиля. Он растерялся от неожиданности и через 2-3 минуты сбежал от Гагарина, но Сувана Фума и все другие были довольны встречей. В 20:30 были на приеме в венгерском посольстве. Встретились с женой Яноша Кадора, с послами и атташе социалистических стран. Несколько позже встречались с советской колонией в торгпредстве. Посол Виноградов представил присутствующим Гагарина и меня. Юра выступил, после чего я отпустил его отдыхать, а мы с Виноградовым, академиками Седовым, Сисакяном и другими еще около трех часов обсуждали и корректировали программу выступлений и встреч Гагарина во Франции. В программе, подготовленной посольством до прилета Виноградова, были предусмотрены мероприятия, принижающие Гагарина (посещение магазинов, выступления на заседании секции конгресса и др.). Я предложил исключить эти сомнительные пункты. Посол и академик Сисакян меня поддержали, но составители программы и академик Седов были за сохранение ее в полном объеме. Сидели до двух часов ночи: в конце концов, все согласились с моими поправками.

28 сентября.

Спали до 7 часов. Часа полтора с Юрой обсуждали его выступление на пленарном заседании конгресса. В 12 часов посетили музей-квартиру Ленина, в которой он жил в 1912 году. У дома-музея собралось более тысячи людей, горячо приветствовавших Гагарина. На встрече были Морис Торез, Вальдек Роше, Плисанье и другие товарищи.

С 14 до 16 часов были на завтраке у Галабера. В сравнительно небольшой его квартире собралось 7 русских (Юра, я, Виноградов и другие) и 8 французских представителей. В конце завтрака представитель телекомпании задал Гагарину несколько вопросов. Юра отвечал быстро и удачно, его ответы были записаны на магнитофон. От Галабера поехали на кладбище Пер Лашез к стене коммунаров. У ворот и на кладбище были тысячи людей. Приветствия были очень бурными, пришлось даже уходить от толпы чуть ли не по могилам. В толпе возникла давка: посещение было плохо организовано — почти не было полиции. В Париже это была самая восторженная встреча с народом за первые два дня пребывания во Франции.

В 20:30 началось специальное пленарное заседание 14-го Международного астронавтического конгресса, посвященное встрече с Гагариным. В Президиуме конгресса были Гагарин, Виноградов, Седов, Сисакян и я. Приветственные речи произнесли профессор Брен, академик Сисакян, председатель Французской астронавтической организации, американский генерал-медик Конесси. Американец вручил Юрию книгу с обобщением медико-биологических итогов полетов американских астронавтов и при этом с горечью произнес: «Вам, первому космонавту мира, я с большим удовольствием вручаю эту книгу и сожалею, что не могу ее сейчас вручить и Джону Гленну». Последним выступил Гагарин. Юра обобщил итоги всех шести полетов наших космонавтов, рассказал о перспективах стыковки кораблей на орбите и длительных полетов и закончил тем, что все советские полеты в космос служат делу мира и интересам всего человечества, призвав конгресс добиваться дальнейших успехов в мирном освоении космоса и укреплении сотрудничества государств в этом деле.

Около полуночи ужинали вчетвером: Виноградов, Гагарин, Русяев и я. Посол восхищался выступлением Юры, сказал, что иностранцы поздравляли его с блестящим выступлением Гагарина на конгрессе. Виноградов много добрых слов сказал и в мой адрес: «Гагарин — пример для современной молодежи, такой же, каким был Каманин для нашего поколения». Сергей Александрович тепло отзывался и о многих других авиаторах, в том числе о своем брате — генерал-лейтенанте авиации В.А.Виноградове.

29 сентября.

В 8 утра на 8 автомашинах выехали на побережье Атлантического океана в курортный город Довиль. Проехали

через Булонский лес, остановились на 10 минут в парке Версаля. Дворцы были еще закрыты, да у нас и не было времени для их осмотра. В моей машине ехали Гагарин, Русяев и мадам Галабер. Русяев всю дорогу практиковался с ней во французском языке. Юра дважды садился за руль и хорошо вел машину. Дороги немного узковаты, но их покрытие отличное.

В Нанте Гагарина приветствовало примерно 500 человек во главе с секретарем ЦК французской компартии Плисанье. Гагарин возложил цветы к подножью памятника Жанне Д'Арк. Недалеко от памятника, на небольшой древней площади, огорожено место, где она была сожжена. Между прочим, памятник Жанне в Париже немцы, играя на чувствах французов и в пику англичанам, позолотили.

Нормандия — красивая и богатая провинция Франции. Хорошая почва, обилие влаги и тепла благоприятствуют устойчивым урожаям. Вся земля разбита на частные участки, и каждый ее метр отлично обработан. Много коров, овец, свиней и птицы. В 30-40 километрах от Гавра переехали на другой берег Сены по отличному новому мосту (построен в 1959 году). Мост напоминает наш Крымский, но значительно выше и в 5-6 раз длиннее. Через полчаса мы въехали в Довиль — хороший курортный городок, — правда, сезон уже закончился и здесь все замерло до нового сезона.

После торжественного обеда, на котором присутствовали мэр и руководитель астронавтического центра Франции, мы осмотрели место, где закладываются сооружения французского космического центра. Здесь будет не полигон, а место для международных встреч и один из пунктов управления и наблюдения за космическими аппаратами. Заложено несколько фундаментов, готовятся строительные площадки и дороги, но пока нет ни одного законченного объекта.

Вернулись из Довиля около девяти часов вечера. Немного устали, но я лично с удовольствием наблюдал жизнь людей во Франции. Гагарина везде встречали тепло и с интересом, но все же не так, как это было в 1961 году. Юра сказал, что эта поездка во Францию, пожалуй, единственная из всех его поездок, в которой очень много приемов и обедов, но очень мало встреч с народом. Я ему ответил, что сейчас уже 1963 год, к тому же местные власти делают все, чтобы держать Гагарина подальше от людских масс.

Вечером часа два ездили по ночному Парижу. Побывали на Монмартре и прошлись по бульварам. Полиция и даже наши посольские работники на два часа потеряли нас. Мы поехали вместе с академиками Седовым и Сисакяном в театр. Первой ехала полицейская машина, академики с представителями театра находились во второй машине, а мы следовали за ними. На одном из перекрестков они повернули направо, а мы — налево и на целых два часа оторвались и от полиции, и от прессы.

30 сентября.

Сегодня Терешкова и Горегляд вылетели на Кубу, а у нас в Париже переломный день: Гагарин «прорвался» к парижанам, сломались все полицейские преграды. Сегодня Париж встречает Гагарина не менее восторженно, чем встречал его Лондон в 1961 году.

Утром мы поехали на заседание конгресса ЮНЕСКО. Все служащие аппарата и члены конгресса устроили Гагарину очень теплую встречу. С приветствиями выступали председатель исполкома ЮНЕСКО господин Биби и Генеральный директор господин Майе. Потом мы отправились в пригород Парижа Иври, где Морис Торез избирался в сенат. На стадионе собралось 12-15 тысяч рабочих. Организаторами митинга были коммунисты, встреча была чудесной. Морис Торез рассказал мне, что здешние бассейн и стадион построены на средства рабочих, что это «красный» район. Здесь даже его противник по выборам живет на улице Ленина. После митинга мы заехали в новый жилой квартал имени Гагарина. Тысячи людей встречали нас так, что мы еле-еле выбрались из толпы. Наши костюмы заметно пострадали от «горячих» объятий парижан и парижанок.

С 13:30 до 15:30 были на обеде, который устроил Виноградов. Присутствовали: президент Международного конгресса по астронавтике профессор Брен, председатель жюри премии Галабера профессор Шарон и сам Галабер с женой. Юра всем им вручил подарки (макеты ракет, фотографии, значки). В 16:00 был большой прием в мэрии Парижа. Депутаты парламента, сенаторы и «тузы» города собрались, чтобы поприветствовать космонавта. Перед мэрией собралась большая толпа народа, и нам с большим трудом удалось пробиться внутрь здания. А при выходе из здания нашу машину так тесно окружила восторженная толпа, что сотни полицейских почти на руках «выносили» наш автомобиль. Президент муниципалитета Парижа в своей длинной речи «объяснял» наши успехи в космосе успехами развития авиации и, перечисляя имена зарубежных летчиков, которые, по его мнению, стали вехами в истории, упомянул даже Линдберга. Юра ему очень хорошо ответил, назвав имена Можайского, Нестерова, Арцеулова и Бахчиванджи. Речь Гагарина была воспринята хорошо.

Вечером Юра был на приеме в МИДе, а я провел пресс-конференцию с журналистами «Пари матч» — одного из лучших журналов мира с тиражом более миллиона экземпляров. В последнее время журнал поместил много хороших материалов с фотографиями наших космонавтах. Ужинали в ресторане «Максим» Виноградов, Гагарин, Седов, Сисакян, я и 5-6 человек из нашего посольства, от французов были: Брен, Шарон, мэр города Довиль и еще несколько человек.

1 октября.

Утром поехали в магазин русской книги. У магазина собралось несколько тысяч людей. Все книги о советских космонавтах тут же раскупили, а фотографии Гагарина вместо 50 сантимов продавались с рук по 10 франков. Юра подписал на книгах и фото более 300 автографов. В 11:30 провели встречу с членами общества «Франция-СССР». Выступали генерал Пети и бывший летчик полка «Нормандия-Неман» герой Советского Союза Де ля Пуап. С 13 до 18 часов Галабер устроил обед, на котором вручались премии. Выступали Седов, Галабер, Шарон, Брен, Пикеринг — руководитель американской лаборатории двигателей, Барре — французский генерал, специалист по ядерным двигателям. Торжества по случаю вручения наград проходили в гостинице «Мотеция», там же провели и пресс-конференцию.

Вечером в ресторане «Дофин» был большой прием по случаю окончания работы 14-го астронавтического конгресса. С приема вместе с послом поехали в ресторан «Лидо», где посмотрели интересную развлекательную программу. Больше всего понравились гимнасты, танец на льду и купание нимф.

2 октября.

С утра, в посольстве, Юра принимал делегации от профсоюзов, рабочих коллективов и различных организаций. В 11:00 Виноградов, Гагарин, Седов и я поехали на встречу с парламентской группой «Франция-СССР». С приветственными речами выступали депутаты. Сенаторы, как мальчишки, стояли в очереди за автографами Гагарина. С 13 до 16 часов обедали на даче у Тореза. Кроме семьи Тореза на обеде были: Вальдек Роше, Жак Дюкло, Раймон Гюйе, Поль Лоран, Бенуа Фрашон и другие французские коммунисты. Нам вручили много подарков. Самым ценным из них для Гагарина была медаль коммунара (18 марта 1871 года), а для меня — книга «Сын народа» с автографами Мориса Тореза, Жанетт Вермерш и Жака Дюкло. В 16:30 провели митинг с балкона мэрии в городе Пюто. Гагарина наградили Золотой медалью и присвоили ему звание почетного гражданина Пюто. Вечером состоялся большой прием в посольстве, присутствовало около 2 тысяч человек. Все уверяли, что это был один из самых интересных приемов в этом году.

4 октября. Москва.

Вчера в 21:20 на самолете Ту-104 прилетели с Гагариным из Парижа в Москву. Вылет предполагался в 12:00 по московскому времени, но в это время на парижских аэродромах был туман, и летевший за нами из Москвы Ту-104 был посажен в Брюсселе, что задержало наш вылет из Парижа. Неделя, проведенная во Франции, была очень интересной. Шесть городов Франции избрали Гагарина своим почетным гражданином, он получил более 10 золотых медалей (премия Галабера, медаль сената и др.). Народ Франции, вопреки «рогаткам» властей, восторженно встречал первого космонавта мира.

Терешкова все еще на Кубе: по просьбе Фиделя Кастро она будет там до 10 октября. В этот день мы с Гагариным прилетим на Кубу, заберем Терешкову и все вместе полетим в Мексику. Вчера вопрос о поездке космонавтов на Кубу, в Мексику и ГДР рассматривался на Президиуме ЦК КПСС. Было решено, что 9 октября мы летим на Ил-18 по маршруту Москва - Прествик — Гандер — Гавана. Из Гаваны полетим в Мексику, а оттуда 17 октября вылетим в Берлин по маршруту Нью-Йорк — Гандер - Прествик — Берлин. Это будет один из самых сложных и наиболее ответственных выездов наших космонавтов за границу и первая совместная поездка Гагарина и Терешковой.

Вчера умер Главный маршал авиации П.Ф.Жигарев, только что звонили и приглашали на завтра в почетный караул. Жигарева я знал 30 лет, у меня с ним были сотни деловых встреч. Павел Федорович был большим дипломатом и более 20 лет сумел продержаться в верхах. Правда, это иногда вредило делу и калечило людей, но Жигарев мало с этим считался. Он умер на 63 году жизни и до последнего дня работал. Жигарева не любили в ВВС, но сейчас, конечно, все сожалеют об утрате.

5 октября.

Сегодня в 14:00 на Новодевичьем кладбище будем хоронить Главного маршала авиации П.Ф.Жигарева. Вчера дважды был у Главкома, подробно доложил ему о поездке в Париж. Сегодня в «Красной звезде» опубликована моя статья «Встречи Гагарина в Париже». Вершинин рассказал об изменениях в маршруте и времени предстоящего полета в Мексику. Он переживает смерть Жигарева; они одногодки, и провожать в последний путь товарища всегда тяжело. Вершинин рассказал, что Жигарев за два дня до смерти вернулся с курорта и чувствовал себя удовлетворительно. В день смерти Павел Федорович с женой сидел в комнате, почувствовал, что ему не хватает воздуха, попросил жену открыть форточку и умер, пока она ее открывала. Главком расстроен и ростом числа катастроф в ВВС. В этом году происшествий больше, чем в предыдущем. В этом году мы потеряли даже двух летчиков-инспекторов ВВС; таких происшествий не было уже несколько лет.

Заходил генерал Бабийчук и доложил, что 30 сентября Президиум ЦК КПСС отказался рассматривать вопрос о реорганизации Института авиационной и космической медицины, вернув материалы на доработку. Маршал Руденко вернется из отпуска 7 октября, и я еще успею переговорить с ним по этому, слишком затянувшемуся по его вине, делу. Его легкомысленная попытка «поставить институт на новые рельсы» обходится нам очень дорого, будоражит коллектив института и тормозит его работу. Я настоятельно советовал генералам Бабийчуку и Мишуку тверже отстаивать линию на укрепление и развитие Института авиационной и космической медицины и возражать против создания нового параллельного института.

6 октября. Дача «Заборье».

Отличный осенний день. Лева, Люда и Оля 2 октября уехали на отдых в Коктебель. Мне сейчас очень не хватает Оленьки… На дачу приезжали полковник Чижиков (давний сослуживец Н.П.Каманина — Ред.) с женой Надей и сестра Полина со своей дочерью Таней. Таня прилично рисует, акварелью она сделала несколько удачных зарисовок нашей дачи.

7 октября.

Утром зашел к Главкому, когда у него был маршал Руденко, только что вышедший на работу после отпуска. Я

доложил Главкому, что Громыко телеграммой из Нью-Йорка сообщил о намерении У Тана пригласить Гагарина и Терешкову посетить ООН при их возвращении из Мексики, и что поступила телеграмма от Гротеволя и Ульбрихта с приглашением Гагарина в ГДР. Главком поручил мне связаться с В.В.Кузнецовым из МИДа и, не срывая утвержденных планов и сроков, удовлетворить просьбы У Тана и Ульбрихта.

Вчера многие лондонские газеты сообщили о предстоящей свадьбе Николаева и Терешковой. Слухи об их браке распространились уже по всему миру. Вчера я вызвал Андрияна и объяснил ему, что откладывать свадьбу на конец года нельзя. На декабрь Венгрия пригласила Николаева и Терешкову, имея в виду, что к этому времени они уже оформят брак. Я сказал Николаеву, что он еще ничем не связан и может отказаться от брака, но дальше тянуть нельзя — он ставит Валю в очень неудобное положение. Ей везде задают вопрос: «Когда свадьба?», а она ничего не может ответить. Я не понимаю, почему Николаев тянет дело с оформлением брака. Я раз пять разговаривал с ним на эту тему, и каждый раз он уходил от прямого ответа. Первое время он пытался объяснить свое поведение загруженностью учебой, потом намекал на то, что якобы «Валя невыдержанна, и ее еще нужно воспитывать», а вчера он объяснил затяжку со свадьбой заграничными поездками Терешковой. Я сказал ему, что планы поездок расписаны уже до мая 1964 года и самый большой перерыв будет с 28 октября по 10 ноября 1963 года. Я рекомендовал ему подумать о том, будет ли он оформлять брак с Терешковой, и если будет, то было бы целесообразно сыграть свадьбу в первых числах ноября — в наиболее свободное от заграничных поездок время. Это позволило бы поехать им в Венгрию и другие страны как мужу и жене. После разговора с Николаевым у меня нет уверенности, что бракосочетание состоится в ноябре, а дальнейшие задержки со свадьбой будут осложнять заграничные поездки Терешковой и отрицательно скажутся на качестве ее работы, а может быть, и на ее поведении.

29 октября.

Терешкова, Быковский и я вернулись вчера из Польши. В Лодзи и городах Силезии было много чудесных встреч, они напомнили нам встречи в Чехословакии и Болгарии. В Варшаве нас принимали сдержаннее: официальные лица, особенно Гомулка и Циранкевич, довольно сухо встречали космонавтов. Терешкову и Быковского наградили Грюнвальдским золотым крестом 1-й степени. Маршал Спыхальский сказал мне, что этим орденом в Польше награждено только 7-8 человек. Варшава — единственная из столиц стран социалистического лагеря, где при встрече нашей делегации на улицах были вывешены портреты и советских, и американских космонавтов. Чувствуется, что Польша легко бы пошла на более тесный контакт с Западом в ущерб интересам Советского Союза. В сельском хозяйстве Польши совсем нет колхозов: имеется лишь 6-7 процентов кооперативов по обработке земли, а основная сила в деревне — частное хозяйство. Крестьяне с удовольствием работают на своей земле. Они имеют наделы от 15 до 40 гектаров и могут держать скота и птицы столько, сколько захотят. Кроме того, поляки получают помощь от США и ведут с Америкой и Англией большую торговлю — все это накладывает большое своеобразие на взаимоотношения между нашими странами. В Польшу мы вылетели 23 октября, а вернулись в Москву из предыдущей поездки 22 октября. С 9 по 22 октября Гагарин, Терешкова и я были на Кубе, в Мексике, США, Канаде, Англии и ГДР. Об этой замечательной поездке есть записки в особой тетради.

Был у Главкома и доложил ему, что завтра Терешкова и Николаев будут у меня и выскажут свои соображения о сроках и месте их предстоящего бракосочетания. Я сказал Главкому, что, по-видимому, эту свадьбу нельзя провести по-семейному, так как она интересует весь мир. Необходимы серьезная подготовка к свадьбе и решение ЦК КПСС о масштабе празднования и уровне ее участников. Главком, Руденко и Рытов согласились с моими соображениями, но заявили, что конкретные разговоры с начальством будут вести только после официального доклада Николаева и Терешковой об их согласии на брак. На завтра я вызвал Терешкову и Николаева к себе: будем решать вопрос об их свадьбе, по поводу которой мне только сегодня звонили более 10 раз. Американские, английские, французские газеты и радио уже несколько недель пишут и говорят об этом предстоящем событии. В такие сугубо личные дела администраторам лучше не вмешиваться, но свадьба двух известных всему миру космонавтов не может быть только их личным делом, — придется и нам подумать над оформлением этого события.

30 октября.

Только что (в 16:30) от меня ушли Николаев и Терешкова, приезжавшие доложить о своем решении вступить в брак. Мы зашли к маршалу Вершинину, он уже был предупрежден мной об этом посещении и ждал космонавтов. Андриян и Валя объявили Главкому о своем намерении оформить брак 2 ноября. Главком сказал: «Молодцы! Решение правильное. Я от души приветствую вас и скажу по секрету, мы уже давно ждали такого вашего решения», — и добавил, что доложит об этом событии Малиновскому, Брежневу и Хрущеву. Николаев и Терешкова высказали пожелание прямо из Дворца бракосочетания поехать на свадебный бал, который они хотели бы устроить в гостинице «Советская» или в ЦДСА человек на 300.

Я уверен, что Н.С.Хрущев развернет это празднество в большое политическое событие, и это правильно: весь мир будет наблюдать первую «космическую» свадьбу, и было бы недальновидно провести ее в ограниченных масштабах. Вершинин, Рытов, Терешкова, Николаев и я сфотографировались в кабинете Главкома на память об этом предсвадебном разговоре. Фотографировал Баранов из редакции журнала «Авиация и космонавтика». Потом Андриян и Валя более часа работали в моем кабинете — их записывали для радио, они подписывали статьи и письма. Попутно мы обсудили основные вопросы церемонии бракосочетания (место, время, количество гостей, программа бала и др.). Вале сегодня сделали прививки от оспы и холеры (ей предстоит поездка в Индию), и она чувствует себя не совсем здоровой (ее лихорадит). Тем не менее она от меня поехала в ателье Совета Министров заказывать свадебное платье.

Позвонил Л.М.Замятин и сообщил, что помощники Хрущева высказались за проведение государственной свадьбы космонавтов — это как раз то, чего я хотел бы для моих подопечных.

31 октября.

Сегодня утром я и Рытов разговаривали с Брежневым по поводу предстоящей свадьбы космонавтов. Мы доложили ему наши планы: устроить свадьбу в ЦДСА 2 ноября в 17-18 часов, пригласить на нее 250-300 человек, все мероприятия провести на средства космонавтов. Кроме того, мы напомнили Брежневу разговор Хрущева с космонавтами на трибуне Мавзолея в день встречи Быковского и Терешковой. Тогда, на замечание Гагарина: «Их

(Николаева и Терешкову) нужно прямо с трибуны отправить во Дворец бракосочетания», — Хрущев сказал: «Я не имею права послать их туда, пускай сами решают этот вопрос, но если даже вы меня не пригласите на свадьбу, то я все равно приеду». Брежнев обещал доложить наши соображения Хрущеву и после этого позвонить нам. Он намекнул, что, возможно, свадьба состоится 9 ноября в Доме приемов и за счет государства.

Сейчас уже 16 часов, но звонка от Брежнева все еще нет, и это «режет нас без ножа». Для того, чтобы провести такое мероприятие, необходимо выдать массу распоряжений, но мы пока связаны по рукам и ногам. Мы не можем договариваться с организациями, которые будут обеспечивать свадьбу, пока не будет четких распоряжений из ЦК КПСС. Остается двое суток, и будет большой переполох и штурмовщина.

В 14 часов ко мне заходила Терешкова. Она ездила в ателье Совета Министров на примерку свадебного платья и осталась им довольна. Я ее немного пожурил за то, что на целых четыре часа она оторвалась от меня (я не знал, где она находится). Звонили из ЦК и от Гришина — настаивали и просили, чтобы Терешкова хоть на час показалась на съезде профсоюзов. Валя очень просила меня сегодня и завтра не посылать ее на съезд. Я ее понимаю: ей сейчас не до встреч, но не быть на съезде — значит допустить большую политическую ошибку. Я настоятельно рекомендовал Вале и Андрияну, чтобы завтра она показалась на съезде.

Звонили Гагарин, Титов, Николаев и Быковский. Николаев советовался по свадебным делам, Титов просил помочь достать для дочки чехословацкого детского молока (у Тамары пропало молоко), Быковский просил послать вместе с ним в Индию и его жену Валю, а Гагарин просил поменьше отрывать ребят от учебы.

1 ноября.

Пораньше приехал на работу в надежде, что в верхах уже решили, когда и где проводить свадьбу. Сейчас 8:30, в штабе еще тихо, только Главком и я в своих кабинетах, все остальные соберутся к 10 часам — сегодня спортивный день. Вчера вечером в моем кабинете работал генерал Горегляд. Мы с ним договорились, что если будет решение ЦК, то он позвонит мне или оставит на столе записку. Звонка не было, записки тоже нет, и Главком не звонит - значит, решения Хрущева до сих пор нет. Тяжело и неприятно участвовать в подобных мероприятиях, когда на принятие решения отводятся сутки, а на исполнение — часы. Мы уже не можем обеспечить проведение свадьбы завтра, придется ее переносить на 3 или 4 ноября.

2 ноября.

Вчера в 18:00 мне передали решение Хрущева о том, что ЦК КПСС и правительство СССР проводят свадьбу Терешковой и Николаева 3 ноября в 13:00 в Доме приемов на Воробьевском шоссе, дом 42. Общее количество участников определено в 180-200 человек. Расходы на организацию свадьбы — за счет правительства, а приглашение на свадебный пир — от имени космонавтов. Кого приглашать, определяют жених и невеста.

Сегодня в 9:30 ко мне приехали Валя и Андриян со списком приглашаемых на свадьбу. Мы довольно быстро согласовали список и пошли к Главкому договариваться по всем вопросам предстоящей церемонии. Было решено, что невеста и жених приезжают во Дворец бракосочетания в 11:40, а в Дом приемов — к 13:00. После правительственного приема по случаю бракосочетания космонавтов торжества будут продолжены с 19:00 в городке космонавтов, а потом — на квартире жениха. Валя все время «мужественно» улыбалась, но я-то знал, что она еле держится, что нервы ее напряжены до предела. Я поблагодарил ее за хорошее выступление на съезде профсоюзов и после подписания женихом и невестой пригласительных билетов отпустил их готовиться к свадьбе. В 13:30 я, Рытов и Миронов, начальник отдела ЦК, были у Брежнева. Я доложил Леониду Ильичу список приглашенных, образец билета, протокол всей церемонии во Дворце бракосочетания и на балу. Брежнев согласился со всеми нашими предложениями, только вычеркнул министров и членов Президиума ЦК, сказав, что от руководства будут лишь Хрущев, Брежнев и, возможно, Микоян.

Сегодня у меня был самый бешеный день: все пять телефонов звонили непрерывно. Все, начиная с заместителей председателя Совета Министров, министров и членов ЦК, интересовались, получат ли они билеты на свадьбу. Характерен такой эпизод. Мне позвонила Раиса Яковлевна Малиновская и рассказала о своем разговоре по телефону с Ниной Петровной Хрущевой. Нина Петровна спросила ее: «Вы будете на свадьбе космонавтов?» Раиса Яковлевна: «Да, муж получил приглашение, и мы собираемся им воспользоваться». Нина Петровна: «Я вам завидую, а мне Никита Сергеевич сказал, что если пригласят, то пойдешь, а не пригласят - не пойдешь. Приглашения пока нет. Ну, в крайнем случае, мы свадьбу через забор посмотрим». Раиса Яковлевна, передав этот разговор, рекомендовала мне позвонить Нине Петровне, пригласить ее на свадьбу и выслать ей билет. Я позвонил Нине Петровне и от имени жениха и невесты пригласил ее на свадьбу. Нина Петровна поблагодарила за приглашение и попросила выслать билеты и на Сергея Никитича и Елену Никитичну (сын и дочь Хрущевых — Ред.) .

Желающих попасть на эту свадьбу были миллионы, тысячи имели на это право, а попали только 200 человек. Все обиженные считают, что виновником их «несчастья» является Каманин. Сегодня у меня появилось столько врагов, что можно ожидать и неприятностей по службе. Из списка пришлось вычеркивать и министров, и маршалов, и друзей.

Вечером я побывал в Доме приемов и со Споповым согласовал все детали по организации бала.

3 ноября. День свадьбы Терешковой и Николаева.

В 8:30 к нашему подъезду подъехали две «Чайки», и мы с Мусей отправились на Чкаловскую к жениху и невесте. Муся пошла к Вале, а я — к Андрияну. Они уже встали и одевались, хотя легли спать в 4 часа ночи. В 10:50 невеста и жених сели в первую «Чайку», мать и брат Вали, мать Андрияна, Муся и я сели во вторую «Чайку», а за нами на «Волгах» поехали Гагарины, Титовы, Быковские, Карповы и Никерясовы. В 11:40 свадебный кортеж прибыл к Дворцу бракосочетания на улице Грибоедова. После завершения регистрации брака новобрачных поздравили председатель Моссовета Промыслов, от ЦК ВЛКСМ — Саюшев и Журавлева, от Министерства обороны — я, а затем их поздравляли родственники, друзья и земляки.

Ровно в 13 часов свадебный кортеж прибыл в Дом приемов, а через несколько минут туда приехал Н.С.Хрущев. После того, как все гости заняли свои места за столами, появились жених и невеста в сопровождении Хрущева. За столом президиума сидели: Хрущевы, Малиновские, Гагарины, Титовы, Поповичи, Быковские, Ворошилов и Вершинин. За гостевыми столами — Руднев, Смирнов, Келдыш, Королев, Бирюзов, Епишев, Руденко, Рытов, Миронов, Сербин, космонавты, родственники и друзья жениха и невесты, а также другие приглашенные.

Никита Сергеевич, открывая празднество, сказал: «Свадьба — дело особое, живое, молодое, задорное, и мы решили, чтобы на свадьбе было поменьше стариков. Правительство и ЦК поручили мне приветствовать новобрачных, что я и делаю с большим удовольствием. Я желаю Вале и Андрияну большого семейного счастья и новых успехов в их большом и благородном труде. Свадьба наших славных космонавтов - это событие мирового значения. За здоровье новобрачных!» Потом произносили речи и тосты Гагарин, Журавлева, Келдыш, Малиновский, Ворошилов, секретари Чувашского и Ярославского обкомов КПСС. Еще несколько тостов (за родителей, за родственников, за ученых и конструкторов, за военных) произнес Никита Сергеевич. Затем новобрачные вместе с Хрущевым обошли всех гостей. Подойдя ко мне, Никита Сергеевич поздравил с «космической» свадьбой и добавил: «Это ты, Каманин, виновник всех этих торжеств». Да, конечно, если бы не было первого полета женщины-космонавта, не было бы и «космической» свадьбы. А идея послать женщину в космос — это моя идея, решение послать в полет Терешкову — это тоже мое решение, оформленное протоколом Госкомиссии. Здесь, в дневнике, я могу записать, что Терешкову — как самую известную женщину мира — создал я. И я горжусь своим созданием: она имеет полное право на всеобщую любовь и уважение.

В 18 часов мы выехали в Центр подготовки космонавтов. Вместе с нами поехали Малиновский, Вершинин, Келдыш, Смирнов, Королев, Руденко. Мне казалось бессмысленным устраивать два больших свадебных торжества одно за

другим, но большинство присутствующих справляли подобную свадьбу впервые. Тосты, подарки, «горько» и поцелуи в течение 6-8 часов утомили и гостей, и новобрачных. Я пытался принять все меры, чтобы урезать по времени затянувшееся торжество, но только после 23 часов нам удалось оторвать новобрачных от гостей и увезти их на квартиру Андрияна. Из ЦПК до Чкаловской Валя, Андриян, Муся и я ехали в одной «Чайке». Андриян всю дорогу благодарил меня и доказывал, что все космонавты меня любят и верят мне, а Валя молчаливо сидела в уголке и покашливала. Ее сухой кашель меня беспокоил, а Андриян, не замечая состояние жены, курил и пьяным голосом твердил: «Чем проще — тем лучше. Правда, Валя?» Валя делала вид, что не понимает, о чем говорит Андриян, и несколько раз спросила: «Что проще?» Но Андриян так и не сумел разъяснить ей свои мысли, только добавил: «Чем проще в семье — тем лучше». Он явно имел в виду их вчерашнюю первую размолвку. Валя считала, что ей целесообразнее оставить свою девичью фамилию, а Андриян настаивал на том, чтобы она приняла его фамилию. Спор затянулся, Валя вспылила и, хлопнув дверью, ушла к себе…

Квартира Николаева оказалась забита родными и друзьями (человек 60). Более часа опять поздравляли и пили, и только к половине второго ночи удалось растащить всех гостей и отправить новобрачных отдыхать.

4 ноября.

Вершинин упорно настаивал сегодня, чтобы я возглавил поездку космонавтов в Индию, Индонезию, Цейлон, Непал и Бирму. Пришлось проявить большую твердость и изобретательность, чтобы убедить его, что генерал Горегляд вполне может заменить меня в этой поездке.

В 15 часов ко мне заезжали Терешкова и Николаев. Кажется, они довольны друг другом, уверяют, что выспались и чувствуют себя хорошо. Я рассказал им о глупейшей резолюции Малиновского на нашем представлении к званию «подполковник» майора Николаева. Малиновский написал: «Присвоить звание «подполковник» Николаеву тогда, когда Терешковой будем присваивать звание майора. Только наш министр может позволить себе подобные «шутки». Я успокоил молодую чету, сказав, что мы сумеем заставить Малиновского изменить свое решение и добьемся присвоения Николаеву звания «подполковник». Не первый раз мы будем подправлять министра обороны.

5 ноября.

В 11 часов я с Николаевым и Терешковой ездил смотреть их новую квартиру в Москве (Кутузовский проспект, дом 30/32, квартира 1013А). Район отличный, подъезды к дому хорошие. Дом выстроен для крупных работников ЦК КПСС, некоторые квартиры состоят из 7-8 комнат. 1013-я квартира семикомнатная, ее разделили на две части. Квартира Николаевых, подаренная им Хрущевым, имеет 4 комнаты общей площадью около 100 квадратных метров со всеми удобствами. Молодые остались довольны подарком, высказали свои пожелания по окраске комнат и попросили закончить ремонт к 20 ноября.

После осмотра квартиры мы поехали в радиокомитет, где Гагарин, Терешкова и я записали свои речи на тему «СССР — берег Вселенной». Одновременно с нами в радиостудии записали свои выступления Николаев, Попович и Быковский, а Титов приедет на запись к 17 часам. Радиожурналисты использовали наше посещение на все 100, и даже больше: они упросили Терешкову и Гагарина выступить для нескольких радиопередач на заграницу. Из радиокомитета Николаев и Терешкова поехали делать прививки (перед поездкой в Индию), а потом все, кроме Титова, собрались у меня в кабинете для просмотра киноматериалов о первой космической свадьбе. После просмотра, в котором участвовали Вершинин и Руденко, мы договорились с Романовым (председатель Комитета по кинематографии) о выпуске киножурнала «Новости дня» продолжительностью 2-2,5 минуты и киножурнала для заграничного показа. Романов просил меня просмотреть эти выпуски перед их выходом в свет.

10 ноября.

Отпраздновали 46-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Все три дня я провел на даче. На торжественное собрание и на парад не поехал — хотелось оторваться от торжеств и пьянок, выспаться и отдохнуть. Сейчас 8:50, в штабе начинается обычная деловая жизнь. Через 20 минут самолет Ил-18 с Терешковой, Николаевым и Быковскими произведет посадку в Индии на делийском аэродроме. Вчера поздно вечером, когда мы с Мусей провожали их в эту поездку, Николаев был уже в погонах подполковника. 6 ноября Малиновский вынужден был изменить свое решение и подписать приказ о присвоении Николаеву звания «подполковник». Для этого пришлось попросить Раису Яковлевну Малиновскую посоветовать мужу изменить его необдуманное решение.

В тот же день Малиновский присвоил звание «полковник» Ю.А.Гагарину. За три неполных года Юра прошел дистанцию от старшего лейтенанта до полковника, а обычно на этот путь требуется 15-20 лет. Два с половиной года всемирной славы не испортили Гагарина, он очень вырос за это время, приобрел большой опыт в выступлениях и может хорошо проводить самые сложные пресс-конференции и беседы. Объехав более тридцати стран, проведя тысячи встреч и выступлений, он не имел времени много читать, думать и учиться. Но поездки и встречи с народами различных стран, рас, вероисповеданий и условий жизни стали для него такой большой школой, с которой не может сравниться ни одно высшее учебное заведение. Гагарин имеет склонность к выпивкам, любит побалагурить и пошутить с женщинами, иногда это бывает и не совсем уместным, но он никогда не переходит границ, очерченных конкретной обстановкой и нормами поведения.

Вчера на аэродроме Валя и Андриян улыбались и внешне были вполне довольны друг другом. Свадьба состоялась, все прошло нормально. Для политики и науки их брак, возможно, и будет полезным, но я совсем не уверен, что Валя действительно любит Андрияна. Уж слишком они разные: она — огонь, а он — вода. Оба — сильные, волевые люди, ни один из них добровольно не подчинится другому. Огонь будет разогревать воду до кипения, хотя Николаев не способен кипеть, а вода будет заливать огонь — пара и шипения будет много. От этого брака больше выиграет Николаев, а Терешкова может только потерять. Я буду рад, если ошибусь в своих прогнозах и Валя сумеет подчинить себе Николаева и тянуть его за собой. На космических дорогах Терешкова уже прошла свой зенит. Она могла бы засверкать яркой звездой, благодаря своей большой общественно-политической деятельности, но она все еще колеблется в выборе дальнейшего пути, ее еще крепко держит романтика космоса.

11 ноября.

Сегодня из Бразилии в СССР прилетает генерал Карвальо Фильо в качестве гостя Главкома ВВС. В 1961 году,

когда мы с Гагариным были в Бразилии, бригадный генерал Карвальо занимал должность министра авиации, а сейчас он уже не у дел. Но есть сведения, что Карвальо в ближайшее время будет назначен начальником штаба ВВС Бразилии. Он прогрессивный человек и хорошо настроен по отношению к СССР. Я встречался с ним в Бразилии, поэтому Вершинин приказал мне как «его старому другу» участвовать во всех встречах с ним.

День сравнительно тихий, мало посетителей и значительно меньше обычного телефонных звонков. Я разобрался со своими бумагами и в ближайшие дни займусь состоянием дел в ЦПК. Звонил Ивановский и просил «пошевелить» С.П.Королева по срокам готовности очередных «Востоков». А Королев 3 ноября жаловался мне, что ему не дают денег на «Союз». Наше топтание на месте явно затягивается. Угроза того, что США обгонят нас в космосе, продолжает нарастать. В этой связи мне очень не понравились высказывания Хрущева на свадьбе космонавтов о том, что США могут догнать нас в космосе. Дело не только в недостатке средств, отпускаемых правительством на освоение космоса, а, главным образом, в недостатках организации и распыленности наших усилий.

Из ЦК ДОСААФ прислали материалы о выступлении американской летчицы Жаклин Кокран. Оказывается, 15 октября, после нашего отлета из Мехико в Нью-Йорк, Кокран провела пресс-конференцию, на которой заявила: «Невозможно, чтобы обыкновенная парашютистка, каковой является русская Валентина Терешкова, могла быть запущена на орбиту, когда она даже не умеет управлять самолетом… Нет доказательств тому, что русская космонавтка действительно была запущена в космос, и, возможно, речь идет о еще одном пропагандистском трюке СССР». Однако, кроме этого злостного брюзжания, у нас есть сотни писем от американцев, которые восхищаются полетом Терешковой. Есть очень теплое письмо от Джерри Кобб — летчицы и первой американской кандидатки на полет в космос. Есть официальные документы из штата Колорадо об избрании Терешковой почетной гражданкой города и т.д. Можно было бы публично «высечь» эту Кокран — для этого имеются все возможности, — но я думаю, что нам не следует реагировать на ее жалкий писк.

На несколько минут забегал Герман Титов, в 17:00 он будет выступать в ВСНХ. Титов выглядит и чувствует себя отлично. После рождения дочери он заметно изменился к лучшему, стал несколько спокойнее, но основная характеризующая его черта - суетливость — все еще дает о себе знать на каждом шагу.

12 ноября.

Утром Главком принимал первую в нашей стране бразильскую военную делегацию. К нам приехали: бригадный генерал Арейнальдо Жоаким Рибейро де Карвальо Фильо (глава делегации), посол Бразилии в СССР Васко де Лейтас де Кунья, полковник ВВС Ари Сайон Кальдейра Бастос Фильо, капитан Элио Поэс де Баррус. С нашей стороны были Вершинин, Остроумов, Макаров, Якушин и я. Прием прошел очень хорошо, большую активность проявил полковник Ари Сайон, он интересовался структурой ВВС, взаимоотношениями с ГВФ и ВМФ и другими вопросами организации полетов на территории СССР. Генерал Карвальо сказал, что Министерству авиации Бразилии подчиняется вся авиация страны, что опыт работы советской военной и гражданской авиации существенно отличается от их опыта и они с удовольствием ознакомятся со страной и работой нашей авиации. Генерал интересовался самолетом Ту-114, а посол, который два раза летал на Ту-124, похвалил этот самолет. Вершинин на все вопросы гостей отвечал обстоятельно и очень удачно, он выразил удовлетворение тем, что первая бразильская военная делегация состоит из авиационных специалистов, и высказал надежду, что контакты между СССР и Бразилией будут крепнуть и расширяться.

В конце приема от имени советских космонавтов я вручил гостям нагрудные значки «Восток» и шутя предупредил их, что этот значок дает право на космический полет в качестве пассажира. Вершинин и все присутствующие остались довольны приемом. Кроме генерала Карвальо, среди гостей не оказалось ни одного знакомого мне человека, хотя я в 1961 году был на приеме у министра авиации, где было пять авиационных генералов и больше десяти офицеров. Это, по-видимому, объясняется тем, что после правительственного переворота в 1961 году аппарат Министерства авиации был заменен.

14 ноября.

Был вчера в ЦПК на партийном собрании слушателей-космонавтов. Доклад о работе секретаря и парторганизации сделал слушатель Артюхин, который, судя по докладу и заключительному слову, выступать умеет. В прениях выступали слушатели: Добровольский, Гуляев, Филипченко, Воробьев, Шаталов, Буйновский и Демин. Все выступления были хорошими, лучше других выступили Шаталов, Демин и Добровольский. У всех слушателей есть стремление знать больше того, что предусмотрено программой обучения, иметь больше возможностей соприкасаться с новейшей космической техникой, чаще бывать в ОКБ и других организациях, где создается новая техника. Их любознательность понятна, и ее необходимо удовлетворять и поддерживать, но в разумных пределах. Главная задача слушателей: отлично закончить программу обучения, и на этом нужно сосредоточить все их внимание и силы. Пришлось выступить и объяснить слушателям-космонавтам и сложившуюся обстановку, и задачи нашей организации в освоении космоса.

Из этого партсобрания я сделал вывод: очень плохо, что руководящий состав ЦПК ВВС и ИАКМ, командование ВВС редко встречаются со слушателями-космонавтами и мало проводят с ними бесед. Такое положение далее нетерпимо, его нужно исправлять.

15 ноября.

В ВВС проходят сборы командующих Воздушных армий и ВВС округов. Все выступления хорошо продуманы и правильно отражают состояние частей ВВС и их нужды. Главные претензии были высказаны в адрес генерала Пономарева. ВВС недостаточно строго спрашивают с промышленности за невысокую надежность техники, много катастроф и аварий из-за отказов по вине промышленности. Высказывалась серьезная критика и в адрес Главного штаба по поводу плохой заботы о запасных аэродромах и урезания штатов. Многие выступавшие высказывали пожелание вернуться к традиционной «троице»: летчик — техник - самолет. В данное время самолет обезличен: техник обслуживает два самолета, а летчик летает на любом самолете эскадрильи. Возвращение к закреплению самолета за летчиком было бы ошибкой — это резко снизит эффективность использования самолетного парка. Дорого, но, по-видимому, имело бы смысл каждый самолет закрепить за механиком, оставив в принципе коллективное техническое обслуживание самолета и его оборудования.

16 ноября.

Прибыл новый начальник ЦПК ВВС Герой Советского Союза генерал-майор авиации Кузнецов Николай Федорович. Он только что сдал командование Высшим авиационным летным училищем в Чернигове, которым командовал шесть лет. Генерал Одинцов хоть и поздно, но все же понял, какую он сотворил глупость, что не смог сработаться с коллективом космонавтов и вынужден уйти от такого интересного дела. Сегодня я представил генерала Кузнецова как нового начальника ЦПК всему офицерскому составу Центра. До 19 ноября Кузнецов будет принимать дела у Одинцова, а 20 ноября мы доложим Главкому о приеме-сдаче дел.

Я побеседовал с Кузнецовым один на один и постарался объяснить ему всю сложность его новой работы. Ему крайне необходимо завоевать авторитет у героев-космонавтов. Гагарин, Титов и другие космонавты пользуются большим авторитетом среди личного состава Центра и они легко могут повести за собой весь коллектив ЦПК, да и у высокого начальства их отзывы о новом начальнике могут иметь большой вес. Кузнецову нужно суметь сохранить роль старшего и строгого начальника и при этом не ущемить достоинство космонавтов. Они всемирно известные герои, часто встречаются с самыми высокими руководителями различных стран. Космонавты немного избалованы чрезмерным вниманием к ним. Иногда они склонны думать, что им позволено почти все, — и в то же время они наши подчиненные, которым нередко требуется хороший совет, своевременное замечание, а иногда и приказ. Но они не рядовые офицеры, к ним нужен особый подход, с ними нужно советоваться. Приказывать им и наказывать их нужно так, чтобы они сами осознавали необходимость приказа или наказания. Я много раз требовательно разговаривал с Гагариным, дважды наказывал Титова (выговор и задержка в присвоении очередного звания), настойчиво требовал устранения недостатков от Терешковой (за ее опоздания и вспыльчивость), но от этого они не стали меня меньше уважать.

После разговора с Кузнецовым я побеседовал с полковником Гагариным, напомнив ему, что он обязан помочь новому начальнику в установлении хороших, тесных контактов со всеми космонавтами и с личным составом Центра. Одновременно я сказал Гагарину, что не согласен с его письмом на имя начальника ЦПК о перегрузке космонавтов общественными мероприятиями, в котором он указывал, что на каждого из них приходится по 7-8 мероприятий в месяц, и просил резко сократить отрывы космонавтов от работы и учебы. Я разъяснил ему, что различные приемы (в Кремле, в посольствах и других учреждениях) не обязательно посещать всем космонавтам одновременно и что обязательные для них встречи и выступления мы сократим до 2-3 в месяц.

Несколько дней назад Гагарин в беседе со мной высказал предложение о назначении подполковника Беляева на должность заместителя начальника ЦПК по летной и космической подготовке. Обдумав это предложение, я не согласился с ним и предложил Гагарину самому занять эту должность. Ему крайне необходимо приобретать опыт руководителя: должность командира отряда космонавтов он освоил (в этой должности он уже более двух лет), а назначение заместителем начальника Центра даст ему возможность полнее подготовить себя к будущей роли начальника ЦПК. Гагарин обещал подумать и через 2-3 дня дать ответ. Я убежден, что эта работа по плечу Гагарину и крайне необходима для его роста как будущего руководителя большого масштаба.

18 ноября.

Третий раз смотрел кинокартину о полете Быковского и Терешковой. Выход в свет фильма очень задержался, после первого его просмотра пришлось многое переделывать, исключать и дополнять. Проделана очень большая, но не напрасная работа: картина стала лучше. Конечно, ее можно было бы сделать еще более интересной, но требования секретности и цензуры (в большинстве случаев перестраховочные) «режут» наиболее впечатляющие кадры. Рябчиков, Боголепов и другие товарищи поработали много и добились хороших результатов. Мы еще за 3-4 месяца до полета Терешковой просили разрешения ЦК КПСС начать работу над картиной, тогда нам запретили даже говорить на эту тему, и время было упущено. Картиной начали заниматься только после полета Терешковой, и много интересных кадров и сцен были безвозвратно утрачены.

Главком рассказал мне об одном интересном совещании у начальника Генштаба Бирюзова, в котором участвовали Крылов, Чуйков, Вершинин, Горшков, Судец и Епишев. Обсуждался вопрос о том, кто в МО должен заниматься и руководить космонавтикой. Совершенно неожиданно Бирюзов и Крылов высказались за передачу этих функций ВВС, Горшков и Чуйков поддержали их, а Судец и Епишев хотели как-то пристегнуть к космосу и ПВО. Бирюзов и Крылов были все время нашими противниками, из-за них мы два года потеряли на бесплодную болтовню. Сейчас появились реальные возможности объединить »военный космос» в ВВС и заняться им по-настоящему. Но на пути к правильному решению этих больших проблем будет еще много трудностей. Заместители Вершинина: Руденко, Пономарев, Миронов хотят поближе придвинуться к космическим делам и будут категорически против введения должности заместителя Главкома по космосу. Я около двух лет назад предлагал Военному Совету ВВС учредить такую должность. Тогда те же лица помешали этому, что отрицательно сказалось на решении военных задач в космосе. Маршал Руденко уже «поставил институт на новые рельсы». Решением правительства при Минздраве создается новый космический институт, и для его устройства у нашего института отбирают здания и людей. Вместо того, чтобы все объединить в ВВС, мы продолжаем распылять средства и усилия. Буду пытаться помешать этому и сделаю все возможное для концентрации в ВВС всех сил и средств по освоению космоса.

19 ноября.

Опять целый день был в ЦПК. Провел заседание комиссии, на котором обсудили и окончательно отредактировали акт о сдаче Центра генералом Одинцовым и о приеме его генералом Кузнецовым. Кузнецов в сравнении с Одинцовым выглядит робким, застенчивым и излишне скромным человеком. Он — прямая противоположность Одинцову. Я уже беспокоюсь, как бы новый начальник Центра не оказался в роли уговаривающего и заискивающего и перед начальством, и перед некоторыми своими подчиненными.

Полковник Карпов был вчера у С.П.Королева, который, по-видимому, ведет разведку: ему, конечно, интересно знать, что мы делаем и каковы наши намерения. Сергей Павлович еще раз высказался за то, чтобы очередной пилотируемый полет готовили и осуществляли ВВС. В связи с разделением научных задач между нашим институтом и институтом Министерства здравоохранения (ИМБП — Ред.) Королев предложил, чтобы все задачи отбора и подготовки космонавтов, а также управление пилотируемыми космическими кораблями остались в ВВС. Настало время энергичнее отстаивать интересы военной космонавтики и готовить конкретные мероприятия при подготовке

очередных космических полетов в целях укрепления обороны страны.

Три дня назад я беседовал с группой космонавтов, которых мы уже начали готовить к следующему полету (Беляев, Комаров, Шонин, Хрунов, Заикин, Горбатко, Волынов, Леонов). Эту группу мы сформировали 17 сентября 1963 года, за прошедшие два месяца входящие в нее космонавты больше обычного летали на самолетах и усиленно занимались физической подготовкой. Сейчас у нас еще нет конкретной программы предстоящего полета, но и не имея ее, мы обязаны начать подготовку космонавтов, иначе у нас не будет времени хорошо их подготовить.

Мы будем готовиться к наиболее трудному варианту — групповому полету на двух кораблях продолжительностью 8-10 суток. Полетное задание будет сложным: на кораблях много нового оборудования и имеются более широкие возможности для управления кораблем. Ни Академия наук, ни промышленность не проявляют инициативы в определении задач очередного полета космонавтов. Придется нам взять это на себя. Завтра начинаю «бой» за уточнение обстановки, выяснение намерений и возможностей сторон, за составление конкретных планов и программ предстоящих полетов. У Вершинина и Руденко планов, разумеется, нет — они ждут команд сверху. Мы дадим эти «команды» снизу.

20 ноября.

Вчера вечером я, как обычно, поехал на «Волге» на дачу. Было уже совершенно темно, шел сильный дождь, встречные машины слепили - ехать было очень трудно. Десятки раз приходила мысль: пора кончать с ежедневной ездой на машине, мне уже 56-й год и трудно работать по 14-15 часов в сутки. Я более 30 лет летал, уже 30 лет вожу автомашину. За все эти годы я не сделал ни одной царапины ни на самолетах, ни на автомашинах. Мне, бесспорно, везло и в работе, и в жизни, но кроме везенья у меня всегда были выдержка, организованность, отличное зрение, великолепный слух и уменье предвидеть. Кое-какие из этих моих качеств уже теряют свою былую силу: слабеют слух и зрение, пошаливает и память. Если бы можно было работать не более 7-8 часов в сутки, то я и сейчас не уступил бы многим молодым. Но мой рабочий день начинается в 6 часов утра и заканчивается в 7-9 часов вечера — это многовато.

Во вчерашней поездке на дачу ко мне подсел подполковник милиции и попросил подвезти его до Домодедова. Подполковник начал рассказывать о своем начальстве и плохих порядках в милиции, жаловался, что его выживают на пенсию в 52 года. При Сталине он занимал высокие посты в НКВД, а сейчас им командуют молокососы, его большой опыт не ценят и т.д. Меня несколько удивила его неосмотрительная откровенность, он плохо отзывался и о нашем государственном руководстве. Я был в гражданском костюме, было темно, и он не мог знать, с кем он разоткровенничался. Я спросил его: «А вы меня знаете?» — и назвал свою фамилию. Он замолк, стал извиняться и постарался быстренько смыться. Уходя, он сказал: «Похвалюсь жене, что ехал с Каманиным… Еще раз прошу меня извинить, наболело в душе, захотелось высказать все обиды…»

Сегодня в 10:30 генералы Одинцов и Кузнецов пришли доложить о сдаче и приеме командования Центром подготовки космонавтов. Я хотел пойти с ними к Главнокомандующему, но Вершинина срочно вызвал начальник Генерального штаба, пришлось ограничиться встречей с маршалом Руденко. Так закончилась моя попытка привлечь к космосу генерала Одинцова. Я пожелал ему успехов на новой работе, но у меня нет веры в их реальность. С генералом Кузнецовым я беседовал более двух часов, поставил перед ним задачи на ближайшие дни, объяснил обстановку и характер взаимоотношений ВВС со смежными организациями, рекомендовал упорно «работать на прием», советоваться с подчиненными и мной, не торопиться с принятием важных решений. Кузнецов рассказал мне о его вчерашней беседе с Германом Титовым. Титов говорил о необходимости укрепления отдела летной подготовки и, в частности, высказал пожелание космонавтов о назначении полковника Гагарина заместителем начальника ЦПК по летной и космической подготовке. Я рекомендовал Кузнецову не торопиться с решением кадровых вопросов, а ознакомиться со штатной структурой, с задачами подразделений, с людьми и через месяц, не раньше, ставить вопросы о перемещениях и назначениях людей на новые должности.

21 ноября.

Вчера поздно вечером позвонил из МИДа Чистяков и сообщил, что получена шифр-телеграмма от Михайлова, в которой он излагает просьбу Сукарно о прибытии космонавтов в Индонезию не 27 ноября, а 5 декабря (ранее он добивался их прибытия 20 ноября). Нам пока неизвестны мотивы этой просьбы, но она по меньшей мере невежлива в отношении наших космонавтов и просто нахальна в практике отношений между нашими странами. Было бы правильно совсем отказаться от поездки в Индонезию, тем самым одернув Сукарно. Хорошо зная, что космонавты после поездки в Индию, Непал и Цейлон 27 ноября собираются вылетать в Индонезию, Сукарно останавливает гостей у порога своего дома и приглашает прибыть не раньше, чем через неделю. Невежа и нахал! Я придумал четыре варианта нашего ответа на эту «просьбу» Сукарно.

1. 27 ноября космонавтам вылететь с Цейлона в Бирму, в Индонезию не летать и 30 ноября вернуться в Москву. Сукарно сообщить, что космонавты из-за большой занятости не могут посетить Индонезию в декабре.

2. 27 ноября вылететь в Москву, 3 декабря из Москвы лететь в Индонезию, а 16 декабря — в Бирму.

3. С 27 ноября до 4 декабря отдыхать на Цейлоне, а 4 декабря вылететь в Индонезию и далее — в Бирму.

4. Задержаться на Цейлоне до 1 декабря, 2-4 декабря быть в Бирме, а 5 декабря вылететь в Индонезию.

Сегодня утром я доложил Главкому эти варианты, подчеркнув, что лучшим из них считаю первый, а если первый не примут, то можно остановиться на любом другом. Вершинин сказал: «Было бы неплохо одернуть Сукарно, но это не наше дело. МИД решит, как лучше ответить на запрос Сукарно, а ВВС могут согласиться с любым вариантом».

Главком сообщил мне, что сегодня Бирюзов пришлет к нему на согласование записку о реорганизации военной космонавтики, которую Бирюзов сегодня же будет докладывать министру. Я просил Главкома активизироваться с целью выяснения плана пусков космических кораблей в 1964 году. Вершинин обещал переговорить с Л.В.Смирновым, а мне дал задание связаться с Королевым и Келдышем и готовить наши предложения о плане и программе полетов космонавтов на 1964 год. Сегодня я уже дважды разговаривал с Королевым. Сергей Павлович хорошо знает все разговоры по объединению «военного космоса» и хотел бы знать о реальных решениях. Мы договорились встретиться с ним завтра во второй половине дня.

Говорил с заместителем Громыко Н.П.Фирюбиным. Он считает, что в данное время (недавно Хрущев послал Сукарно очень теплое письмо) отказать Сукарно в приезде космонавтов нельзя. Фирюбин обещал выяснить все

обстоятельства дела, посоветоваться с послами Цейлона и Бирмы в Москве и сообщить нам свои предложения. В этой обстановке наиболее подходящими будут, по-видимому, 3-й и 4-й варианты моих решений. После долгих дебатов в МИДе решили послать Михайлову следующую шифр-телеграмму: «По утвержденному плану заграничных поездок Николаев, Быковский и Терешкова не могут прибыть в Индонезию 5 декабря, они прибудут, как намечено, 27 ноября, имея в виду, что в конце срока пребывания в Индонезии они будут иметь возможность встретиться и с президентом Сукарно». Как мне сообщил Фирюбин, просьба Сукарно мотивируется тем, что он хотел бы лично встречать космонавтов, но он может это сделать только 5 декабря. Хотя эта формулировка и выгораживает Сукарно, но все же она не может оправдать нетактичность его просьбы.

22 ноября.

Утром позвонил С.П.Королев и попросил перенести нашу встречу на завтра. Звонил из ЦК А.П.Усков и сообщил о большой неприятности: в ЦК поступило письмо от одного из офицеров, служащих на полигоне Тюра-Там. В письме приводятся неопровержимые факты недостойного поведения Германа Титова. У нас нет оснований сомневаться в правдивости этого письма. Наоборот, есть все основания думать, что в письме изложена сущая правда. Был случай (после старта Терешковой), когда Герман не ночевал в общежитии и явился на службу со значительным опозданием и еще не протрезвившимся. За этот проступок я предлагал маршалу Руденко немедленно отправить Титова в Москву, разобрать его поведение и хорошенько наказать. Руденко сначала согласился со мной, но через час отменил свое решение. Он сделал это под давлением Королева, Строганова (представитель ЦК на полигоне) и председателя Госкомиссии по пуску генерала Тюлина. Эти товарищи знали, что Титова втянули в пьянку видные работники полигона и промышленности (инженер-полковник Кириллов, ведущий инженер «Востока» Фролов и другие), они не хотели широкой огласки этого происшествия и сумели замять его. Вскоре после возвращения космонавтов с полигона был поставлен вопрос о замене Одинцова. Одинцов не стал продолжать расследование «дела» Титова, а я, находясь в отпуске и в длительных (более месяца) заграничных поездках, не мог проследить за развитием этих событий. Дело с письмом необходимо будет разобрать в партийной организации ЦПК, а Титова строго наказать. Вчера я отпустил его в Ленинград на празднование 25-летия полка, в котором он служил. Там он встретится с Кожедубом, Иван Никитич тоже «не дурак выпить», и Титов может снова начудить. Придется позвонить генерал-полковнику Давидкову и попросить его присмотреть за этими «орлами».

У меня был генерал Бабийчук и просил поддержать его перед Главкомом в вопросе о назначении нового начальника Института авиационной и космической медицины. Бабийчук выступает категорически против генерал-лейтенанта Волынкина, а маршал Руденко и я считаем возможным оставить Волынкина на занимаемой должности, назначив его заместителями Газенко и Карпова. Сам Бабийчук слаб как руководитель, и он один из главных виновников склоки в институте. Я дал ему это понять и не обещал помощи против Волынкина. Бабийчук все время делал вид, что он мой союзник, а теперь и он перейдет в стан моих противников. В ВВС сейчас за меня только Вершинин и Рытов, а против — Руденко, Брайко, Пономарев, Миронов и еще более десятка генералов. При первом моем провале или уходе Вершинина мне придется расплачиваться за независимый вид и хорошие отношения с Главкомом.

23 ноября.

Сегодняшние газеты принесли трагическую весть — убит президент США Джон Кеннеди. Его убили несколькими выстрелами из окна здания, мимо которого он проезжал в открытой машине. Крайне правые все время были недовольны реалистической политикой президента Кеннеди и пошли на крайние меры, чтобы устранить его. Для нас, да и для всего мира — это большое несчастье. Сейчас есть все основания опасаться, что политика США заметно отклонится вправо.

Более часа беседовал с маршалом Руденко о перспективах космонавтики, о планах на ближайшее время, о наших взаимоотношениях с видами Вооруженных Сил и с промышленностью. Из беседы я сделал вывод, что Руденко не знает реальной обстановки, не делает попыток разобраться в сложной ситуации и по собственной инициативе не будет предпринимать никаких активных действий в защиту интересов ВВС в космосе. Он даже не знает, что до сих пор нет решения Правительства по «Союзу», он слепо верит обещаниям Королева, что «Союз» в 1964 году обязательно полетит. Как мы были правы, когда еще в 1961 году начали настаивать на продолжении работ с «Востоками». Американцы торопятся с проектом «Джемини» (двухместный маневрирующий корабль), и в 1964 году есть вероятность, что он будет летать. Мы могли бы запустить трехместный космический корабль раньше США, но из-за ведомственных споров упустили и продолжаем упускать время, и сейчас более, чем когда-либо раньше, налицо опасность нашего отставания. Американская ракета «Сатурн» и космические корабли «Джемини» и «Аполлон» станут теми «конями», на которых американцы могут нас обскакать.

25 ноября.

Сегодня был в ОКБ-1 у Сергея Павловича Королева. Один на один мы беседовали около двух часов. Сергей Павлович переключил все телефоны на секретаря и сказал ей: «Говорите всем, что я вышел». Я рассказал Королеву о моей последней беседе с Вершининым, о готовности Бирюзова передать ВВС «весь космос», о проектах докладов Малиновскому, которые Генштаб с нами согласовывает. Сергей Павлович сказал, что по этим вопросам он говорил с Крыловым, Вершининым, Судцом и Бирюзовым, что позиции Главкомов и их разногласия он знает. Королев несколько раз подтвердил, что он твердо стоит и будет стоять за передачу всего космоса ВВС. Он уверен, что ВВС, располагающие богатой научно-исследовательской базой, опытом и кадрами, сумеют лучше любого вида Вооруженных Сил руководить освоением космоса. Королев вспомнил недобрым словом Хруничева и Жигарева, которые два десятка лет тому назад отказались заниматься ракетами, после чего ракетная техника была передана артиллеристам: «Двадцать лет мы мучаемся с артиллеристами…»

Правда, за эти годы создано многое, и мы многого добились. В конце концов и авиационная промышленность включилась в развитие ракетной техники, и надо признать, что авиационные предприятия и учреждения очень хорошо работают над ракетами. Сейчас в промышленности ракетами занимается Комитет по оборонной технике, Комитет авиатехники, Комитет радиоэлектроники и другие комитеты. Королев напомнил, что, когда весной 1962 года он предложил создать Комитет по ракетной и космической технике, была создана комиссия при ЦК КПСС, которая доложила Хрущеву, что предложение в принципе правильное, но рановато создавать такой комитет… Сергей

Павлович сказал, что Зверев и Смирнов считают его «пятой колонной», и пояснил: «Я за объединение космоса и в промышленности, и в Министерстве обороны, но пробить такое объединение будет очень трудно. В промышленности против нас будут Зверев, Смирнов, Руднев, Устинов — попробуй пробей эту стенку… А ваших военных противников вы лучше меня знаете». Мы договорились, что при встречах в ЦК и правительстве будем отстаивать нашу общую позицию.

Сергей Павлович выразил надежду, что решение по «Союзу» состоится еще до 1 декабря. На 1964 год для строительства 4 кораблей «Союз» требуется 80 миллионов рублей, но пока отпущено только 30; Зверев и Смирнов обещают добиться дополнительных ассигнований. Сергей Павлович несколько раз повторил, что в 1964 году корабль 7К будет в космосе, а в конце года, возможно, будет выведен на орбиту и весь комплекс «Союз». «Пробных стыковок делать не будем — это очень дорого», — заявил Сергей Павлович. С этим утверждением Королева я не согласился: пробные 2-3 стыковки обязательно нужны - такой путь наверняка окажется и надежнее, и дешевле. Сергей Павлович и сам бы не возражал против опытных стыковок, но на него давят финансисты. Потом мы обсудили ситуацию со строительством кораблей «Восток». Договорились о том, что кроме уже строящихся четырех «Востоков» необходимо на будущий год заказать еще столько же, и решили немедленно начать и в декабре закончить отработку заданий на полеты космонавтов в 1964 году. Сергей Павлович высказал пожелание готовить экипажи для «Союза», для облета Луны и особенно рекомендовал заняться подготовкой космических штурманов. В этом я полностью согласен с Королевым. Мы уже в 1962 году начали изучать проблемы космической навигации в академии Жуковского и на штурманском факультете академии в Монино. Сейчас настало время подбора и подготовки небольшой группы космических штурманов. В конце нашей беседы Королев подтвердил, что больше не будет лично руководить пусками пилотируемых кораблей, о чем он говорил уже несколько раз, а впервые — сразу после получения известия о благополучной посадке Терешковой: «Берите это на себя, Николай Петрович. Космонавты ваши, знающих людей у вас много — вот и руководите космическими полетами, а я буду помогать вам советами из Москвы».

На этот раз наша беседа прошла хорошо, мы намеренно не затрагивали вопросов, которые поставили бы нас друг против друга (тренажеры, оборудование кораблей и элементы боевого применения). Но эти вопросы мы еще будем обсуждать, и еще не один раз нам придется иметь и не такие приятные встречи. Сергей Павлович был очень любезен и проводил меня до машины.

26 ноября.

Вчера с 14 до 21 часа походило отчетно-выборное собрание в ЦПК ВВС. Из ЦК был Миронов, от парткома ВВС — Миролюбов, ИАКМ представляли Клоков и Яздовский. В прениях по докладу Новикова выступили 16 человек. Лучше других выступили Ильченко, Миролюбов и Гагарин, в ряде выступлений отмечалась бездеятельность и пассивность заместителя начальника политотдела Центра полковника Трофимова. Я говорил об итогах космических полетов (эксперимент на выживание человека в космосе) и о задачах предстоящих полетов (эксперименты в интересах науки, обороны и дальнейшего освоения космоса). Избрали новый партком (11 человек), в состав обновленного на 60 процентов парткома вошел Гагарин, секретарем переизбрали майора Новикова.

Сегодня в 15 часов начался партийный актив ВВС, слушали и обсуждали доклад о работе с кадрами; по этому вопросу выступил генерал-полковник Рытов. Постановление Президиума ЦК КПСС от 3 октября о работе с военными кадрами требует усилить воспитательную работу в армии, лучше готовить высокообразованных военных специалистов, глубоко преданных партии и стране. В Постановлении высказано пожелание укрепить и омолодить кадры, освободиться от стариков, больных и слабоподготовленных. Рекомендуется смелее выдвигать молодые кадры, умело сочетая их выдвижение с сохранением старых — из числа опытных и наиболее ценных специалистов. В прениях выступили 12 человек, последним выступил К.А.Вершинин и ответил почти на все вопросы выступавших в прениях. Он подчеркнул, что авиационная техника непрерывно и быстро совершенствуется, что авиация и космонавтика — это единое целое, и мы должны умело готовить кадры для успешного управления техникой сегодняшнего и завтрашнего дня.

27 ноября.

Только что узнал очень неприятное для меня решение министра обороны. На записке начальника Генерального штаба с предложением объединить руководство космонавтикой в ВВС Малиновский написал: »Оставить все так, как есть». Я никогда не восхищался способностями нашего министра, но такой его тупости я даже не предполагал. У него под носом два года продолжается бесплодная и очень вредная конкуренция между видами Вооруженных Сил за право возглавить руководство освоением космоса. Когда каждый Главком «тянул» космос к себе, может быть, министру было и затруднительно отдать предпочтение кому-либо из них, но сейчас, когда четыре Главкома из пяти и Генеральный штаб, во главе с Бирюзовым, пришли к соглашению и высказались в пользу ВВС — отказ министра утвердить эти разумные предложения можно квалифицировать только как глупость и неумение видеть дальше собственного носа.

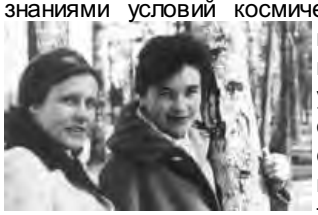
Итак, дела с космосом не улучшаются. Вершинин и Руденко не в состоянии бороться с министром и никогда не поднимутся против него. А дело освоения космоса явно страдает; мы отстаем от американцев, и скоро это отставание станет очевидным для всех. Помочь делу могло бы только решительное вмешательство ЦК и лично Н.С.Хрущева. Добраться до Хрущева могли бы космонавты, но их обращение к нему вызовет такую бурю, в которой и космонавты и, в первую очередь, я получим много шишек, причем все это может оказаться совершенно бесполезным.

Сегодня провели первое совещание заинтересованных организаций ВВС по подготовке программы предстоящего космического полета. На совещании наметили основные пункты программы, завтра весь день буду работать над этой программой, а в пятницу поеду в Центр и посоветуюсь с космонавтами. Вчера генерал Иоффе (начальник ЦНИИ-30 — Ред.) доложил мне, что у него на днях будет готов тренажер по стыковке. На следующей неделе нужно будет съездить в Ногинск, посмотреть этот тренажер и одновременно попытаться ускорить усовершенствование других тренажеров.

28 ноября.

Внимательно перечитал бортжурналы Быковского и Терешковой. Судя по всему, Быковский будет отличным кандидатом для полетов вокруг Луны и на Луну. Терешкова в полете заметно утомлялась, мало ела и много спала, ее работоспособность была не выше удовлетворительной. За границей мне много раз задавали вопрос: «Почему для первого космического полета женщины выбрали именно Терешкову?» Я всегда отвечал примерно так: «Потому что

Терешкова обладает суммой качеств и достоинств, необходимых для выполнения полета: здоровьем, сильным характером, смелостью, упорством, настойчивостью, готовностью ради большого дела идти на риск, хорошими знаниями условий космического полета и подготовленностью перенести все связанные с ним перегрузки и неудобства». Но там я говорил не то, что думал и знал по этому вопросу. Для первого полета лучше Терешковой были подготовлены Соловьева и Пономарева. Я глубоко убежден, что в будущих полетах они докажут свои преимущества перед Терешковой, но ни одна из них никогда не сможет сравниться с ней в умении влиять на толпы людей, в способности вызывать к себе горячие симпатии народа, в подготовленности хорошо выступить перед любой аудиторией. Эти качества Терешковой и определили выбор первой женщины-космонавта. Терешкова провела уже сотни выступлений и десятки пресс-конференций, побывала в 12 странах, и везде блестяще справлялась со своей ролью. У нее, конечно, были и ошибки, выявились и недостатки, которые до полета не проявлялись (вспыльчивость, озлобление, поспешность в принятии решений). Она недостаточно подготовлена для роли «королевы Вселенной», но время идет, люди меняются - изменится и «Чайка». Есть все основания опасаться, что во многом она может измениться не в лучшую сторону; человек в ее положении подвергается сильному воздействию различных влияний, не всегда эти влияния полезны и хороши, а разобраться в них иногда бывает очень непросто.



30 ноября.

Я и генерал Холодков более двух часов беседовали вчера с маршалом Руденко о наших космических делах. Мы рассмотрели проекты программы очередных полетов «Востоков». На 1964 год намечается 4 полета: первый полет - с собакой и другими животными на борту (высота орбиты 600 километров, продолжительность полета 10 суток), затем одиночный полет космонавта продолжительностью до 8 суток и, наконец, групповой полет двух «Востоков» с космонавтами на борту продолжительностью до 10 суток. Высота орбит для полетов космонавтов будет уточнена после полета животных. Предусматриваются значительные изменения в оборудовании корабля с целью проведения космонавтами целого ряда научных и исследовательских военных экспериментов. Кроме полетов «Востоков» в конце 1964 года, по мнению Королева, возможен и полет «Союза» (я, правда, не уверен в этом), поэтому нам необходимо подготовить экипажи не только для «Востоков», но и для 2-3 «Союзов». Для облета Луны и полетов на Луну потребуются хорошо подготовленные космонавты-штурманы. В декабре нам нужно будет сформировать в ЦПК учебную группу космонавтов-штурманов (3-4 штурмана, 1-2 математика, 2-3 астронома).

Потом мы долго обсуждали вопросы взаимоотношений между нашим космическим институтом и институтом Министерства здравоохранения. Я всегда был против создания этого нового института, но в результате ошибочной позиции маршала Руденко он был создан. Я высказался за согласованное распределение задач между институтами, а Руденко — за то, чтобы эти задачи определились практикой работ в ближайшие 2-3 года. По мнению Руденко, новый институт должен будет заниматься «большой (далекой) космической наукой», а наш - выработкой ТТЗ, испытаниями и медико-биологической подготовкой космонавтов. Меня беспокоит перспектива непрерывной драки между двумя институтами. Мы не договорились с маршалом по этим вопросам и решили еще раз вернуться к ним.

Вчера я около двух часов беседовал в ЦК с Усковым и Мироновым. Они будут в течение 10 дней проверять воспитательную работу в ЦПК ВВС. Я подробно рассказал им о положении в Центре, структуре и кадрах ЦПК, о наших ошибках и недостатках. Дал я и развернутые характеристики Гагарина, Титова, Николаева, Поповича, Быковского и Терешковой, рассказал о быстром, очень заметном росте этой шестерки, о колоссальной пропагандистской работе, которую выполняют они как на родине, так и за границей. Не утаил я и недостатков наших космонавтов: они есть у каждого из них, с каждым необходимо внимательно и настойчиво работать, воспитывать, учить, инструктировать. Мы многое делаем в этом плане, но далеко не все, что нужно. Серьезные недостатки проявились у Титова и Терешковой. Оба они очень способны, но и ошибок у них больше, чем у других космонавтов. С Титовым и Терешковой придется еще много повозиться.

4 декабря.

Весь вчерашний день провел в ЦПК. Подробно рассказал Кузнецову и Трофимову о том, что нужно сделать в ближайшие дни в целях улучшения подготовки космонавтов к предстоящим космическим полетам, а именно: назначить экипажи на три «Востока» и три «Союза», составить для них программы подготовки и выделить тренеров.

В эти дни в Центре работает комиссия ЦК (Усков, Миронов), которая проверяет состояние воспитательной работы в ЦПК. Вчера я долго беседовал с Титовым, предварительно дав ему прочитать поступившее в ЦК КПСС письмо с жалобой на него. Я предупредил Германа, что положение у него незавидное, что сейчас многое зависит от того, как он отчитается за все свои старые грехи, и рекомендовал ему откровенно признать все свои ошибки и промахи, дать им трезвую оценку и сделать для себя выводы на будущее. Герман на трех листах написал объяснительную записку, в которой признал, что на полигоне в ряде случаев вел себя недостойно. Титов устно и письменно обещал мне, что за ним больше не будет никаких замечаний, но у меня нет полной уверенности, что так и будет. Придется его строго наказать (понизить в должности).

Говорил с полковником Карповым о его переходе на должность первого заместителя начальника Института авиационной и космической медицины. Карпов доволен этим назначением, но делает вид, что ему очень тяжело отрываться от ЦПК. Он настоятельно просил меня предоставить ему возможность и дальше (уже в новой роли) активно заниматься подготовкой космонавтов и обеспечением космических полетов. Сейчас ИАКМ и ЦПК готовят предложения по объединению специалистов авиационной медицины в филиале ИАКМ, территориально расположенного рядом с Центром подготовки космонавтов.

6 декабря.

Сегодня утром по телефону сообщили о смерти Георгия Ушакова — соратника Шмидта по северным путешествиям, — с которым я познакомился в 1934 году. Ушел из жизни еще один крупный исследователь Севера и товарищ по славным делам в дни челюскинской эпопеи. Между прочим, я сегодня написал ответ ребятам из 1150-й школы. Они пишут, что в 1964 году собираются отметить 30-летие челюскинской эпопеи и просят сообщить им адреса челюскинцев и летчиков, которые их спасали. Как быстро пролетели тридцать лет!

Заходил секретарь парткома ЦПК Новиков, просил разрешения 14 декабря отпраздновать в Центре вторую космическую свадьбу: космонавтка Жанна Еркина выходит замуж за старшего техника-лейтенанта Валерия Сергейчика. Они хотели бы пригласить на свадьбу более 150 человек, но я рекомендовал справить ее поскромнее. А завтра Татьяна Кузнецова идет в загс расписываться с капитаном Пицхелаури, с отцом которого - Владимиром Пицхелаури — я вместе учился в Ленинграде и Борисоглебске в 1927-1929 годах.

7 декабря.

Беседовал с маршалом Руденко и генерал-полковником Рытовым. Оба они согласились с назначением трех экипажей для «Востоков» и трех для «Союзов» и подтвердили необходимость дальнейшего штатного укрепления ЦПК, введения должностей тренеров экипажей и набора группы космонавтов-штурманов. Долго обсуждали вопрос о дальнейшем использовании по службе Гагарина, Титова, Николаева, Поповича и Быковского. Руденко считает, что их нужно заставить учиться в академии Жуковского с полным отрывом от работы в ЦПК на время учебы. Я настаивал на том, чтобы они в первую очередь работали в Центре в качестве инструкторов-космонавтов и по совместительству учились в академии по специальной программе. Рытов в этом споре поддержал меня. Все космонавты также согласились с моими предложениями, заявив, что хотят прежде всего участвовать в подготовке новых космических полетов.

Заходил генерал-лейтенант Иоффе и доложил, что к 25 декабря у него в институте будет полностью закончен тренажер по стыковке. Судя по его докладу и докладам группы инженеров из Центра (бригада Ванькова), тренажер будет хорошим. На нем можно будет не только тренировать экипажи, но и проводить некоторые исследования в интересах ОКБ-1 для отработки проекта «Союз».

Терешкова, Николаев и Быковский заканчивают поездку по Индонезии и завтра полетят в Бирму. Из ЦК КПСС уже несколько раз звонили и требовали проект плана заграничных поездок космонавтов на первую половину 1964 года. Я отказался давать какие-либо предложения по плану до возвращения Терешковой — необходимо с ней посоветоваться, так как основная тяжесть предстоящих поездок ляжет на нее.

9 декабря.

Сегодня у меня на приеме были Береговой, Сидоренко и Катыс. Береговой — полковник, Герой Советского Союза (воевал у меня в корпусе), летчик-испытатель 1-го класса. Сидоренко — подполковник, заместитель командира полка, летчик 1-го класса. Катыс - гражданский, доктор технических наук, специалист по автоматизации. Каждому из них более 35 лет, год назад они прошли все отборочные комиссии и не были приняты в число слушателей-космонавтов только из-за возраста. У Руденко появилась идея: создать небольшую группу из людей с большим практическим опытом, дать им возможность выполнить по одному космическому полету и использовать их в дальнейшем на руководящей работе в Центре подготовки космонавтов. Я ничего не имею против осуществления этой идеи, но только при условии, что мы не будем делать ничего такого, что могло бы обидеть космонавтов первого набора. Руденко сказал: «Таких, как Береговой, нужно пускать в полет первыми». Я ценю Берегового, но я категорически против того, чтобы послать его в полет первым. У нас есть подготовленные космонавты: Волынов, Комаров, Леонов и другие, которые уже больше двух лет ждут своей очереди на полет. Внеочередное назначение в полет «молодого старичка» на «Востоке» вызовет бурю протестов у «старых молокососов», которые, если уж говорить по существу, лучше любого другого подготовлены к полетам на этом корабле. «Старички» могут быть очень полезными в составе экипажей «Союзов», либо как специалисты, либо как лидеры, цементирующие коллектив.

12 декабря.

Позавчера в ЦПК разбирался со штатами Центра и института. Все работники Центра (Кузнецов, Трофимов, Масленников, Гагарин и Ковалев) высказались против объединения медперсонала ЦПК и ИАКМ. Откровенно говоря, я согласен с мнением работников Центра, но пока никому не говорил об этом из тактических соображений. Сегодня

утром этот вопрос передо мной поставил Главком (вчера у него был Гагарин). Вершинин высказал опасение: «Сейчас нашему институту численности не прибавят, а Центр мы сами урежем и можем оказаться на бобах». Я не стал объяснять Главкому все тонкости «идей» Руденко, но постарался укрепить его во мнении, что предлагаемая реорганизация - шаг назад, отступление к худшему.

Сегодня в 9:30 на самолете Ил-18 Терешкова, Николаев и Быковский возвратились в Москву из длительной поездки по странам Юго-Восточной Азии (Индия, Цейлон, Непал, Индонезия, Бирма). Генерал Горегляд доложил, что Николаев и Быковский перенесли поездку хорошо, а Терешкова сильно переутомилась и ей необходим отдых. Для начала вместо отдыха маршал Малиновский приказал сегодня всей шестерке космонавтов быть на приеме в чехословацком посольстве.

13 декабря.

Провел заседание мандатной комиссии по отбору кандидатов в группу слушателей-космонавтов. На заседании присутствовали генералы: Кувенев, Бабийчук, Лавский, Кузнецов, Терский, Холодков, Горегляд, Чугунов; полковники: Гагарин, Карпов, Аристов, Трофимов. Обсуждали целесообразность приема в число слушателей-космонавтов полковника Берегового и подполковника Сидоренко. Береговому 43 года, а Сидоренко 39 лет, оба имеют высшее образование, отличные аттестации и хорошее здоровье. Вопрос обсудили обстоятельно, высказались все члены комиссии. Решили считать нецелесообразным прием Берегового и Сидоренко в число слушателей-космонавтов. Главные мотивы такого решения следующие:

1) возраст кандидатов на 5-8 лет больше предельного, установленного решением ЦК КПСС;

2) здоровье кандидатов в ходе ускоренной подготовки может пострадать, и тогда мы лишимся хороших летчиков, не получив космонавтов;

3) в ЦПК имеется достаточное количество космонавтов и слушателей-космонавтов, достойных продвижения и по опыту работы почти равных Сидоренко и Береговому;

4) ускоренная подготовка и внеочередное назначение в полет породят много нареканий со стороны космонавтов и слушателей-космонавтов и подорвут у них веру в научную обоснованность учебного процесса в Центре.

Лавский, Терский и Чугунов в своих выступлениях подчеркнули необходимость готовить и выдвигать на руководящие должности уже побывавших в космосе товарищей. Такие предложения придутся не по вкусу маршалу Руденко. Он вновь обозлится на меня, но я не проводил и не буду проводить в жизнь его необдуманные решения.

16 декабря.

14 декабря (в субботу) в ЦПК провели еще одну свадьбу: Жанна Еркина вышла замуж за Валерия Сергейчика. Все прошло очень скромно и хорошо, народу было человек 80. Были почти все космонавты и слушатели-космонавты, в том числе Гагарин, Поповичи, Терешкова и Николаев. По непонятным причинам отсутствовали Титовы и Быковские, не было на свадьбе и Соловьевой, она в Ташкенте на сборах парашютистов. Из пятерки женщин-космонавтов при поступлении в Центр замужней была только Пономарева, а сейчас все пятеро уже замужем. Было сложно готовить к космическому полету девушек, еще сложнее будет готовить женщин. С очередным женским полетом мы торопиться не будем. Второй полет советской женщины в космос может состояться не раньше 1965-1966 годов, и полетит она не одна, а как член экипажа многоместного космического корабля или как пассажир.

В субботу разговаривали с Николаевым и Терешковой, обсудили ряд вопросов, касающихся итогов поездки, плана предстоящих заграничных поездок, учебы, быта и т.д. По моему совету Валя и Андриян приняли твердое решение отказаться от московской квартиры (подарок Хрущева в день свадьбы). Эта квартира могла для них обратиться в тяжелую обузу, так как в ближайшие 4-5 лет они будут самым тесным образом связаны с районом Чкаловской, где у них есть хорошая четырехкомнатная квартира. Валя после поездки выглядит очень плохо: сказываются усталость, плохое питание, беременность и длительное нервное напряжение. Я посоветовал ей хорошо отдохнуть и не торопиться с новыми заграничными поездками. Поездка в Гану запланирована на 10 января 1964 года.

Только что звонил Сергей Павлович Королев, он проявляет большую активность по поводу празднования 40-летия советского планеризма и просит, чтобы сегодня в гостиницу «Юность» приехали на торжества Гагарин и Быковский. Королев высказал также пожелание, чтобы ВВС »нажали» на Смирнова и Пашкова (ВПК Совмина) с целью ускорить включение в план 1964 года строительство еще четырех «Востоков». Через 10 минут после разговора с Королевым позвонил из Совмина Ивановский и просил не настаивать на заказах «Востоков» на 1964 год. Ивановский утверждает, что сроки изготовления кораблей 7К, записанные в решении ВПК от 4 декабря 1963 года, вполне реальны (первый корабль — в августе 1964 года, второй и третий — в сентябре 1964 года). Таким образом, ОКБ-1 до сентября 1964 года решениями Правительства обязано построить 7 космических кораблей: 4 «Востока» и 3 корабля 7К. Ивановский считает, что большего Королев и, главным образом, его смежники (Калмыков, Алексеев, Воронин) сделать не смогут и заказ неизбежно перейдет на 1965 год, когда серией пойдет «Союз» и «Востоки» могут оказаться ненужными. Вероятно, Ивановский прав, а Королев отстаивает интересы своего ОКБ-1 и завода. Нам необходимо в ближайшие дни решить: настаивать ли на постройке новой серии «Востоков» или отказаться от них и ориентироваться на 7К и «Союзы».

Сегодня за обедом в генеральской столовой вновь заговорили о возможной скорой смене руководства в МО и ВВС. Уход Малиновского будет благом для обороны страны, а перемещение Вершинина ничего хорошего для авиации не предвещает. Сейчас в ВВС нет кандидата, который был бы способен полностью заменить Вершинина. Преемниками Вершинина могут быть Судец, Савицкий, Зимин и Руденко. Первые три принесут только неприятности, но думаю, что и Руденко не намного лучше этой троицы. Предстоят большие перемены. Остается лишь надеяться, что дело не пострадает от перетасовки руководителей.

17 декабря.

Вчера в гостинице «Юность» состоялось торжественное собрание по случаю 40-летия планерного спорта. Доклад сделала Маргарита Раценская. В президиуме и в зале были десятки славных планеристов, конструкторов, летчиков: Королев, Антонов, Коккинаки, Юмашев, Масалов, Гагарин, Быковский, Анохин, Ильченко, Анощенко, Бурге, Фадеев, Пьецух и многие, многие другие. Быковский приветствовал собрание от имени космонавтов, а я — от ВВС. На собрании я встретился с бывшим моим начальником Миновым, полковником в отставке, активистом ДОСААФ. В 1928-

1929 годах он был командиром учебной эскадрильи в Борисоглебской школе, а я был в его эскадрилье курсантом-летчиком. Вспомнили мы и летчика Дорфмана, бывшего в то время командиром звена. Минов сказал: «Вы помните, это Дорфман разбил самолет и погубил Баранова (начальник ВВС в 1924-1933 годах — Ред.). А я рекомендовал Дорфмана Баранову как лучшего летчика, умеющего летать вслепую».

Королев и Цыбин в разговоре со мной высказали желание поддержать предложение конструктора Щербакова о подъеме планеров на большие высоты с помощью ракет. Щербаков уже несколько лет добивается реализации своего предложения, был он и у меня. ВВС поддерживают его идею, но Дементьев не горит желанием ее осуществить. Придется попробовать раскачать бюрократов и довести дело до конца.

18 декабря.

Получил 69 медалей и грамот из Академии наук СССР. Настольной памятной медалью о первом полете человека в космос награждены только 75 военных, в том числе: Малиновский, Бирюзов, Вершинин, Семенов, Мрыкин, Каманин, Яздовский, Карпов, Холодков, Горегляд, все космонавты и человек 20 ракетчиков. По ошибке в списке награжденных нет фамилий космонавта Шонина и полковника Аристова, я им вручил медали вместо Нелюбова и Филатьева. Все остальные медали передал Мрыкину, Кузнецову и Рудному для вручения их по назначению.

Сегодня у меня был из Генштаба подполковник Станислав Язвинский и рассказал о планах создания ЦУКОС - Центрального управления по космосу. Оно будет подчиняться министру и Крылову как заместителю министра и объединять службы Керимова, Карася, Щеулова и Мозжорина. Подготовка космонавтов и поиск спускаемых аппаратов пока остаются за ВВС. Министр на проекте создания ЦУКОС написал: «Этого нам хватит до появления ракетопланов». Это плохой проект: он не устраняет соперничества между видами Вооруженных Сил и не координирует усилий по освоению космоса. Самым лучшим вариантом было бы объединение всей космонавтики в ВВС, в крайнем случае можно было бы согласиться с ее объединением при министре. Дорого, медленно и не так, как нужно и как могли бы, будем мы обживать космос…

19 декабря.

Вчера уговорил В.В.Кузнецова (из МИДа) и Главкома подписать письмо в ЦК КПСС о поездке Терешковой в Гану не 10, а 20 января. Говорил с Вершининым, Рытовым и Руденко о необходимости выдвижения Гагарина на должность заместителя начальника ЦПК по летно-космической подготовке, а Николаева - на должность командира отряда космонавтов. Первые двое почти согласились с моим предложением, а Руденко уклонился от высказывания определенного мнения. Придется еще раз атаковать эту «кучку стариков», чтобы добиться выдвижения молодых.

Вчера вечером гулял с Олей по Москве, мы прошлись до бассейна на Кропоткинской, прокатились в метро до станции «Дзержинская» и обратно. Оля была очень довольна прогулкой. Она уже пытается острить и подкусывать старших. Вчера, например, отвечая на какой-то ее вопрос, я сказал: «Оставил на службе». Оля спросила: «А ты, деда, там как собачка служишь?» Я от неожиданности даже не понял, о чем она говорит. Но Оля дала исчерпывающее пояснение: «Когда мы хотим, чтобы собака служила, то даем ей сахар. Так и у вас?» Я рассмеялся, но вынужден был подтвердить: «Да, кажется, и у нас так же».

21 декабря.

Весь вчерашний день был на партийной конференции ВВС, на которой избрали новый партком. Вчера же Главком подписал приказ о назначении Гагарина заместителем начальника Центра, а Николаева — командиром отряда космонавтов. Несколько месяцев я доказывал необходимость такого перемещения, больше всех ему противился маршал Руденко, но вчера и он капитулировал. Я верю, что это продвижение Гагарина и Николаева пойдет на пользу делу и будет большим стимулом для всех космонавтов.

Сегодня с 9 часов утра был в ЦПК на собрании отряда космонавтов. Заслушали краткий доклад Гагарина о недостатках в поведении некоторых космонавтов. Выступили Титов и Николаев, оба признали наличие ошибок и недостатков и обещали, что в дальнейшем они их не допустят. Пришлось выступить и мне, чтобы, пристыдив Титова, упомянуть ошибки и других космонавтов (опоздания и нарушения правил уличного движения). Я объявил о назначении Гагарина заместителем начальника Центра по летно-космической подготовке, а Николаева — командиром отряда космонавтов.

После собрания говорил с Терешковой, она просила не планировать ей зарубежные поездки в период с апреля по сентябрь 1964 года: Валя дала понять, что в июле-августе будет рожать…

Список иллюстраций

До старта осталось 46 часов...

Там, где приземлился первый космонавт планеты

«Опять журналисты... Как бы от них избавиться?»

14 апреля 1961 года, борт самолёта Ил-18.

Чувство юмора не изменяло Гагарину никогда.

Встреча на аэродроме Внуково

Юра и Валя Гагарины — гости Сергея Павловича и Нины Ивановны Королёвых.

Деловые разговоры между Н.П. Каманиным, С.П. Королёвым и В.И. Яздовским продолжались и на берегу Чёрного моря.

Герман Титов и Юрий Гагарин в гостях у моряков Севастополя.

Главному маршалу авиации К. А. Вершинину интересны все подробности второго космического полёта

Прогулка по Дунаю.

Будапешт, август 1961 года.

Первый снимок Ю. А. Гагарина после пластической операции на левой брови

Первая зарубежная поездка.

Прага, 28 апреля 1961 года.

Напутствие от дядюшки Хо.

На митинге в Дели

Аудиенция у короля Афганистана

Встреча Главного конструктора ракетно-космических систем с космонавтами первого отряда. Сочи, май 1961года.

Слева направо: первый ряд: П.Р.Попович, В.В.Горбатко, сотрудник КГБ М.С.Титов, С.П.Королев, Ю.А.Гагарин, начальник ЦПК Е.А.Карпов, тренер по парашютной подготовке Н. К. Никитин, врач Е. А. Федоров;

Второй ряд: А.А. Леонов, А.Г. Николаев, М.З. Рафиков, Д. А.Заикин, Б. В. Волынов, Г.С. Титов, Г. Г. Нелюбов, В. Ф. Быковский, Г. С. Шонин.

Третий ряд: В.И. Филатьев, Е.В.Хрунов, И. Н.Аникеев, П. И.Беляев.

Павел Попович и на отдыхе не расстаётся с кинокамерой

Теперь никакой ливень не страшен

С друзьями юности

Первые шаги Галочки Гагариной

С внучкой Олей

Письмо С.П.Королёва

Валерий Быковский на занятиях в академии имени Н.Е.Жуковского.

Встреча с коллективом ОКБ В.П.Глушко 9 мая 1963 года.

Валентина Пономарёва и Ирина Соловьёва не теряют надежды побывать в космосе.

И такие тренировки необходимы.

Урок астрономии

После вручения высокой награды.

Валентина Терешкова благодарит пражан за радушную встречу.

Главные торжества первой «космической» свадьбы состоялись в Доме приёмов на Ленинских горах. Слева направо: К.А.Вершинин, А.Г.Николаев, В.В.Терешкова, Р.Я.Малиновский и Р.Я.Малиновская.

На земных орбитах

Трудный разговор о дисциплине

Воскресный день на даче, но это не повод, чтобы не записать несколько строк в дневник.

До старта оставалось 46 часов...

Там, где приземлился первый космонавт планеты.

«Опять журналисты... Как бы от них избавиться?»

14 апреля 1961 года,
борт самолёта
Ил-18.

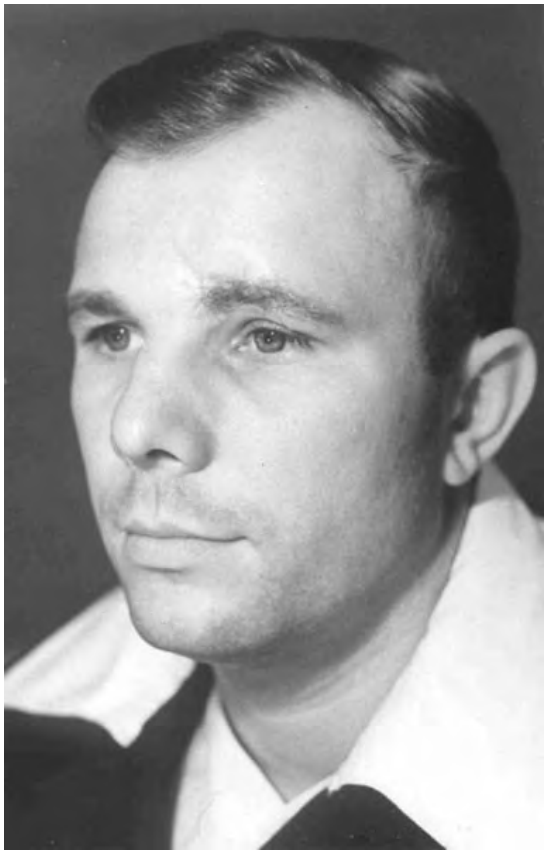
Встреча на аэродроме Внуково.

Чувство юмора не изменяло Гагарину никогда

Деловые разговоры между Н.П.Каманиным, С.П.Королёвым и В.И.Яздовским продолжались и на берегу Чёрного моря

Главному маршалу авиации К.А. Вершинину интересны все подробности космического полёта

Прогулка по Дунаю. Будапешт, август 1961 года



Первый снимок Ю.А.Гагарина
после пластической операции на левой брови

Первая зарубежная поездка. Прага, 28 апреля 1961 года.

На митинге в Дели

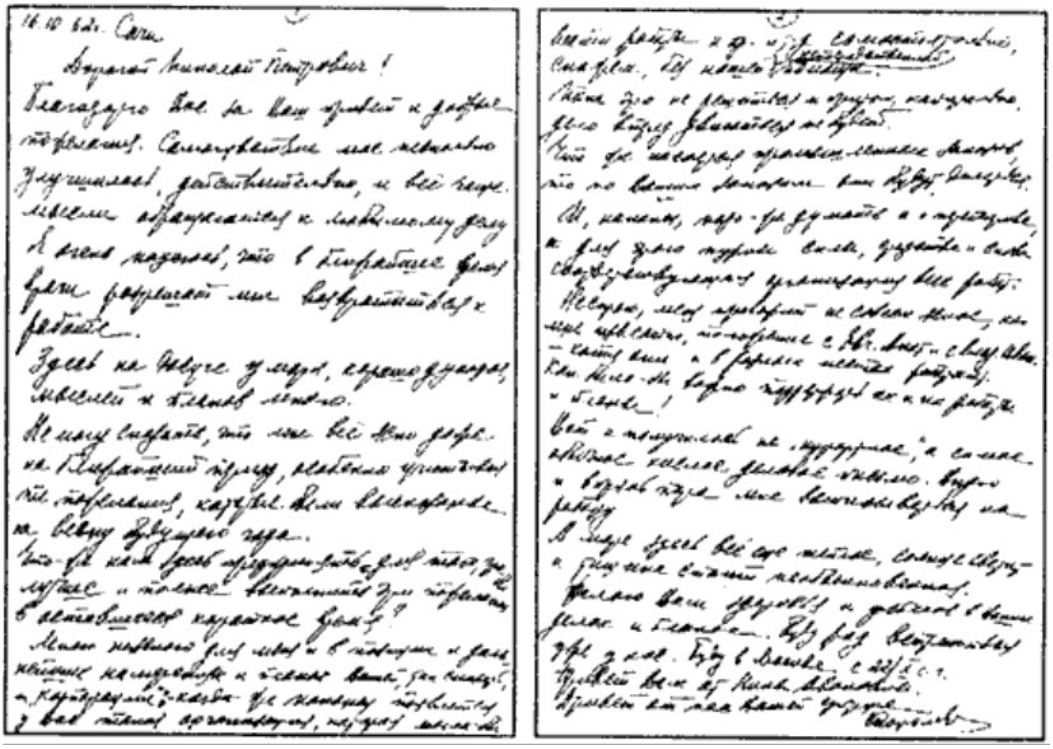
Аудиенция у короля Афганистана

С друзьями юности

Первые шаги Галочки Гагариной

С внучкой Олей

Теперь никакой ливень не страшен



Письмо С.П.Королёва

Валерий Быковский на занятиях в академии имени Н.Е.Жуковского

Валентина Пономарева и Ирина Соловьева
не теряют надежды побывать в космосе

И такие тренировки необходимы

Урок астрономии

После вручения высокой награды

Главные торжества первой «космической» свадьбы состоялись в Доме приемов на Ленинских горах. Слева направо: К.А.Вершинин; А.Г.Николаев; В.В.Терешкова; Р.Я.Малиновский и Р.Я.Малиновская

Валентина Терешкова благодарит
пражан за радушную встречу

На земных орбитах

Трудный разговор о дисциплине

Воскресный день на даче, но это не повод, чтобы не
записать несколько строк в дневник

Возглавляя руководство подготовкой советских космонавтов в первое десятилетие пилотируемых полетов в космос, Н.П.Каманин по долгу службы общался с многими конструкторами аппаратуры и оборудования космических кораблей — Г.И.Ворониным, С.М.Алексеевым, А.Ф.Богомоловым, Г.И.Северины, С.Г.Даревским, — но особенно тесные контакты были у него с Главным конструктором ракетно-космических систем С.П.Королевым и его ближайшими соратниками П. В. Цыбиным, К.Д.Бушуевым, Е.В.Шабаровым, В.П.Мишиным и другими.

Пожалуй, самыми яркими страницами «Космических дневников генерала Каманина» периода 1961-1965 годов оказалисьте, где рассказывается о встречах и беседах с Сергеем Павловичем Королевым, нередко перераставших в бескомпромиссные споры по принципиальным вопросам освоения космоса. Немногие отваживались противостоять такой властной, волевой, наделенной большими полномочиями и правами личности, какой в последние годы своей жизни был Королев — «маршал Жуков в отечественной космонавтике» по образному выражению академика Б.В.Раушенбаха. Отдавая должное несомненным заслугам Королева как талантливого конструктора и организатора «космической кооперации» в науке и промышленности, Каманин пишет и о его концептуальных просчетах, одним из которых оказалась тенденция возглавляемого им ОКБ-1 к полной автоматизации управления полетом космического корабля с экипажем на борту…

И академик Королев и генерал Каманин были энтузиастами, увлеченными романтикой космических полетов. В своих планах и прогнозах они нередко торопили события, сожалея лишь о том, что им самим не суждено побывать на Луне или хотя бы на околоземной орбите. Не стоит упрекать их за это — ведь трудами романтиков создавалась вся история цивилизации. Можно ли представить Исаака Ньютона, выводящего (кстати сказать, «с помощью» Луны) формулу закона всемирного тяготения и остающегося при этом холодным теоретиком? И романтиков таких тысячи, десятки тысяч, но лишь немногие из них сохраняются в памяти человечества.

Каманин Николай Петрович
"Космические дневники генерала Каманина"

"Скрытый космос" (Книга 2, 1964-1966)

1964 год

Все советские пилотируемые корабли выполнили полеты без замечаний и не имели ни одного серьезного срыва при их подготовке, но наши лунники, межпланетные станции, спутники связи и телевидения, а также другие беспилотные космические аппараты имеют очень много досадных недоработок… Научные организации авиационной промышленности и ВВС могли бы продвинуть вперед и этот участок освоения космоса, но ведомственная «драчка» мешает делу

3 января.

Приехал сегодня в штаб ВВС на Военный Совет. С 23 декабря я отдыхал на даче, отпуск у меня еще до 15 января. Был у Главкома, он разрешил продолжать отпуск. Военный Совет будет рассматривать записку заведующего административным отделом ЦК Миронова о воспитательной работе в Центре подготовки космонавтов. В записке нет ничего нового: изложены давно известные мне факты и события, описаны похождения Титова и ошибки в поведении других космонавтов, нет ни одного конкретного предложения. На записке есть резолюция Брежнева и Малиновского: «Вершинину — принять необходимые меры». Вот Военный Совет и решил поговорить. Дай Бог, чтобы от этой «говорильни» появилась хоть капелька пользы. А пока что Вершинин и Рытов против подписания приказа о снятии Титова с должности заместителя командира отряда космонавтов. Проект такого приказа, завизированный Руденко, Брайко и мной, уже две недели лежит у генерала Горегляда.

Только что ознакомился с Постановлением ЦК КПСС от 3 декабря 1963 года о создании космического комплекса «Союз». Оно изложено в директиве министра обороны, согласно которой головная роль заказчика определена ракетным войскам, а ВВС и ПВО «принимают участие» в создании «Союза», разработке тактико-технических требований и в летных испытаниях. Первые испытательные полеты кораблей 7К должны начаться в 1964 году, а всего комплекса «Союз» — в 1965-1966 годах. »Союз» будет использоваться для полетов к Луне и планетам, предусматриваются научные и военные варианты кораблей. В Постановлении нет ни слова о тренажерах и о подготовке космонавтов.

15 января.

Сегодня приступил к работе. Более двух недель отдыхал на даче: ходил на лыжах, катался на коньках и санках, очищал от снега дорогу. Много занимался с Оленькой. Вчера, например, мы с ней ходили на лыжах в Коровий лес и катались там с гор, а вечером вместе катались на коньках. Отдохнул я хорошо и чувствую себя вполне удовлетворительно.

В понедельник Мусю положили в госпиталь имени Мандрыки — ей предстоит операция по удалению грыжи. Муся опасается, что при операции у нее могут обнаружить более серьезное заболевание. Но я думаю, что для этих опасений нет оснований. Будем надеяться, что все пройдет хорошо.

11 января был в Центре на вечере, посвященном 4-й годовщине части. Гагарин выступал с докладом, было много приветствий. Я передал коллективу ЦПК приветствия от Главкома и Военного Совета ВВС.

Сегодня был у Руденко и Главкома. Вершинин подписал приказ по итогам проверки представителями ЦК КПСС воспитательной работы в ЦПК. Этим же приказом Герману Титову объявлен выговор. Руденко показал мне бумагу из КГБ, в которой высказываются опасения, что герои-космонавты много пьют и часто нарушают правила уличного движения. В КГБ собрали целый «букет» происшествий за два года, но в нем нет ничего нового; все факты нам уже раньше были известны, и мы принимали по ним необходимые меры.

Только что у меня был А.В.Беляков (штурман в перелетах Чкалова), минут тридцать мы с ним уделили воспоминаниям. Александр Васильевич работает в одном из московских институтов и приезжал с просьбой об организации встречи студентов с космонавтами.

16 января.

Вчера, когда я был у Муси в госпитале, она еще не знала о дне предстоящей операции. А сегодня она позвонила мне и сказала, что операция назначена на 17 января. Хочется успокоить и ее, и себя. Хочется верить, что операция не опасна. Для того, чтобы избавить Мусю от большого нервного напряжения, я сам бы лег под нож хирурга, но, к сожалению, это невозможно.

Началась вторая половина января, но по-прежнему нет никакой ясности со сроком и программой очередного пилотируемого космического полета. С 1 февраля мы начнем подготовку командиров кораблей «Восток» и экипажей для «Союзов». В программах подготовки пока много условностей, но мы не можем терять время из-за неясности и волокиты с увязкой программ и сроков полетов. Мы подготовим космонавтов к очередному полету в июне 1964 года (раньше июня полет невозможен из-за неготовности кораблей), а если он состоится на 1-2 месяца позже, это нас не обескуражит. Подготовку экипажей «Союза» можно было бы начинать и позже, но хочется занять людей делом, ввести их в режим подготовки к полетам и оторвать от бесконечных приемов, встреч, поездок и выпивок.

Сегодня Терешкова, Николаев и Быковский в здании Политехнического музея будут выступать с докладами о своих впечатлениях от поездок в Индию, Индонезию, Бирму, Непал и на остров Цейлон. 20 января Терешкова вылетает в Африку (Гана) и Ливан, а 31 января - в Англию. Сегодня с Кузнецовым и Подцеробом и МИДа согласовали план поездок космонавтов на первую половину 1964 года. Врачи разрешили Терешковой поездки только до 15 февраля.

17 января.

Сегодня Мусю прооперировали. Я звонил в госпиталь и говорил с начальником хирургического отделения. Он заверил меня, что операция прошла хорошо и что Мария Михайловна чувствует себя нормально. Я просил разрешения сегодня приехать к ней, но мне дали понять, что в день операции посещения не рекомендуются. Буду надеяться на лучшее и терпеливо ждать.

Сегодня мне принесли из АПН (Комолов) редкие фотографии военного времени. На КП-1 Украинского фронта на Букринском плацдарме 28 октября 1943 года товарищ Гапочка сфотографировал группу военных (командующий фронтом генерал армии Ватутин, член Военного Совета Н.С.Хрущев, командующий 2-й Воздушной армией Красовский, командира 5-го ШАК Каманин, командир штурмовой дивизии Витрук, генерал Ненашвили и другие).

Говорил по телефону с Ивановским. Выяснилось, что до сих пор нет докладов Зверева и Королева о программе предстоящего полета. По словам Ивановского, Королев, вопреки имевшейся ранее договоренности, предлагает использовать не один, а три из четырех кораблей «Восток». В ближайшие дни нужно будет добиться окончательного согласования планов по использованию «Востоков».

21 января.

19 января Терешкова улетела в Гану. Ее сопровождают Аристов, Кутаманова и другие.

Вчера провели заседание партийного комитета ЦПК с обсуждением вопроса о состоянии воспитательной работы в Центре по результатам комиссии ЦК КПСС. На заседании присутствовали все космонавты, слушатели и руководящие работники Центра; были Рытов, Миронов (ЦК) и Миролюбов (партком ВВС). Доклад сделал Трофимов, в прениях выступили Попович, Быковский, Филипченко, Демин и другие. Попович и Быковский выступили хорошо, Филипченко опять (в четвертый раз) говорил о необходимости присвоения очередных званий слушателям, а Демин выступил с огульным охаиванием всей системы и опыта подготовки слушателей и космонавтов. Он заявил, что ему не ясна цель учебного процесса и летной подготовки и что он не знает задач и перспектив развития космонавтики. По его мнению, нужно немедленно организовать встречи слушателей с Королевым, Келдышем и другими руководителями. Пришлось выступить и отчитать этого «умника», который не задумываясь «оплевал» весь коллектив и работу Центра. Сегодня утром, когда я рассказал Руденко о выступлениях Филипченко и Демина, он, не долго думая, сказал: «Надо выгнать обоих. Если слушателями они произносят такие речи, то что они скажут нам, когда слетают в космос?» Я не думаю, что их нужно выгонять, но выслушав эти два выступления, я понял, что мы очень мало работали со слушателями.

Вчера пятерка космонавтов встречалась в Кремле с Фиделем Кастро, а сегодня ЦК и правительство устраивают в честь Фиделя большой прием. Вчера Вершинин приказал мне вместе с космонавтами ехать в резиденцию Фиделя. Первый раз в жизни я не выполнил приказ: Муся в больнице, и я не мог позволить себе заниматься пирушками и пустой болтовней.

Сегодня с 10 до 12 часов вместе с А.А.Кобзаревым и группой товарищей заседали у Руденко по вопросу о центрифуге ЦФ-16. Уточнили сроки исполнения работ и задачи различных организаций. Центрифуга будет стоить 15 миллионов рублей, по решению правительства она должна быть сдана в эксплуатацию в 1967 году. Подтвердили необходимость строительства помещений под ЦФ-16 на территории ЦПК со сроком сдачи их в конце 1965 года. Это будет самая большая центрифуга в нашей стране.

23 января.

Вчера на несколько минут забегал к Мусе. Ее состояние резко ухудшилось… Сегодня после 16 часов я снова был у Муси, ей стало немного лучше, но до хорошего самочувствия еще далеко. Завтра уже неделя со дня операции, а ей еще не разрешают сидеть и не снимают швы.

Сегодня по моему настоянию Главком собрал Военный Совет. Присутствовали: Вершинин, Руденко, Рытов, Брайко, Пономарев, Агальцов, Миронов, Полынин и Кобликов. Я доложил Военному Совету два вопроса: 1) о результатах набора летчиков-испытателей в группу слушателей космонавтов; 2) об организации подготовки командиров кораблей «Восток» и экипажей для «Союза».

Из четырех летчиков-испытателей, проходивших медицинскую комиссию, только один — полковник Береговой — признан годным к космическим полетам. Но мандатная комиссия под моим председательством решила не рекомендовать Берегового в число слушателей. Береговой — летчик-испытатель с 15-летним стажем, летчик 1-го класса и во всех отношениях образцовый офицер (он воевал у меня в корпусе, и я представлял его к званию Героя Советского Союза). Было бы неплохо послать в космический полет опытного летчика-испытателя, но Береговому уже 43 года, а по приказу министра обороны предельный возраст для слушателей-космонавтов — 35 лет. Береговому предстоит ускоренная подготовка с большой нагрузкой (парашютные прыжки, термокамера, центрифуга, невесомость и т.д.). Есть опасение, что мы можем не подготовить из него космонавта и »искалечим» его как летчика-испытателя. Кроме того, я считал и считаю, что главным возражением против ускоренной подготовки и назначения в космический полет Берегового является наличие в Центре 11 космонавтов и 15 слушателей-космонавтов, которые уже подготовлены и стоят в очереди на полет. Кое-кто из них ждет полета уже более 3-4 лет. В этой обстановке внеочередной полет Берегового будет встречен самым энергичным протестом со стороны всех космонавтов и создаст в Центре нездоровые настроения. На Военном Совете я решительно высказался против приема Берегового в отряд космонавтов. Агальцов, Полынин, Миронов и Кобликов поддержали меня, а Вершинин еще ранее согласился с решением мандатной комиссии по этому вопросу. Но Руденко и Пономарев очень энергично защищали кандидатуру Берегового, Рытов держался нейтрально. Под нажимом Руденко и Пономарева Вершинин без голосования объявил о своем решении принять Берегового в число слушателей-космонавтов и ускоренно готовить его командиром корабля «Восток». Вершинин и Руденко заявили, что «очередь на полет можно поломать», и это, по их мнению, не должно беспокоить космонавтов. Большие, но недальновидные руководители, они своими руками ломают то, что мы четыре года создавали упорным трудом.

Военный Совет решил: 1) с 25 января 1964 года начать подготовку шести командиров кораблей «Восток» — Волынова, Хрунова, Беляева, Леонова, Комарова и Берегового; 2) с 1 февраля 1964 года приступить к подготовке четырех экипажей для кораблей «Союз»: 1-й экипаж — Николаев, Шонин, Демин, Кугно; 2-й экипаж — Быковский, Заикин, Артюхин, Гуляев; 3-й экипаж — Попович, Горбатко, Пономарева, Колодин; 4-й экипаж — Титов, Шаталов, Соловьева, Жолобов.

24 января.

В газетах объявлено о смерти адмирала Фокина — первого заместителя Главнокомандующего ВМФ. Фокин только на 2 года старше меня, он был одним из лучших наших флотоводцев. Последний раз я встречался с ним три месяца назад, тогда он был совершенно здоров, весел и жизнерадостен.

Вчера направили в ЦК КПСС наши предложения о поездке в марте 1964 года Гагарина и Быковского в Швецию и Норвегию. Я не бывал в этих странах, и у меня было желание побывать там, но из-за болезни Муси пришлось отказаться от этой поездки. Вместо себя я предложил генерала Н.Ф.Кузнецова; Руденко и Вершинин «со скрипом», но согласились с такой заменой. Я договорился и с аппаратом ЦК — Усков и Миронов обещали поддержать кандидатуру

Кузнецова.

Вчера был большой переполох из-за того, что Терешкова вынуждена была вылетать из Ганы на сутки раньше: по решению ЦК она должна была находиться в Гане до 25 января, но по просьбе президента этой страны визит закончен 24 января. В Ливан, по ранее согласованному графику, Терешкова должна была прибыть 26 января, поэтому с борта самолета запросили Цыбина: «Где переждать сутки?» Цыбин позвонил мне, я связался с МИДом (Лапин, Корнев, Сытенко, Подцероб). К этой поездке имеют отношение три отдела МИДа, и они более двух часов не могли принять никакого решения. Пришлось нажать на Лапина и за его и моей подписью дать нашему послу в Ливане телеграмму: «Терешкова прибудет в Ливан не 26, а 25 января в 14 часов. Организуйте прием». Казалось, все было согласовано, но только что позвонил Лапин и сказал, что наш посол в Ливане категорически возражает против прилета Терешковой 25 января. Теперь выход один - задержать Терешкову на сутки в Алжире. Но по графику самолет через два часа должен вылететь, и есть опасение, что мы не успеем задержать вылет.

27 января.

Только что пришел на работу и… приятная неожиданность: позвонила Муся. Оказывается, ей уже вчера разрешили ходить и дня через три обещают выписать.

Вчера весь день провел на даче. Я, Лева, Люда и Оля ходили на лыжах. Оля впервые прошла на лыжах около шести километров. Катались с горы, Оля съехала три раза и упала только один раз. Вечером мы с ней катались на коньках.

Пришла целая куча шифровок: наши послы из Бейрута, Алжира, Лондона и Стокгольма интересуются сроками прибытия космонавтов, сообщают о проектах программ их пребывания и т.д. Звонил Главком и приказал сегодня мне и Николаеву быть на приеме у индийского посла. Надоели эти приемы, но не всегда можно от них открутиться.

В субботу Главком подписал приказ о зачислении полковника Берегового слушателем-космонавтом, одновременно он приказал написать доклад министру о мотивах его зачисления. Маршал Руденко присутствовал при этом разговоре, и его передернуло, когда Вершинин давал мне задание написать доклад министру, который может и отменить приказ о Береговом. И снова у меня большой конфликт с маршалом Руденко. Редактируя окончательный текст решения Военного Совета о подготовке командиров кораблей «Восток» и экипажей для «Союза», я оставил Волынова в числе шести кандидатов для полета на «Востоке». А Руденко, вопреки решению Военного Совета, исключил Волынова из этой группы и включил его в экипаж Быковского, исключив при этом из подготовки к полетам на «Союзах» Колодина. Я обратился к маршалу за разъяснением такой поправки, но Руденко не нашел ничего более умного, как выпалить: «Делай, как записано в решении Военного Совета». Я сказал маршалу, что такого решения Военного Совета не было. Я пытался объяснить ему, что беспричинное отстранение Волынова (наиболее подготовленного из всех для полета на «Востоке») вызовет неприятные настроения у космонавтов, а отстранение от подготовки из группы инженеров только одного Колодина обострит наши отношения с ракетными войсками (Колодин — ракетчик), а также с Королевым и Келдышем, которые лично знают Колодина и ходатайствовали за него при наборе космонавтов. Все это — очередная глупость, допущенная маршалом Руденко. Можно было все сделать умнее, не вызывая лишних осложнений.

29 января.

Вчера я не был у Муси — было партийное собрание. Но и вчера и сегодня я говорил с ней по телефону — она ходит, и самочувствие ее улучшается.

Начались неприятности в связи с решением Военного Совета о зачислении в слушатели Берегового и о переводе Волынова из группы командиров кораблей «Восток» в группу подготовки экипажей для «Союза». Все космонавты встретили это решение в штыки, они великолепно понимают, что это им очередная пощечина, и они ее запомнят. Гагарин уже звонил Рытову и передал, что среди ребят «пошел порох». Трудно сейчас предсказать последствия этих решений, но ясно одно: Руденко и Главком много потеряют в глазах космонавтов, будет очень много неприятных разговоров.

Только что был у меня полковник Береговой. Я направил его в ЦПК, предварительно объяснив ему всю сложность его положения в Центре и попросив сделать все возможное, чтобы не повторить печальный опыт генерала Одинцова. Я был категорически против зачисления Берегового слушателем, но решение Военного Совета нужно выполнять. Правда, я могу так «выполнить» это решение, что Береговой никогда не увидит космоса. Но может случиться и так, что через 7-10 месяцев Береговой станет дважды Героем Советского Союза и первым космонавтом с генеральскими погонами. Я еще сам не знаю, какой из этих вариантов лучше — тут есть над чем подумать. Во всяком случае многое будет зависеть от самого Берегового. Сумеет он найти правильный путь во взаимоотношениях с космонавтами, сможет перенести большие перегрузки при форсированном режиме подготовки к космическому полету — тогда он может рассчитывать на успех. Через некоторое время я должен буду решить: поддержать ли Берегового или убрать его с дороги в космос. Это будет трудное решение: Береговой был одним из лучших ведущих в моем корпусе, более трех лет мы вместе воевали, а теперь он отличный летчик-испытатель. Жаль обижать Берегового, но я не могу забывать и интересы космонавтов, интересы Центра. Я твердо знаю, что против Берегового из-за его возраста и ускоренной подготовки будут многие члены Государственной комиссии, а у нас мало веских аргументов в его защиту и нет уверенности в ее необходимости и справедливости.

30 января.

Накануне вечером был в госпитале у Муси, она надеется, что в пятницу (31-го) ее выпишут и разрешат поехать не в дом отдыха, а прямо на дачу.

Вчера в Колонном зале Дома Союзов провели вечер встречи поколений. Вечер открыл генерал армии Лелюшенко. Выступали бывший комиссар «Авроры» Белышев, я, Чечнева, Коккинаки, Попович, Быковский и другие. Вчера же Терешкова вернулась из поездки в Гану и Ливан. Аристов доложил, что поездка прошла нормально, встречи были очень теплыми, Валя держалась хорошо. Аристов и Терешкова считают, что врача Кутаманову в заграничные поездки брать больше нельзя (она плохо переносит самолет и автомашину, паникует, скандалит из-за мелочей, совершенно не умеет одеваться и держать себя в обществе). Окончательно определился срок и программа пребывания Терешковой в Англии — с 4 по 10 февраля. Приступили к подготовке пяти выступлений Терешковой в Англии.

Группа Леонова (будущие командиры «Востоков») выехала вчера в город Киржач для выполнения программы парашютных прыжков. Ясности с программами предстоящих космических полетов все еще нет. Просил Зверева,

Королева, Ивановского и других ускорить их заключения по нашему проекту. Все обещают, но затягивают ответ.

31 января.

Вчера я привез Мусю из госпиталя домой. Чувствует она себя вполне удовлетворительно.

Ко мне вчера заходила Терешкова и рассказала о поездке в Гану и Ливан. Договорились с ней о всех вопросах предстоящей поездки в Англию. За три месяца замужней жизни Валя заметно изменилась, стала как-то потише и женственнее. Она жалуется, что пополнела и все платья стали ей малы.

1 февраля.

Главком рассказал мне о своей последней встрече с Королевым. Сергей Павлович просит отдать в новый институт (ИМБП — Ред.) Яздовского, Генина, Шепелева и еще 3-4 ценных работников. Я посоветовал Вершинину отпустить только Яздовского и одного-двух других специалистов. По словам Главкома, Королев намерен добиваться изготовления еще 8 «Востоков», в том числе 2-3 для пусков с животными. По моей просьбе Главком приказал Брайко сохранить группу инженер-полковника Шубралова.

3 февраля.

Весь день был в ЦПК. Рассмотрел и утвердил план индивидуальной подготовки полковника Берегового, рассчитанный на 10 месяцев. Пускай теперь Руденко «волевым» решением сокращает его до шести месяцев, как он обещал сделать это на Военном Совете ВВС. Одобрил проект приказа Главкома о создании комиссии по написанию истории ЦПК и сохранению всех ценных исторических материалов о первых полетах людей в космос (кино, фото, книги, статьи, подарки, личные вещи и снаряжение космонавтов и т.д.). Рассмотрел и утвердил все планы и программы работ Центра на 1964 год. Беседовал с Гагариным, Николаевым, Титовым и Поповичем. Всех космонавтов и слушателей очень волнует вопрос об ускоренной подготовке к космическому полету полковника Берегового, а также исключение из группы командиров кораблей «Восток» Волынова и перевод его в экипаж «Союза». Эти неумные решения, навязанные Военному Совету маршалом Руденко, недооценивают и унижают космонавтов гагаринского набора и больно бьют по их самолюбию. С Кузнецовым, Гагариным и Поповичем договорились по всем вопросам предстоящих поездок в Австрию, Швецию и Норвегию.

В 15:00 в Доме офицеров чкаловского гарнизона состоялась встреча пятерки первых Героев Советского Союза (Молоков, Ляпидевский, Слепнев, Водопьянов, Каманин) с прославленной шестеркой героев-космонавтов (Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Быковский и Терешкова). Было много фотокорреспондентов — сфотографировались отдельно пятеркой, шестерка и общей группой.

Звонил С.П.Королев, он пригласил 5 февраля приехать к нему с космонавтами и посмотреть макет «Союза».

4 февраля.

Рытов рассказал мне о беседе с Гагариным о том, как космонавты встретили полковника Берегового. Рытов сказал также, что Вершинин, узнав о содержании беседы, приказал по телефону маршалу Руденко готовить скафандр и на Волынова. Главком позвонил вчера мне в Центр и сказал, чтобы я не объявлял решение Военного Совета космонавтам. Сегодня придется говорить с Главкомом о необходимости принять твердое решение, чтобы завтра его можно было объявить и космонавтам, и Сергею Павловичу Королеву.

»Нажимал» на Вершинина, но пока ничего путного не добился. Он рекомендовал сообщить Королеву список космонавтов, готовящихся для полетов на «Востоках» и «Союзах», в алфавитном порядке с добавлением, что этот список не предрешает очередности полетов. Беседовали долго и очень мило, но почти бесполезно. Последнее время таких бесед становится все больше. Главком отличный руководитель, но он катастрофически быстро стареет и уже не способен, как раньше, подняться на серьезную борьбу за свое мнение или решение, очень легко отступает от принятых решений не только под давлением вышестоящего начальства, но и при возражениях своих заместителей.

Заходил Попович — завтра он летит в Австрию. Я подробно проинструктировал его, настоятельно рекомендовал тщательно готовиться к каждому выступлению и обязательно вместе с послом составлять тезисы речей. В последнее время Попович несколько раз выступал довольно путанно, и мои предупреждения должны пойти ему на пользу.

5 февраля.

Весь рабочий день был с космонавтами в ОКБ-1 и на заводе, изучали макет трехместного космического корабля 7К и проект «Востока», переделываемого в многоместный корабль с экипажем из трех человек. Занятия и беседы вели Королев, Цыбин, Фролов и другие специалисты ОКБ. От ВВС были: Руденко, я, Кузнецов, Яковлев, все космонавты и слушатели. Сергей Павлович подарил всем слушателям и Н.Ф.Кузнецову копию нашего лунника (остальные присутствующие получили от него этот подарок значительно раньше).

Королев только вчера получил распоряжение: корабли «Восток» больше не делать, а с использованием имеющихся четырех «Востоков» подготовить и осуществить в 1964 году полет экипажа в составе трех космонавтов. Такое решение созрело в верхах по двум причинам:

1. Корабль «Союз» в 1964 году летать еще не будет.

2. Американцы, готовящиеся запустить в космос корабли «Джемини» и «Аполлон», могут обогнать нас в 1964 году.

Таким образом, наши руководители хотят любыми средствами и даже с большим риском удержать наше первенство в космосе. Еще в 1961 году мы предлагали приспособить «Восток» для полета 2-3 человек, но, к сожалению, о нашем предложении вспомнили только три года спустя. Полеты «Востоков» с экипажами из 2-3 человек можно было бы осуществить уже в 1962-1963 годах, но тогда «верхи» отказывались строить «Востоки» вообще, надеясь на скорый выход «Союзов». А теперь, когда все убедились, что «Союзы» будут готовы не раньше 1965 года, наши высокие руководители решили в пожарном порядке латать «Восток».

Главная цель, которую преследовал Королев этой встречей — заручиться поддержкой ВВС и космонавтов в переделке «Востока». Я еще три года назад был за такую переделку «Востока», можно поддержать ее и теперь. Жаль только, что сейчас она будет выполняться за счет сокращения военной программы, рассчитанной на «Востоки», и в очень сжатые сроки. Полет на переделанном «Востоке» — это большой риск: при старте такого корабля целых 40 секунд исключается аварийное спасение космонавтов. Нет еще данных, подтвержденных опытом, что система кондиционирования способна в нужном объеме обеспечить воздухом экипаж из трех человек. При спуске в корабле без индивидуальных парашютов и при отсутствии запасного парашюта для корабля могут возникнуть очень опасные ситуации. Перегрузки при приземлении могут быть от 10 до 25. Космонавты готовы лететь хоть верхом на палочке, но надо прямо сказать, что после шести отличных полетов на одноместных «Востоках» нас теперь тянут на скоропалительный и потому сомнительный эксперимент с многоместным «Востоком».

Первый раз я увидел Королева в полной растерянности. Сергей Павлович очень огорчен, что ему отказали продолжать строить «Востоки», и он не видит еще ясного пути, как в короткое время переделать одноместный корабль

в трехместный. Он несколько раз повторял: «Не понимаю, как можно отказаться от продолжения постройки «Востоков»… Невозможно за несколько месяцев превратить одноместный корабль в трехместный…» Королеву нужна наша помощь, и мы сделаем все возможное, чтобы ему помочь. Будет очень обидно, если из-за плохого руководства и отсутствия твердых согласованных планов нам придется уступить Америке наше первенство в космосе.

6 февраля.

Попович улетел вчера в Австрию. Терешкова третий день находится в Англии и побывала уже у английской королевы. Готовим поездки в Швецию, Норвегию и Италию. Можно сказать, что наши международные дела идут нормально. Но с главным — с подготовкой к новым космическим полетам — дело обстоит плохо. Америка наступает нам на пятки. Выведение на орбиту с помощью ракеты «Сатурн-1» 17-тонного груза переполошило наше руководство. Дано указание форсировать изготовление «Союза», а до его появления в космосе сделать все возможное, чтобы удержаться в положении ведущей космической державы.

Сегодня отложил все другие дела и написал несколько страниц предисловия к книге Терешковой «Вселенная — открытый океан». Эта книга уже печатается в «Правде» и скоро выйдет отдельным изданием. Редактирование книги заняло у меня много времени, но она будет лучше гагаринской. Валя сама много и добросовестно работала над материалом.

Только что звонил Гапочка и обещал выслать мне несколько фронтовых снимков с Хрущевым, Ватутиным, Красовским и другими товарищами.

7 февраля.

Сегодня у меня была ленинградская поэтесса Людмила Попова. Она много пишет о летчиках и космонавтах, была лично знакома с Чкаловым, хорошо знала многих летчиков - участников обороны Ленинграда. Попова подарила мне свою последнюю книгу стихов «Музыка века» и от имени ленинградского Союза писателей настойчиво просила организовать встречу космонавтов с писателями Ленинграда. Таких просьб от писателей, художников, скульпторов, композиторов поступает сотни. Для Ленинграда надо будет сделать исключение и организовать встречу в апреле.

Маршал Руденко сегодня собирает представителей Центра и институтов, чтобы выработать наше отношение к перестройке «Востока» из одноместного в трехместный. Я еще не говорил с Вершининым по этому вопросу, но из разговора с Руденко понял, что Главком не торопится поощрять «трюки и загибы» Военно-промышленной комиссии. Д.Ф.Устинов и Л.В.Смирнов будут принимать все меры, чтобы любыми средствами прикрыть назревающие провалы в наших космических планах. Пожалуй, мы поступим разумно и честно, если не поддержим их в этих сомнительных комбинациях.

8 февраля.

На вчерашнем совещании у Руденко по определению позиции ВВС в вопросе о переделке «Востока» в многоместный корабль присутствовали: Пономарев, Мишук, Холодков, В.А.Смирнов, Волынкин, Яздовский, Карпов, Генин, Газенко, Шепелев, Кузнецов, Яковлев, Ковалев, Горегляд и я. Руденко заявил следующее: «Мы вступили в эту кооперацию и должны сделать все возможное, чтобы полет экипажа из трех человек на переделанном «Востоке» осуществить весной этого года… Мы не можем предъявлять Королеву требований, которые он не сможет выполнить в указанный срок». Мишук, Холодков, Бабийчук и другие высказались примерно так: «Задача очень тяжелая, времени мало, необходимо многое уточнять с ОКБ-1 и немедленно начинать испытания и исследования, особенно по системам жизнеобеспечения и приземления корабля… Риск полета очень большой». Решили, что к исходу 11 февраля все представят маршалу Руденко предварительные письменные соображения о путях решения этой задачи и вопросы, на проработке которых необходимо сосредоточить особое внимание. С совещания все ушли с убеждением, что ВВС, спасая промахи промышленности и руководителей нашей космической программы, вешают себе на шею очень тяжелый хомут.

10 февраля.

Открылся Пленум ЦК КПСС по интенсификации сельскохозяйственного производства. Непрерывная болтовня, ежегодные ломки и организационные перестройки — это, пожалуй, сейчас главные причины отставания нашего сельского хозяйства.

Вчера Терешкова на английском рейсовом самолете «Комета» вернулась из Лондона в Москву. Сегодня полковник Аристов подробно доложил мне об итогах визита в Англию. Наш посол в Англии Солдатов хорошо спланировал и осуществил ряд важных мероприятий (встреча с королевой, встреча в парламенте, большие митинги и несколько пресс-конференций). Газеты, радио и телевидение широко освещали визит. Валя выступала удачно и чувствовала себя вполне удовлетворительно. На этом заграничные поездки Терешковой прерываем до осени.

Вчера мне звонил мой однокашник генерал-лейтенант А.С.Благовещенский. Он просил принять и рассмотреть как кандидата в космонавты инженер-полковника Владимира Николаевича Бендерова, работающего летчиком-испытателем в ОКБ А.Н.Туполева. Я дал согласие принять его.

Звонил Ивановский — он обижается, что к нему долго не едет Н.Ф.Кузнецов. Я обещал ему сегодня после обеда представить нового начальника Центра подготовки космонавтов и одновременно поговорить о наших космических делах.

Была у меня Маргарита Карловна Раценская - председатель комитета планерного спорта ДОСААФ. Она жаловалась, что после моего ухода из ДОСААФ планеризм постепенно отмирает и в 1964-1965 годах может совсем погибнуть. Я ей прямо сказал, что военные не смогут поддерживать планерный спорт, что нужно добиваться поддержки в ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС и Центральном спортивном совете. Планеризм отмирает как средство подготовки кадров для авиации, но он может и должен жить как прекрасный вид спорта.

12 февраля.

Н.Ф.Кузнецов, В.Н.Холодков и я вчера были в Кремле и более двух часов беседовали с О.Г.Ивановским. Главная тема беседы: ВВС очень пассивны и не «теребят» высокие инстанции предложениями о том, как и на чем готовить космонавтов к будущим космическим полетам, включая облет Луны и высадку людей на Луне. Этот разговор вызван

появлением ряда сообщений о том, что американцы уже имеют тренажер для отработки прилунения.

Как всегда, Олег Генрихович очень горячился и наговорил в адрес ВВС много нелепостей, но в основном он прав. Мы отстаем от Америки в создании необходимых для подготовки космонавтов тренажеров и стендов. ВВС вносили уже десятки предложений по этим вопросам, но на большинство из них не было никакого реагирования. Да и наши НТК (Мишук), Центр по космической технике (Холодков) и другие организации ВВС мало делают в этом направлении. Главная причина такого положения в том, что не ВВС, а ракетные войска — заказчик космической техники. Министерство обороны и лично Малиновский тормозят дело освоения космоса, не используя все имеющиеся возможности.

Ивановский сообщил нам, что есть одобренный ЦК КПСС план посылки экспедиции на Луну в 1968-1970 годах. Для этой цели будет использована ракета Н-1, способная вывести на орбиту 72 тонны, а так как вес корабля, рассчитанного на полет к Луне, прилунение и возвращение на Землю, будет составлять около 200 тонн, то потребуются три ракеты Н-1 и две стыковки на орбите. Весь этот проект у нас еще только на бумаге, а американцы уже многое сделали для осуществления полета на Луну. Короче говоря, у меня нет былой уверенности, что мы будем на Луне раньше американцев. Конечно, многое в этих прогнозах можно еще изменить в нашу пользу, но для этого нужны срочные и решительные мероприятия. Смирнов и Келдыш с такой задачей не справятся, и в этом им крепко «помогут» Малиновский, Крылов и Руденко.

Перспектив укрепления руководства космонавтикой в государственном масштабе не видно, нет и попыток целенаправленно объединить усилия всех ведомств. Нет твердого планирования, нет конкретного и ответственного руководства; средства и усилия не концентрируются, а продолжают распыляться. В такой обстановке невозможно добиться больших успехов. Из разговора с Ивановским я для себя сделал вывод: не переоценивать достижения наших ОКБ и институтов, «шевелить» их как можно чаще и многое делать своими силами.

13 февраля.

С утра был в Монино на ученом совете академии ВВС (ныне академия имени Ю.А.Гагарина — Ред.). Генерал Н.Ф.Кузнецов защищал диссертацию на тему, посвященную совершенствованию руководства полетами. Работа полезная, единогласно решили присвоить Кузнецову ученую степень кандидата военных наук.

Сегодня поступили материалы о подготовке в США пусков кораблей «Джемини». В апреле и середине года планируется выполнить полеты кораблей с манекенами, а в октябре-декабре — полет двух астронавтов продолжительностью 4,5 часа.

14 февраля.

Получены данные о работе американцев в 1957-1963 годах над космическими объектами.

Годы	Общее число пусков	Число успешных пусков	Процент успешных пусков
1957	1	0	0
1958	17	5	29
1959	19	11	58
1960	29	16	55
1961	40	30	75
1962	68	59	87
1963	49	38	77,5
Итого	223	159	71,5

В 1963 году продолжалось усовершенствование носителей «Атлас», «Центавр» и «Сатурн-1». В 1963 году было осуществлено четыре пуска первой ступени «Сатурна-1», а в январе 1964 года запущен его двухступенчатый вариант с грузом общим весом 17 тонн. По состоянию на 1 января 1964 года на орбитах находилось 77 американских спутников и более 200 других объектов. Всего за 1963 год в США успешно запущено 52 спутника, 48 из них (92 процента!) являются спутниками военного назначения.

Вчера у маршала Руденко было второе большое совещание по переделке «Востока» в «Восход» (такое официальное название получил многоместный вариант корабля «Восток» — Ред.). Генерал Мишук и я высказались за то, чтобы пока никаких авансов Королеву не давать, а начать ускоренную проработку основных вопросов модернизации «Востока» вместе с Ворониным, Ткачевым и Севериным. Генерал Холодков доложил, что результаты первых прикидочных совещаний с сотрудниками ОКБ — благоприятные, но нужно немедленно организовывать и проводить целый ряд испытаний. Поручили Холодкову до 18 февраля подготовить проект плана необходимых экспериментов.

15 февраля.

Более двух часов инструктировал генерала Кузнецова по поводу предстоящей поездки Гагарина, Быковского и сопровождающих их лиц в Швецию и Норвегию с 1 по 15 марта. Кузнецов впервые поедет за границу, и для него это

будет своеобразным экзаменом.

Изучал материалы об освоении Америкой космического пространства в военных целях. В материалах много фантастических проектов, рекламы и нереальных планов, но что самое важное — это широкий фронт работ и большие финансовые вложения. Шелуха отпадет, и из нее «вылупится» новое грозное космическое оружие. Сейчас это пока средства разведки, а через 3-5 лет появятся средства перехвата и удара. Большое значение будет иметь создание орбитальных станций, маневрирующих космических кораблей, а также освоение Луны как научной и военной базы.

Наш Генеральный штаб и министр Малиновский недооценивают усилий вероятного противника и мало делают для использования космоса в целях обороны. Я подготовил несколько вариантов письма Н.С.Хрущеву с изложением основных недостатков и ошибок в нашей космической программе. Но, откровенно говоря, я еще не решил твердо, хватит ли у меня смелости и сил подняться на серьезный бой с Министерством обороны и Военно-промышленной комиссией Совета Министров. Такой бой можно выдержать только при личной поддержке Хрущева, а у меня нет достаточной уверенности, что такая поддержка будет оказана.

18 февраля.

Весь день был в ЦПК. Обсуждали план мероприятий по созданию серии тренажеров. Особые трудности будут при создании тренажера для отработки посадки на Луну и взлета с ее поверхности.

Гагарин, Титов, Николаев, Попович и Быковский усиленно готовятся к экзаменам, а Терешкова приступила к систематической подготовке для вступительного экзамена в академию. Титов на совещании сидел с громадным синяком около левого глаза — это »украшение» он заработал в воскресенье во время игры в хоккей. Николаев жаловался на боль в горле, врачи рекомендовали ему постельный режим. Валя заметно округляется, и черты лица у нее становятся более расплывчатыми. Пожалуй, один Быковский из всей шестерки всегда свеж, подтянут и жизнерадостен.

Кроме большой нагрузки по работе и учебе, ребятам приходится очень много отрываться на различные общественные мероприятия. Сегодня, например, вся шестерка в одно и то же время приглашалась: на правительственный прием в честь болгарской делегации, на встречу с Сайрусом Итоном, в непальское посольство, на конференцию комсомольцев Москвы и на ряд других важных мероприятий.

21 февраля.

Вчера я выступал с докладом о 46-й годовщине Советских Вооруженных Сил перед студентами МАИ. После меня выступал с воспоминаниями о боях в воздухе генерал-полковник Кожедуб, потом с рассказом о своем полете выступил подполковник Быковский. Более двух часов продолжались выступления, было очень много вопросов, вечер прошел хорошо. Сегодня вечером мне придется с таким же докладом выступать в Доме ученых. Перед 23 февраля и 8 марта заявок на выступления тысячи. Все очень обижаются, что мы не можем удовлетворить и сотой доли просьб о встречах с космонавтами. По этому поводу на меня идет непрерывный поток жалоб в ЦК КПСС.

Сегодня у меня был гонец от Михаила Александровича Шолохова, некто Пугач. Ему 53 года, он удивительно похож на Горького, каким я знал его тридцать лет назад. Пугач привез письмо, адресованное Хрущеву и Брежневу, подписанное Шолоховым, Фединым, Твардовским, Симоновым и многими другими известными людьми. В письме приводятся факты хищнического истребления лесов в Карпатах и защищается идея создания государственных заповедников. К письму приложен проект соответствующего решения Совета Министров СССР. Я с большим удовольствием подписал эти документы и настоятельно рекомендовал подписать их у Гагарина и Терешковой. Пугач, как на крыльях, полетел на Чкаловскую за подписями космонавтов. Я уверен, что решение о заповедниках будет подписано. В отношении к лесу у нас еще много варварства. Сохранение и обогащение флоры и фауны нашей Родины должны быть государственной и всенародной задачей, но пока мы от этого очень далеки.

24 февраля.

Праздник прошел нормально. Сегодня все космонавты работают в ЦПК. 28 февраля у ребят экзамен по электротехнике.

С поездкой Гагарина в Италию дело опять осложнилось. Наш посол Козырев прислал шифр-телеграмму, в которой сообщает, что итальянцы снова заколебались с официальным приглашением Гагарина. Они хотели бы, чтобы он был гостем посла, и обещают прием в Риме, Генуе, Флоренции и других городах. Почти три года итальянское правительство тормозит приезд Гагарина, мы имеем десятки приглашений из Италии (приглашают мэры городов, общественные организации), и поездка туда была бы очень полезной.

26 февраля.

Весь вчерашний день провел с группой космонавтов и инженеров в ЦНИИ-30 в Ногинске, где ознакомились с тренажером по стыковке космических кораблей на орбите. Тренажер почти полностью готов, и мы посмотрели его в работе, хотя на нем нет еще телевизионного и оптического оборудования, поставку которого задерживают смежники из Ленинграда и Свердловска. На тренажере макет корабля 7К устанавливается неподвижно (может только вращаться вокруг центра масс), а модели кораблей 9К и 11К, выполненные в 1/30 натуральной величины, могут сближаться с 7К, имея три степени свободы. Космонавт по телевидению или по оптическим прицелам наблюдает приближающийся объект «в натуральную величину». Сближение начинается с дистанции 300 метров со скоростью 2 метра в секунду. С уменьшением дистанции уменьшается и скорость: на расстоянии двух метров скорость сближения составляет 10 сантиметров в секунду.

Кроме тренажера по стыковке генерал Иоффе показал нам несколько новых авиационных тренажеров и электронно-вычислительных машин, в том числе и бортовую ЭВМ для космического корабля. Она весит всего 40 килограммов, но может вести полный контроль за работой оборудования корабля и решать задачи космической навигации. Я убежден, что ЦНИИ-30, ЦПК и ГКНИИ ВВС могут сделать любой космический тренажер лучше какой-либо другой организации, и, что особенно важно, могут сделать его быстро.

27 февраля.

Главком сегодня поехал к маршалу Малиновскому: на совещании у министра в присутствии главкомов и руководства

МО будет решаться вопрос о структуре космических учреждений и задачах видов Вооруженных Сил по освоению космоса. В проекте решения данного совещания задачи видов Вооруженных Сил почти не меняются: за ВВС остаются заказы систем жизнеобеспечения и спасения космонавтов во всех обитаемых кораблях, подготовка космонавтов, а также поиск и эвакуация спускаемых аппаратов кораблей; за ракетными войсками — заказы и пуски космических аппаратов; за ПВО — наблюдение космического пространства и перехват космических целей. Я долго убеждал Главкома, что на совещании у министра обороны надо защищать необходимость объединения космоса в ВВС и, как минимум, настаивать на предоставлении нам права заказов и пуска обитаемых космических кораблей. Главком полностью согласился с моими доводами, но он не уверен, что ему удастся переубедить Малиновского. В жизни, к сожалению, очень часто бывает так, что решающее слово принадлежит не специалистам. Вот и сейчас самые насущные вопросы освоения космоса будут решать люди, которые не знают его. Генералы Белюнов и Холодков, присутствовавшие при нашем разговоре с Главкомом, также высказали ряд полезных аргументов в защиту позиций ВВС.

Заходил полковник Аристов и доложил, что генерал Н.Ф.Кузнецов на беседе в МИДе был очень застенчив и все жаловался, что он просился в поездку за границу вместе с Каманиным, а его посылают одного. Надо будет подбодрить этого «дипломата».

Вчера в Кремле был прием премьер-министра Дании Отто Крага, а сегодня состоится прием в посольстве ГДР. Завтра космонавты сдают экзамены по электротехнике и настойчиво просят освободить их от встреч и приемов. Вчера на приеме был только Гагарин, а на сегодняшнюю встречу я решил не посылать никого.

Более двух часов беседовал с маршалом Руденко о насущной необходимости реорганизации Центра подготовки космонавтов в Государственный научно-исследовательский испытательный центр космических полетов. Маршал целиком согласен с нашими мотивировками этого мероприятия, но он считает, что в сложившейся обстановке (заказы и пуски кораблей в ведении РВСН) Малиновский отвергнет любое предложение о расширении ЦПК. Договорились написать Малиновскому письмо с просьбой разрешить усилить Центр высококвалифицированными специалистами по космической навигации, учебным космическим кораблям и тренажерам, а также тренерами экипажей и инженерами-испытателями. Чтобы реорганизовать ЦПК в исследовательский центр, нужно решиться воевать с большими «головотяпами» в ранге министров, а на такую борьбу Вершинина и Руденко уже не поднять. Признаюсь, и мне трудновато вести непрерывные «бои» с начальством.

4 марта.

Вместе с маршалом Руденко вчера весь день были в ЦПК. Все время ушло на беседу со слушателями-космонавтами и космонавтами. Космонавты, как более опытные, молчали, а слушатели проявили значительную активность (перспективы развития космоса, связи с Академией наук, участие в конструкторских работах, программы подготовки, посещение ОКБ и т.д.). Беседа началась не совсем удачно: на первые два вопроса Руденко дал такие ответы, что у слушателей отпала охота задавать новые вопросы, но потом, несколько осмелев, они выложили все, что имели на уме. После беседы Руденко сделал вывод, что майора Воробьева, майора Филипченко и инженер-капитана Кугно необходимо отчислить из группы слушателей. Больших оснований для их отчисления нет, но и особой ценности они не представляют. Воробьев в беседе с Руденко вел себя нетактично и даже глупо. Кугно на политзанятиях задавал вопросы: «Почему у нас одна партия? Почему мы помогаем другим, когда у нас у самих нехватки?» Кугно 27 лет, он холост и ведет себя с женщинами легкомысленно, в партию вступать желания не изъявил. Майор Филипченко четыре раза выступал на партийных собраниях, заявляя всякий раз о необходимости присвоения ему звания подполковника.

9 марта.

Прошлое воскресенье я ходил на лыжах при температуре -19 градусов и сильном ветре и немного простудился. Первые два дня я чувствовал только боль в горле, а в среду заболела голова, и поднялась температура. По настоятельному совету врачей пришлось четверг, пятницу и субботу пролежать в постели. Температура выше 38 градусов не поднималась, но артериальное давление было высоким (200/100). Вчера и сегодня температура нормальная, но немного побаливает голова. Придется начинать пить всякие снадобья, чтобы снизить давление.

Отредактировал окончательно книгу Терешковой «Вселенная — открытый океан». Большинство глав книги уже опубликованы в «Правде». Королев по этим главам высказал недовольство: «Нельзя так легковесно писать о Главном конструкторе». Я особенно внимательно просмотрел все места, где упоминается Королев, — мне кажется, что его обиды и капризы неосновательны: наоборот, в книге слишком часто упоминается Главный конструктор. Переговорю с Валей, и кое-что сократим. Все космонавты в разъездах: Гагарин и Быковский — в Норвегии, Терешкова и Николаев — в Чебоксарах, Попович — в Киеве, а Титов — во Владивостоке. Вся шестерка соберется в Москве только 15 марта.

11 марта.

Сегодня собирались приехать с дачи в Москву на автомашине вместе с Мусей, но заболела Оля, и Мусе пришлось остаться на даче. Утром у Оли температура была 38,1. Вчера она наелась снегу и наглоталась холодного воздуха через открытую форточку. Муся тоже еще не совсем поправилась, она постоянно жалуется на боли в животе. Врачи уверяют, что идет естественный послеоперационный процесс, а Муся вбила себе в голову, что кроме грыжи у нее есть и другие болезни, чуть ли не рак.

12 марта.

Начальник Гознака Бабаханов сделал пять замечательных альбомов «Первая космическая свадьба». Каждый альбом стоит не менее 200 рублей, но мы за них ничего не платили. Один альбом Николаевы преподнесут Хрущеву, второй — Малиновскому, третий — Вершинину, четвертый — Гознаку, а пятый оставят себе. Р.Я.Малиновская обещала переговорить с Н.П.Хрущевой, чтобы Хрущевы написали несколько слов приветствия Терешковой и Николаеву.

14 марта.

Вчера на заседании Военно-промышленной комиссии Совета Министров СССР рассматривался вопрос о переделке «Востока» в «Восход»: решили делать трехместный корабль. Поручили ВВС готовить экипаж в составе: космонавт, ученый, врач. Пуск намечается на первую половину августа.

Сегодня Бабийчук, Волынкин, Карпов, Газенко, Хлебников и я два часа совещались у маршала Руденко о возможности выполнения поставленной задачи. Все единодушно согласились, что за три месяца подготовить двух пассажиров для космического полета можно. Необходимо немедленно приступать к отбору кандидатов и закончить его не позднее 30 апреля. Решили пропустить через медицинскую комиссию 30 врачей и 30 ученых, чтобы отобрать из 60 человек только 6. Мое личное мнение о предстоящем полете по этому поводу таково: подготовить пассажиров можно, есть значительная доля уверенности, что и полет трехместного корабля можно успешно выполнить, но поспешность и бесплановость, с которой это делается, отдают духом авантюризма. Все это уже привело нашу космическую программу к большим трудностям, а может привести и к грандиозным провалам. Я понимаю, что для Смирнова, Келдыша и Королева сейчас нет другого выхода. Они должны были бы честно и прямо признать, что США догоняют СССР, что в 1964 году Америка может вырваться вперед, а в 1965 году она прочно займет ведущее место в космосе, но они всеми средствами будут оттягивать и маскировать наше поражение. Попытка быстро переделать одноместный «Восток» в трехместный «Восход» и посылка в космос пассажиров — это не тщательно подготовленный дальнейший шаг вперед в деле освоения космоса, а отчаянный рывок. Но за рывками часто следуют срывы, и дай Бог, чтобы мы и на этот раз не сорвались. Положение таково, что сейчас ничего лучшего и не предложишь. Придется делать все возможное, чтобы не допустить срыва, но не все зависит только от нас…

16 марта.

Генерал Н.Ф.Кузнецов очень обстоятельно доложил о поездке Гагарина и Быковского в Швецию и Норвегию. Для него это была первая заграничная поездка. Ребята вели себя нормально, послы довольны, замечаний нет - поездка прошла хорошо.

17 марта.

Оказывается, вчера генерал Кузнецов доложил мне не все о поездке по Швеции и Норвегии. Сегодня звонили из КГБ и сообщили, что в Швеции был случай срыва программы выступлений Гагарина якобы из-за бомбы, подложенной на месте встречи. Реакционные газеты писали: «Бомба для Гагарина — это бомба Хрущеву». Реакционеры были

очень озлоблены массовостью и радушием встреч советских космонавтов и пытались любыми средствами смазать эффект от выступлений героев космоса. За все время поездок космонавтов за границу это, пожалуй, первая серьезная провокация против нас.

Руденко передал мне сегодня, что маршал Бирюзов «дал добро» на набор пассажиров. Генерал Бабийчук уже формирует медицинскую комиссию, а мне маршал поручил возглавить мандатную комиссию по отбору кандидатов.

20 марта.

Почти весь день провел вчера с мамой. Ей пошел уже 86-й год, последние четыре года она прикована к постели. Вчера мама два раза по 2-3 часа сидела в кресле. Из кресла в кровать и с кровати в кресло она передвигается только с посторонней помощью. У нее хороший слух, хорошая память, но она почти не говорит. На вопрос Маруси: «Ты рада, что Коля приехал?», — мама ответила: «А как же!» — и ничего не добавила. Уход за мамой в таком ее состоянии — это тяжелый труд, и он целиком лежит на Шуре, Марусе и Александре. Мама получает 30 рублей пенсии, ежемесячно я высылаю ей 50 рублей. Формально я содержу мать, но мой вклад в заботы о маме не идет ни в какое сравнение с ежедневным трудом по уходу за ней со стороны Маруси, Шуры и Александра. Я чувствую, что делаю далеко не все, что должен был бы делать для матери.

Вчера провел встречу с учениками и преподавателями меленковской средней школы, которую я окончил в 1927 году. Из моих учителей были Анна Георгиевна Новосельцева (Введенская) и Тельш — оба уже на пенсии. Прошло 37 лет, большинство моих учителей уже в могиле (Успенский, Широкогоров, Бельский и другие), а остальные все — на пенсии. Был в классе, в котором я учился в 1925-1927 годах, посидел за своей партой. Учащиеся преподнесли мне альбом с видами города, мы несколько раз сфотографировались. Закончилась встреча хорошим концертом учащихся.

21 марта.

Часа два занимался вчера с Николаевыми. Валя чувствует себя хорошо, но смущается из-за своей фигуры и избегает массовых встреч с людьми. Во время полета в Чебоксары ее мутило в воздухе. В субботу они собираются поехать в Ярославль: сестра Вали родила вторую дочь. Вместе мы еще раз просмотрели все наши замечания по материалам книги «Вселенная — открытый океан». Замечаний много: в книге описываются долгие мечтания о космосе (письмо, разговоры, думы, сомнения), а в жизни все было иначе — до появления представителя из Москвы и разговора с ним у Вали не было и мысли о полете в космос; в книге инструктор ярославского аэроклуба Морозычев задолго до поступления Терешковой в ЦПК называет ее «Гагариным в юбке», хотя это меткое прозвище ей дали уже в Центре за 2-3 месяца до ее полета. Есть много и других замечаний — по описанию встреч и бесед с Королевым. Но учитывая, что книга фактически готова к печати и ее желательно выпустить к третьей годовщине полета Гагарина, мы решили не вносить в текст существенных изменений.

Валя и Андриян с удовольствием рассматривали фотоальбом «Первая космическая свадьба», только что присланный мне Гознаком. Всего изготовлено шесть экземпляров альбома (в записи от 12 марта 1964 года упоминается о пяти экземплярах альбома — вероятно, шестой экземпляр был изготовлен дополнительно для Н.П.Каманина — Ред.). Валя, по-видимому, до сих пор переживает свою уступку Андрияну при выборе фамилии. Она спросила меня: «Как подписывать альбом, Терешкова или Николаева?» Я ответил: «Конечно, Терешкова!» «Вот видишь, — обратилась она к мужу и с обидой добавила: - Националисты вы, националисты…» Перед свадьбой Валя и Андриян были у меня, и тогда мы договорились, что Валя оставляет фамилию Терешкова. Но в ночь перед свадьбой Николаев, под влиянием родных и гостей из Чувашии, настоял, чтобы Валя носила двойную фамилию.

Был Гагарин, рассказал о поездке в Швецию и Норвегию. Его тревожит вопрос о составе экипажа для предстоящего полета. Кроме недостаточной надежности «Восхода», Гагарина беспокоит и малый срок подготовки экипажа. Он высказал пожелание, чтобы командиром «Восхода» был назначен еще нелетавший космонавт. Пожалуй, с предложением Гагарина нужно согласиться. Полет будет продолжаться не более суток, научные задачи программы полета ограничены, а его риск будет значительно большим, чем был до сих пор. Кроме того, летавшие космонавты сейчас далеко не в летной форме, и за 2-3 месяца их будет трудно подготовить. Я разделяю сомнения и беспокойство Гагарина.

Я уже докладывал Главкому, что на затею с полетом «Восхода» реагирую так: как военный, я буду выполнять приказ о наборе и подготовке людей для полета, подготовке самого полета и его осуществлении, буду делать все возможное, чтобы он прошел как можно успешнее, но я заявлял и заявляю, что этот полет будет подготовлен хуже любого предшествующего. Корабль «Восход» менее надежен, чем «Восток»; экипаж будет подготовлен для преодоления отрицательных факторов космического полета значительно хуже Быковского и даже Терешковой. Удача в осуществлении полета совсем не исключается, но ее вероятность резко снижена.

Вершинин и Руденко мою точку зрения и мои опасения знают, но они считают, что у нас нет сейчас другого пути, и мы вынуждены принимать участие в этом сомнительном эксперименте. В сложившейся обстановке для поддержания престижа Родины такой полет, может быть, и нужен, но он имеет сотни «но», и это меня очень беспокоит. Малиновский и Хрущев, конечно, ничего не знают о рискованности этого полета, а открыть им глаза на это крайне сложно — они могут расценить наши сомнения как панику или, в лучшем случае, передать их разбор тем, кто является инициатором полета «Восхода» (Устинов, Смирнов, Королев, Келдыш).

24 марта.

Вчера весь день работал в ЦПК. Занимался вопросами строительства и организацией отбора пассажиров, провел беседу со слушателями-космонавтами. Все слушатели высказались за сохранение в структуре Центра второго отряда космонавтов. Они считают, что до конца учебного года (декабрь) в программу их подготовки никаких изменений вносить не надо. Углубленную специальную подготовку следует начать после госэкзаменов в составе экипажей с определенной нацеленностью на конкретный корабль и на конкретный полет.

Гагарин, Николаев, Титов, Попович, Быковский и Терешкова решительно высказались против эксперимента с космическими пассажирами. Главный мотив их возражений: мало времени на подготовку к полету и трудности для всего экипажа в случае, если хотя бы один из его членов будет чувствовать себя плохо. Надо признать, что подобные сомнения не покидают и меня. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и вероятность поспешных выводов по вопросам отбора и подготовки космонавтов при благополучном исходе полета. Найдется много легкомысленных

академиков и руководителей, которые немедленно потребуют снизить жесткость отбора и уменьшить срок подготовки космонавтов. Королев и другие легко забудут, что требования абсолютного здоровья и натренированности космонавтов — не каприз врачей, а функция состояния космической техники. С улучшением техники требования к пассажирам космических кораблей в принципе могут снижаться и когда-нибудь станут близки к требованиям, которые сейчас предъявляются к пассажирам самолетов. Но упрощать требования к отбору и подготовке людей для космических полетов сейчас, по крайней мере, преждевременно и легкомысленно — это чистейший авантюризм, неуважение к науке и опыту, который мы уже имеем. В Центре все руководство и специалисты поддерживают соображения, высказанные космонавтами, и все очень обижаются на Карпова и ученых Института авиационной и космической медицины, легко и быстро давших добро на новую идею Королева.

Дал задание Титову и штурманам подготовить соображения и требования к проектированию здания планетария (примерно такого, какое мы с Титовым видели в США на выставке в Сиэтле).

27 марта.

Вчера звонил в Меленки. Мама заболела воспалением легких, в возрасте 86 лет ей будет трудно перенести это новое тяжелое испытание. Говорил с Таней (племянница Н.П.Каманина — Ред.), она собирается сегодня на неделю поехать к ней.

Был у меня генерал Бабийчук. Он предложил разрешить медицинской комиссии несколько снизить требования по здоровью к кандидатам на предстоящий полет. Мы договорились с ним, что никаких серьезных скидок в требованиях к пассажирам не будет. В связи с набором кандидатов на полет космический институт Минздрава проявляет большую активность, Минздрав пытается взять на себя функции по отбору космонавтов. Пока что все их атаки в этом направлении отбиты, но война на этой почве будет продолжаться.

Через час после того, как я записал предыдущие строки, ко мне приходил порученец Зверева (ГКОТ) с проектом доклада в правительство о наборе кандидатов в экипаж «Восхода». И даже этот, значительно исправленный, доклад несет следы попыток Минздрава активно включиться в систему отбора и подготовки космонавтов. Я потребовал исправить три пункта:

1) командир корабля — космонавт (добавил «не обязательно летавший»);

2) набор только гражданских (вычеркнул «только» и добавил «и военных»);

3) поручить ВВС и Минздраву отбор и подготовку космонавтов (вычеркнул «и Минздраву»).

Решением ВПК № 59 от 13 марта 1964 года одобрены предложения ГКОТ об изготовлении кораблей «Восход». Решение обязывает исполнителей изготовить корабли и носители для них и отправить их на полигон в следующие сроки: 1-й комплект — 15 июня 1964 года, 2-й комплект — июнь 1964 года, 3-й и 4-й комплекты — июль 1964 года. В пункте № 9 этого решения записано: «Поручить Министерству обороны (ВВС) совместно с ГКОТ, Минздравом и Академией наук СССР в месячный срок разработать и согласовать программу предполетной подготовки летчиков-космонавтов и медико-биологического обеспечения полетов кораблей «Восход». Решением утверждены также графики изготовления оборудования для кораблей и доработки тренажеров для Центра подготовки космонавтов.

Сегодня я более часа беседовал с О.Г.Газенко и Е.А.Карповым — это наши «боги по космической медицине и биологии». Оба твердо высказались за то, чтобы командиром «Восхода» был летавший космонавт, а также подтвердили свое мнение о реальности подготовки пассажиров в трехмесячный срок.

Последние две недели я много думал и много беседовал со специалистами и космонавтами по вопросам отбора кандидатов и их подготовки к полету на «Восходе». Страсти вокруг отбора членов экипажа разгораются все больше. Раньше все было очень просто: космонавтов отбирали и готовили только ВВС. Когда стали готовить к полету девушек, то на выбор кандидатов для полета пытались влиять ОКБ-1, Академия наук и ДОСААФ. А теперь, когда в полет кроме космонавта отправятся врач и инженер, количество организаций, заинтересованных в отборе кандидатов, значительно возросло. Я все больше склоняюсь к тому, чтобы командиром «Восхода» назначить Быковского, Поповича или Титова. Врача отберем из кандидатов Института авиационной и космической медицины, а инженера — из ОКБ-1. В понедельник проведу первое заседание мандатной комиссии по отбору кандидатов на полет. Это будет только ознакомление с кандидатами перед их направлением на госпитальные обследования.

1 апреля.

Вчера похоронили мою маму, Каманину Стефаниду Даниловну. Она умерла около 7 часов вечера 29 марта. Я узнал об этом через несколько минут после ее кончины и немедленно решил ехать в Меленки автомашиной. Мама умерла на 86 году (1876-1964), она прожила долгую и очень трудную жизнь. Мой отец, Петр Иванович Каманин, умер в 1919 году на 49 году жизни. На руках матери осталось семеро детей. В труднейшие годы гражданской войны, разрухи и голода мама сумела найти в себе силы и мужество, чтобы не только вырастить нас, но и дать всем нам образование. Я всегда любил свою мать и восхищался ею, она для меня всегда была примером для достойного подражания. Трудолюбивая, спокойная и рассудительная, она пользовалась большим авторитетом у родственников и знакомых.

Похороны мамы превратились для Меленок в большое событие. Тысячи граждан непрерывным потоком проходили у ее гроба и провожали на кладбище. Собралось очень много родственников: брат моего отца - Александр Иванович Каманин (ему 85 лет, он отлично выглядит и пользуется среди верующих репутацией святого, более 50 лет живет отшельником), брат моей матери - Забалуев Михаил Данилович (ему 73 года, он очень много помогал нашей семье в 20-е годы), двоюродная сестра мамы — Колычева (ей 70 лет, она очень похожа на маму). На похороны собрались все мои сестры: Маруся, Полина, Тоня, Лида и брат Александр. Было много моих двоюродных братьев и сестер. Пришли проститься с моей матерью и мои товарищи по средней школе — И.И.Вощинский, А.В.Ермилов, А.Я.Назаров.

Почти месяц не виделся с Главкомом. Сегодня более часа обсуждали с ним наши космические дела, Главком согласился с моими предложениями:

1) немедленно начать подготовку Титова, Поповича и Быковского с расчетом, что одному из них уже в этом году придется лететь в космос второй раз в качестве командира трехместного корабля «Восход»;

2) сформировать из числа нелетавших космонавтов (инженеров) группу из 6 человек и начать готовить их как членов экипажа «Восхода»;

3) одновременно проводить отбор кандидатов в пассажиры из числа врачей, гражданских инженеров (от Королева) и ученых (от Келдыша).

Я изложил Вершинину (в присутствии А.Н.Пономарева) свое мнение о большом риске полета на корабле «Восход» и легкомысленности затеи с пассажирами из-за недостатка времени на их подготовку. Вершинин понимает риск, сопутствующий полету «Восхода», и возможные неблагоприятные для пассажиров последствия полета. Он заверил меня, что будет отстаивать наш вариант формирования экипажа «Восхода» из числа космонавтов и слушателей-космонавтов.

3 апреля.

Вчера у меня были генерал Бабийчук, полковники Карпов и Газенко. Бабийчук доложил, что у него на совещании были академики Лебединский и Парин. Специалисты по космической медицине и биологии согласились с нашими требованиями к параметрам и здоровью пассажиров космических кораблей: возраст — до 40 лет, рост — от 160 до 175 сантиметров, вес — до 80 килограммов, более жесткие требования к вестибулярной устойчивости (с учетом малого срока подготовки), снижение требований к зрению, слуху и допустимость некоторых дефектов здоровья, не имеющих отношения к переносимости факторов космического полета.

Вчера исполняющий обязанности президента Академии наук СССР Кириллов (Келдыш в Японии) прислал мне список 18 кандидатов от Академии наук в число первых космических пассажиров.

4 апреля.

Вчера был в Центре и объявил Титову, Поповичу и Быковскому решение о необходимости начать их подготовку к полету на «Восходе». Приказал также готовить четырех космонавтов и двух слушателей-космонавтов из числа инженеров для полета в качестве пассажиров. На совещании были Кузнецов, Трофимов, Гагарин, Николаев и другие. Гагарин и Николаев еще раз решительно высказались против гражданских пассажиров. Обязал Кузнецова 6 апреля доложить мне программу подготовки всех четырех групп (летавшие космонавты, нелетавшие космонавты, слушатели-космонавты и пассажиры).

Слушал вчера по радио, как Хрущев вручал в Будапеште Яношу Кадару звезду Героя Советского Союза. Фидель, Ульбрихт, Кадар стали Героями Советского Союза. «За что?» — вот вопрос, с которым ко мне обращались сотни людей. «За что?» — спрашиваю и я — и не нахожу ответа: здравый смысл против таких злоупотреблений. Всех этих деятелей можно было наградить орденом Ленина, но при чем тут звание Героя Советского Союза? Есть только одно объяснение — это намек на то, что 17 апреля, когда исполнится 70 лет Хрущеву, самому Никите должны преподнести это высокое звание. На войне он его не заслужил, подвигов не совершал, но он будет Героем - подхалимы дадут ему это высокое звание.

Тридцать лет я ношу звание Героя, я гордился этим званием, но сейчас оно для меня поблекло. Хрущев оскорбляет самые высокие чувства народа. Хрущева не только не любят, его проклинают и смеются над ним все, с кем мне приходилось говорить о нем (военные, рабочие, крестьяне, служащие, молодежь). Хрущев наделал очень много ошибок: грубейшие нападки на Сталина, возвеличивание самого себя и своих родственников, целина, кукуруза, травосеяние, ошибки в отношениях с Югославией, Албанией, Китаем и в других международных делах, обман, ложь и очковтирательство (восхваление Рязани за три плана по мясу). Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что после смерти Хрущева имя Сталина вновь засверкает и поведет народы вперед, а Хрущева с презрением забудут. «Знаток» сельского хозяйства, он своими «идеями» и советами привел наше сельское хозяйство на грань развала. Особенно плохо у нас с животноводством: до революции в подмосковной деревне Заборье было более 150 коров, осталось — 9; в Домнино (село во Владимирской области — Ред.) коров было более 200, осталось — 28. И такая картина типична для большинства сельских районов. В ближайшие годы мы не можем ждать чуда в деревне. Нужно опасаться дальнейшего ухудшения положения в сфере сельскохозяйственного производства. Хрущев разбазаривает советское добро по всему миру, а наше население терпит невзгоды (нет мяса, плохо с молоком, нет белого хлеба). Особенно грубо ошибся Хрущев с новым районированием (введение двух обкомов, ломка районов, перекрещивающееся подчинение предприятий и так далее).

6 апреля.

Весна затягивается. Больше недели температура около нуля. Тепла все еще нет, на полях много снега, три больших снегопада прошли в марте и апреле. Приближаются знаменательные дни: 12 апреля — День космонавтики, а 13 апреля — тридцатилетие Челюскинской эпопеи. Очень много просьб от прессы, радио, кино, телевидения и других организаций — всем нужны космонавты. Гагарин, по просьбе В.Гагановой, уже ездил к ткачихам в Вышний Волочок, а 10 апреля поедет в Ярославль на областную конференцию. Быковский на 7-8 апреля полетит в Сталинград в Качинское училище. Всем другим героям-космонавтам предстоит провести много выступлений в Москве.

8 апреля.

Вчера у меня собралась вся шестерка: Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Терешкова и Быковский. Договорились по всем вопросам проведения пресс-конференции в Государственном комитете по культурным связям с зарубежными странами (отчет о пресс-конференции опубликован сегодня в «Красной звезде»). Обсудили и уточнили планы поездок и встреч космонавтов с трудящимися: в апреле на каждого придется по 10-12 выступлений. Николаев, например, только вчера выступал три раза (пресс-конференция, Гознак и Государственный комитет химической промышленности). Рассмотрели и завизировали статьи в газеты и журналы (не удовлетворили при этом и одной десятой всех просьб редакций и корреспондентов).

На пресс-конференцию я не поехал, отправил с космонавтами полковника Аристова. Терешкова на пресс-конференцию тоже не поехала, а осталась у меня и подписала альбомы «Первая космическая свадьба» Хрущевым, Малиновским, Вершинину, Бабаханову и мне. Я еще не отказался от намерения убедить Терешкову, что в дальнейшем она должна заняться государственной и общественно-политической деятельностью. На этом пути она сможет сделать много полезного и для народа, и для космонавтики. Из ответов Вали на мои вопросы я понял, что она много размышляла после наших предыдущих разговоров на эту тему и по существу готова работать в рекомендуемом мной направлении, но ее смущают неопределенность в выборе пути и возможное неодобрение товарищей-космонавтов. Нам помешали обсудить этот вопрос до конца, в ближайшие дни мы вернемся к нему. Нужно решать, где осенью будет учиться В.В.Терешкова — в академии Жуковского, как считают все, в том числе и она сама, или на одном из гуманитарных факультетов, как хотел бы я. От решения этого вопроса будет зависеть многое для Терешковой, а может быть, и для космонавтики. Парадоксально, но я убежден, что Терешкова сделает для космонавтики тем больше, чем меньше она будет ею заниматься. К концу нашей беседы вернулся с пресс-конференции Николаев, и разговор переключился на другие темы. Валя заявила, что она ждет девочку и что назовет ее Леной — в честь своей матери Елены Федоровны. Андриян сказал, что будет сын, а я пожелал им и сына и дочь одновременно. Валя спросила меня: «Николай Петрович, если будет мальчик, как его назвать, может быть, Никитой?» Я посоветовал ей не связывать имена детей с именами политических деятелей, да и вообще не торопиться с выбором имени для первенца - есть еще время подумать над этим.

10 апреля.

В Доме ученых провели вчера собрание, посвященное 30-й годовщине Челюскинской эпопеи. Были: Ляпидевский, Молоков, Слепнев, Решетников, Комова, Кренкель, Погосов, Ремов, Фарих, Алексеев, два сына Отто Юльевича Шмидта и другие товарищи. По предложению Ляпидевского принято решение обратиться с письмом к Хрущеву с напоминанием об Указе Калинина (1934 год) о создании памятника челюскинцам и с просьбой о претворении в жизнь этого Указа.

Вчера дважды звонил С.П.Королев. Он говорил о необходимости встретиться и уточнить ряд вопросов по «Восходу» и подготовке для него экипажа. Сергей Павлович просил также послать одного из космонавтов вместе с его заместителем К.Д.Бушуевым в Калугу на празднование Дня космонавтики. Я направил в Калугу Павла Поповича.

Недавно созданный Институт медико-биологических проблем начинает «показывать зубы»: от его руководства на имя Микояна поступило письмо, в котором предлагается наш институт переселить на Чкаловскую, а все помещения и оборудование на Масловке передать ИМБП. Я вызвал Бабийчука и показал ему этот документ. Бабийчук был обескуражен — до него только сейчас стало доходить все значение совершенной им, Мишуком и маршалом Руденко ошибки — создание нового института. Сейчас эту и несколько других атак мы отобьем, но атаки будут продолжаться, и новый институт через 3-5 лет полностью будет руководить космической биологией и медициной в масштабе страны, а космический институт ВВС превратится в узковедомственное заведение. Так осуществляется идея Руденко «поставить институт ВВС на новые рельсы». Я всегда был против этой идеи, доказывал не раз Руденко ее гибельные последствия для ВВС, но я, по-видимому, не все сделал для того, чтобы помешать осуществлению этого проекта.

Сегодня вышла из печати книга Терешковой «Вселенная — открытый океан». Я редактировал эту книгу и написал к ней предисловие, поэтому мне трудно давать ей оценку, но я уверен, что 140 тысяч экземпляров первого издания немедленно разойдутся, и книгу придется несколько раз переиздавать.

11 апреля.

Вчера в Доме офицеров чкаловского гарнизона провели торжественное собрание Центра подготовки космонавтов, посвященное Дню космонавтики. На вечере были: Гагарин, Титов, Николаев, Быковский и Терешкова (Попович был в Калуге), представители ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ и другие. Хорошо выступила пионерка из Ленинграда. Скульптор Постников рассказал о своей работе над портретами космонавтов и преподнес музею ЦПК бюсты Гагарина, Поповича, Николаева и мой. Обратно с нами в машине ехали скульптор Лев Ефимович Кербель и композитор… (фамилия не названа — Ред.). Оба непрерывно «тарахтели» всю дорогу о последних заседаниях Комитета по Ленинским премиям, они считают бесспорными кандидатами на получение премии Майю Плисецкую, Николая Черкасова и Ирину Архипову.

13 апреля.

Этот день для меня особенный: ровно 30 лет тому назад — 13 апреля 1934 года — я, Молоков и Водопьянов вывезли со льдины последнюю шестерку челюскинцев и тем самым полностью завершили эпопею по спасению 104-х человек из ледяного плена. В числе последних из «Лагеря Шмидта» улетели капитан «Челюскина» Воронин, Кренкель, Погосов. Сегодня в 16:00 «Комсомольская правда» собирает большую группу Героев Советского Союза для беседы на тему «Истоки подвига». Я и Гагарин обещали быть на этой встрече. Мне уже звонили Гагарин, Титов и Попович — доложили, что праздники прошли нормально и что они приступили к подготовке для полета на «Восходе».

В субботу 11 апреля на заседании в Большом театре очень хорошо выступил Быковский. Как обычно, удачно говорил Гагарин. От Академии наук выступал Седов. После заседания был большой концерт. Я настоял, чтобы Муся побывала со мной на вечере в ЦПК и на заседании в Большом театре. Она с удовольствием послушала два хороших концерта, самочувствие ее заметно улучшается.

Только что был у меня генерал Кузнецов и рассказал о встрече космонавтов на квартире у Королева 12 апреля. Сергей Павлович в кругу своих заместителей и космонавтов высказался категорически против того, чтобы командиром «Восхода» был один из летавших космонавтов. Кроме того, он очень упрощенно относится к подготовке пассажиров. Все эти неосмотрительные разговоры Королева вносят путаницу в планы подготовки космонавтов и в конечном счете вредят делу. Космонавты, с легкой руки Королева, называют маршала Руденко «шефом Руденковым». Год назад они генерала Одинцова прозвали «Огурцовым», а теперь издеваются и над Руденко. У Руденко есть много ошибок, но космонавты делают еще большую ошибку, если они так зло шутят над руководством ВВС в угоду Королеву. Королев наговорил космонавтам горы небылиц. Он считает, что в 1968 году можно будет слетать на Луну и обратно без стыковок на орбите и без предварительного облета Луны. У Сергея Павловича полный сумбур в голове, и напрасно он свои идеи излагает космонавтам. Для подготовки космонавтов к полетам нужны твердые, хорошо продуманные планы полетов, а не прожекты и мечтания. А в том, что в СССР нет таких планов, больше всего виноваты Королев и Келдыш.

14 апреля.

Вчера я и Гагарин были в редакции «Комсомольской правды». В беседе на тему «Истоки подвига» приняли участие многие Герои Советского Союза. Я выступил первым и рассказал о первых Героях и о подвигах наших летчиков во время войны. Гагарин, выступая вторым, говорил о космических полетах. В основе подвига всегда лежат титанический труд больших коллективов людей, любовь к своей профессии, глубокое знание дела, мастерство и безграничная любовь к Родине, желание прославить свою страну, стремление выполнить долг коммуниста, комсомольца, гражданина Советского Союза.

Из редакции Гагарин к 17:15 поехал на встречу в ЦК КПСС. До Охотного ряда мы ехали в одной машине, и Юра дорогой рассказал мне подробности встречи на квартире у С.П.Королева. Подтвердилась неприязнь Королева к Руденко, его несогласие с нашими наметками по составу экипажа «Восхода» и с программой подготовки полета. Гагарин просил разрешить выезд на охоту группе космонавтов (15-17 человек). Охоту на глухарей организует секретарь Ярославского обкома партии в субботу и воскресенье (18-19 апреля).

15 апреля.

Накануне в редакции газеты «Правда» участвовал в большом сборе Героев Советского Союза, посвященном тридцатилетию установления этого звания. Были: Молоков, Водопьянов, Ляпидевский, Слепнев, Байдуков, Беляков, Кренкель, Маресьев, Конев, Чечнева, Таран и другие. Главная цель совещания — как использовать подвиги и опыт Героев для воспитания молодежи.

Вчера больше часа беседовал с Главкомом по актуальным вопросам освоения космоса. Главком приказал написать два доклада Малиновскому: в первом документе изложить все имеющиеся данные о военных усилиях США в космосе, сравнить их с тем, что делается у нас в этой области, и сформулировать нашу программу на ближайшие 5-7 лет; во втором - дать нашу оценку «Восхода» и предложения по составу экипажа. Вершинин согласен, что «Восход» малонадежен, и считает, что экипаж для него нужно составить не из пассажиров, а из числа хорошо подготовленных космонавтов. Между прочим, США объявили, что первый трехвитковый полет на борту «Джемини» будут осуществлять майор Вирджил Гриссом и капитан-лейтенант Джон Янг. Гриссом уже летал по баллистической траектории (15 минут).

16 апреля.

День 30-летия установления звания Героя Советского Союза. В «Правде» опубликован снимок большой группы Героев и краткий отчет о встрече в редакции. Вчера в Кремле был митинг польско-советской дружбы, поэтому все сегодняшние газеты заполнены выступлениями Хрущева и Гомулки.

Вчера я ездил в Кунцево в Кремлевскую больницу к маршалу Руденко. До мая он будет проходить курс лечения по поводу экземы. Я рассказал маршалу о наших мероприятиях по подготовке к полету «Восхода», о взаимоотношениях с Минздравом и ОКБ-1. В течение двух часов мы обсудили основные космические вопросы и, что редко у нас бывает, кажется, остались довольны друг другом. Руденко по всем вопросам сейчас занимает более гибкую позицию и избегает поспешных решений. Ясно одно: Руденко, как и Вершинин, не хочет допустить вмешательства Минздрава и промышленности в наши военные дела. В этой части они правы: сейчас, после создания Института медико-биологических проблем — это единственно правильный курс.

Провел короткое совещание (Горегляд, Мишук, Холодков, Бабийчук) по вопросу наших взаимоотношений с Минздравом. Договорились, что не будем допускать новый институт к руководству отбором и подготовкой космонавтов, к организации ближайших полетов в космос. Пусть ИМБП занимается теми вопросами, для решения которых он и был создан — обеспечением длительных пилотируемых полетов к Венере, Марсу и другим планетам.

Сегодня Главком подписал приказ об отчислении из ЦПК слушателя-космонавта инженер-капитана Кугно. Он идеологически и морально неустойчив. На вопрос замполита: «Почему не вступаешь в партию?», — он ответил: «Я в эту партию жуликов и подхалимов вступать не буду!» Очень неприятно слышать подобное от любого советского гражданина, а в устах кандидата в космонавты эти слова звучат, как приговор. По-видимому, мы наделали много глупостей, если стали возможными подобные разговоры.

Был у меня Герман Титов. Я поинтересовался его мнением по составу экипажа «Восхода». Герман за то, чтобы в составе экипажа были пассажиры (врач и инженер), а командиром корабля — уже летавший космонавт.

17 апреля.

Хрущеву исполнилось 70 лет. Объявлен Указ о присвоении ему звания Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда Болгарии. Все газеты заполнены материалами о юбилее. Хрущев поступает далеко не по-ленински, скромности и такта у него нет ни на грош. Он объявил борьбу с культом Сталина, а сам всеми силами раздувает свой собственный культ. Но все его усилия только вредят ему. Я тысячу раз убеждался, что народ не любит

Хрущева, а многие просто ненавидят его и издеваются над его попытками стать выше Сталина. За 10-11 лет правления Никиты мы многое потеряли из наследства Сталина и почти ничего не приобрели. Особенно плохо обстоит дело с сельским хозяйством и воспитанием молодежи. Промышленность хоть и продвигается вперед, но в повышении качества продукции и производительности труда, в совершенствовании организации производства мы по существу почти ничего не добились.

В 16 часов в Кремлевском Дворце начались чествования Хрущева. Все социалистические страны наградили юбиляра самыми высокими орденами, а руководители этих стран зачитали приветствия. Приветствия прислали короли и президенты, премьер-министры и руководители партий, даже Мао Дзэ-дун и его соратники не решились замолчать это событие. Пятнадцать лет назад я присутствовал на праздновании 70-летия Сталина в Большом театре — оно прошло в десять раз скромнее. Народ любил Сталина и очень тепло о нем отзывался. А сейчас в народе настойчиво говорят: «Хрущев непрерывно пьет и гуляет, раздает иностранцам наше добро, возвел свою персону и родственников в такой культ, какого никогда не было при Сталине».

20 апреля.

Сегодня ровно 30 лет, как семерым нашим летчикам, и в том числе мне, присвоили звание Героя Советского Союза за участие в спасении челюскинцев. Газеты и журналы широко отметили эту дату (»Правда», «Красная звезда», «Комсомольская правда», «Советский воин», «Литературная Россия», «Неделя», «Авиация и космонавтика» и другие). Очень тепло обо мне написал в «Неделе» Ю.А.Гагарин. Слова «батька», «наставник», «воспитатель», «руководитель космонавтов» пестрят в десятках статей.

Вечером 17 апреля после окончания юбилейных торжеств в Кремле мы с Левой и группой космонавтов выехали на охоту. Всего собралось человек двадцать: Гагарин и Николаев с женами, В.Терешков (брат В.В.Терешковой — Ред.), Комаров, Шонин, Леонов, Хрунов, Волынов, Никерясов, Лева, я и шоферы. Охотничье хозяйство «Нагорье» расположено в 70 километрах севернее Переславля-Залесского. Хозяйство огромное, отличные помещения для охотников, много всякой дичи, но… охоты не было. Охота разрешена только с 26 апреля, к тому же довольно холодно, и глухарь и тетерев еще не токуют. Рано утром группа Леонова охотилась на лося; подстрелить сохатого удалось Хрунову. За обедом все с удовольствием ели лосиную печень, даже Лева похвалил печенку, хотя раньше он вздрагивал при этом слове. Вечером переехали в военное охотничье хозяйство в 25 километрах восточнее Переславля-Залесского — чудесное озеро, великолепные леса. Часа четыре бродили по лесу. Гагарин и Николаев убили глухаря, Комаров подстрелил зайца — вот и все наши небогатые трофеи. Две Вали — Терешкова и Гагарина — приготовили нам чудесный завтрак. Поездка прошла хорошо, все были очень довольны, хотя многим пострелять и не удалось. В 4-6 километрах западнее Переславля-Залесского есть исторический памятник — часовня «Крест», построенная по распоряжению Ивана Грозного на месте рождения его сына Федора в 1557 году. Более 400 лет стоит часовня, открытая всем дождям и ветрам, и время ее меньше состарило, чем некоторые «ценители» старины. Вся наша группа сфотографировалась на фоне этого памятника.

21 апреля.

Вчера был у меня В.А.Семенов (Совмин), около двух часов мы беседовали по вопросам перспектив освоения космоса. Семенов и Ивановский пытаются уговорить нас принять участие в составлении плана Минздрава и МО по медико-биологическому обеспечению длительных космических полетов и в представлении этого совместного плана на утверждение правительству. Я доложил Вершинину, что у нас нет таких вопросов, которые нужно было бы докладывать правительству. Вершинин, переговорив с Бирюзовым, дал согласие все космические планы готовить только от имени Министерства обороны, а в планах Минздрава принимать участие лишь с целью использования их в интересах МО.

23 апреля.

Два часа занимался вчера в Центре подбором кандидатов в экипажи «Восхода». В связи с тем, что пока еще нет твердого решения о формировании экипажа, а время идет, я приказал готовить к полету девять человек (Быковский, Попович, Титов, Волынов, Леонов, Хрунов, Беляев, Комаров и Демин). Полетят из этой девятки один или трое, а готовить пока будем всех.

Сегодня получил документ от Тюлина с резолюциями Смирнова — Бирюзову, Бирюзова - Вершинину и Вершинина — мне. Тюлин предлагает решить вопрос о составе экипажа для «Восхода» и назначить командиром корабля летчика-космонавта, а членами экипажа — врача и инженера или корреспондента. Вершинин приказал мне выполнять то решение, которое я доложил ему вчера на подпись для направления Малиновскому: мы высказались за назначение в полет кандидатов только из числа космонавтов, так как за 2-3 месяца подготовить к космическому полету пассажиров очень трудно и нет уверенности в том, что они смогут хорошо перенести полет. Предстоит длительная борьба против авантюристов, способных ради рекорда послать в космос совсем неподготовленных людей.

24 апреля.

Получили директиву маршала Бирюзова с изложением решения ЦК КПСС и Совета Министров СССР об изготовлении четырех «Восходов» для обеспечения полета экипажа в составе трех человек, а также об изготовлении во второй половине 1964 и начале 1965 годов пяти модернизированных кораблей «Восток» для обеспечения выхода человека в космическое пространство. Это решение, принятое 13 апреля, отодвигает на длительный срок наши попытки решить вопросы военного космоса. Хотя решение о полете многоместного корабля и выходе в космическое пространство косвенно и имеет военное значение, но это далеко не то, что нужно было бы делать в интересах обороны страны. На наших космических планах отчетливо отражается недооценка Малиновским военного значения космонавтики.

Выход человека в открытый космос — очень сложное дело, и на подготовку этой операции потребуется не меньше года. Необходимо будет в мае уточнить с Королевым сроки изготовления и предназначение всех пяти новых «Востоков» и организовать практическую подготовку к полетам на них животных и космонавтов. Наибольшие трудности будут связаны с оборудованием кораблей и изготовлением скафандров и аппаратуры, обеспечивающей выход человека в открытый космос и возвращение его в корабль. По-видимому, потребуется не менее одного-двух полетов космонавтов совместно с животными.

27 апреля.

Сегодня Николаев вместе с полковником Аристовым улетают на несколько дней в Венгрию. Приглашали Терешкову и Николаева, но Валя вынуждена была отказаться от этой поездки из-за беременности.

Звонил С.П.Королев, он ратует за создание специальной комиссии (Тюлин, Королев, Келдыш, Мрыкин, Гагарин и я), которая приняла бы решение о формировании экипажа для «Восхода». Я сказал ему, что мы не против такой комиссии, если она будет рассматривать только те кандидатуры, которые предварительно отобраны комиссией ВВС. Сергей Павлович согласился с моим условием, но высказался против назначения командиром «Восхода» уже летавшего космонавта. Я заверил Королева, что мы не видим серьезных оснований для спора о том, кто будет командиром «Восхода» — летавший или нелетавший космонавт. Есть много доводов за то, чтобы полетел нелетавший космонавт, и главные из них следующие:

1) у нас станет больше космонавтов, уже побывавших в космосе;

2) в случае неприятностей с «Восходом» будет легче предотвратить их широкую огласку;

3) полетное задание будет простым, а сам полет — непродолжительным.

По вопросу о пассажирах корабля Королев ничего не говорил — он, по-видимому, считает, что мы безоговорочно согласны с его точкой зрения, но именно в этом вопросе у нас главные расхождения.

28 апреля.

Сегодня Вершинин, я, Гагарин, Титов, Попович и Быковский были на приеме у маршала Бирюзова и генерала армии Епишева. Эту встречу организовал я с целью довести до руководства Министерства обороны необходимость срочно решать целый ряд вопросов военного использования космоса. Космонавты преподнесли Бирюзову и Епишеву свои книги и фото с дарственными надписями. Перед поездкой космонавты собрались у меня, и мы договорились, какие вопросы будем поднимать перед начальством, но все прошло несколько иначе, чем мы предполагали. Старики «зажали» молодых и сами очень много говорили о значении для страны их подвигов и долго призывали «держаться на высоте». После получасовой беседы и фотографирования все перешли в столовую. Мы пили за маршалов, а они — за космонавтов и их руководителей. Бирюзов сказал, что он и Епишев пришли к выводу о необходимости объединения военного космоса под руководством ВВС, и рекомендовал написать за подписью космонавтов доклад министру по основным проблемам космонавтики, заверив нас, что этот материал не пройдет мимо Генштаба и что он и Епишев всегда поддержат ВВС. Епишев и Бирюзов, вспоминая о совместной работе в Харькове в 1938-1940 годы, высказали много лестного в мой адрес. Епишев, обращаясь к космонавтам, сказал: «У вас есть с кого брать пример, учитесь у Николая Петровича, будьте такими, как ваш руководитель…» Встреча была полезной, и она не должна пройти бесследно.

29 апреля.

Сегодня приехал на работу в 8 часов утра, а в 8:20 Главком вызвал меня к себе. Я доложил ему справку для выступления на заседании ВПК по проекту «Положения о межведомственной комиссии по космической медицине и биологии». В «Положении» этой комиссии ей присваивается роль руководителя всех проводимых в Министерстве обороны работ, связанных с обеспечением пилотируемых космических полетов. Вершинин обещал добиться полной переработки проекта «Положения».

Более пяти часов писал письмо космонавтов маршалу Малиновскому. В конце письма предлагается объединить весь военный космос под руководством ВВС. Я старался написать это письмо так, чтобы в нем отражалась как бы точка зрения космонавтов. Через час буду докладывать его Главкому.

Только что сообщили резолюцию министра обороны на нашем письме о составе экипажа для «Восхода»: «Бирюзову. Потребовать от ОКБ-1, чтобы все требования ВВС были выполнены». Надо понимать, что это указание министра относится и к «Восходу», и к его экипажу.

30 апреля.

Вершинин одобрил письмо космонавтов министру обороны, но просил сделать так, чтобы с этим письмом раньше Малиновского был ознакомлен Бирюзов. В письме изложены четыре вопроса:

1. В стране отсутствует план пилотируемых космических полетов. Нет даже плана на 1964 год. Сейчас — апрель, а до сих пор неизвестно, кто, когда и с каким заданием отправится в полет. Это плохо отражается на подготовкеа и качестве полетов и может быть причиной тяжелых срывов и происшествий. 2. США опережаютСССР в военном космосе, наша военная программа не выполняется.

3. Заедает ведомственность — в МО все виды Вооруженных Сил занимаются космосом. Необходимо все усилия по военному использованию космоса сосредоточить в ВВС.

4. Штат ЦПК ВВС не соответствует новымзадачам. Необходимо создать на его базе научно-исследовательский испытательный центр космических полетов.

Позвонила Терешкова и сообщила, что она получила фотоальбом «Первая космическая свадьба» со следующей надписью: «Дорогие Валя и Андриян! Желаем Вам большого счастья и новых больших успехов. Н.Хрущев, Н.Хрущева».

Кроме того, Нина Петровна прислала очень теплое личное письмо с пожеланиями Вале и Андрияну здоровья, счастья и благодарностью за подаренный ими альбом.

4 мая.

Все праздничные дни 1, 2 и 3 мая провел на даче. Много работал в саду: подрезал и привязывал старую малину, посадил 60 кустов новой, белил деревья, убирал и сжигал мусор, восстановил летний водопровод и делал еще сотни более мелких дел. Работал физически по 13-14 часов в сутки и чувствовал себя превосходно. Вчера прошли хорошие дожди, но тепла еще нет.

5 мая.

Забыл записать: 30 апреля перед самым концом рабочего дня мне позвонил Главком и радостным голосом сообщил: «Звонил Бирюзов, сказал, что он «обработал» маршала Гречко. Гречко обещал во время поездки с Хрущевым в Египет переговорить с ним по вопросу объединения военного космоса под руководством ВВС».

Итак, три главные фигуры, окружающие министра обороны — Гречко, Бирюзов, Епишев - за объединение военного космоса в ВВС.

Сегодня Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Быковский и Терешкова подпишут письмо министру — посмотрим, как будет Малиновский отбиваться от такой атаки. Но радоваться еще рано, надо продолжать бой до полной победы. Даже в случае согласия министра на объединение военного космоса под эгидой ВВС будет еще немало трудностей внутри самих ВВС: Руденко, Пономарев, Брайко и Мишук способны влиять на Вершинина и тормозить полное объединение. Вся эта компания наделала уже много ошибок, но самая грубая ошибка Руденко, Мишука и Бабийчука — это создание ИМБП Министерства здравоохранения. Вчера звонил Ивановский и сказал, что Королев, Челомей, Зверев, Дементьев, Калмыков и Келдыш написали письмо в ЦК КПСС с просьбой передать запланированную для ЦПК ВВС центрифугу ЦФ-16 новому институту. Почти каждый день приходится отбивать претензии Минздрава на командование пилотируемыми космическими полетами.

Уже 5 мая, а от Королева все еще нет кандидатов для отбора в состав экипажа «Восхода». Из 50 кандидатов нашего института, Минздрава и Академии наук 36 уже отчислены, лишь 14 человек заканчивают медицинские обследования.

7 мая.

Вчера с утра до 16 часов был в ЦПК. Осмотрел строительство, был на занятиях у космонавтов, беседовал с Гагариным, Титовым, Поповичем, Николаевым, Терешковой, Соловьевой и Пономаревой, разобрал целый ряд текущих вопросов.

С 17 до 19 часов того же дня был на совещании у Королева. От ВВС кроме меня были: Кузнецов, Гагарин, Холодков, Смирнов, Покровский; от РВСН — генерал Керимов. Кроме того, были Строев, Галлай, Северин, Ткачев, Цыбин и другие. В короткой речи Королев высказался категорически против каких-либо мероприятий по повышению надежности «Восхода» из-за недостатка времени. Он заявил, что в 14 полетах «Зенитов» и 10 полетах «Востоков» случаев разгерметизации не было, и это дает ему основание утверждать, что мероприятия, страхующие экипаж на случай разгерметизации, излишни. На самом деле Королев не хуже нас знает, что на «Востоках», в случае разгерметизации, космонавт мог 4-6 часов жить и работать за счет спасательного скафандра и специального обеспечения кислородом, а при разгерметизации на «Восходе» экипаж немедленно погибнет. Сергей Павлович высказался и против индивидуальных парашютов для космонавтов. Он считает, что космонавты не смогут использовать парашюты в случае аварийной ситуации. Он сказал также, что не видит необходимости в натурных испытаниях «Восхода». Строев, Ткачев, Северин и другие товарищи поддержали Королева. В защиту предложений ВВС выступили Смирнов и Гагарин. Принято решение еще раз в рабочем порядке под руководством Королева и с участием представителей ВВС просмотреть наши предложения и дать по ним окончательное заключение. Эта процедура будет излишней, так как Королев заявил, что он намерен твердо отстаивать свое мнение. Я понимаю Сергея Павловича — у него нет другого выхода: «Восход» может быть только ухудшенным вариантом «Востока». Он докладывал Хрущеву, что риск полета на «Восходе» больше, чем на «Востоке», и получил согласие на этот риск в надежде на большой политический эффект от полета трехместного космического корабля.

ВВС сделали все возможное, чтобы обратить внимание промышленников и руководства на серьезные недостатки корабля «Восход», и высказали конкретные предложения по улучшению некоторых его систем. Наши предложения не принимаются — придется лететь на таком «Восходе», каким его сможет сделать промышленность. В таком случае военные могут сказать только: «Есть!» Получим приказ, и хоть на метле улетим на Луну без всяких надежд возвратиться на родную Землю. Ради политики и поддержания престижа Родины приносились и большие жертвы.

9 мая.

День Победы над фашистской Германией. 9 мая 1945 года я был в Чехословакии. Утром под городом Брно мы начали последнее наступление с целью ликвидации группировки немецких войск, которая еще не капитулировала. Немцы не приняли боя, они поняли всю бессмысленность дальнейшего сопротивления и подняли руки.

Сегодня исполняется 80 лет со дня рождения Бориса Илиодоровича Россинского. Кое-кто, а в первую очередь он сам, утверждает, что Ленин назвал его «дедушкой русской авиации». Заслуги Россинского перед авиацией ничтожны, личные его качества оставляют желать много лучшего (хвастлив, навязчив, нескромен, беззастенчиво искажает историю), но он один из старейших русских летчиков — старику уже 80 лет, может быть, это последний его юбилей. По совету Главкома и Рытова решили послать ему от ВВС скромное приветствие.

11 мая.

Первый раз в этом сезоне играли с Мусей в теннис. Я играл неважно, а Мусе после операции нельзя еще быстро двигаться, и наши постоянные партнеры В.А.Смирнов и Е.Н.Шестаков — впервые за два года одержали над нами победу. Через 2-3 игры мы войдем в норму и сумеем добиться прошлогодних результатов, а тогда все игры были за нами.

В субботу в Главный штаб ВВС привезли проект письма Смирнову Л.В. от Тюлина, Королева и Келдыша о составе экипажа для «Восхода». Королев упорно хочет навязать нам свою волю и послать в космос, кроме космонавта, двух почти неподготовленных пассажиров. В марте с этой идеей согласился маршал Руденко, тогда с оговорками и мы

поддержали ее, имея в виду, что на подготовку членов экипажа у нас будет 3-4 месяца. Королев впустую потерял два месяца и до сих пор не выделил от ОКБ-1 ни одного кандидата. За срок менее 2-х месяцев подготовить пассажиров нельзя — с этим согласился Вершинин, и даже Руденко понял, что Королев «тянет» нас на бессмысленный риск; маршалы отказались визировать письмо. Руденко позвонил Тюлину и сказал, что сейчас уже поздно рассчитывать на включение в экипаж пассажиров.

На этой неделе предстоят решительные бои с Королевым: он и в требованиях к технике, и по формированию экипажа пока не отступил ни на шаг от своих позиций. По-видимому, мы будем вынуждены уступить ему в вопросах повышения надежности «Восхода», но отправлять на нем в космос плохо подготовленный экипаж нельзя.

12 мая. С.П.Королев, К.Д.Бушуев и я были сегодня в авиагоспитале в Сокольниках (Королев звонил мне вчера, и мы договорились об этой поездке). Сергей Павлович заехал за мной в Главный штаб ВВС и по дороге в Сокольники наговорил мне целую кучу новых своих идей. Он считает возможным четвертый экземпляр «Восхода» подготовить для выхода человека в космос к очередной годовщине Октября, мечтает подготовить облет Луны со стыковкой на орбите или с использованием носителя Н-1 (в Куйбышеве он уже обозначен в металле). Для отработки выхода в космос Королев предлагает переделать пять «Востоков» в «Восходы». Сергей Павлович просил продумать эти предложения и поддержать их. Вчера Королев по телефону выразился так: «Николай Петрович, я надеюсь, что мы, как и во всех предыдущих пусках, союзники?» Я ответил ему, что я за союз интеллектов, но без эмоций — полет должен быть подготовлен надежно.

В госпитале Королев нажимал на врачей (Усанов, Федоров, Бабийчук и другие) с целью сокращения сроков обследования кандидатов с 20-25 дней до 10-12. Врачи не выдержали натиска и согласились ограничить обследование 15-17 сутками. Королев настоятельно просил нас сократить программу подготовки пассажиров, он неоднократно повторял: «Вполне достаточно покрутить кандидатов на центрифуге и потренировать их вестибулярный аппарат». Сергей Павлович явно недооценивает необходимость тщательной подготовки людей к полету на «Восходе». Он собирается вместе с Келдышем приехать в космоцентр (так он называет ЦПК) и убедить всех космонавтов и специалистов в возможности сокращения четырехмесячной программы подготовки пассажиров до двух месяцев. В этом, ничем не обоснованном, намерении Королева много риска, но есть и свой заманчивый смысл: в СССР такие надежные космические корабли, что на них уже летают пассажиры — это большая политика. Придется еще раз очень внимательно изучить программу подготовки и все, что можно, сократить.

13 мая.

В конце вчерашнего рабочего дня Главком вернулся от маршала Бирюзова и сразу вызвал Руденко, Рытова, Мишука, Холодкова и меня. Оказывается, министр уже рассмотрел письмо космонавтов и написал на нем: «Бирюзову. Изучить вопрос и доложить предложения». Во исполнение этой резолюции Бирюзов собрал своих заместителей и помощников (Турантаев, Герасимов, Повалий, Алексеев, Серегин и другие) и в присутствии Вершинина дал им указание готовить предложения по объединению всего военного космоса в ВВС. Для этой цели создана группа из представителей ВВС (Руденко, Каманин, Гагарин, Мишук, Холодков) под руководством Вершинина и представителей Генерального Штаба во главе с Турантаевым.

Сегодня мы поедем к Турантаеву и начнем завершающие бои за объединение космоса. Сейчас, когда нас поддерживают Бирюзов, Гречко и Епишев, можно на 90 процентов быть уверенным, что весь военный космос будет передан в ВВС. Самые большие трудности я предвижу теперь внутри ВВС. Для дела было бы лучше объединить все службы (Кузнецов, Холодков, Волынкин, Карась, Керимов) под руководством заместителя Главкома по космосу, но против этого будет бешено сопротивляться Пономарев. Вершинин и Руденко пока стоят на позиции «двух крыльев», то есть хотят иметь два командования — боевое и техническое.

15 мая.

Два дня работаем в Генеральном штабе над объединением космоса в ВВС: я, Мишук, Холодков, Гагарин (от ВВС), Турантаев, Серегин, Харичев и другие (от Генштаба). Бирюзов и Турантаев поддерживают нас, но добрая половина их подчиненных почти открыто делают все, чтобы сорвать принятое решение. Серегин — наш серьезный противник, а Харичев нас поддерживает. Вчера все наши собирались у Главкома, обсуждали план работы группы. Сегодня и завтра на специальных занятиях будем изучать космические средства всех видов Вооруженных Сил.

Только что позвонил Вершинин и передал распоряжение Бирюзова: Гагарину и Полежаеву не разрешается присутствовать на сегодняшних занятиях. Это распоряжение - дело рук генерала Серегина: он запугал Бирюзова возможностью разглашения военной тайны. В общем можно сделать вывод, что, пока добьемся объединения космоса, придется испортить много крови.

18 мая.

Турантаев, Мишук и Серегин сегодня улетели на полигоны, завтра Вершинин и Руденко улетят во Владимировку на сборы командующих воздушными армиями. Работу по объединению космоса в течение этой недели будут продолжать: от Генштаба Юрышев и Харичев, от ВВС — я и Холодков.

Звонил С.П.Королев, договорились с ним встретиться завтра и утрясти все вопросы подготовки «Восхода» и его экипажа. Кроме того, я хочу с ним посоветоваться по основным вопросам объединения космоса. До последнего времени Королев был за передачу военного космоса в ВВС, но какую линию он займет сейчас, сказать трудно. Во всяком случае надо попытаться заполучить его в союзники.

Из 14 кандидатов ОКБ-1 в экипаж «Восхода» при первичном отборе отсеялись 6 (в частности, О.И.Козюба и Е.А.Фролов — Ред.), остальных положили на обследование в госпиталь (В.Н.Волков, Г.М.Гречко, В.П.Зайцев, В.Н.Кубасов, О.Г.Макаров, А.М.Сидоров, К.П.Феоктистов и В.А.Яздовский — Ред).

21 мая.

Продолжаем работать в Генштабе: от ВВС — я и генерал Холодков, от Генерального штаба - генерал Юрышев, полковники Харичев и Морозов. Наиболее трудными из обсуждаемых вопросов оказались: полигоны, противокосмическая оборона, система контроля космического пространства. Эта работа для меня лично полезна в плане уяснения общих задач военного использования космоса и состояния разработок по различной космической

тематике. Я все больше убеждаюсь в необходимости как можно быстрее передать руководство военной космонавтикой в ВВС, любая другая организация для этого менее пригодна.

Сегодня был в ОКБ-1, более часа беседовал с Королевым и Бушуевым. Отредактировали доклад Смирнову об экипажах для «Восхода»; решили, что командиров экипажей выберем из четверки нелетавших космонавтов (Волынов, Комаров, Леонов, Хрунов). Сергей Павлович показал мне чертежи «Восхода», который приспосабливается для выхода человека в космическое пространство. На основном люке будет вырезан второй люк, к которому будет присоединена «гармошка» выходного шлюза, — решение простое и смелое. Меня смущает только вопрос о скафандре. Королев надеется, что для выхода в открытый космос можно использовать уже имеющийся скафандр для «Востоков», а мне он кажется слишком громоздким для этой операции. Но в общем идея хорошая, ради решения проблемы выхода человека из корабля в космос нужно идти и на некоторый риск. Я рассказал Королеву о новом туре попыток объединения космоса. Сергей Павлович заверил меня, что он, как и раньше, стоит за передачу военной космонавтики в ВВС. «Рожденный ползать - летать не может», — Королев несколько раз повторил эту крылатую горьковскую фразу.

26 мая.

23 мая в ОКБ-1 отметили пятидесятилетие Константина Давыдовича Бушуева — одного из лучших заместителей С.П.Королева. Бушуев очень скромный и приятный человек, с ним легко и хорошо работается. Более 30 организаций прислали свои приветствия и адреса юбиляру. В этот же день похоронили генерал-лейтенанта Ф.Ф.Жеребченко. Два года назад он перенес инфаркт, прочного зарубцевания не произошло, и в том же месте порвались ткани сердца.

Вчера у Турантаева продолжали работу по объединению космоса.

27 мая.

Вчера провел заседание мандатной комиссии по отбору врачей в экипажи «Восхода». Присутствовали Мишук, Холодков, Кузнецов, Бородин, Бушуев, Правецкий, Карпов, Федоров, Рудный и другие — всего 23 человека. Рассмотрели 8 кандидатур: Лазарев В.Г., Егоров Б.Б., Поляков Б.И., Сорокин А.В., Сенкевич Ю.Н., Ярошенко Г.Л., Иванов И.С. и Простакишин Г.П. Решили: рекомендовать Главкому ВВС и Государственной комиссии зачислить в группу первых четырех кандидатов. Из всех врачей наилучшее впечатление производят Лазарев, Поляков и Егоров. Думаю, что лучшим из этой тройки будет Поляков. Он гражданский человек, а для политических целей полета это очень важная деталь, и можно быть уверенным, что подавляющее большинство членов Госкомиссии будет за него. Предварительно рассмотрели и две кандидатуры ученых (Катыс Г.П., Москалев О.Б.). Катыс — доктор технических наук, хороший кандидат в экипаж «Восхода» и сильный конкурент всем кандидатам из ОКБ-1. Через несколько дней будем рассматривать кандидатуры инженеров из ОКБ-1 и тогда решим судьбу Катыса. На подготовку врачей и инженеров (пассажиров) остается всего полтора месяца — это очень мало, но с учетом политических задач полета «Восхода» могут послать в полет и этих «голеньких птенцов».

28 мая.

8 часов утра, а Главком уже прибыл на работу. С минуты на минуту он вызовет меня и будет интересоваться ходом наших совещаний по объединению военного космоса и другими космическими делами. Вершинин, Руденко и другие только вчера вернулись из Владимировки, где в течение 8 дней проводились сборы командующих воздушными армиями.

Н.С.Хрущев выступал вчера по телевидению с докладом об итогах своей поездки в ОАР (Объединенная арабская республика — Ред.). Мне было неприятно слушать Хрущева, а многие слушали его с озлоблением. Генерал Г.П.Лешуков заявил: «Неужели он не понимает, что встречали не его, а советские деньги… Присвоение Насеру и Амеру званий Героя Советского Союза граничит с преступлением… Обирает свой народ и одаривает черномазых…» Я твердо знаю, что так же думают большинство советских людей.

Умер премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Это большая утрата, она может сказаться на наших отношениях с Индией. Неру был умным государственным деятелем и обаятельным человеком.

Вчера два раза звонил С.П.Королев, его интересовало мое мнение о кандидатах-врачах в состав экипажа «Восхода». Сегодня он принимает у себя всех проходивших комиссию, а завтра, наверное, окончательно решим, кого будем готовить к полету.

29 мая.

Королев звонил вчера и сегодня, он очень доволен кандидатами, отобранными для подготовки в качестве членов экипажа «Восхода». Сегодня Главком подписал приказ о зачислении в группу подготовки экипажа для «Восхода» Лазарева, Егорова, Полякова, Сорокина и Катыса. Завтра я еще раз соберу этих товарищей, побеседую с ними и отправлю в ЦПК, а с 1 июня их «поставят на режим» и начнут подготовку к полету.

Сегодня был на совещании у заместителя начальника Генерального штаба генерал-полковника Герасимова. Обсуждали вопрос о передаче центрифуги из ВВС (Чкаловская) в Минздрав (Планерная). Генерал Юрышев высказался за передачу, пришлось «дать ему бой», меня поддержали Герасимов и Ивановский. Решили считать эту единственную в стране большую центрифугу межведомственной, оставить ее в Чкаловской, но обязать ВВС предоставлять возможность использования ее другим ведомствам.

4 июня.

Вчера у С.П.Королева провели первое техническое совещание по «Восходам» с представителями всех заинтересованных организаций. От ВВС были: я, Холодков, Кузнецов, Карпов, Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Быковский, Леонов, Комаров, Волынов, Хрунов, Беляев. Выступили: Северин, Алексеев, Ткачев, Воронин, Исаев, Винокур, Быков, Мнацаканян, Раушенбах, Богомолов, Цыбин, Холодков, Щеулов, Леонов и другие. Все выступавшие указывали на трудности качественной подготовки объектов 3КВ и 3КД в короткие сроки. Королев потребовал от всех смежников выполнить поставки комплектующих изделий до 12 июня. Он рассчитывает 15 июня первые два «Восхода» отправить на полигон и в июле запустить их с манекенами. В августе — вывести на орбиту «Восход» с тремя космонавтами, а в сентябре — осуществить полет с выходом в космос. Трудностей в подготовке техники и людей к предстоящим полетам больше, чем когда-либо раньше, а шансов на успех меньше, чем при любом предыдущем полете. Все сознают это, но обстановка (США уже вывели на орбиту технологические корабли «Джемини» и «Аполлон») требует попытаться еще раз продемонстрировать всему миру, что мы продолжаем лидировать в космосе.

В конце вчерашнего дня был в ЦПК. Уточнили специализации и программы подготовки космонавтов. Решили на роль командира «Восхода» готовить двух, а для выхода в космос — трех космонавтов.

11 июня.

Целую неделю ничего не писал в дневник… Подготовительные работы по объединению космоса продолжаются. Каждый день обсуждаем с Руденко, Вершининым, Турантаевым и другими возникающие трудности и намечаем пути их решения. В трудностях много надуманного — нужно смело разрубать все «узлы» и быстрее передавать космос в руки ВВС.

7 июня около 15 часов Терешкова почувствовала приближение родов. Николаев вызвал доктора медицинских наук Калганову. После осмотра было решено отправить Валю в Институт акушерства и гинекологии. 8 июня в 12:30 консилиум врачей решил провести операцию кесарева сечения. Операция прошла хорошо — родилась девочка весом 3,1 килограмма и ростом 51 сантиметр. Послеоперационное состояние матери и ребенка удовлетворительное. Вчера ТАСС сообщил об этом событии, а сегодня в газетах появились фото и статьи.

Провели заседание мандатной комиссии по отбору инженеров в экипаж «Восхода». Отобрали и направили для подготовки в ЦПК К.П.Феоктистова, но необходимо отобрать еще двух кандидатов. Теперь решающее слово за С.П.Королевым, так как от него поступило пять инженеров. Нам все равно, кого готовить, так что пусть принимает трудное решение: из пяти хороших кандидатов выбрать двух лучших.

12 июня.

Были вчера с Мусей на приеме у Вальтера Ульбрихта. В Доме приемов было более 1000 человек. Были все космонавты, кроме Терешковой. Лотта Ульбрихт, знакомясь с Мусей, сказала: «О, вы такая же милая, как и ваш муж!» Сегодня утром я был в Кремле в резиденции Ульбрихта, оттуда мы вместе с Лоттой поехали навестить Терешкову. Нас встретили Николаев и руководители института. Валя чувствует себя хорошо, а новорожденная Леночка — превосходно.

13 июня.

Вчера у Главкома почти четыре часа совещалась рабочая группа по объединению космоса (Руденко, Турантаев, Пономарев, Мишук, Юрышев, Серегин, я и другие). Окончательно отредактировали доклад министру и схему организации центрального аппарата. Инженерная часть передается Пономареву, а для руководства «боевым космосом» вводится должность заместителя Главкома по космосу. Пономарев неоправданно усложняет дело, а Главком и Руденко слабо сопротивляются его нажиму.

18 июня.

15 июня у маршала Бирюзова было совещание. Вершинин и Турантаев доложили наши предложения по объединению космоса. Бирюзов настоял на том, чтобы исключить из доклада раздел о введении в ВВС должности заместителя Главкома по космосу. Он сказал: «Сейчас такое предложение может только затруднить решение вопроса о передаче военного космоса в ВВС; когда решится главное, тогда и вернемся к этому предложению». Решение плохое, но ради передачи космоса в ВВС можно принять и его.

16 июня весь день был в ЦПК, уточнял программы подготовки экипажей для кораблей «Восход» и «Выход» (первоначальное название корабля 3КД для выхода космонавта в открытое космическое пространство — Ред.). Проверил план показа Центра маршалу Гречко и Миронову (заведующий административным отделом ЦК).

Вчера стало известно, что Гречко улетел в Ташкент. Сегодня в ЦПК приедут только работники ЦК (Миронов, Корионов, Толкунов) и маршалы Вершинин и Руденко.

19 июня.

Весь день вчера был в ЦПК. Встреча с работниками ЦК прошла хорошо. Вершинин и все остальные довольны порядком, людьми и организацией дела. Существенных замечаний не было.

Вчера вечером у нас в семье было много волнений и переживаний. Дело в том, что Оля уже пятый день болеет, у нее температура резко и часто колеблется от 38 до 39,7. Врачи не могут установить причину заболевания, а Оля ни на что не жалуется. Вчера врач поликлиники ВВС — хирург Стрельцова - высказала подозрение на аппендицит, по ее совету Муся и Люда повезли Олю в детскую больницу имени Филатова. Там Олю обследовали и исключили возможность аппендицита, но просили в 10 часов вечера еще раз показать ее врачам. Вечером Оля крепко спала, и мы решили не возить ее в больницу. Ночью она спала хорошо, утром проснулась бодрой и, как обычно, ни на что не жаловалась. Врачи ВВС сегодня будут еще раз ее осматривать. В такие минуты я и Муся особенно ощутимо чувствуем, как дорога нам Оля. Все неприятности по службе, а их бывает немало, в сравнении с переживаниями за родных и близких теряют всякую значимость.

На первой странице этой тетради (обычно Н.П.Каманин вел свои записи в общих тетрадях — Ред.) я высказал предположение, что она будет «пустой» в смысле возможности осуществления очередного пилотируемого

космического полета и описания этого события на страницах данной тетради. Тетрадь кончается, полетов не было, но на этих страницах записано немало интересных подробностей о нашей борьбе за объединение космоса в ВВС, а также о подготовке полетов первых многоместных космических кораблей и первого выхода космонавта из корабля в космическое пространство.

Сегодня я прочитал большое интервью Вернера фон Брауна о сроках и возможностях полета на Луну. Он подтвердил свою уверенность в том, что до 1970 года американцы побывают на Луне и вернутся на Землю. Он высказался и о возможных новых космических подвигах русских, но твердо заявил, что достигнутый размах работ в США скоро должен обеспечить им ведущую роль в космосе. К сожалению, он прав. Мы способны еще продемонстрировать несколько захватывающих дух трюков, но у нас уже нет оснований утверждать, что мы сохраним лидерство в космосе. Полеты «Восхода» и «Выхода» могут на 1-2 года замаскировать наше отставание от Америки и удовлетворить честолюбивые устремления Хрущева, но для специалистов уже сейчас ясно, что мы отстаем, а в случае неудач с «Восходом» или «Выходом» провал нашей космической программы станет очевидным для всех.

20 июня.

Вчера звонили Бушуев и Северин — оба обеспокоены тем, что кандидаты в члены экипажа «Восхода» оказались «великанами». У Катыса и Бендерова рост сидя — 95 сантиметров, а у подполковника Демина — даже 98 сантиметров (у других космонавтов рост сидя — до 90 сантиметров). Придется всех троих снимать с подготовки к полету и готовить других кандидатов. По настоянию Королева мы значительно отступили от жестких требований при отборе кандидатов в члены экипажа (возраст, рост, вес, зрение и прочее) и вот теперь будем расплачиваться за эти уступки. Нам и ранее хорошо было известно, что большие рост и вес — это не благо для космонавта, а сейчас, конкретно для «Восхода», предельным ростом сидя может быть 90-91 сантиметр. Такое ограничение возникло только в последние дни в связи с переделкой амортизации кресел и увеличением их хода с 20 до 40 миллиметров.

До запланированного на 15 августа пуска «Восхода» осталось меньше двух месяцев, а у нас в подготовке техники и экипажей столько «дыр», что их будет очень трудно залатать в оставшееся до полета время. Еще не утверждены задание на полет и программа подготовки экипажей (утверждает председатель Госкомиссии по пуску) и много других неопределенностей. Все это - результат отсутствия государственного плана пилотируемых полетов в космос и последствия спешки. Для значительного улучшения руководства нашей космонавтикой необходимо не только немедленное объединение космоса в ВВС, но и создание государственного органа по управлению всеми космическими исследованиями. ВПК занимается космосом от случая к случаю, а им нужно заниматься непрерывно.

23 июня.

Звонил Королев, он недели на две едет отдыхать в Чехословакию. Говорили с ним о кандидатах для полетов на пяти первых кораблях «Союз». Состав экипажа каждого корабля будем подбирать в зависимости от программы и продолжительности полета. Руденко высказал мнение, что командирами экипажей «Союзов» нужно назначить Берегового и Шаталова, но мне кажется, что командирами кораблей «Союз» могут быть только летчики-космонавты, то есть люди, уже побывавшие в космосе.

24 июня.

Сегодня будем хоронить генерал-полковника Василия Ивановича Кузнецова. Он был на 14 лет старше меня, мы работали года четыре вместе с ним в ДОСААФ, последние десять лет он был в отставке. А вчера Валентина Терешкова с дочерью Леночкой выписалась из родильного дома и уехала на Чкаловскую. Жизнь идет: одни умирают, другие появляются на свет - происходит непрерывное обновление поколений, но этот процесс становится заметным для каждого отдельного человека в те редкие моменты, когда он затрагивает его лично или близких ему людей. В работе, как в бою, не замечаешь потерь и не думаешь, что придет и твоя очередь. Для здорового и работающего человека это, по-видимому, нормальное состояние. Только бездельники и больные имеют время для всяких грустных размышлений, а пока здоров и занят любимым делом, надо «болеть» работой.

25 июня.

Уже кончается июнь — в этом году он выдался сухой и жаркий. Дождя не было более месяца, все сохнет, на полях и лугах раньше времени появились светлые и желтые тона.

Сегодня у меня были Гагарин и Николаев, оба жалуются на перегрузки встречами и выступлениями. Им смертельно надоели «встречи с народом», и я делаю все возможное, чтобы сократить их отрывы от работы и учебы до минимума, но часто приходится получать категорические приказы. Вот и сегодня Гагарин и Николаев едут к маршалу Бирюзову; он проводит встречу с пионерами, а космонавты нужны ему «для фона».

Владимиру Константиновичу Коккинаки сегодня исполнилось 60 лет. Я знаю Володю около сорока лет. Он настоящий орел и много сделал для авиации. Космонавты и я послали ему приветствия.

Вчера был в мастерской скульптора Постникова. Бюст Николаева он сделал блестяще. Попович, Гагарин и Терешкова «схвачены» хорошо, но с Титовым и Быковским ему не повезло. Он показал мне два эскиза монумента «Юность и авиация». Я одобрил тот, где символическая фигура юности с лицом Аркадия (старший сын Н.П.Каманина, в возрасте 15 лет освоивший полеты на самолете По-2 — Ред.) устремляется в небо. Поговорили мы с Постниковым и о новом космическом значке (типа значка «Восток»).

26 июня.

Тяжелая выдалась неделя. Все мы жили надеждой, что в эти дни состоятся решения по объединению космоса, но… наш доклад еще не дошел до маршала Малиновского. Мне известно, что доклад подписали Бирюзов, Епишев, Вершинин, Алексеев, Повалий. По словам Бирюзова, согласны были подписать доклад маршалы Гречко и Крылов, но сведений о подписании ими документа ни у Вершинина, ни у Руденко нет. Наш проект «наскочил» на большой подводный риф. Но кораблекрушения не будет: объединение космоса — это насущная государственная задача, и она будет решена против воли спесивого Малиновского и наперекор безволию моих шефов — Вершинина и Руденко.

Сегодня получили приказ министра обороны от 18 июня 1964 года о планах космической разведки на пять лет. Кроме «Зенита», «Моря-1» и других беспилотных космических аппаратов есть в этом плане и орбитальный самолет

«Р» и космический корабль «Союз». В приказе ставятся задачи Генштабу, РВСН, ВВС и ВМФ. Думаю, что перед подписанием этого приказа у Малиновского был разговор с Бирюзовым на космическую тему и в итоге — охлаждение «объединительных усилий» у начальника Генерального штаба.

27 июня.

Опять большие неприятности с Германом Титовым. По словам Гагарина, вчера около одиннадцати часов ночи Титов возвращался из Москвы домой. В Измайлове, на Первомайской улице, у троллейбусной остановки две женщины подняли руки с просьбой подвезти их. Титов остановил машину и сказал, что он едет до Щелковского шоссе, а дальше — направо. Одна женщина сказала, что ей не по пути, а вторая попросила подвезти ее до станции метро. Первомайская улица плохо освещена; Титов ехал с большой скоростью и поздно заметил на дороге кучу старого асфальта и камней - он затормозил, но машина передком ударилась о камни и перескочила через них. Герман отделался легкими ушибами, а его попутчица, по-видимому, получила более серьезные травмы, но крови и других заметных следов ушибов у нее не было. Девушка сама вышла из машины, подождала такси и уехала. Титов перегнал свою машину на буксире в гараж ЦПК и ушел домой спать. Часа в три ночи на квартиру Титова в ЦПК приехали следователи ОРУДа — оказалось, что девушка, не доехав до больницы имени Склифосовского, скончалась в такси. Сейчас это дело расследуют комендант Москвы генерал-лейтенант Колесников и прокурор Московского гарнизона.

За день до этого с Титовым было еще одно происшествие. На его машину якобы наскочил пьяный мотоциклист (это случилось около полуночи на Можайском шоссе, за рулем был шофер). Несмотря на целый ряд автопроисшествий, которые ранее случались с Титовым, и невзирая на внушения начальства и полученные взыскания, он продолжает пьянки, встречи с женщинами и бесконечные нарушения правил вождения автомобиля. Несколько дней назад у меня с ним был очень серьезный разговор, я прямо сказал Герману, что настаивал на освобождении его от должности заместителя командира отряда и что его «спасло» лишь слабоволие Вершинина. Я не верю версии вчерашнего происшествия, изложенной Гагариным со слов Титова. По-видимому, он посадил эту девушку в свою машину не на троллейбусной остановке и не с целью подвезти. Впрочем, не буду гадать…

Приезжали Гагарин, Николаев и Титов (с заплатками на подбородке). Пока точно установлено, и Титов сам подтвердил, что он был за рулем не совсем трезвым (выпивал часа за 2-3 до происшествия). Сегодня в 5:00 врачи записали: «Трезв, но со следами алкоголя». Титов написал рапорт о происшествии, он пишет, что до 22 часов был вместе с председателем Краснопресненского райисполкома. Следствие по делу ведет военная прокуратура.

29 июня.

Утром разговаривал с секретарем Краснопресненского райкома товарищем Колчиным и председателем райисполкома товарищем Федоровым. Оба подтвердили, что Титов уехал от них 26 июня около 23 часов. Секретарь парткома ЦПК подполковник Новиков был у директора 619-й школы Капитанчук Ирины Павловны, которая рассказала, что пострадавшая — учительница английского языка Фоменкова Галина Федоровна — ушла со школьного выпускного бала в 23:15. Таким образом, можно считать доказанным, что Титов никогда ранее не встречался с Фоменковой и не знал ее, а посадил в машину на остановке по ее просьбе. В семье погибшей восьмилетний сын Славик и отчим Иванов Михаил Алексеевич 62 лет, проживающий в Смоленске. Титов выделил 150 рублей на похороны Фоменковой, а Новиков обещал Иванову устроить его внука в суворовское училище. Титова, по-видимому, судить не будут, но моральная его вина в гибели 33-летней женщины огромна: нетрезвым сел за руль и ехал с большой скоростью ночью по плохо освещенной улице.

30 июня.

Около часа беседовал вчера с Вершининым о дисциплине летчиков-космонавтов и по некоторым другим вопросам. Маршал подтвердил давно уже известное положение, что наше положительное влияние на космонавтов недостаточно, а пагубное влияние верхов, связанное с приемами, встречами, выпивками и восхвалениями, продолжается. Вершинин разрешил разобрать дело Титова в партийном порядке и дал согласие на приказ по ЦПК о строгом наказании Титова. По вопросу объединения космоса Главком рассказал следующее: все подготовленные документы лежат у Бирюзова; Крылов отказался их подписывать и написал свое письменное возражение против них; маршалу Гречко документы еще не докладывали, а Бирюзов почему-то медлит с докладом министру — по-видимому, он ждет более благоприятной обстановки для рассмотрения данного вопроса. Вершинин внимательно изучил задание на полет экипажу «Восхода» и утвердил его.

Вчера получили от Тюлина и Королева замечания по программе подготовки членов экипажа космического корабля «Восход». Королев своей рукой написал, что для них упражнения по полетам на самолетах и по парашютным прыжкам следует считать необязательными. Эти замечания мы принять не можем — полеты и прыжки будут выполнены.

Дня три назад получили ответ Генерального штаба за подписью Штеменко на письмо Вершинина о необходимости дополнительных заказов «Востоков» и «Союзов» на 1966-1967 годы. Штеменко пишет: «На 1964-1965 годы заказано 4 «Восхода» и 5 «Востоков» для отработки выхода в открытый космос, а на 1966 год заказано 4 «Союза». На последующие годы заказы будут уточняться». Короче говоря, в ближайшие 2-3 года мы ничего не будем предпринимать по отработке элементов боевого применения пилотируемых космических кораблей. Ничего не предпринимается и для подготовки полета человека на Луну. Все это — результат незаинтересованности ракетных войск в развитии пилотируемых космических полетов и недальновидности маршала Малиновского. Сейчас, после шести наших и четырех американских пилотируемых полетов, не понимать, что человек, а не автомат будет решающим звеном в освоении космоса — значит ничего не понимать в космических делах и не чувствовать перспективы.

2 июля.

Весь вчерашний день провел в ЦПК. Занимался вопросами подготовки экипажей «Восхода». Бендерова и Полякова по состоянию их здоровья пришлось освободить от дальнейших занятий. У Бендерова после центрифуги устойчиво держится кровь в моче, а Поляков плохо чувствовал себя и в термокамере, и на центрифуге, и при вестибулярных тренировках. Для дальнейшей подготовки к полету осталось семь человек: Волынов, Катыс, Комаров, Егоров, Сорокин, Лазарев и Феоктистов. Шестеро первых могут успешно закончить подготовку, а Феоктистова нельзя допускать к парашютным прыжкам и полетам: у него, оказывается, острота зрения только 0,3.

Во второй половине дня был на заседании бюро парторганизации первого отряда космонавтов. Разбирали дело Германа Титова. Выступали Новиков, Беляев, Николаев, Гагарин, Попович и я; Пономарева, Быковский, Волынов, Заикин и Кузнецов поддержали нас. За три года, прошедших после блистательного полета в космос, Титов так много наделал глупостей и ошибок, что необходимы очень крутые меры в последней попытке удержать его от недостойного поведения. Товарищи гневно, прямо в лицо, говорили Герману горькую правду: «Оторвался от коллектива, плохо живешь с Тамарой, «задрал нос», заводишь много сомнительных знакомств, много выпиваешь, садишься за руль в нетрезвом состоянии, часто нарушаешь правила уличного движения, своим поведением позоришь всех космонавтов и вредишь делу, которому все мы посвятили свою жизнь». Много было высказано и других упреков и предупреждений, в том числе такое: «Взлетел очень высоко, но, потеряв доверие коллектива и народа, можешь упасть очень низко». Я при всех сказал Титову: «Своими поступками ты уже поставил себя вне партии и вне коллектива космонавтов. Есть все основания для исключения тебя из партии и лишения всех званий — депутат, Герой, летчик-космонавт, подполковник…» Но Титова знает не только советский народ, его знает весь мир. Позор Титова будет позором всех космонавтов, позором нашего народа. Мы не можем допустить этого и сделаем еще одну, последнюю попытку оставить Титова и в партии, и в отряде космонавтов. Все единогласно проголосовали за строгий выговор Титову. По строевой линии понизим его в должности, запретим выступления, посещения приемов и управление автомобилем. Я приказал Кузнецову подчинить Титова Береговому и перевести его на режим подготовки к полету на «Союзе». Это делается не для того, чтобы Титов полетел на «Союзе» одним из первых, а в целях восстановления и сохранения его как космонавта.

Сегодня Финогенов (начальник полигона ВВС во Владимировке — Ред.) доложил, что летные испытания системы приземления «Восхода» не возобновляются уже более двух недель из-за отсутствия кольца новой конструкции для крепления парашютов. Одно из колец новой конструкции разрушилось при статических испытаниях.

3 июля.

В Москве уже третий день идут ливневые дожди, а на даче все выгорело от засухи: температура 30-32 градуса, и более 40 дней нет дождя.

Во вчерашнем бюллетене ТАСС есть интересные сообщения о Джоне Гленне. Американский врач Вагнер, побывавший в СССР и встречавшийся с В.В.Париным, сообщил корреспондентам, что у Гленна после его падения в ванной в феврале этого года до сих пор продолжаются сильные головокружения. Он высказывает предположение, что у Гленна, Шепарда и Титова могут быть отклонения в ориентации, вызванные полетами в космос. Наши врачи не находят у Титова никаких отклонений, но характер Германа после полета изменился до неузнаваемости. Он излишне тороплив: всегда спешит и везде опаздывает. Ему трудно сосредоточиться на каком-либо одном деле, он с трудом может просидеть 10 минут на одном месте. Он недисциплинирован, увлекается встречами и выпивками, безумно любит быструю езду на автомашине. У меня уже не первый раз возникает мысль о возможной связи поведения Германа с воздействием на его организм факторов космического полета.

Только что говорил по телефону с полковником медицинской службы Хлебниковым (начальник медицинской службы ЦПК), он еще раз подтвердил, что ни у одного из наших космонавтов, в том числе и у Титова, после полета не отмечается никаких отклонений от медицинских норм, зафиксированных для каждого перед полетом. Дал задание генералу Бабийчуку и полковнику Хлебникову провести тщательное обследование всех летавших космонавтов и особое внимание обратить на Титова и Быковского: на Титова — из-за его поведения, а на Быковского — как на космонавта, больше всех пробывшего в космосе. Мне кажется, что в наших медицинских обследованиях много субъективного и поверхностного, что врачи не в состоянии фиксировать мельчайшие изменения в организме. А эти изменения безусловно есть и они влияют на настроение, работоспособность и поведение человека.

6 июля.

В субботу весь день был в ЦПК. Обсудили вопрос о составе экипажей для «Восхода». Выслушав соображения врачей, Кузнецова, Гагарина и других, я принял решение сформировать первый экипаж в составе Волынова, Катыса и Егорова; второй — в составе Комарова, Феоктистова и Сорокина. Лазарев будет запасным для обоих экипажей. Сегодня Руденко и Вершинин согласились с этим моим решением.

Для полета с выходом космонавта в открытый космос мы готовим Беляева, Леонова, Хрунова и Горбатко. На мой вопрос: «Кто из вас желает готовиться для выхода в космос?» — все ответили: «Я». Они понимают, что главная задача этого полета — выход в космос, и каждый считает для себя честью выполнить это задание. Для выхода в космос нужны очень выносливые и волевые люди. Желательно, чтобы, возвратясь из космоса, космонавт мог хорошо проанализировать свою работу, ощущения, переживания и все виденное. Лучшие кандидатуры для этой цели — Леонов и Хрунов. Беляева и Горбатко будем готовить командирами кораблей.

Сегодня Вершинин, Руденко, Брайко и я осмотрели новый музей Вооруженных Сил. Музей небольшой, но в десять раз лучше существующего. Здание нового музея еще строится и будет открыто в феврале 1965 года. Специально для видов Вооруженных Сил не будет выделено отдельных помещений. Армия будет показана как единое целое по этапам ее развития: зарождение, гражданская война, мирный период, Великая Отечественная война (решающие битвы), послевоенное развитие Вооруженных Сил. Два зала специально отводятся освоению космоса. Главком поручил Брайко и мне контролировать вопросы освещения истории авиации и космонавтики в новом музее.

7 июля.

Вчера мне позвонил следователь по особо важным делам полковник Днесперов, который ведет дело Г.С.Титова, и

сообщил, что показания Титова и шофера такси расходятся с заключением медицинской экспертизы, согласно которой смерть Фоменковой наступила мгновенно, а Титов и шофер такси говорят, что после аварии она 20-30 минут ходила по тротуару, а затем остановила такси и уехала. Следователь подозревает, что ее положили в такси уже мертвую. Пока нет достоверных данных, как все было в действительности. Ясно одно, что Титову не верят и для этого есть все основания. Нам Титов доложил, что на его вопрос: «Где пассажирка?» — ему ответил милиционер: «Она только что уехала на такси», а следователю Титов сказал, что на этот его вопрос так ответили какой-то молодой человек и девушка. Следователь мне сказал: «Титов и шофер такси сговорились, но детали не подтверждают их версию». По-видимому, Титов пал значительно ниже, чем я себе представлял.

11 июля.

Только что звонил следователь по делу Титова. Следствие заканчивается; состава преступления со стороны Титова не обнаружено, происшествие квалифицируется как несчастный случай. Но Титов должен нести серьезную партийную и административную ответственность за неоднократные случаи управления автомобилем в нетрезвом состоянии и другие нарушения правил уличного движения.

9 июля в Феодосии провели третье испытание системы приземления «Восхода». Парашютная система и тормозные движки сработали нормально, но пока нет данных о скорости корабля в момент приземления. Овчаренко просит ускорить направление в Феодосию четырех специалистов, он не может своим персоналом обеспечить своевременную обработку результатов испытаний.

Вчера в Академии наук встречался с одним из руководителей американской космической программы Вильямом Ловелейсом, близким другом президента Джонсона. Ловелейс приехал в СССР на 2-3 недели вместе с женой и двумя дочерьми 14-ти и 16-ти лет. Он подтвердил, что Джон Гленн и Шепард не совсем здоровы, но головокружения у Гленна врачи объясняют его падением в ванной комнате, а болезнь уха у Шепарда связывают с неудачной операцией по удалению гланд.

Сегодня неожиданно открылся пленум ЦК КПСС. На пленум из отпуска вызвали Малиновского, а Бирюзова не вызвали — это дает основание думать, что ЦК не будет обсуждать военные вопросы. Но возможны решения пленума о перемещении Малиновского, о создании Министерства гражданской авиации и о введении 8-часового рабочего дня с двумя выходными днями в неделю. Все эти решения могут резко изменить обстановку в МО и ВВС и благоприятно сказаться на осуществлении планов объединения космоса. Только бы не назначили Вершинина министром ГВФ (Гражданский воздушный флот — Ред.), его уход из ВВС повредит нашему делу и мало поможет гражданской авиации. Пусть уж министром ГВФ ставят Логинова, хотя он и не совсем подходит для этой роли.

16 июля.

Вчера закончила свою работу сессия Верховного Совета СССР. А.И.Микоян избран председателем Президиума Верховного Совета вместо Л.И.Брежнева. Брежнев будет замещать Хрущева по работе в ЦК. Сессия приняла законы о пенсиях для колхозников и о повышении зарплаты врачам, учителям и другим работникам обслуживающих профессий. Вопросы о перемещении Малиновского и о создании Министерства ГВФ не рассматривались. Пока в Министерстве обороны нет никаких перемен, и это очень плохо для дела объединения космоса. Малиновский и Бирюзов в отпуске, а с 25 июля уходит в отпуск Вершинин. Практически до октября никто не будет заниматься вопросами космоса.

Подготовка к полету «Восхода» идет плохо, очень много технических неполадок, особенно с системой приземления. Все сроки пуска технологического «Восхода» прошли, и нет никакой определенности, когда будет пуск «Восхода» с экипажем. Два командира корабля (Волынов, Комаров), три врача (Лазарев, Егоров, Сорокин) соответствуют своему назначению, и подготовка их к полету идет нормально. С кандидатами на полет из числа ученых дело обстоит хуже. Имеется всего два кандидата - Катыс и Феоктистов. Подготовка Катыса идет неплохо, а у Феоктистова кроме слабого зрения выявлены дефекты позвоночника и двенадцатиперстной кишки. В связи с задержкой полета «Восхода» я отправил в дом отдыха «Чемитоквадже» четверку космонавтов, готовящихся для полета с выходом в космос (Леонов, Хрунов, Беляев, Горбатко).

17 июля.

Вчера более двух часов провел в военной прокуратуре. Беседовал с главным прокурором Вооруженных Сил генерал-лейтенантом Горным, с его заместителями и со следователем по особо важным делам полковником Днесперовым. Читал уголовное дело о гибели Г.Ф.Фоменковой. Выводы следствия таковы: «Произошел несчастный случай, для привлечения Г.С.Титова к судебной ответственности оснований нет». Из материалов следствия и разговоров с работниками прокуратуры мне стало абсолютно ясно, что если бы на месте Титова был рядовой офицер, его бы судили. Следствие прошло мимо целого ряда ложных показаний Титова. Он показал, что 26 июня выпивал только до 14 часов, а фактически пил до 22 часов. Титов управлял машиной в нетрезвом состоянии, а в акте экспертизы записано: «Был трезв, но со следами алкоголя». Он доложил следователю, что до 26 июня не имел автопроисшествий, а он имел их, и не одно. Только за сутки до этого происшествия он имел столкновение с мотоциклистом. Короче говоря, я больше не верю Титову. Я еще попытаюсь вытащить его из грязи, но у меня нет уверенности, что он сможет от нее очиститься.

Сегодня Титову в присутствии Кузнецова и Трофимова прокурор объявит результаты следствия. Позже с ним будет беседовать и Главный маршал авиации Вершинин. Подобных бесед было уже много, но они, пожалуй, приносят больше вреда, чем пользы.

20 июля.

В субботу был в ЦПК, наблюдал за тренировкой Волынова, Катыса и Егорова в корабле. Экипаж размещен очень плотно, позы космонавтов не совсем удобны, но отсутствие скафандров несколько компенсирует этот недостаток «Восхода». Катыс не умещается в стандартное кресло, его голова на 3-4 сантиметра выходит за заголовник кресла. Гай Ильич Северин обещал сделать для Катыса индивидуальный заголовник. Я рассказал экипажу о ходе испытаний «Восхода» в Феодосии и о приземлении очередного «Зенита». Он опустился в Уральских горах на 30-градусный склон, тормозной движок сработал уже после того, как корабль, прокатившись метров 300, остановился. Учитывая недостаточно надежную систему приземления «Восхода», целесообразно каждому члену экипажа иметь специальное

приспособление для защиты головы и лица. Дал задание Кузнецову и Холодкову продумать конкретные средства защиты для каждого члена экипажа. Академия наук не дала еще всех рекомендаций по проведению научных экспериментов в полете на «Восходе». Я договорился с Г.А.Скуридиным об ускорении этого дела, он обещал завтра дать все исходные данные и указания, как проводить научную работу. Оба экипажа «Восхода» жалуются на чрезмерную перегрузку программы полета медицинскими наблюдениями и исследованиями. Я дал задание генералу Бабийчуку сократить эту часть программы.

24 июля.

Вчера снова был в ЦПК. Подготовка экипажей «Восхода» идет нормально; план подготовки был рассчитан до 1 августа, но в связи с тем, что пуск, судя по всему, состоится не раньше сентября, я разрешил продлить подготовку до 15 августа. Специалисты ИАКМ высказались за проведение суточного зачета экипажам «Восхода», а космонавты и врачи ЦПК считают, что зачетную тренировку в корабле можно провести за 6-8 часов. По-видимому, хотя бы для одного экипажа нужно провести суточный эксперимент.

Заходил на квартиру к Титовым, долго беседовал с Тамарой. Все мои худшие предположения подтвердились. Герман много и часто пьет, несколько раз не ночевал дома, при управлении автомашиной ведет себя как лихач. Тамара утверждает, что ему нельзя доверять руль. Он ездит на очень больших скоростях, обижается, когда его обгоняют, старается обогнать своего «обидчика» и для этой цели нередко меняет свой маршрут. Потом пришел Герман, он сказал, что сможет собственными силами поправить дело и восстановить доверие к себе.

27 июля.

Титов вчера сдал высшую математику на пятерку и улетел с Тамарой в Киев навестить свою дочку. Я приказал ему быть на работе в 9:00 во вторник.

29 июля.

27 и 28 июля проводил совещания в Институте авиационной и космической медицины. В совещаниях участвовали генералы Волынкин, Клоков, Бабийчук, Строганов, Холодков, Кузнецов и другие. Подготовили план создания тренажеров и испытательных стендов для ИАКМ и ЦПК на 6-7 лет. В план включены учебные космические корабли, тренажеры для прилунения и взлета с Луны, макет тяжелого межпланетного корабля. Для размещения стендов институту необходимо построить новый корпус площадью 6-7 тысяч квадратных метров. Тренажеры и стенды ЦПК можно разместить в корпусе «Д» ангарного типа, который только что закончили строить. Решили передать из ГКНИИ в ЦПК термобарокамеру ТБК-60 и один утепленный ангар. Для размещения в ЦПК лунных тренажеров, тренажера по космической навигации и боевому применению космического корабля надо строить новое здание, проектирование которого необходимо закончить в 1965 году. Кузнецов и Клоков внесли предложение: Институт авиационной и космической медицины переместить в Чкаловскую, а на его место в Москву перевести ЦНИИ-30. Это предложение отвечает перспективам развития обоих институтов, его реализация значительно улучшит контакт Института авиационной и космической медицины с Центром подготовки космонавтов, но на такое решение трудно будет поднять руководство ВВС.

1 августа.

Позавчера Руденко, Рытов и я беседовали с Титовым. Герман признал свою вину в происшествии 26 июня, он заявил: «Дошел до ручки, дальше идти некуда». Титов дал правильный анализ причин своих «неудач»: оторвался от коллектива, завел много сомнительных знакомств с богемой (артисты, художники, литераторы и так далее), много пил, нарушал дисциплину и режим, не ночевал дома — все это не могло не привести к ЧП. Руденко и Рытов объявили Титову, что кроме понижения его в должности руководство ВВС приняло еще целый ряд мер с целью помочь ему исправиться. Титову до особого распоряжения запретили управлять автомашиной и убывать из гарнизона без личного разрешения начальника ЦПК, выезжать за границу и на полигон, выступать на ответственных собраниях. За Титовым будет организовано систематическое медицинское наблюдение. Придется побольше загрузить его работой и установить за ним более жесткий контроль.

Месяц тому назад я сказал Титову, что больше не верю ему, что он обманул партийную организацию, товарищей и меня, утверждая, что при столкновении служебной машины с мотоциклом (25 июня) не он, а шофер управлял автомашиной. Я настоятельно советовал тогда Титову признать свою вину в этом происшествии и снять с шофера-солдата тяжелую обузу ложного показания. Герман долго не решался сказать всю правду, но 30 июля он по своей инициативе рассказал, как все было на самом деле. Это запоздалое честное признание меня порадовало и вселило надежду на возможность исправления Германа. Только что разговаривал с Тамарой Титовой по телефону. Она сказала, что в поездке в Киев Герман вел себя хорошо, последние дни он много занимается, но тяга к поездкам в Москву у него есть, и сегодня он собирается поехать в АПН. Я посоветовал Тамаре не отрываться от него и, если потребуется, напоминать ему о наложенных на него взысканиях и ограничениях.

Из переговоров с Королевым и Ивановским окончательно выяснилось, что в августе пуска «Восхода» с экипажем не будет и что «Выход» в этом году в космос не поднимется. Экипажи для «Восхода» полностью закончат подготовку к 10 августа, после чего я разрешил отправить всех кандидатов на полет в дом отдыха «Чемитоквадже».

Вчера американский космический аппарат «Рейнджер-7» в 16:25 по московскому времени врезался в поверхность Луны со скоростью 7,5 тысяч километров в час. За 15 минут до встречи с Луной на АМС включились телевизионные камеры и передали на Землю 4 тысячи снимков. Все наши газеты сообщают об этом полете, но считают нужным напомнить об американских неудачах с лунниками и о том, что советская АМС «Луна-3» еще в 1959 году сфотографировала обратную сторону Луны. Информация о полете «Рейнджера-7» пока очень скупа, но я чувствую, что американцы добились в освоении Луны результатов, перекрывающих наши прежние успехи. Глупо недооценивать это новое большое достижение в освоении космоса.

10 августа.

Десять дней отдыхал на даче. Много работал физически, отремонтировал мостик и дорогу у ворот. Каждый день ходил с Олей в лес. Появились первые грибы, но пока их очень немного.

6 августа похоронили генерал-полковника Миронова. Недавно мы поздравляли его с пятидесятилетием, желали ему прожить еще столько же, но он не прожил и месяца… Отдыхая в Светлогорске, он в шторм пошел купаться и утонул. На пляже он был один, и никто не видел, как он погиб. Вскрытие показало, что он захлебнулся, сломаны четыре ребра, на теле много ушибов и ссадин, большой синяк на виске. Обидная и тяжелая потеря. Формально Миронов был моим непосредственным начальником, но фактически я уже три года подчиняюсь только Руденко и Вершинину. Было бы неплохо, если бы генерала Катрича выдвинули на должность заместителя Главкома ВВС по боевой подготовке. Эту должность могут предложить и мне: назначение на нее разрешило бы проблему присвоения мне очередного звания «генерал-полковник», но я готов еще двадцать лет ходить генерал-лейтенантом, лишь бы заниматься только космосом. Я не верю в перспективы военной авиации, а присутствовать на ее похоронах в качестве могильщика не имею желания.

13 августа.

Вчера в ЦПК провели первое заседание Государственной комиссии по пуску космического корабля «Восход». Председательствовал Тюлин, кроме членов комиссии (Королев, Руденко, я, Правецкий, Мрыкин, Керимов) присутствовали: Бурназян, Бабийчук, Кузнецов, Волынкин, Бородин, Гагарин, Николаев, Гуровский, Карпов и другие. Обсуждали вопрос о составе экипажа корабля «Восход». Доклады о состоянии здоровья и итогах подготовки кандидатов на полет сделали Хлебников, Карпов и Кузнецов. К полету подготовлены два экипажа: основной — Волынов, Катыс, Егоров — и дублирующий - Комаров, Феоктистов, Сорокин; запасным для обоих экипажей является врач-летчик Лазарев. Все эти товарищи успешно закончили программу подготовки к полету, но Феоктистова врачи забраковали по здоровью, а Егорова по результатам обследований они оценивают значительно ниже Лазарева и Сорокина. Королев, Правецкий, Мрыкин и другие высказались за сохранение Феоктистова в числе кандидатов на полет, учитывая его большую ценность как специалиста. Наши врачи и Руденко были против допуска к полету Феоктистова. Королев просил не отчислять Феоктистова, а еще раз внимательно оценить все его возможности и дополнительно доложить о них Госкомиссии. После жарких споров решили пока продолжать подготовку всей семерки, имея в виду, что первыми кандидатами на полет будут Волынов, Катыс и Егоров, но любой из них решением Госкомиссии может быть заменен запасным кандидатом. Запасными утвердили Комарова, Лазарева и Сорокина. Вопрос о Феоктистове будет рассмотрен после специального доклада врачей о состоянии его здоровья.

15 августа.

Сегодня день рождения Оленьки — ей уже пять лет. Муся много труда и здоровья вложила в ее воспитание. У нас есть все основания надеяться, что рядом с нами растет и набирается сил хороший человек.

Вчера был в ОКБ-1. Тюлин и Королев проводили техническое совещание по носителю и космическому кораблю «Восход». Докладывали Шубралов, Черток, Косберг, Богомолов, Исаев, Воронин, Северин, Ткачев и другие главные конструкторы. Общий вывод: за короткий срок коллективами институтов, КБ и предприятий проделана громадная работа и значительно повышена надежность всех систем носителя и корабля «Восход». Второй этап летных испытаний парашютно-реактивной системы приземления «Восхода» прошел успешно. Из 10 приземлений 9 осуществлены со скоростью не более 7,5 метров в секунду, из них 6 — со скоростью от 0 до 1,5 метров в секунду. Решено провести еще

3 зачетных испытания. Есть все основания надеяться, что система приземления не подведет, но для большей гарантии успешной посадки необходимо выбрать район приземления с мягким грунтом и проводить посадку при умеренном ветре. Решено, что ОКБ-1 отправит корабли на космодром в период 18-25 августа. Пуск технологического корабля с манекенами планируется осуществить до 5 сентября, а полет «Восхода» с экипажем — в период с 15 по 20 сентября. Будем делать все возможное, чтобы пилотируемый полет провести не позже конца сентября.

Сегодня вместе с четырьмя братьями-летчиками из Болгарии и генералом Захариевым были на приеме у маршала Малиновского. Болгары «просились в космос», но маршал отделался шуточками и не дал никаких конкретных обещаний. Сегодня же в ЦПК приезжал Сергей Никитович Хрущев, с ним была группа специалистов от Челомея. Этот визит связан с решением Президиума ЦК КПСС о поручении Челомею подготовить пилотируемый облет Луны на базе «пятисотки» (ракета-носитель УР-500 — Ред.) в 1967 году.

17 августа.

С 14 августа всех космонавтов отправил в отпуск. Гагарин поехал на охоту в Ленинград. Титовы и Быковские уехали в Киев. Поповичи - в Липецке, Марина переучивается на МиГ-21. Экипажи «Восхода» отправились на короткий отдых в Архангельское. Терешкова и Николаев остались в Москве. Только что разговаривал по телефону с Андрияном и Валей, уговорил их присутствовать сегодня на торжественном заседании, посвященном Дню авиации. Валя уже два месяца сидит с дочкой дома, пора ей показаться на людях.

Позвонил полковник Масленников и доложил, что 16 августа Павел Попович повредил ногу. Попович был в гостях у своих соседей, уходя от них и поднимаясь по лестнице, он поскользнулся и упал, получив серьезную травму ноги. Часом позже позвонил генерал-полковник Рытов, ему о происшествии с Поповичем уже звонили Н.Р.Миронов и министр общественной безопасности Тиунов. Последний собирается писать доклад в ЦК КПСС. По версии Тиунова 17 августа в 00:40 Поповича доставили в институт Склифосовского на «Волге» в состоянии легкого опьянения и с переломом ноги. С ним были две подвыпившие женщины и мальчик лет 15-ти, все вели себя вызывающе. Я приказал Масленникову провести официальное расследование и завтра доложить о его результатах, но и без расследования ясно, что Попович грубо нарушил режим космонавта (правда, он в отпуске): выпивал и не лег спать в 23 часа. После происшествия он не вызвал наших врачей, а поехал в институт Склифосовского. Сейчас даже самые незначительные происшествия с космонавтами становятся известными секретарям ЦК: о них спешат доложить со смаком разные «бдительные» услужливые люди, хотя очень часто причины происшествий ведут к этим же людям.

18 августа.

Сегодня отмечаем День авиации. Вчера в президиуме торжественного собрания были: маршалы Малиновский, Бирюзов, Конев, Соколовский и другие; открыл заседание Вершинин. Из космонавтов были: Гагарин, Николаев и Терешкова.

16 августа в газете «Красная звезда» опубликованы статья и фото о приеме Малиновским четырех болгарских братьев-летчиков, желающих стать космонавтами.

Сегодня в 8:30 Вершинин уже на работе, он был в отпуске всего три недели, 20 августа он летит с визитом в Польшу.

В 11 часов я принимал делегацию пионеров из Караганды. 14 юных «космонавтов» привезли летчикам-космонавтам подарки (шахтерские каски, лампы и т.д.) и очень хотели встретиться с ними. От имени космонавтов я вручил ребятам фото, книги и модели ракет с портретами и автографами героев космоса.

Полковник Трофимов привез письменные объяснения от Поповича и врачей, которые оказывали ему первую помощь. Из донесения Поповича и других ясно, что он был выпившим и вел себя не лучшим образом. К сожалению, многие космонавты попивают и «задирают нос», и на этой почве возникает немало неприятностей.

Звонил Правецкий и сообщил, что после специального ознакомления с материалами о здоровье Феоктистова все врачи — и ВВС, и Минздрава — единогласно решили: допускать Феоктистова в космический полет нельзя.

19 августа.

Звонили Королев и Ивановский, оба сообщили, что в пятницу, 21 августа состоится заседание ВПК, на котором будут рассматриваться вопросы готовности к пуску корабля «Восход» и экипажей. На заседание приглашают Вершинина, меня, Гагарина, Николаева и семерых кандидатов на полет. Затем позвонил Якунин и сообщил, что завтра в 15:00 состоится заседание Госкомиссии по пуску. По-видимому, Тюлин хочет перед заседанием ВПК окончательно договориться о сроках полета и о составе основного экипажа. Тюлин, Королев, Келдыш и другие будут упорно отстаивать кандидатуры Катыса и Егорова как гражданских людей, способных выполнить полет. Но у наших врачей нет полной уверенности, что Катыс и Егоров хорошо перенесут невесомость. Лучшим (по состоянию здоровья кандидатов) экипажем был бы такой: Волынов, Комаров и Лазарев.

21 августа.

Под председательством Тюлина вчера заседала Госкомиссия по пуску «Восхода». Присутствовали: Келдыш, Королев, Руденко, Мрыкин, Карась, другие члены комиссии и все главные конструкторы. Комиссия рассмотрела вопросы технической готовности систем и приняла решение: запустить «Восход» с манекенами до 5 сентября, а корабль с экипажем — в период 15-20 сентября.

Вчера и сегодня изучал решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 655-268 от 3 августа 1964 года. Решение обязывает В.Н.Челомея на базе ракеты-носителя УР-500 подготовить и осуществить в 1967 году пилотируемый облет Луны. Королева обязали готовить экспедицию для осуществления в 1968 году высадки космонавтов-исследователей на Луну и возвращения их на Землю. Для осуществления этих грандиозных задач, а также в целях дальнейшего изучения Венеры, Марса и околоземного космического пространства этим же постановлением утвержден график работ по созданию искусственных спутников Земли и космических кораблей до 1968 года включительно. Для реализации этой четырехлетней программы нам необходимо продумать задачи подготовки космонавтов и создания тренажной аппаратуры и учебных космических кораблей.

22 августа.

Вчера был на заседании ВПК. Присутствовали: Келдыш, Зверев, Тюлин, Королев, Руденко, Кобзарев, Мрыкин,

Пилюгин и другие. О готовности носителя и корабля «Восход» докладывал С.П.Королев.

Полгода назад, когда КБ и институты только приступали к переделке «Востока» в «Восход», казалось почти невозможным за такой короткий срок построить надежный многоместный космический корабль. Но наша промышленная и научная космическая кооперация под руководством ВПК и лично Королева за этот короткий срок проделала громадную работу, провела сотни дополнительных исследований и испытаний, и сегодня мы имеем качественно новый корабль. Для «Восхода» характерны следующие отличительные качества по сравнению с «Востоком»: 1) корабль трехместный; 2) имеет резервную тормозную двигательную установку; 3) имеет ионную систему ориентации, что позволяет ориентировать корабль вручную вне видимости Солнца; 4) исключено катапультирование космонавтов — они приземляются в корабле и не нуждаются в громоздких скафандрах; 5) приземление корабля осуществляется при скорости снижения, близкой к нулю.

К недостаткам «Восхода» надо отнести следующее: 1) при старте до 20-й секунды полета в случае аварии ракеты нет средств спасения экипажа; 2) объем корабля для трех членов экипажа мал, в кабине тесно; 3) в случае отказа парашютной системы нет средств спасения экипажа; 4) исключается возможность посадки корабля за счет естественного торможения (малы запасы воздуха, воды и пищи, высока вероятность перегрева корабля при длительном полете).

Комиссия ознакомилась с кандидатами на полет, но вопрос о составе основного экипажа не рассматривался. Комаров, Волынов, Катыс, Феоктистов, Егоров, Сорокин и Лазарев коротко рассказали о себе, каждый из них заявил о своей готовности к полету. Вопросов к космонавтам не было. ВПК одобрила решение Госкомиссии о пуске технологического «Восхода» до 5 сентября и о полете корабля с экипажем в период 15-20 сентября.

По просьбе Тюлина и Руденко я сегодня подобрал на должность секретаря Госкомиссии инженер-подполковника Бебутова Абессалома Петровича. Думаю, что Бебутов будет надежно охранять интересы Госкомиссии и ВВС. Я вызывал к себе генерала Холодкова и подполковника Бебутова и подробно проинструктировал их по работе в Госкомиссии.

24 августа.

21 августа в Крыму на 72-м году жизни скончался секретарь ЦК Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти. Более 40 лет он был видным деятелем мирового коммунистического движения.

Решением ЦК и Совета Министров от 3 августа 1964 года утвержден состав Государственной комиссии по пуску «Восхода»: Тюлин (председатель), Королев, Келдыш, Кобзарев, Руденко, Каманин, Мрыкин, Карась, Керимов, Правецкий, Булычев, Касатиков, Якунин, Нариманов, Захаров, Гусев. В составе комиссии 9 членов из 16 — военные, и при желании на Госкомиссии всегда можно провести любое решение, в котором заинтересовано МО. Главные конструкторы систем, начальники служб и руководители ведомств привлекаются к работе Госкомиссии на правах ее членов.

22 августа на орбиту выведен спутник «Молния» (второй экземпляр), но на нем не полностью развернулись антенны, и он не может выполнить своих задач по ретрансляции связи и телевидения. Наша первая «Молния» не вышла на орбиту, а недавно США вывели в космос аналогичный спутник, и он у них надежно работает. У нас остался еще один экземпляр «Молнии». Будем надеяться, что третий запуск будет более удачным.

26 августа.

Вчера с маршалом Руденко еще раз говорили о составе экипажа для «Восхода». Я ему со всей откровенностью сказал, что у меня нет полной уверенности в Катысе и Егорове. И тот, и другой перенесли испытания на невесомость только удовлетворительно, вестибулярные тренировки не укрепили уверенности врачей в том, что они способны выполнить полет. Если из трех членов экипажа хоть один будет плохо себя чувствовать в полете, то это может сорвать полет и стать причиной вынужденной посадки корабля или еще более тяжелого происшествия. Я предлагал маршалу настаивать на более надежном составе экипажа: Волынов, Комаров, Лазарев. Руденко в душе согласен со мной, но ему трудно решиться на борьбу с Королевым, Келдышем, Тюлиным и другими членами Госкомиссии, хотя при наличии военного большинства в Госкомиссии Королеву и Келдышу можно было бы навязать нашу волю. Завтра вернется из Польши Вершинин, и я буду говорить с ним по этому щекотливому вопросу.

Группа космонавтов (Беляев, Хрунов, Леонов, Заикин) продолжает работать на заводе N 918 и в ЛИИ над вопросами обеспечения выхода космонавта из корабля в космос. Решение основных вопросов — скафандр, шлюз, люки, связь, управление и контроль — наметилось, но раньше октября мы не будем иметь все необходимое для тренировки космонавтов. Мы вынуждены направлять их в ОКБ и ЛИИ для участия в поисках конструкторских решений ряда проблем. Было бы разумнее решать эту задачу в два этапа: сначала вывод в открытый космос собаки в скафандре, а уж потом - пилотируемый полет с выходом космонавта. Но, как всегда, Королев торопится, он больше склонен к штурмам «на ура», чем к хорошо продуманным и методически подготовленным наступлениям на «космические крепости». Надо признать, что ему часто везло (все полеты космонавтов успешные), но мы не можем пройти спокойно и мимо серии его неудач - АМС «Венера» и «Марс», лунники, спутники «Молния» и другие. Большинство этих неудач — результат спешки, неорганизованности и недостаточной методичности подготовки к пускам.

27 августа.

Говорил по телефону с Тюлиным и Королевым. Тюлин сегодня уже улетел в Тюра-Там, а Сергей Павлович собирается вылетать через 2-3 дня. Оба рекомендовали мне вылетать на полигон не раньше 1-2 сентября. Я повезу с собой 15 слушателей-космонавтов и начальника ЦПК Н.Ф.Кузнецова. Он еще не был на полигоне, и его еще много надо «натаскивать».

Сегодня я вместе с генералом Бабийчуком опять «атаковал» маршала Руденко. Мы доказывали ему необходимость сформировать экипаж «Восхода» из наиболее подготовленных для полета людей (Волынов, Комаров, Лазарев), но маршал не принял наших доводов. Вчера он с Тюлиным и Королевым был у Сербина и, по-видимому, там на него был оказан сильный нажим. Руденко заявил: «Сейчас уже поздно предлагать новые варианты состава экипажа, можно только выбирать: командир корабля — Волынов или Комаров, ученый — Катыс или Феоктистов, врач — или Егоров, или Лазарев, или Сорокин». Маршал сказал также, что заместитель министра здравоохранения Бурназян и его

специалисты собираются дать Госкомиссии письменное заключение о возможности допустить в полет К.П.Феоктистова. Руденко пытался «перетащить» нас на свою сторону, но мы заявили ему, что решения Госкомиссии и командования ВВС мы будем выполнять, но сейчас мы отстаиваем свое мнение и уверены в своей правоте.

Рассмотрел и утвердил списки космонавтов, слушателей-космонавтов, врачей, инженеров и других специалистов, выезжающих на полигон, в район приземления и на КП для обеспечения предстоящего полета. Только от ВВС выезжают более 150 человек, а всего в подготовке пуска и его обеспечении заняты десятки тысяч людей, не считая работников КБ, институтов, заводов и других организаций.

29 августа.

Звонил Королев, завтра он улетает на полигон. Пуск «Восхода» с манекенами Сергей Павлович планирует на 7-8 сентября, а пуск корабля с экипажем — не раньше 20 сентября. Я полечу на полигон 2-3 сентября. С Королевым я посылаю подполковника Н.Ф.Никерясова с поручением проверить подготовленность нового здания для размещения космонавтов. В прошлом году мы с Руденко осмотрели это здание, оно неплохое, но прилегающий к нему район неблагоустроен.

Сегодня полковник М.И.Голышев преподнес мне приятный сюрприз — только что изданную Воениздатом книгу «Обитаемые космические станции», авторами которой являются И.Н.Бубнов и мой сын. Книга получилась неплохая (для авторов это несомненный успех), жаль только, что Воениздат долго ее «мурыжил» и некоторые материалы устарели.

31 августа.

Меня постоянно тревожит мысль о составе экипажа «Восхода». Оказывается, у Катыса кроме расстрелянного отца есть еще брат и сестра (по отцу) в Париже, и Катыс ничего не написал о них в своей автобиографии. Правда, они уехали в Париж еще в 1910 году, за 16 лет до рождения Катыса, но тем не менее все это очень портит портрет кандидата в космонавты. Можно было найти и более подходящего кандидата. Феоктистов и Егоров имеют серьезные претензии врачей к их здоровью, и у нас нет уверенности, что они хотя бы удовлетворительно перенесут состояние невесомости в ходе суточного полета. В последние дни ТАСС, АПН, центральные газеты и журналы упорно добиваются информации о членах экипажа для предстоящего полета. Все они клянутся соблюдать полную секретность и хранить эти сведения в своих сейфах. Пока приходится всем отказывать, но мы проводим киносъемки (Макаров), фотографирование (ТАСС, Черединцев) и подготовку автобиографических очерков о каждом кандидате (полковник Черемных). Все материалы до моего особого распоряжения хранятся в ЦПК и будут размножены и опубликованы немедленно после сообщения ТАСС о выходе космического корабля «Восход» на орбиту. Во всех предшествующих полетах мы поступали так же. Эти мероприятия обеспечивают секретность, но качество подготовленных материалов оставляет желать лучшего.

Нежиданно меня вызвал к себе Вершинин. Он в отпуске до 12 сентября и к тому же болеет гриппом, и все-таки он не усидел на даче и приехал на службу. Его беспокоят вопросы подготовки предстоящего космического полета. Я подробно доложил Вершинину о степени технической готовности и надежности «Восхода» и о трудностях формирования экипажа. Вершинин согласился с моим предложением подготовить точку зрения МО по формированию экипажа и сказал, что он обяжет Руденко согласовать этот вопрос с Бирюзовым или Малиновским, чтобы на Госкомиссии можно было провести линию МО. Главком подробно рассказал о его последней поездке в Польшу, об отдыхе в Судаке и на даче. Он сказал, что на даче его часто беспокоят налеты ребят. Не далее, как вчера, двое мальчишек забрались в сад и поломали яблони. Я посоветовал ему не обращать внимание на эти мелочи и вспоминать иногда и наши детские годы.

Звонил с полигона подполковник Никерясов и доложил, что новый дом для размещения космонавтов готов, но территория вокруг него только еще разравнивается, зелени и спортплощадок нет. В новом доме удобств пока немного, но, если мы хотим в будущем иметь что-то лучшее, чем гостиница в нулевом квартале, мы должны занять дом и облагораживать его и прилегающую территорию своими средствами.

У меня были Г.Н.Остроумов, Н.В.Макаров и Г.М.Косенко. Им поручено снимать фильм о первом многоместном космическом корабле и его экипаже. Договорились о плане съемок, с 1 сентября они приступают к работе. Звонил редактор «Известий» Шумилов и приезжал ко мне из АПН Пищик Борис Яковлевич. Все редакции лихорадит в предчувствии нового космического полета, все хотят получить как можно раньше сведения о готовящихся событиях. Приходится охлаждать горячие головы ссылками на строжайшие решения ЦК и возможные неприятности. Излишняя засекреченность подготовки полетов, по-моему, приносит большой вред стране и служит ширмой для сокрытия неполадок и срывов наших планов.

2 сентября.

Накануне весь день провел в ЦПК. Беседовал с Волыновым, Комаровым, Катысом, Феоктистовым и Егоровым. В подготовке экипажей для полета на «Восходе» выявились некоторые недоработки. Например, нет четкой установки о действиях экипажа после посадки, об установлении связи с аэродромами и самолетами, о сдаче космического корабля под охрану, о пользовании НАЗом. Приказал Н.Ф.Кузнецову подготовить программу занятий с экипажами до 15 сентября; в программе предусмотреть отработку и повторные занятия по наиболее актуальным и менее усвоенным, если таковые выявятся, вопросам.

Катыс сообщил, что он не знал о существовании у него брата и сестры. Отец Катыса женился на его матери в 1924 году, то есть через 14 лет после того, как распалась его первая семья и его бывшая жена с двумя детьми уехала в Париж. В 1931 году отца Катыса арестовали. Сыну было в это время всего 5 лет, и он, естественно, мог ничего не знать о первой семье отца.

С Катысом, Феоктистовым и Егоровым беседовал о переносимости ими невесомости. Они уверяли, что тренировки в невесомости переносили хорошо. Просмотрев кинокадры об их полетах, я убедился, что все трое, пребывая в состоянии невесомости, закрывали глаза; были и другие признаки сильного волнения. Каждый выполнил 10-12 сеансов пребывания в невесомости, но по халатности врачей на киноленте зафиксировано только 1-2 сеанса. По этим ограниченным материалам трудно дать оценку поведения человека в невесомости. Приказал начальнику Центра провести для гражданских кандидатов еще по одной тренировке и иметь не менее 4-5 сеансов, заснятых на кинопленку.

Вчера, после отпуска, к занятиям приступили Гагарин, Титов, Николаев и Быковский. Титов вчера на теннисном корте ухитрился слегка повредить ногу. Остальные космонавты чувствуют себя хорошо. Заезжал на квартиру к Поповичу. Нога у него в гипсе, но по квартире он уже ходит. Врачи говорят, что для полного его выздоровления потребуется еще больше месяца. Павел Романович чувствовал себя неловко, но я не заводил разговора о причинах его травмы. На эту тему мы с ним поговорим позже, когда он будет здоров. Говорил с Гагариным и Николаевым о значении их личного примера, об их влиянии на космонавтов и слушателей-космонавтов. Я дал им понять, чтобы они усилили свою роль начальников и руководителей, что от их примера зависит многое.

Сегодня с космодрома позвонил Никерясов и доложил, что Тюлин рекомендовал отложить на 2-3 дня наш вылет. На полигон еще не прибыл носитель, и есть другие задержки в подготовке пуска. На испытаниях «Восхода» в Феодосии в субботу, 29 августа, при подвеске объекта к самолету произвольно открылся люк парашютной системы. Нормально он должен открываться после сбрасывания корабля с самолета на высоте 7-8 километров по сигналу от датчика барометрического давления. До сегодняшнего дня установить причину открытия люка не удалось, и проведение зачетного испытания задерживается. Испытания в Феодосии выявили уже целый ряд крупных дефектов системы приземления «Восхода». Как глупо мы выглядели бы сейчас, если 2-3 месяца назад согласились бы с Королевым и не стали проводить натурные испытания объекта, лишний раз подтверждающих торопливость и непродуманность некоторых решений работников ОКБ-1. Переносы пусков на более поздний срок вошли в систему. Теперь уже всем ясно, что пуск корабля с манекенами будет осуществлен не раньше 10-15 сентября, а полет экипажа — в конце сентября или начале октября. С.П.Королев теребит всех смежников и уверяет, что еще в этом году он выведет на орбиту корабль 3КД — «Выход». Но нам уже ясно, что полет с выходом космонавта из корабля в космос можно осуществить не раньше 1965 года.

Вчера я беседовал с Леоновым из группы «Выход». Всех космонавтов группы беспокоит вопрос о скафандре. Институт авиационной и космической медицины настаивает на том, чтобы делать скафандр с АСУ. Но при этом скафандр получается менее прочным и более громоздким, он будет значительно ограничивать подвижность космонавта. Космонавты склонны согласиться с последним вариантом скафандра, сделанным заводом N 918 без АСУ. Я не мог на ходу решить этот непростой вопрос и сегодня советовался с работниками Центра и института. Я склоняюсь к точке зрения космонавтов, но для принятия окончательного решения нужно будет уточнить ряд вопросов с Севериным.

Сегодня у меня были генерал-лейтенант Волынкин и полковник Генин. Они подняли новый и очень важный вопрос о температуре внутри «Восхода» после его посадки. По их расчетам из-за полной герметизации «Восхода» немедленно после посадки температура внутри корабля будет быстро расти и через 11 минут превысит 40 градусов, а еще через 5-8 минут — 60 градусов. Перегрев происходит за счет передачи тепла с корпуса корабля, разогретого во время спуска. Предупредить перегрев экипажа можно более ранним включением вентилятора (сейчас он включается через 11 минут после посадки) и поддержанием более низкой температуры внутри космического корабля перед спуском, а также другими мерами.

3 сентября.

Из Феодосии сообщили причину нештатного открытия люка космического корабля «Восход». Открытием люка управляют барометрические датчики и датчики крена, последние предусмотрены на случай аварийного накренения ракеты при выведении корабля на орбиту. При подвеске космического корабля под самолет датчики крена забыли заблокировать, а корабль крепили с креном, большим допустимого, и, естественно, датчики выдали команду на отстрел люка. Виновата в этом досадном происшествии не техника, виноваты люди, в частности, и наши специалисты: генерал Холодков и полковник Смирнов. Несколько позже от Холодкова пришла телеграмма, в которой он объясняет самопроизвольный отстрел люка конструктивным дефектом его автоматики, но ОКБ-1 отвергает это предположение.

Наш посол в Югославии Бузанов телеграммой подтвердил, что правительство Югославии приглашает в свою страну космонавта Николаева в середине сентября. Решил направить в Югославию с Николаевым генерала Горегляда. Рейсовым самолетом Ил-18 они вылетят 11 сентября, а возвратятся в Москву 19 сентября. Советовался с ЦК и МИДом по оформлению поездки Николаева. Решили письменно просить согласия ЦК на поездку Николаева в Югославию. Николаев и Горегляд должны быть на старте «Восхода», думаю, что они вполне успеют попасть на полигон.

5 сентября.

Вчера Руденко и я несколько раз звонили на космодром. В последнем разговоре Тюлин рекомендовал нам вылетать на полигон утром 7 сентября и не брать с собой слушателей-космонавтов. На полигоне предстоит большой

показ ракетной и космической техники, поэтому там сейчас очень трудно с размещением и обеспечением гостей. Полетим на самолете Ан-10, но не 7, а 8 сентября (так сегодня рекомендовал Тюлин).

Холодков и Овчаренко прислали из Феодосии несколько телеграмм. Там на испытаниях «Восхода» выявлено еще несколько дефектов при приводнении корабля. Если добиваться устранения обнаруженных недостатков, то пуск в этом году может вообще не состояться. Думаю, что недостатки корабля при приводнении можно проигнорировать: вероятность приводнения «Восхода» незначительна, и нужно идти на риск.

7 сентября.

Только что получил телеграмму из Феодосии — там опять неприятности. «Восход» был сброшен с самолета на высоте 10 тысяч метров, но люк парашютной системы не отстрелился, парашюты не раскрылись, и объект полностью разрушился. Причины этого происшествия пока точно не установлены. Предполагают, что при доработке электросхемы отстрела люка для самолетных испытаний где-то была допущена ошибка. Королев обещал до 22 сентября подготовить для испытаний новый корабль, а это — очередная задержка полета «Восхода» и новое доказательство того, что корабль недостаточно надежен.

9 сентября. Тюра-Там.

На самолете Ан-10 прилетели на полигон. Летели всего 3 часа 40 минут. Время полета прошло незаметно. Крылов, Руденко, адъютант Крылова и я играли в преферанс. Я знаю Крылова с 1931 года — тогда он был начальником штаба дивизии во Владивостоке. Он неплохо воевал, получил звание дважды Героя Советского Союза. Крылов был на месте, когда командовал общевойсковой армией и даже округом, но в роли Главнокомандующего ракетными войсками он явно «не тянет». Он не имеет академического образования и «не нуждается в нем» — так маршал Малиновский написал в его аттестации. Крылов далек от техники, а должен командовать самыми передовыми войсками, оснащенными ракетной и космической техникой. Кстати сказать, последней он совершенно не интересуется и только тормозит ее развитие. Когда-то он был смел и энергичен, а сейчас он уже настолько постарел, что было бы благом для армии и страны отправить его в отставку.

Г.А.Тюлин ознакомил нас с обстановкой на полигоне. Наши прогнозы подтвердились: пуск «Восхода» с экипажем затягивается до октября. К уже известным неприятностям добавилась еще одна, но очень крупная. При очередном пуске «Зенита-4» из-за отказа блока «А» (вторая ступень) ракета не ушла со старта. Носители «Зенита» и «Восхода» одинаковые. Осуществлено уже более сотни пусков с использованием блока «А», но такого отказа не было давно.

10 сентября.

Вчера утром был произведен пуск боевой ракеты Р-36 Янгеля. По рассказу маршала Крылова, ракета пролетела 14 тысяч километров, отклонение от точки прицеливания составило менее одного километра. При стрельбе с такой точностью из пистолета на дистанции в 50 метров пуля должна попадать в булавочную головку. Ракета Р-36 может нести ядерную боеголовку мощностью 40 мегатонн. Этого заряда более чем достаточно для полного разрушения такого города как Нью-Йорк. В разговоре с Крыловым Руденко справедливо заметил, что теперь все зависит от того, кто первым нажмет кнопку. Крылов не согласился с ним и сказал: «Это теперь не имеет значения. Если США пустят против нас ракеты, то мы будем знать об этом через 10 минут, а еще через 10 минут полетят наши ракеты. Так что ответный удар состоится, и обе стороны понесут колоссальные потери». Я склонен думать, что прав Руденко, а не Крылов. Крылов прав теоретически, а на практике решающее преимущество будет за тем, кто начнет ядерную войну первым.

Вчера прошло заседание Госкомиссии по пуску «Восхода». Королев доложил, что неприятности на испытаниях в Крыму объясняются плохой доработкой специальных самолетных схем и слабой подготовкой испытателей. Он также сообщил, что ОКБ-1 приняло ряд мер по повышению надежности всех систем «Восхода». Комиссия решила: 14 сентября запустить очередной «Зенит-4»; 18-20 сентября — вывести на орбиту «Восход» с манекенами; 23 сентября в Феодосии провести еще одно испытание со сбросом с самолета макета корабля «Восход». Пуск «Восхода» с экипажем решили назначить на конец сентября.

11 сентября.

В 7 часов утра Руденко, Н.Ф.Кузнецов и я вылетели во Фрунзе. На полигоне за старшего от ВВС я оставил полковника Масленникова, приказав ему немедленно с нами связаться, если мы потребуемся на полигоне раньше 14 сентября. Во Фрунзе нас встретили заместитель командующего 73-й Воздушной армией генерал-майор Платонов и начальник летного училища генерал-майор Кобяков. В этом училище мы готовим примерно 500 иностранных летчиков (египтяне, сирийцы, афганцы и другие). Обучение летчиков-иностранцев началось еще в 1957 году, когда я командовал 73-й Воздушной армией и училище подчинялось мне. Часа два занимались делами училища, потом пообедали и на «Волге» отправились на озеро Иссык-Куль. Долина реки Чу прекрасна, много зелени, видны хорошо обработанные поля и сады. Справа и слева узкую долину окаймляют высокие горные хребты со снеговыми вершинами. К шести часам вечера мы добрались до санатория ТуркВО (Туркестанский военный округ — Ред.) на южном берегу озера Иссык-Куль, где встретились с командующим округом генералом армии И.И.Федюнинским. Искупались в озере, вода в нем идеально чистая. Ужинали у Федюнинского, его жена Елена Владимировна так настойчиво нас угощала, что мы наелись на неделю вперед.

12 сентября. Пржевальск.

Нас с маршалом разместили в небольшой комнате в отдельном домике недалеко от дачи Федюнинского. Руденко спал плохо, его мучила изжога и переполненный желудок. После завтрака у Федюнинских отправились на катере в Пржевальск. Нас сопровождали Федюнинский, начальник санатория и их жены. Катер шел со скоростью 50-60 километров в час, было довольно прохладно, и нам пришлось облачиться в бушлаты. Чудесное озеро Иссык-Куль расположено на высоте 1610 метров над уровнем моря. Длина озера более 200 километров, ширина — 30-50 километров, а глубина — 900 метров. Со всех сторон блестят на солнце снежные вершины гор.

В Пржевальске стоит дивизион морских катеров, моряки проводят здесь испытания торпед. Член Военного Совета ТуркВО генерал-лейтенант Демин рассказал мне, что приезжавший в августе этого года в Пржевальск Н.С.Хрущев

спросил его: «Что здесь делают моряки?» — Демин ответил: «Испытывают торпеды», - на что Хрущев сказал: «Мы торпеды продаем всему миру, а они здесь секретничают…» Мы осмотрели памятник и музей Пржевальского. Барельеф Пржевальского очень похож на Сталина. Начальник Пржевальского военкомата рассказал нам, что когда Хрущев и сопровождающие его лица подошли к памятнику, то Хрущев и маршал Малиновский в один голос спросили: «Кто это?» Они успокоились только после того, как узнали, что барельеф Пржевальского был установлен более 70 лет тому назад.

На аэродроме мне передали телефонограмму от полковника Масленникова: «Работа будет завтра». Это означало, что решили запускать «Зенит-4» не 14, а 13 сентября. Пришлось отказаться от поездки в Фергану и возвращаться на полигон.

12 сентября. Борт самолета Ил-14.

Летим в Тюра-Там, погода отличная. Через час после взлета пролетели над Фрунзе, через несколько минут будет Луговая, а затем — Джамбул. Эти трассы я облетал десятки раз еще до войны и в 1957-1958 годах, когда командовал 73-й Воздушной армией. Средняя Азия стремительно меняет свой облик. Когда 80 лет назад Пржевальский открывал для человечества неизвестные районы Центральной Азии, здесь был край нищих, безграмотных, униженных людей, и лишь 20 лет назад наша Средняя Азия стала изменяться к лучшему; и сейчас она - процветающий, индустриальный, культурный край. Я был в Афганистане и Иране и могу сказать, что наша Средняя Азия очень далеко опередила эти и многие другие азиатские страны.

13 сентября. Тюра-Там.

Очень сожалею, что я не дома: сегодня моей Мусе исполнилось 55 лет. Тридцать три года мы вместе. Я люблю ее, как и тридцать лет назад, и желаю ей прежде всего здоровья. За последние годы она стала мнительной и боязливой, часто нервничает по пустякам и очень много трудится по дому. Я плохо помогал ей, а она нуждается в моей помощи. Теперь я буду беречь ее по-настоящему. Послал Мусе записку и небольшой подарок.

Сегодня в 12:45 по московскому времени вывели на орбиту «Зенит-4». Пуск прошел отлично. Руденко, Тюлин, Королев, Кузнецов и другие во время пуска были на веранде ИП-1. Обычно мы с Королевым по 5-минутной готовности уходили от ракеты в бункер и весь процесс пуска «видели» из-под земли, а во время этого старта нам можно было не сидеть в бункере. Все были очень довольны зрелищем взлета ракеты.

14 сентября.

Утром маршал Руденко улетел в Оренбург. Я начинаю привыкать к Сергею Игнатьевичу, но его чрезмерное увлечение утренней физзарядкой, музыкой и пустой болтовней надоедает и отвлекает от дела. Проводив его, я поехал на вторую площадку. Часа два изучал систему аварийного спасения (САС) «Восхода». Для нее характерны четыре периода с момента старта ракеты:

1) до 27-й секунды полета спасение экипажа в случае аварии носителя фактически невозможно;

2) с 27-й до 44-й секунды полета спасение затруднено, но возможно;

3) при срабатывании САС в период с 44-й до 501-й секунды обеспечивается приземление корабля на территории СССР;

4) в период с 501-й секунды и до выхода на орбиту (на 523-й секунде) аварийная посадка возможна лишь вне территории СССР.

Во всех случаях члены экипажа остаются в корабле, который приземляется с помощью парашютно-реактивной системы.

Во время моих занятий в секретный отдел зашел Королев. Он предложил мне побеседовать один на один. Через несколько минут мы встретились в комнате технического руководства и более двух часов обсуждали вопросы подготовки полетов «Восхода» и «Выхода», организации «штурма» Луны и проблемы объединения космоса в ВВС. Договорились, что после полета «Восхода» с экипажем вплотную займемся Луной. Королев сказал, что здесь, на полигоне, он еще раз беседовал с маршалом Крыловым по вопросу объединения космоса в ВВС и убеждал Крылова в необходимости такого шага. Крылов ответил, что он не против передачи космоса в ВВС, но его смущает вопрос использования ракетных полигонов. Королев рассказал мне и о том, как обсуждались и решались в ЦК и правительстве вопросы подготовки облета Луны и экспедиции на Луну. По мнению Сергея Павловича, Челомей с использованием своей ракеты УР-500 не сможет без стыковки выполнить облет Луны. Королев предлагал Челомею вместе заняться стыковкой, но последний решил делать новую ракету УР-700 и обойтись без стыковки.

Самым трудным моментом в нашей беседе был вопрос о составе экипажа «Восхода». Я откровенно изложил Королеву свою точку зрения. Условия полета в «Восходе» будут несравненно более трудными, чем в «Востоке», и поэтому было бы целесообразно послать в полет физически наиболее крепких ребят, то есть Комарова, Волынова, Лазарева — это мой вариант № 1. Но учитывая политические и научные интересы, можно было бы сформировать и такой экипаж: Комаров, Феоктистов, Лазарев. В этом случае в составе экипажа будет гражданский человек — ученый, который, уже много лет работая над созданием космической техники, участвовал в разработке «Востоков», «Зенитов», «Восходов», «Выходов» и других космических аппаратов. Правда, давая согласие на полет Феоктистова, мы отвергаем мнение 20 наших специалистов-врачей, которые считают, что допускать его в космический полет нельзя. Хорошо зная Феоктистова как специалиста по космической технике и проанализировав весь ход его подготовки в ЦПК, я считаю возможным допустить его в этот полет при условии, что третьим членом экипажа будет Лазарев. Королев настаивал на экипаже: Комаров, Феоктистов, Егоров. В итоге мы договорились, что командиром «Восхода» будет Комаров, а научным сотрудником - Феоктистов. Вопрос о кандидатуре врача остался нерешенным. Королев очень настойчиво добивался моего согласия на кандидатуру Егорова, но я заявил ему, что включать в экипаж одновременно двух «инвалидов» — значит идти на риск срыва ответственного космического полета. Сергей Павлович остался недоволен итогами нашей беседы и несколько раз повторил, что он будет категорически против Лазарева. Королев считает, что Егоров более подготовлен и для полета, и для будущей деятельности в качестве ученого. Я сказал Сергею Павловичу, что в сравнении с Лазаревым Егоров - мальчишка, к тому же у него слабое зрение и он плохо переносит невесомость, а Лазарев - врач-летчик, который имеет 15-летнюю практику исследовательской работы по авиационной медицине и сможет отлично выполнить полет. К сожалению, это не первое мое серьезное расхождение во мнениях с

Королевым. Мне не хотелось с ним ссориться, но в данном вопросе уступать было нельзя.

15 сентября.

Обычный рабочий день. Утром вместе с Н.Ф.Кузнецовым, Масленниковым и Никерясовым осмотрели вновь выстроенную гостиницу космонавтов. Строительство гостиницы было задумано еще маршалом Неделиным. Я несколько раз просил Вершинина и Руденко взять это строительство в свои руки, но и в этом вопросе мои шефы не проявили должного интереса и настойчивости, и строительство гостиницы для космонавтов по-прежнему ведут ракетные войска. За 4 года они лишь возвели небольшой двухэтажный дом с 18 комнатами и ничего не сделали по физкультурному комплексу. Территория, прилегающая к гостинице, не обработана, вокруг сплошной сыпучий песок. Дом открыт всем ветрам и палящим лучам солнца. Мы выбрали места для строительства спортплощадок и пришли к выводу, что рядом с этой гостиницей необходимо немедленно за счет средств ВВС строить солидный трехэтажный корпус и полный комплекс физкультурных сооружений, а к прилегающей территории подвести воду и заняться ее озеленением. Буду настойчиво добиваться, чтобы Вершинин и Комаровский поддержали нас. Пока что на полигоне мы во всем зависим от ракетчиков. Представители ВВС терпят много неприятностей и даже мелких издевательств со стороны администрации полигона.

Днем занимались готовностью «Восхода» и носителя. Звонил Королев и выражал неудовольствие тем, что инструкцию экипажу «Восхода» по САС и радиосвязи подписал Гагарин, а утвердил Вершинин. Его возмутило не только то, что в таком важном документе обошлись без него, но и то, что в инструкции якобы допущены ошибки. В инструкции написано: «Главный командный пункт — в Москве», а Королев считает, что главный КП — полигон. Группы специалистов, выезжающие на ИПы, в инструкции названы оперативными группами, а Сергей Павлович признает оперативными только группы, располагающиеся на полигоне. Я согласился переделать этот документ. Утвердят инструкцию Тюлин, Королев и я. Сергей Павлович настойчиво отстаивает интересы и авторитет Главного конструктора и болезненно реагирует на любую попытку решать без него даже мелкие вопросы. Он хочет все знать и все решать сам.

16 сентября.

Утром шел дождь, до 10 часов была сплошная облачность. Полчаса занимались с Руденко физзарядкой, было сыро и холодно.

Гарнизон усиленно готовится к правительственному показу ракетной техники. 24-25 сентября на полигон должен прибыть Н.С.Хрущев. Пуск «Восхода» с манекенами 18 сентября уже не реален. Завтра будет заседать Госкомиссия, будут рассматриваться вопросы технической готовности пуска, сроки окончания работ, а также предложения Цыбина, Чертока, Холодкова и Винокура о доработках посадочной системы корабля и о результатах феодосийских испытаний. По всей вероятности, пуск корабля с манекенами будет перенесен на конец сентября, а полет экипажа — на октябрь.

17 сентября.

Заседание Госкомиссии перенесли на 18 сентября, так как группа испытателей еще не готова доложить результаты феодосийских испытаний. Тюлин в беседе с Руденко и мной пытался выяснить нашу точку зрения на состав экипажа. Мы заявили, что отправлять в полет на «Восходе» надо наиболее сильных космонавтов. Полет будет очень трудным; от членов экипажа потребуются большая выдержка и умение. Тюлин нам не возражал, но своих соображений не высказал. По-видимому, он еще колеблется с выбором кандидатов на полет.

18 сентября.

Состоялось заседание Госкомиссии. Б.Е.Черток доложил, что неотстрел парашютного люка на «Восходе» при испытаниях в Феодосии произошел по вине ОКБ-1: электросхема отстрела люка имела серьезные дефекты и не была продублирована. Королев в своем выступлении признал вину ОКБ-1 и доложил, что схема переработана, основные ее элементы продублированы и она будет подвергнута тщательным испытаниям. Королев согласился подготовить и вновь провести испытания «Восхода» в Феодосии, но просил Госкомиссию разрешить пуск «Восхода» с манекенами независимо от феодосийских испытаний. В связи с необходимыми доработками «Восхода» и показом ракетной техники 24-25 сентября Госкомиссия решила назначить пуск с манекенами на 28-30 сентября.

После заседания Госкомиссии Тюлин попросил остаться Королева, Мрыкина, Керимова, Руденко и меня. Он сообщил, что ЦК и Совет Министров интересуются составом экипажа «Восхода». От себя и от имени Королева он внес предложение послать в полет Комарова, Феоктистова и Егорова. Мрыкин и Керимов тоже высказались за такой состав экипажа. Мне пришлось произнести довольно длинную речь. Обрисовав трудности полета на «Восходе» и указав на возможность цепной реакции «космической болезни», я высказался за экипаж в составе: Волынов, Комаров, Лазарев. Королев несколько раз пытался меня прервать; его возмущала моя оценка условий полета на «Восходе», он не соглашался с моей сравнительной характеристикой Егорова и Лазарева. Тюлину и Мрыкину стоило большого труда успокоить Сергея Павловича. В заключение я сказал, что против назначения Комарова командиром корабля у меня возражений нет, можно согласиться и с назначением в экипаж Феоктистова, но при одном непременном условии: что третьим членом экипажа должен быть подполковник Лазарев. В этот момент Королев опять не выдержал и выкрикнул: «Этого никогда не будет! Лазарев не полетит!» Потом выступил Руденко, он полностью согласился с моим мнением, но допустил ошибку, сказав, что эти наши предложения мы доложим правительству. Заявление маршала вызвало новую вспышку гнева у Королева, он наговорил много неприятного в наш адрес: «ВВС всегда ставят нам палки в колеса… Придется мне готовить своих космонавтов-испытателей…»

19 сентября.

Сегодня утром маршал Крылов на самолете Ан-10 вылетает на полигон. На этом же самолете примерно в 16 часов мы вылетим в Москву. Генералы Кузнецов, Холодков и все наши офицеры уже улетели на Ил-14. Несколько дней на полигоне все будет посвящено показу ракетной техники, и нам здесь в это время делать нечего. Можно было бы и нам вылететь утром, но маршал Руденко уговорил меня лететь вместе с ним на Ан-10.

До обеда грелись на солнце и купались - сегодня очень тепло, температура около 32 градусов. Я ушел с реки первым. В отсутствие Руденко ко мне зашел Тюлин и сказал, что он еще не докладывал правительству о составе

экипажа и хотел бы доложить согласованное решение Госкомиссии. Я сказал Тюлину, что наше мнение остается неизменным, и говорить сейчас на эту тему с Руденко бесполезно. Договорились, что в Москве мы с Главкомом еще раз взвесим все «за» и «против» и в понедельник 21 сентября по «ВЧ» позвоним сюда на полигон и сообщим согласованное мнение ВВС. Когда заканчивался наш разговор, в комнату вошел маршал Руденко, но при нем Тюлин уже не поднимал этот вопрос. Я передал Руденко наш разговор с Тюлиным. Руденко был уязвлен тем, что Тюлин не стал при нем повторять свои предложения, и выпалил: «Ну, если так, то значит у них тоже не очень крепкая позиция…» Я пытался укрепить его в этой мысли и необходимости твердо отстаивать нашу позицию. Руденко сперва во всем соглашался со мной, а потом совершенно неожиданно спросил: «А может, позвонить им и сказать, что мы согласны?» Мне стоило большого труда уговорить маршала не отступать так быстро, а встретиться с Вершининым, обрисовать ему всю обстановку и вместе выработать точку зрения ВВС. Я надеюсь, что Вершинин поддержит меня. Он уже несколько раз соглашался со мной в подобных вопросах.

21 сентября. Москва.

Маршал Руденко часа три сидел у Главкома, по-видимому, они решали, какую позицию должны занимать ВВС в вопросе о составе экипажа «Восхода». Я терпеливо ждал вызова, но его так и не последовало. В конце дня я зашел к Вершинину и спросил его, как решился вопрос о составе экипажа. Опустив глаза, Главком ответил, что он согласился с предложением Руденко. Я понял, что Руденко полностью капитулировал перед Королевым, а Вершинин трусливо согласился с его изменой. Оба маршала не хотят серьезной борьбы с прихотями и капризами Королева. Мнения космонавтов, специалистов ЦПК, ИАКМ и авиагоспиталя они и в грош не ценят, а больше заботятся о собственном спокойствии. Чтобы навязать Королеву свою волю, с ним нужно «воевать», а маршалы уже не способны на это. Моя задача неимоверно усложнилась: теперь мне нужно бороться не только против Королева, но и против моих прямых начальников.

Я еще не решил, что нужно предпринять в такой обстановке. В одном я убежден твердо: полет корабля с двумя слабо подготовленными космонавтами на борту при любом его исходе будет вреден для дела освоения космоса. Есть большая вероятность срыва полета, а может быть, и тяжелого происшествия. При благополучном исходе полета мы также будем иметь большие осложнения: будет поставлена под сомнение вся система отбора и подготовки космонавтов, которая целиком себя оправдала в предшествующих полетах.

23 сентября.

Меня одолевают ТАСС, АПН, редакторы газет и журналов — все первыми пытаются хоть что-нибудь узнать о предстоящем полете в космос. Звонили Песков, Денисов, Романов, Комолов и другие. Всем даю один ответ: «Терпеть и ждать».

Сегодня Главком улетел в Тюра-Там, где он вместе с Малиновским и Хрущевым будет осматривать ракетную и космическую технику. Это подходящий случай раскрыть Хрущеву глаза на наше серьезное отставание от Америки в космосе, но там, на полигоне, военные сделают все возможное, чтобы убедить Хрущева в обратном.

24 сентября.

Был в ЦПК. Беседовал с Волыновым, Комаровым, Катысом, Феоктистовым, Егоровым, Сорокиным, Лазаревым. Выглядят они хорошо, полностью закончили подготовку и терпеливо ждут вызова на полигон. Каждый из них надеется, что полетит именно он. Я постарался поддержать в них эту уверенность, сказав: «Все вы подготовлены к полету, ваши шансы равны, все зависит только от вас самих. Берегите свое здоровье и хорошо, настойчиво готовьтесь к полету. Кто из вас полетит — этого пока еще никто не знает, вы узнаете об этом за 2-3 дня до полета». Хотя по Комарову и Феоктистову, а может быть, и по Егорову решение уже предопределено, но оно не окончательное — времени до полета еще много, и любой из этой тройки может быть заменен другим кандидатом.

Вместе с Масленниковым, Хлебниковым и Целикиным проверили все вопросы готовности выезда на старт, утвердил списки выезжающих. Беседовал с Андрияном Николаевым и предупредил его, что 26 сентября он должен быть готов к вылету на полигон. Вызывал к себе Германа Титова. На мой вопрос: «Как идут дела?», — Герман ответил: «Занимаемся «Восходом», все в порядке, дома все хорошо». Он не знал, что полчаса назад мне позвонила Тамара и сказала: «Я звонила вам несколько раз, вы были в командировке, за время вашего отсутствия у Германа были срывы». А часом раньше подполковник Новиков доложил: «Титов два раза выпивал и поздно приезжал домой». За каждым шагом Титова нужно следить и умело его направлять. Руководство Центра, парторганизация и сами космонавты многое делают в этом направлении.

Гагарин сейчас на космодроме, он вместе с Беляевым и Хруновым должен будет докладывать Хрущеву о космическом корабле «Выход». Звонила Марина Попович, благодарила за помощь в организации ее поездки в Чехословакию. Она очень довольна поездкой и уверяет, что все прошло отлично. Марина просила разрешения поехать вместе с Павлом на курорт. Я сказал ей, что до полного выздоровления Поповича о курорте не может быть и речи. Врачи уверяют, что еще не менее месяца его ногу необходимо держать в гипсе и он должен пользоваться костылями. При отъезде из Центра встретился с Быковским. Мы без слов поняли друг друга: Быковский уже седьмой день подряд выезжает на приемы и встречи, и ему все это очень надоело. Он настоятельно просил дать ему возможность работать. Я сказал: «Все знаю. Завтра можешь поднимать бунт, если куда-нибудь снова будут направлять, но сегодня в Доме дружбы нужно обязательно встретиться с финнами». Быковскому скоро предстоит поездка в Финляндию, и он сам понимает, что уклониться от сегодняшней встречи нельзя.

Разговаривал с маршалом Руденко, он подтвердил, что говорил по телефону с Тюлиным и от имени ВВС дал согласие на экипаж в составе: Комаров, Феоктистов и Егоров. Только что позвонил генерал Бабийчук и доложил о своем разговоре с Руденко. На вопрос Бабийчука: «Можно ли ему выступать на Госкомиссии против этих кандидатур?», — Руденко ответил: «Выступайте, если хотите оказаться в очень глупом положении». После такого намека у Бабийчука тоже отпадет охота бороться за правду. Лбом стенку не прошибешь, а перед нами — крепчайшая стена. Я открыто высказал всем свое мнение, но навязывать его Госкомиссии не стану.

25 сентября.

В 10 часов заезжала Валя Терешкова. Выглядит она хорошо, в семье у нее все в порядке. От меня она поехала в

АПН, там ей предстоят две встречи с корреспондентами Западной Германии и Венгрии. Вчера я получил из ЦПК материалы на представление капитана Терешковой к очередному воинскому званию. Юридически к этому имеются все основания, но, по существу, присваивать ей сейчас звание «майор», пожалуй, вредно и для нее, и для дела. Я сказал об этом Вале, и она, как всегда, быстро нашла правильное решение — сама попросила не давать хода представлению к званию. Валя сказала: «Мне будет неудобно перед девчатами… Кроме того, я еще совсем не работала инструктором-космонавтом». Я одобрил ее решение.

Сегодня у меня большой поток посетителей и непрерывные телефонные звонки: 3-4 телефона звонят одновременно. Завтра в 9 утра Руденко, я, группа офицеров и представителей промышленности вылетаем на полигон. Вся подготовительная работа к полету «Восхода» здесь, в Москве, заканчивается, теперь дело только за готовностью корабля. Будем надеяться и верить, что полет пройдет успешно. За последние полгода было очень много сомнений, но многие из них уже отсеяны, а оставшиеся нужно отбросить волевым усилием.

26 сентября. Тюра-Там.

Сегодня на самолете АН-10 Руденко, Кузнецов, Ващенко, Никерясов и я прилетели на полигон. Здесь только что закончилась горячая работа по показу правительству ракетной техники. На показе были: Хрущев, Малиновский, Гречко, Крылов, Бирюзов, Епишев, Вершинин, Горшков, Судец, Устинов, Смирнов, Пашков, Сербин, Калмыков, Зверев. Главные конструкторы Королев, Челомей, Янгель, Глушко и другие показывали свою технику. По отзывам Хрущева, Малиновского и других руководителей показ прошел отлично. Было проведено пять показательных пусков боевых ракет Королева, Челомея и Янгеля. Все пуски прошли без замечаний. Хрущев внимательно осмотрел космический корабль «Выход» и очень тепло побеседовал с Гагариным, Беляевым и Леоновым. Алексей Леонов в скафандре продемонстрировал выход из корабля и возвращение в него.

27 сентября.

В этот выходной день собрались на второй площадке у Королева. Готовность «Восхода» к пуску еще не определилась; Королев собирается на один день слетать в Москву, а после возвращения заняться конкретной подготовкой пуска. Ясно, что полет корабля с манекенами в сентябре уже не состоится. Тюлин, Королев и Мрыкин разрешили присутствовать группе слушателей-космонавтов при пуске технологического корабля. Я позвонил в Москву и приказал завтра отправить слушателей-космонавтов на полигон.

28 сентября.

Погода резко изменилась: низкая облачность, пыльная буря, температура 15 градусов. Днем аэродром Тюра-Там не выпускал и не принимал самолеты. К вечеру ветер немного стих, и Ан-12 с Королевым и Ан-10 со слушателями-космонавтами благополучно приземлились. Прилетели все слушатели: Береговой, Шаталов, Демин, Артюхин, Колодин, Филипченко, Воронов, Куклин, Добровольский, Воробьев, Губарев, Матинченко, Гуляев, Жолобов и Буйновский. В программе их занятий предусмотрены изучение старта, средств связи и управления, ознакомление с ходом подготовки носителя и космического корабля к полету и присутствие при пуске. Всех слушателей разместили в новой гостинице для космонавтов.

29 сентября.

Утром маршал Руденко улетел в Челябинск. В 9:30 я был уже на проходной МИКа, где встретился с Королевым. Сергей Павлович очень расстроен — его жена, Нина Ивановна, лежит в кремлевской больнице. На четверг, 1 октября, ей назначена операция. Трудно при таких обстоятельствах оставаться спокойным и думать только о деле, а от Главного конструктора именно сейчас, в эти дни, требуется максимальная работоспособность и самое пристальное внимание ко всем «мелочам». В МИКе нас встретили полковник Кириллов (начальник 1-го управления полигона) и ведущий инженер корабля Фролов. Они доложили, что задерживается установка второго кресла в корабле. При детальном разборе причин задержки выяснилось, что болты на кресле на 3 миллиметра не подходят к отверстиям на борту корабля.

В 10 часов Королев провел совещание по расстановке сил и средств на случай аварии на старте. Сергей Павлович многое делает, чтобы спасти экипаж в случае аварии, он лучше всех знает, что надежность «Восхода» недостаточна, но все эти мероприятия носят скорее психологический характер и малоэффективны.

В 17 часов собрались на заседание Госкомиссии. Не открывая заседания, Тюлин объявил, что поступило сообщение об отказе на «Восходе» «Трала» 1П; характер отказа выясняется. Заседание Госкомиссии началось на час позже. Все, понуря головы, слушали доклады о готовности носителя и корабля к пуску; уже было достоверно известно, что обнаруженная на «Восходе» неполадка задержит его пуск на 6-7 суток: А.Ф.Богомолов подтвердил отказ «Трала» и необходимость разборки корабля. Комиссия утвердила руководителей и состав оперативных групп для руководства полетом. Руководителем первой группы назначили генерала К.А.Керимова, второй — меня, третьей — В.Н.Правецкого. Маршала Руденко утвердили руководителем посадочной группы, а меня - его заместителем. После официальной части заседания Тюлин попросил остаться только членов Госкомиссии и предоставил слово Королеву. Сергей Павлович доложил, что условия работы в МИКе не обеспечивают безопасность людей, и упрекнул руководство полигона и РВСН в пассивности в этих вопросах. Генералы Мрыкин, Захаров, Керимов и полковник Кириллов выступили против предложения Королева о поручении группе товарищей подготовить предложения по мерам усиления безопасности при проведении работ. Пришлось выступить и поддержать предложения Сергея Павловича, поддержали его также Тюлин и Правецкий. Ракетчики долго сопротивлялись, но под нашим давлением вынуждены были уступить.

Сегодня Королев сильно нервничал и ругался с Фроловым, Кирилловым, Богомоловым, Косбергом, Мрыкиным, Захаровым, Керимовым и другими. Все его разносы сейчас уже не так эффективны, как 3-4 года тому назад. Королев зарывается и не может понять, что главная причина недостатков и промахов в нашей работе заключается в отсутствии твердого плана, в спешке и бессмысленном дерганье людей. Еще полгода назад было ясно, что пуск «Восхода» в августе нереален, но Королев упорно настаивал на пуске сначала в августе, затем на первой, а потом во второй половине сентября. И вот сейчас все окончательно убедились, что пуск двух «Восходов» даже в октябре недостаточно подготовлен. Сейчас нас «поджимают» корабли морского флота. Они вышли в заданные районы в Тихом и Индийском океанах еще в августе, все их ресурсы иссякают 5-10 октября. Тюлин уговорил Бакаева оставить корабли на месте до

15 октября. До 15 октября мы должны провести два пуска. Подготовка обоих кораблей «Восход» должна вестись параллельно, разрыв между пусками будет не более 5-6 суток. Не позже 3-4 октября на полигон должны прибыть экипажи и врачи.

30 сентября.

Сегодня Королев улетел на двое суток в Москву. Окончательно выяснилось, что пуск корабля с манекенами будет не раньше 7-8 октября. Слушатели-космонавты вчера занимались в МИКе, а сегодня — на ИП-1. Сегодня холодный и очень ветреный день. Позвоню в Москву и попрошу, чтобы очередным самолетом мне выслали шинель и сапоги.

1 октября.

График разборки и сборки «Восхода» составлен в расчете на 146 часов, а вчера вечером Богомолов хвалился, что работы идут с опережением графика на 40 часов. Все эти срывы и опережения — результат плохого планирования. Для подготовки космических кораблей к полету нужны жесткие планы, а у нас таких планов нет. 29 сентября на одном из совещаний Королев опять объявил, что в ноябре будем пускать еще два «Восхода», хотя всем хорошо известно, что раньше марта-апреля 1965 года сделать это невозможно. Спешка, нечеткое планирование, погоня за перевыполнением планов вредят делу, резко снижают качество работ и создают много других неприятностей.

2 октября.

Маршал Руденко вчера вернулся из Челябинска, там он немного простудился, и врачи уложили его в постель. Я дал предварительную команду в Москву о подготовке к вылету на полигон нашей команды утром завтрашнего дня. Тюлин и Мрыкин согласны с тем, что пора вызывать экипажи и врачей, но без согласия Королева они не решаются заявить об этом. Королев прилетит сегодня вечером, и я согласую этот вопрос с ним, а ночью дам команду на вылет. Подготовка обоих «Восходов» по новому графику идет пока успешно, и, вероятно, пуск корабля с манекенами состоится 6-8 октября, а старт экипажа — 12-14 октября. Я уже передал жене, что раньше 15-20 октября в Москву не вернусь. Будет неплохо, если нам удастся уложиться в эти сроки.

3 октября.

Вчера Королев в Москве разговаривал с Главкомом и сказал ему, что экипажи на полигоне раньше 5-6 октября не потребуются. Он пожаловался Вершинину на нас за то, что мы не принимаем его самолет ночью. Главком приказал мне лично осмотреть новую ВПП и решить, можно ли принять самолет Королева ночью. Вместе с командиром авиаполка полковником Жуковым и специалистами осмотрели ВПП. Я доложил Вершинину, что до 10 октября принимать самолеты ночью нельзя: идут ремонтные работы, днем можно садиться только на старую ВПП, которая принимает Ил-14 и Ан-12. Вечером 2 октября на борту «Восхода» обнаружили «минус». Все работы были прекращены на несколько часов. Сегодня утром Тюлин, Мрыкин, Шабаров и я разбирались со специалистами с этой новой неполадкой. Установили, что «минус» связан с прибором «Сигнал», установленным в спускаемом аппарате и работающим после отделения приборного отсека. Решили продолжать работы по графику и завтра утром вывозить ракету на старт. Шабаров считает, что отсутствие космонавтов тормозит подготовку корабля «Восход», предназначенного для пилотируемого полета. Вопреки мнению Королева, который находится сейчас в Феодосии, решили 4 октября вызвать на полигон нашу команду.

4 октября.

Вчера вечером впервые на космодроме играли в теннис. Рядом с гостиницей космонавтов мы строим спортивный комплекс; теннисная, баскетбольная и волейбольная площадки уже готовы. Я играл в паре с Богомоловым против генерала Кузнецова и подполковника Суринова. Мы выиграли четыре сета: 6:1, 6:2, 6:2, 6:3. Богомолов играет хорошо, он был в восторге от возможности размяться. «За десять лет моего пребывания на полигонах сегодня у меня был самый приятный день отдыха», — так оценил Алексей Федорович нашу встречу на корте.

В семь часов утра из Феодосии прилетел Королев и сразу поехал на вторую площадку, где в это время вывозили на старт технологический корабль «Восход». Вчера в Феодосии отлично прошел сброс с самолета макета «Восхода». Скорость приземления была небольшой, тормозной движок сработал нормально.

В 15:30 по местному времени на самолете Ан-10 прилетели космонавты, на аэродроме их встречали Тюлин, Королев, Мрыкин, Захаров, Керимов и другие. Из самолета вышли Гагарин, Николаев, Комаров, Волынов, Феоктистов, Катыс, Егоров, Лазарев и Сорокин. Вместе с космонавтами прилетели Горегляд, Бабийчук, Карпов, Целикин, Хлебников. По лицам Волынова и Катыса было заметно, что они уже знают о решении Госкомиссии послать в полет Комарова, Феоктистова и Егорова.

Вечером я в паре с Егоровым играл в теннис против Комарова и Феоктистова и был приятно удивлен: Егоров и Феоктистов прилично играют, а Комаров играет слабее. Мы выиграли со счетом: 6:1 и 6:2.

5 октября.

В 15 часов Руденко, Тюлин, Королев, Мрыкин, Керимов и я приехали в гостиницу к космонавтам. Вчера подполковник Никерясов с группой товарищей наловили много рыбы, и сегодня космонавты угостили нас ухой. Они еще точно не знали, кто полетит на «Восходе», и настороженно ждали, не прояснится ли что в беседе с нами. После обеда все пошли на спортивные площадки. Мы с Королевым немного поиграли в теннис. Чувствуется, что Сергей Павлович когда-то играл неплохо, но сейчас отяжелел и много мазал, правда, и мне после обеда и в военной форме было нелегко играть.

После игры мы поехали на заседание Госкомиссии. Целый час «молотили» А.Ф.Богомолова за отказ «Трала» П-1 — Алексей Федорович яростно защищался. Потом заслушали доклады о готовности ракеты и корабля к полету и приняли решение запустить «Восход» с двумя манекенами 6 октября в 10:00 по московскому времени.

6 октября.

Поднялись в 6 утра и после легкого завтрака все члены Госкомиссии поехали на вторую площадку. В 7:00 началось заседание комиссии. Заслушали обычные доклады о готовности ракеты, корабля и старта. Все главные конструкторы систем доложили: «Замечаний нет, можно лететь». Погода на старте: облачность — 7 баллов, ветер — 8-10 метров в секунду, с порывами до 15 метров в секунду, температура — 9-12 градусов тепла. В районах посадки по прогнозу скорость ветра до 15 метров в секунду. Метеоусловия для старта вполне удовлетворительные, а сильный ветер в районах посадки нас не пугает. Мы заинтересованы в том, чтобы испытать систему приземления корабля при сильном ветре. Госкомиссия решила: «Заправлять ракету и всю подготовку к полету вести по тому же графику, по какому будем работать при пуске корабля с экипажем».

До 30-минутной готовности я был у ракеты. Вся подготовка проходила точно по графику, люди работали точно и уверенно. Был спокоен даже Королев: обычно он до 5-минутной готовности не отходил от ракеты, а сегодня он все

доверил своему заместителю по пуску Шабарову и полковнику Кириллову. Королев, Тюлин и Руденко решили остаться в бункере, а я поехал наблюдать пуск с ИП-1. За 20 минут до пуска на веранде ИПа собралось до 50 человек: 15 слушателей-космонавтов, 7 кандидатов на полет, генералы, офицеры, конструкторы. Точно в 10:00 ракета плавно оторвалась от старта и через 30 секунд, озарив нас нестерпимо ярким пламенем, ушла в облака. Все внимательно слушали отсчет секунд: 10, 20, 30… и так — до 523-й секунды. На 120-й секунде отделяются боковушки, на 150-й — сбрасывается обтекатель, на 290-й — начинает работать последняя ступень, а на 523-й секунде корабль выходит на орбиту и становится спутником Земли (корабль 3КВ № 2, запущенный 6 октября 1964 года, получил официальное название «Космос-47» — Ред.).

Я дежурил на КП с 16 до 24 часов по московскому времени. В моей смене генералы: Кузнецов, Захаров, Бабийчук, многие главные конструкторы (всего в смене более 50 человек). Наша задача — каждую секунду знать, где находится корабль и как работает его оборудование. Информация поступает исправно, все параметры корабля в норме. Дежурство прошло спокойно.

7 октября.

Спал только с 3 до 6 часов ночи: в 7 утра началась работа посадочной комиссии. В ее составе: Руденко, я, Кузнецов, Гагарин, Николаев, Карпов, Большой, Раушенбах, Северин, Воронин, Ткачев и другие. Рассмотрели данные о ходе полета и метеообстановку в районе приземления. Приняли решение сажать корабль в начале 17-го витка в районе Кустаная и Петропавловска при порывах ветра до 15-17 метров в секунду. Руководство Госкомиссии одобрило наше предложение о посадке корабля.

Посадка прошла нормально и в заданном районе. Парашютно-реактивная система «Восхода» сработала отлично, и он приземлился с нулевой скоростью. Корабль оставил на пахоте след глубиной 90 миллиметров. Сильный ветер протащил корабль метров 160, но экипаж «Восхода» может немедленно после приземления отцепить парашюты и тем самым исключить протаскивание. Анализ данных по контролю пуска и полета подтвердил хорошую работу всех систем ракеты и корабля, кроме третьей ступени ракеты. В работе двигателя этой ступени был трехсекундный спад тяги на 10 процентов, но потом нормальная работа двигателя восстановилась, и корабль набрал необходимую скорость. Причина спада тяги пока не установлена.

8 октября.

В 11:30 по московскому времени на самолете Ан-12 корабль «Восход» доставили на полигон. Пуск, полет, посадка, поиск и доставка корабля на полигон прошли отлично — все мы радовались, что через 2-3 дня выведем на орбиту пилотируемый корабль. Однако из Воронежа пришло очень неприятное известие: при очередном огневом испытании двигателя Косберга в одной из камер возникли высокочастотные колебания (ВЧ-колебания), и двигатель разрушился. Немедленно собрали членов Госкомиссии и в результате обсуждения происшествия пришли к решению: пуск «Восхода» с экипажем задержать на 3-4 дня и попытаться установить причины возникновения ВЧ-колебаний. С этой целью послали в Воронеж Мрыкина, Керимова и специалистов. Двигатели Косберга уже 60 раз были в полете, и при этом ни разу ВЧ-колебания не возникали. При проведении огневых испытаний двигателей на стенде (всего проведено около 400 таких испытаний) это четвертый случай возникновения ВЧ-колебаний. Королев считает, что они являются следствием специфических особенностей стенда (горизонтальное положение двигателя, большая длина трубопроводов и т.д.). Большинство специалистов придерживается такого же мнения, но оно пока не подтверждено испытаниями. Будем ждать возвращения специалистов из Воронежа и после их доклада примем решение о пуске. Пока не исключено, что задержка пуска окажется более длительной, чем мы предполагаем.

Вечером из Москвы прилетели семь корреспондентов: Денисов — «Правда», Остроумов — «Известия», Мельников — «Красная звезда», Песков — «Комсомольская правда», Романов — ТАСС, а также обозреватели из АПН и радиокомитета. После ужина я встретился с ними, и мы обсудили план их работы.

9 октября.

В 10 часов в МИКе у побывавшего в космосе технологического корабля «Восхода» собрались Тюлин, Королев, Руденко, Ткачев и я. Состояние корабля, парашютов и внутреннего оборудования кабины наглядно доказывало, что корабль совершил мягкую посадку. «Восход» — первый космический корабль, который сразу после полета вернули на старт. Сюда привозили и гагаринский «Восток», но через три года после его полета — он изображал макет космического корабля «Выход», который осматривал и одобрил Н.С.Хрущев. Все разработчики систем тщательно осмотрят «Восход» и официально доложат нам о его состоянии и работе оборудования. От технологического «Восхода» мы направились в южный конец МИКа, где у «Восхода-3» (имеется в виду заводской № 3 — Ред.) собрались космонавты, готовящиеся к обсидке корабля. Гагарин и Фролов руководили посадкой в корабль Комарова, Феоктистова и Егорова. После доклада о готовности экипажа Руденко и я поднялись к открытому люку корабля, осмотрели размещение космонавтов в креслах и задали Комарову несколько контрольных вопросов. После нас к люку поднимались Королев и Тюлин, Кузнецов и Николаев, Ткачев и Северин, другие товарищи. Размещение космонавтов очень тесное, позы у них неудобные, изменение положения тела затруднено, жизненного пространства раз в пять меньше, чем на «Востоках». В общем, условия полета на «Восходе» значительно хуже, чем на «Востоке».

Королев, Тюлин, Руденко и я около часа беседовали с полковником Шубраловым, который вместе с технологическим «Восходом» прибыл сюда с места его посадки. Королев и Тюлин проявили большой интерес к докладу Шубралова и предложили ему написать короткий отчет о посадке и поиске корабля.

С 16 до 17 часов провел встречу корреспондентов с экипажем. Эту, не совсем приятную для космонавтов необходимость, я совместил с игрой в теннис. Пока корреспонденты «терзали» вопросами Комарова, Феоктистов и Егоров играли в теннис, и так — по очереди. Вечер был тихий и теплый (три предыдущих дня были очень ветреными и холодными).

Вчера провел совещание со специалистами службы космической медицины. Кроме врачей присутствовали: Кузнецов, Горегляд, Бабийчук, Гагарин и Николаев. Перечень заболеваний членов экипажа в полете, при возникновении которых требуется срочная вынужденная посадка корабля, пришлось забраковать и предложить врачам переделать и сократить его. Обсудили и утвердили распорядок предстартового и стартового дней для экипажа. Все резко возражали против предложения генерала Бабийчука о том, чтобы экипаж после полета поместить в

госпиталь на трое суток. Решили поддержать предложение врачей о трехсуточном медицинском наблюдении за членами экипажа после полета в гостинице космонавтов.

10 октября.

На заседании Госкомиссии вчера более часа обсуждали доклад Косберга о возникновении ВЧ-колебаний в его двигателях. Выступали Левин, Солдатов, Королев, Мрыкин и другие. Все считают, что наиболее вероятной причиной возникновения ВЧ-колебаний являются недоработки стенда. ВЧ-колебаний ни разу не было в полетах, поэтому нет оснований опасаться их возникновения в предстоящем полете. Косберг заявил, что двигатель надежен и можно лететь. Королев доложил о двух последних удачных сбросах «Восхода» с самолета в Феодосии и об отличных результатах полета и посадки «Восхода» с манекенами. По докладам разработчиков систем и представителей полигона о готовности к полету ракеты и корабля приняли решение: 12 октября в 10:30 по московскому времени произвести пуск «Восхода» с экипажем.

Вчера вечером было проведено официальное заседание Госкомиссии, которое снималось на кинопленку и записывалось на магнитофон. На заседании присутствовали корреспонденты. Королев доложил о полной готовности к пуску ракеты и корабля. Я доложил о готовности к полету семи космонавтов и внес предложение о назначении в состав экипажа «Восхода» командиром корабля — подполковника Комарова, научным сотрудником — Феоктистова, врачом — Егорова; их дублерами — Волынова, Катыса, Сорокина, Лазарева. Госкомиссия единогласно утвердила основной состав экипажа и дублеров. Гагарин, Руденко, Королев, Тюлин и Мрыкин выступили с приветствиями и пожелали космонавтам успешного полета.

11 октября.

В 9 часов провели заседание посадочной комиссии. Определили районы для вынужденной посадки на каждом витке. В бортжурнал записали данные на случай вынужденной посадки с любого витка (время включения ТДУ, район посадки и т.д.). После определения параметров реальной орбиты корабля передадим экипажу уточненные данные по радио. Погода на ближайшие три дня в районе старта и районах посадки ожидается хорошей: ясно, ветер — 5 метров в секунду. Провел краткую беседу с экипажем по основным вопросам готовности к полету и вручил Комарову портрет Маркса, принадлежавший Ленину, фото Ленина с «Правдой» в руках и красный бант со знамени Парижской коммуны. Газета «Правда» и музей Ленина просили взять эти реликвии в космос и потом вернуть в музей.

В 16 часов провели на старте встречу космонавтов с гарнизоном 2-й площадки. Экипаж «Восхода» приветствовали полковник Кириллов, представитель промышленности и сержант стартовой команды. Комаров, Феоктистов и Егоров очень взволнованно благодарили собравшихся и выражали решимость оправдать оказанное им доверие. После митинга Королев с экипажем поднялся к кораблю и провел предполетный инструктаж.

Около 18 часов Тюлин, Руденко, Правецкий и я собрались в кабинете Королева. Вскоре к нам зашел Главный конструктор А.Ф.Богомолов и доложил, что в 14:30 на ракете обнаружили дефект «Трала» и что необходимо заменить его передатчик. Королева это сообщение взбесило, больше всего его возмутило отсутствие своевременного доклада (потеряли 3 часа!) и легкомысленное заявление Богомолова о том, что на замену передатчика потребуется 10 минут (полковник Кириллов сказал, что для замены передатчика нужно два часа). Сергей Павлович «взорвался», назвал Богомолова мальчишкой, трусом и заявил: «Уходи, я не хочу больше иметь с тобой дела. Я не могу быть и не буду с тобой в одной комнате». Неприятно было наблюдать эту сцену. Королев своей вспышкой гнева сам сбросил себя с пьедестала талантливого организатора в болото мелких и грязных страстей. Я впервые за четыре года совместной работы видел Королева в таком состоянии, было больно и обидно за него. Минут через 15 Сергей Павлович успокоился и толково доложил Д.Ф.Устинову по «ВЧ» о предстоящем завтра пуске.

Да, завтра первый в мире трехместный корабль поднимется в космос. Полгода тревог, сомнений, огорчений и большой работы позади. Ракета, корабль и экипаж готовы к полету. Сегодня я больше надеюсь на успех полета «Восхода», чем полтора-два месяца назад, хотя знаю, что общая надежность корабля и экипажа ниже, чем в любом из наших предыдущих космических полетов. Буду верить в успех! Сегодня надо забыть все сомнения и работать!

12 октября.

Ровно три с половиной года прошло после полета Гагарина. Завтра исполнится полгода с момента решения ЦК о создании «Восхода». Промышленники, конструкторы и космонавты за полгода проделали такую работу, которую, казалось, невозможно выполнить и за год.

Мы с маршалом Руденко проснулись ровно в шесть. Тихое морозное утро, температура - минус 8 градусов. После небольшой физзарядки и легкого завтрака выехали на вторую площадку. Метеоусловия для старта идеальные: ветер — 3-4 метра в секунду, видимость — более 20 километров, высокие перистые облака. По пути заехали в домик космонавтов. Врач, подполковник Никитин, доложил, что космонавты спали хорошо. Когда мы вошли в домик, Комаров и Егоров еще завтракали, а Феоктистов уже съел свой космический паек и спокойно занимался маникюром.

В 8:00 по местному времени в 200-х метрах от ракеты состоялось предстартовое заседание Государственной комиссии. Коротко и четко все конструкторы систем ракеты и корабля доложили: «Все готово, сомнений нет, можно лететь». С.П.Королев заключил доклады конструкторов: «Можно заправлять ракету и лететь». Е.А.Карпов доложил о готовности экипажа, я подтвердил готовность авиационных средств поиска и эвакуации.

У экипажа сегодня следующий распорядок:

6:30 — подъем;

6:40 — термометрия;

6:40-7:20 — утренний туалет, медицинский осмотр;

7:20-7:50 — завтрак бортовым пайком;

8:00 — прибытие в МИК;

8:00-8:45 — надевание белья с датчиками и снаряжением;

8:45-9:00 — регистрация физиологических функций на аппаратуре «Вега»;

9:00-9:30 — проверка спецснаряжения;

9:30 — выезд на старт.

Сейчас, когда не нужно облачаться в громоздкие скафандры, подготовка космонавтов к старту резко сократилась

по времени и упростилась. В 9 часов космонавты уже были готовы ехать на старт, но позвонил Королев и попросил без его сигнала не выезжать и добавил, что в ходе подготовки ракеты к пуску выявлен небольшой дефект, но он надеется, что старт состоится в намеченное время. Я еще раз повторил с космонавтами порядок их докладов о самочувствии и параметрах кабины. Слово «отлично» означает, что у экипажа нет сомнений в возможности продолжать полет; «хорошо» — нет полной уверенности в этом, а «удовлетворительно» — надо решать вопрос о посадке. Мы не возлагаем больших надежд на КВ-связь (помехи от радиационных поясов), но решили ее основательно проверить. В 9:30 к нам приехали Королев и Тюлин, оба они остались довольны видом космонавтов и, перебросившись парой шуток, уехали на старт.

В 10:10 я, Гагарин, Николаев и Королев вновь встретились у ракеты. Заправка ракеты топливом шла нормально. В 10:15 подъехал автобус с космонавтами, одетыми в легкие шерстяные костюмы серого цвета, на головах у них были белые шлемофоны. Впервые в космос отправлялись сразу трое космонавтов и впервые — без скафандров. Комаров четко доложил председателю Госкомиссии генералу Г.А.Тюлину: «Экипаж «Восхода» к полету готов. Инженер-подполковник Комаров». Королев, Тюлин, Руденко, Мрыкин, Пилюгин, я и другие члены Госкомиссии обнялись и поцеловались с космонавтами. Первыми к космическому кораблю поднялись на лифте Феоктистов и Егоров, а за ними вторым рейсом — Комаров. Первым в корабль сел Егоров, потом — Феоктистов, последним — Комаров. В 10:35 экипаж закончил посадку в корабль и занялся проверкой оборудования корабля.

По часовой готовности у ракеты остались Королев, Кириллов, Гагарин, я и стартовый боевой расчет. Королев внешне был спокоен, но я-то знал, что он волнуется больше обычного. Видимо, пытаясь отвлечься от сомнений, он дважды обращался ко мне: «Николай Петрович, волнуешься? Что поделаешь, я сам весь дрожу». По пятиминутной готовности мы ушли в бункер. Точно в 12:30 по местному времени (в 10:30 по московскому) ракета с первым трехместным космическим кораблем «Восход» начала подъем. Томительные 523 секунды и … вздох облегчения — корабль вышел на орбиту! Во время выведения Гагарин и Комаров отлично поддерживали связь в УКВ-диапазоне.

…На часах 23:00. Пять часов назад моя оперативная группа приняла дежурство на КП управления полетом «Восхода». В составе моей группы Захаров, Кузнецов, Бабийчук, Гусев, Винокур, Воронин, Даревский, Николаев и еще человек 60 специалистов. Сейчас корабль совершает уже девятый виток. На шестом и седьмом витках мы наблюдали космонавтов по телевидению и имели с ними хорошую радиосвязь на УКВ. Самочувствие экипажа отличное, все параметры кабины в норме. Теперь, до 13-го витка, космонавты не появятся над территорией СССР; мы будем пытаться поддерживать с ними связь только через систему «Сигнал» и по КВ. В данном полете надежно и четко работает только радиосвязь на УКВ, связь на КВ — плохая из-за слабой проходимости волн через радиационные пояса Земли. Шесть витков (с 8-го по 13-й) у нас фактически не будет радиосвязи, и мы не будем иметь данных о состоянии экипажа и обстановке на борту, но оснований для тревоги нет. В начале 7-го витка все параметры воздуха в кабине — давление, температура, влажность, содержание углекислого газа — были в пределах нормы. Я оставил за себя на КП генерала Кузнецова, а сам устроился в кабинете Королева и пытаюсь кое-что записать в дневник об этом напряженном и счастливом дне.

Нам безумно везет. После старта все члены Госкомиссии собрались в кабинете у полковника Кириллова. Всем уже было ясно, что мы одержали новую большую победу в космосе, но каждому хотелось еще и еще раз убедиться, что все идет хорошо. Через час генерал Карась доложил, что орбита «Восхода» почти совпадает с расчетной, а еще через 30 минут мы увидели экипаж по телевидению и переговорили с космонавтами по радио. Доложили о полете Хрущеву, Брежневу, Устинову и Смирнову, отредактировали сообщение ТАСС. По моему настоянию, Вершинин доложил Малиновскому проект приказа о присвоении Комарову звания «инженер-полковник», Егорову — «капитан медицинской службы», а Феоктистову — «капитан запаса». С 15 до 17 часов я немного отдохнул в домике космонавтов, а в 18 часов снова заступил на дежурство. Королев и Тюлин несколько раз звонили и справлялись о ходе полета; я посоветовал им отдыхать и не беспокоиться, так как полет проходил отлично. Были, правда, три момента, которые немного встревожили нас.

1. На седьмом витке у Егорова пульс во время сна снизился до 46 ударов в минуту. Генерал Бабийчук стал пугать меня самыми страшными картинами космической болезни. Я попросил Комарова измерить пульс у Егорова. Комаров доложил: «Пульс — 68», а еще через несколько минут данные телеметрии подтвердили хорошее самочувствие Егорова.

2. Раушенбах высказал неуверенность в исправности системы ориентации. Запрашивали Комарова, более двух часов разбирались в схемах и пришли к выводу, что система ориентации в порядке.

3. Меня беспокоило повышение температуры в кабине корабля, за шесть первых витков она поднялась с 15 до 21 градуса. Мне казалось, что было бы лучше и надежнее держать температуру ниже 20 градусов.

Я ушел с дежурства в 3 часа утра. В третьей смене дежурит Гагарин. Дал ему задание обязательно связаться с экипажем на 13-м витке и уточнить данные о состоянии космонавтов и параметрах кабины. Я попросил Гагарина немедленно звонить мне при малейших сомнениях в нормальном ходе полета.

13 октября.

В 8 часов утра наша опергруппа провела совещание. После анализа обстановки на борту, состояния здоровья экипажа, метеоусловий в районе приземления и условий передачи команд на спуск мы решили доложить Госкомиссии, что посадку «Восхода» целесообразно произвести в начале 17-го витка. Орбита корабля и ресурсы системы жизнеобеспечения позволяли летать трое суток, но программа полета рассчитывалась на одни сутки. Главная цель полета - испытание нового трехместного корабля - была достигнута; лишний день полета (экипаж просил продлить полет еще на сутки) ничего не мог прибавить к одержанной победе. Госкомиссия утвердила все наши предложения о посадке «Восхода».

В 9 часов по московскому времени на командном пункте управления полетом остались Тюлин, Королев, Руденко, я, Гагарин, Николаев, Кузнецов, Бабийчук и несколько связистов. Все остальные члены Госкомиссии, конструкторы, военные специалисты остались в кабинете Кириллова и в зале заседаний Госкомиссии. В обоих помещениях были установлены радиоприемные устройства, и каждый мог слушать и наши команды, и донесения о ходе посадки. Первые сообщения о прохождении команд мы могли получить от Комарова телеграфом по КВ, но из-за плохой проходимости коротких волн этот канал связи не работал.

Несколько минут с экипажем не было вообще никакой связи, но потом стал слабо прослушиваться сигнал «ПО»

(контрольный сигнал прохождения команды на отделение спускаемого аппарата от приборного отсека - Ред.). Через 2-3 минуты ИПы доложили о прохождении команд «Спуск-1» и «Спуск-2». Наши морские суда, стоящие у восточного и западного берегов Африки, сообщили о прохождении команд на включение ориентации и ТДУ, однако эти сообщения запаздывали и не давали полной уверенности в нормальном ходе спуска. Когда спускались Николаев и Быковский, они сообщали нам о прохождении всех команд по КВ-каналу, теперь же в ходе спуска было много неясного. Все мы, и особенно Сергей Павлович, волновались и, напрягая слух, с нетерпением ждали сигналов, но все ИПы и радиопеленгаторы молчали. Напряжение росло, по времени ТДУ уже сработала и, если все идет нормально, то корабль, замедляя скорость, спускается уже в плотных слоях атмосферы. В 10:22:30 Москва сообщила, что слышит сигнал «СА», — это означало, что ТДУ сработала, спускаемый аппарат корабля отделился от приборного отсека и пошел на посадку. Через 3-4 минуты наши мощные радиопеленгаторы «Круги» «поймали» «Восход» над Кавказом и сопровождали его до посадки. «Корабль пролетел Каспийское море… Пролетел Аральск… Подходит к району Кустаная… Отстрелилась крышка парашютного люка…» - следовали доклады генерала Кутасина с КП ВВС.

…По времени должны уже раскрыться парашюты, и антенна в стропах парашюта должна излучать сигнал для пеленгации корабля. Но сигнала нет! Пеленгов нет! В лучшем случае произошел отказ передатчика или порыв антенны, а в худшем — мог не раскрыться парашют, и тогда неминуема гибель экипажа. Каждая секунда кажется вечностью, все затаили дыхание — воцарилась тревожная, гнетущая тишина… Но вот в эфире голос Кутасина: «50-й, я — 52-й. Летчик Михайлов на самолете Ил-14 в 40 километрах восточнее Марьевки видит в воздухе объект». Я облегченно вздохнул, для меня стало ясно, что спуск идет нормально. Но этот доклад Кутасина не удовлетворил Королева, он вырвал микрофон у радиста и, сильно волнуясь, запросил: «52-й, я — 20-й. Скажите, видит ли Михайлов парашюты и сколько парашютов — один или два?» Кутасин ответил: «Михайлов видит объект с двумя куполами парашютов». Теперь оставалось ждать, как приземлится корабль: сработает тормозной движок — скорость приземления будет почти нулевой; если откажет движок, то «Восход» соприкоснется с Землей на скорости 7-8 метров в секунду. В последнем случае могут быть травмы у членов экипажа.

Но вот опять докладывает Кутасин: «Летчик Михайлов видит объект на земле и около него трех человек, машущих руками». Последние слова доклада заглушил гром аплодисментов. Наконец-то все ясно — полет благополучно завершен. Королев тихо шепчет: «Неужели все кончено, и экипаж вернулся из космоса без царапин? Никогда бы никому не поверил, что из «Востока» можно сделать «Восход» и трем космонавтам слетать на нем в космос». Да, у всех у нас было много сомнений и тревог, но теперь все волнения позади. Наша Родина одержала еще одну выдающуюся победу в космосе.

По моему предложению Госкомиссия приняла такое решение: с места посадки доставить космонавтов самолетом не в Куйбышев, как это делалось до сих пор, а в Тюра-Там. Здесь лучше можно организовать их медицинское обследование, все конструкторы смогут послушать доклад экипажа о полете, и меньше будет всяких встреч и шумихи. На место посадки еще вчера вылетели генералы Горегляд и Войтенко. Я поставил им задачу: как можно быстрее доставить космонавтов на полигон и оградить их от восторженной толпы и лобзаний местных руководителей.

В 18:30 по местному времени самолет Ил-18 приземлился на аэродроме полигона, на нем из Кустаная прилетел экипаж «Восхода» (с места посадки, в 60 километрах восточнее Марьевки, экипаж был доставлен вертолетом Ми-6 в Кокчетав, а оттуда самолетом Ил-14 — в Кустанай). Феоктистов и Егоров выглядели очень хорошо, а Комаров — немного утомленным.

14 октября.

Вчера нам стало известно, что Хрущев вылетел из Пицунды и в 14:00 будет в Москве. Мы ждали, что в Кустанае космонавтам придется разговаривать с Хрущевым по телефону, но около 15 часов нам из аппарата Смирнова сообщили: «Космонавты не дождутся разговора с Хрущевым, можно улетать на полигон». В гостинице космонавтов (17-я площадка), где разместился экипаж, мы опять ждали разговора по телефону с Хрущевым, и опять разговор не состоялся.

К 10 часам в спортивном зале гостиницы космонавтов собралось человек 200 военных и представителей промышленности. Комаров, Феоктистов и Егоров доложили о результатах полета. Доклады, вопросы и ответы космонавтов записаны на пленку. Коротко об итогах полета можно сказать следующее. Полет трех специалистов дал возможность выполнить несравненно больше наблюдений и научных исследований, чем в предыдущих полетах. Феоктистов честно доложил, что в невесомости он иногда «чувствовал себя вверх ногами», но это не мешало ему работать. Егоров все время чувствовал себя стоящим на коленях и с опущенной вниз головой. На 6-7 витках у Егорова появились незнакомые ранее ощущения в желудке, но после сна эти ощущения прошли.

Руководители Госкомиссии и экипаж «Восхода» пообедали вместе: выпили за космонавтов, за здоровье Королева и всех, кто готовил полет. В 17 часов экипаж провел встречу со стартовой командой и представителями промышленности в 50 метрах от места старта. В ходе встречи генерал Горегляд передал приказание Вершинина: «Маршалу Руденко немедленно вылететь в Москву». По дороге на десятую площадку мы «ломали головы», стараясь угадать причину экстренного вызова. Приехав в нулевой квартал, Руденко по «ВЧ» связался с Вершининым, который сказал ему: «Сегодня в 18:00 состоится пленум ЦК КПСС, вылетайте немедленно». Известие о пленуме было неожиданным. Руденко вылетел в Москву в 17 часов по московскому времени. По всему чувствовалось, что в Москве происходит что-то необычное, но что именно, мы не знали.

15 октября.

Вчера и сегодня продолжаем самолетами отправлять участников экспедиции и космические корабли в Москву. Всего улетело пять Ан-12, два Ил-18 и пять Ил-14.

Подготовленный нами рапорт Комарова и выступления членов экипажа на Красной площади забракованы. Москва еще вчера вечером намекнула, что заголовок рапорта (обращение к Хрущеву) будет другим. А сегодня утром мы уже официально узнали о смещении Хрущева и о назначении Брежнева Первым секретарем ЦК КПСС, а Косыгина — председателем Совета Министров СССР. Это событие ошеломило нас. Я знал, что Хрущев делает много глупостей (культ, семейственность, непрерывные оргии, звания Героев Советского Союза — иностранцам, путаница в международных отношениях, пренебрежение коллегиальностью и так далее), и был уверен, что он «влипнет» в историю и никогда не займет в ней место, подобное тому, какое заняли Ленин и Сталин, но я не думал, что он сорвется так

быстро. Брежнев, Суслов и Косыгин проявили большую смелость и перехитрили одного из самых хитрых людей современности. Смещение Хрущева можно только приветствовать — это благо для СССР и лагеря социализма, — но глупо не видеть, что подобные перевороты наносят ущерб авторитету нашей политической системы. Нашей стране не хватает твердых конституционных законов. Вредно, когда министры и «вожди» сидят в своих креслах по 20-30 лет. Необходимо и в партии, и в правительстве менять руководящих лиц через каждые 4-5 лет и никогда повторно не назначать на одну и ту же должность. Если такого твердого порядка не будет, то вельможи, князья и царьки будут расти, как грибы.

В 10 часов к нам приехали Тюлин и Королев. В нашей беседе приняли участие генералы Кузнецов и Чугунов, а также космонавты. О переменах в верхах не говорили, хотя это событие занимало мысли всех. Мы с Тюлиным пытались убедить Королева не спешить с пуском «Выхода». Я сказал Сергею Павловичу, что в создавшейся обстановке нет никакой надобности спешить с очередным космическим полетом. Слово, данное Королевым Хрущеву о пуске в ноябре, потеряло силу, а успех «Восхода» может «заполнить» 3-4 месяца, которые уйдут на доработку скафандра для выхода в космос. Королев хотя и не дал согласия на перенос пуска «Выхода» на 1965 год, но был явно поколеблен в своих прежних намерениях. Тюлин целиком согласен со мной, так что пуск «Выхода» будет осуществлен в марте-апреле 1965 года.

Примерно в полдень мы проводили Королева и Тюлина на аэродром. Опустел Тюра-Там, здесь с экипажем остались я, Кузнецов, Чугунов, журналисты, кинооператоры и три офицера (Никитин, Никерясов, Омельчак). День нашего вылета в Москву пока неизвестен, ясно только, что раньше 18-19 октября мы не полетим.

19 октября. Борт самолета Ил-18.

Летим в Москву. Распорядок встреч на сегодня и три последующих дня уже известен. Сегодня в 12:30 состоится встреча на аэродроме Внуково. Комаров, Феоктистов и Егоров от самолета к правительственной трибуне идут фронтом, останавливаются за полметра от микрофонов, и Комаров говорит: «Докладываю Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, Президиуму Верховного Совета, Совету Министров СССР…» и так далее. Сегодня же в 14 часов состоится митинг на Красной площади, а в 17:00 — прием в Кремле. Завтра пройдет митинг в ОКБ-1 у Королева, послезавтра — пресс-конференция в МГУ, а 22 октября — встреча в ЦПК.

Последние дни в Тюра-Таме была отличная солнечная погода. Комаров, Феоктистов и Егоров часа по 2-3 в день играли в теннис, готовили свои выступления на Красной площади и доклады для пресс-конференции. Вчера вечером я прослушал рапорт Комарова и выступления членов экипажа на Красной площади. Комаров подготовился к рапорту отлично и хорошо прочитал текст своего выступления. По выступлению Феоктистова замечаний тоже не было. Егоров прочитал текст небрежно, торопился, проглатывал слова.

Вчера мне исполнилось 56 лет. Очень хотелось встретить этот день дома, я соскучился по своим, особенно по Мусе и Оленьке. Меня радует, что сегодня кончается наша разлука. Всякие официальные встречи и проводы надоели смертельно, но от них никуда не денешься. Эта неделя будет тяжелой, предстоит много пустой болтовни и «деловых» встреч.

У меня много надежд на то, что маршала Малиновского наконец-то уберут и будут приняты меры к объединению космоса. Сейчас, на пути к освоению Луны, это особенно необходимо. Можно было бы быстрее и при меньших затратах добиться ощутимых результатов в освоении космоса и укрепить за счет этого наш военный потенциал. Выход из корабля в космос, стыковка на орбите, облет Луны, посадка на Луну, увеличение продолжительности пилотируемых полетов до 20-30 суток — вот основные направления наших космических усилий до 1970 года.

…Сегодня проснулись в 7 часов по местному времени, провели небольшую зарядку, позавтракали и начали собираться в путь. В 8:45 расселись по машинам. В первой машине - начальник полигона генерал Захаров, во второй — кинооператоры и фотокорреспонденты, в третьей — Комаров, Феоктистов, Егоров и я, а за нами еще около двух десятков машин. Вся эта колонна машин проехала по главным улицам и через центральную площадь военного городка. Все население вышло проводить космонавтов, было много цветов, много возгласов и приветствий. Один из офицеров выкрикнул: «Передайте привет Никите Сергеевичу!» Трудно было понять, насмешка ли это над свергнутым правителем или проявление уважения к нему — и то, и другое было неуместным.

На аэродроме космонавтов встретили представитель Министерства гражданской авиации генерал Бугаев и командир самолета Ил-18. Группа пионеров преподнесла экипажу «Восхода» цветы. Мы тепло попрощались с руководителями полигона и заняли места в Ил-18. По маршруту погода была хорошая, а в районе Москвы — низкая облачность (150 метров): эскорт истребителей пришлось не поднимать.

Ровно в 12:30 самолет подрулил к трибуне, и экипаж «Восхода» вышел для доклада. Комаров доложил очень четко и с хорошей дикцией. На трибуне были Брежнев, Микоян, Косыгин, Суслов, все летчики-космонавты, Малиновский, Вершинин и родственники Комарова, Феоктистова и Егорова. С аэродрома я поехал прямо домой и митинг на Красной площади смотрел по телевизору. Космонавты прочитали свои выступления хорошо. Последним выступил Брежнев, его речь была выдержанной и спокойной. Не было ругани и упреков в адрес Хрущева, были обещания процветания, мира и дружбы.

В 17:00 состоялся прием в Большом Кремлевском Дворце. Комарову, Феоктистову и Егорову вручили награды, Микоян и Косыгин поздравили награжденных. В ходе торжеств я узнал от Раисы Яковлевны Малиновской жуткую новость: на самолете Ил-18 недалеко от Белграда разбилась наша военная делегация, погибли 17 человек, в том числе маршал С.С.Бирюзов, начальник административного отдела ЦК КПСС Н.Р.Миронов и другие товарищи. Жаль погибших, я всех их знал лично, а с экипажем самолета неоднократно летал. 13 октября этот экипаж на том же самом самолете Ил-18 доставил из Кустаная на полигон Комарова, Феоктистова и Егорова после их приземления на корабле «Восход».

20 октября.

В 10 часов собрались в ОКБ-1 в кабинете С.П.Королева. В 10:30 на заводе провели встречу с экипажем »Восхода». Присутствовали 7-8 тысяч рабочих. Кроме Комарова, Феоктистова и Егорова выступили еще 9 человек, в том числе Келдыш, Тюлин, Королев и я. По сложившейся традиции экипаж на митинге вручил Главному конструктору Королеву бортовой журнал «Восхода». По моему приказанию в ЦПК сняли пять копий с бортжурнала, они крайне необходимы для научных организаций ВВС при анализе итогов полета. После митинга вновь собрались у Королева и подняли несколько

тостов за «виновников» успеха «Восхода» и за будущие победы в космосе, выпили и «за Луну».

С 18 до 20 часов в кабинете у Келдыша готовили материалы к пресс-конференции. Кроме экипажа были Келдыш, Тюлин, Пашков, Скуридин, Мозжорин, Румянцев и другие товарищи. Доклады Комарова, Феоктистова и Егорова не вызвали замечаний по существу, но все высказались за сокращение их до 15-20 минут. Я предложил, чтобы в докладах и ответах на вопросы космонавты сообщали все те данные, которые потребует от нас ФАИ (тяга, вес, размеры и другие параметры носителя и корабля), но Келдыш и Тюлин заняли более осторожную позицию: «Для ФАИ дадим, а сейчас не надо».

21 октября.

В 11:30 все герои-космонавты собрались у Келдыша и через несколько минут выехали в МГУ на пресс-конференцию. Конференция длилась более трех часов. Комаров, Феоктистов и Егоров сделали приличные доклады и уверенно отвечали на десятки вопросов. Конференцию вел М.В.Келдыш. Мстислав Всеволодович очень приятный человек и большой ученый, но как руководителю конференции и докладчику ему нельзя и тройку поставить: он медлителен, неактивен, выглядит безумно уставшим и совершенно незаинтересованным в происходящем. Публика проявила большой интерес к докладам Феоктистова и Егорова, в которых было немало интересных деталей о полете. Все выступления будут полностью опубликованы.

22 октября.

Сегодня в ЦПК экипаж «Восхода» провел встречу с личным составом Центра. Потом девятка героев-космонавтов сфотографировалась, после чего часа четыре мы занимались уточнением итогов полета. На совещании присутствовали все космонавты, слушатели-космонавты, представители всех организаций ВВС, занимающихся космосом. Разобрали вопросы связи, жизнеобеспечения, управления полетом. Присутствовавшие задавали вопросы, а Комаров, Феоктистов и Егоров обстоятельно на них отвечали.

28 октября.

За последние шесть дней я не успел ничего записать в дневник, было очень много работы, встреч, звонков и других забот. Комаров, Феоктистов и Егоров вместе с представителями институтов ВВС готовят итоговые отчеты о полете «Восхода». Сегодня эта работа будет, в основном, закончена. С 29 октября уходят в отпуск все космонавты, кроме членов экипажа «Восхода» — они ложатся в госпиталь на обследование, которое продлится четыре дня.

Сегодня я провел совещание с девяткой космонавтов и руководящим составом Центра. Обсудили ряд важных вопросов. Решили, что пуск корабля «Выход» целесообразно произвести в первом квартале 1965 года. Еще пять космических кораблей, которые будут построены в первой половине 1965 года, целесообразно готовить по следующей программе: два корабля — для полетов на 12-15 суток (один космонавт без скафандра), два корабля — для специальных научных исследований и один — для повторного выхода космонавта из корабля в космос.

За эти дни несколько раз разговаривал по телефону с Королевым. 20 октября после митинга в ОКБ-1 Сергей Павлович в присутствии многих руководящих деятелей по освоению космоса заявил, что очередной полет космонавтов состоится в ноябре этого года. По нашему мнению, такой полет возможен не раньше первого квартала 1965 года. Космонавты Беляев, Леонов, Хрунов, Горбатко, готовящиеся к полету на корабле «Выход», еще не были в отпуске. Я поставил перед Сергеем Павловичем вопрос об отдыхе космонавтов, и он вынужден был согласиться на их отпуск в ноябре. Королев рассказал, что здоровье Нины Ивановны почти не улучшается, врачи не разрешают ей ехать на юг и «заточили» ее в Барвиху. Сам Сергей Павлович еще не отдыхал, и в такой обстановке ему сейчас не до отдыха.

30 октября.

Звонил академик Борис Павлович Константинов. По рекомендации С.П.Королева я устроил Константинову встречу с К.П.Феоктистовым. Академик занимается «антивеществом» и «антимирами» и жаждет задать первому ученому-космонавту несколько вопросов.

Космонавты с 28 октября ушли в отпуск. Попович уже уехал в Сочи, Титов и Быковский - в Сухуми. 1 ноября уезжают в Сочи Гагарины и Николаевы. Вершинин улетел в Алжир, а Руденко — в Германию. Главная работа сейчас - это подведение итогов полета «Восхода» и подготовка к работе космической секции второй научной конференции ВВС. Я договорился с Главкомом, что мы не будем увязывать по срокам работу этой секции с проведением конференции, секция будет работать во второй половине декабря.

2 ноября.

Масса событий, встреч, новых людей, впечатлений и планов. В субботу экипаж «Восхода» провел встречу с литераторами. Писатели и поэты преподнесли космонавтам свои книги с дарственными надписями. К.Федин, К.Чуковский, Б.Полевой, Л.Ошанин, Е.Рябчиков и другие товарищи от имени Союза писателей горячо благодарили за организацию встречи. В тот же день я, Гагарин, Комаров, Феоктистов и Егоров выступали по радио. Новый председатель радиокомитета Месяцев и его заместители очень тепло встретили нас. В субботу в ЦПК отпраздновали женитьбу мастера парашютного спорта Киселева на космонавтке Ирине Соловьевой. Ирина оставила свою девичью фамилию.

Вчера в Сочи вылетели Гагарин, Николаев и Терешкова. Отдохнуть по-настоящему Гагарину не дадут. Сегодня уже звонили из ЦК и предупредили, что 4 ноября Гагарин должен выступать в Москве на открытии обелиска в честь покорителей космоса, а 11 ноября состоится учредительное собрание общества «СССР-Куба», где Гагарина будут избирать президентом общества.

Сегодня утром у меня был инженер-полковник Комаров, я отправил его выступать перед участниками октябрьского парада. Я предложил Комарову должность заместителя начальника ЦПК по политической части. Комаров, не долго думая, стал отказываться от этой работы. Я дал ему сутки на размышления, завтра будем решать этот вопрос окончательно.

Вчера, на даче, был отличный солнечный осенний день. Все мы усиленно работали. Муся и я собираемся 5 ноября поехать в Сочи, а Лева с Людой и Олей на октябрьские праздники поедут на автомашине в район Калинина. Лева готовил автомобиль к поездке, а все остальные занимались подготовкой дачи к зиме и переезду в Москву. У меня нет большого желания ехать на курорт, меня вполне устроил бы отдых на даче. Но для Муси очень полезно изменить обстановку, оторвать ее от Оли хотя бы на 3-4 недели. Это будет полезно и Оле. Она привыкла всеми нами командовать и капризничать, не проявляет уважения к старшим. Ей, по-видимому, крайне необходимо общество сверстников. Мы устроим ее в детскую группу при доме.

3 ноября.

Вчера неожиданно позвонил из ЦК Сербин и сообщил, что 4 ноября на открытии обелиска должны присутствовать все космонавты, кроме того, им обязательно нужно быть 7 ноября на параде на Красной площади, а вечером — на правительственном приеме. Звонил в Сочи, говорил с Н.Ф.Кузнецовым и Гагариным и приказал: 3 ноября, к исходу дня, Гагарину, Николаеву, Поповичу и Терешковой быть в Москве. Титова и Быковского я разыскал в Одессе (они там, под Одессой, три дня охотились) и приказал им возвращаться в Москву. Выступление Гагарина подготовлено и согласовано с Миллионщиковым (заместитель Келдыша, который сейчас в Варшаве) и секретарем МГК КПСС Кузнецовым. До 9-10 ноября вся девятка космонавтов будет в Москве. Ребят задергали встречами и всякими мероприятиями и не дают им возможности ни работать, ни отдыхать.

Общая обстановка в Москве и стране сейчас какая-то неопределенная. Хрущева убрали, но все его подхалимы сидят на своих местах, а народ чего-то настороженно ждет. Я думаю, что ждать кардинальных перемен нет оснований.

Появились слухи о том, что якобы Гагарин разбился со своей семьей на автомашине. Сегодня позвонил даже Малиновский и спросил: «Что там у вас с Гагариным, почему не докладываете?», на что я ответил: »К счастью, пока нечего докладывать, Гагарин здоров, и никаких происшествий с ним не было. Сегодня по моему вызову он прилетает из Сочи в Москву».

Звонил Г.А.Тюлин, я рассказал ему о наших планах на ноябрь и попросил не планировать пуск «Выхода» с манекенами раньше второй половины декабря. Георгий Александрович целиком поддерживает нашу позицию и считает, что полет корабля с выходом человека в космос состоится не ранее первого квартала 1965 года.

На днях мы получили директиву министра обороны о создании ЦУКОС (Центральное управление космических средств — Ред.). Директиву подписали Иванов и Малиновский. Новая организация будет заниматься только заказами космической техники, она подчиняется Главкому ракетных войск, а начальник ЦУКОС одновременно является заместителем Главкома РВСН по космосу. В ВВС, ПВО и ВМФ все остается так, как было. Надо признать, что это решение — удар по ВВС. Малиновский нанес его через неделю после гибели маршала Бирюзова, который настаивал на другом решении. Решение о создании ЦУКОС состоялось, а космос остался разобщенным. Необходимо объединять все работы по космосу, а не только заказы техники. Много сил и времени мы потратили на борьбу за объединение космоса, но ощутимых результатов не достигли. Главная причина наших неудач в нерешительности Вершинина, он все время пытался решить эту задачу за счет численности других видов Вооруженных Сил и скупился сделать что-либо за счет сокращения ВВС. После гибели маршала Бирюзова и выхода директивы о создании ЦУКОС добиться передачи руководства космонавтикой в ВВС будет очень трудно, но добиваться этого я буду. Если не удастся объединить космос под эгидой ВВС, тогда руководство космонавтикой надо будет сосредоточить непосредственно в аппарате министра обороны.

5 ноября.

Вчера Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Терешкова и Быковский, прервав отдых в Сочи и Сухуми, возвратились в Москву. В 13 часов я встретился с ними в ЦПК. Пообедали вместе, а потом более часа мы беседовали по ряду вопросов. Рассказал им о том, как Рытов, генерал-лейтенант Калашник и я осматривали в академии Жуковского «Выставку подарков космонавтам». За два месяца академия сделала очень много, выставка интересная, но ее нужно и можно сделать еще лучше за счет передачи подарков из ЦПК и из квартир космонавтов. Ребята согласились частично передать имеющиеся у них подарки. Я рассказал им о положении с нашими космическими делами и о ближайших задачах. В 14:30 на четырех «Волгах» и автобусе мы выехали в Москву.

В 16 часов состоялся митинг по поводу открытия монумента покорителям космоса. В президиуме встретились с Брежневым, Косыгиным, Микояном и другими руководителями партии и правительства. От Министерства обороны в президиуме были Малиновский, Епишев, я и вся девятка космонавтов. Митинг открыл секретарь МГК КПСС Егорычев, выступали Келдыш, рабочий Клюев и Гагарин. Брежнев официально открыл монумент, перерезав красную ленту. После окончания митинга мы осмотрели монумент со всех сторон: он прост, величествен и красив.

Звонили из ЦК и сообщили, что премьер-министр Вьетнама Фам Ван Донг выехал в Москву. Он собирается 6 ноября

лично вручить Комарову, Феоктистову и Егорову звезды Героев социалистического труда Вьетнама. Космонавтам предстоит еще присутствовать на торжественном заседании, на параде, на правительственном приеме и провести не менее шести встреч.

6 ноября.

Сегодня мой последний рабочий день в ноябре, 7-8 ноября — праздники, а с 9 ноября по 20 декабря я буду в отпуске. Утром 8 ноября все космонавты, кроме Егорова и Гагарина, вылетают на курорт. Гагарин прилетит в Сочи 12 ноября, а Егоров по непонятным причинам отказался от отпуска. Правда, он объясняет свой отказ необходимостью работать над диссертацией, но вряд ли можно принимать всерьез этот аргумент. В 13 часов вся блистательная девятка соберется у меня в кабинете, мы договоримся по всем вопросам их работы на сегодня и завтра. Предстоит множество встреч, заседаний, приемов и очень много литературных дел (статьи, приветствия, тексты выступлений и т.д.). Только что позвонил генерал Маслов (отдел внешних сношений МО) и передал просьбу сотрудников вьетнамского посольства прибыть к ним сегодня в 15:00 на церемонию вручения экипажу «Восхода» золотых звезд Героев социалистического труда Вьетнама. Вьетнам больше, чем любая другая социалистическая страна, уделяет внимание нашим успехам в космосе. Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Терешкова и Быковский уже носят звание Героев социалистического труда Вьетнама, а сегодня к ним присоединятся Комаров, Феоктистов и Егоров.

21 декабря.

Вышел на работу после отпуска. Первый раз в жизни полностью использовал положенный отпуск. С 10 по 28 ноября мы с Мусей отдыхали в Сочи. Вместе с нами на Ленинских дачах санатория имени Фрунзе отдыхали Гагарины, Комаровы, Феоктистовы, Николаев и Терешкова. Попович отдыхал в это же время в санатории имени Фабрициуса, а Титовы и Быковские — в Сухуми. Сегодня генералы Горегляд и Кузнецов официально доложили: «Все летчики-космонавты вернулись из отпусков, все здоровы, происшествий нет. Космонавты приступили к занятиям».

Звонил мне Андриян Николаев. На мои вопросы: «Как дела? Как здоровье Вали?», — он ответил: «Все отлично, все хорошо». Но я-то знаю, что до отличного очень далеко, что космонавты много пьют, что Валя Терешкова серьезно больна, а ее брак с Андрияном — ошибка.

Плохое состояние Вали я заметил еще более трех месяцев тому назад. На мои вопросы о состоянии здоровья она всегда отвечала, что все худшее уже позади; во всем виноваты роды и операция, но она скоро поправится. Время шло, а заметного улучшения не наступало. Все причины ее нервного возбуждения, ее болезни и невыдержанность стали мне предельно ясны 21 ноября. В тот день, часов около семи вечера Валя зашла в наш люкс и ошеломила нас с Марией Михайловной неожиданной просьбой: она попросила разрешения уехать одной в Москву завтра, 22 ноября. Причина преждевременного отъезда — развод с Николаевым. На наши уговоры и просьбы не торопиться с решением такого серьезного дела Валя высказалась откровенно, что это уже не первое решение — она твердо решила, что не будет жить с Андрияном. Она сделала из него кумира и безумно любила его, а он оказался совсем другим. Он плохой отец для Аленки, много пьет, каждый день у него встречи с приятелями, особенно много приезжих из Чувашии.

Ее, больную, Андриян часами заставлял ухаживать за пьяной компанией, а когда она пыталась образумить его, он обижался, что она не ценит его друзей и родственников, не проявляет уважения к его матери. Уже не раз дело доходило до крупных ссор, а один раз Андриян даже ударил Валю. Она уверяла, что Андрияна никакими силами не затащить в театр, он не любит музыку, мало читает…

Я помню, когда более года тому назад Валя рассказала мне о своей любви к Андрияну и об их намерении пожениться, передо мной возникла смутно строка стихотворения: «…В одну телегу впрячь нельзя коня и трепетную лань…» Да, я ничего хорошего не ждал от этого брака, но не хотел омрачать счастья Вали и надеялся, что ей будет под силу переделать такого увальня, как Андриян. Непосредственной причиной теперешнего разлада явился скандал, имевший место 20 ноября. В этот день все космонавты и мы с Мусей ездили на Черную речку ловить форелей. День был дождливый, все промокли и поэтому немного выпили. На обратном пути Гагарин, Николаев и другие космонавты в автобусе еще немного «добавили». После ужина Валя уговаривала Андрияна лечь спать и никуда не ходить, но он дал обещание сыграть с друзьями в преферанс и рвался уйти. Когда Валя закрыла комнату на ключ, Андриян сделал вид, что собирается выбраться через балкон. Валя испугалась повторения гагаринского падения и отдала ему ключ… Явился Андриян только в 4 часа утра, и сильно выпившим.

Вскрылись еще несколько пьянок Гагарина, Николаева и других космонавтов. 22 ноября я собрал всех космонавтов, отдыхавших в Сочи, и потребовал строгого соблюдения режима отдыха и прекращения пьянок. Николаев после неоднократных бесед с ним дал слово вообще бросить пить, признал себя виновным и обещал немедленно извиниться перед Валей. Гагарин резко сократил свои сомнительные встречи и стал больше уделять внимания жене. Комаров, Феоктистов, Волынов, Шонин, Беляев, Хрунов вели себя на отдыхе отлично. Через два дня состоялось полное примирение Терешковой и Николаева. После всего, что мне стало известно о первом годе брачной жизни Николаева и Терешковой, я уже не могу тешить себя надеждой, что они будут счастливы. Буду делать все возможное, чтобы помочь обоим. Я прямо сказал Андрияну: «Имей в виду, мы с тебя очень крепко спросим за малейшую обиду Вали».

22 декабря.

Вчера звонили Кузнецов и Гагарин, оба просили разрешения поехать сегодня в ЛИИ к Строеву. В ЛИИ уже готов для полетов самолет Ту-104, оборудованный для тренировок по выходу космонавтов в открытый космос. После доклада Гагарина я лично займусь ходом испытаний скафандра и всем комплексом подготовки космонавтов по теме «Выход». Я еще не встречался и не говорил с Королевым и другими «вершителями судеб» пилотируемых полетов в космос, но по предварительным впечатлениям очередной полет маловероятен раньше марта-апреля 1965 года. Полет корабля с манекеном можно провести в январе-феврале. Вершинин до 5 января — в отпуске, Руденко — на работе, но гриппует, а с 28 декабря тоже собирается в отпуск. Вчера я беседовал с Руденко. Ни он, ни я не поднимали деловых вопросов; маршал их не знает, а я не хочу толочь воду в ступе. Без Вершинина все равно ни одно дело не продвинется ни на шаг.

Вчера дал задание генералу Бабийчуку провести тщательное госпитальное обследование летавших космонавтов и особое внимание обратить на здоровье Терешковой. Кроме родов, операции и семейных неурядиц на состояние здоровья Вали влияет щитовидная железа и плохая культура питания. Валя почти не ест мяса и мучного, не понимает необходимости регулярного питания.

29 декабря.

По настоянию врачей пять суток лежал дома. Мне кололи пенициллин, ставили банки, давали глотать порошки: устраняли хрипы в легких — последствия гриппа. Последние анализы крови — неважные. Врачи Князев, Хохлова и Рудный настаивают на госпитальном обследовании. Чувствую, что они правы и провериться мне нужно.

Вчера был в ЦПК на отчетно-выборном партийном собрании. Отчитывался секретарь парткома подполковник Новиков. В прениях выступили 15 человек. Персональной критики не было, но докладчик и ряд выступавших (Черкасов, Хрунов, Николаев) говорили о больших трудностях в работе, возникающих из-за отсутствия конкретного плана космических полетов, просили новые штаты на вновь вводимые объекты (бассейн, корпус «Д», стадион и другие), критиковали партбюро за недостаточную работу с личным составом.

Видел Терешкову, но поговорить с ней не удалось. Говорил с Андрияном, он уверяет, что после возвращения из Сочи у них все идет отлично, в семье все здоровы, и полное согласие во всем. Валя выглядит немного лучше, но до хорошего состояния ей еще далеко. Приказал Кузнецову и Хлебникову после Нового года положить Терешкову в госпиталь на тщательное обследование.

Беляев, Леонов, Хрунов и Горбатко уже летают на Ту-104 и тренируются по выходу в открытый космос. После Нового года вплотную займусь темой «Выход».

30 декабря.

Поступает много докладов из ЛИИ, ЦПК, ИАКМ и других организаций о тревожном положении со сроками окончания работ по всем видам подготовки «Выхода» (тренажер, скафандр, шлюзовая камера и т.п.). После Нового года нужно будет всех «встряхнуть».

Только что звонили из АПН. Сотрудники этого агентства имели намерение открыть полемику с одним бельгийским профессором, который на днях выступил с заявлением о том, что все космонавты, побывавшие в космосе, имеют серьезные психические расстройства, что работоспособность людей в космосе низкая и предел пребывания в невесомости для человека не превышает пяти суток, что русские и американцы знают об этом, но почему-то молчат. Я посоветовал сотрудникам АПН не реагировать на это заявление. Американцы хотели бы послушать наши обоснованные возражения бельгийцу, но мы не доставим им такого удовольствия.

В 1965 году для нас вполне реально осуществить программу «Выход» и довести продолжительность полета одного космонавта до 10-12 суток, а экипажа из двух человек — до 5-6. 1966 год будет годом освоения стыковки и подготовки облета Луны. К сожалению, мы делаем много ошибок. Все советские пилотируемые корабли выполнили полеты без замечаний и не имели ни одного серьезного срыва, но наши лунники, межпланетные станции, спутники связи и телевидения, а также другие космические аппараты имеют очень много досадных недоработок. По-видимому, это не случайно: спутниками и межпланетными станциями занимаются ракетные войска, а пилотируемыми кораблями — ВВС. Громадный опыт авиационной промышленности не используется при разработке беспилотных космических аппаратов. Научные организации ВВС могли бы продвинуть вперед и этот участок освоения космоса, но ведомственная «драчка» мешает делу. Сейчас Малиновский и Захаров все больше и больше «перетягивают» космос в ракетные войска и тем самым наносят громадный ущерб развитию космонавтики. Отстранение Хрущева и гибель Бирюзова нанесли сокрушительный удар делу объединения космоса под руководством ВВС. Сейчас для ВВС очень трудное время, но я верю, что мы в конце концов победим.

Звонили из управления делами МО. Оказывается, маршал Крылов написал ходатайство Малиновскому с просьбой о переводе космонавта Комарова из ВВС в ракетные войска. Это очередная попытка укрепить космические позиции РВСН и ослабить наши силы. Я попросил прислать эту «грамоту» на наше заключение. Комаров и Главком дадут категорический отказ, но ясно, что подобные попытки будут продолжаться. Нам нужно не только умело отбивать их, но и перейти в подходящий момент в решительное контрнаступление.

Несколько дней назад Л.И.Брежнев высказал желание приехать к космонавтам в ЦПК. Надо будет хорошо обдумать, подготовить и организовать такую встречу. До мая 1965 года нам нужно обновить и расширить оборудование и тренажерную базу ЦПК, полностью задействовать учебные корабли и тренажеры в корпусе «Д», освежить и дооборудовать все стенды, классы, лаборатории. Строительство жилого городка идет хорошо. Один дом на 75 квартир уже готов, а в 1965 году будут полностью готовы 11-этажный дом для космонавтов, еще один 75-квартирный дом для личного состава ЦПК, а также школа, ясли, детсад, магазин и другие объекты. Можно было бы в 1965 году построить еще один высотный дом для космонавтов (генерал Комаровский согласен на это), но боюсь, что его некем будет заселять. Сейчас у нас 17 космонавтов и 13 слушателей-космонавтов. Думаю, что в будущем году мы наберем еще примерно 40 слушателей-космонавтов. Для такого количества жильцов хватит одного дома, строительство которого уже заканчивается. Закладку второго дома для космонавтов перенесем на 1966 год. От ЦПК до Чкаловского гарнизона 7 километров плохой извилистой дороги. Решили построить хорошее прямое шоссе длиной 5 километров по правую сторону от железной дороги Монино-Щелково. Это сократит время поездок и повысит их безопасность. Правда, генерал Пушко пытался внести в эту трассу три крутых излома, но я сегодня уговорил маршала Руденко утвердить наш (прямой) вариант прокладки дороги.

1965 год

Подвиги первых космонавтов и труды всех, кто готовил первые космические полеты людей, дали человеческому роду бессмертие: Земля может погибнуть, но человечество скоро получит возможность освоить другие планеты…

Королев, бесспорно, сделал для наших побед в космосе больше, чем кто-либо другой, и его имя должно быть не рядом, а впереди имен всех космонавтов. Я глубоко убежден, что так и будет.

4 января.

Три дня праздновали Новый год. Впервые после рождения Оли Новый год встречали не на даче, а в Москве. В кабинете установили большую елку, письменный стол превратили в праздничный, и всей семьей отпраздновали приход 1965 года. 1-3 января Муся, Оля, Ольга Карловна и я были на даче, а Лева и Люда — в Москве. Уступая настойчивым требованиям врачей, я сидел дома, на лыжах все равно ходить было нельзя (температура воздуха +2 градуса).

Сегодня был на консультации у профессора Преображенского. Он считает, что мне более трех лет удается диетой поддерживать удовлетворительное состояние здоровья. Он рекомендует только диету, считая, что пока нет надобности вмешиваться с медицинскими препаратами. А врачи ВВС настаивают на немедленной госпитализации с целью обстоятельного обследования. Решил пока на обследование не ложиться и руководствоваться указаниями профессора Преображенского.

Просмотрел фильм, посвященный полету экипажа «Восхода». По-моему, фильм сделан удачно, но Королеву он не понравился. Сергей Павлович не доволен якобы тем, что в нем много выступает Титов (Герман выступает не совсем удачно и снимался небритым), а фактически Королеву не нравится мое руководство работами над фильмом и то, что он вышел раньше полнометражного фильма на эту же тему, подготовкой которого руководит сам Сергей Павлович. Он звонил нам и, не застав меня, высказал свое неудовольствие полковнику Аристову. Королев, как всегда, излишне горячился и собирался звонить Месяцеву, Смирнову и Тюлину, чтобы высказать им свое возмущение нашим фильмом. Сергей Павлович терпеть не может конкурентов.

5 января.

3 января умер академик Лебединский - директор Института медико-биологических проблем Минздрава. В этот же день наша космонавтика понесла еще одну большую утрату: в автомобильной катастрофе погиб Семен Ариевич Косберг — Главный конструктор авиационных и космических двигателей. На 3-й ступени ракеты, запускавшей корабли с космонавтами, стоял двигатель Косберга, который ни разу нас не подвел. С Косбергом я был близко знаком — большого специалиста и прекрасного человека потеряла советская космонавтика.

Просмотрел 10-минутный фильм о Луне, снятый американским «Рейнджером-7». Мы располагаем одним-единственным экземпляром этого фильма; надо будет показать его Главкому, Королеву и Смирнову. В фильме есть очень ценные кадры, дающие представление о поверхности Луны и технике телесъемки.

Звонил В.И.Яздовский. Больше года он ведет себя «тише воды, ниже травы». Он пытается заняться «чистой» наукой, но о какой настоящей науке можно говорить, если не увязывать ее самым тесным образом с практикой космических полетов.

6 января.

Полковник Крышкевич вступил в должность замполита ЦПК ВВС. Полковника Трофимова пришлось освободить от этой должности. Я несколько раз предупреждал его о необходимости более энергичной деятельности, но у Трофимова «лень родилась» раньше него самого, и он был больше наблюдателем, чем участником всех дел Центра. Крышкевича я знаю больше шести лет и верю, что он неплохо покажет себя на этой работе.

Звонил Н.С.Строев из ЛИИ. Завтра у него будет совещание по методике полетов на Ту-104 с тренировкой выхода космонавтов в открытый космос. Космонавты Беляев и Леонов почти закончили тренировки, по их докладам они получили достаточную практику по выходу из корабля. Завтра просмотрим все материалы этой подготовки и решим, как и на чем совершенствовать дальше готовность космонавтов к операции «Выход».

Сегодня из отпуска возвратился Вершинин, и ушел в отпуск Руденко. Мне предстоит убедить Главкома в необходимости нового набора 40 слушателей-космонавтов, увеличения штатной численности ЦПК на 60-70 человек, заказа тренажеров и ряда других важных мероприятий по дальнейшему развитию пилотируемых космических полетов.

Вчера в «Красной звезде» опубликована большая статья Н.Т.Котыша «Стриженок». Статья посвящена Аркадию. Мне трудно судить о достоинствах статьи, могу сказать только, что все приведенные в ней факты правдивы. Аркадий уже в 15 неполных лет начал самостоятельно летать на самолете По-2 и был самым молодым летчиком во время войны.

9 января.

7 января весь день был в ЛИИ, разбирались в вопросах хода подготовки космонавтов. Просмотрели фильмы о полетах на Ту-104 с тренировками испытателей и космонавтов по выходу из макета корабля в «космическое пространство» в условиях невесомости. 8 января более пяти часов работали на 918-м заводе, разбирались в конструкции и надежности скафандра «Беркут» и шлюза «Волга», а также других агрегатов, предназначенных для обеспечения операции «Выход». На обоих совещаниях присутствовало по 50-60 представителей от всех организаций, участвующих в подготовке полета. От ОКБ-1 присутствовали: Цыбин, Шабаров, Анохин, Феоктистов и другие; от ВВС были: Гагарин, Николаев, Титов и специалисты. Беляев и Леонов считают, что тренировка в количестве семи полетов на Ту-104 вполне достаточна и дает хорошие навыки по «выходу». Они уверены, что в условиях космического полета выход будет осуществлен с меньшими затратами энергии и с большей надежностью.

Сегодня весь день провел в ЦПК. С Беляевым, Леоновым и специалистами Центра разобрались во всех вопросах хода подготовки к очередному полету. Я еще раз предупредил Беляева, Леонова и всех других космонавтов, чтобы они не давали никаких заключений и ответов промышленникам по вопросам новой аппаратуры и оборудования корабля «Выход» без самой тщательной консультации с соответствующими организациями ВВС.

На 14 января назначены экзамены для слушателей-космонавтов. Проверил и рассмотрел все вопросы организации

экзаменов. Приказал Кузнецову и Гагарину больше уделять внимания организации и контролю подготовки космонавтов. Гагарина назначил ответственным за подготовку космонавтов в ЛИИ, Николаева — на 918-м заводе, Титова — в ТБК-60, а Поповича и Быковского — в ОКБ-1 и других организациях. Резкое повышение роли инструкторов-космонавтов и их активности должно положительно сказаться на качестве подготовки космонавтов.

Главком подписал ходатайство министру обороны о наборе 40 слушателей-космонавтов. Королев против этого набора, Руденко тоже долго был против него. Но новый набор нам нужен для более эффективного «штурма» Луны и расширения контингента ученых, «понюхавших» космос. Будем набирать, в основном, летчиков, инженеров, штурманов, геофизиков, астрономов, врачей и других специалистов.

Особо стоит вопрос об участии в освоении космоса женщин. После блестящего полета Терешковой, осуществленного по моей инициативе, у нас пока нет никаких планов дальнейшего участия женщин в космических полетах. Наоборот, есть серьезные высказывания против женских полетов; Королев, в частности, давно и твердо высказался против них. Сегодня Гагарин уговаривал меня разогнать, как он выразился, «капеллу космонавток». Кроме Терешковой у нас есть еще четыре женщины-космонавта. Пономарева и Соловьева — неплохие кандидаты на полет. Я дал согласие присвоить им звания старших инженер-лейтенантов, а пока они лейтенанты, имеющие дипломы гражданских инженеров. Лейтенант Жанна Еркина полностью закончила программу подготовки космонавта, имеет высшее образование (гуманитарное), но из-за недостатков в технической подготовке, физическом развитии и характере не может быть надежным кандидатом на полет. Рядовая Кузнецова — до сих пор слушатель-космонавт, и есть большие сомнения, нужно ли ее переводить в космонавты. В такой обстановке у многих законно возникает вопрос: «А не разогнать ли нам баб?» Обдумав проблему, я решил продолжать подготовку женщин, и в 1965-1966 годах или позже добиться нового участия женщин в космическом полете. Вполне реален длительный полет двух женщин на «Восходе» или выход одной из них из корабля в космос. Женщины будут продолжать летать в космос, в этом нет никаких сомнений, а значит, необходимо продолжать их подготовку к полетам. Можно по тем или иным причинам отстранить от полета любую из наших космонавток, но тогда ее придется заменить более достойной кандидаткой, так как вообще отстранить женщин от космических полетов уже нельзя. Одна из них уже была в космосе, и они будут бороться за свое дальнейшее участие в его освоении.

12 января.

Вчера с Мусей были в Чкаловской на пятилетии ЦПК ВВС. Среди гостей были: Глушко, Цыбин, генералы Комаровский, Волков, Волынкин и многие другие. Валентин Петрович Глушко преподнес Центру очень ценный подарок — комплект ракетных двигателей. Для оснащения ЦПК — это лучшее из того, чего только можно было желать к юбилейной дате.

До и после торжественного вечера в клубе заходили к Николаевым. Повидали Аленушку, она — вылитый портрет отца — уже сидит. Андриян и Валя уверяли Мусю, что сейчас у них все хорошо. Валя выглядит немного посвежей, но все же еще не так хорошо, как перед свадьбой. Вчера мне звонил наш посол во Франции Виноградов и настойчиво просил ускорить решение ЦК о поездке Терешковой и Николаева с дочерью во Францию в мае 1965 года. Обычно мы обращались в ЦК КПСС за 1,5-2 месяца до выезда, но ради лучшей организации данной поездки есть смысл получить согласие на нее ЦК и пораньше. Кроме того, надо решить вопрос о поездке Терешковой в Алжир и Монголию; от этих стран есть правительственные приглашения, и целесообразно их принять.

13 января.

Вчера позвонил С.П.Королев и пригласил меня на техническое совещание на сегодня к 15:00. Сергей Павлович выразил сожаление, что мы давно не встречались. Он разыскивал меня весь день 31 декабря, но так и не смог найти, а ему хотелось «испортить мне предновогоднее настроение». Со слов Аристова я знал о его разговоре с Королевым по поводу нашего нового фильма и через Аристова же передал Сергею Павловичу, что считаю фильм хорошим и кроме небритого Титова в нем нечего убирать. Сейчас Королев пытался превратить этот инцидент в шутку и замять его, но теперь я уже твердо знаю, что 31 декабря он поступил опрометчиво, наговорив о фильме массу нелепостей в присутствии режиссера и его помощников.

Вчера провел большое совещание, на котором присутствовали: Вершинин, Пономарев, Мишук, Волынкин, Иоффе, Холодков, Бабийчук, Кузнецов, Горегляд, космонавты, врачи, инженеры и военпреды (всего более 60 человек). Просмотрели фильм о ходе тренировок космонавтов на Ту-104 по программе «Выход» и американский фильм о Луне (снимки поверхности Луны, сделанные «Рейнджером-7»). Потом заслушали доклады полковника Гагарина, полковника медицинской службы Карпова и инженер-полковника Смирнова. Докладчикам было задано очень много вопросов и высказано много замечаний и предложений. Общий вывод: в техническом, медицинском и организационном отношении полет с выходом космонавта в открытый космос достаточно хорошо подготовлен. До 15 февраля могут быть полностью закончены все испытания, проверки и доработки. К этому же сроку полностью закончит подготовку группа космонавтов.

Выход из космического корабля в космос - сложная, ответственная и опасная операция. Вот почему я так настойчиво добивался, чтобы этот полет был осуществлен не в ноябре 1964 года, как хотел Королев, а в феврале-марте 1965 года. Сейчас можно уверенно сказать, что в марте мы успешно проведем этот полет. Правда, надо еще добиться дублирования кислородного питания космонавта на время его выхода из корабля, так как мы не можем на все 100 процентов доверять кислородному прибору КП-55. После полета Гагарина выход человека из корабля в космическое пространство будет крупнейшей нашей победой. Операция «Выход» обеспечит нам в будущем стыковку и сборку кораблей на орбите, сделает возможной замену экипажей в космосе, позволит космонавтам выходить на поверхность Луны и планет.

Я уж не говорю о безграничных возможностях для наблюдений и обзора, которые откроются перед человеком, свободно плавающим в космическом пространстве. Для первого выхода в космос подготовлен Алексей Леонов, а запасным «выходящим» будет Евгений Хрунов. Оба они — отличные, сильные космонавты, а Леонов, кроме того - художник. Он, безусловно, лучше других почувствует все своеобразие и красоту этого эксперимента и сумеет конкретно передать свои наблюдения и переживания после возвращения на Землю.

14 января.

Вчера был на техническом совещании в ОКБ-1. Совещанием руководили Королев и Тюлин (присутствовало человек 200). Выступали: Цыбин, Шабаров, Пилюгин, Богомолов, Хлебников, Виноградов, Северин, Строев, Ткачев, Воронин, Быков, Исаев и другие. От ВВС выступали я, Холодков и Волынкин. Общий вывод по докладам: носители и два корабля 3КД, в основном, готовы к пускам; все испытания могут быть закончены к 15 февраля, космонавты будут полностью готовы к 10 февраля. Пуск технологического корабля можно выполнить в конце января или начале февраля, а полет двух космонавтов с выходом одного из них в космическое пространство — в марте.

Договорился с Королевым и Севериным о пошиве скафандра для Заикина, дал согласие снять все металлические детали со скафандра Горбатко, с тем чтобы ускорить изготовление скафандра для Заикина. Гай Ильич Северин обещал сделать скафандр для Заикина к 5 февраля. Подарил Королеву фильм о Луне. После совещания все остались для просмотра этого фильма.

Во время совещания Королев со всеми представителями ВВС держался подчеркнуто уважительно, но один раз все же не выдержал и заговорил о трещинах во взаимоотношениях с ВВС. Ему не нравится наша настойчивость при рассмотрении замечаний и доработок по системам корабля. Правда, Сергей Павлович быстро «остыл» и в конце концов согласился еще раз рассмотреть все замечания ВВС по технике и испытаниям.

15 января.

Слушатели-космонавты вчера сдавали экзамены в ЦПК. В составе экзаменационной комиссии генералы Горегляд, Кузнецов, Чугунов, Бабийчук, космонавты Гагарин, Николаев, Комаров, академик Сисакян, конструкторы Воронин, Ткачев и другие. Экзамены сдавали 15 человек, в том числе Пицхелаури (Кузнецова). В первый день проверялось знание материальной части космических кораблей «Восток», «Восход», «Выход» и их оборудования. Все слушатели держались хорошо и отвечали четко и обстоятельно. 13 слушателей получили оценку «отлично» и двое (Добровольский и Пицхелаури) — «хорошо». Лучше других отвечали Шаталов, Губарев и Демин. Хуже всех отвечал Добровольский. Говоря о теплозащитной обмазке «Востока», он сказал, что максимальная ее толщина достигает 440 миллиметров (правильно — 140 миллиметров); давая характеристику пеленгаторам «Круг», Добровольский дважды сказал, что эти пеленгаторы установлены на самолетах, допустил он и другие ошибки. В целом экзамены прошли хорошо. Все члены комиссии остались довольны знаниями слушателей.

Гагарин, Николаев и другие космонавты, а также генерал Кузнецов настойчиво просили меня о том, чтобы проводить медицинское обследование космонавтов не в госпитале, а в ЦПК. За обследования в госпитале ратует генерал Бабийчук, но я не уверен, что он прав. Не нравятся мне и «забастовочные» настроения космонавтов. Придется на днях собрать всех представителей медицины ВВС, разобраться в этом затянувшемся споре и решить, как и где проводить обследования космонавтов.

Кузнецов, Яковлев и другие товарищи из Центра выражают недовольство плохими взаимоотношениями ЦПК с Институтом авиационной и космической медицины. Особенно много нареканий в адрес полковника Карпова. По-видимому, Карпов занял ошибочную позицию, и его необходимо «поприжать».

Сегодня Беляев и Леонов выполняют упражнения на центрифуге. К Леонову у врачей не было и пока нет никаких замечаний, а к Беляеву — были. Ему уже почти 40 лет, и здоровье его несколько ослаблено. У меня нет полной уверенности, что он не «сдаст» на одном из этапов подготовки. Поэтому, кроме включения в подготовку Заикина (вместо Горбатко — Ред.), я приказал подготовить Хрунова не только как выходящего в космос члена экипажа, но и как командира корабля. Пара Хрунов-Леонов безусловно сильнее пары Беляев-Леонов, но, учитывая, что в предстоящем полете особенно важна роль выходящего пилота, мы наиболее сильных космонавтов Леонова и Хрунова в первую очередь готовили к выходу, а теперь, когда они к этой роли готовы, подготовим хотя бы одного из них и в качестве командира корабля.

16 января.

Звонил Гагарин и просил разрешить 2-3 полета Ту-104, необходимых для подготовки Хрунова к роли командира корабля «Выход». Я дал такое разрешение. Одновременно Гагарин доложил, что послал Титова и специалистов проверить вместе с Цыбиным ход подготовки к эксперименту в ТБК-60. Королев и Северин отстают от графика работ в ТБК-60 и, если на них не нажать, то это отставание может задержать подготовку космонавтов.

Сегодня слушали доклад Вершинина и смотрели кинофильм «Весна» о боевых возможностях ВВС, снятый у Финогенова во время смотра авиационной техники. Доклад бледный, а фильм создает хорошее впечатление. Мне особенно понравилась атака на встречном курсе: за четыре таких атаки сбито 4 самолета «противника». Действие самолетов по малоразмерным и подвижным целям также показано неплохо.

Вчера вечером я в гражданской одежде поехал на дачу общественным транспортом. В автобусе какой-то пьянчуга горланил песни и ругался матом. Пришлось вмешаться — пьяный присмирел и ответил: «Ладно, отец, не обижайся, больше не буду…» А через несколько минут он на весь автобус выкрикнул: «Хрущев пропил всю Россию… Я бы его собственными руками расстрелял!» Все молчали. На этот раз промолчал и я.

18 января.

В субботу я, Горегляд и Аристов ездили в Госкомитет по киноматографии на просмотр фильма о полете первого космического экипажа (Комаров, Феоктистов, Егоров). Тюлин и я предложили сократить кадры о войне и итальянской опере, яснее рассказать о полете без скафандров и высказали ряд замечаний по дикторскому тексту. Нас всех буквально убил своим выступлением председатель Госкомитета Романов. Он заявил: «Длинная, серая, скучная картина. В ней нет ничего нового. У нас ее никто не купит. Стоит ли ее вообще выпускать?» Пришлось мне выступить в защиту фильма. Я сказал, что в картине много исторически ценных материалов и что выпускать за три года пятую картину на тему о космических полетах — дело очень сложное. Трудности создания хороших фильмов излишне усугубляются засекречиванием самых интересных кадров о корабле, его пуске и приземлении, а также запретом показа людей (Тюлин, Руденко, Королев и другие). Кроме того, киносъемки нужно начинать не после полета, а до него. Ставить эти вопросы перед ЦК и добиваться их решения должен в первую очередь сам Романов.

Сегодня ко мне заходил генерал Холодков, он в беседе с Главкомом необдуманно высказал пожелание послать в полет командиром корабля «Выход» полковника Берегового. Береговой — неплохой кандидат, но выдвигать его в командиры «Выхода» сейчас, когда после шести месяцев обучения и тренировок экипажи заканчивают подготовку к

полету, до которого остался один месяц, едва ли разумно. Кроме того, рост и вес Берегового идут вразрез с требованиями, которые предъявили нам конструкторы в начале подготовки. Для Берегового еще не начинали шить скафандр, а на это требуется 1,5-2 месяца. Короче говоря, я против этого предложения, даже если Главком поддержит его.

Американцы завтра собираются запустить беспилотный корабль «Джемини». Эта программа у них отстает на 16 месяцев из-за двух первых неудачных пусков. На 1965 год американцы намечают 3-4 полета с экипажем. В этом году они не догонят нас, а если мы полностью используем наши возможности и проведем 2-3 удачных полета, то мы оторвемся от США еще на 2-3 года вперед.

19 января.

Провел совещание медицинских работников ВВС. Присутствовали: Бабийчук, Волынкин, Бородин, Усанов, Карпов, Хлебников, Федоров, Кузнецов, Горегляд и другие. Обсудили вопрос о месте и периодичности обследований летчиков-космонавтов. Космонавты, Кузнецов и Хлебников настоятельно просят проводить эти обследования в ЦПК, а все остальные специалисты считают, что обследования нужно проводить в госпитале. Принял такое решение: один раз в год, в течение 7-10 дней, проводить обследование космонавтов в госпитале, а квартальные обследования осуществлять в ЦПК ВВС. Космонавты будут знать, что раз в год им придется встречаться с серьезной медицинской проверкой, и это должно положительно сказаться на соблюдении ими режима и предостеречь их от излишеств. Космонавты боятся обследований в госпитале, их настроения выразил Гагарин: «Пойду в госпиталь только под пистолетом». Врачи ЦПК многое прощают героям космоса и потакают их нездоровым настроениям. В целях ломки таких настроений и в интересах более глубокого и квалифицированного обследования космонавтов я приказал приступить к обследованию Гагарина, Титова, Николаева, Поповича, Быковского, Терешковой, Комарова, Феоктистова и Егорова в Центральном военном научно-исследовательском авиационном госпитале.

На совещании я дал плохую оценку докладу Карпова о медицинских проблемах космического полета с выходом космонавта в открытый космос. Отметил 2-3 факта несерьезного отношения к изучению этих проблем и потребовал в недельный срок ликвидировать отставание медицины в ходе подготовки полета.

Доложил Вершинину о нецелесообразности подготовки полковника Берегового к полету на корабле «Выход». Главком полностью согласился со мной, но приказал готовить его к полету в 1965 году. Для полета на корабле «Выход» мы подбирали космонавтов поменьше ростом и с небольшим весом.

Космонавт	Рост, сантиметры	Вес, килограммы
Беляев	170	72
Леонов	172	78,2
Горбатко	168,5	69
Хрунов	171	70,8
Заикин	167	69,3

Береговой имеет рост 180 сантиметров и весит 84,5 килограмма. Рост Берегового на 10 сантиметров больше среднего роста космонавтов, проходящих подготовку по программе «Выход», а вес больше среднего на 15 килограммов. Учитывая это, неразумно было ставить вопрос о замене Заикина Береговым, хотя Береговой как командир и испытатель на голову выше любого из группы. Берегового мы подготовим к длительному полету.

Кузнецов доложил, что в субботу, во время проведения тренировок в ОКБ-1 в корабле 3КД при приподнятых креслах, ни один из космонавтов не смог выйти из корабля даже при отсутствии наддува скафандров, что очень опасно в случае приводнения корабля. Кроме того, корабль 3КД N 4 в ОКБ-1 при работах с ним уронили и помяли шлюз. Это происшествие несколько задержит полет, но в марте он будет осуществлен.

20 января.

США запустили вчера «Джемини» с двумя манекенами. Для запуска была использована ракета «Титан-2». Странно, что они пустили корабль по баллистической траектории: через 20 минут после старта капсула «Джемини» приводнилась на парашюте примерно в 3400 километрах от мыса Кеннеди. Скорее всего, это третья неудача с «Джемини», а не намеренный баллистический пуск. Мало смысла испытывать орбитальный корабль с манекенами не в реальных условиях предстоящего полета: баллистический пуск настолько отличается от полета по орбите, что после его осуществления нельзя быть уверенным в возможности осуществления орбитального полета.

Вчера я предупредил Главкома, что в Совете Министров СССР у Л.В.Смирнова готовится решение о передаче проектируемой для ЦПК центрифуги ЦФ-16 в космический институт Минздрава. Сегодня Главком был в Совете Министров и после возвращения оттуда позвонил и предупредил меня, что в пятницу в Центр приедут представители Смирнова с целью еще раз проверить, насколько необходима для нас ЦФ-16. Мы примем все меры, чтобы убедить Смирнова в правильности нашей позиции. Но у меня нет большой уверенности, что ЦФ-16 войдет в строй раньше 1970 года, а центрифуга нам нужна уже сегодня. Я решил форсировать разработку и строительство центрифуги ЦФ-7, которую проектирует для ЦПК опытно-экспериментальный завод ВВС. Сегодня НТК ВВС рассмотрел и одобрил проект ЦФ-7. Будем добиваться, чтобы она вошла в строй в 1966 году.

22 января.

Вчера закончились госэкзамены в ЦПК. Отряд космонавтов увеличился на 15 человек. Лучше других экзамены

сдали полковник Береговой, подполковник Шаталов, майор Губарев и инженер-подполковник Демин. Я долго колебался с принятием решения о «космической карьере» Кузнецовой. Она отстала от своих подруг на два года, к ее здоровью есть претензии медиков, среди слушателей, имеющих высшее образование, она слабее своих товарищей по общему развитию и по специальной подготовке. Сегодня я, наконец, принял решение, и Главком согласился с ним - присвоить Кузнецовой звание космонавта. Можно было и не делать этого, но отрицательное решение подчеркнуло бы бесперспективность участия женщин в освоении космоса и посеяло бы неуверенность и уныние у других космонавтов-женщин. Я понимаю, что принятое решение обязывает меня готовить для женщин очередной космический полет, но это сейчас очень непростое дело. Келдыш, Королев и Тюлин пока настроены против такого полета. Придется начать кропотливую подготовку почвы для его осуществления.

Сегодня прочитал отчет ВВС о проведенных в СССР полетах космонавтов на «Востоках» и «Восходе». Этот отчет по моему приказанию два месяца готовили ЦПК и институты ВВС. Работа выполнена хорошо и в достаточном объеме. После просмотра Главкомом отчет пошлем министру обороны.

23 января.

Вершинин подписал приказ о назначении 15 слушателей-космонавтов на должность «космонавт». Теперь в ВВС 32 космонавта, из них 7 уже побывали в космосе. Кроме того, один космонавт работает в ОКБ-1 (К.П.Феоктистов) и один — в Минздраве (Б.Б.Егоров). Таким образом, всего в СССР 34 космонавта, из них 9 (больше 25 процентов) уже летали в космос. В этом году мы наберем еще 40 слушателей-космонавтов. Этого контингента нам хватит для освоения полетов на Луну и эксплуатации одной орбитальной станции.

25 января.

Был в Центре. Принял решение о создании второго отряда космонавтов, командиром отряда назначил полковника Берегового, а его заместителем — подполковника Шаталова. У Берегового в отряде будет 14 вчерашних слушателей. Для этого отряда главная задача — готовиться к космическим полетам. Для отряда Николаева основные задачи — учиться в академии, готовиться к космическим полетам самим и помогать в подготовке к полетам другим космонавтам. Дал указание в недельный срок подготовить конференцию на тему «Специализация космонавтов и организация взаимодействия ЦПК с промышленностью, КБ и институтами». Никерясову дал задание приступить к работе по набору нового отряда слушателей. Этот набор будем проводить более требовательно и без спешки. Принимать будем только абсолютно здоровых людей, имеющих высшее образование, не старше 30-32 лет и с ограничениями: по росту — до 175 сантиметров, по весу — до 75 килограммов.

Вчера был на даче. Ходили с Олей на лыжах в «Коровий лес», катались с горы. Оля уже несколько дней занимается с преподавателем английского языка, ей хорошо помогает бабушка. Я доволен этими занятиями бабушки и внучки.

26 января.

Вместе с В.М.Комаровым в моем служебном кабинете принимали главного редактора газеты «Вечерняя Прага» Зденека Кожелуга. Его сопровождали главный редактор «Вечерней Москвы» Сырокамский Виталий Александрович и специальный корреспондент Русовский Анатолий Леонидович. Вопросы гостя касались быта и учебы космонавтов, подготовки экипажа к полету на «Восходе» и самого полета. Зденек Кожелуг настойчиво приглашал экипаж «Восхода» и меня посетить Прагу. Беседа прошла очень непринужденно. Комаров держался хорошо.

Говорил с Келдышем об очередном наборе космонавтов. Просил его определить специальности и профессиональные требования к ученым — кандидатам в космонавты. Келдыш выделил академика Сисакяна в состав мандатной комиссии по отбору космонавтов. От Госкомитета по вооружению в состав этой комиссии Тюлин выделил Румянцева. В комиссии будут также представители всех видов Вооруженных Сил, КГБ и Главного политического управления. Я думаю, что комиссия начнет работу в марте и закончит ее в августе текущего года. Если будут затруднения с отбором кандидатов, то мы пойдем на то, чтобы в этом году набрать только 20 слушателей, а еще 20 наберем в 1966 году.

29 января.

Утром был мороз до -26 градусов. Это хорошо, будем надеяться, что мороз задержит эпидемию гриппа. Очень много заболеваний в Москве, а особенно тяжелая обстановка — в Ленинграде и Баку. Там много смертельных случаев, въезд и выезд в эти города запрещен.

Косыгин во главе правительственной делегации 4 февраля едет во Вьетнам. Все наши летчики-космонавты — Герои труда Вьетнама. Вершинин, который входит в состав делегации, приказал подготовить подарки от имени космонавтов лидерам Вьетнама. Пришлось срочно мобилизовать возможности ТАСС, АПН и службы ремонта ВВС. Готовим альбомы, модели ракет, фото и многое другое.

Вчера в ТБК-60 провели первое испытание шлюза. Пустой (без людей) шлюз «подняли» на высоту 35 километров, опробовали наполнение его воздухом, открытие люков, их закрытие и вновь наполнение воздухом. Вся автоматика управления шлюзовой камерой работает хорошо, герметичность шлюза и люков вполне удовлетворительна. Сегодня в 11 часов начнутся испытания шлюза с людьми. Генерал Кузнецов доложил по телефону, что на испытаниях будут Цыбин, Ивановский, Финогенов, Пушко и специалисты из ЦПК.

30 января.

Вчера был на испытаниях в ТБК-60, на которых присутствовало около 60 представителей науки и промышленности: Тюлин, Бурназян, Ивановский, Цыбин, Финогенов, Северин и другие. Два испытателя в скафандрах на «высоте 15 километров» должны были пройти через шлюз корабля «Выход». Эксперимент закончился неудачно: испытатель вошел в шлюз, но закрыть люк корабля не смог из-за конструктивных недостатков люка. Кроме того, обнаружилась ненадежность работы «Веги» (аппаратура регистрации состояния космонавта). Первый недостаток будет быстро устранен, а с «Вегой» придется повозиться. Эта аппаратура создавалась для регистрации физиологических функций космонавта в полете в спокойном состоянии (в кресле), а при выходе из космического корабля она в любой момент может отказать.

Во второй половине дня вместе с Ивановским были в ЦПК. Ивановский пытался убедить нас, что центрифуга ЦФ-16

не нужна для подготовки космонавтов, а крайне необходима для исследовательских работ института Минздрава. Космонавты Комаров и Терешкова при поддержке руководства ЦПК доказывали обратное. Ивановский давно понял, что ЦФ-16 очень нужна нам, но он обещал Королеву, Келдышу и Бурназяну поддержать их точку зрения и добиться передачи ЦФ-16 в Минздрав. В такой обстановке ему невозможно официально высказаться в поддержку нашей позиции. Из-за ведомственных споров мы уже потеряли больше года, а дальнейшие проволочки могут и совсем «зарезать» создание центрифуги.

2 февраля.

В ЦПК провел вчера большое совещание со всеми космонавтами и руководящим составом Центра. После моего вступительного слова короткие доклады сделали Береговой и Николаев, затем выступили 17 космонавтов. Тема докладов и выступлений одна — как лучше и полезнее для дела организовать и спланировать работу космонавтов и ЦПК. В результате обмена мнениями я приказал генералу Кузнецову в недельный срок подготовить план работы по 7 тематическим направлениям:

1. Боевое применение космических средств (разведка, перехват, ударные действия).
2. Космическая навигация.
3. Средства жизнеобеспечения и спасения космонавта.
4. Радиотелеметрические устройства.
5. Научные орбитальные станции.
6. Облет Луны.
7. Экспедиция на Луну.

Потом я добавил еще одну тему: «Невесомость». Все космонавты и специалисты Центра будут распределены по группам в соответствии с избранным направлением работы. В каждой из таких групп будет старший группы и научный руководитель темы. Каждая группа будет систематически работать в соответствующих институтах и ОКБ с задачей — глубоко знать все аспекты исследуемой проблемы, формировать позиции ЦПК по конкретным вопросам и отстаивать их перед конструкторами и учеными.

Вечером я доложил Главкому о намечаемых нами мерах по улучшению планирования работы космонавтов. Вершинин согласился с нами, но предупредил: «Не нажимайте на Луну». Он сказал, что на последнем заседании коллегии МО маршал Малиновский заявил буквально следующее: «Мы не можем и не будем заниматься сверхмощными космическими носителями и полетами на Луну, пускай этими делами занимается Академия наук…» Я ответил Вершинину, что это высказывание Малиновского не ново и что оно характерно для его позиции в космических делах, но нам тем не менее необходимо резко активизировать участие организаций ВВС в освоении Луны. Вершинин при мне переговорил по телефону с маршалом Крыловым, они договорились вместе защищать перед Малиновским необходимость наращивать усилия военных в космосе. Вершинин и Крылов поручили мне подготовить от их имени письмо министру с обоснованием активизации космической деятельности МО.

3 февраля.

Весь вчерашний день провел на аэродроме Чкаловская. В ТБК-60 «поднимали» двух испытателей на высоту 37 километров. На испытании были Королев, Пономарев, Цыбин, Алексеев, Микоян, Пушко, Кузнецов, космонавты и другие специалисты (всего человек 60). После «подъема» на высоту 37 километров испытатели заполнили шлюз воздухом, уравняли давление в корабле и шлюзе и открыли люк корабля. Второй пилот вышел в шлюз, люк корабля закрыли, стравили воздух из шлюза и открыли наружный люк. Во время проведения этих операций пульс у второго пилота был в пределах 90-108 ударов в минуту. Потом испытатели закрыли люк шлюза, наддули его воздухом, уравняли давление между кораблем и шлюзом и открыли люк корабля, после чего второй пилот вернулся на свое место. Эксперимент продолжался более двух часов. Королев остался доволен ходом испытаний и еще раз подтвердил их большую ценность.

Полеты на Ту-104 с выходом космонавтов из корабля в условиях невесомости и несколько испытаний и тренировок в ТБК-60 показали огромную сложность и опасность предстоящего космического полета. Это будет очень трудный полет, но он широко распахнет двери в космос. После первого успешного выхода в открытый космос сборка на орбите и выход на поверхность планет станут более реальным делом. Стыковка кораблей на орбите и сборка конструкций орбитальных станций не потребуют сложнейшей автоматизации — в значительной мере их можно будет доверить человеку. Успех этого полета неизмеримо повысит роль человека в проведении космических исследований; он докажет, что в космосе, как и на Земле, человек есть и будет самой совершенной «машиной» и руководителем машин.

Вчера в разговоре с Королевым я, Пономарев и космонавты пытались убедить Сергея Павловича не чинить нам препятствий в споре о принадлежности центрифуги ЦФ-16. Королев остался недоволен нашей настойчивостью и заявил: «ЦФ-16 для подготовки космонавтов не нужна, она очень нужна промышленности и институту Минздрава. Я за то, чтобы ВВС объединяли космос, но я прошу не мешать и нам, а сейчас вы нам мешаете. Вторая ЦФ-16 будет вашей». Для меня стало совершенно ясно, что Королев пытается создать в промышленности все необходимое для подготовки к космическим полетам не только техники, но и людей. Он стремится развязать себе руки и не зависеть от военных при испытательных полетах. Он уже не раз заявлял мне: «Зря я связал себя с ВВС, я буду в испытательные полеты посылать своих космонавтов-испытателей». Эта позиция Королева с точки зрения государственных интересов обороны страны совершенно неприемлема. В стране уже есть хорошо зарекомендовавший себя Центр подготовки космонавтов, его нужно укреплять и расширять, а не пытаться создавать «курсы по подготовке космонавтов».

Комаров, Феоктистов и Егоров выступали вчера с докладами в Генштабе. Феоктистов заявил, что в полете все члены экипажа чувствовали себя одинаково хорошо и что на подготовку космонавтов к полету достаточно 3-4 месяца. Оба эти заявления ошибочны. Нам хорошо известно, что работоспособность Комарова была значительно выше, чем у Егорова и Феоктистова.

4 февраля.

Вчера был в ОКБ-1. С Королевым договорились о плане дальнейших работ в ТБК-60 и о тренировке космонавтов. Решили, что пуск технологического корабля можно провести в середине февраля, а полет космонавтов — в конце февраля или начале марта. Во всяком случае, космонавты будут полностью готовы к полету 20 февраля. «Подъем» космонавтов в ТБК-60 на высоту 37 километров запланировали на 6-8 февраля. Если представится возможность, то до отъезда на полигон проведем еще один «подъем» космонавтов.

Испытания в ТБК-60 показали, что, в основном, шлюз, скафандр и другое оборудование корабля «Выход» к полету готовы. Требуется доработка прибора «Вега» (регистрация пульса и частоты дыхания) и шлемофона космонавта. У «Веги» сползают датчики и прекращается выдача сигналов, а в шлемофоне напряжение доходит до 26 вольт, в то время как предел допустимого напряжения только 12 вольт. Во время одного из испытаний в ТБК-60 испытателя

ударило током: цепь 23-вольтового напряжения была плохо заизолирована и находилась в условиях повышенной влажности.

Проводятся еще несколько доработок оборудования корабля, все они будут закончены до 10 февраля.

Сегодня утром маршал Вершинин в составе правительственной делегации, возглавляемой Косыгиным, улетел во Вьетнам. Американцы «завязли» в войне во Вьетнаме, они давят на Северный Вьетнам, а мы пытаемся припугнуть США. Кроме того, эта поездка бесспорно рассчитана и на выяснение наших отношений с Китаем. Пролетая через Китай, Косыгин встретится с Мао Цзе-дуном и попытается восстановить наши дружественные контакты.

5 февраля.

Детально рассмотрел единую инструкцию экипажу корабля «Выход» (он же «Восход-2», или 3КД). Название корабля для печати еще не определилось, в различных документах его называют по-разному, но мне кажется, что название «Выход» наиболее кратко и удачно выражает главную цель предстоящего полета. Ранее космонавтам давалось более 10 инструкций по их деятельности в полете: по управлению кораблем вручную, по использованию средств связи, по действиям в аварийной ситуации и т.д. Для предстоящего полета все инструкции объединены в один документ. Особенно подробно изложен раздел: «Действия экипажа по обеспечению выхода из корабля второго космонавта в космическое пространство».

Со вчерашнего дня оба экипажа корабля «Выход» проходят тренировки в барокамерах. На 8 февраля назначен «подъем» Беляева и Леонова на высоту 37 километров. После полетов на Ту-104 в условиях невесомости, тренировка в ТБК-60 и самая сложная, и наиболее необходимая. Большинство тренировок космонавтов, проводимых на земле и в воздухе, значительно тяжелее тех нагрузок, которые им придется испытать в космосе. Но мы обучаем космонавтов по суворовскому принципу: «Тяжело в ученье - легче в бою».

Сегодня у меня были писатель Рябчиков и работник Мосфильма Макаров. Я утвердил план киносъемок, согласно которому снимать будут в основном Беляева и Леонова. Мы задумали подготовить интересную кинокартину о полете корабля «Выход». Создать шестой по счету интересный фильм на космическую тему и избежать в нем повторений очень трудно. Многие трудности могли бы отпасть, если бы удалось подсократить число перестраховщиков, а их очень много. Есть указания Главкома, министра обороны и секретарей ЦК об ограничении допуска людей к космической тематике, и те же руководители требуют быстро создавать хорошие кинофильмы после каждого космического полета. Делать фильм после полета и трудно, и долго, а проводить съемки до полета — значит идти на риск нежелательных разглашений. Но другого выхода нет. Придется уже сейчас проводить съемки, все материалы сделать секретными, ограничить круг допускаемых к ним лиц, и только после полета определять, что из этих материалов можно показать широкой публике.

Звонил Тюлин, просил чтобы завтра на заседание Госкомиссии приехали только Руденко, я и один-два специалиста. Пришлось резко сократить список участников (я намеревался вызвать 17 человек).

6 февраля.

Провели первое заседание Госкомиссии по ходу подготовки полета «Восхода-2». Комиссия заслушала доклады Королева, Цыбина, Северина и других разработчиков систем. Принято решение признать подготовку кораблей и носителей, в основном, законченной и наметить пуск с манекенами на 14-16 февраля, а пуск с экипажем — на 25-27 февраля.

Я доложил Госкомиссии о полной готовности к предстоящему полету двух экипажей и авиационных средств поиска, отметив при этом, что надежность поиска «Восхода-2» меньше, чем «Зенитов» и «Востоков», из-за недостаточной отработки радиосистем кораблей серии «Восход». На «Востоках» в стренгах парашюта были установлены антенны КВ — и УКВ-станций (П-57), что давало возможность пеленговать корабль еще при спуске как наземными КВ-пеленгаторами (»Круги»), так и самолетными средствами. На «Восходе» радиостанция П-57 не установлена, и пеленгация объекта на УКВ возможна только через 8-10 минут после посадки корабля. При этом в большинстве испытаний отстреливаемая антенна попадала под нижнюю полусферу спускаемого аппарата и не работала. Королева не устроило мое заявление о ненадежности средств поиска корабля и он произнес маловразумительную речь, пытаясь затушевать недостатки «Восхода»: «Нам, наверное, надо расти и не считать, что если было на корабле пять станций, а стало три, то от этого вся система стала менее надежной… Одна станция может быть надежнее пяти…» Забыл Королев только об одном: на «Восходе» установлены те же самые станции, что и на «Востоке», но их меньше и работают они в худших условиях.

Келдыш в своем выступлении высказал пожелание уточнить температурные, электростатические, радиационные и другие условия, в которых окажется космонавт при выходе в полный вакуум. Пожелание правильное, но президенту Академии наук нужно было бы подумать об этом месяцев на шесть раньше. Имеющиеся в нашем распоряжении данные не дают повода думать, что аппаратура и человек могут не справиться с работой за бортом космического корабля.

Звонил А.Н.Туполев. Старик вторично ходатайствовал за Бендерова. Я сказал Андрею Николаевичу, что в ближайшие годы людей старше 30 лет в космонавты брать не будем, а Бендерову уже почти сорок.

8 февраля.

Провели тренировку Беляева и Леонова в ТБК-60. «Подъем» на 37 километров прошел хорошо, но опять не работал прибор «Вега». Все заверения Волынкина и Карпова о том, что »Вега» будет работать, оказались «липой». На эту тренировку я пригласил генерала Бабийчука, и он сам убедился в плохой работе его подчиненных. Институт авиационной и космической медицины плохо работал по подготовке пилотируемого полета на «Восходе-2», руководство института не только не проявляет инициативы, но даже не выполняет своих планов и торжественных обещаний. Я уговорил Главкома подписать приказ о наказании Волынкина и Карпова.

Получил от Королева план изготовления в 1965 году пяти кораблей «Восход» и проект плана их использования. Три корабля будут изготовлены до октября и могут быть использованы уже в этом году. На этот год запланированы: полет корабля с животными продолжительностью 30 суток, полет двухместного корабля (летчик и врач) продолжительностью 15 суток и полет двухместного корабля (летчик и ученый) для проведения эксперимента с искусственной тяжестью. Два других корабля будут готовы к октябрю для полетов по программе «Выход» в марте 1966 года. Я не успел еще

подробно изучить эти предложения, но, в основном, они вполне приемлемы. Нужно будет уточнить задачи полетов, требуемое оборудование кораблей и состав экипажей. Сегодня я вызвал подполковника Лазарева и капитана Сорокина и приказал им с 10 февраля приступить к подготовке к космическому полету. Они были дублерами Егорова и имеют реальные шансы рассчитывать на участие в одном из очередных полетов в качестве врача. Королев будет возражать против этих кандидатур, но сейчас у нас больше оснований бороться за них.

Были у меня Рябчиков и Макаров. Я утвердил им план киносъемок по двум сценариям: по первому сценарию они снимают Беляева, Леонова, Заикина и Хрунова, а по второму - Звездный городок. Наш Звездный будет полностью готов к съемкам через 2-3 года, но и сейчас здесь многое представляет большой интерес — все зависит от изобретательности Рябчикова и искусства кинооператоров.

9 февраля.

На заседании Госкомиссии рассматривали в предварительном порядке состав экипажей для корабля «Восход-2». Присутствовали: Зверев, Тюлин, Королев, Руденко, Правецкий, Мрыкин, Керимов, я, Кузнецов, Беляев, Леонов, Заикин и Хрунов. Доклад о готовности космонавтов и о предлагаемом от имени ВВС составе экипажей сделал маршал Руденко. Маршал предложил назначить: командиром корабля — подполковника Павла Ивановича Беляева, вторым пилотом (выходящим в космос) — Алексея Архиповича Леонова, дублером командира — Дмитрия Алексеевича Заикина, дублером второго пилота — Евгения Васильевича Хрунова. Последние трое имеют воинское звание «майор». Все четверо учатся на третьем курсе Академии имени Жуковского, все начали подготовку к космическим полетам одновременно с Гагариным. Члены Госкомиссии заслушали короткие доклады космонавтов о готовности к полету, задали им несколько вопросов и единогласно приняли предложение ВВС. После заседания Госкомиссии я провел с космонавтами разбор вчерашнего «полета» в ТБК, дал указания о заключительных тренировках и о проведении предполетного медицинского освидетельствования. Ребята держатся хорошо, особенно мне нравятся Леонов и Хрунов. Сегодня в 17 часов кандидаты на полет будут утверждаться у заместителя председателя Совета Министров СССР Л.В.Смирнова. Ничего нового на этом очередном заседании не произойдет, оно носит чисто формальный характер. Завтра в 9:00 на самолете Ил-18 я вылетаю в Тюра-Там, со мной летят 19 военных и 30 гражданских товарищей. Экипаж «Восхода-2» пока не вылетает на полигон, летит только один космонавт — В.М.Комаров. Предстоящая на старте работа по подготовке и пуску технологического «Восхода-2» с манекенами должна дать окончательную оценку нашей готовности к полету с выходом космонавта за борт космического корабля. Работа по подготовке техники и космонавтов к предстоящему полету проделана огромная. Все трудились больше и продуктивнее, чем при подготовке предыдущих полетов. Сейчас у всех больше уверенности в успехе, чем перед стартом экипажа Комарова, но тем не менее для успешного осуществления полета нужно еще очень много работать. Малейшая ошибка одного человека может сорвать полет или привести к тяжелому происшествию. Мы обязаны выработать такую технологию подготовки и проведения полета, которая должна исключить случайные ошибки. Поэтому очень важно, чтобы уже в технологическом пуске участвовали инженеры, врачи, космонавты, руководители подготовки космонавтов и руководители полета.

С 17 до 19 часов просидели на заседании у Л.В.Смирнова. Кроме четверки космонавтов присутствовали Зверев, Калмыков, Пашков, Тюлин, Королев, Крылов, Руденко, Керимов, Карпов, Карась, Кузнецов, Северин, Ткачев, Воронин, Быков, Богомолов и другие. Королев, Северин и Руденко доложили, что все готово для пуска космического корабля «Восход-2». Проведена очень большая исследовательская и испытательная работа по технике, созданы новые уникальные скафандры, шлюз, кислородный прибор КП-55 и другие системы. Проведены сложнейшие тренировки космонавтов в условиях невесомости, в барокамерах и на других стендах. Тюлин и Королев очень резко высказались в адрес А.Ф.Богомолова по поводу частых отказов его систем. Алексей Федорович неудачно оправдывался и получил внушительную отповедь от Смирнова. В заключение Смирнов предложил Госкомиссии еще раз разобрать «богомоловские огрехи» и, если нужно, отменить полет из-за неуверенности в надежности телеметрических систем и официально доложить об этом правительству.

10 февраля. Борт самолета Ил-18 — Ташкент.

Взлетели в 9:00 и взяли курс на полигон. Облачная погода, земля не просматривается, самолет часто заходит в облака, изредка проглядывает белесое Солнце. На подлете к Тюра-Таму получили сообщение, что там очень плохая погода, — пришлось лететь в Ташкент. Произвели посадку на ташкентском аэродроме ГВФ. Идет дождь, снег «прячется» только в тени и по оврагам. Погода в Тюра-Таме по прежнему плохая. Нам предлагают из Ташкента лететь на одном Ил-14 и двух Ли-2. Обсудив обстановку, мы решили вечером выехать на полигон поездом.

Заезжал в авиагородок, заглянул в штаб Воздушной армии, заходил на КП и в свой бывший кабинет. Грустно вспоминать далекое прошлое, но приятно встретить сослуживцев, с которыми работал перед войной и в 1957-1958 годы.

11 февраля.

Давно не ездил поездом. Тягуче медленно идет время… Хорошо, что едем ночью: можно выспаться…

На станции Тюра-Там нас встретили с машинами и автобусами. Здесь значительно холоднее, чем в Ташкенте, много снега, температура -10 градусов. Все промышленники уехали на 2-ю площадку, а я, Кузнецов, Комаров и другие офицеры ВВС разместились на 17-й площадке в доме космонавтов. После шумных октябрьских дней прошлого года дом всю зиму был закрыт и лишь сейчас он вновь ожил. Разговаривал с Москвой: доложил Руденко о нашем прибытии на место, а он сообщил, что вчерашний «подъем» в ТБК-60 Заикина и Хрунова на 37 километров прошел хорошо и «Вега», наконец, заработала, но на пульте командира все же не было индикации параметров дыхания второго пилота.

Восемь часов вечера. Все уехали на ужин и в кино, и я остался один. Идеально тихо, даже дежурный внизу не подает признаков жизни. Везде темно, где-то испортилась электропроводка; у меня на столе колеблется пламя обычной свечи — давно я не пользовался таким освещением. Через окно моей комнаты я вижу огни большого города. Это чисто военный город, он быстро растет — за последние пять лет в нем появились сотни новых домов, по масштабам строительства, количеству жителей и потребляемой энергии он не уступает областным городам, а по своей значимости гораздо выше их — это наш самый мощный ракетный и космический центр.

12 февраля. Борт самолета Ил-14 — Москва.

Я, Кузнецов, Комаров, Крышкевич и Хлебников на самолете Королева летим в Москву. Сегодня около десяти утра мы приехали на вторую площадку и зашли в МИК. Там была полнейшая тишина. Военные занимались политучебой, гражданские отсыпались по гостиницам. Около «Восхода-2» и технологического корабля не было ни души. Подполковник Беляев — начальник космической команды полигона — доложил, что Е.В.Шабаров проводит очередное совещание. Через несколько минут появился и сам Евгений Васильевич. Он сообщил, что кроме уже известных нам неполадок и задержек, появилась новая — отказ второго комплекта «Трала». Придется вновь разбирать корабль, а на его сборку и полную проверку потребуется 7-8 дней. Пуск технологического корабля возможен теперь не раньше 22-23 февраля, а полет «Восхода-2» отодвигается на март. Королев находится пока еще в Москве, а Богомолов (главный виновник задержки) — во Львове. В такой обстановке не было надобности почти целую неделю впустую торчать на полигоне, и я решил вернуться в Москву, оставив здесь группу врачей и инженеров.

Самолет, на котором мы летим, привез из Львова новые комплекты «Трала». Поужинали мы в Пензе, угощал нас В.М.Комаров: он обыграл нас в преферанс и по законам преферансистов должен был угощать всех игравших. Выиграл Комаров 5 рублей, а заплатил за ужин — 14. В 22 часа наш самолет сел на аэродроме Внуково, а через час я был уже дома.

13 февраля.

Сегодня ровно 31 год со дня гибели «Челюскина» и 20 лет со дня освобождения Будапешта — обе эти даты памятны для меня.

Несколько раз был у Руденко. Он подписал приказ о плохом отношении к работе по теме «Выход» руководства ИАКМ. При мне генерал Бабийчук доложил маршалу итоги обследования в госпитале летавших космонавтов. Никаких последствий космических полетов не обнаружено, но из-за нарушений режима дня, питания и физподготовки у некоторых космонавтов имеются небольшие отклонения от нормы. Гагарин и Попович прибавили в весе (4 и 5 килограммов), Быковский за год после полета 7 раз болел (грипп, простуды и т.п.).

15 февраля. Москва — борт самолета Ил-14 - Тюра-Там.

Вчера весь день провел на даче. Ходил с Олей на лыжах. Температура была около нуля, снег очень сильно прилипал к лыжам. На обратном пути Оля еле шла, несколько раз очищал ее лыжи от снега, но это почти не помогало…

В 12 часов по московскому времени я, Кузнецов, Комаров, Крышкевич и Хлебников на Ил-14 вылетели на полигон. Нас посадили в Актюбинске и заставили полностью дозаправиться горючим, так как в Тюра-Таме к нашему прилету ожидался туман. К счастью, прогноз не оправдался, и в 23:00 по местному времени мы уже были на десятой площадке полигона.

16 февраля. Тюра-Там.

Разместился в прежней «своей» квартире в нулевом квартале. На семнадцатой площадке шумновато, да и мое присутствие там сковывает моих подчиненных.

С 10 часов С.П.Королев проводил техническое совещание по отказам телевизионной и радиокомандной аппаратуры. Присутствовали Тюлин, Керимов, Правецкий, представители львовского завода. А.Ф.Богомолов в своих неоднократных высказываниях так и не нашел удачных формулировок предложений для выхода из сложной ситуации. Положение у Богомолова трудное — слишком много отказов «Тралов», в ряде случаев причины их неясны, велика вероятность новых отказов. Королев делал вид, что хочет помочь Богомолову разобраться в недостатках его работы как Главного конструктора, но своими окриками и угрозами только накалял обстановку. Королев добивался, чтобы Богомолов признал, что его работа над «Тралами» неудовлетворительна, и для большей убедительности рассказал, как ГКОТ недавно записал ему неудовлетворительную оценку по работе над «Зондами». Но даже эта самообличительная речь Сергея Павловича не тронула Алексея Федоровича. Богомолов - хороший ученый, отличный конструктор, но плохой дипломат — поэтому ему больше всех и попадает.

После небольшого перерыва обсуждали еще несколько технических вопросов. Появилось опасение негерметичности люка шлюзовой камеры после ее раскрытия и наддува (этот дефект выявлен в ТБК-60). Решили создать комиссию (Северин, Шабаров, Холодков) и поручить ей найти лучший вариант решения этой проблемы. При испытаниях в ТБК-60 установлено также, что за 33 минуты давление в спускаемом аппарате (СА) можно уменьшить только до 0,256 атмосферы, а дальше оно не снижается (мал диаметр трубки клапана стравливания). При таком остаточном давлении нельзя открыть люк СА и, следовательно, командир корабля не сможет выйти в шлюз для оказания, при необходимости, помощи пострадавшему товарищу.

Последним обсуждался вопрос о возможности ИПов передавать на борт радиокоманды на открытие и закрытие люка шлюза. Такие команды могут давать только ИП-7 (Ключи) и ИП-6 (Елизово). Зоны этих ИПов накладываются одна на другую, и одновременно они работать практически не могут (будут мешать друг другу). Однако Королев настойчиво требовал, чтобы ИПы работали, дублируя один другого. Это требование разумно: использование двух ИПов должно повысить надежность прохождения радиокоманд на борт.

Обсуждение технических проблем эксперимента по теме «Выход» убедило меня в том, что вместо манекена на первом корабле «Восход-2» должен быть космонавт. Но на это никто не пойдет: политика требует новых эффектных полетов в космос. Каждый полет человека в космос, по мнению многих, должен быть крупным шагом вперед. Это мнение ошибочно — для подготовки больших достижений нужны «черновые» пилотируемые полеты в космос для решения частных задач, для проверки оборудования и тренировки космонавтов.

17 февраля.

Вчера поздно вечером успешно закончен полный комплекс предстартовых проверок космического корабля. Пока все идет по графику. Если не обнаружатся новые дефекты, то стыковка корабля с носителем возможна 20 февраля и в тот же день — вывозка изделия на старт, а пуск — 21-22 февраля.

А.С.Кириллов сегодня высказал предположение, что пуск «Восхода-2» с экипажем, возможно, придется перенести на вторую половину марта. Дело в том, что в узком временном коридоре (в районе 13 марта) нужно запустить объект Е-6 (лунник). На подготовку этого запуска потребуется 20 дней, а одновременно готовить к пуску «Восход-2» и лунник

невозможно. Таким образом, есть вероятность, что подготовка Е-6 начнется 21-22 февраля, и пилотируемый полет «Восхода-2» будет перенесен на конец марта.

С генералом Холодковым и Главным конструктором Ткачевым договорились о необходимости работ по совершенствованию спускаемых космических устройств, с тем чтобы резко повысить надежность их поиска в воздухе и на земле. Для этой цели необходимо металлизировать парашютные системы и установить более надежные КВ и УКВ-передатчики в стренгах парашютов и на самих объектах. Хотя Королев в принципе и согласен выполнять эти работы, но, по-видимому, будет разумнее записать в решении Госкомиссии задание Королеву, Ткачеву и Быкову провести доработку размещения радиостанций на корабле и испытать их до пуска «Восхода-3».

Только что звонил подполковник Никерясов, приглашал на уху: наши товарищи вместе с местными рыбаками заводили сети под лед Сырдарьи, им удалось поймать двух жерехов по 3-4 килограмма каждый. Сегодня в Москве было минус 2 градуса, в Батуми — плюс 15, а у нас — 20-градусный мороз с ледяным ветром.

18 февраля.

Был сегодня у Северина, смотрел окончательную сборку шлюза. Впечатление от технологии сборки неважное: работают толпой, нет необходимого строгого контроля за каждой операцией с отметкой в ведомости о ее выполнении. Попросил генерала Холодкова, чтобы завтра при содействии военпредов проверили технологию всех работ по аппаратуре Северина.

Присутствовал на двух небольших совещаниях у Королева. На первом «добивали» Богомолова, а на втором Королев заявил, что разобрался во всех деталях работы люков шлюза и у него нет сомнений в их надежности. Он считает, что корабль с манекенами можно пускать раньше окончания работ в ТБК-60, с тем чтобы по результатам полета технологического «Восхода-2» и акту испытаний в ТБК-60 принять окончательное решение о полете корабля с экипажем.

Сегодня же Королев проводил с руководством гарнизона и строителями совещание по носителю Н-1. В перерыве он высказал большое недовольство ракетчиками и в сотый раз повторил: «Я твердо за то, чтобы космосом занимались летчики». Через несколько часов после этого очередного «объяснения в любви» к ВВС, я узнал из разговора по телефону с генералом Гореглядом, что Королев прислал генералу Волынкину официальное письмо, смысл которого можно передать одной фразой: «Я не хочу иметь с вашим институтом никаких дел по вопросам медико-биологического обеспечения космических полетов — в этом деле я буду опираться на институт Минздрава, а вы можете присутствовать иногда как военные наблюдатели». Горегляд сказал, что это письмо шокировало Волынкина и Бабийчука, и добавил, что маршал Руденко уже ведет расследование причин такого отношения ОКБ-1 к институту ВВС. Расследование можно не проводить: все это можно и нужно было предвидеть три года назад, когда недальновидные действия Руденко, Бабийчука и Мишука привели Королева к мысли о необходимости создания нового института в Минздраве. Такой институт теперь есть, и Королев его всячески поддерживает.

Встретил здесь генерал-полковника авиации Самохина, он работает начальником местного филиала ОКБ-1. Королев верен себе: он ценит авиаторов и опирается на них, но одновременно настойчиво ищет пути, ведущие к его полной автономии. Вот здесь он совершает большую ошибку. Значительные достижения в космосе могут быть только результатом координированных усилий ряда министерств и ведомств при все более возрастающей роли ВВС.

19 февраля.

Провели заседание Госкомиссии, на котором вывоз изделия на старт наметили на 20 февраля, а пуск — на 21-22 февраля в 10:00 по московскому времени. По технической готовности ракеты, корабля и всех средств обслуживания замечаний не было. Пуск корабля «Восход-2» с экипажем ориентировочно намечен на 4-5 марта, программа полета будет зависеть от результатов полета корабля с манекенами.

Почти год мы готовили этот полет. Конструкторы, ученые, космонавты, инженеры и рабочие вместе создавали все необходимое для выхода человека в открытый космос. Создан новый скафандр, сконструирован шлюз, разработаны новые системы жизнеобеспечения, введены десятки усовершенствований в системы индикации и управления кораблем и различными его агрегатами. Многое предусмотрено, изучено, проверено опытом. Проведены тысячи экспериментов (только Северин провел их более 4000), сотни испытаний, исследований и тренировок. Но в земных условиях невозможно проверить корабль так, как он будет проверяться в самом космическом полете. Могут быть и неожиданности. Полный вакуум, высокие и низкие температуры, радиация, невесомость в вакууме (этого еще никто не испытал) и некоторые другие проблемы операции «Выход» еще тревожат нас. Точнее, по этим проблемам не все еще ясно, хотя и по ним принимаются необходимые меры. Перед пилотируемым полетом «Восхода-2» будут выведены на орбиту три спутника серии »Космос» с задачей передавать на Землю данные по уровню радиации, активности Солнца и другим факторам открытого космоса.

После Госкомиссии Королев, Тюлин и я рассмотрели специальные дополнения к программе полета, в которой предусмотрено, что выход в космос будет совершен на втором витке над территорией СССР. Рассмотрев все возможные ситуации, мы приняли решение: «Предоставить экипажу право производить выход на любом из витков от второго до шестого, если выход почему-либо не удастся произвести на втором витке. Крайне желательно проводить выход над территорией СССР (контроль, наблюдение), но в случае необходимости разрешить экипажу и небольшую (2-3 минуты) затяжку операции».

Потом Сергей Павлович высказал свои соображения о составе экипажа для «Восхода-3». Этот полет планируется на 15 суток для решения ряда чисто инженерных проблем создания искусственной гравитации. У нас совпали мнения о Волынове как кандидате на роль командира корабля. Вторым членом экипажа Сергей Павлович назвал Катыса. Я пока не могу согласиться с этим предложением Королева, но если Катыс сумеет внести что-то ценное в решение проблемы искусственной тяжести, то его кандидатура будет одной из сильнейших.

20 февраля.

Сегодня вывоз ракеты на старт не состоялся: стыковка корабля с ракетой заняла больше времени, чем было отведено жестким графиком. Кроме того, во многом наши планы спутал и приезд В.Семичастного: председателя Комитета госбезопасности встречало все начальство полигона — Тюлин, Королев и другие главные конструкторы. Я не уважал и не уважаю этого хрущевского подхалима. Узнав о скором появлении Семичастного на второй площадке, я

собрал всех присутствующих на полигоне представителей ВВС и уехал с ними на 17-ю площадку. На этот раз встреча не состоялась, но только что позвонил генерал Кузнецов и доложил, что Семичастный разместился в домике Челомея и имеет намерение прийти к космонавтам смотреть кино. Запретить Семичастному это посещение я не могу, но и встречаться с ним не хочу. 10 лет назад, когда я был первым заместителем председателя ЦК ДОСААФ, Семичастный был у нас членом президиума ЦК. Будучи секретарем ЦК ВЛКСМ, он не только не поддержал мое разоблачительное выступление на пленуме ЦК ДОСААФ, но и первым доложил о нем в ЦК КПСС по телефону, извратив его содержание. После разбора в ЦК КПСС материалов моего выступления все руководство ЦК ДОСААФ было заменено. С тех пор я не встречался с Семичастным.

21 февраля.

В 8 часов по местному времени ракету вывезли на старт. Завтра в 10:30 по московскому времени состоится пуск. Погода на полигоне холодная (-22 градуса), но для пуска хорошая. Значительно хуже с погодой в районе посадки (Кустанай); низкая облачность, снегопады, метель могут затруднить поиск корабля, но задерживать из-за этого пуск не будем.

22 февраля.

В восемь часов на «козырьке» провели заседание Госкомиссии. Приняли решение приступить к заправке ракеты и в 12:30 по местному времени осуществить пуск. На Госкомиссии от ВВС были Холодков, Кузнецов, Крышкевич, Комаров и Хлебников. Для наблюдения за ходом подготовки и полетом ракеты все представители ВВС по часовой готовности уехали на наблюдательный пункт, а я остался в бункере.

Старт, как обычно, прошел четко, без замечаний. (Корабль 3КД № 1, запущенный 22 февраля 1965 года, получил официальное название «Космос-57» — Ред.) Королева, Тюлина и других больше всего волновали операции со шлюзом. Все они проходили четко по расписанию: подпитка шлюза, открытие и закрытие люка, наполнение шлюза воздухом, герметичность — все было в норме. На первом витке Симферополь и Москва наблюдали корабль по телевидению, мы тоже собрались у телевизора, но орбита была далека от нас, и не было уверенности, что мы увидим корабль. Но совершенно неожиданно появилось четкое изображение, было видно примерно 2/3 передней части шлюза и, судя по всему, он был нормально заполнен и вел себя устойчиво. Наблюдая хорошее состояние шлюза, мы проявляли много восторгов, но Сергей Павлович поступил правильно, передав генералу Карасю категорическое требование принять все меры, чтобы изображение шлюза до особого решения Госкомиссии не рассекретили. Решением Госкомиссии Керимов, я и Правецкий назначены старшими оперативных групп по руководству полетом. Моя смена должна заступить на дежурство в 16:00 по московскому времени, поэтому, просмотрев первый виток полета, я ушел обедать и отдыхать. Королев и Тюлин также поехали отдыхать, старшим на КП остался генерал Керимов.

…Через два часа я вернулся на КП, в кабинете Кириллова были уже Королев, Тюлин, Керимов и Правецкий. Все были заметно возбуждены, а на мое приветствие: «Добрый вечер!», — Королев ответил: «Нет, Николай Петрович, вечер кажется не добрый. Похоже на то, что корабль взорвался…» Я был ошеломлен этим сообщением. Зазвонил телефон, Москва (Л.В.Смирнов) хотела немедленно знать, что у нас произошло. Из докладов Королева и Тюлина Смирнову ясно было только, что в начале третьего витка над территорией СССР в зоне видимости ИП-4, ИП-6 и ИП-7 внезапно прекратилась всякая связь с космическим кораблем: не поступало никаких сигналов, не работали «Тралы», не было телеметрии. На третьем, четвертом и последующих витках корабль на орбите не наблюдался.

Решением Госкомиссии для выяснения причин гибели корабля была создана комиссия под руководством Керимова, от ВВС я рекомендовал в состав комиссии полковника Комарова. Кроме комиссии Керимова приступили к работе несколько групп специалистов. В результате анализа докладов из Москвы, с ИПов и разбора хода полета уже через 2-3 часа нам стало ясно, что на корабле включился цикл спуска, сработала ТДУ, но корабль не сошел с орбиты, а только несколько изменил ее, и через 29 минут после окончания работы ТДУ он был подорван включением системы АПО. Необходимо было выяснить, откуда поступила команда на спуск, — сформировалась ли она из-за неисправностей на борту или борт принял эту команду с «Земли»? Если претензии к кораблю отпадут и виновником происшествия окажется «Земля», то полет «Восхода-2» с экипажем можно готовить, в противном случае полет придется отменить.

23 февраля.

После дежурства на КП я часа четыре отдыхал на второй площадке в домике космонавтов, проснулся в восемь, а в девять уже опять был на КП.

Королев вчера простудился, и теперь лежит в своем домике с высокой температурой, но непрерывно теребит нас и Москву по телефону. Причины происшествия пока неясны, ждем пленки и другие документы с Камчатки, из Москвы и Колпашева. Установлено только, что в момент работы ИП-6 в накладку с ним сработал ИП-7. Это могло привести к искажению команд и стать главной причиной происшествия (по штатному расписанию работа ИПов в накладку категорически воспрещается).

Вечером к нам в гостиницу космонавтов пришли гости: Шабаров, Кириллов, Юдин и другие товарищи из ОКБ-1. Выпили с ними по две рюмки коньяка, попотчевали гостей свежей рыбой и бифштексом из сайгака.

24 февраля.

Работа аварийной комиссии Керимова затянулась. Пленки с Камчатки еще не прибыли, более того, до 15 часов мы не знали, где находятся посланцы с пленками. Только в 16 часов оба «делегата» с ИП-6 (Елизово) и с ИП-7 (Ключи) пересели в Омске с рейсовых самолетов Ту-104 на наш Ил-12. Казалось, что через 2-3 часа долгожданные пленки будут получены, но опять неудача: резко ухудшилась погода у нас, в Джусалы и Ташкенте — пришлось посадить Ил-12 в Кустанае. Сейчас 23 часа по местному времени, только что заходили Тюлин и Керимов, их беспокоит задержка с прибытием пленок. В Тюра-Таме порывы ветра до 16-18 метров, принимать самолеты ночью при снегопаде и сильном боковике опасно. Дал команду задержать вылет самолета из Кустаная и выпустить его только при улучшении погоды.

Несколько раз говорил с Москвой, вылет к нам космонавтов задержал. Говорил с маршалом Вершининым, он знает, что у нас несчастье с кораблем, но не представляет, что же произошло и почему. Объяснил ему, насколько это можно было по телефону, причину взрыва корабля на орбите и рассказал о наших поисках источника команды на спуск. Из бесед с Тюлиным, Керимовым и многими специалистами у меня складывается твердое убеждение, что корабль и его

оборудование не виноваты в происшествии, и если бы на борту корабля был пилот, то и происшествия не было бы, и мы получили бы более ценные данные по полету. Год назад, при первом обсуждении идеи «Выхода» я предлагал первый корабль пускать не с манекенами, а с космонавтом, но Королев не согласился с моим предложением; его смущали не технические, а чисто политические соображения — такой испытательный суточный полет не мог быть очередным триумфом в космосе. Сейчас все видят, что необходимы «черновые» испытательные полеты людей в космос. С человеком на борту мы быстрее добьемся новых побед, но для этого надо одно: летать не ради шумихи и всенародных парадных встреч, а для дела освоения космоса.

Сегодня Тюлин принял решение о пуске 12 марта лунника Е-6 — это значит, что полет «Восхода-2» отодвигается, как минимум, на вторую половину марта. Проводить расследование аварии космического корабля, готовить к полету лунник и «Восход-2» одновременно нельзя — это понимают все, кроме Королева. Сергей Павлович еще делает вид, что «Восход-2» с экипажем можно запустить в начале марта. Но теперь, после случившегося происшествия это исключается: хотя первый виток полета и был удачным и многое нам дал, но мы не проверили в полете отстрел шлюза и спуск корабля с кольцом от основания шлюза. Правда, имеющиеся расчетные данные и проведенные опыты по отстрелу шлюза на земле, а также феодосийский спуск с 10000 метров объекта с кольцом от основания шлюза не дают оснований для беспокойства за исход полета. К тому же сейчас у нас нет «лишнего» космического корабля для проведения этих двух экспериментов, а если для этой цели использовать корабль, предназначенный для полета экипажа, то полет с выходом человека в космос нужно будет переносить на последний квартал этого года. Взвесив все «за» и «против», я считаю возможным осуществить полет «Восхода-2» с выходом Леонова в открытый космос во второй половине марта. В таком полете есть доля риска, но она мне представляется меньшей, чем при полете «Восхода» в октябре 1964 года.

25 февраля.

Буря за ночь утихла, и в 11 часов по местному времени самолет Ан-12 (полковник Сибиряков доложил ранее, что летит Ил-12) доставил, наконец, к нам пленки с Камчатки. Утром с Комаровым ездили на вторую площадку, но там пока затишье: Королев болеет, а его заместители и помощники заняты расследованием аварии.

В 16 часов на расширенном заседании аварийной комиссии выступили с докладами Главный конструктор Мнацаканян и полковник Большой. Первый докладчик убедительно доказал, что причиной аварии является работа в накладку шестого и седьмого ИПов. На пленках ИП-7 зафиксировано время образования на корабле команды на спуск и квитанция, подтверждающая, что корабль ее принял. В Москве по приказанию Смирнова провели лабораторные исследования возможности образования на корабле команды на спуск в условиях одновременной работы двух ИПов. Опытные данные и теоретические расчеты подтвердили, что в определенных условиях (аналогичных условиям аварии) при одновременной работе двух ИПов две команды N 42 (перепуск воздуха в шлюз) могут быть восприняты как одна команда №5 (спуск). Полковник Большой доложил, что генерал Карась дал ИПам обычные инструкции, где записано, что команды передает ИП-6, а ИП-7 является резервным и может передавать команды только по дополнительному распоряжению из Москвы. После доклада полковника Большого стало ясно, что генерал Карась не принял специальных мер, которые могли бы полностью исключить возможность работы ИПов в накладку, а начальник ИП-7 нарушил приказ и передал команду на борт корабля в то время, когда его ИП обязан был »молчать».

Итак, космический корабль полностью реабилитирован. Главными виновниками происшествия с технологическим «Восходом» являются ИП-7 и служба генерала Карася. Но это не единственные виновники аварии; после окончания совещания я так и сказал лично Главному конструктору Мнацаканяну. Дело в том, что из 45 команд, которые мы можем передавать на корабль, четыре команды, управляющие его спуском, являются самыми незащищенными. При таком положении наши корабли смогут легко сажать не только спецслужбы США, но и просто радиолюбители. За последние пять лет конструкторское бюро Мнацаканяна ничего не сделало для повышения надежности и защищенности передаваемых в космос команд.

26 февраля.

Сегодня Шабаров провел техническое руководство. На совещании присутствовал Тюлин, Королева не было — он еще болен. Все разработчики систем и главные конструкторы Северин, Ткачев, Николаев, Быков, Кожевников, Мнацаканян и другие высказались за осуществление пилотируемого полета «Восхода-2». Северин выразил уверенность в надежности работы шлюза и скафандра, но сказал, что его несколько беспокоят непроверенные в полете технологического «Восхода-2» отстрел шлюза и спуск корабля с кольцом от шлюза. Шабаров по поводу отстрела шлюза заявил: «Проведено более 20 отстрелов шлюза на Земле, есть заключение ОКБ-1 о допуске системы отстрела в полет, но в связи с тем, что ее испытания были проведены не по штатной схеме (это нам подтвердил сегодня и полковник Смирнов при разговоре с ним по «ВЧ»), ОКБ-1 уже проводит новую серию отстрелов по штатной схеме».

Надежность системы отстрела шлюза не удалось проверить в условиях космического полета, но подобные системы отстрела уже десятки раз проверялись в космосе и в наземных испытаниях. Учитывая, что система дублирована и имеется возможность отстрела шлюза космонавтом, ее можно допустить в полет. Хуже обстоит дело с кольцом основания шлюза. Кольцо выступает над поверхностью корабля на 27 миллиметров и при спуске может вызвать закрутку спускаемого аппарата, что может затруднить раскрытие парашютов, а при скорости вращения корабля около двух оборотов в секунду — привести к гибели экипажа. Учитывая серьезность наших опасений, мы (представители ВВС) внесли предложение проверить надежность спуска с кольцом в полете беспилотного «Зенита». Большинство высказалось против нашего предложения, нас поддержали только Северин и Богомолов.

После совещания я окончательно убедился, что пилотируемый полет «Восхода-2» раньше второй половины марта осуществить не удастся и, переговорив с маршалом Руденко, решил отправить Кузнецова с группой офицеров в Москву на самолете Ан-12. Через несколько минут после вылета позвонил С.П.Королев и попросил навестить его.

Когда мы вместе с генералом Холодковым приехали к Сергею Павловичу, он извинился, что принимает нас, лежа в постели. Врачи обнаружили у него очаговое воспаление легких и требуют строго выдерживать постельный режим. Сегодня температура у него не поднималась выше 37, а два дня назад была около 40. Сергей Павлович болеть «не умеет» — ему приходилось отвечать на частые телефонные звонки, мешавшие нашей беседе. Королева так же, как и нас, беспокоит только вопрос спуска корабля с кольцом; он принял решение и дал уже команду готовить «Зенит» к

этому эксперименту. Мы одобрили его решение и обещали отстаивать его на Госкомиссии. Обращаясь ко мне, Сергей Павлович в сотый раз выразил свое недовольство медиками ВВС, сказав, что ему не понравилась статья в журнале «Авиация и космонавтика» с обоснованием более жестких норм отбора космонавтов. Мне не хотелось раздражать больного и утомлять его длинными рассуждениями, но я все же сказал: «Сергей Павлович! Для разового полета можно послать в космос и таких, как вы и я, но для профессии космонавта нужны только абсолютно здоровые люди». Сергей Павлович остался недоволен моим отпором, но спорить не стал и примирительно сказал: «Может быть, вам, военным, для боевой работы в космосе действительно нужны только Гагарины».

Поговорили мы и о планируемых полетах. Королев настойчиво повторял, что ВВС могут делать для освоения космоса много больше того, что делают сейчас, и, поясняя эту мысль, сказал: «Мы ведь не чисто космическое бюро, на нас «висят» боевые ракеты — мы перегружены до предела и часто делаем не то, что хотелось бы делать…» Да, Королев абсолютно прав, мы — ВВС и, особенно, Министерство обороны в целом — не делаем и десятой доли того, что могли бы делать для освоения космоса. Виноват в этом прежде всего маршал Малиновский, недооценивающий значения космонавтики.

27 февраля.

Восемь часов утра, взошло солнце, начинается хороший весенний день. В 12 часов состоится заседание Госкомиссии. Наиболее важным вопросом будет принятие решения о проведении спуска «Зенита» с кольцом от шлюза; вчера большинство было против нас, но мы будем настаивать на этом эксперименте.

Вчера Королев в ходе беседы сообщил нам о том, что назначение генерал-полковника Добыша начальником ЦУКОС не состоялось, Крылов и Добыш полетели в Бухару, очевидно, Добыш будет перебазироваться. Кандидатом на эту должность называют генерала Карася. Королев выразил свое возмущение подобным проектом и сказал: «Я не понимаю вас, военных. Разве в ВВС получше людей не найдется?» Это упрек мне: Королев приветствовал бы мое назначение начальником ЦУКОС. О необходимости моего назначения на эту должность говорили мне и генералы Мишук и Холодков. Но такой акт был бы не только изменой авиации, он противоречит всем моим представлениям о развитии военного космоса. Я остаюсь глубоко убежденным в том, что авиация - лучшая база для совершенствования космических полетов, и это свое убеждение не променяю на повышение в должности и в звании.

27 февраля. Борт Ил-14.

В 16 часов по московскому времени я, Холодков, Комаров и другие наши товарищи вылетели в Москву. Заседание Госкомиссии прошло очень спокойно и было коротким. О причинах аварии технологического корабля было принято решение в несколько строчек: «В результате одновременной работы ИП-6 и ИП-7 (внакладку) борт космического корабля вместо команды на перепуск воздуха в шлюз получил команду на спуск. Главной причиной происшествия является плохая организация работ на ИП-7 и слабая защищенность радиокоманд от помех». По вопросам планирования полетов решили: «Запустить «Зенит» 4-8 марта, запустить лунник Е-6 12 марта, пуск «Восхода-2» с экипажем планировать на 15-20 марта». После окончания заседания Госкомиссии я уговорил Тюлина отпустить представителей ВВС на неделю в Москву, и вот мы в самолете…

1 марта. Москва.

Сегодня более трех часов обсуждали с Вершининым и Руденко сложившуюся обстановку. Оба шефа внимательно выслушали мой подробный доклад о происшествии с космическим кораблем, о наших сомнениях и планах. Вершинин задавал много вопросов, его интересовали все детали и причины происшествия. Он высказал сомнение в безопасности спуска корабля с кольцом от шлюза. По-видимому, нам надо будет в ближайшие 2-3 дня еще раз детально изучить со специалистами все особенности такого спуска и меры предосторожности, которые можно предпринять до полета. Из представителей ВВС на старте сейчас остались только два врача и три военпреда. Завтра надо будет послать в Тюра-Там полковников Карпова и Смирнова, а 9 марта я и сам полечу на старт вместе с космонавтами и всеми нашими специалистами.

3 марта.

Вчера был в ЦПК, проводил занятия с экипажами. Беляев, Леонов, Заикин и Хрунов подготовку по программе «Выход» полностью закончили. Они хорошо знают обстоятельства и причины аварии корабля 3КД и их, как и всех нас, несколько беспокоит вопрос о спуске корабля с кольцом от шлюза. Вчера мы окончательно установили, что при штатном отстреле шлюза остается буртик высотой 27-40 миллиметров, а при аварийном отстреле — 70-80 миллиметров (меньшие размеры соответствуют началу спуска корабля с неповрежденной теплозащитной обмазкой). В обоих случаях буртик остается значительный, и при спуске он может вызвать закрутку корабля. При скорости вращения корабля 1,5-2 оборота в секунду может возникнуть опасная закрутка парашютной системы, а при большей скорости появляется уже реальная угроза для жизни экипажа. Если удачно пройдет эксперимент на «Зените», неопределенность с закруткой корабля будет устранена. А если этот эксперимент не проведут, или его результаты будут недостаточно убедительными, то как быть в этом случае? Королев пока за проведение эксперимента, но большинство членов Госкомиссии и главных конструкторов уже твердо высказалось за пуск пилотируемого «Восхода-2» без испытания с «Зенитом».

Нам известен случай при испытаниях в Феодосии, когда корабль с лентой, шириной всего в 9 миллиметров, при сбросе его с самолета на высоте 5000 метров вращался со скоростью один оборот в секунду, а к земле подошел, делая два оборота в секунду. На «Восходе-2» буртик будет в несколько раз больше, правда, специалисты утверждают, что при спуске основная часть буртика сгорит, а оставшаяся его часть будет находиться вне основного потока. Они полагают, что при штатном отстреле шлюза корабль будет вращаться со скоростью 160 градусов в секунду, а при аварийном — 280 градусов в секунду. Эти цифры - результат теоретических прикидок, а на практике они могут быть значительно большими. Кроме того, и при таких значениях скорости вращения, совмещенного со штатными перегрузками, в процессе спуска могут создаться очень тяжелые условия для экипажа. Дал задание врачам, инженерам и космонавтам еще раз изучить весь комплекс вопросов, связанных со спуском «Восхода-2», и в субботу доложить мне предложения по их решению.

Звонили Королев, Цыбин и Строев, все трое высказались за дополнительные тренировки космонавтов на самолете Ту-104. Я дал согласие на полеты. Завтра полетят Заикин и Хрунов, послезавтра — Беляев и Леонов. Руководителем полетов назначил В.М.Комарова.

4 марта.

Накануне открылся Второй съезд писателей России. Съезд открыл Михаил Шолохов, с докладом выступил Леонид Соболев. Докладчик обстоятельно разобрал достоинства и недостатки нашей современной литературы, обрисовал ее задачи и, в частности, говорил о необходимости создавать произведения о современном воине — высококультурном, вооруженном самой современной техникой, мечтающем о мире, но ежесекундно готовом вступить в бой.

Вчера еще раз в предварительном порядке обсуждали с маршалом Руденко позицию ВВС на Госкомиссии при рассмотрении проблемы спуска корабля «Восход-2». Руденко подвержен резким колебаниям: вчера он утверждал, что в этой проблеме пока еще очень много неясного и опасного, а сегодня, без всяких видимых оснований, высказался за пилотируемый полет «Восхода-2» без проведения эксперимента на «Зените».

Звонил из ЛИИ Н.С.Строев. Он сообщил, что сегодня полеты космонавтов на Ту-104 из-за плохой погоды не состоятся. Одновременно он хотел узнать, нужно ли планировать экипажам «Восхода-2» повторные полеты для отработки закрытия и открытия люка шлюза вручную. Я сказал ему, что если на старт не полетим раньше 11-12 марта, то обязательно проведем по одному тренировочному полету, а полеты для работы с люком вручную проводить не будем.

Сегодня получил монографию генерала Ануреева «Боевые возможности космического оружия». Книга имеет гриф «Совершенно секретно» и является докторской диссертацией автора. В книге много длиннот, излишне подробных таблиц и расчетов; но в общем это полезная работа, убедительно доказывающая, что космическое оружие — стратегическое оружие ближайшего будущего, и поэтому необходимо уже сейчас готовить технику, кадры и разрабатывать тактику его использования. Автор высказывается за необходимость создания космических частей и соединений, за объединение всех военных усилий в космосе в новом виде Вооруженных Сил — Военно-космических силах. Стратегическая разведка уже ведется космическими средствами. В ближайшие 2-3 года будут созданы средства перехвата и уничтожения вражеских объектов в космосе, а лет через 7-10 полностью оформятся Военно-космические силы как отдельный вид Вооруженных Сил. Освоение стыковки космических кораблей и осуществление экспедиции на Луну станут решающим этапом в развитии военного космоса.

Говорил по «ВЧ» с Тюлиным, он сказал, что работы по оборудованию «Зенита» кольцом от шлюза и датчиками для замера угловых скоростей идут полным ходом. Завтра будет выполнена стыковка корабля с ракетой, а 7 марта — пуск «Зенита». Тюлин и Королев считают, что космонавтам нужно прибыть на полигон 7 марта.

Заходил ко мне генерал Кузнецов, его вызывали в административный отдел ЦК КПСС, где с ним беседовали Усков и Москалев. По словам Кузнецова, в ЦК интересовались поведением и учебой героев-космонавтов, учебной базой и ходом подготовки к полету. Думаю, что эта беседа вызвана личными недостатками Кузнецова. До ЦК, наверное, стали доходить слухи о его иждивенческих настроениях и об использовании им своего служебного положения в личных интересах. Кандидатская диссертация Кузнецова готовилась, в основном, инженер-майором Моисеенко. Кузнецов «перетащил» его из Чернигова в ЦПК и создал ему на новом месте несколько привилегированное положение. Он часто

говорит о малом (280 рублей) должностном окладе, с большими натяжками пытался получить 600 рублей за подтверждение звания летчика 1-го класса, жалуется на неясность перспектив ЦПК и своих собственных. Я сказал Кузнецову, что для него перспективой является вся Вселенная. Кузнецов дисциплинирован, но не инициативен и малотребователен. Перед героями он заискивает, а с «рядовыми» грубит. Я пытаюсь поправлять его, но заметных успехов в этом деле пока не добился.

5 марта.

С.П.Королев еще в феврале прислал мне «Исходные данные по кораблям «Восход» (3КВ и 3КД) серии 1965 г.». Только сегодня я сумел ознакомиться с этим документом, содержащим план изготовления и пусков космических кораблей в 1965 году, и изучил заключение по нему организаций ВВС.

1. Корабль 3КВ № 5 — изготавливается в июне, выводится на орбиту в июле-августе в беспилотном варианте на срок от 15 до 30 суток; корабль оборудован кабиной для размещения животных и системой АПО.

2. Корабль 3КВ № 6 — изготавливается в августе, полет с экипажем (командир корабля и научный сотрудник) длительностью до 15 суток осуществляется в сентябре-октябре; в полете проводится эксперимент по созданию искусственной гравитации.

3. Корабль 3КВ № 7 — изготавливается в декабре, пилотируемый полет длительностью 15-18 суток выполняется в марте-апреле 1966 года; экипаж (командир корабля и научный сотрудник — специалист в медико-биологической области) в течение 3-4 суток находится в условиях искусственной гравитации.

4. Корабли 3КД № 8 и № 9 — изготавливаются в сентябре, дата пуска устанавливается дополнительно, продолжительность полета до 3-5 суток; экипаж (командир корабля и второй пилот) осуществляет 2-3 выхода в открытый космос с удалением на 50-100 метров от корабля и производит посадку в режиме ручного управления.

В плане полетов на 1965 год, разработанном ОКБ-1, мало экспериментов военного назначения, хотя их перечень, подготовленный ВВС, у Королева имеется. Я говорил с Королевым на эту тему. Он ответил и едко, и метко: «Николай Петрович! Вы сами понимаете, что летаем мы мало и обеспечить широкий поток исследований не можем. Вот если бы для этих целей ваш министр заказал десяток кораблей, тогда бы вы смогли осуществить свои планы». Королев очень хорошо знает, что мы неоднократно пытались и пытаемся уговорить министра обороны заказать для МО несколько космических кораблей, но нам не удается «расшевелить» этого тугодума.

Позвонил генерал Кузнецов и доложил, что Беляев и Леонов сегодня выполняли полет на Ту-104. Еще раз в условиях невесомости Леонов совершил «выход в космос», а также провел эксперимент по открытию и закрытию люка шлюза вручную. Сегодня же это упражнение выполнит и второй экипаж (Заикин и Хрунов).

Очень много звонков от корреспондентов, все хотят хоть что-то узнать о предстоящем полете. Приходится изворачиваться и ловчить. Мы подготовили десять экземпляров пакетов фотографий и биографические справки космонавтов — членов экипажей «Восхода-2» и немедленно после объявления ТАСС о выходе космического корабля на орбиту передадим их в печать.

7 марта.

Был в ЦПК, проводил подготовку к вылету на полигон. Долго беседовал с Беляевым, Леоновым, Заикиным и Хруновым. Леонов рассказал о последнем полете на Ту-104. Ему удалось выйти из шлюза за первые три горки, а три последние горки космонавты использовали на операцию по открытию и закрытию люка шлюза вручную. Все прошло хорошо. Хрунов также успешно справился с упражнением. В задании на полет открытие люка шлюза вручную не предусматривалось, однако по итогам работ в ТБК-60 Цыбин, Смирнов и другие пришли к выводу, что недублированный автоматический способ открытия люка недостаточно надежен. Выслушав их доводы, Королев согласился на доработку люка с целью предоставить космонавтам возможность открыть и закрыть люк вручную. При открытии люка требуются значительные усилия (45 килограммов); скафандр, узкий шлюз, невесомость и другие психофизиологические факторы полета очень усложняют выполнение этой операции. Открывая люк вручную, космонавт до выхода из шлюза сильно устает и не может точно уложиться в график. Мы договорились с Леоновым и Хруновым, что после открытия люка вручную надо обязательно отдохнуть в течение 3-5 минут. Все космонавты просили дополнить группу врачей, едущих на полигон, специалистами по вестибулярному аппарату; я дал соответствующее распоряжение.

Вечером 6 марта Гагарин, Муся и я ездили к Терешковой, ей в этот день исполнилось 28 лет. Мы поехали к ней с целью сделать все возможное, чтобы укрепить ее семью. Валя и Андриян в беседах с Мусей и мной заверяли нас, что они очень благодарны за поддержку в трудную минуту и что сейчас у них отношения хорошие. Валя выглядит неважно. Когда она вернется из Алжира, придется лично проследить за мерами по укреплению ее здоровья. На вечере было человек 40, были герои-космонавты и будущие герои. Все вели себя в пределах нормы, а Беляев, Леонов и другие кандидаты на ближайшие полеты строго выдерживали режим. Гагарин, Комаров, Быковский и другие настойчиво просили меня отстоять Волынова как основного кандидата на очередной (после «Восхода-2») полет. Волынов и его друзья опасаются, что полковник Береговой может оказаться впереди, и их опасения имеют основания: маршал Руденко недооценивает Волынова и переоценивает Берегового. Волынов четыре раза был дублером, он пять лет готовится к полету и способен летать 15-20 суток. Я буду бороться за него, хотя знаю, что и Береговой хороший кандидат.

8 марта.

Вчера весь день провел на даче, «воевал» со снежными заносами, расчистил дорогу от гаража до асфальта, запустил машину и немного проехался для разминки и зарядки аккумулятора.

Сегодня готовились к завтрашнему вылету на полигон. Полетим на Ан-10, всего в самолете будет около 50 человек. Сегодня же дал приказание генералу Кузнецову начать подготовку к 15-суточному космическому полету Волынова, Берегового, Шаталова, Демина и Артюхина. Беседовал с Г.П.Катысом, он рассказал о работах Института автоматики АН СССР по подготовке ряда научных исследований в условиях космического полета. Катыс ведет энергичную деятельность, надеясь быть участником полета.

В присутствии генералов Волынкина, Бабийчука, Бородина и Горегляда провел беседу с врачами Ярошенко, Ивановым и Воскресенским, которые год назад рассматривались нами как вероятные кандидаты на полет. Они

подтвердили свое желание лететь в космос и доложили свои соображения о программе медицинских исследований. Ярошенко готовится к проведению хирургической операции в космосе. Иванов готовит программу психофизиологических исследований. Воскресенский работает над проблемами сердечно-сосудистой деятельности в условиях невесомости и других факторов космического полета, интересуется видами и дозировкой физических упражнений в полете. Мне особенно понравился Воскресенский — это уже сложившийся серьезный ученый (кандидат наук, имеет 30 работ, знает английский язык). Дал задание Бабийчуку и Волынкину до конца марта помочь Ярошенко, Иванову и Воскресенскому подготовить три варианта задания на полет врачу-космонавту. Волынкин, Бабийчук и Бородин высказались за отмену длительного полета корабля с животными и за выполнение такого полета с участием врача-космонавта.

Маршал Руденко согласился с этим предложением и выразил намерение поговорить по этому вопросу с Королевым. Этого намерения Руденко я опасаюсь: он плохой дипломат и может не добиться желаемого результата. Придется переговорить с Королевым до его встречи с Руденко и изложить ему все преимущества полета корабля с экипажем. Авария технологического корабля 22 февраля «подготовила» Королева к такому разговору, и у меня есть уверенность, что он согласится с нашей идеей.

9 марта. Тюра-Там.

В 7:45 на самолете Ан-10 вылетели на полигон. В самолете нас было человек 50, в том числе Руденко, Бабийчук, Горегляд, Кузнецов, Гагарин, Комаров, Леонов, Беляев, Хрунов, Заикин.

В Тюра-Там прибыли в 11:45, а ждали нас в 12:10. Тюлин и Королев опоздали на встречу с нами. Королев был очень недоволен, что ему неправильно доложили время прилета самолета. Виновниками этого «происшествия» были КП ВВС и подполковник Никерясов. Маршалу Руденко и мне было неприятно выслушивать ворчание Королева… Тюлин, Королев, Керимов, Войтенко, Правецкий поздоровались с космонавтами. Королев интересовался настроениями экипажей, а также результатами их последнего полета на Ту-104.

Вечером под руководством Тюлина на второй площадке состоялось совещание. Присутствовали: Руденко, Королев, я, Захаров, Керимов, Правецкий, Шабаров, Северин, Горегляд, Бабийчук, Кузнецов, Гагарин, Комаров, Карпов, Смирнов и Целикин. Обсуждали вопрос о составе экипажа «Восхода-2». Открывая совещание, Тюлин сказал: «Вопрос о составе экипажа давно уже решен, но, может быть, за последнее время в подготовленности и в здоровье космонавтов появились какие-то изменения?» Королев попросил еще раз дать сравнительную характеристику каждого космонавта. Я доложил, что по всем результатам подготовки, по состоянию здоровья, по общему развитию и готовности к полету четверка космонавтов распределяется так: Леонов, Хрунов, Беляев, Заикин; но, учитывая, что Беляев — Леонов уже более полугода тренируются вместе, целесообразно первый экипаж в составе Беляева и Леонова не разбивать, а Хрунова готовить запасным на место того и другого. Мое предложение поддержал Руденко и все другие представители ВВС. Северин высказался в том смысле, что, по его наблюдениям, Хрунов как кандидат на полет сильнее Беляева. Чувствовалось, что у Королева, Тюлина и Правецкого тоже есть сомнения в Беляеве, но ни один из них прямо не сказал об этом. После того, как все представители ВВС твердо высказались за кандидатуру Беляева, Королев заявил, что у него нет вопросов для дальнейшего обсуждения. Постановили: «Совещание подтверждает ранее принятое решение о составе экипажей. Экипаж основной — Беляев и Леонов, экипаж запасной — Заикин и Хрунов».

Королев неоднократно говорил, что у него нет никаких сомнений в Леонове, высоко оценивал он и Хрунова, а вот Беляеву он не дал никакой оценки. Я никогда не был в восторге от Беляева. Человек он замкнутый, малообщительный, вяловатый и имеет только средние способности, но сейчас уже поздно ставить вопрос о его замене, тем более что к данному полету он подготовлен хорошо.

10 марта.

Вчера поздно вечером Леонов проводил примерку скафандра и подгонку кресла. Сегодня под контролем Гагарина и Комарова эту операцию проделали Беляев, Хрунов и Заикин. Приняли окончательное решение: в день полета одевать в скафандры только троих — Беляева, Леонова и Хрунова. Посылать в космос Заикина у меня нет никакого желания, поэтому запасным фактически будет только Хрунов, он подготовлен для замены и Леонова, и Беляева.

Беседовал с Беляевым и Леоновым, рассказал им о последнем решении Госкомиссии по составу экипажа и о сомнениях в Беляеве. Поводом для сомнений являются излишняя скромность Беляева и срыв задания при проведении им эксперимента в барокамере. Два месяца назад полковник Карпов доложил мне: «С Беляевым плохо, наверно, придется его заменять, он плохо показал себя на испытаниях в барокамере». Я приказал тогда Карпову не спешить и внимательно разобраться в происшествии. Через два дня генерал Бабийчук доложил мне, что здоровье Беляева сомнений не вызывает и что причина происшествия — в неправильных записях по телеметрии. А сегодня Леонов рассказал мне об этом инциденте следующее. Беляев в ходе эксперимента в барокамере начал задыхаться из-за непоступления кислорода. Но он проявил блестящую выдержку, обнаружил неисправность и устранил ее. В неисправности системы подачи кислорода была виновна группа товарищей с 918-го завода, но Беляев «не выдал» их и все взял на себя.

Вечером с маршалом были у космонавтов и смотрели арабский фильм «Черные очки». Е.А.Фурцева сдержала свое слово и прислала нам самолетом пять кинокартин.

Сегодня на полигон прилетели академики М.В.Келдыш и А.Ю.Ишлинский.

11 марта.

Утром в МИКе Гагарин доложил мне, что вчера вечером Хрунов, узнав о том, что на сегодня для второго экипажа не планируется тренировка в скафандрах в космическом корабле, заявил в присутствии группы офицеров: «Очень жаль, что нам не дают поработать на боевом корабле в скафандрах, я вынужден буду сказать на Госкомиссии, что я не полностью подготовлен к полету». Это необдуманное высказывание Хрунова прошло незамеченным у генералов Кузнецова и Горегляда. Гагарин тоже поступил глупо, рассказав о заявлении Хрунова Королеву. Сергей Павлович реагировал, как всегда, очень бурно: «Мне не нужны такие космонавты, которые на полигоне заявляют о своей неподготовленности и пытаются мешать нам готовить космический корабль к полету!» Из-за пустяка мог разразиться большой скандал. К счастью, до беседы Королева с Хруновым мне удалось предупредить последнего об ошибочности

его заявления. Хрунов понял свою оплошность и сумел загладить ее в разговоре с Сергеем Павловичем.

Руденко, Королев, Келдыш, Тюлин и другие присутствовали при надевании скафандров космонавтами, наблюдали за посадкой их в корабль и ходом тренировки в корабле. Королев и Правецкий, Руденко и я, Кузнецов и Бабийчук парами поднимались к люку «Восхода-2», беседовали с экипажем и уточняли отдельные вопросы. Экипаж и руководство Госкомиссии остались довольны проведенной тренировкой.

12 марта.

На сегодня в 12:24 запланирован запуск лунника — автоматической станции мягкой посадки. С 9 до 12 часов маршал Руденко и я были на 17-й площадке, проводили занятия с космонавтами. Занимались главным образом вопросами выхода в открытый космос. Леонов и Беляев твердо знают программу полета и представляют всю его сложность, знают возможные отклонения от расчетных норм и меры, которые необходимо принять при возникновении нештатных ситуаций. В полете необходимо следить за возможной закруткой корабля при выпуске шлюзовой камеры, наполнении и стравливании из нее воздуха, при выходе и входе Леонова в шлюз и при отстреле шлюза. Во все эти моменты очень важно своевременно заметить начало и направление закрутки корабля и быстро стабилизировать его.

Около 13 часов мы приехали на старт. Шел дождь, облачность почти задевала конус ракеты, холодный ветер пробирал нас до костей. В комнате Госкомиссии встретили Келдыша, Ишлинского, Пилюгина, Керимова, Захарова и Рязанского. Все разговоры были о предстоящем пуске и о Луне. Келдыш спросил Руденко: «А кто будет руководить пилотируемым полетом на Луну — ВВС или ракетные войска» Руденко не нашелся, что ответить, а Керимов сказал, что это — функция ВВС. Ишлинский, я и Керимов выразили желание быть первым начальником космического порта на Луне.

Я наблюдал пуск лунника вместе с космонавтами с ИП-1. Ракета стартовала хорошо, правда, в самый последний момент была задержка на 1 минуту 41 секунду из-за заедания башмаков фермы обслуживания. Через 10-12 минут было уже известно, что ракета вышла на промежуточную орбиту. Все руководство (Тюлин, Королев, Келдыш, Руденко и другие) собралось на КП. Нужно было более часа ждать запуска четвертой ступени, она должна была вывести объект на лунную трассу. Но четвертая ступень не включилась, и полет к Луне не состоялся. Уже шесть лунников не дошли до цели, были подобные случаи и при пусках на Марс и Венеру. Более 10 мощных ракет с автоматическими станциями не выполнили задания. Пора кончать с этим пагубным увлечением автоматикой и начинать строить лунные корабли для космонавтов, такой путь будет надежнее и дешевле. Королев был очень расстроен неудачей и выглядел так, будто он сразу постарел лет на десять. Для расследования происшествия назначили комиссию под руководством Б.Е.Чертока.

13 марта.

Сегодня с утра С.П.Королев провел контрольные занятия с космонавтами; кроме экипажей присутствовали: Руденко, я, Кузнецов, Гагарин, Комаров и Целикин. Разбирали вопросы связи экипажа с «Землей» по УКВ— и КВ-каналам. Договорились, что над территорией СССР космонавты непрерывно информируют КП о ходе полета на УКВ, а по КВ докладывают только время выполнения основных операций по выходу (выпуск шлюзовой камеры, наполнение шлюза, выход, возвращение и т.д.). Договорились также, что Леонов после выхода из шлюза доложит: «Вышел из корабля в космос, нахожусь вблизи корабля…» Командир корабля также должен докладывать о выходе и самочувствии второго пилота. Разобрали десятки мелких, но важных вопросов (запись переговоров на магнитофон, списывание «Землей» информации с магнитофонной ленты, контроль коммуникаций и т.д.). В заключение Королев сказал: «Я не сомневался, что вы лучше меня знаете корабль, его оборудование и все операции по выходу. Наша беседа была полезной для всех, и особенно для меня: я не только убедился в вашей готовности к полету, но и сам теперь знаю больше и чувствую себя уверенней. Я хочу еще раз предупредить вас, что главное в вашем полете — вернуться на Землю здоровыми. Нам не нужно лихое и необдуманное геройство. Конечно, очень желательно, чтобы вы полностью выполнили программу «Выход», но всегда нужно сохранять спокойствие и не допускать излишнего риска. Желаю вам, товарищи, удачи! Уверен, что вы справитесь с задачей…»

После того, как ушли космонавты и мы остались втроем (Королев, Руденко и я), Сергей Павлович попросил нас дать медикам ВВС команду установить более тесное взаимодействие с космическим институтом Минздрава и согласовать с ним медико-биологическую программу для пяти новых кораблей «Восход». В конце беседы Королев неожиданно заявил: «Ну, что ж, друзья, наверное, я последний раз с вами на пуске: «Востоки» и «Восходы» слишком дорого мне обошлись… Пускай молодежь выходит на большую космическую дорогу… Меня на старте вполне может заменить Шабаров». Он назвал Е.В.Шабарова лучшим своим заместителем, но нас это мало утешило. Подобрать хорошую замену С.П.Королеву очень трудно, — такие люди, как он, создаются десятками лет практики.

Вечером в столовой в нулевом квартале собрались Келдыш, Руденко, Тюлин, Керимов, Ишлинский и я. Выпили по рюмке коньяку за авиацию, поговорили о лунных проблемах, потом все, кроме меня, пошли смотреть кино «Черные очки». Я уже видел эту картину, смотреть ее второй раз не было никакого желания — ушел к себе и занялся дневником.

14 марта.

В 8:00 по местному времени Келдыш и Ишлинский улетели в Москву. После завтрака ходили в дом офицеров голосовать на выборах в местные советы. Провел совещание со связистами и космонавтами, на котором единогласно решили не списывать записи с магнитофонной пленки из-за риска потерять важную информацию о процедуре выхода в открытый космос.

Сегодня всем дали выходной день, но космонавтов врачи донимают осмотрами, а кинооператоры — съемками. До обеда все работы закончили. Сейчас время отдыха, ребята играют в волейбол, Бабийчук проигрывает очередную партию в шахматы Смирнову, Горегляд и Кузнецов спят (очень много!). После обеда мы с Комаровым и Заикиным сыграли несколько партий в бильярд.

Утром на полигон прилетели журналисты - все мои старые знакомые: Денисов, Романов, Мельников, Песков, Михайлов и другие. Вечером с удовольствием посмотрели кинокомедию «Дайте жалобную книгу».

Завтра предстоит посадка «Зенита», выведенного на орбиту 7 марта. Для нас посадка этого корабля может принести еще большую уверенность в благополучном осуществлении предстоящего полета, или наоборот — усилить наши сомнения.

15 марта.

В 12:09 «Зенит» благополучно произвел посадку в 170 километрах южнее Кустаная (на 50 километров севернее расчетной точки посадки). Парашюты сработали нормально, можно предположить, что корабль не получил большой закрутки при входе в плотные слои атмосферы. Через несколько часов мы точно будем знать и скорость вращения корабля при спуске, и характер процесса сгорания основания шлюза.

В задании на полет «Восхода-2» категорически исключалась вынужденная автоматическая посадка на первом, втором и третьем витках первых суток, а возможность вынужденной посадки вручную исключалась на первом и втором витках. Сегодня вместе с космонавтами, Раушенбахом и Анохиным мы установили, что в случае крайней необходимости имеется техническая возможность произвести в начале второго витка вынужденную посадку на территории СССР как в автоматическом, так и в ручном режиме. В беседе со мной Беляев и Леонов предложили вариант нештатных действий экипажа в случае неотстрела шлюза. Отстрел шлюза достаточно надежен и дублирован, но если все же шлюз не отстрелится? При возникновении такой ситуации Леонов предлагает наполнить шлюз воздухом, открыть люк корабля, ножом перерезать все дутики, возвратиться в корабль и выпустить воздух из шлюза. Есть вероятность, что шлюз при ненаполненных дутиках резко сократится в объеме и не окажет большой помехи работе ТДУ и снижению корабля в атмосфере. Сегодня же с экипажами провели занятия главные конструкторы Северин, Воронин и Ткачев. Тюлин и Королев подтвердили возможность пуска 18 марта. К этому дню мы полностью закончим подготовку техники и космонавтов.

В 17 часов по московскому времени генерал Кутасин доложил, что «Зенит» уже в Кустанае, погружен в самолет Ан-12 и часа через три может быть доставлен к нам. По словам Кутасина, при приземлении корабль протащило по земле 17 метров, в результате чего оторвался один фотоаппарат, но в целом «Зенит» в хорошем состоянии. Завтра утром по внешнему виду коабля и по пленкам телеметрии мы оценим скорость его вращения при спуске. Первое впечатление о посадке «Зенита» благоприятное — будем надеяться, что полет «Восхода-2» состоится в намеченные сроки.

Вечером Беляев, Леонов, Гагарин и Комаров побеседовали с журналистами, а я рассказал представителям прессы и радио о характере предстоящего полета.

16 марта.

Сегодня уже неделя, как мы с космонавтами прилетели на полигон. Всю неделю погода была холодной и ветреной, на утренней зарядке мерзли уши и руки. А сегодня чудесное, тихое, солнечное утро. Минут 25 занимались с Руденко физзарядкой на берегу. Температура воздуха минус 8 градусов, но заниматься приятно.

В 11 часов провели заседание Госкомиссии. Королев в течение 40 минут докладывал о ходе разработки и испытаний всех систем корабля. Затем Северин доложил о готовности шлюза, скафандра и других систем 918-го завода, а генерал Кузнецов — о выполнении плана подготовки космонавтов. Кроме этих докладчиков Госкомиссия заслушала всех главных конструкторов (Воронин, Ткачев, Быков, Пилюгин, Бармин, Даревский, Исаев, Сапожников и другие) и представителей полигона (генерал Захаров, полковник Кириллов и другие). Я доложил о готовности авиационных средств обнаружения и эвакуации космического корабля после его приземления. Госкомиссия решила: «Утром 17 марта вывезти ракету и корабль на старт и осуществить пуск 18 или 19 марта, по готовности». После Госкомиссии маршал Руденко провел заседание посадочной комиссии, где мы рассмотрели все возможные варианты штатной и аварийной посадки корабля и поручили специалистам подготовить расчеты районов посадки на семи первых витках.

В 16 часов состоялось специальное традиционное заседание Госкомиссии для утверждения состава экипажа «Восхода-2». Королев коротко доложил о готовности корабля. Я от имени ВВС внес предложение утвердить командиром корабля подполковника Беляева, а летчиком-космонавтом, выходящим в космическое пространство, - майора Леонова. Командиром запасного экипажа утвердили майора Заикина, а запасным летчиком-космонавтом, выходящим из корабля — майора Хрунова.

Вчера вечером «Зенит-4» был доставлен на полигон. Сегодня утром Руденко, я и космонавты осмотрели корабль. К сожалению, на пленках не оказалось записи скорости вращения корабля при спуске, но, судя по внешним признакам (стренга вытяжного парашюта сделала только два оборота за 18 секунд, буртик кольца шлюза обгорел так, как мы и предполагали, обгар обшивки корабля проходил так же, как и при посадке других кораблей), «Зенит-4» вращался со скоростью не более 40-100 градусов в секунду. Такая скорость вращения корабля удовольствия экипажу не доставит, но она не будет опасной ни для корабля, ни для экипажа. Итак, вся подготовка к полету, в основном, закончена. Предстоит очень трудный и опасный полет, но мы сделали очень много для его успеха, и я верю в успех!

17 марта.

Рано утром ракету и корабль вывезли из МИКа и установили на стартовой площадке. Беляев, Леонов и Хрунов после завтрака переехали на 2-ю площадку и поселились в домике космонавтов. Они живут и занимаются по распорядку предстартового дня. Около 12 часов я заходил к ним в домик, ребята заканчивали заполнение бортжурналов и собирались ко второму завтраку.

В 16 часов на старте, в полусотне метров от ракеты, провели встречу экипажа «Восхода-2» со стартовой командой и представителями промышленности. Беляев выступил спокойно и хорошо, а Леонов очень волновался. Он сказал: «… Я волнуюсь не от того, что завтра мне предстоит трудный космический полет, а потому, что мне трудно подобрать слова благодарности всем вам, товарищи, всем тем, кто создал ракету, корабль, оборудование, кто подготовил нас к полету…» На митинге присутствовало 600-700 человек, в том числе Королев, Келдыш, Руденко, Тюлин, Керимов, Правецкий, Ишлинский, Пилюгин и десятки других виднейших представителей космической кооперации.

После митинга, когда мы собрались в кабинете у Королева, Тюлин стал звонить в Москву, чтобы от имени Госкомиссии доложить Смирнову, Устинову, Косыгину и Брежневу о нашей готовности запустить «Восход-2» завтра в 10:00 по московскому времени. Первые двое были на заседании Совета Министров, а помощники Косыгина и Брежнева сказали, что их уже нет на работе, и записали наше сообщение.

Кутасин сообщил, что министр дал согласие объявить о присвоении очередных воинских званий тем, кто завтра будет на орбите. Из Кустаная полковник Сибиряков доложил: «Все авиационные средства поиска заняли исходное положение и готовы к работе». Завтра на самолете Ан-10 отправим в Кустанай генералов Горегляда и Войтенко. Я поставил им задачу: оградить космонавтов от бурных встреч с местным населением в районе посадки, от

назойливости корреспондентов и, главное, как можно быстрее доставить их на полигон.

18 марта.

12 часов ночи, я на командном пункте по руководству космическим полетом. Сейчас здесь тихо, «Восход-2» до 13-го витка не будет проходить над территорией СССР - связи с кораблем нет…

Бурный и незабываемый день мы пережили сегодня. Впервые в истории человек вышел из корабля в космическое пространство, и это сделал наш советский человек — Леонов Алексей Архипович. Мы наблюдали за его выходом по телевидению, он плавно «парил» в космосе, помахал нам сперва левой, а затем — правой рукой, несколько раз специально переворачивался, отходил и подходил к кораблю. Мы видели его на фоне Земли в 3-5 метрах от корабля. Сейчас самые опасные испытания уже позади. Правда, нас немного беспокоит вращение корабля со скоростью 20 градусов в секунду (это в несколько раз больше обычного) и высокое содержание кислорода (45 процентов) в кабине. Вращение корабля можно остановить, но, экономя расход воздуха (давление в баллонах уже только 100 атмосфер) и посоветовавшись с экипажем, мы решили сделать это перед посадкой. На седьмом витке полковник Беляев спал, а с подполковником Леоновым у нас состоялся сеанс радиосвязи. Леонов доложил: «Самочувствие отличное, корабль делает один оборот за 20-40 секунд, это нас не беспокоит, все параметры корабля в норме». Во время семи первых витков полета связь с «Восходом-2» по УКВ была отличной, а по КВ — удовлетворительной.

…Рано начался для меня этот день - проснулся в 5 часов. В 7:30 провели на старте предпусковое заседание Госкомиссии. В 8:30 Королев, Тюлин, Руденко и я наблюдали процесс надевания скафандров. В 9:20 мы встретили экипаж у ракеты. Объятия, рукопожатия, поцелуи — и вот уже космонавты поднимаются в корабль. Беляев вел себя спокойно, а Леонов заметно волновался. До 10-минутной готовности Королев, Кириллов, Шабаров, Гагарин и я оставались у ракеты, а потом перешли в бункер. Старт прошел отлично, но первые 40 секунд полета казались особенно долгими (в случае аварии до 40-й секунды спасение экипажа почти невозможно). Да и все 526 секунд выведения корабля на орбиту были полны тревог, недаром некурящий Королев после отсчета 530-й секунды дрожащими руками взял папиросу и закурил.

Затем все переехали на КП. Здесь мы провели 3-4 часа в очень большом напряжении, ожидая сообщений от экипажа по всем этапам операции «Выход». Я верил в успех «Выхода», но такого триумфа не ожидал. Полет еще не закончен, все еще может случиться, но главная задача полета уже блестяще выполнена. Посадка корабля тоже трудное дело, хотя она уже десятки раз осуществлялась нами, и не может волновать нас так, как волновал каждый шаг Леонова, выходящего в открытый космос.

19 марта.

Сегодня у меня, как и у большинства присутствующих на полигоне, самый тревожный день в практике наших космических полетов. Я ушел с КП в домик космонавтов в три часа утра по местному времени, а в семь часов меня подняли тревожным звонком. Когда я пришел на КП, Королев был уже там, он рассказал мне о том, что за последний (13-й) виток резко упало давление (с 75 до 25 атмосфер) в баллонах наддува корабля. Дальнейшее падение давления могло привести к полной разгерметизации корабля и вынужденной посадке. После тщательного анализа полученных данных мы пришли к выводу, что оснований для большого беспокойства нет: у экипажа хватит воздуха и кислорода до 17 витка, на котором запланирована штатная посадка. Главный конструктор Воронин твердо заявил, что давление в корабле не может упасть ниже 500 миллиметров ртутного столба, а кислорода хватит еще на три часа. Когда на 14-м витке мы связались с экипажем, Беляев доложил, что падение давления в баллонах остановилось на 25 атмосферах, параметры кабины в норме, самочувствие членов экипажа хорошее. Мы подтвердили экипажу наше решение сажать корабль по автоматическому циклу на 17-м витке.

Первая команда автоматического цикла посадки прошла нормально, началось томительное ожидание данных о ходе спуска, но спуска не последовало: не сработала автоматическая ориентация, и ТДУ не включилась — корабль остался на орбите. Решили сажать корабль вручную на 18-м или 22-м витке (у нас это первая попытка вручную посадить корабль). Начался второй тур ожиданий посадки. На этот раз мы довольно быстро получили с парохода «Ильичевск» данные о прохождении команд, но потом в течение четверти часа было полное отсутствие какой-либо информации. Первые засечки о снижении корабля мы получили из Одессы, затем — из Саранска. «Восход-2» приземлился в 12:06 недалеко от деревни Щучино (25-30 километров на юго-запад от Березников, севернее Перми), но о приземлении корабля мы узнали только через четыре часа. Корабль пеленговался «Кругами», однако точность определения точки посадки составляла 50-70 километров; по УКВ самолеты корабль не пеленговали, так как основная группа наших самолетов была в 600-800 километрах от Перми.

Более четырех часов у нас не было достоверных данных о состоянии экипажа. Правда, Алма-Ата несколько раз по КВ приняла телеграфом «… ВН, ВН, ВН …» Это был сигнал от экипажа — «Все нормально». Приятно было знать о наличии пеленга и сигналов «ВН», но хотелось иметь более достоверную информацию о самочувствии космонавтов. Наконец мы получили доклад вертолетчиков: «Между деревнями Сороковая и Щучино в лесу видим красный парашют и двух космонавтов. Космонавты сидят, обедают. Корабль приземлился в густом лесу, далеко от населенных пунктов. Кругом глубокий снег».

Скоро уже десять часов вечера по московскому времени, а еще ни один человек не добрался до космонавтов. Два часа назад в пяти километрах от них сел вертолет, с которого к космонавтам пешком отправилась группа людей; две автомашины с солдатами полка ПВО также пробиваются к месту посадки «Восхода-2». Температура в районе посадки — минус 5 градусов. С вертолета сбросили ребятам летное обмундирование, в их распоряжении громадный парашют и рядом корабль. Они, конечно, не замерзнут, но вспоминать эту ночь будут долго.

20 марта.

Беляев и Леонов ночевали в лесу. Рано утром над ними летал вертолет, командир экипажа вертолета доложил: «Вижу двоих у корабля, один рубит дрова, другой подкладывает их в костер, оба одеты в летное обмундирование». Два члена экипажа вертолета, пытавшиеся ночью идти к космонавтам, вернулись в вертолет. Группа солдат из полка ПВО также еще далеко от места посадки «Восхода-2».

В 7:30 полковник Сибиряков высадился из вертолета Ми-4 (на зависании в 1,5 метра) в полутора километрах от космонавтов, с ним врач Туманов и техник. В 8:30 они направились на лыжах к космонавтам. В том же районе

вертолеты высадили еще нескольких человек, которые начали расчистку площадки для посадки вертолета. Группа Сибирякова за три часа преодолела 1,5 километра и в 11:35 первой добралась до космонавтов. Самолет Ил-14 установил по УКВ связь с космонавтами и поддерживал ее до вечера. Беляеву и Леонову по их просьбе сбросили теплое белье и унты. К вечеру в районе приземления космического корабля было уже 22 спасателя. Вертолеты сбросили продовольствие, палатки, теплую одежду. Врач доложил: «Космонавты здоровы, травм и обморожения нет».

Еще утром экипаж «Восхода-2» можно было эвакуировать вертолетом: на зависании в 5-6 метрах от земли можно было по лестнице поднять космонавтов в вертолет и высадить их в Перми, а еще через 3-4 часа они могли бы быть у нас на полигоне. Но маршал Руденко приказал эвакуировать космонавтов только автомашинами, а когда убедился, что это невозможно, дал распоряжение вывезти их вертолетами, но только обязательно с посадкой, а не с зависания. Эти непродуманные распоряжения маршала связали инициативу Сибирякова, Кутасина, Картакова и других сотрудников службы поиска и, в конечном счете, сорвали доставку космонавтов на полигон в течение сегодняшнего дня.

Итак, в 70-80 километрах от областного центра Беляев и Леонов еще одну ночь проведут в лесу. Для них вторая ночевка в лесу не будет затруднительной, но для службы поиска ВВС — это большой провал. Трудно будет объяснить и нашему народу, и зарубежной общественности, почему мы после такого блестящего полета двое суток держали космонавтов в тайге. Я пытался доказать маршалу Руденко необходимость и безопасность подъема космонавтов в вертолет по лестнице, меня горячо поддержал Королев, но Руденко убедил Смирнова и Брежнева, что такой подъем опасен, и мы получили приказ готовить посадочную площадку для вертолета и только после этого эвакуировать космонавтов. Обидно было наблюдать всю эту перестраховку, но формально маршал был прав, и его решение одобрило самое высокое начальство.

21 марта.

Хотя я и верил, что Беляев и Леонов благополучно перенесут вторую ночевку в тайге, но спалось неспокойно — просыпался несколько раз. В 6:00 я уже говорил с Москвой, дежурный по КП ВВС подполковник Гузенко доложил: «В 3:46 взлетел первый Ил-14, второй — в 4:28. Оба самолета полетели в район посадки космонавтов для установления связи и наблюдения. Погода: высота облачности — 600 метров, видимость — 10 километров». В 4:59 была установлена связь с космонавтами, и они доложили: «Самочувствие хорошее».

В 5:04 два Ми-6 вылетели на большую посадочную площадку, там ночевали три Ми-4, один из которых вылетел к космонавтам, а другой — для облета малой площадки. Большая (в 5 километрах от «Восхода-2») и малая (в 1,7 километрах) площадки были уже подготовлены для взлета и посадки вертолетов. В 6:50 группа в составе 7 человек (Беляев, Леонов, Туманов, Сибиряков и другие) начала движение к малой площадке и в 8:06 подошла к Ми-4. Через 20 минут Ми-4 высадил космонавтов на большой площадке, там они пересели в Ми-6, который в 9:50 доставил их на аэродром Перми. На 11:00 был назначен вылет самолета Ан-10 с Беляевым и Леоновым из Перми в Тюра-Там. Вылет задержался на час с небольшим из-за переговоров Брежнева с космонавтами.

Перед выездом на аэродром для встречи космонавтов в маршальской столовой 10-й площадки собрались Королев, Келдыш, Тюлин, Руденко, Ишлинский, Пилюгин, Правецкий, Керимов, Бармин, Шабаров и я. Королев предложил тост за сотрудничество, он сказал: «Друзья, перед нами Луна, давайте же дружно работать ради великой цели освоения Луны! Помните, как дружно работал наш коллектив?» Сидевший рядом со мной Бармин прошептал: «Работали дружно, когда все были главными, а теперь один Главный конструктор и один Главный теоретик…»

Да, былой дружбы в большом коллективе главных конструкторов давно уже нет, и виноват в этом в немалой степени сам Королев — он деспотичен и часто опрометчив в своих решениях. Местные остряки прозвали Королева «Скорпионом-4». Дело в том, что, когда полигону Байконур угрожает опасность со стороны какой-либо разведывательной агентуры, Генштаб немедленно сообщает об этом короткими кодированными сигналами: «Скорпион-1» — означает, что в поезде мимо полигона едут разведчики, они могут пеленговать работу радиостанций и тем самым установить координаты и количество стартовых площадок; «Скорпион-2» означает пролет разведчиков в самолетах ГВФ, а «Скорпион-3» — другие более серьезные акции вражеской разведки. По любому из этих сигналов жизнь на полигоне на несколько минут замирает… 18 марта на старте имел место такой инцидент. До пуска «Восхода-2» было еще более двух часов, подготовка ракеты, корабля и экипажа шла точно по графику, все было спокойно. Королев, Бармин, Северин и я находились у ракеты и вели разговор о задачах подготовки очередных полетов. В одну из пауз Северин неожиданно спросил Бармина: «А вы знаете, как на полигоне называют Сергея Павловича?», — и начал рассказывать о «Скорпионах». Королев бурно реагировал, вспыхнув, он заявил: «Фашистским скорпионом я никогда не был, «Скорпион-4» — неумная выдумка недалекого человека. Я надеюсь, что мои друзья не будут распространять обо мне подобные пошлости». Выпалив эту тираду, Королев отошел от нас, наступило неловкое молчание. Больше всех переживал Северин. Своей неудачной шуткой он очень больно задел своего старшего друга. Сергей Павлович относится к Гаю Ильичу с отеческой добротой, он ценит его инженерный талант и ждет от него многого. Королев, бесспорно, сделал для наших побед в космосе больше, чем кто-либо другой, и его имя должно быть не рядом, а впереди имен всех наших космонавтов. Я глубоко убежден, что так и будет. Королев отличный организатор, талантливый конструктор, у него много хороших идей, он многое делает для того, чтобы советский человек первым ступил на Луну.

…В 17:30 мы встретили космонавтов. Все дружно расхохотались, когда в дверях самолета показались Беляев и Леонов, одетые в летное обмундирование и унты. Большой кортеж машин проехал по улицам Звездограда, космонавтов встречало все население города. В спортивном зале гостиницы Беляев и Леонов рассказали нам о своих первых впечатлениях о полете (они записаны на пленку).

Вечером Королев говорил с Брежневым. Москва ждет космонавтов 23 марта. Все наши планы резко сокращаем и готовимся лететь в Москву.

22 марта.

С 10 до 13 часов провели заседание Госкомиссии, заслушали доклад экипажа. Беляев говорил 45 минут, а Леонов — 1 час 15 минут. В полете «Восхода-2» получено очень много новой ценной информации. В 13 часов Королев, Келдыш, Тюлин, Руденко и я говорили по телефону с Брежневым. Мы доложили Леониду Ильичу общее мнение Госкомиссии о том, что полет дал много нового и по значимости его можно сравнить с полетом Гагарина. Брежнев согласился с нашим мнением и рекомендовал немедленно написать сообщение ТАСС. Академик Ишлинский и я за 30

минут написали такое сообщение, и Госкомиссия одобрила его.

В 16 часов провели митинг на 2-й площадке. Выступали ракетчики, Беляев, Леонов, я и Королев. Вечером я готовил космонавтов к их выступлениям в Москве.

23 марта. Борт самолета Ил-18.

В 7:35 по московскому времени вылетели в Москву. Кроме меня и космонавтов летят генералы Кузнецов и Чугунов, Никерясов, врач Никитин, представители прессы и радио, кинооператоры. Сейчас летим над Волгой, она еще покрыта льдом, а на полях уже появились значительные проталины. Беляева и Леонова около часа «терзали» корреспонденты, сейчас космонавты готовятся к выступлениям на Красной площади и в Кремле.

27 марта. Москва.

Уже пятый день, как я вернулся с космодрома, но до сих пор не имел ни одной минуты, чтобы записать что-либо о триумфальной встрече космонавтов в Москве.

…23 марта при подлете к Москве погода заметно улучшилась, в районе Москвы была рваная облачность на высоте более 500 метров. К нашему Ил-18 подстроились семь истребителей, и в сопровождении почетного эскорта мы несколько раз пролетели над Москвой. Беляев довольно четко отдал рапорт правительству, а затем, после объятий и поцелуев с членами Президиума ЦК и родственниками, он и Леонов обошли ряды встречающих. Раньше космонавтов сопровождал Хрущев, а теперь они совершали обход одни. На Красную площадь я не поехал: нужно было привести себя в порядок перед приемом.

В 17:00 в Большом Кремлевском дворце состоялся правительственный прием. На приеме я был вместе с Мусей. Все шло, как обычно. Беляев выступил бледновато, но зато Леонов произнес хорошую речь. К концу приема все летавшие и нелетавшие космонавты собрались в одном из уголков Грановитой палаты, где расположились ракетчики, промышленники и ученые. К нам подошли Брежнев и Косыгин, и фотокорреспондент Устинов («Правда») сфотографировал Беляева, Леонова и меня вместе с ними. Брежнев и Косыгин поздравили всех с победой, выпили с нами по 2-3 рюмки вина. Брежнев сказал мне, что через 2-3 недели нужно будет встретиться и поговорить о космических делах. То же самое он сказал и Гагарину.

24 марта Беляев и Леонов готовили свои выступления на пресс-конференции. В 14 часов Беляев, Леонов, Кузнецов и я были на совещании у Келдыша. Присутствовали академики Седов, Сисакян и другие. Я выступал несколько раз, доказывая необходимость правдивого доклада о всех трудностях полета «Восхода-2» (отказ автоматической ориентации, значительный перелет при ручном спуске, две ночевки в тайге). Келдыш был категорически против моих предложений и настаивал на том, чтобы написать в докладе Беляева, что космический корабль приземлился в расчетной точке, а экипаж двое суток отдыхал в районе приземления.

25 марта в 9:00 я встретился с Королевым и рассказал ему о наших вчерашних спорах с Келдышем. Королев поддержал мое мнение. Он при мне поговорил по телефону с Келдышем, Ветошкиным и Смирновым и убедил их в необходимости сказать на пресс-конференции всю правду о полете «Восхода-2». Келдыш и Смирнов вначале сопротивлялись, но после того, как Королев заявил, что будет говорить по этому вопросу с Брежневым, оба дали согласие учесть наши замечания. В 10:30 в ОКБ-1 состоялся большой митинг, на котором присутствовали все 11 космонавтов. От ВВС выступали Вершинин, Гагарин, Беляев и Леонов. После митинга человек 60 в кабинете Королева отметили успех полета «Восхода-2».

26 марта с утра мы с Беляевым и Леоновым занимались подготовкой к пресс-конференции, рассмотрели около 60 возможных вопросов и ответы на них. Особенно внимательно обсудили ответы на вопросы по отказам техники, по району приземления, по эвакуации экипажа и корабля с места посадки. На все вопросы мы намеревались дать правдивые ответы, считая, что у нас нет никаких оснований скрывать некоторые неполадки в полете, большой перелет при посадке и трудности эвакуации космонавтов из района приземления. В 13 часов Беляев и Леонов с семьями, я и группа корреспондентов были на обеде в Доме приемов на Воробьевых горах. В 15 часов в актовом зале МГУ провели пресс-конференцию. Народу было очень много. Келдыш, Беляев и Леонов выступили хорошо, на вопросы лучше всех отвечал Леонов. Я недоволен ответами на вопросы: в них было много неправды даже в таких мелочах, где нам нет никакого смысла что-либо скрывать. После закрытия пресс-конференции корреспондентам был показан небольшой фильм о выходе Леонова в космос. Я видел эти кадры еще в день полета, потом — 25 марта у Королева и 26 марта — у Келдыша перед пресс-конференцией…

27 марта утром Беляев, Леонов, Горегляд и я просматривали все киноматериалы о выходе в открытый космос, снятые внешними и внутренними киноаппаратами корабля и самими космонавтами. Кинокадры очень четкие и вместе с телевизионными съемками из них можно создать прекрасный фильм.

В 12 часов я, Беляев и Леонов были в АПН, встречались с болгарскими, немецкими и французскими журналистами. Минут 10 я беседовал с корреспондентом французского журнала «Пари матч». Этот журнал дал очень хорошую информацию о полете «Восхода-2».

Сегодня получили сообщение о программе предстоящего полета «Джемини», намечаемого на 8 июня 1965 года. Продолжительность полета — четверо суток, экипаж — Джеймс Макдивитт и Эдвард Уайт. Предполагается, что Макдивитт откроет люк кабины корабля и «высунет голову в космическое пространство». Обсуждается возможность повторения эксперимента, выполненного Леоновым.

29 марта.

Вчера я, Муся и Оля провели день на даче. У Оли все четыре предшествующих дня была повышенная температура, и мы не пускали ее на улицу. Вчера она около часа погуляла, вечером и сегодня утром температура у нее в норме.

В субботу вечером с 20 до 23 часов Беляев, Леонов, Генин, я и другие товарищи выступали по телевидению. Мне кажется, что эта встреча на телевидении прошла лучше предыдущих.

Сегодня утром звонил А.И.Микоян, он выразил пожелание, чтобы Терешкова вылетела из Алжира 1 апреля и утром 2 апреля присоединилась к нему в Будапеште. Микоян с партийно-правительственной делегацией вылетает 1 апреля в ВНР — 4 апреля в Будапеште празднуют 20-летие освобождения Венгрии.

Только что договорился с Маликом (МИД), чтобы в Алжир передали следующее сообщение: «Космонавтам и сопровождающим 1 апреля вылететь рейсовым самолетом на Москву через Будапешт. В Будапеште сойти с самолета

Терешковой, Крышкевичу и Кассировой, а Николаеву и Сомову возвращаться в Москву».

Был у Главкома, доложил ему о звонке Микояна и моих распоряжениях по поездке Терешковой.

Вершинин очень торопился на заседание коллегии Министерства обороны и на ходу принял мои предложения о плане выступлений экипажа «Восхода-2» на эту неделю. Сегодня Беляев и Леонов выступали на митинге в ЦПК, во второй половине дня они будут выступать для итальянского телевидения. Завтра — митинг на 918-м заводе у Г.И.Северина, а потом — встречи в Монинской академии, Союзе писателей, Союзе художников и десятки других встреч.

30 марта.

Вчера Б.Б.Егоров прибыл в Берлин для чтения лекций по космической медицине и биологии. Беляев, Леонов и я вчера более четырех часов провели в АПН: выступали для итальянского и бельгийского телевидения, московской кинохроники и телевидения ГДР. Ребята держатся еще скованно, смущаются, не знают, куда девать руки, и на вопросы отвечают слишком кратко. Перед выездом в АПН Беляев и Леонов были у меня, мы около двух часов беседовали по итогам пресс-конференции и выступлению по московскому телевидению. Я указал ребятам на их ошибки, советовал держаться спокойнее, отвечать обстоятельно, не торопясь. Но для свободного поведения на встречах и при выступлениях нужны не советы, а практика, которой у ребят еще нет. Сегодня в 13 часов на 918-м заводе будет проведено итоговое совещание по работе шлюза, скафандра и другой аппаратуры, изготавливаемой заводом. После совещания состоится встреча с коллективом завода. На завод поедут Беляев, Леонов, Гагарин и другие космонавты.

Фотокорреспондент «Правды» Устинов принес мне фотоснимки, сделанные им в Кремле во время приема космонавтов 23 марта: Брежнев и Косыгин стоят в группе с космонавтами и их руководителями (я, Кузнецов, Горегляд, Чугунов и другие).

Судя по зарубежной печати, по письмам и телеграммам, идущим мощным потоком в адрес Беляева и Леонова, люди разных стран правильно понимают величие подвига Алексея Леонова. Пройдут века, забудутся многие события и лица, но имена Леонова, Терешковой всегда будут рядом с именем Гагарина, их вечно будет помнить благодарное человечество. Подвиги первых космонавтов и труды тех, кто готовил первые космические полеты людей, дали человеческому роду бессмертие: Земля может погибнуть, но человечество скоро получит возможность освоить другие планеты и существовать вечно.

31 марта.

Два раза звонил Королев, просил организовать поездку Беляева и Леонова в Калугу. Я дал согласие осуществить такую поездку 7 апреля. Сергей Павлович сказал, что в субботу он опять собирается на полигон для пуска лунника. Вопрос о наших неудачах с Луной рассматривался в Совете Министров СССР, и там рекомендовали всем главным конструкторам лично быть на пусках лунников. Королеву очень не хочется отрываться от больших дел здесь, в Москве, но он вынужден повиноваться и опять ехать в надоевший ему Байконур. Я понимаю Сергея Павловича: его здоровье серьезно подорвано, здесь он нужнее и, главное, более полезен для осуществления всей космической программы. Но формально правы и наши руководители, требующие преодоления неприятностей с лунной программой.

Вечером был в Монино на праздновании 25-летия академии ВВС. Маршал Красовский сделал короткий доклад об истории академии, заслушали поток приветствий. Выступали Беляев и Леонов. Встретил много знакомых и, в частности, генерала Смирнова, который 27 лет назад — в годы моей учебы в академии имени Жуковского — руководил командным факультетом. Все уверяют меня, что я очень молодо выгляжу, что я «законсервировался». Внешне я выгляжу сносно, но внутренне начинаю сдавать — это особенно чувствуется при выступлениях.

1 апреля.

По нашему ходатайству Президиум ЦК КПСС включил А.Г.Николаева в состав партийно-правительственной делегации для поездки в Венгрию. Завтра Терешкова и Николаев прилетят из Алжира в Будапешт и останутся там до 8-9 апреля.

Звонили из ЦК и горкома партии, просили высказать мои соображения о порядке проведения Дня космонавтики. Я рекомендовал для выступления на торжественном заседании Терешкову, Комарова, Беляева и Леонова. Разрешил Комарову вместе с Рокоссовским и Родимцевым на 4 дня вылететь в Мурманск и Ленинград. На первую половину апреля запланировали много выступлений для космонавтов, особенно для Беляева и Леонова, но этот план не удовлетворяет и одной десятой доли запросов на встречи.

Был у меня генерал Кузнецов. Беседа была малоприятной, он просил ходатайствовать за него о подтверждении звания летчика 1-го класса, намекнул на возможность присвоения ему звания генерал-лейтенанта. Я не понимаю таких откровений. Я 22 года хожу в звании генерал-лейтенанта, и никогда у меня не появлялась мысль о разговоре с кем-либо на эту тему, а генерал Кузнецов считает вполне нормальным выпрашивать очередное звание. Это или глупейшая доверительность, или безграничная нескромность. Ни то, ни другое не украшает генерала Кузнецова.

2 апреля.

Утром был у С.П.Королева, более часа беседовали один на один. Я рассказал Сергею Павловичу о вероятной встрече космонавтов и руководства ВВС с Брежневым и Косыгиным, на которой мы будем добиваться следующего: 1) объединения космоса на базе ВВС; 2) передачи в ВВС права заказов космической техники; 3) заказа для ВВС 8-10 учебных космических кораблей типа «Восход» и 7К; 4) преобразования ЦПК ВВС в научно-исследовательский испытательный институт космической техники. Королев обещал поддержать все наши предложения. Правда, он сказал: «Это вы сейчас хорошие, а когда все объедините в своих руках, к вам и не подступишься… Меня особенно смущают Руденко и Пономарев. С вами и Вершининым я буду работать с удовольствием…» Я заверил Сергея Павловича, что мы как обходили, так и будем обходить «трудные характеры» некоторых руководителей ВВС и сделаем все, чтобы интересы дела не страдали.

Затем мы согласовали с Королевым составы экипажей для очередного полета: Волынов - Катыс, Береговой — Демин, Шаталов — Артюхин. Будем готовить три экипажа, полетит в этом году один из них, наиболее вероятно, что это будет экипаж Волынова, но нельзя исключать и другие варианты. Предстоит, в частности, борьба за кандидатуру Волынова. Маршал Руденко настроил Главкома в пользу Берегового, оба они будут отстаивать его кандидатуру. Я сделаю все возможное, чтобы полетел Волынов, Королев обещал поддержать меня и в этом вопросе. Волынов пять лет готовится к полету, четыре раза был дублером, и хотя Береговой очень хороший кандидат, но мы его еще не видели в роли дублера. Традиция дублеров замечательная и полезная, ее нужно укреплять, а не ломать, как этого хотел бы Руденко.

Последний вопрос нашей беседы был более деликатный. Я очень хорошо помню все наши переживания во время полета Терешковой. Волнений было много, и когда корабль с Терешковой, наконец, приземлился, Королев сказал: «Чтобы я еще когда-нибудь связался с бабами…» И все-таки с «бабами» дело иметь надо. Я предложил Королеву готовить Соловьеву и Пономареву для повторения полета Беляева и Леонова. Выход женщины из космического корабля с более широкой программой исследований, а может быть, и с автономными средствами передвижения в космосе вызовет во всем мире не менее широкий отклик, чем это было при полете «Восхода-2». Повторный полет мужского экипажа с такой программой не вызовет большого восхищения. Излагая эти соображения Королеву, я наблюдал за ним. Вначале он помрачнел, глаза его стали темными, он с трудом сдерживался, чтобы не вспылить. Я попросил Сергея Павловича не торопиться с ответом, и когда до него дошло все значение предлагаемого мной полета, он начал улыбаться и сказал: «Ах, старая мышь, что придумал…» Мы договорились, что он серьезно обдумает это предложение и даст мне ответ. Я заверил Королева, что для подобного полета Соловьева подготовлена лучше, чем любой космонавт-мужчина, что за год мы подготовим экипаж в составе Пономаревой и Соловьевой лучше, чем экипаж »Восхода-2».

К концу нашей беседы в кабинет зашел Павел Владимирович Цыбин — он старый мой друг, мы вместе работали еще в ЦК ДОСААФ. Сейчас Павел Владимирович работает заместителем Королева, он очень много труда и таланта вложил в «Восходы». Сергей Павлович остался готовиться к совещанию у нового секретаря ЦК КПСС Д.Ф.Устинова, а мы с Цыбиным пошли в конференц-зал, где собралось сотни две конструкторов и разработчиков систем «Восхода-2». Беляев и Леонов около 4-х часов отвечали на конкретные, а иногда и придирчивые вопросы создателей космического корабля. Оба космонавта перед лицом промышленников показали глубокие инженерные знания.

Вечером Беляев и Леонов выступали на встрече в Главном штабе ВВС. Встреча прошла очень хорошо.

3 апреля.

Сегодня в ЦПК экипаж «Восхода-2» держал отчет о полете перед специалистами Центра, ЛИИ и некоторых ОКБ. Беляев и Леонов в ответах на многочисленные вопросы специалистов и товарищей по работе очень подробно изложили свои соображения о ходе подготовки к полету, о недостатках и отказах техники в полете, о ручной посадке, об ошибках при эвакуации с места посадки. Вечером Беляев и Леонов ездили в киностудию для участия в озвучивании фильма о полете.

8 апреля.

Только что звонила Муся. Ура! У нас родился внук: рост — 42 сантиметра, вес — около 9 фунтов. Профессор Вера Ивановна Калганова позвонила Мусе и сообщила, что Люда чувствует себя хорошо, а малыш «ревет благим матом». Вера Ивановна добавила, что у новорожденного большая голова, и что он будет математиком-космонавтом. Меня очень обрадовало появление внука, давно я не переживал такой семейной радости.

За последние 4 дня было очень много событий, но я не имел ни секунды времени, чтобы хоть что-то записать в дневник…

В понедельник 5 апреля Беляев и Леонов выступали в Союзе писателей, а вечером в тот же день встречались с московскими художниками. Леонов выступает, как правило, хорошо. Беляев приобретает уверенность и опыт, и его

выступления заметно улучшаются.

6 апреля с утра космонавты и я работали в ЦПК, редактировали отчеты о полете. После обеда Беляев и Леонов выступали перед рабочими Первого часового завода. В тот же день вечером состоялось их выступление в Политехническом музее. Кроме космонавтов, на этой встрече выступали Газенко, Парин, Горбов, я и Сисакян.

Вчера Беляев, Леонов, Попович и я ездили в Калугу. Встреча была чудесной, мы побывали в доме-музее К.Э.Циолковского. Я много раз был в Калуге, много читал и слышал о Константине Эдуардовиче: поражают скромность быта и средств для научной деятельности и величайшая глубина мысли и предвидения ученого. Но даже великий Циолковский не мог предвидеть, что его дочь и внучка будут беседовать с людьми, побывавшими в космосе. Поездки космонавтов в Калугу после каждого полета входят в традицию: космонавты мысленно отчитываются перед отцом космонавтики за выполненный полет. В Калуге заканчивается строительство музея имени Циолковского, в 1961 году Юрий Гагарин в моем присутствии заложил первый камень этого здания. В городском театре мы провели торжественное собрание, сфотографировались у памятника Циолковскому. Вечером часа три провели на обкомовской даче в кругу руководства области. Первый секретарь обкома Кандренков, председатель облисполкома Демидов и секретарь горкома Смирнов очень гостеприимны, но организаторы неважные: были давки на улицах, много времени мы потратили впустую. Выехали мы из Калуги в 20:30, когда было уже темно. Впереди нашей колонны шла «Волга» с работниками КГБ; в пяти километрах от Малоярославца встречный самосвал задел «Волгу» и перебросил ее на противоположную сторону шоссе. В этой аварии сильно пострадали подполковник, майор и капитан КГБ, а также шофер «Волги».

Сегодня с генералом Гореглядом ездили в киностудию, просматривали новый кинофильм »Дневник космонавта» о полете Беляева и Леонова. Фильм удачный, я высказал единственное пожелание: заменить телевизионные кадры о выходе Леонова из корабля кадрами, снятыми внешней кинокамерой.

9 апреля.

Сегодня у всех космонавтов очень загруженный день. У Беляева и Леонова он складывается так: до 12 часов — работа над итоговым докладом о полете, в 12:30 - позирование для художников и фотокорреспондентов, в 14:30 — встреча в АПН с иностранными журналистами, в 15:30 - выступление по радио, в 17:00 — съемка для телевидения, а в 18:30 — участие в устном выпуске журнала «Авиация и космонавтика». Примерно так же загружены и другие космонавты. Сегодня вечером из поездки в Алжир и Венгрию возвращаются Терешкова и Николаев.

Только что у меня был корреспондент «Вечерней Москвы». Он сообщил следующее: польская и московская «Вечерки» объявили конкурс на лучшее выражение, характеризующее движение и работу Леонова вне корабля в открытом космосе (в воде — плавать, по земле - ходить, а как в космосе?). Редакции получили более 8000 писем, большая часть авторов которых предлагает ввести в обиход новый глагол, производный от фамилии Леонов — «леоновать» (я леоновал, ты леоновуешь, они леоновуют и т.д.). На первый взгляд слово кажется труднопроизносимым и необычным, но не надо забывать, что новые ботинки всегда жмут, новый костюм сковывает и т.д. Пройдет несколько лет, и новый русский глагол «леоновать» станет международным словом — это будет живой памятник Леонову и русскому народу. В русском языке есть тысячи иностранных слов, которые для нас звучат как родные, но и наши чисто русские слова «спутник», «Восток», »Восход», «лунник», «леоновать» будут международными словами. С каждым годом растет авторитет нашей Родины во всех делах человечества, и вполне естественно, что наш язык будет оказывать влияние и на новые словообразования в языках других народов.

10 апреля.

Вчера в АПН Беляев и Леонов выступали перед иностранными журналистами. Было очень много острых вопросов, были заданы вопросы и мне. В своем выступлении я рассказал об инициативе варшавской и московской «Вечерок» и о том, что наши лингвисты считают более приемлемым глагол »леонить» вместо «леоновать».

Вечером в ЦДСА провели устный выпуск журнала «Авиация и космонавтика», выступали Кожедуб, Попков, Чечнева, Беляев и Леонов. В сегодняшней «Правде» и других газетах есть отчет об этом выпуске журнала. Вчера в радиокомитете я заслушал пленку о проведении в меленковской средней школе № 1 (где я учился) собрания, посвященного Дню космонавтики. Ученики школы в своих выступлениях говорили и обо мне. Пришлось выступить по радио и поблагодарить земляков за внимание к нашим космическим делам.

Сегодня в 10 часов утра все одиннадцать летчиков-космонавтов СССР по моему приказанию собрались в Доме офицеров на Чкаловской; фотокорреспонденты Устинов, Черединцев и другие выполнили в нескольких вариантах съемки группы. Все труднее становится собирать эти звезды в одно созвездие. Терешкова и Николаев только вчера вернулись из Будапешта. Валя выглядит плохо, хотя и уверяет, что чувствует себя прекрасно. Дочка Николаевых развивается нормально, Андриян со счастливой улыбкой похвастался, что Леночка уже говорит «папа».

Сегодня все ребята во главе с генералом Кузнецовым едут в ЦК ВЛКСМ, а завтра будут участвовать в открытии музея подарков космонавтам в Академии имени Жуковского и проведут в ЦПК вечер, посвященный Дню космонавтики.

Вчера звонил Руденко, он беспокоился о подготовке общемосковского собрания и о составе президиума. Собрание назначено на 17:00 12 апреля в Кремлевском Дворце съездов. От ВВС в президиуме будут Вершинин, Руденко, Рытов, Каманин и все летавшие космонавты, выступят на собрании Комаров, Беляев и Леонов.

12 апреля.

Печать, радио и телевидение очень широко отмечают День космонавтики. Сегодня у Быковского родился второй сын. Три дня назад на мой вопрос: «Когда?» - Быковский ответил: «Тянем до Дня космонавтики». И дотянули: для космонавтов это приятное совпадение.

Получил сообщение ТАСС: «В газете «Нью-Йорк геральд трибюн» за 10 апреля опубликовано открытое письмо генералу Каманину московского корреспондента этой газеты Стюарта Лури по поводу статьи «Кому нужны космические небылицы?», опубликованной в »Красной звезде»…» Стюарт Лури признает, что СССР идет впереди по пилотируемым спутникам, что небылиц много, но он в них не верит. Одновременно он считает, что США уже обогнали СССР по полетам автоматических устройств к Луне, Марсу и Венере, по телевизионным спутникам и спутникам связи, и полагает, что для борьбы с ложными слухами есть только один способ: заранее объявлять о каждом намеченном полете и допускать иностранных корреспондентов на старт. Мне кажется, что письмо написано в дружеском тоне и, в

основном, правильно отражает сложившуюся обстановку, но над ответом придется серьезно подумать.

Говорил с Вершининым о моем предложении послать в начале 1966 года в космический полет двух женщин. Главком одобрил это предложение и обещал поддержать его. Одновременно он высказал пожелание послать в первый очередной полет полковника Берегового. Я объяснил Главкому, что прыжок Берегового через очередь будет болезненно встречен космонавтами, что ломать дублерские традиции вредно, и напомнил, что Волынов уже пять лет готовится к полету и четыре раза был дублером. Я уверен, что оба маршала (Вершинин и Руденко — Ред.) по вопросу о Береговом останутся в одиночестве. Королев обещал поддержать меня в этом деле, и есть надежда, что он сдержит слово.

Вчера в ЦПК ВВС провели вечер, посвященный Дню космонавтики. Присутствовали Королев, Глушко и другие. Я не был на этом вечере, но, судя по докладу полковника Аристова, вечер прошел хорошо, а по словам генерала Кузнецова, между Королевым и Глушко произошло заметное примирение. Последнее сомнительно — уж очень крепко они поссорились и долгое время упорно избегали встреч, но если примирение состоялось, от этого будет только польза для общего дела.

13 апреля.

Вчера в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное собрание по случаю Дня космонавтики. В президиуме были Брежнев, Косыгин и другие руководители страны. Впервые от ВВС в президиуме, кроме космонавтов, были четверо: Вершинин, Руденко, Рытов, Каманин, а раньше был только Вершинин. Но, к сожалению, в президиуме не было Королева и других конструкторов. Я говорил с секретарем МГК КПСС Егорычевым о желательности приглашения в президиум Королева и других главных конструкторов. Егорычев сказал, что этот вопрос неоднократно ставился в ЦК КПСС, но пока решено ничего не менять, то есть по-прежнему «играть в секретность». Выступали Келдыш, Комаров, Беляев и Леонов. После собрания мы с Мусей с удовольствием послушали концерт. Говорил с Келдышем о женском космическом экипаже. Мстислав Всеволодович хорошо помнит Пономареву и Соловьеву, он сразу оценил преимущества полета женского экипажа в глазах мировой общественности и дал слово, что поддержит эту идею. Итак, Королев, Келдыш и Вершинин проявили интерес к космическому полету женского экипажа, но, пока этой идеей по-настоящему не загорится Королев, нельзя считать завершенной «обработку» руководителей.

Сегодня говорил с маршалом Руденко о подготовке новых космических экипажей. Я предложил готовить для полета с экспериментом по созданию искусственной гравитации три экипажа: Волынов — Катыс (основной экипаж), Береговой — Демин, Шаталов — Артюхин (запасные экипажи). Руденко пытался уговорить меня назначить основным экипаж Берегового, я же защищал экипаж Волынова. Споров было много, но мне показалось, что маршал уже не уверен в своих позициях. Для полета в начале 1966 года с выходом из корабля в космическое пространство я предложил готовить пять космонавтов: Соловьеву, Пономареву, Хрунова, Горбатко и Заикина; основным назначить женский экипаж, мужской экипаж считать запасным, но можно составить и смешанный экипаж. Я сказал Руденко, что идею полета женского экипажа поддерживают Королев, Келдыш и Вершинин, но маршал не был готов сразу высказать свое мнение по этому вопросу и дал согласие решать его по моему усмотрению. Руденко сегодня собирается лечь в госпиталь, и у него не было ни времени, ни желания вести со мной длительные дебаты.

14 апреля.

Вчера Беляев и Леонов более пяти часов были заняты на телевизионных съемках для США. Съемки с разрешения ЦК КПСС проводились в АПН группой американских специалистов, они задавали массу технических вопросов, их особо интересовали скафандр, конструкция шлюза и оборудование корабля. Беляев и Леонов отвечали на вопросы очень кратко и сдержанно, они чувствовали себя несколько стесненно.

Говорил по телефону с Королевым. Я назвал ему 12 космонавтов, подготовку которых мы намерены начать в ближайшее время. Три экипажа (Волынов — Катыс, Береговой — Демин, Шаталов — Артюхин) будем готовить для длительного полета на 3КВ, а три других экипажа — для полета на 3КД с выходом в космос (Пономарева — Соловьева, Заикин - Хрунов, Шонин — Горбатко). Королев, в основном, согласился с нашим предложением, но о Пономаревой отозвался в том духе, что «уж больно она занудна». Это выражение по адресу Пономаревой я неоднократно слышал и от Гагарина. Все космонавты будут против полета женского экипажа. Придется еще много поработать, чтобы убедить Госкомиссию послать в полет женщин. Через 2-3 дня я дам официальное распоряжение готовить Пономареву и Соловьеву к космическому полету. Королев выразил пожелание для полета на 3КВ подобрать врача из института Минздрава, я не стал по телефону спорить по этому вопросу, но при очередной встрече предложу вместо врача и животных установить дополнительный двигатель для осуществления маневра корабля с целью изменения его орбиты. Я говорил по данному вопросу с Вершининым, и он одобрил мое предложение.

16 апреля.

Вчера итальянский посол вручил Гагарину золотую медаль астронавтического общества Италии. Беляев и Леонов выступали вчера в ЛИИ у Н.С.Строева. Коллектив ЛИИ многое сделал по подготовке космонавтов и вполне заслужил большую благодарность от них и руководства ЦПК ВВС.

Генерал Холодков, полковник Смирнов и Северин уже несколько раз докладывали о том, что анализом пленок телеметрии точно установлено: Леонов, находясь вне корабля, все время обеспечивался кислородом из ранца и с борта корабля одновременно, а должен был перейти только на автономное питание от кислородного ранца.

Выявляется очень много противников женского космического полета, категорически против него Гагарин и почти все космонавты. Сегодня против такого полета высказались генерал Холодков и полковник Смирнов. Убежден, что прав я, защищая идею полета женского экипажа, но придется еще потратить немало времени, терпения и нервов, чтобы доказать его целесообразность.

Звонил генерал-лейтенант Захариев Захарий Семенович (атташе посольства Болгарии). Он выяснял возможности приглашения на май в Болгарию Беляева и Леонова. Я сказал ему, что мы планируем отдых космонавтам с 15 мая. Захариев загорелся идеей организовать им отдых в Болгарии. Завтра он летит в Софию, где организует официальное приглашение космонавтам, и вернется в Москву 29 апреля.

Вчера Беляев и Леонов легли в авиационный госпиталь на обследование, которое продлится шесть суток. На это

время я до минимума сокращаю их общение с «внешним миром».

Очень большое беспокойство вызывает состояние Терешковой. Она сейчас имеет вес на 4-5 килограммов меньше, чем перед полетом; худоба очень старит ее. Меры, предпринимаемые врачами, пока не дают положительных результатов. Сама Терешкова и все врачи в один голос утверждают, что она здорова, а здоровья не видно. Все замечают, что Валя выглядит неважно, и только она сама еще не осознала этой резкой перемены к худшему. Я уже несколько раз на ее вопрос: «»Как вы меня находите?» — отвечал: «Плохо, надо больше есть и набрать минимум 4-5 килограммов веса». Сегодня Валя должна была выступать на заводе Ильича, но она позвонила и попросила заменить ее Поповичем.

17 апреля.

Был в ЦПК. Говорил с Гагариным и Николаевым о кандидатах для очередных космических полетов. Нам необходимо одновременно начинать подготовку экипажей для четырех «Восходов» (два длительных полета и два полета с выходом из корабля). Все летавшие космонавты во главе с Гагариным высказались против женского экипажа и против Берегового и Шаталова. А Терешкова ничего не имеет против Соловьевой, но вместо Пономаревой предлагает включить в женский экипаж Кузнецову или Еркину. К чести Терешковой надо признать, что она не настаивает на своем предложении. Обращаясь ко мне, она сказала: «Николай Петрович, это мое сугубо личное мнение. Вам виднее, решайте вы — мы будем выполнять любое ваше решение». С ребятами дело обстоит хуже: чувствуется, что они решили упорно защищать интересы своих однокашников (Волынов, Хрунов, Заикин, Шонин), еще не побывавших в космосе. Они считают, что Заикин и Горбатко ничем не хуже Берегового и Шаталова, хотя объективно двое первых не идут ни в какое сравнение с последними. Не взирая на возражения космонавтов, я собрал все руководство ЦПК и объявил о назначении для подготовки к космическим полетам следующих экипажей:

1) Волынов — Катыс (основной экипаж 3КВ);
2) Береговой — Демин (дублеры);
3) Шаталов — Артюхин (дублеры);
4) Пономарева — Соловьева (основной экипаж 3КД);
5) Заикин — Хрунов (дублеры);
6) Шонин — Горбатко (дублеры).

Из шести экипажей слетать должны четыре. В октябре этого года планируется полет экипажа Волынова продолжительностью 8-10 суток с экспериментом по созданию искусственной гравитации. На первую половину 1966 года намечаются полеты экипажей Берегового и Пономаревой. Однако в связи с тем, что американцы до конца этого года собираются запустить еще три корабля «Джемини» и будут пытаться довести продолжительность полета до 7-8 суток, нам нужно будет кое-что пересмотреть в своих планах.

После официального объявления состава экипажей я беседовал с Пономаревой и Соловьевой. Я сказал им, что имеются серьезные противники нового женского полета, а кое-кто утверждает, что женщинам просто не под силу полет с выходом в открытый космос. Такая обстановка обязывает нас организовать особо тщательную подготовку женщин к полету. Я верю, что такое задание по плечу Пономаревой и Соловьевой, остается подкрепить эту уверенность отличной подготовкой их к полету. Пономарева и Соловьева обещали доказать, что они справятся с заданием не хуже мужчин.

19 апреля.

Вчера весь день, как вол, работал на даче. Работал лопатой, граблями, метлой, убирал накопившийся за зиму мусор и жег его на костре. Учил Олю кататься на двухколесном велосипеде, велосипед великоват, и его освоение пойдет не быстро. Муся весь день возилась с цветочной рассадой. Лева и Люда с малышом остались в Москве. Малыш пока никого не беспокоит, он только спит и ест, ест и спит.

Показал Вершинину и членам Военного Совета ВВС кинофильм о полете Беляева и Леонова. В нем есть очень четкие цветные кадры с видами Земли, горизонта и космонавта вне корабля. Этот фильм, кроме Л.В.Смирнова и С.П.Королева, еще никто не видел, но он предназначен для показа широкой публике. Главкому он понравился, и я предложил показать фильм маршалу Малиновскому. Сегодня Вершинин и я были у Малиновского, показали ему наш фильм и американский фильм о Луне (съемки с «Рейнджера-7»). Просмотр произвел впечатление на министра. Мы с Вершининым при комментировании фильмов пытались неоднократно, но безуспешно, завязать с Малиновским разговор о состоянии космических дел в МО. После просмотра наша попытка продолжить разговор с министром на космические темы также не удалась. Малиновский не хочет даже пальцем шевельнуть в интересах развития космонавтики.

Вечером в Большом Кремлевском дворце проходил правительственный прием в честь монгольской партийно-правительственной делегации во главе с Цеденбалом. Мы с Мусей побыли на приеме не больше часа и уехали на дачу. На приеме было свыше 600 человек, из космонавтов были только Комаров, Титов и Феоктистов. Приемов так много, что посещения их космонавтами приходится ограничивать.

20 апреля.

Получил письмо Келдыша, в котором он настоятельно рекомендует повторно рассмотреть как кандидата в космонавты математика Егорова (однажды медкомиссия ВВС уже забраковала его по состоянию здоровья, да и в моральном плане он не совсем чист). Звонил В.П.Глушко, а Ф.Д.Ткачев прислал письмо — оба просят в ближайшие дни организовать встречу космонавтов с рабочими и учеными их предприятий. Звонил Л.О.Утесов, 23 апреля отмечается его 70-летие, и он приглашает ребят на юбилей. Просьб, писем, звонков сейчас даже больше, чем было после полета Гагарина. В апреле и мае много больших праздников (День космонавтики, 95-летие со дня рождения Ленина, Первое мая, 20-летие победы над Германией), все хотят видеть на своих торжественных собраниях летчиков-космонавтов, и хотя их уже одиннадцать, но удовлетворить все просьбы мы не можем. Более 90 процентов заявок остаются неудовлетворенными, много обид и жалоб.

Из Франции получена шифр-телеграмма от нашего посла Зорина, он просит продлить пребывание Терешковой и Николаева во Франции на 2-3 дня. Предполагается, что космонавты будут приняты сенатом, национальным собранием и правительством Франции. На это лето намечается очень много заграничных поездок космонавтов: поступили уже

заявки из Франции, Монголии, Финляндии, Норвегии, Греции, Ирана, Румынии, США, Чехословакии, Югославии и других стран. По заграничным поездкам космонавты не выполняют и одной трети имеющихся приглашений.

Был у Главкома и просил его позвонить Дементьеву, чтобы он дал указание Строеву (ЛИИ) о постройке для ЦПК ВВС космического тренажера. Кроме того, я доложил Вершинину, что генерал-полковник Пономарев более шести месяцев «тормозит» перевозку из Ногинска в ЦПК тренажера по стыковке, и что его же «усилиями» уже целый год идет переоборудование самолета Ту-104 для полетов на невесомость. Вершинин при мне приказал Пономареву передать тренажер в ЦПК и ускорить оборудование Ту-104. Пономарев не только ничего не делает по космосу, но даже вредит нашему делу. Он звонил мне и пытался обвинить меня в неправильном докладе Главкому. Я ему заявил, что мой доклад основан на фактах, и его главная цель - ускорить создание базы для тренировок космонавтов, в чем мы почти не чувствуем помощи от организаций, подчиненных Пономареву.

Звонил академик Сисакян и просил разрешения взять с собой в поездку во Францию новый фильм «В скафандре над планетой». Я помог ему в этом деле. Одновременно Сисакян сообщил, что Келдыш утвердил его предложение о наборе кандидатов в космонавты из числа ученых - биологов, астрономов и физиков. Практическую часть этой работы АН СССР поручила Скуридину.

21 апреля.

Беляев и Леонов заканчивают сегодня недельное обследование в авиационном госпитале. Пока у них не отмечается никаких последствий космического полета.

Звонили Гагарин и Комаров. Окончательно договорился с ними о поездке в Ленинград. 23 апреля поездом «Красная стрела» в Ленинград выезжают: Гагарин, Титов, Комаров, Беляев, Леонов, Каманин, Никерясов, Гагарина и Комарова. Сегодня в Ленинград выезжают сотрудники журнала «Авиация и космонавтика», а писатель Рябчиков и руководитель киносъемок Макаров уже уехали туда. Мы проведем в Ленинграде устный выпуск журнала «Авиация и космонавтика», организуем несколько встреч космонавтов с трудящимися города и молодежью, а вечером 24 апреля поедем на охоту. Об этой поездке мы поставили в известность секретаря ЦК КПСС Устинова, все вопросы пребывания в Ленинграде согласованы с секретарем обкома Толстиковым и командующим войсками округа.

В этой тетради дневников остается всего четыре листа, до отъезда в Ленинград я сделаю в ней еще некоторые заметки. Сейчас я бегло просмотрел ее содержание. Подготовка и осуществление полетов «Восхода» и «Восхода-2» — вот главная тема моих записей в этой тетради. Записи я вел кратко, между делами, разговорами и телефонными звонками, часто приходилось прерывать запись на полуслове. Но многие факты настолько интересны сами по себе, что им и не требуется «художественное оформление». Не знаю, будут ли когда-нибудь мои записки представлять общественный интерес, но для меня лично они стали необходимостью. Мне кажется, что я не выполню своего служебного и морального долга до конца, если не запишу самое главное о первых шагах советских людей в космосе.

Сегодня провел второе заседание мандатной комиссии по отбору космонавтов, пропустили шесть человек, впечатление хорошее, но очень большой отсев по медицинским данным. Прошлый раз мы из семи кандидатов пропустили шесть, а медкомиссия из шести забраковала четверых. Из всех тринадцати рассмотренных нами кандидатов, инженер-капитан Колесников, бесспорно, лучший, и я буду рад, если он успешно пройдет всю процедуру отбора.

Совещались у Пономарева (Мишук, Иоффе, Холодков и я) по космическому тренажеру. Пономарев неожиданно согласился с моим предложением поручить институту генерала З.А.Иоффе делать новый тренажер для ЦПК. Такое решение позволило бы нам не связываться с «конторой Даревского», и, главное, процесс создания тренажера мы могли бы держать под постоянным контролем.

22 апреля.

Страна отмечает 95-ю годовщину со дня рождения Ленина. Все газеты, журналы, кино, радио и телевидение заполнены ленинскими материалами. Чем дальше в историю уходит великое имя Ленина, тем шире и значительнее становится все, свершенное Ильичом и его партией. Придет время, и имя Ленина будет единым знаменем планеты Земля.

Вчера прямо из госпиталя ко мне заезжали Беляев и Леонов. Они доложили, что врачи не обнаружили никаких отклонений в их здоровье. В момент их прихода у меня в кабинете проходила беседа с одним из новых кандидатов в космонавты — летчиком Бредихиным. Мы придирчиво разбираем каждого кандидата, пытаемся понять мотивы, побуждающие его искать пути в космос, объясняем, что освоение космоса — трудная и опасная работа; «пугаем» 80-градусной жарой, большими перегрузками, длительным одиночеством в замкнутом пространстве и возможностью тяжелых происшествий. Я попросил Беляева и Леонова рассказать Бредихину всю правду о трудностях космических полетов. Беляев, обращаясь к Бредихину, сказал коротко: «Если вы только по газетам и по триумфальным встречам космонавтов имеете представление о космосе, то вы глубоко заблуждаетесь. За время прохождения комиссий присмотритесь поближе к условиям нашей работы и вы поймете, что у «космических роз» не только приятный запах, но и очень острые колючки». А Леонов сказал еще короче: «Страшно все то, что незнакомо. Не надо бояться трудностей и не надо пугать ими. Человек все может преодолеть ради ясной и осознанной цели». Молодой летчик Бредихин (ему 24 года) твердо заявил нам: «Трудностей я не страшусь. Уверен, что смогу быть полезным и в космосе».

Вчера Беляев и Леонов выступали на встрече ветеранов в Кремлевском Дворце съездов. Сегодня и завтра они будут работать над докладом об итогах полета. Гагарин, Николаев, Титов и Попович сегодня ездили к В.П.Глушко на занятия по двигателям.

До 15 мая все обучающиеся в академии Жуковского космонавты должны сдать зачеты по ряду дисциплин. У всех обучение идет вполне удовлетворительно, только Быковский имеет хвосты по пяти предметам. Быковский много болеет, а врачи не находят у него ничего серьезного, но он часто простужается, температурит и не выходит на службу. За прошлый год у него было восемь простудных заболеваний, а за 4 месяца этого года — уже три. Придется «потрясти» врачей по состоянию здоровья Быковского, оно меня начинает беспокоить.

По последним американским данным космический корабль «Джемини-3» под управлением Вирджила Гриссома не долетел до расчетной точки посадки 96 километров - такая ошибка в пределах нормальных отклонений. Все наши «Востоки» и «Восход» садились с большой точностью, но они выполняли посадку в автоматическом режиме. Беляев производил посадку «Восхода-2» вручную на 18-м витке, на котором нет благоприятных районов для приземления на

территории СССР (часть трассы проходит над густозаселенной местностью, а часть — над тайгой и горами). Беляев правильно выбрал район для посадки, мы на КП согласились с его решением, но он опоздал с включением ТДУ на 46 секунд, и это опоздание привело к перелету на 368 километров от расчетной точки. Беляев отлично справился с посадкой корабля вручную — другой на его месте мог бы и не посадить корабль. Дело в том, что космонавтам в скафандрах и в условиях невесомости было очень трудно сориентировать корабль вручную. Для ориентации корабля «по-посадочному» обоим космонавтам пришлось «выйти» из кресел, причем Беляев лег поперек кресла, и только в таком положении ему удалось сориентировать корабль. При нахождении космонавтов вне кресел нельзя было запускать ТДУ (при измененном положении центра масс космический корабль мог получить нежелательную закрутку), поэтому Беляев и Леонов после окончания ориентации быстро заняли свои места в креслах, выправили корабль и включили ТДУ, но на все это ушло 46 секунд…

23 апреля.

С утра начали беспокоить корреспонденты ТАСС, АПН и газет. Они уже узнали о наших намерениях выехать сегодня в Ленинград и хотят провести с нами беседы, встречи, интервью… Пришлось дать интервью корреспонденту «Вечернего Ленинграда».

Звонила Маргарита Раценская — наша знаменитая планеристка, жена летчика-испытателя С.Н.Анохина. У них есть дочь, ей 20 лет, она учится на третьем курсе института (изучает английский язык) и уже летает и прыгает с парашютом. Анохин и Раценская поддерживают желание дочери быть космонавткой. Посоветовал им, чтобы дочь сначала закончила институт, а уж потом пыталась попасть на космическую дорогу.

Сегодня С.П.Королев предпринимает очередную попытку вывести на орбиту «Молнию» — спутник, предназначенный для ретрансляции телевизионных передач. У нас уже было несколько попыток решить эту задачу, но все они окончились неудачно. Последний раз спутник был выведен на орбиту, но его антенны не развернулись, и эксперимент не получился. Наша космическая программа пусков спутников-автоматов терпит жестокий провал. Это не случайные ошибки, а именно провал всей системы подготовки таких пусков. Все отдано на откуп только Королеву, его работу никто серьезно не контролирует, ему плохо помогают, а помогать крайне необходимо, особенно в организации наземных испытаний космической техники. Большую помощь Королеву могли бы оказать ВВС, но из-за косности руководства МО, из-за ведомственных барьеров, организации ВВС совершенно не привлекаются к работе по отработке автоматических спутников. Мы помогаем Королеву лишь в создании и отработке пилотируемых кораблей, но даже и здесь делаем не все, что могли бы. Очень мешает отсутствие «единоначалия в космосе». По этим же причинам отстает и разработка военно-космических тем.

Звонил из Ленинграда Е.И.Рябчиков, он сообщил, что все согласовано и подготовлено для встречи космонавтов. Кроме выступлений и встреч, для Беляева и Леонова запланирована киносъемка на «Авроре», в Петропавловской крепости (каземат, где сидел Кибальчич) и в Эрмитаже (у картины Васнецова «Ковер-самолет»). В последний момент все космонавты захотели взять с собой жен, это несколько «отяжеляет» нашу экспедицию, но пришлось согласиться с их просьбами.

28 апреля.

Позавчера мы самолетом Ту-104 вернулись из Ленинграда. 24 апреля в Таврическом дворце провели устный выпуск журнала «Авиация и космонавтика». Кроме ленинградских товарищей, на встрече выступали летчики-космонавты СССР: Гагарин, Титов, Комаров, Беляев и Леонов. Зал был переполнен, присутствовало руководство города и области, встреча транслировалась по радио и телевидению. После выступлений космонавтов состоялся просмотр фильма «В скафандре над планетой» и большой концерт. Космонавты провели более десяти выступлений на заводах, в институтах, клубах и воинских частях. Вместе с Валентином Петровичем Глушко космонавты побывали в Петропавловской крепости, осмотрели места, где еще в 1931 году под его руководством испытывались первые реактивные двигатели. Были мы и на крейсере «Аврора». Первый комиссар крейсера — участник штурма Зимнего дворца — Белышев очень тепло приветствовал нас на борту корабля. После окончания официальной части программы вечером 24 апреля мы выехали в охотничье хозяйство «Сосновка» на берегу Ладожского озера.

Погода была прохладной, в лесу еще много снега, а на Ладоге — лед. Пришлось отказаться от мысли поохотиться на уток и переключиться на рыбалку и боровую дичь (глухари, тетерева). Я первый раз в жизни охотился на глухаря. В два часа ночи в полнейшей темноте я, Титов и егерь, оставив автомашину, направились к глухариному току. Под ногами хлюпала вода, по лицу хлестали ветки деревьев, в любую минуту можно было выколоть глаз или искупаться в холодной воде, но нас неудержимо тянуло вперед. Егерь шел впереди, а след в след за ним шли я и Титов. В три часа мы были на месте, через 15-20 минут напряженного внимания услышали первые звуки, издаваемые уже проснувшимися глухарями. На «свидание» с первым глухарем я отправил Титова. Егерь и Титов ушли, я остался один, было еще совершенно темно, только казалось, что восточная часть неба немного светлее. Через 20 минут я услышал одиночный выстрел, а еще через 10 минут увидел Германа и егеря — они несли здоровенного глухаря. Я три раза подходил к токующим глухарям на расстояние 40-50 метров, один раз стрелял, но неудачно. Меня эта неудача мало тронула: мне было интересно испытать весь процесс прослушивания, наблюдения и подхода к глухарям. Титов и Леонов убили по глухарю, Гагарин — утку и двух тетеревов. Много наловили рыбы. Поездкой на охоту и рыбалку все были очень довольны.

Сегодня на мандатной комиссии рассмотрели четверых кандидатов в космонавты, все они имеют высшее образование и специальность «штурман-инженер», летают вторыми штурманами на Ту-16. Решили пропустить для дальнейших обследований только двоих. Общее развитие, русский язык и познания о космосе у большинства кандидатов неутешительные. Прошло уже пять суток, как в Советском Союзе вывели на орбиту «Молнию-1»; об этом событии написано во всех газетах, передают сообщения радио и телевидение, а кандидаты в космонавты ничего не знают о «Молнии». Чувствуется, что они мало читают, не знакомятся систематически с новостями, да и особого интереса к космическим делам не проявляют, хотя пишут в рапортах: «Хочу в космос». Правда, всем этим кандидатам по 23-25 лет, они заняты интересной летной работой и, по-видимому, физически не в состоянии уделять много внимания своему всестороннему развитию.

Заходили Кузнецов, Гагарин и Комаров. Кузнецов направился от меня в НТК ВВС защищать план создания тренажерной аппаратуры, а Гагарин и Комаров участвовали в работе мандатной комиссии.

29 апреля.

С 9:00 до 13:00 в планетарии слушали лекции о Луне. Присутствовало около 200 человек от Кузнецова, Волынкина, Холодкова и других организаций. Многое в лекциях уже устарело, полеты американских «Рейнджеров» дали много нового. Остается неясным главное: какова плотность поверхностного слоя Луны? Американские ученые склонны сравнивать поверхность Луны с мягким снегом или мхом. Посадка и взлет с такой поверхности будут затруднительны. Судя по имеющимся материалам, особенно по снимкам «Рейнджеров», я прихожу к заключению, что у многих ученых наблюдается тенденция несколько преувеличивать трудности выбора места посадки на Луне с учетом плотности ее грунта.

Экспедиция на Луну — это очень сложное дело, ее нужно во всех аспектах готовить уже сейчас, чтобы осуществить через 3-5 лет. У нас есть решение ЦК КПСС и правительства по организации облета Луны в 1967 году и высадке экспедиции в 1968 году. Решения очень важные, но выполняются они плохо, и сейчас уже можно сказать о нереальности запланированных сроков. Я глубоко убежден, что мы можем через три года осуществить экспедицию на Луну, но это возможно только при отличной организации дела и полной мобилизации всех наших возможностей. К сожалению, пока нет ни того, ни другого. Экспедиция на Луну — это полет не одиночного корабля, а полет целой космической эскадры из 3-5 кораблей. На лунной орбите нужно будет иметь не менее трех кораблей, имеющих запасы горючего и средств жизнеобеспечения и способных оказать помощь прилунившимся космонавтам. До проведения экспедиции необходимо выполнить несколько облетов Луны экипажами, наладить систематическое наблюдение за ней с помощью лунных спутников и произвести несколько прилунений и взлетов с Луны автоматических устройств. Возможно, потребуется до прилунения экспедиции доставить на лунную поверхность запасы горючего, кислорода, пищи и необходимую аппаратуру. Корабли, имеющие задачей посадку на Луну и взлет с нее, должны обладать летными данными вертолетов и способностью стыковки на орбите. Высадка экспедиции и запасов на Луне должны производиться в тщательно обследованном районе в круге радиусом не более 50 метров.

Сегодня в Театре Советской Армии ВВС проводят торжественное собрание, посвященное 20-летию победы над фашистской Германией. Там будут все наши космонавты, и я собирался поехать туда же, но позвонил маршал Гречко и попросил показать и прокомментировать кинофильм «В скафандре над планетой». В ожидании приезда маршала нашлось несколько свободных минут, и рука сама потянулась к дневнику…

Сегодня мне звонил Матвей Петрович Шелыганов — он старый мой друг по работе в Приморье и по спасению челюскинцев. Матвей отличный человек, образцовый семьянин, опытный и высокообразованный генерал, он четверть века работал в разведке, много лет руководил институтом. Ему 57 лет, здоровье и работоспособность у него лучше, чем у многих молодых, но его уволили из армии. Я говорил с заместителем председателя Совета Министров СССР Константином Николаевичем Рудневым и просил его взять к себе на работу Шелыганова. Руднев обещал вызвать Шелыганова и решить вопрос его трудоустройства.

30 апреля.

Вчера кинофильм «В скафандре над планетой», кроме маршала Гречко, смотрели маршал Баграмян, генерал армии Пеньковский, генерал-лейтенант Комаровский и генерал-полковник Брайко. Фильм всем понравился, он дает неплохое представление о трудностях космического полета.

Сегодня на заседании мандатной комиссии рассмотрели пятерых кандидатов. Все пятеро — лейтенанты: штурман-инженер Юрий Алексеевич Шушаков и летчики-инженеры Петр Васильевич Абрамов, Владимир Николаевич Васильев, Виктор Иванович Володин и Валерий Николаевич Емельянов. Эта пятерка кандидатов производит благоприятное впечатление. Думаю, что один-два из них выйдут на большую космическую трассу и прославят и себя, и нашу Родину. Мы имеем намерение до конца года отобрать 40 слушателей-космонавтов. Главком и министр обороны одобрили мои предложения по этому вопросу, но мне известно, что в Генштабе настроены против такого большого набора. Вчера один из штабистов советовал мне ограничиться набором только двадцати человек. Желая позлить его, я заявил, что для нас не только двадцать космонавтов, но и сорок маловато, и, возможно, мы будем набирать больше сорока человек. Для нескольких облетов Луны и для осуществления экспедиции на Луну нам потребуется не меньше двух десятков космонавтов, уже совершивших длительные орбитальные полеты.

Только что от министра позвонил генерал Петров и сообщил, что Малиновский подписал приказ о присвоении звания полковника П.Р.Поповичу. Итак, уже пять космонавтов — Гагарин, Николаев, Комаров, Попович и Беляев — стали полковниками. Титов, Быковский и Леонов - подполковники, а Терешкова — майор. Быстрый рост в воинских званиях, пожалуй, далеко не благо. Малоустойчивым натурам, а таких большинство, это может и повредить, вселив в них сомнительную уверенность в то, что им все можно. На днях я рекомендовал Поповича в состав делегации ВВС, выезжающей в Париж на авиационную выставку, а сегодня генерал-полковник Брайко высказал сомнение в достоинствах Поповича для участия в такой поездке. Я подтвердил, что Поповича можно направить в Париж, хотя хорошо знаю, что Павел Романович иногда проявляет излишнюю легкость в поведении и необдуманность в речах (так было на Кубе и в Австрии). Придется с ним серьезно поговорить.

3 мая.

1 и 2 мая провел на даче. Три дня шел холодный дождь — затяжная весна. Сегодня тоже пасмурный и холодный день. Праздники прошли нормально, происшествий нет. Генерал армии Епишев сообщил, что на днях Гагарин должен ехать в ГДР, а Леонов — в Чехословакию. Феоктистов и Егоров поедут в США, короче говоря, добрая половина летчиков-космонавтов убывает за границу, а оставшиеся будут по 2-3 раза в день участвовать во встречах: работать и учиться будет некому. Сегодня у меня необычно плохое настроение. Я не могу определить, чем оно вызвано, видимых причин для хандры нет, но тем не менее прилива энергии и привычной работоспособности тоже нет.

Сегодня у меня были ветераны 5-го ШАК полковники В.М.Пикулик, В.Н.Коряков и П.И.Пестряков. Договорились, что человек 100-120 сослуживцев по авиационному корпусу примут участие в сборе однополчан Второй воздушной армии, который проводит маршал Красовский 15 мая. Я передал Пестрякову 40 фотографий периода войны и просил его принять участие в подготовке стенда, отображающего боевую работу 5-го штурмового авиакорпуса.

5 мая.

Холода продолжаются, вчера и сегодня утром шел мокрый снег. Работать в поле и огородах нельзя: почва раскисла.

Вчера приезжал генерал Н.Ф.Кузнецов, он привозил планы подготовки экипажей к двум очередным полетам — планы я утвердил. Г.П.Катыс вчера уже закончил 10-дневную тренировку в сурдокамере. Врачи доложили, что Катыс вполне удовлетворительно выдержал все испытания.

Кузнецов доложил также о ходатайстве А.Г.Николаева о снятии взыскания с Германа Титова, наложенного приказом Главкома в январе 1964 года. У меня еще нет полной уверенности, что Титов исправился, но последнее время он ведет себя вполне прилично. Взыскание придется снять, но Германа необходимо держать под постоянным и строгим контролем.

Звонил Быковский, он интересовался судьбой своего рапорта о приобретении в Чехословакии детского молока для его малыша. По этому поводу пришлось просить министра финансов разрешить обменять 150 рублей на чехословацкие кроны, и только после разрешения на обмен денег закажем в Праге молоко.

Сегодня Беляев и Леонов выступают перед участниками парада и в ТАСС. Черединцев сделал для них отличные фотоальбомы, и сегодня Горюнов (в годы войны - командующий 5-й Воздушной армией — Ред.) преподнес их космонавтам. Вчера Терешкова и Николаев были в МИДе и АПН — они готовятся к своей поездке в Париж.

6 мая.

Вчера в Театре Моссовета выступал перед сотрудниками института «Гидропроект» с докладом о 20-летии победы над фашистской Германией.

Только что звонил с полигона С.П.Королев, он сказал, что прочитал материалы моей комиссии о работе экипажа «Восхода-2» и остался ими недоволен. По мнению Сергея Павловича, комиссия не дала ясного заключения о работе экипажа при выполнении ручной посадки. Я объяснил Королеву, что по просьбе Цыбина ему выслали черновой рабочий материал комиссии, которого я не видел, не читал и не подписывал. Обещал до 15 мая оформить и подписать заключение комиссии.

Сегодня Гагарин вылетел в ГДР, а Леонов — в Чехословакию. Перед отлетом оба заезжали ко мне, я их проинструктировал о характере празднеств, о содержании их выступлений и снабдил сувенирами и подарками для Ульбрихта, Новотного и других руководящих деятелей ГДР и Чехословакии.

Сегодня же Главком подписал приказ о снятии взыскания с Титова. Я разрешил Титову перегнать его «Волгу» на ремонт в Горький.

7 мая.

Приближается великий 20-летний юбилей победы над гитлеровской чумой. 20 лет назад утром 9 мая 1945 года летчики моего авиакорпуса еще вылетали на боевое задание в район западнее Брно, где продолжала сопротивляться сильная группировка немцев. Но уже к 8-9 часам немцы полностью прекратили сопротивление и колоннами с оружием шли сдаваться в плен.

Сегодня опубликован Указ Верховного Совета о присвоении звания Героя Советского Союза участникам войны. Всего получили это звание 12 человек — большинство посмертно, и среди них генерал армии Ватутин, под командованием которого я воевал. Среди живых награжденных одно знакомое мне имя — Ирина Левченко. Я знаю ее как корреспондента «Правды», она всегда вызывала у меня антипатию, а сейчас, после награждения, я и руки ей не подам. Я уверен, что награждение Левченко и других живых «героев» спустя 20 лет после свершения ими «подвига» — большая ошибка правительства: такие награды возмущают участников войны и умаляют заслуги павших в боях. Сейчас, когда еще живы миллионы людей, принимавших участие в войне, несправедливо отмечать и награждать некоторых, забывая заслуги всех других. Из серии мероприятий правительства по празднованию 20-летия победы наиболее удачные: открытие Музея Вооруженных Сил в Москве и награждение всех участников войны юбилейной медалью.

8 мая.

С утра был в ЦПК. Я намеревался часов пять поработать там с представителями ОКБ-1 и другими товарищами по вопросам оценки деятельности экипажа «Восхода-2» в полете. Королев и его специалисты настоятельно просят смягчить характеристику корабля «Восход-2». В проекте заключения комиссии было написано: «При нахождении экипажа в креслах кораблем «Восход-2» вручную управлять нельзя». Для точной ориентации корабля и производства посадки вручную Беляеву пришлось занять положение поперек кресел, а Леонову — под креслом. Леонов должен был придерживать Беляева поплотнее к креслам, чтобы тот не всплывал и не закрывал своим телом «Взор». Королев согласился, что во всех последующих «Восходах» будут созданы условия для нормального управления кораблем вручную из кресла, и просил не сгущать краски вокруг этого недостатка на »Восходе-2».

Нам не удалось поработать, как я намечал: Главком ВВС вызвал меня и всех космонавтов к себе к 12 часам. Вершинин в своем кабинете вручил мне, генерал-полковнику Полынину и всем космонавтам — Героям Советского

Союза - золотые часы с надписью «От ЦК КПСС и Советского правительства Герою Советского Союза …….. в день 20-летия Победы в Великой Отечественной войне».

Вечером был на торжественном собрании во Дворце съездов в Кремле. В президиуме после многолетнего перерыва появился маршал Жуков. Публика встретила Жукова очень приветливо: «Ура! Слава Жукову!» и т.д. С двухчасовым докладом выступил Л.И.Брежнев. Доклад был объективным и содержательным - никого не забыли и всем отдали должное. Брежнев хорошо сказал о деятельности Сталина, а битву на Волге назвал сталинградской — участники собрания эти его слова встретили аплодисментами. По моему мнению, в зале нужно было повесить портрет Сталина и вновь назвать Сталинградом хрущевский Волгоград.

10 мая.

Вчера был на параде. Все маршалы, в том числе и Жуков, стояли у мавзолея. Парад хороший, но жаль, что не было авиации. Вершинин излишне перестраховался и не решился за 2-3 недели подготовить авиацию к параду, а сделать это было и нужно, и можно.

Сегодня в 8:40 Терешкова и Николаев вылетели в Париж. Мы с Мусей провожали их на Шереметьевском аэродроме.

В сообщении ТАСС от 6 мая говорится, что американский корреспондент пишет из Нью-Йорка о выступлениях Скуридина и Газенко и приписывает им такое заявление: «У Леонова во время выхода в космос была временная потеря зрения, слуха и ориентации». Я послал Скуридину и Газенко согласованную с Келдышем и Руденко телеграмму с требованием немедленно опровергнуть эту ложь.

Наш посол из Праги сообщил: «Подгорный разрешил Леонову на три дня остаться в Чехословакии». По просьбе ЦК ВЛКСМ дал указание Комарову вылететь сегодня в Киев и выступить там на республиканском совещании молодых ученых. Заходили Попович и Быковский и от имени всех космонавтов просили сократить их поездки на встречи, приемы и т.д. С 15 мая начинаются экзамены в академии. До конца мая обещал никого не трогать и дать возможность готовиться к зачетной сессии.

Вчера вывели на орбиту, а затем и на трассу к Луне «Луну-5». Этот лунник должен попытаться мягко прилуниться, но если даже он прилунится и жестко, это уже будет большим достижением. Несколько предшественников «Луны-5» не дошли или не попали на Луну, и принципы мягкого прилунения еще ни разу не проверены на практике. Королев и другие авторы лунников потеряли уже веру в свои творения и будут рады хотя бы частичному успеху этого полета.

11 мая.

О полете «Луны-5» сегодня в «Правде» нет ни слова: по-видимому, опять какая-то неудача — надо будет уточнить ход полета у генерала Карася. Говорил с генералом К.А.Керимовым. Он уже ушел из ракетных войск и работает начальником управления в Министерстве общего машиностроения — новом министерстве, созданном для руководства космической промышленностью. Керимов сообщил, что всю ночь занимались расчетами и коррекцией трассы полета, только к утру убедились, что полет идет нормально, и поэтому сообщить в газеты не успели.

Говорил по «ВЧ» с Вершининым (он в районе Львова на показе военной и космической техники для военных делегаций из социалистических стран), доложил ему, что Комаров сегодня уже в Киеве и, если он потребуется при показе космической техники (выставлен корабль Терешковой и все оборудование: скафандр, НАЗ и т.д.), то его можно немедленно доставить к месту выставки.

Звонили сейчас из ЦК КПСС и МИДа. Получено приглашение космонавтам Беляеву и Леонову от Ульбрихта, он приглашает их в ГДР на октябрь. Социалистическая партия Японии приглашает Терешкову и Николаева в Японию на конец октября. Поповича направляем во Францию, Титова — в Финляндию, экипаж Комарова также приглашен во Францию. А сейчас Кордюков из МИДа сообщил, что президент Конго (Браззавиль) приглашает космонавтов посетить его страну. Много и других приглашений. Поездки космонавтов за границу — дело хорошее и полезное и для них, и для нашей страны, но они очень мешают работе и учебе космонавтов.

13 мая.

Итак, «Луна-5» достигла Луны. В сообщении ТАСС не сказано, что она не смогла совершить мягкую посадку, а только указывается, что получена обширная информация, которая будет очень полезной для последующих мягких прилунений. После целой серии неудач полет «Луны-5», бесспорно, следует считать успешным, но ценность его значительно меньше в сравнении с полетами «Рейнджеров-7, -8, -9».

Вчера в ЦПК провел заключительное заседание комиссии по оценке работы экипажа «Восхода-2». От ОКБ-1 присутствовали: Анохин, Фролов, Варшавский и другие. Удалось согласовать «удобные» для ОКБ-1 формулировки по недостаткам системы ручного управления «Восхода-2», снять некоторые обвинения в адрес экипажа и, по существу, оставить все наши требования по усовершенствованию «Восходов».

Королев еще на полигоне. Говорил с ним по «ВЧ» по поводу поездки Комарова, Феоктистова и Егорова во Францию в июне этого года. Пару месяцев назад Сергей Павлович высказал пожелание послать во Францию вместе с экипажем «Восхода» Е.В.Шабарова. Сейчас Королев просит послать Шабарова, Анохина, Цыбина и Фролова. Шабарова мы пошлем, а остальные подождут другой, более подходящей оказии. Всего во Францию поедут восемь человек, старшим я назначил генерал-майора Кузнецова.

Вчера в Центре я впервые в этом сезоне с удовольствием поиграл в теннис, а после игры поплавал в бассейне. Вместе со мной купались Гагарин, Титов, Попович, Беляев и Быковский — все они в восторге от бассейна и оценивают его выше сочинского (санаторий имени Фрунзе).

Я имел намерение подробно и обстоятельно переговорить с Пономаревой, Соловьевой и другими космонавтками, но Пономарева заболела и ее не было в ЦПК. В женской группе положение явно ненормальное. Два месяца назад, когда я впервые говорил с ними о возможности нового женского полета, все они были за полет и не высказывали никаких сомнений в возможностях и оценках кандидаток на полет. После назначения Пономаревой и Соловьевой на подготовку к полету Кузнецова и Еркина склонили на свою сторону Терешкову и теперь единым фронтом хотят доказать, что Пономарева плохой кандидат (заносчива, выпивает, флиртует с мужчинами и т.д.). Я знаю, что Пономарева не святая, у нее есть немало недостатков, из-за них в первый полет послали не ее, а Терешкову, менее подготовленную для полета, но с отличными качествами человека и коммуниста. Пономарева — единственный

кандидат на роль командира корабля «Восход» из числа космонавтов-женщин. Соловьева - отличный кандидат для выхода в космос, но слабее Пономаревой в роли командира корабля. Еркина и Кузнецова по своим данным могут участвовать в космическом полете только в качестве 3-го члена экипажа, а вероятнее всего, вообще не будут участниками космических полетов в ближайшие 5-7 лет. Если из-за недостатков личного характера и ошибок в поведении, отказать Пономаревой в праве участвовать в космических полетах, то женского полета в 1966 году не будет. Надеюсь, что эта атака на Пономареву будет отбита, и она сможет выполнить полет, но для этого потребуется усилий больше, чем я предвидел раньше.

Заходили ко мне генералы Иоффе и Холодков и представитель ОКБ-1 Раушенбах. Обсуждал с ними вопрос о дальнейшем использовании тренажера по стыковке. Решили в 2-3 недели закончить в Ногинске эксперименты по отработке стыковки в интересах ОКБ-1 и в середине июня передислоцировать тренажер в ЦПК ВВС. Все оборудование тренажера, не задействованное на экспериментах, решили немедленно перевозить в ЦПК.

Звонил из ЦК И.Д.Сербин, а из Вологды - первый секретарь обкома. Оба просят направить Беляева на 2-3 дня в Вологду. Беляев охотно соглашается на поездку. Леонова просят направить в Калининград. Я понимаю желание ребят побывать на родине, но из-за неясности вопроса о поездке в Болгарию пока не могу удовлетворить эти просьбы.

15 мая.

Сегодня первый раз в этом сезоне играли с Мусей в теннис в Лужниках. Мусе играть трудновато — мешает операционный шов и глаза подводят, — но у нее сильное желание играть, она верит, что это для нее полезно. У меня также давно уже нет былой резвости, точности и силы удара, но на корте я молодею и после часа игры чувствую себя превосходно.

Сегодня Союз обществ дружбы с зарубежными странами проводит митинг, а индийский посол — большой прием: оба мероприятия организуются в честь премьер-министра Индии Шастри. Космонавтам и мне прислали приглашения, но из-за перегруженности работой, встречами и подготовкой к экзаменам все отказываются ехать. Пришлось в приказном порядке направить в посольство полковника Беляева, пускай один отдувается за всех. Сегодня Беляев сдавал кандидатский экзамен. Генерал-лейтенант Турчин звонил мне по этому поводу и выразил полное удовлетворение подготовленностью Беляева.

Провел заседание мандатной комиссии по отбору кандидатов в слушатели-космонавты, рассматривали кандидатуры трех врачей и девяти летчиков-инженеров. Из двенадцати человек четверых забраковали врачи, а двое плохо написали диктант по русскому языку и недостаточно подготовлены физически и интеллектуально к роли космонавта.

18 мая.

Вчера из Вологды приезжал секретарь обкома КПСС по пропаганде Другов Василий Иванович. Мы согласовали с ним программу поездки Беляева и Леонова по Вологодской области в конце июня. Я решил с 20 мая отправить Беляева и Леонова в отпуск, а после отпуска организовать их поездки в Вологду и Калининград.

Вчера вечером экипаж Комарова встречался в Центральном аэроклубе СССР с делегацией французской авиационной молодежи.

20 мая.

Вчера и сегодня очень много времени ушло на оформление нашей поездки в Болгарию. Генерал армии Джуров прислал на имя Малиновского шифр-телеграмму, в которой по поручению ЦК БКП и правительства Болгарии приглашает Беляева, Леонова и Каманина с женами провести очередной отпуск в Болгарии и 24 мая принять участие в праздновании Дня славянской письменности и культуры. Вылетать в Болгарию нужно 22 мая, на подготовку к поездке и ее оформление у нас только два дня. Быстро оформить все документы помогли К.А.Вершинин и Н.П.Дагаев. Леонов едет с женой и дочерью, Беляев — с женой и двумя дочерьми, а я — с женой и внучкой. С нами поедет еще подполковник Н.Ф.Никерясов. Вылетаем рано утром 22 мая на самолете Ил-14, с расчетом быть в Софии в 12:30 по местному времени.

Сегодня был в ЦПК. Дал указания Кузнецову на время моей поездки. Беседовал с Пономаревой, Соловьевой, Еркиной и Кузнецовой. Я дал им месячный срок, чтобы они договорились о единой позиции по вопросу предстоящего женского космического полета, и предупредил их, что если не полетят Пономарева и Соловьева, то вся женская группа окажется нам ненужной и будет распущена.

23 июня.

Вчера Беляев, Леонов и я с семьями вернулись из Болгарии. Впервые за несколько лет целый месяц не вел дневник. О нашем пребывании в Болгарии очень много официальных документов (газеты, альбомы, фото, кино и т.д.), в которых подробно освещается наша поездка. Мы встречались много раз с Живковым, Трайковым, Джуровым и другими руководящими деятелями Болгарии, побывали во всех крупнейших городах (София, Пловдив, Варна, Плевен, Михайловград, Коларовград и другие). Все встречи проходили в очень теплой и дружественной обстановке, космонавты и сопровождающие их лица получили много подарков. Леонов выступал на митингах хорошо, у Беляева выступления были суховаты, стандартны и без огонька. Грубых ошибок в выступлениях не было, но были случаи опозданий на официальные встречи (главным образом из-за жены и дочки Леонова). Космонавты из 30 дней пребывания в Болгарии 25 работали. Отдыха не было из-за большой перегрузки встречами, да и погода в Варне была прохладной. Оля не боялась холодной воды, мы с ней купались ежедневно. Много хлопот и неудобств было из-за Олиных длинных волос, ее плохого аппетита и шалостей с Витой Леоновой. А в общем, поездка прошла очень хорошо. Муся и Оля получили большое удовольствие и увидели много нового и интересного.

25 июня.

Весь вчерашний день провел в ЦПК. На месте были только Терешкова, Николаев, Попович и Титов — все остальные в разъездах или готовятся к поездкам. Кузнецов, Гагарин и экипаж Комарова — во Франции. Беляев и Леонов сегодня улетели в Вологду, Терешкова и Николаев — в Ереван. Основные задачи на июль — отпуск для космонавтов, готовящихся к полетам (группа Берегового) и полеты на самолетах для группы Гагарина. На осень планируются поездки космонавтов в Грецию, Финляндию, Германию, Индонезию, Японию и другие страны. 27 июня группа Берегового улетит в «Чемитку» (санаторий «Чемитоквадже» — Ред.), большинство офицеров ЦПК также будет отдыхать. Я весь июль буду отдыхать под Москвой.

Встречался с Вершининым и Руденко, оба они очень легко перенесли «американскую пощечину» (Н.П.Каманин имеет в виду успешное завершение 7 июня 1965 года четырехсуточного полета астронавтов Макдивитта и Уайта — Ред.) и нашу очередную неудачу с «Луной-6», а мне полет «Джемини-4» и «лунная пилюля» не дают спать. Все это я предвидел уже 2-3 года назад. 1965 год будет годом, когда американцы начали опережать нас в космосе. Хуже всего то, что это мало трогает наше руководство.

26 июня.

Вместе с Титовым и группой инженеров был в ЛИИ. Мы познакомились с работами Главного конструктора С.Г.Даревского по созданию аппаратуры управления и систем контроля для будущих космических кораблей. Даревский также делает и космические тренажеры, но в его лаборатории всего 75 человек, помещений мало, а заданиями он перегружен выше всяких возможностей. В ближайшие шесть месяцев лаборатория Даревского должна выдать оборудование для новых «Восходов», для кораблей 7К и построить тренажеры по «Восходам» и «Союзу». Ознакомление с ходом работ и реальными возможностями группы Даревского показало, что она не сможет обеспечить аппаратурой даже боевые (летные — Ред.) корабли. Тренажер корабля «Союз» Даревский сделает, в лучшем случае, к июлю 1966 года, а проект тренажера корабля «Восход» еще не закончен даже на бумаге. Вопросы создания тренажеров кораблей для полетов к Луне и планетам пока не рассматриваются, хотя оборудование таких кораблей уже проектируется и создается. Другой организации, которая могла бы работать над космическими тренажерами, у нас нет. Нужно будет убедить Руденко и Вершинина в необходимости добиваться через Дементьева и Смирнова укрепления и развития возможностей лаборатории Даревского.

28 июня.

Сегодня провел заседание мандатной комиссии. Пропустили 12 человек — летчиков и инженеров ПВО. Всех решили направить в госпиталь на обследование, хотя у большинства общее развитие невысокое: только 1 из 12 написал диктант на «отлично», два — удовлетворительно и девять — плохо. Почти все мало читают, почти ничего не знают о космических полетах и слабо подготовлены как инженеры.

Были у меня Гагарин и Титов. Юра рассказал о поездке во Францию, а Герман решал вопросы, связанные с его поездкой в Финляндию.

29 июня.

Собираюсь с 1-го июля в отпуск. Хотелось до отпуска решить хотя бы два вопроса: о сформировании авиационного полка и о строительстве тренажеров для Центра подготовки космонавтов. Но маршал Руденко слишком медлителен и осторожен, он затянет решение этих вопросов. Я сегодня уже дважды беседовал с ним. Он, как и Вершинин, вздыхает по поводу тяжелого положения с тренажерами, уверяет меня, что это очень важная проблема, но ничего реального не предпринимает. Руденко согласен, что полк нужно формировать, но не дает штабу твердого приказа изыскать штатную численность. Сегодня мы получили письмо Келдыша, в котором он предлагает создать в ЦПК группу космонавтов-ученых. Вместо ясного положительного ответа маршал надумал лично обговорить это предложение с Келдышем, и я боюсь, что он запутает и это дело. Я уже дважды говорил с Келдышем по данному вопросу, и он согласился с нашим планом совместных работ: ЦПК проводит отбор и подготовку ученых к космическим полетам, а АН СССР определяет специальности, проводит предварительный отбор кандидатов и готовит программы их научной подготовки.

2 августа.

Вернулся из отпуска и приступил к работе. Весь июль провел на даче в Заборье. В этом году я впервые полностью использовал весь отпуск для отдыха, точнее, для физической работы. Каждый день работал по 10-12 часов, часто ходил за грибами. Лето в этом году на редкость хмурое, каждый день идут дожди, но даже неприятности с погодой не могли испортить всех прелестей отдыха на даче в июле. Часто собирались на даче всей семьей: я, Муся, Ольга Карловна (теща Н.П.Каманина - Ред.), Лева, Люда, Оля и маленький Коля. Внуку исполнится через шесть дней уже четыре месяца, он всех узнает, улыбается и любит быть в компании.

С первого августа почти все герои-космонавты разъехались в отпуск. В Москве — только Титов, ему 9 августа надо лететь в Конго. Беляев и Леонов — на Кубе, они возвратятся 6 августа.

Сегодня Вершинин улетел в Крым на отдых, за Главкома остался Руденко. Утром я был у маршала, доложил ему о возвращении из отпуска и о плане работ на ближайшие дни. Со сроками очередного космического полета пока нет никакой ясности. Встречался с генералами Гореглядом, Холодковым, Кузнецовым и Бабийчуком, все они недовольны сложившейся обстановкой из-за отсутствия твердых планов.

Сегодня собирались у В.А.Козлова (первый заместитель министра авиационной промышленности) по вопросу строительства космических тренажеров. Подготовили проект решения ВПК, обязывающий ЛИИ МАП (Строев, Даревский) изготовить для ВВС тренажер корабля 3КВ в октябре этого года, а тренажер корабля 3КД — в первом квартале 1966 года. Это решение — только заплатка на зияющей прорехе в области строительства тренажеров для подготовки космонавтов. База ЛИИ очень слаба и не может справиться с задачей создания всех нужных нам тренажеров. Необходимо решение правительства, обязывающее МАП или МОМ строить тренажеры для космонавтов, и выделение для этой цели специального КБ и завода.

3 августа.

Целый день занимался бумагами. Постановление о тренажерах сегодня завизировали маршал Руденко и пять министров. Дал согласие генералу Бабийчуку на подготовку проекта приказа министра обороны, утверждающего правила медицинского отбора кандидатов в космонавты и нормы медицинского контроля и наблюдения за слушателями-космонавтами и летчиками-космонавтами.

Звонила Ирина Соловьева и просила разрешения заниматься две недели парашютными прыжками в сборной ДОСААФ. Я не дал ей сегодня отрицательного ответа, но, по-видимому, откажу завтра. Чрезмерное увлечение прыжками может повредить подготовке к космическому полету.

4 августа.

Провел заседание мандатной комиссии по отбору в космонавты. На сегодня вызывали 15 человек, 7 из них уже забракованы медкомиссией, а из 8 кандидатов, рассмотренных нами, в госпиталь для дальнейшего стационарного обследования направили 6 человек. Всего мы пропустили через мандатную комиссию уже 284 кандидата, из них направили в госпиталь для стационарного обследования 124. Из этого числа годными признаны только 37 человек: летчиков — 27 (из 148, представленных на мандатную комиссию), штурманов — 6 (из 58) и инженеров — 4 (из 78). Таким образом, из каждых 5 летчиков, 10 штурманов и 20 инженеров отбираются только по одному кандидату. Набор кандидатов в космонавты мы закончим к 15 сентября: пропустим через центральные комиссии более 400 отобранных на местах человек и отберем из них 40 кандидатов. Но я думаю, что в этом году принимать в ЦПК более 20 человек нецелесообразно: формирование авиационного полка для ЦПК задерживается, штаты Центра не увеличиваются и нет плана полетов на ближайшие годы. В такой обстановке лучше не спешить с большим увеличением численности космонавтов.

5 августа.

Был в ЦПК, разбирался с вопросами доработки космических тренажеров «3КВ», «3КД» и «Волга» (тренажер корабля «Союз» -Ред.). Наметили план мероприятий по нашему участию в создании тренажеров. Вместе с маршалом Красовским осмотрели объекты строительства городка космонавтов (высотный дом, школа, магазин, ясли и дома для офицеров). Строители работают хорошо. Красовский первый раз был в ЦПК, ему все очень понравилось, особенно бассейн, ради осмотра которого он и приезжал (Красовский имеет намерение «отеплить» открытый монинский бассейн).

Сейчас в ЦПК затишье, большинство космонавтов в отпуске. С 15 августа группа из 12 космонавтов возобновит подготовку к предстоящим космическим полетам. По очередному полету нет еще никакой ясности: нет даты полета, нет задания на полет, не определены его продолжительность и состав экипажа. Приказал в недельный срок подготовить проект задания на полет. Все остальные вопросы надо еще утрясать с ОКБ-1 и другими организациями.

Американцы перенесли срок очередного пилотируемого полета с 8-го на 19-е августа, но подтвердили, что он планируется на 8 суток. Этот полет будет большой «затрещиной» для наших руководителей, он подтвердит, что США обгоняют нас в космических делах.

7 августа.

Несколько раз был вчера у Руденко, решали с ним вопросы, связанные с созданием космических тренажеров. После моего доклада о ходе набора кандидатов в космонавты Руденко высказал «умнейшие» соображения: «Я думаю, что набирать новых слушателей-космонавтов нам не нужно, 37 имеющихся космонавтов хватит надолго, да можно и их подсократить».

Я даже не был удивлен этой очередной его глупостью, но он «ляпнул» ее в присутствии Брайко и Холодкова. Пришлось сказать, что я категорически буду возражать против таких намерений, и что такой важный вопрос нельзя обсуждать мимоходом в случайном разговоре. Маршал согласился обсудить этот вопрос специально.

Звонил С.П.Королеву. Он на днях вернулся из отпуска, говорит, что хорошо отдохнул и с новой энергией принимается за работу. В понедельник Королев на три дня едет в Ленинград, мы договорились о встрече после его возвращения.

Звонил Г.А.Скуридин, он высказал пожелание встретиться и обговорить предложения Келдыша по набору ученых-космонавтов. Мы поддерживаем предложения Академии наук и готовы помочь в организации подготовки ученых к

полетам в космос.

Сегодня Титова вызывали в ЦК (Усков, Савинкин) и беседовали с ним о «вывихах» в его поведении. Из ЦК Герман заезжал ко мне. Я еще раз по-товарищески пытался предостеречь Германа от новых недоразумений, но не обольщаю себя надеждами на быстрое его исправление. 9 августа Титов с генералом Гореглядом улетают в Конго. Обстановка в семье у Титова сейчас сложная: Тамару он отвез в родильный дом, дочь — в больницу, а сам летит в Африку. Но сейчас уже невозможно отменить полет в Конго. Жизнь сложна сама по себе, а мы ее часто сами еще более усложняем.

9 августа.

На сегодняшнем заседании мандатной комиссии рассмотрели пять кандидатур, из них в госпиталь направили четверых. Все кандидаты из ракетных войск, все хорошо образованы и имеют специальности, близкие к космонавтике. Особенно понравились Бобиков и Киселев.

Получил распоряжение Л.В.Смирнова с резолюцией маршала Захарова: «Крылову, Вершинину, Судцу и Горшкову — участие, Повалию — контроль. Немедленно начать исследования на «Восходах» и строить спецкорабль на базе корабля 7К для решения задач визуальной и фоторазведки, инспекции, стрельбы в космосе и отработки вопросов раннего предупреждения о ракетно-ядерном нападении». Все продолжается по-старому. Действуем растопыренными пальцами: Крылов не заинтересован в создании космических кораблей, а ему МО поручает руководить этим делом.

13 августа.

Провели заседание мандатной комиссии, рассмотрели кандидатуры восьми инженеров, одного отчислили.

Сегодня получил решение комиссии Высшего совета народного хозяйства СССР по военно-промышленным вопросам № 156 от 28 июля 1965 года «Об изготовлении космических кораблей-спутников «Восход». В решении указаны следующие сроки изготовления кораблей серии «Восход»: № 5, № 6 и № 7 — октябрь, ноябрь и декабрь 1965 года соответственно; № 8 и № 9 — февраль и март 1966 года. Эти корабли предназначаются для осуществления длительного (до 15 суток) полета двух космонавтов, проведения экспериментов по многократному выходу космонавта из корабля в космос общей длительностью 3-6 часов, решения задач создания искусственной тяжести и проведения комплекса медико-биологических, физико-технических и военно-прикладных исследований.

Решение обязывает МОМ, МАП, МО, АН СССР и другие ведомства:

1. В месячный срок разработать и утвердить программу научных и военно-прикладных экспериментов для «Восходов» и решить вопрос об изготовлении необходимой аппаратуры. Поставить аппаратуру за полтора месяца до изготовления кораблей.

2. В двухнедельный срок разработать и утвердить план испытаний космических кораблей (самолетных, морских, копровых). Испытания закончить до сроков готовности кораблей к полетам.

Этим же решением поручается ЛИИ МАП строительство двух тренажеров для ВВС: «3КВ» — в октябре 1965 года, «3КД» — в первом квартале 1966 года.

16 августа.

Вчера на даче отпраздновали день рождения Оли, ей исполнилось шесть лет. Собралась вся семья, все преподнесли Оле подарки и пожелали много хорошего. Валя Терешкова и Андриян Николаев прислали Оле фотокарточку своей дочери и книгу «Вселенная - открытый океан» с теплыми словами приветствия.

Вчера Гагарин, Терешкова и Николаев улетели в Крым на отдых. Сегодня в Москве нет ни одного космонавта. Завтра должны вернуться из отпусков Комаров и Попович, а Титов прилетит из Конго. Последние три дня и сегодня идет дождь. Все лето холодное и дождливое, июль был сырой и холодный, а август — еще хуже июля.

Звонил С.П.Королев. Он недоволен тем, что Челомей начинает строить корабли для облета Луны. Сергей Павлович давно вынашивает мысль захватить монопольное право на строительство космических кораблей и пытается найти среди военных поддержку своим планам. Решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР Челомей обязывается построить за 1966 год и первый квартал 1967 года 12 кораблей для облета Луны. Больше года ОКБ-52 работает над выполнением этого задания, и было бы вредно сейчас менять исполнителя. Объем работ и количество строящихся космических кораблей быстро растет, поэтому для дела освоения космоса было бы полезно, чтобы корабли строили несколько фирм, а не одна.

Сегодня я послал маршалу Руденко официальное письмо (он сам попросил об этом) с просьбой решить, сколько в этом году принять слушателей-космонавтов. У нас есть разрешение ЦК и МО набрать 40 человек, но я опасаюсь, что в такой большой группе мы пропустим много слабаков. Я предлагаю принять в этом году только 20 человек, а в 1966 году принять еще 20 и рассмотреть кандидатов из ученых.

19 августа.

Конструктор Уманский (918-й завод МАП) доложил нам свои соображения по разработке космических капсул на одного и двух космонавтов. Одноместная капсула весит 500, а двухместная — 700 килограммов. Капсулы предназначаются для выхода космонавтов из корабля в космос, для инспекции целей, для спасения экипажа в аварийных ситуациях, для спуска с орбиты на Землю срочных грузов (фотокинопленки и другие данные разведки). Идея хорошая, осуществление ее вполне реально, но пока над этим проектом работает группа специалистов на свой страх и риск — МАП, МОМ и ОКБ-1 ничего не делают для его реализации. Все специалисты ВВС высказались за продолжение работ над проектом, поэтому я дал задание подготовить соответствующее письмо в ВПК за подписью Вершинина и Тюлина. Маршал Руденко согласился с моим предложением поддержать работы по капсулам.

Вчера на заседании мандатной комиссии из восьми кандидатов шестерых направили в госпиталь, а двоих откомандировали в части. Пять инженеров и один летчик произвели на нас очень хорошее впечатление.

Вчера же более часа смотрели американский фильм о полете «Джемини-4», об испытаниях корабля «Аполлон» и исследовательских работах по освоению Луны. Фронт космических исследований в США колоссальный. Американцы уже догнали нас и теперь быстро будут уходить вперед.

Говорил сейчас с секретарем Киевского райкома партии Борисовым, он был на Кубе в составе делегации Кэбина. Кэбин и Борисов распространяют слухи о нескромном поведении Беляева и Леонова. В официальных документах все

выглядит хорошо, но слухи ползут… Космонавты уже шесть раз отправлялись в зарубежные поездки в составе партийно-правительственных делегаций, и почти в каждой поездке руководство делегаций оставалось недовольным «нескромным поведением» космонавтов. Только что Титов вернулся из Конго, где восторженно встречали космонавта и мало внимания уделяли партийно-правительственной делегации: президент Конго принял Титова через два часа после его прилета, а делегацию Кэбина - только на второй день; газеты, радио, телевидение все время упоминали Титова и космос и почти не сообщали о приезде делегации. Такое положение не может не обижать руководителей делегаций, и они переносят эти обиды на космонавтов. Я всегда считал, что космонавтов нельзя включать в состав партийно-правительственных делегаций, но в ЦК решили, что можно. Придется этот вопрос официально поставить перед ЦК КПСС.

20 августа.

Говорил по телефону с Королевым. Он чувствует себя неважно: низкое артериальное давление (100/60). Советовал ему ехать домой и полежать, да разве его уложишь. Согласовал с Сергеем Павловичем кандидатов на роль командиров кораблей для первых двух «Союзов». Я назвал Гагарина, Николаева, Быковского и Комарова. Королев согласился с этими кандидатурами и сказал, что Николаева и Быковского он считает первыми кандидатами для облета Луны. Я, в свою очередь, поддержал это его предложение. Вторым членом экипажа «Союза» при стыковке должен быть инженер, я назвал наших кандидатов на эту роль — Демина и Артюхина. Королев не возражал, но он выдвинул и своего кандидата — К.П.Феоктистова. Договорились, что вопрос о составе экипажей «Союзов» решим при первой же встрече. Согласился Королев и с нашими кандидатами на очередной полет на «Восходе»: Волынов — командир корабля, Катыс — член экипажа, Береговой и Демин — запасные.

Сегодня от генерал-полковника Брайко пришел официальный отказ формировать авиационный полк для ЦПК ВВС. Причина отказа — нет численности.

Получил два письма Н.С.Строева, адресованные Главкому, с просьбой выделить ЛИИ вертолет Ми-4 для отработки способов прилунения. Первое письмо Строев подписал 8 марта, я увидел его только 20 августа. Вершинин фактически отказал в выделении вертолета, а это наше кровное дело. Придется опять говорить начальству неприятности и добиваться выделения вертолета и расширения летной базы ЦПК.

24 августа.

21 августа американцы запустили в космос «Джемини-5» с двумя астронавтами на борту (Купер и Конрад). Главные цели запуска — побить мировой рекорд продолжительности космического полета (рекорд Быковского — 5 суток, задание экипажу «Джемини-5» — 8 суток), провести фотографирование территорий Кубы, Китая, Вьетнама и других стран, осуществить сближение корабля с ракетой «Аджена». Запуск сначала намечался на 8-е августа, затем был перенесен на 19-е, а с 19-го — на 21-е августа. Астронавтов держали в корабле в ожидании старта более 8 часов. В первые же часы полета обнаружились серьезные неполадки в энергосистеме корабля. Руководители полета забеспокоились в связи с возможной вынужденной посадкой. Для выработки электроэнергии применяется способ соединения жидкого водорода с жидким кислородом, но кислород на корабле быстро испаряется и улетучивается, его расход оказался в 20 раз больше расчетного. Сейчас, в 13:48 24 августа, корабль пошел на 45-й виток; в ближайшие 5-6 часов будет принято решение, посадить ли корабль на 49-м витке или продолжать полет до 8 суток. Мне кажется, что возможности для 8-суточного полета у корабля есть, но экипаж перенес очень много волнений и может не дотянуть до 8 суток, хотя перекрыть рекорд Быковского, наверное, попытается.

25 августа.

В Комитете кинематографии вчера провели пресс-конференцию, посвященную выходу на экран фильма о полете Беляева и Леонова. Выступали я, Комаров и Рябчиков. Вечером перед демонстрацией фильма в кинотеатре »Ударник» нам пришлось выступить еще раз. Это шестая кинокартина о космосе, казалось бы, трудно найти что-нибудь новое и интересное, трудно уберечься от показа уже виденного, но созданный Рябчиковым и Косенко фильм «Человек вышел в космос» интересен и поучителен. На просмотре были С.П.Королев и В.П.Глушко — оба остались довольны фильмом.

Сегодня утром ТАСС сообщил, что экипаж «Джемини-5» получил разрешение продлить полет еще на одни сутки, хотя астронавты доложили, что им холодно (температура в скафандрах упала до 8 градусов). Американцы идут на риск, пытаясь побить рекорд продолжительности полета. Неполадки в энергосистеме корабля и резкое падение температуры, по-видимому, заставят руководителей полета посадить «Джемини-5» раньше намеченного срока, где-то между 60-м и 70-м витками.

Провел сегодня совещание с руководством ЦПК ВВС. Дал подробные указания о разработке предложений по реорганизации ЦПК. Центр подготовки космонавтов должен превратиться в Центр испытательных космических полетов. Это мероприятие встретит сильное сопротивление высокого руководства, но без борьбы ничего хорошего не сделаешь.

26 августа.

Полет «Джемини-5» успешно продолжается, неполадки с падением температуры в скафандрах и сомнения в надежности энергоснабжения корабля преодолены. Руководители полета не теряют надежды на продление его до 8 суток. Сегодня к концу дня экипаж «Джемини-5» может перекрыть результат полета Быковского и установить новый абсолютный мировой рекорд продолжительности космического полета. Шуму будет много, американцы сумеют использовать свой новый успех для нанесения ощутимого удара по престижу Советского Союза. Всем нам торжество США не доставит удовольствия, но, может быть, этот успех соперников заставит наше твердолобое руководство серьезно задуматься над причинами нашего отставания. Главные «виновники» торжества американцев не столько они сами, сколько наши высокие руководители (Малиновский, Смирнов и другие). За последние 3-4 года Малиновский, недооценивающий военного значения космонавтики, наделал много ошибок, затормозивших развитие наших успехов в космосе. Главной ошибкой Малиновского следует считать его решение возложить руководство космонавтикой на ракетные войска, а не на ВВС. «Рожденный ползать — летать не может!» Космонавты летают, а корабли для них заказывают артиллеристы, они же определяют всю техническую политику, фактически направленную на то, чтобы

затормозить усовершенствование пилотируемых космических кораблей и заменить их автоматами. Американцы уже начали использовать космические пилотируемые корабли для военных целей, а у нас два года обсуждается, каким должен быть космический разведчик. Ракетчики против космонавтов-разведчиков, а экипаж «Джемини-5» имеет шесть заданий от военных и уже фотографирует Кубу, Китай, Вьетнам и другие территории.

Состоялся длительный и полезный разговор с маршалом Руденко. Получив мое письмо, он целую неделю молчал, «переваривая» его, а вчера сам начал разговор по существу моих предложений. Маршал согласен набрать в этом году 20 слушателей-космонавтов и будет поддерживать предложение о реорганизации ЦПК. Центр был создан как учебная организация, а, по существу, он проводит испытания космической техники и активно участвует в подготовке и осуществлении всех космических полетов. Руденко дал согласие и на усиление группы инспекторов по космосу. Это еще далеко не победа. Малиновский уже десятки раз отказывал нам, может отказать и теперь. Но неплохо уже то, что Руденко, наконец, понял насущную необходимость организационного укрепления нашего дела.

Провел совещание по составлению перспективного плана пилотируемых космических полетов на ближайшие 3-5 лет. Присутствовали генералы: Иоффе, Волынкин, Арбузов, Кузнецов, Холодков, Газенко, Бабийчук и другие. Проект плана будет подготовлен к 29 августа.

27 августа.

11 часов утра. «Джемини-5» выполняет 87-й виток, еще вчера он перекрыл рекорд Быковского и, по-видимому, будет летать 8 суток. Я давно предвидел возможность такого успеха США, писал письма начальству и вносил предложения о мероприятиях, которые могли бы сохранить наше лидерство в космосе. Но министр обороны Малиновский пальцем не шевельнул, чтобы помочь нашему делу. Я и космонавты за последние пять лет десятки раз встречались с Малиновским. Встречи были шумные, со множеством речей и тостов, но не было ни одного делового разговора. Мы пытались завязать такой разговор, но Малиновский всегда немедленно и грубо прерывал нас.

За последний год американцы добились решающих успехов в космосе: полеты «Маринера-4», «Рейнджеров-7 и -8», «Джемини-4» и, наконец, рекордный полет «Джемини-5». Казалось бы, есть все основания забеспокоиться и задать себе вопрос: в чем дело, почему США нас обгоняют? Но Малиновский и Генштаб и сейчас хранят гробовое молчание, как-будто все идет так, как надо. Мы пять лет утверждали, что социализм — лучшая стартовая площадка для полетов в космос. И вот США доказали, что это не совсем так. У нас есть возможности еще раз вырваться вперед и первыми быть на Луне, но для этого нужно убрать Малиновского, передать космонавтику от Крылова к Вершинину и допустить космонавтов к руководству космическими делами. Но на такие решения ЦК и правительство не пойдут, значит, наше отставание будет продолжаться. Перспектива мрачная, работать в такой обстановке тяжело, но работать нужно. В ближайшие дни соберу всех летавших космонавтов — будем думать, что предпринять, чтобы исправить положение.

30 августа.

Провел совещание по подготовке проекта плана пилотируемых космических полетов на 4-5 лет и по обсуждению программы полетов на четырех очередных кораблях «Восход». Поручили группе товарищей во главе с представителем НТК ВВС подготовить план полетов к 15 сентября. В предварительном порядке были высказаны пожелания включить в план полеты по освоению Луны и полеты военно-исследовательских кораблей.

По программам полетов на «Восходах» договорились о следующем:

1. «Восход-3» с экипажем из двух человек выводится на орбиту в ноябре 1965 года; в 15-суточном полете выполняются исследования по созданию искусственной тяжести и военные эксперименты.

2. На «Восходе-4» летает один космонавт, выполняющий программу военных исследований; продолжительность полета 25 суток.

3. Полеты на «Восходе-5» и «Восходе-6» продолжительностью до 15 суток осуществляются в мае-июне 1966 года; в ходе полетов космонавты выходят в открытый космос, а также проводят военные эксперименты.

31 августа.

Сегодня хороним генерала Александра Ивановича Тодорского. Он был начальником академии имени Жуковского, когда я в ней учился. Ушел из жизни замечательный человек и талантливый военный руководитель. Он умер на 71-м году жизни, здоровье его было подорвано длительной ссылкой.

Вчера получил бумагу с резолюцией маршала Малиновского. Командующий МВО (Московский военный округ — Ред.) генерал армии Белобородов доложил министру о том, что два солдата из ЦПК ВВС (Авдеев и Цепилов) изнасиловали в поселке Первомайский 50-летнюю женщину. На донесении министр написал: «Руденко, Рытову. Сгораю от стыда за вас, ведь это у вас под носом». Руденко переслал документ мне, но я не стал сгорать от стыда: я очень хорошо знаю, что такими заклинаниями и резолюциями порядка в армии не наведешь. Молодежь много пьет, пьянство приносит стране и армии колоссальный вред. Нужны новые кардинальные решения проблемы воспитания молодежи, нужны суровые наказания вплоть до расстрела — сюсюканьем и вздохами делу не поможешь.

»Джемини-5» пролетал почти 8 суток. Америка торжествует победу: Джонсон собирается отправить своих астронавтов в триумфальное путешествие по планете. Такого триумфа могло и не быть. Мы имели и еще имеем все возможности быть впереди в освоении космоса. Только досадные ошибки наших руководителей типа Малиновского, Крылова и Смирнова позволили США выйти в лидеры. Я написал на 8 страницах письмо Брежневу о причинах нашего отставания в космосе. Письмо пока не отправил, хочу посоветоваться с Гагариным и другими космонавтами.

1 сентября.

Был у Королева. Накануне мы договорились встретиться сегодня в ОКБ-1 в 15:00, и за пять минут до назначенного часа я был на месте. Обычно Королев отрывался от работы и всегда сам встречал меня. На этот раз мое появление вызвало небольшое замешательство у секретаря и порученца. Порученец сделал знак головой, показывая секретарю на кабинет Королева, секретарь попросила меня »секундочку подождать» и скрылась за дверью. Через минуту она вернулась и пропустила меня в хорошо знакомый кабинет. Королев встретил меня в дверях рабочей комнаты, он отдыхал, вид у него был немного заспанный и помятый. Сергей Павлович давно уже жалуется на головные боли, низкое кровяное давление и неважное самочувствие. На мой вопрос о его здоровье он ответил: «Я ведь недавно вернулся из отпуска, а чувствую себя неважно. Мечусь вот между кабинетом и переулком Грановского…» (С.П.Королев имеет в виду поликлинику 4-го Главного медицинского управления, расположенную на улице Грановского — Ред.). В ходе беседы Королев снова несколько раз возвращался к своим недомоганиям, а под конец сказал: «Николай Петрович, по-видимому, я уже не смогу быть техническим руководителем. Как вы смотрите на кандидатуру Шабарова, сможет он заменить меня? Или, может быть, ВВС выделят своего технического руководителя?» Я сказал Королеву, что, по моему мнению, сейчас его полноценно не заменит ни Шабаров, ни кто-либо другой, но заменять нужно — Сергей Павлович обязан обратить внимание на свое здоровье и сосредоточить свои силы на главном. Шабаров подходящий кандидат на роль технического руководителя, но он, конечно, не может равноценно заменить Королева — для этого надо обладать талантом Королева.

Мы договорились, что для полетов на «Союзе» приступаем к подготовке Гагарина, Николаева, Быковского, Комарова, Колодина, Артюхина и Матинченко. Королев оставил за собой право позже присоединить к этой группе нескольких инженеров из ОКБ-1. Королев по телефону спросил Анохина: «Как дела с отбором инженеров?» — тот ответил: «Пропустили 100 человек, отобрали 25 кандидатов». Надо признать, что Королев поступает предусмотрительно, подготавливая своих инженеров для будущих полетов. Опыт полета Феоктистова очень полезен для конструирования космических кораблей. Мы поможем ОКБ-1 подготовить к полетам будущих королевых.

Договорились мы и о кандидатах на очередной полет на «Восходе-3»: Волынов и Катыс — первые кандидаты, Береговой и Демин — запасные. Полет рассчитан на 12-15 суток, Королев считает, что мы сможем осуществить его в ноябре. Я считаю, что раньше декабря, а может быть, и января будущего года полет не состоится. Экипаж может быть подготовлен к полету в октябре, но пуск задерживается из-за неготовности корабля.

Сергей Павлович согласился с моим предложением продолжать подготовку женского экипажа к полету с выходом одной из космонавток из корабля. Я высказал уверенность, что и Пономарева, и Соловьева способны выполнить выход в открытый космос и осуществить полет продолжительностью до 10 суток.

Решили, что в сентябре целесообразно провести совещание с докладами Королева и Челомея о ходе подготовки к облету Луны и высадке экипажа на ее поверхность. Одобрив наше намерение выделить 6-8 космонавтов и начать с ними специальную подготовку по лунной программе, Королев с удовольствием рассказал мне о ходе работ по ракете Н-1. Она должна быть готова в металле к концу 1965 года и будет способна выводить на околоземную орбиту 90 тонн, а после установки форсированных двигателей — и все 130 тонн полезной нагрузки. Королев думает, что для первых экземпляров ракеты Н-1 полезной нагрузкой может служить «горсть» кораблей «Союз».

2 сентября.

Трижды встречался с маршалом Руденко. Главком вернулся из отпуска, а через день в отпуск уйдет Руденко; до его отъезда мне хотелось договориться с ним по ряду вопросов. Он уже согласился с моим предложением по набору космонавтов, и дал распоряжение Брайко по усилению группы инспекторов по космосу, но по вопросу реорганизации ЦПК маршал сегодня «спасовал», хотя неделю назад он дал задание подготовить материалы по преобразованию Центра подготовки космонавтов в Центр испытательных космических полетов. Я доложил ему наши предложения, они были сформулированы так, как предлагал сам Руденко, но он забыл свои собственные установки и увидел в наших предложениях только одни трудности. Наделение Центра испытательными функциями уже не нравится маршалу, он искал, к чему бы придраться, чтобы забраковать или хотя бы отложить проект реорганизации Центра. Я подробно рассказал Руденко и о моей вчерашней беседе с Королевым, маршалу не оставалось ничего иного, как одобрить принятые нами решения. Плохо, что космонавтикой руководят люди, мало знающие о космосе и принимающие решения по случайным мотивам. Малиновский, Крылов и Руденко уже много напортили в нашем деле.

3 сентября.

После непрерывных летних дождей в конце августа установилась хорошая погода. Две недели было солнечно и сухо, но сегодня с утра снова идет дождь.

Только что был у Вершинина, подписал бумаги в ЦК КПСС о поездке Беляева и Леонова в Германскую Демократическую Республику. Поговорить о делах не удалось: у Главкома сидел его лечащий врач, к тому же Вершинин готовился к заседанию Военного Совета.

Сегодня у меня был полковник Н.М.Рудный (заместитель генерала Бабийчука), он пришел ко мне от Руденко. Маршал Руденко вчера принимал Правецкого и утвердил документ, который ставит наш институт и Центр подготовки космонавтов в подчиненное положение в отношениях с Институтом медико-биологических проблем Минздрава. Это очередной промах маршала: он говорит одно, думает другое, а делает третье. После Рудного ко мне заходил генерал Холодков, он также высказал много нелестного в адрес Руденко. Холодков собирается уходить из ВВС, его отношения с Пономаревым окончательно испортились, он просил меня поддержать его переход на другую должность. Кроме моих прямых обязанностей мне ежедневно десятки раз приходится читать и выслушивать просьбы о помощи (квартиры, пенсии, учеба детей, устройство на работу, семейные неурядицы и другие самые неожиданные просьбы).

Сегодня на место генерала Холодкова я предложил Руденко кандидатуру инженер-полковника Смирнова Всеволода Арсеньевича. Маршал знает Смирнова, знает, что его ценят Королев и другие главные конструкторы. Он немедленно согласился с моим предложением, но опять сделал большую и, может быть, непоправимую ошибку — вызвал к себе Пономарева, чтобы обсудить с ним это предложение. Пономарев, заходя к Руденко, видел меня выходящим из его кабинета и наверняка догадается, что кандидатуру Смирнова выдвинул я. Пономарев хотел бы поставить на место Холодкова полковника Фролова. Смирнов сильнее Фролова, и у Пономарева не может быть веских

доводов против Смирнова, но он все равно будет возражать, хотя бы потому, что эта кандидатура устраивает меня.

6 сентября.

В субботу был в ЦПК. Собирал группу Берегового. Подтвердил вероятность полета «Восхода-3» в ноябре-декабре, назначил готовность экипажей на конец октября. Успокоил Волынова и Катыса, сказав, что они первые кандидаты на полет продолжительностью до 12-15 суток. Пономарева и Соловьева заявили, что они тоже готовы летать 10-12 суток. Дал задание Шонину и Хрунову подготовить предложения по программе полета с выходом из корабля. Приказал полковнику Масленникову оформить приказом группу Гагарина и с 20 сентября начать с ней подготовку к полету на «Союзе». Беседовал с Комаровым по поводу предстоящего его отъезда в Западную Германию. 11 сентября он вместе с генералом Коккинаки поедет на конгресс ФАИ, где ему будет вручена золотая медаль.

Сегодня утром у меня были генерал О.Г.Газенко, космонавты Беляев и Леонов и И.В.Миловидов (АН СССР). 10 сентября группа наших ученых под руководством академика Л.И.Седова выезжает в Грецию для участия в работе Международного астронавтического конгресса. Беляев и Леонов включены в состав советской делегации. Мы обсудили тексты их выступлений, возможные ситуации и вопросы, которые могут возникнуть во время поездки. На конгрессе будет Вернер фон Браун и американские астронавты. Наши отношения с американскими астронавтами должны быть дружескими, но без восхвалений, а отношения с фон Брауном — вежливыми, но сугубо официальными.

Говорил с Вершининым и Рытовым по поводу продолжающегося отрыва космонавтов от работы. Решили «отбивать» почти все запросы на встречи с космонавтами.

8 сентября.

Прочитал доклад американского президента Конгрессу о деятельности США в области авиации и космонавтики в 1964 году. Он хвалится успехами Америки, и для этого у него есть все основания, а 1965 год для американцев будет еще более успешным. За 12 лет (1954-1965) США затратили на космос 34 миллиарда долларов, в том числе только за последние 4 года — 26,4 миллиарда. Мы на космос тратим значительно меньше, но кроме трудностей с деньгами у нас много и организационных ошибок. У нас нет правительственного органа, который занимался бы только космосом: нет такого органа ни в Академии наук, ни в Министерстве обороны.

Вместе с директором экспериментального завода ВВС Струнниковым был у Вершинина. Струнников заинтересован в переключении завода на космическую тематику. Завод уже многое делает для ЦПК, для фирм Челомея, Янгеля, Парина и других, а на днях я оформил участие завода вместе с предприятием Даревского в создании тренажеров кораблей 3КД и 3КВ. Главком одобрил наши предложения и обещал помочь. После ухода Струнникова я еще час беседовал с Главкомом. Наши предложения по использованию «Восходов» он поддержал, а вопросы, связанные с расширением штатов, пока не решил. Вершинин задал мне несколько вопросов: «Сколько космонавтов в США? Все ли наши космонавты смогут участвовать в дальнейших полетах? Что у нас делается по использованию водорода и кислорода как источников электроэнергии? Каковы сроки готовности «Восходов»? Когда полетит «Союз»?» Я обстоятельно ответил на эти вопросы и доложил о наших ближайших задачах и имеющихся трудностях.

Сегодня по линии разведки получили подробные материалы о результатах полета «Джемини-5». Экипаж имел оборудование (кино-, фотоаппаратура, локаторы, визиры и т.д.) для проведения военных исследований и выполнил большинство поставленных перед ним задач. Американцы открыто используют спутники и космические корабли в военных целях, а наши руководители, в частности Микоян, поздравляют их с успехами. Я утверждаю, что у нас были и есть все возможности не уступать первенство США, но мы уже уступаем его по вине Министерства обороны и, в первую очередь, по вине маршала Малиновского.

10 сентября.

Вчера в ЦПК рассмотрел предложения по кадрам, дал указание оформлять документы на увольнение из армии офицеров Гаврилова, Терентьева, Михайлова, Ковалева, Кузнецова и других, имеющих выслугу 25 лет и возраст старше 50. В Центре есть еще несколько десятков офицеров, которых невозможно полноценно использовать по службе. В интересах дела их надо или увольнять из армии, или переводить в другие части.

Вместе с Хруновым играл в теннис против Шонина и Горбатко. Мы выиграли со счетом 6:1, 6:2. Пономарева и Соловьева играют в теннис еще слабовато, но уже полюбили его и играют с удовольствием.

Уже более трех месяцев группа товарищей из ГКНИИ, ЦПК и других организаций ВВС готовит проект приказа Главкома о выплате денег членам экипажа самолета Ту-104 за полеты на невесомость. Вчера они натолкнулись на сопротивление финансистов и попросили моей помощи. Существуют только два положения, утвержденных министром обороны: по одному из них за выполнение программы исследований (39 полетов) каждому члену экипажа можно выплатить по 1100 рублей, по второму — летчику положено 600 рублей, штурману — 40 процентов, механику — 20 процентов, радисту — 10 процентов от суммы, выделяемой летчику. По одному положению радист может получить 1100 рублей, а по другому — только 60 рублей. И первое, и второе положение не подходят, а третьего нет. Экипажу из шести человек можно выплатить 6600 рублей, и при этом командир получит столько же, сколько и радист, но у Главкома нет права затратить на весь экипаж, скажем, 4000 рублей, распределив их соответственно зарплате членов экипажа. Дико, но факт: Главком своей властью не может решить эту пустяковую проблему. Большинство товарищей, кроме финансистов, высказались за полную и равную выплату всем членам экипажа. В данной обстановке, по-видимому, это самое разумное решение, хотя и самое дорогое.

11 сентября.

Приехал на работу в 8 часов, в штабе только уборщицы и связисты, даже адъютантов еще нет. Заезжал в кремлевскую больницу, сдал анализы на сахар. Первый раз врачи заметили увеличение содержания сахара в моих анализах в 1954 году, за эти годы я почти не лечился и не всегда соблюдал диету. Но последние два года я пью чай без сахара, совершенно не ем сладости, а содержание сахара в анализах растет. Наши врачи настоятельно требуют лечь в госпиталь на обследование — по-видимому, надо будет начинать лечиться.

Сегодня Беляев и Леонов вылетают в Грецию, а Комаров — в Западную Германию. Вчера все они были у меня, мы еще раз обстоятельно поговорили по всем вопросам, которые могут возникнуть в ходе поездок. Разрешил Титову в составе делегации ЦК ВЛКСМ слетать в Киргизию на 40-летие комсомола республики.

Вчера узнал, что Северин, Алексеев, Востоков и другие руководители завода N 918 настроены категорически против женского космического полета и ничего не делают по изготовлению скафандров для Пономаревой и Соловьевой. Я знал и знаю, что на пути организации и подготовки нового женского полета есть и будет еще очень много открытых и замаскированных препятствий. Но такой полет нужен, и мы будем его добиваться. На днях пошлем Северину официальный документ на изготовление скафандров для полета с выходом из корабля.

Получил решение ВПК № 180 от 18 августа 1965 года «О порядке работ по комплексу «Союз». В сентябре этого года должна состояться защита эскизного проекта корабля 7К-ОК, в октябре — защита аванпроекта «7К-ОК». Изготовление кораблей запланировано осуществить в следующие сроки: два корабля - в 4-м квартале 1965 года, два корабля — в 1-м квартале 1966 года и три корабля — во 2-м квартале 1966 года. Самолетные и морские испытания кораблей 7К-ОК должны быть проведены в 3-4-м квартале 1965 года, осуществление первой стыковки двух беспилотных кораблей — в 1-м квартале 1966 года. Королев, кстати сказать, высказывает сомнение в надежности системы автоматической стыковки. Более вероятно, что первую стыковку осуществит космонавт. Мы давно предлагаем полнее использовать возможности экипажа в пилотируемых космических полетах.

13 сентября.

Сегодня день рождения Муси, ей уже 56 лет. Вчера мы в кругу семьи отметили эту дату.

Был у профессора Преображенского. Сданные мною анализы на сахар оказались не столь уж плохими, и он разрешил есть все, но не увлекаться сладким, выписал только витамины и рекомендовал раз в месяц заходить консультироваться.

Звонил Николаев, он с женой и дочкой только вчера вернулся из Чувашии. Валя и Леночка чувствуют себя хорошо. Андриян включен в группу подготовки к полету на «Союзе», и его беспокоит, что врачи могут не разрешить ему полет из-за неприятностей со швом, оставшимся после операции по удалению аппендицита. Он просил разрешения на операцию шва в клинике Вишневского. Я разрешил ему лечь на эту операцию. Вчера же в Москву вернулись Гагарины и Попович.

Газеты сообщают, что двое американских астронавтов в конце октября полетят на 14 суток. Раньше их полета мы ничего не сможем предпринять, да и вероятность нашего полета в ноябре минимальна.

Заходил генерал Холодков, он отказался от намерения взбунтоваться против Пономарева и согласился на перевод в Феодосию. В такой обстановке на место Холодкова можно поставить только Фролова, чтобы освободить должность в Крыму для Холодкова. Смирнов был бы лучше Фролова, но ему уже 59 лет, и кадровики против его выдвижения.

В субботу Главком утвердил наши предложения по программе полетов на «Восходах» и отослал их Королеву, Афанасьеву и Смирнову.

15 сентября.

Накануне весь день провел на совещании командующих воздушными армиями. Доклад о состоянии дисциплины и воспитательной работе в ВВС сделал Главный маршал авиации Вершинин. 1 сентября секретариат ЦК КПСС рассматривал вопрос об убийстве начальника политотдела дивизии пьяным офицером. Командующий 34-й Воздушной армией генерал-лейтенант Логинов, член Военного Совета армии Шульга и другие руководители получили серьезные взыскания. В частях много происшествий, 45 процентов из них совершаются военнослужащими в состоянии опьянения. Очень плохо выступили генерал-лейтенант Колесник и член Военного Совета генерал Лысенко, а хуже всех выступил Шульга. Эти товарищи полностью расписались в своей беспомощности и неспособности руководить подчиненными им частями. Были и хорошие, дельные выступления (Пстыга, Драгомирецкий и другие). Выступил на совещании и генерал армии А.А.Епишев. Он считает, что главная причина слабой дисциплины и большого числа происшествий — в низкой требовательности и плохой работе командиров. Я с ним совершенно не согласен: низкая требовательность — не причина, а следствие.

Недисциплинированность, пьянство, низкая требовательность — результат ослабления всей системы воспитания в стране. Более 10 лет Хрущев на наших глазах разрушал все устои государства, в том числе и армию. У нас нет авторитетов, нет должного уважения к старшим, нет устоявшихся традиций, а без этого почти невозможно создавать сплоченные коллективы. Слабая дисциплина в армии, как в зеркале, отражает ее упадок в стране. Если совершенно безнаказанно не выполняются решения ЦК КПСС и Совета Министров, то глупо расценивать как происшествие пререкание солдата с сержантом. В стране налицо ослабление государственной дисциплины, и дальнейшее развитие этой тенденции очень опасно. Партия и правительство должны серьезно изучить состояние воспитательной работы с населением и принять решительные меры для ее резкого улучшения.

Вот самый свежий пример неисполнительности на государственном уровне. 12 августа ВПК обязала МОМ (Афанасьев), АН СССР (Келдыш) и ВВС (Вершинин) в месячный срок решить все вопросы по программе полетов на «Восходах». Прошло 33 дня, но пока не было даже попытки выполнить это постановление. ВВС выработали свои предложения по каждому полету и своевременно послали их в МОМ и ВПК. Но, как я сегодня убедился в разговоре с Тюлиным, их пока не рассматривали, а переслали в главк Керимову, который протянет еще месяц-другой и скажет, что мы поздно выходим с этими предложениями: корабли уже готовы для другой программы. Так было все последние годы, так делается и сейчас. Язва неисполнительности в стране разрастается до угрожающих размеров, тормозя наше продвижение вперед. Нужны крутые меры, нужна ясная цель — куда мы идем, — нам необходимы горячая убежденность в правильности избранного пути и железная дисциплина для всех без исключений. За последние годы было совершено много ошибок, они посеяли много сомнений, но не дали ничего нового, более ценного в сравнении с тем, во что мы верили раньше. В этом сейчас главные наши трудности.

Договорился с Королевым в субботу 18 сентября встретиться с группой конструкторов с завода имени Лихачева и послушать их предложения по созданию лунохода. В.А.Смирнов докладывал мне, что группа конструкторов-энтузиастов много поработала и ей есть что показать и рассказать.

17 сентября.

Вчера в ЦПК уточняли составы групп космонавтов, сроки и программы подготовки к полетам. Беседовал с полковником Хлебниковым о состоянии здоровья Шонина. Шонин один из способнейших космонавтов, учится он на «отлично», один раз его включали в подготовку к полету, но до назначения дублером он не дошел: у врачей были

сомнения в переносимости им перегрузок. Я уже несколько раз замечал, что Шонин очень сильно потеет при занятиях спортом. Несколько дней назад я играл с ним в теннис. Играет он прилично, но его красная майка очень скоро стала совершенно черной от пота. Я попросил Хлебникова дать мне характеристику состояния здоровья Шонина. »Потеет, рыхловат, были неполадки с сердечной деятельностью при перегрузках», — общими словами пытался отделаться Хлебников. Дал ему неделю, чтобы он внимательно разобрался с состоянием здоровья Шонина и доложил мне.

Беседовал с Волыновым и Катысом, оба они пока не уверены, что полетят, и, естественно, волнуются. Еще раз подтвердил, что они первые кандидаты на полет. На мой вопрос Катысу: «Выдержит ли он 15 суток полета?» — он заверил меня, что у него нет сомнений в успехе полета.

Вчера Вишневский сделал операцию Андрияну Николаеву. Несколько лет назад ему вырезали аппендикс. Операцию провели плохо, и его очень часто беспокоил шов. Перед началом подготовки к полету на «Союзе» Николаев с моего разрешения лег на повторную операцию. Операция прошла хорошо. Вишневский обещает, что через пару недель Андриян будет в строю.

Был у Главкома и подробно доложил ему все наши космические задачи, нужды и «узкие места». Вершинин понимает, что необходимо помогать развитию космонавтики, но он почти ничем не располагает для этого, а любое обращение к министру обороны вызывает только брань последнего. Для перевооружения авиации на новую материальную часть в предстоящей пятилетке нам нужно 80 тысяч единиц численности. Вершинин просил министра о выделении численности, но получил категорический отказ. Перевооружение будет проводиться с сохранением существующей численности ВВС путем сокращения дальней авиации, укрупнения полков и т.д.

Более часа беседовал с инженером-изобретателем Энвером Ибрагимовичем Ляпиным (он написал мне письмо и просил его принять). При всем моем желании найти в этом человеке и его письме серьезные отклонения от норм психического состояния я ничего подозрительного не заметил — передо мной сидел совершенно нормальный человек и вел умный разговор об универсальном двигателе, который он изобрел. Идея и принцип работы двигателя не новы и решительно отвергнуты наукой. Ляпин уверяет, что он построил модель, которая двигается за счет внутренних сил без всякой связи с внешней средой (нет колес, винта, струи и т.д.). Я посоветовался с И.Л.Орленковым (НТК ВВС), и мы решили разобраться с этим изобретением. Я помню, как года 3-4 назад в наших газетах ученые ругали какого-то американца за подобную идею. Казалось, что от принципа движения за счет внутренних сил ничего не осталось. И вот опять та же идея, только теперь автором изобретения является советский инженер Ляпин. У меня не нашлось оснований, чтобы сразу отвергнуть его предложение, — наоборот, появилось желание основательней вникнуть в эту работу.

18 сентября.

Утром говорил с Левой по поводу вчерашней встречи с Ляпиным. Лева вспомнил, что статьи в газетах об «эффекте Дина» печатались в 1963 году. Заключения наших ученых были резко отрицательными. Лева высказал мнение, что это дело безнадежное, но я все же решил продолжить изучение изобретения Ляпина.

Сегодня мне неожиданно позвонила вдова Я.И.Алксниса: в 1969 году будет 70 лет со дня его рождения. Группа товарищей начала подготовку к изданию сборника, посвященного Алкснису, - они просят меня написать статью о моих встречах с ним — я дал согласие. У меня было много встреч с Алкснисом. Первый раз я увидел Якова Ивановича летом 1929 года на борисоглебском аэродроме, потом мы три раза встречались в 1929 году в городе Спасске. Было немало встреч и в Москве в 1934 году и в последующие годы. Алкснис, в моих глазах, всегда был крупнейшей фигурой в нашей авиации. Он сделал для ее развития больше любого Главкома, которые работали после него.

Как договаривались несколько дней назад, сегодня в 9 утра я позвонил Королеву, чтобы напомнить о его обещании встретиться с группой конструкторов-любителей, работающих над луноходом. Королев суховато ответил: «Николай Петрович, сейчас у меня много людей, и я не могу вам сказать всего, что хотел. Я позвоню через час, разговор будет неприятный». Опять что-то вывело Сергея Павловича из равновесия. Скорее всего, это дело рук Правецкого: он, наверное, сообщил Королеву о моем отказе принять из Минздрава пятерых врачей для подготовки к космическому полету. Вчера я отослал Королеву наши предложения по использованию кораблей «Восход». Эти предложения Королев также встретит в штыки, и опять будет много шума. Но шум — шумом, а дело - делом: к сожалению, Королев нередко шумит напрасно.

20 сентября.

В субботу в конце рабочего дня неприятный разговор с Королевым все же состоялся. Королев возмутился нашим письмом с предложениями по программе предстоящих полетов «Восходов». По первому, третьему и четвертому полетам мы не предлагаем ничего нового, но во втором - вместо полета двух человек на 15 суток с медицинскими задачами — мы предложили полет одного космонавта на 20-25 суток с решением ряда военных задач. Вот это-то предложение и вызвало бурю. Королев сказал мне примерно следующее: «Николай Петрович, вы хорошо знаете состояние кораблей — они уже на выходе. Изменять задание на полет сейчас - значит задержать его на несколько месяцев. Я всегда очень хорошо относился к ВВС и лично к вам и имел основания думать, что вы со мной всегда посоветуетесь, прежде чем предпринять что-либо важное. Сейчас я оказался в глупом положении, мне звонят из МОМа и ВПК и с ехидцей спрашивают: ну, как ваше мнение, будем переделывать корабли под программу ВВС? Я знаю, что вы инициатор этого дела, вы заставили Вершинина подписать это письмо — старик подписывает все, что вы ему предлагаете. Так работать я не могу. Мы можем работать и без ВВС: мы, если будем сами готовить космонавтов, обойдемся и без вашего космоцентра. Мы подготовим и командиров кораблей для очередных полетов».

Пытаясь успокоить Сергея Павловича, я сказал, что мы по существу только повторили наши прежние предложения, сделанные нами уже дважды в текущем году, что это письмо - ответ на решение ВПК от 18 августа 1965 года и, кроме всего прочего, в нем содержатся только предложения для обсуждения, а не требования. Королева кто-то сильно «подогрел», он не понял всей ценности для него наших предложений. Речь ведь не обязательно должна идти только об уже изготавливаемых кораблях «Восход» — он может поддержать нас в принципе и предложить осуществить нашу программу на других кораблях, заказанных специально для Министерства обороны.

Угрозы Королева отказаться от наших космонавтов не новы: он уже несколько лет готовится к тому, чтобы иметь своих космонавтов. Я думаю, что намерение Королева иметь «все свое» никто не поддержит. Подготовка космонавтов слишком сложное и дорогое дело, чтобы ее можно было осуществлять ведомственно. У нас есть

просьбы президента АН СССР и министра здравоохранения о подготовке в ЦПК ВВС ученых и врачей для космических полетов. Эти два документа направлены против королевской тенденции к автономии, и появились они не случайно.

Я не придаю большого значения состоявшемуся разговору — это не первая и не последняя схватка между нами. Я не хотел и не хочу портить отношения с Королевым, но Сергей Павлович часто ведет себя так необдуманно и резко, что от него отходят даже те, кто ценит и любит этого умного, но капризного и деспотичного человека. Сергей Павлович, по существу, одинок, у него очень мало настоящих друзей, и в этом больше всех виноват он сам. Но я, конечно, за Королева.

Сегодня все космонавты, кроме Беляева и Леонова (они в Греции), Поповича (он в Бресте) и Николаева (находится в госпитале после операции), собрались в ЦПК и приступили к занятиям. Завтра я поеду в Центр и проведу там совещание с космонавтами по предстоящим задачам и по состоянию дисциплины. В текущем году не было серьезных происшествий с космонавтами, но случаи нетактичного поведения, опозданий и других мелких ошибок имели место: Леонов без разрешения ездил в редакцию журнала «Огонек», Попович сорвал поездку из Бреста в Пинск и опоздал в Москву, Гуляев нагрубил полковнику Аристову. Надо признать, что воспитательная работа с космонавтами у нас поставлена плохо, во многом они предоставлены сами себе, у нас нет систематической работы с каждым отдельным космонавтом.

В субботу звонил Правецкий и просил разрешения прислать в ЦПК кандидатов в космонавты — врачей Киселева и Ильина — для ознакомления с ними. Сегодня Масленников доложил, что Борис Егоров привез кандидатов, и врачи Центра уже знакомятся с ними.

22 сентября.

Вчера в ЦПК собирал всех космонавтов и руководителей Центра. Поставил задачи по подготовке к космическим полетам до конца этого года и на весь 1966 год. При всех объявил выговор космонавту Гуляеву, указал на слабость дисциплины в Центре, на частые сборы с выпивками по самым незначительным поводам. Обещал резко сократить выступления и встречи космонавтов, а на приемы в правительстве и посольствах посылать по одному. Приглашения на приемы поступают ежедневно и для всех. На завтра, например, в одно и то же время приглашают болгары и Вальтер Ульбрихт.

Имел серьезный разговор с Терешковой. Она по-прежнему непримиримо относится к Пономаревой, считая, что Пономарева вела себя недостойно и ее нельзя назначать в космический полет. Я сказал Вале, что прошлые недостатки Пономаревой нам хорошо известны, из-за них она и не полетела первой, хотя к полету была подготовлена лучше других. За последние два года к Пономаревой нет никаких претензий, все космонавты считают ее достойным кандидатом на полет, и только Терешкова не может простить ей прошлых обид. Я приказал Терешковой не проявлять открыто антипатию к Пономаревой, а активно включиться в качестве руководителя в работу по подготовке очередного женского полета. Я сказал Вале, что если она настаивает на своем мнении о Пономаревой, то пусть напишет официальный рапорт, мы его рассмотрим и примем. Терешкова, по-видимому, поняла, что может попасть в смешное положение, она решила не возобновлять свои наскоки на Пономареву и немедленно приступить к работе по подготовке Пономаревой и Соловьевой к полету.

С Гагариным, Комаровым и Хлебниковым мы еще раз обсудили кандидатуры космонавтов-мужчин на полет с выходом в космическое пространство. К этому полету готовятся четверо: Хрунов, Шонин, Горбатко и Заикин. К Хрунову нет никаких замечаний, он был дублером у Леонова и может отлично выполнить полет. Шонин хорошо подготовленный космонавт, отлично учится в академии, по его поведению тоже нет никаких замечаний. Но пару лет назад при тренировке на центрифуге у него были зафиксированы неблагоприятные симптомы в работе сердца; кроме того, замечено, что Шонин даже при небольших физических нагрузках очень обильно потеет. По докладам врачей, в наземной обстановке этот недостаток Шонина практически не сказывается на его работоспособности, но на мой вопрос: «Как будет чувствовать себя Шонин, если ему придется в мокром от пота белье быть в скафандре более двух недель?» — врачи не смогли твердо заявить, что работоспособность и самочувствие Шонина будут хорошими. Поручил Хлебникову вместе с Шониным изучить этот вопрос и подготовить предложения по профилактике нежелательных последствий интенсивного потовыделения. Горбатко в гагаринском наборе числится двенадцатым, а Заикин — тринадцатым и самым последним. Оба они малоактивны в общественной жизни, всегда молчат, в академии учатся хуже других (Заикин имеет семь троек, были у него и двойки), общее развитие обоих только удовлетворительное. Правда, за пять лет пребывания в Центре они заметно выросли. Полет они могут выполнить, но с блеском представлять советскую космонавтику не смогут. Гагарин и Комаров высказались в поддержку Горбатко и Заикина: они вместе с ними более пяти лет работают в одном коллективе и не могли поступить иначе. А нам, руководителям, приходится говорить правду в лицо — я высказал Горбатко и Заикину наши сомнения, предупредив, что я делаю это не для того, чтобы отстранить их от подготовки к полету, а с целью побудить полнее и лучше использовать отведенное на нее время и заметно подтянуться там, где они сами еще чувствуют слабину. Поручил полковнику Крышкевичу включить Горбатко и Заикина в активную общественную деятельность и лично руководить их подготовкой к выступлениям.

Заслушал доклад полковника Хлебникова о врачах из Минздрава — кандидатах в космонавты. Киселев и Ильин производят хорошее впечатление, они гораздо сильнее нашего подполковника Лазарева и, видимо, придется Лазарева вернуть в институт, а к полету готовить представителей Минздрава.

После нашего неприятного субботнего разговора Королев, по-видимому, одумался и в понедельник дал команду: до 25 сентября подготовить соображения о возможности осуществления предложенного нами 20-суточного полета на «Восходе», но не одного космонавта, а двух. Судя по всему, реализация этого предложения потянет за собой значительно большие задержки и переделки корабля, чем мы предполагали. Вчера у Королева был полковник Смирнов. Сергей Павлович решил с ним многие вопросы и пытался разыскать меня по телефону для примирительного разговора. Сегодня Королев звонил мне и извинялся за «неприятный разговор». Он еще раз подтвердил, что письмо ВВС ему не понравилось, но он поручил готовить на него объективно обоснованный ответ. После разговора с Королевым из его кабинета позвонил Феоктистов и сообщил о неприятностях при испытаниях «Союза» в Феодосии: 1) нет вертолета Ми-6, болванки (спускаемые аппараты корабля) из степи возят на машинах — вместо двух часов тратят на их доставку по двое суток; 2) из-за отсутствия аппаратуры для зондирования атмосферы утопили в море три имитатора; 3) обработка материалов испытаний идет медленно из-за слабой вычислительной базы; 4) плохо с

автотранспортом. Обещал Феоктистову немедленно принять меры. Сегодня полковник Смирнов доложил мне, что он лично разговаривал с генерал-лейтенантом Финогеновым (начальник Научно-испытательного института ВВС во Владимировке — Ред.) и передал ему эту жалобу ОКБ-1. Финогенов ответил: «Если Королева не устраивают наши условия, пускай он проводит испытания в другом месте». Пономарев знает о таком отношении Финогенова к исполнению приказа Главкома и фактически поощряет его. Я сделаю все возможное, чтобы заставить Пономарева и Финогенова исправить ненормальное положение с испытаниями «Союза».

23 сентября.

Провел в Центре совещание с представителями ОКБ-1 (Анохин и другие), ИМБП, ЦПК, нашего института (ИАКМ — Ред.) и группой космонавтов. Обсуждали предложение Королева готовить полет двух космонавтов на «Восходе-3» на 20 суток. Мы отдаем себе отчет, что подготовить такой полет к 15 ноября нельзя из-за неготовности корабля и его систем. Реально существует и прошла испытания кондиционерная установка, рассчитанная только на 12-15 суток полета. Если даже ОКБ Воронина и создаст за две-три недели новую установку, работоспособную в течение 25 суток (что совершенно невероятно), то для ее испытания потребуется почти месяц. Короче говоря, затея Королева совершенно нереальна. Это не первая и не последняя его »легкая» затея, я уже начинаю привыкать к королевским импульсам, но для дела они обходятся дорого — очень много времени тратится впустую. Если бы в нашем распоряжении были готовые корабли, было бы целесообразнее первый очередной полет готовить на 12-15 суток, второй — на 20 и третий - на 25-30 суток. Полеты со специальными техническими и военными исследованиями могли бы быть более короткими. Наиболее реальным является наше предложение: готовить первый очередной полет двух космонавтов на 15 суток и второй полет одного космонавта на 20-25 суток. Для осуществления таких полетов есть реальные возможности даже в этом году. Чтобы лишить Королева оснований для новой серии упреков в адрес ВВС, мы дали заключение о возможности выполнения 20-суточного полета и соответствии готовящихся космонавтов такому полетному заданию, но оговорили это заключение сроками готовности корабля, его оборудования и документации.

После моего отъезда из ЦПК Егоров и Анохин более двух часов продолжали спорить с Карповым и Комаровым, пытаясь включить в протокол совещания пункт, в котором было бы записано, что ЦПК до 15 ноября подготовит командира корабля и космонавта-ученого для выполнения 20-суточного полета, — они хотели исключить возможность назначения в полет двух летчиков. Я приказал протокол с таким пунктом не подписывать. Егоров и Анохин были вынуждены подписать протокол в нашей редакции.

25 сентября.

Вчера с группой врачей занимался отбором кандидатов в космонавты. Всего через медкомиссию и госпиталь пропущено около 600 человек, признаны годными по состоянию здоровья 60 человек. Решил в период с 18 по 23 октября провести итоговые заседания мандатной комиссии и из 60 кандидатов отобрать только 20 для зачисления в слушатели-космонавты, а 40 человек оставить кандидатами для будущих наборов.

Американцы на сегодня имеют 38 астронавтов и в школе астронавтов готовят еще более 80 человек. Комаров в Западной Германии встречался с американским полковником, который рассказал ему о существовании такой школы и о стремлении американцев всех кандидатов в астронавты подготовить в первую очередь летчиками-испытателями.

Сегодня Вершинин подписал очень строгую шифр-телеграмму Финогенову по устранению недостатков при испытаниях «Союза» в Феодосии и потребовал ежедекадных докладов об исполнении. Главком подписал также письмо министру обороны о большой перегруженности космонавтов и необходимости сократить их участие в приемах, встречах и других аналогичных мероприятиях. Несмотря на мои твердые намерения не отрывать космонавтов от работы и учебы, все же приходится отрывать их еще слишком часто. Так, для Гагарина только на 1 и 2 октября намечены четыре мероприятия: доклад в Кремле, съемки на выставке, съемки для чехословацкого телевидения и встреча в Люберцах.

27 сентября.

Говорил с полковником Смирновым и Главным конструктором Ворониным о возможности осуществления не позднее декабря этого года 20-суточного полета с новой системой кондиционирования воздуха. Оба заявили, что создание такой системы для обеспечения жизнедеятельности двух человек в течение 20 суток вполне возможно, но на ее отработку и испытания потребуется несколько месяцев. В лучшем случае новая система будет готова в первом квартале 1966 года. Вот так обстоит дело, а Королев «порет горячку» и вводит лишние трудности в подготовку очередного космического полета.

29 сентября.

Третий день продолжается работа пленума ЦК КПСС. Опять идет перестройка промышленности: вместо хрущевских совнархозов вновь создаются министерства. Будут приняты меры, направленные к тому, чтобы заинтересовать коллективы и руководителей предприятий в улучшении качества продукции, совершенствовании и повышении прибыльности производства. Вместо помощи промышленности и сельскому хозяйству — непрерывные перестройки, которые приносят только вред. Правда, сейчас, после десятилетних экспериментов Хрущева, очередная встряска народного хозяйства должна пойти на пользу.

Вчера весь день был в Центре. Провел инструктаж Беляева и Леонова по их поездке в ГДР и Западный Берлин. Беседовал с Терешковой по программе ее поездки в Японию. По просьбе Терешковой я написал письмо в МИД о внесении некоторых сокращений в программу. Договорился с Гагариным и Комаровым об их выступлениях на период до 5-го октября. Беседовал с Волыновым, Катысом и Береговым о ходе подготовки к полету. Дал разрешение увеличить количество полетов на невесомость для Волынова и Катыса. Более часа говорил с подполковником Деминым о его предложениях по военным исследованиям в космосе. Все, что предлагает Демин, мне известно, и по всем этим вопросам уже идет работа. Беседа была полезной и для меня, и для космонавта Демина.

Сегодня утром ездили с Левой на стадион имени Ленина играть в теннис. Лева стал играть вполне прилично, мы немного потренировались без счета, а потом он играл с Павлом Турчиным и проиграл со счетом 4:6. Я играл с полковником Смирновым и еле выиграл 6:2; 7:5. Последний сет было трудно играть, почти не мог бегать. Сказывается мое падение с велосипеда. Позавчера мы с Олей километров десять проехали на велосипедах (магазин в поселке

Заборье, мельница, плотина и санаторий «Подмосковье») — за полтора-два месяца Оля отлично овладела велосипедом и проезжает по всем буграм и канавам на лесных тропках. У ворот санатория я оглянулся назад на дорогу, а Оля в это время немного притормозила. Повернувшись вперед, я увидел, что наезжаю на нее, и резко отвернул… Олю я не сбил, но сам оказался на асфальте, ударился правым бедром и локтем. Правая нога третий день болит — я намеренно сегодня поехал на теннис, чтобы поразмять ногу.

Сегодня Пленум ЦК закончил свою работу - участники Пленума маршалы Вершинин и Руденко вышли на службу. Несколько минут беседовал с Вершининым и более часа с Руденко по вопросу реорганизации ЦПК ВВС в испытательный центр космических полетов. Оба маршала боятся оголить космическую линию: они хотят запрятать все космическое в недрах авиации так, чтобы невозможно было выделить космонавтику из ВВС. Руденко высказался за проведение всех космических испытаний в ГНИКИ ВВС, а за ЦПК он предлагает оставить только подготовку космонавтов, его не смущает то обстоятельство, что Центр давно уже вырос из этой «детской распашонки».

Звонил наш посол в ГДР Абросимов. Он просил разрешения 2 октября лететь в Берлин вместе с Беляевым и Леоновым на одном самолете. Дал согласие — это будет полезно и для космонавтов, и для посла.

Внимательно прочитал доклад Косыгина, выступление Брежнева и решения Пленума ЦК. Я от души одобряю эти решения, мне нравятся вдумчивость и неторопливость, с которой пытаются исправить итоги деятельности Хрущева.

Был у меня из агентства печати «Новости» (АПН) Валентин Васильевич Михайлов. Он много занимается космической тематикой и уже кое-что написал о наших достижениях в космосе. Мы вели разговор о подготовке к написанию книги «Итоги и перспективы освоения космоса». Я дал согласие на участие в этой работе Гагарина, Терешковой, Комарова и Леонова. Привлечем и генерал-майора О.Г.Газенко. Можно было бы написать очень интересную книгу, материалов много, но у нас будут большие ограничения по описанию техники, проектов и упоминанию фамилий, а это значительно затруднит работу над книгой и исковеркает ее содержание.

»Красная звезда» опубликовала сегодня материалы о 70-летии маршала Василевского. Из всех наших маршалов с наибольшим правом носят это высокое звание Василевский и Рокоссовский. С Василевским я встречался сотни раз, и всегда это были приятные встречи.

Сегодня говорил по телефону с Королевым. Он завтра летит на полигон — будет пытаться осуществить мягкое прилунение автомата и надеется, что до 10 октября закончит это дело. Настроение у Сергея Павловича бодрое, он высказал сожаление, что не смог посмотреть луноход, но выразил надежду, что мы посмотрим его после 10 октября. Королев прислал нам письмо с просьбой допустить в ЦПК и ГНИКИ киносъемочную группу по «Восходам», но забыл приложить список группы. Я дал согласие на допуск и просил прислать фамилии кинооператоров. Королев удивился отсутствию списка, а затем признал, что «такое у нас бывает», и рассказал, как на днях он получил от одного инженера длинное и обстоятельное заявление с просьбой о приеме в космонавты, но без фамилии и адреса заявителя.

1 октября.

Незаметно пролетел сентябрь. Чудесный был месяц, теплый, сухой, очень солнечный. Первое утро октября тоже прекрасное. Все деревья в золотом уборе, листопад только начинается. В 6:30, как обычно, я вместе с Мусей и Олей выехал с дачи. Приятна быстрая утренняя езда, 48 километров я проехал за 38 минут. Обычно утром я еду 40-45 минут, было лишь несколько случаев, когда поездка на машине занимала меньше 40 минут.

Муся сегодня не поехала на теннис, ее заменил Лева. В 7:30 мы уже были на корте и до подхода партнеров сражались один на один. Лева стал играть хорошо — я выиграл у него с трудом 5:4, закончить сет помешали друзья. Против Смирнова и Турчина мы сыграли три сета (6:1, 6:4 и 6:4). Третий сет мы вели со счетом 5:1, но за два часа игры я изрядно устал, да и нога еще дает о себе знать, последний гейм играли плохо и еле вытянули победу. Это была моя первая игра в паре с сыном и я доволен его игрой.

Звонил от Королева Цыбин, договорились с ним о проведении 4 октября встречи представителей ОКБ-1, ВВС, РВСН и Минздрава по вопросу о заданиях на полеты «Восходов».

Получил интересное письмо из Ленинграда. Пишет некто Ветер, ему около 30 лет, он гражданский инженер, самостоятельно готовящийся к космическому полету. Кроме теоретической подготовки, он провел большой комплекс физических тренировок (плавание, прыжки в воду, бег, велосипед, парашютный спорт, батут, лопинг, кресло Барани — на кресле он провел более 6000 вращений — и много других упражнений). Все эти тренировки проводились им изо дня в день в течение 8 лет. Если все, о чем пишет в своем письме Ветер, правда, то он должен быть уже хорошо подготовленным космонавтом. Дал команду вызвать его ко мне на 5 октября.

Звонил секретарь ЦК КПСС Суслов. Он спросил, знаю ли я о статье в одном из югославских журналов, в которой опубликованы три снимка Гагарина рядом с французской гоночной автомашиной, а в тексте значится примерно следующее: «В Париже на авиационно-космической выставке Гагарин занимался больше автомобилями, чем авиацией и космосом». Я ответил Суслову, что с содержанием статьи знаком, статья пасквильная. Французы подарили Гагарину гоночную машину, зная, что он увлекается быстрой ездой. Принять подарок от французов ему посоветовали министры Дементьев и Смирнов и наш посол в Париже Зорин. Суслов удовлетворился моим ответом, но посоветовал быть осмотрительней с подарками космонавтам из капиталистических стран.

2 октября.

Был в Центре. Все космонавты находились в этот день на занятиях в ОКБ-1, а более сотни сотрудников ЦПК уехали на сбор картофеля. Беседовал с генералом Кузнецовым и кадровиком по вопросам аттестации офицеров. Приказал Кузнецову обратить особое внимание на аттестацию космонавтов. Подробность, правдивость и требовательность — главное достоинство любой характеристики.

Более часа беседовал с Вершининым. Главком интересовался ходом учебы космонавтов в академии, составом групп и степенью готовности к космическим полетам тех космонавтов, которые уже приступили к предполетной подготовке. Вершинин выразил пожелание, чтобы все космонавты более упорно изучали английский язык. Главком уже несколько раз говорил мне, что он из-за незнания языка очень неловко чувствует себя с иностранцами и хотел бы предупредить космонавтов об этих неудобствах. Я приказал Кузнецову подготовить за 2-3 дня конкретные предложения по усилению занятий английским языком слушателей-космонавтов и космонавтов.

Сегодня Беляев и Леонов вылетели в Берлин. Терешкова провела встречу в одной из школ по личной просьбе Л.И.Брежнева.

4 октября.

Вершинин сообщил мне печальную весть: умер Иван Федорович Шепилов — бывший редактор журнала «Авиация и космонавтика». Здоровье у него было слабое, он перенес три инфаркта, но умер он не из-за сердечной недостаточности, а по причине закупорки (тромба) кровеносной артерии.

Был на совещании в ОКБ-1. Обсуждали программы полетов кораблей «Восход» №№ 5, 6, 7. Руководство ОКБ-1 очень вежливо, но решительно отвергло основные пожелания военных. П.В.Цыбин, проводивший совещание, заявил, что для осуществления всех предложений МО нужно строить десятки кораблей. Пятый корабль полетит с собакой. На шестом и седьмом кораблях полетят на 15 суток экипажи из двух человек, на обоих кораблях будут проводиться испытания системы искусственной тяжести и в ограниченном объеме — медико-биологические и военные исследования. С нашей, военной, точки зрения, испытания системы искусственной тяжести — это не первоочередная задача, ее можно было бы решать на 2-3 года позже, но корабль с этой системой почти на выходе, и сейчас менять программу его полета поздно. Главная причина малого количества военных экспериментов в космических полетах заключается в том, что Малиновский запрещал и запрещает заказывать корабли для военных целей. Он считает, что кто-то когда-нибудь построит ему идеальный военный космический корабль, и только тогда он даст согласие строить серию таких кораблей. А Королев и Келдыш решают в первую очередь технические и чисто научные проблемы, оставляя для военных экспериментов только попутные возможности. На совещании присутствовали представители Минздрава, ракетных войск и ПВО. Все военные настаивали на разработке военной космической программы, но Цыбин высказался в том духе, что это не является задачей данного совещания, и предложил ограничиться обсуждением программ предстоящих полетов трех кораблей. Я поддержал Цыбина: ОКБ-1 не может разрабатывать военную космическую программу — это дело Министерства обороны. Но в МО нет единого органа, способного решить эту большую задачу. Час назад у меня был Гагарин. К 16:00 его вызывает маршал Гречко. Я посоветовал Гагарину объяснить маршалу причины наших отставаний и напомнить предложения ВВС по вопросам заказов космических кораблей, письмо Малиновскому о передаче «военного космоса» из РВСН в ВВС и наши просьбы и предложения по военным исследованиям. К Гречко вместе с Гагариным поехал и Вершинин. Главком хотел взять и меня, но Гречко сказал: «Пускай Каманин находится у телефона, потребуется — вызовем. Я не знаю, какие вопросы будет поднимать Гагарин: может, присутствие Каманина будет его смущать». Я не жду больших результатов от этой встречи, и все же такие встречи нужны. Более того, в создавшейся обстановке необходимы и встречи космонавтов с руководителями партии и правительства.

5 октября.

Сегодня Главком собрал у себя Руденко, Брайко, Мишука, Белюнова и меня и рассказал о вчерашней встрече с маршалом Гречко. Гагарин, как я ему и рекомендовал, поставил перед Гречко вопросы нашего отставания в космосе, сделав особый упор на отставании в военных исследованиях. Как заявил Гречко, он все время считал, что ЦУКОС находится в ведении ВВС, и что передача космических дел ракетным войскам ошибочна. Такое заявление не делает чести маршалу Гречко, а только лишний раз доказывает, как плохо министр Малиновский и его первый заместитель руководят военной космонавтикой. Плохо это аттестует и Вершинина. Когда в прошлом году мы под руководством маршала Бирюзова готовили проекты объединения космоса под эгидой ВВС, Бирюзов неоднократно говорил нам, что эти предложения поддерживают Епишев и Гречко. Вершинин знал, что Гречко за нас, но ни разу не поговорил с ним на эту тему и сдался при первом же окрике Малиновского. В ходе беседы Гречко вызвал генерал-лейтенанта Трусова (заместитель начальника НТК Генштаба) и приказал подготовить на вторую половину ноября заседание Высшего военно-технического совета для рассмотрения вопроса о руководстве военным космосом и наиболее целесообразной организации этого дела в МО. После ухода Гагарина Вершинин еще около часа беседовал с Гречко, последний обещал Главкому внимательно разобраться в космических делах и объединить космос на базе ВВС.

Я уже из опыта знаю, что это еще далеко не победа, ведь у нас очень сильный противник - министр обороны Малиновский. Но теперь я организую такую атаку против Малиновского, что он будет вынужден капитулировать. Меня страшит не сам Малиновский, а то, что мои «друзья» — маршал Руденко и генерал-полковник Пономарев — многое могут испортить своими плохо обдуманными предложениями и своим влиянием на Главкома. Главное сейчас - сосредоточить руководство космонавтикой в ВВС, а уж потом реорганизовывать и улучшать его. Пономарев и Руденко пытаются, к сожалению, начинать с реорганизации и увеличения численности.

Вчера выведена на орбиту и направлена к Луне АМС «Луна-7». Все идет пока нормально, и если «Луна-7» полностью выполнит программу и мягко прилунится — это будет большим нашим успехом.

7 октября.

5 октября в конце дня был в Научно-техническом комитете Генштаба. Присутствовали генералы Трусов, Юрышев, Мишук, начальник НТК ПВО и полковник Харичев. Обсуждали в предварительном плане порядок подготовки заседания Совета Министерства обороны по вопросу о военном космосе. Маршал Гречко предложил доложить на заседании Совета о ходе освоения космоса у нас в сравнении с США, о наших недостатках и о том, что нужно делать и где должен быть ЦУКОС — в ВВС или ракетных войсках. Трусов и Юрышев первоначально намеревались ограничить дискуссию только техническими вопросами. Но после моего выступления они поняли, что гвоздь проблемы в организации дела: оставлять ли существующую дряблость и распыленность руководства космонавтикой или объединить все усилия по освоению космоса в единой организации? Так и только так стоит вопрос. Я понял, что надеяться на поддержку НТК Генштаба у нас нет оснований. Если эта наша атака за объединение космоса на базе ВВС сорвется, то это будет окончательным поражением наших идей. Победа ракетных войск будет готовить поражение СССР в космосе. Вывод один: надо идти в последний и решительный бой и добиваться победы.

Сегодня я рассказал маршалу Руденко о моих намерениях попробовать склонить к защите наших позиций Главкома ВМФ адмирала Горшкова, Главкома ПВО маршала Судца, заместителя начальника Генштаба генерала армии Батицкого и даже Главкома ракетных войск маршала Крылова. Руденко одобрил мой план, но посоветовал поговорить по этому поводу с Вершининым. План мой очень прост: я заставлю говорить космонавтов — пусть они со знанием дела, с авторитетом и молодой энергией попросят этих «старых дядей» не мешать им осваивать космос. На полную удачу этого мероприятия я не рассчитываю, но хотя бы 50 процентов успеха можно предвидеть.

8 октября.

Главком «благословил» меня на тщательную подготовку боя за объединение космоса. Правда, я не сказал ему о наших с космонавтами намерениях — кроме «обработки» военных руководителей обратиться еще и к первому секретарю ЦК КПСС Брежневу. Вершинин и Руденко будут против обращения в ЦК, и я не могу связывать себе руки предварительным разговором с ними по этому вопросу.

Сегодня в 1:08 «Луна-7» шлепнулась на лунную поверхность. Мягкой посадки опять не получилось, а получился пшик. Это очередная наша лунная неудача. Если бы средства, затраченные на лунники, переключить на обитаемые спутники, мы могли бы уже иметь 20-50-суточные пилотируемые полеты на одноместных и двухместных кораблях.

9 октября.

Вчера и сегодня занимался вопросами управления космическими полетами и установления радиосвязи между космическим кораблем и самолетами, подлодками и надводными кораблями. У нас нет единого хорошо организованного пункта для руководства полетами обитаемых кораблей, есть лишь временный командный пункт на полигоне (плохое помещение, нет необходимого оборудования, среди специалистов смен много случайных и недостаточно подготовленных людей). Командный пункт ВВС занимается только посадкой космических кораблей и их поиском после приземления, а командный пункт РВСН - плохой дублер КП полигона. Необходимо срочно создать в Москве на базе ВВС единый командный пункт управления космическими полетами, оборудовать его специальными средствами связи, подготовить специалистов и руководителей полета. Меня беспокоит и отсутствие связи между КП и космическим кораблем с шестого по тринадцатый виток каждых суток полета: почти 9 часов каждые сутки мы не имеем связи с кораблем на УКВ-каналах, а связь на КВ-каналах практически неосуществима. Для надежной радиосвязи с самолетом или подводной лодкой по УКВ-каналу в метровом диапазоне радиоволн необходимо иметь на них громоздкие (10 метров диаметром) подвижные узконаправленные антенны. Установка таких антенн на самолете и подлодке невозможна. Радиосвязь космического корабля с надводным морским кораблем возможна (Быковский установил такую связь), но из-за отсутствия надежной радиосвязи морского корабля с береговыми КП на дальних расстояниях (более 5-6 тысяч километров) такая связь обесценивается. Для более успешного управления космическими кораблями и установления надежной связи их с самолетами, подлодками и другими объектами требуется переход с метровых волн на дециметровые. Это очень сложная задача. Придется продолжать искать пути для более надежного управления полетами космических кораблей и в метровом диапазоне. На будущей неделе проведу совещание связистов ВВС.

На место генерала Холодкова назначен полковник Фролов, сегодня он представляется мне по поводу вступления в

должность. Фролова я знаю еще по его работе в ГКНИИ, помню, что, когда в 1960 году я впервые отправился на космодром, вместе со мной летели полковники Фролов, Смирнов и Денисов. Последние три года Фролов работал в Феодосии и много занимался космической техникой.

12 октября.

Вчера вечером ехал на дачу час сорок минут (обычно 45-50 минут). Весь день шел снег, а вечером разыгралась пурга. Видимость — 7-10 метров, дорога очень скользкая, пришлось ехать на скорости 30-40 километров в час и меньше. Всю землю покрыл снег, на даче толщина снежного покрова — 10-15 сантиметров, температура — 3 градуса. Сегодня утром ехать было тоже очень трудно, видел три машины в кюветах, а одна даже перевернулась. Думаю, что этот снежок скоро растает, — до ноября буду ездить на дачу на машине.

Заходил генерал-лейтенант Клоков, он сейчас занимается строительными вопросами нашего института (ИАКМ) и санатория «Чемитоквадже». Клоков просил разрешения слетать в «Чемитку» и на месте разобраться с объемом и ходом строительства возводимых там спортивных сооружений. Этот санаторий мы развиваем как основную базу активного отдыха космонавтов, он расположен в сорока километрах севернее Сочи, у самого берега моря. Рядом с санаторием девственные леса и горы, условия для отдыха и занятий спортом прекрасные. Комаров, Беляев и другие космонавты довольны санаторием, но кое-кто (Леонов, Титов) считают его скучным. Да, в окрестностях санатория только дикая, но красивая природа, там нет театров, ресторанов с джазом и толп людей… Я разрешил генералу Клокову до конца октября побывать в «Чемитоквадже».

Комиссия Генштаба, работавшая над вопросами обитаемости в космосе, возбудила ходатайство о создании на базе нашего ИАКМ Института обитаемости. Маршал Руденко и Главком приняли энергичные меры, чтобы отбить этот очередной наскок на ВВС, — такое решение принесло бы непоправимый вред военной авиации и космосу. Одними из главных идеологов очередной перестройки являются полковник Денисов (из нашего института переведен в Генштаб) и начальник института генерал-лейтенант Волынкин. Последний не оправдал наших надежд - придется в ближайшее время с ним распрощаться.

14 октября.

Провел вчера совещание специалистов ВВС по радиокосмической связи, присутствовало 18 человек. В связи с необходимостью осуществления пилотируемых полетов к Луне и изменением наклона орбиты космических кораблей с 65 градусов до 51 градуса очень усложняются задачи управления полетами космических кораблей, обеспечения качества и регулярности радиосвязи с ними, выбора районов приземления и организации поиска. Необходимо уже сейчас многое уточнять, улучшать и делать по-новому. Маршал Руденко согласился с моим предложением подготовить обстоятельный доклад министру обороны по состоянию и недостаткам космической связи и наши предложения с учетом перспективы на 4-5 лет.

Из Чехословакии приехали 8 кино— и телеоператоров. Дал им разрешение провести съемки космонавтов в академии, дома и на спортзанятиях. Больше всех достанется Гагарину, он главный герой этих съемок.

Вчера секретариат ЦК КПСС принял окончательное решение о поездке Терешковой и Николаева в Японию. В секретариате Вершинину дали понять, чтобы он при организации поездок космонавтов за границу не увлекался большим числом сопровождающих лиц и выделением для полетов специальных самолетов. На этот раз секретариат все же разрешил использовать специальный самолет и послать четырех сопровождающих.

Был в ЦПК. Договорился с Гагариным о содержании письма космонавтов Брежневу. Решили, что активную работу по подготовке встречи с главкомами будут проводить Гагарин, Николаев, Комаров и Леонов. Я передал Гагарину написанный мною проект письма в ЦК. Гагарина несколько смущает резкость высказываний в адрес маршала Малиновского, хотя он согласен, что по существу о министре все написано правильно. Гагарин взял на себя подготовку к «бою» всех других космонавтов.

Беседовал с Терешковой и Николаевым о предстоящей поездке в Японию. Валя сказала, что ее эта поездка волнует больше, чем визит в Париж, а Андриян имел намерение вообще отказаться от поездки из-за перенесенной операции. Я ознакомил их с уточненной программой поездки, обещал дать по 2-3 варианта выступлений, провести встречу в МИДе и ЦК с товарищами, хорошо знающими обстановку в Японии. Валя очень беспокоится за Аленушку: мать Вали уехала в Ярославль к другой дочери, Аленушка останется только с няней. Я обещал Вале, что врачи ежедневно будут наблюдать за ее дочкой. На 20-21 октября я наметил беседу со всей группой убывающих в Японию.

В присутствии генерала Кузнецова я подвел итоги заграничных поездок (Болгария, Греция, ГДР, Куба) Беляева и Леонова.

Поездки прошли, в основном, хорошо, но со стороны Леонова были случаи поспешных, необдуманных высказываний. По возвращении с Кубы он заявил: «Мне было часто стыдно за руководителя делегации Кэбина, он ярый националист и недалекий человек». Прилетев из Афин, он ляпнул: «Народ Греции встречал нас лучше, чем встречали в социалистических странах». Были ошибки и у Беляева, но менее значительные. Оба согласились, что ошибки имели место. Генерал Кузнецов задал мне вопрос, стоит ли ему переезжать в новый гарнизон? Кузнецов очень мнительный, ему все время кажется, что его вот-вот снимут с должности и на его место поставят Гагарина. Я заявил ему, что до этого еще далеко. Когда Гагарин будет готов командовать Центром (2-3 года уйдет у него на окончание академии), к тому времени я освобожу свою должность для Кузнецова. Правда, я сказал Кузнецову, что моя положительная оценка его двухлетней работы в Центре не мешает мне отметить и его недостатки. Кузнецов много занимается личными делами и еще недостаточно глубоко вникает в работу с космонавтами.

18 октября.

Сегодня мне «стукнуло» 57 лет. Раньше я считал людей в этом возрасте стариками, сейчас мои взгляды на старость изменились. Я себя стариком не считаю. Ежедневно я тружусь по 13-14 часов: встаю в 5:30 и готовлю к поездке машину, час за рулем до Москвы, семь часов работы на службе, час езды до дачи, самые различные физические работы на даче и только после 9 часов вечера у меня появляется потребность отдохнуть. Мои объективные медицинские показатели (по содержанию сахара в крови и артериальному давлению) — неважные, а субъективно я чувствую себя хорошо. Сегодня утром, только я зашел в свой кабинет, как генералы Брайко, Кувенев, Ушаков, Горегляд, Бабийчук и другие пришли поздравить меня с днем рождения. Не скрою, мне это было приятно, хотя

я никогда не придавал никакого значения подобным датам.

Провел первое итоговое заседание мандатной комиссии по отбору новых слушателей-космонавтов. Присутствовали генералы: Горегляд, Чугунов, Бабийчук, Кузнецов, Волынкин, Бородин; полковники: Гагарин, Крышкевич, Хлебников, Смирнов, Брянов, Аристов, Гаврилов, Никерясов и другие. На комиссию вызывали одиннадцать летчиков-инженеров. Хорошее впечатление произвели на всех Федоров, Волошин, Шарафутдинов, Щеглов и Крамаренко. Белобородов, Карасев, Чумаков, Кизим, Ивченко и Козельский выглядят значительно слабее: мало читают вообще и почти не читают художественную литературу, один из них не мог даже назвать ни одного произведения Лермонтова. Лейтенант Карасев на мой вопрос: «Курите?» — четко и твердо ответил: «Курил, бросил 8 июля и не тянет». А через 20 минут, во время перерыва, я увидел, как Карасев в туалете с наслаждением затягивается папиросой. Заметив меня, Карасев «проглотил язык», и на мой повторный вопрос: «Курите?» — уже не нашелся, что ответить. Меня эта нечестность поразила, большинство же членов комиссии среагировали иначе: «После такой комиссии закуришь!»

19 октября.

Провел второе заседание мандатной комиссии. Рассмотрели 12 кандидатов из числа летчиков-инженеров (10 — из ПВО и 2 — из ВМФ). Отличное впечатление произвел лейтенант Яковлев. Лейтенанты Петрушенко и Конюхов также прошли без замечаний. Лейтенанты Зенькович, Середа, Климук, Ляхов, Скворцов могут быть зачислены в списки кандидатов. А вот лейтенанты Капустин, Куц, Белих и Фоманин имеют серьезные недостатки, и их, по-видимому, нецелесообразно зачислять в ЦПК.

Сегодня я, Беляев, Леонов и Генин выступаем в Центральном доме литераторов с показом фильма «Человек вышел в космос». Всего о полетах и поездках космонавтов создано более 30 фильмов. Сегодня 20 киноработников, писателей и поэтов мы наградим большим космическим значком за активную работу по космической тематике.

20 октября.

Вчера в Центральном доме литераторов с 18 до 21 часа я, Беляев и Леонов, а также сотрудники редакции журнала «Авиация и космонавтика» провели вечер встречи с писателями, поэтами и киноработниками. Леонов выступал, как всегда, хорошо. Заметно лучше стал держаться на трибуне и Беляев. Группу творческих работников мы наградили большим космическим значком. Автор значка - скульптор Постников; значок получился отличный, мы используем его, в основном, как сувенир при заграничных поездках космонавтов. Среди награжденных Рябчиков Евгений Иванович — писатель, киносценарист, много сделавший для популяризации космонавтики; Борзенко Сергей Александрович — писатель, военный корреспондент и обозреватель «Правды», Герой Советского Союза; писатели: Денисов Н.И., Ляпунов Б.В., Казанцев А.П., Рахилло И.С., Меркулов А.Г., Войнович В.Н. (автор слов популярной песни «На пыльных тропинках далеких планет…»); киноработники: Тихонов М.В. — директор студии «Мосфильм», Косенко Г.М. — режиссер, Боголепов Д.А. - режиссер, Макаров Н.В. — директор многих фильмов о космосе и другие. Вечер прошел очень хорошо, все были довольны. Правда, сегодня мне уже звонил из ЦК КПСС А.И.Сербин и интересовался, есть ли у меня текст моего вчерашнего выступления. Оказывается, в ЦК кто-то донес, будто бы я сказал, что после полета «Джемини-5» советское правительство просило США прислать к нам их специалистов и поделиться с нами опытом этого полета. В действительности я говорил совершенно другое: «После полета Беляева и Леонова группа американских специалистов приезжала в Москву, и по разрешению советского правительства Беляев и Леонов рассказали им подробности своего полета. Это помогло США быстрее подготовить и провести полет с выходом из корабля в космос».

Сегодня провел третье итоговое заседание мандатной комиссии, рассмотрели 12 кандидатов. Отличное впечатление на всех членов комиссии произвел лейтенант Бредихин Павел Тарасович. Хорошие результаты у Сосновского, Филатова, Емельянова, Тимошкина, Писарева, Сарафанова, Зудова и Коваленка. Алымов и Абрамов получили только удовлетворительные оценки. Возраст кандидатов — 23-25 лет. Общее впечатление от всей группы летчиков-инженеров хорошее: из 36 кандидатов можно отобрать 10-12 человек с отличными общими показателями. Эти 36 кандидатов были отобраны из 290 летчиков, пропущенных через все комиссии. В среднем из 25-27 летчиков мы отбираем одного слушателя-космонавта.

21 октября.

Провел четвертое заседание мандатной комиссии. Рассмотрели 17 кандидатур. Отличное впечатление произвели инженеры Колесников, Степанов и Маринин. Лучшим из штурманов выглядит Грищенко, правда, у него есть одно «но»: родной отец Грищенко - русский немец Тевс Генрих Генрихович — до 1952 года был в лагерях. Сын носит фамилию матери, а отец стал Андреем Андреевичем Тевсом и сейчас работает слесарем. Кандидаты: Поляков, Пицхелаури, Силантьев, Макшов, Судьин, Лисун, Гайдуков, Измалков, Сологуб, Дегтярев и Лапаев редко поднимаются выше удовлетворительных оценок.

Заезжали ко мне Терешкова и Николаев. Более часа беседовал с ними о предстоящей поездке в Японию: разобрали перечень возможных вопросов и ответов на них, просмотрели тексты четырех типовых выступлений. Валя и Андриян чувствуют себя намного уверенней — к этой поездке они готовились больше, чем обычно. Они уже были в иностранном отделе ЦК КПСС, в МИДе, Союзе обществ дружбы, АПН и провели в Москве три встречи с японцами.

Гагарин доложил, что письмо в ЦК КПСС он перепечатал и завтра его подпишут космонавты, а в субботу он лично передаст его помощнику Брежнева.

23 октября.

Накануне провел пятое заседание мандатной комиссии, на котором рассмотрели еще 17 кандидатов. Сегодня в 10 часов утра начнем последнее (итоговое) заседание комиссии — из 65 кандидатов, признанных годными по состоянию здоровья быть космонавтами, мы отберем только 20 слушателей-космонавтов. У нас есть разрешение ЦК КПСС и министра обороны отобрать 40 человек, но основная масса кандидатов 1942-1943 годов рождения «жидковата по здоровью», а общее развитие у многих ниже требуемого уровня, поэтому мы решили набрать в этом году не более 20 человек. Всех остальных будем иметь в резерве для рассмотрения при очередных наборах.

Только что в конференц-зале собирал всех кандидатов, чтобы объявить им решение комиссии, согласно которому в число слушателей-космонавтов приняты следующие товарищи:

а) из летчиков-инженеров — лейтенанты: Волошин В.А., Шарафутдинов А.И., Щеглов В.Д., Крамаренко А.Я., Яковлев О.А., Петрушенко А.Я., Скворцов А.А., Федоров А.П., Климук П.И., Сарафанов Г.В., Зудов В.Д., Кизим Л.Д.;

б) из инженеров — инженер-капитаны: Колесников Г.М., Степанов Э.Н., Лисун М.И.; старшие инженер-лейтенанты: Рождественский В.И., Хлудеев Е.Н., Глазков Ю.Н., сержант Преображенский В.Е.;

в) из штурманов-инженеров — лейтенант Грищенко В.А.;

г) из врачей — майор медицинской службы Дегтярев В.А.

Вчера вечером Гагарин при мне позвонил Брежневу. К телефону подошел помощник Брежнева — Морозов, с которым договорились о встрече. Гагарин передал Морозову письмо космонавтов в ЦК КПСС о недостатках в организации космических исследований. Брежнев в это время был в Киеве, Морозов обещал доложить ему письмо до понедельника (25 октября).

25 октября.

Вчера в 10:30 с аэродрома Домодедово Терешкова и Николаев вылетели на Ил-18 в Хабаровск, а завтра утром они на этом же самолете полетят в Токио. Проводить космонавтов приезжал японский посол с женой, начальник дальневосточного отдела МИДа Судариков, генералы Горегляд, Кузнецов и другие. Сегодня я получил шифр-телеграмму от Виноградова из Токио. Посол сообщает, что японское правительство, в порядке исключения, разрешает космонавтам и сопровождающим их лицам прибыть в Японию спецсамолетом, а всех остальных членов делегации (5 человек) предлагает отправить пароходом.

Рассмотрел с участием девяти лучших специалистов ВВС материалы по космической радиосвязи и дал согласие доложить Главкому выработанные нами предложения:

1) создать штатный командный пункт управления космическими полетами;

2) создать на Кубе вспомогательный командный пункт;

3) внедрить в практику полетов имеющиеся современные системы связи (»Заря-65» и другие), продолжать изыскания и исследования по всем перспективным радиосистемам и каналам связи;

4) для круглосуточной связи с космическим кораблем использовать спутники-ретрансляторы.

Заходили ко мне генерал-лейтенант Волынкин, генерал-майор Бабийчук и полковник Карпов. Все они жалуются на маршала Руденко и на Королева. Руденко и, главным образом, Королев настолько запутали организацию медицинского обеспечения космических полетов, что сейчас никто не знает своих обязанностей. Институты ссорятся, а дело стоит.

26 октября.

25 октября в 19:41 по московскому времени США планировали осуществить запуск «Джемини-6» с двумя астронавтами на борту: капитаном ВМС Уолтером Ширрой (командир корабля) и майором ВВС Томасом Стаффордом. В данном полете предполагалось осуществить стыковку корабля с ракетой «Аджена», которая была запущена вчера за 1 час 41 минуту до старта «Джемини-6». В 19:00 по московскому времени старт корабля был отменен из-за отсутствия связи с ракетой «Аджена». Американцы рассчитывали выполнить пуски ракеты и корабля так, чтобы на втором витке «Аджена» была на удалении 1200 миль от «Джемини-6» в момент выхода его на орбиту; после четырех витков расстояние между ракетой и кораблем сокращается до минимума, и через шесть часов полета Ширра с помощью двигателей «Джемини-6» мягко вводит носовую часть корабля в муфту ракеты «Аджена». Вчера полет и стыковка не состоялись, но полет «Джемини-6» состоится, наверное, через несколько дней.

Американский и наш метод стыковки очень прост: он взят из практики авиации (соединение самолетов шлангом для перекачки горючего), но это вовсе не значит, что при первом же полете может осуществиться стыковка космического корабля и ракеты — это был бы ошеломляющий успех американской космической техники. Более вероятно, что при первой попытке стыковка в космосе не состоится, но она обязательно будет освоена. Стыковку необходимо отработать надежно. Для этой цели можно не пожалеть и десятка кораблей и ракет. Обидно, что из-за ошибок Королева и ВПК (Смирнов) наш «Союз», приспособленный для стыковки, опаздывает с выходом на орбиту почти на три года: полеты «Союзов» начнутся не раньше 1966 года. Дай Бог, чтобы стыковка советских космических кораблей состоялась хотя бы во второй половине 1966 года. В ВВС уже более двух лет существует стенд-тренажер для отработки стыковки в космосе, и космонавты давно освоили стыковку на этом тренажере. Наша беда в том, что ОКБ-1 и ракетчики более трех лет разрабатывали полностью автоматическую систему стыковки. Они не верили в возможности космонавтов и только в последнее время взяли курс на повышение их роли в осуществлении стыковки.

Звонил Келдыш. Он, как и Королев, ходатайствует за майора Белоусова, которому мы отказали в приеме в число слушателей-космонавтов. Белоусову 35 лет, он более шести лет служит на космодроме Байконур, обладает отличным здоровьем и настойчиво пытается попасть в ряды космонавтов. Общее впечатление от Белоусова хорошее, но его тесть во время войны служил переводчиком у немцев и был осужден за пособничество врагу. Сергей Павлович готов написать письма в ВВС, КГБ и другие инстанции, чтобы поддержать Белоусова. Королев обещал также поговорить с Тюлиным, чтобы он вместе с Вершининым подписал письмо Дементьеву о космической капсуле Северина и Уманского.

27 октября.

Собирался завтра вылететь в санаторий «Чемитоквадже» с группой врачей и физкультурников для принятия на месте решения по сооружению физкультурного комплекса и бытовых помещений для отдыха космонавтов, но меня подвел генерал-лейтенант В.Я.Клоков. Он сегодня должен был вернуться из Киева и лететь вместе с нами, но Клоков (он у нас сейчас в роли главного строителя) пока не вернулся и сорвал наш вылет. В «Чемитоквадже» уже многое сделано, и несколько раз там уже отдыхали космонавты. Хочется превратить этот санаторий в образцовый центр активного отдыха летчиков и космонавтов.

28 октября.

Показал сегодня копию письма космонавтов в ЦК КПСС маршалу Руденко и Главкому Вершинину. У меня были основания не говорить с ними о письме до вручения его Брежневу; я был готов отражать их опасения и нерешительность, но оба маршала остались довольны содержанием письма. (Текст письма Н.П.Каманин не приводит в своих записях, но, поскольку именно он является автором этого документа, редколлегия сочла возможным поместить его в данном издании - Ред.)

»ЦК КПСС
товарищу Брежневу Л.И.

Дорогой Леонид Ильич!

Мы обращаемся к Вам по вопросам, которые считаем очень важными для нашего государства и нас.

Всем хорошо известны успехи Советского Союза в освоении космоса, нет надобности перечислять наши победы. Они есть, они останутся в истории и всегда будут гордостью нашего народа. Народ, партия и наши руководители всегда справедливо связывали успехи в космосе с успехами строительства социализма. «Социализм - лучшая стартовая площадка для полетов в космос». Эта крылатая фраза облетела весь мир. Эти слова с гордостью произносили советские люди, в них верили народы социалистических стран, сотни миллионов людей за рубежом по нашим космическим успехам познавали азбуку коммунизма. Так было. Мы, космонавты, много раз выезжали за границу, мы тысячу раз были свидетелями того, как горячо многомиллионные массы людей различных стран приветствовали успехи Советского Союза в космосе.

Но за последний год положение изменилось. США не только догнали нас, но и в некоторых областях вышли вперед. Полеты космических аппаратов «Рейнджер-7», «Рейнджер-8», «Маринер-4», «Джемини-5» и некоторых других космических аппаратов являются серьезным достижением американских ученых.

Это отставание нашей Родины в освоении космоса особенно неприятно нам, космонавтам, но оно наносит также большой ущерб престижу Советского Союза и отрицательно скажется на оборонных усилиях стран социалистического лагеря.

Почему Советский Союз теряет ведущее положение в космических исследованиях? На этот вопрос чаще всего отвечают так: США развернули очень широкий фронт исследовательских работ в космосе, на космические исследования они выделяют колоссальные средства. За 5 лет они израсходовали более 20 миллиардов долларов и только за 1965 год — 7 миллиардов долларов. Этот ответ в основном правильный. Хорошо известно, что США расходуют на космос много больше, чем СССР.

Но дело не только в средствах. Средств и Советский Союз на освоение космоса выделяет немало. Но у нас, к сожалению, много недостатков в планировании, организации и руководстве этими работами. О каком серьезном планировании космических исследований можно говорить, когда у нас нет никакого плана полетов космонавтов. Кончается октябрь месяц, до конца 1965 года осталось немного времени, а ни один человек в Советском Союзе не знает, будет ли в этом году очередной полет человека в космос, каково будет задание на полет, какова продолжительность полета. Такое же положение было и во всех предыдущих полетах кораблей-спутников «Восток» и «Восход», что создает совершенно ненормальную обстановку в период подготовки космонавтов к полету, не позволяет заблаговременно в спокойной обстановке готовить экипажи к полету.

Мы знаем, что в стране есть планы создания космической техники, знаем решения ЦК КПСС и правительства с конкретными сроками изготовления космических кораблей. Но мы знаем также, что многие из этих решений не выполняются совсем, а большинство выполняется с большим опозданием по срокам.

Космические полеты людей становятся все более сложными и длительными. Для подготовки таких полетов нужно много времени, нужна специальная аппаратура, учебные корабли и тренажеры, которые сейчас создаются с большим опозданием, кустарным способом. Короче говоря, нужен государственный план космических полетов людей, в котором планировались бы: задача полета, дата, состав экипажа, продолжительность полета, срок готовности корабля, тренажера и другие наиболее важные моменты подготовки полета.

До настоящего времени полеты пилотируемых кораблей проводились по планам Академии наук СССР, а непосредственно управление и техническое обеспечение организовывались представителями промышленности и Министерства обороны СССР. Военные вопросы в программу полета включались довольно относительно, что можно объяснить тем, что внутри Министерства обороны нет организации, которая занималась бы комплексно вопросами освоения космоса. Космосом занимаются все: ракетные войска, ВВС, ПВО, ВМФ и другие организации. Такая раздробленность усилий и средств на освоение космоса мешает делу, много времени уходит на согласование планов и решений, на решениях часто отражается ведомственный подход к делу. Существующее положение с организацией космических исследований противоречит духу решений сентябрьского пленума ЦК КПСС и должно быть изменено.

В 1964 году начальником Генерального штаба маршалом Советского Союза Бирюзовым была создана специальная комиссия. Комиссия, обстоятельно изучив организацию работ по освоению космоса, пришла к выводу о необходимости объединения всех космических работ на базе Военно-Воздушных Сил. Это предложение поддержали маршал Советского Союза Бирюзов С.С., генерал армии Епишев А.А. и маршал Советского Союза Гречко А.А. Но после трагической гибели маршала Советского Союза Бирюзова эти разумные предложения отбросили и организовали ЦУКОС при ракетных войсках. Но создание этой организации ничего не изменило. Остались ведомственность, раздробленность и несогласованность.

Командование ВВС и мы, космонавты, неоднократно обращались в Генеральный штаб, к министру обороны и в Военно-промышленную комиссию с конкретными предложениями по строительству и оборудованию космических кораблей, способных решать задачи боевого применения. Наши предложения, как правило, не поддерживались руководством ракетных войск. Мы получали резолюции: «Востоки» военного значения не имеют, заказывать их нецелесообразно», «Заказывать «Восходы» не будем, нет средств».

В 1961 году мы имели два «Востока».

В 1962 году мы имели два «Востока».

В 1963 году мы имели два «Востока».

В 1964 году мы имели один «Восход».

В 1965 году мы имели один «Восход».

Американцы в 1965 году запустили три корабля «Джемини» и предполагают запустить еще два до конца этого года.

Почему для полетов наших космонавтов не строили корабли? Во всяком случае не из-за недостатка средств. Это происходит потому, что руководители ракетных войск больше верят спутникам-автоматам и недооценивают роль человека в космических исследованиях. Стыдно признаться, но это факт — в нашей стране, первой пославшей

человека в космос, четыре года ведутся дискуссии на тему «Нужен ли человек на борту военного космического корабля?» В Америке этот вопрос твердо и окончательно решен в пользу человека, а у нас и сегодня многие ратуют за автоматы. Только этим можно объяснить, что у нас на 30-40 спутников-автоматов строится 1-2 обитаемых корабля. Многие спутники-автоматы стоят много дороже обитаемого корабля, многие из них не достигают цели. «Востоки» и «Восходы» с человеком на борту полностью выполнили программу научных исследований и вместе с тем принесли для страны большой политический эффект.

Мы не собираемся умалять значение автоматических космических аппаратов. Но увлечение ими, по меньшей мере, вредно. На «Востоках» и «Восходах» можно было бы провести большой комплекс очень нужных военных исследований и довести продолжительность полета до 10-12 суток. Но у нас нет кораблей, нам не на чем летать, не на чем выполнять программу космических исследований.

Кроме изложенного есть и другие недостатки в организации наших полетов, устранить которые своими силами мы не можем. У нас в стране нет единого штатного пункта управления космическими полетами. В процессе полета космический корабль не имеет связи с командным пунктом в промежуток времени от 6-го до 13-го витка каждых суток. На полигоне не созданы условия для поддержания натренированности и хорошего отдыха космонавтов.

У нас есть еще другие вопросы, которые ждут своего решения. Многие вопросы можно было бы решить и без обращения в ЦК КПСС. Мы неоднократно обращались к министру обороны по этим вопросам. Нам известны обращения командования ВВС в Министерство обороны и правительство, но эти обращения в большинстве не достигали цели. Мы много раз встречались с министром обороны, но, к сожалению, это были не деловые встречи. И сегодня у нас нет уверенности, что поднимаемые нами вопросы могут быть решены в Министерстве обороны.

Дорогой Леонид Ильич! Мы знаем Вашу большую занятость и тем не менее просим Вас познакомиться с нашими космическими делами и нуждами.

Приближается 50-летие Великого Октября. Нам очень хотелось бы для этого великого праздника добиться новых больших побед в космосе.

Мы глубоко убеждены в том, что решение вопроса об объединении военного космоса на базе ВВС, продуманное планирование космических исследований и создание космических кораблей для решения задач боевого применения пилотируемых космических летательных аппаратов в значительной мере укрепят оборонную мощь нашей Родины.

Летчики-космонавты СССР
Ю.Гагарин
А.Леонов
П.Беляев
Г.Титов
А.Николаев
В.Быковский

22 октября 1965 года»

Главком подписал приказ о зачислении в ЦПК 22-х новых слушателей-космонавтов, 21 из них были рекомендованы мандатной комиссией, а 22-м включен инженер-майор Белоусов. Королев очень настойчиво просил о зачислении Белоусова, и я уговорил Руденко и Вершинина удовлетворить ходатайство Сергея Павловича. Белоусов очень хороший кандидат, и мы делаем ему скидку лишь на возраст. «Преступления» его тестя, по-видимому, пустяковые, он был осужден только в 1952 году (до этого считали, что он, будучи связан с немцами, работал на партизан) и освобожден в 1955 году. Сейчас он уже 70-летний старик, и нет надобности ворошить его прошлое.

Дал приказание начальнику Центра подготовки космонавтов начать занятия с новой группой слушателей 1 декабря 1965 года, приказал ежедневно заниматься с ними английским языком. Все кандидаты имеют высшее техническое образование, для подготовки любого из них к полету вполне достаточно одного года. Но мы будем готовить их 2-3 года, чтобы каждый из них мог отлично натренироваться, укрепить характер и поднять общий уровень развития.

Главком сообщил мне, что на ноябрь Терешкову приглашают в Италию и Данию. Американское приглашение Леонову мы решили не принимать.

30 октября.

Получил из АПН книгу Комарова, Феоктистова и Егорова с моим предисловием, изданную во Франции. Сотрудники АПН Бурков и Пищик были так любезны, что написали на книге пару приветственных слов в мой адрес.

Вчера я весь день провел в ЦПК. Присутствовал на отчетно-выборном партийном собрании 1-го отряда космонавтов. Доклад сделал Шонин; выступали Леонов, Быковский, Попович, Гагарин, Беляев, Титов и другие. Доклад и выступления были дельными и острыми. Главное, что беспокоит космонавтов — это отсутствие твердых планов космических полетов, малое количество космических кораблей, отсутствие военных экспериментов и недостатки в совершенствовании оборудования (связь, фото— и киноаппаратура, система жизнеобеспечения). Гагарин говорил о нарушениях дисциплины. Присутствие на собрании для меня было полезным, я с удовольствием послушал Шонина, Горбатко, Хрунова, Волынова, они выступили резко и со знанием дела. Все еще нелетавшие космонавты за шесть лет работы в Центре заметно «выросли», и сейчас любого из них можно посылать в полет. Я в своем выступлении ответил на вопросы, выдвинутые в докладе и прениях, потребовал от коммунистов больших усилий по укреплению дисциплины среди космонавтов и всего личного состава Центра. Обещал в ближайшие дни уточнить сроки готовности космических кораблей и программы подготовки к полетам.

Принимал сегодня заместителя начальника академии имени Жуковского генерала Белоцерковского и руководителя учебной группы космонавтов полковника Бутенко. Они поднимают вопрос о темах дипломных работ Гагарина, Титова, Николаева и других космонавтов. Белоцерковский вместе с Гагариным уже были у Королева; Сергей Павлович обещал принять участие в консультировании дипломников. Академия предлагает три следующие темы: «Орбитальный самолет-разведчик», «Орбитальный самолет-перехватчик» и «Космический корабль для нанесения ударов по объектам на Земле». Я не отверг эти темы, но предложил подумать над комплексной темой «Освоение Луны». В эту тему можно

включить автоматические устройства, обитаемые корабли облета, корабли и средства для прилунения и возвращения на Землю. Само собой разумеется, что одной из подтем будет «Оборонное значение освоения Луны». Мы пока не решили, на чем остановиться; я обещал посоветоваться с космонавтами и Главкомом и до 10 ноября дать ответ.

Говорил по телефону с Гагариным, дал ему задание собрать всех дипломников и посоветоваться, над какими темами они хотели бы работать. На мое предложение заняться лунной темой Гагарин ответил сразу: «Тему освоения Луны мы не поднимем». Я рекомендовал ему не торопиться.

Вчера я беседовал с отцом Германа Титова Степаном Павловичем. Он почти ничего не знает о «выкрутасах» сына, хотя и замечал, что Герман частенько возвращается в 11-12 часов ночи. Последние 3-4 месяца Герман Титов ведет себя лучше, но бывает, что он на 3-4 часа (с 19 до 22) «выпадает» из-под нашего контроля. По-видимому, Герман не полностью оторвался от вредных влияний богемы (Кравченко, Булычев и другие): нам нужно за него еще бороться. Я хочу, чтобы в этом деле мне помогли отец и жена Германа.

1 ноября.

День за днем, месяц за месяцем неумолимо приближается старость. Иногда уже чувствуется груз прожитых лет, но сдаваться рано: мне хочется быть активным организатором полетов людей на Луну. Уже в 1967 году можно было бы осуществить облет Луны и вернуться на Землю, а года через 2-3 и побывать землянам на своем вечном спутнике. Каких-нибудь 4-5 лет пройдут быстро и незаметно, и нога человека ступит на Луну. Я всегда верил, что это будет наш советский человек, но последнее время в этой моей уверенности все чаще появляются сомнения…

Американцы развернули для освоения космоса грандиозные силы, кое в чем они уже опережают нас. Мы меньше выделяем средств на космонавтику и очень плохо их используем. О главных наших недостатках в работах по исследованию космоса космонавты написали письмо Брежневу, 22 октября Гагарин передал его лично помощнику Брежнева — Морозову. Сегодня уже 1 ноября, а Брежнев еще даже не читал письмо космонавтов, он находит время заниматься делами Алжира, Замбии и другими «срочными» проблемами, но у него нет часа времени, чтобы поинтересоваться, почему мы отстаем в космосе. Надежды на маршала Гречко также минимальны: он не пойдет против Малиновского. Наша космонавтика остается разъединенной, плохо управляемой, ошибки продолжаются.

Я собирался сегодня встретиться с Королевым и попытаться уточнить сроки и программы космических полетов, но он улетел в командировку. Сергей Павлович давно уже забыл, что обещал выполнить очередной пилотируемый полет в середине ноября. Больше того, ответственные представители ОКБ-1 заявили, что эксперимент по созданию искусственной тяжести снимается, а корабли для выхода в открытый космос (3КД) строиться не будут. Если месяц назад еще были надежды на быстрое прояснение обстановки, то сейчас усилиями Королева все окончательно запутано, и до конца года будет сплошной туман.

Промышленность, Академия наук и Министерство обороны целиком зависят от капризов Королева, все «смотрят ему в рот» и ждут от него гениальных решений. А гений давно уже не гениален — последние годы Королев топчется на одном месте, сам очень слабо продвигается вперед и мешает другим (Глушко, Челомей, Воронин, Северин, Ткачев и другие). Обстановка тяжелая. Иногда опускаются руки, но… отступления не будет. В ноябре мы дадим решительный бой Малиновскому, Смирнову, Королеву, Крылову и всем, кто сейчас тормозит наше продвижение в космос. Есть опасность, что мы не пробьем эту стенку, но мы шли, идем и будем идти вперед, презирая опасности.

Говорил по телефону с П.В.Цыбиным и О.Г.Ивановским. Оба подтвердили, что Королев написал просьбу снять задание по кораблям 3КД под предлогом необходимости ускорения работ по «Союзу». Решения Афанасьева и Смирнова пока нет, а Королев никаких работ по этим объектам уже не ведет. Цыбин подтвердил намерение Королева снять с задания на полет корабля № 6 эксперимент по созданию искусственной тяжести. На проволочках с этой затеей Королев потерял полгода. Еще в марте на полигоне я советовал Сергею Павловичу готовить полет на 10-12 суток, тогда Королев не согласился с моим предложением, а через семь месяцев он, по существу, принял этот вариант полета, правда, с намерением довести его продолжительность до 15 суток.

3 ноября.

Вчера выведен на орбиту «Протон-2» весом 12,2 тонны. Ракета Челомея УР-500 уже второй раз выводит на орбиту спутник весом более 12 тонн. Американцы еще не могут запускать такие тяжелые спутники, а мы запускаем их почти впустую: у нас нет обитаемого корабля такого веса. Это еще одно доказательство того, как плохо у нас с планированием: создали ракету, способную поднимать на орбиту 12 тонн, но забыли подготовить для этой ракеты космический корабль. А ведь можно было бы уже иметь многоместный корабль с продолжительностью полета до 30 суток, с аппаратурой военного назначения и осуществлением маневра на орбите.

Вчера звонил Гагарин. Он сообщил, что письмо космонавтов наконец-то вручено Брежневу, он ознакомился с письмом и оставил его у себя. Провел сегодня совещание по ходу выполнения плана оснащения ЦПК тренажерами, стендами и учебной аппаратурой. Выяснилось, что многие пункты плана еще не доведены до конкретных исполнителей. Обязал Горегляда вместе с генералами Кузнецовым и Бабийчуком в недельный срок уточнить все вопросы оформления заказов, плановых сроков и заданий исполнителям и постоянно контролировать ход работ.

Гагарин сообщил, что все космонавты-дипломники одобрительно высказались о теме «Освоение Луны». Вчера я говорил с маршалом Руденко о возможных темах для дипломных работ космонавтов, он выразил сомнение в реализации лунной тематики: «Это для нас не подходит». Придется или убедить его, или обойти: космонавты будут разрабатывать тему «Освоение Луны» — это наиболее близкая и самая интересная для них тема.

Сегодня Николаев и Терешкова звонили из Токио, они беспокоятся о Леночке. Быковский вместе с Вершининым улетел в Качинское училище. Леонов с женой улетел в Кемерово, а Герман Титов — в Прибалтику. Как ни придерживаю я встречи и поездки космонавтов, отрывают их от работы еще очень часто.

Звонил из ЦК КПСС Корионов. Он сообщил, что одному из пионерских отрядов школы № 27 на Кутузовском проспекте (школа, подшефная ЦК КПСС) присвоено имя Аркадия Каманина, и просил командировать в школу одного из сослуживцев Аркадия, хорошо знавших его по фронту.

5 ноября.

Весь день был в ЦПК. Более двух часов беседовал с космонавтами второго отряда (командир — Береговой). Больше всего меня интересовала их работа в ОКБ и институтах. Активно участвовали в беседе Шаталов, Демин, Губарев, Береговой, Воронов и другие. Договорились на конец ноября запланировать конференцию с докладами на темы: облет Луны, экспедиция на Луну, управление полетом, аппаратура жизнеобеспечения и другие вопросы.

Сегодня звонил Гагарин, ему передали из приемной Брежнева, что Леонид Ильич прочитал письмо космонавтов и направил его заместителю председателя Совета Министров Л.В.Смирнову с примерно такой резолюцией: «Космонавты поднимают очень важный вопрос. Будем рассматривать его в ЦК». Смирнов сам виноват в наших неудачах, а в беспорядках в Министерстве обороны он разобраться не сможет. Надеяться, что Смирнов поддержит нас, нет оснований. Было бы верхом желаний, если бы Смирнов объективно признал наши основные промахи и наметил меры по их устранению.

Неудача американцев с «Джемини-6» дает нам 1,5-2 месяца выигрыша во времени, но и за этот срок наша промышленность (ОКБ-1 Королева и другие заводы и КБ) не подготовит космические корабли. Очередной наш полет, по-видимому, состоится не раньше января-февраля 1966 года, хотя Королев более полугода уверял всех, что в

ноябре 1965 года обязательно полетит «Восход-3». Американцы также до февраля 1966 года не подготовят новую ракету «Аджена» для ее стыковки с «Джемини-6», поэтому они приняли решение поднять в космос одновременно «Джемини-7» и «Джемини-6» и попытаться осуществить их стыковку. Такой полет они могут выполнить в декабре этого года или в январе 1966 года, при этом ими будут установлены сразу три мировых рекорда:

1. Одновременное пребывание в космосе четырех астронавтов.
2. Полет космического корабля «Джемини-7» с двумя астронавтами на борту продолжительностью до 14 суток.
3. Осуществление стыковки кораблей.

Полной стыковки может и не быть (хотя вероятность ее велика), но американцы сумеют добиться значительного сближения кораблей, то есть с лучшими результатами выполнить то, что в 1962 году сделали Попович и Николаев. Американские ракетчики мечтают и еще об одном рекорде: они хотят одержать большую техническую победу, запустив две ракеты с одной и той же пусковой установки с интервалом в семь дней вместо обычных 60. Правда, мы должны разочаровать американцев: такого рекорда они не добьются. Дело в том, что еще в 1962 году после взлета «Востока-3» ровно через одни сутки с той же установки стартовал «Восток-4». Этот рекорд официально не зарегистрирован, о нем не сообщалось и в печати, и тем не менее он уже установлен нами в 1962 году. Все вышеизложенное лишний раз подтверждает, что у нас еще есть технические возможности быть 2-3 года впереди США по обитаемым космическим кораблям и первыми «пощупать» Луну. Но мы безрассудно не используем эти возможности, делаем много ошибок и можем оказаться в хвосте у американцев.

6 ноября.

Завтра будем праздновать 48-ю годовщину Октября. Ровно 38 лет назад — вечером 6 ноября 1927 года — я в форме курсанта Военно-теоретической школы ВВС стоял на мосту над Невой; смотрел на Зимний дворец, на Петропавловскую крепость, на суда на Неве, расцвеченные флагами и огнями, и думал о том, как сложится судьба моей Родины, как проживу я, что будет со мной через 10-20 лет. Через семь лет мое имя стало известно всей стране — я первым из воинов Родины получил звание Героя Советского Союза. Сбылась моя заветная мечта: я закончил академию ВВС имени Жуковского, командовал бригадой, дивизией, округом. Воевал в Финляндии, Корее, на фронтах Великой Отечественной войны командовал дивизией и корпусом, получил звание генерал-лейтенанта авиации. После войны был председателем ЦК ДОСААФ, затем командующим воздушной армией. Готовил к первому космическому полету Юрия Гагарина и всех других советских космонавтов. Награжден тремя орденами Ленина, а всего у меня 24 ордена и медали. Я 35 лет люблю свою жену и любим ею, у меня хороший сын, хорошие внук и внучка. В моей жизни было много хорошего и по-настоящему интересного. Были и неудачи, было и горе, но в целом я удовлетворен: 38 лет сознательной жизни не пропали даром. Расцвела, похорошела, стала сильной и моя Родина. Многим я горжусь, но иногда меня гложет червь сомнения: мне кажется, что многое мы делаем не так, как нужно. Наши ошибки начинаются сверху — у нас нет настоящей коллегиальности, выборности, отчетности, нет твердых, обязательных для всех, законов. Мы идем к 23-му съезду партии, но у меня нет уверенности, что он внесет кардинальные поправки в нашу жизнь. На съезд соберется вся партийная бюрократия, способная проклинать и Сталина, и Хрущева и надрывать глотку, приветствуя соратников Хрущева. Шверник, Микоян, Косыгин и Брежнев - все они несут тяжелый груз ответственности за состояние дел в стране. Но ни один из них добровольно не уйдет с «капитанского мостика» и не уступит место молодым, честным и незапятнанным…

Вчера у меня было очень высокое артериальное давление (200/115). Только десять лет назад во время учебы в академии Генштаба у меня было два раза зарегистрировано такое давление. Последние десять лет давление колебалось от 140/80 до 180/100 и почти не переходило эти границы. Главной причиной скачков давления я считаю мою езду на автомобиле. Каждый день утром и вечером приходится ездить в темноте, свет встречных машин и напряженное внимание очень утомляют. Решил прекратить езду на автомобиле — переключусь на электричку.

12 ноября.

Вчера вернулся из Меленок, ездил туда хоронить брата. Александр умер 7 ноября, он лежал в больнице не более 10 суток. Все время был в сознании, сильной боли не чувствовал. В день смерти была у него жена. С ее слов, Александр ни на что не жаловался, сам принял лекарство, сходил в туалет. Потом к нему пришла Шура (первая жена), Александр был в дремотном состоянии, но Шуру узнал и попросил, чтобы пришла сестра Маруся. Спустя 10 минут, когда Шура с Марусей вновь были у постели больного, он был уже мертв. По результатам вскрытия врачи так определили причину смерти: пневмосклероз диффузный.

Последние 5 лет Александр сильно располнел, мало двигался, почти не выходил из дома, тяжело дышал и принимал много различных лекарств. Брат умер на 66-м году жизни, последние 15-17 лет он совершенно не пил, но с 18 лет он вел такой дикий образ жизни (беспробудное пьянство), что приходилось только удивляться выносливости его организма. Природа наградила его железным здоровьем и большими способностями, но Александр плохо воспользовался этим даром. Нас было пять братьев: Александр, Иван, Алексей, Владимир и я. Четверо — уже в могиле, очередь за мной. Из пяти моих сестер четыре еще живы: Маруся (67 лет), Полина (59), Тоня (55) и Лида (53). В возрасте четырех лет умерла сестра Калерия, и после кончины отца (1919 год) и брата Владимира (1923 год) смерть более 40 лет обходила нашу семью (я имею в виду семью моего отца). А за последние два года мы потеряли мать и старшего брата.

На похороны Александра приехали все мои сестры, племянники, племянницы и другие родственники. Похоронили Александра рядом с мамой в могилу отца. На траурном митинге выступали товарищи Александра по партийной организации, секретарь райкома комсомола и райвоенком.

В этот приезд в родной город у меня было много встреч с людьми из «гущи народной»: Забалуевы, Ермилов, Назаров и другие. Прошло уже 38 лет, как я покинул Меленки. За эти годы на моей родине многое изменилось к лучшему. Автобусы, мотоциклы, велосипеды, радио, телевизоры и многие другие предметы быта говорят о движении вперед. Но есть и такие факты, которые заставляют краснеть. Я хорошо знал близлежащие села и деревни - Ляхи, Домнино, Паново, Левенда, Толстиково и другие. В каждой из этих деревень было по 200-250 коров, более сотни лошадей, много овец, свиней и птицы. В голодные 1919-1921 годы люди здесь были сыты и помогали городу. Теперь на территории десяти сел и деревень создан один Ляховский совхоз, в нем только 200 коров, совхоз убыточный, для скота не хватает кормов. Такое состояние дел лишь подтверждает полный провал нашей политики в деревне. Подобные совхозы есть не только в Меленковском районе, положение с сельским хозяйством в стране очень тяжелое.

Что же нам делать? Возвращаться назад к частным небольшим хозяйствам нельзя — такие хозяйства теперь также будут убыточными. Тракторы, машины и вся сельскохозяйственная техника требуют организации хозяйств большого масштаба и, по-видимому, многоцелевых. Мы еще не сумели создать образец организации труда на селе, поиски наши очень затянулись, и дело сельскохозяйственного производства страдает.

13 ноября.

Вчера ночью Терешкова и Николаев вернулись из Японии. Поездка была очень тяжелой. Возвращались они на пароходе «Байкал», море штормило, и всех основательно измотало. По итогам поездки Аристов плохо аттестует Черединцева и уполномоченного КГБ.

В эту ночь я плохо спал: мешал внук, он спал рядом с Мусей. Люда, Лева и Оля больны, у них повышенная температура и кашель. Муся очень устала, мало спит, все время на ногах. Двое внуков, трое больных, да еще все работы по дому — это для нее чрезмерная нагрузка. Я пытаюсь помогать Мусе, занимаюсь с внучатами, но моя помощь слишком мала.

Американцы объявили, что 4 декабря они запустят «Джемини-7», а через 9 суток взлетит «Джемини-6». Корабли должны сблизиться до 100 футов, после чего «Джемини-6» пойдет на посадку, а «Джемини-7» будет продолжать полет до 14 суток. Выполнение программы группового полета четырех американских астронавтов вполне возможно, и это сильно ударит по нашему престижу. Обидно наблюдать нашу бездеятельность, но Брежнев и Малиновский ничего не предпринимают по нашим письмам. Вчера, словно в насмешку, нами запущена «Венера-2». К Венере мы уже запустили не менее 5-6 ракет, их общая стоимость больше стоимости всех «Востоков» и «Восходов» вместе взятых, а эффект от этих пусков равен нулю, и это никого не смущает. Вся наша космическая программа очень плохо продумана. Роль Министерства обороны ограничена лишь функциями исполнителя: МО запускает все ракеты, но мало заботится о том, чтобы эти пуски делали нас сильнее в военном отношении. Нужен решительный пересмотр всей космической программы, нужно значительно усилить военные исследования в космосе и сократить до предела полеты к планетам — они станут ближе к нам лишь после освоения Луны.

15 ноября.

В субботу ко мне поступил документ от маршала Гречко, в котором говорится о том, что письмо космонавтов Брежневу получило надлежащий ход. Брежнев переслал письмо в Совет Министров с резолюцией: «Л.В.Смирнову. Космонавты поднимают очень важные вопросы, разберитесь, подготовьте предложения для рассмотрения в ЦК КПСС. Брежнев». Смирнов оставил письмо космонавтов у себя, а маршалу Гречко и министру Афанасьеву послал перечень вопросов, поднимаемых космонавтами, с просьбой в 10-дневный срок рассмотреть их лично и представить свои предложения. Маршал Гречко на письме Смирнова написал: «Крылову, Захарову, Вершинину, Судцу, Горшкову. Ознакомиться, имея в виду рассмотрение этого вопроса на Военно-техническом совете МО». В своем письме Смирнов пишет, что этот вопрос будет разбираться не только в ЦК КПСС, но и в Совете обороны. Сегодня я вызывал к себе генерала Кузнецова, Гагарина, Титова, Николаева, Комарова и Леонова. Гагарин немного простудился на охоте и не приехал. Более двух часов мы беседовали о предстоящих «боях» за объединение космоса, наметили тезисы выступлений Гагарина, Комарова и Титова на Военно-техническом совете. От меня космонавты поехали к маршалу Судцу, чтобы выяснить его позицию. Через два часа они возвратились, первая «разведка боем» оказалась неудачной: Судец высказал желание объединить военный космос в ПВО. Итак, есть уже три претендента на руководство космонавтикой: РВСН, ВВС и ПВО. Я сознаю, что берусь за очень трудную задачу. Противников объединения космоса на базе ВВС будет много. Может быть, при Малиновском в роли министра обороны мы не добьемся всех своих целей, но неплохо уже и то, что по моей инициативе этот вопрос будет рассматриваться в МО, МОМ, Совете Министров и ЦК КПСС. Уверен, что его рассмотрение будет полезным для всех и несколько активизирует наши космические работы.

Аристов привез мне из Японии браслет, якобы снижающий артериальное давление крови. У меня нет уверенности в целебных свойствах этого чудодейственного средства, но так как оно совершенно безвредно, я надел браслет на правую руку и теперь буду ждать «чуда». По словам Аристова, врачи в Японии многократно убеждались в полезном действии этого браслета в виде металлической цепочки для ручных часов с шестью специальными магнитами. Магниты, конечно, внушают уважение и вносят какую-то таинственность в это средство, но у меня пока нет к нему ни капли доверия.

16 ноября.

Говорил с Главкомом и маршалом Руденко, рассказал им о вчерашней встрече космонавтов с маршалом Судцом. Оба отозвались коротко, но предельно ясно: «А чего ты от него хотел, ведь это же Судец!» А Вершинин добавил: «Если бы космонавты предложили объединить космос на базе ПВО - вот тогда можно было бы ждать, что Судец выскажется против этого предложения».

Сегодня Николаев, Титов и Леонов были у адмирала Касатонова (первый заместитель адмирала Горшкова, который сейчас в отпуске). Моряки остаются верными своей позиции: они полностью поддерживают ВВС. Космонавты собирались поехать к А.А.Епишеву, но оказалось, что он болен. Генерал армии Батицкий — в командировке, а к маршалу Крылову решили пока не обращаться.

Звонила Валя Терешкова, ее беспокоит предстоящая поездка в Италию. Я посоветовал ей побольше есть мяса, «плюнуть» на занятия в академии и срочно готовиться к поездке в Италию. Вылет в Рим назначен на 21 ноября. Валя боится отстать от академической программы, но я сказал, что отставание мы ей поможем нагнать, а поездки в Японию, Италию, Америку и другие страны по своей значимости более весомы, чем 1-2 года учебы в академии. Терешкову настойчиво приглашают в Данию на 26 ноября, но я договорился, что в Данию вместо Вали поедут Беляев и Леонов.

Сегодня у меня была М.Г.Тарусская - сотрудница исторического музея. Она настойчиво просила передать в музей мои дневники, фото, различные документы и вещи, связанные с челюскинской эпопеей, Великой Отечественной войной и «утром космической эры».

18 ноября.

Вчера Николаев, Титов и Леонов были у маршала Москаленко, который очень любезно с ними побеседовал и

сказал, что давно поддерживает идею объединения космоса на базе ВВС. Одновременно Москаленко высказал сомнение в том, что этот вопрос может решить Министерство обороны, и рекомендовал обратиться в ЦК КПСС к Устинову. Москаленко, по-видимому, не знает о письме космонавтов Брежневу, а его рекомендация обратиться к Устинову совершенно несостоятельна. Устинов — старый друг ракетчиков, он много «помогал» авиации, и мы против обращения к нему.

Звонил М.В.Келдыш. АН СССР проводит в Москве совещание с представителями социалистических стран по использованию космических исследований (метеонаблюдения, связь и другое) в интересах развития народного хозяйства. Мстислав Всеволодович просил организовать встречу космонавтов с участниками совещания. Космонавты очень заняты, но Келдышу было неудобно отказать, и я дал согласие на проведение такой встречи сегодня.

20 ноября маршал Гречко будет проводить совещание по космосу. Мы имеем много сторонников (Вершинин, Гречко, Епишев, Москаленко, Горшков и другие), но у нас немало и противников (Малиновский, Захаров, Крылов, Судец и другие), — так что впереди еще много «боев».

Сегодня генерал-лейтенант С.Ф.Ушаков дал мне почитать материалы одного видного новосибирского экономиста по состоянию дел в СССР. По его данным, жизненный уровень в Советском Союзе в 4,5 раза ниже, чем в Швеции. Наша страна едва-едва входит в двадцатку государств с наиболее высоким уровнем жизни. Средний месячный заработок в СССР не превышает 45 рублей. Средний дневной заработок колхозника составляет всего 1 рубль 80 копеек, рабочего совхоза — 3 рубля 60 копеек, рабочего в промышленности — 4 рубля 50 копеек. Начиная с 1958 года, национальный доход в СССР и темпы роста производства с каждым годом снижаются. В 1958 году прирост национального дохода составлял 12 процентов, а темпы роста народного хозяйства — около 10 процентов; в 1963-64 годах первый показатель снизился до 4 процентов, а второй — до 2 процентов. За семилетку промышленное производство должно было вырасти на 80 процентов, а сельскохозяйственное — на 70 процентов. Фактически объем продукции сельского хозяйства за семь лет вырос только на 10 процентов, сельскохозяйственные работы механизированы всего на 7 процентов.

Я давно подозревал наличие крупных провалов в нашем сельском хозяйстве, но никогда не думал, что они столь значительны. За все эти безобразия в делах нашей страны должен нести ответственность не только Хрущев, но и Косыгин, Шверник, Суслов, Брежнев, Полянский и все другие помощники и заместители Хрущева. Думаю, что они сумеют уйти от ответственности — на 23-м съезде КПСС они опять будут избраны в вожди и будут продолжать затушевывать все наши безобразия. Выход из создавшегося положения может быть только один — полная смена руководства в партии, правительстве и министерствах, учреждение новых основных законов в партии и в стране. Главное - персональная ответственность и выборность, а не назначение на основные руководящие должности. Необходимо категорически запретить повторные выборы секретарей ЦК КПСС, депутатов и других ответственных лиц; при выборах вносить в бюллетени минимум 2-3 кандидатов, избранным считать того, кто получит больше голосов. Сейчас, когда при выборах, например, в Верховный Совет СССР в бюллетень вносится только одна кандидатура, выбора фактически нет, есть только голосование за рекомендуемого кандидата, и поэтому наши депутаты не чувствуют никакой ответственности перед избирателями.

22 ноября.

В субботу 20 ноября у маршала Гречко состоялось заседание Военно-технического совета МО. Кроме Гречко и Захарова, присутствовали все главкомы видов Вооруженных Сил, председатели НТК и более 10 генералов Генштаба. Генерал Карась сделал плохой доклад и путано отвечал на вопросы, содокладчики — генералы Мишук (ВВС) и Легасов (ПВО) — выступили хорошо. В прениях выступили: Алексеев, Харламов, Костин, Серегин и я. Все выступавшие, кроме Мишука и меня, высказались против объединения космических исследований на базе ВВС. Маршал Гречко поддержал мнение большинства. Все согласны с тем, что мы отстаем от США, но все винят в этом отставании Америку (более развитые промышленность, электроника и т.д.). Некоторые увидели причины нашего отставания в плохой работе Академии наук и промышленности. Ни один генерал не рискнул сказать правду об ошибках и плохой организации работ внутри Министерства обороны. Пришлось попытаться обратить внимание маршалов на наши недостатки. Я коротко, конспективно перечислил наши недостатки: 1. Нет планов пилотируемых полетов.

2. Полеты космонавтов недооцениваются; мы увлекаемся пусками автоматических устройств к Марсу, Венере, Луне, запустили более 30 четырехступенчатых ракет, а для пилотируемых полетов использовали только 8 трехступенчатых ракет, пуски которых оказались в сотни раз эффективнее, чем 30 пусков с беспилотными аппаратами.

3. В полетах на «Востоках» и «Восходах» можно было бы многое сделать в интересах МО, но из-за слабого нашего влияния на промышленность пилотируемые корабли и программы их полетов перегружаются второстепенными экспериментами и аппаратурой.

4. За последние 5 лет не создан ни один новый пилотируемый корабль. Оборудование кораблей, кино-, фотоаппаратура, скафандры, парашюты, системы связи и регенерации воздуха за последние годы почти не изменились к лучшему.

Мое выступление было единственной попыткой вскрыть наши недостатки, но меня не поддержал даже наш Главком — он сидел и молчал, не решаясь выступить против «стенки» артиллеристов и других представителей наземных войск. Более того, Вершинин неправильно ориентировал нас о якобы благожелательной позиции Гречко. Маршал Гречко не рискнул прямо сказать об имеющихся недостатках. В своем заключении он признал критику только частично правильной, но и не высказался однозначно против передачи космоса в ВВС.

Итак, мы потерпели еще одно сокрушительное поражение. Но это поражение и особенно высказывания наших противников на совещании у Гречко (Карась, Алексеев, Костин, Серегин) еще больше убедили меня в нашей правоте. Я верю, что через 5-7 лет представители артиллерии, претендующие на руководство космонавтикой, «отомрут естественной смертью», и руководить всеми космическими исследованиями в стране будут космонавты. Пока же артиллеристы имеют такое мощное прикрытие, как маршалы Малиновский, Захаров, Гречко, Крылов и многие другие. Но мы будем продолжать борьбу. Надежд на положительное решение этого вопроса в ЦК КПСС или Совете обороны мало — туда не пригласят космонавтов, там тон будут задавать Устинов, Смирнов, Малиновский и другие «знатоки» космоса и «друзья» авиации. В голове бродят несколько вариантов будущих «боев за авиационный космос» — какой-то один из них приведет нас к победе. Наши противники ведут себя трусливо и подло. Генералы из аппарата Генштаба (Алексеев, Серегин) уговорили Гречко не приглашать к нему на совещание космонавтов. Они испугались откровенных и

авторитетных высказываний космонавтов и возможного влияния их горячих речей на маршалов. Гречко разрешил быть на совещании только Гагарину, да и то забыл дать ему слово.

Сегодня в 9:30 Терешкова по решению ЦК КПСС должна была вылететь в Рим. Но вчера поздно вечером мне сообщили, что поездка Терешковой, Плисецкой и Крышевой в Италию отменяется из-за отказа президента Италии Сарагата наградить Терешкову золотой медалью за общественно полезную деятельность. Всего несколько дней тому назад наш посол в Италии Козырев сообщал, что наших женщин примут президент и папа Павел. Оказывается, в числе награждаемых была и жена президента США Джонсона, но она отказалась принять награду. По-видимому, этот отказ как-то повлиял и на вручение наград советским женщинам.

23 ноября.

Сегодня начался сбор командующих воздушными армиями и военными округами. Хотел послушать доклады и выступления с мест, но помешали космонавты. Ровно в 9 часов появились Беляев и Леонов — завтра им лететь в Данию, а решения ЦК до сих пор нет. Договорились о характере их выступлений и ответов на ряд возможных вопросов. Позвонил в МИД, договорился о встрече космонавтов со специалистами по Дании. Руководителем делегации будет Крышкевич, я уже дважды подробно беседовал с ним. Он приобрел некоторый опыт заграничных поездок и с порученным заданием справится.

Гагарин, Беляев и Леонов возмущены итогами совещания у маршала Гречко и намереваются добиваться личной встречи с Брежневым. Я успокоил их и рекомендовал не горячиться. Надо еще многое обдумать, взвесить и посоветоваться, прежде чем бросаться в очередную атаку. Я еще не решил, каким путем мы пойдем к нашей цели. Иногда мне хочется «плюнуть» на ракетные войска и их неповоротливые спутники и искать решение наших задач в создании орбитальных воздушно-космических самолетов и самолетов-разгонщиков. Такой путь уже реален, но он долгий. Начало освоения Луны будет положено ракетами и космическими кораблями типа «Союз», а по-настоящему освоение Луны и планет будет осуществляться с использованием воздушно-космических самолетов. Буду принимать меры к ускорению работ по орбитальному самолету и самолету-разгонщику. Первый разрабатывает Микоян, а второй - Туполев. В ближайшие дни надо организовать встречу с Микояном и Туполевым. Я приказал генералу Кузнецову прикрепить к ОКБ Микояна для участия в работах по орбитальному самолету Титова, Филипченко, Матинченко и некоторых других космонавтов. То же самое сделаем и в отношении разработки самолета-разгонщика.

24 ноября.

Был у С.П.Королева, беседовали с ним больше часа. Мы не встречались почти 3 месяца, за 6 лет нашей совместной работы это самый большой перерыв между нашими встречами. Правда, мы много раз разговаривали по телефону, «перебрасывались» бумагами, но настоящего дела было мало. Еще 1 сентября Королев уверял меня, что пилотируемый полет состоится во 2-й половине ноября, но я знал, что полета не будет до конца года из-за медленной работы над кораблем. Королев выглядит усталым. С подчиненными он ведет себя значительно тише. При мне заходил Черток, заходили и другие товарищи — Королев был вежлив со всеми. Он рассказал, как на коллегии Министерства обороны его пытались «поколотить», но из этого ничего не вышло. Он сумел доказать, что выпуск космических кораблей задерживается из-за смежников. На мой вопрос: «Когда будет полет?» — Королев ответил: «Что тут поделаешь, Николай Петрович, стою, буксую, нет поставок от кооперации. Все жмут, давай, давай, а что я могу сделать?» Впервые я видел этого человека в некотором смятении и растерянности.

Королев сообщил, что «Восходы» не укомплектованы, серия из 30 «Союзов» налезает на незавершенное производство «Восходов». Он предложил не делать 2 последних «Восхода» (заводские №№ 8 и 9), это позволит раньше изготовить «Союзы». В 1-м квартале 1966 года ОКБ-1 будет выдавать по два «Союза» в месяц, а в конце года — по четыре корабля. »Восходы» №№ 5, 6 и 7 будут готовы только в январе-феврале 1966 года. Королев принял решение снять с «Восхода» № 6 эксперимент с искусственной тяжестью и предлагает готовить этот корабль к полету двух космонавтов продолжительностью 20 суток. Исследования по созданию искусственной тяжести он решил провести на «Восходе» № 7. Я посоветовал Сергею Павловичу вообще отставить этот эксперимент на 2-3 года. Получается все так, как мы предлагали Королеву два месяца назад. Таким образом, нам надо подобрать и подготовить четырех наиболее крепких космонавтов к 20-суточному полету. Выход в открытый космос из «Восхода» отставлен совсем и будет выполнен на «Союзе».

Королев знает содержание письма космонавтов Брежневу и итоги совещания у маршала Гречко. Он утверждает, что в разговорах с Тюлиным, Афанасьевым, Пашковым и Смирновым всегда поддерживал идею объединения космоса на базе ВВС. «Рожденный ползать летать не может» — он вновь и вновь повторял эту фразу. Мы вспомнили наши совместные усилия по заказу серии «Востоков» в 1961 году, а позднее — серии «Восходов». В том, что у нас нет сейчас этих кораблей, виноваты генералы Семенов, Мрыкин, Керимов, маршал Малиновский и Л.В.Смирнов. Королев еще раз подтвердил, что на Совете обороны и везде, где будет обсуждаться вопрос о состоянии дел в космосе, он будет высказываться за предложения космонавтов и руководства ВВС. Я не раз спорил с Королевым, но после обстоятельных бесед мы всегда находили пути сближения наших точек зрения. Сегодняшняя беседа была мирной и полезной.

25 ноября.

Вчера в беседе со мной Королев жаловался на В.П.Глушко. Со слов Королева, Глушко выступил на заседании ВПК с резкой критикой в адрес ОКБ-1 и Королева — критика была нетоварищеской, со стремлением загнать в угол. Королев сказал, что выступление Глушко не понравилось всем присутствующим, а Смирнов даже вынужден был резко оборвать его. Я знаю, что уже несколько лет Королев не ладит с Глушко. Виновником этой затянувшейся ссоры я всегда считал Королева. Валентин Петрович очень умный и тактичный человек, и я не могу поверить, чтобы он строил козни против Королева. Скорее всего, Сергей Павлович неправильно воспринимает критику в свой адрес. Королев сказал мне вчера: «Глушко считает, что он главный последователь идей Циолковского, а мы — только делатели консервных банок». В разговорах с Глушко я иногда чувствовал некоторую обиду за недооценку деятельности его ОКБ и возвышение Королева после присвоения ему титула Главного конструктора ракетно-космической техники. Глушко, так же как и Королев, академик и дважды Герой Социалистического труда. Ссора этих двух талантливых людей неприятна и очень вредит делу. Надо будет попытаться воскресить их старую дружбу.

Сегодня я провел встречу с 22-мя новыми слушателями-космонавтами. Кроме того, сейчас у нас 32 космонавта, и многие генералы Генштаба, в частности Лебедев и Серегин, считают, что нет никакой надобности набирать новых космонавтов. К этому мнению склоняются и мои начальники — Вершинин и Руденко. Они не знают истинного положения дел и глубоко ошибаются. Я уверен, что в предстоящие 3-4 года может быть выполнено не менее 40-50 пилотируемых полетов и мы будем ощущать недостаток в космонавтах. На встрече с новыми слушателями я коротко познакомил их с перспективами космических исследований и с уже достигнутыми результатами и поставил перед ними конкретные задачи по подготовке к новым полетам. Я смотрел на юные лица лейтенантов Волошина, Щеглова, Яковлева, Зудова, Федорова и других и завидовал им, завидовал их молодости, их возможности многое сделать в освоении космоса. Хотелось верить, что многие из них побывают на Луне, а кое-кто будет готовить, а может быть, и участвовать в экспедициях на другие планеты Солнечной системы…

Звонил Королев, жаловался на Фролова и Бабийчука. Фролов вчера был у Воронина и «наболтал» там, что военная приемка ВВС не будет принимать корабль «Восход-3» (№ 6) из-за того, что испытания системы жизнеобеспечения корабля проводятся не в нашем институте, а в институте Минздрава. Бабийчук же грозил Королеву держать два месяца в госпитале врачей из Минздрава - кандидатов на полет. Я обещал Сергею Павловичу разобраться с этими вопросами и разумно их решить. Королев еще раз подтвердил, что «Восход-3» (N 6) с космонавтами на борту будет готовиться для полета на 20 суток. По программе полета «Восхода-4» (N 7) еще вчера он держался за эксперимент с искусственной тяжестью, а сегодня уже высказался за полет врача с проведением медико-биологических исследований. Полет двух космонавтов на 20 суток мы поддержим - это, по сути дела, наше предложение. Программа полета «Восхода-4» с медико-биологическими исследованиями значительно лучше, чем ее первоначальный вариант с экспериментом по искусственной тяжести, но было бы еще лучше, если бы удалось программу полета «Восхода-4» сделать чисто военной.

26 ноября.

Дважды мне звонил Королев. Говорил он и с Главкомом — его беспокоит подготовка испытаний системы регенерации воздуха. Воронин готовит эти испытания в ИАКМ, а Королев хочет проводить их в ИМБП. Я доложил Главкому, что было бы лучше проводить испытания у нас. ИАКМ готов начать их хоть завтра, эта система уже проходила испытания в нашем институте в сентябре и была забракована — после ее доработок целесообразно закончить испытания у нас. Передача испытаний в ИМБП может задержать их начало на 5-7 суток, и все же окончательное решение этого вопроса надо предоставить Королеву. В таком духе Вершинин и вел разговор с Королевым. Вопреки желанию Главного конструктора Воронина и нашим рекомендациям Сергей Павлович принял решение проводить испытания в ИМБП. Это плохое решение и очередной каприз Королева, но формально он имеет право и на такие решения. Для нас эти испытания очень важны: посылать космонавтов в полет на 15-20 суток мы можем только при полной уверенности в надежности системы регенерации воздуха. Для того, чтобы иметь уверенность, нам недостаточно одних испытаний в институте Минздрава. Я приказал Карпову, Фролову и Смирнову параллельно с испытаниями в ИМБП провести испытания и в нашем институте.

Сегодня Главком сам поднял вопрос о необходимости усиления группы инспекторов по космосу и о переименовании занимаемой мной должности в должность «заместитель Главкома по космосу». Он при мне вызвал начальника Главного штаба генерал-полковника Брайко и спросил его о реакции Генштаба на наши ходатайства по этим вопросам; Брайко ответил, что решения Генштаба пока нет, но генерал-полковник Штеменко обещал решить их положительно.

С Вершининым и Руденко обсудили кандидатуры для полета на «Восходе-3». Оба согласились с моим предложением: командиром корабля назначить Волынова, вторым пилотом — Хрунова или Горбатко, а дублерами — Берегового и Шаталова. Завтра поеду в ЦПК, посоветуюсь с врачами и космонавтами и на месте приму окончательное решение о составах основного и дублирующего экипажей.

29 ноября.

Получил письмо из Тюмени от Бабанкина Федора Сергеевича. Он родился и учился в городе Меленки, среднюю школу окончил в 1920 году. Федор Сергеевич старше меня на семь лет. Я не был знаком с ним, а он знает меня по газетам. Бабанкин по просьбе одной из школ Меленковского района написал книгу «Истории обыкновенного села» о нашем с ним родном городе. Оказывается, до 1779 года Меленки были селом Веретьево (150 дворов, староста Прокопий Валенков). Наместник Владимирской губернии князь Воронцов Роман Илларионович проездом из Мурома в Касимов был в 1779 году в Веретьеве. Местные купцы во главе с Валенковым за большую взятку уговорили Воронцова переименовать село Веретьево в город Меленки. «Быть посему. Милостью моей зваться граду Меленки!» — повелел князь. Так в 1779 году на Унже-реке появился новый русский город Меленки. Вскоре ему был присвоен герб-медальон: в верхней его части был изображен герб города Владимира, а в нижней — на голубом фоне — золотая ветряная мельница. Бабанкин прислал мне целую кучу писем — его переписку с издательствами — с просьбой посодействовать ускорению издания книги.

КГБ прислал Вершинину протест по поводу зачисления в слушатели-космонавты инженер-майора Белоусова. Вершинин и Руденко всполошились и готовы были немедленно отчислить Белоусова из ЦПК. По поводу Белоусова у меня все время были сомнения — я зачислил его, уступая настойчивым просьбам маршала Крылова и Королева. Пока мы не будем его отчислять, присмотримся, проверим, а уж потом решим, как с ним поступить.

30 ноября.

Сегодня у меня были сотрудники Государственного исторического музея В.М.Раушенбах, З.Д.Ясман и другие. Музеи нас замучили, все хотят иметь у себя «Востоки», «Восходы», скафандры и все, что связано с первыми полетами людей в космос. Передал музею две книги о полете Гагарина на английском языке, пилотское удостоверение Гагарина и мою академическую медаль, посвященную первому полету человека в космос. Обещал переговорить с космонавтами о передаче музею имеющихся у них реликвий.

Звонил Борис Волынов. 27 ноября я поручил ему выбрать себе в экипаж второго пилота из числа трех подготовленных к полету космонавтов. Хрунов, Горбатко и Заикин имеют примерно равные шансы на участие в полете, но так как он будет продолжаться 15-20 суток, то мне хотелось согласовать выбор второго пилота с командиром корабля. Волынов попросил назначить вторым пилотом Горбатко. Я утвердил его выбор. Итак, длительный полет будут

осуществлять Волынов и Горбатко, а дублерами у них будут Береговой и Шаталов.

Заканчивается ноябрь. Через 4 дня американцы полетят на стыковку и доведут продолжительность полета до 14 суток — этот их полет больно ударит по престижу Советского Союза. К сожалению, наши высокие руководители (Малиновский, Смирнов, Келдыш) не испытывают чувство стыда за переживаемый нами позор. Я еще раз со всей ответственностью повторяю, что мы имеем все возможности не уступить первенство Америке (я об этом писал, говорил и заявлял на совещании у маршала Гречко), но для этого нужно резко изменить наше отношение к космическим исследованиям и значительно повысить роль пилотируемых полетов. Мы отправили к Марсу, Венере и Луне в четыре раза больше ракет, чем использовали для полетов космонавтов. В этом, пожалуй, наша главная ошибка.

Завтра Гречко, Руденко, Дагаев и другие военные руководители вылетают в Египет. Руденко просил меня подготовить для египтян несколько космических сувениров. Эта поездка — продолжение хрущевской политики разбазаривания народных средств. Мы очень много внимания уделяем Азии, Африке, Латинской Америке и мало думаем о своих делах. Мы строим заводы в Индии, возводим плотины в Египте и в то же время у себя под Москвой не можем вовремя убрать и сохранить урожай, не можем наладить животноводство. У нас еще очень много прорех в собственном хозяйстве, много дел на своей земле. Землю надо беречь и украшать — для этого мы и стремимся в космос.

1 декабря.

Беседовал с майором К.К.Телегиным из журнала «Авиация и космонавтика». Телегин изъявил желание написать книгу об эскадрилье имени Ленина. Я пообещал ему помочь справками, советами, фотографиями и сведениями о сослуживцах. Телегин пока никак не проявил себя, у меня нет уверенности, что он может написать хорошую книгу, но уже сама работа по сбору материалов будет полезной для истории нашей авиации.

Сегодня начались занятия у новых слушателей-космонавтов. Не прибыл на занятия майор Дегтярев (ему 32 года, он врач по образованию). Два-три дня назад он вел в Центре разговоры о том, что у него нет желания оставлять московскую квартиру и прекращать занятия над кандидатской диссертацией, а только что генерал Бабийчук доложил мне, что Дегтярева положили в госпиталь: у него стенокардия или что-то в этом роде. Думаю, что зачисление в слушатели Дегтярева — это наша ошибка при отборе: врачи «натянули» ему оценку по здоровью, а мы просмотрели и пропустили хлюпика. С удовольствием вычеркну фамилию Дегтярева из списков слушателей-космонавтов, но до принятия окончательного решения я хочу лично с ним переговорить после его выздоровления.

Долго беседовал с генералом Бабийчуком, высказал ему немало упреков в адрес медицинской службы и попросил лично уделять больше внимания качеству отбора кандидатов в космонавты и особенно внимательно изучать каждого кандидата из числа ученых. При этом я напомнил Бабийчуку, что для ученых мы пойдем на значительные снижения требований по здоровью, учитывая специфику их занятий и разовое участие в космических полетах.

2 декабря.

Изобретатель Ляпин прислал мне второе письмо. Он пишет, что восстановил модель инерционного двигателя и может ее продемонстрировать в действии. Сегодня мы более часа слушали теоретическое обоснование Ляпиным возможности движения за счет внутренних инерционных сил. Теоретические рассуждения изобретателя не убедили нас в осуществимости еще одного принципа движения, кроме двух общеизвестных — активного, реализуемого при силовом взаимодействии движущегося тела с внешней средой (колесо, воздушный или гребной винт и прочее), и реактивного, осуществляемого за счет отбрасывания массы рабочего тела (ракета, реактивный самолет). Ляпин продемонстрировал движение модели на полу: дощечка размером 15х15 сантиметров с установленными на ней вибраторами медленно ползала по паркетному полу в указанном изобретателем направлении. Инженер-полковники Орленков и Смирнов предложили подвесить модель на нитку и снова запустить вибраторы: если нитка будет отклоняться от вертикали, то возникновение силы тяги в модели будет доказано. Модель подвесили, запустили вибраторы и… нитка все время оставалась в вертикальном положении. Движение по полу, возможно, было результатом вибрации всей модели или эффектом от взаимодействия вибраторов с воздушной средой. Ляпин понял, что ему еще многое надо испытать и проверить, прежде чем заявлять об открытии нового принципа движения. Хотелось верить в возможность его реализации, но изобретатель пока не убедил нас в этом. Я посоветовал товарищу Ляпину еще раз проверить все расчеты и построить более совершенную модель.

4 декабря.

Вместе с Н.С.Строевым, С.Г.Даревским и другими специалистами из ЛИИ были вчера в ЦПК, осмотрели вновь изготовленный тренажер для экипажа «Восхода». Тренажер получился хороший, до 15 декабря его окончательно отладят, и мы сможем приступить к подготовке Волынова и Горбатко к длительному полету. Дал указание подготовить тренажер «Волга» к отработке упражнений по стыковке. Гагарин, Николаев, Попович, Комаров, Титов и Терешкова остались довольны тренажерами и горячо благодарили Строева и Даревского за помощь в оснащении Центра учебными кораблями.

Разговаривал с Поповичем, он очень недоволен поведением Марины, дело у них может дойти до развода. Мне кажется, что Марине надо прекратить полеты, заняться воспитанием дочери и больше уделять внимания мужу. Гагарин как-то уже говорил мне, что Попович решил добиваться развода. В разговоре со мной Попович был менее решителен, и мое предложение отстранить Марину от летной работы смутило его. Я посоветовал Павлу Романовичу окончательно определить свою позицию и обещал ему свою поддержку. Надо будет в ближайшие дни переговорить с Мариной и независимо от результатов разговора перевести ее на нелетную работу.

Заходил генерал-лейтенант Иоффе. Он по нашему заданию должен построить для ЦПК 4 тренажера. Задание есть, а денег и людей не дают. Посоветовал ему представить полную смету требуемых средств.

6 декабря.

Позавчера мы запустили «Луну-8», она прошла уже больше 300 тысяч километров и завтра в 00:50 должна произвести мягкую посадку на поверхность Луны. Полет проходит нормально, станция обязательно попадет на Луну, но полной уверенности в том, что она мягко прилунится, пока нет. Отработка надежного способа мягкой посадки на поверхность Луны — дело очень сложное. Потребуются десятки экспериментов, прежде чем мы добьемся высокой надежности работы всех систем, обеспечивающих такую посадку.

В тот же день — 4 декабря — американцы вывели на орбиту «Джемини-7» с двумя астронавтами на борту: командиром корабля Фрэнком Борманом и пилотом Джеймсом Ловеллом. 13 декабря должен взлететь «Джемини-6» с Уолтером Ширрой и Томасом Стаффордом на борту. Главные цели пусков этих кораблей - осуществление полета «Джемини-7» продолжительностью до 14 суток и сближение двух кораблей до 100 футов. Есть все основания полагать, что американцам удастся установить абсолютный рекорд продолжительности космического полета. Мы, можно сказать, без боя сдали этот рекорд американцам, но наши космонавты не виноваты в этой капитуляции. Они могли бы выполнить такой полет на «Восходе» еще в 1964 году, но… у нас нет кораблей — их не строили из-за недальновидности Малиновского, Смирнова, Устинова и других наших руководителей. Королев еще в 1961 году предлагал дополнительно построить 10 кораблей «Восток». Это предложение Королева было согласовано с ВВС и поддержано нами. Но Малиновский и Устинов были против постройки «Востоков». С 1960 по 1965 год мы десятки раз обращались в Генштаб, к министру и в ВПК с просьбами о постройке космических кораблей. Нам отвечали, что «Востоки» и «Восходы» строить не будем. Вот теперь мы и расплачиваемся за близорукость руководителей.

7 декабря.

»Луна-8» шлепнулась на Луну, мягкой посадки опять не получилось.

Заходил ко мне писатель Геннадий Александрович Семенихин. Он принес два журнала «Москва» № 10 и № 11 за 1965 год, в которых опубликован его роман «Космонавты живут на Земле». Я немного помогал Семенихину в написании романа советами и материалами.

На имя Вершинина получена шифр-телеграмма: «Вершинину, Рытову. 25.12.1965 года исполняется годовщина 319-го вертолетного полка… Военный Совет ДВО (Дальневосточный военный округ — Ред.) и командование воздушной армии убедительно просят Вас направить на празднование ветерана части генерал-лейтенанта Н.П.Каманина и одного из летчиков-космонавтов СССР. Гайдаенко, Бурляй». Вершинин написал на бланке телеграммы: «Каманину. Я не возражаю, но это зависит от обстановки по Вашей работе. Если будет «окно», можете слетать».

8 декабря.

Сегодня у меня были Игорь Чкалов и заведующий музеем В.П.Чкалова в Чкаловске Горьковской области, приглашали приехать 25 декабря на праздник 25-летия музея. Обещал разыскать в своих архивах фотографии с Валерием Чкаловым и передать их в музей. Игорь все больше становится похожим на отца. Я рассказал ему, как однажды Сталин спросил, обращаясь к Чкалову: «Сколько вам лет?» — Валерий ответил: «Тридцать три». Сталин засмеялся и, подражая детям, произнес: «Только тлидцать тли…»

Были у меня сегодня и представители из Куйбышева. Там на одном из заводов приступили к строительству пилотируемого космического корабля-разведчика (7К-ВИ - Ред.) на базе «Союза». Конструкторы и руководители завода выражают желание установить более тесный контакт с космонавтами и пригласить их принять участие в создании учебного корабля для ЦПК. Институт авиационной и космической медицины уже более года ведет работу вместе с заводом по этой теме, пришло время подключиться к работе и ЦПК. Дал все команды по укреплению взаимодействия ВВС с заводом и поблагодарил товарищей за готовность помочь нам в создании учебного космического корабля.

Американцы продолжают успешно летать на «Джемини-7», а по срокам нашего очередного полета пока нет никакой ясности, и тем не менее Волынов и Горбатко будут продолжать подготовку к полету.

9 декабря.

В ИМБП 3 декабря начались испытания регенерационной установки, рассчитанной на 15 суток полета двух космонавтов. Вчера в институт поступила команда от С.П.Королева продлить работу установки до 18-20 суток. Испытания и так проводятся с большими отклонениями от условий реального полета: температура в кабине поддерживается постоянной и равной 21-му градусу, а фактически температура может колебаться от 35 до 10 градусов. При температуре ниже 10 градусов эффективность установки резко снижается, а при нулевой температуре она может «сесть» совсем. В условиях, поддерживаемых при испытаниях, установка дает 18 литров кислорода на человека в час. В спокойном состоянии Волынов потребляет 16,5 литров кислорода в час, а Горбатко — 15,5 литров. При напряженной работе потребление кислорода космонавтами возрастает в 5-6 раз. Можно, конечно, поставить задачу космонавтам, чтобы они поменьше работали и двигались, но при этом после воздействия на них невесомости могут возникнуть неприятные ситуации при спуске: на ослабленные организмы космонавтов резко навалятся большие перегрузки. Вот так отсутствие плана полетов и недоделки в технике собираются компенсировать за счет здоровья космонавтов. На некоторый пересмотр и сокращение программы полета можно пойти, но переходить при этом за опасные пределы нельзя. Я буду настаивать перед Госкомиссией на проведении зачетных испытаний системы регенерации воздуха.

11 декабря.

Гагарин вместе с секретарем ЦК ВЛКСМ Павловым вылетел вчера на Северный флот.

Вчера я, Фролов и Язвинский весь день были в ЦПК. Осмотрели строительство жилых домов, заходили в квартиры слушателей-космонавтов, проверили готовность продовольственного магазина. Недоделок по жилому городку еще много. Дал указание к 20 декабря устранить все недоделки, до 25 декабря проверю выполнение.

Учебный корабль «Восход» еще не готов, но на нем полным ходом идут завершающие работы, которые будут полностью закончены через неделю.

Присутствовал на общем партийном собрании Центра. В прениях по докладу Крышкевича выступили 9 человек. Главные предложения собрания:

1. Сформировать при ЦПК авиационный полк.
2. Разрешить космонавтам самостоятельные полеты на современных самолетах.
3. Быстрее устранить недоделки по жилгородку (магазин, дороги, ясли, поликлиника, телефонная связь).
4. Создать при ЦПК вычислительный центр.

Сегодня у меня был Яздовский Владимир Иванович. Уже два года, как он в тени. Он виноват в том, что параллельно с нашим Институтом авиационной и космической медицины создан Институт медико-биологических проблем Минздрава. Виноваты в этом и маршал Руденко, и Королев. Два института не нужны - это дорого и вредно. Сейчас институты дерутся между собой за руководящую роль в медицинском обеспечении космических полетов, а дело стоит. Предстоящий космический полет мы еще можем выполнить и без помощи институтов, силами одного ЦПК, но для осуществления будущих длительных полетов многое надо изучать, испытывать и проверять коллективам институтов. Было бы разумно объединить оба института. Яздовский поддерживает эту идею.

Вершинин и Руденко приступили к работе. Сидят тихо в своих кабинетах — их, как и все большое начальство, мало беспокоит наше отставание в космосе. Маршал Руденко — один из главных виновников возникшей путаницы в организации медико-биологических исследований. Все его предложения и действия продиктованы боязнью ответственности за «большой космос» и стремлением неразрывно связать космическую медицину с авиационной.

Стоит небывало теплый декабрь. Уже две недели температура днем и ночью колеблется около нуля, снег весь растаял. Полмесяца я не ходил на лыжах, начинаю полнеть. Больше стал заниматься зарядкой и меньше есть, за неделю сбросил 1,5 килограмма.

13 декабря.

Полет «Джемини-7» продолжается. Вчера должен был взлететь «Джемини-6», но старт не состоялся: двигатели ракеты автоматически (по аварийной команде) выключились через несколько секунд после их запуска. Если сообщение о характере этого происшествия достоверно, то встреча на орбите «Джемини-7» и «Джемини-6» не состоится. Сегодня вечером экипаж «Джемини-7» уже установил новый рекорд продолжительности полета пилотируемого корабля — 9 суток. Пока нет никаких признаков того, что корабль не сможет летать 14-15 дней. Но и то, чего уже добились американцы в этом полете, значительный успех. Мы получили очередную оплеуху, но делаем вид, что все идет так, как мы того хотели.

В субботу сдал анализы на сахар. Сегодня мне сообщили, что результаты анализов очень плохие. Придется начать более строго выдерживать диету и приступить к лечению. Высокое давление и чрезмерно повышенное содержание сахара в крови — это два грозных врага моего здоровья.

Сегодня с Руденко и Вершининым обсуждали вопрос о ЦФ-16 (центрифуга с радиусом плеча 16 метров). Оба маршала согласились добиваться положительного решения о постройке ЦФ-16.

16 декабря.

»Джемини-6» все же взлетел. 15 декабря в 16:37 (по московскому времени) корабль с двумя астронавтами вышел на орбиту. Командир корабля — Уолтер Ширра, второй пилот — Томас Стаффорд. Ширра уже летал на «Сигме-7» (корабль «Меркурий-8» — Ред.), ему 42 года, он женат, имеет двух детей — сына и дочь. Стаффорд — в прошлом летчик-испытатель, ему 35 лет. Итак, в космосе одновременно находятся четверо астронавтов — это уже само по себе рекорд. Оба корабля сходились на расстояние от 60 до 3 метров; совместный полет продолжался в течение трех витков; астронавты хорошо видели друг друга в иллюминаторы. Этот полет — бесспорно, крупный успех астронавтики США.

У нас в верхах царит полное равнодушие к космосу, точнее, не равнодушие, а полная растерянность. Правда, кое-кто начинает понимать, что за наше отставание в освоении космоса могут и строго спросить. Уже ищут виновных. Первым пострадал Олег Генрихович Ивановский, работавший начальником отдела по космосу в аппарате Совета Министров. Во время полета Гагарина он был ведущим инженером «Востока», затем его сразу выдвинули на большую руководящую работу. Ивановский позвонил мне и сказал грустным голосом: «Ухожу, больше вам мешать не буду… сняли…назначили заместителем главного конструктора в ОКБ».

Вчера ознакомился с письмом Пашкова, адресованным Л.В.Смирнову в ВПК. Пашков пишет: «Необходимо поручить министерствам и ведомствам подготовить предложения, чтобы обеспечить наш приоритет в космосе. Надо заказать еще серию «Восходов» на случай возможных задержек с «Союзом»…» Это письмо могло бы быть полезным года 2-3 назад. Пашков пять лет не поддерживал наши аналогичные предложения, и только теперь до него «дошло». Такие предложения сейчас уже вредны. Теперь не надо ничего менять на «Восходах», а все внимание следует уделить «Союзу». Письмо Пашкова — это признак паники и растерянности нашего руководства.

17 декабря.

»Джемини-6» благополучно приводнился в Атлантическом океане, а «Джемини-7» продолжает полет.

Звонил вчера и сегодня Королеву, хотел согласовать с ним нашу позицию по письму Пашкова, но Королев болен. Мне позвонил Цыбин и сообщил печальную весть о смерти Л.А.Воскресенского. Леонид Александрович Воскресенский более десяти лет был заместителем Королева по пускам, он готовил и осуществлял пуски «Востока» и «Востока-2». Вчера нас постигло еще одно несчастье — очень тяжело заболел В.Н.Кобликов, у него сильнейший инфаркт. Генерал Бабийчук считает, что дни Кобликова сочтены. Печальное дело — провожать в небытие близких друзей. С Кобликовым мы только позавчера вместе обедали и очень оживленно беседовали. Он был весел, здоров и далек от мысли, что может заболеть, а сегодня он лежит в тяжелейшем состоянии. Ряды моих старых знакомых и друзей заметно редеют, на некоторых групповых снимках 30-летней давности почти нет «живого места». Но будем держаться до конца: «деревья умирают стоя», а я хотел бы умереть за работой, в походе, на спортплощадке — где угодно, только не в постели…

Сейчас только что отправил Беляева и Леонова в Обнинск (первая атомная электростанция). Вместе с ними поехали Гагарин и полковник Черемных. Получил из АПН перевод книги, изданной в США. Некто Ллойд Мэллан пытается доказать, что Леонов не выходил в открытый космос. Эта беспардонная ложь не делает чести Америке.

18 декабря.

»Джемини-7» летает 14-е сутки. Сегодня, по-видимому, он пойдет на посадку. После полетов 7 кораблей «Джемини» у американцев на 1966 год осталось еще 5 кораблей. В будущем году они обязательно осуществят стыковку, доведут продолжительность полета до 20-30 суток и выполнят много военных экспериментов. 1965 год стал для СССР годом потери ведущего положения в космосе. Семь лет мы лидировали в космических исследованиях, но в этом году вперед решительно вырвались США и они будут делать все возможное, чтобы сохранить лидерство.

Позавчера было восьмичасовое заседание Военно-промышленной комиссии. Смирнов проводил очередное «избиение» смежников Королева. Крепко досталось Пилюгину, Рязанову, Северину, Воронину и многим другим главным конструкторам. Результаты этого совещания печальны: пока не видно конкретных сроков готовности «Восходов» и «Союзов». В такой обстановке ответ на письмо Пашкова может быть только один: форсировать строительство «Союза», новых «Восходов» не делать, а 5 кораблей, имеющихся в заделе, использовать для отработки длительных полетов продолжительностью 15-30 суток и проведения военных экспериментов. В этой сложной обстановке многие товарищи из МО, да и из ВВС начинают метаться и выдумывать рискованные номера и рекордные трюки. На путь трюкачества и неоправданного риска склоняются даже некоторые космонавты, в частности, Беляев. Буду охлаждать слишком пылкие головы.

20 декабря.

»Джемини-7» в субботу благополучно приводнился. Американцы выполнили все, что планировали на 1965 год, и даже больше. СССР в этом году произвел в полтора раза больше пусков, чем в предшествующем, но по пилотируемым полетам мы безнадежно отстали: в 1965 году мы запустили только один корабль - «Восход-2». Несколько решений Совета Министров и обещания С.П.Королева, что до конца 1965 года будут построены три «Восхода» и несколько

«Союзов», остались на бумаге: кораблей у нас пока нет. Последним решением ВПК Королева обязали обеспечить полет двух «Восходов» и двух «Союзов» до 23-го съезда КПСС.

Вчера умер Маврикий Слепнев. Шел по улице, упал и умер. Ему было 69 лет, он никогда не болел и не жаловался на здоровье. Последний раз я встречался с ним в редакции газеты «Правда» в прошлом году. Из семерки первых Героев Советского Союза троих уже нет в живых - Леваневского, Доронина, Слепнева. Осталось четверо: Молоков, Водопьянов, Ляпидевский, Каманин. Молоков — самый старший из нас, ему уже 72 года. Водопьянову нет еще 65, но он очень много пил, и по здоровью, пожалуй, он самый слабый. Ляпидевский — мой ровесник. У Молокова есть все «основания» пережить всех нас, хотя он и старше меня на 13 лет. Молоков вполне может дотянуть до 90 лет, а мне с моим сахаром и давлением трудно будет добраться и до 70.

Говорил по телефону с Королевым. Он просит поддержать его позицию: новых «Восходов» не строить, 4 уже строящихся корабля использовать для длительных полетов, главные силы сосредоточить на ускорении готовности «Союза». В сложившейся обстановке ничего лучшего не придумаешь: можно еще говорить об уточнении программ полетов «Восходов», а по «Союзу» нужно идти только вперед. Появление «Союза» даст нам осуществление стыковки и реальную возможность облета Луны.

Звонила Валя Терешкова. Ей передали мою рекомендацию быть сегодня в Доме дружбы с народами зарубежных стран на праздновании юбилея журнала «Работница», но Валя настоятельно просила не посылать ее на эту встречу. Она ссылается на болезнь матери, командировку Андрияна и беспризорность Аленушки. Я не приказывал ей ехать, эту встречу можно и пропустить, но мне не нравится ее тенденция уходить от общественной деятельности. Придется с ней серьезно поговорить.

22 декабря.

Позвонил С.П.Королев, и опять у нас с ним получился плохой разговор. Сергею Павловичу звонил Катыс и жаловался, что генерал Кузнецов отстранил его от подготовки к космическому полету. Королев наговорил мне целую кучу претензий: «ВВС продолжают политику отстранения от полета гражданских лиц. Так было при подготовке полета «Восхода», то же продолжается и теперь. Мне надоело такое поведение военных, я буду ставить перед Государственной комиссией вопрос о выделении для «Восхода-3» гражданского экипажа». Я спокойно сказал Королеву следующее: «Катысу объявили только то, что вероятность его полета на «Восходе-3» сейчас значительно меньше, чем месяц назад, и что для 20-суточного полета лучше подготовлены Волынов и Горбатко. Из ЦПК Катыса не отчисляли, он продолжает заниматься в Центре. Это мое решение было согласовано с вами три недели назад. Ваши угрозы отказаться от наших космонавтов не новы и не делают вам чести. Поступайте, как хотите. Нам тоже надоели ваши постоянные капризы и истерики». Королев ответил: «Ну, будем считать, что мы с вами ни до чего не договорились. Пока».

Вместо того, чтобы серьезно заниматься подготовкой космических полетов, Королев очень часто стал скатываться к мелочам. Он дергает и нервирует людей, вмешивается во все и вся и упускает главное — сроки и качество подготовки космических кораблей. Он уже давно забыл свои обещания осуществить полет «Восхода-3» до ноября 1965 года. Королев слишком разбрасывается и стремится все держать под своим контролем. Этим объясняются его постоянные конфликты с Глушко, Пилюгиным, Ворониным, Косбергом и другими главными конструкторами. Королев пытается влиять и на решения военных. Мы в ряде вопросов отчасти шли ему навстречу, но вмешиваться в наши дела коренным образом мы ему не позволим.

24 декабря я вместе с Мусей и Леоновым полечу на Дальний Восток на юбилейные торжества эскадрильи имени Ленина. Сначала я отказался от этой поездки, но секретари Хабаровского и Владивостокского крайкомов и Военный Совет Дальневосточного округа настоятельно просили меня быть на празднике. Муся не была на Дальнем Востоке более тридцати лет — ей очень хочется посмотреть Владивосток, Спасск, Мучную. Решили посетить места нашей молодости.

Газеты, радио и телевидение «пристают» с просьбами о выступлениях. Резко обрывать поток наших встреч и сообщений о космосе нежелательно, но в создавшейся ситуации выступать никому из нас не хочется. У всех космонавтов — стремление замкнуться, отмолчаться. Был у меня М.Ф.Ребров, уговаривал дать новогоднее интервью в «Красную звезду». Я направил его к Гагарину. Пускай выступает Гагарин — у него для этого оснований больше всех.

Звонили Ляпидевский, Магид и Кренкель - сообщили, что завтра в 11:00 на вертолетной станции состоится гражданская панихида по Маврикию Слепневу.

Завтра же в ОКБ-1 будем отмечать 60-летие П.В.Цыбина. Все мы стареем и идем к естественному концу. Ряды моих сверстников редеют. Вчера в телеграмме дальневосточников меня поразило слово «старейшего», они написали: «Просим Вас, как старейшего дальневосточника, прибыть к нам на торжества…» Да, прошло уже 36 лет, как я впервые побывал на Дальнем Востоке. Старость? Нет! Я еще могу поработать, мне хочется дотянуть до первого полета людей на Луну. У меня имеется уже значительный опыт организации и подготовки космических полетов, и я считаю своим долгом вложить его в дело освоения Луны.

Звонили Игорь Чкалов и Ольга Эразмовна (вдова В.П.Чкалова — Ред.) — они беспокоятся, будет ли кто-нибудь из космонавтов на праздновании 25-летия музея В.П.Чкалова. Выделил для поездки в Горький Валерия Быковского.

23 декабря.

Декабрь ставит рекорды: температура весь месяц держится около нуля, дождь, слякоть, туман.

Вчера серьезно предупредил генерала Кузнецова за его стремление «пристраивать» в Центр своих знакомых и «знатных людей». Например, управдомом принят Стольников (полковник запаса, Герой Советского Союза, бывший летчик-испытатель, но он больной и старше 50 лет).

Был на похоронах Слепнева, постоял в почетном карауле, встретил многих ветеранов авиации (Ляпидевский, Моисеев, Мазурук, Черевичный, Каминский, Цыбин и другие). Яков Николаевич Моисеев рассказал мне о 35-м авиаотряде, который в 1921 году стал вторым Краснознаменным отрядом 40-й эскадрильи имени Ленина. В 1922 году этот отряд боролся с басмачами в Средней Азии, им командовал Чулков Василий Иванович, он еще здравствует и проживает в Москве. Повидал Кренкеля, Шафрана, Погосова и других челюскинцев.

24 декабря.

Вчера был в ОКБ-1. Праздновали 60-летие Цыбина Павла Владимировича. Выступили более 70 человек: наговорили в сто раз больше того, что может сделать за всю свою жизнь один талантливый человек. Хорошо, что Цыбин скромный и разумный человек. Этот многословный поток восхвалений его не испортит. Вел собрание Королев, со мной он держался так, как-будто между нами и не было недавнего неприятного разговора. Сергей Павлович провел вечер блестяще — умный он, очень умный человечище, но его портит горячность. Я приветствовал Цыбина от имени Военного Совета ВВС, а Гагарин и Леонов — от имени космонавтов. Академик Парин подарил Цыбину двух собачек. Очень удачно выступил Леонов, он сказал: «Мы не преподносим вам собачек, — мы предлагаем вам наши сердца и умелые руки, а если потребуется, и саму жизнь. Для нас, космонавтов, жизнь — это полеты в космос…»

29 декабря.

Вчера на самолете Ту-104 я, Муся, Леонов и Телегин возвратились из Хабаровска. За четыре дня мы побывали во Владивостоке, Спасске, Черниговке и Хабаровске, провели более десяти встреч с летчиками, моряками, молодежью. Приморье встретило нас большими морозами (до -35 градусов). Продолжается бурный рост Владивостока, Находки, Уссурийска, Арсеньева, Спасска, Хабаровска, Комсомольска и других дальневосточных городов. 30 лет назад в Хабаровске было около 50 тысяч жителей, а сейчас — более 400 тысяч. Примерно так же вырос и Владивосток, а в Комсомольске уже более 200 тысяч населения.

Города Дальнего Востока хорошеют и растут, но этого нельзя сказать о сельских районах (сельским хозяйством занято менее 20 процентов населения). Климат здесь суровый, цены дороже, условия жизни труднее, а все льготы для дальневосточников ликвидировали, из военных почти никто не остается жить на Дальнем Востоке. В Спасске мы с Мусей побывали в доме и комнате, в которой провели медовый месяц и первые три года совместной жизни. Город Спасск и особенно гарнизон произвели на нас удручающее впечатление. Город и гарнизон заметно разрослись, но от этого не стало лучше: много мелких строений, сараи, заборы и везде грязь. А вот гарнизон Черниговки, где сейчас базируется вертолетный полк имени Ленина (бывшая 40-я эскадрилья), содержится отлично. Коллектив и руководство полка производят прекрасное впечатление.

В бухте Золотой Рог, где стоят суда тихоокеанского плавучего измерительного комплекса, мы встретились с моряками «Чамжи», «Чумикана» и «Чукотки». В Хабаровске нас очень тепло встретили командующий округом генерал-полковник Павловский Иван Григорьевич и первый секретарь крайкома Шитиков Алексей Павлович. В поездке нас сопровождали командующий воздушной армией генерал-лейтенант Гайдаенко Иван Дмитриевич и командующий ПВО округа дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Боровых. Много помогал нам генерал-майор авиации Небогатов Владимир Никитович (заместитель командующего воздушной армией). Приобрели мы и десятки других хороших друзей. Поездка прошла очень хорошо. Муся ею довольна, во Владивостоке она встретилась с сестрой Любой, с которой не виделась более тридцати лет.

30 декабря.

Генералы Горегляд и Кузнецов уговаривали меня сегодня пересмотреть «Положение о космонавтах». Они хотят значительно урезать льготы космонавтам, особенно тем, кто еще не летал в космос. Высокие оклады (до 350 рублей) и сокращенные сроки выслуги космонавтов в воинских званиях кажутся им завышенными. Но я не согласен кардинально менять действующее «Положение». Настоящие опасности космических полетов еще впереди, и рано упрощать отношение к этому делу.

Говорил сегодня с А.Г.Рытовым о создании на примере вертолетного полка имени Ленина документального кинофильма, посвященного истории отечественной авиации. Рытов целиком согласен с моим предложением. Буду говорить с Рябчиковым о начале работ над этой темой.

Сегодня начал писать воспоминания о челюскинской эпопее. Мне хочется отразить в них героическую работу отряда авиаторов, спасательных партий и самих челюскинцев.

31 декабря.

Кончается 1965 год. Лично для меня он был хорошим годом: родился внук, в семье все здоровы, было много интересной работы. Но я не удовлетворен результатами своего труда: мне и космонавтам не удалось убедить министра Малиновского и руководителей государства в необходимости пересмотреть организацию работ по освоению космоса. Из-за недальновидной позиции Крылова, Толубко, Карася и других ракетчиков нас в этом году обогнали США. В 1966 году нам предстоит большая работа: будет проведено 5-6 пилотируемых полетов, начнут летать «Союзы», пройдут испытания нашей самой мощной ракеты Н-1, осуществится стыковка кораблей на орбите. Этот год будет решающим для подготовки пилотируемого облета Луны и высадки лунной экспедиции. У нас есть возможности первыми облететь Луну в 1967 году, а в 1968-1969 годах высадить на ее поверхность космонавтов и вернуть их на Землю. Но сейчас у меня уже нет былой уверенности в том, что мы выполним этот план. Много времени мы теряем впустую и подолгу топчемся на одном месте. Я буду продолжать борьбу за реорганизацию руководства космонавтикой. Чем скорее будут объединены наши усилия, тем раньше мы добьемся решающих успехов в освоении космического пространства.

1966 год

Американские астронавты систематически летают в космос, а мы сидим и ждем изготовления космических кораблей. Сроки готовности кораблей только в этом году переносятся уже в третий раз. Сейчас уже всем ясно, что пилотируемого полета в 1966 году не будет, хотя открыто сказать об этом представители промышленности боятся.

3 января.

Первый рабочий день нового года. По докладу генерала Кузнецова, в ЦПК праздники прошли хорошо, происшествий не было. Я новый год встречал в семье. Ольга Карловна, Муся, Лева, Люда, Оля, малой (внук Н.П.Каманина - Николай — Ред.) и я — все собрались в кабинете около красивой елки. 1 и 2 января были на даче. Ходил на лыжах, расчищал дорогу, возился с машиной. Температура и в новом году держится около нуля.

Косыгин, Громыко, Малиновский и другие высокие руководители вылетели в Ташкент мирить Индию и Пакистан. Вершинин вышел на работу, а маршал Руденко уехал на месяц в отпуск. Пока по вопросам предстоящих космических полетов нет никакой ясности, кроме пожелания Л.В.Смирнова перекрыть американские рекорды к 23-му съезду КПСС. Пожелание есть, а перекрывать рекорды США пока нечем. Испытания новой системы регенерации воздуха в Институте медико-биологических проблем закончены. С большой натяжкой можно считать, что полет двух космонавтов на 16 суток может быть обеспечен. По мнению специалистов ВВС, необходимо провести зачетное испытание новой системы регенерации и довести ее работоспособность до 20-22-х суток. По данным МОМ (Керимов), полет может состояться во второй половине февраля, но сложившаяся ситуация настолько запутанная, что верить никому нельзя. Будем надеяться, что до открытия 23-го съезда партии полет все же состоится.

Написал письмо маршалу Захарову с просьбой разрешить закупку в Чехословакии двух кинокамер «Адмира»: одна из них будет установлена на борту «Восхода-4». В ЦПК пока такой камеры нет, и космонавты не знают, как с ней обращаться.

Был у Главкома, он только сегодня вернулся из трехнедельного отпуска, но выглядит неважно. У него все больше проявляется старческая склонность к длинным разговорам. Я зашел к нему с намерением подписать один из приказов и письмо маршалу Захарову, на это требовалось 2-3 минуты, а просидел я у Главкома около часа. Вершинин долго рассказывал, как он обследовался в госпитале, как закупал медицинское оборудование, потом перешел к воспоминаниям о своем пребывании в Польше после окончания войны. Я не привык так непроизводительно тратить свое рабочее время и при первой же паузе попросил разрешения уйти, сказав Главкому, что у него в приемной скопилась очередь посетителей.

5 января.

Вчера весь день провел в ЦПК. Беседовал с Гагариным, Титовым, Поповичем, Николаевым, Терешковой, Быковским, Комаровым, Беляевым (Леонов был в академии). Все космонавты настроены необычно пессимистично. Их большой вере в Королева нанесен сокрушительный удар самим же Королевым. Сергей Павлович приезжал в Центр, встречался с космонавтами, провел с ними более шести часов, но не смог сказать ничего определенного по предстоящему полету. На настроении ребят сказывается и неопределенное отношение высокого руководства к их письму в ЦК КПСС. Прошло уже три месяца, как оно вручено Брежневу, но за это время никто даже не побеседовал с космонавтами по содержанию письма. Полнейшее равнодушие наших руководителей к космосу можно объяснить только растерянностью и боязнью разворошить серию наших провалов.

Сегодня мне звонил Г.А.Тюлин, он интересовался степенью готовности космонавтов к очередному полету. Я сказал ему, что через месяц мы будем готовы выехать на полигон. Георгий Александрович сообщил, что он санкционировал проведение нового 20-суточного испытания системы кондиционирования воздуха в кабине корабля. По мнению Тюлина, полет «Восхода-3» может состояться не раньше начала марта. Он также проявил интерес к женскому экипажу и рекомендовал продолжать его подготовку. Я сказал Тюлину, что Пономарева и Соловьева могут выдержать длительный полет, но надежных дублеров у них нет, так как Еркина и Кузнецова на эту роль не подходят.

6 января.

С 8 апреля 1964 года по 15 декабря 1965 года в США было запущено семь кораблей «Джемини», последние пять — с астронавтами на борту. Планы США на 1966 год по полетам кораблей «Джемини» следующие. Полет «Джемини-8» с астронавтами Скоттом и Армстронгом на борту планируется на март 1966 года; один из членов экипажа выйдет из корабля на 90-100 минут и, используя фал длиной 60 метров, будет перемещаться в открытом космосе с помощью ручного реактивного устройства. Полет «Джемини-9» должен состояться в мае 1966 года. Перед экипажем корабля поставлена задача осуществить встречу и стыковку с ракетой «Аджена». В ходе 3-суточного полета «Джемини-9» планируется также встреча со второй ступенью ракеты «Титан-2», которая останется в космосе после выведения на орбиту «Джемини-8». Сроки пусков кораблей «Джемини-10, 11, 12» пока не намечены, однако программы полетов этих кораблей уже известны: «Джемини-10» должен состыковаться с «Адженой» через 102 минуты после ее запуска, а на «Джемини-11, 12» будут отрабатываться маневры по стыковке на орбите. Все эти эксперименты будут проводиться в интересах программы «Аполлон» с целью имитации маневров по стыковке лунной кабины и космического корабля «Аполлон» на орбите вокруг Луны. В ходе одного из последних полетов по программе «Джемини» астронавты попытаются сблизиться со спутником «Пегас», предназначенным для исследования метеорных потоков, и снять находящиеся на нем панели для улавливания метеорных частиц.

США имеют большую и хорошо продуманную программу космических полетов. В 1965 году американцы провели пять пилотируемых полетов, а мы — один. В 1966 году они планируют осуществить еще пять полетов, а у нас пока нет ни программы, ни сроков полетов. Можно только предполагать, что в 1966 году нам удастся осуществить 2-3 полета на «Восходах» и 2-3 — на «Союзах». 1966 год и для нас, и для США будет годом осуществления стыковки кораблей на орбите. Американские конструкторы при осуществлении стыковки больше доверяют астронавтам, а наши - автоматике. Мне кажется, что американцы избрали более верный путь, но только время даст оценку той и другой схеме стыковки.

8 января.

Вчера на даче много возился с машиной, расчищал дорогу, катался на лыжах, более десяти часов провел на свежем морозном воздухе. Вечером ломило все кости, особенно поясницу: чувствовалось, что последнее время я мало занимался физическим трудом. Проснулся в 4 часа утра, за ночь метель перечеркнула все мои труды по расчистке дороги, пробовал вновь расчищать, но труд снова оказался бесполезным: сильный ветер немедленно заметал дорогу. Пришлось отказаться от мысли выехать на автомашине и переключиться на автобус и электричку.

10 января.

Вчера первый раз за эту зиму хорошо прошелся на лыжах (15 градусов мороза, снег сухой, скольжение отличное). Предыдущие выходы были, как правило, при плюсовой температуре и большого удовольствия не доставляли. Оля также ходила со мной на лыжах, она прошла три больших круга (примерно 2 километра).

В субботу я вместе с Тюлиным, Мозжориным, Нариманов ым и Даревским был в ЦПК. Осмотрели тренажеры «3КВ» и «Волга». Тюлин убедился, что в Центр нужно обязательно поставлять первый экземпляр тренажера космического корабля любой новой серии, с тем чтобы использовать этот корабль не только для тренировки космонавтов, но и как доводочный. На тренажере «3КВ» уже побывали Королев, Цыбин, Раушенбах и другие работники ОКБ-1: они вместе с космонавтами решали вопросы компоновки кабины и рационального размещения оборудования.

Тюлин горячо поддержал мою идею длительного полета женского экипажа. Он понял, что в создавшейся обстановке этот полет очень выигрышен для нас в политическом, спортивном и научном аспектах. Тюлин заверил меня, что идею женского полета поддержат и в ЦК, и в Совете Министров. Он также сказал, что МОМ принимает все меры к ускорению постройки космических кораблей. На 1966 год намечается 9 пилотируемых полетов: 4 — на «Восходах» и 5 — на «Союзах». В 1967 планируется выполнить 14 полетов, в 1968 — 21 полет, в 1969 — 14 полетов и в 1970 — около 20. В общем, за пятилетку предстоит совершить около 80 полетов многоместных кораблей (по 2-3 космонавта на борту).

Георгий Александрович согласился с нашим предложением — зачетное испытание системы кондиционирования воздуха проводить не в ИМБП, а в ИАКМ ВВС или на заводе у Воронина. В одном я не убедил Тюлина. Я настаивал на том, чтобы он отказался от эксперимента с искусственной тяжестью и заменил его военными исследованиями. Тюлин понимает необходимость проведения военных экспериментов, но отказаться от испытаний установки по созданию искусственной тяжести он не смог. По-видимому, он связан каким-то решением или соглашением с Королевым.

Несколько дней назад С.П.Королев лег в больницу на 2-3 недели. Ему предстоит операция по удалению опухоли в двенадцатиперстной кишке (автор дневников ошибается: С.П.Королев лег на операцию по поводу изъязвления сфинктера - Ред.). По предварительным данным, операция не тяжелая, но любая медицинская операция сопряжена с определенным риском.

11 января.

Звонил Г.А.Тюлин, он сообщил, что идея полета женского экипажа приобретает все больше сторонников в верхах. Тюлин рекомендовал начать более энергичную подготовку такого полета, заказать скафандры, костюмы, ложементы и все другое, что потребуется для полета.

Сегодня Центр подготовки космонавтов празднует шестую годовщину со дня его организации. Я приказал генералу Кузнецову ограничить праздник рамками части и гостей не приглашать.

Вчера в Ташкенте благополучно закончились переговоры между Пакистаном и Индией — подписана мирная декларация. А сегодня по радио передали печальную весть: скоропостижно скончался премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри. Для СССР и дела мира это очень неприятное известие. Не исключено, что смерть премьер-министра - дело рук его врагов. Во всяком случае — это плохое окончание отлично начатых переговоров.

12 января.

Звонил заведующий отделом ЦК КПСС по оборонной промышленности И.Д.Сербин. Он требует, чтобы ВВС немедленно утвердили план медико-биологического обеспечения предстоящего пилотируемого полета. Промышленность наделала и продолжает делать массу ошибок, а ЦК нажимает не на Королева и Тюлина, а на Министерство обороны. Сегодня я провел специальное совещание наших специалистов (Бабийчук, Карпов, Смирнов, Фролов, Газенко и другие) с участием Гуровского от Минздрава. Мы рассмотрели проект плана и забраковали его. Минздрав пытается навязать нам в руководители свой институт (ИМБП), мы же настаиваем на том, чтобы все ответственные позиции остались за ВВС. Вершинин обещал мне поддержку, но на него также будет оказан нажим. Хорошо, что нет Руденко, — он давно бы уступил натиску Минздрава и промышленников. Перед медиками ВВС я поставил следующие задачи:

1. Дать прогноз, какую дозу радиации получит экипаж при 20-суточном полете на высоте 1000 километров.
2. Доложить обоснованные оценки потери кальция в химическом составе костной ткани за 20 суток пребывания в невесомости.
3. Обосновать нормы ежесуточного расхода воды космонавтами.
4. Дать рекомендации экипажу по ежедневному режиму в течение 20 суток полета (работа, отдых, сон, спорт и т.д.).
5. Подготовить соображения по медико-биологическому обеспечению 15-20-суточного полета женского экипажа.

13 января.

Натиск на ВВС продолжается: Сербин и Бурназян звонили Вершинину и просили его «призвать Каманина к порядку» и заставить подписать все предложения Минздрава по медико-биологическому обеспечению предстоящих космических полетов. Я подробно доложил Главкому существо наших замечаний и поправок к плану. Вершинин сказал, что к нему на прием просится Бурназян, и попросил проконсультировать его по всем вопросам, которые тот может поднять в ходе беседы. Я сказал, что главное наше разногласие с Минздравом состоит в том, что ИМБП настаивает на проведении испытаний системы кондиционирования воздуха на своей базе, а мы утверждаем, что для таких испытаний лучше подготовлена база ОКБ-124 или ИАКМ. Кроме того, ИМБП пытается вклиниться в качестве руководящей организации в работы на старте, оставляя за ВВС лишь работы до пуска и после полета. Вершинин согласился отстаивать нашу позицию. Он позвонил Тюлину, и тот ответил Главкому: «У нас с ВВС никогда не было разногласий, думаю, что их не будет и впредь, все ваши замечания мы учтем».

Через несколько минут после разговора с Главкомом мне позвонил Тюлин и попросил представить ему письменные

предложения ВВС по составу экипажей для трех кораблей «Восход» и двух кораблей «Союз», в том числе и предложения по составу женского экипажа.

17 января.

Только что вернулся из Дома Союзов, где стоял в почетном карауле у гроба Сергея Павловича Королева. Прошло три дня, как он умер, но до сих пор не верится, что его уже нет среди нас…

В пятницу я весь день был в ЦПК, советовался с космонавтами и руководством Центра о составе экипажей для трех «Восходов» и трех «Союзов». Принял решение на ближайший полет назначить основной экипаж в составе Волынова и Шонина, дублерами утвердил Берегового и Шаталова. Приказал с 17 января возобновить подготовку женского экипажа для полета продолжительностью 15-20 суток; основной экипаж — Пономарева и Соловьева, дублеры — Сергейчик (девичья фамилия — Еркина — Ред.) и Пицхелаури (девичья фамилия — Кузнецова — Ред.), срок готовности - 15 марта. Поручил Терешковой руководить подготовкой женского экипажа. Из Центра я поехал прямо на дачу, Кузнецов и Гагарин провожали меня и вслед за мной собирались поехать в ОКБ-1. Около 7 часов вечера на даче раздался телефонный звонок, говорил генерал Кузнецов, он-то и сообщил мне, что умер Сергей Павлович…

Как горная лавина, внезапно и неотвратимо обрушилось на нас это тяжелейшее несчастье. Страна потеряла одного из самых выдающихся своих сыновей, а космонавтика наша осиротела. Королев — главный автор и организатор всех наших космических успехов. Его личные заслуги перед советским народом да и перед всем человечеством — безграничны. Королев многое еще мог свершить, он ушел от нас в расцвете своего таланта.

Я не думаю, что смерть Королева затормозит наше продвижение вперед в освоении космоса — этого не будет: у нас созданы мощные научные и промышленные коллективы, способные успешно решать самые сложные задачи. Последние 2-3 года Королев допускал немало ошибок. Пренебрегая советами и инициативой своих помощников и друзей, он, не желая того, иногда тормозил дело — так было и с центрифугой ЦФ-16, и с «Восходом-3», и с «Союзами». Руководителем ОКБ-1 назначен первый заместитель Королева Василий Павлович Мишин — грамотный и культурный инженер. Конечно, Мишин не Королев — Сергея Павловича трудно заменить одним человеком, и только общая дружная работа всех коллективов «космической кооперации» может в какой-то степени заполнить зияющую брешь…

Все эти три дня космонавты по очереди дежурят около Нины Ивановны. Она, бедняжка, совсем выбилась из сил. Сегодня космонавты уже несколько раз стояли в почетном карауле у гроба, а в 9 часов вечера будут присутствовать при кремации тела.

Операцию Королеву делал министр здравоохранения Петровский. Королев пришел в больницу на своих ногах, врачи заверили его, что операция продлится несколько минут, а фактически она продолжалась более 5 часов. Ослабленное сердце Сергея Павловича не выдержало такой нагрузки, и наступила смерть.

19 января.

Вчера на Красной площади состоялись похороны Сергея Павловича Королева. Урну с прахом Королева из Дома Союзов вынесли члены правительственной комиссии: Л.В.Смирнов, М.В.Келдыш, Г.А.Тюлин, Ю.А.Гагарин и другие товарищи. От Исторического музея до Красной площади урну несли космонавты. После митинга Брежнев, Подгорный и другие руководители страны подняли урну и подошли с ней к Кремлевской стене. Л.В.Смирнов поставил урну в нишу, и ее закрыли мраморной плитой с надписью:

Королев Сергей Павлович
30.12.1906 — 14.01.1966

Королев занял место в Кремлевской стене рядом с Курашевым, бывшим министром здравоохранения СССР. Меня покоробило от такого соседства, лишний раз напомнившего о большой вине нашей медицины в преждевременной смерти Сергея Павловича.

Все ораторы на траурном митинге упорно подчеркивали мысль о том, что Королев большой ученый, но не самый главный руководитель космических исследований, что у нас немало таких, как Королев. Это неправда. Я знаю, что рядом с Королевым работали тысячи людей, но именно он был Главным конструктором космических кораблей и ракет. Главных конструкторов у нас десятки, но самым Главным из них, несомненно, был Сергей Павлович. Я всегда ценил гений и талант Королева, знал я и его недостатки — они не могут затмить величие фигуры Королева.

В этом году мы попытаемся сделать больше того, что планируют осуществить американцы. Нам нужно выполнить не менее 6-8 пилотируемых полетов. При жизни Королева мы выполняли 1-2 полета в год, сейчас же нам предстоит сделать в 4 раза больше, но уже без него. Насколько я знаю наши силы и возможности, такой скачок возможен, но для этого потребуется напряженный труд всех коллективов, входящих в «космическую кооперацию».

20 января.

Время летит быстро, приближается дата пуска (начало марта), а в верхах все тихо. Для осуществления длительного (до 20 суток) полета еще очень многое не сделано: нет задания на полет, нет готового корабля, ряд систем и приборов не прошли зачетные испытания. Тюлин как председатель Государственной комиссии начал понемногу «шевелиться», но сама комиссия еще не работает. Попытаюсь активизировать работу ОКБ-1 и постараюсь добиться созыва технического руководства и Госкомиссии.

22 января.

Второй день в Кремле идет очень важное военное совещание: рассматривается обстановка на Дальнем Востоке. Есть сведения, что китайцы подтягивают воинские части к нашим границам, — возможны провокации. Правительство решило принять меры для обеспечения безопасности Монголии.

Говорил с Козловым, Цыбиным и Ворониным об ускорении проведения зачетных испытаний системы кондиционирования воздуха. Сегодня промышленники встретятся с представителями ВВС и решат вопрос о месте и сроке испытаний.

Звонил из Генштаба генерал Н.Н.Юрышев, он просил ознакомиться с проектом космической пятилетки и дать замечания ВВС к этому плану.

После моей поездки в ИМБП Бурназян пытался уговорить министра Афанасьева не принимать замечания ВВС, но тот отказался. Теперь Бурназян пытается добиться поддержки у Келдыша. Короче говоря, пока что ИМБП не помогает Министерству обороны, а только создает дополнительные трудности.

24 января.

В субботу в Генштабе я ознакомился с документом, подписанным министрами Афанасьевым и Петровским. Л.В.Смирнов прислал на заключение маршалу Захарову проект решения ЦК КПСС и Совета Министров с уточнением задач министерств и ведомств по космическим исследованиям. Краткое содержание этого документа, автором и идеологом которого был С.П.Королев, сводится к следующему.

1. Сроки пилотируемого облета Луны и экспедиции на ее поверхность предлагается перенести с 1966-1967 годов на 1968-1969 годы.

2. Выполнение ряда других космических программ также перенести на более поздние сроки (на 1,5-2 года).

3. Создать в МОМ на базе фирмы Челомея в Реутово новый институт для испытаний космической техники. Поручить этому институту подготовку космонавтов.

4. ИМБП Минздрава сделать головнойорганизацией по медико-биологическому обеспечению всех пилотируемых космических полетов.

5. Переложить ответственность за создание космической техники с МОМ на десятки других министерств.

6. Получить от государства сотни миллионов рублей на организацию новых институтов, предприятий, цехов и так далее.

Главный смысл этого документа в том, чтобы промышленность имела более широкие материальные возможности, менее жесткие сроки выполнения заданий и полную бесконтрольность со стороны Министерства обороны. Этот проект — плевок промышленников в лицо Малиновскому. Вместо того, чтобы строго спросить с промышленников за невыполнение решений ЦК и Совмина, им позволяют писать проекты новых решений, переносить сроки выполнения заданий правительства и требовать дополнительных благ. Осуществление подобного решения нанесет непоправимый вред обороне страны и окончательно подорвет дисциплину в промышленности, впустую будут израсходованы сотни миллионов рублей. Мы против этого проекта, но от Малиновского можно ожидать чего угодно и даже поддержки этих вреднейших предложений.

25 января.

Вчера Вершинин подписал письмо маршалу Малиновскому с просьбой учредить в ВВС должность заместителя Главкома по космосу, создав при нем управление космических исследований. У меня нет уверенности, что Малиновский положительно решит этот вопрос. Отказ Малиновского окончательно определит его отношение к ВВС и космонавтике.

Я рассказал Вершинину о проекте решения ЦК и Совмина, о стремлении промышленников уйти из-под контроля МО и навязать нам в руководители по медико-биологическим вопросам ИМБП Минздрава. Вершинин был возмущен подлыми маневрами Афанасьева, Тюлина и Бурназяна и обещал защищать позиции ВВС. Главком сказал много хороших слов и пожеланий, но энергично бороться он уже не сможет: у него осталось мало физических сил, он работает на износ, совершенно не считаясь с состоянием своего здоровья, и очень много курит вопреки рекомендациям врачей. В 8:30 Вершинин всегда уже на работе, а уезжает позже других, он лично вникает во все основные вопросы состояния и деятельности ВВС. Его первый заместитель маршал Руденко и начальник Главного штаба генерал-полковник Брайко вместе не делают и половины того, что делает Вершинин. Больно наблюдать, как один из наиболее грамотных руководителей Вооруженных Сил постепенно сходит в своей роли к нулю, не имея поддержки со стороны министра обороны и более высокого руководства. На последнем Главном Совете обороны Вершинин даже не выступал.

Сегодня Главком подписал письмо маршалу Захарову по центрифуге ЦФ-16. Минздрав своей попыткой заполучить ЦФ-16 в ИМБП на два года задержал ее строительство. Нами получено положительное заключение М.В.Келдыша и Н.Н.Блохина о необходимости для ВВС подобной центрифуги и продолжении ее создания. Наконец-то двухлетняя борьба с Минздравом за ЦФ-16 заканчивается нашей победой. А вообще-то борьба с ИМБП предстоит большая и упорная. Теперь все в ВВС поняли, какую глупость совершил маршал Руденко, дав согласие на создание ИМБП. Этот институт создавался для решения проблем длительных пилотируемых полетов. Сейчас в ИМБП 1700 служащих, он обходится государству в 16 миллионов рублей в год, а отдачи от него никакой. Только поэтому руководство Минздрава (Петровский, Бурназян, Правецкий) и ИМБП (Парин, Нефедов) делают все возможное, чтобы подключиться ко всем пилотируемым космическим полетам. Они пытаются оттеснить ВВС и занять наше место в обеспечении космических полетов. Эта борьба отрицательно скажется на качестве подготовки техники и людей: она вносит элементы безответственности и волокиты. Министерство обороны могло бы поставить на место Минздрав, но для этого нужно нажимать на Малиновского и Захарова. Пока, правда, от таких нажимов, кроме легкой вони, ничего не получается.

26 января.

Был у Главкома. Вершинин стареет с каждым днем и часто, не улавливая главного, тратит свои тающие силы на мелочи, с которыми справились бы и его заместители. Он ведет очень длинные разговоры по телефону и еще длиннее рассказывает различные эпизоды из своей жизни. Я неоднократно пытался убедить Вершинина в необходимости расширить участие ВВС в освоении космоса за счет сокращения авиации. Главком за «усиление космоса», но против сокращения авиации, а министр дополнительной численности не дает. Наши военные космические усилия развиваются медленно, можно было бы вдохнуть в них жизнь за счет расформирования ряда авиационных частей. Содержание большой военной авиации в наше время — пустая трата средств. Но трудно старикам решительно поддержать новое, молодое и перспективное за счет того, что считалось одним из главных средств вооруженной борьбы вчера, а сегодня еще пытается сохранить свое былое величие.

27 января.

Вчера в редакции газеты «Известия» было много военных: обсуждался план работ вновь созданного военного отдела редакции, начальником которого назначен очень опытный корреспондент Гольцев Валентин Петрович. Вел совещание редактор Толкунов Лев Николаевич. Выступали Главный маршал бронетанковых войск Ротмистров, маршалы Конев, Еременко, Москаленко и другие. Главная мысль всех выступлений и пожеланий: добиваться единства армии и народа, воспитывать у населения любовь к Родине и армии, показывать трудности и героику военных дел, добиваться, чтобы молодежь с желанием шла в армию и чтобы воины, сознавая свой долг перед народом, умело защищали интересы страны и дело построения коммунизма. Перед началом совещания руководители редакции, маршалы и генералы сфотографировались, а в ходе совещания мы уже получили фотоснимки.

28 января.

Вчера в ОКБ-1 провели техническое совещание — первую после кончины С.П.Королева встречу почти всех его соратников по пускам космических кораблей. Совещание вел Мишин, присутствовали: Тюлин, Цыбин, Бушуев, Бурназян, Карась, Керимов, Воронин, Даревский и другие; от ВВС было человек 20 (Кузнецов, Гагарин, Комаров, Карпов, Генин, Бабийчук, Фролов, Смирнов и другие).

По кораблю «Восход» № 5 принято единогласное решение: 1 февраля выехать на старт и произвести пуск в первой половине февраля. Этот корабль полетит без космонавтов, на борту будут собаки и мелкие животные. Полет собак в космос на 30 суток я считаю полной бессмыслицей и напрасной тратой средств. Почти год назад я пытался убедить С.П.Королева в никчемности такого полета. Королев под предлогом новизны кораблей и большого риска полета космонавта на первом корабле убедил Госкомиссию в необходимости пуска технологического корабля с животными на борту. Такой полет подготовлен, и сейчас возражения против него могут только задержать старт корабля № 6 с экипажем на борту. Из этих соображений мы не возражали против пуска корабля № 5 с собаками, но мы твердо знаем, что собаки через 8-10 дней полета сдохнут и этот медико-биологический эксперимент никакой ценности иметь не будет. Однако сам полет корабля в течение 30 суток с сохранением заданных параметров в кабине, спуск и приземление корабля дадут нам ценный материал.

Принято принципиальное решение, что полет корабля № 6 продолжительностью до 18 суток будет осуществлен только после посадки корабля № 5 в период 10-20 марта. Тюлин, Мишин и Бурназян были вынуждены согласиться с предложением ВВС провести зачетные испытания системы кондиционирования на заводе Воронина, а не в ИМБП. Правда, мы не возражали против параллельных испытаний и в ИМБП. Бурназян и Правецкий всеми способами добиваются подключения своего института к подготовке космонавтов. Мне эта «помощь» не нравится. Придется добиваться решения о более четком разграничении обязанностей между двумя институтами космической медицины.

1 февраля.

В субботу весь день был в ЦПК. Присутствовал на тренировке Берегового и Шаталова в учебном корабле «Восход». На тренажере еще много отказов, особенно плохо работает система «Свинец». Звонил по этому поводу Даревскому, он обещал прислать людей, чтобы они доводили тренажер в субботу вечером и весь день в воскресенье.

После совещаний с руководством Центра и специалистами принял окончательное решение (и объявил его) о составе экипажей для «Восхода-3». До субботы к полету на «Восходе-3» готовились три экипажа, но до полета осталось 30-40 дней, и это время необходимо более полно использовать для подготовки основных экипажей. В присутствии Кузнецова, Крышкевича, Николаева, Комарова и других я объявил, что основной экипаж будем готовить в составе Волынова и Шонина, запасной — в составе Берегового и Шаталова. Товарищей Катыса и Горбатко переключили в состав других экипажей.

Беседовал с Волыновым, Шониным, Береговым и Шаталовым, договорились о режиме суток в полете, о режиме связи, просмотрели весь перечень научных и военных экспериментов (в этих вопросах подготовка космонавтов еще недостаточна). Особое беспокойство вызывает отсутствие устройства для замера расхода воды. Решено, что в полете космонавт будет потреблять 2,088 литра воды, а ее расход будет измеряться… глотками. Волынов и другие товарищи считают, что отсутствие дозатора расхода воды может сорвать полет. Космонавты в полете употребляют воду для смачивания обезвоженной пищи, и в этом процессе измерить расход воды глотками совершенно невозможно. Придется крепко нажимать на Воронина, чтобы он сделал дозатор. Волынов просит сделать выключатель для вентилятора кабины, Береговой высказывается за более рациональное размещение аппаратуры «Свинец», Шонин предлагает небольшие дополнения к НАЗу. Вопросов у космонавтов много, и многое еще окончательно не решено. Буду тормошить всех и вся, чтобы до 5 февраля окончательно утвердить задание и программу полета.

Звонил Герман Титов. Он недавно избран президентом Советско-вьетнамского общества дружбы, сегодня ему надо ехать в Ленинград на областную комсомольскую конференцию, а десятого февраля — в Липецк для переучивания на МиГ-21. Короче говоря, даже Титов просит подсократить для него количество встреч и выступлений. Титова мы намеренно загрузили до предела, чтобы отвлечь его от нежелательных компаний и различных соблазнов. За последний год Герман заметно исправился, он много и с большим интересом работает. Я назначил его старшим от ЦПК по теме «Спираль», в этой роли ему и ряду его товарищей необходимо самостоятельно летать на МиГ-21. Титову запланированы 120 часов налета, плюс учеба в академии и большая общественная деятельность. Теперь по отношению к Титову мне больше придется следить за тем, чтобы не перегрузить его. Правда, то же самое беспокоит меня и в отношении всех других космонавтов.

2 февраля.

Я уже слышал раньше, но только сегодня прочитал в газете «Московский комсомолец» (№ 20 за 25 января этого года) о полете 99-летней летчицы Саран Левис из Лондона в Новую Зеландию. Посадка в Новой Зеландии произведена 15 декабря 1965 года. Саран Левис - начинающая летчица, но летела одна. Гимнастические упражнения и легкая вегетарианская кухня великолепно сохранили ее здоровье. Это очень интересное событие, жаль, что у нас о нем почти нет сообщений.

Сегодня В.А.Смирнов доложил подробности совещания у Главного конструктора парашютных систем Ткачева. Нас беспокоит проблема надежности парашютной системы, обеспечивающей приземление космических кораблей. В последнее время вес спускаемых аппаратов колеблется в пределах 2900-3200 килограммов, и при испытаниях в Феодосии было три случая разрыва парашютов. Спускаемый аппарат «Восхода-3» весит около 3000 килограммов. Гарантирует ли Ткачев безопасность его спуска? Сам Ткачев десятки раз и устно и письменно давал такие гарантии. 27 декабря на техническом руководстве он еще раз заверил всех присутствующих в надежности парашютов, но специалисты ВВС, ЛИИ и двое заместителей Ткачева усомнились в его оптимизме. Было решено поручить группе специалистов изучить возможности и все недостатки парашютной системы и доложить свои предложения. Специалисты установили, что на испытаниях парашюты рвались из-за неравномерного распределения нагрузки при их раскрытии (на один парашют нагрузка доходила до 16 тонн, а второй почти не был нагружен). Решили снять стропу, соединяющую оба парашюта, и тем самым обеспечить более равномерную их загрузку. Придется провести еще несколько испытаний, чтобы убедиться в правильности принятого решения.

Леонов, Гагарин и другие космонавты просили меня принять меры по запрещению выпуска на широкий экран кинокомедии «Тридцать три»: они считают, что данный фильм принижает заслуги космонавтов. Вчера Вершинин, Рытов, я и группа офицеров центрального аппарата ВВС просмотрели эту кинокомедию. Картина всем понравилась, мы не обнаружили в ней ничего предосудительного. Лично я более часа смеялся и с удовольствием следил за развитием «успехов» Травкина.

Вчера В.А.Черединцев передал Леве десятка два наших семейных фотографий. Хороши снимки внука Коли и внучки Оли, неплохо получились и групповые съемки. Внуку скоро 10 месяцев, он говорит «баба», «папа» и «мама», но до «деда» еще не добрался. Очень любит он ходить с «ходунком» — быстро передвигаясь из комнаты в комнату, открывает шкафы и ящики, вытаскивает их содержимое, интересуется всем новым.

3 февраля.

Я попросил сотрудников АПН подобрать мне из английской прессы материалы о полете Саран Левис из Лондона в Новую Зеландию. Оказалось, что эта старушка совершила свой первый в жизни полет на самолете в качестве пассажира. Корреспондент чехословацкой газеты допустил грубую ошибку в переводе с английского, а «Московский комсомолец» без проверки напечатал эту «сенсацию» на своих страницах.

Вчера у Воронина обсуждался план проведения 20-суточного испытания регенератора воздуха для «Восхода-3». План и программа испытания согласованы со всеми заинтересованными сторонами, но руководство ИМБП настаивает, чтобы в плане было записано, что испытание проводит завод Воронина совместно с ИМБП и при участии ВВС. Наши представители настаивали на формулировке: «Испытания проводит завод при участии ВВС, ИМБП и других организаций». Спор непринципиален, но очень характерен для Минздрава, стремящегося занять ведущие позиции по медико-биологическому обеспечению космических полетов.

4 февраля.

ТАСС сообщил о новом выдающемся достижении советской науки и техники: «3 февраля в 21 час 45 минут 30 секунд по московскому времени автоматическая станция «Луна-9», запущенная 31 января, осуществила мягкую посадку на поверхность Луны в районе Океана Бурь, западнее кратеров Рейнер и Марий. Радиосвязь со станцией, находящейся на поверхности Луны, устойчивая. Бортовая аппаратура станции работает нормально».

Это событие всколыхнуло весь мир. Вашингтон, Лондон, Париж высоко оценивают новое советское достижение в космосе. «Такая посадка является главным шагом на пути к высадке человека на Луну», — подчеркивает агентство Ассошиэйтед Пресс. Сегодня ночью и утром были сотни звонков от корреспондентов и организаций с поздравлениями. Только что меня вызывал маршал Вершинин, он интересовался деталями полета АМС «Луна-9» (скорость полета по трассе, скорость вблизи Луны, принцип включения тормозного двигателя, район прилунения и т.д.).

Звонили П.В.Цыбин и другие товарищи из ОКБ-1, там все очень довольны успешным полетом «Луны-9». Сегодня до 12 часов дня было уже три сеанса связи. Сохраняется герметичность кабины, давление и температура в кабине нормальные; полагают, что запасов энергии на АМС хватит на 5-6 суток. Позже сообщили, что телевизионная камера «Луны-9» работает хорошо, получены и просмотрены кадры рельефа лунной поверхности. Сегодня вечером эти кадры будут передавать по Интервидению. Таким образом, «Луна-9» принесла нам сразу четыре большие победы: 1) осуществлено мягкое прилунение; 2) проверена радиосвязь по трассе Земля-Луна; 3) проведены телепередачи с Луны на Землю; 4) подтверждены герметичность кабины и обеспечение в ней условий, необходимых для жизни.

5 февраля.

Телевидение провело вчера пресс-конференцию по итогам полета «Луны-9» с участием Липского, Фокина, Гагарина, Леонова и других. Кадры лунного рельефа, заснятые «Луной-9», не были показаны. Сегодня около 10 утра мы получили сообщение из Лондона о том, что одна из английских космических лабораторий приняла радиосигналы «Луны-9», расшифровала их и получила снимки лунной поверхности, на которых видны скалы и тень от станции. После разговора с сотрудниками ОКБ-1 выяснилось, что материалы съемок до сего времени находятся еще в Симферополе. Получилось так, что англичане раньше нас любовались нашими снимками.

Полковник Момзяков, побывавший в ОКБ имени Лавочкина, подробно рассказал об устройстве, ходе полета и прилунении «Луны-9».

7 февраля.

Весь мир проявляет большой интерес к «Луне-9». Вчера и сегодня газеты, радио и телевидение передают подробности полета «Луны-9», показывают снимки лунных ландшафтов, дают описание эксперимента и очень высоко оценивают его результаты.

В подготовке полета «Восхода-3» все еще много недоработок: тренажер окончательно не доведен, плохо работает система «Свинец», нет всего необходимого медицинского и бытового оборудования.

Сегодня утром звонил маршал Захаров. Оказывается, ему на меня жаловался Бурназян (заместитель министра здравоохранения). Захаров сказал, что не понял, чего хочет от него Бурназян, и просил позвонить Бурназяну и разобраться в его претензиях к ВВС. Позже звонили мне Бурназян и Правецкий. Они хотят, чтобы испытания системы регенерации воздуха на заводе у Воронина были только техническими, а в ИМБП — комплексными и зачетными. Это противоречит решению технического руководства от 27 декабря и просто здравому смыслу. Все специалисты ВВС высказались ранее за то, чтобы оба испытания проводились по единой программе и оба считались зачетными.

9 февраля.

Вчера в ЦПК проверял ход тренировок Волынова и Шонина в учебном космическом корабле. Занятия обеспечены всей необходимой аппаратурой и пособиями и проходят нормально. Приказал к 26 февраля полностью закончить подготовку экипажей, а 27 февраля устроить для них экзамен по готовности к полету (корабль, оборудование, задание, инструкции и так далее).

Весь день вчера и сегодня было много звонков от Тюлина, Бурназяна, Правецкого, Цыбина и других. «Бой за первенство» между медиками продолжается. Я на стороне военной медицины не просто потому, что она »наша». Организации ВВС имеют восьмилетний опыт работы с космонавтами и обеспечили уже восемь пилотируемых космических полетов. Глупо сейчас ломать сложившуюся кооперацию, передавать медицинский контроль в руки Минздрава и создавать обстановку безответственности и двойственности руководства. Нельзя также не учитывать, что ИМБП исследовательский, а не испытательный институт, и напрасно он пытается отстранить от дела два наших испытательных института и проводить работы, которые до сих пор отлично выполняли ГНИКИ ВВС и Институт авиационной и космической медицины.

10 февраля.

Несколько раз беседовал вчера с Главным маршалом авиации Вершининым. Главком интересовался ходом подготовки Волынова, Шонина, Берегового и Шаталова. Я подробно доложил Вершинину об эксперименте «Свинец» — одном из самых важных и самых трудных экспериментов. В различных пунктах и в разное время на территории СССР будет запущено четыре ракеты: экипаж «Восхода-3» должен визуально наблюдать пуски ракет и специальной аппаратурой засечь их тепловое излучение. Этот эксперимент необходим для создания средств противоракетной обороны. Главком интересовался также ходом строительства Звездного городка, учебой всех космонавтов и нашими отношениями с промышленностью, Минздравом и АН СССР.

Уже поздно вечером Главком вызвал меня в четвертый раз — он разбирался с вопросами создания космического управления ВВС и введения должности заместителя Главнокомандующего по космосу. 15 января Главком послал письмо по этим вопросам маршалу Малиновскому. Я готовил это письмо и докладывал его Вершинину без согласования с начальником Главного штаба ВВС генерал-полковником Брайко. Узнав о письме, Брайко обиделся на меня и пытался охаять его содержание перед Вершининым, но мне удалось вновь заручиться поддержкой Главкома и убедить его в том, что изменять содержание письма не следует. Руденко звонил при мне генерал-полковнику Штеменко, и тот заверил маршала, что вопрос об увеличении штата работников космического направления будет решен положительно.

Сегодня в 13:00 в Доме ученых проводится пресс-конференция по «Луне-9». От различных организаций ВВС я послал на конференцию 20 человек, из космонавтов - только Комарова.

Корабль № 5 с собаками на борту, который будет летать 30 суток, еще не запущен, а «Восход-3» решено запускать только после посадки корабля № 5. Таким образом, запуск «Восхода-3» раньше 15 марта сего года уже исключен. Как я и предвидел, «собачий вариант» задерживает полеты космонавтов, а пользы от полета собачек мы никакой не ждем. Больше того, я уверен, что они сдохнут значительно раньше окончания полета и этот эксперимент Минздрава принесет нам только одни неприятности.

Генерал-лейтенант Волынкин только что доложил о новой задержке начала испытаний системы регенерации воздуха. ОКБ-1 с согласия ИМБП заменил в «Восходе-3» внутреннюю обшивку на новую — поролоновую, пропитанную специальным составом. Эта обшивка не проходила специальной проверки, и хотя специалисты ИМБП уверяли, что новая обшивка лучше старой (не горит, гигиенична, гигроскопична и так далее), при подготовке испытаний в ИМБП она от малейшего прикосновения лохматилась, от нее отделялись мельчайшие волокна и пыль, что вызывало раздражение слизистой оболочки у людей, работавших в кабине. По поводу этого нового провала ИМБП я говорил с Цыбиным, он признал причины задержки испытаний очень серьезными и обещал сегодня же вечером выдать Воронину ранее проверенную в полетах внутреннюю обшивку кораблей. Полет корабля с новой обшивкой мог бы закончиться вынужденной посадкой или еще более тяжелым происшествием.

11 февраля.

Вчера у председателя Государственной комиссии товарища Тюлина Г.А. собрались Келдыш, Мишин, Цыбин, Шабаров, Керимов, Правецкий, Строганов (ЦК КПСС), Киясов (Совет Министров) и я. Более трех часов обсуждали вопросы организации космических полетов в 1966 году.

Пуск корабля № 5 с собаками решили произвести 22-23 февраля с расчетной продолжительностью полета 20 суток. К полету собак все подготовлено, поэтому я не возражал против пуска, но сказал, что этот полет военных не интересует и мы не ждем от него ничего ценного и достойного внимания. Пуск «Восхода-3» назначили на 20-23 марта. Я предложил командиром корабля «Восход-3» назначить Волынова, вторым пилотом — Шонина и запасными — Берегового и Шаталова. Правецкий предложил ввести в состав экипажа товарища Катыса. Против этого предложения высказались Мишин, Цыбин и я. Утвердили состав экипажей, предложенный ВВС. Мишин внес предложение снять эксперимент по созданию искусственной тяжести в полетах кораблей № 7 и № 8. Я поддержал Мишина: мы уже больше года доказываем необходимость перенести этот эксперимент с кораблей ЗКВ на «Союз» - это даст нам возможность установить на «Восходах» новую аппаратуру для военных исследований весом до 700 килограммов.

Решили, что управление полетами кораблей № 5 и № 6 будем осуществлять не с полигона, как это было во всех предыдущих полетах, а из Москвы. Государственная комиссия после вывода кораблей на орбиту будет перелетать в Москву. По моему предложению для непосредственного управления полетом создаются четыре смены оперативной группы во главе с одним из членов Госкомиссии, смены будут дежурить по 6 часов.

Тюлин, Келдыш и Мишин высказались за необходимость подготовки к полетам на «Союзах» инженеров и ученых различных специальностей, я выразил свое полное согласие с их мнением и попросил Келдыша и Мишина дать нам списки товарищей, которых они рекомендуют для отбора в космонавты.

Сегодня я доложил Вершинину и Руденко о решениях, принятых на вчерашнем совещании - оба маршала одобрили их.

В связи со смертью С.П.Королева и перемещением ряда товарищей по службе из состава Госкомиссии выбыли: Королев, Керимов, Мрыкин, Захаров, Гусев, Кобзарев и Нариманов. Для руководства предстоящими космическими полетами утвержден новый состав Госкомиссии: Тюлин — председатель; заместители председателя — Келдыш, Руденко, Мишин, Смирницкий; члены комиссии - Касатонов, Казаков, Карась, Мельников, Каманин, Курушин, Цыбин, Спица, Шабаров, Правецкий, Булычев. Из 17 членов Госкомиссии 9 — кадровые военные. При таком составе комиссии можно было бы успешно отстаивать интересы Министерства обороны, но военные часто действуют разрозненно, и только поэтому промышленники берут верх над ними.

14 февраля.

Всю Москву и Подмосковье завалило снегом. Утром я с большим трудом выбрался с дачи: вчерашние мои старания по расчистке дороги пропали даром.

В субботу более шести часов был в Центре. Вместе с Гагариным, Николаевым и Комаровым обсуждали рассчитанный на два с половиной года план подготовки экспедиции на Луну.

Сегодня был в ИМБП Минздрава, там уже третьи сутки идет испытание регенерационной системы. Утром мне позвонил Тюлин, его беспокоит, что температура в корабле распределяется очень неравномерно (вверху 25 градусов, а внизу 15). Я вызвал в ИМБП Главного конструктора Воронина, врачей и инженеров (Генин, Смирнов, Фролов и другие). Решили эксперимент продолжать, порекомендовав испытателям переместить часть подвижного оборудования. Из ИМБП все поехали на завод к Воронину; в 17 часов он начнет свои испытания. Воронин учел все ошибки ИМБП и принял меры для обеспечения лучшей циркуляции воздуха в кабине корабля.

15 февраля.

Дома целый лазарет: у Муси продолжаются боли в левом боку, Оля еще не оправилась от гриппа, заболели Люда и внук. Малого особенно жалко: он плохо спит ночью, сильно похудел, почти ничего не ест. Сегодня утром я носил его на руках минут 30, он стонал и жалобно бормотал: «…Вава, вава, ай-ай…»

Гагарин и Комаров подготовили мне справку о подготовке и осуществлении мягкой посадки на Луну. Краткое содержание справки сводится к следующему.

Проектирование автоматической станции «Е-6» для посадки на Луну началось в 1960 году. Первый пуск АМС «Е-6» был осуществлен 2 апреля 1963 года (»Луна-4»). Из-за неисправностей в системе управления двигателем не удалось осуществить коррекцию, и станция прошла в 160 тысячах километров от Луны.

9 мая 1965 года была запущена «Луна-5»: из-за замерзания масла в гироскопах системы ориентации не была осуществлена коррекция траектории АМС.

8 июня 1965 года осуществлен пуск «Луны-6»: двигатель коррекции не включился, станция прошла мимо Луны.

4 октября 1965 года: коррекция траектории «Луны-7» прошла успешно, но не включился тормозной двигатель — станция упала на Луну.

3 декабря 1965 года: полет «Луны-8» успешно продолжался до момента наддува баллонов-амортизаторов перед запуском тормозной двигательной установки (ТДУ). При наддуве один из баллонов лопнул, что привело к нарушению ориентированного положения станции. Двигатель запустился в нерасчетное время (позже) и проработал 9 секунд вместо расчетных 45. Станция совершила жесткую «посадку».

31 января 1966 года в 14:31:17 запущена «Луна-9». В процессе отработки станции серии «Луна» учитывались неисправности и отказы, имевшие место в предыдущих полетах, и объект непрерывно совершенствовался. Основные характеристики АМС «Луна-9» по данным справки, подготовленной Гагариным и Комаровым, таковы:

1. Общий вес — 1602 килограмма (после отделения от последней ступени ракеты).

2. Параметры корректирующей ТДУ (КТДУ):тяга — 4500 килограммов; масса топлива для коррекции траектории и торможения — 847 килограммов; время работы при коррекции траектории — 6 секунд, при торможении — 45 секунд.

3. Масса объекта перед посадкой — 430 килограммов.

4. Масса станции без КТДУ и баллонов-амортизаторов — 79,5 килограмма.

5. Обеспечиваемый телевизионной аппаратурой минимальный различимый размер предметов на местности на расстоянии 2 метра — 15-20 миллиметров.

6. Время существования станции на поверхности Луны — до 5 суток (один час телепередач в сутки).

Прилунение станции произошло 3 февраля 1966 года в 21:45:30 по московскому времени, через 4 минуты 10 секунд раскрылись телеантенны и 3 из 4-х ленточных радиоантенн. Связь со станцией была устойчивая, в 4:50 4 февраля по команде с Земли «Луна-9» начала обзор лунного ландшафта и передачу изображения на Землю. Снимки получились отличные. Поверхность Луны шероховатая, но твердая, нет признаков пыли, видны отдельные камни размером 15-20 сантиметров. Поверхность имеет много мелких углублений и бугорков. Видны отдельные углубления, поперечные размеры которых составляют несколько метров. Ввиду отсутствия у Луны атмосферы небо на снимках совершенно черное. Отсутствие рассеянного света дает очень контрастные тени.

Звонил Тюлин, он просит «освежить» программу военных экспериментов в космосе на 1966 год. Договорился с ним, что тренажер корабля «Л1» будем готовить и оформлять одним общим решением Совета Министров по кораблям для облета Луны.

16 февраля.

На испытаниях в ИМБП температура в корабле остается неравномерной: перепад между значениями температуры вверху и внизу равняется 12 градусам; принятые меры пока не дают результата. В заводских испытаниях у Воронина при закрытых шторках радиатора теплообменника перепад температур всего 2 градуса, средняя температура устойчиво держится на уровне около 20 градусов.

На сегодня намечалось заседание Госкомиссии, но неожиданно заболел Тюлин, заседание перенесли.

17 февраля.

Ознакомил Главкома с проектом плана подготовки экспедиции на Луну. Вершинин очень внимательно изучил план и проявил готовность поддержать все наши предложения. План рассчитан на 2,5 года, будем готовить 5-6 экипажей. Экипаж экспедиционного корабля «Л-3» будет состоять из двух космонавтов. В состав экипажей будем включать космонавтов, уже летавших в космос. Программа экспедиции предусматривает следующие основные этапы полета комплекса «Л-3»:

1. Старт с орбиты ИСЗ на траекторию полета к Луне.

2-3. Коррекции траектории полета к Луне на удалении 150-200 тысяч километров от Земли.

4. Переход одного космонавта из лунного орбитального корабля (ЛОК) в лунный корабль (ЛК) через открытый космос.

5. Разделение ЛОК и ЛК.

6. Запуск двигателя ЛК для схода с орбиты искусственного спутника Луны (ИСЛ).

7. Маневр перед посадкой и посадка ЛК.

8. Выход космонавта на поверхность Луны и возвращение его в ЛК.

9. Старт ЛК на орбиту ИСЛ.

10. Стыковка ЛК и ЛОК.

11. Переход космонавта из ЛК в ЛОК через космос.

12. Разделение ЛК и ЛОК.

13. Старт ЛОК с орбиты ИСЛ на траекторию возвращения к Земле.

14-15. Коррекции траектории возвращения к Земле.

16. Торможение спускаемого аппарата в верхних слоях атмосферы.

17. Вход в плотные слои атмосферы.

Для выполнения плана подготовки лунной экспедиции надо уже сейчас рассмотреть кандидатов на роль командира корабля «Л-3» и на роль космонавта, выходящего на лунную поверхность.

Необходимо немедленно формировать авиационный полк, заказывать летающие лаборатории, создавать тренажеры, скафандры, стенды, оборудование и приступать к подготовке космонавтов.

18 февраля.

Вчера провели заседание Госкомиссии по пуску корабля 3КВ (»Восход» № 5 — Ред.). Присутствовали все члены комиссии и человек 50 конструкторов и разработчиков систем. Впервые заседание проходило без С.П.Королева и на новом месте (Миусская площадь, дом 3, Министерство общего машиностроения).

Все главные конструкторы доложили о полной готовности к пуску корабля № 5 с собаками. Решили осуществить пуск 22-23 февраля. Серьезные замечания были только по парашютной системе: было уже четыре случая разрыва парашютов при испытаниях в Феодосии. Система рассчитана на нагрузку порядка 2,6 тонны, сейчас же ей приходится спускать груз весом 3,0-3,3 тонны — система перенапряжена и может отказать. Товарищ Ткачев заверил Госкомиссию, что он гарантирует надежный спуск груза весом не более 2,9-3,0 тонны.

Представители воронежского завода, изготовляющего двигатели для третьей ступени, доложили, что в декабре 1965 года при испытаниях на стенде был случай разрушения двигателя из-за ВЧ-колебаний, причина которых не установлена. Это уже 4-й случай возникновения ВЧ-колебаний — все они произошли при работе двигателей на стенде, при пусках ракет ВЧ-колебания не возникали. Завод дал гарантию надежной работы двигателей.

Пуск корабля № 6 (»Восход-3») намечен на 22-23 марта, с тем чтобы посадку его осуществить до 12 апреля. При рассмотрении вопроса об организации управления полетом корабля № 6 я выступил против предложений ОКБ-1 по составу оперативных групп, решили поручить ОКБ-1 и ВВС согласовать их состав.

После окончания заседания Госкомиссии маршал Руденко, Мишин, Цыбин и я уединились в одном из кабинетов и повели откровенный разговор — «два — против двух», как выразился Василий Павлович Мишин. Мы более часа убеждали Мишина и Цыбина в том, что ИМБП своими попытками вклиниться в практическую работу кооперации военных организаций, обеспечивающих пилотируемые полеты, наносит вред делу и что поддержка, которую получает ИМБП от ОКБ-1 в своих притязаниях, противоречит духу решений ЦК КПСС и Совмина по созданию ИМБП. Мишин и Цыбин упорно защищались. Спор был продолжен в кабинете Тюлина в присутствии Келдыша и Правецкого. У Тюлина соотношение сил было уже не в нашу пользу: «пять — против двух». Никаких решений не приняли, поручили мне и Цыбину попытаться подготовить согласованные предложения по составу оперативных групп. В проекте ОКБ-1 руководителями оперативных групп назначались Правецкий, Каманин, Спица и Карась. Мы добивались замены Спицы и Карася на Кузнецова и Гагарина. Спица и Карась никогда не руководили полетами космонавтов, они плохо знают корабль и задание на полет и совершенно не знают космонавтов. Полет будет проходить на пределе технических и человеческих возможностей, в этих условиях руководить полетом должны люди, отлично подготовленные для этой цели. Победы мы пока не добились, но в стане «противников» уже не стало единства: Цыбин нас поддержал, Мишин заколебался. Будем добиваться полной победы…

Не успел я закончить последнюю фразу в дневнике, как раздался звонок маршала Руденко: «Мы обсудили с Вершининым все вчерашние события, решили на рожон не лезть, обструкций не устраивать. Учтите это в своих переговорах с Мишиным и Тюлиным». Это заявление — директива на отступление по всему фронту, но отступления не будет. Я не рассчитывал на помощь маршалов, особенно на помощь Руденко. Три года назад Руденко решил «поставить Институт авиационной и космической медицины на новые рельсы, освободить его от несвойственных ему задач» — и поставил, и освободил, и помог создать ИМБП. Сейчас ему не с руки драться с теми, кому он помогал создавать новый институт. Руденко мне всегда только мешал: без него вчера в разговорах с Тюлиным и Мишиным можно было бы добиться большего, его горячность и прямолинейность (негибкость) часто используются против нас.

Был Герман Титов, говорили с ним более часа. За последний год он ведет себя безукоризненно (нет ни одного «сигнала»). Мы его нагрузили полетами (120 часов в год), дали задание работать вместе с ОКБ Артема Микояна над созданием орбитального самолета, поручаем проводить много встреч и выступлений — он загружен до предела. Я рад успехам Германа, но еще не совсем уверен, что срывов у него больше не будет.

19 февраля.

Был на совещании у заместителя министра авиационной промышленности В.А.Казакова. Присутствовали Строев, Козлов, Даревский и около 20 разработчиков систем для тренажера «Союз». Дата готовности тренажера — 31 марта, но, как всегда, промышленность (в первую очередь ОКБ-1) не укладывается в запланированные сроки. ОКБ-1 не выдало еще всех исходных данных, не подготовило макет корабля, много срывов и недоделок и по вине других КБ. Решили: до 16 марта поставить в ЦПК ВВС все необходимое для сборки тренажера, с тем чтобы 15 апреля сдать его в эксплуатацию; 22 февраля созвать в ОКБ-1 совещание разработчиков тренажера и договориться по графику дальнейших работ.

После совещания обсуждали проект решения Совмина по созданию мощной тренажерной базы для подготовки космонавтов и выделению головной организации, которая отвечала бы за создание тренажеров. Казаков и Строев высказались за то, чтобы такая база создавалась в МОМ. Мы, военные, пытались убедить Казакова в необходимости развивать тренажерную базу Даревского. Казаков, Строев и Даревский дали понять, что если им вернут из МОМ один-два завода и будут подкреплять развитие базы материально, то они смогут выполнить задачи создания тренажеров для космических полетов.

21 февраля.

Вчера был на даче только с Ольгой Карловной. Муся, Оля и малой еще не совсем оправились от гриппа. День был отличный, я ходил на лыжах, расчищал снежные завалы, запускал автомашину, много гулял.

Сегодня приезжал ко мне Главный конструктор тренажеров Даревский Сергей Григорьевич. Беседовали более трех часов, договорились общими усилиями через ЦК КПСС (Строганов) добиваться утверждения правительством наших предложений по развитию базы ЛИИ для постройки всех космических тренажеров. Наш план предусматривает создание тренажеров, обеспечивающих облет Луны, высадку космонавта на Луну, возвращение лунной экспедиции на Землю, а также проведение военных исследований на космических аппаратах.

В ЦПК работу по созданию тренажеров возглавляет полковник Яковлев. Объем этой работы так быстро растет, что Яковлев уже «не тянет», — мне хотелось заменить его летчиком-космонавтом В.М.Комаровым. Я говорил с Владимиром Михайловичем на эту тему, он правильно понимает значение работ по оснащению ЦПК тренажерами и другим учебным оборудованием, но опасается, что эти работы помешают ему готовиться к очередному космическому полету. Пришлось согласиться с доводами Комарова и дать ему возможность готовиться к полетам по программе освоения Луны.

22 февраля.

На письме, которое Вершинин 15 января послал Малиновскому, министр написал: «Вершинину вместе с Генштабом подготовить предложения». Сегодня я вместе с генералом Полежаевым был в Генеральном штабе. Генералы Серегин и Попков и два полковника пытались опорочить и полностью отвергнуть наши предложения. Мне и Полежаеву пришлось выдержать тяжелый бой. До полной победы еще очень далеко, но нам удалось добиться от генштабистов главного — признания необходимости усиления космического аппарата ВВС. Главное затруднение в решении вопроса: где взять численность? Решили в недельный срок рассмотреть возможные варианты, изучить состояние дел в ЦПК,

части Фролова и институтах ВВС и на общем совещании отработать согласованные предложения. Генерал Серегин — старый противник ВВС, он еще немало попортит нам крови. Правда, сегодня он вел себя вполне прилично.

24 февраля.

22 февраля в 23:10 по московскому времени выведен на орбиту спутник «Космос-110» (корабль «Восход» № 5 — Ред.) с двумя собаками на борту — Ветерком и Угольком. Этот спутник - головной корабль серии из пяти новых «Восходов» — должен летать 25 суток. Главная задача его полета — проверка всего оборудования корабля перед пуском «Восхода-3». Попутно проводится биологический эксперимент с собаками, мелкими животными и насекомыми. Мы предлагали в свое время послать на орбиту в этом корабле одного космонавта суток на 20-25. С.П.Королев не согласился с нами и решил готовить «собачий вариант». Это решение, задержавшее полет космонавтов на 4-5 месяцев, в научном плане ничего не дает. Есть все основания полагать, что собаки сдохнут через 7-10 дней полета из-за трудностей автоматического обеспечения их воздухом, водой и пищей.

Сегодня еще раз обсуждали разногласия между ВВС и Минздравом. Руденко колебался, он склонен уступить нажиму Смирнова, Бурназяна и генштабистов. Я и Бабийчук пока держимся; дождемся, по-видимому, тумаков и прямого приказа: «Не рассуждать, а выполнять».

Подготовка Волынова, Шонина, Берегового и Шаталова подходит к концу: 28 февраля будем принимать у них экзамен на готовность к полету на «Восходе-3». Испытания регенератора воздуха в ИМБП и у Воронина в ОКБ-124 проходят нормально и на сегодняшний день характеризуются следующими показателями:

Организатор испытаний	Длительность, сутки	Температура, градусы	Влажность, проценты	Оценка результатов
ИМБП	12	24-16	70	Удовле вори ельно
ОКБ-124	10	18-16	65	Хорошо

25 февраля.

Сегодня проводили занятия в московском планетарии. Присутствовали Главком Вершинин, маршал Руденко, все космонавты и слушатели-космонавты, было много товарищей и из других военных организаций, занимающихся космосом. Главная тема занятий — Луна. Мы прослушали лекции трех наших крупнейших знатоков Селены. Троицкий, Козырев и Михайлов очень хорошо изложили нам все, что на сегодня известно о Луне. Особенно интересным было сообщение Козырева о том, что поверхность Луны формировалась под воздействием вулканических процессов и приливных явлений из-за влияния Земли. Метеорные тела тоже оставили свои отпечатки на лике Луны. Мне лунная поверхность представляется в виде слегка затвердевшего мха.

1 марта.

Вчера весь день в ЦПК принимали экзамены по готовности к полету у Волынова, Шонина, Берегового и Шаталова. Кроме генералов и офицеров ВВС в приеме экзаменов участвовали представители ОКБ-1 во главе с Цыбиным, ИМБП (Н.Н.Гуровский) и других институтов и КБ. Космонавты показали отличные знания корабля, оборудования, задания, инструкций, условий полета и всех запланированных экспериментов. Единогласно было решено поставить всем космонавтам оценки «отлично».

Испытания регенерационной установки в ИМБП прекращены в 15:00 25 февраля из-за падения в составе атмосферы процентного содержания кислорода и увеличения углекислоты. Испытания продолжались только 14 суток. Мы (ВВС) были тысячу раз правы, когда категорически возражали против предложения Минздрава провести только один зачетный эксперимент в ИМБП. Если бы не было испытаний у Воронина (ВВС настояли на их проведении вопреки резолюции Л.В.Смирнова), то сейчас, после провала эксперимента в ИМБП, пришлось бы вновь начинать испытания, и тем самым был бы сорван срок пилотируемого полета (до 23 марта). У Воронина эксперимент продолжается уже 15 суток, но и в этих испытаниях есть недостаток: установка все еще работает на 2-м патроне, а при нормальной работе должен был бы кончаться уже 3-й патрон (всего в установке 4 патрона — каждый на 5 суток) — это свидетельствует о параллельной работе 2-го, 3-го и 4-го патронов. Таким образом, не исключено, что система регенерации воздуха может «скиснуть» в любой момент, - короче говоря, система еще не доведена до надежной работы в течение 20 суток.

Последние три испытания парашютной системы тоже прошли плохо: были разрывы парашютов. Корабль надо уже вывозить на полигон, но он не готов. Правда, я уверен, что под нажимом начальства Воронин и Ткачев дадут «добро» на использование своих систем в полете. Но такое «добро» недорого стоит, и с такой практикой подготовки космических полетов мы можем иметь крупнейшие неприятности.

Сегодня газеты сообщают о гибели двух американских астронавтов, они разбились при тренировочном полете на самолете (астронавты Эллиот Си и Чарлз Бассетт — основной экипаж «Джемини-9» — погибли в авиакатастрофе на самолете Т-38 28 февраля 1966 года — Ред.). Ни у нас, ни в Америке еще не погиб ни один человек во время космического полета. Но трагедии в космических полетах неизбежны, они будут происходить на глазах у всего человечества и потому будут особенно впечатляющими. Надо делать все возможное, чтобы повышать гарантии безопасности космических полетов. Пока же все наоборот - и у нас, и в Америке налицо спешка в подготовке полетов, многое делается недоброкачественно, и вероятность происшествий в космосе растет. Как это ни странно звучит, но самым надежным у нас был полет Гагарина. Самым опасным до настоящего времени являлся полет «Восхода-2», но еще более опасным может оказаться предстоящий полет «Восхода-3». Полеты в космос становятся все более продолжительными, орбиты более высокими, а эксперименты и научные исследования все более сложными. В таких условиях гарантии безопасности полета неумолимо уменьшаются. Казалось бы, все конструкторы должны заботиться о большей технической надежности оборудования и систем пилотируемого космического корабля, а фактически мы идем по пути снижения их надежности.

2 марта.

Утром Г.А.Тюлин сообщил, что заседание Госкомиссии по «Восходу-3» состоится завтра, а спустя некоторое время он снова позвонил и рассказал об изменении планов. Очередная попытка запустить лунную станцию закончилась неудачно. До съезда надо запустить «Луну-10» и «Молнию», к полету «Восхода-3» многое еще не готово, поэтому возникла мысль передвинуть его пуск на вторую половину апреля. Келдыш поддержал это предложение, у ВВС тоже нет оснований торопиться: космонавты уже готовы к полету, но оборудование «Восхода-3» еще требует доработок. Я дал согласие Тюлину на перенос срока пуска «Восхода-3».

Сегодня все газеты сообщают об итогах полетов двух наших АМС: «Венера-2» - прошла в 24 тысячах километров от Венеры, а «Венера-3» — попала в планету, имея на борту вымпел Советского Союза.

3 марта.

Чуда не произошло: прекратились испытания и у Воронина. После переключения работы установки со второго патрона на третий воздушная среда в кабине продолжала ухудшаться, при переходе на четвертый патрон наступило временное улучшение состава воздуха, но через несколько часов процентное содержание кислорода вновь начало снижаться, а углекислого газа — расти. Нормальные условия в корабле поддерживались лишь в течение 16 суток, последние 12 часов испытатели находились в условиях постепенного, но неуклонного ухудшения состава воздуха в кабине.

Проведено уже четыре испытания регенерационной системы, и во всех четырех она нормально функционировала только по 14-16 суток, а полет рассчитан на 18-20 суток. Для осуществления такого полета нужна система, надежно работающая в течение 21-22 суток. Воронин намечает некоторые усовершенствования регенерационной установки. Он, в частности, собирается герметизировать патроны и в каждом патроне сделать пробку, которую космонавт будет открывать вручную перед включением патрона. Это усовершенствование может улучшить работу системы, но оно имеет и свои слабые стороны, которые могут свести к нулю все его возможные «плюсы». Дело в том, что очередной «неразогретый» патрон будет включаться в работу не сразу на полную мощность, и за время перехода с одного патрона на другой в кабине корабля может создаться тяжелая обстановка с воздушной средой.

4 марта.

Вчера провели заседание Госкомиссии. Корабль № 5 нормально продолжает полет. Собаки, вопреки моим ожиданиям, живы, и их состояние удовлетворительное. Есть только один очень существенный «минус» этого полета: мы не принимаем радиопередач с корабля, бортовые передатчики работают, но приема нет — по-видимому, не развернулись антенны корабля. В связи с недостаточной (по результатам испытаний) надежностью регенерационной системы, парашютов и средств связи принято решение перенести пуск «Восхода-3» с марта на апрель. Главный конструктор Мишин высказал пожелание осуществить пуск 15-20 апреля.

Главный конструктор Воронин доложил на заседании свои предложения по доведению системы регенерации воздуха для надежной работы в течение 20 суток. Герметизация патронов и установка на них пробок, может быть, и доведут работу системы до 20 суток, но эти усовершенствования значительно затруднят работу экипажа. Дело в том,

что в кабине корабля космонавту очень трудно добраться до пробки регенерационного патрона. Кроме того, переход с одного патрона на другой будет осуществляться через 5,5 суток, каких-либо индикаторов для переключения на очередной патрон нет — эта особенность системы потребует от экипажа постоянного наблюдения за параметрами воздуха кабины.

Главный конструктор Ткачев дал согласие на допуск парашютной системы «Восхода-3» к полету. Главный конструктор Быков и военные связисты договорились о мероприятиях по повышению надежности средств связи с кораблем.

Сегодня мы отправляем письмо в Совет Министров по центрифуге ЦФ-16. Письмо подписали генерал армии Батицкий, Келдыш, Афанасьев и Бурназян. Авторы письма настаивают на продолжении работ по ЦФ-16, создание которой тормозилось более двух лет ошибочной позицией Минздрава. Большая центрифуга ЦФ-16 крайне необходима для подготовки космонавтов к полетам, особенно к облету Луны и экспедиции на Луну.

Звонили Гагарин, Терешкова, Николаев и Леонов — все они жалуются на большой отрыв от работы и учебы на встречи, конференции и другие мероприятия. Некоторым космонавтам приходится выступать по 20-40 раз в месяц. Сегодня все космонавты на городской партийной конференции, и одновременно им запланированы выступления на районных собраниях, посвященных 8 марта. Егорычев не отпускает космонавтов с конференции, опять будут срывы встреч, обиды и жалобы на нас - »бюрократов».

11 марта.

Сегодня утром умер отец Люды. Люда видела его четыре дня назад, он был здоров и ни на что не жаловался. Лева и Люда очень переживают эту потерю. Вчера в ЦПК более двух часов занимался в учебном корабле «Восход-3». Беседовал с Волыновым, Шониным, Береговым и Шаталовым, ребята изрядно устали. Я дал команду подсократить их рабочий день на ближайшие недели. Заходила Терешкова, доложила, что девушки настойчиво и успешно готовятся к космическому полету. Все космонавты закончили переезд из Чкаловской в новый гарнизон (рядом со служебной территорией Центра). Квартиры одиннадцатиэтажного дома всем нравятся, космонавты и члены их семей довольны.

Северин настаивает на том, чтобы мы сообщили ему фамилии четырех кандидатов для полета на 7К-ОК с указанием, кто на каком месте будет размещаться в корабле. Для «Союза» мы уже готовим 12 космонавтов, но кто из них полетит в числе первых, еще неизвестно. Сегодня вечером я встречаюсь с Тюлиным и Мишиным, надо будет согласовать с ними состав экипажей для первых полетов на 7К-ОК.

12 марта.

Вчера Тюлин, Мозжорин и я провели встречу с представителями ТАСС, АПН, радио, телевидения и центральных газет. Договорились о плане мероприятий по предоставлению общественности более полной информации о ходе подготовки к предстоящему полету «Восхода-3».

После окончания этого совещания мы с Г.А.Тюлиным около часа обсуждали ряд вопросов по подготовке очередных космических полетов. Георгий Александрович продолжает поддерживать идею женского полета и рекомендовал продолжать подготовку экипажа Пономарева-Соловьева. По программам полетов «Восхода-4» и «Восхода-5» пока нет окончательного решения, но Тюлин согласился с моим предложением готовить для «Восхода-4» экипаж в составе Берегового и Катыса. Обсудили мы и кандидатов в состав экипажей первых кораблей 7К-ОК. С октября 1965 года мы готовим для полетов на этих кораблях следующие экипажи: 1) Гагарин — Воронов, 2) Николаев - Горбатко, 3) Быковский — Матинченко, 4) Комаров — Колодин, 5) Заикин — Хрунов, 6) Попович — Артюхин. Для полетов первых двух кораблей целесообразнее использовать экипажи Быковского и Комарова, но это только мое личное мнение. В ближайшие дни эти вопросы надо решить окончательно и приступить к более конкретной подготовке экипажей и для «Восходов», и для «Союзов». Обсудили с Тюлиным и вопросы организации руководства полетами. В проекте решения Госкомиссии для этой цели предлагается создать четыре смены (в каждой смене 45-50 специалистов), возглавляемые Карасем, Каманиным, Спицей и Правецким. Я убедил Тюлина в том, что для роли руководителя полета товарищи Карась, Спица и Правецкий совершенно не подходят — эту роль лучше их могут выполнять генерал Кузнецов, Гагарин, Николаев, Комаров и другие космонавты. Мы договорились, что решением Госкомиссии для каждой смены будут утверждены руководитель смены (администратор — член Госкомиссии) и руководитель полета (космонавт). Тюлин предложил мне подготовить «Положение о руководителе полета» и высказал мнение о целесообразости сделать эту должность независимой от руководителя смены. У меня создалось впечатление, что Георгий Александрович хорошо понимает всю сложность и ответственность управления полетами и что мы найдем правильное решение этой проблемы.

Говорили мы и о развитии базы Даревского для строительства тренажеров. Тюлин обещал поддержать наши проекты по усовершенствованию строительства тренажеров и оснащению ими Центра подготовки космонавтов.

14 марта.

Неожиданно умер академик Норайр Мартиросович Сисакян. Четыре дня назад я говорил с ним по телефону по поводу поездки Терешковой в Швецию. Он был здоров, весел и жизнерадостен, а теперь его уже нет. Сисакян был крупным биологом и много внимания уделял космической биологии и медицине.

15 марта.

Вчера состоялось заседание Госкомиссии: обсуждали ход полета «Космоса-110». Состояние животных и параметры атмосферы кабины (давление, температура, влажность, содержание углекислого газа и кислорода) пока удовлетворительные, но выявилась стойкая тенденция постепенного ухудшения состава воздуха в кабине. Сегодня пойдет уже 21-й день полета, все его задачи уже выполнены. П.В.Цыбин и Б.Б.Егоров высказались за прекращение полета. Воронин заявил, что система кондиционирования воздуха рассчитана на 36 суток и может еще работать, после чего многие высказались за продолжение полета. Решили создать посадочную комиссию в составе: Руденко, Цыбин, Каманин, Фадеев, Раушенбах, Безвербый, Гагарин, Николаев, Комаров, Егоров, Кузнецов, Воронин, Северин и другие — всего 25 человек. Посадочной комиссии поручили провести тщательный анализ состояния животных, параметров атмосферы кабины, условий посадки и поиска и принять решение о дате посадки (в пределах между 15-17 марта).

Вчера же маршал Руденко провел первое заседание посадочной комиссии. Поручили всем специалистам

подготовить доклады за ночь с 14 на 15 марта. Сегодня в 11 часов комиссия соберется на КП Генштаба, чтобы решить вопрос о посадке «Космоса-110».

Провели второе заседание посадочной комиссии. За прошедшие сутки обстановка в кабине «Космоса-110» почти не изменилась, немного понизилось парциальное давление кислорода (со 143 до 136 миллиметров ртутного столба) и чуть-чуть повысилось процентное содержание углекислого газа (с 0,89 до 0,91). Врачи высказались за посадку сегодня, большинство инженеров (Цыбин, Воронин и другие) — за посадку завтра, когда условия посадки по району приземления и прогнозу погоды будут существенно лучше. Приняли решение сажать корабль завтра — 16 марта — на 330-м витке полета в районе между Сталинградом и Уральском. Сегодня в 15:30 поступят данные телеметрии, если они покажут резкое ухудшение условий в корабле, то будем производить аварийную посадку сегодня в районе Куйбышев — Чкалов.

Вчера и сегодня утром погода была совсем весенняя, но вот уже более 4-х часов идет обильный снег. Опять вернулась зима…

17 марта.

У нас вчера был большой космический день: сажали наших собак и следили за полетом двух американских астронавтов. Решение о посадке «Космоса-110» мы приняли еще 15 марта, а вчера в 14:00 дали команду на спуск. Все команды на посадку прошли нормально, в 17:15 корабль приземлился в 210 километрах к юго-востоку от Саратова с перелетом в 60 километров от расчетной точки. Все радиосредства корабля и наземные пеленгаторы работали хорошо. Через 30-40 минут после посадки на радиомаяк «Космоса-110» вышли два самолета (Ан-12 и Ил-14), десантировавшиеся с них семеро парашютистов доложили: «Состояние корабля и собак нормальное». Погода в районе посадки была очень плохой: высота облачности — 100 метров, видимость — 1-2 километра, местами — туман. Все самолеты, взлетевшие из Энгельса, пришлось сажать в Воронеже, а вертолеты вообще не смогли вылететь. Техническую команду из Саратова отправили дрезиной до Александрова-Гая.

Сегодня утром первым (в 7:04) из Саратова к кораблю вылетел вертолет Ми-4 нефтеразведки, наши вертолеты добрались до корабля на 1-2 часа позже. Тюлин и Смирнов выразили неудовольствие медлительностью поисковых средств ВВС. Надо признать, что у нас плохо организован поиск космических кораблей. Наши средства поиска далеки от совершенства. В этом деле мы особенно плохо выглядим на фоне четкой организации поиска американских астронавтов. Вчера взлетел в космос «Джемини-8» с астронавтами Нейлом Армстронгом и Дэвидом Скоттом. Корабль должен был летать 2-3 суток, планировалось осуществить четыре стыковки с ракетой «Аджена» и выход астронавта Скотта за борт корабля на 2-3 часа с удалением от него до 30 метров. Экипаж «Джемини-8» не выполнил поставленные перед ним задачи и на седьмом витке первых суток полета произвел вынужденную посадку в Тихом океане. Через два часа американские астронавты были подобраны службой поиска.

Сегодня с 12 до 15 часов маршал Руденко был в ВПК, там на него наседали за плохую организацию поиска космических кораблей. Руденко отбил атаки на ВВС и перешел в контрнаступление. Он доложил, что служба поиска ВВС организована плохо из-за того, что нет численности, средства поиска примитивны и устарели, а все наши попытки заказать новое оборудование и добиться выделения людей для службы поиска не поддерживаются Генштабом. Ветошкин обещал на одном из заседаний ВПК рассмотреть нужды службы поиска и усилить ее средствами и людьми.

21 марта.

В субботу я был в ЦПК, проверял готовность группы Волынова. Оба экипажа поддерживают натренированность, заполняют бортжурналы и занимаются спортом. Волынов просил разрешения не бриться в полете. Шонин, Береговой и Шаталов тоже считают бритье излишеством. Приказал бритвы в полет не брать. Сегодня провел совещание с представителями прессы, в котором участвовали Денисов, Романов, Остроумов, Ребров, Песков, Летунов и Булушев. Корреспонденты предложили много нового и интересного в целях более широкого освещения предстоящего полета. Основные предложения представителей прессы я одобрил, организовал для них ознакомление с «Восходом-3» и его экипажами, но некоторые предложения требуют санкции ЦК и технически сложны в реализации. Например, осуществление в полете связи космонавтов с Жаком Ивом Кусто — французским ученым, ведущим эксперименты под водой. Я посоветовал товарищам обратиться с этими вопросами в правительство, а для оперативной связи журналистов с КП полета оборудовать в Генштабе комнату прессы. Надо признать, что у нас недостаточно продуман весь комплекс мероприятий для освещения космических полетов в прессе, по радио, телевидению, в кино и т.д. Этим делом в полном объеме мог бы заняться отдел пропаганды ЦК, но он не проявляет интереса к космосу. Только этим можно объяснить бесчисленные преграды на путях распространения информации о наших космических полетах.

Терешкова вернулась из Казани, а Комаров - из Баку, где они принимали участие в республиканских съездах комсомола. 18 марта Гагарин не ночевал дома и явился на службу около 12 часов дня: ходил по ресторанам с участниками московской областной конференции.

23 марта.

Тюлин отправился на полигон для запуска «Молнии» и «Луны-10». Вчера без Тюлина и Мишина провели в ОКБ-1 техническое совещание, руководили им Цыбин и Шабаров. Работа совещания прошла спокойно и деловито. Выступали Цыбин, Шабаров, Воронин, Северин, Даревский, Хлебников, Хрусталев и другие товарищи.

Полет корабля 3КВ № 5 (»Космос-110») прошел успешно, оборудование корабля работало хорошо, если не считать, что не раскрылись антенны «Зари», не «пищал» после посадки «Комар», неустойчиво работали ионные датчики, а «Сигнал» на КВ-режиме был слышен только в зоне прямой видимости. Уровень радиации на высоте 900 километров был незначительным. Собаки чувствуют себя удовлетворительно, но отмечается некоординированность их движений и, по-видимому, у них произошла значительная потеря кальция в костях. Полет корабля № 5 дает нам большую уверенность в успехе длительного полета «Восхода-3».

Главная причина задержки этого полета - неудовлетворительные результаты испытаний системы кондиционирования воздуха. Новые - пятые по счету — испытания, которые проводятся сейчас в ИМБП и у Воронина, проходят успешно. Сегодня заканчиваются уже 16-е сутки испытаний в ИМБП, есть надежда, что система регенерации проработает 18-19 суток. Корабль «Восход-3» готов к отправке на полигон, носитель уже на полигоне. После окончания испытаний системы регенерации (10 апреля) можно готовить «Восход-3» к пуску, ориентировочно он может состояться

20-22 апреля.

Перенос пуска на эту дату осложняет проведение эксперимента «Свинец» (регистрация инфракрасного излучения при старте ракет). Для выполнения эксперимента «Свинец» необходима видимость экипажем ночного горизонта, а низкое стояние Луны может затруднить наблюдение. Кроме того, авторы «Свинца» после трехмесячной работы с экипажем сейчас предлагают новую методику проведения эксперимента. Я дал приказание генералу Кузнецову разобраться вместе с космонавтами в сущности предлагаемых изменений в методике проведения эксперимента и возможности ее надежного освоения в оставшийся короткий срок (10-15 дней). «Свинец» очень важный и ценный эксперимент, но подготовлен он, по вине ПВО, плохо.

25 марта.

Три года назад Мусе вырезали паховую грыжу. Через три месяца после операции она чувствовала себя совершенно здоровой, играла в теннис, много работала физически и не замечала усталости. Но последний год она все чаще жалуется на боли в левом боку, предполагая, что боли связаны с операционным швом. Специалисты провели обследование и поставили диагноз: колит и опущение почки. Для более обстоятельного обследования я отвез Мусю 22 марта в госпиталь имени Мандрыки. Уже две недели болеет Оля. Она ни на что не жалуется, но у нее отечность лица (особенно вокруг глаз) и все время держится температура от 37,5 до 38,4. Все меры, принимаемые врачами, пока не дают результатов. Лева замучил себя работой над диссертацией. Работает по 12-14 часов, мало и плохо спит, много курит, мало ест и выглядит очень усталым. Вчера у него было очень низкое артериальное давление (95/45) — это сильная гипотония, упадок сил. Сегодня утром поговорил с Левой. Я настойчиво советовал ему бросить курить, постараться нормально спать, меньше сидеть за расчетами и писаниной и побольше бывать на воздухе. Так что семейные дела у меня неважные. Вчера у меня было давление 190/105 — это уже многовато, по-видимому, на моем самочувствии сказывается не только работа, но и домашняя обстановка. Но будем крепиться и работать. «Деревья умирают стоя» — вот так хотел бы умереть и я, но не раньше, чем через 10-15 лет. На этот срок моих сил может хватить при разумном их использовании и при нормальной обстановке на работе и дома.

Вчера в ЦПК ознакомился с новой методикой проведения эксперимента «Свинец». Уверенности, что эксперимент пройдет хорошо, у меня не прибавилось.

Вчера же мне позвонил маршал Захаров и в резкой форме заявил следующее: «Товарищ Каманин, Генеральный штаб — это вам не полигон Байконур, и собирать здесь корреспондентов я не разрешаю. Представьте мне список всех гражданских лиц, которых вы допускаете на КП. Впредь пропускать на КП гражданских будут только с моего разрешения. Доложите о нашем разговоре председателю Государственной комиссии». Этот звонок явился результатом неудачной попытки редактора «Известий» (он обратился лично к Захарову) добиться для прессы сносных условий работы.

Мы предпринимаем энергичные попытки дать нашему народу и всему человечеству побольше информации о предстоящем длительном полете в космос, а бюрократ в форме маршала плюет на все наши усилия. Если бы Захаров знал, как много делается для сбора информации с моего личного разрешения для печати, кино, радио и телевидения, он пришел бы в ужас и засадил бы меня в тюрьму. Но другого выхода нет: я твердо знаю, что в интересах СССР надо заранее готовить мощный поток информации о полете, и я буду делать все возможное, чтобы этот поток был как можно больше.

Вчера мы получили от маршала Захарова и вторую пилюлю. Он отказался подписать вместе с Вершининым письмо Л.В.Смирнову по уточнению задач Института медико-биологических проблем Минздрава и Института авиационной и космической медицины ВВС. Эти институты продолжают драчку и распри, и не занимаются проблемами длительных (межпланетных) полетов, хотя для этого и создавался институт Минздрава.

Сегодня у меня были Гагарин, Попович, Терешкова, Быковский, Комаров, Беляев и Леонов. Николаев немного приболел, а Титов - еще в Липецке. Вся девятка — делегаты 23-го съезда КПСС. Мы говорили о поведении космонавтов на съезде, в перерывах между заседаниями и о встречах с делегатами. За последние месяцы накопилось немало «шероховатостей» в поведении героев космоса. Любой самый маленький промах космонавта в позе, жесте, слове, одежде или даже в выражении лица становится известным широкой публике и часто истолковывается не в его пользу. В целом я доволен поведением всей девятки, но у каждого из девяти есть небольшие огрехи, и, если мы добьемся, чтобы их было поменьше, то все будет хорошо.

26 марта.

В ИМБП закончились испытания системы кондиционирования воздуха, они продолжались 18,5 суток вместо расчетных 20. Этот результат хотя и лучше прежних, но он лишний раз подтверждает, что полет «Восхода-3» может быть рассчитан только на 17-18 суток. Испытания у Воронина еще продолжаются, есть основания надеяться, что он дотянет их до 19 суток, но это ничего уже не изменит — ясно, что 20-суточного полета в этом году не будет.

Вместе с Терешковой были у Муси, всполошили весь госпиталь. Муся была очень довольна встречей с Валей, она ее не видела почти два месяца.

Был у меня Титов, рассказал о ходе освоения им самолета МиГ-21 в Липецке. Герман очень жизнерадостен и быстрословен, идеи из него бьют ключом. Он просил разрешить ему летать и в дни работы 23-го съезда КПСС, но я убедил Титова в несостоятельности его намерения, посоветовал очень внимательно поработать на съезде и обещал после съезда создать все необходимые условия для полетов, а также не перегружать его встречами в апреле. Я сказал Герману, что доволен его работой и поведением за последний год, но пока мы ему «папаху» не дадим, хотя многие торопят меня присвоить Титову звание полковника. Герман правильно меня понял и подтвердил, что он держит и будет держать данное мне слово. На мои слова: «Будешь еще и полковником, и маршалом» — Герман отпарировал: «Вот уж маршалом я никогда не буду, не тот у меня характер». Герман прав, он иногда излишне прямолинеен и не всегда уживчив с сослуживцами и старшими. На днях Вершинин и Рытов спрашивали меня, почему я не представляю Титова к званию полковника. Я доложил Вершинину, что Титовым я занимаюсь больше, чем кем бы то ни было из космонавтов. У нас с Германом было много бесед и серьезных разговоров. Год назад я твердо заявил Титову: «Еще один случай плохого поведения, и я перестану тебя уважать и поддерживать. Приближается съезд партии и выборы в Верховный Совет, но мы не сможем тебя делегировать в эти самые авторитетные органы, если ты коренным образом не изменишь свое поведение». По-видимому, Герман понял, что надо круто менять образ жизни, и у него

хватило сил на «исправление» курса. Если до июня Титов не сорвется (съезд, выборы, поездки), то в июле присвоим ему звание «полковник».

28 марта.

Вчера и сегодня — дождливые и нудные дни. Весна нас не балует: в марте было только два солнечных дня. Хмуро на небе, тяжело на душе. Звонила Муся из госпиталя и сообщила: «Уролог считает, что больна левая почка», — и поспешно добавила, что не будет оперироваться. По-видимому, врач говорил о необходимости оперативного вмешательства.

В субботу звонил с полигона Г.А.Тюлин, он просил прислать на полигон самолет Ил-18 и помочь найти в районе Акмолинска обломки ракеты УР-500 (не сработала вторая ступень). Это уже вторая неприятность «в честь» съезда (первой была автоматическая лунная станция). Собирались к съезду запустить «Восход-3», «Молнию», «Луну-10» и тяжелый спутник. Сегодня уже 28 марта, завтра откроется съезд, а мы никак не можем порадовать делегатов съезда очередным успехом в космосе.

Мне несколько раз звонили председатель ЦК ДОСААФ генерал армии Гетман и Владимир Коккинаки. В скором времени предполагается избрание Коккинаки президентом ФАИ, а вместо него на должность вице-президента ФАИ и председателя Федерации авиационного спорта СССР они хотели бы избрать одного из космонавтов. Наиболее подходящей фигурой на эту должность все считают В.М.Комарова. Несколько дней назад я рассказал Владимиру Михайловичу об этом и попросил его определить свое отношение к этому очень почетному предложению. Сегодня Комаров был у меня. Предварительно он побывал в Тушине и ознакомился с объемом предлагаемой ему работы. Исполнение новых обязанностей потребует 80-90 дней в году. Совместить эту работу с работой начальника 3-го отдела Центра подготовки космонавтов и с личной подготовкой к новому космическому полету будет очень трудно. Комаров правильно оценил обстановку и попросил меня поддержать его отказ от этого назначения. Сегодня я обсуждал этот вопрос с Вершининым и Руденко — они согласились не настаивать на назначении Комарова. Маршал Руденко предложил рассмотреть кандидатуру Кожедуба, но Вершинин выразил сомнение в согласии Кожедуба пойти на эту работу и одновременно несколько раз подчеркнул, что он с удовольствием передал бы его в ДОСААФ.

Получил письмо от Константина Ветра - кандидата в космонавты. Он несколько лет очень упорно и настойчиво готовит себя к космическим полетам. Наши врачи дали заключение: «Психически ненормален». Сначала я усомнился в справедливости заключения генерала Бородина, но… сам Ветер подтверждает диагноз врачей. В своем письме полковнику медицинской службы Федорову Ветер заявляет, что он будет прыгать с парашютом с 400-метровой скалы. Есть в письме и другие места, которые наводят на грустные размышления. Очень жаль этого начинающего сумасшедшего — он обладает такой волей и целеустремленностью, каких мало у нормальных людей.

29 марта.

В Кремле открылся 23-й съезд партии. Все летчики-космонавты и мое начальство (Вершинин, Рытов, Руденко) — делегаты съезда. Грустно как-то наблюдать это событие со стороны, хотелось бы активно участвовать в работе съезда лично, но я доволен уже тем, что космонавтика представлена на съезде целой девяткой моих воспитанников.

Заходил генерал-полковник Брайко, он сообщил, что подписана директива Генерального штаба о введении в ВВС должности помощника Главнокомандующего ВВС по космосу вместо моей теперешней должности заместителя начальника по боевой подготовке ВВС. Брайко и Ушаков поздравили меня с новой должностью. Я не удовлетворен решением Генштаба. ВВС просили учредить должность заместителя Главкома и создать космическое управление, а вместо этого Захаров и Малиновский учредили должность помощника Главкома (ниже категория и меньшие права) и дали только шесть инспекторов. Правда, надо признать, что и это решение — небольшой шаг вперед. В роли помощника Главнокомандующего у меня будет больше возможностей воздействовать на весь центральный аппарат и учреждения ВВС в интересах развития космонавтики.

Получил директиву маршала Захарова о создании службы Солнца. Решением Совета Министров такая служба создана при Академии наук. Десятки институтов и других научных организаций будут изучать Солнце, наблюдать и прогнозировать его деятельность в интересах обеспечения безопасности космических полетов. Служба Солнца для космических полетов — это то же самое, что метеослужба для полетов самолетов. ВВС должны наблюдать за Солнцем с аэростатов и самолетов и замерять уровень радиации на различных высотах. Министр обороны поручил Главкому ВВС организовать службу Солнца в интересах Министерства обороны, а Главком поручил это дело мне. Есть служба космической медицины, есть служба поиска космических объектов, есть служба Солнца, и на все эти три службы у меня нет ни одного дополнительного человека. Есть приказы, директивы, распоряжения, а исполнять их некому: все наши просьбы добавить нам работников Генштаб отклоняет, но одновременно добавляет нам работу.

30 марта.

Утром занимался с внуком. Коля сделал первые шаги 1,5-2 месяца назад, а сейчас он уверенно ходит из комнаты в комнату. Для него открылись новые возможности познания мира, и он торопится все увидеть и схватить.

Более часа обсуждали с полковником Фроловым ближайшие перспективы создания военных космических кораблей. Проектов и решений много, а кораблей нет. Сотрудник ОКБ-1 Молодцов предлагает использовать для военных целей «Восходы». Он считает, что для военной аппаратуры на «Восходе» можно высвободить более тонны веса. Постройка военных кораблей на базе «Союза» затягивается, а «Восходы» можно сравнительно быстро приспособить для военных целей. По решению Совета Министров должны быть построены еще четыре «Восхода» (№№ 6, 7, 8, 9), но МОМ и ОКБ-1 пытаются закончить серию «Восходов» кораблем № 7, корабли № 8 и № 9 они не хотят строить. Необходимо будет настаивать на полном исполнении решения Совета Министров по строительству «Восходов», и последние корабли серии использовать для проведения военных экспериментов.

Решали с Сибиряковым вопросы обеспечения посадки «Восхода-3». В связи с большой длительностью полета и вероятностью ночной посадки возможный район приземления корабля получается очень большим и надежность обеспечения быстрого поиска корабля низка.

31 марта.

Из Парижа получили приглашение А.А.Леонову. Его просят приехать в Париж 12 апреля, провести пресс-

конференцию, посвященную пятилетию первого полета человека в космос, и принять участие в выставке произведений Жюля Верна, современных писателей и художников на космические темы. На выставке будут представлены также рисунки и картины самого Леонова. Леонов 2 апреля улетает в Будапешт, из Венгрии он вернется не раньше 7 апреля, а 11 апреля ему нужно будет лететь в Париж.

Тюлин с полигона еще не возвратился. МОМ и ОКБ-1 о предстоящем полете молчат. Многое еще не сделано для полета «Восхода-3», а по следующим полетам нет совершенно никакой ясности. Все мои попытки уточнить планы и программы полетов на 1966 год остаются безрезультатными. В такой обстановке надо быть готовым к любому возможному заданию на полет, поэтому приходится одновременно готовить около десяти различных экипажей. Короче говоря, наши космические дела продолжают ухудшаться, особенно наглядно это подтверждают наши провалы «в честь» 23-го съезда КПСС.

1 апреля.

После целого ряда неудач вчера запущена на трассу полета к Луне станция «Луна-10». Основное назначение станции — выход на орбиту искусственного спутника Луны с целью исследования окололунного пространства.

Сегодня с С.Г.Фроловым были в Совете Министров, беседовали с Киясовым, Царевым, Щегольковым и Богдановым. Я добивался уточнения позиций ВПК по трем вопросам:

1. О строительстве центрифуги ЦФ-16. Всесогласились, что ЦФ-16 надо строить. Решили «оживить» кооперацию участвующих в создании центрифуги организаций, составить новый график работ и подтвердить письменно необходимость строительства ЦФ-16.

2. О строительстве тренажеров. Согласились впредь включать в основные решения Совета Министров по созданию космических кораблей и все вопросы по строительству тренажеров.

3. О программах полетов «Восходов» № 7, № 8 и № 9. Киясов согласился, что ясности здесь нет, более того, есть стремление вообще не строить эти корабли. Я твердо высказался за постройку трех последних «Восходов» с целью использования их для военных экспериментов. Главный мой мотив: не переоценивать еще нелетавший корабль 7К-ОК и пока не отказываться от проверенных полетами «Восходов».

Встреча была полезной.

2 апреля.

Каждый день бываю у Муси в госпитале. Пока врачи не могут определить причину ее жалоб на боли в левом боку. Беспокоит меня и состояние Оли: у нее уже три недели повышенная температура и отечность лица. Говорил сегодня с генералом Бабийчуком о направлении Оли в Институт детской терапии.

Вызвал Леонова, рассказал ему о предстоящей поездке на 2-3 недели во Францию. Обсудили с ним ответы на возможные вопросы западных корреспондентов.

Завтра (в воскресенье) не будет заседаний съезда, но космонавтам отдохнуть не дадут. Получено распоряжение ЦК: завтра Гагарину принять участие в телевизионной съемке для ГДР; трем космонавтам сфотографироваться с делегатами съезда в космическом павильоне ВДНХ, а одному провести встречу с австрийской делегацией. Кроме того, всем космонавтам необходимо принять участие в съемках с различными иностранными делегациями в Кремле.

Говорил с ответственными представителями ПВО и РВСН, получил их согласие на поддержку позиции ВВС по строительству трех последних «Восходов».

Тюлин вчера вернулся с полигона, но сегодня он был весь день у начальства, и встретиться с ним не удалось.

4 апреля.

Оля, я и Ольга Карловна были вчера на даче. Теплый, солнечный день. Ходили с Олей на мельницу, любовались разливом реки Рожайки. Оля гуляла более шести часов, температура у нее и утром, и вечером была нормальная.

Сегодня передано сообщение ТАСС о полете «Луны-10». Станция выведена на окололунную орбиту. С «Луной-10» установлена двусторонняя радиосвязь, станция передала на Землю партийный гимн коммунистов «Интернационал».

Из ОКБ-1 звонил К.Д.Бушуев. Он просил назвать представителей от ВВС в макетную комиссию по Л-1 (корабль для облета Луны). Выделил в комиссию Гагарина Ю.А., Комарова В.М., Никитина Ю.П., Фролова С.Г., Смирнова В.А., Иванушкина Б.П., Бебутова А.П. и Генина А.М.

Позицию ВВС по полной постройке серии «Восходов» поддерживают Легасов (ПВО) и Карась (РВСН). Будем готовить письмо Смирнову Л.В. за подписью трех главкомов с просьбой продолжить выпуск «Восходов» и использовать их для военных экспериментов.

6 апреля.

Был сегодня на заседании 23-го съезда. В прениях по докладу Косыгина выступили министр черной металлургии, министр культуры, директор Сельскохозяйственной академии, секретарь Краснодарского крайкома и другие товарищи. Лучше других выступила Е.А.Фурцева. Все идет, как обычно - так, как было и при Сталине, и при Хрущеве: преувеличивают ошибки ушедших, хвалят сидящих в президиуме и клянутся, что выполнят любое задание.

7 апреля.

Сегодня Вершинин, Титов и Терешкова принимают в Академии имени Жуковского делегацию ГДР, прибывшую на 23-й съезд. На встрече будут Вальтер и Лота Ульбрихт. Товарищи из ЦК, организовавшие эту встречу, звонили и просили от имени Лоты Ульбрихт, чтобы на встрече была Терешкова. Пришлось дать согласие, хотя формально я не имею права отрывать делегатов от заседаний съезда.

Тюлин уже несколько дней заседает в Комитете по Ленинским премиям, и я никак не могу его поймать. Ясно, что полета «Восхода-3» не будет и в апреле, но хотелось бы уточнить новую дату старта, изменения в программе полета и так далее. Главная причина задержки старта «Восхода-3» — отказ третьей ступени носителя при запуске «Молнии». Ракета упала в районе севернее Барабинска, и до сих пор ее не нашли. Выяснить причину отказа третьей ступени необходимо потому, что она используется при выводе на орбиту «Восхода-3». Есть и другие причины затяжки старта. Все это не делает нам чести, но, по-видимому, до окончания работы съезда выяснить ничего не удастся: Смирнов, Устинов, Келдыш и другие руководители космической программы СССР заняты на съезде. Реально обстановка может проясниться не раньше 14-15 апреля.

8 апреля.

Закончил свою работу 23-й съезд партии. От ВВС в ЦК избран один Вершинин. В прошлом составе Центрального Комитета КПСС кандидатом в члены ЦК был маршал Руденко, а маршалы Красовский и Скрипко были в составе ревизионной комиссии. Все космонавты, кроме Поповича, принимали участие в голосовании при выборах членов ЦК. Попович лежит больной, брат жены Марины поставил ему под глазом огромный синяк — это его «благодарность» за то, что Попович вытащил его в Москву, устроил учиться, кормил и поил, но при переезде в новый гарнизон не обеспечил отдельной квартирой. Вокруг космонавтов «пасется» столько родственников и «друзей», что придется принять меры по спасению космонавтов от этого налета.

Сегодня был у Г.А.Тюлина. Полет «Восхода-3» действительно переносится на конец апреля, а может быть, и на более поздний срок. Тюлин сказал, что Мишин ставит вопрос о снятии с постройки «Восхода-4» и «Восхода-5». Сам Тюлин за завершение строительства всей серии «Восходов» и просит ВВС поддержать его позицию. Он согласился с моим намерением послать на десять дней Волынова, Шонина, Берегового и Шаталова на отдых в «Чемитоквадже». Предложения ВВС по реорганизации службы поиска Тюлин также поддерживает и готов сделать доклад на эту тему в ВПК. Мое предложение учредить должность руководителя космического полета и сменных руководителей полетом Тюлин одобрил. Он сказал: «Вчера я получил проект Цыбина по организации смен для руководства полетами — проект сырой, это шаг назад. Ваше предложение лучше — это шаг вперед. Я согласен с вашим проектом и разошлю его руководящим членам Госкомиссии, а вас я попрошу сделать все возможное для согласования его с Мишиным, Карасем и Правецким». Мишину и Карасю наше предложение вряд ли придется по душе, если они разберутся в его существе. До сих пор всеми космическими полетами фактически руководил С.П.Королев, а все мы (даже председатель Госкомиссии и президент Академии наук) выступали в роли его помощников. Сейчас мы предлагаем передать руководство космическими полетами представителям ВВС и тем самым как бы отодвигаем на второй план представителей других ведомств (Тюлин, Келдыш, Мишин и другие).

9 апреля.

Собирался с утра поехать в ЦПК и побеседовать с космонавтами, но получил приказ: «К 12:00 9 апреля все космонавты - делегаты съезда — должны быть в Кремле в Георгиевском зале. Члены Политбюро ЦК КПСС будут фотографироваться с военными делегатами съезда». Пришлось изменить весь план сегодняшних работ. Комарова и Феоктистова, убывающих сегодня в Калугу на празднование пятилетия полета Гагарина, я проинструктировал по телефону. Леонов, которому предстоит 11 апреля лететь в Париж, заедет ко мне из Кремля, и мы договоримся по всем вопросам его двухнедельной поездки во Францию.

11 апреля.

В субботу более часа один на один беседовал «по душам» с Ю.А.Гагариным. Поводом для разговора явились синяк под глазом Поповича и отказ Гагарина встретиться с представителями телевидения ГДР. Я упрекнул Гагарина в том, что он недостаточно влияет на космонавтов, а его личные ошибки мешают ему быть авторитетным и требовательным командиром. Гагарин признал свои ошибки, но пытался их сгладить влиянием «больших» людей, особыми обстоятельствами и трудностями контроля за космонавтами. Он и все космонавты берут под защиту Поповича и одновременно настойчиво просят уволить Марину Попович из армии, запретить ей летать, а ее брата отдать под суд за избиение космонавта.

По рассказу Гагарина, синяк под глазом у Поповича появился при следующих обстоятельствах. Павел и Марина собрали у себя на квартире нескольких делегатов 23-го съезда из Киева, пригласили Николаева, Терешкову, Горбатко с женой и других. После ухода гостей Марина застала Поповича, обнимающимся с женой Горбатко, и, как кошка, вцепилась ему в лицо. Попович, защищаясь, по-видимому, ударил Марину. На защиту Марины выскочил ее брат и нанес Поповичу сильнейший удар в глаз. При таких обстоятельствах суд над братом Марины будет судом над Поповичем и космонавтами. Я не дал согласия Гагарину на передачу этого дела в суд. Придется лично разобраться с этой очередной «аварией» Поповича.

Кузнецов, по-видимому, во многом уступает космонавтам. Вот и сегодня он, Гагарин и Николаев подписали ходатайство о присвоении Титову звания «полковник», хотя все они знали мое мнение, что с этим делом торопиться нельзя. Пришлось отказать ходатайствующим. Одновременно я подписал представление к званию «полковник» Валерия Быковского.

12 апреля.

Пять лет прошло с того дня, когда Юрий Гагарин первым из людей поднялся в космос. Времени прошло немного, а перемены - разительные. Освоение космоса идет бурными темпами. В сегодняшних газетах много материалов по итогам космической пятилетки: в «Правде» опубликована статья Главного маршала авиации Вершинина, в газетах «Красная звезда», «Сельская жизнь» и в журналах «Огонек» и «Крылья Родины» опубликованы мои статьи, много публикаций и других авторов, в том числе космонавтов. Время проделало заметные бреши в рядах тех, кто готовил и осуществлял полет Гагарина. Нет уже среди нас Королева - нашего Главного. Похоронили Вознесенского и академика Сисакяна. Многие: Руднев, Смирнов, Келдыш, Захаров, Мрыкин, Глушко, Пилюгин и другие ушли от «пусковой кнопки». Смирнов, Келдыш, Глушко и другие товарищи и сегодня многое делают для освоения космоса, но они уже не принимают личного участия в подготовке полетов, как это было пять лет назад.

Вчера был у Муси в госпитале, беседовал с врачами, смотрел рентгеновские снимки почек: правая почка нормальная, а на левой видна опухоль. Характер опухоли определить трудно, врачи склонны думать, что это не рак, но тем не менее настаивают на немедленной операции. Муся несколько дней назад была категорически против операции. «Буду тянуть, сколько протяну», — говорила она. Вчера Муся была уже склонна согласиться с требованиями врачей и только просила меня проконсультироваться у хирурга Вишневского, а сегодня она заявила: «Я не хочу здесь больше оставаться». Естественно, что ее страшит эта операция, особенно после трагического случая с Королевым. Очень тяжело принимать решение об операции; еще тяжелее уговаривать Мусю, но, по-видимому, хирургическое вмешательство неизбежно, и только оно может дать надежду на благополучный исход.

13 апреля.

Сегодня ровно 19 лет, как умер Аркадий. После этой трагедии у нас были и другие несчастья: смерть Михаила Николаевича (тесть Н.П.Каманина — Ред.), тяжелая и опасная операция у Левы, операция грыжи у Муси, — но потерю Аркадия нам с Мусей не забыть никогда. Сейчас над нашей семьей нависла тень нового большого несчастья: болезнь Муси и предстоящая ей тяжелая операция. Три дня меня неотступно тревожат мысли о том, хватит ли у Муси сил и мужества перенести все боли, сомнения и муки. Вчера она несколько раз повторяла одну и ту же фразу: «Коля, я не хочу покидать вас так рано!» От таких слов мурашки бегут по коже, трудно удержаться, чтобы не зарыдать, а надо улыбаться, подбадривать Мусю и готовить ее к тяжелому испытанию. У меня много сомнений, но надо надеяться и верить в лучшее, укреплять Мусю в надежде на благополучный исход.

Гагарин, Терешкова, Николаев и другие космонавты, узнав о предстоящей Марии Михайловне операции, предлагали сделать все от них зависящее, чтобы помочь своей «матушке». Я поблагодарил ребят за внимание к Марии Михайловне и попросил пока ничего не предпринимать. Вчера я советовался с Петровским, Правецким, Вишневским, Волынкиным и Бабийчуком о состоянии Муси. Общий и единодушный вывод специалистов: делать операцию как можно быстрее и именно там, где Муся проходила обследование, то есть в госпитале имени Мандрыки.

Вчера в 15 часов провели митинг у обелиска «Космос». В 16 часов были у Кремлевской стены на месте захоронения С.П.Королева. Присутствовали все космонавты, многие конструкторы, академики и близкие Королева. В 17 часов в Кремлевском Дворце съездов провели торжественное собрание. Блестяще, лучше всех, выступила Терешкова, хорошо - Гагарин. Хуже всех выступил президент Академии наук СССР М.В.Келдыш. Он очень путанно читал текст своего выступления, два раза 23-й съезд КПСС назвал тринадцатым. Брежнева коробило от этих ошибок. Я всегда считал Келдыша плохим оратором и слабым организатором, а вчера он показал себя совсем плохо.

14 апреля.

Встречался вчера с генералами А.Г.Карасем и И.И.Спицей, обсуждал с ними вопросы организации управления предстоящим полетом. Карась и представители ОКБ-1 высказывались ранее за оперативную группу из 4-х смен, руководителями смен они называли Спицу, Агаджанова, Большого и Фадеева. ВВС предлагали назначить руководителем полета маршала Руденко, а во главе смен поставить сменных руководителей полетов из числа летавших космонавтов. В результате длительного обсуждения решили не назначать руководителя полета, а старшими смен оперативной группы по управлению полетом назначить Каманина, Цыбина, Карася и Спицу (все члены Госкомиссии). Гагарина, Николаева, Комарова и Леонова назначили заместителями руководителей смен. Генерал Карась подтвердил свое согласие поддержать позицию ВВС и ПВО и добиваться полного завершения плана постройки «Восходов».

Сегодня утром у меня была Валя Терешкова, говорили о ее поездке в Швецию. Валя немного волнуется, пришлось ее подбодрить. От меня Терешкова поехала в МИД, потом — к шведскому послу, после чего проведет в Доме дружбы встречу со шведскими корреспондентами.

Рассмотрел и подписал документы по управлению полетом (о руководстве полетом, о составе оперативной группы и смен, о составе посадочной группы и многое другое).

Вчера звонил Тюлин и назначил на сегодня заседание Госкомиссии, но сегодня утром отменил его. Оказывается, вчера при испытаниях на стенде разрушилась третья ступень ракеты (блок «И»). Это уже третье разрушение блока «И» из-за ВЧ-колебаний, все они произошли на испытательных стендах. За шесть лет (более сотни пусков) произошло только два отказа третьей ступени, причем характер отказов не связан с ВЧ-колебаниями. По моему мнению, задерживать полет из-за этой неприятности нет оснований, но изучить и проанализировать все случаи отказов блока «И», конечно, нужно.

15 апреля.

Вчера вечером Валя Терешкова, Андриян Николаев и я были у Муси в госпитале. Муся выглядит значительно лучше, чем несколько дней назад, и делает все, чтобы подготовить себя к тяжелому испытанию. Валя и Андриян поделились опытом перенесенных ими операций и горячо убеждали Мусю верить в хороший исход операции. Муся обещала стойко держаться. Так было вчера. А сегодня в разговоре по телефону Муся опять напомнила мне о консультации с А.А.Вишневским. По-видимому, кто-то из больных охаивает хирургов госпиталя и превозносит успехи Вишневского: эти разговоры смущают Мусю и вселяют в нее беспокойство. Сегодня я еще раз разговаривал с Вишневским. Александр Александрович сказал: «Завтра в 9:30 привозите больную ко мне, посмотрим ее». Я поговорил с Бабийчуком и хирургом Симоновым, оба настойчиво советовали не ездить к Вишневскому: по их мнению, обращение к нему обидит профессора Аркадия Алексеевича Бочарова и уролога Николая Петровича Козлова, которые готовятся оперировать Марию Михайловну. Если же решиться проводить операцию у Вишневского, то будут необходимы дополнительные обследования и затяжка операции по времени. Сегодня вечером я буду пытаться убедить Мусю принять окончательное решение оперироваться в госпитале имени Мандрыки. Колебания и нерешительность сейчас могут только повредить ей, а квалификация и опыт профессора Бочарова не вызывают сомнений.

18 апреля.

В субботу Андриян Николаев, шведский посол с супругой, представители МИДа, я и другие товарищи проводили Терешкову в Швецию. Вместе с ней полетели Кассирова и Аристов. Валя выглядит неважно — ей, по-видимому, надо лечиться. Вечером был у Муси в госпитале. Муся старается держаться твердо: она поняла, что лучший выход из создавшегося положения — операция, и делает все необходимое, чтобы встретить тяжелое испытание во всеоружии. За неделю она заметно посвежела, спит хорошо, все анализы и температура нормальные. Нет никаких признаков для опасений, что опухоль раковая, но всякое бывает… Лучше сделать операцию раньше, пока опухоль широко не распространилась, а организм еще крепок.

Вчера Ольга Карловна, Оля и я были на даче. Все много работали: гребли, мели, подрезали кусты, сжигали мусор и сучья. Ходил с Олей в лес за подснежниками. Много занимался с ней: читал, играл в шахматы, рассказывал сказки и были. Оля резковата и даже груба с прабабушкой, правда, эта грубость взаимная. Со мной Оля ведет себя хорошо. Люда и Ольга Карловна в отношении Оли допускают много ошибок: грубят, кричат, запугивают и непрерывно во всем ограничивают. В порядке «самообороны» Оля настороженно относится к каждому их слову.

Последние дни идут хорошие теплые дожди, дорога перед дачей размокла, несколько дней буду ездить электричкой.

21 апреля.

Вчера был день тяжелых испытаний для Муси и всей нашей семьи. Операцию назначили на 9:30 20 апреля, но уже в 9 часов хирург Н.С.Симонов сообщил мне по телефону, что операция отложена на 2-3 часа из-за израсходования предназначенного для нее запаса крови. Операция началась около 13 часов, а в 14:15 Симонов позвонил и рассказал мне о ее ходе. Опухоль на левой почке оказалась «доброкачественной кистой» — так ее окрестил профессор А.А.Бочаров, делавший операцию. Позже мне позвонил Бочаров и поздравил с большой удачей. Он признался, что его смущала вероятность раковой опухоли, но сейчас все опасения позади; киста удалена, а почка полностью сохранит

работоспособность. Вечером я был у начальника отделения. Он сказал, что все врачи и обслуживающий персонал рады хорошему исходу операции и надеются на полное и быстрое выздоровление Марии Михайловны. Около шести часов вечера я заходил к Мусе. Она была в тяжелом состоянии, но открыла глаза, узнала меня и еле слышно прошептала: «Ладно, Коля, все хорошо, уходи». Вид Муси больно поразил меня. Операция прошла успешно, главная опасность, кажется, позади, но Мусе придется пережить еще много мучений.

Сегодня утром дежурный врач сообщила: «Ночь больная провела нормально, пульс — хороший, давление — нормальное, температура — 37,3°.

Звонил Г.А.Тюлин. Он сообщил, что по блоку «И» еще много неясностей. Госкомиссию на этой неделе собирать не будем. Решили оставить космонавтов до конца апреля на юге.

22 апреля.

Был вчера у Муси в госпитале, ей немного лучше. Я стал рассказывать ей о ходе операции, о характере опухоли… Оказалось, что все это она уже знает от врачей. Ей тяжело говорить, она просила, чтобы, кроме меня, к ней пока никто не приходил.

Сегодня был у меня генерал Н.Ф.Кузнецов и рассказал о неприятностях у космонавтов. Попович разводится с Мариной. Жены космонавтов собираются писать письмо с просьбой уволить Марину Попович из армии и лишить ее родительских прав. Космонавты требуют суда над братом Марины. Беляев не выполнил приказ полковника Масленникова о проведении расследования происшествия в семье Поповича.

Я уже три недели не был в ЦПК, там за это время накопилось много нерешенных вопросов. Чем меньше мы работаем с космонавтами, тем больше у них прорех и ошибок. Когда молодые здоровые люди не заняты настоящим делом, они начинают искать точки приложения своей энергии и находят их чаще всего в выпивках, картах, встречах с женщинами и других сомнительных способах времяпровождения. Весь Центр уже более года готовит очередной космический полет, мы были готовы осуществить его еще в октябре 1965 года, но дата полета переносится уже пятый раз по вине промышленности.

25 апреля.

У Муси сегодня утром температура 37,3 (вчера была 37,6). В субботу у нее сняли дренаж, вливали кровь и глюкозу. Настроение у Муси все еще нервное и тревожное.

Вчера Оля, я и Ольга Карловна весь день провели на даче. С 6 утра до 7 вечера работал в саду, долго возился с новым электронасосом, приспосабливая его для откачки воды из подвала. Ходили с Олей к мельнице и плотине на речке Рожайке, собирали подснежники в лесу.

Позавчера из Швеции возвратилась Терешкова. По докладу Аристова, поездка прошла очень хорошо. Терешкову принимал король Швеции Густав Адольф. Была встреча в парламенте и других высоких учреждениях страны. В беседе с учеными Швеции Валя допустила ошибку в объяснении перерыва связи на этапе спуска космического корабля: она сказала, что после сгорания основных антенн мы выпускаем запасные. Представитель КГБ Кассирова во время поездки Терешковой в магазины для покупки подарков дочери оставила Валю на попечение жены нашего посла, а сама целых четыре часа отсутствовала. Посол Белохвостиков очень переживал этот случай, но согласился не делать о нем специального донесения.

В субботу был в ЦПК. Около двух часов беседовал с Гагариным, Комаровым, Николаевым, Быковским, Беляевым, Поповичем, Горбатко, Пономаревой, Соловьевой и другими товарищами. Горбатко за нарушение режима объявил выговор в приказе. Поповича отстранил от подготовки к полету на 7К-ОК, предупредив, что мы снимем его с должности заместителя командира отряда и подумаем над вопросом, рекомендовать ли его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Попович полностью признал свою вину в организации выпивки у себя на квартире, последствием которой была драка с женой и ее братом. В общем, разговоры с космонавтами были не из приятных, а Гагарин даже обиделся на мое замечание в его адрес. Я намеренно при всех высказал сожаление, что положительное влияние Гагарина на космонавтов явно недостаточно, что иногда и у него бывают досадные срывы. Крепко досталось и Николаеву как командиру отряда.

Заместитель начальника Академии имени Жуковского сообщил мне план заключительных занятий и защиты дипломов космонавтами. Мы думаем, что к 50-й годовщине Октября космонавты могут закончить академию, но тем из них, кто будет участвовать в полетах на 7К-ОК, будет почти невозможно уложиться в этот срок. В ближайшие дни надо будет персонально определить, для кого главным должна быть подготовка к полетам, а для кого — окончание академии. По предварительным соображениям, целесообразно к полетам готовить Комарова, Быковского, Николаева и Гагарина, а для всех остальных запланировать окончание академии до октября 1967 года.

26 апреля.

Вчера у меня был очень радостный день: состояние здоровья Муси заметно улучшилось, температура утром — 37,2, пульс — 80, был 120. Муся поверила, что будет жить и будет здоровой, - это для нее сейчас самое лучшее лекарство. Вчера мы с ней говорили более 40 минут, сейчас ее интересует все: дача, внуки, знакомые и десятки разных мелочей.

Сегодня я был в ЦПК. Терешкова доложила о поездке в Швецию и просила разрешения посетить Марию Михайловну. Комаров показал ход сборки тренажера «7К-ОК». Сборка тренажера очень затянулась. Я приказал Кузнецову лично ее контролировать и о результатах работ ежедневно докладывать. Звонил Главный конструктор Даревский, его беспокоит завтрашнее рассмотрение вопроса о тренажере «Л-1» на заседании Военно-промышленной комиссии. Есть сведения, что Пашков, Казаков и Литвинов договорились передать все работы по тренажерам в МОМ. Такой вариант решения не устраивает Даревского, не нравится он и мне. Буду просить Главкома выступить на ВПК в защиту Даревского. Объявил Николаеву и Поповичу, что руководство ВВС не будет препятствовать избранию Поповича в Верховный Совет СССР. Пока в отношении Поповича ограничимся снятием его с занимаемой им должности и отстранением от подготовки к полету. Принял решение обязать Поповича, Титова, Леонова, Волынова, Шонина, Заикина, Гагарина и Соловьеву до октября 1967 года окончить академию, а для Николаева, Быковского и Горбатко окончание академии запланировать на 1968-1969 годы и главным для них считать участие в полетах на кораблях 7К-ОК.

27 апреля.

Комаров, Фролов и Смирнов доложили о заседании макетной комиссии ОКБ-1 по Л-1.

Корабль Л-1, по мнению специалистов ВВС и космонавтов, выполняется по проекту, который по качеству и надежности уступает »Востокам» и «Восходам». Главные недостатки корабля: отсутствие скафандра, запасного парашюта корабля и УКВ-сигналов при спуске на парашюте. УКВ-сигналы начинают выдаваться только через 10 секунд после приземления. Есть много и других, более мелких недостатков, на исправление которых ОКБ-1 дало согласие. Однако ОКБ-1 категорически возражает против размещения на корабле Л-1 скафандра и запасного парашюта и усиления его радиосредств. Возражения, как всегда, мотивируются ограничением веса и отсутствием времени на доработку. Более двух лет назад было принято решение ЦК КПСС и Совета Министров СССР о постройке лунных кораблей. Это решение промышленностью не выполнено. Два года пропали впустую, а сейчас Устинов «жмет», чтобы в 1967 году состоялся облет Луны. Но чудес не бывает — за один год хороший космический корабль не создашь. Вот почему появляются корабли типа Л-1.

29 апреля.

Вчера Главком подписал приказ о снятии Поповича с должности заместителя командира отряда космонавтов. Главком долго мялся, ему не хотелось подписывать такой приказ, пришлось убеждать и доказывать воспитательное значение этой меры.

Был у меня Леонов и подробно рассказал о поездке во Францию. Леонов провел более 80 выступлений, французы встречали его очень хорошо, а наши посольские «халатничали».

Заходил Герман Титов, поделился впечатлениями об Афганистане. Я предложил Титову должность заместителя командира отряда космонавтов и дал ему недельный срок для обдумывания моего предложения. Последний год Герман ведет себя образцово - этим он еще раз доказал, что у него крепкий характер.

Валя Терешкова привозила своих подопечных в мединститут, заходила ко мне, записалась на пленку (приветствие Армении). Говорили мы с ней и о необходимости ее лечения, но Валю больше беспокоит болезнь сестры и недомогания матери, а заботы о собственном здоровье она откладывает на отпуск. Надо будет найти подходящую форму проведения ее тщательного медицинского обследования и оздоровительных мероприятий.

Были у меня сегодня генералы Волынкин и Газенко и полковник Генин. Они доложили о мероприятиях института совместно с моряками по длительному глубинному морскому эксперименту (4-5 человек в течение 4-х месяцев будут находиться на глубине 200 метров).

Вечером был у Муси в госпитале. Второй день у нее нормальная температура, третий день она уже понемногу сидит. Медленно, но уверенно ее организм набирает силы.

30 апреля.

Звонил генерал Н.Ф.Кузнецов, он доложил, что Герман Титов не ночевал дома. Этот звонок для меня был очень неприятным. Только вчера я сказал Герману, что доволен его поведением и готов выдвинуть его на должность заместителя командира отряда космонавтов. Титов, по-видимому, не окончательно порвал свои связи с артистами, художниками и другим окружением, которое в прошлом уже подводило его. Вот и вчера он где-то «завяз» в знакомом «болоте». Нет, борьба за Титова еще не закончена. Я рано поверил в его полное исправление, ему еще надо много помогать.

Лева получил очередное воинское звание »инженер-майор». Для матери это будет большая радость. Лева работает много и добросовестно, но он взялся за очень трудную тему: «Воздухозаборники для самолетов больших сверхзвуковых скоростей». Последнее время Лева почувствовал всю трудность этой темы и немного растерялся. Надо будет с ним побеседовать и разобраться в его трудностях. Неважно у него и со здоровьем. Короче говоря, я обязан помочь сыну. После выздоровления Муси надо будет уговорить Леву лечь на обследование в авиационный госпиталь.

Только что еще раз звонил Кузнецов. Он беседовал с Титовым, но Герман отказался сообщить, где он провел ночь. Титов считает, что к нему придираются и что в свободное время он может быть там, где захочет.

3 мая.

Уже трое суток как я не виделся с Мусей. 1 мая у нее были Валя Терешкова и Андриян Николаев, вчера — Лева. Сегодня около 12 часов Муся сама позвонила по телефону. Она уже второй день понемногу двигается. Первомайские праздники я, Лева, Люда, Оля и Коля провели на даче. Все было очень хорошо, нам не хватало только Муси. Праздничные дни были холодными и дождливыми. Мы с Олей ходили в лес и на реку, катались на велосипедах, чистили участок, подрезали кусты и деревья, жгли мусор. В ЦПК праздники прошли без происшествий, все космонавты провели выходные дни дома.

Сегодня говорил с маршалом Руденко и генерал-полковником Брайко о состоянии службы поиска и эвакуации космических объектов. Оба высказались за передачу этой службы в мое подчинение. Тяжелое наследство оставляет мне генерал Кутасин, но в интересах дела надо эту службу немедленно принимать и укреплять. Служба поиска, служба Солнца, медицинская служба, подготовка космонавтов и участие в создании космической техники — важнейшие участки космической деятельности ВВС, а для управления ими нет центрального аппарата. Правда, маршал Малиновский вдвое увеличил мою группу (вместо 3 стало 6 человек) и разрешил создать аппарат службы поиска (8 человек). Вместе с подразделением полковника Фролова и аппаратом генерала Бабийчука у нас не набирается и сотни специалистов, а у американцев на аналогичных участках работают в центральном аппарате более 500 человек. Еще хуже обстоит у нас дело в работающих на космос войсковых частях, институтах и центрах — там «голод» на штатные единицы более ощутимый.

6 мая.

Получена предварительная команда: пуск «Восхода-3» может состояться 20-27 мая. Подобных команд было так много, что все мы уже не верим, что она окажется окончательной. Дал команду ЦПК, службе поиска и медицине подготовить все необходимое для обеспечения полета «Восхода-3» в случае его старта в период 20-27 мая.

Вчера в ЦПК встречался с Волыновым и Шаталовым — они очень устали от бесконечных переносов даты старта, хотя и пытаются это скрывать. Советовался с Гагариным и Николаевым по «делу» Поповича и последней гулянке Титова. Оба они склонны ограничиться в отношении Поповича и Титова словесным внушением. Пришлось указать им на слабость их позиции и подтвердить необходимость строгого наказания Поповича (исключение из группы по подготовке к полету на 7К-ОК) и Титова (задержка присвоения звания полковника).

Сегодня первый раз в этом году выбрался в Лужники на теннис. Играли один на один с В.А.Смирновым; 35 лет я всегда играл в паре с Мусей, а в этом году ей, наверное, врачи не разрешат взяться за ракетку.

Звонил скульптор Постников, он сообщил, что сегодня в 20:30 будет демонстрировать по телевидению два новых бюста Аркадия и расскажет о его полетах на фронтах Великой Отечественной войны.

11 мая.

Много работы, нет времени на записи… У Муси здоровье медленно, но идет на поправку. Она и все мы верим, что скоро наша хозяйка вернется в родной дом.

Вчера был на заседании ВПК. Вел заседание заместитель председателя Совмина Л.В.Смирнов. Обсуждался вопрос о полете «Восхода-3». Тюлин, Мишин, Бурназян и я доложили, что полет «Восхода-3» полностью подготовлен и 25-28 мая можно осуществить пуск. Потом выступил Смирнов и высказался за отмену полета «Восхода-3» по следующим мотивам:

1) полет на 18 суток не даст ничего нового;

2) осуществление полета «Восхода-3» задержит работу над 7К-ОК, и в 1966 году мы небудем летать на «Союзе», а это наш основной корабль, — необходимо форсировать выпуск кораблей типа «Союз», чтобы уже в этом году выполнить на них несколько пилотируемых полетов;

3) полет без маневра на орбите и без стыковки покажет наше отставание от США ибудет воспринят общественностью как доказательство превосходства американцев.

Смирнова поддержали Пашков, Калмыков и Царев. Пришлось мне вновь выступать и доказывать необходимость полета «Восхода-3». Потом выступали Афанасьев, Мишин, Келдыш, Воронин, Цыбин, Дементьев, Мозжорин, Щеулов и другие. Я и другие выступавшие говорили о том, что подготовка к полету закончена, — он даст нам ценный опыт длительного пребывания людей в условиях космоса и позволит установить два мировых рекорда, превзойдя 14-суточный полет американцев. Если полет «Восхода-3» не состоится, то большой труд тысяч людей и огромные средства пропадут впустую. Длительные полеты на строящихся кораблях типа «Союз», рассчитанных лишь на трое суток полета, невозможны, а создание новых кораблей потребует много времени. На «Восходе-3» запланировано выполнить много ценных экспериментов, в том числе и военных, а на первых «Союзах» осуществить большинство из них нельзя. Короче говоря, мы представили так много веских доводов за осуществление полета, что Смирнову пришлось отступить. Приняли решение созвать Госкомиссию по пуску, еще раз обсудить готовность к полету и назначить дату старта. В заключение Смирнов добавил: «Мы еще раз проанализируем обстановку, посоветуемся и послушаем предложения Госкомиссии».

Я никогда не был в восторге от Смирнова и Пашкова, а на этом заседании мне было просто стыдно за наших руководителей космической программы. Более трех лет назад я предупреждал, что мы окажемся в очень тяжелом положении, если не будем летать. Уйма времени ушла впустую, и теперь исправить положение — восстановить наше лидерство в космосе — почти невозможно, тем более с такими руководителями, как Пашков и Смирнов.

13 мая.

Вчера провели заседание Госкомиссии по пуску «Восхода-3». Первым слушали доклад Главного конструктора А.А.Голубева (Воронеж, ОКБ-154) по блоку «И». Голубев доложил, что третья ступень прошла более 500 стендовых испытаний и более 100 летных пусков. В полетах был лишь один отказ третьей ступени (27 марта 1966 года при попытке вывести на орбиту очередного спутника «Молния»), но не было ни одного случая возникновения ВЧ-колебаний. Отказ при пуске «Молнии» произошел из-за прогара одной из камер сгорания. При стендовых испытаниях было зарегистрировано 7 случаев разрушения двигателя из-за высокочастотных колебаний, причину возникновения которых долгое время не удавалось установить (первые отказы двигателя третьей ступени при испытаниях на стенде

появились перед полетом Терешковой). Многочисленные комиссии провели сотни исследований и испытаний и пришли к выводу, что ВЧ-колебания возникают из-за локальных взрывов в удлиненных топливных магистралях стенда в случае попадания в них масла, керосина или кислорода. Голубев доложил, что ОКБ провело все работы по доводке двигателя и установило строгий контроль за процессом обезжиривания топливных трубопроводов. Он заверил комиссию, что ОКБ-154 гарантирует надежность работы блока «И» при пуске «Восхода-3». Однако выступлениями и вопросами Тюлина, Глушко, Мишина и других членов Госкомиссии было выявлено, что оптимистичное заявление Голубева недостаточно обосновано и не подтверждается военпредом завода. Глушко и Тюлин заявили о необходимости дальнейших исследований по выяснению причин возникновения ВЧ-колебаний.

Главный конструктор Воронин в своем докладе о готовности системы регенерации заявил: «Система регенерации испытана, доведена, поставлена на корабль и может обеспечить 18-суточный полет двух космонавтов».

Цыбин доложил о готовности корабля, а Шабаров сообщил о ходе работ по носителю на полигоне.

При обсуждении докладов о готовности к пуску среди членов Госкомиссии не оказалось былого единодушия: чувствовалось отсутствие С.П.Королева; не было единой воли и большого стремления осуществить полет. Многие из членов Госкомиссии знали мнение Смирнова и Пашкова о нецелесообразности полета «Восхода-3» и не решались твердо высказаться за полет. Решили: подготовку к полету продолжать, потребовать от Голубева и Воронина в трехдневный срок дать окончательные заключения, согласованные с военной приемкой, о допуске блока «И» и системы регенерации к полету «Восхода-3». Пуск может быть осуществлен в период 22-28 мая, перенос пуска на июнь или июль фактически сорвет полет. Есть большие опасения, что Смирнов и Пашков добьются своей цели и отменят полет «Восхода-3».

14 мая.

Вчера Вершинин, Рытов, Руденко, Брайко и я долго обсуждали проект «Положения об обязанностях помощника Главнокомандующего ВВС по космосу». Мы с Брайко предлагали подчинить помощнику Главкома все части и учреждения ВВС, занимающиеся космосом. Вершинин и Руденко высказались за более широкое участие в космических делах Главного штаба, Пономарева, Катрича, Кобликова и других. Решили оставить в непосредственном подчинении помощника Главкома только Центр подготовки космонавтов, медико-биологическую службу и службу Солнца. «Положением» помощнику Главкома предоставлено право представлять командование ВВС при взаимодействии с другими ведомствами и министерствами, а также право контроля работы всех частей и учреждений ВВС, занимающихся космической тематикой.

Тюлин сообщил мне вчера, что на полигоне в связи с ожидаемым приездом Шарля де Голля полным ходом идет ремонт всех помещений, в которых размещались раньше наша экспедиция по пуску, космонавты и обслуживающий персонал; так что в данное время негде размещать космонавтов, врачей, членов Госкомиссии и других специалистов. Тюлин просил командировать на полигон толкового офицера, который вместе с начальником полигона мог бы определить возможности размещения экспедиции по пуску «Восхода-3». Я немедленно отправил на космодром подполковника Никерясова.

Сегодня в 9:15 Никерясов был уже на месте и приступил к выполнению задания. Эта новая «кутерьма» с размещением людей на полигоне — дополнительное доказательство того, что высокое начальство не одобряет наше стремление запустить «Восход-3».

15 мая.

В Кремлевском Дворце съездов открылся 15-й съезд комсомола. На съезд прибыли почти четыре тысячи делегатов, представляющие 23 миллиона комсомольцев, а также делегации из 72 стран. Делегатами съезда избраны все летчики-космонавты СССР, кроме Феоктистова. Знамя ЦК ВЛКСМ в зал заседаний вносил Леонов. Гагарин и Терешкова избраны в президиум съезда, в президиуме весь состав Политбюро ЦК КПСС, кроме А.Н.Косыгина, который находится сейчас в Египте. После сформирования рабочих органов съезда выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И.Брежнев. Он поблагодарил комсомол за активную помощь партии в деле строительства коммунизма и успехи в воспитании молодежи и наметил основные задачи ВЛКСМ: бороться за высокое качество продукции, добиваться заинтересованности молодежи в работе в деревне и в развитии сельского хозяйства, лучше учиться, воспитывать из молодежи преданных бойцов за коммунизм, перенимать энергию и энтузиазм борьбы за лучшее будущее от старших поколений, встретить 50-летие Октября и 100-летие со дня рождения Ленина новыми большими успехами.

Тридцать лет назад я был делегатом 10-го съезда ВЛКСМ. За эти годы в стране и комсомоле произошли колоссальные изменения. Почти 95 процентов всех присутствующих на этом съезде родились после 10-го съезда, в президиуме нет ни одного человека из тех, кто был в президиуме съезда 30 лет тому назад. Недалеко от меня сидели Ворошилов, Микоян и Шверник — при открытии 10-го съезда они были в президиуме. Среди гостей наберется еще один-два десятка людей, принимавших участие в работе 10-го съезда комсомола. Новый дворец, новые люди и новые веяния жизни. Тридцать лет назад мы шли за Лениным и Сталиным. Сейчас много говорят о Ленине, забыли Сталина и не упоминают Хрущева и Брежнева. Брежнев поступает осмотрительно, не развенчивая окончательно Хрущева, но ему не восстановить то хорошее, что было при Сталине, и в первую очередь, крепкую государственную и партийную дисциплину, авторитет власти и партийного руководства. Сталин для нашей Родины и для советского народа сделал очень много, и история восстановит имя Сталина рядом с именем Ленина.

16 мая.

Звонили Строганов и Тюлин. Оба подтвердили, что в Воронеже все еще продолжаются жаркие дебаты о надежности двигателя третьей ступени: военная приемка завода не дает согласия на допуск блока «И» в полет. Тюлин сказал, что дня через два будем принимать решение, но мне уже и сейчас ясно, что полета «Восхода-3» в мае не будет. И вообще полеты «Восходов» поставлены под большое сомнение.

Звонил с полигона Никерясов и доложил, что космонавтов и всю экспедицию можно разместить на второй площадке. Тюлин хотел бы от меня услышать доклад о невозможности удовлетворительного размещения космонавтов на полигоне — это ему нужно как дополнительный довод против полета в мае, но я не дам ему такого довода. Раньше, при всех предыдущих пусках, вся экспедиция размещалась на второй, десятой и семнадцатой площадках, а сейчас нам

дают только вторую. Разместить всех на одной площадке будет очень трудно, но ради осуществления полета «Восхода-3» мы пойдем и на эти трудности. Правда, наша готовность к уступкам по размещению личного состава экспедиции уже не может существенно повлиять на принятие решения о полете. Скорее всего, он будет отложен по мотивам недостаточной надежности двигателя третьей ступени и системы регенерации воздуха, хотя обе эти системы сейчас более надежны, чем во всех предыдущих пусках. Главной причиной того, что полет может не состояться, является то, что против него высказались Смирнов и Пашков.

19 мая.

Мусю выписали из госпиталя, и вчера я отвез ее на 10-дневный отдых в санаторий в Болшево. Муся на 4 часа заезжала домой, пообедала с нами, приняла ванну, собралась в дорогу, и в 17 часов я и Оля проводили ее до санатория.

Вчера был по вызову в административном отделе ЦК КПСС у Москалева, Гришенцова и Грачева. Беседовали более двух часов. Поводом для вызова в ЦК явилась процедура оформления меня на должность помощника Главнокомандующего ВВС по космосу. По моей кандидатуре вопросов и разговоров не было, говорили о наших «прорехах» в деле освоения космоса. Я рассказал сотрудникам ЦК о всех недостатках в развитии нашей космонавтики, особо выделив главные из них:

1) в стране нет государственного органа, который бы систематически руководил освоением космоса (ВПК и Смирнов занимаются космосом по совместительству);

2) в Министерстве обороны нет органа и ответственного лица, которые объединяли бы все военные интересы в космосе (ЦУКОС игенерал-лейтенант Карась работают фактически только над заказами техники); министр обороны маршал Малиновский не понимает и недооценивает военного значения космоса, а наших советов не слушает, просьб главкомов не удовлетворяет;

3) в Академии наук, в промышленности, да и в Министерстве обороны недооценивается роль человека в освоении космоса; произведено более 200 пусков космических объектов и лишь 8 из них (4 процента) с экипажем на борту;

4) за шесть последних лет в СССР непостроено ни одного принципиально нового корабля, «Восход» — это только модификация «Востока»;

5) создание нового космического корабля «Союз» затянулось на 3-4 года из-за излишней автоматизации процессов стыковки и управления полетом вследствие неверия в возможности космонавтов. По этой же причине плохо у нас обстоит дело и с изготовлением тренажеров, не развивается единственная база строительства тренажеров в ЛИИ.

Рассказал я и о десятках наших устных и письменных обращений к Малиновскому и Смирнову, о письме космонавтов Брежневу и о том, что 99 процентов наших обращений и просьб не принимаются во внимание.

Сегодня получил очередное постановление ВПК за № 101 от 27 апреля 1966 года «Об утверждении плана работ по созданию пилотируемых кораблей 7К-Л1». Постановление очень важное, ряд вопросов мы должны решить в двухнедельный и месячный сроки. Принято оно было 27 апреля, а прибыло в ВВС 16 мая — вот так у нас начинают свой путь многие важнейшие решения. В данном документе, подписанном Л.В.Смирновым, есть ссылка на постановление ЦК КПСС от 3 августа 1964 года за № 655-268 по облету Луны и высадке экспедиции на Луну. Военно-промышленная комиссия постановила следующее:

»1. Одобрить представленный МОМ план работ по изготовлению и отработке пилотируемых кораблей 7К-Л1, предусматривающий:

а) изготовление 14 кораблей 7К-Л1: одного - в 3-м квартале 1966 года, двух — в 4-м квартале 1966 года и остальных — на протяжении 1-3-го кварталов 1967 года;

б) начало наземной отработки кораблей 7К-Л1 — октябрь 1966 года;

в) начало летных испытаний 7К-Л1 - четвертый квартал 1966 года — первый квартал 1967 года.

…4. Поручить МОМ и МАП совместно с МО и другими министерствами и ведомствами в двухнедельный срок разработать, согласовать и представить на утверждение в ВПК план-график разработки, изготовления и поставки комплексного и специализированных тренажеров «7К-Л1» (головной исполнитель — ЛИИ МАП) в сроки, обеспечивающие подготовку космонавтов к полетам на кораблях 7К-Л1.

…6. Поручить МО совместно с МОМ, МАП, Министерством радиопромышленности, Министерством связи, Министерством гражданской авиации, Министерством морского флота, КГБ и другими ведомствами в месячный срок подготовить, согласовать и представить на утверждение в ВПК план-график работ по обеспечению обнаружения, спасения и эвакуации экипажей и кораблей 7К-Л1. Предварительные исходные данные выдает МОМ в двухнедельный срок.

…8. За исполнением решения установить личный контроль.

О ходе работ ежемесячно докладывать в комиссию Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам».

Звонил Г.А.Тюлин и передал: «Полета «Восхода-3» в мае не будет, работа переносится на середину июля. Дайте все необходимые распоряжения». Для меня уже было ясно, что Смирнов сорвет полет «Восхода-3». Остается только надеяться, что корабли 7К-ОК, 7К-Л1 и 7К-Л3 будут летать лучше и чаще «Востоков» и «Восходов». Работать без такой надежды невозможно.

20 мая.

Сегодня хоронили Н.Ф.Гритчина. Я вместе с ним работал около трех лет в ДОСААФ — это был честный и добросовестный работник.

Вчера поставил в известность генерала С.Ф.Ушакова (Брайко ушел в отпуск, и Ушаков остался за начальника Главного штаба ВВС) о решении ВПК от 27 апреля 1966 года по облету Луны в 1967 году. Я обратил внимание Ушакова на большую ответственность Главного штаба за поиск возвращающихся после облета Луны кораблей. Пока ВВС неспособны обеспечить надежный поиск космических кораблей на суше и в акваториях всей нашей планеты. Даже поиск на территории СССР отработан недостаточно хорошо. Генерал Кутасин за 6 лет почти ничего не сделал для усовершенствования средств поиска. Предстоит большая и очень трудная работа по созданию надежных средств поиска, а времени на эту работу у нас осталось менее года. За год надо наверстать то, чего не сделали за шесть лет. Надо оборудовать пеленгаторами морские корабли и самолеты, разработать систему взаимодействия авиации с

морскими средствами поиска, создать телеуправляемые лодки, сбрасываемые с самолетов, и заказать, испытать и освоить много другой, более современной поисковой техники.

23 мая.

В субботу был в ЦПК. В связи с переносом полета «Восхода-3» на июль я решил отпустить Волынова, Шонина, Берегового и Шаталова в отпуск до 1 июля. Дал команду генералу Бабийчуку обеспечить отдых космонавтов с женами и детьми в санатории «Чемитоквадже». Разрешил Кузнецову и всем летавшим космонавтам лечь на обследование в авиационный госпиталь. Рекомендовал отправить в отпуск в июне как можно больше офицеров из постоянного состава ЦПК.

Только что позвонила Муся и сказала, что врачи решили ее выписать. Она просила приехать за ней к 16 часам. Итак, лечение Муси закончено, все страхи и волнения за ее здоровье уже позади. Но ей нужно будет еще несколько месяцев строго выдерживать режим; дома это сделать довольно трудно, без моей помощи здесь не обойтись, поэтому сегодня я договорился с Главкомом о том, что с 1 июня пойду в отпуск.

25 мая.

Сегодня говорил с Тюлиным и Казаковым. Оба они — должники перед ВВС: решением ВПК от 27 апреля 1966 года МОМ и МАП обязывались в двухнедельный срок подготовить план-график постройки тренажера «7К-Л1», в тот же срок МОМ должно было дать исходные данные для создания средств поиска спускаемых аппаратов кораблей. Я пригрозил обоим, что мы напишем жалобу в ВПК. Тюлин и Казаков обещали до 28 мая ликвидировать задолженность.

Муся уже третий день на даче. Постепенно она набирает силы, температура у нее нормальная, но до полного выздоровления еще далеко.

Купил сегодня три покрышки с камерами для Левиной «Волги». Позавчера, когда мы с Мусей ехали на дачу на его машине, в Домодедове мне пришлось менять колесо. Три покрышки, работающие на этой машине с 1959 года, пришли в очень плачевное состояние. Муся просила меня подарить Леве три новых колеса ко дню его рождения (21 июля). Я выполнил эту просьбу почти на два месяца раньше. За три комплекта пришлось уплатить 250 рублей. Автомобили, запчасти и резина очень дороги. Эксплуатация двух автомобилей обходится нам не менее 2000 рублей в год.

ЦК и МИД настаивают на том, чтобы в июне Беляев поехал в ГДР, Комаров — в Японию, а Терешкова и Николаев — в Югославию. Дал согласие на поездку Беляева, по остальным поездкам будем возражать.

28 мая.

Завтра ухожу в отпуск и до 1 июля вести дневник не буду. Я думал отдыхать в августе или сентябре, но перенос полета «Восхода-3» на июль так перегрузил программу работ во втором полугодии, что для отпусков там уже не будет времени. Июнь неожиданно оказался наименее загруженным месяцем. Отпуск в июне меня вполне устраивает и по семейным обстоятельствам: я проведу весь отпуск на даче и буду помогать Мусе восстанавливать здоровье и присматривать за внуками.

И все же я отрываюсь от дел без особого желания: остается очень много нерешенных вопросов. Строительство центрифуги ЦФ-16, формирование авиационного полка, реорганизация ЦПК, создание тренажеров для облета Луны и высадки на Луну, укрепление службы поиска — все эти вопросы пока обозначены только на бумаге. Их осуществлению мешает еще многое и, в первую очередь, отсутствие четкой линии развития космонавтики. Министр обороны Малиновский, Генеральный штаб, а за ними и Вершинин с Руденко не проявляют энергии в деле освоения космоса в военных целях. После того, как Руденко не избрали в ЦК и в депутаты Верховного Совета, он совсем скис и тормозит даже те мероприятия, с которыми ранее был согласен. По натуре я оптимист: я верю, что новое и разумное обязательно победит. Но ожидаемые победы приходят иногда с большим опозданием.

1 июля.

Более месяца не брал в руки ручку. Кажется, и писать разучился: пальцы огрубели от тяжелой физической работы. Целый месяц провел на даче, помогал Мусе поправляться после операции, учил Олю плавать, а Колю ходить и меньше набивать себе шишек. Отдохнул я очень хорошо и чувствую себя лучше, чем после возвращения с какого-нибудь курорта.

За этот месяц в наших космических делах не произошло ничего нового. Правда, В.П.Мишину дали звание академика и утвердили его в должности Главного конструктора ОКБ-1. 21 июня Гагарин и Леонов приезжали ко мне на дачу. Они просили разрешения организовать встречу космонавтов с Брежневым. Я не возражал против их намерения. Мы уточнили вопросы, по которым желательно говорить с Леонидом Ильичом: вопросы, в основном, те же, что и в письме космонавтов от 22 октября 1965 года. На сегодня наши космические дела выглядят еще хуже, чем 8-9 месяцев назад. Полет «Восхода-3» уже не «просвечивается», а надежды на «Союз» пока не оправдываются. Раньше октября полет космонавтов не состоится, и есть большая вероятность того, что в 1966 году пилотируемых полетов в СССР вообще не будет.

К большому количеству ошибок в строительстве космических кораблей и создании оборудования для них добавилась еще одна большая глупость. Дело в том, что Тюлин, Бурназян и Мишин добились решения ВПК о подготовке для кораблей 7К-ОК смешанных экипажей. Это значит, что вместе с хорошо подготовленными военными космонавтами (Гагарин, Николаев, Быковский) полетят «инвалиды» (Анохин, Фролов, Макаров, Волков). Все эти кандидаты ОКБ-1 по здоровью совершенно непригодны к полету и еще даже не начали подготовку к нему. Суточный полет Феоктистова и Егорова проявился только галлюцинациями и переживаниями, но трехсуточный полет неподготовленных людей может закончиться более печально. Этого не понимают Смирнов, Бурназян, Мишин и другие. По вопросу о смешанных экипажах я говорил с Вершининым и Руденко. Я просил их не давать согласия на включение в состав экипажей «инвалидов» и настаивал на том, что, в крайнем случае, мы должны отказаться от участия в таких, плохо подготовленных, полетах. Пускай промышленность и Минздрав готовят полностью свои экипажи. Вершинин и Руденко обещали отстаивать необходимость качественной подготовки экипажей.

Последние десять дней июня в СССР гостил президент Франции генерал де Голль. Встречали и провожали его лучше, чем кого бы то ни было раньше. Президент Франции разрушает НАТО, подставляет подножку США и ФРГ, обещает вместе с нами строить новую Европу и укреплять мир. Я далек от того, чтобы восхищаться результатами этого визита, но и недооценивать его значения нельзя. Шарль де Голль поступает мудро, когда отказывается идти в ногу с Джонсоном и ищет новые пути в обеспечении мира.

2 июля.

Говорил с генералами Мишуком, Гореглядом, Бабийчуком, Кузнецовым и маршалом Руденко, встречался с полковниками Фроловым и Аристовым, с летчиком-космонавтом Егоровым. Из всех разговоров ясно одно: сроки очередного полета еще не определены, и нет ясности, кого готовить к полету. Неделю назад Тюлин, Мишин и Цыбин были у Руденко. Для первого пилотируемого полета на двух кораблях 7К-ОК (ориентировочно, в сентябре-октябре этого года) они предлагают свой экипаж в составе Долгополова, Елисеева и Волкова. Запасный экипаж — Анохин, Макаров и Гречко, кроме того, ОКБ-1 готовит еще двух дублеров - Кубасова и Бугрова, а от ВВС на первый полет они просят только Комарова. Маршал Руденко утверждает, что он отказался обсуждать вопрос об экипажах в таких составах и просил Тюлина прислать нам официальное предложение по составу экипажей космических кораблей. Прошла неделя, а обещанного документа от Тюлина нет.

Стремление ОКБ-1 иметь в экипажах своих людей в принципе нельзя отвергать, но делать это за 2-3 месяца до полета и включать в состав экипажей пожилых людей (Анохину более 50 лет), имеющих серьезные недостатки по здоровью и почти неподготовленных к полету, по меньшей мере, неразумно. Особенно неприятны попытки «протащить» в полет малопригодных людей при наличии в ЦПК космонавтов, имеющих шесть лет специальной подготовки и абсолютное здоровье. Для выхода в космос (переход из корабля в корабль) нужны молодые, здоровые люди с хорошо оттренированным вестибулярным аппаратом, но Тюлин и Мишин не понимают всей сложности предстоящего полета. В ЦПК есть 8 космонавтов (Комаров, Горбатко, Хрунов, Быковский, Воронов, Колодин, Гагарин и Николаев), которые с сентября 1965 года начали подготовку к данному полету, через два месяца любой из них сможет отлично его выполнить. Кандидаты в полет от ОКБ-1 не сумеют за два месяца получить даже удовлетворительную подготовку. Абсурдность решений, которые предлагают представители промышленности, для нас очевидна, но их не так легко отбить, поскольку Тюлина и Мишина поддерживает Смирнов (правительство) и Устинов (ЦК КПСС), а нас не поддерживают Генеральный штаб и маршал Малиновский.

5 июля.

Вчера был в ЦПК. Гагарин отдыхает в Карловых Варах, Беляев — в Риге. Титов продолжает осваивать в Липецке полеты на МиГ-21. Комаров вместе с секретарем ЦК ВЛКСМ Павловым находится в Японии. Терешкова и Попович были в этот день на занятиях в академии. В Центре я виделся только с Николаевым, Леоновым и Быковским. Ознакомился с ходом сборки тренажера «7К-ОК». Макет спускаемого объекта и бытового отсека на месте, но нет еще внутреннего оборудования корабля, очень медленно идет сборка оптических имитирующих устройств. Нет никаких согласованных решений о дате окончания работ по изготовлению тренажера. Даревский и Казаков, Мишин и Тюлин десятки раз обещали «нажать» и «ускорить», но обещаний своих не выполняют. Придется опять скандалить, надоедать начальству и добиваться окончания работ хотя бы в сентябре.

Сегодня звонил Цыбин и сообщил, что назначенные на 7 июля занятия космонавтов в ОКБ-1 по кораблю 7К-ОК переносятся на следующую неделю — это, по-видимому, попытка затормозить ход подготовки наших космонавтов и подтянуть подготовку кандидатов в космонавты от ОКБ-1. 15 июля МОМ, Минздрав и ВВС обязаны доложить Смирнову согласованные предложения по составу экипажей (решение № 144 от 15 июня 1966 года), но Тюлин пока молчит и не пытается согласовать их с нами. Судя по всему, Мишин взял курс на ускорение подготовки своих людей, и надо ожидать самого худшего: Тюлин и Мишин при поддержке Бурназяна и Келдыша могут выйти с предложением послать в первый полет на двух кораблях 7К-ОК только своих космонавтов.

7 июля.

Получил вчера от председателя Государственной комиссии по пуску пилотируемых кораблей Г.А.Тюлина предложения о подготовке экипажей для полета на 7К-ОК:

»Министерство общего машиностроения считает необходимым вести подготовку группы космонавтов для полетов на 7К-ОК в следующем составе:

Члены экипажей	№	ВВС	МОМ
Командиры кораблей:	3	Комаров В.М. Беляев П.И. — дублер	Долгополов Г.А. Гречко Г.М. — дублер
	4	Быковский В.Ф. Николаев А.Г. — дублер	Елисеев А.С. Анохин С.Н. — дублер
Испытатели:	3		Макаров О.Г. Бугров В.Е. — дублер
	4		Кубасов В.Н. Волков В.Н. — дублер

Окончательное решение будет принимать Государственная комиссия в процессе подготовки полетов».

Эти предложения Тюлина и Мишина все ставят вверх ногами. Промышленникам мало того, что они «зашились» со строительством космических кораблей и на протяжении четырех лет не выполняют свои же планы и десятки решений ЦК КПСС и правительства. Сейчас они хотят вклиниться в процесс подготовки космонавтов, изломать его и приспособить к своим ведомственным интересам.

ВВС уже шесть лет готовят космонавтов, мы подготовили и осуществили восемь пилотируемых космических полетов. Одиннадцать подготовленных нами космонавтов побывали в космосе, за шесть лет никто не высказал в их адрес ни одной претензии.

В сентябре 1965 года мы создали группу по подготовке к полетам на кораблях 7К-ОК. В нее вошли Гагарин, Николаев, Комаров, Быковский, Горбатко, Воронов, Хрунов и Колодин.

Эта группа уже десять месяцев готовится к полету. И вот сейчас, когда до полета остается 2-3 месяца (это очередной срок промышленников, но мне кажется, что они и на этот раз не подготовят корабли к полету в октябре), Тюлин и Мишин предлагают кроме четырех космонавтов ВВС готовить еще восемь человек из МОМ. Они считают возможным за 2-3 месяца из инженеров подготовить командиров экипажей космических кораблей. До сих пор и у нас, и в США командирами кораблей были только летчики, и на их подготовку требовалось минимум 1-2 года.

Все кандидаты МОМ в свое время проходили медицинские обследования в ВВС и были по состоянию здоровья признаны негодными к космическим полетам. Руководство МОМ намеревается провести своими силами конкурс среди кандидатов на полет по знанию космической техники, чтобы в лучшем свете выставить именно своих представителей. Кандидаты МОМ не проходили испытания на центрифуге, не тренировались в невесомости в полетах на Ту-104, не летали на самолетах и не прыгали с парашютом. Короче говоря, МОМ намерено поломать все требования к профессии космонавта, провести ускоренную кустарную подготовку своих кандидатов и протолкнуть их в полет.

9 июля.

Два последних дня я целиком занят подготовкой Вершинина и Руденко к «бою» за интересы Министерства обороны в космосе. Провели много бесед, изготовили уйму справок, перечитали десятки решений правительства. Оба маршала обещают: «Смело мы в бой пойдем!» и собираются убеждать Малиновского, Смирнова и Устинова в правоте позиции ВВС.

В начале 1966 года были надежды, что он будет годом новых больших побед СССР в космосе. На этот год было намечено четыре полета кораблей «Восход» и четыре — 7К-ОК. Сейчас уже ясно, что ни один «Восход» не полетит, а из четырех кораблей 7К-ОК, в лучшем случае, полетят только два. Вместо триумфа 1966 год принесет нам лишь дальнейшее отставание в космосе от США. Причина нашего отставания заключается в плохом руководстве космическими исследованиями со стороны Устинова, Смирнова, Келдыша и Малиновского, а конкретнее — в плохой работе ОКБ-1 и ЦУКОС МО. «Восходы» загубили из-за попытки поставить на них плохо продуманный эксперимент по созданию искусственной тяжести. Специалисты ВВС всегда возражали против этого эксперимента, но руководители ОКБ-1 не слушали наших советов и потеряли на этом более года. Полеты кораблей «Союз» (7К-ОК) можно было бы осуществить еще в 1962-1963 годах, если бы Королев прислушивался к нашим советам и не гнался за полной автоматизацией процесса стыковки, а больше доверяя космонавтам, часть операций по маневру, сближению и стыковке возложил бы на экипаж. Недооценка роли человека в космосе и погоня за излишней автоматизацией систем космических кораблей «съели» у нас, как минимум, три года.

13 июля.

По вопросам отставания от США в проведении военных исследований в космосе и пилотируемых космических полетов я подготовил письма министру обороны и в ЦК КПСС. Письма пока лежат без движения. Маршал Руденко собирается встретиться со Смирновым и попытаться уговорить его поддержать позицию ВВС, но у меня, Вершинина да и Руденко нет больших надежд на Смирнова, поэтому мы принимаем необходимые меры давления на него.

Вчера я был в ОКБ-1, более двух часов беседовал с Цыбиным (Мишин в командировке). Беседа была откровенной и полезной. Я прямо заявил Цыбину, что мы не можем подготовить командиров кораблей из инженеров за 2-3 месяца (для этого нужно 2-4 года) и будем возражать против допуска к выходу из корабля в космос людей с серьезными дефектами в здоровье, без солидной проверки в условиях невесомости и специальной тренировки вестибулярного аппарата. Одновременно я заверил его, что мы готовим и будем готовить для полетов в космос гражданских лиц из

Академии наук, МОМ и других министерств, но эта подготовка не может носить «пожарный» характер и должна отвечать требованиям и законам, которыми ВВС до сих пор руководствовались при подготовке космонавтов. У меня создалось впечатление, что Цыбин понял всю несуразность позиции ОКБ-1 по подготовке экипажей, но он связан решениями Мишина, Тюлина и наследством Королева. Договорились, что Цыбин обсудит все эти вопросы с Мишиным, после чего мы снова встретимся с руководством ОКБ-1 и попытаемся найти общий язык.

Звонил из МОМ И.П.Румянцев. Он сообщил, что есть проект открыть в доме, где жил С.П.Королев, мемориальный музей, и просил моего согласия включить Гагарина в состав совета музея. Я дал такое согласие.

14 июля.

Провел совещание по центрифуге ЦФ-7. Экспериментальный завод ВВС строит для ЦПК первую отечественную центрифугу радиусом 7 метров. Строительство центрифуги заканчивается, и она может быть смонтирована в 1967 году, но есть задержка с проектированием здания, нет ясности, кто будет выполнять монтажные работы, и не оформлено финансирование части работ. По всем этим вопросам принял решения и обязал конкретных исполнителей до 30 июля представить согласованные предложения. Для ЦПК мы планируем в одном здании установить две центрифуги: ЦФ-7 и ЦФ-16. Первую мы строим сами, а вторую решением ЦК КПСС и правительства обязано построить МАП со сдачей ее в эксплуатацию в 1967 году. ЦФ-16 пока не строится, и все наши попытки заставить Дементьева возобновить работы по ней пока безрезультатны.

Был у меня Павел Попович. На днях он уезжает в отпуск, Марина с Наташей уже в Крыму. По-видимому, Попович решил попробовать сохранить семью и не разводиться с Мариной. Трудно сказать, прав ли он. Космонавты бранят его за слабость характера.

Заходил Леонов, он успешно ликвидирует «хвосты» в академии и собирается в отпуск в Венгрию. Я пожурил его за шесть килограммов лишнего веса, он обещал следить за собой и больше заниматься спортом.

15 июля.

Мне позвонил Семичастный и сообщил, что он говорил с Брежневым по поводу просьбы космонавтов о встрече. Брежнев обещал принять Гагарина, Леонова и Каманина 28-29 июля. Гагарин должен вернуться из Чехословакии 25 июля, а Леонов улетит в Венгрию 20 июля, но для встречи с Л.И.Брежневым вернется 27 июля. Откровенно говоря, я не жду больших результатов от этой встречи: слишком сильны наши противники — Устинов, Смирнов и Малиновский, — но мы расскажем Леониду Ильичу о всех наших недостатках и промахах в освоении космоса, которые дали возможность США вырваться вперед.

Был у меня полковник М.Ф.Гаврилов. Он прослужил в армии более 30 лет, 6 последних из них работал в моем аппарате. Подготовка у него слабенькая, но работник он добросовестный и очень исполнительный. Последние годы у него были большие неприятности с женой, ему пришлось оформить развод и переехать от семьи в отдельную комнату. Уже более года Гаврилов аттестован на увольнение из армии, но генерал Горегляд неоднократно ходатайствовал передо мной об отсрочке его демобилизации. Сегодня мы окончательно договорились с Гавриловым о сроках увольнения. Я разрешил ему отпуск до 5 сентября, а по возвращении из отпуска он будет оформлять свой уход на пенсию. Вместо Гаврилова уже приступил к работе инженер-полковник Ващенко, который более шести лет работал в ЦПК ВВС, отлично знает космонавтов, технику и методику подготовки людей к космическим полетам.

19 июля.

Вчера дважды звонил К.А.Керимов, а во второй половине дня он прислал проект письма Л.В.Смирнову. В письме за подписью Тюлина, Руденко и Бурназяна предлагается готовить к полету на 7К-ОК 12 человек: от ЦПК - четырех командиров кораблей, от ОКБ-1 - четырех командиров кораблей и четырех испытателей. В конце письма есть приписка, что окончательное решение о кандидатах на полет принимает Госкомиссия. Если иметь в виду, что руководители ОКБ-1 намереваются устроить для всех кандидатов на полет экзамен по космической технике (на котором своим поставят пятерки, а нашим — тройки) и что Госкомиссия у них в руках (Тюлин, Мишин, Келдыш, Правецкий), то из письма следует, что полетят только кандидаты из ОКБ-1. Маршал Руденко категорически отказался подписывать такое письмо, как противоречащее решению Совета Министров от 3 августа 1960 года. Я написал письмо маршалу Малиновскому, Главком его с удовольствием подписал, затем он позвонил генерал-полковнику Повалию (начальник Главного оперативного управления Генштаба) и попросил его побеседовать со мной по существу вопроса. В письме мы просим министра: 1) поддержать позицию ВВС — посылать в космос только здоровых людей, закончивших программу подготовки в ЦПК;

2) возбудить ходатайство перед правительством о подтверждении решения Совета Министров от 3 августа 1960 года, в котором говорится о том, что космонавтов в СССР для всех министерств и ведомств готовит только ЦПК ВВС.

21 июля.

Маршал Малиновский согласился с нашими предложениями и на письме Вершинина написал: «Захарову, Вершинину. Подготовить записку и проект решения в ЦК КПСС». Вчера мы подготовили оба документа, сегодня их одобрили Руденко и Вершинин. Я послал Аристова в Генштаб согласовать наши предложения с Главным оперативным управлением.

Вчера я, Кузнецов, Николаев и Фролов были в ОКБ-1. Более двух часов беседовали с Мишиным, разобрали много взаимных претензий. Мишин обижался, что военные космонавты ведут себя, по его мнению, заносчиво, недостаточно глубоко изучают корабль «Союз», а ВВС не разрешают кандидатам в космонавты от ОКБ-1 летать на невесомость на Ту-104. Мы очень легко отбили эти претензии и предъявили Мишину дюжину наших: задержки строительства «Восходов» и «Союзов», несвоевременная поставка оборудования для тренажеров, запреты Северину выдавать ЦПК скафандры, «нелегальная» подготовка космонавтов и другие.

Мишин настоятельно просил, чтобы ВВС приняли в ЦПК для подготовки к полету на «Союзе» 8 кандидатов от ОКБ-1. Он считает, что окончательная их подготовка должна проводиться в ЦПК и что в полет будут посланы именно его кандидаты. Мишин очень яро защищал кандидатуру Анохина, он неоднократно говорил: «Инженеры справятся со стыковкой лучше летчиков». Расстались мы очень вежливо, обе стороны несколько раз высказали пожелания развивать контакты и укреплять взаимодействие, но по основному вопросу — о составе и подготовке экипажей для 7К-

ОК - полной ясности и договоренности не достигли. Мишин обещал в ближайшие 2-3 дня выслать нам все документы на кандидатов в космонавты от ОКБ-1, а я дал согласие изучить кандидатов и определить, сможем ли мы за 2 месяца подготовить их к полету.

Вчера же в МАП у Казакова мы разбирались с ходом работ по строительству тренажера «Союз». Песчанский и Даревский как главные конструкторы и создатели тренажера выглядят плохо. Приняли решение закончить строительство тренажера до 30 августа и обязали Даревского составить график поставок, работ и приемки, исходя из этого срока. Даревский должен будет лично ежедневно руководить всеми работами и через каждые три дня докладывать об итогах их выполнения. Я обязал Кузнецова, Яковлева и Филекина лично больше заниматься «Союзом» и немедленно докладывать о любой задержке или неисполнении графика работ.

Комаров возвратился вчера из Японии. Японская и французская печать сообщила, что космонавт Комаров при встрече с японскими студентами заявил: «СССР в скором времени пошлет на Луну автоматический корабль и возвратит его на Землю, потом на таком корабле слетает на Луну собака, а затем уже полетит человек». Я спросил Комарова, говорил ли он что-либо подобное. Комаров признался, что говорил. По этому инциденту мне звонили из ЦК и Совета Министров: по-видимому, Комаров увлекся и наговорил много лишнего.

23 июля.

Вчера был в ЦПК. Мы договорились с Мишиным встретиться в Центре, но он не смог приехать — на него «навалилось» высокое начальство: Устинов, Смирнов и Афанасьев более пяти часов выясняли в цехах причины нашего отставания, но… они не там искали. Главная причина нашего позора в плохом, поверхностном руководстве космическими исследованиями со стороны Устинова, Смирнова, Келдыша и Малиновского. Увлечение автоматами, недоверие космонавтам, отсутствие твердых планов, плохая исполнительность, низкая требовательность и ошибки ОКБ-1 в конструкции кораблей — вот чем объясняется отставание СССР от США в освоении космоса.

Беседовал с Волыновым, Шониным, Береговым и Шаталовым. Приказал им немедленно возобновить подготовку к полету на «Восходе-3». Полковнику Масленникову дал указание спланировать подготовку экипажей для «Восхода-3» так, чтобы к 15 сентября выполнить всю программу тренировок. Беседовал с космонавтами, готовящимися для полета на 7К-ОК, обратил внимание Николаева, Комарова, Быковского и других на случаи нарушения режима и необходимость усилить занятия по изучению материальной части корабля.

Американский корабль «Джемини-10», пилотируемый астронавтами Джоном Янгом и Майклом Коллинзом, завершил вчера трехдневный полет посадкой в Атлантическом океане; приводнение состоялось в 900-х километрах восточнее мыса Кеннеди. Через 30 минут после приводнения астронавты были уже на борту авианосца. Это был замечательный полет. Астронавты дважды выполнили стыковку с ракетами «Аджена-10» и «Аджена-8», причем последняя ждала встречи с «Джемини-10» на орбите несколько месяцев. После стыковки астронавты включали двигатели и осуществляли маневры. В одном случае двигатель работал 16 секунд и поднял корабль до рекордной высоты — порядка 760 километров над Землей. Коллинз на 50 минут выходил из корабля и удалялся от него на 15 метров на всю длину фала, пользуясь индивидуальным реактивным устройством для перемещения в пространстве.

Полет «Джемини-10» лишний раз подтвердил всю серьезность нашего отставания от США. Казалось бы, пора это понять даже таким «дубам», как Устинов и Малиновский, но они упорно не хотят признавать причины невыполнения нашей космической программы. Да это и понятно - они не хотят заниматься разоблачением своих промахов, ошибок и пассивности.

25 июля.

Звонил Г.А.Тюлин, его тоже беспокоит затяжка с определением экипажей для «Союзов». Он сказал, что посоветовался с Устиновым и дал указание Мишину: «Командирами кораблей будут уже летавшие космонавты, а членами экипажей — кандидаты от ОКБ-1». Мишин еще пытается отстаивать свое намерение послать в космос на первых «Союзах» только своих людей, но Тюлин заверил меня, что его решение твердое и в ближайшие дни ОКБ-1 пришлет в ЦПК четырех кандидатов для подготовки их в качестве членов экипажей кораблей 7К-ОК. Это неплохой сигнал — можно сказать, что на 50 процентов мы уже одержали победу. Я советовался с Вершининым о нашей позиции в дальнейшем. Решили ускорить прохождение письма в ЦК КПСС от Малиновского; кандидатов от ОКБ-1 в ЦПК пока не принимать, а если получим приказ обязательно готовить и их, то организуем подготовку так, чтобы готовились в качестве членов экипажей и космонавты ВВС (Хрунов, Горбатко, Воронов и Колодин).

Главный конструктор Г.И.Северин позвонил мне и выразил недовольство тем, что ОКБ-1 сделало на «Союзе» люк диаметром только 660 миллиметров: через такой люк космонавт с ранцем на спине выходит из корабля с большим трудом, а вход в корабль почти невозможен. Северин настаивает на увеличении люка до 700 миллиметров, а ОКБ-1 против увеличения люка и за перенос ранца со спины на ноги. Северин просил поддержать его позицию. В основном он прав: люк надо делать шире. Но сейчас, во избежание задержки полета, можно согласиться и с креплением ранца на ногах. Одновременно надо потребовать от ОКБ-1 увеличения люка на последующих кораблях.

Звонил Ф.Н.Петров. Завтра в Институте марксизма-ленинизма будут отмечать его 90-летие, он пригласил на юбилей Вершинина, меня и космонавтов. Придется послать одного космонавта поприветствовать самого старого (член партии с 1896 года) коммуниста планеты.

27 июля.

Был вчера в ЦПК, беседовал со слушателями-космонавтами. Рассказал им о сложившейся обстановке, указал на значительное усложнение техники и необходимость более углубленной подготовки к полетам. В летной, физической и теоретической подготовке слушателей-космонавтов обнаружены некоторые недостатки, плохо еще с изучением английского языка. На месте принял ряд решений по улучшению качества занятий; численность групп по физподготовке и изучению английского языка сократил в два раза (4-6 человек вместо 12-15). За семь месяцев пребывания в ЦПК ни один из 21 слушателя не замечен в выпивках, курении и каких-либо других серьезных нарушениях. Но кое-какие отклонения от норм имели место: Шарафутдинов получил двойку по астрономии, Щеглов самовольно ушел на пляж, а Скворцов, взлетая на МиГ-21, слишком рано убрал шасси (в конце разбега) и был на волосок от тяжелого летного происшествия. Всех предупредил, что при повторении подобных нарушений виновные будут отчисляться из Центра.

К 15 часам я, Комаров, Хрунов, Горбатко и Ващенко поехали в ЛИИ. У Н.С.Строева собрались кроме офицеров

ВВС Мишин, Цыбин, Северин, Алексеев, Анохин, летчики-испытатели и испытатели космической техники. Мы просмотрели кинокадры о ходе экспериментов на самолете Ту-104 по надеванию испытателями скафандров в условиях невесомости и переходу из корабля в корабль. Люк корабля имеет диаметр 660 миллиметров, а поперечное сечение космонавта в наддутом скафандре и с ранцем на спине составляет 650 миллиметров. Четыре испытателя десятки раз пытались выходить и входить в корабль. 50 процентов попыток оказались неудачными. Было много случаев, когда прямоугольная коробка ранца не проходила через круглое отверстие люка. Испытателям приходилось проделывать акробатические трюки, чтобы протолкнуться в люк, причем особенно труден вход в корабль. Все единодушно признали, что необходимо расширить люк или изменить форму и уменьшить размеры ранца. Мишин заявил, что для кораблей № 3 и № 4 увеличить люк уже невозможно, корабли почти готовы, и переделка люка задержит полет на 6-8 месяцев, но он согласен внимательно изучить возможности увеличения люка на последующих кораблях. Северин сказал, что он не может изменить форму ранца и уменьшить его размеры. Договорились, что сегодня в ОКБ-1 будут продолжены попытки найти согласованное решение. Одновременно решили продолжать испытания и подключить к испытателям космонавтов Хрунова и Горбатко. Предложение об участии в испытаниях космонавтов внес Северин, и в этот момент Мишин допустил большую бестактность. В присутствии Хрунова, Горбатко и всех собравшихся он выкрикнул: «А зачем Хрунова и Горбатко включать в испытания? Ведь они не полетят в космос…» Создалась очень неприятная ситуация, все с недоумением смотрели на меня. Пришлось сказать Мишину, что вопрос о том, кто полетит, будет решаться не здесь, и вряд ли уместно сейчас говорить об этом. Мишин понял свой промах и сказал, что он не возражает против участия в испытаниях Хрунова и Горбатко, но одновременно настаивает на включении в группу испытателей от ОКБ-1 Анохина и Елисеева. Такое предложение возмутило даже невозмутимого Строева (начальник ЛИИ), он сказал: «Я очень уважаю Анохина, но нужно ли включать его в группу испытателей? Над этим нужно серьезно подумать». А Северин и Алексеев добавили: «На Анохина скафандра нет и раньше, чем через 2-3 месяца, не будет». Вся эта сцена — лишняя иллюстрация нашей плохой работы, подтверждение того, что ВПК (Смирнов) плохо руководит промышленностью и пытается вмешиваться в подготовку космонавтов. В сложившейся обстановке было бы целесообразно заставить ОКБ-1 на кораблях № 5, № 6 и последующих расширить люк до 720 миллиметров, а для того, чтобы не срывать сроки полета кораблей № 3 и № 4, люки в них не переделывать, а Главного конструктора Северина обязать перенести ранец со спины на пояс. Северин утверждает, что для такого изменения подвески ранца ему потребуется три месяца. Думаю, что здесь он перебрал, — с этой работой можно справиться и за месяц. Подвеска ранца на поясе значительно облегчает выход и вход через люк, но космонавт с ранцем на поясе выглядит не совсем обычно: нарушается уже сложившееся представление об экипировке космонавтов.

Много звонят из редакций газет, журналов, радио и телевидения. Все ищут материал на космические темы, просят разрешения писать о годовщинах полетов Титова, Николаева и Поповича, но я всем отказываю. Сейчас, когда американцы так часто летают в космос, а мы сидим и ждем кораблей, стыдно писать о наших былых успехах.

Звонил Гагарин, он вчера вернулся из Чехословакии, где отдыхал с Валей в Карловых Варах. Я поставил перед ним главную задачу: до 1 октября 1966 года полностью закончить подготовку экипажей для кораблей 7К-ОК. Сейчас вся группа (Гагарин, Комаров, Николаев, Быковский, Хрунов, Горбатко, Воронов и Колодин) в сборе.

За два месяца мы можем отлично подготовить космонавтов, учитывая, что некоторые из них уже 6 лет в ЦПК и 10 месяцев готовятся к данному полету, но нам очень мешают попытки ОКБ-1 навязать нам своих кандидатов на полет. Командирами кораблей будут наши космонавты — этого мы уже добились. Но кто полетит в качестве членов экипажей — еще трудно сказать, хотя я убежден, что лучше Хрунова и Горбатко кандидатов нет.

28 июля.

Договорился по телефону о встрече с П.В.Дементьевым (министр авиационной промышленности). У Дементьева, который более двух лет «бунтует», не выполняя решение ЦК и правительства о постройке для ВВС центрифуги ЦФ-16, находится письмо начальника Генштаба, Келдыша, Петровского и Афанасьева с просьбой продолжить работы по созданию ЦФ-16. На эту тему с ним много раз говорили маршалы Вершинин и Руденко, но результатов не добились. Надо попытаться доказать Дементьеву, что своим упрямством он наносит вред делу освоения космоса.

Говорил и с министром гражданской авиации Е.Ф.Логиновым. Он отказался передать нам два Ту-104 для оборудования самолетов-лабораторий для полетов на невесомость. У нас есть только два таких самолета (в ЦПК и ЛИИ), а для подготовки космонавтов и испытаний оборудования кораблей Л-1 и Л-3 нам нужны еще два самолета. Из всех имеющихся в СССР типов самолетов Ту-104 наиболее подходящий для этой цели, но в ВВС этих самолетов нет, и приходится их выпрашивать у ГВФ. Логинов не понимает всей важности и срочности оборудования двух Ту-104 для полетов на невесомость. Надо попытаться и этого министра убедить в обоснованности наших настойчивых просьб.

Маршал Вершинин вчера был на заседании ВПК, где рассматривались вопросы подготовки ракет и кораблей для облета Луны. Из рассказа Вершинина о том, как проходило это заседание, я понял только одно: у всех разработчиков систем (Челомей, Мишин, Воронин, Северин и другие) очень много задержек — никто не укладывается в сроки, записанные в решениях ВПК. Смирнов настоял на том, чтобы к 15 апреля 1967 года все было готово к облету Луны беспилотными кораблями с возвращением и посадкой на Землю. Думаю, что этот срок никто не выдержит; дай Бог, чтобы до конца 1967 года мы смогли выполнить хотя бы один беспилотный облет Луны. Пилотируемый облет Луны в 1967 году практически нереален. Правда, нам иногда удаются самые невероятные эксперименты, а часто мы терпим провалы там, где, казалось бы, есть все основания для успеха. Я уже десятки раз убеждался в плохой работе ВПК и лично Смирнова по координации и руководству работами ОКБ, институтов и предприятий, создающих космические корабли.

Сегодня Вершинин подписал письмо в ЦК КПСС. Генштаб значительно переработал наш проект письма, смягчил формулировки претензий к промышленности, убрал факты, характеризующие провалы и задержки в создании кораблей и подготовке полетов. Но главное в письме осталось: обоснование необходимости усилить военные исследования в космосе, ускорить строительство космических кораблей и запретить кустарщину и упрощения в подготовке космонавтов. Кроме Малиновского, Захарова и Вершинина, письмо подписал Н.И.Крылов. В данном случае у ВВС не было оснований возражать против подписи письма Крыловым, но мы хорошо знаем, что он один из тех, кто виновен в наших неудачах в космосе.

29 июля.

Звонил Гагарин. Вчера он с группой космонавтов был в ОКБ-1 на занятиях по изучению корабля «Союз». Гагарин считает, что отношение организаторов занятий от ОКБ-1 к космонавтам заметно изменилось к худшему. Особенно нагло вел себя Лобанов (заместитель С.Н.Анохина), высказавший пожелание, чтобы на следующих занятиях от ЦПК были только командиры кораблей, которые, по его мнению, должны заниматься вместе с кандидатами на полет из ОКБ-1. По-видимому, Мишин дал своим подчиненным какие-то новые распоряжения в духе высказываний о подготовке «смешанных» экипажей. Я коротко объяснил Юре все перипетии нашей борьбы против попыток Мишина и Тюлина навязать нам новые «методы» и сроки подготовки космонавтов и заверил его, что командование ВВС, Генштаб и даже министр обороны будут отстаивать существующий порядок подготовки космонавтов.

Вчера Хрунов несколько раз осуществил на самолете Ту-104 выход в скафандре из космического корабля и возвращение в корабль. Все испытатели были поражены ловкостью и силой космонавта: при размещении ранца на спине четыре испытателя около ста раз пытались осуществить выход и вход в корабль, и более 50 процентов их попыток оказались безуспешными, а Хрунов за один полет три раза вышел и трижды с первой попытки вошел в корабль. Не сомневаясь в способностях и подготовленности наших космонавтов, мы все же считаем, что десять миллиметров зазора в люке корабля маловато даже для Хрунова.

1 августа.

В субботу в ЦПК беседовал с Береговым. Космонавты обижаются на Берегового за его встречи с начальством (Мишин, Руденко и другие) и попытки ускорить свое продвижение как кандидата на очередной полет. Положение Берегового особое — он лучший летчик из космонавтов, но ему уже 46 лет. Кроме того, его рост превышает лимиты, установленные для роста командиров кораблей «Союз», а «Восходы» законсервированы и могут вообще больше не полететь. Короче говоря, у Берегового есть все основания для беспокойства. Я объяснил Береговому, что мы договорились с Мишиным и Севериным о допуске его к полету на пятом или шестом корабле «Союз» и оформили для него заказ на кресло и другое индивидуальное оборудование. Рассказал я ему и о наших усилиях «воскресить» четыре корабля «Восход». Береговой меня понял и обещал искать пути для более тесных контактов с космонавтами.

Проверил ход подготовки к полету Волынова и Шонина. За полмесяца они восстановили свои навыки; через месяц они будут полностью готовы к полету. Играл в теннис один против Волынова и Шонина и выиграл у них со счетом 6:1. Потом играл один на один с Волыновым и обыграл его с сухим счетом 6:0. Волынов в этом году стал играть заметно лучше, но для тенниса он, пожалуй, тяжеловат.

Сегодня звонил Мишин, он просил прислать к нему космонавта Хрунова. Хрунов намного успешнее испытателей выходит и входит в корабль. Мишин, по-видимому, хочет лично удостовериться в успехах Хрунова.

В субботу П.В.Цыбин привез в Главный штаб ВВС программу подготовки испытателей от ОКБ-1. Тюлин, Бурназян и Келдыш, утвердившие программу добиваются, чтобы в первых полетах на «Союзах» кроме космонавтов от ВВС участвовали два испытателя от ОКБ-1. Месяц назад мы могли бы серьезно рассмотреть такое предложение, а сейчас, когда четыре маршала (Малиновский, Захаров, Крылов и Вершинин) написали в ЦК КПСС письмо о запрещении кустарщины в отборе и подготовке космонавтов, мы можем делать только вид, что не возражаем против подготовки кандидатов на полет от ОКБ-1. Правда, Мишин сам «помогает» нам в затягивании этого дела: две недели назад он обещал выслать все документы на своих испытателей, но пока документы к нам не прибыли.

2 августа.

Только что позвонил М.И.Мишин (адъютант министра обороны). Он сообщил, что Малиновский после двух дней раздумий все же подписал письмо в ЦК КПСС. В письме ясно выражена тревога за наше отставание в космосе и сформулированы предложения о мероприятиях по ликвидации отставания. Если бы Малиновский поддерживал предложения ВВС 3-4 года назад, не было бы того, что мы имеем теперь: мы отстали от США минимум на 1-2 года. Поможет ли нам ЦК? Надеяться на полную поддержку наших предложений в ЦК, где космосом занимаются Устинов и Сербин, нет оснований. Они поддерживают Л.В.Смирнова и промышленников и, неся ответственность за провалы в промышленности, попытаются смягчить и отвести удары от своих подопечных. Но все же им трудно будет просто отмахнуться от такого письма: они будут вынуждены что-то предпринять. Нас устроили бы мероприятия по ускорению постройки космических кораблей и отказ промышленников от вмешательства в систему подготовки космонавтов.

5 августа.

В ЛИИ МАП провели вчера очень важное совещание, на котором присутствовали: Строев, Казаков, Литвинов, Мишин, Цыбин, Бушуев, Северин, Алексеев, Комаров и другие. Решали вопрос о размещении ранца не на спине, а на поясе космонавта. Просмотрели кинокадры о дополнительных испытаниях и убедились, что выход и вход в корабль при размещении ранца на спине затруднен, а при размещении его на поясе условия выхода и входа улучшаются. Лучшим решением было бы расширение люка корабля и размещение ранца на спине, но Мишин и Литвинов категорически возражали против расширения люка на первых экземплярах «Союза». Пришлось Северину под нажимом министров и Мишина дать согласие на переделку ранца и размещение его на поясе. Эти работы могут быть закончены не раньше конца октября. Северин, Строев, Казаков, Алексеев и я настаивали на увеличении люка на «Союзах», начиная с корабля № 8, и на всех кораблях Л-1. Мишин согласился рассмотреть этот вопрос.

Главный конструктор Алексеев высказал просьбу немедленно решить вопрос о кандидатах на предстоящие полеты. Завод № 918 не может одновременно обеспечить скафандрами, ложементами и другим индивидуальным снаряжением 16 кандидатов (8 - от ВВС и 8 — от ОКБ-1). Решили, что командирами первых двух кораблей будут Комаров и Быковский, а их дублерами — Николаев и Гагарин. Вопрос о членах экипажа пока остался открытым. Я заявил, что Малиновский не согласился с предложениями ОКБ-1 и обратился по этому поводу в ЦК КПСС. Решили пока готовить скафандры на предполагаемых членов экипажа: Хрунова и Горбатко — от ВВС, Анохина и Елисеева — от ОКБ-1. Решение по кандидатам от ОКБ-1 было принято только под нажимом Мишина и Литвинова (я, Северин, Алексеев, Строев и Казаков высказались против).

На этом совещании у меня было несколько схваток с Мишиным. Мишин настаивал на том, что заказывать скафандры должно только ОКБ-1. Все шесть лет скафандры изготовлялись фактически только на тех космонавтов, которых представляли ВВС, хотя прежде, чем давать заказ на скафандры, я всегда согласовывал кандидатов на полет с С.П.Королевым и председателем Государственной комиссии. Мишин считает, что ВВС не имеют права заказывать скафандры. Пришлось несколько раз выступать против легкомысленных заявлений Мишина.

3 августа Мишин прислал мне письмо, в котором просил подключить восемь кандидатов от ОКБ-1 на занятия вместе с космонавтами ВВС при испытаниях в Феодосии корабля 7К-ОК на плаву, а на другой день он заявил, что запретил проведение занятий в Феодосии. Я ответил Мишину, что «запретил» — это не метод решения сложных задач, запретить многое можем и мы, а ему все же не следует забывать, что испытания проводятся на базе ВВС. Мишин не нашелся, что ответить, и пробормотал: «Мы же вам платим…»

Я уже десятки раз встречался с академиком В.П.Мишиным при исполнении им роли Главного конструктора. Я знал, что Мишин никогда не сравняется с Королевым, но надеялся, что он и не наделает больших глупостей. К сожалению, уже целая серия глупостей налицо: он восстановил против себя всех космонавтов и руководство Министерства обороны; легкомысленные, скороспелые решения и высказывания Мишина вредят делу и ничего не прибавляют к его авторитету.

Был у меня Гагарин. Наша очередная попытка встречи с Брежневым опять провалилась: Брежнев улетел на юг. Мало надежд и на то, что в отсутствие Брежнева письмо четырех маршалов получит надлежащий ход. Скорее всего, письмо попадет к Устинову, который направит его Смирнову, а тот начнет подавлять «бунт военных». От меня Гагарин

поехал в правление общества «СССР-Куба». Ему как президенту этого общества нужно много поработать, чтобы ликвидировать завалы в делах. Гагарин просил меня разрешить ему начать тренировочные полеты на самолетах и парашютные прыжки. Полеты я ему разрешил, а по поводу прыжков мы договорились, что парашютные тренировки он пройдет за 2-3 месяца до его полета в космос. Мы за повторный полет Гагарина, но не на первых кораблях серии «Союз». В 1967 году Гагарин, возможно, снова слетает в космос.

Более двух часов беседовали с Руденко по космическим делам (Руденко остался за Главкома, Вершинин сегодня улетел в Судак). Мы констатировали, что пока нет намеков на улучшение дел в подготовке очередных пилотируемых полетов и нет уверенности, что нам удастся исправить грубые ошибки промышленников.

Позвонила Терешкова и сказала, что у нее в семье все хорошо. Она хочет встретиться со мной и кое о чем посоветоваться. Договорились, что завтра или я приеду в Центр, или она — в Москву.

Звонил Мишин, а потом Цыбин — оба пытаются сгладить наши вчерашние расхождения и навязать нам подготовку Анохина, Елисеева, Волкова и Кубасова. Я дал согласие рассмотреть этих кандидатов, как только получим на них личные дела. Вчера Мишин уверял меня, что личные дела уже в ВВС, но и сегодня их у нас еще нет. ОКБ-1 только на пересылке личных дел потеряло целых три недели. И так у них тянется любое дело. Мишин обещал передать нам макет корабля для самолета Ту-104 сначала 20 июля, потом 7 августа; сроки десятки раз переносятся — это затягивает создание тренажеров, удлиняет время подготовки космонавтов и плохо отражается на качестве работ.

8 августа.

Вчера к нам на дачу приезжали Валя Терешкова, Андриян Николаев, Аленушка и Валентин Черединцев. Аленушка в сравнении с нашим Колей кажется очень слабенькой девочкой, хотя она на десять месяцев старше. Наш бутуз за последние месяцы очень хорошо поправился и выглядит богатырем. Сама Валя бледна, худа, нервно напряжена. Андриян чувствует себя хорошо, но ему не хочется быть дублером у Быковского, он высказал желание полететь на одном из первых кораблей 7К-ОК. Андриян готовится к полету, и до полета мы не можем дать ему отпуск, а Валя уже в отпуске и первые две недели отдыхала дома, но ее замучили родственники с обеих сторон, да и заботы об Аленке требуют много времени. Врачи настоятельно рекомендуют ей поехать на юг отдохнуть и попринимать специальные ванны. Валя намеревается взять с собой и Аленку — говорит, что врачи не возражают против ее поездки вместе с дочкой, — но мне такая поездка кажется опасной для слабенькой Аленки. Все наши остались довольны Валей, а Муся, как всегда, проявила к ней почти материнскую привязанность.

Лева, я, Андриян и Черединцев сыграли несколько партий в бильярд. Игру в бадминтон сорвал сильный грозовой дождь…

Как я и предвидел, письмо четырех маршалов попало к Устинову, который 4 августа наложил на нем резолюцию, адресованную Смирнову, Афанасьеву, Малиновскому: «Представить согласованное решение». 5 августа Малиновский, прочитав резолюцию Устинова, написал: «Начальнику Генштаба и главкомам отстаивать позицию МО». Резолюция Малиновского логична, основываясь на ней, можно пытаться поправить наши космические дела, но маршал Руденко допустил сегодня еще одну большую ошибку. К нему приезжал Тюлин и уговорил его подписать письмо Смирнову, утверждающее, что «для полета на 7К-ОК в ЦПК готовятся восемь космонавтов ВВС и в ОКБ-1 отобрано восемь кандидатов, которые направляются для обучения в ЦПК». Маршал Руденко не выполнил нашей договоренности отбивать все атаки ОКБ-1 и нарушил приказ министра: «Отстаивать позицию МО». Дав согласие Тюлину на направление 8 кандидатов от ОКБ-1 на обучение в ЦПК, Руденко нанес нам «удар ножом в спину». Придется проявить максимум изобретательности и упорства, чтобы доказать, что в космос надо посылать подготовленных космонавтов, а не «инвалидов», наспех отобранных из числа сотрудников ОКБ-1. Руденко имел все основания просто отказаться от направления кандидатов от ОКБ-1 в ЦПК, но он избрал более трудный и опасный для нас путь. Дело в том, что все кандидаты от ОКБ-1 отлично знают космическую технику (такие специалисты с опытом полетов в космос действительно нужны промышленности) и предложения Мишина поддерживают Афанасьев, Келдыш, Петровский, Смирнов, Устинов. И все же Мишин, Тюлин, Келдыш и другие товарищи ошибаются в сроках и методах отбора и подготовки космонавтов. Буду продолжать борьбу и доказывать обоснованность наших методов и сроков подготовки людей для космических полетов.

10 августа.

Накануне из Совета Министров приезжал Щегольков Борис Васильевич. Он привозил на подпись Главкому письмо в ЦК КПСС о сроках пусков шести кораблей «Союз». Несколько лет подряд планы готовности кораблей систематически срываются. Решением ВПК в начале этого года были установлены сроки пусков «Союзов»: двух технологических кораблей — в августе, двух кораблей с экипажами на борту — в сентябре-октябре и еще двух пилотируемых кораблей — в ноябре 1966 года. Сейчас уже ясно, что пуски в эти сроки не состоятся. Смирнов, прикрывая огрехи ОКБ-1 и промышленности, просит ЦК КПСС утвердить новые сроки пусков: кораблей № 1 и № 2 (без экипажей) — в сентябре-октябре, кораблей №№ 3, 4, 5, 6 (с экипажами) — в четвертом квартале 1966 года или в первом квартале 1967 года. Этим проектом создается законная лазейка для того, чтобы не летать на «Союзах» в 1966 году, а это означает, что пилотируемый полет в этом году у нас вообще не состоится.

Вчера звонил Г.А.Тюлин, он сказал, что собирается ехать к Мишину. «Буду воспитывать Мишина и во второй половине дня повезу его в Центр подготовки космонавтов», — добавил Тюлин. Пришлось и мне поехать в Центр. Тюлин, Мишин, Правецкий и полковник Кириллов (»бог огня» на космодроме) приехали в Центр раньше меня. Вместе мы осмотрели только корпус «Д», бассейн и профилакторий, другие сооружения они осмотрели до меня. Гостей принимали Гагарин, Николаев, Комаров и другие товарищи. После обеда мы всей компанией объехали на автобусе жилой городок. Гагарин познакомил гостей с объектами строительства: уже выстроены 11-этажный дом для космонавтов, два дома для семей офицеров, школа, магазин, детский сад и ясли; строятся второй 11-этажный и 9-этажный корпуса, стадион; ведутся работы по благоустройству городка. Потом мы все поднялись на 11-й этаж дома космонавтов и полюбовались видами с балкона квартиры космонавта Демина. На седьмом этаже нас встретила и затащила к себе Валя Терешкова - пришлось выпить по рюмке коньяка за здоровье хозяйки. Побывали мы и в квартире Гагарина, здесь обошлось без коньяка: гости запросили «SOS». Дом и квартиры космонавтов всем понравились. Лучше других обставлена квартира Терешковой. Во время этой встречи Тюлин намеками и короткими репликами дал мне понять, что ему надоели попытки Мишина организовать подготовку космонавтов в ОКБ-1 и что он

будет пытаться нормализовать отношения между ОКБ-1 и ВВС. Мишин и Правецкий держались довольно скромно и не поднимали вопросов, связанных с их идеей готовить «для себя» космонавтов в ОКБ-1. Это была первая поездка Мишина в Центр. Озирая с 11-го этажа окрестности, он признался: «Около тридцати лет не был я в этих местах…»

Звонил сегодня В.Н.Правецкий. Он пытался выяснить порядок направления кандидатов от ОКБ-1 в ЦПК, его интересовали наши намерения по их медицинскому освидетельствованию, а также возможности совместной работы специалистов ИМБП и ЦПК. По всей вероятности, этот звонок был разведкой наших позиций после вчерашней встречи. Я сказал Правецкому, что прежде, чем направлять людей на обучение в ЦПК, мы пропускаем их через обследование в госпитале (ЦНИАГ) и что для кандидатов из ОКБ-1 исключений не будет.

Вчера в Феодосии при испытаниях объекта 7К-ОК не раскрылся запасной парашют. Приходится делать вывод, что парашютная система корабля 7К-ОК хуже парашютной системы «Востока». Да и весь корабль выглядит неважно: малые размеры люка, устарелое связное оборудование, несовершенная система аварийного спасения и многое другое. Если еще к тому же откажет автоматика стыковки (что вовсе не исключено), то мы станем свидетелями позорного провала нашей космической программы.

11 августа.

Сегодня получил новый документ, подтверждающий мои прогнозы о сепаратных и незаконных действиях ОКБ-1 по организации подготовки «своих» космонавтов. Программы подготовки космонавтов утверждает Главнокомандующий ВВС — так записано в утвержденном правительством «Положении о космонавтах», которое пока еще никто не отменял. В нарушение Постановления правительства Мишин, Тюлин, Бурназян и Келдыш создали и утвердили программу подготовки экипажей для первого облета Луны на космическом корабле Л-1. Программа рассчитана на шесть месяцев, будет выполняться не на базе ЦПК ВВС и с военными не согласована — фактически вся подготовка экипажей будет осуществляться ОКБ-1 без участия Центра подготовки космонавтов. Я никогда не был высокого мнения об организаторских «талантах» Келдыша, всегда сомневался в порядочности и честности Бурназяна, хорошо знаком с мальчишеским упрямством Мишина, но в этом документе они превзошли сами себя. Мягко выражаясь, этот документ — величайшая глупость, а точнее — это антисоветская практика и проявление действий, которые могут только повредить нашим усилиям по освоению космоса (и уже вредят!). 30 июля эту программу утвердил и Тюлин, который лучше других ее создателей знает условия космического полета и понимает необходимость тщательной подготовки космонавтов, но и он пошел на поводу у Мишина. Это большая ошибка Тюлина, и мне кажется, что он и сам уже понял, что его увлекают на неверный путь. Поездка Тюлина с Мишиным в ЦПК 9 августа подтверждает мои предположения о прозрении Тюлина, но пока нет заметных сдвигов в позиции Мишина. Ну что же, тем хуже для Мишина — теперь у меня есть все основания бороться с Мишиным, Бурназяном и Келдышем как с людьми, которые наносят вред делу подготовки космонавтов.

Только что звонил Г.А.Тюлин. «Ну как, направлять к тебе людей из ОКБ-1?» - спросил Георгий Александрович. Я ответил, что три недели назад дал согласие Мишину принять его людей и пропустить их через медкомиссию, но Мишин вместо людей прислал 5 августа… бумагу, информирующую руководство ВВС о ходе подготовки космонавтов в ОКБ-1. Я заверил Тюлина, что мы примем кандидатов от ОКБ-1 и пустим их в «обработку». Дал распоряжения генералам Бабийчуку и Бородину по организации медицинского обследования предлагаемых Мишиным кандидатов.

Вчера провел совещание с генералами Мишуком, Арбузовым, Волынкиным, Бабийчуком, Газенко и другими по вопросам инженерной психологии. Генштаб предлагал нам (ВВС) заняться этой проблемой в интересах всех видов Вооруженных Сил, а когда Институт авиационной и космической медицины отказался от такой высокой чести, в Генштабе предложили возложить это дело на НИИ-2 ПВО. Мы решили просить Генштаб поручить работы над этой проблемой Военно-медицинской академии.

15 августа.

В субботу я, Лева и космонавты Комаров, Шаталов, Матинченко и Лазарев ездили на открытие сезона охоты в Мещерское охотничье хозяйство (деревня Погостище). Озера отличные, просторы необъятные, но уток мало. Вечером охоту не разрешили. В час ночи мы с Левой и Комаровым выехали на лодке в охотничьи угодья; озера мелкие: мотор включать было опасно — более часа добирались до шалашей на веслах. Ночь была очень звездная, на озере — идеальная тишина. Мы, как зачарованные, наблюдали звездопад, я насчитал более десятка «падений». Медленно светлел восток, и заметно менялся цвет неба, постепенно гасли звезды. В первом шалаше мы высадили Комарова, во втором - Леву, а в последнем боевую позицию занял я. Но большой охоты не было: утки летали мало и высоко — я сделал всего четыре выстрела, Комаров — шесть, Лева — 25; все стреляли на предельно больших дистанциях. Лева убил две утки, а нам с Володей пришлось пережить горечь полной неудачи. В 9:45 мы уже выехали обратно и в 13 часов были на даче, угостили Комарова и шофера холодным молоком и отправили спать. Вечером в воскресенье к нам на дачу приезжал П.Е.Турчин, мой бывший сотрудник по ЦК ДОСААФ.

Сегодня утром позвонил В.П.Мишин и сказал, что направляет в мое распоряжение восемь кандидатов от ОКБ-1. Мишин просил учесть те знания, которые уже имеют кандидаты, и предоставить им возможность продолжать участие в испытаниях в ЛИИ и ОКБ-1. Я обещал Василию Павловичу, что мы примем во внимание имеющиеся у кандидатов знания и по возможности будем выделять им время для участия в испытаниях. Итак, борьба за кандидатов на полет принимает новые формы. ОКБ-1 передает своих людей на подготовку в ЦПК, и Мишин надеется, что мы подготовим всех его кандидатов для первых полетов на »Союзах». Я же уверен, что большая часть его кандидатов «срежется» на медицинской комиссии, а прошедшие наш медицинский отбор должны будут пройти еще солидную подготовку в ЦПК, прежде чем мы в состоянии будем доложить: «К космическому полету готовы». Короче говоря, если нам строго не прикажут, мы не будем их готовить к первым полетам на «Союзах».

17 августа.

Получил два письма от В.П.Мишина. В письме от 15 августа он пишет о направлении в ЦПК восьми кандидатов от ОКБ-1 — Анохина С.Н., Елисеева А.С., Макарова О.Г., Кубасова В.Н., Долгополова Г.А., Волкова В.Н., Гречко Г.М., Бугрова В.Е. В письме от 16 августа изложены принципиальные взгляды Мишина на подготовку к космическому полету всей этой группы; взгляды эти ошибочны — они противоречат решениям правительства и уже наносят вред подготовке очередных космических полетов. Вот полный текст этого письма, копии которого посланы Тюлину и Правецкому:

»Помощнику Главнокомандующего ВВС по космосу, генерал-лейтенанту авиации Каманину Н.П. Решением ВПК № 144 (пункт 7) от 15 мая 1966 года поручено МОМ СССР (тов. Тюлину) совместно с МО СССР (тов. Вершининым) и Минздравом (тов. Бурназяном) рассмотреть состояние подготовки экипажей для проведения испытаний космического корабля 7К-ОК, имея в виду включение в состав экипажей инженеров и научных работников, разработчиков объектов ракетно-космической техники. В соответствии с указанным решением в ОКБ-1 совместно с Минздравом произведены отбор и подготовка космонавтов-испытателей. Программа и план подготовки утверждены МОМ СССР, АН СССР и Минздравом.

Корабли 7К-ОК включают в себя большое количество сложных автоматических и полуавтоматических систем и агрегатов. В программе полета большое место уделяется системам ручного управления. Так как в дальнейших работах ОКБ-1 МОМ предусматривает значительное увеличение роли космонавтов в управлении системами космического корабля, что позволит снять ряд сложных приборов и упростить автоматические системы управления, в ходе летного эксперимента на кораблях 7К-ОК космонавты-испытатели должны проверить ряд этих решений. Проверка конструкторских решений может быть выполнена только высококвалифицированными специалистами, непосредственно участвующими в проектировании и наземной отработке кораблей.

Такие специалисты и отобраны в ОКБ-1 МОМ для первых полетов космического корабля 7К-ОК. Материалы, характеризующие испытателей и их подготовку, Вам направлены. В связи с тем, что в соответствии с утвержденной программой индивидуальная подготовка испытателей — кандидатов в состав экипажей, — в основном, закончена, прошу Вас согласовать с нами план завершения подготовки экипажей. План должен предусматривать участие экипажей в разработке полетной документации, полетного задания, инструкции экипажу по управлению и эксплуатации корабля, программы научных исследований, инструкции по выдаче данных на борт корабля и т.д., а также практическую отработку на тренажерах совместных действий экипажей по программе полета. Учитывая, что инженеры-испытатели ОКБ-1 проводят отработку систем корабля в процессе наземных испытаний в КИС (контрольно-испытательная станция — Ред.), ТБК-60 и в условиях невесомости на Ту-104, располагаемое на тренировки время ограничено. Прошу срочно решить вопрос о дальнейшей подготовке экипажа.

Медицинское заключение о годности к полету выдает Министерство здравоохранения СССР.

Главный конструктор Мишин».

Все в этом письме поставлено с ног на голову, все перепутано и многое просто ложно, поскольку отбор и подготовка космонавтов, по действующим решениям правительства, осуществляются только ЦПК ВВС, а программы подготовки утверждает Главком ВВС. В письме Мишина есть, правда, одно важное для нас признание в том, что разработчики «Союза» из ОКБ-1 увлеклись автоматизацией и что в будущем они будут больше доверять экипажам и упрощать оборудование космического корабля. Это увлечение «съело» у нас целых три года и стало одной из главных причин нашего отставания в космосе.

Сегодня я получил сообщение о том, что 28 августа американцы запустят второй технологический корабль «Аполлон», и если этот запуск пройдет удачно, то в ноябре 1966 года США выведут на орбиту «Аполлон» с тремя астронавтами на борту (продолжительность полета до 14 суток). Успех такого полета отбросит нас еще дальше назад и окончательно закрепит ведущую роль Америки в освоении космоса. Вместо того, чтобы все внимание уделять качеству подготовки техники и людей к очередным космическим полетам, нам — руководителям и организаторам таких полетов — приходится тратить уйму времени на улаживание споров и разногласий между ведомствами.

18 августа.

День авиации. Вчера в Театре Советской Армии провели торжественное собрание. Сегодня Руденко, Рытов и я были на приеме в ЦК ВЛКСМ. Отлично выступали С.П.Павлов, Галина Корчуганова (чемпион мира по высшему пилотажу) и другие товарищи.

К генералу Бабийчуку приезжали Правецкий и Гуровский, несколько позже Правецкий звонил мне. Они продолжают добиваться, чтобы мы, минуя медицинскую комиссию ВВС, направили кандидатов от ОКБ-1 прямо в Центр подготовки космонавтов. Я сказал Правецкому, что мы готовы принять людей из ОКБ-1 в любое время, но прежде, чем начнем с ними какие-либо занятия, направим их в ЦНИАГ на обследование.

19 августа.

Вчера вечером провел на телевидении устный выпуск журнала «Авиация и космонавтика». Программа выпуска была подготовлена плохо, добрая половина намеченных для выступлений участников встречи не явилась (Кожедуб, Горбатюк и другие). Сценарий встречи был рассчитан на 80 минут, а телевидение отвело нам только 40. Пришлось за час до начала выступлений все переделывать, сокращать и заново готовить сценарий. Передачу вел я; кроме меня выступали: дважды Герои Советского Союза Ворожейкин и Сивков, генералы Стефановский и Болотников, космонавт Комаров и участник гражданской войны красновоенлет Аккерман Жан Робертович. Все выступления прошли удовлетворительно, но в целом организацией передачи я не доволен. Редакция «Авиации и космонавтики», и в частности полковник М.И.Голышев, плохо подготовили программу встречи и не имели твердой договоренности с ее участниками. Из телецентра мы с Комаровым и Ворожейкиным поехали в Дом журналиста, где нам также пришлось выступать.

Вчера позвонил генерал Гудков и сообщил, что министр присвоил Герману Титову звание »полковник». Более двух лет я задерживал присвоение Титову очередного воинского звания, но последний год он хорошо поработал. Надеюсь, что Титов не уронит этого звания, хотя до сих пор у меня нет полной уверенности в стойкости и уравновешенности его характера.

Сегодня после двухнедельного перерыва (из-за занятости кортов международными соревнованиями) играл в теннис один на один с генералом Яценко. Когда я раньше смотрел игры Яценко с другими партнерами, мне казалось, что он играет сильно и натренирован лучше меня. Откровенно говоря, я даже побаивался играть с ним один на один, но оказалось, что у страха глаза велики: сегодняшнюю встречу, как и две предыдущие, я у него выиграл.

Руденко приказал мне вместе с генералом Бабийчуком поехать к Тюлину, чтобы отстаивать наши позиции по отношению к кандидатам от ОКБ-1. Решение Руденко неправильное, но приказ есть приказ: поедем к Тюлину и еще раз попытаемся образумить его самого и его партнеров: Мишина, Келдыша, Бурназяна. Правда, все они в своих ошибках зашли так далеко, что им уже трудно отступать, но мы обязаны сделать все возможное, чтобы найти лучший выход из

неприятной ситуации и обеспечить высокое качество подготовки космических полетов.

22 августа.

В субботу в ЦНИИ-30 собирали представителей всех министерств и ведомств, участвующих в разработке средств поиска. Иоффе, Матвеев и другие товарищи достаточно энергично взялись за разработку научно обоснованной системы обнаружения и поиска космических кораблей, жаль только, что эта работа начинается на три года позже того срока, на котором в свое время настаивали ВВС. От Иоффе я поехал к Тюлину. Кроме меня у Тюлина были Правецкий, Гуровский и генерал Бабийчук. Тюлин и Правецкий настаивали на том, чтобы мы приняли на обучение в ЦПК восемь кандидатов от ОКБ-1 обследования их в госпитале (ЦНИАГ). Я и Бабийчук отстаивали нашу позицию: отбор кандидатов в космонавты проводить только через ЦНИАГ (отборочную комиссию ВВС). Мы обвинили представителей Минздрава в недобросовестном подходе к отбору кандидатов (Анохину 56 лет). Тюлин и Правецкий согласились не настаивать на кандидатуре Анохина (об этом Тюлин тут же позвонил Мишину). Решили, что 22 августа врачи ВВС и Минздрава встретятся в ЦНИАГ и договорятся, на какой срок направлять кандидатов в госпиталь.

23 августа.

Позвонил из Феодосии Гагарин и доложил, что группа космонавтов (Николаев, Быковский, Комаров, Хрунов, Горбатко, Колодин и Воронов) провела по два парашютных прыжка с приводнением в море. Тренировки по подъему космонавтов с воды на вертолет и выходу в гидрокостюмах из космического корабля на воду будут выполнены сегодня и завтра.

Вчера я был в Совете Министров в аппарате Л.В.Смирнова, беседовал с Киясовым, Семеновым и Богдановым. Речь шла о письме в ЦК КПСС товарищей Смирнова, Афанасьева, Бурназяна и Келдыша по вопросу о создании в МОМ нового центра подготовки космонавтов-исследователей и космонавтов-испытателей для АН СССР и гражданских министерств. Это письмо еще не подписано Смирновым, но он его, по-видимому, подпишет. Письмо не согласовано с Министерством обороны, более того, оно в корне противоречит письму четырех маршалов в ЦК КПСС и не согласуется с резолюцией секретаря ЦК Д.Ф.Устинова о представлении в ЦК КПСС согласованных предложений по этому вопросу. Я коротко изложил своим собеседникам позицию МО:

1. Министерство обороны в принципе согласно с необходимостью готовить гражданских космонавтов-исследователей и испытателей.
2. Такую подготовку ЦПК ВВС уже проводил (Феоктистов,Егоров, Катыс) и может обеспечить подготовку космонавтов для всех министерств и ведомств.
3. Создавать новый ЦПК нецелесообразно (дорого,осложняется вопрос об ответственности за подготовку экипажей, возможно снижение качества подготовки).
4. Стремление МОМ и Минздрава взять насебя отбор и подготовку космонавтов может нанести ущерб военным исследованиям в космосе (в МО не будет опыта полетов со стыковкой, к Луне и на Луну, так как в этих полетах будут участвовать только гражданские лица).
5. Военные усилия США в космосенастоятельно требуют, чтобы СССРактивизировал работу в космосе в интересах обороны, а Афанасьев и Бурназян проявляют активность в противоположном направлении. В Америке промышленность, наука и государственные инстанции работают на Пентагон, а у нас АН СССР ипромышленность пытаются превратить Министерство обороны в подсобную для своих планов организацию.

Свое возмущение планами Афанасьева, Бурназяна и Келдыша я выразил маршалу Руденко и генералу Штеменко, временно исполняющему должность начальника Генерального штаба. Оба посоветовали мне срочно написать докладную министру обороны маршалу Малиновскому. В аппарате Генерального штаба я подготовил по этому вопросу товарищей Повалия, Жукова и Язвинского.

Мишин и Тюлин решили направить в ЦПК не восемь кандидатов, как они раньше настаивали, а только четырех (Елисеев, Волков, Кубасов и Гречко). Вчера врачи ВВС и Минздрава пришли к общему согласию направить в ЦНИАГ Елисеева. По трем остальным кандидатам пока не договорились: Минздрав против направления их в госпиталь, а врачи ВВС — за.

Сегодня отправил письмо маршалу Малиновскому о сепаратных действиях Келдыша, Афанасьева и Бурназяна.

26 августа.

Вчера в США с мыса Кеннеди с помощью ракеты-носителя «Сатурн-1» произведен запуск космического корабля «Аполлон» без экипажа. Полет корабля, общий вес которого составляет 28 тонн, рассчитан на 93 минуты. Корабль должен набрать высоту 706 миль. Приводнение «Аполлона» намечается в Тихом океане. Запуск произведен с целью отработки систем корабля «Аполлон», с использованием которого США планируют в будущем совершить экспедицию астронавтов на Луну. Если этот полет пройдет успешно, то уже в конце этого года трое американских астронавтов будут 14 суток летать на «Аполлоне» по орбите вокруг Земли, что станет новым и веским доказательством того, что наше отставание от США нарастает.

Советская автоматическая станция «Луна-11», запущенная 24 августа в сторону Луны, успешно продвигается к цели.

29 августа.

В субботу звонил В.П.Мишин, приглашал на празднование 20-летия ОКБ-1. Взвесив всю сложность наших взаимоотношений, я решил воздержаться от встречи с Мишиным. Послал на торжество только Николаева и Быковского.

В субботу в ЦПК разбирался с программой подготовки экипажей для полетов на кораблях 7К-ОК. По вине ОКБ-1 складывается тяжелая обстановка с подготовкой экипажей, последние два-три месяца много времени тратится нерационально. ОКБ-1 не дает нам перечня научных экспериментов и методик их проведения; нет инструкций экипажу, рекомендаций по пользованию оборудованием и бортжурналов; затягивается изготовление тренажера. Все это создает угрозу, что за два месяца невозможно будет закончить подготовку даже наших космонавтов, а для подготовки по очень сокращенной программе кандидатов от ОКБ-1 потребуется минимум 4 месяца.

Гагарин рассказал мне о том, как проходили тренировки космонавтов в Феодосии. Для выполнения двух

парашютных прыжков на море, подъема космонавтов с воды в вертолет и выхода в гидрокостюмах по плану отводилось два-три дня, а фактически затрачено восемь дней. Вместо того, чтобы тренировать 8 человек, как мы договаривались с Мишиным, пришлось тренировать 16 человек. Узнав о том, что восьмерка наших космонавтов вылетела в Феодосию, Мишин отправил туда же восемь своих кандидатов и распорядился не давать космического корабля для занятий космонавтов ВВС, если в этих занятиях не будут участвовать одновременно и кандидаты от ОКБ-1.

31 августа.

Сегодня привез с дачи Олю — ей завтра первый раз идти в школу. Совершенно незаметно пролетели последние семь лет.

В.П.Мишин прислал всю свою команду во главе с Анохиным. Всех отправил в госпиталь, дал указание Бабийчуку не задерживать Кубасова, Гречко и Бугрова в госпитале более 3-4 дней, остальных можно обследовать обстоятельнее. Из восьмерки кандидатов от ОКБ-1 мы в ближайшие дни отберем двух-трех и будем форсировать их подготовку. Правда, у меня нет уверенности, что за два месяца мы из этих парней сделаем космонавтов, — лучше было бы вместо них готовить к полетам Хрунова и Горбатко. Но в интересах осуществления полетов надо быть готовым к выполнению и такого решения, когда в состав экипажей в обязательном порядке включат кандидатов из ОКБ-1.

2 сентября.

Доложил маршалу Руденко предложения по распределению космонавтов по группам и закреплению их за космическими кораблями.

1. «Восход» — Волынов, Шонин, Береговой, Шаталов.
2. «7К-ОК» — Гагарин, Комаров, Николаев, Быковский, Хрунов, Горбатко, Воронов, Колодин.
3. «Спираль» — Титов, Куклин, Филипченко, Береговой, Шаталов.
4. «7К-ВИ» — Попович, Губарев, Артюхин, Гуляев, Белоусов, Колесников.
5. «Алмаз» — Беляев, Шонин, Матинченко, Демин, Заикин, Воробьев, Лазарев.
6. «Л-1» (облет Луны) — Волынов, Добровольский, Воронов, Колодин, Жолобов, Комаров, Быковский.
7. «Л-3» (экспедиция на Луну) — Леонов, Горбатко, Хрунов, Гагарин, Николаев, Шаталов.

Руденко, в основном, согласился с предложенным мною составом групп, но высказался за усиление группы «7К-ОК».

Кроме наших (ВВС) космонавтов на полеты на 7К-ОК, Л-1 и Л-3 претендуют и кандидаты от ОКБ-1 и АН СССР. Я давно просил Королева и Келдыша направить к нам в ЦПК своих кандидатов, чтобы у нас было достаточно времени на подготовку и комплектование экипажей. Вместо направления к нам кандидатов Мишин и Келдыш добиваются создания своего ЦПК и тем самым задерживают подготовку космонавтов для облета Луны и экспедиции на Луну. Мы будем отбивать попытки создания нового ЦПК и одновременно будем готовить экипажи для кораблей Л-1 и Л-3.

5 сентября.

Сегодня из ЦНИАГ в ЦПК поступили три кандидата от ОКБ-1: Кубасов, Волков и Гречко - по заключению наших врачей, эта тройка, при некоторых послаблениях в требованиях к здоровью, может быть допущена ко всем тренировкам в ЦПК. Анохин и Бугров забракованы, а Елисеев, Долгополов и Макаров будут продолжать обследование в госпитале.

Вышел на работу после отпуска Главный маршал авиации Вершинин. Уходят в отпуск Тюлин, Мишин и Руденко. До ноября пилотируемых полетов не будет, а, скорее всего, их не будет до 1967 года.

7 сентября.

Весь день провел вчера в ЦПК. Беседовал с Волковым, Гречко и Кубасовым; ребята искренне верят и надеются, что за два месяца мы подготовим их к космическому полету. Они неплохо знают космическую технику, охотно занимаются спортом, но их медико-биологическая подготовка к полету совершенно недостаточна (они имеют всего по три полета на истребителях, по два парашютных прыжка и по одному-двум полетам на невесомость). При усиленной тренировке за один-два года можно было бы и из них подготовить космонавтов для выхода из космического корабля, но за два месяца сделать это невозможно. После выполнения двухмесячной программы они в сравнении с Хруновым и Горбатко будут выглядеть, как цыплята перед орлами.

Подробно объяснил Поповичу его задачи, как старшего группы космонавтов по кораблю 7К-ВИ (военно-исследовательский корабль). Беляева назначил старшим группы космонавтов по «Алмазу» (военная орбитальная станция).

Вчера играл в теннис с подполковником Суриновым — лучшим теннисистом ЦПК. Я выиграл два сета со счетом 6:2, 9:7. А сегодня с разгромным счетом обыграл генерала Яценко - 6:2, 6:1, 6:0. Как говорят мои партнеры, вчера и сегодня я в хорошей спортивной форме. Я удовлетворен результатами своей игры в теннис, жаль только, что скоро, наверное, начну сдавать: годы неизбежно скажут свое решающее слово.

Звонил Главный конструктор Гай Ильич Северин, он хотел уточнить, на кого шить скафандры для полетов на 7К-ОК. Я подтвердил необходимость иметь в готовности скафандры для Хрунова и Горбатко. Распоряжение В.П.Мишина об изготовлении скафандров на Анохина и Елисеева я охарактеризовал как легкомысленное, так как Анохин забракован по возрасту и состоянию здоровья, а решение по Елисееву можно будет принять только после заключения ЦНИАГ. Обещал Северину, что через 10-15 дней я смогу высказать свое мнение о кандидатах из ОКБ-1.

Из ОКБ-1 привозили программы испытаний ракетно-космических комплексов «УР-500 — Л-1» и «Н-1 — Л-3». В оба документа Правецкий вставил пункты о подготовке космонавтов, излагая их в своей трактовке: «Космонавтов готовят МОМ, Минздрав и ВВС». В обоих документах эти пункты я вычеркнул.

8 сентября.

Сегодня в 7:30 Беляев, Леонов, Крышкевич и Климов вылетели в Сирию. Вчера вся делегация была у меня, поговорили об особенностях обстановки в Сирии и о возможных наиболее трудных вопросах от представителей прессы. Сейчас для нас самые трудные вопросы: «Почему полтора года не летаете?», «Когда будет очередной полет?», «Кто сейчас лидирует в космосе — СССР или США?». Мы обстоятельно разобрали ответы на все подобные каверзные вопросы. Я рекомендовал товарищам держаться группой, одиночных встреч не допускать, на границу с Израилем не ездить (мне сообщили из МИДа, что сирийцы собираются организовать поездку на границу).

Вчера Брайко, Руденко и Вершинин одобрили мое предложение по распределению штатной численности, отпущенной ВВС Генштабом для организации службы поиска. Институту Иоффе я выделил 80 единиц, генералу Кутасину — 55, Фролову — 18, для службы Солнца — 4 единицы.

14 сентября.

Не вел дневник почти неделю — был очень занят. Сейчас над планетой летает «Джемини-11», экипаж которого уже провел несколько успешных стыковок с ракетой «Аджена». На 15-м витке второй пилот Ричард Гордон вышел в космос. Он был связан с кораблем девятиметровым фалом и передвигал с помощью ручного реактивного устройства. Гордон соединил корабль с «Адженой» тридцатиметровым тросом. Предполагалось, что Гордон пробудет в открытом космосе 115 минут, но он находился за бортом корабля только 35 минут: астронавт получил приказ вернуться в корабль после того, как он сообщил, что ему стало очень жарко так сильно он вспотел, что почти ничего не видит. Сегодня на корабле «Джемини-11» вышел из строя один из его 16 двигателей реактивной системы управления.

Американские астронавты систематически летают, а мы сидим и ждем изготовления космических кораблей. Сроки

готовности кораблей только в этом году переносятся уже третий раз. Сейчас уже всем ясно, что пилотируемого полета в этом году у нас не будет, хотя открыто сказать об этом представители промышленности боятся.

В последние дни я участвовал в трех больших совещаниях по вопросам подготовки космонавтов. 10 сентября состоялось совещание у Г.Н.Пашкова (ВПК), на котором присутствовали Литвинов, Керимов, Правецкий, Трегуб, Царев, Богданов; от ВВС были Руденко, я и генерал Мороз. В начале совещания Пашков и другие намеревались внести небольшие поправки в проект трех министров о создании нового ЦПК.

После выступлений военных и напоминания о письме четырех маршалов и резолюции Устинова все гражданские участники совещания сбавили тон и стали уверять, что они против создания нового ЦПК и за организацию подготовки космонавтов-исследователей и космонавтов-испытателей в ЦПК ВВС. После длительных дебатов решили поручить Киясову, Керимову и мне подготовить письмо в ЦК КПСС.

12 сентября у Киясова собрались: Керимов, Трегуб, Цыбин, Правецкий, Царев, Богданов и я. Все согласились с моим предложением готовить письмо за подписью Афанасьева, Келдыша, Петровского и Малиновского. Решили: новое «Положение о космонавтах» не писать, а только внести добавления и некоторые изменения в существующее. Кроме того, исключили из решения все просьбы Минздрава о строительстве зданий, выделении средств, штатной численности и других средств для создания базы нового ЦПК. По существу остались несогласованными только вопросы отбора и медико-биологической подготовки космонавтов-исследователей и космонавтов-испытателей. Все гражданские руководители были за то, чтобы передать эти функции Минздраву, а я настаивал на том, чтобы отбор и медико-биологическая подготовка всех космонавтов сохранились за Министерством обороны.

Вчера я, Кузнецов, Гагарин, Цыбин и Анохин продолжили в ЦПК обсуждение «проблемы» подготовки космонавтов. Для нас, военных, в этом вопросе нет проблем: ВВС могут обеспечить подготовку космонавтов для всех министерств и ведомств. Но Мишин, Тюлин и Правецкий хотят «руководить» отбором и подготовкой кандидатов в космонавты и иметь право назначать в космический полет любого своего любимца. Мы же отстаиваем практику коллективных и единодушных решений по отбору кандидатов и их назначению в экипажи космических кораблей.

Звонил маршал Руденко, он рассказал о вчерашнем визите к нему Правецкого. Правецкий просил передать Минздраву наш опытный завод. Руденко ответил ему: «Если я только заикнусь о передаче завода, меня выгонят из Министерства обороны — и правильно сделают!»

19 сентября.

В субботу в ЦПК провел совещание. Присутствовали: Кузнецов, Масленников, Гагарин, Николаев, Попович, Быковский, Терешкова, Комаров, Беляев и Леонов. Отсутствовал Титов — я отпустил его на два дня в Ленинград по личным делам. Обсуждали положение, создавшееся в результате попыток ОКБ-1 и Минздрава создать гражданский центр подготовки космонавтов. Я объяснил космонавтам задачи и трудности нашей борьбы против сепаратных действий Минздрава и ОКБ-1. Все космонавты очень недовольны В.П.Мишиным. Они считают, что Мишин не понимает всей сложности процесса подготовки к космическим полетам и склонен упрощать его. Гагарин, Леонов и Комаров высказались за необходимость организации встречи космонавтов с Брежневым или Косыгиным. Ребята верят, что подобная встреча может еще что-то изменить к лучшему.

Сегодня генерал Бабийчук доложил, что 18 кандидатов в космонавты от АН СССР проходят сейчас обследование в ЦНИАГ, а всего в списке, который прислал нам Келдыш, 24 кандидата. Мишин и Правецкий рассматривают этот шаг Келдыша как игнорирование им интересов Минздрава и ОКБ-1.

Маршал Руденко вчера убыл в отпуск, а Вершинин улетел сегодня в Прагу. Киясов более недели молчит, за 10 дней не может отредактировать записку в ЦК по вопросу о подготовке космонавтов-испытателей и космонавтов-исследователей.

21 сентября.

Из АПН приезжал ко мне Юрий Булушев. По моей рекомендации он берется написать книгу «Кандидат в космонавты». В работе над книгой он использует письма желающих лететь в космос (десятки тысяч писем) и материалы о Константине Ветре. Булушев побывал уже в Ленинграде, провел три дня в беседах с Ветром, его женой, родственниками и друзьями. Юрий — убежденный сторонник Ветра, он загорелся идеей написания книги о кандидатах в космонавты. Я готов помогать Булушеву написать интересную и полезную для молодежи книгу.

Вчера в ЦПК был на совещании у Главного конструктора Даревского. Комплексный тренажер «7К-ОК» будет готов, в лучшем случае, в конце октября. Основные задержки возникают из-за неотлаженности оптических устройств и недоделок по вине ОКБ-1. Говорил с Цыбиным. Он обещал в недельный срок закончить все работы по тренажеру, за которые отвечает ОКБ-1.

26 сентября.

Вчера к нам на дачу приезжал мой племянник Виктор Каманин, студент второго курса железнодорожного института. Ему только 21 год, но он уже имеет вес 97 килограммов. Виктор готовит из себя тяжеловеса, занимается штангой, ядром, диском, но вид у него далеко не спортивный. По характеру он очень молчалив и болезненно самолюбив; на меня он всегда производит странное впечатление. Мне его жаль, я помогаю ему деньгами и советами, но он меня почти не интересует. Другое дело — Виктор Крашенинников (сын моей старшей сестры Марии Петровны); с ним интересно поговорить, сыграть в шахматы, его я всегда встречаю с улыбкой. А вообще-то, наши родственники нам с Мусей за 35 лет изрядно надоели бесконечными просьбами о помощи. Минимум 15-20 процентов моего заработка постоянно уходит в карманы родственников.

28 сентября.

Вчера вместе с Н.Ф.Кузнецовым и П.В.Цыбиным проверили ход работ по тренажеру «7К-ОК», по оборудованию самолета Ту-104 макетами космических кораблей, а также готовность ТБК-60 к проведению испытаний. Ту-104 и ТБК-60 будут готовы, в лучшем случае, 10 октября: главные задержки — из-за неготовности скафандров с новой подвеской ранцев. Окончание работ по тренажеру тормозится доводкой оптических устройств. Все три объекта будут предоставлены для тренировки космонавтов 15-20 октября. Таким образом, первая половина октября не может быть использована для тренировок в составе экипажей, а индивидуальную подготовку космонавты ВВС, в основном, уже

закончили. Можно было бы наших космонавтов до 15-20 октября отпустить в отпуск, но я не могу этого делать без согласования с Г.А.Тюлиным, а он — в отпуске. Мишин вчера вернулся из отпуска и приступил к работе. Попробую договориться с ним по этому вопросу.

29 сентября.

Звонил Мишин. Он заверяет, что сумеет обеспечить пуск двух кораблей 7К-ОК с космонавтами на борту во второй половине декабря 1966 года. Таких обещаний от ОКБ-1 мы получали десятки. Жизнь научила нас не верить словам, а судить по делам. Дела же пока идут плохо: в ОКБ-1, кроме самого Мишина, никто не верит в возможность осуществления полета в этом году. Испытания многих систем кораблей не закончены, по некоторым системам требуются значительные работы по их доводке (парашюты, система кондиционирования и т.д.). Мишин обещал секретарям ЦК осуществить полет в конце текущего года и пытается выполнить свое обещание. Уход наших космонавтов в отпуск в этих условиях могут использовать против ВВС и вину промышленности в неготовности кораблей прикрыть «неподготовленностью» экипажей. Такой возможности я Мишину не предоставлю — пускай сам отвечает за свои огрехи. Сегодня дал команду Гагарину объявить всем кандидатам на полет, что отпуска в этом году у них не будет. Надо форсировать подготовку к полету, чтобы закончить ее полностью к 1 декабря.

Вчера звонил мне Романов — председатель Госкомитета по кинематографии. Он просил заснять на кинопленку для Канады несколько кадров тренировки космонавтов. Звонил и только что назначенный министр общественной безопасности Щелоков, пока еще исполняющий обязанности второго секретаря ЦК партии Молдавии. Щелоков просил командировать в Кишинев 8-9 октября Терешкову или еще кого-нибудь из космонавтов на празднование 500-летия Кишинева. Я обещал послать в Молдавию одного из космонавтов.

30 сентября.

Узнал вчера новость, которая поразила меня: в правительстве готовится решение о назначении председателем Госкомиссии по пускам пилотируемых космических кораблей Керимова Керима Алиевича. Керимов работает сейчас начальником 3-го Главного управления МОМ, дело он знает, но с обязанностями председателя Госкомиссии не справится, — на этом посту кроме знаний нужен и большой авторитет. Первым председателем Госкомиссии был министр Руднев, вторым - министр Смирнов, третьим — заместитель министра Тюлин. Опускать ранг председателя Госкомиссии ниже замминистра опасно. Членами Госкомиссии являются десятки главных конструкторов, заместители министров, президент Академии наук, маршалы и генералы. Даже Тюлин с трудом справляется с ролью руководителя Госкомиссии, Керимов же не сумеет удержаться и на последнем, самом низком уровне руководства ее деятельностью, а впереди — труднейшие задачи по облету Луны и высадке экспедиции на Луну. Под «доблестным» руководством Устинова и Смирнова наши космические дела продолжают катиться вниз, и пока нет заметных признаков изменений к лучшему.

3 октября.

В субботу в ЦПК встречался с С.Г.Даревским. Есть опасения, что тренажер «7К-ОК» не будет готов и в конце октября. Затягивается и готовность ТБК-60 и самолета Ту-104.

Сегодня я подробно доложил Главкому сложную обстановку с подготовкой полета на 7К-ОК. Я также попросил у Вершинина согласия пожаловаться в ЦК на министра Дементьева, отказывающегося выполнять решение ЦК КПСС и Совета Министров о строительстве большой центрифуги (ЦФ-16). Вершинин высказался против жалобы, но посоветовал при личной встрече с Дементьевым попытаться уговорить его. У меня только что были Гагарин, Титов, Комаров и Леонов. Ребята просили разрешения обратиться по вопросу о строительстве ЦФ-16 к секретарю ЦК КПСС Устинову. Я одобрил это намерение, хотя и не верю в успех такой попытки.

5 октября.

Решением правительства создан Совет по проблемам освоения Луны. Председателем Совета назначен министр Афанасьев; члены Совета — министры, заместители министров, академики, главные конструкторы космической кооперации. От Министерства обороны в состав Совета вошли только генерал-лейтенанты Карась и Соколов. От ВВС в составе Совета нет никого. Сегодня мне звонил И.П.Румянцев — ученый секретарь Совета. Он просил меня прибыть на заседание Совета и предупредить генерала З.А.Иоффе о том, что на заседании будет заслушан его доклад о системе поиска и эвакуации космических аппаратов.

10 октября.

В субботу при выполнении прыжков с парашютом сломал ногу Георгий Гречко — один из четырех кандидатов от ОКБ-1 на полет на корабле 7К-ОК. На его счету имелось уже 30 прыжков, и в ЦПК он выполнял четвертый прыжок. Метеорологические условия и грунт были нормальные, но Гречко допустил ошибку и приземлился на одну ногу. Из числа кандидатов от ОКБ-1 Гречко самый сильный, и очень жаль, что он «выбыл из игры».

В субботу в ЦПК я разбирался с составом группы «Л-1»; старшим группы вместо Быковского, занятого подготовкой к полету на 7К-ОК, назначил полковника Берегового. Проверял успехи космонавтов в освоении тенниса. Неплохо играют в теннис Гагарин, Титов, Попович, Николаев, Быковский, Комаров, Волынов, Хрунов и Горбатко. Остальные космонавты и все слушатели-космонавты играют посредственно. Из космонавтов лучше других играют Горбатко и Хрунов. Хрунова я одолел легко, а Горбатко оказал мне упорное сопротивление. Правда, перед игрой с Горбатко я сыграл два сета с генерал-лейтенантом Никишиным и победил его со счетом 6:1, 6:2. В этом году, в возрасте 58 лет, я играл в теннис лучше, чем все предшествующие годы. Сказались систематические тренировки — не менее трех-четырех в неделю.

Только что сообщили о смерти маршала Ф.А.Астахова. Я работал с ним в 1947-48 годах в ГВФ.

12 октября.

Более двух лет я веду борьбу за выполнение решения ЦК КПСС и Совета Министров о строительстве большой центрифуги для ЦПК. Королев, Бурназян и Правецкий многое сделали, чтобы сорвать это строительство. В данное время главным противником создания ЦФ-16 является министр авиационной промышленности Дементьев. Вершинин, Руденко и я несколько раз разговаривали с Дементьевым на эту тему. Он прямо не отказывает нам, но вот уже почти год тормозит восстановление работ по ЦФ-16.

Вчера секретарь ЦК Д.Ф.Устинов вызвал к себе Гагарина, Комарова и Леонова и имел с ними часовую беседу. Эту встречу я устроил с целью добиться возобновления строительства центрифуги ЦФ-16 для ЦПК. Устинов выслушал ребят очень внимательно, обещал разобраться с постройкой ЦФ-16 и принять меры. Кроме этого вопроса Устинов интересовался подготовкой к полету на корабле 7К-ОК, спрашивал, каково отношение ВВС и космонавтов к кораблю «Восход-3», советовал поплотнее взаимодействовать с ОКБ-1. Встреча была полезной. По высказываниям Устинова можно судить о том, что промышленники (Мишин, Смирнов) «начинили» его односторонней и недостаточной информацией. Характерно, что теперь даже Устинов считает, что руководство ОКБ-1 излишне увлекалось автоматизацией и мало верило в возможности космонавтов.

Позвонил генерал Кузнецов и доложил, что Мишин сегодня дал приказ возобновить работы по подготовке к полету корабля «Восход-3». Генерал Бабийчук доложил, что из 24 кандидатов в космонавты от АН СССР заканчивают обследование в госпитале 19 человек. Только пять человек из 19 можно с натяжками допустить к подготовке к космическим полетам — большинство кандидатов забраковано из-за недостатков вестибулярного аппарата, высокого кровяного давления и плохого зрения.

13 октября.

Проводили в последний путь маршала авиации Ф.А.Астахова. Последний раз я говорил с ним по телефону месяца три назад, тогда он чувствовал себя довольно бодро и был полон планов организации встреч ветеранов авиации с молодежью.

Сегодня Терешкова, Аристов и Кассирова вылетели в Бельгию. Валя основательно подготовилась к этой поездке и чувствует себя более уверенно, чем перед поездкой в Париж.

Генерал Кузнецов поехал с группой космонавтов к В.Н.Челомею. Работы над «Алмазом» (орбитальная космическая станция) идут успешно. По планам МОМ через год «Алмаз» должен быть на орбите. «Алмаз», по замыслу его создателей, будет находиться на орбите около двух лет, а экипаж должен будет сменяться через каждые два месяца. Двухмесячное пребывание космонавтов в невесомости — дело непроверенное и пока маловероятное, но две недели полета экипаж может выдержать. На год полета станции потребуется 25 экипажей и 25 пусков ракет для вывода на орбиту транспортных кораблей. Если же считать, что за год каждый экипаж может побывать в полете 2-3 раза, то и в этом случае для эксплуатации «Алмаза» потребуется не менее 10 экипажей.

14 октября.

Вчера в аппарате Совета Министров (у А.И.Царева) Керимов, Правецкий и я работали над текстом письма в ЦК КПСС об организации подготовки космонавтов-исследователей и космонавтов-испытателей. Правецкий и Керимов

согласились с тем, что летно-космическую подготовку испытателей и исследователей, а также подготовку экипажей проводят ВВС; но они пытались отстоять за Минздравом СССР право решающего голоса в определении годности кандидатов к полету по состоянию их здоровья. Я защищал существующее положение, по которому только ВВС дают заключение о годности кандидатов на полет. Этот вопрос остался несогласованным. По моему мнению, отбор и общую (кроме летной) подготовку испытателей и исследователей можно отдать гражданским министерствам и АН СССР, и только после включения испытателей (исследователей) в состав экипажа (примерно за 6 месяцев до полета) всю ответственность за их предполетную подготовку должно нести Министерство обороны.

Царев подтвердил, что Керимов назначен председателем Госкомиссии по пускам кораблей 7К-ОК.

21 октября.

С 18 по 20 октября были с космонавтами на охоте в Спас-Клепиках под Рязанью. Этот выезд я устроил потому, что космонавты, готовящиеся к полету на 7К-ОК, уже более года не отдыхали. Вместе со мной на охоту ездили Кузнецов, Гагарин, Николаев, Леонов, Хрунов, Горбатко, Черединцев и Лева. Охотничье хозяйство, принадлежащее Совету Министров РСФСР, имеет территорию в 12000 гектаров, из которых более 2000 занимает озеро, на озере много камыша, островков и заболоченных мест. Условия для гнездовья отличные, уток много - более месяца уже идет охота, а на озере еще не менее 5000 уток. Правда, пролетающих уток почти нет, а местные «научились» обходить опасные зоны на большой высоте. Гагарин убил 12 уток, Леонов — 9, Кузнецов, Хрунов, Горбатко и Лева — по 2, я и Николаев счет трофеям не открыли. У Леонова тульское пятизарядное автоматическое ружье с удлиненным стволом, из этого ружья он на моих глазах сбил двух уток с расстояния 80-100 метров. У Гагарина тоже очень хорошее ружье, из которого он уверенно сбивал летящих уток на дистанции 45-50 метров. У всех остальных ружья дают убойную кучность не дальше 30 метров.

Вечером 18 октября отметили день моего рождения. Леонов от имени всех космонавтов поблагодарил меня за отцовское отношение к ним и за все мои хлопоты. Гагарин, поднимая тост за мои 58 лет, сказал: «Мы, Николай Петрович, не чувствуем, что вам 58 лет, очень часто вы оказываетесь моложе нас. От всей души желаем вам еще десятки лет быть таким же молодым душой и крепким физически, каким мы знаем вас за годы совместной работы!»

26 октября.

Вчера обсуждали у Руденко план мероприятий ВВС по обеспечению пилотируемого облета Луны. Более 40 позиций плана были единогласно одобрены, но два пункта — постройка тренажера по стыковке «Волга» и оборудование двух самолетов Ту-104 для полетов на невесомость — вызвали возражения Иоффе, Пономарева и Руденко. Решили попытаться возложить оборудование самолетов на ОКБ А.Н.Туполева, а постройку «Волги» — на ЛИИ МАП (Даревский). На этом мы только потеряем время: промышленность не возьмет на себя работы по созданию «Волги» и оборудованию самолетов.

Вчера я, Леонов, Безыменский и Осипов (издательство «Молодая гвардия») выступали на молодежном вечере, посвященном 48-й годовщине комсомола. Вечер организовали комитеты комсомола ВВС и Щелковского комбината имени Я.М.Свердлова. С поэтом Безыменским я впервые познакомился в 1934 году. Сейчас ему около 70 лет, чувствует он себя хорошо и выступает отлично.

28 октября.

У Д.Ф.Устинова состоялось вчера совещание по готовности 7К-ОК. Срок пуска технологических кораблей опять перенесли, теперь он назначен на 20 ноября. Пуск кораблей с экипажами Мишин считает возможным не раньше 10 января 1967 года, но Устинов приказал готовить пуск на 20 декабря 1966 года. Пуск 20 декабря почти исключается: еще не готовы корабли, не готов тренажер, не закончено оборудование самолета Ту-104 для полетов на невесомость, космонавты еще не приступили к тренировкам в ТБК-60. Мишин пытался объяснить задержку пуска неподготовленностью экипажа и свалить вину в срыве сроков полета на ВВС, хотя и ребенку ясно, что вся ответственность за бесконечные переносы полета ложится на ОКБ-1 и, в частности, на самого Мишина. ОКБ-1 и Мишин виноваты в неготовности тренажера, ТБК-60 и самолета Ту-104 и, тем самым, в затягивании сроков готовности экипажей. Мы десятки раз письменно и устно заявляли, что после приемки тренажера и оборудования Ту-104 и ТБК-60 нам нужно минимум два месяца для завершения подготовки экипажей. До назначенного срока полета осталось чуть более 50 суток. Так как за 10-12 суток надо выезжать на старт, то на завершение подготовки космонавтов остается всего 40 суток, но и их мы не можем использовать из-за неготовности тренажера и других объектов.

29 октября.

Царев отредактировал письмо в ЦК КПСС и Совет Министров об организации подготовки космонавтов-испытателей и космонавтов-исследователей. Оно уже подписано Келдышем и министрами Афанасьевым и Петровским, заделаны также подписи Смирнова и маршала Захарова. В первой редакции письма Афанасьев, Петровский и Келдыш просили ЦК разрешить им создать новый Центр подготовки космонавтов для нужд гражданских ведомств, однако благодаря твердой позиции Министерства обороны (письмо четырех маршалов) эта попытка была отбита. В последней редакции письма речь идет только о подготовке испытателей и исследователей, но она разделяется между МОМ, Минздравом, МО и АН СССР: министры пытаются организовать подготовку космонавтов по принципу «у дитяти семь нянек…» Вчера я отказался завизировать такое письмо, заявив, что мы не возражаем против самой идеи подготовки экипажей с испытателями и исследователями, но предполетную подготовку таких экипажей можно и нужно организовать только в ЦПК ВВС, — это не потребует дополнительных затрат и, главное, ответственность за ее качество будет нести лишь Министерство обороны, а не три министерства и АН СССР, как предусматривается в письме.

31 октября.

В субботу ночью выпал первый обильный снег. В ночь на воскресенье было только 2 градуса ниже нуля, а сегодня мороз покрепчал. Вчера мы с Олей пробовали кататься на лыжах, но ходить было очень тяжело: под снегом вода. Катал Колю на салазках. Пробовал и он встать на лыжи, но это, конечно, для него еще рановато.

Был в субботу в ЦПК, рассматривал и корректировал все планы и программы подготовки экипажей для 7К-ОК.

Сейчас в нашем распоряжении всего 40 дней на завершение подготовки экипажей, и к тому же нет никакой уверенности, что тренажер будет готов к 15 ноября. Приказал готовить Комарова командиром на активный корабль, а Быковского — на пассивный. Гагарина и Николаева будем готовить дублерами. В оставшийся короткий срок можно удовлетворительно подготовить для выхода в космос только Хрунова и Горбатко. Подготовить для этой цели Кубасова, Волкова и Елисеева за оставшиеся 40 суток нельзя. Необходимо немедленно решать вопрос о составе основного и запасного экипажей, с тем чтобы получше подготовить хотя бы основной экипаж. Мишин и Тюлин, а также представители ВПК настаивают на включении в основной экипаж кандидатов от ОКБ-1, но мы категорически против этого, а начальство (Смирнов, Устинов) отказывается решать этот вопрос и лишь постоянно твердит о необходимости договориться МОМ и ВВС о составе экипажей. В такой обстановке иногда хочется по-русски отматерить начальство или отказаться от участия в этих безответственнейших действиях, и лишь понимание того, что это может повредить делу, призывает к сдержанности, заставляя настойчиво искать более разумные решения.

1 ноября.

Утром заходил Герман Титов. Сегодня ночью он во главе делегации вылетает во Вьетнам. Летит он туда второй раз, но в данном случае не просто как космонавт, а как президент Общества советско-вьетнамской дружбы. Я посоветовал ему быть поосторожнее в Пекине (при перелете во Вьетнам и обратно они будут ночевать в Пекине).

Сегодня несколько раз звонили Мишин и Цыбин, их беспокоит ход испытаний объекта 7К-ОК у Финогенова и окончание отладки тренажера, ТБК-60 и самолета Ту-104. Я обещал помочь в организации работ в праздничные дни 6-8 ноября. Договорились с Мишиным завтра встретиться и согласовать все вопросы подготовки полета, намеченного на 20 декабря. Мишин не уверен, что он подготовит корабли к середине декабря. Нам также очень трудно подготовить экипажи к этой дате.

5 ноября.

3 ноября в Феодосии произвели сброс спускаемого аппарата космического корабля 7К-ОК с самолета на высоте 10500 метров. Сброс осуществлен с целью испытаний запасной парашютной системы корабля. После отделения от самолета спускаемый аппарат устойчиво снижался, нормально вышел вытяжной парашют, хорошо раскрылся основной парашют и после того, как его намеренно отстрелили, нормально раскрылся запасной. Спуск на основном и запасном парашютах проходил при заметных пульсациях их куполов, а объект вращался со скоростью один оборот в секунду. (Оба эти явления крайне опасны: пульсации часто заканчиваются порывами строп, а вращение спускаемого аппарата — закруткой купола и, в конечном счете, отказом парашюта). На высоте 1500 метров стропы запасного парашюта порвались, и спускаемый аппарат разбился и сгорел. Это происшествие может значительно задержать пуски 7К-ОК. В спускаемом аппарате корабля находится около 70 килограммов перекиси водорода, используемой для стабилизации спуска корабля; после раскрытия парашюта остатки перекиси водорода (до 30 килограммов) выбрасываются за борт. В данном случае перекись водорода попала на парашют и «пережгла» стропы: каждая стропа нормально выдерживает нагрузку в 450 килограммов, а после «ожога» перекисью водорода стропы без особого усилия разрываются руками.

Последние три дня маршал Руденко и я вели переговоры и совещались со Смирновым, Пашковым, Царевым, Сербиным и Тюлиным. Мы пытались убедить их в том, что создавать дополнительную систему подготовки космонавтов (МОМ, Минздрав и АН СССР) дорого и вредно, и что для первого полета на 7К-ОК уже подготовлен экипаж от ЦПК ВВС (Комаров, Быковский, Хрунов и Горбатко), а выдвигаемые кандидаты на полет от ОКБ-1 (Волков, Кубасов, Елисеев) не могут быть удовлетворительно подготовлены за 2-3 месяца — на их подготовку потребуется еще не меньше 6-8 месяцев. Наша упорная позиция в вопросе о составе экипажа сильно поколебала наших противников, но они пока не отказались от своих намерений, мешающих нам качественно готовить космонавтов к полету. Подготовка Комарова, Быковского, Хрунова и Горбатко может быть закончена к 10 декабря. Однако представители ВПК и Тюлин с Мишиным настаивают на подготовке и кандидатов от ОКБ-1, а это в сложившейся обстановке может только резко снизить качество подготовки экипажа и удлинить ее срок. Вчера Тюлин и Руденко послали в ВПК доклад с перечнем кандидатов, проходящих подготовку к полету (это уже третий такой доклад!), но они снова не договорились о составе основного экипажа, написав, что решение о нем примет Государственная комиссия.

9 ноября.

Отпраздновали 49-ю годовщину Октября, все прошло нормально. 5 ноября заезжал ко мне Гагарин, он просил ускорить присвоение очередного воинского звания Леонову. Более месяца назад мы отослали министру все аттестационные материалы, но министр болел и на службе не был. Я попросил Петрова, адъютанта министра, доложить их Малиновскому когда он появится. Сегодня мне позвонил Петров и сообщил, что министр подписал приказ о присвоении Леонову звания «полковник». На параде 7 ноября Малиновский выступал хуже обычного - сказываются его болезни и старость. Давно пора Малиновскому и многим другим старикам уходить на покой.

Все три дня праздника провел на даче. Много ходил на лыжах, гулял с Олей и Колей. Оля на лыжах ходит хорошо. Уже две недели стоит чудесная зимняя погода, держится хороший снежный покров. Сегодня в шесть утра я также ходил на лыжах, скольжение отличное.

Тренажер, ТБК-60 и самолет Ту-104 пока еще не готовы. Осуществление полета на кораблях 7К-ОК 20 декабря уже нереально, так как подготовку экипажей на Ту-104 мы не сможем закончить раньше 20 января.

Вышел на экран кинофильм «Космонавты в Калуге и Ленинграде», снятый по сценарию Е.И.Рябчикова. Этот фильм готовился нами под названием «У истоков космонавтики». В нем было много внимания уделено С.П.Королеву, его встречам с космонавтами, учеными и конструкторами. По приказанию Г.Н.Пашкова (ВПК) фильм обкорнали, вырезав из него все кадры о Королеве. Мне удалось сохранить только один экземпляр полного фильма с кадрами о С.П.Королеве, я передал его на хранение в ЦПК ВВС.

10 ноября.

Получили сегодня два решения ВПК: одно с заключением экспертной комиссии по НИР, обеспечивающей поиск и эвакуацию лунных кораблей, а другое — по комплексам «УР-500К - Л-1» и «Н-1 — Л-3» (облет Луны и экспедиция на Луну). В последнем решении указывается, что Постановление ЦК КПСС и Совета Министров от 1964 года по лунным кораблям выполняется неудовлетворительно, и вновь выдвигается требование выполнять все работы по лунным кораблям и ракетам вне всякой очереди — как задания особой государственной важности. Подобных решений, выговоров и окриков становится все больше, атмосфера вокруг наших космических дел накаляется с каждым днем. Большое начальство с приближением 50-й годовщины Октября будет требовать эффектных космических полетов, но бумагами и криками делу уже не поможешь — слишком много времени ушло впустую.

Сегодня несколько раз звонили Мишин и Цыбин — оба пытались навязать мне подготовку четверых «выходящих» от ОКБ-1. Я заявил Мишину, что согласно нашей устной договоренности на состоявшемся три месяца назад совещании у Н.С.Строева ЦПК готовит к выходу в космос Хрунова, Горбатко и двух кандидатов от ОКБ-1. Наши длинные телефонные дебаты ни к чему не привели. Договорились с Мишиным встретиться завтра.

11 ноября.

Был в ОКБ-1, более двух часов беседовал с Мишиным, Цыбиным и Анохиным. Мишин еще раз заверил меня, что он выведет на орбиту беспилотные корабли 7К-ОК № 1 и № 2 до 26 ноября, а пилотируемые корабли № 3 и № 4 — до конца декабря. Вылет космонавтов на полигон должен состояться не позже 12-15 декабря. На предполетную подготовку экипажей в нашем распоряжении остается только 30 дней, а по расчетам ЦПК на нее нужно минимум два месяца. В такой обстановке следовало бы сосредоточить все усилия на подготовке основного экипажа, а запасный экипаж готовить по возможности. В состав основного экипажа было бы целесообразно включить наиболее подготовленных кандидатов для такого полета (Хрунов, Горбатко), но Мишин, вопреки здравому смыслу, настаивает на подготовке к выходу в космос только своих людей (Елисеев, Кубасов, Волков, Макаров). При мне он по телефону пожаловался на меня Тюлину и Пашкову. Пришлось им обоим объяснять по телефону, что ВВС делают все возможное, чтобы подготовить два экипажа, но сделать это трудно и нужно срочно принять окончательное решение ВПК о составе хотя бы основного экипажа. Короче говоря, мы так и не пришли к окончательному соглашению, и для выхода в космос будем готовить две пары: Хрунов — Горбатко и Елисеев — Кубасов.

В ходе дебатов Мишин в горячности наговорил много несуразностей. Он, например, заявил: «Я сам буду принимать экзамены у космонавтов, и военные получат «двойки», а наши — «пятерки»…» На это я ответил ему, что С.П.Королев всегда был в курсе знаний космонавтов, он очень объективно проверял их подготовленность, без предвзятого намерения поставить им «двойки». Я сказал Мишину: «Двойки» можем и мы поставить вашим кандидатам, но мы этого делать не будем». Для проверки знаний космонавтов приказом Главкома ВВС будет назначена экзаменационная комиссия — она и даст объективную оценку их подготовленности. Расстались мы миролюбиво, повторяя взаимные призывы: «Надо кончать «холодную войну» и улучшать контакты!»

12 ноября.

В ЦПК приезжали Керимов, Правецкий, Гуровский, Цыбин, Анохин и другие товарищи из ОКБ-1. Они пытались доказать, что подготовку космонавтов к полету можно закончить за 36 рабочих дней. Кузнецов, Гагарин и я убеждали их в том, что в месячный срок подготовить к полету можно только военных космонавтов, а на подготовку кандидатов от ОКБ-1 нужно как минимум 2-3 месяца, но даже при таких сроках они будут подготовлены значительно хуже военных.

14 ноября.

Состоялось заседание технического руководства в ОКБ-1. Мишин и другие главные конструкторы доложили о готовности к отправке на полигон кораблей «Союз» № 1 и № 2. После совещания в кабинете Мишина остались Келдыш, Пашков, Строганов, Керимов, Карась, Цыбин, Северин, Кузнецов и другие. Мишин пытался добиться нашего согласия на включение в состав основного экипажа Елисеева и Кубасова. Я заявил, что если полет планируется осуществить в декабре, то за оставшийся месячный срок до отъезда на полигон мы можем подготовить только военный экипаж в составе Комарова, Быковского, Хрунова и Горбатко. От имени ВВС я официально заявил, что Елисеева и Кубасова подготовить к полету в декабре невозможно. Келдыш, Мишин, Пашков и Керимов были очень недовольны моим заявлением и пытались доказать обратное. Разошлись - вновь не договорившись.

16 ноября.

В 10 часов меня вызвал в ЦК КПСС И.Д.Сербин. На беседе, которая продолжалась более часа, присутствовал Строганов. С Сербиным я встречался много раз. Человек он грубоватый, любит показать свою силу и не стесняется в средствах и выражениях, когда хочет оказать давление на собеседника. Во время сегодняшней встречи Сербин был на удивление учтив, предупредителен и очень внимательно слушал меня. На его вопрос: «Как идут дела с подготовкой космонавтов?», — я ответил двумя словами: «Очень плохо». А на вопрос: «Почему плохо?», — пришлось обстоятельно рассказать о всех трудностях и неприятностях во взаимоотношениях с ОКБ-1. Особое внимание я уделил подготовке экипажей для «Союза», убедительно доказав Сербину, что Комаров, Быковский, Хрунов и Горбатко, уже шесть лет готовящиеся к полетам, подготовлены значительно лучше, чем Елисеев и Кубасов. Я заявил, что ВВС, в принципе, не возражают против подготовки кандидатов от ОКБ-1. Мы уже готовили гражданских кандидатов (Терешкова, Феоктистов, Егоров), но мы были и будем категорически против резкого сокращения сроков подготовки, особенно тех космонавтов, которым предстоит выход в космос.

По вопросам и замечаниям, которые в ходе беседы высказали Сербин и Строганов, я понял, что они, во-первых, слабо знают особенности и объем подготовки космонавтов и, во-вторых, побаиваются вторгаться в эту область со своими подсказками и рекомендациями. На замечания Сербина о том, что сложившиеся отношения между ВВС и ОКБ-1 ненормальны, что надо готовить космонавтов-испытателей для промышленности и срочно решать вопрос о составе экипажа для «Союза», я ответил, что в сложившейся обстановке, по моему мнению, лучшим решением было бы послать в первый полет целиком военный экипаж, а ко второму полету подготовить Елисеева и Кубасова. Однако, Мишин и многие другие руководители слишком далеко зашли с заявлениями о том, что в качестве «выходящих» полетят инженеры ОКБ-1, и им трудно теперь отказаться от этих заявлений. Имея также в виду, что есть решение ВПК о включении в состав экипажа «Союза» специалистов ОКБ-1, можно пойти на то, чтобы «выходящими» были: самый сильный из военных (Хрунов) и наиболее подготовленный из гражданских (Елисеев). Сербин и Строганов ухватились за мое последнее предложение и высказались в том духе, что оно может удовлетворить обе стороны и гарантировать выполнение задания. В 12:15 позвонил Горегляд и сообщил, что в 13:00 в ОКБ-1 собирается Госкомиссия. Пришлось извиниться и прервать полезную беседу. При прощании Сербин пообещал: «Мы еще вас побеспокоим по этому поводу».

В 13 часов в кабинете Мишина собрались Келдыш, Керимов, Руденко, Карась, Правецкий и я. Совещание открыл Керимов, который доложил, что он, Цыбин и Правецкий ознакомились с ходом подготовки космонавтов и считают, что надо окончательно решить вопрос о составе основного экипажа «Союза». Он предложил экипаж в составе: Комаров, Быковский, Елисеев, Кубасов. Я внес другое предложение: назначить в основной экипаж Комарова, Быковского, Хрунова, Горбатко. Предложение Керимова поддержали Мишин, Келдыш и Правецкий. За мое предложение голосовали Руденко и Карась. Единодушного решения принято не было, началась очередная перепалка. Келдыш сгоряча предложил записать в решении Госкомиссии, что ВВС сорвали подготовку экипажей для кораблей «Союз». Предложение Келдыша было настолько нелепым и необоснованным, что его не решились поддержать даже Мишин и Керимов. Келдыш, поняв, что «сел в лужу», сбежал с совещания.

После ухода Келдыша маршал Руденко высказал свое неудовлетворение работой Госкомиссии: комиссия в полном составе не собиралась, решений об отправке кораблей на полигон и о дате пуска нет, а председатель и техрук собираются тем не менее вылетать на полигон. Руденко заявил о необходимости срочно созвать на заседание Госкомиссии всех ее членов. Керимов испугался такого заявления маршала и предложил собрать Госкомиссию завтра в Москве. С ним не согласился Мишин, который сказал, что завтра всем надо вылетать на старт, и заседание Госкомиссии провести на полигоне. Сошлись на том, что окончательное решение о дате и месте заседания Госкомиссии примет Керимов после того, как он сегодня вечером побывает на приеме у секретаря ЦК КПСС Устинова.

17 ноября. Тюра-Там.

Маршал Руденко и я разместились на второй площадке полигона Байконур в гостинице № 1. У нас в номере две комнаты, два местных телефона, обещают поставить и телефон «ВЧ», по которому прямо из номера можно переговорить с Москвой. Есть все удобства, радио и даже телевизор, принимающий московские программы…

Сегодня в два часа ночи меня разбудил телефонный звонок — генерал Горегляд передал приказ маршала: «В 9:00 быть у меня в кабинете, в 10:30 вылетаем на полигон». Я ждал такого приказа, зная, что пришло время нашей новой, большой «космической волны». Времени до выезда на работу и на приготовление к отлету было еще много, можно было часа четыре и поспать. Я прилег, но уснуть уже не смог: перебирал мысленно все этапы нашего космического пути - крупнейшие победы и многие досадные ошибки. Я тысячу раз готов повторить, что успехи США в космосе за последние два года могли бы быть не такими впечатляющими. Конечно, американские астронавты успешно выполнили программу полетов на кораблях «Джемини», но при нашей хорошей работе все их достижения могли бы быть лишь повторением полетов советских космонавтов. Только ошибки и пассивность нашего руководства (не летали почти два года при наличии кораблей «Восход») создали хороший фон для успехов американцев в космосе…

В 9:00 я был у Руденко, вместе с ним заходил к Вершинину. Константин Андреевич интересовался программой предстоящего полета и методом стыковки кораблей. За 15-20 минут я конспективно ответил на все вопросы Главкома и в 10 часов выехал на аэродром Чкаловская. Держалась нулевая температура, дождь «съел» весь снег, стоял густой туман. К моему приезду у самолета Ан-10 уже собрались Керимов, Карась, Кузнецов, космонавты Быковский, Комаров, Хрунов, Елисеев и еще много других гражданских и военных товарищей. Через пятнадцать минут приехал маршал Руденко. Его задержал маршал Захаров, который позвонил Руденко и сказал примерно следующее: «Чего вы с Каманиным ставите шлагбаумы кандидатам на полет от ОКБ-1? Хочет Мишин послать на Луну своих людей, пускай и посылает, не мешайте ему в этом». Маршалу Захарову совершенно необязательно знать детали подготовки космонавтов, но забыть о письме четырех маршалов в ЦК КПСС, которое он тоже подписывал, непростительно даже начальнику Генерального штаба. В письме было сказано: «Назначать в полет военных и гражданских лиц, полностью закончивших обучение в ЦПК ВВС»…

В 11:30 полковник Долгов на самолете Ил-14 произвел полет на разведку погоды. На земле в это время видимость была 300-400 метров. Долгов доложил: «Лететь можно, высота нижней кромки облачности 70 метров, видимость 700 метров». Взлет и весь полет прошли без замечаний. В хвостовом салоне разместились Руденко, Керимов, Карась и я. Полет продолжался 4 часа 10 минут, и почти все это время маршал Руденко говорил о наших взаимоотношениях с ОКБ-1, о трудностях подготовки космонавтов, о недопустимости полетов в космос слабо подготовленных людей. Все сказанное им было рассчитано на «просвещение» Керимова и Карася и, должен признать, имело немалый успех.

Посадку в Тюра-Таме мы произвели уже в темноте. Начальник полигона доложил, что помещения на 17-й и нулевой площадках законсервированы. Пришлось разместить космонавтов, экипажи самолетов и товарищей, обеспечивающих полеты Ту-104 на невесомость, в гостинице на 10-й площадке. Полковник Масленников доложил мне, что все разместились и устроились удовлетворительно, и на завтра можно планировать полет на Ту-104. Полет я разрешил и обещал добиться перевода всей нашей экспедиции на 17-ю площадку.

18 ноября.

Утром на завтраке встретился с Рязанским и Правецким, они прилетели на 4 часа позже нас: группе конструкторов во главе с Мишиным пришлось ждать летной погоды на аэродроме Домодедово более восьми часов. 16 ноября на совещании в ОКБ-1 Руденко, Керимов, Карась, Правецкий и я предлагали утром 17-го провести заседание Госкомиссии в Москве, а во второй половине дня вылететь на полигон только Керимову, Мишину, Каманину и Правецкому. Мишин закапризничал и стал убеждать нас, что утром 17-го ему надо обязательно быть на полигоне, иначе пуск будет задержан на сутки. Каприз Мишина поддержал Устинов — в результате целый день потерян впустую, правда, это не задержит пуск кораблей, как уверял нас Мишин.

В 10 часов утра Руденко и я приехали на 31-ю площадку (18-20 километров восточнее второй), где встретились с Мишиным. Более двух часов знакомились с ходом подготовки первого и второго кораблей к пуску. Пока есть все основания думать, что их пуск состоится 26-27 ноября. На коротком совещании под руководством председателя Госкомиссии Керимова (присутствовали Мишин, Руденко, Карась, Правецкий, Курушин и я) решили завтра в 16:00 провести заседание Государственной комиссии и определили его повестку дня. После обеда члены Госкомиссии поехали на 113-ю площадку для ознакомления с ходом работ по носителю Н-1.

Ракета Н-1, задуманная С.П.Королевым еще в 1960-1961 годах, будет весить на старте 2700-3000 тонн и сможет выводить на околоземную орбиту объекты весом 90-110 тонн. Первая ступень ракеты имеет 30 двигателей, общая высота ракеты — 114 метров. Строительство филиала завода, МИКа и старта для Н-1 началось на Байконуре в 1963 году и пока еще не закончено. Два заводских цеха и примыкающий к ним корпус сборки ракеты производят грандиозное впечатление. Таких громадных по размерам (более 100 метров длина, 60 метров высота и более 200 метров ширина) промышленных сооружений я еще не видел, да их и нет нигде (если не считать, что в США для ракеты «Сатурн» построен недавно подобный сборочный корпус). Работы по сборке технологического экземпляра ракеты идут полным ходом. В 1967 году ракета будет собрана, будут отработаны транспортировка ее на старт, заправка и подготовка к пуску. В 1968 году носитель Н-1 должен обеспечить полет экспедиции на Луну. Строительная площадка старта Н-1 занимает более одного квадратного километра. На расстоянии 500 метров друг от друга сооружаются два пусковых стола, а между ними и вокруг них под землей строится многоэтажный «город» с сотнями комнат и специальных помещений. Осматривая это чудесное творение гения Королева, я восхищался успехами нашей техники и

одновременно с грустью отмечал, что за последние пять лет на полигоне ничего не сделано по улучшению условий для подготовки космических экипажей.

…Сейчас уже десятый час вечера. Более четырех часов продолжается беседа Руденко с Мишиным (организовали эту встречу я и Керимов). Мы договорились с Руденко дать согласие Мишину на включение в состав основного и запасного экипажей 7К-ОК (№ 3 и № 4) по одному кандидату от ОКБ-1. В предвидении такого варианта решения нашего спора с ОКБ-1 я сформировал экипажи в следующем составе: основной экипаж — Комаров, Быковский, Хрунов, Елисеев; запасный экипаж — Гагарин, Николаев, Горбатко, Кубасов.

В районе Москвы очень плохая погода (туман). За неделю мы выполнили там только один полет на Ту-104 на невесомость, а нужно за месяц выполнить минимум 24 полета. Такое положение могло привести к срыву подготовки космонавтов к середине декабря. Пришлось вчера перегнать Ту-104 и два обслуживающих самолета Ан-12 на аэродром Тюра-Там и проводить здесь тренировки космонавтов в невесомости. Сегодня Ту-104 произвел первый полет на невесомость.

…Уже более пяти часов длится беседа маршала и Главного конструктора. Хочется верить, что они найдут пути для прекращения распрей между ОКБ-1 и ВВС.

19 ноября.

Вчера вечером Руденко вернулся от Мишина очень поздно — их беседа длилась около шести часов. Более часа маршал рассказывал мне об их беседе, но для меня в его рассказе не было ничего нового. Мишин вновь требовал подготовить кандидатов от ОКБ-1 к предстоящему полету, он согласился иметь на лунных кораблях (Л-1, Л-3) в качестве командиров кораблей космонавтов ВВС, но настаивает на том, чтобы вторыми пилотами (испытателями) были представители ОКБ-1. В итоге, Руденко сдал наши позиции, дав согласие Мишину на включение в основной экипаж 7К-ОК двух «выходящих» от ОКБ-1 (Елисеев, Кубасов). Маршал был сегодня на аэродроме, беседовал с Масленниковым, космонавтами, инструкторами и приказал вызвать Кубасова 21 ноября из Москвы, а вместо него в Москве возобновить подготовку Волкова.

Более полугода я вел с Мишиным принципиальную борьбу за высокое качество и обоснованные сроки подготовки космонавтов. В этой борьбе меня поддерживали шесть маршалов: Малиновский, Гречко, Захаров, Крылов, Вершинин и Руденко. Мишина поддерживали Устинов, Сербин, Смирнов, Пашков, Келдыш, Афанасьев, Петровский. В последнее время ЦК КПСС и Совмин усилили нажим на военных, и маршалы забыли о своем письме и резолюциях в защиту интересов обороны страны и безопасности космических полетов. Первым сдался маршал Захаров, а потом Руденко испугался телефонного звонка Захарова («Почему ставите шлагбаумы кандидатам от ОКБ-1?») и заявления Келдыша о том, что ВВС срывают подготовку полета. Раза три я пытался вернуть Руденко на наши прежние согласованные позиции. Победа была уже близка — на встрече в ЦК КПСС 16 ноября мне удалось убедить Сербина и Строганова, что «выходящими» надо послать в полет одного сильнейшего из ВВС (Хрунов) и одного, лучше других подготовленного, от ОКБ-1 (Елисеев). Нужно было продержаться еще 10-15 дней, но у маршала не выдержали нервы («Лбом стенку не пробьешь! За них — все, а нас даже наше начальство отказалось поддерживать -мы с тобой остались только вдвоем…»). Однако, меня Руденко не переубедил: борьбу еще можно продолжать, но теперь уже против всех, без союзников и другими методами.

Сегодня провели заседание Госкомиссии. Членов Госкомиссии было только семь: Керимов, Мишин, Руденко, Карась, Правецкий, Курушин и я. Из главных конструкторов были Рязанский, Мнацаканян, Ткачев и другие, всего же на заседании присутствовали более 100 человек. Для меня это было первое заседание Госкомиссии на полигоне без С.П.Королева. В повестке дня были следующие вопросы:

1. О ходе подготовки изделий № 1 и № 2 - докладчики П.М.Катаев (в/ч 44275), А.И.Осташев (п/я 651), М.Ф.Шум (филиал п/я 651).
2. Готовность контрольно-измерительного комплекса — А.П.Романов (в/ч 32103).
3. Готовность средств поиска — С.П.Сибиряков (ВВС).
4. Обсуждение состава оперативных групп — И.Е.Юрасов (п/я 651).
5. Программа полета — К.П.Феоктистов (п/я 651).
6. О готовности изделий № 3 и № 4 и принятие решения об их отправке на полигон — В.П.Мишин (п/я 651).

Приняли решение продолжать подготовку ракет и кораблей к пускам. Пуск активного корабля назначен на 26 ноября, пуск пассивного корабля — на 27 ноября.

На заседании произошел неприятный инцидент. Председатель Госкомиссии Керимов нетактично запретил генерал-лейтенанту Карасю задать вопрос конструктору Мнацаканяну. Карась возмутился и между ними произошла некрасивая перепалка.

20 ноября.

Сегодня воскресенье, но мы работаем. В 10 часов утра слушали доклад Феоктистова о программе полета. Программа полета каждого корабля рассчитана на четверо суток. Самым важным являются маневр, сближение и автоматическая стыковка кораблей. Если при пуске пассивного корабля удастся вывести его на удаление не более 20 километров от активного, то стыковка может осуществиться на первом-втором витке пассивного корабля, а если удаление окажется больше 20 километров, то потребуются сутки на маневр и сближение кораблей.

После утверждения программы полета Руденко, я и Правецкий поехали на аэродром. Я обещал Правецкому взять его с собой в полет на невесомость на Ту-104, но оказалось, что из 12 членов экипажа самолета можно безболезненно для полетного задания снять с борта только одного человека, место которого занял я. Перед Правецким пришлось извиниться.

Отличная среднеазиатская погода сегодня нахмурилась. На высоте 7000 метров была еще облачность, а для безопасного проведения горок на самолете Ту-104 нужна хорошая видимость горизонта: на этой высоте самолет разгоняется до максимальной скорости и затем переходит в резкий набор высоты (с 7000 до 10000 метров). В момент прекращения набора высоты на 20-25 секунд возникает невесомость - вот эти-то очень короткие секунды мы и используем для тренировки космонавтов. Сегодня со мной на невесомость летали Комаров, Быковский, Хрунов и Елисеев. Хрунов выполнял упражнение по переходу из бытового отсека пассивного корабля в бытовой отсек активного корабля. Елисеев отрабатывал выход из корабля и вход в корабль. Громоздкий скафандр, 50-

килограммовый ранец на ногах и резкое перемежение невесомости с перегрузками делают эти упражнения очень тяжелыми, но Хрунов и Елисеев выполнили задание хорошо. Я чувствовал себя в полете отлично, на всех горках я был отвязан и в непосредственной близости наблюдал работу космонавтов.

Вчера Мишин показал мне шифр-телеграмму от Охапкина и Цыбина. Они вносят предложение, чтобы один из выходящих космонавтов отошел от корабля на 10 метров (с тросом) и заснял на кинопленку состыкованные корабли и переход другого космонавта из одного корабля в другой. Леонов и американские астронавты по нескольку раз отходили от корабля, но для выполнения этого задания они очень много тренировались. Ставить космонавтам за месяц до полета такую трудную задачу, по меньшей мере, легкомысленно — ни один из гражданских кандидатов к ней не подготовлен. Такое задание может выполнить только Хрунов (он имеет более 50 полетов на невесомость), но и ему необходимо выполнить дополнительно 8-10 полетов, чтобы уверенно подготовиться к этому эксперименту. За 4 дня Ту-104 (командир корабля полковник Таюрский) сделал пять полетов на невесомость. Если летать с такой максимальной нагрузкой, то до 10 декабря можно выполнить программу-минимум (24 полета), но для дополнительных полетов времени не остается. Я попросил Мишина и Керимова завтра решить, кого готовить на отход от корабля на 10 метров.

Вечером Руденко, Керимов, Правецкий и я были в бане. Рекорд установил Руденко — он пять раз лазил на самый верхний полок и находился в бане два часа. Я мылся не более 15 минут и в парную не ходил. После ужина решили посмотреть кино, но киномеханик полчаса не мог наладить показ картины. Плюнув на всю эту бестолковщину, я пошел на свежий воздух. На улице моросил мелкий дождь, все небо было закрыто облаками, погода продолжала ухудшаться. Напротив здания экспедиции ОКБ-1 просматривались небольшие, но известные всему миру домик космонавтов и домик Сергея Павловича Королева. Они были пусты, только у Мишина горел свет. Я долго гулял в садике между домиком космонавтов и домиком Королева. За шесть лет тут были сотни интереснейших встреч с Королевым, космонавтами и многими из тех, кто готовил первые космические полеты. Вспомнились беседы с Королевым один на один. Было много случаев, когда мы расходились во мнениях, спорили, искали самые лучшие решения, но мы никогда не заходили в тупик. Королев, безусловно, лучше Мишина знал технику и условия космических полетов, а главное — он лучше знал людей. Он был очень волевым, мог принимать твердые решения, но он знал также, что иногда нужно и посоветоваться, послушать мнение специалистов и найти согласованное решение. Мишин хочет, чтобы в нем тоже видели волевого руководителя, и пытается копировать действия Королева, но не имея авторитета, опыта и знаний, какими обладал Сергей Павлович, он часто попадает в неприятные ситуации.

21 ноября.

Погода продолжает портиться, появилась угроза срыва полетов на невесомость. Принимаю меры к возможному перебазированию Ту-104 и группы космонавтов в Мары или Красноводск.

После завтрака Руденко, Керимов и я зашли к Мишину. Договорились к 11:00 собраться на 31-й площадке, послушать космонавтов о ходе подготовки к полету и решить вопрос о дополнительной тренировке по отходу от космического корабля на 10 метров. Феоктистов, Осташев и другие ведущие специалисты ОКБ-1 считают, что полет пилотируемых кораблей невозможно осуществить раньше 5-15 января, а Мишин «жмет» на 25 декабря. Разница в сроках пуска на 15 дней имеет колоссальное значение и для нас - нам дорог каждый лишний день для подготовки космонавтов. Сегодня утром Мишин еще раз подтвердил, что надо ориентироваться на пуск 25 декабря, а это значит, что на подготовку космонавтов в нашем распоряжении осталось только 20 дней.

В 11:00 на 31-й площадке состоялась намеренно устроенная мной встреча космонавтов с руководством Госкомиссии. Присутствовали Керимов, Мишин, Руденко, Каманин, Комаров, Быковский, Хрунов, Елисеев, Масленников, Ващенко, Моисеенко, Анохин и другие. Мишин рассказал о ходе подготовки кораблей 7К-ОК №№ 1, 2, 3, 4 к пуску, обратил внимание на то, что 7К-ОК — это базовый корабль для Л-1 и Л-3, и что освоение маневра и стыковки необходимо нам для открытия «зеленой улицы» космическим полетам к Луне. Василий Павлович предупредил, что сроки полетов приближаются, и поэтому космонавтам надо умело использовать каждую минуту на подготовку к полету. Керимов и Мишин задавали много вопросов, отвечали им, в основном, Моисеенко, Масленников и Комаров. Особенно удачно выступил Комаров. Он убедительно доказал, что необходимо немедленно начать предполетные тренировки экипажей и попросил разрешения Госкомиссии продолжать тренироваться экипажам в составе: Комаров, Быковский, Хрунов, Елисеев и Гагарин, Николаев, Горбатко, Кубасов. Мишин дал согласие на тренировки в таком составе, что равносильно его решению по составу основного и дублирующего экипажей. После того, как экипажи выполнят все тренировки, маловероятно, чтобы кто-нибудь внес предложение об изменениях в их составе.

Для меня еще неясно, что повлияло на Мишина, — долгая ли беседа его с маршалом Руденко или моя встреча в ЦК с Сербиным и Строгановым (16 ноября Сербин и Строганов согласились с моим предложением послать в полет Хрунова и Елисеева). Однако, появилась новая угроза качеству подготовки основного экипажа. Дело в том, что полковник А.Н.Душин (КГБ) сообщил мне дополнительные сведения к биографии Елисеева. В свое время он сменил отцовскую литовскую фамилию Курейтис на фамилию матери (Елисеева). Его отец, Курейтис Станислав Адамович, в 1935 году был осужден на 5 лет за антисоветскую агитацию. В данное время отец Елисеева работает в Москве начальником лаборатории Центрального научно-исследовательского института кожевенно-обувной промышленности. Елисеев в 1966 году расторгнул брак с гражданкой Шкаликовой, от которой у него есть дочь 1960-го года рождения, и женился на Комаровой.

Кроме согласия на смешанную пару «выходящих», Мишин сделал еще один крупный шаг для сближения с ВВС. Ранее он несколько раз грозился лично проверить знания военных космонавтов и поставить им «двойки», а сегодня дал согласие на оформление приказом Главкома ВВС экзаменационной комиссии с председателем от ВВС и одинаковым количеством членов от промышленности и Министерства обороны. Сегодня Мишин нечаянно проговорился мне и Руденко, что 16 ноября в ответ на его жалобу на сложность отношений с ВВС Устинов сказал: «Я вас мирить не буду, сами найдите общий язык с ВВС». Вот где основная причина потепления наших отношений. Теперь я буду делать все возможное, чтобы закрепить наметившуюся тенденцию к лучшему взаимопониманию.

22 ноября.

Накануне поздно вечером между Руденко и Мишиным опять состоялся длинный разговор. Во время их встречи звонил секретарь ЦК Устинов, на его вопрос: «Какие у вас взаимоотношения с ВВС, и как идет работа?», — Мишин ответил: «Работаем с ВВС дружно, вот сейчас рядом со мной маршал Руденко, принимаем все меры, чтобы уложиться

в установленные вами сроки полета. Космонавты летают на невесомость». Устинов в разговоре с Руденко сказал: «О всех ваших делах я докладывал Брежневу, нас всех беспокоит большая активность американцев. Надо сделать все возможное, чтобы уже в этом году иметь новые успехи».

Маршал Руденко показал Мишину сведения КГБ к биографии Елисеева. Оказалось, что Мишин знает эти данные, и у него нет полной уверенности, что Елисееву разрешат лететь. Мишин просил форсировать подготовку Кубасова, но и тренировки Елисеева не прекращать. Я позвонил полковнику Душину и еще раз попросил выслать нам официальное заключение КГБ на Елисеева.

Вчера Феоктистов провел занятия с космонавтами на корабле № 1. Главная тема занятий — обеспечение безопасности перехода из корабля в корабль и киносъемка состыкованных кораблей и самого процесса перехода. Для выполнения предложенной специалистами ОКБ-1 киносъемки одному из выходящих космонавтов надо отойти на тросе на 10 метров от корабля. Подготовить такой выход за месяц до полета оказалось сложным делом даже для Хрунова. Космонавты предложили рассмотреть возможность съемки с использованием 10-метрового выдвижного штатива. Феоктистов и Мишин поддержали предложение космонавтов и дали задание Бушуеву проработать этот вариант.

Руководство Госкомиссии заслушало обстоятельный доклад А.И.Осташева (руководитель испытаний от ОКБ-1) о ходе подготовки пилотируемых кораблей. Без сокращения сроков проверок и испытаний и без перенапряжения людей (испытатели работают по 12-14 часов в сутки) корабли будут готовы к пуску 5 января 1967 года, но если дополнить команду испытателей сотней офицеров от полигона и полсотней специалистов от промышленности, а также сократить продолжительность некоторых операций, то возможно окончание подготовки кораблей к 25-29 декабря. Решили готовить пуск на конец декабря. Я предложил использовать для помощи испытательным бригадам 22 слушателя-космонавта. Осташев и Мишин встретили это предложение с восторгом. Для слушателей практика работы на кораблях 7К-ОК будет самой лучшей учебой - на полигоне они увидят очень много полезного и интересного, а кроме всего прочего, внося такое предложение, я имел в виду дальнейшее укрепление связей ВВС с ОКБ-1.

Сегодня Керимов, Мишин, Руденко, Карась и я в 11 часов были на аэродроме, где осмотрели оборудование самолета Ту-104 и побеседовали с космонавтами о трудностях полетов на невесомость. Самолет был готов для полетов 5 ноября, но до 17 ноября удалось выполнить всего один полет, а за пять суток пребывания на аэродроме Тюра-Там уже выполнено шесть полетов. Здесь все дни — голубое небо, а в районе Москвы — туманы с видимостью 200-100 метров. Из Москвы второй день не могут вылететь два Ил-14 со слушателями-космонавтами, их не выпускают к нам по погодным условиям. Для выполнения минимальной программы полетов для тренировок в невесомости нам необходимо выполнить еще 17 полетов, плюс два полета на медицинские исследования и 6-8 полетов на обеспечение подготовки киносъемки состыкованных в космосе кораблей. Таким образом, всего потребуется еще 25-27 полетов, и если удастся сохранить тюра-тамский темп тренировок, то нам нужно 23-24 дня — это настолько жесткие сроки, что один день простоя из-за погоды грозит срывом всей программы тренировок.

Выход из этой трудной обстановки еще возможен: назначить в полет хорошо подготовленных Хрунова и Горбатко. Второй, менее удачный вариант комплектования основного экипажа — Комаров, Быковский, Хрунов, Елисеев — тоже дает некоторую гарантию выполнения полетного задания. Неделю назад я принял решение готовить первый экипаж в составе: Комаров, Быковский, Хрунов, Елисеев, а второй — в составе: Гагарин, Николаев, Горбатко и Кубасов. С 16 ноября подготовка экипажей ведется в таких составах, но маршал Руденко своей властью вызвал сюда Кубасова (я был категорически против его вызова) и сейчас здесь трое «выходящих». Руденко и Мишин приняли «мудрое» решение: готовить трех «выходящих», пусть, мол, они соревнуются — полетят двое лучших из трех. Сегодня Руденко и Мишин объявили космонавтам это решение. Все космонавты и их тренеры обескуражены таким распоряжением, оно может очень вредно отразиться на качестве подготовки космонавтов и безопасности полета. О каком, спрашивается, соревновании может идти речь, если Хрунов имеет 52 полета в скафандре на невесомость, Елисеев — 16, а Кубасов — 3? Дав такое головотяпское распоряжение прямо космонавтам, что называется «через мою голову», Руденко улетел в Карши, Мишин и Керимов уехали на вторую площадку, и теперь мне вместе с космонавтами придется распутывать «ребусы» руководителей.

Если когда-нибудь кто-либо будет читать эти строки, то непосвященному в тонкости нашего дела человеку может показаться, что промышленность (Мишин) и ВВС (Каманин) вели длительную борьбу только из-за ведомственных разногласий по вопросу о том, кого назначать в полет с выходом из корабля — военных космонавтов (Хрунов и Горбатко) или гражданских (Елисеев и Кубасов). По существу же борьба идет из-за наших принципиальных расхождений. Мы (ВВС) за то, чтобы в космос летали тщательно отобранные люди, получившие длительную специальную подготовку. Конечно, в будущем в качестве пассажиров в космос станут летать и дети, и женщины, и старики, но членами экипажей космических кораблей всегда будут специально подготовленные космонавты. Если сейчас послать в полет плохо подготовленных людей, то это может привести к тяжелой катастрофе, которая будет позором для СССР и затормозит наши работы по освоению космоса. Но если даже полет окажется удачным, то он принесет нам не меньшие неприятности: победят легкомысленные люди, ратующие за участие в космических полетах почти неподготовленных людей (Мишин и Правецкий добивались моего согласия на полет 56-летнего Анохина и на подготовку к полету за один месяц Макарова). Боясь неприятностей от начальства, маршал Руденко пошел почти на полную капитуляцию и сейчас заискивает перед Мишиным. Я капитулировать не буду. Возможно мне придется уйти с работы раньше времени (лбом стенку не прошибешь!), но я не изменю своей совести и убеждениям. Я фактически отменил распоряжение маршала Руденко, председателя Госкомиссии Керимова и технического руководителя Мишина, приказав полковнику Масленникову, подполковнику Моисеенко и всем космонавтам продолжать подготовку к полету в составе экипажей, определенных мною 16 ноября.

Сегодня я три раза слушал выступления Елисеева, задавал ему вопросы, наблюдал его работу по подготовке к полету. Мое впечатление: Елисеев — сильный, ловкий и волевой человек, грамотный и культурный инженер. За год-полтора из него можно было бы подготовить хорошего космонавта, очень жаль, что мы занимаемся с ним менее трех месяцев. Кубасова я знаю меньше, но мне кажется, что его способности более скромные. Сегодня я крепко отчитал Хрунова — самого ловкого и выносливого из наших космонавтов (для выхода в космос у нас нет человека, подготовленного лучше, чем он). Хрунов допускает неряшливость в речи: говорит «штука» вместо слова «карабин», употребляет и другие словечки и выражения, режущие слух.

Только что говорил с Мусей по телефону. Я уже скучаю по моей старушке, по Оленьке и малому.

23 ноября.

Прекрасное морозное тихое утро, мороз около пяти градусов, снега нет, видимость бесконечная, голубое небо над нами — погода в Тюра-Таме нас пока балует…

Сегодня был на 17-й площадке. С марта 1965 года тут многое изменилось к лучшему: построена высокая и очень красивая телевизионная башня, заканчивается строительство водоочистительного сооружения на Сырдарье, улучшены дороги и планировка территории, больше стало деревьев. С удовольствием постоял у вязов, посаженных космонавтами. Я принимал участие в посадке деревьев вместе с Комаровым, Феоктистовым, Егоровым, Беляевым и Леоновым. Деревья остальных космонавтов посажены без их участия энтузиастами Звездограда. Теннисный корт, баскетбольная, волейбольная и другие площадки в полном порядке, но сейчас космонавты загружены до предела предполетной подготовкой и мало занимаются спортом.

Улетая в Карши, маршал Руденко собирался вернуться не раньше 24 ноября, но уже вчера вечером стало известно, что сегодня в 6:00 по московскому времени он вылетит обратно в Тюра-Там. По-видимому, он говорил по телефону с Вершининым, и тот передал ему требование ЦК немедленно согласовать с МОМ (Мишин, Керимов) проект письма в ЦК КПСС о космонавтах-испытателях и космонавтах-исследователях. Министерству обороны и ВВС это письмо совершенно не нужно, значительно изменилась и цель постановки данного вопроса со стороны МОМ. Главная причина разногласий заключена в позиции, занятой Минздравом. Мы категорически отвергаем все попытки Минздрава присвоить себе руководящую роль в отборе космонавтов и в медико-биологической подготовке орбитальных космических полетов. Институт В.В.Парина (ИМБП — Ред.) создан для того, чтобы заниматься проблемами длительных (до года и более) полетов, а не мешать военным (как это часто случается сейчас) в освоении ближнего космоса. На днях у меня была длительная беседа с В.И.Правецким (начальник 3-го Главного управления Минздрава) по его инициативе. Встреча началась с того, что Правецкий сказал: «Николай Петрович, вы и руководство ВВС часто загоняете нас в угол и не даете возможности дышать…», но беседа оказалась полезной: договорились, что будем пытаться идти на сближение, на более четкое разграничение задач между институтами космической медицины и упрочение взаимодействия.

Несколько раз беседовал с генерал-лейтенантом А.Г.Карасем — начальником Центрального управления космических средств (ЦУКОС). Ведомство генерала Карася и он лично в очень большой степени виноваты в наших сегодняшних отставаниях. Это они загубили серию кораблей «Восход» из-за глупейшего эксперимента с искусственной гравитацией и они же готовили резолюции маршала Малиновского типа: «Корабли «Восход» не имеют военного значения…«Востоки» очень дороги, заказывать их не будем…» Долгое время они недооценивали роль и значение человека в космическом полете, эта недооценка продолжает сказываться и сейчас на кораблях серии «Союз» (маневр и стыковка) и на наших лунных кораблях. Я несколько лет упорно боролся против позиции ракетных войск, реализуемой в деятельности ЦУКОС. Надо признать, что в этой борьбе на мою долю выпало больше неприятностей, чем побед. Но были и победы, и главная из них — признание активной роли космонавта в управлении космическим кораблем. За последние два года наши «сражения» несколько поутихли. Сейчас Карась ищет нашей поддержки в своих разногласиях с Мишиным и Керимовым. Я обещал ему, что интересы Министерства обороны мы будем защищать вместе и общими усилиями будем пытаться сглаживать шероховатости в личных взаимоотношениях между членами Госкомиссии.

В 12 часов по местному времени из Карши вернулся маршал Руденко. Он немного приболел. Мы разместили его на 17-й площадке в доме Челомея и поручили заботам врачей. Я пока остаюсь на второй площадке. Сегодня вечером Керимов предложил мне переехать поближе к космонавтам, но до пуска (27-28 ноября), пожалуй, лучше быть здесь.

На сегодня космонавты произвели уже 9 полетов на невесомость из 12 запланированных, завтра выполнят еще два. 25 ноября — день профилактики самолета Ту-104. Я решил не задерживать здесь основной экипаж на 2-3 дня из-за одного полета и завтра вечером отправить его в Москву. Сегодня больше часа занимался с Комаровым и Быковским — мы уточнили объем тренировок на тренажере, количество «подъемов» в барокамерах, готовность членов экипажа к проведению научных и военных экспериментов, бегло рассмотрели целый ворох полетной документации. Вывод один: и здесь, и в Москве еще очень много работы. Дал команду Кузнецову, Гагарину, Николаеву и Горбатко прилететь сюда на самолете Ан-12, который должен доставить на полигон подогреватель для Ту-104 и одну автомашину «Волга». Маршал Руденко утвердил все мои мероприятия, в том числе отправку в Москву на самолете Ил-14 Комарова, Быковского, Хрунова и Елисеева.

Вчера Москва из-за тумана не приняла и не выпустила ни одного самолета, даже самолет английского премьера Вильсона вынуждены были посадить в Ленинграде. Сегодня в 10 часов по московскому времени к нам вылетели два Ил-14 со слушателями-космонавтами.

24 ноября.

Вчера в 21 час по местному времени два Ил-14 со слушателями наконец-то добрались до нас. Вместе с ними прилетели генерал Карпов, Борис Егоров и другие врачи. Завтра слушатели вольются в состав испытательных бригад и будут помогать готовить корабли 7К-ОК к полетам.

Утром провел совещание со слушателями, поставил перед ними задачу образцово поработать на сборке и испытаниях 7К-ОК, изучать корабли Л-1 и основное оборудование полигона. Работы и занятия будут продолжаться до 1-15 января 1967 года. Командир отряда слушателей-космонавтов полковник Беляев высказал мне свои сомнения в ценности такой стажировки и пожелание поменьше ломать учебную программу подготовки слушателей. Я выразил Беляеву сожаление в том, что он недооценивает представившейся возможности поработать слушателям на «живых» кораблях, которые будут готовиться в полет с их участием.

Сегодня перебрался на 17-ю площадку в домик космонавтов. В течение 6 лет для размещения космонавтов на полигоне использовались строения 10-й, 2-й и 17-й площадок, сейчас готовится дом для космонавтов и на 31-й площадке. Все эти помещения нас совершенно не удовлетворяют. Еще в 1961 году вместе с С.П.Королевым мы поставили перед Министерством обороны вопрос о строительстве на полигоне комплекса зданий и сооружений для подготовки космонавтов к полету, но из-за ведомственных раздоров между ВВС и РВСН этот вопрос долго не решался. Только в октябре 1965 года мне удалось добиться письменного распоряжения маршала Гречко и согласия маршала Крылова на строительство комплекса. Крылов, правда, не согласился с моим предложением о месте строительства. Я предлагал строить комплекс на берегу реки Сырдарьи на 17-й площадке, а Крылов — на 113-й

площадке, рядом со стартом Н-1. Сегодня я имел возможность детально разобраться в преимуществах и недостатках 17-й и 113-й площадок. 113-я площадка имеет только одно преимущество: близко старт Н-1. Зато 17-я площадка равно удалена от многих стартов (30-40 километров), совершенно изолирована от посторонних лиц, имеет отличный микроклимат (300 метров от реки), на прилегающих территориях много зелени, заложен спортивный комплекс и парк космонавтов.

Имеющиеся на 17-й площадке три дома (домик космонавтов, дом Челомея и домик топографической команды) на ближайшие 1-2 года как-никак обеспечат размещение космонавтов на полигоне, но для высококачественной подготовки их к будущим полетам необходимо немедленно начать строительство комплекса. Месяца три назад я принимал в Москве группу проектантов комплекса. Проект, в основном, закончен. В комплекс входят: спальные комнаты на 80-100 человек, комнаты отдыха, учебные классы, медицинские кабинеты, спортивный зал, бассейн, столовая, кинозал. Сегодня я говорил с маршалом Руденко и Правецким, оба обещали на заседании Госкомиссии поддержать мое предложение о постройке комплекса не на 113-й, а на 17-й площадке. Возражение маршала Крылова против строительства на 17-й площадке обосновывалось тем, что в непосредственной близости от водозаборных сооружений нельзя строить жилые здания. С этим возражением можно согласиться и внести поправку в мое предложение — строить комплекс не восточнее, а западнее существующего домика космонавтов, при этом комплекс удаляется от реки еще на 200-300 метров, что вполне удовлетворяет санитарным требованиям.

Звонил в Москву, дома все нормально, но Муся жалуется на боли в области послеоперационного шва. В Москве и сегодня туман с видимостью 100-200 метров, метеослужба не обещает хорошей погоды и ночью. Возможно, придется отправлять Ил-14 с Комаровым, Быковским, Хруновым и Елисеевым до Горького (от Горького до Москвы они смогут добраться поездом). При таком варианте завтра космонавты будут уже в Москве и приступят к тренировкам. Очень вероятно, что и группу Гагарина придется отправить из Москвы в Горький поездом, а из Горького в Тюра-Там - на самолете Ил-14.

Заходил полковник Масленников, он только что вернулся с аэродрома. Сегодня, как и вчера, Ту-104 выполнил два полета на невесомость, а всего в Тюра-Таме за 7 дней сделано 10 таких полетов. Теперь Хрунов имеет 56, а Елисеев — 20 тренировок в невесомости.

25 ноября.

7 часов утра, на востоке за Сырдарьей разгорается заря — опять будет отличное морозное утро и много синевы над головой. Сегодня на самолете Ту-104 проводится профилактика — полетов не будет.

В наши планы обменяться экипажами за один день погода внесла свои коррективы. Оказалось, что вчера к вечеру не только район Москвы был покрыт плотным туманом, но и на всей громадной территории от Куйбышева до Минска и от Ленинграда до Ростова были прекращены всякие полеты. Я выпустил самолет Ил-14 с космонавтами 24 ноября в 15:30, надеясь, что они сумеют добраться до Горького или хотя бы до Куйбышева, но даже это скромное намерение не удалось выполнить: Горький и Куйбышев закрыло туманом, и самолет «заночевал» в Актюбинске. Поздно вечером звонил из Москвы генерал Кузнецов — он надеется, что 25 ноября ему с группой Гагарина удастся вылететь к нам на Ан-12. Я разрешил ему любой вариант перелета, который может обеспечить прибытие космонавтов на полигон к исходу 25 числа.

Вчера у меня был «медицинский день»: я вел длительные беседы с руководителями космической медицины. Между генералом Карповым и нашими медиками, с одной стороны, и Правецким, Егоровым и другими представителями Минздрава, с другой, - установились нормальные отношения. Карпов и Егоров доложили, что они согласовали все вопросы медицинского обеспечения предстоящего полета, создали единую медицинскую бригаду (36 человек), готовят помещения, завезли аппаратуру и уточняют методику проведения работ. Я приказал Карпову внимательно разобраться с задачами и методикой научных исследований, выполняемых группой врачей Института авиационной и космической медицины на самолете Ту-104 при полетах на невесомость. Мне кажется, что эти работы проводятся в отрыве от тренировок космонавтов и не направлены на их совершенствование. Посоветовался с Карповым по поводу перевода Газенко из нашего института в Академию наук и о кандидатах на его место. Карпов за перевод Газенко, но он категорически против назначения на освобождаемую им должность (заместитель начальника института по науке) Искакова, Генина или Яздовского. Я просил Карпова подумать и назвать мне других кандидатов.

Сегодня получил от маршала Вершинина интересную выписку из сообщений ТАСС от 19 ноября 1966 года.

«Изменение графика осуществления проекта «Аполлон». Нью-Йорк. 17 ноября. Корреспондент агентства «Юнайтед Пресс Интернэшнл» передает с мыса Кеннеди: Американское Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства, ссылаясь на трудности с ракетами и кабинами, сегодня изменило график осуществления проекта «Аполлон» и отменило один орбитальный полет с участием трех астронавтов, который был назначен на эту зиму. Изменение графика, очевидно, преследует цель обеспечить возможность своевременного выполнения американской программы полета на Луну, хотя НАСА об этом не заявило. По новому графику отменяется второй полет пилотируемой кабины «Аполлон» с астронавтами Уолтером Ширрой, Доном Эйзелом и Уолтером Каннингемом. Кроме того, по новому графику передвигается срок первого испытания в полете ракеты «Сатурн-5».

Первый орбитальный пилотируемый полет «Аполлона», который должны совершить Вирджил Гриссом, Эдвард Уайт и Роджер Чаффи, будет проведен, как было намечено первоначально, в первом квартале будущего года. Полагают, что он может состояться не раньше февраля.

Второй орбитальный пилотируемый полет «Аполлона» должен был состояться тоже в первом квартале 1967 года, но по новому плану этот полет вообще отменяется. НАСА заявило, что Ширра, Эйзел и Каннингем теперь составят резервный экипаж для первого полета «Аполлона». Экипаж, который сначала был назначен в резерв для этого полета, будет переключен на более поздний полет.

По новой программе полетов на 1967 год в рамках проекта «Аполлон» за полетом «Аполлона-1» последует первый непилотируемый полет малого лунного корабля с помощью ракеты «Сатурн-1». За этим последует двойной запуск: сначала запуск корабля «Аполлон» с помощью ракеты «Сатурн-1», а день спустя — запуск с помощью такой же ракеты непилотируемого малого лунного корабля, предназначенного для посадки на Луну. Пилотируемый корабль «Аполлон» затем проведет маневр встречи с лунным кораблем на орбите вокруг Земли, чтобы прорепетировать операции для последующих полетов на Луну.

НАСА по-прежнему стремится осуществить полет людей на Луну к 1969 году. Как сообщило управление, второй

непилотируемый полет гигантской лунной ракеты «Сатурн-5» передвинут с первого полугодия 1967 года на второе полугодие. Первый пилотируемый орбитальный полет с помощью ракеты «Сатурн-5» был назначен на конец 1967 года, и НАСА заявило, что этот план остается в силе. Если все будет идти, как намечено, четвертый запуск трехступенчатой ракеты «Сатурн-5», может быть, будет попыткой посадить пилотируемую кабину на Луну. Возможно, что эта попытка будет предпринята в первой половине 1968 года, хотя считается, что скорее всего, она будет сделана в конце 1968 года.

НАСА сообщило, что проблемы отработки систем, которые привели к изменению графика, в основном, вращаются вокруг трех моментов, а именно:

— неудача с системой охлаждения кислорода для космического корабля «Аполлон-1» во время испытания в барокамере на мысе Кеннеди;

— уничтожение отсека корабля «Аполлон», где размещаются большой двигатель и запасы для астронавтов, во время испытаний в Сил-Бич (штат Калифорния) в прошлом месяце; этот отсек предназначался для первого запуска ракеты «Сатурн-5», и теперь он будет заменен отсеком, который готовился для отмененного второго пилотируемого орбитального полета;

— целый ряд проблем со второй ступенью ракеты «Сатурн-5»; первый экземпляр этой ступени еще не испытан, и его доставка на мыс Кеннеди запаздывает уже на четыре месяца».

Несколько месяцев назад НАСА широко оповестило весь мир, что первый полет «Аполлона» с экипажем на борту состоится в декабре текущего года. Перенос этого полета на первый квартал 1967 года дает нам возможность до его осуществления выполнить 3-5 полетов пилотируемых кораблей. Вполне выполнимо примерно такое задание: запустить два «Союза» в декабре, один «Восход» — в январе и два «Союза» — в феврале 1967 года. По словам Мишина и других руководителей промышленности, такой план вполне реален, но Мишину и промышленникам мы уже разучились верить.

Вчера Мишин закатил очередную истерику. Беляев согласовал с Осташевым, Анохиным и Феоктистовым план занятий со слушателями-космонавтами на ближайшие три дня, но когда Осташев попытался доложить этот план Мишину, тот сразу взорвался и очень грубо накричал на него. Беляев, Ващенко и Никерясов, которые в числе многих других присутствовали при этом, были глубоко возмущены этой унижающей Мишина сценой.

26 ноября.

Вчера в 16:30 по местному времени прилетел Ан-12, на котором на полигон прибыли Кузнецов, Гагарин, Николаев, Горбатко, Колодин и Белоусов, а в 13:00 по московскому времени самолет Ил-14 с экипажем В.М.Комарова произвел посадку в Москве. Таким образом, обмен экипажами произведен вовремя, и сегодня экипаж Гагарина уже выехал на аэродром для полетов на Ту-104 на невесомость.

Беседовал более часа с Кузнецовым, Гагариным, Николаевым и другими, объяснил им обстановку (резкое улучшение взаимоотношений с ОКБ-1), рассказал о решениях Госкомиссии и поставил задачу на ближайшие дни. Особо предупредил всех, чтобы не допускали рецедивов периода нашей «холодной войны» с ОКБ-1. Гагарина, Николаева и других особенно волновали вопросы организации экзаменов и проверки подготовленности экипажей к космическому полету, так как Мишин неоднократно публично заявлял, что он лично будет проверять космонавтов ВВС и по знанию космической техники поставит им «двойки». За время пребывания на полигоне нам удалось уладить и этот вопрос. 22 ноября маршал Руденко написал, а Мишин завизировал приказ о назначении экзаменационной комиссии из 13 человек. Председателем комиссии назначен я, заместителями — Цыбин и Кузнецов. От ОКБ-1, кроме Цыбина, в состав комиссии вошли Анохин и Раушенбах.

Вчера вечером провели заседание Государственной комиссии. Повестка дня включала семь пунктов.

1. Состояние работ по объектам 11Ф615 № 1 и № 2 (кораблям «Союз» — Ред.) и изделиям 11А511 № 1 и № 2 (ракетам-носителям «Союз» — Ред.) и готовность их к завершающим операциям. Предложения по дальнейшим работам. План работ на стартовой позиции. Докладчики: инженер-подполковник Катаев Павел Михайлович, Осташев Аркадий Ильич, Шум Михаил Федорович.

2. Готовность основных систем объектов и изделий к обеспечению дальнейших работ.

Докладчики по системам объектов: Богомолов Владислав Николаевич, Лаврентьев Дмитрий Константинович, Невзоров Борис Григорьевич, Азаров Анатолий Васильевич, Зотов Юрий Николаевич, Кондауров Евгений Васильевич, Рязанский Михаил Сергеевич, Солодов Дмитрий Мстиславович, Гайков Анатолий Васильевич, Кричевский Владимир Георгиевич, Салецкий Станислав Викторович, Лодочников Эвальд Акимович, Николаев Василий Николаевич, Степанов Владислав Иванович, Сидорова Руфа Григорьевна, Гузенко Владимир Павлович, Мауер Меер Евсеевич, Когутенко Александр Гаврилович, Изгородин Владимир Евгеньевич, Гусев Михаил Иванович, Ткачев Федор Дмитриевич.

Докладчики по системам изделий: Июдин Анатолий Павлович, Горшков Семен Иосифович, Кротов Валентин Константинович, Осипов Михаил Владимирович, Зотов Юрий Николаевич, Крайнев Виктор Васильевич, Лодочников Эвальд Акимович, Солодов Дмитрий Мстиславович.

3. Готовность стартовой позиции к обеспечению работ по испытаниям и запуску изделий 11А511 с объектами 11Ф615 № 1 и № 2. Докладчики — инженер-подполковник Катаев Павел Михайлович и Хлебников Борис Иванович.

4. Готовность КИК (контрольно-измерительного комплекса — Ред.) к обеспечению работ по управлению полетом объектов 11Ф615 № 1 и № 2. Докладчик — инженер-подполковник Романов Алексей Петрович.

5. Готовность полигона к работам с объектами 11Ф615 № 1 и № 2. Докладчик — генерал-майор Курушин Александр Александрович.

6. Заключение технического руководителя.

7. Разное.

Конструкторы и руководители испытаний доложили: «Оба корабля «Союз-1» и «Союз-2» с носителями прошли все проверки и испытания и готовы к полету». Мишин коротко заключил: «Корабли и ракеты можно вывозить на старт и готовить к пуску». Решили: «В 9-10 часов утра 26 ноября вывозить объекты на старт. Автономные и комплексные проверки закончить до исхода 26 ноября (27 ноября — резервный день). Пуск первого корабля произвести 28 ноября в 16:00, второго - через сутки».

Для руководства полетом Госкомиссия создала три смены оперативной группы, состав которой утвердили Керимов и Мишин. Первая смена: Карась А.Г. — руководитель смены, Феоктистов К.П. и Фадеев П.Г. - заместители

руководителя смены, Гагарин Ю.А., Анохин С.Н., Целикин Е.Е., Севастьянов В.И., Карпов Е.А., Рязанский М.С., Тополь А.Ф., Мнацаканян А.С., Милицин А.В., Пестеров Е.С. Вторая смена: Каманин Н.П. — руководитель смены, Юрасов И.Е. и Романов А.П. - заместители руководителя смены, Николаев А.Г., Моисеенко А.А., Варшавский В.П., Егоров Б.Б., Пиковский И.И., Богомолов Б.И., Сусленников В.В., Горин Ф.А., Селезнев Б.В. Третья смена: Правецкий В.Н. — руководитель смены, Осташев А.И. и Кравцов Ю.Ф. — заместители руководителя смены, Горбатко В.В., Кузнецов Н.Ф., Ващенко И.П., Макаров О.Г., Какурин Л.И., Меньшиков, Зеленщиков Б.И., Кандауров Е.В., Абрамович С.К., Фроликов А.А.

Сегодня Гагарин, Николаев, Кубасов и Горбатко дважды слетали на невесомость. На разборе полетов присутствовали генерал Кузнецов, Анохин, Аксенов и я. Гагарин высказался в том духе, что перенос ранца со спины на ноги затрудняет движения и требует более длительной и кропотливой подготовки. Кубасов технически грамотно и откровенно доложил о своих ошибках на первых горках, но разговорная речь его засорена: он через каждые 3-4 слова говорит «значит». У Горбатко на первых горках также были ошибки, но он быстро их устранил. Аксенов — ведущий инженер по испытаниям от ОКБ-1 — несколько раз пытался доказать мне необходимость его постоянных полетов с экипажем, с тем чтобы отработать методику выхода, входа и перехода космонавтов из корабля в корабль. Моисеенко и другие резонно заметили ему, что методика уже отработана при полетах в ЛИИ и при тренировках экипажа Комарова, и менять методику в конце тренировок неразумно. Но Аксенов упорно доказывал, что он не уверен в целесообразности перехода из корабля в корабль способом «однохвата», и пытался навязать «разнохват». Все космонавты и даже Кубасов высказались за переход «однохватом» (обе руки сверху поручня), «разнохват» (одна рука сверху, другая снизу поручня) был хорош при размещении ранца на спине, но с переносом ранца на ноги этот способ затрудняет переход. Выявилось также, что самое сложное при надевании скафандров (космонавты при этом помогают один другому) — это надевание четвертой по счету перчатки: было много случаев неполной герметизации.

27 ноября. 17-я площадка.

Вчера вместо 9:00 корабль вывезли на старт только в 17:30. При стыковке корабля с ракетой и при погрузке на установщик было много неожиданностей и задержек. Общая длина ракеты с кораблем составляет 46 метров, а установщик сконструирован с расчетом на более скромные размеры. Носовая часть ракеты выступает далеко вперед от конечной опоры установщика. Устойчивость ракеты в горизонтальном положении на установщике оказалась недостаточной, существовало даже опасение, что корабль перетянет первую ступень и ракета «клюнет носом». При погрузке в нескольких местах помяли обтекатель корабля и борта ракеты.

При вывозе ракеты с кораблем из МИКа присутствовали Керимов, Мишин, Правецкий, Кириллов и сотни две специалистов. В МИКе у меня был неприятный разговор с Мишиным. Этот академик ведет себя, как легкомысленная девчонка. Он, к сожалению, совершенно не знает условий работы космонавтов при выходе из космического корабля, ничего не понимает в методах и трудностях подготовки их к полету, а вмешивается во все детали нашей работы и пытается навязать свои решения. На этот раз он придрался к тому, что в составе экипажа Гагарина прилетел Горбатко, а не Волков. На вопрос Мишина: «Почему не взяли Волкова?», — я ответил: «Волков никогда не был в составе экипажа и не может быть подготовлен к полету за 2-3 недели, а Горбатко уже более года готовится к полету в составе экипажа и может закончить подготовку через 10-15 дней». У Мишина не нашлось что мне ответить, кроме его обычных фраз: «Наши инженеры более грамотны… Вы протаскиваете своих людей, хотите поставить нас перед свершившимся фактом, что ваши лучше подготовлены… Из этого ничего не выйдет, так мы с вами не сможем работать…» Кругом было много людей, рядом с нами стоял и молчал Керимов. Место для такого разговора было выбрано явно неподходящее. Я прямо спросил Мишина: «Чем вам помешал Горбатко? Мы не настаиваем на том, чтобы он летел первым, но он помогает готовить Кубасова…» В это время последовали важные команды, связанные с вывозом объекта, и разговор остался незаконченным.

Вчера вечером и сегодня утром мы с Руденко дважды обсуждали наши взаимоотношения с Мишиным. Я предложил занять твердую позицию и прекратить уступки капризам Мишина. Маршал согласился с моей характеристикой Мишина, ему тоже надоели его капризы и истерики, но Руденко опасается, что сила на стороне Мишина (ЦК и Совмин), а нас, кроме Вершинина, никто не поддержит. Позиция маршала Захарова («Не ставить шлагбаумы…») и необдуманная реплика Келдыша («Записать, что ВВС срывают подготовку космонавтов») выбили Руденко из колеи. Он дал понять мне, что не намерен продолжать борьбу, заявив: «Нас с тобой выгонят, а Мишин останется». С этой «позиции» Руденко решает теперь все вопросы. Я сегодня продолжаю готовить экипаж Гагарина в полном составе, и никакие капризы Мишина и соглашательства Руденко не изменят ход дела. Еще 4-5 дней, и решающая стадия подготовки двух полных экипажей будет закончена, а вопрос о том, кто полетит, пускай решают Госкомиссия и правительство. Я доложу свои соображения о кандидатах на полет и буду их отстаивать, хотя хорошо знаю, что останусь в меньшинстве и, может быть, даже без поддержки Руденко и Вершинина.

Сегодня утром говорил с Мусей. Она с ребятами на даче, все здоровы.

28 ноября.

Сегодня должен состояться первый пуск «Союза», которого на основании обещаний Королева мы ждем уже более четырех лет. Промышленность задержала изготовление кораблей из-за излишней их автоматизации: «Союзы» должны стыковаться автоматически, даже без космонавтов на борту. Эти корабли способны маневрировать и обладают другими хорошими качествами, но у них много и недостатков. Завтра должна состояться первая в мире стыковка двух беспилотных космических кораблей. Правда, американские астронавты на кораблях «Джемини» уже выполнили несколько стыковок с ракетами «Аджена». От успешных полетов «Союзов» зависит наше ближайшее (2-3 года) космическое будущее: на базе «Союзов» строятся лунные корабли.

29 ноября.

Сейчас 3 часа ночи по местному времени, я несу дежурство на командном пункте по руководству полетом первого корабля «Союз». За последние 20 часов было много важных событий. Вчера с 10 до 12 часов Мишин провел два заседания технического руководства по «Союзам» № 1 и № 2. В 12 часов Госкомиссия, заслушав доклады конструкторов систем о готовности корабля и ракеты к пуску, приняла решение приступить к заправке ракеты и произвести пуск «Союза» № 2 в 16:00 по местному времени. В повестку заседания Государственной комиссии были

включены шесть пунктов.

1. Готовность изделия 11А511 № 2 и объекта 11Ф615 № 2 к пуску и состояние работ по подготовке изделия 11А511 № 1 с объектом 11Ф615 № 1 к вывозу на стартовую позицию. Докладчики: инженер-полковник Кириллов Анатолий Семенович, Июдин Анатолий Павлович, Горшков Семен Иосифович, Кротов Валентин Константинович, Осипов Михаил Владимирович, Шум Михаил Федорович, Осташев Аркадий Ильич, Хлебников Борис Иванович.

2. Готовность всех служб и средств полигона, обеспечивающих пуск изделия 11А511 № 2 с объектом 11Ф615 № 2. Докладчики: генерал-майор Курушин Александр Александрович, инженер-майор Насонов Владимир Петрович, инженер-майор Овчинников Виктор Александрович.

3. Готовность всех средств командно-измерительного комплекса. Докладчик — инженер-полковник Фадеев Николай Григорьевич.

4. Готовность к работе средств поиска, обнаружения и эвакуации объекта 11Ф615 № 2. Докладчик — инженер-полковник Сибиряков Сергей Николаевич.

5. Заключение технического руководителя и подписание протокола о пуске изделия 11А511 № 2 с объектом 11Ф615 № 2.

6. Принятие решения о вывозе изделия 11А511 № 1 с объектом 11Ф615 № 1 на стартовую позицию.

Все работы по подготовке пуска шли очень четко и точно по графику. В 16 часов (с опозданием на 0,2 секунды от расчетного времени) ракета унеслась в безоблачную высь. Операции по подготовке и пуску ракеты передавались по внутренней телевизионной системе. Наблюдение за работами по подготовке пуска по телевидению позволяет видеть одновременно значительно больше, чем это возможно при нахождении у ракеты. При подготовке пусков пилотируемых кораблей Королев и я всегда находились у ракеты. Мишин по традиции и в этот раз был рядом с ракетой, а Руденко, Керимов и я наблюдали работу на старте из бункера по телевидению. Сам пуск мы с Руденко, Кузнецовым, Гагариным, Николаевым, Беляевым и Егоровым наблюдали с НП (наблюдательный пункт — Ред.). Пуск прошел отлично, невооруженным глазом я видел отделение первой ступени. (Корабль «Союз», 7К-ОК № 2, запущенный 28 ноября 1966 года, получил официальное название «Космос-133» — Ред.)

После пуска все руководство Госкомиссии собралось на КП второй площадки. Первые сведения о ходе полета были благоприятные, и я решил часа три отдохнуть, так как в 23 часа моя смена заступала на дежурство. В 22 часа позвонил с КП Гагарин и сообщил, что в полете выявились большие неполадки. Через десять минут приехал Руденко и сообщил печальные вести. Оказалось, что на борту корабля по непонятной причине за 15 минут израсходовалось все рабочее тело для ДПО (двигатели причаливания и ориентации), и корабль получил закрутку со скоростью два оборота в минуту. По уточненным данным перигей орбиты «Союза» составлял всего 179 километров, и существование корабля на орбите ограничивалось 39-ю витками. Это известие меня очень огорчило: неудача при первом же пуске неизбежно задержит освоение кораблей «Союз».

В 24 часа Керимов, Мишин и Карась ушли отдыхать. Мне и трем заместителям Мишина (Черток — в Евпатории, Бушуев — в Москве и Юрасов — в Тюра-Таме), а также космонавтам Феоктистову и Николаеву пришлось разбираться в причинах происшествия и готовить предложения для Госкомиссии. Все сошлись на том, что на 13-м витке надо попытаться с помощью ионной системы ориентации остановить вращение корабля, а на 16-м витке выдать команду на спуск корабля с использованием этой же системы ориентации. Посадку решили произвести на 17-м витке, но предварительно, выдав дополнительную команду на спуск с использованием автоматической солнечной ориентации. Мишин согласился с нашими предложениями, и мы передали предварительные команды по исполнению принятого решения.

Это происшествие срывает пуск второго корабля «Союз», а следовательно, и эксперимент по автоматической стыковке кораблей. Мы (ВВС) шесть лет упорно боремся против переоценки возможностей полностью автоматизированных систем космических кораблей, и выступаем за повышение роли экипажа в полете, но ОКБ-1 пока еще остается на своих ошибочных позициях. Ошибок набирается много: гибель технологического корабля 3КД перед полетом Леонова и Беляева, отказ в полете «Восхода-2» автоматики перед посадкой корабля, сегодняшняя неудача с «Союзом» — вот далеко не полный перечень жертв увлечения автоматизацией. При большем доверии космонавтам и упрощении многих систем пилотируемых кораблей мы уже в 1963 году могли бы овладеть стыковкой на орбите, но погоня за полной автоматизацией систем космических кораблей привела нас к позорному отставанию от США и будет еще долго мешать нам в освоении космоса.

30 ноября.

Почти двое суток я непрерывно находился на КП. Сейчас 22 часа по местному времени. Корабль «Союз» спущен с орбиты, все решения приняты, доклады сделаны, рассмотрены и утверждены Госкомиссией планы дальнейших работ. Завтра в 8 часов вылетаем в Москву. Попытаюсь изложить ход событий в хронологическом порядке.

Около 10 часов по местному времени 29 ноября после многих консультаций со специалистами (Черток, Бушуев, Феоктистов, Юрасов, Осташев и другие) было решено сажать корабль на 17-м витке с использованием АСО (автоматическая солнечная ориентация). На борт корабля были переданы все исполнительные команды, но вскоре после их передачи у некоторых товарищей возникли сомнения в правильности переданных команд. Времени для повторения команд или проверки их содержания не было, и Мишин принял решение отбить команду на посадку. Позже по данным телеметрии мы убедились в том, что команды были переданы правильно.

На 18-м и 19-м витках мы попытались посадить корабль с использованием ионной ориентации, однако корабль не послушался наших команд и продолжал полет. 20-й и последующие витки были малоудобны для посадки — пришлось оставлять аварийный корабль на орбите. Для большей уверенности в том, что корабль продержится на орбите еще сутки, на борт были переданы команды на подъем орбиты корабля. Мы не знали параметры орбиты «Союза» с 21-го по 29-й виток (эти витки проходят над Атлантикой и почти «не освещаются» нашими ИПами).

Ночь была тревожной. Многие специалисты высказывали сомнения в возможностях корабля продержаться на орбите до 29-го витка. К утру по телеметрии было установлено, что корабль принял все три команды на включение двигателей: система ионной ориентации стабилизировала корабль, и двигатели включались, но их работа в первом случае продолжалась 10, во втором — 13, а в третьем — около 20 секунд. Во всех трех случаях при включении двигателей нарушалась стабилизация корабля, появлялись большие угловые колебания, и двигатели автоматически выключались, не дав полного импульса. После осуществления двух попыток спуска корабля и одной попытки повысить

его орбиту мы не знали результатов этих маневров и с большим нетерпением ждали 29-го витка, на котором корабль должен был пройти в зоне радиовидимости наших самых восточных ИПов в Приморье.

В 9 часов утра корабль появился над восточными окраинами Советского Союза, но он не «отвечал» на наши запросы. На 30-м витке корабль «ожил», принял все наши команды и выдал квитанции — у нас вновь появилась надежда посадить корабль. На 32-м витке на борт «Союза» были переданы команды на спуск, корабль принял их к исполнению, выдав квитанции. Мы не были уверены в посадке на 33-м витке и продублировали команды на спуск для посадки на 34-м витке. Корабль не сел на 33-м витке — продолжительность работы двигателей опять была недостаточной. На 34-м витке в пятый раз сработала ионная ориентация, включились двигатели, чтобы столкнуть корабль с орбиты, и… «Союз» наконец-то пошел на посадку. Радиолокаторы ПВО наблюдали корабль над Краснодаром, Гурьевым, Актюбинском и сделали последние засечки в 200 километрах юго-восточнее Орска. Корабль прекратил полет над территорией Советского Союза в 14:32 по московскому времени, сейчас уже 23:30 по местному, прошло одиннадцать часов, но до сих пор нет точных данных о местонахождении и состоянии корабля. Поступает очень много противоречивых сообщений. Самолеты не сделали ни единой засечки спускающегося корабля. Однако, есть доклады из Москвы и Орска о том, что корабль дважды запеленгован, и есть несколько сообщений из Орска о том, что в различных районах якобы видели спуск парашюта. Из всего вороха имеющихся сведений достоверно известно лишь одно: на 34-м витке корабль пошел на спуск — на участке Краснодар — Гурьев — Орск было много сообщений, подтверждающих его снижение.

До 20 часов по местному времени в районе вероятного приземления корабля летали самолеты, но ни один из них «не слышал» сигналов с борта «Союза». Вероятно корабль взорвался при спуске от срабатывания системы АПО (автоматический подрыв объекта 23-мя килограммами тола). В 20 часов я приказал службе поиска посадить самолеты и вертолеты и возобновить поиск утром 1 декабря. Затем Мишин, Керимов, Руденко, Карась, я и другие еще раз проанализировали обстоятельства происшествия и решили: считать полет законченным, создать четыре аварийные комиссии, поручить им до 6 декабря проанализировать все данные о полете и установить причины происшествия; продолжать подготовку к полету кораблей №3 и №4; корабль №1 снять со старта, разрядить и хранить в МИКе, имея в виду возможность его одиночного пуска в середине декабря.

1 декабря. Москва.

В 8:00 по московскому времени на самолете Ан-10 вылетели с полигона в Москву. Из-за плохой погоды в Москве сначала сели в Куйбышеве, посадку в Москве произвели в 14:40.

Кутасин доложил, что визуальный поиск с самолетов космического корабля «Союз» продолжается, но пока не обнаружено никаких следов его приземления. Теперь уже не может быть сомнений во взрыве корабля. Для выяснения причин происшествия нам во многом мог бы помочь сам корабль, если бы он оказался целым, но теперь придется ограничиться лишь анализом имеющихся данных. Причины отказов в работе систем корабля будут детально изучать специальные комиссии. Пока есть ясность, да и то неполная, лишь в вопросе о том, какие системы отказали на борту корабля. Вот основные отказы:

1) полное непроизвольное истечение рабочего тела из системы питания двигателей причаливания и ориентации (ДПО);

2) недостаточная стабилизация корабля при включении тормозного двигателя;

3) отказ «Трала» на 15-м витке.

Полет хотя и закончился неудачно, но он дал нам возможность оценить и некоторые ценные качества нового корабля: проверены устойчивость работы системы ионной ориентации и многократность включения двигателей; мы убедились, что корабль послушно изменяет орбиту (маневрирует), и что его можно заставить снизиться даже при неисправностях в системе стабилизации. В ходе дебатов о причинах происшествия Мишин, Керимов, Рязанский и другие неоднократно соглашались с нашим мнением, что корабль можно было спасти, если бы вместо манекена в корабле был космонавт.

2 декабря.

Утром Кутасин рассказал мне о всех предпринятых попытках отыскать в районе Орска осколки корабля «Союз». На поиск было задействовано много самолетов, вертолетов и наземных команд. Власти Оренбургской области оказывали помощь службе поиска. Но все оказалось напрасным: пока не обнаружено ни малейшего доказательства, что обломки корабля упали в районе Орска или где-либо еще на территории Советского Союза.

Генерал Кузнецов с экипажем Гагарина и специалистами ВВС вчера вечером должен был на трех самолетах (Ту-104, Ил-14 и Ан-12) вылететь из Тюра-Тама в Москву. Сегодня на 9 часов утра положение было такое: Ту-104 еще не вылетел, Ил-14 взлетел и вынужденно сел обратно, а Ан-12 «заночевал» в Куйбышеве.

Вчера я был вынужден наказать Гагарина. Он был включен в список для полета на Ту-104 на невесомость 1 декабря, и вечером 30 ноября должен был участвовать в проигрывании полета и лечь спать в 22:30. В проигрывании полета он не участвовал, в гостиницу космонавтов явился только в 2 часа ночи… Я отстранил Гагарина от полета. Меня возмутило не столько его опоздание, хотя и оно в условиях подготовки к космическому полету совершенно недопустимо, а то, что он выпивал и сел за руль автомашины в состоянии опьянения. Плохо вел себя на полигоне и мой непосредственный подчиненный подполковник Ващенко - инспектор центрального аппарата ВВС. Он также явился в гостиницу на два часа позже отбоя и фактически не выполнил (все перепутал) мое распоряжение о подготовке списков пассажиров на все отлетающие в Москву самолеты. Ващенко утром 1 декабря прилагал много усилий, чтобы исправить положение, но мало преуспел в этом.

3 декабря.

Был в ЦПК, просмотрел кинофильм о полетах на невесомость Хрунова и Елисеева. Хрунов все упражнения выполняет более четко, быстрее и при меньшей затрате физических и моральных усилий, чем Елисеев. Приказал устранить ошибки в титрах и дополнить фильм данными медицинского контроля и оценками за каждое упражнение. Ознакомился с ходом тренировок Комарова, Хрунова и Елисеева на тренажере, послушал разбор очередной тренировки. С генералом Кузнецовым и полковником Масленниковым разобрали все вопросы подготовки и проведения экзаменов, назначенных на 14 декабря: экзаменовать будем экипажи Комарова и Гагарина (8 человек). С Цыбиным удалось согласовать процедуру проведения экзаменов. Меня несколько беспокоило агрессивное намерение Мишина поставить за технические знания «двойки» всем космонавтам ВВС. Сейчас ни Мишин, ни кто другой из ОКБ-1 уже не ведут подобных разговоров, но возможны рецидивы. ОКБ-1 намеревалось прислать на экзамены 20 специалистов в качестве экзаменаторов. Удалось договориться, что вопросы экзаменуемым задают только члены экзаменационной комиссии, а специалисты присутствуют лишь в качестве консультантов. Договорились, что в каждом билете будет пять вопросов, дополнительных вопросов можно задавать не больше пяти. Все члены комиссии за ответ на каждый вопрос ставят отметки по пятибалльной системе, при отметке «три» и ниже экзаменаторы представляют письменную мотивировку. Решили также, кроме оценок на экзаменах, учесть оценки за выполнение упражнений в ТБК-60, на тренажере и в полетах на самолете Ту-104.

6 декабря.

Воскресенье и понедельник провел на даче. Снега мало, но все же ходили с Олей на лыжах, катались с горок. Лева, Люда и Коля остались в Москве: малой в субботу заболел (ел снег), и врачи запретили выходить с ним на улицу.

4 декабря звонил на дачу генерал Кутасин. Он доложил, что самолеты и вертолеты очень тщательно обследовали всю полосу (Актюбинск-Семипалатинск) вероятного разброса осколков корабля «Союз», но ничего не нашли. По уточненным данным ПВО и расчетам НИИ-4 (институт Министерства обороны, участвовавший в создании средств командно-измерительного комплекса — Ред.) корабль прошел район Орска на высоте 70-100 километров. Специалисты НИИ-4 считают, что сработал АПО, корабль взорвался, и его обломки должны были упасть в воды Тихого океана восточнее Марианских островов. Я разрешил прекратить поиск обломков корабля.

Кутасин сообщил также, что в субботу 3 декабря на заседании ВПК обсуждался вопрос о создании службы поиска лунных кораблей. Смирнов и другие начали беспокоиться в связи с приближающимися сроками полетов лунных кораблей и полной неготовностью существующей службы поиска к обнаружению их в акваториях океанов и на территориях иностранных государств. Более двух лет назад мы ставили этот вопрос перед ВПК - тогда от нас отмахнулись, как от назойливых мух. Последний раз мы просили ВПК рассмотреть проблемы службы поиска в начале 1966 года, направив Смирнову наши предложения, но он вернул их в Генеральный штаб, а теперь, за 2-3 месяца до

полета первых лунных кораблей, «бьет тревогу» и обвиняет ВВС в неготовности средств поиска. Решения опять не приняли, а лишь поручили группе товарищей вновь подготовить предложения, хотя все наши материалы по организации и оснащению службы поиска почти год лежат в Генштабе и в аппарате Смирнова.

7 декабря.

Только что, в 19:00 вернулся с очень важного совещания. Маршал Руденко, Мишин и я встретились в кабинете Керимова и рассмотрели списки кандидатов в экипажи кораблей «Союз» и Л-1. Вчера в Центре я, Кузнецов и Цыбин в предварительном порядке согласовали списки, предложенные ЦПК и ОКБ-1. Сегодня все наши предложения были утверждены без существенных изменений. Для полетов на пяти кораблях «Союз» (№№ 3-7 — Ред.), кроме уже готовящихся двух экипажей (Комаров, Быковский, Хрунов, Елисеев и Гагарин, Николаев, Горбатко, Кубасов), решили готовить еще два экипажа. Один экипаж в составе: Береговой, Шаталов, Волков, Макаров. Состав другого экипажа (для полета на корабле № 7) пока не определили, но решили, что командира корабля будем готовить из числа шести вышеназванных военных космонавтов (Комаров, Быковский, Гагарин, Николаев, Береговой, Шаталов — Ред.), а двух членов экипажа — из четырех кандидатов: Ланкина и Фартушного из института Патона (для осуществления в космосе электросварки), инженера Колодина (ЦПК ВВС) и одного из инженеров ОКБ-1.

На этом же совещании решили начать по пятимесячной программе подготовку экипажей кораблей Л-1. Для облета Луны будет изготовлено 8 пилотируемых кораблей, но Мишин считает, что реально можно рассчитывать на полеты шести кораблей с космонавтами. Мы решили готовить для них девять экипажей. Командирами кораблей будут Комаров, Быковский, Николаев, Гагарин, Леонов, Хрунов, Волынов, Береговой, Шаталов, а членами экипажей — Елисеев, Кубасов, Макаров, Волков, Гречко. Все согласились с моим предложением, что кандидатами на роль командира первого лунного корабля следует считать Комарова, Быковского и Николаева. Первых кандидатов от ОКБ-1 на облет Луны в качестве членов экипажа Мишин обещал назвать 8 декабря. Мишин и Керимов не возражали против начала подготовки космонавтов-исследователей от Академии наук, Мишин выразил, правда, сомнение в кандидатуре Ершова (баллистик). Руденко и я сказали, что мы тоже далеко не в восторге от него и, если Келдыш не будет настаивать на подготовке Ершова, заменим его другим кандидатом. Совещание поручило мне и Цыбину оформить состоявшиеся решения официальным документом и утвердить его у председателя Госкомиссии.

Керимов и Мишин подтвердили версию о падении осколков «Союза» в океан и заявили, что причины всех отказов на «Союзе» ясны: перепутали газовые рули и поставили дефектный двигатель причаливания и ориентации. На завтра на 17:00 назначено заседание Госкомиссии, на котором заслушаем доклады четырех аварийных комиссий и примем решение о плане и сроках дальнейших работ. Мишин предлагает 12 декабря вылететь на полигон и до 18 декабря осуществить пуск «Союза» № 1 с целью проверки работы всех систем корабля, после чего принять решение о сроках пуска двух пилотируемых кораблей «Союз» с осуществлением их стыковки. Мы согласились с предложениями Мишина. В связи с тем, что 14 декабря я должен принимать экзамены у экипажей, руководство Госкомиссии разрешило мне вылететь на полигон утром 15 декабря или позже прямо в Евпаторию (по предложению Мишина, управлять полетом будем из Евпатории).

8 декабря.

Новый экипаж (Береговой, Шаталов, Волков и Макаров) сегодня приступил к полетам на невесомость на самолете Ту-104. По плану завтра должны были начаться практические занятия космонавтов в ТБК-60, но занятия отложены из-за поломки редуктора.

Полковники Фролов и Смирнов доложили о ходе испытаний «Союза». Они полагают, что до 18 декабря испытания не будут закончены, и сомневаются в целесообразности одиночного пуска корабля «Союз». На завтра во Владимировке намечены испытания САС (система аварийного спасения). Я решил послать туда генерала Горегляда с группой офицеров. Фролова беспокоит не только перекись водорода, которая уже «сожгла» нам два парашюта, но и сама работа стабилизирующих двигателей. За последние дни выяснилось, что при температуре ниже минус 20 градусов катализатор, превращающий жидкую перекись водорода в газ, действует неэффективно, и стабилизированного спуска может и не быть. Мы уже два раза «обожглись», рисковать третий раз было бы просто глупо. Я рекомендовал Фролову и Смирнову выступить сегодня на Госкомиссии и изложить все свои сомнения в надежности систем корабля «Союз» и соображения по срокам испытаний и пусков. Ясно одно — Мишина торопят, и он, уступая подталкиванию сверху, идет на сокращение сроков испытаний, и тем самым снижает надежность и качество подготовки кораблей.

Заходил Иоффе и жаловался на Мишина. В соответствии с решением правительства ОКБ-1 должно было выдать ЦНИИ-30 в сентябре 1966 года исходные данные для разработки системы поиска лунных кораблей. На основании этих данных ЦНИИ-30 до конца декабря должен был разработать систему поиска. До сих пор ОКБ-1 не выдало исходных данных, дело не движется. Иоффе пытался справиться с Мишиным своими силами, но убедился, что это невозможно, и теперь просит о помощи. Придется еще раз нажимать на Мишина.

9 декабря.

Вчера вечером провели заседание Госкомиссии. Заслушали доклады Солдатенкова, Раушенбаха, Спицы, Рязанского и Цыбина. Все аварийные комиссии единогласно решили, что отказы систем корабля «Союз» № 2 не имеют принципиальных (связанных с их конструкцией) дефектов, а являются следствием ошибок при сборке и проведении испытаний объекта отдельными исполнителями. Обнаруженные неисправности будут устранены на всех кораблях 7К-ОК до 15 декабря. Госкомиссия утвердила выводы аварийных комиссий и решила провести одиночный пуск корабля «Союз» № 1 в период 15-18 декабря. Против одиночного пуска возражал только представитель Главного конструктора Мнацаканяна — разработчика системы автоматической стыковки «Игла». Он пытался доказать необходимость полета двух кораблей без экипажей для осуществления автоматической стыковки. Отвечая ему, Мишин заявил следующее: «Я до сих пор не могу простить себе, что в свое время согласился с настойчивыми требованиями Мнацаканяна идти по пути автоматической стыковки. Если бы мы больше доверяли космонавтам, то уже имели бы стыковки кораблей. Я за пуск одиночного корабля и за попытку осуществить впоследствии стыковку с участием экипажей…» Я целиком разделяю это заявление Мишина.

Наиболее содержательным был доклад Цыбина. Он сообщил, что проведено более четырехсот автономных и комплексных испытаний систем и агрегатов. Самые ответственные испытания проводятся совместно с ВВС. Не

закончены испытания в ТБК-60, испытания запасной парашютной системы и системы аварийного спасения. Цыбин заявил, что эти испытания могут быть закончены к 10 января 1967 года, но комиссия обязала закончить их к 5 января.

В заключение выступил Мишин и доложил, что для пуска корабля «Союз» № 1 целесообразно выехать на полигон 12 декабря, пуск осуществить 15 или 16 декабря, управление полетом вести из Евпатории; если пуск пройдет нормально и все испытания будут удовлетворительно закончены до 5 января, то полет со стыковкой двух пилотируемых кораблей «Союз» можно будет выполнить до 29 января 1967 года. Слушая выступление Мишина, я вспомнил июньское совещание у Смирнова, когда он (Смирнов) фактически «зарезал» пуск «Восхода-3» (Волынов и Шонин были полностью готовы осуществить 16-18-суточный полет). Тогда Смирнов мотивировал отмену пуска «Восхода» необходимостью сосредоточить все усилия на подготовке пусков «Союзов» в октябре-ноябре этого года. Проходит декабрь, скоро будет два года, как в СССР не проводятся пилотируемые полеты. Виноваты в этом, в первую очередь, ОКБ-1, Смирнов и секретарь ЦК КПСС Устинов.

Вчера Мишин и Цыбин подписали соглашение о составе и подготовке экипажей для кораблей «Союз» и Л-1. Этот документ должен прекратить разжигание страстей при выборе кандидатов на предстоящие полеты и содействовать улучшению отношений между ОКБ-1 и ВВС. Можно считать, что ВВС отбили основные атаки Министерства общего машиностроения (Афанасьев), Министерства здравоохранения (Петровский) и Академии наук СССР (Келдыш), направленные на создание нового центра подготовки космонавтов из гражданских специалистов. Вся подготовка космонавтов в ближайшие 3-4 года будет проводиться только в ЦПК ВВС и без влияния на ход этой подготовки со стороны Минздрава, МОМ и АН СССР. Правда, вчера Правецкий просил рассмотреть вопрос о направлении в институт Парина (ИМБП — Ред.) экипажей Комарова и Гагарина для проведения трехсуточного эксперимента с целью определения норм потребления кислорода космонавтами. Для дела такой эксперимент не нужен (мы знаем нормы потребления кислорода каждым космонавтом), а для здоровья испытуемых он вреден. Я отказал Правецкому, хотя он и ссылался на одобрение его предложения маршалом Руденко и Мишиным.

Вчера похоронили Ивана Ананьевича Лавренова: тромб попал в легкие, и 55-летний здоровяк умер. Последние годы генерал Лавренов был членом Военного Совета ракетных войск, я знал его с 1947 года, когда мы вместе работали в Гражданском воздушном флоте.

Сегодня узнал, что министр обороны маршал Советского Союза Малиновский тяжело болен (рак) и уже не вернется на работу. Редеют ряды старой гвардии. У меня пока еще нет сбоев в работе по состоянию здоровья, и хочется успеть сделать все возможное для освоения Луны. Лет через 5-7, когда рейсы на Луну станут обычным явлением, можно будет уйти на отдых.

10 декабря. Дача «Заборье».

Только что (около 20:00) уложили Колю спать. Он сегодня днем не спал — все собирался ехать на дачу. Коля целую неделю не выходил на улицу, а первые три дня недели у него был сильный кашель и высокая температура. Сегодня мы с ним немного погуляли. Лева и Люда уехали на экскурсию в Ленинград на двое суток. Все заботы о детях легли на Мусю, я стараюсь ей помогать. Оле уже восьмой год, учится в школе она хорошо, успешно осваивает английский язык, занимается музыкой. Оля очень способная девочка, но капризная, невыдержанная и нередко бывает грубой со старшими. В этом виноваты мы сами: мы ее излишне баловали и, не желая того, вложили в ее характер значительную долю эгоизма. Лева и Люда тоже грубят Оле, а она ревнует всех взрослых к Коле. Я постоянно уговариваю Мусю и Ольгу Карловну быть поближе к Оле, больше ей верить и поручать хотя бы небольшую работу. Муся любит Олю, много с ней занимается, но как воспитательница она не имеет достаточного терпения и иногда срывается на грубость. Я уверен, что мог бы влиять на воспитание Оли, но для этого надо иметь немного больше свободного времени. И все же я чувствую, что надо и мне больше уделять внимания воспитанию ребят.

Вчера провели Совет главных конструкторов. Решено до 10 января закончить все доработки и испытания на кораблях № 3 и № 4, с тем чтобы обеспечить их пуски в конце января или в феврале. Пуск корабля № 1 решили осуществить 15-16 декабря. 12 декабря на полигон вылетают главные конструкторы, Керимов и Мишин. С ними полечу и я, а Руденко, Карась и Правецкий остаются пока в Москве, но после пуска они прилетят в Евпаторию.

На Совете имел место один инцидент, который напомнил всем, что «холодная война» между Минздравом и ОКБ-1, с одной стороны, и ВВС, с другой, еще далеко не утихла. Правецкий внес предложение провести в институте Минздрава трехсуточные занятия с экипажами кораблей «Союз» в макете корабля. Мишин и Цыбин поддержали Правецкого. Пришлось выступить против и сказать, что подобные занятия мы проводили при подготовке полетов на «Востоках» и «Восходах» и убедились, что они почти бесполезны, так как не дают возможности определить количество кислорода, потребляемого членами экипажа в условиях космического полета (по Правецкому это главная цель занятий), и данные, полученные на земле, могут значительно отличаться от реального потребления кислорода в полете. Меня поддержали Кузнецов, Гагарин, Феоктистов, Бушуев и полковник Смирнов. Пришлось создать комиссию для проработки предложения Правецкого. Я приказал генералу Кузнецову договориться с Главным конструктором Ворониным и совместными усилиями отбить попытки Минздрава «подержаться» за космонавтов. Науки в этом эксперименте никакой нет, а есть большое желание принять участие в подготовке экипажей к полету в целях поднятия авторитета института.

В конце совещания Мишин ознакомил присутствующих с графиком изготовления кораблей Л-1 для облета Луны. Два корабля Л-1 уже находятся на полигоне: эти корабли (№ 1 и № 2) предназначены для отработки беспилотного облета без возвращения на Землю. Корабли № 3 и № 4 предназначаются также для беспилотного облета Луны, но с возвращением на Землю. Эти полеты предполагается выполнить в марте-мае 1967 года. На 25 июня того же года запланирован первый пилотируемый полет вокруг Луны с возвращением на Землю. На совещании были рассмотрены графики поставок, график изготовления комплексного тренажера и проект решения ВПК по программе полетов на Л-1 в целом. Все конструкторы высказывали сомнения в возможности выполнить работы в столь сжатые сроки, но Мишин разъяснил, что эти сроки не он придумал — они продиктованы сверху (Устинов, Смирнов).

11 декабря.

Более часа гулял на даче с Колей. Я соорудил для него небольшую горку, но снега еще маловато — катание с горки пришлось заменить пешей прогулкой.

В 18 часов за нами приехал на «Волге» Александр Яковлевич (водитель служебной машины — Ред.), и мы поехали

в Москву. Коля впервые ехал на машине ночью, его очень интересовали огни, встречные машины, дома и люди. Увидев большое пламя из трубы коксогазового завода, он сказал: «Костер», — и это было очень удачное определение - большое красное пламя полыхало от сильного ветра.

В Москве я весь вечер помогал Мусе возиться с ребятами, выкупал Колю и уложил его спать.

12 декабря. Тюра-Там.

20:00 по местному времени, я сижу в своей комнате в гостинице космонавтов на 17-й площадке. Три часа назад наш самолет Ан-12 приземлился на местном аэродроме. Со мной прилетели Шаталов, Ващенко, Муравьев, Клоков, Никитин и Бакуменко. Четверо из этих офицеров впервые на полигоне, они еще ни разу не наблюдали старт ракеты, не были на технических позициях и не знают всех тонкостей подготовки космических кораблей к полету. Предстоящий пуск «Союза» не требует прямого участия специалистов ВВС в работах по подготовке корабля и дает возможность изучить опыт работы на полигоне. На 40 минут раньше нас произвели посадку еще два самолета из Москвы. На них прилетели представители промышленности, в том числе Керимов и Мишин.

В субботу 10 декабря я был в Министерстве обороны на просмотре кинофильма «Аполлон». Присутствовали: Гречко, Захаров, Штеменко, Ивашутин, Вершинин, Руденко и еще с десяток генералов. Фильм подготовлен ГРУ (Главное разведывательное управление — Ред.) Генштаба и нашим Институтом авиационной и космической медицины и дает полное представление о грандиозных работах США в космосе. Особенно впечатляют кадры о ракетах «Сатурн-1», «Сатурн-5» и кораблях «Джемини» и «Аполлон». Ракета «Сатурн» собирается в вертикальном положении (высота корпуса сборки 160 метров) и в таком положении вывозится на старт. Обращают на себя внимание особая тщательность и плановость подготовки ракет и кораблей к пуску, громадный объем испытаний и наличие большого арсенала тренажных средств для подготовки астронавтов. Люди, знающие трудности выполнения нашей космической программы, после просмотра этого фильма могут получить более ясное представление о нашем отставании от США и иллюзорности надежд на восстановление лидерства СССР в освоении космоса.

13 декабря.

Вчера вечером просмотрел вместе с офицерами два американских кинофильма о полете «Джемини-6» и «Джемини-7» и о выходах астронавтов в открытый космос. Все основные операции по сближению и стыковке с ракетой «Аджена» американцы выполняют вручную. Это и позволило им опередить нас в освоении стыковки. Характерно, что при выходах в космос астронавты использовали с помощью шланга запасы кислорода на корабле, а кислород в баллонах нагрудного ранца имел назначение аварийного запаса. Перед полетом с выходом в открытый космос астронавты провели более ста тренировок по выходу из корабля, причем большая часть тренировок проводилась в скафандре в бассейне невесомости. При нахождении в открытом космосе пульс у астронавтов учащался до 160 ударов в минуту, наблюдалась повышенная утомляемость и усиленное потовыделение. В трех выходах из четырех они не смогли полностью выполнить задания из-за непредвиденных осложнений.

Оценивая все трудности работы в открытом космосе, приходится только сожалеть, что у нас многие (Мишин, Смирнов, Керимов, Тюлин, Руденко) не понимают большой опасности этой работы и легкомысленно идут по пути упрощения подготовки космонавтов. Сейчас, оглядываясь на пройденный путь, я больше всех виню в создавшейся обстановке маршала Руденко: это он поставил три года назад наш Институт авиационной и космической медицины на «новые рельсы» — «отколол» от него значительную группу людей во главе с Яздовским, отобрал здания и материальные ресурсы и передал все это в Минздрав для создания нового института космической медицины. Три года работает новый институт, и все три года идет непримиримая борьба между ВВС и Минздравом за руководство медико-биологическим обеспечением космических полетов. После создания нового института Королеву, Мишину и в целом промышленности стало легче: им удобнее иметь дело с Минздравом, чем с ВВС. Правецкий, Парин и другие руководители института на все пожелания и требования Мишина отвечают: «Есть, будет сделано». В угоду Мишину они пошли на резкое снижение медицинских требований при отборе космонавтов и считают возможным допустить к полетам 56-летнего одноглазого Анохина и других товарищей, имеющих серьезные изъяны в здоровье. Больше того, Парин, Егоров и Горбов выдвинули и защищают «теорию», согласно которой в космос надо посылать не самых здоровых людей. Из-за такой позиции Минздрава между специалистами (ИАКМ и ИМБП - Ред.) часто возникают большие споры и баталии. Так например, наши врачи, основываясь на многолетнем опыте авиации и анализе осуществленных космических полетов, утверждают, что при расчете расхода кислорода космонавтами в космическом полете надо исходить из нормы 25 литров в час, а в Минздраве считают возможным снизить ее до 22 литров в час. Мы предъявляем жесткие требования к промышленности, чтобы конструкторы космических кораблей больше заботились о безопасности полетов на них, а Минздрав идет на необоснованные скидки в этих требованиях.

Керимов сказал мне вчера вечером по телефону: «Завтра у нас день ожиданий». Я не уловил точного значения его слов «день ожиданий» и решил, что ожидаются результаты комплексных испытаний ракеты и корабля. Только сегодня утром, увидев на 31-й площадке ракету на старте и полное отсутствие людей около нее, я понял, что ракетчики получили выходной день, а ракета полностью готова и ждет заправки. Первый раз за все время нашей совместной работы ОКБ-1 точно выдержало назначенный срок готовности ракеты. 10 декабря в Москве Мишин сказал, что есть возможность пустить ракету 14 декабря. Сегодня я убедился, что даже Мишин иногда держит слово.

В 16 часов провели совещание по организации управления полетом. Выступая на этом совещании, Мишин основательно запутался, Керимов ему «помогал», но поправлять их было неудобно: присутствовало много подчиненных Мишина. Все же главный вопрос решили правильно: после вывода корабля на орбиту управление полетом передать в Евпаторию, а самим вылететь туда самолетами. После совещания я предложил просмотреть американские фильмы о полетах «Джемини-6, -7, -11». Все остались довольны просмотром. Мишин и Керимов поблагодарили меня за показ интересных фильмов.

14 декабря.

Итак, сегодня должен состояться второй беспилотный пуск корабля «Союз». Сейчас 7 часов утра по местному времени, а в 11:00 Государственная комиссия соберется с обычной для предстартовых заседаний повесткой дня.

1. Готовность изделия 11А511 № 1 и объекта 11Ф615 № 1 к пуску. Докладчики: инженер-полковник Кириллов Анатолий Семенович, ПиковскийИзраиль Исакович, Богомолов ВладиславНиколаевич, Юрасов Игорь Евгеньевич,

Июдин Анатолий Павлович, Горшков СеменИосифович, Осипов Михаил Владимирович,Кротов Валентин Константинович, Хлывов Николай Николаевич, Лодочников Эвальд Акимович, Козлов Дмитрий Ильич, Хлебников Борис Иванович.

2. Готовность всех служб и средств полигона, обеспечивающих работу с изделием 11А511 № 1 и объектом 11Ф615 № 1. Докладчики: генерал-майор Курушин Александр Александрович, инженер-майор Насонов Владимир Петрович, инженер-полковник Овчинников Виктор Александрович.

3. Готовность средств командно-измерительного комплекса. Докладчик — инженер-полковник Фадеев Николай Григорьевич.

4. Готовность к работе средств поиска, обнаружения и эвакуации объекта 11Ф615. Докладчик — генерал-лейтенант Каманин Николай Петрович.

5. Заключение технического руководителя и подписание протокола о пуске изделия 11А511 № 1 с объектом 11Ф615 № 1.

Я предусмотрел, что, возможно, на заседании комиссии генералу С.Ф.Долгушину - заместителю командующего 73-й Воздушной армией — придется вместо меня доложить о готовности к работе всех авиационных средств поиска. Обычно такие доклады делал я или полковник Сибиряков. Долгушин будет докладывать первый раз, поэтому вчера вечером я предупредил его о готовности к докладу, а сегодня в 8:00 проверю, как он подготовлен.

Вчера Керимов и Мишин очень придирчиво разбирали списки поисковых команд: их беспокоило отсутствие данных о прибытии представителей промышленности в состав этих команд.

Вчера днем Кутасин заверил меня, что сюда к нам вылетает подполковник Гузенко, который хорошо знает поисковую службу, а поздно ночью полковник Сибиряков сообщил, что маршал Руденко берет Гузенко с собой в Крым, а к нам вылетает подполковник Сидоров. Сидорова я не знаю, он новичок в службе поиска — придется еще раз самому проверить готовность службы поиска к работе.

Только что позвонил подполковник Сидоров — он прилетел из Москвы в три часа ночи. Как я и предполагал, Сидоров не взял с собой карты размещения средств поиска и списки поисковых команд и ничего не знает о фактической готовности средств поиска. Если такого докладчика выпустить на Госкомиссию, он опозорит ВВС. В какой уже раз нас подводит генерал Кутасин, и до сих пор ему все сходило с рук. Придется об этом очередном провале Кутасина доложить Главкому, а на Госкомиссии выкручиваться самому…

… Случилось большое несчастье - неизмеримо большее, чем подрыв корабля «Союз» № 2 при его спуске 30 ноября. Вторая попытка запустить «Союз» закончилась трагически. Час назад наступила полная темнота (сейчас около 17 часов по местному времени), и определить все размеры бедствия пока невозможно. Ясно одно — корабль и ракета сгорели на пусковом столе, а старт 31-й площадки разрушен мощными взрывами… Попытаюсь, однако, изложить все по порядку.

В 8:30 ко мне прибыли с докладами генерал Долгушин и подполковник Сидоров. По первым же их словам я понял, что ни один из них не готов для доклада на Госкомиссии, особенно бледно выглядел подполковник Сидоров. Сидорова я немедленно вернул на КП аэродрома для приведения в полную готовность средств поиска, а генерала Долгушина взял с собой в машину, чтобы вместе с ним поехать на заседание Госкомиссии. Дороги сильно обледенели, и мы ехали до 31-й площадки около полутора часов. За это время я на всякий случай подготовил Долгушина к докладу на Госкомиссии. Сергей Федорович уже несколько раз участвовал в поисках космических кораблей и обстановку в пределах Туркестанского округа знает хорошо.

В пристартовом домике 31-й площадки в 11 часов началось заседание Государственной комиссии. В заседании участвовало более сотни конструкторов и специалистов, из членов Госкомиссии присутствовали только Керимов, Мишин, Курушин и я. Хорошо и быстро прошли обычные доклады о готовности к пуску корабля и ракеты. Кириллов, Козлов, Юрасов и Мишин доложили о полной готовности к пуску. Госкомиссия приняла решение: разрешить заправку ракеты и произвести пуск в 16:00 по местному времени. После окончания заседания все члены Госкомиссии подписали решение и задание на полет.

Около 13 часов мы с Долгушиным зашли в дом космонавтов (трехэтажное здание юго-восточнее МИКа), откуда Долгушин вызвал вертолет, чтобы быстрее добраться до КП аэродрома. Ожидая прилета вертолета, мы стали вспоминать о совместной работе и встречах с Василием Сталиным. У меня таких встреч было особенно много в 1948-1952 годах, когда мы вместе с ним готовили и проводили воздушные парады в Тушине. Кроме того, я близко знаком с людьми, которые долгие годы работали с Василием (Долгушин, Луцкий, Коренков, Горбатюк, Руденко и другие), и почти 30 лет жил рядом и часто встречался с Анной Сергеевной Аллилуевой (родная сестра Н.С.Аллилуевой — матери В.И.Сталина — Ред.) и ее детьми. Маршал Руденко был начальником Василия Сталина почти всю войну, он много рассказывал мне о его похождениях. Я знал также, что С.Ф.Долгушин в 1942-1943 годах был на Калининском фронте в составе 32-го Гвардейского истребительного авиаполка, которым командовал В.И.Сталин, а после войны Долгушин был командиром Калининской бомбардировочной дивизии и до 1952 года участвовал в тушинских парадах. Я задал Сергею Федоровичу вопрос о его взаимоотношениях с Василием Сталиным, и он рассказал мне много интересного. Оказывается, для него Василий Сталин, вопреки распространенному мнению, не только бесшабашный гуляка, но и отличный летчик, очень требовательный и заботливый командир. Когда в начале 1943 года 32-й авиаполк получил приказ прикрывать боевой вылет полка штурмовиков и после изучения задачи и маршрута полета выяснилось, что ни штурмовики, ни истребители из-за нехватки горючего не вернутся на свою территорию, Василий Сталин отказался выполнять боевое задание. В ответ на требование маршала А.А.Новикова выполнять приказ он заявил, что не может оставаться на аэродроме и полетит вместе со своим полком. Перед угрозой гибели двух полков и сына И.В.Сталина маршал Новиков отменил боевой вылет.

В беседе незаметно прошло время, в 14 часов Долгушин улетел на вертолете на аэродром. Я переговорил по «ВЧ» с маршалом Руденко, генералами Кутасиным и Гореглядом и сообщил им, что после выхода «Союза» на орбиту немедленно вылечу в Евпаторию.

Около 15 часов ко мне в машину попросился Главный конструктор Ткачев, вместе с ним мы побывали у ракеты, а по 15-минутной готовности уехали на НП № 1 (300 метров от ракеты). Прошли все команды, после команды «Зажигание» появились, как всегда, клубы пламени и дыма, но они были меньше, чем обычно, и ракета оставалась неподвижной на пусковом столе. Через несколько секунд послышалась команда: «Воду на старт!» Стало ясно, что пуск не состоялся, а на старте возник пожар. Прошло несколько минут, и пламя погасло. Ракета стояла на пусковом столе и «парила» чуть

больше обычного. Прозвучала команда: «Из бункера не выходить, к старту не приближаться».

Примерно в 16:40 все машины с НП поехали к старту, в моей машине были Ткачев и Ващенко. Я решил заехать в дом космонавтов и передать на аэродром команду об отмене вылета в Евпаторию. Ткачев, Ващенко и я вошли в дом, а шофер остался с машиной в пяти метрах от подъезда. Не успели мы подняться на второй этаж, как послышался приглушенный взрыв. Ващенко пытался убедить меня, что никакого взрыва не было -просто на первом этаже что-то передвигают, — но я выбежал на улицу и, увидев на высоте 600-700 метров за зданием МИКа большой парашют, понял, что сработала САС — система аварийного спасения. Когда мы поднялись на третий этаж и выглянули в окно, то увидели горящую ракету: горела ее третья ступень, пламя быстро ползло вниз по ракете, и можно было ожидать мощного взрыва первой ступени. Я скомандовал всем отойти от окон в коридор и, уходя последним и закрывая дверь, заметил вспышку на старте. Через 2-3 секунды последовала серия мощных взрывов. Стены нашего дома и потолок «ожили», посыпалась штукатурка, все стекла в окнах вылетели. Подойдя к разбитым окнам, мы увидели догорающий остов ракеты и огромные клубы черного дыма. Все комнаты были засыпаны битым стеклом и штукатуркой, большие осколки стекла, как пули, врезались в противоположные от окон стены. Останься мы в комнатах на несколько секунд дольше, и всех нас срезало бы осколками битого стекла, как косой. Наш дом находился метрах в 700-х от стартовой площадки, но от взрыва пострадали и дома, удаленные на расстояние более километра от старта. На улице перед домом, где мы только что оставили шофера с машиной, тоже было очень много битого стекла, но машины и шофера на месте не оказалось. Шофер ефрейтор Бабин оказался очень смышленым малым: как только прозвучал первый слабый взрыв, он отъехал от зданий на открытое место и укрылся с машиной за складкой местности.

Через 20-30 минут после взрывов мы встретились у МИКа с начальником полигона генералом Курушиным, с Осташевым, Хлебниковым и другими товарищами. Все они были во время взрывов недалеко от старта (на удалении 100-200 метров) и уверяли, что ближе, чем они, к ракете никто не подходил. Правда, Осташев видел, как Кириллов, Керимов и Мишин вышли из бункера и направились в сторону старта. Телефонная связь с бункером и стартом была нарушена, и нас очень беспокоила судьба Мишина, Керимова и Кириллова. Пожар и взрывы были не такими неожиданными и скоротечными, как при трагическом взрыве ракеты Р-16 в октябре 1960 года, но мы не могли убаюкивать себя такими мыслями. Я готов был пойти к старту и искать пропавших товарищей, но генерал Курушин заверил меня, что аварийные и санитарные команды находятся уже в непосредственной близости от старта и что они лучше нас знают свое дело.

Ночь закрыла от нас масштабы бедствия, завтра обстановка будет более определенная, но и сейчас уже ясно, что пилотируемые полеты «Союзов» отброшены этим происшествием еще на несколько месяцев. Особенно длительные задержки будут вызваны разрушением старта. Будет, по-видимому, легче построить новый старт, чем восстанавливать разрушенный, но на это потребуется не меньше года. Вся программа полетов «Союзов» и кораблей Л-1 для облета Луны теперь под угрозой срыва.

Истинная причина аварии пока неизвестна. Мне хочется оставаться сугубо объективным в оценке случившегося. Выводы делать рано, но я уже слышал от многих: «Не везет Мишину…» И невольно вспоминается суворовское: «Раз везет, два везет, но надобно же и уменье». Уменья у Мишина мало. Вместо того, чтобы уйти с головой в технику и сосредоточить все усилия на повышении качества и надежности ракет и космических кораблей, он большую часть своего времени тратил на борьбу с ВВС за усиление роли ОКБ-1 в подготовке космонавтов и на защиту притязаний Минздрава. Надо признать, что несмотря на мое сопротивление, ему удалось, благодаря беспринципности маршалов Захарова и Руденко, в значительной мере осложнить подготовку космонавтов для кораблей «Союз» и Л-1.

15 декабря.

За ночь не поступило никаких новых данных. Человеческих жертв пока не зафиксировано. Керимов, Мишин и Кириллов невредимы и отделались только испугом. Обдумывая происшедшее и обобщая личные наблюдения, хочу вкратце описать свои впечатления о происшествии и первые предположения о его причинах.

После команды «Зажигание» включились и заработали двигатели только второй ступени, двигатели первой ступени не работали, и поэтому ракета не поднялась ни на метр. После отбоя цикла запуска и команды «Воду на старт!» положение на старте в течение 35-40 минут не казалось угрожающим: не было ни дыма, ни пламени, поднимались только клубы водяного пара, перемешанные с парами кислорода. По-видимому, Мишин и Кириллов решили, что опасность пожара и взрыва ракеты уже позади, и дали команду на подъем ферм обслуживания, так как без них ракета могла завалиться от довольно сильных порывов ветра. При сближении ферм с ракетой произошло срабатывание САС, причиной которого могло быть небольшое накренение ракеты. В результате воздействия порохового заряда САС на ракету начался пожар третьей ступени, а затем он распространился на вторую и первую ступени. Создается впечатление, что Мишин и Кириллов поспешили с подъемом ферм, не полностью уяснив обстановку, но поспешность принятия ими такого решения можно объяснить наступающей темнотой и отсутствием уверенности в том, что ракета не упадет при порывах ветра. После тщательного осмотра места происшествия, опроса специалистов, просмотра пленок и изучения других материалов причины аварии должны проясниться…

В 9:00 на второй площадке Мишин собрал совещание специалистов, обсуждали в предварительном порядке причины происшествия. Основными докладчиками были Дорофеев и Июдин.

После предварительного просмотра пленок Дорофеев, Июдин и другие считают, что внезапная остановка двигателей первой ступени через несколько секунд после их запуска объясняется поломкой клапана перепуска кислорода. Создали две аварийные комиссии. Первой из них поручили изучить все имеющиеся материалы, осмотреть остатки ракеты, проанализировать ход запуска и представить официальный доклад о причинах отказа двигателей первой ступени. Второй аварийной комиссии (под председательством Юрасова) поручили разобраться в причинах срабатывания САС и возникновения пожара. В состав этой комиссии я назначил от ВВС подполковника Никитина.

Мы проводим испытания САС во Владимировке (в субботу 10 декабря уже провели первый отстрел), поэтому для нас очень важно знать все достоинства и недостатки этой системы. Я предложил Мишину в окончательное заключение ВВС по испытаниям САС включить и вчерашний аварийный «эксперимент» (спускаемый аппарат корабля «Союз» благополучно приземлился на парашюте в 300 метрах от старта). Мишин согласился с моим предложением.

После совещания Мишин, Курушин, я и другие поехали осматривать старт. Печальная картина предстала перед нами. В радиусе 200-300 метров валялись обломки ракеты (ее остов при взрыве выбросило в северный газоотводящий лоток). На старте в 11 часов утра еще дымились различные части стартового оборудования и остатки

ракеты. Все оборудование старта полностью разрушено. По мнению специалистов на его восстановление потребуется не меньше шести месяцев. Во время взрыва погиб майор Коростылев, несколько человек получили тяжелые ранения.

По рассказам Мишина, Керимова и Кириллова, после команды «Воду на старт!», отключения электропитания и полного отбоя всем системам признаков опасности пожара не было — был разрешен выход людей из бункера и укрытий. Мишин, Кириллов, Дорофеев и другие подошли к ракете, обошли ее кругом, потрогали руками боковушки и, не заметив ничего подозрительного, дали команду на поднятие ферм и вызвали на старт подразделения обслуживания. Во время поднятия ферм к старту подтянулось много людей, которые должны были подняться на них для детального осмотра ракеты и корабля. В момент завершения подъема ферм одна из них задела ракету и несколько накренила ее. Автоматика САС при накренении ракеты более 7 градусов автоматически срабатывает, и происходит отстрел спускаемого аппарата корабля: пороховой двигатель поднимает его на высоту 600 метров, после чего он приземляется на парашюте. Ракета во время запуска двигателей первой и второй ступеней, по-видимому, была несколько смещена от штатного положения, поэтому и произошло столкновение фермы с ракетой. После срабатывания САС загорелась третья ступень ракеты — все бросились разбегаться в разные стороны. Керимов, Мишин и Кириллов укрылись в бункере, многие успели отбежать на 100-200 метров и укрыться за складками местности и постройками. Видели бегущим от ракеты с группой солдат и майора Коростылева, но он решил укрыться за бетонными стенами старта и поплатился жизнью за свою ошибку. Мишина, Керимова, Кириллова, Дорофеева и несколько десятков военных и гражданских специалистов спасло то обстоятельство, что между моментом отстрела спускаемого аппарата и взрывом первой ступени прошло почти две минуты.

После осмотра старта мы поехали в МИК, где Керимов проводил совещание со строителями. Речь шла о трудностях и сроках восстановления стартовых сооружений. Было решено готовить для пусков кораблей «Союз» и Л-1 старт второй площадки.

16 декабря.

Вчера вечером просмотрели кинопленку о пуске и пожаре ракеты. К сожалению, съемка осуществлялась с большого расстояния, к тому же на кинопленке не зафиксированы моменты срабатывания САС и взрыва первой ступени. Ближе к ночи на полигон прилетел министр общего машиностроения Афанасьев Сергей Александрович, он разместился рядом с нами на 17-й площадке (в том же доме, где останавливались Хрущев и генерал де Голль). Афанасьев, Мишин и Керимов после ужина занимались разбором происшествия и подготовкой материалов к заседанию Госкомиссии, которое состоится сегодня в 10:00 в здании МИКа на второй площадке.

На 8:00 по московскому времени я назначил вылет в Москву трех Ан-12 и одного Ил-14 (на Ил-14 я отправлю Клокова, Никитина и Бакуменко). Вылет моего самолета Ан-12 назначил на три часа позже.

…20:00 по московскому времени, я сижу в Куйбышеве на железнодорожном вокзале в комнате военного коменданта. Мы вылетели из Тюра-Тама в 11:15 по московскому времени, но через три часа полета сели в Куйбышеве: Москва с 10 часов прекратила прием самолетов из-за плохой погоды — туман, снегопад, гололед и обледенение. Говорил с КП ВВС, улучшения погоды не обещают до второй половины завтрашнего дня, и велика вероятность, что завтра погоды не будет весь день. Принял решение ехать поездом. Генерал Цедрик прислал за нами машины, по дороге на вокзал я заехал в штаб ВВС округа, просмотрел карту погоды, проконсультировался с метеорологами и убедился в правильности решения ехать поездом. Поезд № 103 отходит из Куйбышева в 21:23 и прибывает в Москву в 15:36 следующего дня. Дорога долгая, но зато наверняка завтра вечером буду дома.

Сегодня с 10 до 12 часов Госкомиссия разбирала причины пожара и взрыва ракеты. Выступали: Мишин, Юрасов, Июдин, Кириллов, Кротов, Максимов, Дорофеев и другие.

Первым свои соображения по происшествию доложил Мишин. Он мужественно признал, что ОКБ-1 при разработке САС допустило грубые просчеты в логике системы. Неожиданно для всех оказалось, что при обесточивании контактов САС, происходящем при отбое пуска, гироскопы САС через некоторое время встают на упоры и автоматически выдают команду на отстрел спускаемого аппарата. До этого считалось, что срабатывание САС возможно только в трех случаях: по команде руководителя пуска, при накренении ракеты свыше 7 градусов и при падении ниже определенного уровня давления в камерах сгорания двигателей ракеты. Мишин, Кротов, Кириллов и другие признались, что до происшествия они не знали о возможности срабатывания САС при обесточивании ее контактов. Кроме того, Мишин считал, что при срабатывании САС пожар исключается, а оказалось, что пожар практически неизбежен, так как при разделении спускаемого аппарата корабля и его приборного отсека срабатывают 32 пороховых заряда и разрываются коммуникации. К стыду своему, я только на заседании комиссии узнал, что 11 декабря при испытаниях САС во Владимировке тоже возник пожар, но он был только в приборном отсеке корабля благодаря тому, что ступени ракеты не были заправлены горючим. Генерал Горегляд и полковник Фролов серьезно виноваты в том, что своевременно не сообщили мне о результатах испытаний САС во Владимировке. На Госкомиссии в адрес ВВС не было высказано никаких замечаний, но тем не менее я чувствую, что специалисты ВВС могли бы предотвратить происшествие. Нас оправдывает только то, что мы настаивали на проведении полного комплекса испытаний до начала пусков кораблей «Союз», а Мишин решил, что пуски без экипажей и наземные испытания можно проводить параллельно.

В конце своего доклада Мишин не выдержал курса на самокритику и высказал мысль, что первопричиной происшествия является отказ двигателей первой ступени. Июдин (представитель ОКБ Глушко) убедительно доказал, что причиной отказа двигателей первой ступени была поломка кислородного клапана блока «Г» и что этот отказ мог привести только к переносу пуска на 2-3 дня. Причиной катастрофы была несовершенная, точнее, дефектная логика САС.

18 декабря. Дача «Заборье».

Сегодня у нас на обеде был гость — Леонид Алексеевич Чижиков. Мы с ним в 1930-1933-х годах были летчиками 40-й авиаэскадрильи имени Ленина, вместе учились в академии и вместе воевали. Когда я на Калининском фронте командовал авиационной дивизией, он был у меня начальником штаба дивизии (1942 год, Андреаполь). После войны, когда мой штурмовой корпус стоял в Румынии (1946 год, Арад), Чижиков командовал Брашевской дивизией. Он уже лет 10 на пенсии, но мы продолжаем поддерживать дружеские отношения.

Сейчас меня больше, чем до взрыва ракеты, мучает мысль: имею ли я право уступить соглашательской тенденции

Захарова, Вершинина и Руденко в деле комплектования экипажей для космических кораблей «Союз» и Л-1. Я лучше других знаю, к чему могут привести уступки в таком принципиальном вопросе, и никогда не прощу себе, если из-за этих уступок произойдут тяжелые происшествия. Пока я не принял твердого решения, какой линии держаться дальше. Завтра буду иметь большой разговор с Вершининым, Руденко и Рытовым, посоветуюсь с Гагариным, Комаровым и другими космонавтами, а потом придется принимать нелегкое решение — или продолжать борьбу против Мишина и военного руководства, или уходить в отставку.

16 декабря на Госкомиссии кроме разбора происшествия рассмотрели и план дальнейших работ. Очередной одиночный полет беспилотного корабля «Союз» назначен на 15 января 1967 года. Для этой цели будут готовиться корабли № 3 и № 5. Пуск планируется осуществить со второй площадки, но старт второй площадки к пуску «Союзов» еще не готов, для его дооборудования требуется большая работа. Перед заседанием Госкомиссии специалисты полигона говорили, что для подготовки старта потребуется 2-3 месяца, однако на Госкомиссии они и их начальник генерал Курушин дали молчаливое согласие подготовить старт за месяц. Носитель придется готовить на второй площадке, а корабль — на 31-й (на второй площадке нет средств заправки двигателей и систем корабля рабочим телом и невозможно проведение ряда испытаний). Реально пуск двух пилотируемых кораблей «Союз» может состояться в марте. На подготовку экипажей прибавляется еще 2-3 месяца, но это существенно не изменит качество подготовки военных и гражданских кандидатов на полет - во всех отношениях военные будут лучше подготовлены к полету и смогут лучше выполнить задание.

19 декабря.

Сегодня все газеты вышли с портретами Брежнева. Леониду Ильичу исполнилось 60 лет, и в связи с этим ему присвоено звание Героя Советского Союза. Я никогда не одобрял самонаграждения Сталина и Хрущева, мне всегда это казалось унизительным для главы государства. За последние годы вошло в практику давать за старость (60, 70 лет и т.д.) звание Героя Социалистического Труда, что в какой-то мере оправдывает и награждение Брежнева. Обидно только, что наши самые высокие руководители не могут поставить себя выше обычных человеческих слабостей. Я всегда восхищался Сталиным. И даже теперь, когда его имя и его дела пытаются затенить, когда мы узнали о нем много нового, — и это новое его не украшает, — я все же считаю Сталина великим и твердо верю, что его имя будет жить в веках. Но для меня Сталин в простом сером гражданском костюме и дороже, и ближе, чем Сталин — генералиссимус.

Более двух часов беседовал с маршалом Руденко (Главком весь день был на сессии Верховного Совета). Выяснилось, что ни Вершинин, ни Руденко не получали доклада (шифровки) об испытаниях САС во Владимировке и ничего не знали о пожаре, который имел место при испытаниях. Более того, полковник Фролов доложил по телефону, что по визуальным наблюдениям испытания прошли хорошо, а на кинопленке был зафиксирован небольшой пожар в приборном отсеке, который через одну минуту сам собой прекратился.

От маршала Руденко я узнал, что Вершинин, Захаров, Смирнов, Афанасьев, Келдыш и Петровский подписали письмо в ЦК КПСС о подготовке космонавтов-испытателей и космонавтов-исследователей. Этот документ сейчас выглядит совершенно иначе, чем 3-4 месяца назад, когда под ним были только подписи Келдыша, Афанасьева и Петровского. Я не видел последнего текста письма, но, со слов Руденко, оно теперь не затрагивает принципиальных позиций ВВС. Однако наши противники настолько сильны, что до официального решения ЦК у меня нет уверенности в незыблемости наших позиций.

Провел разбор испытаний САС во Владимировке. Горегляд, Бабийчук, Фролов и Смирнов уверяли меня в том, что до 14 декабря они фактически ничего не знали о пожаре при испытаниях во Владимировке и по этой причине не могли сообщить мне об этом на полигон.

20 декабря.

Провел совещание с руководящим составом ЦПК. Объяснил причины и обстоятельства происшествия с «Союзом», обратил внимание на недостаточное знание космонавтами и специалистами ЦПК системы аварийного спасения. Приказал Кузнецову и начальнику медслужбы внимательно изучить все возможности медицинского контроля за космонавтами (особенно за «выходящими») на кораблях «Союз» и подготовить предложения по его усовершенствованию.

Гагарин и Николаев просили разрешить отпуск экипажам «Союза», но я отложил решение об отпуске до разговора с Мишиным и Керимовым. Главкома я и сегодня не видел - утром я уехал прямо в ЦПК, а вернувшись на службу, узнал, что он целый день был у министра.

Звонил Тюлин — председатель Государственной комиссии по Л-1, он сообщил, что от ВВС членами Госкомиссии назначены Руденко и я. Тюлин обещал в ближайшие дни собрать первое организационное заседание Госкомиссии.

В американской прессе появились сообщения о запуске в СССР 28 ноября «Космоса-133» и о взрыве его в воздухе. Американские специалисты делают правильные предположения, что «Космос-133» это не обычный спутник серии «Космос», а новый пилотируемый корабль, выведенный на орбиту с целью его испытаний без экипажа на борту. Кроме того, они пишут еще о двух взрывах космических кораблей, которые якобы имели место в СССР в сентябре и октябре этого года. Американцы чувствуют, что мы начали подготовку к очередной серии пилотируемых полетов, но они далеко не все знают о наших действительно больших трудностях и неприятностях на этом пути.

22 декабря.

Более года я добиваюсь сформирования авиационного полка специально для летной и парашютной подготовки космонавтов, и уже несколько раз Генштаб отказывал нам в решении этого важного вопроса. На последнее ходатайство Вершинина маршал Захаров наложил резолюцию: «Против формирования полка не возражаю, но только за счет численности ВВС». Дело сдвинулось с мертвой точки пока лишь формально, поскольку в ВВС нет свободной численности. Пришлось долго уговаривать Вершинина и Брайко согласиться на расформирование одной эскадрильи и нескольких других подразделений ВВС, чтобы высвободить необходимую численность. 16 декабря генерал Брайко доложил в Генштаб предложения ВВС о формировании полка с указанием конкретных подразделений, за счет численности которых можно его осуществить.

Дело усовершенствования службы поиска затянулось. Сегодня я с Кутасиным, Гореглядом и Фроловым более часа

занимался этим вопросом. До 25 декабря представим в правительство наши предложения по организации поиска лунных кораблей Л-1 и Л-3.

Маршал Руденко, уходя сегодня в отпуск, передал мне к исполнению кучу труднейших дел, которые «пролежали» у него несколько месяцев, но так и не были решены. Это, в первую очередь, реорганизация службы поиска спускаемых космических аппаратов, строительство ТБК-60, формирование экипажей для «Союзов», организация службы Солнца и многие другие.

Встречался с Главкомом. Вершинин объясняет все наши космические неудачи двумя причинами: 1) плохо налаженной в промышленности системой испытаний; 2) личными недостатками Мишина. В основном, Главком прав: хотя причины последних неудач и были заложены еще при Королеве, но особенно ощутимо они проявились из-за спешки и слабого контроля со стороны Мишина за всем комплексом работ.

Главком рассказал мне, что на днях он читал журнал «Стихия и жизнь», в апрельском номере которого опубликована статья о наших полетах в Арктике в 1934 году, и попутно выразил свое недовольство министром обороны по поводу его неоднократных отказов в присвоении мне звания генерал-полковника. Вершинин сказал: «Один из первых героев, командовал корпусом на войне, командовал воздушной армией, сейчас руководишь таким важным делом, с каким нельзя сравнить ни одну армию, а вот штатная категория у тебя из-за каприза Малиновского только генерал-лейтенант». Я просил Вершинина не расстраиваться из-за бюрократического крючкотворства министра. «Работа мне нравится — пока есть силы, я буду ее продолжать, и задержка с присвоением очередного воинского звания никак не отразится на качестве моей работы», — заявил я Главкому.

23 декабря.

Вчера в ОКБ-1 провели заседание Госкомиссии по 7К-ОК. Заслушали доклады Чертока, Бушуева и Фролова о самопроизвольном срабатывании САС 14 декабря. Комиссия, в основном, подтвердила вину разработчиков САС (ОКБ-1). Приняли решение комиссии о проведении ряда доработок САС.

24 декабря.

Провели первое заседание Госкомиссии по Л-1 под председательством Тюлина. Доклады о готовности корабля Л-1, носителя УР-500К и старта сделали Мишин, Челомей и Бармин.

Это заседание хорошо уже тем, что впервые в официальной обстановке встретились руководители всех ведущих организаций, которым предстоит многое сделать, чтобы выполнить облет Луны космонавтами до ноября 1967 года — к 50-летию Октябрьской революции. Решено первый облет Луны кораблем Л-1 с космонавтами на борту запланировать на 26 июня 1967 года, а до этой даты выполнить четыре полета кораблей Л-1 без экипажа.

Для вывода лунных кораблей на орбиту будет использована ракета УР-500К, способная поднять 19 тонн. Ракета УР-500К — это модификация ракеты УР-500, уже четыре раза выводившей в космос спутники «Протон» весом более 12 тонн: к двухступенчатой УР-500 добавляется третья ступень — получается УР-500К. По расчетам она может обеспечить прямой полет вокруг Луны и обратно на Землю, но так как УР-500К еще не летала, то в целях повышения надежности полетов Мишин предлагает осуществить подсадочный вариант: ракета УР-500К выводит на околоземную орбиту корабль Л-1 без экипажа, а носитель «Союз» выводит на ту же орбиту корабль 7К-ОК («Союз») с экипажем, корабли производят стыковку, и космонавты через открытый космос переходят из корабля 7К-ОК в корабль Л-1, после чего корабли расстыковываются, 7К-ОК идет на посадку на Землю, а Л-1 разгоняется и уходит в облет Луны. После того, как будут выполнены 4-6 пусков УР-500К, можно будет осуществить и прямой полет к Луне корабля Л-1 с экипажем. Пока же надо, по-видимому, готовиться к обоим вариантам облета. Вариант со стыковкой более сложный и более дорогой. Мне больше по душе прямой полет, но пока не будет уверенности в надежности ракеты УР-500К, мы вынуждены готовиться к акробатическим номерам со стыковкой и переходом космонавтов из корабля в корабль.

26 декабря.

Сегодня в ЦПК провели торжественное собрание и ужин в честь 50-летия генерала Кузнецова Николая Федоровича. Было много адресов, подарков и хороших пожеланий. В 50 лет Кузнецов продолжает летать на современных истребителях, поддерживая уровень летчика 1-го класса. Во время войны Кузнецов сбил 36 немецких самолетов и дважды был тяжело ранен. Он успешно командовал Черниговским высшим летным училищем и вот уже три года работает начальником ЦПК ВВС.

28 декабря.

С большой группой генералов и офицеров ВВС (17 человек) был в ОКБ-52 у В.Н.Челомея. Владимир Николаевич был очень любезен и в течение пяти часов лично знакомил нас с ходом работ ОКБ-52 по космической тематике. Мы прослушали отличную лекцию, просмотрели кинофильмы, ознакомились с музеем, побывали в цехах.

Впервые я побывал в ОКБ Челомея вместе с маршалом Вершининым в 1961 году. За прошедшие с тех пор годы мы много раз встречались с Челомеем, но это были встречи на заседаниях, совещаниях и приемах — деловых встреч за эти пять лет не было. Все это пятилетие я взаимодействовал с Королевым и его сотрудниками, а последний год — с Мишиным. Приятно было отметить, что за это время конструкторская и производственная база ОКБ-52 заметно окрепла и расширилась. На всем, что мы видели (ракеты и космические корабли), заметно влияние культуры авиационного производства: продуманность планов и проектов, высокое качество изделий, ювелирная отделка деталей — все существенно лучше, чем в ОКБ-1.

У Челомея, кроме боевых ракет для морского флота, хорошо работает стратегическая ракета «сотка» (УР-100 — Ред.), неплохо показала себя УР-200 (девять пусков), хорошо зарекомендовала себя ракета УР-500 (четыре пуска с «Протонами»), проходит испытания ракета УР-500К, которой предстоит выводить на орбиту корабли Л-1 весом 19 тонн. На базе УР-500 и «сотки» Челомей разработал проект ракеты УР-700, который одобрен экспертной комиссией МОМ, но пока нет решения о ее постройке. На строительство детища Королева — ракеты Н-1 - страна уже израсходовала сотни миллионов рублей, и сейчас строить УР-700 параллельно с Н-1 наши руководители не решаются. Американская ракета «Сатурн-5» будет выводить на орбиту высотой 200 километров 130 тонн, наша ракета Н-1 — 95 тонн, а ракета УР-700 способна поднять 145 тонн. Почти по всем показателям УР-700 лучше «Сатурна-5» и значительно лучше ракеты Н-1. Ракета Н-1 была задумана 5-6 лет назад и вполне естественно, что ее расчетные и

конструкторские данные хуже, чем у УР-700, но прекратить разработку Н-1 уже невозможно — ее надо обязательно довести до конца. Вполне возможно, что именно ракете Н-1 выпадет честь доставить первых людей на Луну, но сейчас уже ясно, что дальнейшая модернизация Н-1 невозможна, - нужно создавать новую, более мощную ракету. Такой ракетой может стать УР-700, и работы по ней надо бы начинать немедленно, однако Смирнову и Устинову трудно решиться на постройку УР-700, так как именно они поддержали Королева с его Н-1 и отодвинули в тень проект Челомея. Сложилась очень трудная ситуация, из которой Челомей ищет выход, добиваясь поддержки военных и сильных мира сего, но пока он не получил ощутимой помощи. Первые опыты Челомея в создании пилотируемого ракетоплана не пошли дальше бумаги, он добился некоторого успеха лишь со спутниками-автоматами.

Сейчас главной задачей для себя Челомей считает создание орбитальной станции «Алмаз». Я побывал в «Алмазе», внимательно ознакомился со всеми его отсеками и пришел к выводу: это хороший многоцелевой корабль. Предполагается, что «Алмаз» будет находиться на орбите не менее года. Через каждые два месяца к «Алмазу» будет подходить транспортный корабль для смены экипажа из трех человек. «Алмаз» задуман и осуществлен в металле неплохо, но у нас пока нет уверенности, что в 1967-1968 годах мы сможем держать экипажи на орбите по два месяца. Более вероятно, что смена экипажей будет производиться чаще. В дальнейшем, после осуществления специальных мероприятий и установки на «Алмазе» дополнительного оборудования, смена экипажей станет возможной через 2-3 месяца.

Принятым три года назад решением ЦК и Совмина Челомей обязан был готовить корабль для облета Луны, а Королев — корабль для экспедиции с высадкой на Луне. Это решение не было выполнено, Королев добился того, чтобы строительство лунных кораблей и для облета, и для экспедиции было поручено ему. После ухода Хрущева Королев легко добился победы над Челомеем, но эта «легкая победа» отняла у нас почти два года: Челомей не строил лунные корабли, а ОКБ-1 начало строить их только в 1966 году. Хотя задача создания лунных кораблей и была снята с Челомея, но он и коллектив ОКБ-52 успели многое сделать в данном направлении и по инерции, на свой страх и риск, продолжают работу над этой темой. Я имел удовольствие ознакомиться с лунным кораблем Челомея и посидеть в кресле космонавта. Корабль ОКБ-52 значительно проще, надежнее и более полно отработан, по сравнению с тем, что имеется на сегодня по кораблю Л-3 в ОКБ-1. К сожалению, корабль Челомея рассчитан только на прямой полет, он весит 45 тонн, и его можно вывести на орбиту только ракетой типа УР-700 или Н-1.

Общее впечатление от работ ОКБ-52, от работающих в нем людей, от порядка в цехах и качества производства хорошее. Производственная база ОКБ-52 больше напоминает современный авиационный завод, а в ОКБ-1 осталось еще немало уголков, сохранившихся от времен, когда на его территории располагался артиллерийский завод. Мы договорились с Челомеем укреплять взаимодействие и условились, что в первых числах января я привезу в ОКБ-52 Вершинина и Руденко. Сегодня я уже послал в ОКБ-52 полковника Аристова с кинофильмами о полетах «Джемини-6, 7, 11» и о программе «Аполлон».

31 декабря.

Вчера провели второе заседание Госкомиссии по Л-1. Мишин, Челомей и Бармин доложили, что по состоянию готовности лунного корабля, ракеты УР-500К и старта первый беспилотный пуск Л-1 может состояться в конце января. Выезд членов Госкомиссии на старт назначили на 10-12 января. На заседании были заслушаны доклады о мероприятиях, необходимых для обеспечения полетов лунных кораблей.

1. Доклад генерала Спицы и Главного конструктора Рязанского о ходе дооборудования измерительных пунктов. На развитие командно-измерительного комплекса требуется более 100 миллионов рублей, в том числе 50 миллионов — на оснащение морских судов. Для управления полетами лунных кораблей оборудуются в первую очередь измерительные пункты в Евпатории и Уссурийске.

2. Доклад полковника Сибирякова и капитана 1-го ранга Дмитриева о службе поиска. ЦНИИ-30 (Иоффе) совместно с десятком военных и гражданских организаций провел большую исследовательскую работу по обоснованию необходимых для службы поиска морских, авиационных, радиосвязных и других средств.

До последнего времени служба поиска ВВС занималась поиском приземлившихся космических аппаратов только на территории СССР. Предстоящие полеты лунных кораблей поставили перед службой поиска новые задачи. Лунные корабли должны производить посадку на сушу на территории СССР, но существует большая вероятность их приводнения в водах Индийского океана или приземления на территории Ирана, Пакистана, Индии и других стран. Наша служба поиска совершенно не приспособлена для поисковых работ в океане. Сейчас надо создавать по существу новую службу поиска. 21 декабря маршал Захаров своей директивой возложил на ВВС роль головной организации по поиску на суше, а на ВМФ — ответственность за поиск в морях и океанах. Для обеспечения поиска в океане и на суше за пределами СССР требуется 12-15 тысяч человек, необходимо также специально оборудовать десятки морских кораблей, самолетов, вертолетов. Кроме того, нужно создать новые средства управления и выполнить большой объем работ по реконструкции наземных радиостанций и пеленгаторов. В ВВС организацией поиска руководит Главный штаб, но генералы Брайко и Кутасин ничего не делают для ускорения развития службы поиска. Бездеятельность Главного штаба ВВС и Генерального штаба привела к тому, что мы начинаем полеты к Луне в обстановке, когда поиск возвращающихся кораблей совершенно не обеспечен. Можно успешно долететь до Луны, благополучно возвратиться к Земле и… погибнуть после приземления или приводнения из-за плохой организации поиска. Для службы поиска требуется большая штатная численность, сотни миллионов рублей и добросовестная, энергичная работа Брайко и Кутасина — ничего этого пока нет. Я уже несколько раз докладывал Вершинину и Руденко о плохой работе Кутасина, но все мои попытки улучшить организацию службы поиска не достигли цели. Вчера Госкомиссия решила: создать под председательством маршала Руденко подкомиссию (члены — Касатонов, Лобов, Казаков, Булычев и другие) и поручить ей решить все конкретные вопросы организации службы поиска ВВС и ВМФ.

3. По моему докладу «О некоторых принципах подготовки экипажей для лунных кораблей» Госкомиссия приняла следующее решение:

1) В январе 1967 года начать подготовку экипажей для кораблей Л-1 по пятимесячной программе.

2) В состав экипажей для Л-1 включить командиров кораблей, имеющих опыт космических полетов (необязательно на корабле 7К-ОК), и членов экипажа, для которых опыт космического полета необязателен.

3) Создать группу космонавтов для полетов на кораблях Л-1, независимую от группы, готовящейся для полетов на кораблях 7К-ОК; подготовку обеих групп проводить параллельно и экипажи, выполнившие полет на 7К-ОК, переключать

на подготовку к полетам на кораблях Л-1.

4) Поручить ВВС (Каманину), ОКБ-1 (Мишину) и Минздраву (Гуровскому) в пятидневный срок сформировать группу кандидатов в состав экипажей кораблей Л-1.